Институт русской и советской культуры имени Ю.М. Лотмана
Рурского университета в Бохуме

Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI)

Фонд Фридриха Науманна

Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы
имени М.И. Рудомино

АИРО
XXI

Verführungen der Gewalt

Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg

Herausgegeben von
Karl Eimermacher und Astrid Volpert

unter Mitarbeit von
Gennadij Bordjugow

Wilhelm Fink Verlag

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ В XX ВЕКЕ

Том 1

Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах

Под редакцией
Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт

Научно-вспомогательная работа:
Валерия Шеина

Москва
АИРО-XXI
2010

Исследовательский проект Института русской и советской культуры имени Ю. М. Лотмана Рурского университета в Бохуме (Lotman-Institut für russische und sowjetische Kultur der Ruhr-Universität Bochum) и публикация его результатов осуществлены благодаря содействию: с немецкой стороны – Министерства науки и исследований Северной Рейн-Вестфалии (Ministerium für Wissenschaft und Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen), Фондов Рейснера и Даймлера в составе Союза учредителей фондов для развития науки в Германии (Reissner- und Daimler-Stiftung im Stifterverband für die Deutsche Wissenschaft), Фонда Фрица Тиссена (Fritz Thyssen Stiftung), Фонда Фридриха Науманна (Friedrich-Naumann-Stiftung), а также совместной комиссии по изучению новейшей истории немецко-российских отношений при федеральном Министерстве внутренних дел Германии (Gemeinsame Kommission für die Erforschung der jüngeren Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen im Bundesministerium des Innern); с российской стороны – Научно-исследовательского центра Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино, Департамента по работе с территориальными палатами Торгово-промышленной палаты России (ТПП РФ), а также торгово-промышленных палат Белгородской, Костромской и Курской областей.

Редакция выражает искреннюю признательность за сотрудничество и неоценимую помощь: всем российским, немецким авторам и переводчикам, а также персонально: доктору *Монике Краммэ,* Министерство науки Северной Рейн-Вестфалии, доктору *Эберхарду Курту,* Министерство внутренних дел Германии, *Юргену Регге* и доктору *Франку Зудеру,* Фонд имени Фрица Тиссена (Кёльн), доктору *Хайнц-Руди Шпигелю,* Фонд для немецкой науки (Эссен), доктору *Фальку Бомсдорфу* и доктору *Саше Тамму,* Фонд Фридриха Науманна, профессору *Екатерине Гениевой,* ВГБИЛ имени М. И. Рудомино, доктору *Александру Рыбакову,* департамент ТПП РФ, г-ну *Валерию Скругу,* Белгородская ТПП, г-ну *Валентину Орлову,* Костромская ТПП, г-ну *Николаю Тяпочкину,* Курская ТПП.

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина.*
Корректура: *Елена Зарайская.*

Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1024 с. – ISBN 978-5-91022-114-1.

© Wilhelm Fink Verlag, 2005
© Авторы, 2010
© АИРО-XXI, оформление, 2010

ISBN 978-5-91022-114-1

СОДЕРЖАНИЕ

Геннадий Бордюгов
Длинный XX век. К читателям 9

Карл Аймермахер
О прошлом и настоящем немецко-русских отношений 12

Дагмар Херрман, Астрид Фольперт
Между мечтой и болью: контрасты истории. От немецкой редакции 20

1. ВОЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ОПЫТ ВОЙНЫ

Николай Плотников, Модест Колеров
«Победить в себе внутреннего немца». Русская национально-либеральная философия войны (1914–1917) 26

Евгений Сергеев
«Дипломаты в погонах» и их представления о немецко-русских связях накануне Первой мировой войны 59

Владимир Федюк
Борьба с «немецким засильем» 78

Борис Колоницкий
Метаморфозы германофобии: образ Германии в политических конфликтах Февральской революции 1917 года 97

Лотар Майер
«Наш друг и союзник завтрашнего дня». Маттиас Эрцбергер и соглашение о мире с революционной Россией 115

Дмитрий Олейников
От рыцарства до презрения. Влияние Первой мировой войны на отношение к немцам 144

Герд Р. Юбершер
Образ России в национально-консервативных кругах германского Сопротивления 164

2. КОНЦЕПЦИИ ПРОПАГАНДЫ

Петер Ян
«Нечисть царей, нечисть варваров». Русская оккупация Восточной Пруссии 1914 г. в восприятии немецкой общественности 176

Лариса Коровина
«Боеприпасы без патрон». Антигерманские настроения и пропаганда в русской армии во время Первой мировой войны 192

Татьяна Филиппова
От анекдота к кошмару: гротескный образ немца в военных изданиях, по материалам журналов «Новый Сатирикон» и «Крокодил» 211
Клаус Вашик
Метаморфозы зла: образы врага в плакатной пропаганде в России и Германии в 1930–1950 х годах 238
Иохен Янссен
«Большевизм» как образ врага в учебной литературе для рейхсвера и вермахта 1933–1945 гг. Развитие и противоречия 276
Юрий Басистов
Война без насилия. Тактика психологической борьбы на фронтах Второй мировой войны 309
Татьяна Горяева
«Если завтра война…». Образ противника в советской пропаганде 1941–1945 343
Карола Тишлер
«Голос призрака» и другие голоса. Радио как оружие в Великой Отечественной войне 373
Татьяна Горяева
Информация, вера, надежда. Советское радио в годы войны 399

3. НАУКА И ИСКУССТВО

Владимир Есаков
Петербургская Академия наук и трансформация русско-немецких научных связей, 1914–1917 гг. 415
Василий Молодяков
Тайный германофил? Валерий Брюсов и литературная среда России в годы Первой мировой войны 429
Томас Ф. Шнайдер
Крошечные чёрные точки. К вопросу об изображении «русского» в немецкой прозе о Первой мировой войне (1914–1933 гг.) 448
Ольга Либова
Классика, сказки и развлекательные книги. Немецкая художественная литература в фондах библиотек России и в восприятии русских читателей 467
Владимир Есаков
Ботаник Николай Вавилов и судьба его коллекций по генетике в годы Второй мировой войны 488
Елена Левина
Генетик Николай Тимофеев-Ресовский в Институте мозга им. кайзера Вильгельма в Берлине 512
Владимир Невежин
Образ врага в представлении «комбатанта»: писатель Всеволод Вишневский в эпоху двух мировых войн 546

Борис Соколов
От мифов войны к мифам литературы. Российские и советские военные подвиги в Первой и Второй мировых войнах 569
Нея Зоркая
Кинокамера на полях битвы. Жестокая правда войны 605

4. ВОЕННЫЙ БЫТ

Ирина Кознова
История глазами обывателя. Мировые войны: переломные этапы и временны́е рубежи в памяти российского крестьянства 635
Татьяна Чумаченко
Пожертвования и молитвы за победу. Русская православная церковь в годы войны СССР с гитлеровской Германией 675
Сергей Константинов
Замыслы и реальность. Школьная политика Третьего рейха в оккупированных областях 703
Дмитрий Люкшин
Немецкие военнопленные в крестьянской России: особенности межкультурного опыта 723
Нина Вашкау
Трудовая армия и спецпоселение. Судьба российских немцев в 1941–1945 гг. 741
Карлхайнц Шнайдер-Янессен
Борьба за выживание. Как немецкие и русские врачи пережили Вторую мировую войну 762
Соня Рихтер
Война как опыт, приобретенный на чужбине. Образ России в письмах с фронта солдата Фридриха Грелле (1914–1915) 791
Эльке Шерстяной
«Вот она, проклятая Германия». Письма красноармейцев весны 1945 г. 813
Йохен Шуберт
«Страна без заборов»: Россия глазами Генриха Бёлля (1936–1948 гг.) 834

5. ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Людмила Гатагова
«Хроника бесчинств». Немецкие погромы в Москве в 1915 г. 851
Виктор Кригер
Политические процессы над немцами СССР в годы германо-советской войны 873

Борис Соколов
«Большевизм вытравил из нас всякий патриотизм». Германия и «немцы» глазами русских коллаборационистов, 1941–1945 гг. 912
Геннадий Бордюгов
Вермахт и Красная Армия: к вопросу о природе преступлений против гражданского населения 951

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 992

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 1005

ИЛЛЮСТРАЦИИ 1013

На обложке использована гравюра на дереве русского графика Владимира Зуева «Двое» (2002). См. о ней первый абзац статьи Д. Герман и А. Фольперт (с. 20).

© Владимир Зуев, Нижний Тагил

Геннадий Бордюгов

ДЛИННЫЙ XX ВЕК.
К читателям

Русское издание трёхтомника «Россия и Германия в XX веке» завершает десятилетний проект российских и немецких ученых. Подобных трудов нет пока в Европе и в СНГ. Некоторые бывшие «братские республики» стремятся дистанцироваться от РФ и забыть общую историю как можно скорее. Бывшие союзники по Варшавскому Договору отгородились стенами военных союзов. Однако при обозрении множества масштабных европейских проектов создается впечатление, что именно Германия, как никакая другая страна, хочет присутствия России на своей научной и культурной сцене. Россия, наоборот, нуждается в немецком внимании.

Чем объяснить такой интерес? В трехтомнике читатель найдет множество аргументов этому – старые раны, взаимная страсть побежденной страны и державы-победительницы, невозможность решения существенных проблем Европы без их участия. И всё-таки прошедшее десятилетие запомнится главным – историческим примирением наших народов. Для этого надо было преодолеть страдания памяти, отчуждение и недоверие, заново посмотреть друг на друга, чтобы стать партнерами и друзьями. 20-летие воссоединения Германии и 65-летие окончания Второй мировой войны позволяют осознать это особенно глубоко.

Решение «берлинского вопроса», падение Стены стали не только сигналом к революциям в Восточной Европе, названных «бархатными», но и окончанию «холодной войны». Воссоединение двух германских государств не изменило отношение к опровергнутой после катастрофы национал-социалистской диктатуры идеологеме об «особом немецком пути». Опасения политиков по поводу оживления старой идеи «сильного национального государства» не оправдались. У молодого поколения, по мнению ряда немецких историков, страх соприкосновения с историей национал-социализма уступил место потребности в информации, что привело к интенсивной ликвидации существовавших до сих пор табу. Новое историческое сознание опирается прежде всего на осмысление истории Третьего рейха, в то время как старая национально-государственная традиция слабеет. Например, потерпели провал попытки оживить прежнее национальное сознание и сконструировать светлую национальную историю по ту сторону национал-социализма. Напротив, в значительной степени возобладала позиция «конституционного патриотизма».

В России в очередной юбилей Победы в страшной войне и приближающееся двадцатилетие распада СССР становится особенно очевидно, как сложно изменяется научный ландшафт исторического знания о XX веке. Сенсационные открытия, громкие разоблачения, обнаружение новых героев уходят, за редким исключением, в прошлое. Далеко позади поиски своего идеологического «окна» и споры о том, каким политическим и интеллектуальным абсолютизмам следовать. В повестке дня – осмысление уже открытого, углубление и уточнение знания о прошлом, поиск новых способов его презентации. Однако для тех читателей, кто внимательно следит, как формируется образ прошлого у новых поколений, не секрет, что в массовой учебной литературе можно встретить апологию изоляционизма СССР, оправдание

насильственной коллективизации деревни ради индустриализации, обоснование ускоренной модернизации как высшей цели, достигаемой любой ценой. ГУЛАГ трактуется как побочный продукт эффективной сталинской политики, террор объясняется как стремление «не потерять контроля над страной».

Английский историк Эрик Хобсбаум назвал XX век «коротким веком», с 1914 – начала Первой мировой войны, и до 1991 – падения советского строя. Однако если мы посмотрим на современную Россию, на состояние общественной дискуссии о советском периоде её истории, то создается впечатление, что для нас XXI столетие еще не наступило, что мы застряли в очередном «длинном» – на этот раз XX-м – веке.

К примеру, постановка вопроса «как нам преодолеть Сталина и сталинизм?» заставляет одних страшиться возможности повторения в том или ином виде тоталитаризма более чем полувековой давности, а других – опасаться утраты четкого и понятного символа, позаимствованного из той же эпохи. Однако нет уверенности в том, что обществу не будет навязано какое-то иное ценностно-смысловое размежевание – может быть, даже сводящееся к глубинным архетипическим основаниям идентичности – например, заточенное на этничность, или на проблему сопряжения политкорректности с правом свободы совести. Стремление определенных кругов героизировать генерала Власова и власовское движение (наряду с попытками полной реабилитации монархии и Белого движения) не могут не настораживать. За этим хорошо просматриваются идеи русской консервативной революции. А навязываемая полемика о тенях «давно минувших дней» (введение, к примеру, новых праздников: 1612 – выдворение поляков, 1812 – изгнание французов), заполнение ими пространства переживаемого ныне момента насильственно удерживает людей в прошлом и не пускает в настоящее и тем более – в будущее. Отсюда создание комиссии по «правильной истории» и попытки защиты «единственно верной» трактовки прошлого России специальными указами. Но профессиональная история не может принимать оценки от политиков. Какой бы ни был режим власти в России, он, как показали последние двадцать лет, неизбежно обнаруживает тенденцию к созданию своей собственной исторической мифологии.

В этом контексте, несмотря на разность политической конъюнктуры и научных тенденций, результаты нашего проекта весьма актуальны, тем более, что они достигались не по чьему-либо заказу, и по ходу работы это становилось все более очевидно. Внимание авторов сосредотачивалось, прежде всего, на методологических вопросах, в частности, можно ли совместить российский и немецкий взгляды на две мировые войны типологически. Возможно, не всё в этом отношении удалось сделать, но авторы стремились к этому, понимая, что проделанная работа подлежит критике, что одно дело идеальные устремления, а другое – реальность, в которой присутствуют свои традиции, научные школы и опыт. Привлекая к работе ученых разных поколений и разных областей гуманитарного знания, редакторы исходили из того, что научное сообщество не дифференцируется по национальным признакам или искусственно возводимым дисциплинарным перегородкам – любое историческое явление способно раскрыться благодаря разным ракурсам его рассмотрения и анализа. Поэтому так важны были совместные дискуссии и двустороннее рассмотрение текстов. Обнаружилось, что российские авторы в большей степени опираются на архивные источники, но знание рассекреченных документов не давало преимущества перед немецкими авторами, оперирующими знанием разных концепций и точек зрения. В этом отношении немецкая редакция восполняла известную оторванность рус-

ских коллег от западной историографии, что видно по библиографическим дополнениям к целому ряду статей.

В нижеследующем Введении руководителя проекта профессора Карла Аймермахера читатели смогут найти развернутую концепцию проекта, реализованную в настоящих томах. Безусловно, их чтение – занятие не только увлекательное, но и трудное. У кого-то может возникнуть чувство неоднородности текста, кто-то может обнаружить тематические лакуны. Но редакция немецкого и русского изданий не стремилась к созданию монолитности, напротив, в ходе работы над проектом обсуждалась и создавалась непростая структура, стягиваемая пересечением и наложением различных проблем и подходов, взаимно проникающих друг в друга, но не подлежащих смешению. Трудно предположить, какие сюжеты будут превалировать у того или иного читателя, а какие могут оказаться на периферии внимания. И то, что для одних будет второстепенным, для других станет играть решающую роль в постижении смысла российско-германских отношений в XX веке.

Общественность обеих стран постоянно информировалась о ходе работы над проектом. Этому способствовали шесть рабочих семинаров в Москве и Санкт-Петербурге, Бохуме и Кёльне (1999–2003), Российско-немецкий общественный форум «Преодоление прошлого и новые ориентиры его преодоления. Опыт России и Германии на рубеже веков» в Москве (2001), 4-е и 5-е Международные Копелевские чтения в Липецке (2002 и 2007), Международная научная конференция «Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет» в Волгограде (2003) и др. Материалы проекта публиковались на страницах «Независимой газеты» и её специальном приложении «Хранить вечно» (май–июнь 2001), в журнале «Свободная мысль» (2005, № 10) и др. Российский исторический журнал «Родина» посвятил нашему проекту специальный номер (2002, № 10). Редакция этого популярного журнала объяснила свой интерес к работе международной группы авторов тем, что проблема «Россия и Германия во взаимном восприятии их народов» видится как возможный ключ к разгадке феномена XX века. Пониманию причин притяжения и отторжения двух стран, возможно, больше способствует

> история простых людей, а не государственных деятелей,
> культурных контактов, а не политических демаршей,
> посланий с фронта, а не планы танковых операций,
> строение мыслей и чувств, а не боевой техники.

Крайне важно, чтобы ценный творческий опыт, накопленный благодаря взаимопониманию авторов и усилиям переводчиков, нашел своё развитие в дальнейшем. Все организации и фонды, коллеги и друзья, которые эффективно помогали нам в течение десяти лет, с благодарностью названы на титульной странице трехтомника. Но здесь я хотел бы отметить особую роль профессора Карла Аймермахера, который был не только вдохновителем проекта, но и его мудрым, терпеливым лидером. Слова признательности – Астрид Фольперт, а в её лице и представителям немецкой редакции, взявших на себя значительную часть рутинной работы с текстами и их переводом, библиографией, указателями и иллюстрациями. Наконец, хотелось бы назвать участников АИРОвской команды, чьи усилия позволили успешно завершить русское издание трехтомника – это Иван Черемушкинский и Валерия Шеина, Андрей Макаров и Сергей Щербина, Елена Зарайская и Ирина Давидян.

Карл Аймермахер

О ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ
немецко-русских отношений

Лев Копелев исходил из того, что именно предрассудки, стереотипы, *иллюзорные и искаженные образы*, возникающие все вновь и вновь, определяли не только эмоциональные отношения немцев и русских, но и – прежде всего, в кризисные периоды XX века – политические отношения Германии и России (Советского Союза и Германии). Конструктивное сотрудничество, являвшееся ключевым во взаимоотношениях русских и немцев на протяжении более двух столетий, начиная с XVIII века, дало опору Копелеву с его «Вуппертальским проектом» в стремлении изучить германские и русские образы врага, чтобы внести определенный вклад в современное исследование. Его интересовало, как историческая наука может стать основанием не только для обновления, но и для ухода от стереотипного мышления в меняющихся взаимоотношениях немцев и русских. Служба офицером пропаганды во Второй мировой войне научила его тому, что стереотипы служат обесцениванию и маргинализации противника и могут сопровождаться чаще всего идеализацией, героизацией и глорификацией, или же физическим уничтожением. В его опыте это было одним из самых болезненных испытаний, которое противоречило его гуманистической жизненной позиции.

Используя свои собственные впечатления от войны, Копелев стал искать принципы, которые в ходе истории оказывали положительное или отрицательное влияние на формирование образов врага у русских и немцев. Результаты этих исследований в рамках историографического проекта показали, что немцы и русские на протяжении длительного периода до Первой мировой войны жили довольно мирно и только дополняли самобытность культуры друг друга, многого добиваясь общими усилиями. Напряженное сосуществование русских, немцев, а также преставителей других национальностей имело большое значение в развитии в России дифференцированной и – во взаимодействии с другими нациями – разнообразной и гибкой европейской культуры.

Этот вывод, к которому удалось прийти только после двух мировых войн и последовавшей холодной войны, продлившейся почти половину столетия, оказался тем историческим потенциалом, в котором Копелев видел фундамент для переустройства немецко-российских культурных отношений, и, в итоге – для достижения лучшего взаимопонимания и прочного мира между нашими народами.

Начиная свои исследования немецко-русских образов врага, Копелев хотел ограничиться только периодом до Первой мировой войны. Еще в начале восьмидесятых годов он считал, что ввиду избытка трудно проверяемой информации, касающейся политических, экономических и культурных событий двадцатого века, время для полной и непредвзятой оценки российско-германских отношений еще не настало. Сюда добавился тот факт, что взаимопонимание двух народов – отличающееся от

имевшего место до Первой мировой войны – в течение дальнейшего хода столетия приобрело намного более комплексный характер и потому требовало особенно тщательного анализа.

К концу восьмидесятых годов, вследствие перестройки и гласности в Советском Союзе, эта ситуация изменилась к лучшему. После открытия исторических архивов российские – прежде всего, молодые – историки стали более заинтересованы в объективном анализе и обновлении советской истории, до этого в высокой степени подвергавшейся идеологической манипуляции. Такое положение дел являлось выгодной предпосылкой для осмысленной совместной работы, в том числе с немецкими историками, которые еще с пятидесятых годов создавали основополагающие научные исследования тоталитаризма. В 1996–97 годах это дало Копелеву толчок к расширению тематики своего «Вуппертальского проекта» и включению в него двадцатого века. Результаты исследований Копелева и его коллег заставили министерство науки и исследований Северной Рейн-Вестфалии поддержать его инициативу и продлить содействие проекту до конца 2003 года.

К сожалению, летом 1997 года Лев Копелев скончался, не успев разработать детальную концепцию исследования российско-германских отношений в XX веке.

Так как немецко-русские отношения до и после Первой мировой войны сильно различались, необходимо было принять во внимание новые точки зрения, связанные с проблематикой образа врага. В двадцатом веке связи между Германией и Россией (Советским Союзом) приняли иной характер, чем раньше: они стали более интенсивными, более противоречивыми и стали во многом определяться ходом войн и их последствиями. События мировых войн и ущерб, нанесенный ими, создали для обеих стран трудно погашаемую задолженность; на большевизацию 20-х годов в России и неспособность Германии организовать нормально функционирующую демократию в период Веймарской республики оказали влияние различные внутренние и внешние политические, экономические и культурные противоречия; холодная война, начавшаяся сразу после Второй мировой и разделившая Германию на западную и восточную части, привела к новым проблемам во внутренних и внешних отношениях – речь шла не только о свободе или правовых гарантиях отдельной личности, но также и о фактическом сравнении двух конкурирующих общественных систем. Политические связи Германии (ФРГ, ГДР) и России (Советского Союза) сопровождались работой средств массовой информации, которые вносили полемику в коренное различие этих двух общественных систем, тем самым, придавая атмосфере взаимоотношений пропагандистский оттенок. СМИ также брали на себя роль механизмов пропаганды, имевших четкую цель оказывать с помощью шаблонных схем, стереотипов, массивное влияние на коллективное сознание той эпохи. Конфронтационный курс агитационных кампаний прессы с двусторонними упреками в несправедливости сформировал взаимный образ, просуществовавший десятилетия.

Что касается не прекращавшихся во время Второй мировой войны злостных тирад и дезинформации, то они, похоже, до 90-х годов XX века будили во многих искреннюю потребность в примирении. Уставшие от войны люди по ту сторону «большой», официальной политики хотели сближения: в ходе военного противостояния всем стало более или менее ясно, что везде существуют похожие человеческие проблемы, интересы, а также общий опыт и культурные ценности. Кроме того, уже вряд

ли кто-то мог сомневаться в том, что интересы «большой политики» почти полностью противоречат желаниям отдельного человека.

Учитывая эти обстоятельства, не требуется отдельно объяснять, почему немало людей, полностью доверяя властным амбициям определенных социальных групп или политических руководителей, оказывались против своего желания вовлеченными в конфликты, которых они, по сути дела, не хотели и которым они сопротивлялись. Только так можно объяснить разочарование в войне большого количества солдат, когда массовая идеологическая кампания, объяснявшая необходимость участия в боях, заставила многих, в том числе до этого не причастных к противостоянию, в полной мере испытать боль.

Расхождение интересов «большой политики» и населения, в целом, является феноменом в немецко-русских взаимоотношениях, просуществовавшим в течение всего двадцатого века. К примеру, было непонятно, почему немецкие коммерсанты вместе с другими европейцами, на протяжении долгого времени вносившие вклад в экономическое и культурное развитие России, с началом Первой мировой войны должны были ощутить коренное изменение отношения к ним со стороны их русских коллег, обусловленное влиянием пропаганды в прессе и государственных институтах. Во время войны, укрепленные влиянием СМИ, имели место даже погромы против немцев. Немецкие ремесленники, врачи, торговцы, административные служащие и ученые, которые уже давно считались «своими», нередко были изолированы и выделены из общей массы. Октябрьская революция, Гражданская война, коллективизация и индустриализация двадцатых и тридцатых годов оказали позже воздействие на формирование нового отношения к немецким жителям; их приветствовали как специалистов, однако, уже скоро, ввиду внешне- или внутреннеполитических кризисов, они могли начать рассматриваться как враги, могли быть лишены влияния и даже уничтожены.

Почти одновременно государственные интересы России и Германии в экономике и военном деле в России и в Германии, возникшие после Версальского договора, привели к появлению соображений выгоды, создавших новое, преимущественно прагматическое взаимное отношение. Экономические, политические и социальные проблемы в Германии заставили левую немецкую интеллигенцию обратить внимание на новую советскую модель общества. Политический переворот 1917 года в России, последовавшая за ним Гражданская война, и создание новых, культурно-политически ориентированных структур почти во всех институтах вселили неуверенность во многих представителей российской интеллигенции. Так возникла парадоксальная ситуация, когда из России большая волна эмигрантов направилась в Германию (сюда входили бывшие представители власти, экономисты, ученые, художники, писатели, композиторы, актеры, режиссеры и т. д.), в Россию же ехали немецкие коммунисты и левые, которых заинтересовала советская общественная система. В различных группах эмигрантов, стремившихся на Запад или на Восток, существовали собственные представления о будущем, которые в итоге создали очень пеструю картину мнений. Каждый пытался всеми способами опубликовать свои убеждения и, тем самым, оказать влияние на общественное мнение.

Зная о такой дискуссионной атмосфере, несложно понять, почему явившееся неожиданным для России коренное переустройство социальной системы на советских началах было отражено разными группами в Германии; для одних оно создало чувство общности между немцами и русскими, для других – раскрыло яркий контраст

между двумя странами. Все ключевые вопросы советского общественного эксперимента стали обсуждаться – прежде всего, после Октябрьской революции – с учетом самых разных интересов, и так они оказали прямое воздействие на общую оценку германо-российских отношений. До начала 30-х годов эта оценка являлась отражением тенденций того переломного времени в обеих странах – сначала открытых и откровенных, чуть позже – превратившихся в диктатуру. Поэтому неудивительно, что, несмотря на большое количество внешних связей, предрассудки и стереотипы, существующие всегда, но в скрытой форме, начали тогда вновь играть свою роль и могли при ряде обстоятельств снова ожить или быть использованы той или другой стороной.

Надо также заметить, что примерно в то же время, в связи с большим количеством возникших профессиональных контактов, при совместной работе над решением практических вопросов в памяти могли сохраниться положительные впечатления, которые в дальнейшем стали существовать параллельно с традиционными стереотипами. Именно это сосуществование разных, порой противоположных, стереотипов и разных по форме впечатлений создает сложность взаимоотношений.

Время после 1945 года стало определяться новым положением дел, еще больше обогатившим и усложнившим немецко-российские взаимоотношения. К нему относятся как существование двух Германий на протяжении более четырех десятилетий, так и различные возможности сближения. К примеру, удалось вместе равноправно работать над решением профессиональных вопросов, так что возникала дружба на многие годы; однако в открытом попечительстве или скрытном применении тактики на политическом, экономическом или военном уровне на все связи был, напротив, наложен отпечаток предосторожности, недоверия, оппортунистических стремлений или прямой идеологической конфронтации. Оба типа «встречи» в двух немецких государствах были не только почти полностью ограничены различно сформированными и по-разному функционирующими общественными системами, но также были определены принадлежностью частей страны к восточному и западному блокам, против которых нельзя было согрешить. Связанные с этим идеологическая конъюнктура, образцы поведения, аргументации и мышления в течение долгого периода времени вплоть до установления нового порядка в Европе в 90-х годах оказывали сильное влияние на все германо-германо-советские отношения.

Политика «малых шагов» Вилли Брандта в начале семидесятых годов, которая привела к подписанию договоров между ФРГ, ГДР и СССР, в первый раз с начала холодной войны изменила характер межгосударственных отношений во многих сферах. Были созданы новые возможности для политических и личных контактов, которые сыграли положительную роль даже в сфере печати.

Вне зависимости от изменения политического климата «малыми шагами», до и после которого, правда, протекало военное противостояние, несомненно, что политические, экономические, научные и культурные связи ГДР и Советского Союза оказали воздействие на все сферы жизнедеятельности, создав широкий спектр контактов, возможностей обмена и общих проектов. Несмотря на определенную протокольную жесткость при всех встречах на официальном уровне, на человеческом уровне эти связи тесно сблизили две страны. Отношения ФРГ и Советского Союза, чаще всего ограничивавшиеся лишь рядом государственных соглашений, не могли конкурировать с этим широким спектром тесных связей. Но отчасти они все же имели более естественный характер: эти отношения, несмотря на дружелюбное и

мирное политическое сосуществование, были ограничены как раз на частном уровне – они не касались всех сфер жизни и деятельности и существовали почти исключительно между специалистами высокого уровня. По словам участников, личные связи были прямыми, более доверительными и более открытыми. Сыграла ли здесь свою роль принадлежность западного или восточного партнера к разным блокам или же различная степень культурной социализации – именно это было достойно стать предметом исследования.

Первые признаки решающего изменения взаимоотношений между двумя германскими государствами и Советским Союзом проявились во время – сначала подавляемой, но чуть позже все более явно дающей о себе знать – перестройки и гласности (1986–87). Постепенная отмена цензуры в этот период сделала очевидными тенденции развития, которые еще с 70-х годов существовали во всех государствах-участниках ОВД параллельно с деятельностью движения за права человека как второй, альтернативной культурой, и теперь, в ходе размышлений о новых реформах, занимавших все больше пространства и внутри руководящих органов Коммунистической партии. Эти поначалу внутригосударственные преобразования, которые вскоре оказали благотворное влияние на появление стремлений к объединению Германии, привели в результате к осторожному переоформлению взаимоотношений в ходе двух последующих десятилетий. Вместо того, чтобы вести идеологические схватки в прессе, что было в порядке вещей в то время, в конце 80-х – начале 90-х годов все стороны были озабочены созданием конструктивной информационной атмосферы, которая впоследствии позволила провести заметную дифференциацию взаимной оценки и привела к объективности и непредвзятости с обеих сторон.

Многовековой опыт совместного сотрудничества и враждебного отношения друг к другу России и Германии позволяет сформулировать сегодня вопрос так: будут ли их взаимоотношения в дальнейшем определяться интересами государств или же потребностями обычных людей, у которых в сердце есть только одно желание – жить мирно? Будет ли этого достаточно, если руководящие политики с обеих сторон захотят обратиться не к «тяжелому российско-германскому прошлому», а начнут апеллировать к общности немцев и русских до Первой мировой войны, чтобы создать исключительно конструктивное будущее? Разумеется, здесь необходима надежда найти положительные стороны в прежних взаимоотношениях и развивать их дальше. Но, несмотря на благие намерения, здесь необходимо и признание того факта, что вновь и вновь придется становиться виновным.

* * *

Появление этого трехтомного издания, посвященного исследованию немецко-русских взаимоотношений в двадцатом веке, обязано главному стремлению Льва Копелева – создать между Германией и Россией лучшее взаимопонимание и в дальнейшем добиться отношений, которые были бы такими же уравновешенными и естественными, как между другими европейскими странами. Вопросы о возникновении, продолжительности существования и действии образов врага, которыми задавался Копелев, также находятся в центре внимания этого издания – продолжения «Западно-восточных отражений».

В этом издании проекта была немного изменена концепция первоначального, «старого». Новым является то, что в каждом из томов взаимоотношения двух стран

отражены как с «немецкой», так и с «русской» точки зрения. Раньше же менталитеты разных стран были сравнимыми – схожими или противоречащими – и могли быть сведены к одной позиции. Основной предпосылкой для модификации концепции стал тот факт, что конструктивное взаимодействие и взаимное сближение – в отличие от периода до Первой мировой войны – перестали быть основой «взаимоотношений». Поэтому нельзя было обойти вниманием тот факт, что в двадцатом веке как отношения между русскими и российскими немцами внутри одной страны, так и внешние взаимоотношения между Германией и Россией (Советским Союзом) по причине противоположности идеологических, экономических и политических интересов стали более комплексными, а значит, более сложными.

Это обстоятельство сделало неизбежным не только рассмотрение большего числа точек зрения и новой проблематики, но и необходимость использования при исследовании самых различных источников, прежде всего, новых средств массовой информации XX века. Тем более нужно учитывать, что не только личные контакты привели к взаимным проявлениям доверия и недоверия, которые оказали воздействие на удачи и провалы при совместной работе. Включение индивидуального опыта, а также его художественная обработка, должно было иметь такую же важность, как и официальные политические документы. Также стоит заметить, что в процессе формирования мнений в большой степени участвовали средства массовой информации (газеты, журналы, радио, кино, музыкальные концерты и т. д., после Второй мировой войны – также телевидение), которые с помощью самых разных средств (передачи, документы, книги, картины, скульптуры или фотографии), взаимодействуя с вышеупомянутыми «личными» и «официальными» источниками, создавали самую полную информационную картину, которая, по-разному проходя этап распространения, оказывала дополнительное влияние на формирование общего набора мнений.

Достаточно часто информация от СМИ доминировала в формировании мнений благодаря обладанию большим количеством знаков и символов. Очевидные и неочевидные содержания и смыслы, передаваемые в ходе этих коммуникационных процессов, имеют во многом автаркический характер, и поэтому существуют отдельно. Воздействие, оказываемое ими на сознание и подсознание воспринимающих информацию, как правило, является комплексным и потому особенно интенсивным, так что чаще всего человек, в принципе, не способен проверить правдивость того или иного известия. Взаимодействие передачи фактов и передачи скрытых смыслов с помощью преднамеренной манипуляции сознанием, а также надежность информации, в целом, стали одной из ключевых проблем двадцатого века, которая в соответствующей мере должна была быть включена в исследование.

Еще одной причиной, заставившей отойти от концепции «старого издания» и отдать предпочтение не хронологической структуре, каковой она была первоначально, а более конструктивному делению проблем по фазам развития отношений, был следующий вывод, сделанный в ходе дискуссии среди историков. Исходя из исторических периодов – Первая мировая война – время между войн – Вторая мировая война – холодная война, т. е. смены войны и мира, было очевидно: на различных временных отрезках существовали проблемы, которые могли быть исследованы и обсуждены либо отдельно, либо в совокупности. Если после войн появляется общая потребность учиться на совершённых ошибках и создавать новый мировой порядок, то сами события (повседневность и восприятие войны) обеих мировых войн имеют сходства и различия, которые заставляют отклониться от хронологически выстроенных исследова-

ний и могут стать предметом для общего рассмотрения и сравнения: предпосылки войны, пропаганда, события на фронте, жертвы боев и т. д. Эти компоненты войны либо заставляют испытать эмоциональную нагрузку (травму), либо становятся «побежденными» в устных рассказах, письмах, мемуарах и т. п., либо оказываются безмолвно «пройденными» в памяти. Зная об этом и обладая соответствующим намерением, авторам было предложено – насколько того позволяли характер материала и имеющиеся заготовки – уделить внимание интерпретации прежних взаимоотношений, скорее, с типологической точки зрения.

В конце концов, необходимо упомянуть еще один пункт, которому в новой серии «Западно-восточных отражений» было придано особое внимание, хотя не всегда состояние исследований, проведенных до этого, позволяло сделать это в желаемом количестве. Все участники проекта были согласны, что работа по немецко-российским отношениям в двадцатом веке не могла состоять лишь в том, чтобы в очередной раз, ставя акцент на политический и военный аспекты, скомпилировать результаты историографических исследований и по-новому представить широкой аудитории. В действительности, речь шла о том, чтобы, основываясь на фундаментальных исторических исследованиях, уделить внимание особенностям менталитета и сознания, которые имеют решающее значение для формирования исторической и культурной памяти, а также возникновению, укреплению, развитию и исчезновению предрассудков. Таким образом, главный интерес исследования должен был заключаться в изображении не политических поступков двух государств (проблемы уважения к власти, расширения власти, неправомерного использования власти), а, в первую очередь, культурного опыта, который был собран при различных встречах немецких и российских руководителей в военном деле, экономике и культуре и который в течение долгого времени оказывал влияние на все виды человеческих отношений. Политические интересы и человеческие переживания должны были быть рассмотрены не раздельно, а в совокупности, чтобы получить лучшее представление о сложности их протекания в то время и сделать более понятным соотношение психологических, ментальных, рациональных и языковых (лексически-стилистических) аспектов.

При такой постановке вопроса всем было абсолютно ясно, что внешне «политика» и «культура» кажутся играющими свою собственную роль отдельно и поочередно набирающими и теряющими актуальность. На самом деле, они дополняют друг друга, и их оценка, зависящая от перспектив, может становиться либо цинически-рассчетливой, либо компенсирующе-дополняющей. Огромный интерес поэтому представляли скрыто формировавшиеся и сначала обособленные личные переживания, которые, по мере их накопления, образовали в массовом сознании резервуар «чужого менталитета» того времени. Именно они создали базис для возникновения и постановки под сомнение всех стереотипов.

* * *

В заключение мне хотелось бы поблагодарить всех коллег, которые принимали участие в обсуждении нашей концепции. Особое спасибо я должен сказать русским и немецким авторам за принятие на себя большого обязательства участвовать в проекте, но и, прежде всего, за терпение и понимание того, что публикация затянулась на такой большой срок не по нашей вине. Я не менее благодарен переводчикам за их тщательность и приложенные усилия при создании переводов с немецкого языка. Глав-

ную же роль в разработке концепции исследования, имеющей право на существование и подготовке огромного количества авторских рукописей сыграли редакторы и сотрудники проекта. Без Дагмар Херрман, Мехтхильд Келлер, Марии Классен, Карла-Хайнца Корна (Кёльн), Астрид Фольперт и Тимофея Абалонина (Берлин), Геннадия Бордюгова (Москва) проект не мог бы быть завершен. Мехтхильд Келлер и Дагмар Херрман, которые с самого начала были ответственными редакторами издания, внесли в проект свой огромный опыт, приобретенный при работе над предыдущим изданием «Западно-восточных отражений»; Мехтхильд Келлер занимала эту должность на протяжении всего времени работы над проектом, Дагмар Херрман – до весны 2004-го. Ей предназначается моя особая благодарность, так как она приняла важное участие в создании концепции и редакторской работе над этими томами.

И, в конце концов, я просто обязан искренне поблагодарить тех, кто оказал финансовую поддержку при создании продолжения «Вуппертальского проекта» Льва Копелева до XX века. В первую очередь, – бывшего министра госпожу Анке Брунн и сотрудницу министерства Монику Крамме, которые были заинтересованы в решении всех возникавших проблем, а также фонд Фрица Тиссена, фонд Райснера (входящий в Союз учредителей фондов для развития науки в Германии) и Министерство иностранных дел. Моя благодарность также адресована Иоханнесу Рау – обладая большой дальновидностью, он, как премьер-министр Северной Рейн-Вестфалии, участвовал в запуске проекта более чем двадцать лет назад, и сопровождал его на протяжении всего существования.

Берлин, сентябрь 2004 года

Перевод Ивана Черемушкинского

Дагмар Херрман, Астрид Фольперт

МЕЖДУ МЕЧТОЙ И БОЛЬЮ:
контрасты истории.
От немецкой редакции

В германо-российских отношениях на протяжении XX века, как в каменоломне, можно обнаружить оцепления, воронки от взрывов, запретные зоны, развилки, завалы – приметы эпохи, которая унесла миллионы жизней и требовала от выживших крайнего напряжения, чтобы преодолеть боль. Резкие разрывы во времени и пространстве, черные пустоты и глубокие следы на израненном теле – вот метафоры, выражающие чувства тех, кто оглядывается на прошедшее столетие. На ксилографии художника из Нижнего Тагила Владимира Зуева[1] скрыт символ германо-российских отношений: две половины организма, естественное существование которого основано на их близости и взаимном притяжении, разделяет черная засечка. Открытый промежуток – незаживающая рана, символ страшной пропасти, несовместимости обеих половин, между которыми тонкими нитями натянуты чувства-нервы, уязвимые и отнюдь не столь прочные как реальные мосты.

Обременяющие германо-российские отношения «несовместимости» проявились уже в XIX веке и были перенесены в век XX. С периода войн второй половины позапрошлого столетия национализм, разжигаемый прессой и без размышлений использовавшийся в тактических целях обоими правительствами, вырос до гипертрофированных размеров и сделал возможным широкое распространение в среде русских и немцев старых предрассудков. Они проникли даже в науку, получили объяснение с точки зрения антропологии и были классифицированы в духе расизма. И хотя на рубеже веков официально считалось, что панславизм себя изжил идейно, а «культуримпериализм», казалось, исчерпал себя в пустословии, в общественном сознании обеих стран соответствующие идеи продолжали существовать как инструмент, к которому всегда можно прибегнуть для интерпретации новых конфликтов. И вскоре они придали взрывоопасный характер смятению, вызванному распадом традиционных форм жизни общества.

Неустойчивость положения не исключала того, что XX век и для немцев, и для русских начнётся с глубоких, побуждающих к действию импульсов. Обе культуры были охвачены переменами, обусловленными наступлением эпохи модернизма и активным европейским движением наведения мостов между национальными культурами в сферах философии, литературы, изобразительного искусства, музыки, театра, кино, архитектуры. Русский авангард получил захватывающую дух динамику и подарил Европе настоящий «культ всего русского». При этом, «открытие России» стало непосредственным продолжением широко распространившегося и сохранявшегося увлечения великими русскими писателями XIX века, произведения которых издавались постоянно. В Германии читали Максима Горького, и в то же время здесь появились издания Толстого, Достоевского и Чехова. Чайковский и Рахманинов были одними из любимейших композиторов, а исполнения их произведений подготовили немцев к восприятию следующего поколения русских композиторов – Игоря Стравинского, Сергея Прокофьева, Дмитрия Шостаковича.

И в России по-прежнему внимательно следили за культурными процессами в Германии. Исходящие оттуда импульсы и идеи уверенно подхватывались и подвергались собственной интерпретации. Представители символизма заново открыли немецкую классику и романтизм и заявили о своем духовном родстве с немецкими предшественниками. Но здесь принимали и современных немецкоязычных авторов. На рубеже веков в серии «Библиотека классиков современной мысли» в томе, изысканно оформленном в «югендстиле»[2], появилось объемистое издание произведений Герхарда Гауптмана в переводе таких поэтов, как символисты Константин Бальмонт и Валерий Брюсов. В 1912 г. так же хорошо были изданы собрания сочинений Генриха Манна и Артура Шницлера, которые, несмотря на приближение войны, нашли своего читателя. Для русских мыслителей, принадлежавших к разным направлениям, таких, как Владимир Соловьев, Розанов, Мережковский, Бердяев, Сергей Булгаков, Шестов, бесспорным ориентиром на духовном горизонте был Ницше, независимо от того, следовали они ему или нет. Еще до того, как Сергей Дягилев начал проводить в Париже свои знаменитые «русские сезоны», он в 1906 г. организовал в Берлине выставку русского искусства. На рубеже веков в Мюнхене учились и развивали новый живописный язык Кандинский и другие русские художники. Программа «Синего всадника»[3] объединяла немецких и русских художников-экспрессионистов, но оказывала влияние и на другие области искусства. Барлах и Рильке побывали в России, которая открыла им новые миры. Александр Блок и Марина Цветаева в своих путешествиях вновь обрели романтическую Германию своей мечты. Наконец, в это же время в Германии находился Ленин. Вместе с Плехановым и Ю. Мартовым он начал издавать здесь нелегальную революционную газету «Искра» и составил свое мнение о стратегии вызывавшей восхищение сильной социал-демократической партии.

Культурный обмен имел богатую, дифференцированную общую основу, но все равно казалось, что здесь есть неограниченные возможности для развития. Общение было интенсивным и одновременно само собой разумеющимся. Таким оно было только еще один раз – в межвоенный период, когда приобрело характер многообразного делового сотрудничества. И все же перед Первой мировой войной духовная жизнь протекала в своего рода убежищах, зачастую удаленных от центров власти. Ведь в это же время в сфере политики близилась к концу эра традиционных германо-российских союзов. Напряженность в межгосударственных отношениях удавалось скрывать лишь с трудом, а самые разные варианты секретных планов войны лежали в письменных столах уже задолго до начала собственно военного конфликта. Ритм исторического процесса в обеих странах (с его короткими, переменчивыми периодами, с резкими изломами и разрывами в первой и затянувшимся оцепенением в блоковой системе во второй половине столетия) мешал успеху многочисленных попыток восстановить преемственность уже однажды бывшего живой реальностью нормального общения, дружеской и духовной близости.

Конечно, в течение века были периоды, когда с обеих сторон заинтересованность общества в культурном сближении была особенно велика. Это относится, прежде всего, к 1920-м годам. Сотни тысяч людей, по разным причинам, пересекали границу в обоих направлениях. Если Германия принимала, главным образом, эмигрантов, бежавших вследствие гражданской войны от советской власти, то позднее, во время мирового экономического кризиса, СССР широко открыл двери для немецких специалистов самых разных профессий, чего потом никогда не было. Расстановка сил

на международной арене подсказывала новое сближение военных противников, однако, тактические соображения придавали официальным контактам характер трезво просчитанного союза, который в любой момент может быть расторгнут. Для обеспечения его эмоциональной подоплеки сначала были пущены в ход старые германо-российские сантименты, в рамках соответствующей пропагандистской кампании, а потом снова вытеснены – как то диктовалось потребностями государственной политики.

Тем не менее и в Германии, и в России мечтали (и, между прочим, не одни только приверженцы социалистической системы). Среди таких мечтаний были симптоматичные для того времени устремления, породившие фантазии на тему германо-российского мирового господства и германо-российской оппозиции Западной Европе. Под впечатлением Рапалло об этом мечтали, прежде всего, коммунисты, но и некоторые социал-демократы, которые сообщения о массовых расстрелах в Советской России могли объяснить только злонамеренными слухами, так как видели на Востоке оплот будущего человеческого общества. Но и советские правители, и верившие в социализм граждане в 1920-е годы с нетерпением наблюдали, не проявит ли немецкое рабочее движение признаки готовности к революционному штурму: имея на своей стороне Советскую Германию, Советская Россия могла бы выстоять, тогда и до мировой революции было бы недалеко. Некоторые русские коммунисты даже полагали, что в этом случае центр мировой революции переместился бы в Берлин.

Ментальные процессы подчиняются собственной динамике с ее факторами инертности и усиления, с ее табу и предвосхищениями. Хотя XX век далеко развел немцев и русских, параллели в ходе истории обеих стран бросаются в глаза. Диктатуры 1930-х годов с их обращенностью в прошлое и будущее вызывали иллюзию, будто они существуют вне времени. Искусство отныне должно было демонстрировать блеск и превосходство власти, представлять ее как публичное действо и подкреплять воспитание и пропаганду, дабы население прочнее усвоило ценности нового государственного строя. Обе культуры – каждая со своей спецификой – последовательно пережили войну, революцию, демократию, диктатуру и снова войну, пока не вмерзли в блоковую систему холодной войны. Такая общая динамика привела к возможности сравнения опыта поколений, что, невзирая на возникавшие отчуждение и враждебность, в свою очередь, способствовало возобновлению строительства мостов взаимопонимания.

Таким образом, в согласии или, напротив, в столкновении с историческими отношениями и событиями проходили волны сближения и соприкосновений, но и взаимоотталакивания на десятилетия. После катастрофы Второй мировой войны, которая была еще и битвой исполненных ненависти и непомерно раздутых образов врага, казалось, что с обеих сторон разрушены не только основы германо-российского диалога, но что урон понесла и собственная культурная идентичность.

Советский Союз, как одна из держав-победительниц и создатель оккупационного режима на востоке Германии, в течение сорока лет обслуживал в соответствии с системой два разных представления об истории страны. Самим немцам, изолированным друг от друга, живущим в двух противостоящих друг другу государствах и блоках, понадобилось полвека изучения топографии национал-социалистического террора, чтобы с помощью дифференцированной культуры памяти суметь сделать выводы, исключающие возможность повторения тоталитаризма. Напротив, и сегодня еще нет полного представления о топографии сталинского террора – от власт-

ных структур до миллионов отдельных, потрясающих до глубины души судеб. Часто всё сводится к упрощенному сравнению с гитлеровским режимом без учета конкретных исторических реалий.

С другой стороны, как внутренние, так и внешние образы «чужого» и «врага», не только немцев и русских, следуют старым стереотипам XVIII и XIX веков, как будто и не было эпохи модернизма и ее насильственного уничтожения в Советском Союзе и Германии. Споры о классическом модерне, которые даже в постсталинском Советском Союзе, вплоть до его конца, были вытеснены на периферию культуры, отрицались и запрещались, – это наследие только сегодня стало доступно узкому кругу специалистов и никак не интегрировано в образовательный и культурный ландшафт повседневной жизни, в котором, в соответствии с его структурой и сутью, преимущество имеют, прежде всего, репрезентативные национальные ценности. Таким образом, российские достижения современного искусства и архитектуры конструктивизма еще ждут своего открытия, научной оценки и внимания как предпосылки включения в канон мирового культурного наследия. И во вновь объединенной Германии идут ожесточенные и порой создающие впечатление экзотики и гротеска битвы вокруг оценки культурного наследия ГДР, которое десятилетиями с трудом выходило из зависимости от «направляющей» роли советской культуры. Так что, есть еще много требующих работы проблем, оставшихся от XX века и немцам, и русским.

Тем временем, не прошло и десяти лет после холодной войны, как бомбардировки Югославии объявили о завершении спокойного периода сближения и сосредоточенности на сотрудничестве и дали начальное представление о новом мировом порядке, который совершенно иначе определял линии конфронтации. Все крупные проекты и идеи предыдущих лет, как например, строительство общего европейского дома, примирение бывших противников в войне и в блоковой системе, укрепление ООН, были подчинены новым приоритетам. Динамика политических перемен в мире затронула и так долго откладывавшуюся серьезную совместную немецко-российскую разработку проблем тяжелого XX века. Связанные с крушением Советского Союза и падением Берлинской стены большие ожидания того, что культурный и гуманитарный обмен и сотрудничество нормализуются, для политиков реализовались в ряде диалогов и престижных проектов, однако, дошли далеко не до всех заинтересованных лиц или могущих быть посредниками в этом деле. Тем выше надо ценить свободные от идеологических предписаний и государственных ограничений исследования, обращенные к уходящему веку и дающие изучению немецко-российского исторического наследия ставшую теперь возможной двух- и многостороннюю перспективу.

Провозвестником такого поворота был Лев Копелев, который, нетерпеливо опережая свое время, уже в 1982 г., после того как его лишили советского гражданства, в Вуппертальском университете приступил к разработке истории немецко-российских культурных связей. Полагая, что для изучения недавней истории необходимые условия сотрудничества еще не обеспечены, он хронологически завершил свой проект началом Первой мировой войны. Тома «Западно-восточных отражений», посвященные более ранним периодам, представляют собственную ценность как широкая, богатая деталями панорама немецко-российских взаимосвязей, и одновременно носят характер предыстории XX столетия. Уже само решение Льва Копелева поставить в центр исследования проблему образов «чужого» и «врага» у русских и немцев было явным свидетельством того, насколько глубоко рождение Вуппертальского проекта

было связано с осмыслением тяжелейшей недавней эпохи немецко-российских отношений, с желанием понять, «как дошло до этого».

Возможность начать проект по XX веку, подсказанный еще самим Копелевым, представилась только после его смерти. Руководство принял славист и литературовед из Бохума Карл Аймермахер, которому русский германист и неутомимый посредник между нашими народами доверил выполнение этой задачи. 130 авторов из Германии и России семь лет искали, просматривали, разбирали и оценивали материал, касающийся почти всех сфер жизни общества. Их выводы, изложенные в статьях, теперь опубликованы в трехтомнике, представляющем собой новую серию «Западно-восточных отражений». Первый том «Обольщение насилием» посвящен трагедии Первой и Второй мировых войн, как она разыгрывалась по обе стороны фронта и в тылу действующих войск. Воинственные настроения тогда подогревались участниками организованных пропагандистских поездок, в том числе учеными и писателями, художниками и артистами. Военные будни имели много более или менее важных мест действия, и повсюду война воспринималась как цивилизационный слом, который становится привычным и заставляет забыть все, что прежде было достигнуто в деле взаимопонимания и общения. В последней главе тома совершенное насилие классифицируется как преступление – погромы, депортации, принудительный труд и систематическое убийство безвинно осужденных. В памяти последующих поколений все это останется как осязаемая, с трудом переносимая, имеющая количественное измерение величина, за которой лица жертв и их палачей.

Статьи второго тома повествуют о «Прорывах и обманутых надеждах». Авторы размышляют о событиях межвоенного периода с его многообразными предложениями и попытками сотрудничества русских и немцев в самых разных областях. В центре исследований, наряду с политикой и философией, взаимный обмен и процессы в сфере литературы, театра, кино и средств информации.

Заключительный третий том называется «Оттепель, похолодание и управляемый диалог» и освещает период после 1945 г., когда немецко-российские отношения, вплоть до взрыва восточной системы и обществ, в течение сорока лет определялись тяжелой необходимостью сохранять баланс между предписанной дружбой и холодной войной.

Работа над рукописями и иллюстрациями была для редакторов, авторов и переводчиков в России и Германии большим испытанием. От имевшего место ранее принципа разделения перспектив – Россия глазами немцев и Германия глазами русских – отказались[4], иногда в одном тексте присутствует и то, и другое. В отличие от предыдущих томов, к описанию процессов и структур в сфере искусства и науки прибавилось множество тем, касающихся политики и истории. Во время двух рабочих встреч в Бохуме и Кёльне немецкие и российские историки и литературоведы сначала представили обнаруженные, прежде всего, в российских архивах, некогда засекреченные документы и их интерпретацию. Не все могло быть принято во внимание или войти в то, что в итоге получилось. Редколлегия в своей деятельности должна была учитывать два момента: содержание статей должно соответствовать достигнутому уровню исследований и литературы в издающей стране и одновременно быть доступным и понятным читателю, который интересуется историей взаимоотношений между народами, но не является экспертом по всем представленным темам. Поэтому в примечания к текстам были включены краткие объяснения или комментарии относительно некоторых понятий, событий, персоналий, русские названия переведены на немецкий язык, и, по возможности, делались дополнитель-

ные ссылки на соответствующую немецкую литературу. При этом, происхождение и написание исторических имен и реалий, географических названий не всегда поддавались однозначному толкованию.

Другую проблему представляло разное употребление, прежде всего, исторических понятий немецкими и российскими учеными. У последних, в том числе и молодых, в языке много «советизмов», например, часто пишется «фашизм», если речь идет о национал-социализме, или неограниченно используется понятие «Великая Отечественная война». Некоторые авторы, по крайней мере, в отдельных случаях, проявляют пагубную путаницу между языком и властью в условиях диктатуры и войны. К сожалению, статья, которая осветила бы эту проблематику для России и Германии, не была написана, как и статьи по некоторым другим темам, изначально запланированным или заказанным. Наряду с силой факта, свидетельств и аргументов, мы делали ставку и на силу убеждения с помощью фотографий и документальных снимков, бóльшая часть которых впервые была представлена немецким читателям.

Действительно ли Россия лежит во мгле, как писали немецкие ученые в одной публикации начала 1990-х годов, и правда ли, что Запад «плюет в лицо России», как с горькой иронией констатирует в «Die Zeit» московский писатель Виктор Ерофеев?[5] Этот международный исследовательский проект, ставший известным под названием «Вуппертальский проект», через двадцать лет работы завершается, не давая окончательных ответов. Его редколлегия и авторы вовсе не стремились написать недолговечные, сенсационные послания. Они хотели показать человеческий аспект политической истории, обратить внимание на счастливые и трагические, роковые переплетения и связи разных, взаимообусловленных и взаимопроникающих культур. И то, что многие вопросы, при этом, остались открытыми, определено природой вещей. Подойти к ним с разных сторон – такова одна из задач немецко-российского диалога в будущем.

Берлин, сентябрь 2004 г.

Перевод с немецкого Марианны Корчагиной

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Гравюра на дереве «Двое» Владимира Зуева (род. в 1955 г.) стала символическим изображением на обложке первого тома немецкого издания этой книги.

[2] «Югендстиль» – немецкий вариант стиля модерн (*прим. перев.*).

[3] «Синий всадник» – объединение художников-экспрессионистов в Мюнхене, наиболее видными представителями которого были Василий Кандинский, Франц Марк и Пауль Клее (*прим. перев.*).

[4] Предыдущие тома «Вуппертальского проекта» выходили в двух сериях – «А» (красная) «Русские и Россия глазами немцев» и «Б» (зеленая) «Немцы и Германия глазами русских» (*прим. перев.*).

[5] *Jerofejew V.* Der Westen spuckt zuriick // Die Zeit. 2003. Nr. 12, 13. В этой статье В. Ерофеева речь шла о расширении Европейского союза. В частности, автор высказал опасение, что оно будет означать создание нового «железного занавеса», и объяснял это заносчивостью и мстительностью Запада: «Плюнуть кому-то в лицо значит оскорбить. Раньше Советский Союз плевал в лицо капиталистическому Западу и колотил ботинком по столу… Теперь Запад, исполненный отвращения, сам начал плеваться. Страх перед Россией – это хроническая европейская болезнь».

1. ВОЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ОПЫТ ВОЙНЫ

Николай Плотников, Модест Колеров

«ПОБЕДИТЬ В СЕБЕ ВНУТРЕННЕГО НЕМЦА». Русская национально-либеральная философия войны (1914–1917)

Первая мировая война стала переломным пунктом в философской рефлексии культурных основ немецко-российских отношений. С момента начала мировой войны дифференцированный образ Германии и немецкой культуры уступил место ситуации герменевтического «чрезвычайного положения», продиктованной историческими обстоятельствами и требующей создания тотальной объяснительной схемы, подчиненной принципу полного противопоставления. Формирование образа Германии перестало руководиться научными и культурными интересами, а стало, по словам философа Евгения Трубецкого, подчиняться задаче «*создавать* общественное настроение, необходимое для России […]»[1]. С этой поры на первый план дискуссии об образе Германии выходит тема национального самоутверждения России, вызванная потребностью идеологической поддержки военных действий.

«Практическая манифестация германизма в нынешнюю войну остро поставила вопрос о духовных истоках германской культуры»[2]. Но ответ на этот вопрос русские философы искали уже не столько с помощью взвешенного культур-философского анализа, сколько путем создания образа врага, формируемого на основе простых дихотомий. Аналитическая функция философского дискурса была поставлена на службу идеологическому оправданию политических и военных действий правительства. Тем самым, философия добровольно становилась морализирующей служанкой политики, устраняющей всякую критическую дистанцию между рациональным рассуждением и призывом к непосредственному действию.

Такая ангажированность философов в поддержку военных действий своих правительств вовсе не специфически российское явление, а, скорее, общеевропейское, ознаменовавшее собой внутренний кризис национально-либеральной философии культуры конца XIX – начала XX вв. В этой общей тенденции трудно отличить друг от друга национальные философии.

Ученый шовинизм существовал тогда во Франции так же, как и в Германии, а убеждение, что война имеет не только национальное значение, но и, сверх того, универсальное значение борьбы за спасение мира от нации противника, разделялось английскими философами так же, как и немецкими[3].

Русская философская публицистика не представляла в этом отношении никакого исключения, и более того, нередко использовала те же самые идейные стереотипы, что и немецкая, выворачивая их наизнанку. Например, идею родства немецкой культуры и немецкой «духовности» (Innerlichkeit) с «нравственными силами вой-

ны», которую в Германии проповедовал философ Рудольф Эйкен[4], военная пропаганда славянофилов обращала, в слегка измененной форме, против самой Германии.

Но, как и в других европейских странах, в России существовало в рамках общей тенденции также и стремление к взвешенному суждению и дифференцированному взгляду на противника. Были также попытки уточнить и скорректировать жесткие идеологические схемы, и избежать «демонизации» врага. Для российской дискуссии, в целом, а также для самоопределения отдельных позиций было характерно то, что и в этой новой констелляции идей преобладали те же риторические образцы, которые еще до войны определяли образ Германии. С одной стороны, она представала для леволиберального консенсуса как авангард мировой социал-демократии и «метрополия» социализма, а с другой стороны, Германия, вопреки своей враждебной по отношению к России внешней политике, все еще оставалась концептуальным образцом для российских дебатов о национальном либерализме. Тематическое направление этой дискуссии, которая после революции 1905 г. охватывала проблемы религиозного и национально-государственного истолкования либерализма, заострилось в период войны на проблемах этического и религиозного оправдания «патриотизма» как центрального фактора не только внешнеполитической деятельности, но и внутриполитического объединения, стимулирующего процесс либеральных реформ.

С началом войны к этому тематическому контексту добавляется новый: отныне Германия приобретает негативно коннотированный образ субъекта «безрелигиозной политики», т. е. инстанции деятельности, игнорирующей основные принципы человеческой солидарности и стремящейся подчинить общественную жизнь тотальной рациональной организации. Отсылка к религии должна была указывать в связи с этим на недоступность, неподвластность (трансцендентность) жизни планирующему вмешательству политической воли. В критике «безрелигиозности» германской политики славянофилы с их германофобскими заявлениями и филиппиками против «всеобъемлющей организации германской воли к порабощению мира»[5] сходились парадоксальным образом с западниками, старавшимися представить дифференцированный взгляд на «духовную сущность» Германии. Впрочем, в сознании современников эти сходства отступали на задний план перед полемическими заявлениями принципиального расхождения не только в оценке Германии, но и в определении смысла того религиозно осмысленного «патриотизма», что противопоставлялся германской «безрелигиозной экспансии».

Центром философско-публицистической дискуссии о войне и патриотизме стал издававшийся в Москве и Санкт-Петербурге литературно-философский журнал «Русская мысль», которым руководил с 1907 г. экономист, философ и либеральный политик Петр Струве. Он превратил его в один из важных органов, диагностирующих состояние современной философии культуры[6]. Вокруг Струве сплотился круг философов, социологов и публицистов, проделавших, как и он, путь от марксизма к политической философии социального либерализма[7]. За пределами этого круга, в который входили такие философы, как Николай Бердяев, Семен Франк, Сергей Булгаков и публицист Александр Изгоев, форум «Русской мысли» объединял приверженцев самых различных политических и интеллектуальных направлений. Здесь были представлены сотрудники философского издательства «Путь»[8] и Религиозно-философского общества[9]; здесь публиковались социалисты, либералы и консерваторы. Преодолевая различия между славянофилами и западниками; авторами, тяготеющими, скорее, к левым и крайним консерваторам, Струве явно направлял свои усилия

на то, чтобы всех их привлечь к общей дискуссии об «оправдании национализма»[10]. Кроме того, именно статус ежемесячного журнала по организационным причинам оказался особенно подходящим для выстраивания широкого дискуссионного форума в «Русской мысли». Публикация книг значительно осложнилась в условиях военной экономики, да они и не могли удовлетворить потребность в актуальной рефлексии событий. Газеты же, став, напротив, с началом войны распространенной формой философско-публицистической полемики, связанной с военными событиями (философы десятками публиковали статьи в таких печатных органах, как «Биржевые ведомости», «Утро России», «День», «Русские ведомости» и др.), были не в состоянии дать пространство для широкой и подробной дискуссии из-за специфики требований данного средства массовой коммуникации (короткие тексты пропагандистского характера). Более объемные тексты, которые в подавляющем большинстве восходили к произносимым во множестве мест военным речам, могли поэтому публиковаться только в журналах или в виде брошюр. И, действительно, на протяжении всего военного времени страницы «Русской мысли» заполняли подобные статьи философов, историков, экономистов, политиков и писателей[11]. К этому форуму журнальной публицистики присоединились издательские проекты русских философов в крупнейшем русском издательстве И.Д. Сытина, в котором было опубликовано около пятидесяти брошюр, отдельных докладов и сборников статей серии «Война и культура», а также их многочисленные газетные и публичные выступления[12].

В большинстве этих публикаций в той или иной форме неизбежно поднимался вопрос об отношении к Германии и формулирования ее образа в политическом, военном, культурном и философско-религиозном контексте. Однако за этими объяснениями скрывалась имплицитная задача создать в обществе идеологический консенсус, который позволил бы продолжить либеральные реформы, оставаясь в рамках легитимности существующего государства[13]. Такой консенсус в отношении национально-государственного истолкования либерализма был особенно важен для самоопределения либеральной политики в России, поскольку в последние десятилетия «старого режима» господствовало противоречие между официальным (династическим) и конституционным «национализмом» либералов, которое препятствовало конструктивному взаимодействию Думы и правительства[14].

Вместе с тем, политическая и культурная функция образа Германии в философско-политической публицистике, соответствуя «антигерманскому» консенсусу в либеральных кругах, обнаруживает точную корреляцию между самоинтерпретацией участников и пониманием чужого, рисуемого как радикально противоположный образ[15]. То, что русские философы предлагали как средство укрепления патриотических и либеральных умонастроений, а именно – «христианский универсализм», «всечеловечность», «религиозную культуру», «святую Русь» и т. п., имело зеркальное отражение в негативном представлении о противнике как субъекте «узкого национализма», «культа земного богатства» и «безрелигиозной культуры роскоши». Подобная корреляция восприятия своего и чужого доходила до отождествления всех негативных аспектов российской жизни с немецкими влияниями – от политики, где фигура Григория Распутина изображалась проводником немецкого воздействия (Сергей Булгаков), до философии, где начала рационального методического мышления клеймились как пагубное воздействие немецкой «теории познания» на развитие своеобразного русского интуитивного мышления (Владимир Эрн). Формула подоб-

ного отождествления была найдена быстро: «Победить в себе “внутреннего немца”»[16]. Война рассматривалась как кара за «внутреннее онемечивание» русского национального характера[17] и одновременно как шанс на освобождение от засилья немецкого влияния в культуре, государстве и в характере национальной идентичности.

В этой общей картине можно выделить множество позиций философов по отношению к войне с Германией и классифицировать их по определенным темам, которые фактически и доминировали в дискуссии, особенно в первый год войны. Одним из важнейших тематических узлов дискуссии был (наряду с обязательной для интеллектуалов задачей поиска «смысла войны», на решение которой употреблялся весь инструментарий философской рефлексии[18]) вопрос о наличии или отсутствии родства между «немецкой культурой» и «германским милитаризмом». Этот вопрос стал не только камнем преткновения абстрактных историко-философских споров о значении культурных, политических и интеллектуальных факторов в истории, но и одним из важнейших составляющих дискуссии об определении места России по отношению к западной культуре. Именно вокруг решения этого вопроса сложился обширный спектр мнений по поводу того, приведет ли «Возрождение России» (на которое возлагались всевозможные эсхатологические надежды), обусловленное патриотическим подъемом во время войны, к более тесному объединению с Европой или, напротив, к удалению от нее и созданию самостоятельного «славянского мира» под началом Российской Империи. Помещение «германизма» в контекст европейской культуры находило, таким образом, риторически действенные соответствия в определении отношения России к Европе.

«Виновата ли немецкая культура?» Философский антигерманизм неославянофилов

Первоначальная реакция на сообщение о начале мировой войны свидетельствовала о почти всеобщем патриотическом настроении, создавшем на короткое время в общественном мнении «мобилизационный консенсус»[19]. Немаловажной составляющей этого консенсуса была антигерманская пропаганда.

Так важно и радостно, что авторитет современного германизма рухнул! Меня страшно захватывает и воодушевляет сознание, что на этих развалинах так возможно и благоприятно водрузить знамя настоящей, истинной религиозной русской культуры[20].

Так описывала это настроение руководительница издательства «Путь» Маргарита Морозова. Ангажированность философов, которые чувствовали себя обязанными выступать с «речами к русской нации»[21], красноречиво свидетельствует об этой интеллектуальной мобилизации, направленной против Германии. Но именно в вопросе о значении антигерманского момента в патриотической идеологии (подъем которой все равно был очень коротким, примерно до середины 1915 г.[22]) мнения уже с самого начала весьма расходились.

В Московском Религиозно-философском обществе (РФО) тон задавали славянофилы (хотя и здесь на собраниях и по поводу докладов дело доходило до ожесточенных дебатов). Иную картину представлял собой дискуссионный круг участников Петербургского Религиозно-философского общества, в котором Д.С. Мережковский

и З.Н. Гиппиус активно выступали с критикой националистических и антинемецких настроений публики[23].

> Москва в повальном патриотизме, с погромными нотками. Петербургская интеллигенция в растерянности, работе и вражде[24],

– критически замечала в своем военном дневнике Зинаида Гиппиус через несколько месяцев после начала войны.

К этому времени «веховское» направление либеральной интеллигенции, концентрировавшееся вокруг «Русской мысли», окончательно разошлось с кругом Мережковских не только идейно, но и организационно (Мережковский и Гиппиус вышли перед войной из состава редакции «Русской мысли»). Напротив, члены Петербургского РФО, стоявшие идейно ближе к Струве (А.В. Карташев, Д.В. Болдырев), в целом, поддержали его позицию и на заседаниях РФО, солидаризуясь с философами «Русской мысли», со страниц которой Струве призывал к защите «патриотизма» всеми публицистическими средствами[25].

Точкой кристаллизации философской дискуссии о войне и одновременно публичным представлением славянофильской антигерманской позиции стало заседание Московского РФО 6 октября 1914 г. В русле своей традиционной публицистической ангажированности и актуальной патриотической эйфории организаторы Религиозно-философского общества в Москве решили посвятить специальное заседание обсуждению «смысла войны». В предчувствии значительности момента («Момент религиозный, момент сверхполитический, сверхнациональный, идеалистический»[26]) была снята крупнейшая для интеллектуальной Москвы «тысячная аудитория» Политехнического музея, в которой выступили литературовед Г.А. Рачинский, писатель В.И. Иванов и философы В.Ф. Эрн, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой. Они излагали свои видения «всемирно-исторической задачи» России по «защите Европы от Европы», то есть от угрозы «секуляризации» и «рационализации» Нового времени, нашедшей свое самое явное выражение в «механизированной душе» германизма[27]. В декабрьском номере журнала «Русская мысль» были опубликованы все речи собрания, на котором сознательно отказались от прений по докладам[28], чтобы не замутить патриотическое единодушие.

Теория познания как средство военной пропаганды. Владимир Эрн о Канте

Философский шовинизм неославянофилов нашел свою наиболее четкую и популярную формулировку в речи «От Канта к Круппу»[29] русского философа и публициста Владимира Эрна, спровоцировавшей ожесточенную полемику вокруг новой версии славянофильской идеологии. Идеологический характер антигерманской метафизики Эрна обнаруживается в использовании типичного, в истории философии широко распространенного, приема превращения индивидуальных исторических событий в проявления «внутренней сущности» культуры или ее «субстанциальной души». По своему смыслу это не более чем тавтология, возникающая путем отвлечения от конкретных явлений неких общих признаков или простого конструирования таковых в

виде «внутренней сущности», и последующего объявления самих наблюдаемых явлений истечением этой абстрактной «внутренней сущности». Абстракция от отдельных исторических процессов превращается, таким образом, в их причину, а сами процессы изображаются в качестве целесообразной манифестации этой причины, понимаемой как реальный субъект истории. Следуя этой логике гипостазирования абстракций, Эрн конструирует единую сущностную причину всех проявлений «германского духа» и устанавливает, тем самым, сущностное родство между немецкой культурой и германским милитаризмом. Именно этот вопрос о «родстве» становится предметом широкой культур-философской дискуссии в русской публицистике военного времени, бросившейся обсуждать степень «вины» немецкой культуры за развязывание войны германской стороной.[30]

В тексте Эрна роль такой универсальной причины немецкой истории выполняет «феноменализм» Канта. Перенимая распространенную во второй половине XIX в. в самой Германии интерпретацию философии Канта как учения, отрицающего «объективно сущее» и сводящего последнее к «субъективным явлениям», создаваемым деятельностью человеческого рассудка[31], Эрн превращает «феноменализм» в «однородный и единый замысел германской культуры»[32], полнее всего выразившийся в философии Канта. Поскольку здесь речь идет о превращении отдельной, к тому же весьма спорной, интерпретации Канта в метафизическую сущность его философии, постольку мы встречаем упомянутую простую тавтологию. Но когда эта метафизическая сущность проецируется на всю немецкую культуру целиком, тогда Эрну, во избежание очевидных противоречий, приходится прибегать к помощи случайных гипотез, чтобы установить линию преемственности, идущую от мистики Мейстера Экхарта через Канта к германскому милитаризму, символизируемому пушками Круппа. Иначе невозможно объяснить, почему феноменализм Канта, который является «прочным и несокрушимым “научным” достоянием, несокрушимым, железобетонным завоеванием немецкого духа»[33], «неизбежно должен был сгуститься» в материальное выражение германской военной промышленности.

Эрн пользуется имеющей богатую традицию культур-критической схемой, идущей от Руссо до Хоркхаймера и Адорно, которая отождествляет рациональное познание с насильственным покорением мира, но обогащает эту схему гипотезой о наличии «строгого соответствия между стилем данной эпохи и ее скрытой душой»[34]. С помощью этого риторически эффектного утверждения он подходит к своему центральному тезису, что феноменализм Канта, как и пушки Круппа, служат одной и той же цели: уничтожению Сущего Субъектом, присваивающим себе право на мировое господство. Причем, Эрн, ангажированный актуальной политикой, связывает этого субъекта исключительно с «германизмом». «Богоубийство», идущее у Канта рука об руку с теоретическим уничтожением Сущего, образует «априорный и общеобязательный для всякого «немецкого» сознания принцип», который «неизбежно приводит к посюстороннему царству силы и власти, к великой мечте о земном владычестве и о захвате всех царств земных и всех богатств земных в немецкие руки»[35].

Здесь мы вновь встречаемся с софистическим умозаключением, с помощью которого абстракция от эмпирически наблюдаемого ряда свойств провозглашается хотя и «внутренне скрытым», но все же реальным субъектом эмпирических действий. Риторическое постулирование подобной «скрытой сущности», доступной пониманию только ее постулирующего, имеет своим дополнительным эффектом иммунизацию собственных утверждений от любых критических возражений. Насколько по-

следовательно в связи с этим осуществлял Эрн дискриминацию своих критиков, показывают его полемические статьи, написанные после речи «От Канта к Круппу»[36]. Он вменяет им неспособность постичь «истинный германизм», поскольку-де они сами отравлены его влияниями.

Исходя из этой схемы, которая постулирует тотальную обусловленность всех культурных достижений воздействием некоей скрытой сущности, Эрн пускается в глубинный анализ феноменалистского принципа господства, прибегая к откровенно натуралистическим способам объяснения, которые лишают его антигерманский шовинизм каких-либо сдерживающих факторов. Эрн дает волю своей «германофобской» фантазии, определяя в качестве сущности германизма «некое глубинное расстройство того, что может быть названо половым моментом национально-коллективной жизни. (…) Немецкий народ (…) возвел в догму *аномалию отвлеченной мужественности*»[37]. Подобная метафорика, трактующая процесс познания как соитие «женского» (материя познания) и «мужского» начала (форма познания), задействует некоторые тезисы платонической метафизики Владимира Соловьева, бывшей в то время предметом интенсивных дискуссий, а также соловьевскую мистику Святой Софии (Мировой Души), также богатой эротическими аллюзиями и метафорами. Для военной публицистики неославянофилов, кроме того, весьма характерно подчеркивание темы женственности «русской души» и ее миролюбивой природы. Не только Эрн, но и С.Н. Булгаков, Вяч. И. Иванов, В.В. Розанов или С.М. Соловьев не жалели риторических красот при создании образа святой Руси как «девы», подвергающейся брутальному нападению германизма[38]. Бердяев назвал это в одной критической реплике по поводу подобных перлов славянофильской публицистики «вечно бабьим в русской душе»[39]. Структурное родство подобных метафор не только с софиологической мистикой Соловьева, но и с современной феминистической критикой «фаллоцентризма» западного мышления[40], указывает на общую матрицу рассуждения, в котором логика заменяется биологией, а всякое утверждение оппонента интерпретируется как высказывание, обусловленное его биологической природой.

Даже простое возражение схеме Эрна, что «феноменализм» – это общеевропейское явление, встречающееся и во французской, и в английской философской традиции, которые уже в силу принадлежности к национальным государствам, воюющим против Германии, не могут причисляться к образу врага[41], Эрн сразу встраивает в свою интерпретацию, тут же называя «германизм» общей болезнью Европы, перед лицом которой задача России состоит в том, чтобы пробудить истинную сущность европейского духа, освободив его от германского засилья. «Россию и Европу (…) всегда внутренно и духовно разделяло то, что теперь с такою силою (…) объективировалось в подъявшем меч германизме»[42]. Но теперь, под влиянием России «Европа должна пережить величайшую духовную революцию»[43], за которой последует «свержение немецкой гегемонии во всей культурной жизни Европы»[44].

Извечная трудность подобной медицинско-биологической метафорики, которую использует Эрн, состоит в том, что она устраняет всякую возможность сознательной деятельности по преодолению того, что является «скрытой биологической сущностью». В рамках романтично-натуралистической интерпретации «души народа» невозможно разместить намерение Эрна, которое он понимает как «освободительную миссию православной России», а именно освободить немецкий народ от «люциферианских энергий»[45], «сгрудившихся» в нем в течение последних столетий. Ведь

этот изгиб «патриотического» рассуждения зачеркивает, в сущности, тотальный характер «германской идеи». Ведь если в немецком народе существуют «иные линии духовного развития и иные преемства»[46], как вынужден признать Эрн под давлением критики, то это трудно увязать с утверждением, что феноменализм – это «расстройство коллективной души».

Вольность обращения Эрна с собственными утверждениями объясняется тем, что его тезисы не привязаны специально ни к событию войны, ни конкретно к Германии. С резкой критикой европейской философии он выступил еще до этого, а именно в 1910 г. в статьях по поводу выхода в свет русского издания журнала «Логос». В критических заметках, составляющих значительную часть его книги «Борьба за Логос» (1911)[47], Эрн противопоставлял всему европейскому рационализму Нового времени (куда наряду с Кантом включались Декарт, Беркли и американский прагматизм) античную философию Логоса. Именно русскую мысль, восходящую к восточным отцам церкви и византийской мистике, он объявлял хранительницей античного наследия, призванной содействовать духовному возрождению Европы. Вырисовывание подобных идейно-исторических линий преемственности уже тогда заключало в себе весь набор славянофильских объяснительных схем (противопоставление западного *Ratio* и антично-русского «Логоса», «религиозной культуры» и секуляризированной «цивилизации», субъективистского отрицания природы и «объективно-божественного» почитания Сущего), которые Эрн употребил во время Первой мировой войны с большим публицистическим рвением для целей военно-патриотической пропаганды.

В культурно-историческом плане примечательно, что схема, тесно связывающая немецкую философию с германским милитаризмом, пользовалась большой популярностью в военно-философской публицистике по всем сторонам фронта. Наряду с воинственными речами Эрна против Канта в качестве такого свидетельства можно упомянуть брошюру Леона Додэ «De Kant à Krupp. Contre l'esprit allemand» (1915)[48], а также памфлет американского философа Джона Дьюи «German Philosophy and Politics»[49], где учению Канта о законодательной функции разума вменяется ответственность за агрессивность германского милитаризма. Но и с немецкой стороны весьма эффектным средством риторического возвеличивания «германской задачи» в войне были как ссылка на Канта в целях интеллектуального оправдания военных действий (у Рудольфа Эйкена), так и упоминание Круппа в одном ряду с представителями немецкой классической философии (у Макса Шелера).

Философский антигерманизм Эрна показателен не только как симптом славянофильской ксенофобии, свидетельствовавшей, что поиски «смысла» и «оправдания» войны сопровождались в среде интеллектуалов все возраставшей ненавистью к Германии[50], но и как один из полюсов дискуссии о национальном измерении либеральной политики, новый импульс к которой дала идейная ситуация после начала войны. Существенно и то, что формирование образа Германии происходило теперь уже не путем обращения к конкретным течениям и тенденциям немецкой культуры, а в зависимости от заданной Эрном схемы, как в случае солидаризации с нею, так и в случае ее опровержения. Доходящее до абсурда отождествление германского милитаризма и немецкой культуры было в той или иной форме отвергнуто большинством участников публицистической дискуссии о «немецкой вине»[51]. Ведь оно противоречило общему, сложившемуся задолго до войны консенсусу либералов и социалистов по поводу того, что только прусская монархия с ее военным режимом является при-

чиной германского милитаризма, тогда как немецкая социал-демократия и немецкая культура, напротив, представляют собой исключительно интернациональный феномен, могущий быть по этой причине и формой самоидентификации российских интеллектуалов. Это убеждение, распространенное среди интеллигенции, нашло свое явное выражение в повсеместно отрицательной реакции на выступления Эрна. В качестве образцов борьбы с милитаризмом и национальной исключительностью могли приводиться не только сам Кант (с его трактатом «К вечном миру»)[52], но и Вагнер[53].

Европейская цивилизация как законченная форма филистерства. Военная философия С.Н. Булгакова

Комплекс славянофильских толкований войны развивал и С.Н. Булгаков, относимый современниками, наряду с Эрном, Ивановым и Розановым, к наиболее радикальным представителям антигерманизма[54]. Правда Булгаков, хотя и разделял тезис Эрна о «феноменализме» немецкой культуры[55], но старался избегать заключенного в нем философского шовинизма и предлагал более умеренную версию некой глобальной философии истории, рассматривающей войну как проявление кризиса всей европейской цивилизации.

Формулой булгаковской культур-критики, перемежающей тезисы марксистской критики капитализма с романтическим клерикализмом, является «секуляризация» как отпадение от «религиозной цельности» средневековой жизни, составляющая основную тенденцию развития новоевропейской истории. «Религиозное чувство жизни, восприятие ее глубины и многомерности, было нейтрализовано и, так сказать, инкапсулировано.»[56] Единство новоевропейской культуры создается общим духом, который состоит «в отречении от своего церковного прошлого, как презираемого “средневековья”, в своеобразном духовном футуризме»[57]. Все дальнейшие характеристики культуры – рационализм, просветительство, материализм и капитализм – оказываются не более чем проявлениями этого духа, «как он определился в своем отрыве от мистического центра, в отходе от церкви и общей секуляризации, рационализации, механизации жизни»[58]. Отделение церкви от государства и распространение правового идеала привели к господству «юридизма» в общественном сознании Европы, т. е. к стремлению путем права «водворить царство Божие на земле»[59]. Параллельно «юридизму» утверждается экономизм как тенденция к освобождению хозяйственной деятельности и хозяйственного интереса от «проверки по религиозному и нравственному закону». «“Экономический человек” (Homo oeconomicus) с его наивным и зоологическим интересом» стимулирует «бесчеловечную эксплуатацию труда» и «тиранию капитала»[60].

О том, что в этом рассмотрении все характеристики, претендующие на статус нейтральных констатаций, упорядочиваются в однозначно негативной оценочной перспективе, свойственной любой исторической метафизике упадка, свидетельствует резюмирующий вывод Булгакова: европейская культура – эта законченная форма «мещанства».

> Комфорт жизни, понимаемый не только в грубом смысле различных внешних ее удобств, но и утонченных духовных вкусов, культурный эпикуреизм, умение находить счастливую

меру в пользовании всякими благами жизни, желание “устроиться на земле” прочно и с артистическим вкусом…

– таков культурный идеал Европы и жизненная мудрость «европейского мещанства»[61].

Из этой общей картины европейского упадка Булгаков делает неожиданный вывод о том, что именно Германия представляет собой «высшую форму мещанства»:

Она возвестила миру и в наибольшей степени осуществила высшую форму философии мещанства – универсальный методизм: научность в религии, в философии, в социализме, в промышленности, в войне. Она превратила человека в ретортного методического гомункула[62].

Ясно, что Булгаков не ad hoc и не для Германии специально изобретает обвинение в «мещанстве», широко распространенное в русской социалистической антизападной и антибуржуазной публицистике от Герцена до Бердяева и Иванова-Разумника[63]. Но условиями войны с Германией Булгаков вынужден резко сузить сферу применения этого понятия: от всего Запада, в целом, – к Германии специально. Тут снова возникает фигура мысли, выводящая европейских союзников из поля критики: Германия и есть виновница европейской болезни мещанства.

Немец есть самый яркий представитель этого духовного типа, он по преимуществу modern, в новоевропейском футуризме он наиболее футурист. Германия последовательно, методически и серьезно вырабатывала себя по образу отвлеченного новоевропейца, кумиру механизма и рационализма она принесла в жертву исконные национальные свои добродетели, – и deutsche Treue и deutsche Tüchtigkeit. Поэтому-то в новоевропейской цивилизации Германии принадлежит первое место и в некотором роде духовная гегемония: ее научность, ее универсальный методизм держали в духовном пленении всю Европу, в частности, и Россию, и даже теперь еще силен ее гипноз[64].

Можно отнести лишь к разряду «иронии истории» тот факт, что по ту сторону фронта немецкий социолог Вернер Зомбарт проповедовал с помощью аналогичной культур-критической терминологии идею войны против англичан как борьбы «героев» (т. е. немцев) с «торговцами», погрязшими в комфорте, сытости и рационализме[65].

Причины того, «что германцы допустили себя до такого извращения и свою душу превратили в механизм»[66], Булгаков (в соответствии со своими специфическими профессиональными интересами) истолковывает в церковно-историческом смысле, усматривая их в немецком протестантизме. В этом можно усмотреть неожиданный поворот. Ведь, казалось бы, еще пять лет назад в своих религиозно-исторических исследованиях, примыкавших к статье в сборнике «Вехи» (1909) и вызвавшим широкий отклик[67], Булгаков рассматривал, вслед за работами Макса Вебера, трудовую этику протестантизма как подлинное проявление новоевропейской религиозности и рекомендовал ее как духовную альтернативу революционному радикализму русской интеллигенции. Теперь же, в своей военной публицистике, представляющей пик его славянофильской апологии православия, Булгаков изображает Реформацию как «очеловечение христианства, его упрощение и приведение к уровню чисто человеческих потребностей и вкусов»[68], как «внерелигиозный гуманизм», «иссушивший,

обеднивший и обмирщивший христианство»[69]. Протестантизм – это религия «человекобожия», в которой проявляется «стремление *замкнуть* человека в его собственном человеческом мире, оторвать его от религиозного, молитвенного и благодатного общения с Божеством, заворожить его в этом мире, его расширив и углубив»[70].

В результате тот положительный идеал «трудовой этики», «внутримирской аскезы» («innerweltliche Askese» – выражение, которое в его прежних текстах всегда с уважением приводится по-немецки), положительное значение которого Булгаков обнаруживал в протестантизме, редуцируется до образа «фахманской культуры» – узкоспециального профессионализма, в котором «нет святости, ни гениальности», которая «создана посредственностью и отмечена ее духом, (…) [и] поражена каким-то безвкусием, имеет в себе пафос посредственности»[71].

Как и всякая тотальная историософская интерпретация, теория Булгакова сталкивается с необходимостью объяснить разнообразие культуры, наличие в ней параллельных и противоположных течений. Но в рамках предложенной объяснительной схемы для этого не остается никакого места. Правда, Булгаков упоминает примеры «значительности и одаренности германства»[72], но в единую линию, ведущую от лютеровского человекобожия к «духу посредственности»[73], царящему в немецкой цивилизации, он уместить эти примеры не может, ограничиваясь ничего не говорящей ссылкой на «загадку германства, в котором гениальное нерасторжимо соединено с самоутверждающейся посредственностью»[74].

В этом все интегральные схемы славянофилов удивительно похожи друг на друга: выступив с претензией дать универсальный принцип толкования чужой культуры, они выхватывают лишь отдельный, особенно ими критикуемый феномен (кантианство, протестантизм и т. п.), гипостазируя его в «сущность германства», и оставляют все прочее вне рассмотрения. Для достижения же связности интерпретации приходится конструировать дополнительные сущности, взаимосвязь которых с первоначально постулированной создается лишь риторическими жестами.

Так и Булгаков, – чтобы связать изобретенный им «дух посредственности» и «мещанства», который сам по себе еще не содержит никакого объяснения германского милитаризма, с причинами мировой войны, он вынужден прибегнуть к помощи обыденно-психологических гипотез, приписывая «германству» душевную установку «хлыстовства», т. е. религиозной одержимости самообуздания. Основания такой гипотезы носят скорее публицистический, нежели содержательный характер. Тема «хлыстовства» до войны уже активно обсуждалась в религиозно-литературных дискуссиях (в частности, в связи с сочинениями Мережковского и Андрея Белого) как тема специфически русской религиозности[75]. Особую остроту она приняла в обсуждении распространенного в годы войны мнения (исторически ложного) о принадлежности Г. Распутина к секте хлыстов. Булгаков, стоявший на позициях церковного христианства, отвергал сектантство, а в своей военной публицистике прямо называл Распутина «проводником германских влияний»[76].

Другая сконструированная ad hoc гипотеза Булгакова объясняет «дух германского милитаризма» натиском «внехристианской стихии германского духа, которая осознала себя в германской мифологии, а в творческом самосознании Р. Вагнера запечатлелась в мифах «Кольца Нибелунгов«». Впрочем, эта «германская воинственность, которая […] выражает исконную стихию германизма, *furor teutonicus*, волю к мощи и власти»[77] с трудом может быть соединена с тезисом о «филистерском ощущении жизни». Пробелы в аргументации заполняются у Булгакова интуицией или «вчувствованием»[78].

Результатом такого индивидуального «вчувствования» оказывается, впрочем, широко распространенная констатация избранности русского народа, апологии которого посвящена вся религиозно-философская публицистика Булгакова. Изображая немецкий народ «культурно-политическим вампиром»[79] он воспроизводит аргументы православного клерикализма, сопротивляющегося распространению «протестантской заразы» в России.

> Раньше всего и непосредственнее всего заражает нас немецкая реформация, разлагающая чувство церкви; это проявляется у нас в так называемых рационалистических сектах: штунда, баптизм и под. Влияние германской мистики было сильно у нас среди масонов начала XIX в. и даже ранее и, в связи с общим усилением религиозно-мистических настроений, снова увеличивается в наши дни (бемизм, штейнерианство)[80].

«Германскому искусу» подверглась и философия в России, начиная от старых славянофилов, увлекавшихся немецким идеализмом, вплоть до социал-демократов, через марксизм которых «прививка германизма» была произведена «части рабочего класса»[81]. Исключение Булгаков делает лишь для «прогрессирующего онемечения русской науки», положительные результаты которого почти невозможно отрицать даже ему, но и в этой области он предостерегает от «духовной пруссификации»[82].

«Патриотические рекомендации» Булгакова носят сугубо миссионерский характер. То, что утверждается им в результате «вчувствования» как имеющее высший «онтологический смысл», превращается в императив исторического и политического действия[83]. Православие несет «духовное исцеление» не только России, ибо «она еще остается девой, которая вольна совершить выбор и произнести обеты, и это мистическое решение, это ее самоопределение будет безмерно по своим историческим последствиям»[84], но и всей Европе. В своей (правда, так и не произнесенной) патриотической речи перед Обществом англо-русского сближения Булгаков рисует радужные перспективы «нового рождения» английского народа и политического сближения двух европейских держав в результате усиленного распространения православия в Англии[85].

Именно для этой цели и возводился образ «человекобожия». Германия для Булгакова – лишь повод для подведения богословско-политического фундамента под тезис об «избранности» России и православия, который не имеет непосредственной сопряженности с образом Германии. В остальном формулы его культур-критики обнаруживают характерную подвижность в зависимости от направления их использования: протестантизм может иметь положительные стороны, когда он рассматривается в отношении Англии[86]; «хлыстовство» может быть обнаружено и в идеологии революционной интеллигенции и т. д. Трудно избавиться от впечатления, что, если бы Россия вела войну не с Германией, а с Великобританией, то Булгаков смог бы и в этом случае использовать текст своей речи без существенных изменений, лишь заменив Канта на Юма, а лютеровское «человекобожие» на англиканское.

Справедливости ради надо отметить, что буквально год спустя, после окончания войны и в разгар русской революции, Булгаков изменил свою славянофильскую переоценку православия, все более склоняясь к экуменической позиции[87], а также впоследствии возвратился к положительному историко-экономическому анализу развития протестантизма и его влияния на хозяйственную жизнь[88].

Культур-философские поиски «германской сущности»: полемика Николая Бердяева с неославянофилами

Славянофильский антигерманизм Булгакова, представленный на страницах «Русской мысли», а также в его газетных публикациях, вызвал весьма критическую реакцию других участников «веховского» круга. Интересна в связи с этим позиция Бердяева, в некоторых пунктах солидаризовавшегося с тезисами славянофилов, хотя, в целом, и отрицавшего их националистическую схему, призванную оправдать идею избранности русского народа.

> В неославянофильских тезисах о германизме есть что-то верное, схвачены некоторые черты германской мысли. И, несмотря на это, есть какая-то большая неправда в оценке германского духа, неправда убивающего, истребляющего, ненавистнического схематизма[89].
> Ведь простого указания на известные факты уже достаточно для того, чтобы обнаружить несостоятельность построений Булгакова и Эрна. «Германия вовсе не только протестантская, но и католическая страна», для ее религиозного сознания «типичны» вовсе не только рационализация мира и отрицание потустороннего (что само по себе вовсе не свойственно протестантизму), но и «волюнтаристический иррационализм», мистика и религиозная метафизика[90]. Также и понимание Канта как «феноменалиста» обнаруживает свою слишком сильную зависимость от неокантианских гносеологических учений. Все же «Кант несоизмеримо более сложен и богат», его этическая философия, с учением об автономии личности и моральной свободе, не менее существенна, чем теория познания[91]. Да и сама привязка чисто философских теорий к военно-политической дискуссии является сугубо идеологическим приемом.
> Нельзя праведно решить вопрос о германской мистике, о протестантизме, о германской философии, о Лютере и о Беме, о Канте и Гегеле под гул пушек, в пылу национальных и политических страстей, на улице и площади[92].

Полемизируя со славянофилами, Бердяев вносит в дискуссию о немецкой культуре одну важную ноту, сближающую его с либеральным национализмом мыслителей круга «Русской мысли» и отдаляющую от неославянофилов, с которыми он поддерживал многочисленные дружеские связи[93]. Он требует различать национальную определенность культуры и ее значимый смысл. В самом деле, покуда выявление национальных или расовых отличий культур остается в рамках нейтральной, так сказать, «этнографической» констатации, разговор о них является «допустимым и плодотворным»[94]. Но как только из этого делаются ценностные выводы относительно содержания культуры, т. е. когда констатация превращается в обвинение, такой «национальный дискурс» становится дискриминирующим.

> Нельзя истину оценивать и обсуждать с точки зрения расы, ее особенностей и ее действий в истории. Психология расы очень интересна, но психология расы не может быть оценщиком истины. Скрыта очень большая опасность в установлении типов расового мышления и расовой культуры[95].

В схемах славянофилов как раз и присутствует такое отождествление смысла культуры с негативной оценкой ее национальной принадлежности, которое руководится умозаключением, что немецкая философия – ложная, потому, что она – не-

мецкая. На этом софизме построена вся конструкция Эрна: Кант – это явление германской культуры, поскольку же Германия ведет войну с Россией, постольку все элементы ее культуры, включая кантовскую философию, являются враждебными. Бердяев указывает на опасность такого софизма: «Нельзя истину так подчинять национальному принципу. Это уже совсем недопустимый психологизм, который должен привести к полному упразднению философии»[96]. Напротив, задача «патриотической мысли» должна состоять в опровержении всякого национализма, в том числе и германского.

> Настоящая ложь и настоящий грех германизма – это попытка монополизировать и национализировать истину и правду, объявить истину германской, а правду – выражением германской силы[97].

Надо сказать, что Бердяев в своей публицистике военных лет, критически направленной против неославянофилов, сам оказывается не на высоте выставленного им требования. Причиной тому – непроясненность им условий «допустимости» «психологии расы». Т.е. вопроса, в каком смысле интерпретация национальных особенностей доступна верификации и доступна ли вообще? Где заканчивается «плодотворное» обсуждение таковых, а где начинается эксплуатация бытовых культурных стереотипов? Имеется ли в виду исследование исторических традиций, обычаев или психологических установок, или же опять фиксируемые события и действия представляются проявлениями «души народа»? Бердяев склоняется в своем психологическом рассмотрении к последнему. Он не просто устанавливает индуктивным путем некий характерный «национальный тип», как это делала современная ему «этническая психология» (В. Вундт и др.), а прямо говорит о «душе германства» и соответствующей ей «религии»[98]. Таким образом нация стилизуется, или, лучше сказать, мифологизируется, в реальную личность, наделенную индивидуально-психическими атрибутами – волей, мышлением, чувствами.

> Немец – не догматик и не скептик, он критицист. Он начинает с того, что отвергает мир, не принимает извне, объективно данного ему бытия, как не критической реальности. (…) Первоощущение бытия для немца есть, прежде всего, первоощущение своей воли, своей мысли. Он – волюнтарист и идеалист. Он – музыкально одарен и пластически бездарен. (…) Безвкусие немцев, которое поражает даже у величайших из них, даже у Гете, связано с перенесением центра тяжести жизни во внутреннее напряжение воли и мысли. Со стороны чувственности, как эстетической категории, немцы совсем неприемлемы и непереносимы. В жизни же чувства они могут быть лишь сантиментальными[99].

Метафизика «народной души» оборачивается у Бердяева эксплуатацией стойких бытовых стереотипов восприятия Германии[100]. «Сущностной» характеристикой немцев оказывается их «волюнтаризм» и господство «упорядочивающей воли».

> Немец ничего не склонен предпринимать до совершенного им Tat'a. (…) Перед немецким сознанием стоит категорический императив, чтобы все было приведено в порядок. Мировой беспорядок должен быть прекращен самим немцем, а немцу все и вся представляется беспорядком. (…) Немец не приобщается к тайнам бытия, он ставит перед собой задачу, долженствование[101].

Отсюда Бердяев выводит религиозную установку немцев, полностью противоположную булгаковскому тезису о «человекобожии»:

> Германская религия относит источник зла к бессознательному божеству, к изначальному хаосу, но никогда не к человеку, не к самому германцу. Германская религия есть чистейшее монофизитство, признание лишь одной и единой природы – божественной, а не двух природ – божественной и человеческой, как в христианской религии. Поэтому, как бы высоко, по видимости, эта германская религия не возносила человека, она, в конце концов, в глубочайшем смысле отрицает человека, как самобытное религиозное начало[102].

Также и здесь образ Германии можно рассматривать лишь в зависимости от той функции, какую он выполняет в индивидуальных построениях автора, выступая в качестве контраста его собственным представлениям об идеале. И если для Булгакова и Эрна с их идеалом «соборного христианства» таким контрастом является протестантизм, то Бердяев конструирует противоположность для своей экзистенциальной антропологии с ее идеей анархической свободы в виде религии «вечного немецкого порядка»[103], в рамках которой находят место все традиционные ресентименты (Ressentiments) «культурной» пропаганды военного времени:

> Воля к власти над миром родилась на духовной почве, она явилась результатом немецкого восприятия мира, как беспорядочного, а самого немца, как носителя порядка и организации. Кант построил духовные казармы. Современные немцы предпочитают строить казармы материальные[104].

В итоге, Бердяев фактически перенимает славянофильскую критику немцев и от его пафоса истины и справедливости по отношению к противнику не остается и следа.

Полемика Семена Франка с националистической идеологией и его выступление в защиту общеевропейского мышления

В рамках философско-политической дискуссии начала войны С.Л. Франк принадлежит к числу тех философов, кто подчеркнуто дистанцировался от националистической ограниченности антигерманской метафизики[105]. Его позиция в этой дискуссии важна еще и потому, что с осени 1914 г. он стал официальным членом редакции «Русской мысли» с обязанностью отбора всех публикаций неполитического содержания[106] и уже в силу своего формального положения мог оказывать влияние на формирование идейного направления журнала и его позицию в публичной дискуссии.

Умеренность позиции Франка сказывалась, прежде всего, в том, что основную задачу своей публицистики он видел в критическом преодолении схем националистической идеологии[107]. Уже на публикацию выступлений на памятном заседании Религиозно-философского общества в Москве (6 октября 1914) он откликнулся критической статьей, раскрывающей предрассудки философских построений славянофилов.

Всякое оправдание войны, смысл которого сводится к тому, что сама *сущность* одной из борющихся сторон признается выражением абсолютного блага, а другой – выражением абсолютного зла, заранее должно быть признано ложным[108].

Превращение военно-политической реальности в поле метафизической битвы против «самого существа немецкого духа» является «ничем иным, как ложной абсолютной санкцией своего субъективного пристрастия»[109]. Иллюзорна всякая попытка свести многообразие национальной культуры к «какому-либо одному направлению», к одной метафизической «формуле». Ведь как раз такие одномерные схемы и являются в худшем смысле плоскими рационализациями исторического развития, подчиняющими его произвольно установленным абстрактным тезисам. Собственно же моральная проблема, заключенная в коллизии национальных и общечеловеческих интересов и принципов славянофильствующими публицистами вовсе не рассматривается. Они приписывают интересам собственной стороны абсолютное значение «и тогда возникает та готтентотская мораль, для которой своя польза есть уже тем самым, без всяких особых оправданий, абсолютное благо, а чужая польза – абсолютное зло[110].

Столь же критический разбор Франк уделяет и националистической публицистике немецкой профессуры (Рудольф Эйкен, Герман Коген), с перлами которой он знакомит читателей «Русской мысли»:

В этом необыкновенном подъеме энергии немецкой мысли улавливаешь явственные черты *внутреннего упадка*. Как мало во всей этой литературе подлинной глубины, объективности, чувства правды и справедливости, даже простой, научной добросовестности и трезвого сознания действительности[111].

Но, при этом, итог его критических разборов заключает в себе надежду на восстановление общего европейского пространства мысли:

Веруя в будущее общеевропейской культуры, нельзя не верить и в сохранность живых и глубоких сил германского духа, так много давшего миру и лишь теперь переживающего нравственную болезнь[112].

Такова общая основа философского осмысления Франком событий европейского кризиса: попытка сформулировать точку зрения универсальных принципов справедливости, которая не ограничивалась бы лишь апологией позиций одной из воюющих сторон.

Отыскание смысла войны, в чем бы оно ни заключалось, должно быть подчинено общему требованию, чтобы та *правда*, во имя которой ведется война, была действительно общечеловеческой, равно необходимой не только нам, но и нашему противнику. Мы должны понимать войну, не как войну против национального духа нашего противника, а как войну против злого духа, овладевшего национальным сознанием Германии и – тем самым – как войну за восстановление таких отношений и понятий, при которых возможно свободное развитие всеевропейской культуры во *всех* ее национальных выражениях[113].

В общей форме исполнение данного требования, предъявляемого к толкованию «смысла войны», видится Франку не в использовании категорий национальности, а в философско-правовых понятиях «права» и «силы».

Война идет не между Востоком и Западом, а между защитниками права и защитниками силы, между хранителями святынь общечеловеческого духа – в том числе и истинных вкладов в него германского гения – и его хулителями и разрушителями[114].

Насколько, однако, нетверда почва универсальных суждений, используемых в анализе конкретных исторических событий, видно из размышлений Франка о «духовной сущности Германии», в которых исторический анализ странным образом переплетается с весьма спорными культур-критическими конструкциями.

Основную линию своего понимания Германии Франк резюмировал в одной мемуарной характеристике:

> В противоположность ходячим тогда обличениям Германии, я указывал на начало *действенности*, как на определяющий мотив немецкого духа, и на национальную укорененность кантовской идеи «категорического императива», как чувства долга, преодолевающего человеческую слабость[115].

Смысл этого тезиса – в первую очередь, самокритический, возникший под впечатлением неудач русской армии и растущего безразличия русского общества к военному и политическому кризису. Он заключает в себе оценку общего умонастроения интеллигенции и противопоставляет ему солидарное выражение «моральной силы» немцев, их «чувства долга, отваги, хладнокровия перед лицом опасности, твердого упорства в достижении намеченной цели», независимо от содержания последней[116]. Констатируя в культурно-исторической ретроспективе, что «вся немецкая духовная жизнь, по крайней мере, со времени Бисмарка и франко-прусской войны, проходила основательную школу государственной дисциплины ума и воли и насквозь пропиталась соответствующим нравственным миросозерцанием»[117], Франк выделяет как положительный момент «коллективную нравственную волю людей, действующих не за страх, а за совесть».

> Единая воля, воля служению именно государственному механизму, не только фактически управляет действиями людей, но и всецело овладела их мыслями и нравственным сознанием[118].

Столь частое употребление в этих рассуждениях понятия «нравственный» не нужно понимать в смысле признания особой моральной правоты германской позиции в войне. Очевидно, что «нравственность» понимается здесь Франком в формальном смысле «практической убежденности» или «сознания долга», которые характеризуются с точки зрения «силы» и «твердости» мотива, безразлично к его содержательному наполнению.

Франк развивает, тем самым, распространенную версию моральной философии Канта как «формалистической этики», т. е. понимания нравственного закона как своего рода скорлупы, которая может соединяться с любыми мотивами и поэтому, чтобы превратиться в подлинную нравственность, еще только требует наполнения содержательными ценностями добра, справедливости, честности и т. д.[119]. Традиционное (но, в сущности, необоснованное) критическое возражение этике Канта, повторявшееся, начиная с Шиллера и немецких идеалистов (Гегеля, Шлейермахера), как раз и заключалось в том, что Кант ограничивается «лишь» формальным определением морали как закона, оставляя все ее содержательные аспекты вне рассмотрения. Из этого делался вывод, что этот закон можно наполнить любым содержанием, в том числе и аморальным. В интерпретации Франка кантовский «категорический императив» также имеет этот двойственный смысл общего принципа морали и, вместе с тем, пустой и бессодержательной формы сознания долга.

С одной стороны, «необходимо признать, что само установление понятия “категорического императива”, открытие нравственности, как *свободно,* внутренней силой самой личности признаваемого и осуществляемого и вместе с тем *безусловного* веления, есть одно из величайших достижений человеческого духа»[120]. И, в то же время, Франк допускает возможность его «наполнения» сугубо разрушительными военно-политическими мотивами.

> Немецкие [технические и военные] успехи суть успехи «категорического императива» Канта – живые образцы того, на что способна нация в самом отчаянном, опасном положении, когда она действительно *хочет* осуществлять то, что она считает своим *долгом*[121].

Эта, с морально-философской точки зрения, совершенно несостоятельная конструкция, использующая идею категорического императива для объяснения «бесспорной храбрости немцев» при оккупации Бельгии или бомбардировке Лувена, трансформируется Франком в общую характеристику немецкой нации, и тогда оказывается, что его истолкование Германии по структуре мало чем отличается от рассуждений Эрна. Только националистической конструкции, объясняющей все немецкое зло «феноменализмом» Канта, противопоставляется здесь более взвешенная, признающая и положительные аспекты «действенного воспитания личности» как национальной черты немецкого характера, но, в целом, использующая схему выведения положительных и отрицательных свойств из «категорического императива» Канта, понятого как «корень немецкого национального характера».

> Сила немцев, в конечном счете, заключена в том, что идеал Бетмана-Гольвега *осуществляется* ими все же с помощью нравственного сознания *Канта*; сила их в глубине и интенсивности чувства ответственности каждого гражданина за судьбу родины, в великой формуле «ты должен, следовательно, ты можешь». Только это знамя, хотя и поднятое в защиту неправого дела и неправой веры, есть источник их успехов[122].

В связи с этим Франк обращает понятие «варвар», использовавшееся тогда военной пропагандой Антанты в целях обличения немцев, в похвалу их практической энергии. При этом, он использует понятие «варвар» в смысле, родственном тому, как его определял Ф. Шиллер в «Письмах об эстетическом воспитании человека». В эстетико-антропологической теории Шиллера, «варвар», противопоставленный «дикарю», означает тип человека, у которого правила господствуют над чувствами[123]. У Франка понятие «варвар» также обозначает не «*уровень*, а *тип* развития»[124], заключающий в себе как положительные, так и отрицательные стороны.

> Эта национальная черта лежит в основе не только немецкой способности к техническому развитию, но и немецкой умелости в деле государственной и военной организации народа. Еще важнее, быть может, значение этой рассудочности для нравственного настроения немцев. Ибо вне ее был бы невозможен тот *государственно-общественный утилитаризм*, как непосредственно-практический мотив поведения, который столь характерен для современной Германии[125].

Здесь-то как раз и начинает раздваиваться образ «нравственного умонастроения» немцев в изложении Франка, обнаруживая свои резко отрицательные черты. «Прак-

тическая энергия» немцев, их «глубочайшая внутренняя преданность государству и власти» оказывается не более чем «*идолопоклонством*»[126], преклонением перед ложными ценностями.

> Это означает не только то, что немцы вообще поклоняются ложному, а не истинному божеству, и не только то, что это поклонение в значительной степени подкрепляется эгоистическим чувством утилитарно-хозяйственной ценности государственного могущества, но вместе с тем и то, что само поклонение это носит характер какого-то первобытного, варварского идолопоклонства, в котором религиозное чувство ближе к рабскому трепету перед могучей и грозной силой, чем к подлинному религиозному благоговению, основанному на любви к святыне[127].

Но имеет ли эта характеристика «государственного утилитаризма» и сервилизма населения как основного мотива деятельности вообще какое-то отношение к кантовскому определению «нравственной воли»? Сам Франк вынужден признать, что «немецкая общественно-нравственная психология не совпадает, конечно, с идеалом чистой нравственной автономности, выставленным Кантом, когда личность сама, своим свободным признанием ставит перед собой свой нравственный идеал»[128]. Но тогда единство конструкции распадается, более того она выступает свидетельством философской наивности, отождествляющей конкретные свойства фактического действия с понятийными схемами моральной философии.

Патриотическая идеология между реальной политикой и моральным призывом: диагноз современности и военно-политические рекомендации Петра Струве

В философско-политической дискуссии русской интеллигенции времен войны П.Б. Струве занимает особое и, в известном смысле, изолированное положение. Если его единомышленники из «Вех» ограничивались, в основном, публицистическим выступлениями, то Струве принимал активное участие в политической и общественной деятельности, связанной с организацией военной экономики и администрации (он был, к примеру, вместе с Г.Н. Трубецким и кн. Н.Н. Львовым соавтором воззвания Верховного Главнокомандующего к армии[129]). Объявленная в воззвании перспектива автономного самоуправления Польши в рамках Российской Империи пробудила значительные патриотические настроения и надежды на эволюцию «старого режима», впрочем, ограничивавшиеся лишь образованными слоями. Будучи одним из руководителей Всероссийского земского союза и председателем Комитета по борьбе с торговлей с неприятелем, Струве использовал свои профессиональные знания для консультирования по вопросам экономической разведки и снабжения продовольствием. Вместе с тем, как редактор «Русской мысли» и газетный публицист, Струве стремился оказывать влияние на формирование общественного мнения в кругах либеральной интеллигенции. Правда, его идейный «империализм», провозглашенный в концепции «Великая Россия» и развитый в статьях военного времени

в конкретные тезисы аннексионистской политики России[130], все более отчуждал его от основного партийного направления социал-либеральной политики, так что он в июне 1915 г. вышел из конституционно-демократической партии, к активным деятелям которой принадлежал с момента ее основания, из-за разногласий по национальному («украинскому») вопросу[131].

Национал-либеральная позиция Струве, парадоксальным образом сочетавшая идею правового государства, личностных прав и имперскую теорию, имела свой pendant в его понимании германской политики в исторической ретроспективе и ее современных результатах. При этом, ему удавалось избежать того смешения культурно-исторического и политического анализа с культур-критическими конструкциями, в которое впадали его философские единомышленники, хотя и Струве был вовсе не чужд философско-религиозных обобщений относительно кризиса европейской цивилизации.

Изолированность положения Струве в дискуссии о войне имела свои причины. Он резко выступал против характерной еще для предвоенного периода существенной «глухоты» русской идейной, в массе своей социалистической, интеллигенции к внешнеполитическим аспектам государства – и вытекающей из этой «глухоты» особой склонности к их мифологизации. Как вспоминал Федор Степун, сам до войны вращавшийся в кругах социалистов:

> В каком-то отвлеченном академическом порядке мне были вполне ясны основные политические вопросы 20-го века: вековая борьба Англии с Францией. Победа Англии и связанное с нею выдвижение на место первой континентальной державы созданной Бисмарком Германии с ее стремлением к морскому владычеству и грозящее столкновение английских, немецких и русских интересов на Балканах. Почему же, спрашиваю я себя, все эти вопросы никогда не возникли [в дискуссиях его круга]…? Объяснение этого, в сущности, невероятного факта надо, мне кажется, искать в традиционной незаинтересованности русской радикальной интеллигенции в вопросах внешней политики. История Франции сводилась к истории великой революции и коммуны 1871 года; история Англии интересовала только как история манчестерства и чартизма. Отношение к Германии определялось ненавистью к железному канцлеру за его борьбу с социалистами и преклонением перед Марксом и Бебелем. (…) Ясно, что с таким подходом к политике наша компания не была в состоянии облечь назревающую войну в осязаемую плоть живого исторического смысла. В нашем непосредственном ощущении война надвигалась на нас, скорее, как природное, чем как историческое явление[132].

Струве в своей философско-политической аналитике склонялся, вопреки такому умонастроению русских интеллектуалов, к «реально-политической» позиции, которая отличала его, по наблюдению Макса Вебера[133], от других теоретиков еще при возникновении либерального движения в России.

Анализируя причины войны, Струве очерчивает сложившуюся констелляцию внешнеполитических интересов великих держав, в которой Германия «занимает и географически, и культурно, и милитарно-политически положение, промежуточное между Англией и Россией»[134]. Равновесие сил на европейском континенте на рубеже веков сохранялось политически именно благодаря этому промежуточному положению, вследствие которого Германия как восходящая мировая держава еще не имела достаточно сил для самостоятельного противоборства с Англией, но уже опе-

редила в своем развитии и своем внешнеполитическом самоутверждении Россию, ослабленную русско-японской войной. Возможные же союзничества России с Англией и Францией создавали систему противовесов, препятствующую возникновению конфликта Германии (в союзе с Австро-Венгрией) с одной из этих держав. Да и в самой Германии существовали, по мнению Струве, две противоположные тенденции политики – одна в сторону укрепления западноевропейской привязанности Германии (с параллельным усилением враждебности к России), другая в сторону укрепления отношений на Востоке с целью противостояния Англии, т. е. линия продолжения политики Бисмарка в отношении России[135]. К этому расположению сил прибавилось с начала века внешнеполитическое противоборство России и Германии на Ближнем Востоке, особенно по поводу Турции[136]. Таким образом, конкуренция имперских интересов Англии и Германии, с одной стороны, и противостояние России и Германии на Ближнем Востоке, с другой, создали предпосылки военной ситуации, в которую были втянуты почти все крупные государства европейского континента[137].

Вместе с тем, в интерпретации Струве этот аспект не является решающим. Он замечает, что само по себе наличие этих общих внешнеполитических предпосылок не может рассматриваться как причина войны, тем более, что дипломатические усилия разных сторон были направлены на ее предотвращение.

> Ни задачи мировой политики новой Германии, ни традиционная психология прусского милитаризма не могут, как безличные факторы, исчерпывающим образом объяснить конкретного сцепления событий, приведших к войне 1914 г[138].

Война явилась, напротив, результатом индивидуальных решений отдельных лиц, и, в частности, германского кайзера Вильгельма II[139].

Можно, в данном случае, отвлечься от конкретных выводов морально-юридического порядка, которые делает Струве, тем более, что он сам лишь гипотетически высказывается о роли тех или иных лиц в развязывании войны[140]. Здесь важно лишь отметить основную фигуру его интерпретации: в противоположность большинству философских публицистов «Русской мысли», Струве отказывается видеть в событии войны реализацию некой общей схемы «германской души». Более того при анализе мотивов политических решений он настаивает на том, что политика современной Германии представляет собой полный разрыв с традициями политической и философской мысли от наполеоновских войн до Бисмарка.

> В газетах установился как бы публицистический трафарет, что современная Германия есть та самая милитарная и милитаристическая Пруссия, которая объединила германские государства, что Вильгельм II – продолжатель политики Бисмарка и что в этих традициях ключ к пониманию великой европейской войны 1914 г.[141].

В противоположность этому, тезис Струве гласит, что «политика, которая привела к войне 1914 г., есть нечто новое сравнительно с той политикой, которая восторжествовала в 1866, 1870–1871 гг., нечто коренным образом от нее отличное»[142]. Никакой преемственности «Германии философов и поэтов» или даже «Германии Бисмарка» с современной политикой и общественным мнением в Германии не существует.

> Та германская «гордыня», которую мы ощущаем, как главный источник происхождения этой войны, есть явление новой и даже новейшей Германии. В ней поражает полное отсутствие всякой религиозной подкладки, она по питающему ее духу – позитивна и позитивистична. (…) В этой политике – и в этом ее глубочайшее метафизическое отличие даже от политики Бисмарка и идеологии Трейчке – совершенно отсутствует ощущение и сознание сверхчеловеческих сил, действующих в истории, словом, отсутствует религиозное начало. В мировоззрении и политике Бисмарка, как бы ни оценивать ее отдельные приемы и действия, присутствовало ощущение и сознание сверхчеловеческих сил, руководящих людьми в истории. Именно этого нет у деятелей современной Германии[143].

Струве иллюстрирует этот тезис сопоставлением деятельности Бисмарка, стремившегося создать *политическое* равновесие во внешних отношениях Германии и избегавшего прямых конфликтов как с Россией, так и Англией, с политикой Вильгельма II, который вел дело именно к конфронтации[144]. При всех милитаристских компонентах своего понимания политического Бисмарк никогда не подчинял политику военным соображениям. Напротив, в современной Германии «агрессивное политическое мышление, в сущности, перестало быть политическим. Политические решения стали построяться по типу решений стратегических»[145]. Такая смена политического умонастроения и образует разрыв преемственности в политике, усиленный новыми тенденциями общественного мнения на рубеже веков.

В связи с этим Струве прямо говорит о «крушении дела Бисмарка» в современной Германии.

> Та трагедия, которую сейчас переживает Германия, есть катастрофическое пожрание этой одной Германии, другою. Германия Бисмарка это – Германия, в создание которой вложились одинаково и реализм прусской державы с ее военной дисциплиной, и идеализм германской философии с ее духовным строем. Действующая сейчас Германия Вильгельма II – нельзя достаточно подчеркивать это – совсем другое порождение и другая фигура. Это Германия буржуазии и буржуазной социал-демократии, Германия рафинированной культуры и откровенного культа богатства и экономической силы[146].

Хотя Струве в культур-философском отношении и дистанцировался от антигерманской пропаганды неославянофилов, но его «великорусский империализм» служил препятствием к аналитически фундированной оценке российской политики в Первой мировой войне[147]. Струве, руководившийся политической философией, согласно которой внешнеполитическая экспансия России создает предпосылки для внутриполитического мира, оставался совершенно нечувствительным к опасности тяжелых последствий войны для российского государства и общества[148]. В своих военных статьях он пророчил «моральное оздоровление» русского народа благодаря войне и концентрировался, в основном, на пропагандистском разъяснении военных целей России. Эти цели он определял в духе неославянофильского видения внешней политики, призванной влиять на славянские государства, что соответствовало сложившемуся еще до войны консенсусу центристских партий по этому поводу. Главным направлением внешней политики должен был стать Ближний Восток, в силу чего следовало стремиться к установлению контроля над морскими проливами и превращению Черного моря во внутреннее море России. «Война 1914 г. призвана

довести до конца внешнее расширение Российской Империи, осуществить ее имперские задачи и ее славянское призвание»[149].

Евгений Трубецкой: христианский универсализм как всемирно-историческое призвание России

Если культурно-философский подход Струве включал в себя и позицию реальной политики, то его оппонент Е.Н. Трубецкой, по примеру своего учителя Вл. Соловьева, формулировал «всемирно-историческое призвание» России в рамках «христианского универсализма», к практическим целям которого относилось (в соответствии с его неославянофильской позицией[150]) и установление господства над морскими проливами, а также завоевание Константинополя[151]. Подобный универсализм, в котором, впрочем, решающую роль играла русско-православная компонента, он противопоставлял «национализму» любых оттенков, то есть принципу национальной исключительности, в целом. В соответствии с этим, Германия функционировала в его военно-философской публицистике как пример «*патриотического афоризма*»[152], по контрасту с которым должно определяться истинное патриотическое предназначение России.

Европейский кризис Трубецкой интерпретирует как столкновение религиозной и правовой идеи универсальной справедливости с господствующим в современной политике принципом национально-государственного самоутверждения[153]. С этой точки зрения, ему видится и политическая задача войны:

> Мы сражаемся за *права национальностей* вообще, за самый национальный принцип в политике в полном его объеме. (…) Задача, навязанная нам историей, чужда противоположности Востока и Запада: она в одинаковой мере возвышается над антагонизмом племенным и вероисповедным. Это – задача, по существу, сверхнародная, универсальная, задача всеобщего политического возрождения всех порабощенных национальностей[154].

Таким образом, военный конфликт рассматривается Трубецким как борьба против принципа национального самопревознесения, вообще, каковой воплощается в германском национализме.

> Мы должны, во что бы то ни стало, не повторять роковой ошибки Германии. Я не стану останавливаться на *частных* ошибках и преступлениях и скажу два слова о *главном* грехе современного германизма. Это – возведение нации в кумир, превознесение ее над всем, что есть ценного в мире. «Deutschland, Deutschland über alles« – вот в чем самая важная ошибка современной Германии, ошибка роковая, ибо всякий кумир рано или поздно должен быть разбит. Если мы последуем примеру Германии, если мы переведем на русский язык этот гимн национального самоупоения и запоем вслед за немцами: «Russland, Russland über alles«, – мы погибли безвозвратно[155].

Следовательно, в распространении националистических настроений в русской общественности после начала войны Трубецкой также видит проявления «герман-

ского ига», которое тяготеет «*над нашей душой*, над нашей волей и чувством»[156]. Топос «внутреннего немца» вновь находит свое употребление.

«Эрос» и «этос». Дебаты о национализме накануне революции: Дмитрий Муретов о национализме и национальном чувстве

Идеология патриотической мобилизации, вызвавшая поток рассуждений о Германии, вытеснила главные темы и противоречия публичной дискуссии, относящиеся к проблеме национализма, правда, лишь на короткое время и только отчасти. Хотя вырванное у правительства обещание о предоставлении культурной автономии и самоуправления Польше и вызвало всеобщее одобрение у либеральной общественности (поскольку оно укрепляло консенсус демократической оппозиции по этому вопросу), однако, почти одновременно выдвинутое требование предоставления автономии Украине привело к тяжелому кризису в стане либерального национализма. Его последствиями стали выход Струве из Конституционно-демократической партии и раскол политического центра. Полемика вокруг требования некоторых либеральных политиков украинского происхождения о признании самостоятельной украинской культурной нации наряду с великороссами обнаружила скрытые слабости империалистического концепта Струве. Он рассматривал украинцев («малороссов») лишь как часть общероссийской государственной и культурной нации (понимаемой по образцу Британской империи и Соединенных Штатов), отметая как «немецко-австрийское» влияние всякое утверждение о наличии самостоятельной, этнически обосновываемой украинской нации. Политическая дискуссия по этому вопросу продолжалась на протяжении всего военного времени и закончилась летом 1917 г. провозглашением украинской автономии, которое фактически положило начало процессу распада Российской Империи еще до большевистского переворота[157].

Философским резюме этой дискуссии, представлявшим собой своего рода завершение философских дебатов о войне, стал «спор о национализме» Трубецкого, Струве и Бердяева в «Русской мысли» в 1916–1917 гг., по поводу тезисов юриста Дмитрия Муретова, приглашенного Струве к сотрудничеству в журнале[158]. В этом споре были четко обозначены противоположные философские позиции, полагаемые в основание интерпретаций культурно-политических явлений. Его центром стало обсуждение проблемы национальности в ее отношении к этике и религии.

> В споре подымается в высшей степени важная философская и в конце концов религиозная проблема: применимы ли чисто-моральные оценки к истории, к борьбе наций и государств, и могут ли быть перенесены оценки жизни индивидуальной на историческую жизнь народов[159].

Муретов, публицист, в целом, чуждый либеральному кругу «веховцев» в силу своих консервативно-монархических убеждений, был, тем не менее приглашен Струве к сотрудничеству по причине того, что он «имел интересные, свежие, весьма “еретические” для обычного интеллигентского миропонимания мысли о национализме, о национальном чувстве»[160]. Поводом для возникновения спора с Трубецким

стала статья Муретова «Этюды о национализме», в которой он, в противоположность распространенному пониманию национализма как идеологии, переводил национализм из сферы «учения» и «теории» в сферу «чувства».

Определяя национализм как «пристрастие», или «любовь» к своему народу Муретов проводит, ссылаясь на Платона, параллель национального чувства и «эротической любви», для оценки которой отсутствуют рациональные критерии. «Любить страстно – значит любить слепо, любить выше разума, выходя за пределы своих понятий. (…) Когда объектом такой слепой, выше разума, выше справедливости идущей любви делается не личность отдельного человека, но исторический народ, тогда возникает вид *политического исступления* – национализм»[161]. Любовь к «историческому народу», понимаемая как иррациональное чувство, выносится, тем самым, за пределы моральных оценок, она находится «по ту сторону добра и зла». Выступая против моральной критики национализма, распространенной в российской культурфилософской дискуссии под влиянием Владимира Соловьева, Муретов утверждает, что «*национализм ничего не говорит о моральном отношении*, а именно о той любви, о которой ничего не говорит ни одна моральная заповедь»[162].

Однако, тезис Муретова не ограничивается простой констатацией присутствия некоего иррационального чувства любви человека к своему народу. В своем рассуждении он выводит из сферы рациональных критериев и всю область поступков, совершаемых в соответствии с национальным мотивом. Национализм, как «Эрос в политике», «не может не впадать иногда в противоречие с объективными нормами правовой справедливости (…)»[163]. При этом, в опровержение своего собственного тезиса Муретов использует и вполне рациональные критерии оценки, когда заходит речь о противопоставлении «великорусского» и «украинского национализма». Здесь помимо слепого чувства в рассуждение вводится и критерий культурного развития: «Творческое значение национальности заключается в расширении и обогащении личности человека»[164], и если национальная замкнутость приводит к упадку культуры (а именно такой характер приписывает Муретов стремлениям к украинской автономии), то национализм следует отвергать.

Струве, пытаясь смягчить чисто иррационалистическую интерпретацию Муретова, включал в определение национализма также и этический момент: «По существу дела *эрос* неразрывно связан с *этосом*»[165]. Тем самым, он разграничивал «чувство» и «поступки». Первое может быть вынесено за пределы оценки, вторые определяются моральным сознанием личности. «Действенный патриотизм невозможен без самодеятельной и самоуважающей личности, которая в служении целому обретает свое призвание»[166]. Однако и Струве устанавливал границы применимости моральных квалификаций, утверждая неприменимость моральных суждений в понимании истории. «Совершенно ясно, что если исторические судьбы и пути народов подлежат вообще какой-либо оценке, то критерием оценки не может служить формула какого-либо нравственного закона»[167].

С критикой этих тезисов Муретова и Струве как раз выступил Трубецкой, вскрывая «двойной стандарт» рассуждений о национализме в случае собственной и чужой национальности (в споре об украинском национализме)[168]. Если Муретов полностью выводил тему национальности из сферы рационального рассуждения, а Струве утверждал неприменимость к ней моральных оценок, то Трубецкой, наоборот, рассматривал этические нормы как универсальные принципы, которым подчиняются как «чувства», так и «поступки».

Т.е. не только действия, совершенные в соответствии с мотивом «национальной любви», но и само чувство представляются ему подлежащими моральной квалификации. В этом состоит универсальность и безусловность нравственного закона[169]. Ведь если обязанность и долженствование определенных поступков объясняются посредством констатации фактического присутствия какого-нибудь чувства, то моральный закон становится лишь советом житейского благоразумия, которым можно при желании пренебречь[170]. Напротив, безусловность, по Трубецкому, гарантируется, если закон рассматривается как общая, для всех значимая норма, обоснованная в *религиозном* универсализме. В этом смысле Трубецкой утверждает версию «*патриотизма христианского*, в котором и национальное, и моральное начала подчинены религиозному»[171], причем, в национализме своих оппонентов он усматривает угрозу обусловленной войной «всеобщей […] пруссификации народов»[172].

* * *

Непосредственный опыт войны, его осмысление или, наоборот, вытеснение с помощью «военной философии» оказались для русского исторического сознания заслоненными событиями большевистского захвата власти в 1917 г. и последующей гражданской войной или виделись впоследствии только в свете последних. В ситуации распада государства интеллектуалам, а среди них и философам, оставалась либо пассивная роль комментаторов происходящего, либо деятельное участие на одной из противоборствующих сторон. Размышления о живительной роли патриотизма или о всемирно-исторической задаче России в мировой войне сразу утратили всякое значение. Они были просто оставлены без всякого последующего исторического осмысления прошлого.

Правда, существовали и примеры интеллектуальной самокритики, к каковым следует отнести подготовленный философами круга «Русской мысли» в 1918 г. сборник «Из глубины», вышедший после закрытия журнала большевистскими властями. Но эта книга не дошла тогда до своих читателей, оставшись лишь единичной попыткой ретроспективного анализа собственной ангажированности идеологией мобилизации. Представленный в ней диагноз крушения Российской Империи содержал в себе и осмысление несостоятельности философии перед лицом мировой войны, вызов которой философия (как славянофильского, так и западнического направления) смогла встретить лишь старыми мыслительными и конструкциями[173].

Вместе с тем, можно констатировать довольно быстрое исчезновение антигерманской риторики из свода аргументации культур-философской публицистики. Ведь с исчезновением пропагандистской причины, а именно, выходом России из войны и последующим ее окончанием, снова смогло вступить в свои права традиционное убеждение социал-либерально ориентированных интеллектуалов в том, что немецкая культура представляет для России интернациональный элемент или фактор цивилизационного процесса. Это убеждение, по сути, отождествляло «европейское» и «немецкое», причем, в виду имелась не империя Вильгельма, а распространенная во всей Центральной Европе и России стихия немецкого языка и культуры. Это отождествление объясняет, к примеру, то обстоятельство, что во время войны, вопреки союзу с западноевропейскими державами, все попытки сближения с Англией и Францией оставались очень ограниченными и нерешительными. Это отождествление объясняет, далее, и то обстоятельство, что массовая эмиграция после гражданской войны в 1920–21 гг. произошла именно в Германию.

Кроме того, подобная идентификация с немецкой культурой была центральной составной частью культурной и политической идентичности левых и либеральных интеллектуалов. Поэтому, с одной стороны, столь велико было разочарование по поводу солидаризации немецкой социал-демократии, а также немецкой профессуры с целями германского милитаризма. Ведь их российские «ученики» видели в них подлинных носителей, проводников интернационального цивилизационного («европейского») наследия. С другой стороны, это отождествление объясняет и своеобразие философской дискуссии о войне в России. Полемику с «режимом» Вильгельма с его милитаризмом и национализмом (понимавшимся как «двойник» российского самодержавия) можно было без проблем отделить от дискуссии о немецком культурном наследии. Ведь это наследие рассматривалось как некое «внутреннее российское дело», как средство культурного самосознания. Поэтому метафора «внутреннего немца» в ее противоречивой двусмысленности приобрела столь заметное место в дискуссии. С ее помощью интеллектуалы могли производить инвентаризацию обретений и потерь русской культурной идентичности по отношению к европейской цивилизации.

Перевод с немецкого (отдельные фрагменты) Наталии Зоркой

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: *Евгений Голлербах.* К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. – СПб., 2000. С. 249. (курсив Е.Н. Трубецкого). По поводу настроений в научно-академической среде после начала войны см. статьи сборника: Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. – СПб., 2007 (особенно статьи А.Н. Дмитриева и Т. Маурер).

[2] *Николай Бердяев.* К спорам о германской философии // Русская мысль (далее сокр. РМ). – М., 1915. Кн. 5. 2-я паг. С. 115.

[3] *Hermann Lübbe.* Politische Philosophie in Deutschland. – München, 1974. S. 171. См. также: *Wolfgang J. Mommsen* (Hg.). Kultur und Krieg. Die Rolle der Intellektuellen, Künstler und Schriftsteller im Ersten Weltkrieg. – München, 1996.

[4] См.: *Rudolf Eucken.* Die sittlichen Kräfte des Krieges. – Leipzig, 1914. По поводу военной философии Эйкена см.: *H. Lübbe.* Politische Philosophie (прим. 3); *Kurt Flasch.* Die geistige Mobilmachung. Die deutschen Intellektuellen und der Erste Weltkrieg. – Berlin, 2000.

[5] *Вячеслав Иванов.* Вселенское дело // РМ. 1914. Кн.12. 2-я паг. С. 103.

[6] См.: *Ричард Пайпс.* П.Б. Струве. Биография. В 2 т. – М., 2001. Т. 2. С. 220–256.

[7] См.: *Nikolaj Plotnikov/ Modest Kolerov.* Deutschland aus sozialliberaler Sicht. In: Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II. bis zum Ersten Weltkrieg. Hg. von Dagmar Hermann (=West-östliche Spiegelungen, Bd.4B). – München, 2005.

[8] К истории издательства «Путь» ср.: *Е. Голлербах.* К незримому граду (прим. 1).

[9] Vgl. *Kristiane Buchardi.* Die Moskauer «Religiös-Philosophische Vladimir-Solov'ev-Gesellschaft» (1905–1918). – Wiesbaden, 1998 (=Forschungen zur osteuropäischen Geschichte; Bd. 53).

[10] Ср.: «Взыскующие града». Хроника частной жизни русских философов в письмах и дневниках / сост. В.И. Кейдан. – М., 1997. С. 627. Ведущая роль авторов «Русской мысли» во всей философской дискуссии о войне засвидетельствована представительным сборником: Идейные горизонты мировой войны / сост. П. Кудряшов. – М., 1915. Большинство представленных в нем авторов принадлежало кругу журнала.

[11] Ср. специально по поводу образа Германии: *Евгений Тарле.* К истории русско-германских отношений в новейшее время // РМ. 1914. № 11; *А.Д. Коральник.* Германская идея // РМ. 1914.

№ 12; *Владислав Бузескул.* Современная Германия и немецкая наука // РМ. 1915. № 2; П. Савицкий. Борьба за империю. Империализм в политике и экономике // РМ. 1915. № 1. Ср. библиографический перечень в кн.: *А.А. Гапоненков, С.В. Клейменова, Н.А. Попкова.* «Русская мысль». Ежемесячное литературно-политическое издание. Указатель содержания 1907–1918. – М., 2003.

[12] Ср.: *B. Hellman.* Когда время славянофильствовало. Русские философы и Первая мировая война // Проблемы истории русской литературы начала XX века (=Studia Russica Helsingensia et Tartuensia). – Helsinki, 1989. P. 211–239.

[13] Ср. *В.Я. Черняев.* Первая мировая война и перспективы демократического преобразования Российской империи // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума. – СПб., 1999. С. 189–215.

[14] Ср.: *Caspar Ferenczi.* Nationalismus und Neoslawismus in Russland vor dem Ersten Weltkrieg // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Bd. 34. – Wiesbaden, 1984. S. 7–127, особенно. S. 17ff. Это противоречие неоднократно подчеркивал Петр Струве еще до Первой мировой войны: *П.Б. Струве.* Два национализма (1910) // *Он же.* Patriotica. Политика. Религия. Социализм. – М., 1997. С. 164–172. Материалы дискуссий о «национализме» до 1917 г. собраны в кн.: Национализм. Полемика 1909–1917. Сб. ст. / сост. и прим. М.А. Колерова. – М., 2000.

[15] Симметрия в восприятии себя и чужого многократно становилась темой публицистики. Ср., например, сборники издательства социалистической ориентации «Прометей»: Чего ждет Германия от войны. Петроград, 1915; Чего ждет Россия от войны. – Петроград, 1915.

[16] *Е.Н. Трубецкой.* Мы должны победить в себе «внутреннего немца» // Русские Ведомости. 1915. № 204 (цит. по: Идейные горизонты мировой войны [прим. 10]. С. 141–143). «Соблазн русской души “германизмом”» – распространенный топос славянофильски ориентированной публицистики военного времени; ср.: *B. Hellmann:* Когда время славянофильствовало (прим. 12). Впрочем, нужно четко отличать эту публицистику философствующих интеллектуалов от ультраконсервативных провокационных кампаний, направленных против российских немцев. Эта травля нашла свое публицистическое выражение в таких сборниках, как «Немецкое зло». Сборник статей, посвященных борьбе с нашей внутренней Германией. Вып. 1. – М., 1915; вып. 2. – М., 1917.

[17] Ср.: *Н.А. Бердяев.* Война и возрождение // Утро России. 1914. № 192 (август).

[18] Ср.: *Е.Н. Трубецкой.* Смысл войны. – М., 1915; *И.А. Ильин.* Духовный смысл войны. – М., 1915; *С.Л. Франк.* О поисках смысла войны // РМ. 1914. № 12. 2-я паг. С. 125–132. В это время были также использованы и переизданы прежние тексты по философии истории. Ср.: *Вл. Соловьев.* Смысл войны. Философский очерк. – Одесса, 1915.

[19] См.: *С.Л. Франк.* Биография П.Б. Струве. – New York, 1956. С. 104. Ср. признание С.Н. Булгакова: «Живу, как все, как и Вы, потрясенный, умиленный, смущенный, возрадованный. Никогда Родина не переживала такого брачного часа, никогда еще народ не познавал так своего Царя, а Царь своего народа (как прекрасен, как смиренен и мужественен наш Государь, какие слова нашел он для выражения чувства всей России. Воистину, Господь с ним!). Какая молитвенность загорелась, как воссияла Мать Наша, Православная Церковь! Куда делась вся интеллигентская и партийная мерзость, распря, вражда! Совершилось воистину чудо, и радостно умереть при этом: “ныне отпущаеши”... Чтобы ни было впереди, но мы увидели Русь, и она сама себя увидала! Это неотъемлемо и это бесценно!» (Письмо А.С. Глинке // «Взыскующие града» [прим. 10]. С. 585).

[20] Письмо М.К. Морозовой Е.Н. Трубецкому 2 сентября 1914 // «Взыскующие града» (прим. 10). С. 592.

[21] Формулировка Н. Бердяева в его статье «Война и возрождение» (прим. 17), отсылающая к названию работы Фихте.

[22] Петр Струве ретроспективно называл это настроение «Strohfeuer» («короткая вспышка» – нем.). Ср.: *С.Л. Франк.* Биография П.Б. Струве (прим. 19). С. 103.

[23] По поводу дискуссий в Москве см.: *Kristiane Buchardi.* Die Moskauer «Religiös-Philosophische Vladimir-Solov’ev-Gesellschaft». (прим. 9). S. 290ff., «Взыскующие града». (прим. 10) С. 613 сл.; по поводу дискуссий в Петербурге см. *Jutta Scherrer.* Die Petersburger religiös-philosophischen Vereinigungen. Die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Inteligencija-Mitglieder (1901–1917) (=Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 19). – Berlin, 1973. S. 327–347. Протоколы заседаний Петербургского РФО см.: Религиозно-философское общество в Санкт.Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах 1907–1917. Т. 1–3. – М., 2009.

[24] *Зинаида Гиппиус.* Петербургские дневники 1914–1919. – М., 1991. С. 28.

[25] Ср.: *С.Л. Франк.* Биография П.Б. Струве. (прим. 19) С. 104 сл. Впрочем, и Струве явственно подчеркивал, что его «патриотизм» никак не связан с «антинемецкими» настроениями. «Я не испытываю ни малейшей ненависти к немцам и именно в этом ощущаю свою патриотическую силу», – замечал Струве, по воспоминанию Франка. Там же. С. 105.

[26] *М.К. Морозова.* Письмо Е.Н. Трубецкому, август 1914 // «Взыскующие града». С. 587.

[27] Все цитаты взяты из статьи: *С.Н. Булгаков.* Русские думы // РМ. 1914. № 12. 2-я паг. С. 108–115. Правда, Е.Н. Трубецкой постарался дистанцироваться от своих неославянофильских сподвижников. Ср.: «Взыскующие града». (прим. 10) С. 594.

[28] О подготовке и ходе мероприятия см.: «Взыскующие града». (прим. 10) С. 600–604.

[29] *В.Ф. Эрн.* От Канта к Круппу // РМ. 1914. Кн. 12. 2-я паг. С. 116–124. Цит. по кн.: *В.Ф. Эрн.* Сочинения. – М., 1991. С. 308–318. О полемике по докладу Эрна в Москве см.: «Взыскующие града». (прим. 10) С. 600–605; *J. Scherrer.* Die Petersburger religiös-philosophischen Vereinigungen (прим. 23). S. 338–341. По сообщению в переписке И.А. Ильина Эрн предполагал назвать свою речь «Бронированный свищ», чему, однако, воспротивились организаторы заседания РФО. Было заявлено название «Кризис современной Германии» с подзаголовком «От Канта к Круппу», на котором настаивал Эрн. См.: «Нет ничего прекраснее индивидуального…». Из неопубликованных писем И.А. Ильина к Л.Я. Гуревич // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 119.

[30] См. напр.: *Г. Василевский.* Виновата ли германская культура. – Пг., 1915; *А.К. Дживелегов.* Немецкая культура и война. – М., 1915; Идейные горизонты мировой войны. (прим. 10) С. 49–107.

[31] См.: Phänomenalismus // J. Ritter u.a. (Hrsg.). Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 7. – Basel, 1989. S. 483–485.

[32] *В.Ф. Эрн.* От Канта к Круппу. (прим. 29) С. 316.

[33] Там же. С. 310.

[34] Там же. С. 313.

[35] Там же. С. 311.

[36] См. собрание его полемических статей в сборнике «Меч и крест» (1915): *В.Ф. Эрн.* Сочинения. (прим. 29). особ. С. 348–353.

[37] *В.Ф. Эрн.* Сущность немецкого феноменализма // *Он же.* Сочинения (прим. 29). С. 325.

[38] Ср.: *С.Н. Булгаков.* Русские думы. (прим. 27); *Вяч. Иванов.* Вселенское дело (прим. 5); *В.В. Розанов.* Война 1914 года и русское возрождение. – Пг., 1915.

[39] *Н. Бердяев.* О вечно бабьем в русской душе (1915) // Судьба России. – М., 1990. С. 36–48.

[40] Ср. *Annemarie Pieper.* Gibt es eine feministische Ethik? *Он же.* – München, 1998.

[41] *С.Л. Франк*. О поисках смысла войны // РМ. 1914. Кн. 12. 2-я паг. С. 125–132.

[42] *В.Ф. Эрн.* Время славянофильствует // *Он же.* Сочинения. (прим. 29) С. 381.

[43] Там же. С. 378.

[44] Там же. С. 374.

[45] *В.Ф. Эрн.* Сущность немецкого феноменализма // Там же. С. 328.

[46] Там же. С. 327.

[47] Борьба за Логос // *В.Ф. Эрн.* Сочинения. (прим. 29) С. 11–294.

[48] Указание на эту брошюру см.: *М.В. Безродный.* Из истории русского германофильства: Издательство «Мусагет» // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1999 год / под ред. М.А. Колерова. – М., 1999. С. 157–198.

[49] New York, 1915.

[50] По признанию в одном его из писем, целью полемического выступления Эрна было стремление «заложить “мину” под всю немецкую культуру». Ср. Письмо В.Ф. Эрна к жене от 28 сентября 1914 г. // «Взыскующие града». (прим. 10) С. 599.

[51] Ср., напр., резко отрицательный отклик И.А. Ильина на выступление Эрна, а также сообщение о его полуторачасовом докладе с критикой Эрна: Из неопубликованных писем И.А. Ильина к Л.Я. Гуревич. (прим. 29) С. 119сл.

[52] *М.М. Рубинштейн.* Виноват ли Кант? // Русские ведомости. 1915, № 33. С. 5 (11. февраля 1915); *Л. Слонимский.* Воинственная Германия и возврат к Канту // Вестник Европы. 1915. Март. С. 317–322

[53] *Е.Н. Трубецкой.* Война и мировая задача России // РМ. 1914. Кн. 12. 2-я паг. С. 376–377.

[54] См.: *Н. Бердяев.* К спорам о германской философии. С. 117; Письмо Е.Н. Трубецкой. М.К. Морозовой 5 сентября 1914 // «Взыскующие града». С. 594. Ср. также замечание З. Гиппиус в дневнике от 28 апреля 1915 г.: «Москвичи осатанели от православного патриотизма. Вяч. Иванов, Эрн, Флоренский, Булгаков, Трубецкой и т.д. и т.д.» (*З. Гиппиус.* Петербургские дневники. С. 33).

[55] См. *С.Н. Булгаков.* Война и русское самосознание (1915) // *Он же.* Труды по социологии и теологии. В 2-х тт. – М., 1997, цит. Т. 2. С. 148; *Он же.* Три империи // Великая война в образах и картинах. Вып. X. – М., 1916. С. 50–53.

[56] Там же. С. 149.

[57] *С.Н. Булгаков.* Русские думы. (прим. 27) С. 110.

[58] Там же.

[59] *С.Н. Булгаков.* Война и русское самосознание. (прим. 55) С. 150.

[60] Там же.

[61] Там же. С. 152.

[62] Там же. С. 165.

[63] Ср. более раннюю статью Булгакова: Душевная драма Герцена (1902) // *Он же.* Труды по социологии и теологии. (прим. 55) Т. 1. С. 161–194. См. также: *Тимо Вихавайнен.* Внутренний враг. Борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. Пер. с англ. – СПб., 2004.

[64] *С.Н. Булгаков.* Русские думы. С. 111–112.

[65] См.: *W. Sombart.* Händler und Helden: Patriotische Besinnungen. – München, 1910; об этом: *H. Lübbe.* Politische Philosophie in Deutschland; F.K. Ringer. Die Gelehrten. Der Niedergang der deutschen Mandarine 1890–1933. – München, 1987. S. 169–185.

[66] *С.Н. Булгаков.* Русские думы. С. 112.

[67] См. об этом: *Nikolaj Plotnikov/Modest Kolerov:* Deutschland aus sozialliberaler Sicht. (прим. 7).

[68] *С.Н. Булгаков.* Человечность против человекобожия. Историческое оправдание англо-русского сближения (1916) // *Он же.* Труды по социологии и теологии. Т. 2. С. 237.

[69] *С.Н. Булгаков.* Русские думы. С. 110–111.

[70] *С.Н. Булгаков.* Человечность против человекобожия. С. 243.

[71] Там же. С. 246.

[72] Там же.

[73] Там же. С. 245.

[74] Там же. С. 246.

[75] О хлыстовстве, его восприятии и культурно-литературном бытовании в России см.: *А. Эткинд.* Хлыст. Секты, литература и революция. – М., 1998.

[76] *С.Н. Булгаков:* Человечность против человекобожия. (прим. 68) С. 257.

[77] *С.Н. Булгаков.* Три империи. (прим. 55) С. 50.

[78] *С.Н. Булгаков:* Человечность против человекобожия. (прим. 68) С. 236.

[79] Там же. С. 247.

[80] Там же. С. 252.

[81] Там же. С. 253.

[82] Там же.

[83] Ср.: Там же. С. 256.

[84] *С.Н. Булгаков.* Русские думы. (прим. 27) С. 113.

[85] *С.Н. Булгаков.* Человечность против человекобожия. С. 259. Впервые текст опубликован: РМ. 1916. Кн. 5/6. 2-я паг. С. 1–32.

[86] См.: Там же. С. 238–241.

[87] Критические выпады в адрес славянофильской идеологии встречаются уже в диалоге «На пиру богов» (сборник «Из глубины», 1918), а также «У стен Херсониса» (*С.Н. Булгаков.* Труды по социологии и теологии. Т. 2. С. 351–500).

[88] См.: *С.Н. Булгаков.* Христианская социология // *Он же.* Труды по социологии и теологии. Т. 2. С. 528–565.

[89] *Н. Бердяев.* К спорам о германской философии (прим. 2). С. 118.

[90] Там же.

[91] Там же. С. 115.

[92] Там же. С. 119.

[93] О круге общения С. Булгакова, В. Иванова, Эрна, Михаила Гершензона, Бердяева и др., формировавшем личные связи между Религиозно-философским обществом, издательством «Путь» и журналом «Русская мысль», см.: *Вера Проскурина.* Течение Гольфстрима. Михаил Гершензон, его жизнь и миф. – СПб., 1998. С. 230–285.

[94] *Николай Бердяев:* К спорам о германской философии (прим. 2). С. 119.

[95] Там же.

[96] Там же.

[97] Там же. С. 120. Ср.: «И всего более должна быть Россия свободна от ненависти к Германии, от порабощающих чувств злобы и мести, от того отрицания ценного в духовной культуре врага, которое есть лишь другая форма рабства» (*Н.А.* Бердяев. Душа России (1915) // *Он же.* Судьба России. – М., 1990. С. 25).

[98] *Н.А. Бердяев.* Религия германства (1916) // *Он же.* Судьба России. С. 158.

[99] Там же. С. 159.

[100] По поводу этих стереотипов см. *С.В. Оболонская.* Германия и немцы глазами русских. XIX век. – М., 2000.

[101] *Н.А. Бердяев.* Религия германства. (прим. 98). С. 160–161.

[102] Там же. С. 164.

[103] Там же.

[104] Там же. С. 163.

[105] Равновесие между «патриотическим умонастроением» и взвешенным суждением о Германии удавалось сохранять немногим. О характере публицистической дискуссии см. критические наблюдения Б.В. Яковенко и И.А. Ильина (Письма Б.В. Яковенко к Г.Г. Шпету // Логос. № 3. – М., 1992. С. 252–256; «Нет ничего прекраснее индивидуального…» Из неопубликованных писем ИА. Ильина к Л.Я. Гуревич. [прим. 29]).

[106] *С.Л. Франк.* Биография П.Б. Струве. С. 106.

[107] В связи с этим стоит упомянуть работы еще одного участника «веховского» круга – А.С. Изгоева в «Русской мысли» и газете «Речь». Изгоев ограничивался полемикой с антирусской публицистикой в Германии и с антинемецкой пропагандой русских ультраправых националистов, развязавших публичную травлю немецких жителей в крупных городах России. См. напр.: *А.С. Изгоев.* На перевале. Зарницы войны // РМ. 1915. Кн. 2. 2-я паг. С. 119–127; На перевале. Перед спуском // РМ. 1914. Кн. 12. 2-я паг. С. 166–175.

[108] *С. Франк.* О поисках смысла войны. С. 129.

[109] Там же. С. 130.

[110] Там же. С. 127.

[111] *С. Франк.* Мобилизация мысли в Германии // РМ. 1916. Кн. 9. 3-я паг. С. 21.

[112] Там же. С. 27.

[113] *С. Франк.* О поисках смысла войны. (прим. 18) С. 130–131.

[114] Там же. С. 132.

[115] *С.Л. Франк.* Биография П.Б. Струве. С. 107.

[116] *С.Л. Франк.* О духовной сущности Германии // РМ. 1915. Кн. 10. 2-я паг. С. 5.

[117] Там же. С. 7.

[118] Там же.

[119] Подробно такое понимание этики развил М. Шелер в своей критике «формализма» кантовской этики (*M. Scheler.* Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik (1913/1916) // *M. Scheler.* Gesammelte Werke. Bd. 2. – Bonn, 1954).

[120] *С.Л. Франк.* О духовной сущности Германии. С. 17.

[121] Там же. С. 5.

[122] *С.Л. Франк.* О духовной сущности Германии. С. 16. – Юрист Теобальд фон Бетман-Гольвег (1856–1921) был с 1909 по 1917 гг. германским рейхсканцлером.

[123] См.: *Ф. Шиллер.* Статьи по эстетике. – М., Л., 1934. С. 208 (Письмо четвертое).

[124] *С.Л. Франк.* О духовной сущности Германии. С. 10–12.

[125] Там же. С. 14.

[126] Там же. С. 9.

[127] Там же.
[128] Там же.
[129] См.: *С.Л. Франк.* Биография П.Б. Струве. (прим. 19) С. 103.
[130] См. напр.: *П. Струве.* Великая Россия и святая Русь // РМ. 1914 Кн. 12. 2-я паг. С. 176–180.
[131] Ср. *Р. Пайпс.* П.Б. Струве. Биография. (прим. 6) Т. 2. С. 201–230.
[132] *Ф. Степун.* Бывшее и несбывшееся. – М., СПб., 1994. С. 259.
[133] *M. Weber.* Zur russischen Revolution von 1905. Schriften und Reden 1905–1912. – Tübingen, 1996. S. 4.
[134] *П. Струве.* Суд истории (1) // РМ. 1914. Кн. 8/9. 2-я паг. С. 170.
[135] См.: Там же. С. 169–170; а также *Б.Э. Нольде.* Конец русско-германского союза // РМ. 1915. Кн. 6. 3-я паг. С. 1–5; *А.С. Изгоев.* На перевале. Зарницы войны. В своем анализе политики Германии Струве солидаризуется с военным историком, публицистом и известным «критиком Вильгельминской эпохи» Гансом Дельбрюком. С критикой германского милитаризма и шовинизма Дельбрюк еще до войны выступал со страниц редактировавшихся им «Прусских Ежегодников». Перевод одной из его статей см.: Дельбрюк об опасности европейской войны в 1908–1909 гг. // РМ. 1914. Кн. 10. 2-я паг. С. 175–181.
[136] *П. Струве.* Суд истории (1). С. 178–179.
[137] Струве анализирует также конфликт интересов России и Австро-Венгрии на Балканах, непосредственно связанный с отношениями России и Германии (см.: Там же. С. 170–174).
[138] *П. Струве.* Суд истории (2) // РМ. 1914. Кн. 10. 2-я паг. С. 172.
[139] Там же. С. 173.
[140] «Историческое суждение в этом вопросе пока не может быть произнесено с полной категоричностью» (Там же).
[141] Там же. С. 165.
[142] Там же.
[143] *П. Струве.* Суд истории (3) // РМ. 1914. Кн. 11. 2-я паг. С. 166–167.
[144] *П. Струве.* Суд истории (1). С. 175–177. В целях разъяснения существа политики Бисмарка Струве инициировал перевод и публикацию одной главы из «Мемуаров» Бисмарка, посвященных отношениям Германии и России. См.: Тройственный союз. XXIX глава «Мемуаров» (Gedanken und Erinnerungen) князя Бисмарка // РМ. 1914. Кн. 11. II отд. С. 37–55.
[145] *П. Струве*. Суд истории (2). С. 170.
[146] *П. Струве*. Крушение дела Бисмарка // РМ. 1915. Кн. 4. 3-я паг. С. 6.
[147] Даже некоторые современники и сотрудники «Русской мысли» считали патриотическое настроение Струве, оборачивающееся воинствующим национализмом, чрезмерным. Ср. критические замечания в письмах: Из неопубликованных писем И.А. Ильина к Л.Я. Гуревич. (прим. 29); Письмо Е.Н. Трубецкого к М.К. Морозовой от 19.03.1915 // «Взыскующие града» (прим. 10). Публицисты консервативного направления, напротив, открыто поддержали «патриотические» выступления Струве. Ср.: *В.В. Розанов.* В чаду войны. Статьи и очерки 1916–1918 гг. – М., 2008. С. 322–324.
[148] Ср.: *Р. Пайпс.* П.Б. Струве. Биография. (прим. 6) Т. 2. С. 201–230.
[149] *П. Струве*. Великая Россия и святая Русь. // РМ. 1914. Кн. 12. 2-я паг. С. 178.
[150] По поводу внешнеполитических взглядов Евгения Трубецкого и его брата Григория см.: *C. Ferenczi.* Nationalismus und Neoslawismus. (прим. 14) S. 70ff.
[151] *Е.Н. Трубецкой*. Национальный вопрос, Константинополь и Святая София (1915) // *Он же.* Смысл жизни. – М., 1994. С. 355–370.
[152] *Е.Н. Трубецкой*. Великая война и кризис патриотизма (1919) // *Он же.* Смысл жизни. С. 402.
[153] *Е.Н. Трубецкой*. Война и мировая задача России. (прим. 53) С. 88–96. Характерно, что тезис об универсализме был еще сильнее заострен Трубецким под давлением славянофильских эксцессов дискуссии. В первом издании своей речи (опубликована в «Русской мысли») Трубецкой еще указывал на противоположную опасность «космополитизма», тогда как в переработанном варианте речи (вышедшей под заглавием «Смысл войны» отдельным изданием в серии «Война и культура», прим. 18) весь пассаж с критикой космополитизма исключен и, напротив, усилена тема христианского универсализма.
[154] *Е.Н. Трубецкой*. Война и мировая задача России. С. 89–90.
[155] Там же. С. 94. Во втором издании даже эта критика германского национализма, возводящая его к Фихте и культуре XIX века, исключена и заменена более обтекаемыми формулировками критики национализма.

[156] *Е.Н. Трубецкой*. Смысл войны // *Он же.* Смысл жизни. (прим. 151) С. 354.

[157] О ходе дискуссий по поводу позиции Струве, шедших еще в предвоенное время, см.: *Р. Пайпс.* П.Б. Струве. Биография. Т. 2. С. 201–230.

[158] Выступления участников спора собраны в кн.: Национализм. Полемика. (прим. 14) С. 143–229. Из других откликов на полемику ср.: *В.В. Розанов.* Князь Е.Н. Трубецкой и Д.Д. Муретов // *Он же.* В чаду войны. С. 322–324; *Он же.* Есть ли «всеобщие и безусловные принципы нравственности»? (К полемике князя Е.Н. Трубецкого с Д.Д. Муретовым) // Там же. С. 342–345; *И.А. Покровский.* «Эрос» и «этос» в политике (По поводу одной полемики) // Юридический вестник. 1916. № 3. С. 5–16.

[159] *Н.А. Бердяев*. К спору между Е.Н. Трубецким и Д.Д. Муретовым // Национализм. Полемика. С. 148.

[160] См.: *С.Л. Франк.* Биография П.Б. Струве. С. 71.

[161] *Д. Муретов*. Этюды о национализме // Национализм. Полемика. С. 146.

[162] Там же. С. 144.

[163] Там же. С. 147.

[164] Там же. С. 149.

[165] *П. Струве*: Блюдение себя. Нравственная основа истинного национализма (1916) // Национализм. Полемика. С. 153.

[166] Там же.

[167] *П. Струве*. По поводу спора Е.Н. Трубецкого с Д.Д. Муретовым (1916) // Национализм. Полемика. С. 181–182.

[168] *Е. Трубецкой*. Развенчание национализма (1916) // Национализм. Полемика. С. 159–162.

[169] Там же. С. 157–158.

[170] *Е.Н. Трубецкой*. Новое язычество и его «огненные слова» (1916) // Национализм. Полемика. С. 174–175.

[171] Там же.

[172] *Е.Н. Трубецкой*. Государственная мистика и соблазн грядущего рабства (1917) // Национализм. Полемика. С. 215.

[173] По поводу истории сборника см. комментарии авторов в переиздании: Вехи. Из глубины / Под ред. А.А. Яковлева, с комментариями М.А. Колерова и Н.С. Плотникова. – М., 1991 (Серия «Из истории отечественной философской мысли»). См. по этому поводу публикации М.А. Колерова: «Новые Вехи»: к истории «веховской» мифологии (1918–1944) // Вопросы философии. – М., 1995. № 8; К истории «пореволюционных» идей: Н. Бердяев редактирует «Из глубины» (1918) // Исследования по истории русской мысли. [2] Ежегодник за 1998 год. – М., 1998; *П.И. Новгородцев.* Письма к П.Б. Струве (1921) // Исследования по истории русской мысли. [6] Ежегодник за 2003 год. – М., 2004.

Евгений Сергеев

«ДИПЛОМАТЫ В ПОГОНАХ» и их представления о немецко-русских связях накануне Первой мировой войны

В многовековой истории контактов между немцами и русскими десятилетия относительно ровного, спокойного развития чередовались с эпохами резких перемен. Именно к таким – критически важным для дальнейшей эволюции германо-русских отношений – периодам относятся годы, непосредственно предшествовавшие началу Первой мировой войны, когда в условиях невиданной гонки вооружений и широкой пропагандистской кампании на страницах печати прежние образы и стереотипы взаимного восприятия двух народов претерпели заметную трансформацию.

Вполне понятно, что степень воздействия тех или иных социальных слоев в России и Германии на этот процесс далеко не равнозначна. Изучение ранее недоступных и новое прочтение уже известных источников[1] показывают, что ощутимый импульс для изменения немецко-русских связей в начале XX в. исходил от части военно-бюрократической элиты обеих империй, которая выступала за приоритет во внешней политике национальных интересов (завоевание, либо защиту «места под солнцем») над традиционным принципом династической солидарности.

Особое место среди военной верхушки всех европейских государств в рассматриваемый отрезок времени занимали офицеры, прикомандированные к дипломатическим миссиям на длительный срок для выполнения представительских, консульских и разведывательных функций. Возникнув еще в бурный период наполеоновских походов и становления Венской системы европейского «баланса сил», институт *военных атташе* или *агентов*, как их называли в России со времен Александра I, прошел длительную эволюцию на протяжении XIX в., когда отдельные конфиденциальные поручения коронованных особ и их министров этим «дипломатам в погонах» сменились регулярной информационно-аналитической работой профессионально подготовленных офицеров Генерального штаба[2].

Новая эпоха индустриализации изменила традиционные взгляды теоретиков на характер, цели и задачи войны, поставив во главу угла систематическую и комплексную работу по достижению мобилизационной готовности страны к боевым действиям массовых армий с использованием новейших типов вооружения. Другими словами, завершение формирования на рубеже XIX–XX вв. концепции «вооруженной нации» («nation in arms») оказало заметное воздействие на характер деятельности военных атташе, аккредитованных в столицах мировых держав, не исключая Берлина и Санкт-Петербурга.

В то же время, следует учитывать, что оценки Германии и немцев российскими «дипломатами в погонах», отражавшие их представления[3] о западном соседе в форме строго секретных рапортов на имя начальника Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), были несвободны как от влияния субъективных настроений составителей, так и неизбежной ангажированности офицеров Генерального штаба, стремившихся оправдать довольно значительные расходы военного ведомства на разведывательные цели[4].

Место Германии в представлениях военных атташе России

Среди военных дипломатов назначение на должность атташе в Берлине наряду с Лондоном, Парижем и Веной традиционно рассматривалось как знак особой монаршей милости. Это означало, что мнения военных дипломатов о ситуации в стране аккредитации ложились на стол Николаю II. После окончания русско-японского конфликта высокий пост последовательно занимали полковники А.А. Михельсон (1906–1911) и П.А. Базаров (1911–1914) – оба потомственные дворяне, окончившие Императорскую Николаевскую академию Генерального штаба и свободно владевшие немецким, французским и английским языками. О профессиональном уровне этих офицеров свидетельствуют сведения из их послужных списков, согласно которым А.А. Михельсон принимал участие как эксперт в Международной Гаагской конференции 1907 г., за что удостоился «высочайшего благоволения», а П.А. Базаров до поступления в Михайловское артиллерийское училище успешно окончил гимназию Штутгарта. Впоследствии они храбро сражались на фронтах Первой мировой войны, получив немало боевых наград и дослужившись до генеральских чинов[5].

Именно в Германии наряду с русскими военными атташе при особах Вильгельма и Николая параллельно служили т. н. военно-уполномоченные *(Militärbevollmächtigen),* что подчеркивало особо доверительный характер традиционных династических связей Романовых и Гогенцоллеров, и было совершенно немыслимо для отношений Петербурга с Веной, Лондоном или даже Парижем. В рассматриваемый нами период со стороны России эти обязанности выполнял подчиненный непосредственно царю генерал-майор свиты Е. И. В. Татищев И.Л.[6].

Однако, с другой стороны, – именно в Германии русскими «дипломатами в погонах» была создана наиболее разветвленная нелегальная агентурная сеть, провалы которой приводили к международным скандалам и высылке из империи легальных резидентов военной разведки России (как это случилось с А.А. Михельсоном и П.А. Базаровым).

Богатая событиями внутриполитическая жизнь, распространение новых идеологий, этноконфессиональные конфликты, внешнеполитические акции, технические достижения и успехи культурного развития – все эти сюжеты вплетались в пеструю, нередко противоречивую ткань повседневной жизни империи Вильгельма II. Среди российской интеллигенции, не исключая и военных дипломатов, к началу XX в. господствовало, в целом, позитивное восприятие Германии, окрашенное чувством зависти к неуклонному росту немецкого государства. Приведем в связи с этим мнение видного русского философа В.В. Розанова, посетившего берега Рейна в 1905 г.: «Очевидно, – писал он в своих путевых заметках, – сейчас Германия переживает счастливейший период своей истории, что-то вроде Рима после Пунических войн, Греции после Платеи и Саламина, а еще вернее – добрых торговцев финикинян и карфагенян до столкновения с Римом; но только переживает все это короче и несообразительнее, без “задумчивости”. Германия явно рвется и, вероятно, достигнет гегемонии в сонме европейских могущественных держав, но гегемонии такой, которой некуда немцам девать и нечего из нее сделать»[7].

Характеризуя особенность восприятия русскими «дипломатами в погонах» большинства значимых событий предвоенного времени, следует, прежде всего, отметить нарастание сопоставительно-критической тональности в отношении Герма-

нии по линии «мы – они». И хотя в личной переписке царя и кайзера сохранялась видимость близости династических интересов, а среди титулованной имперской знати по-прежнему доминировали германофильские настроения[8], ориентации внешней политики обоих государств в предвоенное десятилетие расходились друг от друга все дальше и заметнее. Если близкие к Вильгельму II круги насаждали в сознании немцев идею господства не только над Западной, но и Центральной Европой, а также Ближним Востоком путем инкорпорирования чуждых славяно-православных, либо арабо-мусульманских этнорелигиозных общностей в великую Германскую империю, которая оказывалась бы тогда сопоставимой по своей территории, населению и ресурсам с Британской, то официальный Петербург после провала дальневосточной авантюры стремился утвердить среди подданных Николая II представление об особой исторической миссии России по объединению близких по религии и этническому происхождению народов под скипетром православного монарха – преемника Византийских владык.

Вполне естественно, что не вся поступавшая от атташе информация равнозначна по достоверности оценок и глубине суждений. Наш вывод особенно справедлив в отношении тех сюжетов, которые не укладывались в привычные для военных дипломатов стереотипы или противоречили их мировоззренческой позиции, например, по вопросам политической борьбы или экономической жизни. В то же время можно привести немало случаев, когда именно аналитические разработки «легальных разведчиков» служили отправным пунктом, либо важным звеном в процессе принятия решений Николаем II и высшим руководством России. Свидетельствами тому служат многочисленные пометки царя, сменявших друг друга военных министров и начальников Генерального штаба на полях служебной корреспонденции А.А. Михельсона и П.А. Базарова, мнения которых о Германии и немцах (за исключением сугубо секретных сведений), таким образом, становились достоянием высших военно-бюрократических кругов, а через них и всей думающей части населения империи.

Важно также обратить внимание на дополняющий, а в ряде случаев и существенно уточняющий характер донесений военных агентов в сравнении с дипломатическими депешами, поскольку в России, как и в других ведущих государствах, наблюдалась конкуренция между министерствами обороны и иностранных дел, особенно в кризисные периоды развития. Правда, относительно российских гражданских и военных дипломатов, работавших в Германии накануне Первой мировой войны (впрочем, как и Второй[9]), можно отметить достаточно высокую степень координации действий и близости оценок.

Изменение характера взаимного восприятия русских и немцев в 1906–1910 гг.

Общий благоприятный фон отношений между Германией и Россией еще в начале XX в. омрачался, пожалуй, лишь русско-французским соглашением, а также тарифным вопросом, и характеризовался практикой взаимного приглашения офицеров воинских частей, шефами которых выступали августейшие особы, на полковые празднества, регулярным присутствием представителей военного ведомства обеих стран на маневрах, парадах и церемониях, стажировками слушателей академий в учебных

заведениях и подразделениях армий Германии и России. Но уже к 1907–1910 гг. нарастала волна взаимной подозрительности и отчуждения.

Именно в эти годы внимание аналитиков российского Генерального штаба, занимавшихся «германским направлением», было перенесено с чисто военно-технических проблем на разработку сценариев развития русско-немецких связей в условиях гонки вооружений и перманентных локальных конфликтов через *призму сохранения у власти династии Романовых в единой и неделимой России от Варшавы до Камчатки*.

В связи с этим для нас особенно интересны оценки однородного этнического состава немецкого населения, высокого уровня его образованности и бытовой культуры, а также таких черт национального характера немцев, как честность и глубокий патриотизм, которые вкупе с целой системой административных мер центральных и местных властей серьезно затрудняли формирование сети тайных осведомителей и лазутчиков, например, штабу Виленского округа в Восточной Пруссии. При этом, выводы, к которым приходили царские «дипломаты в погонах» относительно как своих немецких «визави», так и простых обывателей сопоставлялись ими с положением в приграничных губерниях России, где наблюдался высокий процент «инородцев», «довольно слабый патриотизм» местных жителей, рост подпольных революционных групп и распространение настроений самоуспокоенности и беспечности. Последний факт вызывал особую тревогу штабных офицеров, поскольку, тем самым, как доносил один из них, «германцам облегчался сбор интересующей их информации о Российской Империи»[10].

Интересно сравнить это мнение с утверждениями руководителя германской военной разведки подполковника В. Николаи, который на страницах мемуаров в качестве объяснения ряда провалов своей службы, по сути дела, ссылался на аналогичные факторы: пестрый национальный состав Германии, низкую оплату труда офицеров и чиновников, отсутствие в стране понимания необходимости строго хранить государственную тайну[11]. Иными словами, каждая из разведслужб была склонна преувеличивать положительные черты противоположной стороны и, наоборот, алармистски подходить к собственным проблемам.

Возвращаясь к представлениям военных атташе, многолетние личные наблюдения которых не могли заменить никакие секретные агенты, действовавшие в чужой стране, необходимо подчеркнуть постепенное расширение тематики их донесений по Германии на протяжении 1906–1910 гг., когда больше внимания стало уделяться анализу *внутриполитической жизни* через призму ее влияния на ситуацию в России.

Первые признаки ухудшения русско-германских отношений после «медового месяца», вызванного подписанным, но так и не вступившем в силу соглашением в Бьёрке[12], были отмечены полковником А.А. Михельсоном уже весной 1906 г., т. е. с завершением Альхесирасской конференции, в ходе которой, как известно, Россия поддержала Францию и Англию[13]. Если воспользоваться образным сравнением современного исследователя[14], то можно сказать, что процесс «умирания пушкинской “туманной Германии”» в сознании верхов российского общества, началом которого отмечен период франко-прусской войны 1870–1871 гг., пришел в рассматриваемое время к своему логическому завершению. Резкая активизация пангерманистских настроений среди различных социальных слоев Второго рейха вкупе с давлением на российское общественное мнение со стороны союзной Франции сформировали новый устойчивый образ немца – человека, не просто чуждого православию и славянству, а милитариста и захватчика русской земли, словом – врага.

Одновременно и в Берлине наблюдалось заметное охлаждение имперской элиты к соотечественникам А.А. Михельсона, что следует из его рапорта на имя тогдашнего начальника Генерального штаба Ф.Ф. Палицына. «Сказывается это, – писал полковник, – как в мелких оттенках внешнего обращения, так и в систематической задержке ответов на все мои справки по разным вопросам». Главную причину происшедших перемен он видел в позиции, занятой Петербургом именно по марокканскому вопросу[15].

Судя по материалам ГУГШ, на протяжении интересующего нас периода наблюдалось перманентное сокращение пространства для компромисса между двумя империями. В качестве одной из причин этого процесса выступал кризис традиционной *династийной дипломатии*, входившей во все большее противоречие с задачами обеспечения национальных интересов в политической, экономической и культурной областях.

Вполне понятно, что отмеченную тенденцию нельзя понимать упрощенно: на протяжении 1906–1910 гг. Петербург и Берлин сохраняли возможность достижения согласия если не по всему спектру спорных проблем, то по отдельным международным аспектам, как об этом свидетельствовало подписание Балтийского протокола в октябре 1907 г. или Потсдамское свидание монархов в ноябре 1910 г.[16]. Не случайно в мемуарах военного министра В.А. Сухомлинова говорится о том, что примерно до 1910–1911 гг. часть общественного мнения России еще допускала реализацию известных планов Берлина по созданию антибританского континентального германо-русско-французского альянса – идею, нашедшую сочувствие у некоторых влиятельных российских политических деятелей: С.Ю. Витте, П.Н. Дурново и Р.Р. Розена, да и у самого автора воспоминаний[17].

И все же уважительный и даже сочувственный тон прессы обеих стран, характерный для первых лет нового XX в., к 1909–1910 гг. сменился критическим, а временами просто уничижительным. Так, информационная сводка по Германии за январь-февраль 1909 г., подготовленная офицерами Управления генерал-квартирмейстера ГУГШ, содержит упоминание о донесении полковника Михельсона, который «отмечает недовольство берлинских официальных кругов помещенными в “Новом времени” враждебными Германии статьями и в особенности нападками этой, по мнению Берлина, официозной газеты на личность германского императора» (факт, подтверждающий кризис традиционных немецко-русских связей, основанных на кровно-родственных узах аристократических домов обоих государств). «В конце донесения, – говорится в сводке, – наш военный агент приводит нижеследующую выдержку из письма, адресованного начальником Главной квартиры генерал-адъютантом фон Плассеном генералу Татищеву (уже упоминавшемуся полномочному военному представителю царя при Вильгельме II – *Е.С.*) по случаю кончины великого князя Владимира Александровича: “Покойный великий князь был опорой и носителем старых русско-прусских отношений, которые теперь, увы, будут погребены вместе с ним”»[18].

В самом деле, на смену прошлой дружбе Берлина и Петербурга пришли взаимные страхи и опасения. Иллюстрацией служит «Записка о распределении германских сил в случае войны», составленная начальником Большого Генерального штаба Ф. Мольтке (мл.) и утвержденная кайзером в сентябре 1908 г.[19]. Вероятно, документ был получен полковником Михельсоном через негласную агентуру, а затем переправлен в ГУГШ. Содержание записки не оставляло сомнений в наступательном ха-

рактере будущей войны для германской армии, причем, начало боевых действий относилось на тот момент, когда «мы (т. е. Германия – *Е.С.*) придем к убеждению, что сохранение мира более несовместимо с нашей честью». Относительно Российской Империи генерал Мольтке, в частности, писал:

> По воле верховного вождя, Его Величества Императора Вильгельма, война с Россией должна ограничиться пределами русской Польши, а при заключении мира – предоставить Австрии возможность требовать уступок. Балтийские провинции должны быть по возможности избавлены от ведения в них военных операций, а при удачном исходе войны земли эти должны получить обратно их собственное управление, даже в виде самостоятельного государства буферного типа. (…) Мы сделаем наступательные действия русских непопулярными в России и обеспечим себе симпатии балтийских земель… Русский солдат уже не тот, внушающий страх противник, каким он был 100 лет тому назад; будучи в религиозном отношении суеверным, он опустился в нравственном отношении своей жизни; он возьмется за оружие против Германии с такой же неохотой, как он шел сражаться в Маньчжурии – почти исключительно по принуждению; он не понимает необходимости борьбы с Германией, пока в своем отечестве он является ничем в политическом смысле.

Анализ взглядов одного из ведущих германских военных теоретиков показывает осторожный подход автора записки, с которым согласился и кайзер, к перспективе территориальных захватов в России. Речь шла лишь о насильственном «урезании» территории великого восточного соседа при сохранении родственной династии без расчленения Романовской империи и физической ликвидации славянского населения. Даже поверхностное сравнение приведенных тезисов с последующей программой нацистов не оставляет сомнений в их принципиальном отличии.

Внешние и внутренние причины взаимного отчуждения

Несколько забегая вперед, отметим еще одну любопытную деталь: если в германских верхах, как показали первые месяцы войны, были склонны, скорее, к недооценке боеспособности российской армии, то военные дипломаты России преувеличивали мощь вооруженных сил второго рейха. Хорошо написал об этом генерал П.Н. Краснов, впоследствии один из вождей Белого движения, выступавший в 30-е – 40-е гг. за сотрудничество с нацистами против большевистского режима:

> Русский Генеральный штаб, мозг армии – с давних времен, со времен генералов Пфуля и Толя – благоговел перед немцами. Наши офицеры Генерального штаба в громадном большинстве чувствовали себя учениками немцев, и отсюда в оперативные планы стал невольно закрадываться страх перед немецким могуществом[20].

Приведенное свидетельство согласуется с точкой зрения современного американского историка У. Фуллера, мл., который, основываясь на неполных архивных документах, делает вывод о «комплексе чувств» – страхе, зависти и восхищении, отличавших восприятие русской военной элитой будущего противника[21]. Думается,

что, оставляя на совести исследователя некоторое сгущение красок, определенную долю истины в его суждениях, хотя бы по отношению к части офицерского корпуса царя Николая II, все же следует признать, поскольку любое обострение международной обстановки вызывало глубокую обеспокоенность «дипломатов в погонах».

Так, в январе 1909 г. полковник Михельсон подготовил обширную справку о готовности Германии к началу войны, адресовав её графу Н.Д. Остен-Сакену – многолетнему российскому послу в немецком государстве. Что касается военно-технической стороны, то вывод автора справки категоричен: весной 1909 г. Берлин вполне способен открыть военные действия в Европе, учитывая абсолютную беспомощность России и неготовность Франции. Однако, исходя из международной ситуации, по мнению атташе, только договоренность с Лондоном о морских вооружениях развяжет руки Вильгельму на континенте, так как освободит Германию от угрозы поддержки англичанами Франции, армия которой ослаблена деятельностью социалистов и пацифистов, и России, переживавшей фазу реорганизации вооруженных сил. Прогноз развития событий делался в связи с этим с учётом возможных привходящих факторов и «случайностей»: «Если войны теперь не будет, и события потекут дальше тем же темпом и в том же направлении, то они могут привести к следующей обстановке: Тройственный союз может распасться, Россия опять окрепнет, славянское движение может выкристаллизоваться в стройное целое, невыгодное для пангерманизма. Такой перспективы немцам ждать сложа руки невыгодно. Немцы хорошо понимают, что на континенте время против них, время – союзник России и славянства, то есть как раз обратное тому, что на море, где время за них. В этой двойственности положения Германии – весь ключ современного военно-политического положения и причины решающей роли Англии»[22].

Согласно взглядам военного агента получалось, что именно англо-германские отношения являлись стержнем развития ситуации в предвоенное десятилетие, поскольку от Великобритании зависела конкретная дата германского объявления войны Франции и России (в самом её начале офицеры ГУГШ уже почти не сомневались). Отсюда алармистский тон сообщений Михельсона о дипломатических маневрах короля Эдуарда в связи с попытками переговоров Лондона и Берлина по широкому кругу вопросов, которые затрагивали безопасность Романовской империи. «Теперь ходят слухи о заключении соглашения также и с Англией, – говорилось в информационном обзоре ГУГШ от 31 января (13 февраля) 1909 г., – хотя сущность этого соглашения еще неизвестна, однако, на основании полученных из разных источников сведений, полковник Михельсон полагает, что Англия не дала “карт-бланш” Германии для её действий на континенте, вследствие чего в Берлине замечается некоторое разочарование»[23].

Данные, собираемые штабами приграничных округов, дополняли информацию, поступавшую от военных дипломатов. Оперативная сводка № 1 от 7 (20) апреля 1909 г., подготовленная разведывательным отделом окружного штаба в Вильно, на основе данных негласной агентуры, содержала факты, говорившие в пользу деятельной подготовки империи Вильгельма к походу на Восток: «Ближайшей целью войны Германии с Россией является, по-видимому, захват Прибалтийского края, принадлежащего немцам по их глубокому убеждению в силу исторического права и принадлежности господствующего класса в этом крае к германскому племени. Такие мысли и желания совершенно не скрываются немцами и от русских, которым в частных разговорах обещаются даже громадные выгоды от такого захвата, так как

немцами-де наши балтийские порты будут немедленно так переустроены, что вся русская торговля (особенно хлебная) потечет туда с необыкновенной силой, и благодаря этому разовьется до колоссальных размеров». Интересно, что определенные надежды, как следует из этого же документа, возлагались Берлином на «социалистов-революционеров» Прибалтийского края, способных забастовками и другими антиправительственными акциями затруднить ход мобилизации в северо-западных губерниях России[24].

Однако, достигнув апогея весной 1909 г., напряженность в русско-германских отношения пошла на убыль, что позволило полковнику Михельсону в январе следующего года констатировать снижение опасности войны в Европе, несмотря на огромный военный бюджет Германии[25]. В том же духе описывал русский атташе ситуацию и к маю 1910 г., предупреждая, однако, руководство против возможных «дипломатических диверсий» Берлина на периферии европейской политики – в Китае, Персии, на Крите и т. д. «Полагал бы желательным в наших интересах не реагировать на эти диверсии и парировать их выдержкой и спокойствием, – высказывал свое мнение полковник Михельсон, – ибо они серьезного значения в настоящее время иметь не могут. Поэтому, насколько обстановка данной минуты позволяет предвидеть, мы можем спокойно продолжать нашу мирную работу, не забывая, конечно, что мощная германская армия в неизменной готовности стоит на нашей границе»[26].

Но к концу 1910 – началу 1911 гг. положение снова ухудшилось. На этот раз, сообщал русский военный атташе, речь шла о попытке кайзера разрешить внутриполитические противоречия (подробнее о них мы будем говорить ниже) за счет интриг кабинетной дипломатии, и представился удобный предлог – маневры войск Петербургского округа. Дело в том, что вместо традиционных анонимных противников – «восточных» и «западных» – сценарий учений предусматривал имитацию отражения Россией нападения войск Германии, что вызвало бурное негодование Вильгельма и пангерманистов[27].

Зигзаги внешней политики кайзера (к последним Михельсон относил активизацию германо-турецких (миссия К. фон дер Гольца), германо-румынских (секретный визит в Берлин военного министра Румынии[28]) и германо-шведских контактов) составили неблагоприятный фон свидания монархов в Потсдаме (ноябрь 1910 г.). В условиях, по словам русского атташе, «обнаружившейся общей идеи работы германской дипломатии на наших обоих флангах с целью создать для германской стратегии выгодное исходное положение»[29], трудно было ожидать позитивного отклика Николая II и министра иностранных дел С.Д. Сазонова на зондажи кайзера относительно проекта русско-германского политического соглашения[30].

Переходя к событиям внутренней жизни рейха, отметим, что особенно внимательно «дипломатами в погонах» анализировались итоги выборов в парламент и ситуационная расстановка общественных сил в связи с усилением влияния социал-демократов, антиправительственными демаршами центристов и относительным ослаблением позиций правонационалистических кругов в рейхстаге, но не при дворе Вильгельма или в стране[31].

О последнем также свидетельствует копия депеши консула в Гамбурге С.В. Арсеньева, полученная русской военной разведкой. Документ посвящен итогам деятельности одной из ультрапатриотических организаций – Германского флотского союза (Deutscher Flottenverein) за десятилетие с момента основания, в течение которого, судя по приведенным данным, он превратился во внушительную силу: «В на-

стоящее время, – писал дипломат, – число членов достигло 1.003.815 чел., и этот свыше миллионный состав членов распределяется между 53 отделами и 3377 подотделами. К концу 1907 г. Германская морская лига обладала запасным капиталом в 244.814 марок, а расходы на минувший 1907 г. достигли цифры в 689.000 марок»[32].

Возвращаясь к оценкам партийно-политического соперничества и настроений общественности Германии, не лишним будет сравнить суждения полковника Михельсона с наблюдениями его коллеги по Генеральному штабу – капитана Чернавина, обер-офицера для поручений при штабе Виленского военного округа, побывавшего в Касселе (Гессен) в 1909 г. и составившего отчет о служебной поездке, датированный 31 марта (12 апреля) 1910 г.[33].

Длительное проживание в германской «глубинке» и общение с простыми людьми позволили Чернавину прийти к любопытным заключениям, раскрывающим «человеческое измерение» немецко-русских связей:

> Те разговоры, которые приходилось вести на эти (внутриполитические – *Е.С.*) темы, как со своими кассельскими знакомыми (с военными), так и со случайными собеседниками во время поездок по Германии, привели меня к убеждению в существовании в Германии в настоящее время очень серьезного (подчеркнуто в документе – *Е.С.*) разлада между правительством и обществом. Уже после проведения финансовой реформы приходилось слышать о том, что император всецело во власти консерваторов, которые теперь всемогущи. Часто приходилось слышать жалобы на всеобщее вздорожание жизни после проведения финансовой реформы, причем, указывалось на несправедливость в обложении налогами, падающими исключительно на трудящиеся классы. Проект нового избирательного закона вызвал, как мне показалось, еще большее возбуждение. По поводу него пришлось слышать мнение, что если и в будущем внутренняя политика будет идти тем же путем, то Германии не избежать революции, что стоящие теперь у власти консерваторы стараются вызвать беспорядки, рассчитывая на легкость подавления их в настоящее время и усиление своего влияния на императора. (…) По поводу настроения в армии то же лицо сказало, что в настоящее время правительство, безусловно, может рассчитывать на войска, но, что при усилении социализма в народе, он сделает успехи и в армии, и что со временем там настроение будет иное.

Приведенная точка зрения, в общем, совпадает с мнением полковника Михельсона, высказанным им в одном из донесений того же периода: «Из нынешнего внутреннего и финансового кризиса Германия имеет два выхода: один – нормальный, путем внутренних реформ и мирной работы, другой – путем внешней военной авантюры, поставив все на карту. Германия пока идет по первому пути, и огромное большинство в общественном мнении будет и впредь настаивать на следовании по этому мирному пути»[34].

Таким образом, согласно представлениям части российской военной элиты, даже в 1910 г. Германская империя еще оставалась на исторической «развилке», не избрав окончательный сценарий дальнейшей «восточной политики», хотя и склоняясь постепенно к военно-силовому сценарию. Это дает основание утверждать, что именно 1910–1911 гг. явились переломным рубежом в трансформации «парадигмы» немецко-русских связей от позитивного к негативному восприятию сначала среди правящей элиты, а затем и социальных слоев образа соседней страны и ее народа. При этом, свою роль сыграли как факторы внутренней жизни обеих империй, так и столк-

новение внешнеполитических устремлений России и германо-австрийского блока, что с некоторыми вариациями повторилось в 1939 г.[35].

Переход к состоянию военной готовности в Германии и России

Хронологический отрезок 1911 – первой половины 1914 гг., отмечен столкновением двух противоречивых тенденций: «пацифистской», выраженной в стремлении части государственных деятелей и общественности ведущих держав предотвратить военно-политический конфликт мирными средствами, и «милитаристской», обусловленной давлением на правительства со стороны генералитета, части крупных промышленников и довольно широких социальных кругов, испытывавших воздействие националистической пропаганды.

Во внутренней политике большинства европейских государств этот период характеризовался завершением «эры неолиберальных реформ» и окончательным переносом акцента на *создание образа внешнего врага* в контексте обострения этноконфессиональных противоречий. Именно он – будущий безжалостный и коварный противник – усилиями пропагандистских машин военно-политических блоков «демонизировался», выступая главным виновником социальной напряженности между «верхами» и «низами» общества. Именно таким образом создавалась ситуация военной готовности России и Германии к решению накопившихся противоречий на полях сражений[36].

Судя по донесениям российских «дипломатов в погонах», усилился интерес официального Петербурга к *методам милитаризации населения*, в частности – к массовым молодежным военно-патриотическим обществам, которые играли особую роль в подготовке Германии к тотальной войне, а, в то же время, в России аналогичные организации практически отсутствовали.

Так, коллега А.А. Михельсона, российский атташе в Швейцарии полковник Д.И. Ромейко-Гурко в деталях обрисовал процесс создания одной из них под названием «Молодая Германия» («Jungdeutschland»), призванной «объединить разные спортивно-патриотические организации, стремившиеся к оздоровлению и физическому развитию подрастающего поколения, направлению усилий к общей цели увеличения боеспособности рекрутского контингента и всяческому содействию возникновения новых подобных обществ». В этом донесении интересны довольно пространный экскурс в историю возникновения «спортивных» оборонных союзов в Германии с конца XIX в., а также попытка их классификации. Так, выделяются общегерманские и местные патриотические общества, структуры с ориентацией на зарубежный опыт воспитания юношества (британский – бой-скаутизм, японский самурайский кодекс Бусидо) и чисто немецкие по духу ферейны, военно-подростковые и спортивно-туристические союзы, а также специальные организации рабочей молодежи («Arbeiterjugend»), находившиеся под влиянием социалистов. Государственная поддержка формирования этих обществ выражалась, по данным Ромейко-Гурко, в ежегодном ассигновании рейхстагом на нужды военно-патриотического воспитания юношества 1 000 000 рейхсмарок – весьма внушительной по тем временам суммы[37].

В марте 1912 г. аналитики ГУГШ подготовили специальную записку, раскрывавшую специфику деятельности т. н. Германского союза обороны («Deutscher Wehrverein»), возникшего в начале того же года с целью «распространить в широких кругах общества знакомство с действительным состоянием вооруженных сил Германии и её вероятных противников», а также «подтолкнуть правительство на дальнейшие реформы» в армии. Его организаторами выступили отставные генералы, хотя в состав правления входили и некоторые влиятельные политические деятели. Оценка русских офицеров военной разведки в связи с этим была однозначной: вновь созданное общество призвано дополнить деятельность упоминавшегося выше Германского флотского союза («Deutscher Flottenverein») для содействия властям при осуществлении всеобщей воинской повинности. Казавшийся на взгляд обывателя незначительным факт создания военно-спортивного общества, в оценках экспертов ГУГШ являлся серьезным разведпризнаком подготовки Германии к военным действиям в самой недалекой перспективе. В связи с этим они отмечали, касаясь целей Союза обороны, что: «В то время, как во Франции через ряды армии проходят все годные к военной службе, а частью даже и не вполне годные – в Германии ежегодно около 100.000 физически годных людей зачисляются в эрзац – резерв, который по финансовым соображениям совершенно не призывается в установленные для него учебные сборы (так в документе – *Е.С.*) и, таким образом, является совершенно необученным элементом»[38].

В дополнение к этой информации, свидетельствовавшей о практических шагах по укреплению обороноспособности Германской империи, на берега Невы поступали данные из штабов приграничных округов, например, Виленского, специалисты которого подготовили любопытную статистическую сводку: «Как известно, в Германии очень распространены общества отставных военных, играющие заметную роль в жизни народа. Основная цель этих обществ – поддержание воинского духа среди отслуживших свой срок резервистов и вообще в населении, поддержание преданности престолу и т. д. Военные ферейны пользуются деятельной поддержкой правительства. К 1 января 1911 г. в Германии насчитывалось 30.071 военный ферейн с 2.618.000 членов (к 1 января 1910 г. – 27.675 с 2.500.000 членов). По развитию военных ферейнов на 1-м месте стоит Пруссия (17.287 обществ, 1.522.000 членов), в Баварии имеется 3.486 обществ с 304.350 членами и в Саксонии 1710 обществ с 210.800 членами»[39].

Другим направлением в достижении военной готовности, отмеченным «дипломатами в погонах», было *законотворчество рейхстага в области обороны.*

Так, роль и место отдельных социально-политических сил Германии, и прежде всего набиравшей влияние местной социал-демократии, которая увеличила своё представительство в парламенте, по итогам выборов 1912 г., характеризовались в донесениях сменившего А.А. Михельсона на посту атташе полковника П.А. Базарова следующим образом:

> Если в вопросе об усилении вооруженных сил правительство не сумеет обеспечить себе необходимое большинство для проведения важнейших своих требований, то, с другой стороны, столь же вероятным является факт, что в вопросе об изыскании средств для покрытия связанных с этим расходов оно встретит крупные затруднения. Добиться увеличения налогов при новом рейхстаге будет делом весьма трудным. Прибегнуть к проведению нового закона о пошлинах с наследства и имущественном налоге значило бы в значитель-

ной степени восстановить против себя правые партии и центр. Вследствие этого здесь могут встретиться те подводные камни, между которыми нелегко будет провести государственный корабль без серьезной аварии, а новому рейхстагу грозит катастрофа. Внутренние затруднения эти, в свою очередь, могут оказать серьезное влияние на внешнюю политику Германии, в области которой правительство её, может быть, снова признает необходимость искать поддержку для усиления своего положения внутри страны[40].

Вывод, сделанный русским военным атташе, включал целую систему «допусков» и условий, при которых развитие ситуации могло оказаться опасным для России:

Ближайшее будущее, а именно успех проведения новых бюджетов на армию и флот и решение вопроса об изыскании средств для покрытия вызываемых ими расходов, а также положение, которое займет Англия в разрешении вопроса о соотношении морских сил, – покажут, следует ли ожидать серьезных событий уже в течение 1912–1913 гг., или же Германия сумеет отсрочить их до полного проведения в жизнь усиления своих сухопутных и морских вооруженных сил, к чему она, по-видимому, стремится, надеясь за это же время подготовить и более благоприятную политическую и финансовую обстановку[41].

Окончательный поворот общественного мнения к конфронтации

Эволюция настроений широких кругов германской общественности в связи с внешнеполитическими событиями представляла важный дополнительный фактор ускорения приготовлений России к войне. Наиболее острым и взрывоопасным для Европы регионом на протяжении 1911–1913 гг. оставались Балканы. Поэтому вполне естественно, что эта тема занимала в оценках военных дипломатов приоритетное место.

Создание в 1912 г. альянса балканских государств православной ориентации вносило новый элемент в общеевропейский «пасьянс». Перспектива «канализовать» активность Сербии, Болгарии, Греции и Румынии против Австро-Венгрии после завершения похода на Стамбул, по мнению полковника Базарова, позволяла России достичь компромисса с Германией путем предоставления ей территориальной компенсации за счет австрийских земель, населенных немцами. В этом гипотетическом случае совместные удары балканского союза с юга, а русской армии – с северо-востока гарантировали бы коллапс монархии Габсбургов. Правда, оговаривал атташе, тогда возникала угроза гегемонии Пруссии в Германской империи, поскольку усиливались южнонемецкие католические государства – например, Бавария[42].

Посылая в начале ноября 1912 г. очередной рапорт руководству ГУГШ, П.А. Базаров подчеркивал, что высказанные в нем оценки отражают общую точку зрения российского посольства, полномочного военного представителя России при кайзере генерал-майора И.Л. Татищева, морского и торгового атташе:

Среди общества и народа (Германии – *Е.С.*) продолжает держаться мнение, что война между великими державами из-за бóльшего или мéньшего клочка территории, который будет оставлен Турции в Европе, или из-за сомнительного достоинства порта, который старается выторговать себе Сербия, была бы бессмысленна, особенно для Германии. Пе-

чать вообще сохраняет выдержанный и спокойный тон; только задержание сербами австрийских консулов и появляющиеся сведения о чинимых якобы сербами зверствах вызывали возмущение. Во всяком случае настроение общества и прессы нельзя даже сравнивать с таковыми в период прошлогоднего марокканского вопроса (имеется в виду Агадирский кризис – *Е.С.*). Резко отличается оно также от тона нашей печати направления «Нового времени» и повышенной нервозности нашего общества. Приезжающие из России лица удивляются «бессодержательности» и «скучности» немецких газет в такой период времени[43].

Само упоминание о «приезжающих из России» сделано полковником Базаровым не случайно. Дело в том, что усиление напряженности в русско-германских отношениях и распространение в обществе взаимных «фобий» стимулировали поездки в Германию думских деятелей различной политической ориентации. Одним из них стал известный лидер октябристов А.И. Гучков, о вояже которого военный атташе сообщал своему руководству в августе 1912 г.[44].

Рапорт Базарова содержал информацию, которая не могла не встревожить Петербург. Речь шла о пребывавших пока в меньшинстве, но неуклонно набиравших влияние сторонниках «партии войны», к которым, по сообщению русского военного агента, принадлежали члены всевозможных союзов и организаций пангерманистской направленности, например, т. н. «Азиатского общества» во главе с фельдмаршалом К. фон дер Гольцем. Подробный анализ программных целей этого объединения не оставлял сомнений в стремлении его приверженцев направить внешнюю политику второго рейха по пути утверждения германских интересов на просторах Евразии, поскольку африканские колонии оказались непригодными для принятия избытка немецкого населения:

Недовольство современной политикой и даже императором растет не только в населении, но и в армии, почти полвека не воевавшей и начинающей тяготиться своей бездеятельностью, невозможными условиями производства и тяжелыми условиями мало обещающей для громадного большинства службы, – подчеркивал полковник Базаров в одном из рапортов. – Война нужна не только в целях чисто материальных выгод, которые она должна дать Германии, но и для подъема духа народного, которому грозит разложение под влиянием развивающегося материализма (читай – социализма – *Е.С.*)[45].

6 (19) ноября 1912 г. с программной речью по балканскому вопросу в рейхстаге выступил канцлер Т. Бетман-Гольвег. Его заявления привлекли внимание всех европейских столиц. Вполне естественно, что они вызвали пространный комментарий российского представителя, который вслед за изложением выступления главы имперского правительства попытался суммировать первые отклики немецкой общественности. «Речь рейхсканцлера мало удовлетворила представителей народа и еще меньше общественное мнение, – сообщал полковник Базаров в ГУГШ. – От неё ожидали более определенных указаний на современное политическое положение. Получилось впечатление, как будто правительство признает нужным что-то скрыть, причем в то же время делается весьма ясный намек на угрозу мира со стороны России. Не находит также одобрения то место речи, где рейхсканцлер ставит будущность и безопасность Германии в зависимость от политики Австро-Венгрии»[46].

Однако, заключая рапорт, военный дипломат все же посчитал необходимым обратить внимание руководства на серьезный сдвиг в настроениях немецкого народа,

для которого к этому времени прежний образ России оказался замещенным дунайским союзником – Австро-Венгрией. В подтверждение упомянем о беседе полномочного военного представителя России при особе кайзера И.Л. Татищева с начальником Большого Генерального штаба 31 января 1913 г. Попытки русского генерала возложить ответственность за балканские события на Австро-Венгрию, которая, по словам Татищева, могла втянуть Германию в европейский конфликт, встретили решительный отпор со стороны Ф. Мольтке. «Это совершено верно, – заявил он собеседнику, – но все же мы не можем не поддерживать этих союзников, потому что нам нужна Австрия такая, какая она сейчас есть» («то есть Австрия немецкая, а не Австрия славянская, в которую она может обратиться в случае победы над нею России в союзе с южнославянскими государствами», – добавляет от себя полковник Базаров). В итоге, как подчеркивает русский военный агент, «несмотря на чрезвычайную сдержанность, которой отличаются немцы, вопросы об усилении славянства и возможности его объединения начинают все чаще служить темой для разговоров»[47]. Это свидетельствовало о вступлении кризиса немецко-русских связей в кульминационную стадию.

Начало следующего 1913 г. характеризовалось новыми серьезными подвижками в настроениях немцев. Эта эволюция была отмечена и военным атташе, сообщавшим, что «в общественном мнении Германии замечается перемена в неблагоприятную для нас сторону». Требования «не приносить в жертву государственные интересы германского народа в угоду солидарных действий великих держав» по урегулированию балканского кризиса сочетались с тревогой относительно «посягательств России» на турецкие вилайеты. «Положение Германии слишком тяжелое, – докладывал Базаров, – не только правительство, но и широкие круги политически развитых слоев народа дают себе ясный отчет в создавшейся благодаря происшедшему на Ближнем Востоке перевороту новой обстановке. Вероятность того, что путем взаимной гарантии жизненных и реальных интересов Россия сумеет привлечь на сторону Тройственного согласия (т. е. Антанты – *Е. С.*) южнославянские государства приводит Германию к сознанию того, что в случае европейской войны она в будущем должна будет надеяться почти исключительно на свои силы. Этим сознанием объясняется то поспешное и небывалое по своим размерам усиление Германией своих вооруженных сил, происходящее за последние два года»[48].

Осознание российской правящей элитой того обстоятельства, что, говоря словами рапорта Базарова, «война была нужна Германии, как гроза в душный летний день», заставляло царское правительство форсировать мероприятия в области обороны, что было вполне естественным, учитывая алармистскую тональность этого документа:

> С настроением этим, несомненно, следует считаться. Весьма возможно, что к концу 1913 г. или к началу 1914 г., когда лихорадочная деятельность по военной и морской подготовке Германии будет в главных чертах закончена, когда празднование 25-летнего юбилея царствования императора и 100-летних юбилеев целого ряда славных подвигов и событий освободительных войн с торжественным открытием памятника на поле Лейпцигской битвы будут использованы для поднятия духа в народе и армии, – настанет критический момент, когда и общественное мнение, и армия, и стоящие во главе государства лица придут к сознанию, что в данное время Германия находится в наиболее выгодных условиях для начала победоносной войны[49].

Как показали дальнейшие события, такой взгляд на положение дел оказался провидческим. Шифрованная телеграмма полковника Базарова от 12 (25) марта 1913 г. в связи с началом парламентских дебатов по новому военному законопроекту содержала примечательную фразу: «Впервые открыто (депутатами рейхстага – *Е.С.*) германство противопоставлено славянству, усиление которого и развитие панславизма, вызвавшие националистическое движение во Франции, обусловливают необходимость спешного увеличения вооруженных сил Германии»[50].

К аналогичному выводу пришли составители очередной оперативной сводки ГУГШ в декабре 1913 г.:

> По сведениям из заслуживающего доверия негласного источника, в Берлине царит попрежнему убеждение, что война с Россией, в конце концов, является *неизбежной* (курсив мой – *Е.С.*) и что поэтому начать войну следует в такой момент, когда это будет выгодно для Германии. (…) Большой Генеральный Штаб в ближайшее время предполагает начать усиленную газетную кампанию, имеющую целью распространить в обществе мысль о необходимости войны с Россией[51].

Оценки «дипломатов в погонах» и офицеров российского Генерального штаба свидетельствовали о том, что завершен процесс создания германскими правящими кругами идеологического обоснования для начала войны, а именно сформулирован лозунг борьбы с «агрессивным панславизмом», распространение которого в Европе «угрожает» основам западной цивилизации. Нетрудно заметить, что при некотором смещении акцентов место «царского самодержавия» 900-х гг. в пропагандистском инструментарии легко замещалось «азиатским большевизмом» 30-х гг. Это позволяет говорить о явных параллелях, которые прослеживаются в истории немецко-российских связей XX в.

Тогда как в 1911–1912 гг. лишь газеты и журналы, «соответствующего направления» (выражение составителей одной из разведывательных сводок) настаивали на усилении армии и продолжении гонки вооружений[52], к весне 1914 г. картина была прямо противоположной: «Во всяком случае, за исключением крайних левых органов печати, в немецкой прессе уже почти не встречается возражений против использования излишка денежных поступлений по единовременному военному налогу для нужд военного ведомства»[53].

Характерный штрих: в начале 1914 г. к беспрецедентной пропагандистской шумихе вокруг угрозы панславизма и темпов военных приготовлений России активно подключился германский парламент. Сигналом для широкомасштабной кампании послужила редакционная статья в либеральной «Кёльнише Цайтунг» под заголовком «Россия и Германия», опубликованная 17 февраля (2 марта) 1914 г. Её основное содержание сводилось к аргументации военной неподготовленности Романовской империи и обоснованию «русской опасности» для рейха. Из газеты становилось понятным, что цели заказчиков материала (т. е. военно-промышленных кругов Германии) сводились к следующему: оказать воздействие на собственное население, подхлестнуть мероприятия по усилению боеготовности австрийцев, внести диссонанс в намечавшееся сближение Англии и России на переговорах о морской конвенции, запугать балканские страны российским жупелом, повлиять на Петербург в плане заключения нового торгового договора с Берлином, и, наконец, ответить националистической русской печати[54].

Последовавшая через неделю публикация в «Берлинер Тагеблатт» фактически содержала призыв к превентивной войне с Россией[55]. Именно эти материалы вызвали реплику В.А. Сухомлинова, которая свидетельствовала о том, что все мосты между двумя империями сожжены. «Мы готовы!» – заявил военный министр, хотя до полной готовности России оставалось еще целых три с половиной года, несмотря на ускорение темпов военного строительства (например, в плане создания укрепрайонов и полевых железных дорог на западной границе на французские займы[56]), и это было хорошо известно германской разведке. Попытки некоторых влиятельных германофилов, например, Р.Р. Розена и П.Н. Дурново, выступить с критикой крайнего панславизма успеха не имели[57]. В обществе сформировалось негативное восприятие «тевтонства» в политическом («угроза славянам»), экономическом («главный торговый конкурент России»), социо-культурном («бездушный немецкий практицизм») и религиозном («борьба с православием») аспектах. Ящик Пандоры уже был открыт – ничто не могло остановить движение обеих империй к колоссальной военной катастрофе, ставшей прелюдией к десятилетиям тоталитаризма.

* * *

Таким образом, на протяжении примерно десяти предвоенных лет – с 1905 по 1914 г. – произошла трансформация представлений о русско-немецких связях: сначала в среде правящей элиты, а затем и в широких социальных слоях России и Германии. Анализ источников показывает, что на определенный период времени, т. е. непосредственно перед началом и в ходе Первой мировой войны до 1918 г. векторы взаимовосприятия немцев и русских поменяли свою направленность на противоположную, когда образ традиционного в прошлом союзника – Германии – приобрел в России отчетливо выраженную негативную тональность по линии сопоставления этнических и конфессиональных различий «тевтонства» и «славянства». Причем, немаловажную роль в этом процессе сыграли мнения и оценки «дипломатов в погонах».

Справедливость этого вывода, особенно в той его части, которая подчеркивает временный, конъюнктурный характер российско-германской «размолвки» в предвоенные годы, подтверждается известным фактом возобновления сотрудничества большевистского правительства сначала с кайзеровским, а затем Веймарским и нацистским режимами.

В то же время перспективы модернизации России по пути формирования развитого рыночного хозяйства и гражданского общества в представлениях ее дворянской элиты связывались не с германской, а, скорее, с британской моделью, противоречившей социально-политическому строю самодержавной монархии, которая в результате реформ 60-х гг. XIX в. и революции 1905 г. сделала лишь первые шаги к демократии.

В связи с этим любопытно сопоставить мнения о Германии царских и советских военных атташе (действовавших в 30-х гг. по линии 5-го отдела Главного управления государственной безопасности[58]), которые по своему профессионализму не уступали предшественникам, а в отдельные моменты даже превосходили их, опираясь на содействие коммунистов и сочувствовавших социалистическим идеям германских граждан. Если сравнить выводы, сделанные «дипломатами в погонах» накануне Первой и Второй мировых войн, то за внешним идеологическим неприятием «тевтонства» в 1913–1914 гг. или нацизма в 1938–1939 гг. можно обнаружить уважение к военно-техническому потенциалу Германии, высокую оценку ее экономи-

ческого развития, даже определенную зависть со стороны русской (советской) военной элиты к степени образованности, культурности и дисциплинированности немцев.

Одновременно как бы на втором плане прослеживается негативизм в отношении западных демократий, особенно Великобритании, социокультурные ценности которых продолжали вызывать чувство отчуждения со стороны как правящей элиты, так и широких масс России (СССР). Не случайно, как свидетельствуют новейшие исследования, подписание Брестского мира 1918 г. и пакта о ненападении 1939 г. было встречено большинством российского населения с чувством облегчения и надежды на те преимущества, которые может принести обоим народам восстановление двусторонних связей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мы имеем в виду ранее недоступные для исследователей материалы из фонда Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), включающие донесения и служебную переписку военных атташе из Германии в Россию, а также воспоминания очевидцев, частью опубликованные после Первой мировой войны. Компаративный, междисциплинарный (социально-психологический на фоне исторических событий) подход к анализу этих документов открывает возможность лучше понять причины и особенности нарастания взаимной отчужденности между немцами и русскими в начале XX в., уделив главное внимание изучению малоизвестных или спорных сюжетов, которые не нашли отражения в историографии. См.: Knowing One's Enemies. Intelligence Assessments Before the Two World Wars / ed. by E.R. May. – Princeton, 1984.

[2] *Beauvais A.* Attaches militaires, attaches navals et attaches de l'air. – Paris, 1937; *Lambsdorf G.* Die Militärbevollmächtigten Kaiser Wilhelm II am Zarenhofe, 1904–1914. – Berlin, 1937; *Craig G.* Military Diplomats in the Prussian and German Service, the Attachés, 1816–1914 // Political Science Quaterly. March 1949. V. LXIV. N 1. P. 65–94; *Hilbert L.W.* The Role of Military and Naval Attachés in the British and German Service with Particular Reference to those in Berlin and London and their Effect on Anglo-German Relations, 1871–1914. Ph. D. Diss. – Cambridge, 1954; *Meisner H.O.* Militärattachés und Militärbevollmächtigte in Preussen und im Deutschen Reich: Ein Beitrag zur Geschichte der Militärdiplomatie. – Berlin, 1957; *Ritter G.* Die deutschen Militärattachés und das Auswärtige Amt: Aus den verbrannten Akten des Großen Generalstabs. – Heidelberg, 1959; *Vagts A.* The Military Attaché. – Princeton, 1967; *Deakon R.* A History of the British Secret Service. – London, 1969; *Malina P.* Die Berichte des österreich-ungarischen Militärattachés in Stockholm. Ph. D. Diss. – Vienna, 1969; *Schubert P.* Die Tätigkeit des k. und k. Militärattachés in Bern während des Ersten Weltkrieges. – Osnabrück, 1980; *Parritt B.A.H.* The Intelligencers: The Story of British Military Intelligence up to 1914. – Ashford Kent, 1983; *Fergusson T.G.* British Military Intelligence, 1870–1914. – London, 1984; *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. – М., 1998. Т. 1–2; *Сергеев Е.Ю.*, *Улунян Ар. А.* Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе. 1900–1914. – М., 1999.

[3] В нашем понимании система представлений выступает как упорядоченная совокупность взаимообусловленных символических ориентаций индивидуума или социальной группы в отношении внешнего мира. Большинство специалистов различает познавательный (когнитивный), оценочный (аксиоматический) и эмоциональный (аффективный) аспекты любого представления. Из наиболее интересных работ последних лет по этой проблематике стоит отметить книгу профессора Иерусалимского университета Я. Верцбергера – см.: *Verzberger J.* The World in Their Minds: Information, Processing, Cognition and Perception in Foreign Policy Decisionmaking. – Stanford, 1990.

[4] Основные каналы получения военными атташе информации о стране аккредитации, как правило, состояли из легальных и нелегальных источников, причем, к первым относились статистические публикации открытого характера, материалы прессы, контакты с компетентными лицами во время официальных церемоний, личные наблюдения на маневрах, а ко вторым – конфиденциаль-

ные встречи и деятельность агентурной сети. См.: *Звонарев К.К.* Агентурная разведка. – М., 1929–1931. Т. 2. С. 159.

[5] См. личные послужные списки А.А. Михельсона и П.А. Базарова. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 155–073; Список Генерального штаба. – СПб., 1914. С. 393; – Пг., 1917. С. 73.

[6] *Lambsdorff G.* Die Militärbevollmächtigten Kaiser Wilhelms II am Zarenhofe, 1904–1914. – Berlin, 1937.

[7] *Розанов В.В.* Иная земля, иное небо… Полное собрание путевых очерков. 1899–1913 гг. – М., 1994. С. 317–318.

[8] *Деникин А.И.* Путь русского офицера. – М., 1991. С. 68.

[9] Очерки истории российской внешней разведки / под ред. Е.М. Примакова. Т. 3. – М., 1997. С. 10–16.

[10] Справка начальника разведывательного отделения Виленского военного округа полковника Ефимова, Вильно, 4 (17) декабря 1910 г. РГВИА. Ф. 1956. Оп. 1 доп. Д. 2120. Л. 34–36.

[11] *Николаи В.* Германская разведка и контрразведка в мировой войне / публ. Н.Г. Жичкина // Военно-исторический журнал. 1996. № 1. С. 67–68.

[12] Договор об оборонительном союзе между Россией и Германией, подписанный 24 июля 1905 г. Вильгельмом II и Николаем II на острове Бьёрке (Приморск), тем не менее не вступил в силу из-за противодействия высокопоставленных политиков.

[13] История дипломатии. Под ред. В. Потемкина. В 5 т. – М., 1963. Т. 2. С. 603.

[14] См.: *Оболенская С.В.* Немцы в глазах русских XIX в.: черты общественной психологии // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 102–116.

[15] Михельсон – Палицыну, Берлин, 14 (27) мая 1906 г. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 564. Л. 73–73 об.

[16] *Taube M., von.* Der großen Katastrophe entgegen. Die russische Politik der Vorkriegszeit und das Ende des Zarenreiches (1904–1917). Erinnerungen. – Leipzig, 1937.

[17] *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. – М.–Л., 1926. С. 152.

[18] Информационная сводка ГУГШ по Германии, 31 января (13 февраля) 1909 г. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 564. Л. 15–15об.

[19] Записка о распределении германских вооруженных сил в случае войны. Берлин, 22 августа (5 сентября) 1908 г. Там же. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 33. Л. 98–106об.

[20] *Краснов П.Н.* Душа армии. Очерки по военной психологии. – Берлин, 1927. С. 110.

[21] *Fuller W.* The Russian Empire. In: Knowing One's Enemies (См. выше прим. 1). P. 113.

[22] Михельсон – Остен-Сакену, Берлин, 20 января (2 февраля) 1909 г. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6799. Л. 9–13об.

[23] Информационная сводка ГУГШ по Германии, 31 января (13 февраля) 1909 г. Там же. Д. 564. Л. 15–15об.

[24] Сводка сведений по Германии, полученных посредством тайной агентуры № 1, Вильно, 7 (20) апреля 1909 г. Там же. Ф. 1956. Оп. 1 доп. Д. 2046. Л. 2–3.

[25] Михельсон – Миллеру, Берлин, 25 декабря 1909 г. (7 января 1910 г.). Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7238. Л. 11.

[26] Михельсон – Гернгроссу, Берлин, 8 (21) мая 1910 г. Там же. Л. 21–22.

[27] Михельсон – Гернгроссу, Берлин, 18 сентября (1 октября) 1910 г. Там же. Л. 31–33.

[28] Михельсон – Гернгроссу, Берлин, 30 октября (12 ноября) 1910 г. Там же. Л. 39–40.

[29] Там же.

[30] История дипломатии (См. выше прим. 13). Т. 2. С. 701–702.

[31] Михельсон – Палицыну, Берлин, 12 (25) января 1907 г. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 593. Л. 18–18 об.

[32] Депеша Арсеньева в МИД, Гамбург, 16 (29) марта 1908 г. Там же. Д. 6889. Л. 4.

[33] Сведения, полученные во время пребывания в заграничной командировке в Касселе в 1909 г. Генерального штаба капитана Чернавина, Вильно, 18 (31) марта 1910 года. Там же. Д. 600. Л. 12–17 об.

[34] Михельсон – Гернгроссу, Берлин, 13 (26) июня 1910 г. Там же. Д. 7238. Л. 28–29.

[35] См. *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941. – М., 1997.

[36] Подр. см.: *Сергеев Е.Ю.*, *Улунян Ар.А.* Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе (См. выше прим. 2). – М., 1999.

[37] Ромейко-Гурко – в ГУГШ, Берн, 29 января (11 февраля) 1912 г. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2535. Л. 1–6.

[38] Доклад по ГУГШ. Записка о Германском союзе обороны. Санкт- Петербург, 9 (22) марта 1912 г. Там же. Л. 50–51об.

[39] Сборник сведений № 14. Вильна, 1911 г. Там же. Д. 2777. Л. 46.

[40] Базаров – в ГУГШ, Берлин, 5 (18) января 1912 г. Там же. Ф. 1859. Оп. 1 доп. Д. 3378. Л. 2–3.

[41] Базаров – в ГУГШ, Берлин, 16 февраля (1 марта) 1912 г. Международные отношения эпохи империализма (МОЭИ). Сб. документов. Сер. II. Т. XIX. Ч. II. – М., 1939. С. 278–279.

[42] Базаров – в ГУГШ, Берлин, 19 января (1 февраля) 1913 г. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2777. Л. 157–158 об.

[43] Базаров – в ГУГШ, Берлин, 27 октября (9 ноября) 1912 г. Там же. Д. 7255. Л. 125–127.

[44] Базаров – Жилинскому, Берлин, 1 (14) августа 1912 г. МОЭИ. Сер. II. Т. XX. Ч. II. – М., 1940. С. 99–101.

[45] Базаров – в ГУГШ, Берлин, 27 октября (9 ноября) 1912 г (См. выше прим. 43). РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7255. Л. 125–127.

[46] Базаров – в ГУГШ, Берлин, 7 (20) ноября 1912 г. Там же. Л. 133–135 об.

[47] Базаров – Данилову, Берлин, 16 февраля (1 марта) 1913 г. Там же. Д. 7255. Л. 179–179 об.

[48] Базаров – в ГУГШ, Берлин, 18 (31) января 1913 г. Там же. Л. 151–155.

[49] Там же.

[50] Базаров – в ГУГШ, Берлин, 12 (25) марта 1913 г. Там же. Д. 2535. Л. 179.

[51] Оперативная сводка ГУГШ по Германии, Санкт-Петербург, 28 ноября (11 декабря) 1913 г. Там же. Д. 2465. Л. 33–33об.

[52] Военно-статистическая сводка ГУГШ, Санкт-Петербург, 28 января (10 февраля) 1912 г. Там же. Д. 2465. Л. 4–4об.

[53] Базаров – в ГУГШ, Берлин, 12 (25) апреля 1914 г. МОЭИ. Сер. III. Т. I. – М., 1927. С. 106–107.

[54] Базаров – в ГУГШ, Берлин, 15 (28) февраля и 25 февраля (10 марта) 1914 г. К вопросу о подготовке мировой войны / публ. Е. Адамова // Красный архив, 1934. № 3 (64). С. 109–120, 120–126.

[55] *Fischer F.* The Foreign Policy of Imperial Germany and the Outbreak of the First World War. In.: Escape into War? The Foreign Policy of Imperial Germany / ed. by G. Schöllgen. – Oxford, New York, Munich, 1990. P. 19–40.

[56] Базаров – в ГУГШ, Берлин, 16 февраля (1 марта) 1913 г. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7256. Л. 12–12об. Об осознании военным командованием России значения стратегических железных дорог для повышения обороноспособности государства говорится в статье в XXVI выпуске «Сборника сведений о Германии», подготовленной офицерами штаба Виленского округа за 1914 г. Она называлась «Полевые железные дороги в современной войне». РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2778. Л. 35 об. – 45.

[57] См. напр.: *Розен Р.Р.* Европейская политика России. Доверительный меморандум, составленный летом 1912 г. – Пг., 1917.

[58] Очерки истории внешней разведки (См. выше прим. 9). Т. 3. С. 12–13.

Владимир Федюк

БОРЬБА
с «немецким засильем»

Начавшаяся в 1914 г. война с Германией впервые в истории России была ознаменована по-настоящему крупномасштабной пропагандистской кампанией. Страницы иллюстрированных журналов пестрели карикатурами на Вильгельма II, Франца-Иосифа, германского кронприца, книжные лотки были переполнены брошюрами аналогичного содержания. Всплеск антигерманской пропаганды совпал с неудачами, постигшими русские армии на второй год войны. Радужные надежды первых месяцев (даже вполне осведомленные люди искренне были убеждены, что война кончится уже к зиме) сменились крайним унынием. Те, кто раньше были переполнены патриотическими настроениями, теперь втихую говорили, что «если бы не англичане, сидели бы мы теперь на Волге»[1].

Дело довершила охватившая страну волна шпиономании. В каждом немце, даже если его предки уже четыре поколения жили в России, теперь стали видеть вражеского агента. Антигерманская пропаганда, таким образом, естественно переросла в антинемецкую. Самым страшным было то, что эти настроения разделяла и власть. Тогдашний прибалтийский генерал-губернатор П.Г. Курлов, по должности курировавший следствие по делам о шпионской деятельности проживавших в крае этнических немцев, писал, что «из ста дел лишь одно давало некоторые основания к подозрению»[2]. Тем не менее по настоянию сверху он должен был отдать распоряжение снять все немецкие вывески и воспретить разговоры на немецком языке.

Комплекс правительственных мероприятий, направленных на выявление германского шпионажа и вытеснение немецкого влияния, прежде всего в экономике получил название «борьбы с немецким засильем». Начало ему было положено 2 февраля 1915 г., когда был принят закон (в порядке 87-й статьи, т. е. без обсуждения Государственной думой), предписывавший принудительное отчуждение земель у выходцев из Германии и Австро-Венгрии в пределах 150-верстного пограничного района. Немногим позже сенат принял решение о том, что подданные вражеских держав не могут пользоваться судебной защитой. Осуществление этих и подобного рода мероприятий было возложено на Особый комитет по борьбе с немецким засильем. Он был создан 1 марта 1916 г. (положение о его деятельности было утверждено императором 1 июня 1916 г.). Подчинялся комитет непосредственно председателю Совета министров, а глава его (сначала Ф.Ф. Трепов, затем А.С. Стишинский) назначался лично императором. В состав комитета входили представители министерства иностранных дел, военного, морского, внутренних дел, торговли и промышленности, путей сообщения, финансов, народного просвещения, земледелия и юстиции. Уже это говорит о широте рассматриваемых им вопросов. В карательной же сфере борьбой с немецким шпионажем занималось созданное 13 января 1916 г. 9 делопроизводство Департамента полиции («Особое делопроизводство по военным делам и борьбе с немецким засильем»)[3]. В отечественной историографии борьбе с «немецким засильем» посвящено крайне мало специальных работ. Те же, что имеются, ос-

вещают, как правило, общие правительственные мероприятия[4]. Между тем в России всегда существовала огромная дистанция между выпущенным законом и тем, как он воспринимался и реализовался на местах. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть то, как проходила борьба с «немецким засильем» в российской провинции на конкретном примере Ярославской губернии.

Жандармы и шпионы

Старинный город Ярославль находится примерно в 280 километрах к северо-востоку от Москвы. По площади (около 32 тыс. квадратных километров) Ярославская губерния была почти равна Бельгии, однако, в российских масштабах она считалась одной из самых маленьких. Население губернии (чуть более миллиона человек) было практически однородным с точки зрения национального состава. Представители всех прочих национальностей, помимо русских, составляли среди постоянных жителей губернии менее 0,6 %. Словом, это было типичное сердце России, один из тех внутренних районов, о которых Гоголь сказал, что оттуда «хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь»[5].

Среди населения Ярославской губернии немецкий этнический компонент был представлен весьма слабо. По переписи 1897 г. в самом губернском центре проживало лишь 309 немцев – российских подданных и 77 иностранцев, большинство из которых тоже были выходцами из Германии[6]. В Саратовской, Таврической или Херсонской губернии, где существовали компактные районы проживания немецких колонистов, немец воспринимался, прежде всего, как зажиточный фермер – «бауэр». В губернских же городах центральной России типичный немец – это владелец магазина готового платья, или, чаще, аптекарь, иногда – бухгалтер или старший служащий в солидной фирме. Один из ярославских старожилов вспоминал: «В моем детстве немцев здесь было мало: врачи – Карл Романович Виркоу, Виллерт; аптекари – Шнейдер; Бишоф – тоже старая аптека на Стрелецкой. Немцы держались кучкой, все друг друга знали, поддерживали и продвигали. Кучка эта была довольно обособленная и замкнутая, достаточно тесная, но и в ней была своя иерархия, свои большие и меньшие люди, свое подчинение и почитание. С местным обществом они сносились, но в тесное общение почти не входили и в свой круг русских вводили мало и трудно»[7]. Эти слова относятся к ситуации 80-х годов XIX века, но и через тридцать лет изменилась она не существенно, разве что немцев в Ярославле стало больше.

В уездах собственно иностранцев было еще меньше. В крупнейшем уездном центре Ярославской губернии Рыбинске их насчитывалось 16 человек, а в маленьком Мышкине – всего один[8]. Тем не менее волна шпиономании не обошла губернию стороной.

Известие о начале войны было встречено населением губернии, в целом, спокойно. В Ярославле прошла патриотическая демонстрация, правда, собравшая не так много участников. Ярославский полицмейстер имел основания сообщать в центр: «Во все время с начала военных действий никаких противоправительственных выступлений, как со стороны рабочих, так и среди других классов населения не замечалось, наоборот, ко всем распоряжениям и сообщениям правительства все относят-

ся с полным доверием»[9]. Однако поражения на фронте уже через несколько месяцев изменили эту ситуацию. В полицейском рапорте за июнь 1915 г. сообщалось: «Население охвачено было несколько тревожным настроением с появлением нелепых слухов об изменах»[10]. Ну, а разговоры об измене неизбежно толкали к поиску изменников и шпионов. Уже в первые месяцы войны значительная часть проживавших в России граждан враждебных держав была интернирована из пограничных районов в центральные губернии. В Ярославскую губернию в конце 1914 – начале 1915 г. было выслано около двух тысяч турецких подданных, проживавших ранее в Закавказье, а в сентябре 1915 г. последовало распоряжение о выселении в губернию лиц, имевших болгарские паспорта. Интернированные иностранцы попадали под надзор полиции и лишались права свободного передвижения, однако, в пределах предназначенного им для поселения города они могли самостоятельно выбирать род занятий.

Это же относилось и к тем подданным враждебных держав, которые изначально жили в губернии. Власти видели в них потенциальных шпионов, и потому их жизнь была обставлена жесткими ограничениями. Когда профессор Демидовского лицея[11] и уважаемый в городе человек Б. Фрезе обратился с просьбой разрешить ему и жене выехать в Ригу, ответом на это был отказ. Жандармское управление мотивировало это решение тем, что «профессор Фрезе имел тесное общение со многими из германских подданных, высланных из Прибалтийского края и, несомненно, обладает широкой осведомленностью о положение дел в тылу»[12]. Как правило, жандармы не утруждали себя поиском конкретных обвинений. Подтверждением тому может служить решение относительно ходатайства германского подданного А. Мудрого и его дочери М. Лорке о выезде за границу. Начальник губернского жандармского управления в связи с этим писал: «Несмотря на отсутствие в моем распоряжении компрометирующих Лорке и Мудрого данных, полагал бы означенное ходатайство их отклонить до окончания военных действий, ибо нельзя допустить, чтобы они не обладали какими-либо сведениями»[13].

Дело могло закончиться и гораздо хуже в том случае, если в распоряжении властей появлялись подозрения, даже не в шпионаже, а лишь в недоброжелательных высказываниях относительно России и русских. В мае 1915 г. в Ярославское губернское жандармское управление поступила информация о том, что бухгалтер магазина компании «Зингер» Мингот «явно проявляет недоброжелательство по отношению к России, не скрывает своего злорадства по случаю занятия германскими войсками города Либавы». В ответ на это было решено выслать Мингота в северные губернии под надзор полиции[14]. Объектом подозрения автоматически становился любой иностранец, даже если он являлся подданным нейтральных или союзных с Россией стран. В мае 1915 г. центральный штаб корпуса жандармов сообщил на места, что «по полученным сведениям германцы и австрийцы, направляя шпионов в Россию, снабжают их паспортами нейтральных держав, главным образом, американскими и швейцарскими»[15]. Однако в Ярославской губернии ни швейцарских, ни американских граждан не оказалось. Соревнуясь в служебном рвении, жандармы задержали некоего персидского подданного, торговавшего в городе коврами, но уже через три дня вынуждены были его отпустить.

Знаменитое дело компании «Зингер»[16] наиболее ярко иллюстрирует методы борьбы с действительным и мнимым немецким шпионажем. Компания имела свой завод по производству швейных машин в Подольске, а также свыше трех тысяч собственных магазинов, в том числе и в Ярославле. Правление компании находилось

в Соединенных Штатах, да и представлен в ней был преимущественно американский и английский капитал, но это не помешало объявить ее гнездом германской агентуры.

Уже в апреле 1915 г. в связи с подозрениями в том, что деятельность компании является прикрытием шпионской сети, на часть ее капиталов был наложен секвестр. В июле того же года во все губернские жандармские управления было разослано уведомление, в котором от имени военной контрразведки сообщалось, что получены доказательства шпионской деятельности представителей компании. После этого деятельность всех отделений компании «Зингер» на территории Ярославской губернии была приостановлена. При этом, было проведено 177 обысков, а в 134 случаях изъят материал.[17] Было решено провести следствие по этому делу во всероссийском масштабе, а на местах проводить расследование по конкретным эпизодам, итоги которых позднее должны были быть присоединены к общему следствию. К сожалению, эти следственные материалы не сохранились и потому трудно сказать, в какой мере они действительно носили компрометирующий характер. Впрочем, несомненно, что дело компании «Зингер» было искусственно раздуто, дабы поддержать атмосферу шпиономании, охватившую тогда всю страну. Правительственному надзору по подозрению в шпионаже было подчинено 439 фирм с участием германского капитала, но лишь делу компании «Зингер» был придан образцово-показательный характер[18].

Война закрыла для России черноморские и балтийские порты. Окном в окружающий мир оставались Владивосток и Архангельск (и лишь с 1916 г. вновь построенный Мурманский порт). Грузы оттуда, а это преимущественно были вооружение и боеприпасы, поступали в Москву, а затем в Петроград через территорию Ярославской губернии. Отсюда понятно то внимание, какое жандармерия и военная контрразведка уделяли охране проходивших по территории губернии железных дорог.

Наиболее уязвимым звеном был находившийся в Ярославле железнодорожный мост через Волгу, завершенный постройкой как раз за год до войны. В мае 1915 г. губернское жандармское управлении получило информацию, что в Ярославль «прибывает офицер германской армии, на которого возложено специальное поручение – взорвать мост через реку Волгу,: причем офицер этот одевается в женское платье»[19]. После этого охрана моста была значительно усилена, правда неизвестно, досматривали ли жандармы проходивших мимо женщин, рассчитывая обнаружить среди них замаскированного диверсанта.

Этот случай может показаться анекдотичным, но борцы с германским шпионажем относились к своей деятельности без тени юмора. В начале 1915 г. в Ярославль пришло распоряжение министра путей сообщения «не допускать на службу в станционные помещения буфетной прислуги и чистильщиков обуви из числа подданных враждебных России государств»[20]. Местные власти мгновенно отрапортовали, что на Ярославском отделении железной дороги «как раньше, так и в данное время в числе буфетной прислуги и чистильщиков обуви германских, австрийских или турецких подданных не было и нет»[21]. Тем не менее история эта имела дальнейшее продолжение. Спустя некоторое время на имя начальника Ярославского отделения жандармского управления на железных дорогах поступил анонимный донос, в котором говорилось, что на территории губернии содержатели железнодорожных буфетов – татары тайно собрали огромную сумму денег и переслали их в Персию для нужд турецкой армии. Этого оказалось достаточно для того, чтобы машина следст-

вия закрутилась на целых три месяца. В итоге, выяснилось, что среди буфетчиков на железной дороге татарин только один и, естественно, никаких средств на нужды турецкой армии он и не думал собирать[22].

Рассказывая об этих случаях трудно избежать иронического тона, хотя, на самом деле это отражало очень серьезные тенденции. Несомненно, что шпиономания и спровоцированная ею борьба с «немецким засильем» были отражением искреннего страха, вызванного поражением на фронтах. Но столь же не вызывает сомнений то обстоятельство, что власти стремились использовать разговоры о германском шпионаже для оживления угасших было патриотических чувств. Однако результатом этого стало недовольство населения самой властью, неспособной справиться с проникновением вражеской агентуры.

Ярославские «патриоты»

Отношение общества к этим мероприятиям было неоднозначным и значительно варьировалось применительно к различным социальным группам. К тому же оно заметно отличалось от того, что имело место в столицах. Здесь уместно вспомнить, что в России во все времена настоящим городом мог считаться лишь тот, где в данный момент сосредотачивалась власть, а все остальные были большими или малыми деревнями. Даже Москва в начале XX в., несмотря на постоянное подчеркивание своего столичного статуса, подспудно ощущала себя провинцией. Столица всегда притягивала все лучшие силы: здесь были деньги, близость к власти сулила быструю карьеру, здесь кипела жизнь, казавшаяся в провинции сказочной и недоступной.

Отсюда проистекали и особенности психологии, характерные для провинции. Это, прежде всего, враждебность к столице и столичным жителям. Однако за этим неприятием, как правило, скрывалась зависть, находившая выражение в наивном подражании. Столица давала образцы моды не только в одежде, но и в сфере идей и умонастроений. Причем, столь же неуклюже, как провинциальные щеголи, нередко выглядели и провинциальные интеллектуалы, не слишком понимавшие, как следует «носить» новую столичную моду.

Несомненно, Ярославская губерния была провинцией, но ее отнюдь нельзя было отнести к разряду глухих «медвежьих углов». Наличие прямого железнодорожного сообщения с Москвой и Петроградом при, в общем-то, незначительных, по российским масштабам, расстояниях имела следствием то, что столичные газеты попадали в Ярославль в тот же, или, во всяком случае, на следующий день после выхода из типографии. К тому же Ярославль был одним из немногих провинциальных городов, где действовало высшее учебное заведение – Демидовский юридический лицей. По этой причине ярославская интеллигенция была представлена не только чиновниками и учителями, как в большинстве других губернских центров, но и университетской профессурой. Ярославский крестьянин тоже был не совсем типичной фигурой. Земля в губернии никогда не отличалась плодородием, и крестьяне издавна предпочитали уходить на промыслы в города, прежде всего, в столицы. Многие авторы отмечали, что «между всеми столичными пришельцами и с огнем не найдешь никого смышленее ярославца»[23]. В итоге, ярославские крестьяне были сравнительно

зажиточными, да и процент грамотных в губернии был значительно выше, чем у соседей. Газета в крестьянской семье не являлась редкостью.

Среди крестьян, согласно жандармским донесениям, которым в этом случае нет оснований не верить, патриотические настроения сохранялись довольно долго. В августе 1914 г. ярославская жандармерия сообщала в столицу, что «начавшиеся военные действия России с Австрией и Германией население губернии встретило с большим сочувствием, тем более что с закрытием казенных винных лавок и частных мест продажи питий население стало совершенно неузнаваемым и все свое внимание сосредоточило исключительно на ходе военных действий»[24]. Однако газетные сообщения недолго смогли компенсировать отсутствие горячительных напитков. К тому же деревня особенно болезненно переживала мобилизацию и изъятие лошадей для нужд армии. На настроениях крестьянства сказывался и рост цен на промышленные товары.

Тем не менее даже к 1916 г., когда усталость от войны стала проявляться открыто, прекращение ее крестьяне неизменно связывали с разгромом Германии. Согласно жандармским донесениям, крестьянство, хотя и выражало недовольство «частыми мобилизациями и связанными с ними огромным отливом рабочих сил из деревни», однако, в большинстве своем поддерживало правительство, «выражая желание скорейшего окончания войны, но войны победоносной»[25]. Вместе с тем, крестьяне не испытывали никаких враждебных чувств по отношению к военнопленным. Они появились на территории губернии в начале 1915 года. Часть пленных, преимущественно больные и нетрудоспособные, была размещена в самом городе в здании воинских казарм. Основная же их масса была направлена на сельские работы, дабы компенсировать отток из деревни рабочих рук. Трудились они фактически без конвоя и лишь ночевать должны были в помещении, к которому был приставлен караул.

Среди пленных преобладали австрийские подданные, причем, большей частью венгры и хорваты, но крестьянами они воспринимались как те же «немцы». В связи с этим показательно, что по сообщению ярославской жандармерии, крестьяне относились к пленным очень сочувственно и нередко бесплатно доставляли им продукты, дополнявшие скудный казенный паек. В 1915 г. был зафиксирован единственный случай, когда крестьянская молодежь спровоцировала драку с пленными, но материалы проведенного следствия объясняют это влиянием самогона, распространившегося в деревне, в связи с запретом открытой продажи спиртного. Еще один случай, когда военнопленные попали в жандармские сводки, был связан с тем, что группа австрийцев, занятых на строительстве железнодорожной ветки, прекратили работу, требуя обеспечить их теплыми вещами. При этом, они, якобы, говорили: «Теперь у вас происходят забастовки в Петрограде и Москве, а наши войска недалеко; мы к ним присоединимся и вас всех перебьем лопатами»[26]. Здесь составители донесения явно преувеличили, – имей подобные слова, действительно, место, это вызвало бы долгое разбирательство. Во всяком случае, на отношение населения губернии к военнопленным этот эпизод никак не повлиял. Зато год спустя были отмечены уже три случая, когда пленные женились на местных крестьянках (хотя это не освобождало их от содержания под конвоем). Однако полиция и жандармерия продолжали внимательно следить за настроениями деревни и отношением крестьянства к продолжавшейся войне.

Гораздо сильнее антигерманские, или, точнее, антинемецкие, настроения были представлены среди городских рабочих. Эти чувства имели мало общего с патрио-

тизмом в любых его проявлениях и, скорее, легализовали тот анархический, погромный дух, который был свойственен немалой части рабочего класса в провинции.

Законы военного времени сурово карали забастовки, особенно на предприятиях, работающих на нужды фронта. Однако когда владелец предприятия оказывался под подозрением в шпионаже, власти закрывали глаза на поведение рабочих. Показательным примером может быть случай, имевший место на бумагопрядильной фабрике в Мышкине. Фабрика находилась неподалеку от переправы через Волгу, а директор, хотя и русский подданный, однако, родился в Германии и когда-то имел немецкий паспорт. Естественно, что это спровоцировало очередной донос, похоже, исходивший от самих рабочих фабрики. Проведенное по этому делу следствие не усмотрело в поведении директора каких-либо компрометирующих обстоятельств. В итоговом рапорте говорилось, что «несмотря на переход его в русское подданство, в душе он остался таким же немцем и интересы России ему совершенно чужды», однако, это еще не могло стать поводом для каких-либо репрессивных мер. Тем не менее поведение директора фабрике с этого времени в корне изменилось. По сообщениям жандармской агентуры, он «стал вести себя униженно, заискивающе, и отношение его к рабочим на фабрике по сравнению с тем, что, было, стало совсем иным – мягче и предупредительнее»[27]. Нетрудно понять, что такого рода инциденты провоцировали рабочих на очередной поиск «немецких шпионов».

В мае 1915 г. по Москве прокатился немецкий погром. Он стоил жизни пяти человек, имевших несчастье носить немецкие фамилии[28]. Вскоре после этого и в Ярославле среди рабочих начались разговоры о том, что в городе вот-вот повторятся московские события. Называлась даже конкретная дата – 5 или 7 июня. Один из секретных осведомителей полиции доносил в эти дни, что «предметом оживленных толков среди рабочих табачной фабрики Вахромеевых служит вопрос о “немецком засилье”. По-видимому, это наболевший вопрос, с которым необходимо считаться, так как рабочие, судя по их разговорам, не доверяют властям и склонны выступить сами, то есть перейти на путь насильственных действий против немцев и австрийцев»[29]. «Немецкое засилье» в городе было представлено фотоателье русского подданного Альфреда фон Свейковского, меблированными комнатами «Отель Централь» Роберта Каатца, аптеками Бредриха и Окерблома. Несмотря на всю откровенную курьезность ситуации, в городе стали циркулировать слухи о том, что «местные немцы с аптекарем Бредрихом во главе, устраивали в ресторанах демонстративные торжества по поводу успехов германских войск»[30]. Провокационную роль, при этом, сыграла опубликованная московской газетой «Вечерние известия» статья «Торжество немцев в Ярославле», где «немецкое засилье» в городе представало в гипертрофированных формах[31].

Схожие настроения имели место и в других городах губернии. Среди населения Данилова пронесся слух о том, что Перемышль был продан немцам за 12 миллионов. Рапорты уездной полиции почти в одних и тех же выражениях отмечают, что «все слои общества крайне враждебно настроены против как коренных немцев, так и лиц, носящих немецкую фамилию и состоящих не только в русском подданстве, но на государственной и общественной службе»[32].

К середине июня о грядущих погромах заговорили уже в полный голос. Губернским властям пришлось предпринимать срочные меры. По приказу вице-губернатора Кисловского, на улицы города были выведены конные казаки. К счастью, все ограничилось стычкой полиции с толпой подростков, собравшихся на вокзал про-

вожать в армию своего товарища. Однако по ходатайству жандармерии «с целью успокоения населения» магазины и ателье, принадлежавшие лицам с нерусскими фамилиями, были закрыты вплоть до окончания военных действий[33].

Следует заметить, что антинемецкие настроения среди рабочих нередко имели тенденцию трансформироваться в антисемитские. В сентябре 1914 г. в одной из газет, выходивших в Рыбинске, была напечатана статья, обвинявшая в шпионаже проживавших в городе супругов Певзнер. В результате, как сообщал рыбинский полицмейстер, «население низшего класса было крайне враждебно настроено по отношению к евреям как к немецким шпионам»[34]. Антинемецкие и антисемитские настроения имели во многом схожую природу. И в том, и в другом случае речь шла о поиске скрытого внутреннего врага, на которого можно было бы списать все больные проблемы. Поэтому неудивительно, что мысль обывателя соскальзывала в привычное русло, тем более что еврейские и немецкие фамилии звучали для русского уха равно непривычно. К тому же следует иметь в виду, что на фабриках и заводах Ярославля заметно ощущалось влияние черносотенных организаций, в деятельности которых антинемецкая пропаганда занимала значительное место[35].

Кампания по борьбе с «немецким засильем» в немалой мере приобретала антисемитскую окраску по вине самих же властей. Антисемитизм слишком долго был одной из составных частей официального политического курса, чтобы столь быстро быть замененным чем-то другим. Если раньше слово «еврей» было равнозначно понятию «революционер», то теперь, с появлением нового пугала, столь же автоматически все евреи были зачислены в немецкие шпионы. В апреле 1915 г. в Ярославль поступил циркуляр из штаба корпуса жандармов, предписывавший представлять в штаб две ежемесячные сводки: об отношении евреев к воинской повинности и к неприятелю[36]. В другом циркуляре, датированном июлем 1915 г., говорилось, что «поскольку корреспонденция на еврейском языке способствует шпионажу:, все попадающие в военную цензуру письма на еврейском языке задерживать и сдавать на хранение в местную почтовую контору». Однако ничего запрещенного, при этом, выявить так и не удалось.

Интеллигенция: между либерализмом и патриотизмом

Антисемитские настроения преимущественно были распространены среди городских обывателей и части рабочих. Для интеллигенции это традиционно было признаком дурного тона. Интеллигенция не позволяла себе путать Германию и немцев как таковых. В связи с этим неоднократно подчеркивалось, что «русские немцы» могут быть патриотами России в большей степени, чем те, кто носит исконно русские фамилии. Большинство представителей ярославской интеллигенции вполне могли повторить известные слова героя Лермонтова: «Его имя Вернер, но он русский. Что тут удивительного? Я знал одного Иванова, который был немец»[37]. Будет уместно вспомнить, что фамилия полковника, возглавлявшего Ярославское губернское жандармское отделение и курировавшего всю борьбу с «немецким засильем», была фон Антониус. А вот к «немцам-Ивановым» интеллигенция относилась с презрительной

иронией. Когда пронесся слух о том, что премьер-министр Б.В. Штюрмер (к слову, бывший ярославский губернатор) подал царю ходатайство об изменении фамилии на Панин, это в немалой мере подорвало его и без того не слишком высокий авторитет.

Здесь необходимо краткое отступление, касающееся этнических стереотипов, точнее, их восприятия различными категориями населения. Для крестьян, большинства городских обывателей и рабочих в довоенные годы немец, прежде всего, это «немец-перец-колбаса»[38], типаж чуждый, но, в целом, скорее, комичный и безобидный. Это восприятие было ориентировано, прежде всего, на «русского немца». Понятия «немец» и «Германия» не вызывали прямой ассоциации. Не случайно, применительно к внешнему врагу с начала войны в обиход вошло неуклюжее новообразование «германец». Интеллигенция, разумеется, знала, что большинство немцев живет все-таки не в России, а в Германии. Ну, а Германия со времен Пушкина – это «учености плоды, вольнолюбивые мечты». Германия – это Геттинген и Марбург, а никак не Берлин; это Гете, а не Бисмарк. Правда, уже на рубеже веков стереотип этот начал меняться. Известный русский историк В.О. Ключевский выразил это следующими словами: «В конце XVIII и в начале XIX вв. в Европе не было народа более мирного, идиллического, философского и боле пренебрегаемого соседями, чем немцы. А менее чем сто лет спустя после появления Вертера и только через одно поколение от Иены этот народ едва ли не завоевал всей воинственной Франции, провозгласил право силы как принцип международных отношений и поставил под ружье все народы континентальной Европы»[39]. Однако прежние оценки далеко не сразу уступили место новым. В начале войны это поставило провинциальную интеллигенцию в сложное положение. Сложившееся в ее сознании восприятие Германии теперь явно вступало в противоречие с происходившим. «Мы привыкли думать, что немцы – народ высокой культуры, – писала в августе 1914 г. выходившая в Ярославле “Северная газета”, – но за последние дни были явлены столь красноречивые доказательства невероятной дикости сынов фатерлянда, что мы увидели воочию как под влиянием событий все уроки культуры были безнадежно забыты и перед нами встал не кичащийся свой высокой культурностью народ, а дикие орды первобытных тевтонов»[40]. На смену старым стереотипам искусственно создаются новые. На страницах либеральной прессы возникает карикатурный образ немца, призванный вытеснить прежние представления о Германии и ее жителях. «Он со своей “Гретхен”, полной, напитавшейся пивом, всегда чистой и некрасивой в этой своей чистоте и аккуратности до грубости, – он со своим пивом, колбасой и традиционной сопилкой, заменяющей ему и душу, и сердце и ум, неприступен в своем величавом ничтожестве[41]». Слова о «тевтонских полчищах» и «новых гуннах» так часто повторялись в первые месяцы войны на страницах газет, что создается впечатление, будто бы авторы такого рода статей, прежде всего, стремились убедить сами себя.

Удивительно, но провинциальная интеллигенция, еще недавно с театральным гневом реагировавшая на любое «попрание свобод», абсолютно равнодушно отнеслась к высылке лиц, заподозренных в шпионаже. Ярославское земство спокойно обсуждало судьбу имущества высланных, не задаваясь вопросом, насколько законной была сама высылка[42]. Современник так писал об этом: «Знакомые возмущались и не верили этим обвинениям, но большая часть молчала, полагая, что дыма без огня не бывает»[43].

Это невольно напоминает картину, имевшую место в Советском Союзе два десятилетия спустя. И в том, и в другом случае находилось немало добровольных донос-

чиков, готовых выложить все, что они знали и чего не знали. В ярославское губернское жандармское управление в конце 1915 года пришло анонимное письмо. Автор его утверждал, что немецкий военный атташе в Стокгольме получает из Ярославля сведения секретного характера. Передавал их, якобы, некий немецкий фабрикант, владеющий предприятием в городе. Донос носил явно бредовый характер (откуда бы автор – явно житель Ярославля – мог иметь информацию из Стокгольма?), однако, это стало поводом для многомесячного расследования. В ходе него жандармы вышли на некоего Карла Шмидта, владельца маленькой фабрики по выработке суррогатов для фруктовых вод. Никаких доказательств его вины найдено не было, но за ним был установлен полицейский надзор. Вполне возможно, что кто-то из недоброжелателей Шмидта таким образом просто попытался свести с ним счеты[44].

Возвращаясь же к позиции провинциальной интеллигенции, нужно сказать, что, в отличие от других социальных групп, она была менее восприимчива к той прямолинейной пропаганде, которая исходила из официальных кругов. К тому же традиционная оппозиция властям делала нынешнюю ситуацию, когда интеллигенция фактически с ними солидаризировалась, очень неестественной для нее. Поэтому первый угар патриотических чувств интеллигенция пережила гораздо быстрее. Год спустя после начала войны газеты сетуют на резкую смену настроений в среде образованной общественности. «Наряду с идеализмом и рыцарством вылезла, как поганки после дождя, затхлая плесень подполья: малодушие овладело частью рыхлой интеллигенции»[45]. Жандармские донесения тоже отмечают, что среди интеллигенции распространяется пессимизм и неверие в перспективы победного завершения войны.

Любопытнейшую информацию содержат сведения об ассортименте книг, продававшихся в те годы в книжных лавках Ярославля. Первое место по объему продаж занимают все те же лубочные картинки и брошюры антигерманского содержания. Солидное ярославское издательство К.Ф. Некрасова, ранее выпускавшее роскошные альбомы по искусству, в годы войны почти полностью переключилось на эту продукцию. На втором месте идут книги по географии Германии и учебники немецкого языка.

Все это можно было бы объяснить тем, что «врага надо знать», но с этим плохо сочетается то обстоятельство, что с весны 1915 г. среди читателей городской публичной библиотеки особой популярностью стали пользоваться произведения немецких классиков – Гете, Шиллера и т. д. Когда ярославский театр поставил пьесу Шиллера «Разбойники», один из особо бдительных горожан прислал в редакцию местной газеты письмо, в котором называл это непатриотичным актом. Однако редакция газеты, при полной поддержке большинства подписчиков, откровенно высмеяла этот поступок[46]. Создается впечатление, что интеллигенция, а именно ее представители составляли основной контингент читателей библиотеки, тяготилась ею же создаваемым новым образом немцев.

Осведомленный современник так писал о настроении российских «общественных кругов» (фактически той же самой интеллигенции): «Даже приемля войну, они считали необходимым оправдать ее в более возвышенном смысле и искали компромисса между пацифистскими убеждениями и печальной действительностью»[47].

Как ни покажется странным, новую, и гораздо более устойчивую, мотивацию антигерманской позиции дали интеллигенции именно поражения на фронте. Как известно, военные неудачи привели к формированию в Думе Прогрессивного блока.

Это было воспринято провинциальной интеллигенцией как показатель консолидации либеральных сил и породило надежды на грядущие преобразования. Но обязательным условием их становилось победоносное завершение войны. В итоге, среди интеллигенции утвердилось убеждение в том, что союз с западными демократиями способен ускорить перемены в самой России и победа в войне станет победой свободы. Германия же в этом контексте рассматривалась как оплот реакции и консерватизма. «Симпатии всего света, надежды всей вселенной идут за сверкающими непорочною чистотою знаменами борцов за освобождение человечества от ига бронированного кулака милитаристской “культуры”. Настоящая война является войною за идеи, в которой каждый участник, не только на поле брани, но и в обществе, должен выступать с поднятым забралом: ныне не может быть нейтральности идей»[48]. Напыщенная патетика этих слов, характерная для стилистики провинциальных газет, в целом, выражает тогдашние настроения интеллигенции и позволяет понять, почему враждебное отношение к Германии было в этих кругах достаточно устойчивым.

Впрочем, это относилось, прежде всего, к так называемой либеральной интеллигенции, в политическом отношении ориентировавшейся на программу и лозунги кадетской партии. Эта категория была, пожалуй, наиболее многочисленной, но среди интеллигенции были представлены и другие составляющие политического спектра. С началом мировой войны политическая активность провинциальной интеллигенции сошла почти на нет. В Ярославле перестали действовать не только нелегальные эсеровские и социал-демократические кружки, но прекратил работу и кадетский комитет, развалилось местное отделение черносотенного «Союза русского народа». В последнем случае причиной этого стала именно война. Российские правые всегда ориентировались на Германию, видя в ней образец для подражания. Война же поставила неразрешимую дилемму: с одной стороны, симпатии к Германии, с другой – лояльность к правительству. Во всяком случае, зная активность черносотенных изданий в предыдущие годы, можно было бы ожидать, что они подключатся и к антинемецкой пропаганде, но ничего подобного не произошло.

Средние городские слои, то, что собственно подразумевается под словом «обыватели» в отношении Германии и немцев были настроены достаточно умеренно. Патриотические призывы первых месяцев войны опьянили обывателя более чем кого-либо. Однако уже спустя несколько месяцев сообщения с театра военных действий перестали восприниматься как сенсация. Обывателя более волновали рост цен и общее ухудшение условий жизни. Особую роль в формировании настроений простых горожан играли беженцы, число которых к концу войны достигло почти десяти тысяч человек. Для местных жителей именно они были главным источником бесцензурной информации о происходящем на фронте, а, поскольку настрой их был явно антинемецкий, постольку это не могло не передаться и слушателям.

Впрочем, вскоре те же беженцы стали вызывать не столько сочувствие, сколько раздражение, так как требовали к себе особого отношения, да и к тому же финансовое бремя заботы о них ложилось, в конечном счете, на коренных жителей города. Тем не менее, хотя все это и вызывало недовольство, но пока еще не затрагивало «патриотических» настроений горожан. С подачи газет, детально расписывавших продовольственный кризис в Германии, обыватель верил, что Россия еще в далеко не худшем положении. Антинемецкие настроения в этой среде не носили ярко выраженного характера, однако, присутствовали как само собой разумеющееся.

Единственной социальной группой, скептически относившейся к официальной пропаганде и настроенной, скорее, доброжелательно по отношению к Германии и немцам, была та, которую можно определить как инженеров-управленцев. Сюда относились владельцы и управляющие крупнейших в губернии предприятий, часть государственных и земских служащих, представлявших техническую интеллигенцию. В этой среде существовали свои стереотипы. Германия воспринималась здесь, прежде всего, как страна с высочайшим промышленным и техническим развитием. Отсюда проистекал и критический взгляд в отношении возможности победы России. Однако эта категория населения была весьма немногочисленна и организационно не объединена. К тому же выражать прогерманские симпатии было в первые годы войны делом попросту небезопасным. Впрочем, жандармы знали об этом. В архиве сохранился соответствующий донос на председателя губернского Военно-промышленного комитета К.К. Черносвитова, но, судя по тому, что никаких мер в связи с этим предпринято не было, в жандармском управлении посчитали это не заслуживающим внимания.

Интересно проследить динамику подъема и спада антигерманских настроений. Первый пик их приходится на июль–август 1914 г., и в значительной мере был спровоцирован сверху. В своих патриотических чувствах в это время были едины фактически все социальные слои российской провинции. Однако в дальнейшем в поведении их наблюдается явная асинхронность. Военные поражения весны 1915 г. вызвали разочарование интеллигенции, но в рабочих и обывательских кругах это привело к новому подъему гиперпатриотизма, приобретавшего отчетливые погромные черты. Это продлилось недолго и сменилось индифферентным отношением к происходящему. Но именно в это время, осенью 1915 г., антигерманские настроения вновь пробуждаются у интеллигенции. При этом, вектор их направленности обращен, скорее, вовнутрь, а не вовне, победа над Германией начинает рассматриваться как начало истории новой, свободной России.

Вновь, и столь же единодушно, как и в первые месяцы войны, антигерманские настроения возрождаются осенью 1916 года. Но содержание их теперь совсем иное. Быть патриотом в 1914 г. означало солидаризироваться с властью, два года спустя патриотизм стал своеобразной формой оппозиции. Вопреки расчетам организаторов этой кампании, антигерманская пропаганда, в конечном счете, сильно подорвала авторитет самих российских властей. Бесконечные разговоры о «немецком засилье» и германском шпионаже создавали впечатление того, что, несмотря ни на что, шпионы бесконтрольно действуют во всех сферах. Отсюда неизбежно следовал вывод, что измена гнездится в самих верхах. В связи с этим оказалось кстати немецкое происхождение императрицы; вновь поползли слухи о Распутине[49].

У многих, стоявших близко к трону, еще задолго до революции возникала мысль о том, что «борьба с немецким засильем» сознательно используется кем-то для дискредитации династии. «Преследуя немецкий дух, метят выше»[50]. Конечно, ничего подобного реально не было, скорее, речь шла о том, что не продуманный и неуклюже исполненный замысел обернулся против самих его инициаторов.

Всепроникающий немецкий шпионаж стал главным пугалом – причем, пугалом, в существование которого верили все. Разговоры о немецких шпионах при дворе и в высших эшелонах власти в немалой мере привели к дестабилизации внутренней обстановки в стране. В связи с этим можно считать, что «борьба с немецким засильем» стала одним из факторов, ускоривших революцию.

Германская тема в русской революции

Крушение российской монархии на короткий срок активизировало враждебное отношение к Германии и немцам. Именно германофильские настроения, якобы господствовавшие при дворе, были восприняты в провинции как главная причина революции. Омрачившие уже первые дни революции расправы солдат и матросов над офицерами в ряде случаев были вызваны тем, что последние имели несчастье носить немецкие фамилии. Схожие чувства были характерны и для других социальных групп. Газеты тех дней сообщали, что, по словам крестьян, царь лишился короны за то, что «хотел замириться с немцем»[51]. Интересно, что эта мотивация, воспринятая с полным пониманием, вполне уживалась с антивоенными настроениями, все более усиливавшимися в крестьянской среде.

В отличие от прежних властей, Временное правительство не вело целенаправленной антинемецкой пропаганды. Разумеется, правительство неоднократно публично подтверждало свои намерения вести войну до победного конца, но уже назойливое повторение подобных обещаний выдавало неуверенность в возможности их исполнения.

Первые месяцы революции прошли под знаком всплеска оборонческих настроений, однако, это было именно оборончество, то есть настроения эти качественно отличались от того, что имело место ранее. Официальные правительственные декларации, особенно после вхождения в состав кабинета министров-социалистов, были составлены в осторожном духе. Врагом в них объявлялись уже не немцы или Германия, а германский империализм, реакционный кайзеровский режим, стремящийся задушить обретенную Россией свободу и вернуть на трон Романовых. Таким образом, продолжение войны получило принципиально новое обоснование, окончательно переместившись в плоскость внутренних проблем.

Какое-то время в массовом сознании еще по инерции сохранялось влияние прежних стереотипов. Это попыталось использовать Временное правительство, обвинив Ленина и большевиков в сотрудничестве с немцами. Двумя годами ранее подобное обвинение могло спровоцировать волну погромов и самосудов, но сейчас, особенно в провинции, оно было воспринято с полным равнодушием. Никто не собирался отлавливать большевиков на улицах, да и они не слишком спешили оправдаться.

О том, насколько уже к этому времени выдохлась вера во всепроникающий германский шпионаж, свидетельствуют события, имевшие место в августе 1917 г. в Ярославле. В те дни в городе в очередной раз стала ощущаться нехватка продовольствия. В толпе, собравшейся на базарной площади, кто-то пустил слух, что хлеба нет, потому что немецкие шпионы взорвали железную дорогу. Но уже через короткий срок гнев толпы был направлен против более привычного врага. Начались разговоры о том, что «вся разруха наша – от жидовских спекуляций». Стали уже раздаваться призывы «бить жидов», но, к счастью, все обошлось без жертв[52]. Немецкий шпион уже перестал быть до такой степени пугающей фигурой, чтобы на него можно было списать все беды. Трансформация образа врага, предпринятая новыми властями, в конечном счете, обернулась для них же крайне неудачно. В этом смысле прямолинейная антинемецкая пропаганда царского правительства оказалась куда более эффективной. Карикатурный немец с плакатов 1914 года воспринимался как враг каждого русского, германский же империализм был врагом лишь для тех, кого полностью удовлетворяли результаты революции. А это относилось лишь к части

образованной общественности, но никак не к простому обывателю, начавшему уже уставать от «революционных завоеваний».

Чем больше внешний враг отождествлялся с реставрацией прежнего режима, тем больше он вызывал симпатий у тех, кто не видел в такой реставрации ничего плохого. В этом смысле характерна реакция общественного мнения провинции на падение Риги. Это был, пожалуй, самый значительный эпизод военной кампании 1917 года. Взятие Риги коренным образом меняло обстановку на фронте, открывая немцам путь на столицу. В социалистической прессе был поднят шум по поводу смертельной угрозы, нависшей над революцией, и «необходимости сплочения вокруг органов революционной демократии». Однако в обывательской среде происшедшее было воспринято гораздо спокойнее. Два месяца спустя, уже осенью, в одной из ярославских газет было опубликовано письмо, полученное из Риги. Нарисованная в нем картина должна была вызвать у обывателя лишь завистливый вздох: «Немцы прекратили грабежи. На фабриках установлен 12-часовой рабочий день. Цена на хлеб понизилась с 25 до 15 копеек за фунт. Приехал Вильгельм и распорядился, чтобы в церквах было восстановлено поминовение бывшего царствовавшего дома; оркестры в садах и на бульварах играют “Боже, царя храни”»[53]. К этому времени хлеб в Ярославле стоил уже 40–45 копеек за фунт, а духовой оркестр мог играть в лучшем случае на очередных похоронах. Нетрудно понять, что в такой ситуации от образа немца-врага в обывательском сознании оставалось уже очень мало.

Большевистский переворот еще более ускорил эти перемены. Прогрессирующая анархия убивала у обывателей последние революционные иллюзии. Сама Россия выйти из кризиса не может, спасение, если и придет, то только извне. Ожидание варягов давно уже стало частью русского национального менталитета, но это тема отдельного разговора. Сейчас же в роли варягов-спасителей в глазах обывателя все чаще выступали недавние враги. «Если и теплится у него огонек надежды на кого-либо, – писали тогдашние газеты, то только на казачество, и, страшно сказать, – на Вильгельма»[54].

Можно предположить, что подобные настроения разделяла и та часть рабочих, которая не была вовлечена в политику под социалистическими лозунгами. Что касается крестьянства, то выяснить его позицию по этому вопросу почти невозможно. Да, крестьянство было живо заинтересовано в прекращении войны, но о немцах и Германии в связи с этим как правило, не говорится ни слова. Вероятно, деревня, все более дистанцировавшаяся от города, попросту игнорировала проблемы, не имевшие к ней прямого отношения. Особенно же характерно изменение настроений провинциальной интеллигенции. Как уже говорилось, для провинциальной интеллигенции всегда была характерна ориентация на столицы. Особенно это стало заметно со времени революции.

Как ни покажется странным, но революция, казалось бы уничтожившая любую политическую цензуру, не только не привела к плюрализму во мнениях, но к еще более четко выраженной идеологической унификации. В это время трудно было быть просто Ивановым, Петровым или Сидоровым. Неизбежный вопрос «како веруешь?» требовал обязательно причислить себя к эсерам, кадетам или эсдекам. Россия всегда была страной, одетой в мундир. Мундир поднимал человека в глазах самого себя и окружающих, но одновременно требовал от носящего его строгой дисциплины. Новые, идеологические, мундиры предполагали это не в меньшей мере, и пото-

му провинциальная интеллигенция долгое время была готова бездумно повторять лозунги и догмы, декларировавшиеся партийными вождями.

Однако осенью 1917 г. ситуация в провинции стала ухудшаться куда более стремительными темпами, нежели в Петрограде или Москве. Здесь не было той инерции порядка и благополучия, которая какое-то время еще сохранялась в столицах. Южные, хлебные, губернии в какой-то мере могли компенсировать это более сытной жизнью, но Ярославль и окрестные районы и прежде никогда не могли прокормить себя. В итоге, среди провинциальной интеллигенции все более крепло мнение, что столицы окончательно оторвались от остальной России, что партийные вожди оказались в плену доктрины и перестали понимать происходящее.

Большинство либеральной интеллигенции в провинции, как уже отмечалось, в политическом отношении причисляло себя к кадетам. Кадетская же партия последовательно занимала антантофильские позиции, резко враждебные Германии. Однако большевистский переворот имел следствием то обстоятельство, что и среди кадетов появились те, кто сомневался в правильности прежних ориентиров. Не случайно эмиссарам кадетского ЦК, посланным в провинцию накануне намечавшейся в мае 1918 г. партийной конференции, в числе прочих заданий было поручено выяснить мнение провинциальных организаций относительно внешнеполитического курса партии. Один из таких посланцев в начале апреля посетил Ярославль. В своем отчете он зафиксировал, что местный кадетский комитет с неодобрением относится к германофобской линии партийного руководства. В ходе состоявшейся в комитете беседы «высказывалось предположение, что дальнейшее существование Советской власти, в течение хотя бы и непродолжительного времени, сделает невозможным возрождение государства в будущем, соглашение же с Германией, свергая Советскую власть, хотя и наложит на Россию цепи экономического рабства, но тем не менее даст ей возможность возродиться в будущем»[55]. Внешне эта позиция могла выглядеть взвешенной и объективной, но, если вдуматься, она мало отличалась от настроений того же обывателя, готового заплатить любую цену за возврат к прежней спокойной жизни.

С «германской темой» связан еще один любопытный эпизод из истории Ярославля тех лет. Как было уже упомянуто, на территории Ярославской губернии находилось немалое число немецких и австрийских военнопленных. После заключения Брестского мира они получили возможность вернуться на родину. Для этого в Ярославле была открыта специальная комиссия («комиссия № 4»), действовавшая от имени германского посольства. К началу июля 1918 г. в городе скопилось свыше полутора тысяч бывших пленных – немцев и австрийцев, ожидавших отправки домой. Однако как раз в эти дни в Ярославле началось антисоветское восстание.

Руководство восставших заявило, что не признает условий Брестского мира и считает Россию по-прежнему находящейся в состоянии войны с Германией. Бывшие немецкие военнопленные были вновь заключены под стражу в помещении городского театра. Но вскоре арестованные и их тюремщики поменялись местами. Большевики бросили на подавление ярославского восстания все наличные силы. Шквал артиллерийского огня разрушил центральные районы города буквально до основания. Понимая, что дальнейшее сопротивление бесполезно, вожди восстания предприняли неожиданный ход. Последние защитники города сдались в плен начальнику «комиссии № 4» немецкому лейтенанту К. Балку. Вряд ли они реально рассчитывали на то, что это спасет их от расправы (и, действительно, большинство из них было

расстреляно уже в ближайшие дни). Скорее, за этим крылось стремление сложить оружие перед более достойным врагом, не дать большевикам почувствовать себя победителями[56].

В военной среде сохранялось более рыцарское отношение к противнику, нежели то, которое пыталась насадить официальная пропаганда. Возможно, поэтому в стане противников большевизма, среди которых главную роль играло именно офицерство, растущие симпатии к Германии особенно явственно проявили себя. В этом было заложено своего рода противоречие, ведь одним из обвинений в адрес большевиков как раз и являлось сотрудничество с немцами. Слухи о том, что во главе Красной Армии стоят немецкие офицеры, не прекращались на протяжении всего периода гражданской войны. К тому же в 1918 г. даже несведущему в военных вопросах человеку должно было быть ясно, что о победе Германии речь уже не идет. Тем не менее германофильские настроения в антибольшевистском лагере набирали силу. В этом не было прямой прагматической подоплеки, и подтверждением может служить то обстоятельство, что они не исчезли и после завершения войны, когда от поверженной Германии трудно было ждать помощи. Скорее, дело было в не до конца осознанном ощущении общности судьбы. Можно сказать, что антибольшевистское движение несло в себе «веймарский синдром», чреватый в перспективе самыми серьезными последствиями.

Но это относилось именно к участникам антибольшевистского движения и жителям тех регионов, которые находились под контролем белых правительств. В центральной же России, прочно удерживаемой большевиками, отношение к Германии и немцам отошло даже не на второй, а на третий план, оттесненное более насущными проблемами. Образ «немца – исторического врага» здесь заметно потускнел, но не успел смениться образом «немца-союзника».

Друзья и враги

Крайне интересно, откуда вообще появилось представление о Германии как об извечном противнике России. До 1914 г. на протяжении трех веков единственным прямым военным конфликтом России с каким-либо из германских государств была Семилетняя война (1756–1763), не оставившая особого следа в народной памяти. В то же время Россия дважды за столетие воевала с Францией, один раз с Англией. Наполеоновское вторжение и Крымская война запомнились куда больше, но это не помешало воспринимать французов и англичан как союзников. Образ же «немца-врага» укоренился с удивительной легкостью и на долгий срок.

В какой-то мере это понятно, когда речь идет об интеллигенции. Разговоры об экономическом и политическом соперничестве Германии и России шли задолго до войны. Гораздо труднее объяснить антинемецкие настроения тех социальных групп, для которых чтение газет не являлось привычным делом. Возможно, дело было в том, что немец был фигурой знакомой. В анекдотах, публикуемых на страницах сатирических журналов, в качестве партнеров-соперников русских могли выступать и француз, и англичанин. В народном же фольклоре традиционно действуют «русский, немец и поляк», в крайнем случае, еврей. Немец, таким образом, предстает не как иностранец, а оказывается в ряду российских подданных, иных в этнокультур-

ном отношении, но все-таки «своих». Трудно представить себе врага, которого ты никогда в жизни не видел; наделенный же чертами соседа, он быстро обретает осязаемый характер.

Превращение соседа во врага было прямой заслугой антинемецкой пропаганды. С современных позиций она была примитивна, излишне прямолинейна, назойлива. Однако именно эта прямолинейность и назойливость делали ее действенной. Правда, результаты ее оказались трудно предсказуемы. Давно уже общим стало утверждение, что Первая мировая война привела Россию к революции. Но до сих пор в первый ряд выдвигались факторы экономические и политические, гораздо меньше внимания обращалось на ту трансформацию, которая за время войны произошла в сознании людей. В этом смысле «борьба с немецким засильем» оказалась инструментом подрыва основы основ.

Раздвоенность, схожая с тем, что имело место в годы Первой мировой войны, наблюдалась и в поведении советской интеллигенции. Если в первом случае интеллигенцию разрывали либеральные и патриотические идеалы, то новая, социалистическая, интеллигенция оказалась на распутье между интернационализмом и патриотизмом. В определенной мере интернационализм в сознании интеллигенции занял то место, которое ранее занимал либерализм. Интернационализм советской интеллигенции – это неосознанное западничество, тяга к открытому обществу, хотя и закамуфлированная искренне воспринятыми революционными лозунгами. Немцы и Германия занимали в этом особое место. Долгое время Германия воспринималась как страна, где в ближайшее время должна победить революция. Даже неудача гамбургского восстания не поколебала в массовом сознании этот образ. Республиканская Испания, чей до предела романтизированный образ существенно укоренился в умах (с этим сравнима Куба для поколения 60-х годов), не сумела вытеснить прежних симпатий к «пролетарской Германии». Испания была слишком далеко и потому пилотка-эпаньолка не смогла заменить юнгштурмовку.

Начавшаяся война заставила советскую интеллигенцию сделать свой выбор. Эренбург с его призывом «Убей немца!» просто почувствовал это раньше других. Впрочем, гиперпатриотизм до конца так и не овладел большинством интеллигенции, что тоже очень напоминает ситуацию времен Первой мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Князев Г.А.* Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. // Русское прошлое. – СПб., 1991. Вып. 1. С. 105.

[2] *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. – М., 1991. С. 209.

[3] *Миролюбов А.А.* Документы по истории Департамента полиции периода первой мировой войны // Советские архивы. 1988. № 3. С. 81.

[4] *Дякин В.С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. 1914–1918. Сб. статей. – М., 1968; *Нелипович С.Г.* Репрессии против подданных «центральных держав» // Военно-исторический журнал. 1996; *Соболев И.Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы первой мировой войны. Автореф. Дисс. канд. ист. наук. – СПб., 1998.

[5] *Гоголь Н.В.* Собрание художественных произведений в пяти томах. – М., 1952. Е. 4. С. 11.

[6] Ярославский край в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона. – Ярославль, 1996. С. 241.

[7] *Дмитриев С.В.* Воспоминания. – Ярославль, 1999. С. 328.

[8] Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 906. Оп. 5. Д. 33. О германо-австрийских подданных, проживающих в Ярославской губернии. Л. 542, 567.

[9] Описание дел секретного стола канцелярии ярославского губернатора за 1914 год // Ярославская старина. 1924. Вып. 1. С. 171.

[10] Цит. по: *Бочкарев В.Н.* Предпосылки революции 1917 года в Ярославском крае // Ярославская старина. 1924. Вып. 1. С. 25.

[11] Демидовский лицей – высшее учебное заведение, основанное в Ярославле на средства и по предложению Павла Григорьевича Демидова. В 1803–1918 годах – лицей для детей дворян и разночинцев, позже лицей был преобразован в университет.

[12] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 680. О ходатайстве германского подданного Фрезе о выезде в г. Ригу. Л. 78.

[13] Там же. Ф. 906. Оп.5. Д. 21. О германском подданном А. Мудром. Л. 130.

[14] Там же. Д. 27. О шпионской деятельности сотрудников компании «Зингер». Л. 106.

[15] Там же. Оп. 5. Д. 33. Циркуляры и письма Главного штаба отдельного корпуса жандармов. Л. 540.

[16] Исаак Меррит Зингер (1811–1875) – немецкий еврей, эмигрировавший в США и основавший в 1851 году компанию «Зингер», которая производила швейные машины.

[17] ГАЯО. Д. 27. О шпионской деятельности сотрудников компании «Зингер». Л. 92.

[18] Германская разведка глазами русской контрразведки // Шпион (Москва). 1993. № 1. С. 53.

[19] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 679. О мероприятиях по борьбе с немецким шпионажем. Л. 1.

[20] Там же. Д. 24. Переписка с Министерством внутренних дел. Л. 54.

[21] Там же. Л. 53.

[22] Там же. Л. 49.

[23] *Кокорев И.Т.* Москва сороковых годов. Очерки и повести о Москве XIX века. – М., 1959. С. 32.

[24] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 45. Отчет ярославского губернатора о положении дел в губернии в августе-сентябре 1914 года. Л. 13.

[25] Цит. по: *Бочкарев В.Н.* Предпосылки революции 1917 года в Ярославском крае // Ярославская старина. 1924. Вып. 1. С. 59.

[26] Там же.

[27] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 679. О мероприятиях борьбе с немецким шпионажем. Л. 4.

[28] *Харламов Н.* Избиение в первопрестольной // Родина (Москва). 1993. № 8–9. С. 127.

[29] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 5. Д. 27. О шпионской деятельности сотрудников компании «Зингер». Л. 107.

[30] Там же.

[31] Торжество немцев в Ярославле. Вечерние известия (Москва). 1915. 20 мая.

[32] Цит. по: *Бочкарев В.Н.* Предпосылки революции 1917 года в Ярославском крае // Ярославская старина. 1924. Вып. 1. С. 58.

[33] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 5. Д. 784. Отчет ярославского губернатора министру внутренних дел за 1915 год. Л. 20.

[34] Цит. по: *Бочкарев В.Н.* Предпосылки революции 1917 года в Ярославском крае // Ярославская старина. 1924. Вып. 1. С. 58.

[35] См.: *Размолодин М.Л.* Черносотенные организации губерний верхнего Поволжья в 1905–1914 гг. // Автореф. дисс. …канд. ист. наук. – Ярославль, 1999. С. 22.

[36] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 2. Д. 24. Циркуляры и письма Главного штаба отдельного корпуса жандармов. Л. 12.

[37] *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени. – М, 1947. С. 67.

[38] Исконно народная кличка для немцев, которая была особенно популярна среди детей вплоть до 20-х годов XX века.

[39] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. 5 Т., здесь Т. 1. – М., 1987. С. 38.

[40] Северная газета (Ярославль). 1914. 2 августа.

[41] Там же. 1914. 23 июля.

[42] Журнал заседаний Ярославского губернского земства. 1915 год. – Ярославль, 1916. С. 1167.

[43] ГАЯО. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 4. Воспоминания В.К. Бурцева. Л. 63.

[44] ГАЯО. Ф. 906. Оп.5. Д. 21. Л. 74.

[45] Ярославские губернские ведомости. 1915. 6 сентября.

[46] Голос (Ярославль). 1916. 28 сентября.

[47] *Милюков П.Н.* Воспоминания 1859–1917. 2 Т., здесь Т. 2. – М., 1990. С. 160.

[48] Ярославские губернские ведомости. 1915. 21 июля.

[49] Зависимость императрицы Александры от Распутина была основанием для появления слухов об упадке морали при дворе. Это объяснялось «немецким происхождением» царской фамилии. Согласно общепринятым представлениям, от немки на русском троне ничего другого и нельзя было ожидать.

[50] Дневник б. Великого князя Андрея Владимировича. 1915 год. – Л.–М., 1925. С. 85.

[51] Голос (Ярославль). 1917. 28 марта.

[52] Труд и борьба (Ярославль). 1917. 18 августа.

[53] Голос (Ярославль). 1917. 18 октября.

[54] Свободное слово (Ярославль). 1917. 17 ноября.

[55]Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 579. Оп. 1. Д. 1033. Сведения о составе губернского и уездных комитетов Ярославской губернии и об их деятельности. Л. 8.

[56] *Ермолин Е.А.* Идеология ярославского восстания // Ярославское восстание. Июль 1918 года. – М., 1998. С. 42.

Борис Колоницкий

МЕТАМОРФОЗЫ ГЕРМАНОФОБИИ: образ Германии в политических конфликтах Февральской революции 1917 года

Враг революции и «революционное оборончество»

Трактовка Февральской революции как победы над «внутренним немцем» усилила традиционную милитаристскую пропаганду эпохи Первой мировой войны.

Накануне Июньского (1917 г.) наступления в одной из фронтовых газет была опубликована подборка высказываний немецких политиков и военных о стремлении Германии к мировому господству, о водворении «германцев во все страны врагов». Особое внимание уделялось теме жестокости немецких войск, достаточно назвать только некоторые заголовки публикаций: «Немцы вытапливают человеческий жир», «Ужасы плена», «Издевательства над русскими пленными». Пресса продолжала сообщать о бомбардировках госпиталей и потоплении мирных судов. На специальных выставках демонстрировались разрывные пули, капканы для людей, стальные стрелы, сбрасываемые с аэропланов, палицы с гвоздями, использовавшиеся предположительно для добивания раненых. «Биржевые ведомости» поместили карикатурное изображение Германии: она была представлена гориллой, которая вырывает из земного шара «демократические» государства и рвет их зубами. Даже религиозные издания утверждали, что Германия, исходящая из идеи «всемирного владычества», должна быть сокрушена: «зверь должен быть укрощен навсегда»[1].

Но результаты традиционной антигерманской пропаганды в условиях революции порой трудно было предсказать. В одних ситуациях она могла способствовать психологической подготовке наступления русской армии. Но в других случаях слухи о поголовной «измене в верхах» могли служить оправданием стихийного пацифизма. Так, летом 1917 г. некоторые солдаты «объясняли» свой отказ наступать изменой офицеров[2].

Однако в политической жизни страны стали доминировать идеи «революционного оборончества», а после Апрельского кризиса эта идеология получила фактически официальный статус. Многие будущие идеологи «революционного оборончества» были до Февральской революции противниками войны, некоторые даже стояли на позициях «пораженчества». После же переворота они выступили за защиту революционной России. Однако они противопоставляли себя тем политикам, которые оправдывали войну изначально. Лозунгу «война до победы» противопоставлялся лозунг «война за свободу». Идеология «революционного оборончества» отрицала аннексии и контрибуции, обличала империалистические цели воюющих держав. Она требовала скорейшего достижения «справедливого» мира, а первым шагом на пути к этому миру считалась международная конференция социалистов.

Соответственно, менялось и изображение врага. Так, в знаменитом обращении Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира» от 14 марта указывалось: «Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств как изнутри, так и извне». Но, при этом, обращение обличало «захватные стремления правительств всех стран», «захватную политику господствующих классов». Обращение было адресовано, прежде всего, «братьям пролетариям германской коалиции, и прежде всего к германскому пролетариату». Петроградский Совет призывал: «… сбросьте с себя иго вашего самодержавного порядка подобно тому, как русский народ стряхнул с себя царское самовластие, откажитесь служить оружием захвата и насилия в руках королей, помещиков, банкиров и дружными объединенными усилиями мы прекратим страшную бойню, позорящую человечество и омрачающую великие дни рождения русской свободы»[3]. Идеи «революционного оборончества» завоевывали солдат, пополнения шли на фронт под лозунгом «Да здравствует мир и братство народов», резолюции войсковых частей обличали завоевательную политику «мировой буржуазии»[4].

Врагом революционной России провозглашались «господствующие классы» всех воюющих стран, исключение не делалось и для господствующих классов России. Правящие круги Германии, соответственно, становились лишь одним из врагов. Концепция «революционного оборончества» отказывалась и от изображения Германии как тотального врага. Она предполагала наличие «другой Германии» – «немецкого рабочего класса», «немецкой демократии» – сил, союзных революционной России. Пропаганда социалистов – и революционные оборонцы, и интернационалисты – начала кампанию в защиту Карла Либкнехта (1871–1919), «томящегося в тюрьме Вильгельма». Даже А.Ф. Керенский заявил на митинге в Гельсингфорсе: «У нас, слава Богу, люди, такие как Либкнехт, проповедуют спокойно, а он сидит в тюрьме»[5]. Еще большее значение имела кампания солидарности с австрийским социалистом Фридрихом Адлером (1879–1960), который в 1916 году убил министра-президента Австрии (чрезвычайный суд приговорил Адлера к смертной казни, замененной 18 годами тюремного заключения). Газета «революционных оборонцев» писала: «Австриец Адлер – наш товарищ, наш брат. Он сражался под нашим знаменем, он боролся за наши идеалы»[6]. Но в некоторых текстах «революционных оборонцев» сочувственно изображались не только «спартаковцы» и «независимцы»[7], но и представители большинства Социал-демократической партии Германии, в т. ч. Филипп Шейдеман (1865–1939). Такого рода публикации появлялись даже в газете Петроградского Совета, адресованной военнослужащим[8].

Соответственно и многие революционные оборонцы, и интернационалисты возлагали огромные надежды на германскую революцию; неудивительно, что слухи о свержении монархии в Берлине появились уже в дни Февральской революции. Эти слухи возникали затем вновь и вновь, германские и австрийские пропагандисты на фронте должны были их опровергать.

Интернационалисты, призывавшие к немедленному окончанию войны, и, в особенности, большевики критиковали «революционное оборончество». Главным врагом для большевиков является буржуазия – русская буржуазия (враг внутренний) и мировая буржуазия (враг внешний). Аудитория большевиков отказывалась считать «Германию» и «немца» своим главным врагом. Некие солдаты Киевского гарнизона заявляли в середине мая: «Пусть они нас не страшают немцами». Большевистская пропаганда особенно оптимистично оценивала перспективы революционного дви-

жения в Германии. «Солдатская правда» писала: «В Германии, где тотчас же после нашей революции, как только широким народным массам стало известно, что у нас происходит, начались волнения среди рабочих, теперь пришли в движение даже умеренные слои и даже социалисты, которые рабски целовали руки Вильгельма, залитые кровью. … Германия, по-видимому, кипит, и недалек тот день, когда мы будем свидетелями огромнейшего революционного движения»[9]. В массовом сознании «буржуй» в роли главного врага вытеснял «немца». Некий ефрейтор Висман опубликовал в начале мая статью, в которой он отмечал, что слово «буржуй» заменяло недавнее ругательное слово «немец»[10].

В июне большевики выдвинули лозунг, направленный против классового врага во всех странах: «Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с английскими и французскими капиталистами!». Однако борьбе с «союзными» империалистами, «стоящими за спиной» организующейся российской «контрреволюции», все же уделялось большее внимание[11].

Однако нельзя не видеть, что у интернационалистов и «революционных оборонцев» были точки соприкосновения. Это описание войны как «бойни», указание на «империалистический» характер войны, обличение «правящих классов». Это образ «другой Германии», представленной социал-демократией (или ее частью), надежды на немецкую революцию. Появление в идеологии Февраля этих блоков, использовавшихся разными политическими силами, влияло на восприятие милитаристской и антинемецкой пропаганды разного толка.

С другой стороны, у «революционного оборончества» и традиционной патриотической пропаганды также были точки соприкосновения: они заимствовали друг у друга некоторые штампы и образы. «Буржуазные» и военные издания, например, «демократизировали» свой язык, призывали воевать «за свободу», а социалистические издания тиражировали образы Вильгельма и «прусских генералов», которые были разработаны в предшествующий период. Наконец, сама логика участия в войне приводила порой к тому, что тексты «революционных оборонцев» становились все более алармистскими. В начале мая Петроградский Совет принял воззвание к армии, в котором антигерманская тема была усилена: «Наши воззвания ничего не будут стоить, если полки Вильгельма разгромят революционную Россию раньше, чем на ее призыв откликнуться наши братья – рабочие и крестьяне других стран. Наши воззвания обратятся в чистый лист бумаги, если за ними не будет стоять вся мощь революционного народа, если на развалинах свободы утвердится торжество Вильгельма Гогенцоллерна»[12]. Язык некоторых «революционных оборонцев» становился порой практически неотличимым от языка традиционной патриотической пропаганды. В качестве врага изображали не только «бронированного» и «кровавого» Вильгельма, но и «немцев» вообще, которые де «всегда нас считали за свиней». Такого рода штампы появлялись даже в газете Петроградского Совета[13].

Образ внешнего врага был необычайно важен для Керенского, пытавшегося сохранить единство всех т. н. «живых сил страны» (умеренных социалистов и либералов) и после свержения общего врага – «самодержавия»; он призывал создать «великую, непобедимую и для внешних, и для внутренних врагов Россию». И если Керенского воспринимали как «вождя народа», то германский император персонифицировал образ врага. Вождь революции противопоставлялся монарху враждебного государства. Так, в мае некоторые русские солдаты говорили о Керенском: «Он – сам народ. Кто не с ним, тот, значит, с Вильгельмом»[14].

Однако идеология «революционного оборончества» не исключала возможности военного наступления российской армии. Это объяснялось и военно-техническими, и идеологическими соображениями. Изначально Российская революция трактовалась не только как национальное явление, но как событие, призванное изменить весь мир, утвердить идеалы свободы и демократии в других странах. Иногда же «революционно-демократический» мессианизм уже в то время смыкался с идеями экспорта революции. Русских солдат призывали «низвергнуть своими штыками троны Вильгельма и Карла», как они свергли трон Николая. Идеи «демократического интернационализма» высказывал и Керенский: «… правящий капиталистический класс Германии должен будет подчиниться всем другим народам и присоединиться к семье европейской демократии»[15].

Но и некоторые большевики в середине марта делали аналогичные заявления: «Наша непреклонная воля – воевать с империализмом до конца, до полной победы демократии». Нельзя не видеть здесь смыкания с позицией «революционного оборончества». Впрочем, руководящие органы партии отвергли подобную позицию[16].

Такие утверждения обосновывали необходимость продолжения войны «союза демократий» против «германского милитаризма» – «оплота монархизма в Европе»: «Война обратилась в борьбу мировых демократий против пережитков исторического самовластия», – заявляла консервативная газета[17]. Призыв к «угнетенным народам всех стран» «последовать примеру» русского народа и свергнуть правящие династии был адресован прежде всего военным противникам России: «Германский народ, следуй нашему примеру в борьбе с твоим правительством»[18]. Во время братания со стороны русских постоянно звучали призывы к немецким солдатам: им советовали выступить против кайзера и правительства. Русские солдаты – и «революционные оборонцы», и сторонники большевиков – смотрели на противника свысока: в Германии, в отличие от России, все решает не народ, «а капиталисты с Вильгельмом во главе»[19]. Показательно, что такого рода призывы содержались и в официальной пропаганде, которую вело русское командование, войсковые комитеты разного уровня, и в обращениях отдельных солдат, действовавших по собственной инициативе: «Немцы, поступайте с Вильгельмом II, как мы с Николаем II», – писали они. Германское командование на Востоке было вынуждено реагировать. Учитывая многочисленность подобных обращений, оно даже выпустило соответствующую инструкцию для немецких пропагандистов. Им следовало объяснять, русским, что германское командование де не вмешивается во внутренние русские дела, и оно ожидает того же со стороны русских»[20].

Германская пропаганда и политическая борьба в России

Германское командование начало на Восточном фронте мощное пропагандистское наступление в дни празднования православной Пасхи[21].

И на других фронтах солдаты братались в дни религиозных праздников, позиционный характер войны этому способствовал. Необходимость уборки трупов, осушения окопов приводила к тому, что на различных участках фронта военные действия временно прекращались. При этом, военнослужащие противоборствующих сторон

Братание немецких и русских солдат в 1917 г. Один из русских солдат держит в руках газету «Товарищ», которую издает немецкий штаб. Другой играет на мандолине.

порой общались, обменивались угощениями и сувенирами. Особенно известно «братание» на Западном фронте во время первого военного Рождества. В нем участвовали не только немецкие, английские, французские солдаты, но и некоторые офицеры противостоящих армий. Не всегда эти действия были проявлением антивоенных настроений: некоторые офицеры полагали, что настоящие профессионалы могут позволить себе и своим подчиненным регламентированный перерыв в военных действиях. Однако командование смотрело на это иначе, в последующие годы братание на Западном фронте никогда не принимало такого размаха[22].

Иначе дело обстояло на Восточном фронте. Российские солдаты также братались на Рождество, братание было отмечено уже в начале 1915 года[23]. Но чаще русские солдаты приостанавливали военные действия в период Пасхи, особенно ярко это проявилось в 1916 г. В этот период, например, впервые начали брататься солдаты 22-го корпуса 8-й армии[24].

Порой в этом братании участвовали офицеры. Сводка военно-цензурного управления за период с 17 по 24 апреля 1916 г. цитировала солдатские письма: «На первый день Пасхи сходились вместе с германцем и играли на гармони. Были в его окопах, а он в наших». Бывший фронтовик вспоминал, что в 1916 г. православная Пасха совпала с католической, до 50 человек части вместе с прапорщиком отправились «похристосоваться» в австрийские окопы[25].

Братание происходило и на бытовой почве. Порой военные действия прекращались, например, во время рубки леса, в чем были заинтересованы обе стороны. Германская армия переживала продовольственные трудности, а российская – последствия

запрета на распространение спиртных напитков. Не мог не возникнуть своеобразный обмен, во время которого немецкие и австрийские солдаты передавали русским шнапс, ром и табак, получая взамен хлеб и сахар. Языковый барьер было нетрудно преодолеть: многие латышские и эстонские солдаты русской армии знали немецкий язык, украинцы служили и в австро-венгерской армии, поляки и евреи также находились по обе стороны фронта. Для поляков, литовцев и части латышей контакты с противником были порой лучшим способом получить весточку из родного края, занятого Германией: официальная почта работала плохо. Снабжение русской армии печатной продукцией тоже вызывало нарекания, а получить издания на некоторых языках официальным путем было практически невозможно.

Иногда русские командиры разного уровня пытались организовать переговоры с противником с целью его разложения. Так, по свидетельству Пауля фон Гинденбурга (1847–1934), в 1916 г. в начале боев в Южной Добрудже русские офицеры и солдаты делали попытки сблизиться с болгарами и были очень разочарованы, когда те ответили им огнем[26]. Однако, как правило, общение с врагом пресекалось.

Германское командование, также как и российское, стремилось не допускать братание, разлагавшее военную дисциплину и разъедавшее образ врага. Однако опыт стихийного братания был использован им во время грандиозного пропагандистского наступления весной 1917 г., которое преследовало несколько целей. Важнейшей задачей считалось принуждение российского правительства и его ответственных представителей к мирным переговорам, а затем и к официальному перемирию. Немецкие генералы надеялись также подорвать боевой дух и дисциплину российских войск, что позволило бы перебросить германские дивизии на Западный фронт. Наконец, братание предполагалось использовать и для разведывательных целей. Однако, по-видимому, среди германских и австрийских организаторов этой акции не было единства относительно проведения этой акции. Так, некоторые инструкции требовали воздерживаться от шпионажа – это могло снизить эффект пропаганды[27].

Для проведения братания создавались специальные группы, в состав которых входили пропагандисты, разведчики, переводчики, а также специально отобранные солдаты. Прочим немецким военнослужащим брататься категорически запрещалось. Германские пропагандисты должны были завоевать расположение русских солдат, им следовало дарить сувениры (из тыла выписывали партии бритв, гребешков и часов), и, конечно же, угощать. Были специально отпечатаны листовки на русском языке, цветные плакаты. Для фронтовой пропаганды использовалась и берлинская газета «Русский вестник», выпускавшаяся германским правительством для русских военнопленных. Распространялась и газета «Неделя», выпускавшаяся с этими же целями в Вене. Были созданы и специальные газеты для русских солдат-фронтовиков – «Серет», «Товарищ», «Западная Двина», «На берегах Двины»; для украинских солдат выпускалось «Рыднэ слово». В некоторых подразделениях эти издания появлялись раньше русских газет. Кое-где они доставлялись весьма регулярно, по десятку номеров на роту[28].

Пропагандистам выдавались специальные политические инструкции, одобренные министерствами иностранных дел Германии и Австро-Венгрии. По мере проведения акции уточнялась позиция, появлялись новые указания. Так, по-видимому, частыми были вопросы о деле Адлера. Австрийским пропагандистам следовало отвечать, что его судили за убийство, его дело никак не связано ни с социализмом, ни с империализмом. Первоначально предполагалось использовать в пропаганде тему

Братание немецких и русских солдат в 1917 г. Солдаты обмениваются подарками и книгами.

земли и выборов: в России де уже происходит раздел земли, начались выборы в Учредительное собрание, а солдаты де остаются на фронте. Однако пропагандисты недооценили уровень информированности русских солдат-активистов, которые стали скептически относиться ко всем сообщениям. Поэтому инструкция от 12 (25) мая уже предлагала не касаться этих тем в разговорах с русскими делегатами и депутациями[29].

С помощью воздушных шаров, аэропланов, специальных мин над русскими войсками разбрасывались листовки, их также оставляли у проволочных заграждений немецкие разведывательные группы. Так русские солдаты оповещались о предстоящем братании. Им предлагалось формировать группы для переговоров.

Сравнительно ясной была задача ведения пропаганды среди нерусских солдат российской армии. Им предлагали добиваться создания особых польских, еврейских, магометанских, украинских частей. Затем был поднят вопрос о создании специальной украинской армии. Но что можно было предложить собственно русским солдатам? Перед германскими пропагандистами стояла важная задача: убедить русских солдат в том, что действительным, «настоящим» врагом России является Англия. «Русский вестник» постоянно писал об «английских вампирах мира», об «английском засилье в России»[30]. Эта пропаганда опиралась на стереотипы восприятия Англии и англичан, сложившиеся в русской культуре. Для русских же правых Англия была своеобразной «империей зла». В их печати появлялись сообщения об «англо-еврейском заговоре», утверждалось, что англичане уже управляют русскими министрами, а английские масоны руководят русскими революционерами. Геополитические доктрины правых предполагали нанесение решительного военного удара по «масонской» и «ожидовевшей» Британии[31].

В годы Мировой войны германофобия потеснила у русских правых англофобию, а подчас и антисемитизм. Но многие продолжали сохранять верность старым знаменам; англофобия к тому же была безопасным суррогатом германофильства. Отношение к Британии становилось инструментом классификации политических сил, наблюдатели писали о борьбе «немецкой» и «английской партий». В германской пропаганде Февральская революция трактовалась как подготовленный англичанами превентивный путч, который предотвратил «настоящую» антивоенную революцию[32].

После революции основные направления германской пропаганды – антивоенное и антиантантовское – претерпели изменения: они учитывали антикапиталистичес-

кие, антибуржуазные настроения масс революционной России. Некоторые российские военнопленные в Германии оказались в поле воздействия этой пропаганды, они писали домой: «Необходимо жить в дружбе с немцами, поскольку все равно вместо германского засилья у нас будет английское или американское»[33].

О революции многие русские солдаты узнали из германских плакатов и листовок[34]. Это подрывало авторитет офицеров, вызывало интерес к сообщениям врага. Антианглийская тема продолжала играть особую роль в немецкой пропаганде. Статс-секретарь германского министерства иностранных дел требовал использовать в пропаганде следующие аргументы: царское правительство, находившееся под влиянием Англии, отвергло мирные предложения Центральных держав, новое либеральное правительство также зависит от Англии[35]. На германских плакатах изображался Джон Буль, символизирующий Британию. Он преграждал русскому солдату путь домой, отгоняя ангела мира. Агрессивный и коварный Джон Буль противопоставлялся миролюбивому немецкому обывателю Михелю[36].

Насколько эффективна была антианглийская пропаганда?

Иногда она вызывала обратный эффект: австрийские пропагандисты отмечали, что тексты об «английском засилье» оскорбляли национальные чувства русских[37]. В записке русских солдат, адресованной солдатам Австро-Венгрии, утверждалось: «Вы пишете нам, что мы под игом Англии. Этого пока нет. Но вы уже в немецком рабстве». В другом письме русские солдаты призывали противника сбросить «иго немцев и евреев». Постоянно звучали призывы освободиться от гнета монархов[38].

Однако в отчетах германских пропагандистов о встречах с российскими военнослужащими в мае – июне 1917 года встречаются и упоминания об иной реакции: русские солдаты де протестовали против «гегемонии Англии»[39]. Немецкие пропагандисты утверждали, что однажды группа русских солдат подошла к окопам противника с криком: «German hoch! England Kaput! Russland Frieden!»[40]. Чем объяснялась относительная эффективность германской пропаганды?

Немецкие пропагандисты утверждали, что нарастание влияния большевиков немало им способствовало. Действительно, в пропаганде интернационалистов все большее место стало уделяться различным спекуляциям относительно «заговора международной буржуазии», направленного против русской революции. И в этом «заговоре» особая роль отводилась именно «английскому империализму». Германские пропагандисты охотно цитировали прессу интернационалистов, ссылаясь на их авторитет. Но антианглийские настроения были распространены не только в большевистских кругах. «Английская партия» воспринималась как «партия войны», противостоящая левым. Так, американский военно-морской атташе в своих обзорах противопоставляет «британскую партию» и партию мира – крайних социалистов, враждебных Англии[41].

Немецкое пропагандистское наступление развивалось, в целом, успешно. Современный русский автор отмечал: «Братанье охватило все участки нашего фронта, от Балтийского до Черного моря, и армия наша, благодаря политической темноте и славянскому легковерью русского солдата, очутилась в состоянии “анабиоза”»[42]. Однако это было явным преувеличением. В некоторых случаях российским командирам удавалось даже арестовать австрийских и германских офицеров-пропагандистов.

Разные части и соединения русской армии были затронуты братанием в разной степени. Судя по немецким отчетам, в некоторых соединениях российской армии

братание проходило чуть ли не ежедневно, а в других его не было вовсе. Иногда это объяснялось боевым духом данных частей, а иногда особенностями их дислокации: сама местность затрудняла братание. Сказывался, естественно, и перевод войск в резерв. Так, в течение 20 дней мая русские солдаты 181–й дивизии не общались с врагом лишь 10 дней, немного «отставала» 2-я гвардейская дивизия. В июне русские солдаты 79-й дивизии общались с противником практически ежедневно, 12-я дивизия пропустила 2 дня. Стрелки 2-й латышской бригады – встречались с немецкими представителями 16 раз. В то же время на участке 17-й, 1-й, 36-й, 70-й дивизий зафиксировано лишь по одному контакту. Практически не братались с врагом кавалерийские дивизии, но они часто находились в резерве[43].

Довольно сложно оценить воздействие братания на дисциплину российской армии. В мае-июне 1917 года некоторые части, находившиеся на отдыхе, отказывались выступать на фронт, смещали своих офицеров. Современники объясняли это разлагающим влиянием братания[44]. Но примерно в это же время происходили волнения во французской армии, они охватили 68 дивизий (две трети французской армии). Волнения были вызваны никак не братанием, а неудачным наступлением и общей усталостью. Французские солдаты, выдвигая порой иные требования, использовали то же средство: они отказывались идти вновь в окопы[45].

Кампания по братанию совершенно по-разному освещалась разными органами русской прессы.

Военное министерство, командующие фронтами и армиями, выпустили ряд приказов, осуждающих братание. Они были опубликованы в либеральных и консервативных изданиях, которые помещали и иные материалы, направленные против братания[46].

Многие сторонники «революционного оборончества» не сразу выработали единое отношение к братанию. Так, собрание делегатов фронта 20 апреля признало возможным допустить его «в целях революционной пропаганды», хотя и призывало действовать осторожно[47]. Однако затем важнейшие организации, контролировавшиеся умеренными социалистами, осудили братание: «Революционные войска могут брататься, но с кем? С армией тоже революционной, тоже решившей умирать за мир и свободу», – гласило обращение Петроградского Совета. Комитет одной из армий осудил братание, «служащее исключительно разведке противника и не являющееся в то же время средством революционной пропаганды среди немецких солдат». Затем «революционные оборонцы» даже ставили себе в заслугу ликвидацию братания[48].

Печать же интернационалистов, прежде всего, большевистские издания, восторженно описывали братание, подчеркивали инициативы социалистических организаций при проведении братания, утверждали, что оно революционизирует германскую армию. Они сообщали, что братание началось стихийно, в некоторых случаях подчеркивалось, что инициаторами братания были русские солдаты, а немецкие офицеры де ему препятствовали. Передавались слухи о том, что под влиянием братания 4 немецкие дивизии (!) отказались производить газовую атаку, за что они были сменены. В других случаях они отмечали, что противостоящие части заключили соглашения не переходить в другие места. Большевистская пресса передавала сомнительные слухи о том, что немецкие части отказывались идти в атаку и даже убивали своих командиров[49].

Порой большевики признавали, что братанием пытается воспользоваться немецкое командование, но это, по их мнению, лишь требовало большей инициативы и организованности со стороны российских организаций. Рядовые сторонники большевиков также противопоставляли «неправильному» братанию «правильное». Так, резолюция батальона Тираспольского полка, опубликованная в «Окопной правде», осуждала «братание буржуазное»[50].

Большевики проводили на митингах резолюции в поддержку братания. Так, резолюция рабочих Северо-западного акционерного общества гласила: «Собрание считает, что строго организованное солдатскими комитетами братание на фронте является желательным, т. к. при помощи братания есть возможность перебросить нашу революцию в Германию»[51]. Братание существенно влияло на восприятие врага. Фронтовик писал в «Правду»: «…за последнее время немцы стали не такими “варварами”, как о них писали раньше». Другой солдат писал в «Солдатскую правду»: «Наше начальство говорит нам: не нужно брататься с немцами, они враги наши, а мы говорим и будем говорить, что они наши братья и не враги, враги же наши те, кто не велят нам брататься»[52].

Противники интернационалистов, напротив, утверждали, что братание, превращающееся в «сепаратное перемирие», полностью контролируется неприятелем, используется для разведки: германские штабные офицеры, переодетые в солдатские шинели, беспрепятственно фотографируют русские позиции. Командование врага, довольное итогами братания, перебрасывает войска на Запад. Подчеркивалось коварство врага, ходили даже слухи, что австро-венгерское командование создало импровизированные бордели в полосе между окопами, чтобы разлагать русских солдат. Пресса, разумеется, не обошла вниманием и тему спаивания. Так, «Вестник Временного правительства» сообщал о тысяче русских солдат, которые якобы были отравлены германской водкой[53]. Можно предположить, что таким образом солдат пытались настроить против братания.

Картина, в действительности, была гораздо более сложной, на разных участках фронта она имела свои особенности. Иногда в братании принимали участие русские офицеры. В одних случаях они стремились сохранить авторитет своих подчиненных, а в других – использовать ситуацию для разведки позиций противника. Иногда братание приводило к конфликтам между солдатами и их командирами, но, похоже, часто возникало противостояние между различными родами войск. Так, нередким было противостояние между пехотинцами и артиллеристами: батареи открывали огонь, пытаясь предотвратить братание. Дело доходило до столкновений между русскими пехотинцами и артиллеристами, при этом, имели место стычки и между офицерами этих родов оружия[54].

Разлагающее влияние братания на многие части русской армии невозможно отрицать. Но не следует полагать, что германское командование полностью контролировало процесс братания. Оно стимулировало несанкционированные контакты между солдатами. Однако за этими контактами часто стояли житейские соображения: солдаты обменивались продуктами, табаком, спиртным, сувенирами, печатными изданиями, передавали друг другу письма, просили переслать письма семьям и друзьям (в том числе военнопленным), оказавшимся за линией фронта. Они вместе катались на лодках и удили рыбу. При этом, немецкие и австрийские солдаты игнорировали приказы и инструкции своего командования.

Ситуацию пытались использовать различные русские революционные организации. Речь идет не только об интернационалистах разного толка. Даже некоторые Советы и комитеты, руководимые сторонниками «революционного оборончества», видели в сложившемся положении шанс для разложения противника. Независимо друг от друга они начали выпуск пропагандистских изданий на немецком языке, порой для этой цели проводились специальные денежные сборы. Так, среди солдат противника распространялся манифест Петроградского Совета от 14 апреля, переведенный на немецкий язык.

Германское командование не без тревоги следило за пропагандой российских организаций. В награду за каждую сданную русскую листовку назначались небольшие денежные премии, простых запретов было недостаточно. Но, по-видимому, чтение русских пропагандистских материалов продолжалось.

Возникла патовая ситуация: германское командование не смогло достичь всех целей, которые оно ставило, начиная организованное братание. Так, не удалось завязать переговоры о перемирии со сколь-нибудь авторитетными представителями военных и гражданских властей. В то же время, отрицательные аспекты братания и для немецкой армии становились все более очевидными. Еще более опасным братание было для армии Австро-Венгрии. П. фон Гинденбург отмечал, что к июлю 1917 года «большинство австро-славянских войск», подобно русским войскам, «подверглись политическому разложению»[55]. Бездействие было очень опасно для каждой из воюющих сторон. К тому же когда во время «братаний», организованных австро-венгерским командованием, русских солдат угощали ромом и белым хлебом, то возникал скандал: в австрийской армии солдат давно кормили кукурузным хлебом. Да и бесплатное угощение ромом вызывало зависть[56].

Братание поставило серьезные проблемы и перед российским Временным правительством. Существовала возможность использовать ситуацию для разложения армий Германии, ее союзников. Однако этот шанс не был использован. Пропагандой среди противника занимались по собственной инициативе отдельные Советы, войсковые комитеты, партийные организации, военные штабы, группы солдат. Их деятельность, похоже, никак не координировалась и весьма отличалась по содержанию и по форме. Так, социал-демократическая организация в латышских стрелковых полках создала специальную «немецкую секцию» для ведения агитации среди солдат противника. Утверждалось, что в результате были установлены контакты со «сторонниками Либкнехта»[57].

Было принято иное решение, подрывающее саму возможность братания: в июне российская армия перешла в наступление.

Пропагандистская подготовка наступления проходила, в основном, под лозунгами «революционного оборончества»: русских солдат призывали наступать «за мир», «за свободу». Их убеждали, что, наступая, они оказывают помощь немецким революционерам, приближая переворот в Германии.

В целом, либеральная и консервативная печать первоначально освещала наступление, используя язык, приемлемый для «революционных оборонцев». Лишь отдельные издания требовали воевать «до победы».

Большевики протестовали против наступления. Нередко они использовали аргумент, важный для сторонников «революционного оборончества»: наступление осложняет позицию немецких революционеров. «Окопная правда» писала: «Германские капиталисты сумеют воспользоваться Керенским и социал-шовинистами,

чтобы оправдать себя перед несознательными рабочими Германии. … Проповедь Керенского и Церетели дает обвинительный материал для германских капиталистов против Временного правительства»[58]. Большевистская пресса так описывала настроения русских солдат, участвовавших в наступлении: «Они хотят раздавить Вильгельма, а капиталисты заставляют их давить весь немецкий народ ради торжества английского, французского и русского капитала»[59].

Первоначальный успех русского наступления был недолгим, последовали мощные контрудары войск неприятеля. Тяжелые бои, нарастание взаимного ожесточения, переход к маневренной войне – все это делало невозможным братание в прежних масштабах.

Германская тема и большевики

Логические построения типа «немец – враг, враг – немец» повлияли на послефевральскую политическую борьбу. Политических противников обвиняли в германофильстве и измене. Первоначально подобные обвинения выдвигались в адрес левых, а потом и умеренных социалистов. Антигерманские пропагандистские кампании в 1917 году переплетались с антибольшевистскими, «антиленинскими», германофобия оказалась связанной с антибольшевизмом. Проезд группы В.И. Ленина через Германию в «пломбированном вагоне» значительно усилил обвинения этого рода. В Петрограде проходили демонстрации под лозунгами «Вернуть Ленина Вильгельму». Во время Июльского кризиса в газетах были опубликованы телеграммы, перехваченные русской контрразведкой. В тех условиях они воспринимались значительной частью общественного мнения России как доказательство сотрудничества большевиков с германским правительством. Декларация Временного правительства от 8 июля гласила: «Войска германского императора прорвали фронт русской революционной армии. Это страшное дело было для них облегчено преступным легкомыслием и слепым фанатизмом одних и изменой и предательством других»[60]. Политическое поражение большевиков в дни Июльского кризиса трактовалось как своеобразный реванш за поражения русской армии на фронте, сообщалось, что «германско-ленинское восстание» разгромлено, «немецко-ленинские вооруженные шайки» разбиты, «немецко-ленинские войска» укрощены. Провинциальные издания попросту утверждали, что Ленин, его родные и друзья получили от Вильгельма II два миллиона рублей. Быстро появились и кинофильмы «Ленин-шпион», «Ленин-предатель». В Москве манифестанты несли транспарант: «Ленин – немецкий шпион». В деревнях же рассказывали, что Ленин, «друг германского царя», приехал в Россию «в бронированном поезде», где один вагон занимал он, а остальные – заполнены золотом, предназначенным для покупки русских крестьян. По другим же слухам, Ленин, наоборот, собирался продавать крестьян германскому императору[61].

Затем правая пресса выдвигала аналогичные обвинения и в адрес умеренных социалистов, прежде всего, в адрес министра и лидера партии социалистов-революционеров В.М. Чернова: утверждалось, что он получал финансовую поддержку от германских ведомств. А философ Н.А. Бердяев рассматривал социалистов, социал-демократов – в особенности – как носителей германского «расового» влияния в момент «всемирно-исторической борьбы славянства и германства»:

> Интернационализм на русской почве есть германизм, русский пацифизм есть германское расслабление русской национальной воли. … Интернациональная социал-демократия вполне немецкая по своему духу. … в стихии революции погасло русское и славянское сознание, и в угасании этого сознания, за которым стоит здоровый расовый инстинкт, немалую роль сыграла пропаганда немецких социал-демократических идей. … В России социализм сделался орудием сил, враждебных нашей расе, он отклоняет Россию от исполнения ее славянского призвания[62].

В этих условиях большевики и их союзники также начинают все чаще использовать патриотическую риторику, содержащую порой известную примесь германофобии. Так, в начале августа «Окопный набат», издававшийся вместо закрытой властями «Окопной правды», упрекал представителей российской буржуазии в контрреволюционности и отсутствии патриотизма: «Им приятнее владычество немцев». Всячески подчеркивался патриотизм революционной армии. Митинг, состоявшийся 27 августа в Херсоне, принял следующую резолюцию, опубликованную большевистской прессой:

> Мы шлем… привет революционной армии, стоящей на страже завоеваний революции, как от внутренних врагов – старых слуг Николая последнего, контрреволюционных помещиков и капиталистов, так и от внешних с коронованным разбойником Вильгельмом во главе[63].

Ситуация в стране существенно изменилась после того, как верховный главнокомандующий генерал Л.Г. Корнилов безуспешно выступил против Керенского. «Заговор генералов» воспринимался порой как часть коварного заговора врага: многие солдаты были уверены, что Корнилов, бежавший в свое время из австрийского плена, в действительности был «заслан немцем» для подрывной деятельности[64].

Пропаганда большевиков, готовившая массы к штурму власти, постоянно указывала на нарастание революционного движения в Германии. Некоторые авторы уверяли своих читателей, что немецкая революция уже началась. Патриотическая пресса, призывавшая «продержаться» в оставшиеся решающие месяцы, часто рисовала образы обессиленной, обреченной Германии: голод, нехватка сырья, нарастание уныния среди населения, дезертирство, беспорядки в вооруженных силах[65]. Но в известной ситуации это могло подтверждать тезис большевиков о неизбежности революции в лагере противника.

Однако образы «немца» и «Германии» в большевистской пропаганде осенью 1917 г. весьма отличаются от образов, рисовавшихся в марте–июне. В этот период немецкое командование попыталось возобновить братание на фронте. Информационные заметки в большевистской печати сообщали об этом. Так, «Рабочий путь» перепечатал сообщение Петроградского телеграфного агентства о том, что на Юго-Западном фронте противник возобновил попытки организовать братание, в русские окопы перебрасывали табак и папиросы. Русская артиллерия своим огнем сорвала эти попытки[66]. Перепечатка официального сообщения без комментариев весьма отличалась от восторженных оценок перспектив братания, которыми изобиловали страницы большевистской печати до Июньского наступления.

На этом этапе усилились обвинения правящих классов России в измене, главная газета большевиков писала: «Буржуазия готова сдать немцам и Петроград, и Балтийский флот, только бы задавить революцию». Борьба с Временным правительством связывалась с противостоянием германскому империализму: «Надо… спасать

для России Петроград, спасать от правительства Керенского, спасать от сдачи Вильгельму». Большевистская пресса писала о «заговоре» и «измене» правительства[67].

Такие оценки содержались не только в агитационных материалах, но и во внутрипартийных документах. В письме к большевикам, участвующим в областном съезде Северной области (оно было написано 8 октября), Ленин писал: «Керенский сдаст Питер немцам». «Керенский и корниловцы сдадут Питер немцам», – таков фантастический прогноз Ленина[68].

Военные операции германского командования, в особенности, захват Моонзундского архипелага рассматривались большевиками как часть коварного заговора международного империализма, направленного против Российской революции. Вильгельм II со своими генералами, «английские капиталисты» и российское Временное правительство объявлялись участниками этого заговора. Представляя свою позицию как революционную и, одновременно, патриотическую, большевики создавали образ врага, соединяя символы германофобии и англофобии с антикапиталистической риторикой. Г.Е. Зиновьев писал:

> Керенский, Вильгельм и Ллойд-Джордж готовятся «брать» Петроград, вопрос только в том, кто возьмет его раньше.

Обвинения усилились перед решающим штурмом власти:

> Пусть будет сдан Петроград, пусть погибнут миллионы солдат, пусть будет раздавлена революция – тем лучше для нас, говорят себе английские и русские империалисты. И если боеспособность России упадет до нуля – мир с Вильгельмом за счет России мы успеем заключить и тогда, говорят себе владыки банков и короли бирж[69].

Подобная позиция находила отзвук и в резолюциях, которые проводили большевики. Съезд Советов Северной области принял 12 октября постановление:

> В ненависти к революционному Петрограду русские контрреволюционеры объединены с английскими империалистами и находят себе фактического помощника в лице кровавого германского кайзера[70].

Ныне сама мысль о том, что Временное правительство и германские генералы, «английские капиталисты» и Вильгельм могли договориться о чем-то подобном в разгар Мировой войны, представляется совершенно нелепой. Однако многие современники, придерживавшиеся разных политических взглядов, верили самым невероятным слухам. Так, в России все чаще говорили о том, что Англия пытается договориться о заключении сепаратного мира с Германией за счет России. С другой стороны, слухи утверждали, что Керенский готовит сепаратное соглашение с Германией. В британском министерстве иностранных дел эти слухи не считали невероятными[71]. Джон Рид писал о Керенском: «Революционная демократия утверждает, что он “продался” буржуазии и иностранным империалистам. Буржуазия и реакционные иностранцы – во главе с британским посольством – обвиняли его в том, что он “продался” немцам»[72].

Эти слухи создавали весьма благоприятную атмосферу для большевистской пропаганды, «объяснявшей» углубление кризиса заговорами буржуазии[73]. «Буржуй»

был идеальным врагом народа, врагом «внешним» и «внутренним», этот ярлык можно было навесить на любого политического противника. Образ «буржуя» вбирал в себя элементы иных фобий, комбинируя элементы социо- и ксенофобий. Реконструировать идеологическую генеалогию этого тотального «врага народа» довольно трудно. Но образы «внешнего» и «внутреннего немца», создававшиеся годами «патриотической» милитаристской пропаганды, повлияли на формирование образов врагов Российской революции, которые активно использовали большевики.

Большевистская пропаганда (наряду с другими факторами) способствовала распространению антивоенных настроений среди солдат. Но далеко не всегда это вело к тому, что солдаты переходили на большевистские позиции. Осенью 1917 г. военные комиссары Временного правительства считали типичными следующие высказывания солдат: «Если останемся живы до зимы, все равно бросим фронт и поедем в Россию. Пущай немец забирает и свобода пропадает»; «Говорят, воевать будем до ноября, а дальше бросим и уйдем в Россию колоть буржуев, и сдадимся немцу, а все-таки буржуям не быть на свете»; «Если Ленин не даст мира, пусть будет снова Николай, лишь бы скорый мир, а под немцем хуже не будет»[74].

* * *

Образ «немца» важен для характеристики различных политических курсов. В силу ряда причин осенью 1917 г. этот образ «очеловечивался», уступая место другим звероподобным врагам. В то же время, образы германофобии использовались в разной степени противостоящими политическими силами; своих оппонентов они обвиняли в сотрудничестве с «немцами», «германским империализмом», «Вильгельмом». Отрицательный образ германского императора, формировавшийся на протяжении нескольких военных лет, особенно важен. Не только противники большевиков, но и сторонники партии Ленина использовали его для политической мобилизации. Часть символов милитаристской пропаганды вошла в символический арсенал большевиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Журавлев В.А.* Без веры, царя и отечества: Российская периодическая печать и армия в марте-октябре 1917 года. – СПб., 1999. С. 62–63, 142–143; *Его же.* Формирование русской печатью в народе и армии образа врага (Весна-лето 1917 года) // Психология Петербурга и петербуржцев за три столетия (Материалы Российской научной конференции 25 мая 1999 г., г. Санкт-Петербург). – СПб., 1999. С. 71–73.

[2] Доклад секретаря англо-русской комиссии о посещении Западного фронта // Imperial War Museum, London, Dvorkovitz Papers, 85/32/1/. P. 5.

[3] Цит. по «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчёты. Резолюции. Постановления общих собраний. Собрание секции. Заседание исполнительного комитета и фракции 27 февраля – 25 октября 1917 года. 4 Т., здесь Т 1: 27 февраля – 31 марта 1917. – СПб., 1993. С. 323–324.

[4] Революционное движение в России после свержения самодержавия: Документы и материалы. – М., 1957. С. 252–253; Голос солдата. 1917. 9 мая.

[5] Голос солдата. 1917. 11 мая.

[6] Голос солдата. 1917. 10 мая

[7] Имеются в виду коммунистическая организация «Союз Спартака», которую возглавлял Карл Либкнехт, а также Независимая социал-демократическая партия (НСДПГ), образованная в 1917 г. в результате раскола внутри СДПГ.

[8] Голос солдата. 1917. 11 мая.

[9] Правда. 1917. 26 мая; Солдатская правда. 1917. 1 июля.

[10] Свободное слово солдата и матроса. – Ревель, 1917. 7 мая.

[11] Солдатская правда. 1917. 17 июня.

[12] Петроградский Совет (см. сн. 3), Т 2 (1995). С. 465.

[13] Голос солдата. 1917. 6, 19 мая.

[14] Голос солдата. 1917. 9 мая.

[15] Известия Юрьевского Совета рабочих, солдатских и студенческих депутатов. 1917. 18 марта; *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. – Париж, 1963. Кн.1. С. 147. См. также с.119; Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 21 марта; Речи А.Ф. Керенского. – Киев, 1917. С. 8.

[16] *Шляпников А.Г.* Семнадцатый год. Канун семнадцатого года. 3 Т. М. 1992–1994, здесь Т. 2: Семнадцатый год. – М., 1992. С. 447.

[17] Демократия и проливы // Новое время. 1917. 2 апреля.

[18] *Соболев Г.Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году. – Л., 1973. С. 180; РГА ВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 14. Л. 83.

[19] Окопная правда. 1917. 16 июня.

[20] Bayerisches Hauptstaatsarchiv (München), Abt. IV: Kriegsarchiv. 2 Bay. Landw. Div., Band 5, Akte 7, 11.

[21] *Wildman A.K.* The End of the Russian Imperial Army. 2 T. – Princeton, NY, 1980, 1987; здесь T. 1: The Old Army and the Soldiers' Revolt. P. 334–348. См. также: *Bauerrmeister A.* Spies Break Through: Memoirs of a German Secret Service Officer. – London, 1934. P. 124–146.

[22] *Graves R.* Goodbye to All That. – London, 1960. P. 83, 116; Революционное движение во французской армии в 1917 г. / Ред. Ф.О. Нотович. – М.–Л., 1934. С. 296, 297; *Brown M.*, *Seaton S.* Christmas Truce: The Western Front, December, 1914. – London, 1994.

[23] История первой мировой войны. 2 Т. – М., 1975, здесь Т. 2, с.13.

[24] *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. – СПб., 2000. С. 540.

[25] *Хранилов Ю.П.* «Что им дело до чужих писем, когда брюхо сыто» (Военная цензура Вятской губернии в борьбе за победу над германцами) // Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 25; *К.Р.Т.* Фронт // Военная быль. 1974. № 127. С. 27; *Мельгунов С.* На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). – Париж, 1931. С. 34; *Булдаков В.П.* От войны к революции: Рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997. С. 52; *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны. – Екатеринбург 2000. С. 260–261.

[26] Воспоминания Гинденбурга. – Пг., 1922. С. 22.

[27] *[Навотный] Ф.* [Пропаганда]. С. 26. // Hoover Institution Archives, B. Nikolaevsky Collection, box 149, file 3. – Имя автора стало известным только благодаря сотруднику архива. На документе отсутствовало и первоначальное название (озаглавить его «Пропаганда» предложили эксперты); поэтому нельзя ручаться за объективность этих данных.

[28] Вперед. – М., 1917. 17 мая; *Журавлев В.А.* Без веры, царя и отечества (см. сн. 1). С. 163.

[29] *[Навотный] Ф.* [Пропаганда]. (см. сн. 27) Ñ.38, 40, 41 // Hoover Institution Archives, B. Nikolaevsky Collection, box 149, file 3.

[30] *Колоницкий Б.И.* Берлинская газета «Русский вестник» (1915–1919 гг.) // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века / Сост. И.И. Фролова. – СПб., 1996. Вып. 8. С. 132–143.

[31] *Раскин Д.* Идеология русского правого радикализма в конце XIX – начале XX веков // Национальная правая прежде и теперь: Историко-социологические очерки / Отв. ред. Р.Ш. Ганелин. – СПб., 1992. С. 15–16, 18–19; *Павлов Д.* Знаем ли мы Англию? // Российский гражданин. 1916. № 21. С. 3–4.

[32] Русский вестник. 1(14) апреля; 26 августа (8 сентября).

[33] Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 152. Оп. 3. Д. 98. Л. 38, 77. См. также: *Сергеев Е.Ю.* Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 76.

[34] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. – М., 1971. С. 131.

[35] Stimmung im Russischen Heere. P. 7, 8. // Hoover Institution Archives, Germany, Oberste Heersleitung, Box 2.

[36] Bayerisches Hauptstaatsarchiv (München), Abt. IV: Kriegsarchiv, 2 Landw. Div., Band 5, Akte 8.

[37] *[Навотный] Ф.* [Пропаганда] (см. сн. 27). С. 51. // Hoover Institution Archives, B. Nikolaevsky Collection, box 149, file 3.

[38] Bayerisches Hauptstaatsarchiv (München), Abt. IV: Kriegsarchiv, 2 Landw. Div., Band 5, Akte 11; Bayer. Kav. Div., Abt.1a, Band 30, Akte 2.

[39] Stimmung im Russischen Heere // Hoover Institution Archives, Germany, Oberste Heeresleitung, Box 2.

[40] *[Навотный] Ф.* [Пропаганда]. С. 37, 38. // Hoover Institution Archives, B. Nikolaevsky Collection, box 149, file 3; Bayerisches Hauptstaatsarchiv (München), Abt. IV: Kriegsarchiv, 2 Bay. Landw. Div. Band 5, Akten 6, 8, 9, 10.

[41] Обзор событий в Петрограде, 8–16 марта (составлен на основе донесений военно-морского атташе в Петрограде) p.20; Донесения американского военно-морского атташе 27 марта, 1 мая 1917 г. // National Archives (Washington), RG 45, WA 6, Box 716, folder 4.

[42] *Бурский П.Д.* Братанье с врагом. – Пг., 1917. С. 6, 8.

[43] Übersicht über Verhandlungen mit Russischen Divisionen (см. сн. 31)// Hoover Institution Archives, Germany, Oberste Heersleitung, box 2.

[44] *Бурский П.Д.* Братанье с врагом (см. сн. 42). С. 10–12.

[45] См.: Революционное движение во французской армии в 1917 г. / Ред. Ф.О. Нотович. (см. сн. 16). – М.–Л., 1934; *Winter J.* The Experience of World *War I.* – London, 1988. P. 155–156.

[46] *Журавлев В.А.* Без веры, царя и отечества (см. сн. 1). С. 65.

[47] Рабочая газета. 1917. 21 апреля.

[48] Голос солдата. 1917. 6, 9 мая; *Журавлев В.А.* Без веры, царя и отечества…С. 65..

[49] Правда. 1917. 4 мая, 11 мая; Солдатская правда. 1917. 5 мая; Окопная правда. 1917. 30 июня.

[50] Окопная правда. 1917. 16 июня.

[51] Солдатская правда. 1917. 14 июня.

[52] Правда. 1917. 11 мая; Солдатская правда. 1917. 14 июня.

[53] *Журавлев В.А.* Формирование русской печатью в народе и армии образа врага. (см. сн. 1). С. 73.

[54] Конфликты между пехотинцами и артиллеристами наблюдались и ранее. Еще до Февраля в окопах даже были случаи убийства артиллерийских наблюдателей. О таком случае упоминает, например, Ф.А. Степун. См.: *Степун Ф.А.* «Спасение Германии в России, спасение России в Германии…» (Письма прапорщика-артиллериста) // Родина. 1993. № 8–9. С. 57. Письма были впервые напечатаны в 1919 г. в петроградском журнале «Северные записки». Конфликт между пехотой и артиллерией наблюдался и в других армиях. Командование порой использовало артиллерийский огонь для предотвращения отступления своей собственной пехоты. В такой обстановке и недолеты воспринимались как нечто намеренное.

[55] Воспоминания Гинденбурга. (см. сн. 26). Пг., 1922. С. 48.

[56] *[Навотный] Ф.* [Пропаганда]. (см. сн. 27). С. 28 // Hoover Institution Archives, B. Nikolaevsky Collection, box 149, file 3.

[57] Окопная правда. 1917. 7 июля.

[58] Окопная правда. 1917. 18 июня.

[59] Солдатская правда. 1917. 28 июня.

[60] Вестник Временного правительства 1917. 9 июля.

[61] Нива. 1917. № 17. С. 256; Вестник Временного правительства. 1917. 9 июля; Известия Центрального Исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 5 августа; Рабочая газета. 1917. 8 июля; Новая жизнь. 1917. 5 августа; 1917 год в деревне: Сборник воспоминаний крестьян. – М., Л., 1929. С. 66, 201, 224, 254, 296; *Журавлев В.А.* Без веры, царя и отечества. (см. сн. 1) 176,179.

[62] *Бердяев Н.* Германские влияния и славянство // Народоправство. – М., 1917. № 6. С. 2–4.

[63] Окопный набат. 1917. 2 августа; Рабочий путь. 1917. 16 сентября.

[64] ОР ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Д. 1935. Л. 70.

[65] *Журавлев В.А.* Без веры, царя и отечества. (см. сн. 1). 189, 192–193.

[66] Рабочий путь. 1917. 21 сентября.

[67] Провинциал. Наши успехи // Рабочий путь. 1917. 17 октября; Братьям в окопах // Там же. 1917. 24 октября.

[68] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 34. С. 388–389.

[69] [*Зиновьев Г.*] Правительство бежит в Москву! // Рабочий путь. 1917. 10 октября; *Его же.* К съезду Советов // Там же. 1917. 25 октября.

[70] Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. документов и материалов. – Таллин, 1958. С. 245.

[71] См.: *Колоницкий Б.И.* Британские миссии и А.Ф. Керенский (март-октябрь 1917 года) // Россия в XIX–XX вв.: Сб. статей к 70-летию Рафаила Шоломовича Ганелина / Ред. А.А. Фурсенко. – СПб.,1998. С. 67–76.

[72] «John Reed Papers»: Houghton Library, Harvard University, bMS Am 1091, N 1371. Мировую известность Риду принесла, прежде всего, его книга «Десять дней, которые потрясли мир», 1919.

[73] См.: *Колоницкий Б.И.* Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Анатомия революции, 1917 год в России (Массы, партии, власть) / Отв. ред. В.Ю. Черняев. – СПб., 1994. С. 188–202.

[74] *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России (см. сн. 21). С. 289.

Лотар Майер

«НАШ ДРУГ И СОЮЗНИК ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ». Маттиас Эрцбергер и соглашение о мире с революционной Россией

Трудно представить себе большее противоречие, нежели то, которое существовало между депутатом рейхстага Маттиасом Эрцбергером (1875–1921) и элитами, задававшими тон в Германии при императоре Вильгельме II. Он происходил из деревни в Вюртемберге, был сыном портного и в продолжение всей жизни говорил со швабским акцентом. Он не «состоял на службе» и не учился в университете. Социального продвижения он добился в качестве учителя народной школы. Он был прежде всего верующим католиком и никогда не отрицал отпечатка, наложенного на него католической средой, в которой вырос[1]. Неустанное усердие и способность быстро осваиваться со сложными темами способствовали его карьере – от участия в католическом социальном движении в Южной Германии до избрания в 1903 г. по спискам партии Центра в рейхстаг, где он стал самым молодым депутатом. Эрцбергер собрал вокруг себя левое крыло своей партии, которое опиралось на «маленьких людей», обывателей в качестве избирателей и внесло в рейхстаг эгалитарно-демократический дух. Долгое время он рассматривал как своих главных противников, наряду с господствовавшими кастами, состоявшими из бюрократии, крупных промышленников и военных, социал-демократов и либералов из-за атеистического компонента их идеологий и их антиклерикальной политики. Ведя кампании против традиции дуэлей, против злоупотреблений в колониях и прусской политики в отношении Польши, политик нажил себе врагов в господствующих кругах, но, благодаря компетентности, снискал и уважение.

Международные кризисы, которыми характеризовались годы, предшествовавшие Первой мировой войне, заставили Эрцбергера найти собственную позицию и во внешней политике. При этом, он поначалу едва преодолевал предрассудки, питавшиеся его происхождением и духом времени. Важнее всего был для него союз с католической монархией Габсбургов. Главным врагом он считал Российскую Империю, которая была, на его взгляд, оплотом бюрократического абсолютизма. Традиционная дружба Гогенцоллернов с Романовыми и мнимое сходство между господствующими общественными группами России и Пруссии подтверждали антипатию, свойственную южно-германскому демократу. Особенно велико было нерасположение Эрцбергера к русской государственной политике по отношению к церкви и агрессивным тенденциям в отношении католического меньшинства, свойственным этой политике. Что касалось переоценки силы Германии как великой державы, то в этом он был типичным дитятей своего времени.

После возникновения войны Эрцбергер, как и вся партия Центра, дал увлечь себя волной шовинизма. Так, в начале сентября он опубликовал крайне аннексионистскую программу, предусматривавшую, в частности, установление германского контроля над побережьями Северного и Балтийского морей от Булони до Нарвы[2]. До начала 1917 г. он выступал за широкомасштабные аннексии, пусть даже постепенно

сокращая свои требования. Это дало ему в мае 1915 г. место в наблюдательном совете фирмы «Тиссен» с годовым окладом 40 тыс. марок, причем он, кстати, проводил корректное различие между обязанностями, вытекавшими из его депутатского мандата, и другими общественными обязанностями, с одной стороны, и его частными интересами, с другой. Когда весной 1917 г. Эрцбергер начал выступать против аннексионистской политики, он по взаимному согласию расстался с Тиссеном[3].

По инициативе правительства Эрцбергер с начала войны организовал германскую пропаганду в нейтральных странах. Поэтому он имел право свободного выезда из страны и получил доступ к информации, закрытой от обычного депутата. Успех его пресс-бюро вызвал доверие к Эрцбергеру рейхсканцлера Бетман-Гольвега и министерства иностранных дел, но привел и к конфликту с военными, не всегда считавшими уместным его правдолюбие[4]. Пропаганда за границей расширила его знания и опыт в сфере внешней политики. Бетман-Гольвег неоднократно использовал его для проведения трудных специальных миссий, если канцлеру казались пригодными для этого хорошие отношения депутата с Ватиканом и созданная им международная католическая сетевая структура. Его внешнеполитическая активность имела временами и черты донкихотства, когда, например, депутат вознамерился практически в одиночку сделать папу сувереном княжества Лихтенштейн и, тем самым, решить открытый с 1870 г. «римский вопрос»[5].

В 1915 г. Эрцбергер использовал свои обширные связи для создания службы заграничной разведки с бюро в Берне, Роттердаме и Копенгагене. Эта организация, как и пресс-бюро, финансировалась правительством[6]. Тем самым, он окончательно обосновался на позиции, дававшей ему знания международных отношений, которые в Германии до войны были, как правило, недоступны политику из рядов партии и депутату. Он не только самостоятельно собирал информацию, но имел доступ и к правительственной информации. И в ведомстве рейхсканцлера, и в министерстве иностранных дел депутата уважали как помощника и консультанта. Напротив, Верховному командованию сухопутными войсками с присущим ему подчеркнуто кастовым духом было труднее иметь дело с политиком, державшимся особняком. Будучи ключевой фигурой во фракции партии Центра, он располагал собственными независимыми властными ресурсами. Это положение стало предпосылкой вскоре начавшейся активности Эрцбергера в политике по отношению к России.

Летом 1915 г. военные успехи Центральных держав на Восточном фронте и возможность заключения сепаратного мира сильнее обратили внимание Эрцбергера на Россию. Он предостерегал от оскорблений этого противника в войне, практиковавшихся немецкой печатью и способных стать препятствием для заключения сепаратного мира[7]. Годом позже он получил из своего швейцарского бюро два независимых друг от друга сообщения, в соответствии с которыми, при определенном дипломатическом мастерстве, «Россию, может быть, еще до зимы удастся склонить к соглашению»[8]. Даже Август Тиссен обратился к нему с предложением принять во внимание возможность сепаратного мира с Россией, так как Германия из-за нехватки сырья и продовольствия больше не может долго вести войну на всех фронтах[9].

В новых условиях Эрцбергеру уже не было достаточно информации, поступавшей из России. Чтобы получить возможно более широкую картину всех происходивших там процессов, информаторы, работавшие для бюро в Берне и Копенгагене, должны были обращать более пристальное внимание на русские источники. Прежде всего, однако, в Стокгольме было создано новое бюро, полностью ориентированное

на Россию. Всем русским, ехавшим в Западную Европу и возвращавшимся оттуда, приходилось ехать через шведскую столицу. По предложению Эрцбергера, руководителем бюро стал Р.А. Цизе, до войны владелец верфи в Риге и крупный землевладелец в России, хваставшийся хорошими отношениями с русским военным и морским министерством и русскими великими князьями. Герман Гольдберг, коммерсант, также долгое время проживший в России, должен был использовать свои контакты с корреспондентами русскими газет. Честолюбивая цель Эрцбергера заключалась в получении еженедельных или двухнедельных сообщений из ставки русского верховного командования, а также из министерств иностранных и внутренних дел[10]. Эрцбергер вступил, тем самым, на территорию, которая была объектом горячих споров. Вокруг дипломатической миссии в Стокгольме роились неофициальные помощники – добытчики информации и дипломаты-любители, принадлежавшие к широкому социальному и политическому спектру, от интернациональных социалистов до представителей денежной аристократии.

Цизе создал бюро в Стокгольме на рубеже 1916–1917 гг. Сообщения, которые он посылал через краткие промежутки времени, отнюдь не отличались информационной ценностью. Тем активнее Цизе разрабатывал фантастические программы аннексий за счет России, считая, что Германия должна быть после войны достаточно сильной, чтобы вести решительную битву против Японии и показать миру, «что он только под германским водительством может не быть побежденным желтой расой»[11]. Эрцбергер, казалось, не реагировал на такие излияния. Он был, очевидно, доволен организационной работой Цизе. Тем ужаснее оказались беседы Германа Гольдберга и Лео Винца с корреспондентами крупных русских газет. Эрцбергер был благодаря этому хорошо информирован о критическом внутриполитическом положении России в конце 1916 г., когда военно-промышленные комитеты, в которых участвовали представители рабочих, и «Прогрессивный блок» депутатов Думы боролись за правительство, ответственное перед парламентом – ситуация, имевшая определенное структурное сходство с той, которая была определяющей в Германии в 1917 г.[12].

Несколько позже Гольдберг передал подробное сообщение о Февральской революции с великолепным анализом положения в России: неспособность правительства упростила задачу подрывных элементов в России, давно уже организованных, и требовался только лишь повод, «чтобы увлечь за собой народ, почти доведённый до отчаяния». Смена «реакционно-бюрократического режима» демократией – процесс, имеющий длительную перспективу. Гольдберг, как и большинство современников, переоценивал роль британского посла в перевороте. Расчет британского правительства на то, что свержение старого правительства России, из-за своей слабости оказавшегося готовым к досрочному миру, обеспечит дальнейшее участие страны в войне, не оправдался. Если Временное правительство не сможет стабилизировать транспорт, а тем самым – обеспечение поставок продовольствия, оно недолго продержится против социал-демократии. Она получает власть, «чтобы решить свою ближайшую задачу – дать стране мир». Социал-демократы не позволят буржуазному министру иностранных дел Милюкову попытаться использовать революцию для концентрации всех сил с целью достижения быстрой победы. Здесь должна вступить в дело германская политика: «Нашим лучшим союзником должна стать сильная оппозиция, требование которой [о мире] оправдывается необходимостью создать сначала упорядоченные отношения внутри страны». При этом, Гольдберг опирался на

беседы с одним корреспондентом и с социал-демократом А.Г. Зурабовым из окружения русского социалиста и неофициального сотрудника германского посольства А.И. Гельфанда-Парвуса[13].

Эрцбергер был, следовательно, благодаря информации о внутрироссийской ситуации, хорошо подготовлен, когда в начале марта некий Колышко настоятельно попросил его приехать для беседы с ним в Копенгаген. Эрцбергер отказался[14]. В ожидании этой встречи Колышко прибыл 12 марта в Копенгаген и вступил в контакт с посольством и Гельфандом. Здесь его и ошеломило известие о русской революции. Он заявил, что теперь твердо решился всеми средствами содействовать соглашению между Россией и Германией и (хотя и является русским гражданином) прямо говорить с германским послом. Гельфанд заявил, что Колышко следует воспринимать всерьез, и рекомендовал познакомить его с таким пользовавшимся международным авторитетом депутатом, как Эрцбергер, которого, в случае необходимости, можно было бы и дезавуировать. Граф Брокдорф-Ранцау считал полезным на случай победы в России более радикального направления и, тем самым, возрастания готовности к миру информировать Колышко о германской позиции в отношении России[15].

Как раз тогда Макс Гофман, начальник штаба Восточного фронта, проинформировал Эрцбергера в Бресте о плохом военном положении Германии. Тем самым, оказалось еще раз подкрепленным постепенно росшее убеждение депутата в том, что уже вскоре следует заключать мир на основе соглашения[16]. После его возвращения в Берлин Колышко настоятельно просил депутата, передав информацию с курьером, приехать в Стокгольм на беседу, «важную для отношений между Германией и Россией». Настойчивость, объяснял Колышко, продиктована тем, что Временное правительство призвало его быстро вернуться и войти в кабинет[17]. Эрцбергер, с согласия рейхсканцлера и министерства иностранных дел, поехал 26 марта в Стокгольм. Он был убежден в необходимости, как минимум, сепаратного мира с Россией. Революция, казалось, открывала новые шансы на мир, и имелся посредник, пригодный для того, чтобы установить связь с новыми власть имущими.

Иосиф Колышко не был кем-то неизвестным в кругу неофициальных сотрудников германского посольства[18]. Он внезапно появился там в конце мая 1915 г. и предложил с помощью статей в «Русском слове», самой распространенной ежедневной газете России, вести прогерманскую пропаганду. Он произвел впечатление, благодаря тому, что был на протяжении 15 лет личным секретарем бывшего министра финансов графа С.Ю. Витте, пользовавшегося в Германии большим уважением. Он утверждал, что имеет доступ к Кривошеину и Барку, соответственно бывшему и нынешнему министрам финансов, к бывшему министру внутренних дел Маклакову, а через флигель-адъютанта Нилова – даже к самому царю[19]. Затем Колышко вернулся в Петроград. Весной 1916 г., перед новой поездкой в Швецию, его принял председатель Совета министров Штюрмер. Последний показал позже перед Следственной комиссией Временного правительства, что Колышко, которого он знал лишь бегло, благодаря встречам у консервативного публициста В.П. Мещерского, рассказывал ему «о своих планах». Штюрмер оспаривал, что говорил с ним о государственных делах или даже о зондировании мира, и, очевидно, пытался преуменьшить значение события[20]. Как бы там ни было, Колышко в момент отъезда располагал «курьерским листом», и, когда его по распоряжению штаба 6-й армии обыскали на границе в Торнео 11 мая 1916 г., он телеграммой пожаловался Штюрмеру, напом-

нив, что отправился в путь «по известным делам». То обстоятельство, что в Департаменте полиции министерства внутренних дел, расследовавшем его жалобу, к нему отнеслись с величайшей предупредительностью, объяснялось его высоким статусом в бюрократической иерархии: он был «чиновником по особым поручениям» в министерстве финансов и имел звание «действительного статского советника»[21].

В Стокгольме с посольством сотрудничали, в частности, Генрих Бокельман, до войны генеральный директор московского банка «Юнкер и К°», и рейнский промышленник Хуго Стиннес. Как частные лица, они могли поддерживать отношения и вести беседы, невозможные для официальных представителей. С этой целью Стиннес содержал в Швеции многочисленных агентов и использовал собственные средства. Колышко обратился к посреднику Стиннеса с утверждением о том, что он перед отъездом вёл в Петрограде официальные беседы со Штюрмером[22]. Вслед за тем Хуго Стиннес беседовал в Стокгольме с Колышко о начале мирных переговоров и условиях, при которых Россия была бы готова к соглашению[23]. Беседы эти не продолжились не потому, например, что германское министерство иностранных дел не верило, к примеру, в компетентность Колышко, а так как «в соответствии с положением вещей в настоящее время каждый шаг с нашей стороны в направлении соглашения с Россией и Японией был бы сомнителен»[24].

Тем не менее Колышко оставался участником дел. Стиннес и министерство иностранных дел показали ранее свою заинтересованность в приобретении большинства акций влиятельной русской ежедневной газеты, чтобы создать, таким образом, в русской общественности климат, более дружественный Германии. Вместе с князем Д.О. Бебутовым, другим русским в Стокгольме, дружественно настроенным по отношению к немцам, Колышко снова взялся за этот проект. Оба вели переговоры со Стиннесом и Бокельманом. В конце концов, предстояло приобретение большинства акций русского издательства: шла речь о суммах до 10 млн. рублей. Колышко и Бебутов подчеркивали свою любовь к отечеству и симпатию к Германии, но были не особенно сдержанными, реализуя свои финансовые интересы и требования[25]. Чтобы прекратить конфликты между Стиннесом и Бокельманом, германское посольство в Стокгольме содействовало в начале августа 1916 г. заключению договора между ними. Для приобретения издательства предварительно планировалась сумма в два миллиона рублей, которые Стиннес хотел внести частным образом. Бебутову и Колышко предназначались в предприятии выгодные посты[26]. Большой замысел и без того грозил окончиться ничем в спорах между Стиннесом и Бокельманом, когда из-за Февральской революции проект был временно положен под сукно[27]. Колышко подстраховался, продолжая работать над приобретением газеты «День». Для этого ему были нужны 500–600 тыс. рублей. В середине декабря 1916 г. Стиннес перевел для него половину этой суммы в Россию[28]. Поначалу по недоразумению Колышко полагал, что и этот проект будет аннулирован[29] – кстати, как раз тогда, когда он решился связаться с Эрцбергером и его организацией. Стиннес послал из Мюльхайма в Стокгольм успокоительную телеграмму с дополнением: «После сообщения, полученного сегодня, согласен с суммой в дважды по триста тысяч»[30]. Месяцем позже, перед отъездом Колышко в Петроград, Стиннес сообщал министерству иностранных дел: «Я принял меры предосторожности, чтобы К. (Колышко. – *Прим. перев.*) мог бы свободно действовать без забот экономического свойства»[31].

Когда Колышко искал разговора с Эрцбергером, он очень хорошо сотрудничал с Хуго Стиннесом, ратовавшим за широкомасштабные аннексии, а также связанным

с Верховным командованием сухопутными войсками и начальником главного морского штаба Хольцендорфом. Но через посланника в Копенгагене Брокдорфа-Ранцау, отношения которого со Стиннесом были не особенно хороши, он искал связи с Эрцбергером, когда их холодные отношения, как ему казалось, вредили прибыльному для него проекту. Тем самым, Колышко мог повысить свою значимость и, при определенных обстоятельствах, противопоставить оба лица, осуществлявших контакты и представлявших политически противоположные направления.

Эрцбергер встретился с Колышко в Стокгольме 26 марта в квартире варшавского банкира и промышленника М. Гуревича, который до войны поддерживал обширные деловые связи с Германией и был членом административного совета крупных немецких акционерных обществ[32]. Он уже не раз содействовал неофициальным германо-русским контактам[33].

Колышко дал Эрцбергеру хотя и анекдотическое, но в общих чертах верное описание русской революции и новых отношений власти в Петрограде. Он, однако, заблуждался коренным образом, исходя из того, что буржуазные либералы, образовывавшие большинство во Временном правительстве, считали со свержением старого режима достигнутой цель войны, как они ее понимали, и теперь хотели мира, «даже если некоторые их представители употребляют вовне другие обороты»[34]. Это было скорее эвфемистическое описание политики целей войны, выдержанной в духе позднего империализма, которую пытался отстоять министр иностранных дел П.Н. Милюков. Правительство, однако, должно, по мнению Колышко, заключить «почетный мир», чтобы его не оттеснили от власти «социал-демократия и анархия». Тем самым, Колышко боролся против распространенного в германских правительственных кругах представления о том, что от социалистов, которые и без того стремились к власти, было бы легче добиться сепаратного мира. Взятие власти социал-демократами в России может, предостерегал он, привести к распаду, так что, в конце концов, ни одно правительство не будет уже достаточно сильным, чтобы заключить мир.

Колышко подчёркивал, говоря с Эрцбергером, что Германия теперь «одна в силах тотчас же добиться мира». Для этого, по его словам, рейхсканцлер должен столь быстро, сколь возможно, высказаться в речи в рейхстаге по трем пунктам: Германия не вмешивается во внутренние дела России и не намеревается угрожать ее вновь обретённой свободе, не ведёт войну против русского народа и не требует от России «мира не на почётных условиях». Идею сепаратного мира не следует слишком подчеркивать. Если Россия сначала придет к убеждению в том, что она может заключить почётный мир, она будет говорить об этом со своими союзниками, и всё остальное совершится тогда само собой. Условием заключения мира является отказ от аннексий. Тем не менее «исправление границ» возможно. Признав, по настоянию Эрцбергера, что он рассматривал этот вопрос, «исходя из русских масштабов», Колышко открыл тому дверь для формального компромисса, который он мог использовать для защиты своей политики мира против аннексионистской партии. Колышко хотел поехать в Петроград, якобы по вызову Временного правительства, и обещал около 20 апреля снова быть в Стокгольме с полномочиями на ведение переговоров.

Несколькими месяцами ранее Колышко продемонстрировал Стиннесу своё оскорблённое русское национальное чувство в связи с манифестом Центральных держав, обещавшим восстановление польского государства[35]. Если понадобилось бы, он мог сослаться на свое происхождение из польской дворянской семьи, жившей

в Литве, и на свое католическое вероисповедание, от которого он не хотел отказаться даже тогда, когда оно мешало ему занять пост министра[36]. Можно с уверенностью полагать, что он не утаивал свое происхождение и от Эрцбергера и, тем самым, обрёл его особую симпатию.

Под конец разговора Колышко настаивал на том, что он, вернувшись из России, хочет продолжать переговоры только с Эрцбергером и ни под каким видом – с Хуго Стиннесом, который разыскивал его уже несколько раз и предлагал ему 15 миллионов на основание русской газеты. С помощью этой преувеличенной и односторонней версии он повышал свою значимость и давал понять Эрцбергеру, что был интересным партнёром и для крупного промышленника, который поддерживал политику Верховного командования сухопутными войсками. В действительности, однако, он вёл двойную игру.

Стиннес сам говорил с Колышко о сепаратном мире. Он ожидал, что в России возьмут верх социалистические течения, готовые бороться за мир. Колышко следовало бы немедленно поехать в Петроград, способствовать консолидации этого направления и, наконец, вернуться с мандатом на ведение мирных переговоров. Колышко, очевидно, говорил о поисках сближения с Керенским. Стиннес надеялся на быстрый сепаратный мир с обширными территориальными приращениями на Востоке. Эта концепция угрожала Эрцбергеру, так как он видел возможность гораздо больших уступок с германской стороны, нежели мог предложить Стиннес «по согласию с германскими инстанциями»[37]. Благодаря беседе с Эрцбергером Колышко смог не только обеспечить себе большую свободу действий по отношению к Стиннесу, но и повысить свою значимость в России. Тем более, если Бетман-Гольвег дал на заседании рейхстага желаемые заверения, он мог надеяться завоевать в России позицию, которой, согласно его утверждениям, уже обладал. Что касалось партийно-политических предпочтений Колышко, они характеризовались гибкостью. Летом 1916 г. он позиционировал себя как октябриста[38], в декабре 1916 г. как друг министра государственного контроля[39], что, вероятно, соответствовало действительности, а после Февральской революции – как друг Милюкова[40].

Колышко сразу же проинформировал Стиннеса о своих переговорах с Эрцбергером. Стиннес сделал из этого вывод, что они носили только информационный характер, но боялся, что сообщение Эрцбергера рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу, которое, конечно, будет отправлено в тот же день, возымеет последствия, нежелательные для его политики. Чтобы нейтрализовать это явление, он счёл необходимым начать немедленные переговоры с «Альмстрёмом»[41]. В то же время Стиннес узнал, что Эрцбергер с помощью своей организации установил контакт и с другими русскими, чтобы положить начало подготовительным переговорам о мире (см. ниже), и считал, что положение для немедленного решения созрело. Стиннес боялся, что теперь Эрцбергер попытается завоевать рейхсканцлера, чтобы добиться большей уступчивости в отношении России, в то время как Стиннес объявлял это невероятным и стремился побудить Колышко сначала сориентироваться в России и вернуться с конкретными предложениями и полномочиями. Колышко ждал теперь речи Бетман-Гольвега в рейхстаге, на которую Эрцбергер должен был и хотел повлиять в соответствии со своими взглядами[42].

Вскоре после своей беседы с Колышко Эрцбергер набросал для Бетман-Гольвега план патетической речи, основным тезисом которой было то, что после свержения старого режима, «разжегшего всемирный пожар с его неизмеримыми жертвами», не

остается больше причины для войны с Россией, так как Германия и ее союзники не вели войну против русского народа. Письмо, с помощью которого он надеялся убедить рейхсканцлера говорить в этом ключе, проникнуто эйфорией и сознанием формирующего сопереживания исторического мига. Эрцбергер напоминал Бетману о его прежнем высказывании: «великое мировое событие», которое одно только и может прекратить мировую войну, наступило с «русским переворотом».

> Россия, которая уже никогда не вернется к временам самодержавия, ищет новую ориентацию, в том числе и в отношениях с Германией. У того, кто поможет теперь внутренней консолидации России, в руках большой козырь на будущее. Если же новая Россия, – будь то либеральная, или социалистическая, или на время диктаторская – увидит в Германии своего неумолимого врага, то она и в будущем без всяких «но» и «если» бросится в объятия Англии. Тогда Германия навсегда останется в железном кольце. Сегодня же его можно разорвать.

Со свержением самодержавия Россия достигла своей цели в войне, а Германия могла бы быстро достичь своей – подрыва Антанты.

Обрисовывая поистине пророческое решение внешнеполитической дилеммы малогерманской империи, он напомнил о провидческом даре Бисмарка как государственного деятеля, когда тот в 1866 г. с непонятной для короля и военных сдержанностью в отношении Австрии, сделал возможным основание империи и союз. Параллели в современности были для Эрцбергера однозначны:

> Новая внешнеполитическая ориентация не может начаться с унизительного мира с Россией, так как она должна стать нашим *другом и союзником завтрашнего дня* [курсив мой – *Л.М.*], а в наших интересах, может быть, и вынуждена.

Эрцбергер связал конкретное обращение к Бетману относительно формирования его речи в рейхстаге соответственно историческому моменту с еще одним напоминанием о его предшественнике, «который в величайшие моменты своей жизни довольствовался тем, что при шествии провидения по мировой истории касался края одежды»[43].

Хотя Бетман-Гольвег и не был, как известно, ровней Бисмарку в том, что касалось способностей реализовать свои политические цели, он всё же включил в свою речь, произнесённую перед рейхстагом 29 марта, раздел о России. Звучал он менее патетически, нежели в проекте Эрцбергера и не содержал столь ясного предложения мира, но зато теснее примыкал к предложению Колышко[44].

9 апреля русское Временное правительство опубликовало заявление о своём отношении к войне: цель «свободной России», говорилось там – не господство над другими нациями посредством их лишения своего национального достояния или насильственного присвоения чужих территорий, а достижение прочного мира на основе права народов на самоопределение. Русский народ, освободивший польский народ от оков, не допустит, однако, чтобы его отечество вышло из этой великой борьбы униженным и лишенным своих жизненных сил[45]. Заявлению предшествовали дискуссии с Советом и внутри правительства, и предназначалось оно для использования во внутриполитических целях. Оно не могло удовлетворить советские партии, им не довольствовался и министр иностранных дел Милюков, который не хотел

отказываться от аннексионистских целей войны, поставленных старым режимом. Вскоре после этого он лишился своего поста из-за полемики вокруг официального обращения к союзникам. Когда 11 апреля заявление стало известно в Берлине, его повсюду оценивали как замаскированное предложение начать переговоры. В своей типичной импульсивной манере Эрцбергер провозгалсил, что Германия может в течение 14 дней обрести мир[46]. Не приходилось ожидать, что он будет пассивно дожидаться исхода событий.

Утром 12 апреля он разыскал рейхсканцлера и объявил ему, что русский манифест является открытым предложением мира. Документ содержит условие статус-кво анте только применительно к «собственно национальной России» и допускает автономную Польшу и соглашение о Курляндии и Литве. Депутат рекомендовал дать ответ в форме собственноручного письма императора канцлеру, что усилило бы политические позиции обоих и вызывало бы в России самый большой резонанс. Бетман-Гольвег согласился с интерпретацией Эрцбергера, счёл необходимым и официальную реакцию, но оставил за собой право на определение её формы[47]. Он скрыл от Эрцбергера то, что незадолго перед этим сообщил по телеграфу в Ставку верховного главнокомандования обширное предложение, также предусматривавшее заявление императора совместно с тремя союзными монархами[48]. Несколькими часами позже телеграмма из Ставки верховного главнокомандования сообщала об отрицательной позиции императора, поддержанной Людендорфом: столь торжественное заявление могло бы привести к официальному предложению мира со стороны России при условии отказа от аннексий, которое германскому правительству пришлось бы затем отвергнуть со всеми внутри- и внешнеполитическими последствиями[49].

Эрцбергер совещался ещё со статс-секретарями в министерствах внутренних и иностранных дел – Гельферихом и Циммерманом, считавшими заявление правительств достаточным; тем не менее он послал Бетман-Гольвегу проект письма императора, направленного канцлеру[50], а также с подробным разъяснением – начальнику военно-морского императорского кабинета адмиралу фон Мюллеру в ставку[51].

13 апреля Эрцбергер узнал, что в Ставке верховного главнокомандования сочли еще не наступившим время для широковещательного изъявления мирных намерений правительства, тем более в предложенной форме. Он возразил этому и посоветовал, по крайней мере, опубликовать заявление в официозной газете «Норддойче альгемайне цайтунг». Это предложение было принято, когда на следующий день стало известно, что венское правительство собиралось реагировать при всех условиях. Согласие Ставки верховного главнокомандования пришло только поздно вечером, так что заявление, как и планировалось, могло появиться 15 апреля[52].

Статья опиралась непосредственно на заявление Временного правительства, совпадавшее в самых важных пунктах с прежними высказываниями Центральных держав. Они не хотели, чтобы русский народ вышел из войны «униженным или чтобы оказались потрясёнными условия его жизни». Германия не хочет вмешиваться в переустройство внутреннего порядка России и снова угрожать русскому народу отнятием его свободы. После того, как таким образом, между строк, была отвергнута возможность вмешательства в пользу старого режима, требование немедленного сепаратного мира отодвинуто (но не исключалось и отторжение территорий вне исконно русской земли), вина за продолжение войны была возложена на западных союзников и их завоевательные цели[53]. Этот эпизод должен был подкрепить Эрцбергера в своей позиции, но и оставить впечатление, что, хотя имперская канцелярия и

министерство иностранных дел и были единого с ним мнения, они не имели сил для проведения общей линии, исключающей вмешательство Верховного командования сухопутными войсками.

15 апреля Колышко попросил Эрцбергера еще об одной беседе до своего отъезда в Россию. Статс-секретарь Циммерман согласился[54]. До отъезда в Стокгольм Эрцбергер беседовал с рейхсканцлером о своих запланированных действиях. Он хотел ещё раз объяснить Колышко, что теперь как с германской, так и с русской стороны следует сделать всё для достижения мира. Теперь не отделаешься официозными газетными статьями и публичными заявлениями. Пришло время для русского правительства назначить полномочных представителей, чтобы можно было начать переговоры. Бетман согласился, но заявил, что минимальные немецкие требования – аннексия Гродно и Ковно, а также перенос пограничной линии, чтобы лучше защитить Мемель (немецкое название Клайпеды. – *Прим. перев.*); получить же Курляндию больше не удастся[55]. Тем самым, стало ясно, что подразумевалось под «исправлением границ в русских масштабах». Эрцбергер не возражал. 19 апреля Эрцбергер в течение дня совещался в Стокгольме с Колышко[56]. Тот хвалил речь Бетмана в рейхстаге, разрешение на проезд русских социалистов из Швейцарии в Швецию и, особенно, заявление, опубликованное в «Норддойче альгемайне» как искусные маневры, усиливавшие в России партию мира. Он жаловался, что немецкая печать не поддерживает мероприятия германского правительства, направленные в пользу дела мира, тем самым, делая их недостоверными. И это было задачей Эрцбергера. Он неоднократно пытался побудить правительство к тому, чтобы защититься от терроризирования «кольцом пангерманской прессы»[57]. Возражения Колышко о политическом развитии в России, в особенности о британской политике опоры на «революционное оборончество» умеренных социалистов, позволяют предположить, что он располагал независимыми источниками информации. Он настаивал на необходимости «обработать» русскую общественность и для этого перевести в Россию через Швецию более значительные суммы. Как показывает его позднейшая переписка, Эрцбергер обещал значительные платежи.

По желанию Колышко, Эрцбергер согласился обсудить с ним проект соглашения о перемирии. В соответствии с этим, следовало восстановить территориальный статус-кво по состоянию на 1 августа 1914 г. «Исправления границ», однако, предусматривались. Эрцбергер требовал подтверждения того, что под этим следовало подразумевать аннексии. Колышко же настаивал на том, что этого понятия следует, безусловно, избегать. «При хороших переговорах желания Германии могут быть удовлетворены в самом значительном объеме», – успокаивал Эрцбергер в своем отчете. Границы Польши должны были быть определены совместно Россией, Германией и Австро-Венгрией.

Полякам следовало в ходе референдума самим решить, будет ли их государство восстановлено под русским господством, в виде «свободной республики» или наследственной монархии. Обе стороны отказывались от репараций. Проект был датирован 20 апреля, но остался неподписанным. Он должен был быть сохранён в силе как основа для переговоров до 18 мая. Под конец Колышко заявил, что он сможет успешно работать в Петрограде в интересах мира со своими записями условий перемирия, прежде всего, контактируя с Керенским. Мир, по его словам, уже наличествовал в духовном отношении, так как правительства обеих стран, в основном,

пришли к единству. Его заключительное замечание о том, что чек уже выписан и должен быть только оплачен, являло собой яркий пример непреднамеренной иронии.

Вернувшись в Берлин, Эрцбергер 21 апреля обсудил результаты своих переговоров со статс-секретарем Циммерманом, а затем с рейхсканцлером Бетман-Гольвегом. По его данным, оба партнёра одобрили и проект договора о перемирии. Бетман хотел только до заключения договора гарантий о характере «исправлений границ»[58]. Его надежды на мир возросли, но он всё ещё верил, что письмо императора рейхсканцлеру было бы лучшим путём для открытия переговоров с Россией. Поэтому рейхсканцлер конфиденциально послал один экземпляр своего сообщения о переговорах с Колышко начальнику военно-морского императорского кабинета адмиралу фон Мюллеру с просьбой способствовать такому образу действий. В результате неосторожности адмирала, сочетавшейся с наивностью, сообщение попало в руки Людендорфа. Верховное командование сухопутными войсками использовало этот инцидент для интриги, чтобы восстановить императора против якобы самовольных переговоров рейхсканцлера и министерства иностранных дел и якобы имевшего место отказа от аннексий. Чрезвычайно резкой реакции императора, которая могла бы привести к кризису вокруг канцлера, удалось воспрепятствовать. Министерство иностранных дел преуменьшило значение этого дела и заявило, что Эрцбергер превысил свои полномочия[59].

О позиции императора и «аннексионистской партии» свидетельствует одно предложение в проникнутой яростью, но не отправленной телеграмме рейхсканцлеру:

> Эрцбергер ставит нас своим самоуправством в такое положение, что если русские согласятся на его предложения, я вынужден буду их дезавуировать и, тем самым, предстану в облике вероломного человека[60].

Император и Верховное командование сухопутными войсками боялись не провала инициативы Эрцбергера, а ее успеха. С этого момента Эрцбергера в Ставке верховного главнокомандования возненавидели. Хотя депутат ещё рассчитывал на возможный успех и его не обескураживали ни рейхсканцлер, ни министерство иностранных дел, он оказался брошен на произвол судьбы гражданскими властями, слишком слабыми, чтобы возражать против вмешательства военных в политические дела. Поначалу это не особенно могло навредить его сангвиническому темпераменту. Непосредственно после происшедшего он писал руководителю своего информационного бюро в Швейцарии, которого по неосторожности информировал о своих шагах, что не исключает возможности заключения благоприятного сепаратного мира с Россией в течение ближайших трёх-четырёх недель[61].

События в Ставке верховного главнокомандования, исполненные подлинного драматизма, не имели в действительности решающего значения. Противники мира на началах компромисса были в курсе каждого шага Эрцбергера. Непосредственно после второй поездки в Швецию он узнал, что Главный морской штаб приказал взять его под наблюдение, связавшись для этого со Стиннесом[62]. Колышко (жаловавшегося, что Стиннес, с одной стороны, хочет вызнать у него тайну мирных переговоров, с другой – использует их, чтобы довести до максимума платежи ему[63]) он не подозревал. Не стоит забывать: Эрцбергер по праву пользовался дурной славой человека, не умеющего хранить тайну.

Несмотря на настояния Эрцбергера, Колышко тянул с отъездом в Россию до 28 апреля. Незадолго до этого он выражал опасение, что новая официозная статья в «Норддойче альгемайне» противоречит договорённостям, достигнутым в Стокгольме, и делает все переговоры бесперспективными. Эрцбергер успокоил его, сказав, что правительство по-прежнему согласно и обязательства остаются в силе до обговоренного срока, т. е. до 18 мая[64]. В начале мая он получил от Колышко из Петрограда ободряющее сообщение и теперь твёрдо надеялся на прибытие русского переговорщика к согласованному сроку[65]. Тем временем депутат арендовал для переговоров две меблированные виллы в Фальстербо. Это должно было не только обеспечить бо́льшую (по сравнению со Стокгольмом) конфиденциальность, но и понравиться молодой жене молодой жены Колышко, любящей роскошь.

Главная забота заключалась между тем в том, что у этой женщины, оставшейся в Швеции, посредники Хуго Стиннеса могли выведать доверительную информацию[66]. Когда Колышко потребовал 3 млн. марок, так как он «благодаря поддержке влиятельной рекламы надеялся на благоприятный исход дела», о чём говорила прозрачная шифровка телеграммы[67], Эрцбергер, сделав в Стокгольме запрос министерству иностранных дел, выступил за удовлетворение этого требования. В противном случае, по его словам, Колышко может обратиться к Стиннесу, в результате чего ожидаемые переговоры сорвутся[68].

17 мая, т. е. за день до истечения срока, Эрцбергеру пришлось сообщить министерству иностранных дел, что Колышко просил о продлении срока, так как требовалось ещё устранить разногласия по поводу прибытия полномочных представителей. Эрцбергер был по-прежнему преисполнен надежд, ведь, по его расчётам, телеграмма была отправлена непосредственно перед отставкой двух просоюзнически настроенных министров – Гучкова и Милюкова. Это означало, что сложности могли быть тем временем устранены[69]. Задним числом можно было бы посмеяться над верой Эрцбергера в его русского гаранта, но Курт Рицлер, один из ближайших сотрудников Бетман-Гольвега и его эксперт по России, записал 19 мая в своём дневнике: «Керенский потребовал продления срока, предоставленного ему до 18-го….»[70].

В начале июня Колышко был арестован по подозрению в шпионаже. В России стало известно, что он, получив от германского правительства «неограниченные суммы», вел переговоры с уважаемыми издательствами и участвовал в основании буржуазной газеты, которая вместе с социалистическими органами того же образа мыслей должна была заниматься пропагандой в пользу мира[71]. Между тем оказалось, что свержение министра иностранных дел Милюкова и образование коалиции с советскими партиями не привело к большей готовности к миру. Напротив, умеренное большинство Советов согласилось поддержать войну под девизом «революционного оборончества». Эрцбергер оставался благодаря своему разведывательному аппарату хорошо информированным и об этом развитии событий и заранее предупредил министерство иностранных дел о наступлении в направлении Буковины, которое Временное правительство готовило под английским давлением. Если эта атака будет отражена со всей мощью, то следует ожидать, что русская армия, уже потерявшая два миллиона дезертиров, разбежится полностью[72].

Современники и историки видели в качестве первой причины неудачи попытки Эрцбергера способствовать после Февральской революции заключению сепаратного мира с Россией слабость гражданских управленческих структур империи, которые хотя и разделяли в значительной степени его взгляды и цели, но не могли отстоять

И.И. Колышко (1861–1938), публицист и литератор и его вторая жена.

свои позиции против Верховного командования сухопутными войсками. Второй причиной, заключавшейся во внутреннем развитии революции, скорее, пренебрегали. Серьёзность Колышко как посредника едва ли бралась под сомнение, хотя уже из информации министерства иностранных дел явствовало, что он сталкивал друг с другом неофициальных сотрудников правительства и искал, при этом, свою финансовую выгоду. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, несмотря на политическое значение, которое он себе приписывал, от него практически не осталось следов в опубликованных источниках по истории русской революции. Мы уже видели, что Штюрмер преуменьшал значение своих контактов с ним перед Следственной комиссией Временного правительства[73]. Когда Милюков вместе с именем Колышко назвал имя Троцкого, тот в буквально истерическом тоне защищался на I съезде Советов и обвинил экс-министра иностранных дел в клевете[74].

Иосиф Иосифович Колышко (1861–1938) происходил, как уже упоминалось, из польской дворянской семьи, жившей в Литве. По его собственным данным, имение семьи было конфисковано из-за политической деятельности его отца. Это могло оправдать его стремление к обогащению за счёт России. Сначала он стал уланским офицером, но в 1881 г. сумел в качестве протеже крайне консервативного публициста князя В.П. Мещерского начать многообещающую карьеру в министерской бюрократии Санкт-Петербурга[75]. Ввиду националистических предрассудков его покровителя, это было для поляка и католика серьёзным шагом. Ущерб влиянию Мещерского на трёх последних царей нанесли лишь скандалы, спровоцированные его гомосексуализмом, открыто выставлявшимся напоказ. Цари субсидировали его литературно-политическую газету «Гражданин», которую князь издавал с 1872 до смерти в 1914 г.[76].

В 1882 г. Мещерский подыскал Колышко место в министерстве внутренних дел при реакционном министре графе Д.А. Толстом (1882–1889). Опыт, накопленный в служебных командировках по провинции, он осмысливал в статьях, которые выходили в «Гражданине» и довольно рано принесли ему авторитет как публицисту. В 1889 г. он достиг поста «чиновника для особых поручений» в министерстве внут-

ренних дел. В бытность С.Ю. Витте в 1892 г. министром путей сообщений Колышко исполнял при нём ту же должность. Мещерский рекомендовал Витте не упускать этого человека из виду вследствие его дельности. Витте описывал его как в высшей степени умелого, прежде всего, наделённого литературными способностями[77]. После женитьбы Колышко на княжне Оболенской ему, казалось, предстояла большая карьера, даже если он и слыл в петербургском свете «миньоном» Мещерского[78]. Гораздо больше, однако, препятствовали его восхождению очевидное мошенничество[79], коррупция[80] и общая склонность к авантюризму. В декабре 1894 г. ему пришлось оставить службу из-за обвинения в вымогательстве взятки[81]. После этого он снискал успех, прежде всего, в качестве публициста, писателя и литературного критика, но попытал также счастья и в спекулятивных сделках, если они обещали быструю прибыль[82], а также в качестве предпринимателя в угледобыче и члена административного совета акционерных обществ, укрепив свою репутацию «интригана»[83].

Колышко оставался протеже Мещерского до смерти князя в 1914 г. Хотя Витте описывал его в своих мемуарах, критически дистанцируясь, он использовал Колышко в качестве орудия для продвижения своего возвращения в большую политику. В 1909 г. в Петербурге была поставлена пьеса Колышко под названием «Большой человек», которая едва ли не открытым текстом прославляла Витте как блестящего государственного деятеля и поэтому вызвала скандал. Тем не менее на рубеже веков Колышко смог возвратиться на государственную службу. В качестве «чиновника для особых поручений» в министерстве финансов он достиг ранга действительного статского советника, который сохранял к моменту начала войны.

Из этой карьеры явствует, что Колышко, действительно, имел связи с верхушкой царской бюрократии, о которых он говорил до революции (вопрос о его репутации в этих кругах остаётся открытым), но не имел отношений с последующими вершителями судеб.

Дальнейшая карьера Колышко создает впечатление, что он изо всех сил открещивался от роли жертвы, в которой, как представлялось, он оказывался в начале войны. Находясь на лечении в Висбадене в 1911 г., он познакомился с очень молодой незнатной немкой из Рейнской области и, после развода со своей русской женой, женился на ней. Даже сухое полицейское сообщение позволило увидеть совершенно новые черты личности Колышко в этот период, как то: опасение за «добрую славу» его будущей супруги и трогательную заботливость, которых не раскрывали скудные до сих пор источники. После начала войны в Германии против него был возбужден процесс по подозрению в шпионаже, в котором он был реабилитирован[84]. В Петрограде в 1915 г. настаивали на его разводе с женой-немкой. Он предпочёл поселиться с ней в Дании, а потом в Швеции, избежав, тем самым, приговоров русского общества. Колышко охотно утверждал, что только супруга и сделала его сторонником соглашения с Германией[85]. Весной 1917 г. его стратегия заключалась, вероятно, в том, чтобы сначала, выступив в заметной роли посредника, получить признание германского правительства, а затем обеспечить себе реальное политическое влияние в новой послереволюционной России, пускай поначалу оно и было вымышленным. Он был слишком бессовестным, чтобы не использовать финансовые возможности, предоставляемые этой ролью, тем более что его вторая жена нашла приятное в стиле жизни, требовавшем немалых затрат[86]. Есть все основания полагать, что его новая жизненная ситуация диктовала искреннюю заинтересованность в германско-русском примирении.

Для Эрцбергера его переговоры с Колышко и их неудача имели, в то же время, и партийно-политический аспект. Проведя холодный расчёт, он осознал бесперспективность военной победы, чтобы сразу же с пророческим вдохновением повести борьбу против приверженцев аннексионистской политики (в число которых и сам входил до тех пор) и за мир с Россией на основе соглашения. При этом, имперская канцелярия и министерство иностранных дел в значительной степени были на его стороне. Кроме того, после русской революции его интересы совпали с заинтересованностью гражданских управленческих структур империи в желании воспрепятствовать тому, чтобы германская социал-демократия могла сыграть роль в качестве посредника при контактах с русскими советскими партиями[87]. Эрцбергеру, однако, пришлось признать, что гражданские управленческие структуры были слишком слабы или не обладали достаточным мужеством, чтобы возобладать над Верховным командованием сухопутными войсками и «аннексионистской партией», которая представляла его интересы. Презрение к бюрократической рутине в сочетании с присущей ему политической активностью (а именно с этой позиции он и подходил к попытке мирного посредничества), обостряли антипатию к депутату со стороны профессиональных бюрократов, а также военных, обрушивавших на него смесь из ненависти и насмешек. Такое развитие событий способствовало тому, что Эрцбергер несколько недель спустя использовал внутриполитический кризис для смены политической парадигмы и для того, чтобы положить начало союзу партий, который создал основу демократической республики.

Так как требовались новые военные кредиты, в начале июля германский рейхстаг был снова созван после шестинедельного перерыва[88]. Продовольственный кризис ухудшал настроение рабочих, и фракция социал-демократов большинства оказалась под двойным давлением со стороны их избирателей и конкурировавшей НСДПГ (социал-демократы большинства – сторонники политики руководства СДПГ после ее раскола в апреле 1917 г.; НСДПГ – Независимая социал-демократическая партия Германии, стоявшая на более левых позициях, чем СДПГ. – *Прим. перев.*). Правительство больше не могло безусловно рассчитывать на голоса социал-демократической фракции рейхстага в поддержку кредитов. Эрцбергер неоднократно пытался указать правительству на опасность ситуации, на что Бетман-Гольвег реагировал уклончиво. Из беседы с доверенным лицом Людендорфа полковником Бауэром он сделал вывод, что Верховное командование сухопутными войсками твёрдо рассчитывало на ещё одну военную зиму. Он знал, что Австро-Венгрия зависела от заключения мира ещё осенью, и был информирован о предстоявшей мирной инициативе папы римского. Приобретенный весной опыт Эрцбергера относительно слабости гражданских управленческих структур империи убедил его в такой ситуации в необходимости для рейхстага проявить инициативу в вопросе о мире.

В первые дни июля он беседовал с представителями СДПГ, Свободной народной партии и национал-либералов о создании левого большинства в рейхстаге. Программную основу составляли мир на основе соглашения, парламентаризация имперской конституции и реформа прусского избирательного права. Он совещался с различными влиятельными депутатами партии Центра, но не получил официального мандата своей фракции, когда встречу представителей четырёх фракций (из которой, в конечном счёте, было суждено возникнуть «межфракционному комитету») назначили на вторую половину дня 6 июля. Социал-демократическая фракция обсуждала вопрос о кредитах вечером 5 июля, не приняв решение. Из сложившейся кар-

тины мнений следовало, что условием должно было быть сделано обязательное заявление правительства о мире и «внутреннем переустройстве». Взвешивалась возможность сотрудничества с другими партиями[89].

На заседании бюджетного комитета утром 6 июля 1917 г. Эрцбергер выступил перед примерно ста депутатами с речью, которая произвела захватывающее впечатление. Все знали, что он, благодаря своей существовавшей до сих пор близости к гражданским властям и связям с заграницей, располагал информацией, как правило, недоступной депутату. Эрцбергер с детальной точностью опроверг официальный анализ военного положения, прежде всего, в том, что касалось мнимых успехов неограниченной подводной войны. Приходилось, по его словам, считаться с продолжением войны ещё на год без конкретных перспектив победы. Если бы, однако, значительное большинство или даже все депутаты сказали бы правительству, что рейхстаг стоит «на точке зрения оборонительной войны» и стремится «к миру на основе компромисса, учитывающего соотношение сил, возникшее в результате войны, к миру, не приносящему с собой угнетения народов и приграничных областей», это было бы лучшим путём к миру[90]. Попытки статс-секретарей Циммермана и Гельфериха (министерство внутренних дел) опровергнуть прогнозы Эрцбергера[91], оказались неубедительными.

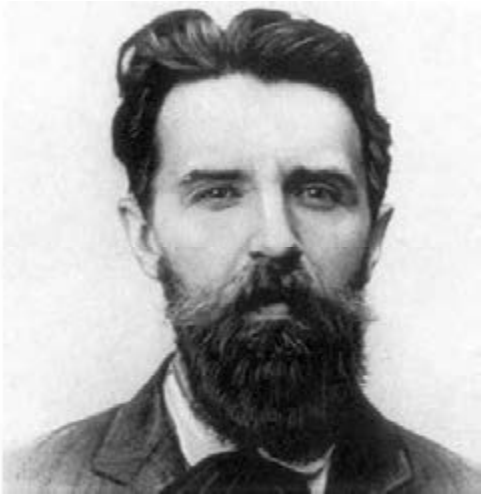
Речь Эрцбергера привела к правительственному кризису. Верховное командование сухопутных войск использовало возможность для свержения Бетман-Гольвега. Эрцбергер, пребывая ещё под впечатлением слабости канцлера, проявленной весной, не противился. Назначение еще более слабого преемника Георга Михаэлиса привело к поляризации в отношениях между усилившимся Верховным командованием сухопутными войсками и равным образом усилившимся парламентом, без сильного гражданского правительства, которое могло бы в действительности подчинить себе исполнительную власть[92]. Эрцбергер сумел, вопреки всем попыткам сопротивления, объединить свою партию вокруг программы мира на основе соглашения и демократической реформы конституции. Кроме того, он в значительной степени преодолел свою старую идеологическую враждебность к социал-демократии и Прогрессивной партии. Если даже союз с национал-либералами, оказывавшими сопротивление политике мира, и был нестабильным, то в сжатом виде все же сложилась Веймарская коалиция против политических сил прошлого, требовавшая теперь права участия парламента в решении важнейших вопросов внешней политики.

19 июля рейхстаг 212 голосами против 126 при 17 воздержавшихся принял «Мирную резолюцию» как результат нового большинства. Основное положение гласило:

> Рейхстаг стремится к миру на основе соглашения и длительного примирения между народами. С таким миром несовместимы насильственные территориальные приобретения и политические, экономические и финансовые действия насильственного характера[93].

Тем самым, Эрцбергеру удалось помочь избежать более однозначной формулы СДПГ «никаких аннексий и возмещения военных убытков», восходящей к позиции Петроградского Совета. Как и его речь 6 июля, мирная резолюция не исключала территориальных изменений «по согласию». Он сам не раз без обиняков указывал на это[94].

Вацлав Вацлавович Воровский (1871–1923)



Июльский кризис упрочил парламентскую опору Эрцбергера, но продолжал ослаблять его позицию доверенного неофициального сотрудника имперской канцелярии и министерства иностранных дел. Верховное командование сухопутными войсками преследовало его, отказывая в выездах за границу, подвергая его слежке, а его корреспонденцию – открытой цензуре, прибегая и к другим способам шельмования. «Отечественная партия», в которую со временем объединились консервативные приверженцы широкомасштабных аннексий, также преследовала его, развернув кампанию травли, призванную выбить Центр из приверженного миру и реформе большинства рейхстага[95].

Явления распада в революционной России и усиления левых социалистов, готовых к миру, побудили министерство иностранных дел создать осенью 1917 г. в посольстве в Стокгольме отдел, поддерживавший контакты с русскими, в особенности с социалистами. Его руководителем стал Курт Рицлер, высокообразованный дипломат и знаток России, который ранее был в качестве ближайшего сотрудника прикомандирован к рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу, но после его свержения снова вернулся в министерство иностранных дел[96]. Лучшее руководство многочисленными неофициальными германо-русскими контактами вокруг посольства было понятной задачей министерства иностранных дел.

Большевики были в 1917 г. представлены в Стокгольме Карлом Радеком, Яковом Фюрстенбергом-Ганецким и Вацлавом Вацлавовичем Воровским. Последний, которого германские дипломаты знали под псевдонимом Орловский, был руководителем международного отдела большевистского Центрального Комитета и, следовательно, важнейшим контактным лицом. Он создал себе имя как политический писатель и литературный критик, но по профессии был инженером-механиком. В Петрограде он работал в фирме Сименс-Шуккерт и после своего переезда в Стокгольм летом 1915 г. продолжал там эту деятельность. После захвата власти в Петрограде большевиками он узнал из «Правды» о своём назначении комиссаром по переговорам с правительствами зарубежных стран. Сначала он был полностью отрезан от своего нового правительства и не получал ни официального сообщения о своём назначе-

нии, ни инструкций, ни денег. Он снова работал инженером и жаловался: «Я, как дурак, сижу, ничего не зная, черпая все знания из шведских газет». Больше всего по сердцу ему было бы просто вернуться в Петроград[97].

Воровский рассматривал переворот в Петрограде как безответственную авантюру и не верил в долговечность режима, установленного его товарищами в российской столице[98]. В разговоре 17 ноября 1917 г., при котором присутствовал и Радек, он доверительно сообщил Парвусу-Гельфанду, чье сотрудничество с германским правительством было общеизвестным, что большевистское правительство сумеет продержаться, самое большее, два или три месяца. Оно хочет использовать это время для того, чтобы заключить мир[99]. Воровский был противником большевистской однопартийной диктатуры и поддерживал переговоры о создании демократического коалиционного правительства из представителей всех советских партий, которые в это время были навязаны Ленину и Троцкому умеренным крылом большевиков. Он исходил из того, что в таком правительстве влияние большевиков было бы достаточным, чтобы гарантировать немедленное заключение мира и раздачу земли крестьянам, т. е. выполнить важнейшую часть их программы[100].

В то время, как правительство поначалу занимало сдержанную позицию, посредники Эрцбергера в Стокгольме, Герман Гольдберг и Пауль Вухерпфенниг, работавший секретарём в консульстве, поддерживали контакты с присутствовавшими там большевиками и регулярно информировали своего работодателя. Таким образом, Эрцбергер знал уже 17 ноября, что Воровский выступает за замену большевистского единовластия демократической коалицией с включением в неё большевиков[101]. Однозначному выяснению не поддаётся вопрос о том, принадлежала ли инициатива, о которой пойдёт речь, самому Эрцбергеру или двум его стокгольмским сотрудникам. Но мысль о том, чтобы предложить Воровскому «провести между представителями обоих народов переговоры о мире, результаты которых были бы после этого санкционированы правительствами»[102], очень соответствовала тому сочетанию мужества, фантазии и наивности, которое, по словам биографа, и составляло его характер[103]. После прибытия Гольдберга и Вухерпфеннига в Берлин 17 ноября был обсуждён план. В германскую делегацию должны входить по одному из ведущих представителей партий большинства. Основой переговоров должна стать мирная резолюция рейхстага[104]. Согласно различным позднейшим высказываниям, Воровский, как руководитель переговоров с русской стороны, мог выступать представителем Центрального Исполнительного Комитета, избранного II съездом Советов, или даже Учредительного собрания. В это время большевики ещё сомневались, признают ли их вообще Центральные державы в качестве партнёров по переговорам. Соответственно, это предложение было как нельзя кстати[105].

Незадолго до этого в ходе правительственного кризиса, который привёл графа Гертлинга на место Михаэлиса в имперскую канцелярию, межфракционный комитет усилил своё влияние и сумел привязать правительство к своей программе мира и реформ, пусть даже, как вскоре выяснилось, без серьёзных последствий. Предложение Эрцбергера поручить парламентариям вести переговоры о мире хотя и было авантюрным, с точки зрения конституционного права, но не только повышало политическую значимость рейхстага, а ещё и снижало влияние Верховного командования сухопутными войсками с его аннексионистскими желаниями. Через Гельфанда оба крыла германской социал-демократии пытались установить связь с новым правительством в Петрограде. По словам Шейдемана, социал-демократы надеялись,

«что с помощью прямой связи с Лениным и его друзьями удастся ускорить заключение мира на Востоке»[106].

Желание предупредить действия социал-демократов, способные сильнее ограничить свободу действий министерства иностранных дел, заставило статс-секретаря Кюльмана ещё в тот же день воспользоваться предложением Эрцбергера. Оно давало ему зелёный свет для предварительного совещания с другими руководителями партий и согласия с Воровским[107]. Он телеграфировал Рицлеру в Стокгольм: так как четыре партии большинства на основе совместной программы поддерживают правительство во внешней политике, то будет понятно, если партия Центра не захочет быть исключённой из переговоров по вопросам мира и пожелает участия в них всего блока. Рицлеру следовало бы надлежащим образом выступить за совместное действие *всех* партий большинства[108]. Текст не оставлял сомнений в том, что Кюльман видел задачу следующим образом: не отдавать одним лишь социал-демократам дело установления контактов, которые должны были привести к сепаратному миру с Россией.

Рицлер, однако, был настроен скептически. Он ничего не слышал о желании Воровского вести переговоры с парламентариями и не верил, что инициатива исходила от него. Во всяком случае, большевики были бы заинтересованы в созыве международной конференции социалистов в Стокгольме, чтобы создать, тем самым, моральную подстраховку для сепаратных переговоров, если, как ожидалось, западные союзники останутся в стороне. Если же им не хватит времени, «то открыта возможность прямых переговоров с правительствами Центральных держав»[109]. На следующий день он послал вдогонку вторую телеграмму. Его посредник в контактах с Воровским (корреспондент «Франкфуртер цайтунг» Альфонс Паке) был уверен: большевики в своём затруднительном положении могли бы оправдать конкретные переговоры с государственной властью, но это было бы невозможно применительно к представителям буржуазии и буржуазного парламентаризма, с которыми они боролись в теории и на практике[110].

Казалось, Кюльман заколебался по поводу правильности выбранного направления. Ещё 20 ноября он, преувеличивая, сообщил австро-венгерскому послу Гогенлоэ, что большевики «пригласили на совещание в Стокгольм, кроме социалистов, также представителей партий большинства». Он сомневается в возможности переговоров на уровне правительств и принимает в расчет то, что мир в Стокгольме может быть заключён на основе советской формулы «без аннексий и контрибуций в соответствии с правом народов на самоопределение». Несмотря на скептицизм Гогенлоэ, с проведением конференции парламентариев согласился 21 ноября и австро-венгерский министр иностранных дел Чернин[111].

Радиограмма, перехваченная на фронте 21 ноября, доказывала, что большевики были готовы к переговорам на уровне правительств[112]. В тот же день Кюльман установил, что после взятия государственной власти они представляют уже не партию, а всю Россию и поэтому, «в качестве исполнительной власти общей воли русского народа», обязываются «начать переговоры с правительствами Центральных держав, а не с отдельными группами партий»[113]. Ирония, при этом, конечно, не предполагалась, но в Германии «исполнительной власти общей воли народа» было труднее соблюсти свои суверенные права. На следующий день Верховное командование сухопутными войсками наложило вето на переговоры парламентариев о перемирии и мире[114].

От имени национал-либералов Густав Штреземан уже 17 ноября возмущённо отверг переговоры межфракционного комитета с большевиками[115]. Ещё за три дня до этого он настойчиво предостерегал Кюльмана – на случай, если дело дойдёт до ожидавшегося русского предложения мира – от уступок в соответствии с принципом мира без аннексий и контрибуций[116]. После того, как Эрцбергер вернулся из поездки, о которой уведомлял, ему пришлось пережить себе вспышку гнева Штреземана, так как он говорил от имени комитета без согласия фракций[117]. Эрцбергер смог, однако, сослаться на то, что его инициатива, как и его поведение по отношению к другим партиям большинства были полностью согласованы с министерством[118]. Если дело затем вызвало определённое раздражение в министерстве иностранных дел, особенно же у Рицлера, это относилось не только к Эрцбергеру, «который и здесь должен при этом топать, как слон»[119], но и к статс-секретарю, который, может быть, слишком поспешно ухватился за представившуюся возможность.

Тем самым, вопрос казался решённым. Министерство иностранных дел поручило посольству в Стокгольме удержать сотрудников Эрцбергера от дальнейших шагов, и чиновник, ответственный за контакты с Россией, договорился с депутатом сразу же после его возвращения в Берлин о том, «что следует, прежде всего, стремиться к переговорам с правительством»[120]. Вухерпфенниг, по меньшей мере, формально находившийся в подчинении у посольства, обещал, что в случае, если Воровский вернётся «к этой уже внушённой ему идее (!)», говорить только об участии партий большинства в переговорах о перемирии[121].

Герман Гольдберг, другой сотрудник стокгольмского бюро Эрцбергера, был против быстрого погребения столь прекрасной идеи. Для Рицлера он был «совершенно аполитичным коммерсантом, сердце которого привязано к России»[122]. Но именно в той ситуации он имел особую ценность, в силу его хороших отношений с радикальными русскими социалистами. Он лично знал В.П. Ногина, Л.Б. Каменева и «целый ряд уважаемых людей в большевистском правительстве[123]. Может быть, это имело определённое значение, ибо оба упомянутых лица, будучи членами умеренного крыла большевиков, выступали, как и Воровский на своём изолированном посту, за демократическое коалиционное правительство.

После бесед с Эрцбергером в Берлине Гольдберг вернулся в Стокгольм. Непосредственно после своего приезда 22 ноября он договорился с Воровским о встрече на следующий день, чтобы, по поручению Эрцбергера, и, как он ещё полагал, по согласованию с министерством иностранных дел и другими правительственными учреждениями, подготовить германско-русскую конференцию парламентариев. Совершенно неожиданно для него ему сообщили указание Рицлера: говорить только об участии депутатов рейхстага в переговорах обоих правительств. Он получил лишь косвенное устное сообщение о том, что Рицлер взял на себя ответственность за это изменение. Так как у Гольдберга были противоположные инструкции Эрцбергера, единственно перед которым он считал себя ответственным, Гольдберг отказался[124].

Не желал Гольдберг также расставаться с великой идеей, которая, очевидно, сформировалась у него в беседах с шефом – о «соглашении народа с народом» по инициативе парламентариев, работавших в то же время на демократизацию Германии. Начиная разговор с Воровским вечером 23 ноября, он развивал эти идеи с большим пафосом и восхвалял, при этом, Эрцбергера, «идущего во главе парламентского Национального собрания и движения за мир». Как и прежде, большинство

германского рейхстага неограниченно стояло на почве мирной резолюции 19 июля, к которой присоединилось и правительство. Четыре фракции большинства договорились на основе детальной программы мира: никаких захватов и репараций, ограничение вооружений и будущее урегулирование спорных международных вопросов с помощью арбитража.

Гольдберг просил Воровского предложить его правительству прислать полномочного представителя, «чтобы на нейтральной почве провести переговоры о мире с представителями германского парламентского большинства». «Так как между правительством и большинством рейхстага существует единство в вопросе о мире, было бы желательно присутствие на этих переговорах и представителя германского правительства». Это предложение, не обоснованное в данном ему поручении, Гольдберг, несмотря на тяжёлые сомнения, включил в свой документ как уступку позиции Рицлера.

Воровский сослался на то, что он не имеет официального подтверждения своей позиции и поэтому должен проявлять сдержанность, но обещал сразу же послать в Петроград доверенное лицо, чтобы передать предложение. «Идея соглашения с избранными представителями немецкого народа» найдёт в России, по его словам, особую симпатию. «Сепаратные соглашения» с Германией могли, однако, быть заключены только после отклонения заключения всеобщего мирного договора западными союзниками[125].

Так как Воровский телеграммой предуведомил своё правительство, участники оказались перед совершившимися фактами, и Рицлер рекомендовал не создавать замешательства с помощью отмены[126]. Под нажимом со стороны министерства иностранных дел Эрцбергер вслед за тем попросил Гольдберга, во избежание недоразумений, приехать в Берлин. Вухерпфенниг должен был оставаться в Стокгольме[127]. Несколько позже Рицлер охотнее удержал бы в Стокгольме Гольдберга, чтобы помешать ему продолжать в Берлине убеждать в правоте своей идеи[128]. Но его предупреждение пришло слишком поздно и оказалось к тому же необоснованным.

Связи Воровского с его правительством были затруднительны и не поддаются однозначной реконструкции на основе имеющегося материала. Его сообщение о предложении Гольдберга якобы пришло в Петроград настолько своевременно, что оно могло быть учтено в инструкциях, которые он получил затем с курьером[129]. 29 ноября народный комиссар иностранных дел Троцкий подписал его назначение «особо уполномоченным представителем для сношений с представителями воюющих и нейтральных стран по вопросам перемирия и мира»[130]. Днём позже Воровский был проинформирован об этом и ожидал возвращения Фюрстенберга-Ганецкого в качестве полномочного представителя правительства[131]. Рицлер подозревал, что Эрцбергер и его стокгольмские сотрудники всё ещё не отказались от идеи парламентской конференции и готовились к быстрой реакции, если бы пришёл ответ на предложения Гольдберга, получения которого они ждали 4 декабря[132]. Прошло ещё некоторое время до 7 декабря, когда Воровский получил, наконец, документы, придававшие ему статус полномочного представителя[133].

Воровский, всё ещё ожидая точных инструкций от своего правительства, услышал, что в ближайшие дни в Стокгольм выедет делегация Центрального Исполнительного Комитета, избранного II съездом Советов, во главе с Зиновьевым. Как он сказал посредникам Эрцбергера, цель приезда была ему неизвестна и сообщение, казалось, беспокоило его. Воровский предполагал, что группа должна вести пропаган-

ду и способствовать началу революции в воюющих странах или что речь шла также о подготовке в Стокгольме международной социалистической мирной конференции. Надежды на революцию он считал утопическими, а конференцию социалистов, грозившую затянуть дело мира, – опасной[134].

Объявленная делегация документально подтверждает ещё распространённую в Центральном Исполнительном Комитете непосредственно после переворота тенденцию воспринимать всерьёз принципы советской Конституции, рассматривать себя как часть исполнительной власти или, по меньшей мере, как контрольный орган Совета Народных Комиссаров и вмешиваться также во внешнюю политику. На своём четвёртом заседании 15 ноября ЦИК единогласно решил создать «революционную дипломатическую комиссию», которая должна была иметь право ведения дипломатических переговоров. На девятом заседании 23 ноября Зиновьев, за три дня до этого первым из членов внутрипартийной оппозиции аннулировавший свой демонстративный выход из ЦК партии, представил созданный тем временем «Международный отдел Центрального Исполнительного Комитета». По его предложению, Воровский был назначен представителем Центрального Исполнительного Комитета в Стокгольме. Важнейшая задача отдела должна была заключаться в опровержении ложных сообщений о России, распространявшихся зарубежной буржуазной прессой. Поначалу имело место намерение послать курьеров в Стокгольм и основать газету для немецких солдат. Затем должна была быть направлена делегация для распространения революционной пропаганды[135]. ЦИК быстро утрачивал своё влияние в пользу Совета Народных Комиссаров и, в конце концов, Центрального Комитета партии. Запланированная заграничная делегация, которая, как правильно предполагал Воровский, должна была ускорить наступление революций, ожидавшихся в воюющих странах, не была создана. Фюрстенберг-Ганецкий, которого ожидали с инструкциями, также не появился. Ленин хотел назначить его в качестве преемника Воровского, но не сумел из-за сопротивления Центрального Комитета, отклонившего этого кандидата по причине его связи с Гельфандом, пользовавшимся дурной славой политического дельца[136].

В начале декабря 1917 г. казалось, что Воровский хочет дополнить представление Эрцбергера и Гольдберга о германо-русском соглашении с помощью народных представителей не менее далёкой от реальности концепцией демократической русской стороны. Вухерпфенниг сообщал о нём:

> В качестве единственного пути к быстрому миру, который один и сможет дать России также гарантию внутреннего мира и внутреннего развития, он видит возможно более скорое начало мирных переговоров между представителями германского рейхстага и представителями вновь созданного русского народного совета, также являющегося своего рода предпарламентом и имеющего своей целью функционировать до созыва парламента, который будет создан Учредительным собранием, как суверенное представительство русского народа.

Если желаемая демократическая коалиция, на которую надеялся Воровский, всё же не осуществилась, то новый «народный совет» представляет подавляющее большинство всех демократических элементов в России[137]. Под «народным советом» Воровский подразумевал избранный II съездом Советов Центральный Исполнитель-

ный Комитет, который 28 ноября был расширен за счёт делегатов крестьянского съезда и профсоюза железнодорожников[138].

Информация, которую Воровский получал из Петрограда, фильтровалась, очевидно, большевистской оппозицией, желавшей создать не однопартийную диктатуру, а радикальную демократию, и к этой оппозиции он был близок. Контакты возникали, вероятно, через посредство его друга и коллеги Л.Б. Красина, работавшего в фирме Сименс-Шуккерт в Петрограде[139]. 2 декабря Воровский встретился с левым меньшевиком И.П. Гольденбергом, сотрудничавшим тогда в газете Максима Горького «Новая жизнь», центре демократической оппозиции[140]. Только этим и можно объяснить, что он помимо Центрального Исполнительного Комитета признавал столь важную роль за Учредительным собранием. Воровский считался даже с тем, что большевистскому правительству придётся защищать свою политику мира перед назначенным первоначально на 11 декабря Учредительным собранием, преодолевая оппозицию кадетов, буржуазно-либеральной партии Милюкова. И он вовсе не был совершенно уверен в том, что это правительство получит вотум доверия, что, очевидно, считал необходимым[141].

После того, как Воровский получил, наконец, свой официальный документ о наделении полномочиями, Рицлер трижды встретился с ним: 8, 10 и 14 декабря, – в квартире своего доверенного лица Альфонса Паке для «частных бесед». Воровский производил впечатление «честного и разумного человека». Хотя различие интересов не осталось без внимания, проблем взаимопонимания не было. Очевидно, Рицлеру трезвый тон русского инженера (который мог иронизировать и над потребностью своей партии в «платонических» призывах к мировой революции и всеобщему миру) был ближе пафоса и сознания своей миссии, свойственных Гольдбергу. С другой стороны, Воровский умел обращаться как с любителем-визионером, так и с интеллигентным профессионалом дипломатии. Он заявил о готовности по мере сил своих содействовать поискам реализуемого способа для осуществления мирных переговоров. Хотя Рицлер прилагал немало усилий, стремясь убедить Воровского в том, что только «деловые и практичные» переговоры на уровне правительств смогут привести к цели, его собеседник, казалось, не хотел вполне отказываться от идеи «межпарламентской» конференции. Одновременно он давал понять, что в качестве места проведения такой конференции его правительство предпочтёт нейтральную страну «атмосфере фронта»[142].

Из знакомства с корреспонденцией Воровского быстро становится ясным то, что и без того было очевидно, а именно, то, что он подразумевал под «атмосферой фронта» влияние Верховного командования сухопутными войсками, которого Ленин и Троцкий охотно избежали бы посредством переговоров с парламентариями[143]. Вслед за этим, во время третьей, на этот раз многочасовой беседы, Рицлер настоятельно предостергал Воровского от попыток «внутригерманских экспериментов» и выдвинул свое самое тяжёлое орудие: до сих пор германское правительство отвергало требования противников большевиков признать их неспособными к переговорам (что подразумевало необходимость их свержения). Оно не может, однако, пойти на риск «переговоров в практически бесперспективных формах». В остальном любое новое русское правительство было бы принуждено заключать мир. Для противников чисто большевистского правительства, которым Воровский был близок, всеобщий приемлемый аргумент заключался в том, что такое правительство не признаётся воюющими государствами как партнёр по переговорам. Воровский

признал затруднительное положение своего правительства, но просил учесть, что оно связано принципом гласности и демократического контроля и должно оставить открытым вопрос о присоединении союзников к переговорам[144].

Между тем проект «межпарламентской мирной конференции» в Стокгольме с участием советских органов и межфракционного комитета (который, кстати, к тому времени получил от своих противников кличку «Совет»[145]) окончательно отстал от развития событий. 2 декабря в Брест-Литовске начались переговоры, приведшие 15 декабря к заключению договора о перемирии[146]. Эрцбергер к тому времени отказался от своей идеи и, по желанию министерства иностранных дел, попросил также Шейдемана способствовать переговорам между правительствами[147]. Сам он трудился вместе с фракциями СДПГ и Свободной народной партии лишь над тем, чтобы добиться допуска депутатов на переговоры в Брест-Литовске[148]. Он неоднократно вмешивался, чтобы укрепить позиции статс-секретаря Кюльмана против методов и требований Верховного командования сухопутными войсками. Между тем Эрцбергер делал ставку уже не столько на соглашение с большевиками, сколько на поддержку национальностей, населявших запад Российского государства. Он ссылался на право наций на самоопределение и призывал воспринимать его всерьёз, а не злоупотреблять им как своего рода «обрамлением» насильственной аннексионистской политики[149]. Хотя поначалу он объявил в рейхстаге 27 февраля 1918 г. Брестский мир совместимым с мирной резолюцией рейхстага, 8 мая Эрцбергер очень резко выступил против переворота на Украине, вызванного германской оккупацией, как против нарушения права на самоопределение[150]. Он предостерегал также от слишком острой реакции на убийство в Москве германского посла Мирбаха и осуждал дополнительный договор, навязанный в августе 1918 большевистскому правительству[151]. Но в эти месяцы влияние Эрцбергера слабело, о чём ясно свидетельствовало закрытие его пресс-бюро в июле[152]. Только когда обозначилось военное поражение, депутат и созданное по его инициативе большинство рейхстага снова оказались востребованными, и возникла Веймарская республика – плод поражения.

Параллели и связи между Россией и Германией в процессе не особенно счастливого периода перехода от авторитарной монархии к демократической республике могут показаться притянутыми за волосы, но они до определенной степени существуют. В России неспособность старого режима вести войну породила в результате Февральской революции демократическую республику. Российская демократическая республика рухнула из-за своей неспособности закончить войну. В том же эпохальном, 1917 году, в Германии из сопротивления демократических партий власти военных и связанных с ними консервативных сил возникла в зародыше демократическая республика в форме коалиции большинства рейхстага ради мира и реформ. При этом, Эрцбергер играл решающую роль с учётом его опыта в политике в отношении России.

Обе мирные инициативы Эрцбергера, которые мы проследили на этих страницах, в случае их успешного развития, оказали бы решающее влияние на формирование в России прочной демократии. Заключение мира весной 1917 г. стабилизировало бы демократическую республику. Осенью характер переговоров, предлагавшийся Эрцбергером и его сотрудниками, укрепил бы силы, ещё пытавшиеся предотвратить большевистскую диктатуру. В Германии оба раза заключение мира, к которому он стремился, придало бы большую силу гражданским политикам и демократическим партиям и, может быть, воспрепятствовало бы рождению германской демократии из

поражения. Как известно, события развивались по-другому, и, в результате, Эрцбергер в 1921 г., а Воровский в 1923 г. были убиты политическими фанатиками.

Мирные инициативы Эрцбергера потерпели поражение не только из-за позиции военных и бюрократических властитей, но в ещё большей степени из-за отсутствия серьёзного и способного действовать партнёра с русской стороны. Разрушение «железного кольца» Антанты весной и германо-русское соглашение в результате переговоров «представителей народа» осенью хотя и были великими видениями, но, чтобы всерьёз преследовать эти цели, требовались не только фантазия и мужество, но и наивность[153] Маттиаса Эрцбергера. Именно это сочетание качеств и привело к тому, что он оказался аутсайдером в истеблишменте Германской империи, шедшей к гибели.

Перевод с немецкого Валерия Брун-Цехового

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Klaus Epstein:* Matthias Erzberger und das Dilemma der deutschen Demokratie. B. und Frankfurt/ M. 1962; обобщение, подчеркнуто акцентирующее внимание читателя: Wilhelm Ribhegge: Frieden fur Europa. Die Politik der deutschen Reichstagsmehrheit 1917/18. – Essen 1988. S. 121–135.

[2] *Epstein.* Op. cit. S. 126; *Fritz Fischer:* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. – Düsseldorf, 1961. S. 115f.

[3] *Epstein.* Op. cit. S. 130f.

[4] Ibid. S. 118–126; *M. Erzberger:* Erlebnisse im Weltkrieg. – Stuttgart und Berlin, 1920. S. 1–21.

[5] *Epstein.* Op. cit. S. 138–172.

[6] Ibid. S. 183–186.

[7] Bundesarchiv Koblenz. N/1097. Erzberger-Nachlaß, Akte 4: Erzberger an Wehl. Auswärtiges Amt, 11. August 1915.

[8] Erzberger-Nachlaß, Akte 36: Stockhammern an Erzberger, 9. September 1916.

[9] Ibid., Akte 4: Thyssen an Erzberger, 16. September 1916.

[10] Ibid., Akte 36. Меморандум Эрцбергера «Разведывательная организация из России». Составлен между 5 ноября 1916 г. и концом месяца (в тексте имеется намек на манифест от 5 ноября 1916 г. о восстановлении польского государства. Цизе написал 2 декабря свой первый отчет). Вторая половина напечатана в Epstein. S. 185f.

[11] Erzberger-Nachlaß, Akte 36. Два недатированных меморандума с подписью R. A. Z., после 6 января 917 г.

[12] Ibid. Goldberg, 29. Dezember 1916.

[13] Ibid., Goldberg. Kopenhagen, 20. Marz 1917. Eingang 24. Marz. О Зурабове ср. *Winfried B. Scharlau/Zbynek A. Zeman:* Freibeuter der Revolution. Parvus-Helphand. Eine politische Biographie. – Köln 1964. S. 180 f.

[14] Auswärtiges Amt. Politisches Archiv. Weltkrieg 2 geheim [weiterhin AAPAWk 2 g.], Bd. 31, folio 227: [Erzberger] Bericht uber meine Reise nach Stockholm, 26., 27., 28. März 1917. Kopie im Erzberger-Nachlaß, Akte 36.

[15] AA PA. Wk 2 g., Bd. 30, folio 255: Tel. Rantzau an AA, 16. März 1917.

[16] *Epstein.* Op. cit. S. 186.

[17] AA PA. Wk 2 g., Bd. 31, folio 227.

[18] Краткую биографию см. в «Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь». Т. 3. – М., 1994. С. 31 и сл.

[19] AA PA. Rußland 74 geheim. Die russische Presse, Bd. 2: Tel. Lucius an AA, 27. Mai, 1. Juni 1915.

[20] Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Hrsg. Von P.E. Szegolev. 7 Bde. Moskau und Leningrad 1924–1927; hier Bd. 5 (1926). S. 189.

[21] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 (Департамент полиции). 9-е делопроизводство. Оп. 225, 1916. Д. 96.

[22] AA PA Wk 2 g., Bd. 18, folio 98–100: Notiz Stockholm, 23. Mai 1916. Vermerk «von H. Stinnes übergeben.» Zu Junker & Co und H. Bockelmann vgl. Jurij A. Petrov: Das Bankhaus «J.W. Junker & Co.» Deutsche Unternehmer in Rußland vom 19. bis zum Anfang des 20. Jahrhunderts. In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 42 (1994). S. 202–216.

[23] AA PA Wk 2 g., Bd. 19, folio 28: Notiz, Eingang 19. Juni 1916.

[24] Ibid., folio 40: Notiz, Eingang 25. Juni 1916. Ср. об этом в кн. Fritz Fischer. Op. cit. S. 287f.

[25] AA PA Wk 2 g., Bd. 19, 20 passim.

[26] AA PA Rußland 74 geh., Bd. 2: Text zweier Verträge vom 2. August 1916 und einer Erklärung des Auswärtigen Amtes vom 4. August 1916.

[27] AA PA Wk 2 g., Bd. 35, folio 64–71: Стиннес статс-секретарю Циммерману, 3 мая 1917 г. Заключительный расчёт с Бокельманом, Эрцбергером и Брокдорф-Ранцау, так как они вмешивались в его русские предприятия, с копиями договоров и писем.

[28] AA PA Rußland 74 geh., Bd. 2: Notiz von Stinnes, 16. Dezember 1916.

[29] AA PA Wk 2 g., Bd. 31, folio 108–112: Treek an Stinnes, 24. März 1917.

[30] Ibid., folio 113.

[31] Ibid., Bd. 34, folio 9–14: Stinnes an AA, 21. April 1917.

[32] Ibid., Bd. 19, folio 74: Bockelmann an die Gesandtschaft in Stockholm, 29. Juni 1916.

[33] Беседы Эрцбергера с Колышко были зафиксированы уже неоднократно. См. *Epstein.* Op. cit. S. 186–200; *Fritz Fischer.* Op. cit. S. 479–485, 487ff.; *Wolfgang Steglich.* Die Friedenspolitik der Mittelmächte 1917/18. Bd. 1. – Wiesbaden, 1964. S. 61f., 65, 69–74. Все трое исходят из того, что Колышко, действительно, сделал хотя и неофициальное, но серьезное предложение.

[34] AA PA Wk 2 g., Bd. 31, folio 227–234: [Erzberger]. Bericht uber meine Reise nach Stockholm 26., 27. und 28. März 1917; hier folio 230. Durchschlag im Erzberger-Nachlaß, Akte 36.

[35] AA PA Rußland 74 geheim, Bd. 2: Notiz von Stinnes, 16. Dezember 1916.

[36] AA PA Wk 2 g., Bd. 31, folio 329–330: Bericht von D. Wachtel, 3. April 1917, uber Gespräche mit Russen in Stockholm.

[37] Ibid., folio 108–110: Treek an Stinnes. Stockholm, 24. März 1917; Ibid. Bd. 34, folio 91–94. Bericht von Stinnes an AA, 19. April 1917.

[38] Ibid., Bd. 20, folio 64.

[39] Ibid., Bd. 28, folio 55.

[40] Ibid., Bd. 31, folio 331.

[41] Ibid., folio 114: Abschrift eines offenbar abgefangenen Telegramms von Stinnes aus Stockholm, 28. März 1917. Имена и события зашифрованы, но смысл и лица, о которых идет речь (кроме «Альстрёма») можно установить, исходя из содержания.

[42] Ibid., folio 99f.: Tel. Stinnes aus Stockholm, 28. März 1917. Снова зашифровано с помощью условных наименований и обозначений событий из деловой жизни.

[43] Erzberger-Nachlaß, Akte 36: [Erzberger an Bethmann Hollweg] Stockholm, 27. März 1917, als Beilage: Entwurf für die Rede im Reichstag.

[44] Ursachen und Folgen. Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. Bd.2. Der militärische Zusammenbruch und das Ende des Kaiserreichs. – Berlin, [1958]. S. 109.

[45] *Robert Paul Browder/Alexander Kerensky* (Hrsg.): The Russian Provisional Government 1917. 3 Bde. – Stanford 1961; Bd. 2. S. 1045f.

[46] *Ernst Deuerlein* (Hrsg.): Briefwechsel Hertling-Lerchenfeld. 1912–1917. Dienstliche Privatkorrespondenz zwischen dem bayerischen Ministerprasidenten Georg Graf von Hertling und dem bayerischen Gesandten in Berlin Hugo Graf von und zu Lerchenfeld. 2 Bde. – Boppard, 1973; hier Bd. 2. S. 833. Schoen an Hertling, 11. April 1917.

[47]Erzberger-Nachlaß, Akte 36: Недатированная записка Эрцбергера «Мир с Россией».

[48] AA PA Wk 2 g., Bd. 32, folio 149–151: Tel. Bethmann Hollweg an Grunau, 12. April 1917, 7.15 Uhr.

[49] Ibid., folio 174: Tel. Grunau an den Reichskanzler, 12. April 1917. Vgl. Steglich. Op. cit. S. 65.

[50] Erzberger-Nachlaß, Akte 36: «Frieden mit Rußland».

[51] Ibid., Erzberger an Admiral Müller, 12. April 1917.

[52] Ibid., Aufzeichnungen vom 15. April 1917.

[53] AA PA WK 2 g., Bd. 32, folio 202. Zeitungsausschnitt.

[54] Erzberger-Nachlaß, Akte 36: Notiz vom 16. April 1917.

[55] Ibid., Notiz vom 17. April 1917.

[56] AA PA Wk 2 g., Bd. 33, folio 184–196: [Erzberger] Bericht über meine Unterredung in Stockholm. Kopie im Erzberger-Nachlaß, Akte 36.

[57] Ibid., folio 188; Erzberger-Nachlaß, Akte 326: Erzberger an Graf Zech (Reichskanzlei), 2. März 1917.

[58] Erzberger-Nachlaß, Akte 36: Notiz Erzbergers zum 20. und 21. April 1917.

[59] Событие неоднократно освещалось. Ср. *Epstein.* Op. cit. S. 191ff.; *Fritz Fischer.* Op. cit. S. 482–489; *Steglich.* Op. cit. S. 69–74.

[60] AA PA Wk 2 g., Bd. 34, folio 196–199: Telegrammentwurf Kaiser an Reichskanzler mit dem Vermerk «cessat nach Vortrag. Grunau». 26. April 1917.

[61] Erzberger-Nachlaß, Akte 37: Erzberger an Stockhammern, 28. April 1917.

[62] Ibid., Akte 36: Aufzeichnung über den 25. April 1917.

[63] AA PA Wk g 2 Bd. 31, folio 196: Erzberger an Zimmermann, 31. Marz 1917; Ibid., Bd. 33, folio 197: [Erzberger]. Anhang an den Bericht uber die 2. Stockholmreise; Ibid., Bd. 35, folio 64- 71: Stinnes an Zimmermann, 3. Mai 1917; hier folio 67–67 RS.

[64] Erzberger-Nachlaß, Akte 36: Телеграммы Колышко Эрцбергеру и Эрцбергера Колышко, 27 апреля 1917 г. Шифровку можно легко разгадать. По поводу заявления в «Норддойче альгемайне цайтунг» от 25 апреля ср. *Steglich.* Op. cit. S. 77.

[65] AA PA Wk 2 g., Bd. 35, folio 217: Erzberger an Zimmermann, 8. Mai 1917.

[66] Erzberger Nachlaß, Akte 36: Erzberger an Martha Schiftan, 9. Mai 1917.

[67] AA PA Wk 2 g., Bd. 36, folio 331: Undatierte Abschrift eines Telegramms mit einer Aktennotiz vom 10. Mai 1917.

[68] Erzberger-Nachlaß, Akte 36: Erzberger an Zimmermann, 12. Mai 1917.

[69] AA PA Wk 2 g., Bd. 37, folio 57: Erzberger an Zimmermann, 17. Mai 1917.

[70] *Kurt Riezler:* Tagebücher, Aufsätze, Dokumente. Eingeleitet und hrsg. von Karl Dietrich Erdmann. – Göttingen, 1972.

[71] AA PA Wk 2 g., Bd. 41, folio 4: Tel. AA an Gesandtschaft Stockholm, 13. Juni 1917; Ibid., folio 87: Tel. Antwort vom 14. Juni 1917; Ibid., Bd. 42, folio 145–147: Erzberger an AA, 22. Juni 1917, mit beiliegenden russischen Presseberichten.

[72] Erzberger-Nachlaß, Akte 4: Erzberger an Zimmermann, 19. Juni 1917.

[73] Падение царского режима. Т. 5. S. 189.

[74] Первый всероссийский съезд Советов р. и с. д. Т. 1. – М.–Л., 1930. С. 158.

[75] Далее, если не указаны другие источники, по «Русские писатели 1800–1917». Ср. также AA PA Wk 2 g., Bd. 31, folio 330.

[76] *Joseph L. Wieczynski* (Hrsg.): The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Bd. 22. Gulf Breeze, Fl. 1981. S. 1–4.

[77] *С.Ю. Витте.* Воспоминания. 3 т. – М., 1960; Т. 3. С. 576.

[78] Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. 2 т. – М., 1966; Т. 2 (1887–1892). С. 417; 1. Februar 1892 (по старому стилю).

[79] Пример описан у Витте. С. 576 и сл.

[80] *А. Богданович:* Три последних самодержца [Дневник 1879–1912 гг.]. – М., 1990. С. 185; 9 ноября 1893 г. (по старому стилю).

[81] *С.Ю. Витте*. Указ. соч. С. 582, 583.

[82] *Богданович.* Указ. соч. С. 289; 21 июня 1903 г. (по старому стилю).

[83] Русские писатели 1800–1917. С. 31.

[84] AA PA Wk 2 g., Bd. 31, folio 236: Mitteilung des Polizeipräsidiums Köln, 29. März 1917.

[85] Ibid., folio 329–331: Direktor Dagobert Wachtel an AA, 3. April 1917. Wiedergabe eines Gesprächs mit Kolischko.

[86] Erzberger-Nachlaß, Akte 36: Martha Schiftan an Erzberger. Stockholm, 11. Mai 1917.

[87] Ibid.: Erzberger an Admiral von Müller, 12. April 1917; Ibid.: Notiz Erzbergers über seine Reise nach Wien, 22. – 23. April 1917; AA PA Wk 2 g., Bd. 34, folio 150–151: Tel. Zimmermann an Grunau, 27. April 1917.

[88] Ниже, если не называются другие документы, см. *Epstein.* Op. cit. S. 204–215; Der Interfraktionelle Ausschuß 1917/18. 1 (= Quellen zur Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien. Erste Reihe Bd. I. Teil 1). Düsseldorf 1959, Einleitung. S. XI–XXXV.

[89] Die Reichstagsfraktion der deutschen Sozialdemokratie 1898 bis 1918 (=Quellen zur Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien. Erste Reihe. Band 3. Teil II). – Dusseldorf, 1966. S. 269–280.

[90] Der Hauptausschuß des Deutschen Reichstags 1915–1918 (= Quellen zur Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien. Erste Reihe. Band 9. Teil III). Düsseldorf, 1959. S. 1525–1529; Zitat S. 1528.

[91] Ibid. S. 1530–1536.

[92] *Epstein.* Op. cit. S. 215–224.

[93] Der Interfraktionelle Ausschuß. S. 114f.

[94] Der Interfraktionelle Ausschuß. S. 114f.

[95] *Epstein.* Op. cit. S. 225ff.

[96] *Karl-Dietrich Erdmann:* Kurt Riezler – ein politisches Profil [Einleitung des Herausgebers]. In: Riezler. Tagebuch… S. 19–159.

[97] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 92. Оп. 1. Д. 32. С. 9: Воровский В.Д. Бонч-Бруевичу, 29 ноября 1917 г. Копиями из этого фонда, как и многими другими ценными указаниями, я обязан Ю. Петрову из Института российской истории Российской Академии Наук.

[98] *Георгий Соломон.* Среди красных вождей. – М., 1995. С. 6 и сл.; по первому изданию цитируется в книге *David Shub:* Lenin. A biography. – New York, 1951. S. 268.

[99] AA PA Wk 2, f. 1 (Waffenstillstandsverhandlungen), Bd. 1, folio 82–84: Parvus an Scheidemann, 19. November 1917.

[100] Ibid., Bd. 2, folio 79–84: Bericht Hermann Goldbergs fur Erzberger, 25. November 1917. Gespräch vom 23. November, hier folio 83.

[101] Ibid. Bd. 1 folio 44–49: Bericht Goldbergs, z. Zt. Berlin, 17. November 1917; hier folio 48.

[102] Ibid. Bd. 2, folio 68–73: Goldberg an Erzberger. Stockholm, 25. November 1917; hier folio 70.

[103] *Epstein.* Op. cit. S. 21.

[104] Der Interfraktionelle Ausschuß, Bd. S. 614 f., Erzberger an Scheidemann, 17. November 1917. Фонд Эрцбергера в Федеральном архиве не содержит материала по этому проекту. Принадлежащая Эпштейну биография, в значительной степени опирающаяся на этот материал, не упоминает о нем.

[105] См. Рицлер – министерству иностранных дел, 25 ноября 1917 г. – Riezler, Tagebuch. S. 685.

[106] *Philipp Scheidemann:* Memoiren eines Sozialdemokraten. 2 Bde. Dresden 1928; hier Bd. 2. S. 125.

[107] *Steglich.* Op. cit. S. 242.

[108] AA PA Wk 2, f. 1, Bd. 1, folio 51–52: Tel. Kuhlmann an Riezler, 18. November 1917. Hervorhebung im Original.

[109] Ibid., folio 54: Телеграмма Рицлера министерству иностранных дел, 19 ноября 1917 г. Дословно процитированный раздел подчеркнут в оригинале.

[110] Ibid., folio 60: Tel. Riezler an AA, 20. November 1917.

[111] *Steglich.* Op. cit. S. 242. S. 510, Anm. 81.

[112] Ibid. S. 242.

[113] AA PA Wk 2, f. 1, Bd. 1, folio 61: Tel. Kuhlmann an Riezler, 21 November 1917.

[114] *Steglich.* Op. cit. S. 242.

[115] Der Interfraktionelle Ausschuß, Bd. 1. S. 614, Anm. 3.

[116] Arnold Hartung (Hrsg.): Gustav Stresemann. Schriften. Berlin 1976. S. 173–175. Stresemann an Kuhlmann, 14. November 1917.

[117] Der Interfraktionelle Ausschuß, Bd. 1. S. 616–617. Stresemann an Erzberger, 23. November 1917.

[118] Ibid. S. 618. Erzberger an Stresemann.

[119] Так писал Рицлер в своем дневнике 14 января 1918 г. – Riezler, Tagebuch. S. 454f. AA PA Wk 2, f. 1, Bd. 1, folio 72: Tel. AA an Riezler, 23. November 1917, Aktennotiz.

[121] Ibid., folio 80: Tel. Riezler an AA, 23. November 1917.

[122] Riezler, Tagebuch. S. 686.

[123] AA PA Wk 2 g., Bd. 54, folio 64: Erzberger an Nadolny am 19. Dezember 1917. Эрцбергер называет наркома торговли и «председателя Национального собрания» знакомым Гольдберга. Ногин был наркомом по делам торговли и промышленности в первом Совете Народных Комиссаров, Каменев – председателем ВЦИК (избран на II Всероссийском съезде Советов). Хотя к этому времени оба сложили свои партийные и правительственные посты, протестуя против диктаторской политики Ленина; Эрцбергер, в высшей степени вероятно, имел в виду именно их.

[124] AA PA Wk 2, f. 1, Bd. 1, folio 94: Tel. Riezler an AA, 24. November 1917; Ibid., Bd. 2, folio 68–73: Goldberg an Erzberger, 25. November 1917.

[125] Ibid., Bd. 2, folio 79–84: Bericht Goldbergs an Erzberger, 25. November 1917. Am 27. November von Erzberger an das AA weitergegeben.

[126] Ibid., folio 124: Tel. Riezler an AA, 28. November 1917.

[127] Ibid., folio 67: Notiz vom 28. November 1917; folio 85: Tel. Erzberger an Goldberg 28. November 1917.

[128] Ibid., folio 128: Tel. Riezler an AA, 28. Novmeber 1917.

[129] AA PA Wk 2 g., Bd. 53, folio 36: Tel. Riezler an AA, 3. Dezember 1917.

[130] РГАСПИ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7. С. 1.

[131] AA PA Wk 2 g., Bd. 53, folio 20: Rozany an Scheidemann. Stockholm, 30. November 1917.

[2] Ibid., folio 36: Tel. Riezler an AA, 3. Dezember 1917.

[3] AA PA Wk 2, f. 1 Bd. 5, folio 112: Tel. Riezler an AA, 7. Dezember 1917.

[134] AA PA Wk2 g., Bd. 53, folio 43–45: [Wucherpfennig an Erzberger] Trelleborg/Saßnitz, 4. Dezember 1917, ohne Angabe des Verfassers und des Adressaten. Wucherpfennig reiste an diesem Tag von Stockholm nach Berlin. Offenbar hatte er seinen Bericht auf der Fähre verfaßt.

[135] *John L.H. Keep* (Hrsg.): The Debate on Soviet Power. Minutes of the All-Russian Central Executive Committee of Soviets. Second Convocation. October 1917 – January 1918. – Oxford, 1979. S. 64, 121.

[136] *Scharlau/Zeman.* Op. cit. S. 298.

[137] AA PA Wk 2 g., Bd. 53, folio 43–45: [Wucherpfennig an Erzberger] 4. Dezember 1917. Zitat folio 44.

[138] *Keep.* Op. cit. S. 130–139. 11. Sitzung.

[139] *Соломон Г.* Указ. соч. С. 6.

[140] AA PA Wk 2 g., Bd. 53, folio 44; *Jacques Sadoul:* Notes sur la revolution bolchevique. (Octobre 1917 – Janvier 1919). – Paris, 1919. S. 114.

[141] AA PA Wk 2 g., Bd. 53, folio 83: Tel. Riezler an AA, 8. Dezember 1917; Riezler, Tagebuch (wie Anm. 70). S. 691–692. Riezler an Reichskanzler Hertling, 9. Dezember 1917.

[142] Ibid.

[143] AA PA Wk 2, f. 1, Bd. 6, folio 111: Tel. Brockdorff-Rantzau (Kopenhagen) an AA, 12. Dezember 1917.

[144] Riezler, Tagebuch. S. 693f. Riezler an AA, 15. Dezember 1917; в переводе на английский *Z.A.B. Zeman* (Hrsg.): Germany and the Revolution in Russia 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. – London 1958. S. 105f.

[145] Der Interfraktionelle Ausschuß, Bd. 1. S. 594.

[146] *John W. Wheeler-Bennett:* Brest-Litovsk. The Forgotten Peace. March 1918. – London, 1938; переиздание 1966. S. 83–95.

[147] AA PA Wk 2 g, Bd. 53, folio 88: Konzept eines Telegramms. Erzberger an Scheidemann [10. Dezember 1917].

[148] Der Interfraktionelle Ausschuß, Bd. 1. S. 622–626 (28. November 1917), 626–635 (20. Dezember 1917).

[149] *Epstein.* Op. cit. S. 261f.

[150] Ibid. S. 267–270.

[151] Erzberger-Nachlaß. Akte 4: Schreiben vom 23. Juli und 12. August 1918 an das Auswärtige Amt.

[152] Ibid.: Unterstaatssekretar Bussche im AA an Erzberger, 12. Juli 1918.

[153] *Epstein.* Op. cit. S. 21.

Дмитрий Олейников

ОТ РЫЦАРСТВА ДО ПРЕЗРЕНИЯ. Влияние Первой мировой войны на отношение к немцам

Следы мировых войн, оставшиеся в сознании поколений, намного глубже, чем следы воронок и заросших травой окопов. 1914 год для истории культуры – это не столько год начала Первой мировой войны, сколько тот поворотный пункт в русско-немецких отношениях, который предопределил взаимную неприязнь, а зачастую и взаимную ненависть двух народов на протяжении большей части XX века. Десятилетия после Второй мировой потребовались для того, чтобы понятия «немец» и «фашист» окончательно перестали быть синонимами в обиходном языке. В том, как начинался переход к преобладанию негативной оценки немцев в русском сознании, в частности в сознании тех, кто имел непосредственное отношение к ведению войны, попытался разобраться автор данной статьи.

До начала Первой мировой войны трудно говорить о каком-либо едином образе немца в массовом сознании россиян. Именно вовлечение в войну с Германией – прямо или опосредованно – большей части населения Российской Империи привело к тому, что отношение к Германии и немцам не могло быть отрефлексированно в массовом масштабе. Ведь только счет призванных в русскую армию превышает 10 процентов населения России (15,1 миллиона мобилизованных к 1 марта 1917 года)![1] Это значит, что практически каждая российская семья напрямую столкнулась с «германской» войной.

Изучить, а тем более понять общественное сознание той эпохи довольно непросто: технология изучения ментальностей до сих пор связана с большими проблемами – несмотря на сравнительно хорошо разработанную теоретическую базу[2].

О практическом отсутствии аналитических разработок по подобной тематике в истории мировых войн убедительно написано в последнем по времени обобщающем труде по истории Первой мировой войны, в статье В.И. Миллера[3]. Проделанный им анализ современной историографической ситуации приводит к выводу: среди сюжетов, которые до сих пор «не находят отражения в трудах о войне» на первом месте – духовная атмосфера предвоенных лет и ее изменение в годы войны. Хотя в работах историков и отражена шовинистическая пропаганда в разных странах, ни динамика изменения общественной атмосферы, ни силы, противостоящие этой пропаганде, в достаточной мере не показаны. Это обедняет и искажает не просто историю *войны*, но «реальную картину богатой духовной жизни Европы»[4].

Есть необходимость и возможность исследовать динамику представлений русских о немцах, как о противнике. Если очертить тему точнее – тех русских, которые были непосредственно связаны с ведением боевых действий. Это император Николай II (с 1915 года – верховный главнокомандующий), его окружение и высшее руководство страны, а также генералитет, офицерство, солдаты и призывники. В хронологическом отношении для понимания ситуации нелишними представляются параллельные экскурсы в историю кануна Второй мировой войны: это поможет разобраться и в уникальности, и в типологичности складывавшихся ситуаций.

Вильгельм II и Николай II на яхте «Стандарт». Свинемюнде, 1907 год.

Накануне 1914 года

В тех кругах, в которых отношение к немцам можно проследить до войны, палитра мнений и эмоций была весьма разнообразной. В высших слоях российского общества традиционно существовали и «германофилы», и «германофобы». Эти варианты ориентации пронизывали эти высшие слои, начиная с императорской семьи. Николай I и Александр II, женатые на немецких принцессах, считались германофилами, в то время как Александр III относился к Германии неприязненно (его супруга, императрица Мария Федоровна, датчанка, вообще считалась главной «германофобкой» России)[5]. Именно в его правление произошла переориентация от политического союза с центральными державами на союз с Францией и сближение с Великобританией. Отношения российского и германского императоров были отношениями родственными, со всеми их светлыми и темными сторонами, зависящими от семейных проблем. Дневниковые записи Николая и работы его биографов говорят о дружелюбном расположении российского императора к своему «кузену Вилли». Упоминаются встреча двух императоров в мае 1913 года, прошедшая «в дружеских тонах», и высказанная весной 1914 года германскому послу Пурталесу фраза «У меня теперь для Германии только улыбки»[6].

Николай II не был таким ярко выраженным германофобом, как отец. Кроме того, не обладая значительной силой воли, он часто испытывал влияние своего ближайшего окружения (в том числе и жены, Александры Федоровны). Так что борьба «германофилов» и «германофобов» в высших кругах власти заметно отзывалась на отношении российского императора к Германии и немцам. Постороннее влияние останется определяющим для Николая и в годы мировой войны. В сентябре 1914 года в его дневнике не раз проскальзывает: «Немцы-подлецы»[7].

Со времен эпохи Великих реформ в российском высшем военном руководстве велась борьба против «прогермански» и «профранцузски» настроенных реформаторов. Это была борьба за модель перестройки российской армии (линии Д. Милютина и А. Барятинского). Ее отголоски сохранились и ко второму десятилетию XX века. Один из авторитетных военных теоретиков императорской России, профессор стратегии Генерального Штаба генерал Незнамов опирался в своих трудах на работы германского военного теоретика генерала фон Шлихтинга (Sigismund Wilhelm von Schlichting), чьи работы стали переводить на русский язык с 1908 года[8].

Точно также два этих направления существовали во внешнеполитическом ведомстве России. Такие руководители МИДа, как Александр П. Извольский, ориентировались на Францию именно как на противовес Германии («тяжелее немецкого ига я ничего не знаю», – заявил в одном из писем Владимир Н. Ламздорф[9]). Напротив, их предшественники Александр М. Горчаков и Николай К. Гирс занимали прогерманскую позицию. Большую роль в формировании отношения к Германии и немцам сыграл Сергей Ю. Витте и государственные деятели из его окружения. Витте испытал большое влияние немецкой мысли еще при формировании профессиональных воззрений. Он считал возможную войну Германии и России большим несчастьем для обеих стран. Фактическое же начало войны Витте воспринимал как личное «огромное несчастье»[10]. До самой смерти (28 февраля 1915 года) Витте предпринимал шаги по прекращению войны, «пока не поздно», и верил в возможность ее скорейшего завершения[11].

Еще одним стороником сохранения добрых отношений с Германией был министр Александр Кривошеин. Он сам не отказывался от своих немецких симпатий, однако, объяснял их и чисто практической необходимостью «опираться на сильную державу»[12]. Написавший книгу об отце сын Кривошеина вспоминал, что и во время мировой войны, и после нее «Германия продолжала считать Кривошеина своим другом». Характерно, что в 1921 году, на похоронах Кривошеина в Берлине (куда министр эмигрировал после революции 1917 года) директор департамента германского правительства Аго фон Мальтцан сказал вдове: «Я знаю, что ваш муж был большим другом Германии»[13].

Наиболее же ярким и показательным документом правых российских сторонников германской ориентации можно считать записку бывшего министра внутренних дел в кабинете Витте – Петра Дурново, поданную царю в феврале 1914 года. В ней «с фотографической точностью» были предсказаны печальные последствия военного столкновения России и Германии – вплоть до революций, падения обеих династий, экономической катастрофы в каждой из стран. В рамках рассматриваемой темы записка представляет интерес своими доказательствами особой близости немцев как нации к России. Опровергая уже в то, довоенное, время ходившие утверждения о «немецком засилье» в области экономики, Дурново отмечал, что «едва ли это явление заслуживает те нарекания, которые обычно против него раздаются». Дурново привлекает тот факт, что немцы, в отличие от французов и англичан, сохраняют своих предприятия и капиталы в России, «подолгу проживают в России и быстро русеют». К слову, в 1915 году в России было учтено 2841 частное предприятие, принадлежавшее полностью или частично немцам или австрийцам[14].

«Кто не видал – пишет Дурново, – например, французов или англичан, чуть не всю жизнь проживающих в России и, однако, ни слова по-русски не говорящих? Напротив того, много ли видно в России немцев, которые хотя бы с акцентом, лома-

ным языком, но все же объяснялись бы по-русски? Мало того, кто не видал чисто русских людей, православных, до глубины души преданных русским государственным началам, – и, однако, всего в первом или втором поколении происходящих от немецких выходцев»[15].

Правые ориентировались на Германию еще и в силу того, что там (как и в Австро-Венгрии) было монархическое правление, а не республиканское, как в союзной Франции. В мае 1914 года один из лидеров правых в Государственной Думе, Николай Марков, заявил, что «лучше вместо большой дружбы с Англией иметь маленький союз с Германией, это будет проще, и здесь нам будет гораздо легче договориться»[16].

17-й параграф устава «Союза Михаила Архангела» выражал «особое доверие» именно немецкому населению Российской Империи (этот параграф был снят в ходе мировой войны)[17]. При этом, еще в 1910 году были предупреждения со стороны правых об антироссийских настроениях в Германии. Член Русского Собрания Ю.С. Карцов, например, еще летом 1910 года опубликовал свои впечатления о немецком общественном мнении, якобы рассуждающем так: «Наше дело в России проиграно, нам остается только вооружаться, а затем, уповая на Бога, ждать, пока на нас нападут»[18].

О страхе перед Россией, существовавшем в Германии на протяжении, по меньшей мере, второй половины XIX века, пишет современный немецкий культуролог и историк Леонид Люкс в статье «Образы России в Польше и Германии. Сравнительная зарисовка»[19]. Он подчеркивает тот факт, что «модернизация России, которую на рубеже веков пытались осуществить государственные деятели типа Сергея Витте и Петра Столыпина, причиняла имперскому руководству Германии немало бессонных ночей. В страхе германского руководства перед слишком сильной Россией немецкий историк Фриц Фишер усматривает одну из главных причин развязывания Первой мировой войны»[20].

Но существовал и амбивалентный «страх перед Германией». В октябре 1913 года большая русская военная делегация (около 14 человек, в том числе великий князь Кирилл Владимирович, начальник генерального штаба генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский и командиры гвардейских полков) посетила Германию. Она должна была принять участие в торжествах по поводу столетнего юбилея Битвы Народов у Лейпцига (битве, в которой русские и прусские войска действовали как союзники). Тогда же происходило освящение храма-памятника русским воинам, павшим в 1813 году. В воспоминаниях протопресвитера русской армии и флота Георгия Шавельского передан характерный разговор, показывающий как отношение к немцам и восприятие их особых (на взгляд русского человека) национальных черт примерялись военными к возможному военному конфликту. Наблюдая стройные ряды не только торжественно проходящих войск, но и студентов, Шавельский думал: «Вот она, Германия! Стройная, сплоченная, дисциплинированная, патриотическая. Когда национальный праздник – тут все, как солдаты; у всех одна идея, одна мысль, одна цель и всюду стройность и порядок. А у нас все говорят о борьбе с нею… Трудно нам, разрозненным, распропагандированным, тягаться с нею…»[21]. Впечатляла затем и густая празднующая на городских улицах толпа: густая, но не бесчинствующая, без пьяных.

Подобные впечатления, похоже, возникли и у других членов делегации. На обратной дороге постоянно возникали разговоры о том, что Германия представляет собой «могучую своей стройностью, порядком и единодушием силу, страшную для

России». Правда, генерал Некрасов, командир лейб-гвардии Павловского полка, примерил впечатления к грядущей войне: «Вы, господа, не понимаете немца… У него все держится на правиле, порядке, системе, шаблоне. Но тут-то и есть слабая его сторона. Начни противник действовать вопреки правилу, системе, – немец растерялся – и пропало дело. Так мы и будем воевать и разобьем, господа, немца»[22].

Такие опасения были типичными. Полтора десятилетия спустя, анализируя в работе «Душа армии» именно духовные и идеологические проблемы российских войск, знаменитый генерал Краснов выделил как *характерное психологическое явление* кануна и начала войны *«страх перед немецким могуществом»*. Он выводил его еще с тех времен, когда русский Генеральный штаб находился под влиянием прусского генерала и политика Эрнста фон Пфуля и русского генерала графа Карла фон Толя, когда началось «благоговение перед немцами», усиленное авторитетом тактики Клаузевица и стратегии Мольтке, ставших на долгое время основанием российской стратегии и тактики. Это означало, что русские офицеры Генерального штаба, русские генералы чувствовали себя учениками немцев. Это приводило к тому, что, как отмечал Краснов, страх перед немецким могуществом стал «закрадываться» и в стратегические планы[23]. Главные усилия стремились сосредоточить против Австро-Венгрии, к которой военные со времен Суворова относились презрительно. Так, в начале мировой войны в сознании военных отразились два различных фронта: австрийский – *«легкий»*, где пленных берут сотнями тысяч, и германский – «страшный, грозный, с серьезным противником». Это поначалу приводило к «кичливости» одних войск перед другими: «Вы, мол, что, вы на австрийском фронте работали, а попробовали бы на германском!»[24].

Впрочем, в начале войны, пока еще не был выбит кадровый состав командиров и офицеров российской армии, этот страх удавалось подавить. Были даже части, стремившиеся на германский фронт – дабы «потягаться с серьезным противником». Тем не менее идеология, которая бы сняла или вытеснила страх перед немецким могуществом, в российских вооруженных силах существовала. И тем сильнее становилась в ней потребность, чем больше менялся в ней кадровой состав – и профессиональных военных, «выбитых» в ходе военных действий на «мобилизованных и призванных», и бывших гражданских, воспринимавших войну не как работу, а как «ужас», как «бойню» с непонятными целями.

Канун войны 1941–45 годов в этом отношении полярно отличается от кануна 1914–1918 годов. Практически единодушно мемуаристы вспоминают о преимущественно «шапкозакидательском отношении» к немцам, как к вероятному противнику в войне. При этом, понятие «немцы» не несло собственно национальной окраски, связанной с этническими и культурными особенностями западных соседей. Идеологические установки четко формировали типичное представление населения (и вооруженных сил): нападут германские фашисты и милитаристы как представители интернационального сообщества угнетателей и эксплуататоров, а не собственно немцы. В целом, стоит говорить о смене «национального» подхода к международным отношниям подходом «классовым» (по крайней мере, в советском массовом сознании). Уверенность в том, что нет немцев, как таковых, а есть буржуи-эксплуататоры, есть фашисты и есть угнетенный, но сочувствующий первому государству рабочих и крестьян немецкий пролетариат – вот главное, что отличает предвоенное сознание СССР 1941 года от предвоенного сознания России 1914-го.

Даже период советско-германского сближения, начавшийся осенью 1939-го года, был воспринят как дипломатический маневр. «Было понятно, – вспомнил начальник Генерального штаба Сергей Штеменко, – что это лишь отсрочка, что рано или поздно *фашистская Германия, поощряемая империалистическими кругами западных держав* (выделено мною. – *Д.О.*), ринется на восток»[25].

Совсем в другой социальной группе настроения были весьма похожи: судя по личным воспоминаниям Александра Некрича, молодежь Московского Университета не могла примириться с тем, что «германские фашисты отныне первые друзья Советского Союза» и попытки лекторов что-либо объяснить встречала взрывами смеха, ироническими и возмущенными вопросами[26]. По-прежнему гитлеровский фашизм считался злейшим врагом советской власти. Слово «немцы» по отношению к национал-социалистам поначалу практически не употреблялось – говорили «гитлеровцы» или «фашисты». Оно встало в этот синонимический ряд только после начала войны.

Абсолютно серъезно, с ярко выраженной симпатией, воспринимала советская публика попытки прогнозирования возможного военного столкновения России и Германии. В широко разошедшейся книге Николая Шпанова «Первый удар. Повесть о будущей войне» (издана в 1939 году Наркоматом обороны в серии «Библиотека командира»), посвященной возможной советско-германской войне, говорилось о массовых антифашистских восстаниях уже на второй день нападения Германии на СССР. В этом «первом опыте военно-научной фантастики» немецкие рабочие поют «Интернационал» и с нетерпением ожидают, когда бомбы советской авиации будут сброшены на их заводы. В очевидно неизбежном проявлении интернационализма убеждали и политики. «… массы извлекают должные уроки и обрушат гнев на буржуазию», – говорил Михаил Калинин, выступая 5 июня 1941 года перед выпускниками Военно-политической академии им. Ленина в Москве[27]. Классовый подход к оценке советско-германского противостояния сохранил на всю жизнь и Вячеслав Молотов. В середине семидесятых, в откровенной частной беседе, он по-прежнему рассуждал: «Собственно говоря, а что такое нападение Гитлера? Это не классовая борьба?.. Кроме классовой борьбы тут ничего другого нет»[28].

Уверенность в классовом характере войны была, подчеркнем, явлением массовым. Эта уверенность устойчиво сохранилась среди бойцов Красной Армии и в начальный период войны с Гитлером. Они воспринимали происходящее так, как их учили с детства – в школах, на собраниях, в газетах: Германия – передовая страна, власть в ней захватили фашисты, поддерживаемые «магнатами Рура и социал-предателями», немецкий народ против них, немецкие солдаты либо обмануты капиталистами и помещиками, либо идут в бой под угрозой расстрела. Если одетым в военную форму рабочим и крестьянам объяснить, рассказать правду – они побросают оружие. «Наша армия, – свидетельствовал Илья Эренбург, – в первые месяцы не знала ненависти к немецкой армии»[29]. Он же приводит разговор с артиллеристами на переднем фронте. Один из них, поддержанный сочувственным поддакиванием других, объяснял: «Нельзя только и делать, что ходить по дороге, а потом отходить, нужно подпустить немцев поближе, попытаться объяснить им, что пора образумиться, восстать против Гитлера, и мы им в этом поможем»[30].

Какими же мы были человеколюбами, пытаясь (при допросе плененных немецких танкистов) добиться от них классовой солидарности. Нам казалось, что от наших бесед они про-

зреют и прокричат «Рот фронт!». Мы… совершенно не знали современного немца-фашиста…[31].

В этом настроении рядовых бойцов проглядывается, среди прочего, сохранившаяся идея экспорта «мировой революции» – идея достаточно агрессивная и позже частично воплощенная в создании «социалистической системы» стран Восточной Европы и ГДР. В 1914 году массовое сознание рядовых солдат не несло (даже в завуалированном виде) представленний о возможности вмешательства во внутреннюю жизнь соседних стран. Воспитание нижних чинов российской армии носило характер «позитивно патриотического», в кратчайшем виде выраженном в основной формуле русской военной службы: «За веру, Царя и Отечество».

Смысл основанной на этой формуле моральной подготовки войск один из крупнейших военных теоретиков, генерал Алексей Баиов, пояснял так: «другими словами, основами воспитания русской армии являлись: религия, воплощенная в православии; преданность существующему государственному строю и порядку, в частности преданность Верховной власти в лице Монарха, и патриотизм, т. е. сознательная любовь к Родине с ее физическими свойствами, государственным устройством, достижениями материальной культуры и бытовым укладом. Эти основы наиболее отвечали исторически развившейся идеологии русского народа, были понятны ему, сделались ему дороги и вполне удовлетворяли его сознание и его духовные запросы, вытекающие из строя его души»[32].

Такое направление воспитательной работы регламентировалось высочайше утвержденной директивой «Меры содействия религиозно-нравственному и физическому развитию нижних чинов» от 1 февраля 1909 года и высочайше увержденным «Положением об обучении пехоты» 1911 года. Незадолго до войны по армии был отдан специальный высочайший приказ, строго воспрещавший воинским чинам вести разговоры на современные политические темы (Балканский вопрос, австро-венгерская распря, пангерманизм…)[33]. «Устройство особых бесед о политической жизни признается нежелательным», – говорилось в Уставе внутренней службы, сохранившем свою силу и в годы мировой войны[34].

Значительная аполитичность Российской императорской армии отмечается (как положительный, кстати, фактор) практически всеми ее исследователями. Даже офицеры мало углублялись в газетную и иную литературу. Преимущественно они читали военную периодику и поэтому мало подверглись влиянию «общественных настроений». А поскольку армия жила ожиданием войны на протяжении многих лет, в ней господствовала готовность «исполнить свой долг до конца», умереть «за Русь Святую», а не ради уничтожения конкретно немцев, австрийцев, или турок…

«Газетная война»

Косвенным подтверждением отсутствия особых антинемецких настроений в России накануне мировой войны и, что не менее важно, базы для их культивирования и «раскручивания» является ход так называемой русско-германской «газетной войны» начала 1914 года. Она началась после публикации 18 февраля 1914 года в газете «Kölnische Zeitung» корреспонденции из Петербурга. В этой корреспонденции с еще

необычной для той эпохи резкостью и категоричностью говорилось об усилении русской военной мощи, о том, что «через три-четыре года» Россия будет готова напасть на Германию. На публикацию отреагировали не только в России, но и в странах Антанты – Англии и Франции. Это было воспринято как одобренная Берлином попытка завоевания немецкого общественного мнения. В ответных публикациях русские газеты стали говорить о немецком экономическом диктате в России, о необходимости «сбросить с себя наложенную на нас в годину наших бедствий дань немцам»[35].

24 февраля «Berliner Tageblatt» в объемной анонимной статье «Русский сосед» обвинял русских в двуликом поведении и делал вывод о необходимости предупредительной войны с Россией. «Русские ведомости» откликнулись: «Перед нами, несомненно, сознательная обработка немецкого общественного мнения в антирусском духе»[36].

Сам факт того, что русская пресса признавала необходимость «обработки немецкого общественного мнения в антирусском духе» указывает на то, что российское общественное мнение не считало германское общество враждебным России. Вся вина, в основном, возлагалась на государство Вильгельма и на высших чиновников Германии. Однако именно благодаря встречам на высоком уровне и организации миролюбивых статей, подчеркивающих сотрудничество России и Германии (например, в армянском вопросе), «газетная война» затихла к концу февраля, не приведя к возрастанию антинемецких настроений в русском обществе. Встреча немецкого посла в России Пурталеса (известного, кстати, своими симпатиями к России) с министром иностранных дел Сазоновым привела к решению «не раздувать полемики», и ее итогом стала примирительная статья в официозном органе «Россия». Такая репетиция «идеологической войны», легко решенная на высшем политическом уровне, не вызвала какой-либо перестройки общественного мнения двух стран, поскольку, похоже, носила заказной характер. Тем не менее в ней видны зачатки того явления, которое применительно к военному периоду можно именовать «психопатологией тыла».

Начало мировой войны

Начало войны и реакция на него населения России также подтвердили отсутствие германофобии как массового явления. Это можно проследить по такому интересному источнику, как народный фольклор начала войны. Ни немец, ни австриец, ни, позже, турок, не являются для русского населения носителями зла войны, смерти, страха. Они практически отсутствуют в фольклоре этого периода. *«Позвал царь на войну – значит, тому и быть».* Война в народном сознании того времени – это стихийное бедствие, божья кара, не являющаяся следствием рациональной деятельности живущих людей. Если уж обвинять кого-то в несчастье, постигшем семью, деревню, общину – так это конкретных чиновников, лиц, и даже предметы, связанные с уходом близкого человека на фронт, на свидание со смертью.

Распроклятая машина,
Куда милого стащила!

Распроклятый тот вокзал,
Куда милого девал,
Что мне раньше не сказал?
Распроклятый паровоз,
Куда милого повез?
У машины шесть колес,
Машинист там – старый пес![37]

Эта фольклорная линия отразилась в соответствующей литературе: в 1914 году «крестьянские» стихи почти забытого поэта «серебряного века» Павла Радуева (цикл «Война и деревня») отображают мироощущение крестьянина, новобранца, запасного – но и тут драма войны не связана с немцами: «Пахарь истовый, захваченный пожаром / Войны внезапной, он, согласный умереть» жалеет лишь о том, что «Бабе не успеть / Снопы нажатые сложить в овине старом…»[38].

И в более интеллигентной «патриотической поэзии» есть война, но нет немца-врага. Типичны стихи Сергея Городецкого (1914 год):

Война! Война! Так вот какие
Отверзлись двери пред тобой,
Любвеобильная Россия,
Страна с Христовою судьбой!
Так прими ж венец терновый
И в ад убийственный сойди
В руке с мечом своим суровым,
С крестом, сияющим в груди!..

«Антинемецкие» мотивы в поэзии того времени ограничивались надеждами на взятие «заносчивого» Берлина (Федор Сологуб), угрозами, что «тяжкое величье» Германии «солдату русскому на высморк» (Игорь Северянин).

Несколько резче реакция Бориса Пастернака (за два года до ее начала «докапывавшегося» до оснований идеализма в Марбурге), у которого надолго отложился свой образ Первой мировой войны. Это «Дева обида» (заимствованная из «Слова о полку Игореве»)[39]. Сама обида вырвалась в его письме к родителям в июне 1914 года. «История не знает ничего подобного, и узурпации Наполеона кажутся капризами, простительными гению в сравнении с этим бесчеловечным разбойничьим актом Германии. Нет, скажи ты, папа, на милость, что за мерзавцы! Двуличность, с которой они дипломатию за нос водили, речь Вильгельма, обращение с Францией! Люксембург и Бельгия! И это страна, куда мы теории культуры ездили учиться!»[40]

Массовые патриотические манифестации начала войны, в целом, не несли заряда национальной ненависти. Это был еще тот же «позитивный патриотизм», движение «за Русь», а не против ее противников. Единственный инцидент, являющийся исключением, это разгром немецкого посольства в Петербурге. Однако в официальных бумагах этот факт рассматривается как «омрачающий» действительность, как факт, гипертрофированно выражающий негодование патриотически настроенных манифестантов по отношению к Германии, «виновнику настоящей войны»[41]. Чуть позже наиболее знаковый «антинемецкий» жест – переименование Петербурга в Петроград высочайшим повелением от 3 сентября 1914 года – не был встречен особым восторгом. Командующий жандармским корпусом Владимир Ф. Джунковский

встретил, например, это событие «без особого сочувствия», поскольку счел его «мелочным и ненужным». Он же отметил, что «оно не произвело вообще того большого впечатления, на которое рассчитывали те, по представлению которых это повеление последовало»[42].

«Романтическое» отношение к противнику

Ярким и неординарным примером романтического отношения к немецкому противнику в начальный период мировой войны является так называемое «Дело генерала Форселя». Коротко, действительно, в «телеграфном стиле», оно изложено в телеграмме генералу Янушкевичу:

> По донесению генерала Курлова, когда тринацатого января (1915 года) были задержаны в Либаве германские офицеры с подбитого аэропорта, командир порта генерал-майор Форсель хотел устроить для пленных германцев торжественный обед и пригласить на него своих подчиненных. Обед не состоялся вследствие резкого протеста офицеров. Расследование производится[43].

Проведенное расследование показало подробности случившегося. Командир важнейшего российского военного порта в городе Либаве, генерал-майор Владимир Петрович Форсель, узнав о попавших в плен четырех германских офицерах (они были со сбитого аэростата, бомбившего порт), приказал доставить их в резиденцию «Воздушный замок» и накрыть стол в офицерской столовой. Здесь необходимо напомнить о традициях, идущих с начала XVIII века, еще от Петра Первого, приглашавшего пленных офицеров и генералов шведской армии Карла XII за общий обеденный стол. Однако российскими офицерами ситуация уже не воспринималась так торжественно. Попытка усадить немецких офицеров за общий офицерский обеденный стол встретила резкие протесты пограничников и моряков, которые сочли «неудобным» подобный совместный обед. Тем не менее Форсель был подчеркнуто «любезен» с пленными офицерами и, осуществляя их отправку «куда следует», доставил их на вокзал в собственном служебном автомобиле, а с вокзала отправил пленных в город Ригу в вагоне первого класса. Причем, именно такой вагон, а не теплушка, был потребован Форселем у чиновника службы движения «в довольно резкой форме». Подобное поведение Форселя воспринималось большинством современников уже как маргинальное. Само событие расследовалось сразу по двум направлениям: контрразведкой и полицией. Удалось выяснить только, что жена Форселя – бывшая германская подданная Эльза Клебеке, состоявшая второстепенной актрисой гастролировавшей в Либаве труппы. Она «вела довольно свободный образ жизни, принимая ухаживания мужчин, особенно офицеров, а затем, сойдясь с Форселем… вышла за него замуж». Все попытки установить, не является ли госпожа Форсель-Клебеке немецкой шпионкой, привели только к тому, что удалось узнать о ее родной сестре в Германии, которая «по слухам» находится то ли «замужем за полковником Генерального Штаба, служившим в Кенигсберге», то ли «сожительствует с каким-то немецким генералом». Тем не менее за такое отношение Форселя (генерала с нерусской фамилией!) к немецким пленным, над ним был установлен

строгий надзор. До взятия немецкими войсками Либавы (7 мая 1915 года) по инстанциям прошел только один документ с описанием «подозрительного» поведения генерала-романтика.

В марте в районе порта были подобраны и взяты в плен два немецких летчика-офицера с подбитого гидроплана. Поскольку они промокли, то им нужно было переменить белье. Генерал Форсель лично принес необходимые рубахи и подштанники в вагон (на этот раз 2-го класса) к пленным офицерам – причем, свидетелями этому было множество офицеров и «публики». И вновь маргинальное поведение генерала – подштанники! немцам! лично! – «вызывает недоумение и различные толки».

Перелом в общественном сознании

Патриотический подъем, при всем его «позитивном настрое», рано или поздно оказывал свое влияние на фильтрацию информации, поступающей о противнике, а равно, вообще, всей информации, имеющей отношение к Германии, немцам и немецкой культуре. Достойными внимания и массового распространения были те новости, которые были «на пользу патриотическому духу» и прижимали образ противника, особенно если учесть уже упоминавшийся «страх перед немецкой военной машиной». Можно выделить несколько потоков антинемецкой информации, формировавшей массовое негативное отношение к немцам и Германии на протяжении первых месяцев войны.

Первыми по времени, видимо, стали рассказы тех русских, которые к моменту объявления войны оказались в Германии и вынуждены были возвращаться в Россию уже по враждебной территории. Сразу необходимо отметить, что некоторые такие рассказы являются апокрифическими. Например, в копилку «преданий и анекдотов» истории России XX века вошла история о том, как на выезжающую после объявления войны из Берлина вдовствующую императрицу (Марию Федоровну) сыпалась брань, а кое на кого из ее окружения обрушивались палки и зонтики»[44]. На самом деле, императрица тогда вообще была не в Германии, а в Лондоне, и возвращалась в Россию через Скандинавию[45]. Тем не менее в Германии, испытывавшей не меньший патриотический подъем, чем Россия, естественно, отношение к русским, как к представителям враждебной воюющей державы, не было особо дружественным. До российского обывателя доходили рассказы о ругательствах, избиениях российских подданных, их заключении в тюрьму. Сравнивать это с равновеликими событиями, происходившими в России, обыватели не старались, хотя такие «эксцессы национального подъема» здесь также происходили. 24 августа о «жестоком обрщении» с русскими, застигнутыми войной в Германии, было объявлено официальным правительственным сообщением. В дополнение в газете «Русские ведомости» была перепечатана речь кайзера Вильгельма II о том, что русские подданные на территории Германии объявляются военнопленными. Никаких комментариев по поводу того, что это заявление относится только к военнообязанным мужчинам, массы не получали. А ведь и в России принимались подобные меры – по отношению к германским подданным. Их применение в военных условиях казалось естественным: ведь хоть в какой-то мере организовались людские ресурсы для армии противника. В России знали, что в тюрьму Растштадт были заключены русские участники международно-

го шахматного турнира в Мангейме. Однако тот факт, что это было связано со стечением обстоятельств, во внимание не принимался. В реальности группа русских шахматистов уже возвращалась в Россию (причем, будущий чемпион мира Александр Алехин уже после начала войны получил от организаторов турнира первый приз), ошибочно вышла для пересадки в районе важного военного объекта и в обстановке повышенной подозрительности (то же было и в России) была принята за шпионов. В тюрьме условия содержания были, по свидетельству самих потерпевших, «идиллическими», и вскоре многие признанные негодными к военной службе (в том числе Алехин), были выпущены из Германии[46]. Оставшиеся же были интернированы и поселены в городке Триберг (Шварцвальд). Один из них – также известный шахматист Ефим Боголюбов – женился на дочери местного учителя и впоследствии стал немецким подданным[47].

Подробности такого рода не отвечали тем ожиданиям, которыми были переполнены патриотически настроенные массы российского населения. В сознании большинства запечатлился факт: «Немцы никогда нас не любили и вот наконец, с объявлением войны, их неприязнь к русским выявилась во всей полноте».

Практически одновременно в Россию пришла информация о нарушении Германией норм международного права – о ее вторжении в нейтральную Бельгию. Бельгийский король стал одним из любимейших героев начального периода войны, монарх-страдалец – очень привлекательная фигура для российского массового сознания. К этому добавлялись сведения о разрушениях в Лувене, Лилле и Реймсе, история о немецких зверствах в первых оккупированных городах – в частности, Калише (первый российский город, занятый немецкими войсками в ходе войны). Калишские события (разнесенные газетами с опорой на свидетельства «очевидцев») были первыми по времени, и поэтому наиболее сильно шокировали публику. Массово рассказывалось о расстреле немцами чиновников города и убийстве двух отцов, заступившихся за своих дочерей, подвергнутых насилию. Этот образ Калиша надолго остался «типичным примером» (для массового сознания и журналистов) поведения немецких войск на территории России.

После первых военных неудач русских войск осенью 1914 года начались попытки поиска проблем в собственном лагере. Одним из важнейших стал поиск внутреннего врага, «внутреннего немца» (что стало синонимом). Он, видимо, начался с «дела» командующего 1-й армией генерала Ренненкампфа. Именно с его именем связали в общественном сознании поражение русских войск в Восточной Пруссии в начальный период войны, а следовательно, и весь крах надежд общества на быстрое парадное окончание войны «к Рождеству в Берлине». Военные понимали, что гораздо большую вину несет не Ренненкампф, а его непосредственный начальник, генерал Жилинский, не сумевший организовать взаимодействия русских армий в решающие дни боев в Восточной Пруссии. Но Жилинский свалил свою вину на генерала с немецкой фамилией. «Ренненкампф предал Самсонова», – этот слух получил массовое хождение и нашел поддержку даже у главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича. По личному распоряжению Николая II было произведено расследование по делу Ренненкампфа – и оно показало, что генерал, хотя и совершал стратегические ошибки, не был «нелоялен» к России. Тем более, что он был хорошо известен по русско-японской войне. Тем не менее Ренненкампф был отставлен и с 1915 года жил в Петрограде. Эта внешняя канва событий (расследование по делу генерала не обнародовалось) укрепила общественное мнение в том, что

«Ренненкампф – изменник». По сотням портретов времен русско-японской войны и самого начала мировой он был хорошо известен и поэтому всю свою дальнейшую жизнь не раз подвергался оскорблениям в публичных местах. Уже после революции, в Таганроге, толпа солдат-дезертиров, бросивших фронт, отыскала и расстреляла «предателя Ренненкампфа», припомнив ему 1914 год. Важно отметить, что версия «Ренненкампф – предатель» была растиражирована одним их самых популярных писателей на исторические темы позднего советского времени – Валентином Пикулем. Среди многих его миниатюр, проникнутых германофобией, есть место и миниатюре о «предательстве Ренненкампфа».

Широкомасштабное наступление немецких войск в первой половине 1915 года еще более усилили подозрительность по отношению к офицерам и генралам, носившим немецкие фамилии. А между тем в составе императорской армии было более 9 процентов протестантов (прежде всего, немцев, не считая принявших православия). Подсчеты современных исследователей говорили о почти трехстах тысячах немцев в рядах русской армии[48]. Материалы же военной цензуры показывают, что в армии имели место постоянные слухи о том, что «немцы примазываются к штабам», что «помимо Ренненкампфа, есть еще генералы-изменики Шейдеман, Сиверс, Эберхардт»… Все это побудило разослать по армии специальный приказ главнокомандующего: «не верить необоснованным слухам и обвинениям». С другой стороны, последовало секретное распоряжение отчислять лиц с немецкими фамилиями в строевые части.

Довольно одиноко звучали публичные выступления в защиту «русского немца» (прежде всего – в кадетской прессе). Д. Философов в газете «Речь» от 11 ноября 1914 года, ссылаясь на конкретные ратные подвиги прибалтийского немецкого барона К., критиковал чисто этнический подход к поискам «врага» внутри страны.

Прибалтика – яблоко раздора

Прибалтика и связанные с ней проблемы крайне важны для понимания русско-германских отношений. На протяжении нескольких веков она оставалась полем российко-германского культурного столкновения, регионом, в котором пришлые элиты боролись за поддержку или лояльность местного населения. Для этого надо не забывать, что в описываемое время Россия и Германия – страны-соседи, имеющие довольно протяженную общую границу.

В России прекрасно знали, что в Германии Прибалтика обозначается как «die deutschen Ostseeprovinzen Rußlands» и многими воспринимается как «старейшая колония Германской Империи», захваченная еще в XIII веке, а то и как «исконно немецкая земля»[49]. Знали и то, что Бисмарк еще в 1867 году говорил, что Прибалтика для Германии «ничтожно малая величина, в обмен на которую мы получили бы вечную вражду России». Прибалтиский вопрос даже получил в специальной литературе термин «Testfall Baltikum»[50] («Испытание Прибалтикой») – отношение к нему политиков определяло их истинные цели. Традиционно в Прибалтике существовал значительный слой немецкого дворянства, и при нем – крестьянство. Еще до мировой войны немецкие дворяне пробовали способствовать колонизации земель Прибалтики немецкими крестьянами – для «замены злосчастных латышских крестьян»[51]. Это

даже до войны воспринималось, как политика прогерманская, как проявление «немецкого засилья». В начальный период войны высказывания немецких политиков и промышленников по этому вопросу доходят до России через источники нейтральных стран и подтверждают «исконные» аннексионистские планы немцев на российскую территорию. Были предложения с разных сторон. Прусский министр внутренних дел Фридрих фон Лебель, князь Г. Гатцфилд, граф Роберт Кайзерлинк и другие захотели «отбросить Россию к допетровским границам», «закрыть окно России в Европу»[52] и т. д. Подсчитано, что в Германии библиография статей и брошюр по Прибалтике только в 1915 году составила более 1000 экземпляров[53]. Надо ли говорить, что до России литература доходила весьма избирательно. Связано это с тем, что в Прибалтике Германия рисковала получить вторую эльзасскую проблему[54].

Сила массовой литературы в том, что мало кто может проверить реальное положение дел на месте. К счастью, сохранились весьма любопытные свидетельства того, кто проверил все подозрения по долгу службы, – шефа корпуса жандармов Владимира Ф. Джунковского. В начале сентября 1914 года он отправился в Прибалтику проверить сведения «о нелояльных, а иногда и изменнических будто бы действиях немецкой части населения Прибалтийского края»[55]. Ознакомление Джунковского с разнообразными материалами, а также беседы с местными деятелями убедили его в том, что вовсе не война причина сложной ситуации в крае. Все дело в исторически сложившейся культурно-этнической ситуации.

Она, действительно, оказалась «пограничной», вызванной взаимодействием сил в русско-немецко-прибалтийской контактной зоне. С одной стороны, было достаточно много патриотических выступлений с пожеланиями победы русского оружия. Были и пожертвования на нужды войны. На заседании Государственной Думы 26 июля 1914 года (когда, по выражению историка Арона Я. Авреха, «оппозиция отказалась от оппозиции»[56]) такие представители российских немцев, как Л.Г. Лютц и барон Фелькерзам выступали с патриотическими речами, не менее проникновенными, нежели произнесенные «этническими» русскими. Лютц, в частности, говорил: «Немцы, населяющие Россию, всегда считали ее своей матерью и своей родиной, и за достоинство и честь великой России они все, как один человек, сложат свои головы»[57].

С другой стороны, было известно, что представители некоторых немецких прибалтийских семей (особенно из Лифляндской губернии) воюют против России на стороне Германии[58]. На местное русское, а также латышское и эстонское население производили неприятное впечатление «сдержанная холодность» прибалтийских немцев в изъявлении патриотических чувств по поводу начавшейся войны, а также явная скудность пожертвований на нужды войны, «явно не соответствующая материальной обеспеченности и богатству прибалтийского дворянства». Естественное стремление хозяев скрывать своих лучших лошадей от поставки в войска (характерная для многих губерний России) воспринималось на этом фоне как «государственная измена». Точно так же расценивались и попытки заступиться за германских подданных, подлежащих высылке из губернии. Обычно заступниками руководили соображения экономического порядка: они, как хозяева производства, теряли квалифицированных работников (как, например, предводитель дворянства Лифляндской губернии барон Пилар фон Пильхау, крупный акционер Кертельской фабрики в Эстляндии)[59]. Однако истолковывались такие поступки как «пронемецкие», а значит, антипатриотические. Отсюда пошли ложные слухи о проведении в немецких

усадьбах фортификационных работ (в помощь наступающей германской армии); сигнализации германским аэропланам (за которую принимали покрытие лютеранской церкви оцинкованным железом или покраску дорожных столбов в белый цвет); проведение «тайного собрания немцев» в Юрьевском уезде (на самом деле, это был съезд лесоводов)[60].

Джунковскому пришлось проверить значительное число обвинений по отношению к немцам и чиновничеству Прибалтийских губерний – обвинений, выдвинутых не только петербургской прессой, но и некоторыми депутатами Думы. В большинстве своем эти обвинения оказались ложными и основанными на раздувании непроверенных слухов. Типичный пример: высылку губернатором Набоковым крестьянина Кальнина, призывавшего толпу к убийству помещика, молва раздула до «факта» высылки из Курляндской губернии нескольких человек за крики: «Долой немцев». Вывод Джунковского был таков: «Сопоставляя все данные и оценивая настроение немецкой части населения Прибалтийского края, я пришел к заключению, что сообщенные из разных источников сведения об изменнических действиях балтийских немцев были частью измышлениями, частью же возникали на почве общей нервности и подозрительности, охватившей все население края, издавна враждебно относившегося к немцам. Но отсутствие измены не освобождает последних от заслуженного упрека в том, что замкнувшись в своей любви к германской культуре, они проявляли при создавшихся тяжелых условиях для России двойственность духа, как бы разделявшую их между долгом в отношении к русскому государству и сердечной приверженностью к германскому народу как носителю культуры, признаваемой ими наивысшей в мире»[61].

Беда для российского общественного мнения была в том, что сделанные Джунковским выводы были применены им только в собственной служебной деятельности (последовал ряд административных мер). Никто не приложил усилий донести эти выводы до массового читателя. Поэтому слухи, распространяемые патриотической прессой, приобрели со временем (во многом вследствие частой повторяемости) статус непреложных фактов. Такой небеспристрастный, но внимательный наблюдатель, как Антон Деникин, спустя значительное время после войны, вспоминал о том, что германофильские симпатии прибалтийских горожан и помещиков были хорошо известны в России, и, хотя в российской императорской армии, где служило много прибалтийских дворян, никак не отразились, само их существование (воспринимавшееся как факт) «не могло не отразиться на усилении неприязненного отношения к немцам руского общества и народа»[62].

Роль агитационной литературы

Именно все вышеизложенные сведения (в разных степенях подробности) были собраны и изложены в книгах – изданных более «фундаментально», нежели периодика[63]. Наиболее «научно» названная книга Эгерта (первая в списке) вовсе не содержит документальных материалов «Чрезвычайной комиссии». Наоборот, она является публицистической по своей сути и отталкивается от констатации того факта, что «негодованием и омерзением охвачена Россия» вследствие немецкого поведения во время войны»[64]. Приводя общераспространенные факты о «немецких зло-

деяниях», а то просто констатируя, что немцы нарушают почти все пункты Женевской и Гаагской конвенций[65], Эгерт возмущается тем, что и через несколько месяцев после начала войны в России не создана комиссия «по расследованию злодеяний немцев», в то время как в Германии уже созданы целых две комиссии: одна о «зверствах» русских, другая – о «зверствах» французов и бельгийцев. Две другие книги также основаны на журналистко-публицистическом методе сбора информации по принципу – чем страшнее, тем интереснее.

Идеология, в которой «немецкие зверства» с самого начала Первой мировой войны, – вещь аксиоматичная, сохранилась в России/СССР и в исторической литературе (прежде всего, агрессивно-патриотического содержания). Весьма одиозная, но пользующаяся спросом и потому выдержавшая в 1974–1993 годах три издания книга Николая Яковлева «1 августа 1914» содержит информацию о «немецких зверствах», опирающуюся не на фактический материал, а именно на пропагандистскую литературу 1914–1915 годов. Если учесть, что сама работа «1 августа 1914 года» при всей претензии быть научной, носит ярко окрашенный пропагандистско-публицистический характер[66], то эмоциональная волна убеждения, как и слабость фактической базы, возводятся в этой части книги в квадрат. «Люди 1914 года были потрясены, – пишет Яковлев в издании 1993 года, – вести о чудовищных зверствах потоком шли из Бельгии, Франции, России – отовсюду, куда ступал кованый сапог немецкого солдата. Мир еще не знал фашизма, Освенцима, Дахау, гитлеровского геноцида, но разве не вещими, в свете узнанного нами в 1941–45 годах (художественный прием автора: совместить в сознании читателя эпоху кайзеровской Германии с временем гитлеровского “Третьего рейха” и сделать его более податливым к диатрибам. – *Д.О.*), звучат наивные слова предисловия к книге “Немецкие зверства”, составленной по документам и показаниям очевидцев, выпущенной в Петрограде в 1914 году: “На поверку вышло, что немецкие офицеры, в особенности цвет их – пруссаки – лишены нравственных понятий культурного человека, потому что только нравственный урод и половой психопат способен на глазах родителей убить их ребенка, или изнасиловать дочь, или в присутствии оскорбленной и униженной девушки расстрелять ее отца только за то, что несчастный осмелился протестовать против наглого и циничного обыска, произведенного немецким лейтенантом. Пусть об этой предсмертной пощечине, полученной прусским наглецом, помнят внуки и правнуки, чтобы они знали, какой зверь, похотливый и кровожадный, таится в немце, выжидая лишь момента, когда ему будет позволено дать волю своим низменным инстинктам… Военная гроза пройдет, заживут раны, но память о зверской выходке швалов не должна глохнуть, и пусть всеобщее презрение будет возмездием рыцарям немецкой доблести”… Хотя облик врага вырисовывался достаточно четко, – продолжает Яковлев, – русские войска придерживались рыцарского кодекса ведения войны»[67].

Цитирование выводов агитационных брошюр – прием, предназначенный не только для эмоционального усиления воздействия на читателя, но и для демонстрации «очевидности» оценок («раз уж в массовой литературе такое…»).

Именно при сложившейся ситуации крайне важно отметить мнения очевидцев, тех конкретных людей-фронтовиков, которые могли бы проверить – хотя бы отчасти – соответствие реальности той информации, которая сообщалась в то время агитационной литературой. Переписка Николая Гумилева и Анны Ахматовой важна в данной статье не как литературное наследие, а как пример частной интимной переписи мужа-офицера (при этом, храброго кавалериста, заслужившего два Георгиевских

ордена) и остающейся в столице и испытывающей идеологический «информационный нажим» жены. Именно Гумилев объясняет, что не имеет причин для того, чтобы испытывать к немцам ненависть:

> Ни в Литве, ни в Польше я не слыхал о немецких зверствах, ни об одном убитом жителе, изнасилованной женщине. Скотину и хлеб они действительно забирают, но, во-первых, им же нужен провиант, а во-вторых, им надо лишить провианта нас; то же делаем и мы, и поэтому упреки им косвенно падают и на нас, а это несправедливо. Мы, входя в немецкий дом, говорим «gut» и даем сахар детям, они делают то же, приговаривая «карошь». Войско уважает врага, мне кажется, и газетчики могли поступать так же. А рождается рознь между армией и страной. И это не мое личное мнение, так думают офицеры и солдаты, исключения редки и труднообъяснимы или, вернее, объясняется тем, что «немцеед» находился все время в глубоком тылу и начитался журналов и газет[68].

В «Записках кавалериста» того же Гумилева мирное немецкое население, с которым он сталкивается в ходе боевых действий 1914 года, *разное*. Есть жители, которые при встрече «снимают шапки», «женщины с торопливой угодливостью выносят молоко». А есть те, которые бегут, «боясь расплаты за преданные заставы отправленных разведчиков»[69]. Интересен и переданный Гумилевым рассказ казака, игравшего с немецкими военными в карты. «Я его спросил, – пишет Гумилев, – как ему понравились германцы. “Да ничего, – сказал он, – только играют плохо, кричат, ругаются, все пожилить думают…”»[70]. Еще в одном месте записок Гумилев подчеркивает беззлобность отношения солдат к противнику: «Какой-то хитрый немец, очевидно хороший стрелок, забрался к нам во фланг… “Ишь ловок”, – безо всякой злобы говорили о нем солдаты»[71].

К середине 1915 года был практически израсходован весь обученный запас русской армии; она практически полностью «превратилась в ополчение». Это означает, что ее кадровый состав был значительно истощен и заменен (а в значительной части и размыт) прибывшими из тыла призывниками. Это были «ратники 2-го разряда», прежде не проходившие никакой военной подготовки (они миновали действительную службу благодаря льготам или вследствие физических недостатков)[72]. Для нашей темы это имеет значение в том смысле, что носители разных, пестрых, порой противоположных представлений о Германии и немцах были заменены или размыты теми, кто в основной массе начал осознавать свое отношение к противнику только с началом мировой войны – а значит, под воздействием идеологических образцов и клише, во многом отраженных в прессе и агитационной литературе. Однако искусственность, непрочность антинемецких настроений в русской армии привели к необычному повороту ситуации: от активного неприятия немца, как главного «чужого» в традиционной националистической дихотомии «мы – они», возникло желание освобождаться от «чужих», вообще, не только от «чужих» по национальному признаку, но и по, например, социальному. Это отмечали в своих комментариях к борьбе с немецким засильем крайне правые: «Немец – это только повод. России следует освободиться от всякой иноземщины»[73].

Опасность такого перехода замечали и в военном министерстве: «Ненависть к немцам может быть использована агитаторами для такого рода выступлений в войсках, с которыми придется очень считаться»[74]. Использование антинемецких настроений стало правилом политической борьбы. К 1917 году на разных чашах поли-

тических весов оказываются «царица-немка-шпионка» и «Ленин – немецкий шпион». Поиск «внутренного немца» оказывается поиском внутренного врага, вообще. Такого врага, который конкретен, осязаем, как люди по ту сторону фронта, но, и возможно, хитро замаскирован. Вскоре понятие «внутренный немец» исчезает, а «внутренний враг» останется и потеряет национальную окраску.

В течение Первой мировой войны силами средств массовой информации и благодаря очень слабой деятельности властей в сфере организации «идеологической работы» сформировался устойчивый отказ «германцев с Запада и монголов с Востока» (Максимилиан Волошин). По этой причине в русском сознании две опасные силы были приравнены: «Чингисхан с телеграфом» страшнее «Чингисхана без телеграфа». Этот образ – первый стал, действительно, массовым! – будет сохраняться в общественном сознании, хотя и подспудно, на протяжении многих десятилетий. По сравнению с ним представления об односторонности, «классовости» такого подхода, сформированные в советском обществе в 20–30-е годы под воздействием марксистко-ленинской идеологии, оказались весьма непрочными. В полгода с небольшим (к зиме 1941–42 годов), произошел отход от наивной веры в «классовую солидарность» советского, немецкого и, вообще, мирового пролетариата и крестьянства. Образ конкретного «немца-фашиста» (различий уже не делали) вновь стал символизировать «угрозу с Запада». Об устойчивости этих образов говорит тот факт, что еще в 60-е годы восклицание Михаила Ромма в фильме «Обыкновенный фашизм»: «Но была и другая Германия!» звучало как откровение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М., 1925. С. 17.

[2] Российские историки получили в течение последнего десятилетия доступ к известным теоретическим работам этого направления: см., например, История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996. Здесь, в частности, представлены следующие работы: *André Burguière:* Mentalitätsgeschichte. Zur Rekonstruktion geistiger Prozesse. Hrsg. von Ulrich Raulf. Berlin (West) 1987 и *A. Dupront:* Problemes et methods d'un historie de la psychologie collective. // Annales E.S.C. 1961.

[3] Сборник «Первая мировая война – пролог XX века». – М., 1998, вышел по итогам международной конференции, организованной Российской Академией Наук (май 1994 года) и приуроченной к 80-летию начала Первой мировой войны,.

[4] Там же. С. 61.

[5] *Боханов А.Н.* Николай II. – М., 1997. С. 293. Российская дипломатия в портретах. – М., 1992. С. 267.

[6] *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. – СПб., 1991. С. 487–488.

[7] Дневник императора Николая II. – М., 1991. С. 492.

[8] *Bruce W.* Menning: Bayonets Before Bullets. The Imperial Russian Army. 1861–1914. Indiana University press. 1992. P. 207.

[9] Красный архив, 1924, т.5. С. 35.

[10] *Ананьич Б.В.*, *Ганелин Р.Ш.* С.Ю. Витте и его время. – СПб., 1999. С. 388.

[11] Там же. С. 387.

[12] *Кривошеин К.А.* Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. – М., 1993. С. 168.

[13] Там же.

[14] *Дякин В.С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого «немецкого засилья» // Первая мировая война 1914–1918. – М., 1968. С. 234.

[15] Цит. по: Родина, 1993, № 8–9. С. 11. В этой же записке приводится в качестве положительной черты «уравновешенность германской натуры» (там же. С. 13).

[16] Вестник Союза Русского народа, 1914, 16 мая.

[17] *Степанов С.А.* Черная сотня в России. 1905–1914. – М., 1992. С. 323.

[18] Новое время, 1910, 29 июня.

[19] См.: *Лукс Л.* в кн. «Россия между Западом и Востоком». – М., 1993. С. 49–57.

[20] Там же. С. 57.

[21] *Шавельский Георгий.* Воспоминания последного протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. – М., 1996. С. 76.

[22] Там же. С. 79.

[23] *Краснов П.Н.* Душа армии // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. (Российский военный сборник. Вып. 13. – М., 1997. С. 110–111).

[24] Там же.

[25] *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. – М., 1975. С. 26.

[26] *Геллер М.*, *Некрич А.*, Утопия у власти. Т. 1. – М., 1995. С. 395.

[27] Цит. по: *Некрич А.М.* 22 июня 1941 года. Изд. 2-е. – М., 1995. С. 132.

[28] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. – М., 1991. С. 29.

[29] *Эренбург И.* Люди. Годы. Жизнь. Т. 2. – М., 1990. С. 247.

[30] Там же. С. 248.

[31] Из дневниковых записей М.И. Березина 20.07.1941 г.// Комсомольская правда, 1989, 9.05.

[32] *Баиов А.К.* Воспитание армии и идеи гр. Л.Н. Толстого. // Новое время (Белград), 1929. № 2552.

[33] *Деникин А.И.* Путь русского офицера. – М., 1990. С. 219.

[34] Военное законодательство Российской Империи. (Российский военный сборник, вып. 10). – М., 1996. С. 176.

[35] Новое время, 1914, 25 февраля.

[36] Русские ведомости, 1914, 25 февраля.

[37] *Липатов Владислав.* «И севом богатым в карпатскую землю солдатские кости легли» // Родина, 1993, № 3–4. С. 120.

[38] Русская поэзия Серебряного века, 1890–1917: Антология. – М., 1993. С. 641.

[39] *Пастернак Е.Б.* Борис Пастернак. Материалы для биографии. – М., 1989. С. 226. *Борис Пастернак.* Собр. соч. В 5-ти томах. Т. 4. – М., 1991. С. 504.

[40] Там же. Т. 5. Письма. – М., 1992. С. 48.

[41] Из доклада начальника Петроградского охранного отделения / Рабочее движение в Петрограде в 1912–1917 гг. Л., 1958. С. 248–249.

[42] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. – М., 1997. Т. 2. С. 405–406.

[43] Здесь и далее документы дела приводятся по: Российский Государственный Военно-Исторический Архив (РГВИА). Ф. 2020. Оп. 1. Д. 148.

[44] *Борев Ю.* XX в преданиях и анекдотах. Кн. 1–2. Харьков–Ростов-на-Дону, 1996. С. 85–86.

[45] *Великий князь Александр Михайлович.* Книга воспоминания. – М., 1991. С. 209–210.

[46] *J. Kalendovsky, V. Fiala.* The complete games of A.A. Alekhine. Vol. 1. 1892–1921. – Olomoue, 1992. P. 11–13.

[47] *Чарушин В.А.* «Одна, но пламенная страсть…». – Нижний Новгород, 1995. С. 12.

[48] *Кресс Э.* Российские немцы или немецкие россияне. – М., 1995. С. 10.

[49] *Крупников П.Я.* Политика германского империализма в Прибалтике в начале XX века. // Исследования по истории германскоо империализма начала XX века. – М., 1987. С. 218. См. также: *Андреева Н.С.* Прибалтиские немцы и первая мировая война. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. – СПб., 1999. С. 461–473.

[50] *Bernhard Mann:* Die baltischen Länder in der deutschen Kriegspolitik, 1914–1918. – Tübingen, 1965. S. 8.

[51] См. об этом: Karl von Manteuffel: Meine Siedlungsarbeit in Kurland. Leipzig 1941.

[52] *Werner Basler:* Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum; 1914–1918. – B., 1962. S. 25, 31.

[53] *Крупников П.Я.* Ук. соч. С. 232.
[54] Там же. С. 233.
[55] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. – М., 1997. С. 406.
[56] *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы. – М., 1985. С. 11.
[57] Цит. по: *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. – СПб., 1991. С. 544.
[58] Джунковский, ссылаясь на сообщение члена Государственной Думы Гольдмана, приводит фамилии баронов Раденов, Засса, Фиркса, Тизенгаузена, а также Ашеберга. – *Джунковский.* Ук. соч. Т. 2. С. 408.
[59] Там же. С. 408–409.
[60] Там же. С. 414–415. Нелишне отметить, что вся подобная мифология продолжает жить в российском историческом сознании. В постоянно переиздающемся почти 30 лет историческом романе «Моонзунд» популярнейшего и жившего, кстати, в Риге В. Пикуля (1928–1990; первое издание – 1973 г.) слухи о начале Первой мировой войны воспроизводятся как реальные, имевшие место события.
[61] Там же. С. 416.
[62] *Деникин А.И.* Путь русского офицера. – М., 1990. С. 246.
[63] Здесь самые известные: *Эгерт В.П., фон.* Чрезвычайная следственная комиссия о преступных действиях неприятеля в войну 1914 г. – Пг., 1914; *Яблонский Н.* Машинно-истребительная культура: об источниках немецкого зверства. – Харьков, 1914; *Есипов В.В.* Славяне, немцы и турки. «Культурная Германия». Галиция и Польша. История повторяется. То крики войны. – Пг., 1914.
[64] *Эгерт В.П., фон* Чрезвычайная следственная комиссия о преступных действиях неприятеля в войну 1914 г. – Пг., 1914. С. 5.
[65] Там же. С. 34–35.
[66] В СССР это была одна из первых официально изданных работ, указывающих на революцию 1917 года как на следствие масонского заговора. В современной России интерес к этой книге также во многом связан с этим сюжетом. «Немецкие зверства» – лишь ее побочный сюжет.
[67] *Николай Яковлев.* 1 августа 1914. – М., 1993. С. 76–78.
[68] *Лукницкая В.* Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. – Л., 1990. С. 173.
[69] *Николай Гумилев.* Собр. соч. В 4-т. Т. 4. – М., 1991. С. 451.
[70] Там же. С. 484.
[71] Там же. С. 515–516.
[72] *Керсновский А.А.*, История русской армии. – М., 1994. С. 282.
[73] Русское знамя, 1915, 6 января.
[74] *Деникин.* Ук. соч. С. 246.

Герд Р. Юбершер

ОБРАЗ РОССИИ
Образ России в национально-консервативных кругах германского Сопротивления*

Спланированная и развязанная Гитлером агрессивная война Третьего рейха против Советского Союза не стала поводом для попытки покушения на «фюрера» или государственного переворота. Закономерно возникает вопрос: не потому ли такая акция не состоялась, что образ России, сформированный в консервативных кругах Сопротивления, в главных чертах совпадал, при всех возможных отличиях, с интерпретациями Советского Союза, характерными для национал-социалистского мировоззрения?[1].

В данной статье анализируется образ России, характерный для небольшой группы правящей элиты рейха, а именно, для ее национально-консервативной части. Речь идет о взглядах дипломатов, политиков, генералов и офицеров, которые летом и осенью 1938 г. представляли ядро милитаристско-консервативной оппозиции, противостоявшей дальнейшему расширению агрессивной политики диктатора. Рассматривается вопрос о том, каким было их восприятие России и, соответственно, политики нацистского режима по отношению к Советскому Союзу, гитлеровского курса, направленного на завоевание «жизненного пространства» на Востоке[2]

Хотя состояние источников по истории германского Сопротивления является достаточно сложным, все же опубликовано значительное количество документов и исследований по данной тематике[3]. Гораздо труднее, опираясь на небольшое число свидетельств, дать детальный анализ того, какими были представления участников антинацистской оппозиции о России. Поэтому наша работа представляет первый подход к изучению указанной проблематики, подход, в рамках которого рассматриваются воззрения отдельных участников Сопротивления.

Следует иметь в виду, что суждения о России и о германо-советских отношениях не были, начиная с 1938 г., четко выраженным компонентом программно-политических целей национально-консервативной оппозиции. В соответствии с этим представления о России и ее «образы» можно исследовать преимущественно на биографической основе.

Не существует документов (проектов программ, указов и т. д.), на основе которых можно было бы дать однозначный ответ, каким был образ России у консервативной оппозиции. Необходимо иметь в виду, что эти люди, выступавшие против Гитлера, в большей или меньшей степени находились под воздействием антибольшевистской идеологии, культивировавшейся национал-социалистами после 1933 г.[4]. Это относится к гражданским и военным представителям высшего общества, которые различными путями раньше других пришли к Сопротивлению, – к политикам,

---

* В основу предлагаемой статьи положен доклад автора на проходивших в Липецке в октябре 1999 г. Международных Копелевских чтениях (*Юбершер Г.* Образ России в представлениях участников германского Сопротивления // Копелевские чтения 1999. Россия и Германия: диалог культур. – Липецк, 2000. С. 125–132.

генералам, адмиралам и офицерам, таким, как Людвиг Бек, Карл Фридрих Гёрделер, Ялмар Шахт, Вильгельм Канарис, Ганс Остер, Франц Гальдер, Эрвин фон Вицлебен, Карл-Генрих фон Штюльпнагель, Эрих Хёпнер, барон Эрнст фон Вайцзеккер, Ульрих фон Хассель и Гельмут Гроскурт. Антибольшевистские установки разделялись и деятелями, которые вступили в ряды антигитлеровской оппозиции позднее. Это – граф Гельмут Джеймс фон Мольтке, граф Петер Йорк фон Вартенбург, Адам фон Трот цу Зольц, Хеннинг фон Тресков, барон Рудольф-Кристоф фон Герсдорф, Альбрехт Мерц фон Квирнгейм и граф Клаус фон Штауффенберг.

Исследования последних лет позволяют выявить отдельные аспекты позиции названных деятелей по отношению к России и к войне против Советского Союза. Напротив, стаются мало изученными проявления позитивных образов России, которые вытекают из случаев неподчинения отдельных военнослужащих преступным приказам. В соединениях вермахта на Восточном фронте был и «простой солдат» и молодой офицер, отказывавшиеся убивать русских женщин и детей, расстреливать советских военнопленных. Известны данные о дезертирах и перебежчиках, поступки которых были вызваны моральным протестом против военной машины нацистского режима и обстановки всеобщего конформистского послушания. Эти поступки, может быть, оказывались результатом положительного представления о России. О явлениях подобного рода мы знаем пока крайне мало, их формы и масштабы с трудом поддаются реконструкции. Ясно, однако, что эти изолированные акции не могут быть названы фрагментами коллективного Сопротивления.

Двойственность образа России в сознании противников Гитлера в период пакта Гитлера–Сталина (1939–1941 гг.)

Подписанный 23 августа 1939 г. германо-советский пакт о ненападении привел в замешательство не только «партайгенноссен» и «борцов-ветеранов» НСДАП или многочисленных дипломатов рейха в европейских столицах, но и представителей правящей германской элиты, находившейся в оппозиции к гитлеровскому режиму. Договор вызвал как одобрительные оценки, так и критику со стороны Бека, Гальдера, Канариса, Остера, Шахта и Гёрделера. В подготовку пакта о ненападении были вовлечены некоторые сотрудники внешнеполитического ведомства, негативно относившиеся к режиму. Это – германский посол в Москве граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург, его сотрудники – военный атташе генерал-лейтенант Эрнст Кёстринг, секретарь посольства Ганс-Генрих Херват фон Биттенфельд[5].

В дневнике Ульриха фон Хасселя содержится утверждение о том, что договор открывает Гитлеру путь к войне. По мнению дипломата, трудно судить, «в какой мере пакт камуфлирует намерения обоих авторитарных режимов» или сколь значительны перспективы «национализации Советов» и «большевизации национал-социализма»[6]. Хассель, считавшийся в кругах Сопротивления посредником между представителями различных темпераментов и воззрений, был убежден в том, что «выздоровевшая Германия» станет «важнейшей предпосылкой успешного отпора» большевизму[7].

В беседе с Карлом Гёрделером[8], состоявшейся 11 октября 1939 г., антибольшевизм Хасселя проявился более четко. Оба собеседника решительно отвергали политическое сотрудничество Третьего рейха с СССР. Хассель именовал договор «инди-

катором опасного душевного расстройства». Германия, как «существенно-важная часть западного мира», беспечно отдается на съедение тому самому большевизму, с которым «в далекой Испании якобы ведется борьба не на жизнь, а на смерть»[9]. Гёрделер и Хассель опасались продвижения большевизма в Германию, боялись того, что скоро «левые элементы» возьмут верх в нацистской партии. Что касается экономического потенциала СССР, то Гёрделер оценивал его не слишком высоко, считал скромными возможности помощи Германии со стороны России. Во всяком случае, оба политика, обсуждая проблему взаимодействия с Советским Союзом, пришли к выводу, что ради свержения национал-социализма «пора остановить катящийся под уклон поезд»[10].

По мнению Хасселя, именно «боязнь большевистской опасности могла бы стать базисом взаимопонимания между движением Сопротивления и западными державами»[11]. Опасения того, что дело постепенно идет к идеологической ассимиляции диктатур Берлина и Москвы, нашли также отклик в записях генерал-квартирмейстера сухопутных войск Эдуарда Вагнера. В его понимании, пакт Гитлера и Сталина представлял сближение двух единомышленников, двух тоталитарных диктаторов[12].

Выдвигалось и достаточно смутное предположение, что Гитлер восстанавливает прежнюю «историческую связь с Россией». Но суждения отдельных военных, политиков и дипломатов, рассматривавших Советский Союз в качестве желанного, признанного в мире партнера, оказались иллюзией. Некоторые противники Гитлера, в частности подполковник Гроскурт, называли сотрудничество с Москвой, основанное на новом разделе Польши, «дружбой, которая наводит ужас»[13].

Резкая критика пакта в консервативных кругах Сопротивления была связана с тем, что Москва – на основе секретных соглашений с рейхом – потребовала расширения сферы интересов, заключив в сентябре–октябре 1939 г. договоры о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой[14]. 30 ноября 1939 г. Советский Союз начал военные действия против Финляндии. Капитан 3-го ранга Франц Лидиг, служивший в германской разведке и входивший в окружение полковника Остера, в декабре 1939 г. разработал памятную записку о военной ситуации во время советско-финской «зимней войны». Лидиг считал необходимым «поставить заслон на пути большевистской опасности», открыв военные действия против «сегодняшней России – азиатски-неуклюжего, непредсказуемого и неразборчивого государственного формирования»[15]. В этих формулировках нашел прямое выражение субъективно окрашенный безотчетный страх перед «азиатской опасностью», перед «азиатским змием». Из аналогичных установок исходил Хассель в меморандуме, подготовленном в феврале 1940 г. и тайно, через Швейцарию, переданном британскому правительству. Намеками он предлагал англичанам «при определенных обстоятельствах совместно выступить против большевистской России», особенно если «развернутся дебаты о восстановлении только что завоеванной Польши»[16].

В июле 1940 г. Гитлер принял решение о нападении на Советский Союз, о войне за «жизненное пространство на Востоке»[17]. Но, как это ни удивительно, оно не стало катализатором активизации движения сопротивления нацистскому режиму и его диктатору. Хотя было очевидно, что агрессия против СССР означала открытый разрыв с международно-правовым договором и создавала ситуацию войны на два фронта. В генеральном штабе, в узком кругу посвященных в государственные секреты лиц, были подготовлены квалифицированные и подробные справочные материалы о России. В них содержались лишь отдельные предупреждения об опасностях новой

войны на Востоке, об угрозах, которые нес в себе разрыв с германско-советскими договорами от 23 августа и 28 сентября 1939 г. При этом, Москва, как и прежде, рассматривалась в качестве «надежного партнера»[18].

Советник посольства в Москве Гебхардт фон Вальтер в октябре 1940 г. направил германскому генеральному штабу тщательно подготовленный, основанный на знании реалий документ, в котором содержался военно-политический анализ возможных экономических и стратегических последствий войны против СССР. Аналогичные предостережения выдвигались ранее послом Шуленбургом и военным атташе Кёстрингом[19]. Однако их профессиональные оценки СССР как мощной в экономическом отношении державы нисколько не повлияли на пренебрежительные характеристики советского военного потенциала, свойственные для командования вермахта, сухопутных сил и люфтваффе[20].

Определенная часть противников Гитлера считали Советский Союз равноправным внешнеполитическим партнером. Летом 1940 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер пришел к выводу: «лучше поддерживать с Россией дружеские отношения», нежели начинать с ней войну[21]. И Гальдер, и главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич полагали, что «с помощью России» можно «расширить» пределы рейха на путях военных действий в Скандинавии и в других районах Северной и Западной Европы. Они надеялись на сохранение доверительного партнерства между Берлином и Москвой. Если не учитывать частичных расхождений с агрессивной политикой Гитлера, следует констатировать, что как командование германских вооруженных сил, так и участники оппозиции не выдвигали существенных возражений против нападения на СССР.

Ни Браухич, ни Гальдер, выступавшие с возражениями профессионального характера по поводу более ранних военных планов диктатора, не выражали теперь прямых сомнений. Правда, в доверительных беседах сдержанную критику выражали статс-секретарь фон Вайцзеккер, генералы Йодль, Кейтель, Варлимонт, даже Геринг и Риббентроп[22]. Такого рода сомнения объяснялись не принципиальным неприятием позиции Гитлера и не позитивным отношением к России. Доминировало желание оттянуть сроки агрессии против СССР, чтобы завершить операцию против Великобритании и избежать войны на два фронта.

Как правило, речь шла о безоговорочном одобрении борьбы против большевизма, об убеждении в военном превосходстве Германии. Нацистскому руководству и военной верхушке не нужен был объективный анализ состояния России. Сторонники такого анализа не имели никаких шансов быть выслушанными или понятыми. Почему? Объяснение, наверное, состоит в том, что, с одной стороны, Гальдер, Вайцзеккер и Канарис хорошо помнили, с каким упорством летом 1940 г. Гитлер отстаивал план нападения на СССР. С другой стороны, негативный образ России, характерный для этих кругов Сопротивления, в решающих чертах совпадал с образом, культивировавшимся нацистской пропагандой.

В ходе подготовки нападения на Советский Союз Гитлер все в большей мере придавал будущему политико-правовому конфликту черты войны на уничтожение, обосновывая ее с расистских идеологических позиций, что нашло свое выражение в содержании т. н. «преступных приказов»[23]. В рядах военной оппозиции доминировал антибольшевистский образ России, который полностью соответствовал криминальным целям Гитлера.

Показателен в этом отношении приказ, изданный в мае 1941 г. командующим 4-й танковой группой генералом Эрихом Гёпнером. В текст приказа дословно вошли

пресловутые тирады Гитлера о жестокой, безжалостной борьбе против СССР. Гёпнер объявлял войну «продолжением прежней борьбы германцев против славянства, защиты европейской культуры против московитско-азиатского потопа, от еврейского большевизма»[24]. Генерал требовал от своих подчиненных – полностью в духе Гитлера! – вести эту войну «с неслыханной жестокостью» и завершить ее, «беспощадно уничтожив врага». В приказ были включены прямые заимствования из только что изданных верховным командованием вермахта «директив о поведении войск в России». Среди постулатов данного документа: «никакой пощады сторонникам нынешней русско-большевистской системы». В духе провозглашенной нацистами «великой борьбы германцев против большевистского славянства» Гёпнер декларировал цель войны: «сохранить наш немецкий народ и наших потомков»[25].

В этом и подобных ему приказах мы видим и недооценку военной мощи СССР, и далеко идущие совпадения с лозунгами нацистской пропаганды. Виновником поражения Германии в 1918 г. объявлялся «еврейский большевизм». Все это позволяет понять, что помешало формированию широкой оппозиции против войны Гитлера на Востоке. Реалистические оценки ситуации были крайне редкими. К таковым можно отнести суждения начальника управления сухопутных войск вермахта генерала Фридриха Ольбрихта и командующего 17-й армией генерала Карла-Фридриха Штюльпнагеля. Они крайне скептически оценивали шансы на успех вермахта в борьбе с противником, обладавшим значительным потенциалом. Оба военачальника пытались дать реалистическую характеристику военных возможностей Советского Союза. Но их предостережения не были услышаны ни Гитлером, ни командованием вермахта[26].

Многие офицеры, принадлежавшие к кругам Сопротивления, считали, что предстоящая война против СССР будет войной против «правильного» врага. Их представления о России в значительной степени совпадали с официальным нацистским образом России. Гитлеру вряд ли удалось бы в таких масштабах осуществить на практике цели войны на уничтожение, добиться столь широкого распространения антибольшевистских и антисемитских представлений о России как основы преступных акций, если бы он не располагал поддержкой военной, экономической и дипломатической элиты и не заручился содействием национально-консервативных кругов Сопротивления.

Представления о России в рядах национально-консервативной оппозиции после 1941 г.

После нападения на СССР карательные отряды СД осуществляли массовые убийства еврейского и славянского населения. Отдельные деятели оппозиции участвовали в этих преступлениях, фактически существовали согласие режима и оппозиции на антибольшевистской, расистской основе, на началах подавления «еврейского большевизма». В опубликованных материалах Ульриха фон Хасселя, относящихся к 1941–1942 гг., изложена его внешнеполитическая платформа. Хотя Хассель не одобрял нападение на Советский Союз, он был уверен, что на востоке происходит «крестовый поход против большевизма». Он опасался «большевизации европейского континента», которая, по его мнению, угрожает также Великобритании и США[27]. Хассель (по мнению его биографа Грегора Шёлльгена) считал, что «противостояние

с так называемым антиевропейским большевизмом представляет борьбу за выживание христианского Запада, за сохранение его культурного и политического наследия»[28]. Поэтому необходима ликвидация большевизма – «вплоть до его корней». Хассель стремился уничтожить коммунизм в России, но – в отличие от Гитлера – сохранить российскую государственность. Его трактовка «крестового похода» решительно отрицала расистские представления о необходимости физического уничтожении народов СССР и еврейского населения Европы – представления, которые стали практикой нацистского режима.

Для некоторых молодых немецких офицеров, ставших после 22 июня 1941 г. свидетелями военных преступлений, стало очевидным прямое участие вермахта в жестоких массовых убийствах, тесное сотрудничество армии с формированиями СС и СД. Осознание этих фактов, личный опыт военнослужащих вели в ряде случаев к эволюции представлений о России после начала военных действий.

Фельдфебель медицинской службы Вилли Граф[29], участник мюнхенской студенческой антифашистской группы «Белая роза», в июле 1942 г. был направлен на Восточный фронт. Его многочисленные письма родным и друзьям позволяют проследить процесс постепенной смены мировоззрения. Вначале – неопределенное любопытство, из которого шло формирование «совсем других представлений о России». И все же многое «оставалось загадкой»[30]. Графа очаровали русские пейзажи, он вынужден был признать, что часть русских «также очень интеллигентна»[31]. Летом 1942 г. Графу «открылось многое», что было до сих пор «неизвестным или, по меньшей мере, оставалось непонятным», в том числе русская литература[32]. Его потрясли чудовищные страдания, которые приходилось выносить русскому народу. 24 сентября Граф писал, что, наконец-то, он научился «познавать и ценить» русских людей[33]. Его удивило, что «самые простые люди, крестьяне, рыбаки и ремесленники, знают Достоевского, читали его произведения – с душой, а не поверхностно. Такого я не могу сказать о Германии, потому что там чересчур мало людей, которые действительно знают Гёте»[34]. В России же писатели «действительно, популярны, их понимают».

Похожими позитивными впечатлениями о России делился и другой участник «Белой розы», Александр Шморелль, оказавшийся на Восточном фронте в качестве студента-медика и пробывший там с июля по октябрь 1942 г. Шморелль родился в сентябре 1917 г. в Оренбурге, но в 1921 г., после смерти своей русской матери, был увезен в Германию, где позднее поддерживал контакты с русскими эмигрантскими кругами[35].

Среди высших офицеров проявлялось несогласие с изданным верховным командованием вермахта преступным «приказом о комиссарах»[36]. Но это происходило не из-за позитивного образа России, но из-за понимания неэффективности приказа и его военной нецелесообразности. В середине сентября 1941 г. командующий 39-м армейским корпусом генерал Рудольф Шмидт даже обратился непосредственно к Гитлеру, стремясь добиться отмены «приказа о расстрелах политических комиссаров»[37].

Тогда же адмирал Канарис вместе с графом Мольтке и другими участниками оппозиции, проходившими службу в управлении внешней разведки верховного командования вермахта, направили генерал-фельдмаршалу Кейтелю памятную записку. В документе указывалось на то, что противоречащее международному праву обращение с советскими военнопленными вызывает серьезные возражения – как из принципиальных соображений, так и из-за неизбежных отрицательных последствий политического и военного характера»[38]. Канарис и его сотрудники подчеркивали, что «убийство безоружных или нанесение им увечий» противоречит общепринятым

в армии нормам. Но Кейтель выразил категорическое несогласие с полученным им меморандумом.

Зимой 1941–1942 гг. вермахт потерпел поражение под Москвой. Это событие, на которое наложились и личные впечатления солдат и офицеров о ситуации на оккупированных территориях СССР, стало причиной роста готовности к участию в Сопротивлении, а также формирования более дифференцированного образа России. Разгром немецких войск под Сталинградом дал новый толчок для пересмотра прежних представлений о России в кругах консервативной оппозиции[39]. Подполковник Гроскурт, занимавший пост начальника штаба армейского корпуса под Сталинградом, в августе 1942 г. писал, обращаясь к генерал-полковнику Беку: «Интересные наблюдения: недавно я допрашивал попавшего в плен командира русской дивизии и хорошо говорившую по-немецки переводчицу штаба дивизии – самую настоящую даму 22 лет. Я снова понял, как плохо мы информированы об этой стране»[40].

Несмотря на многие случаи возмущения по поводу преступлений на оккупированных территориях и варварских способов ведения войны, на Восточном фронте не возникло никаких коллективных форм Сопротивления против нацистского режима. Оппозиционные офицеры, группировавшиеся вокруг Хеннинга фон Трескова[41], неоднократно пытались привлечь на свою сторону того или иного известного военачальника, «открыть ему глаза», в том числе и на потенциал Советского Союза. Все попытки такого рода оказались тщетными. Группа Трескова так и не смогла сделать своим союзником кого-либо из крупных генералов.

Графа фон Штауффенберга, занимавшего ответственный пост в командовании сухопутных войск, потрясла практика германского господства на Востоке, масштабы злодеяний против российского населения. В октябре 1942 г. он писал, что с ужасом воспринимает «фатальный курс», которым «следует германская восточная политика». Германская оккупация сеет «ненависть, и ее результатом будет мщение, которое будет обращено даже к нашим детям»[42]. Такие и подобные им прозрения, к которым приходили офицеры и солдаты на Восточном фронте, оставались только эпизодами и не получили общего признания. Поэтому все планы прямых действий против Гитлера и его войны на уничтожение, остались без необходимой поддержки и без перспективы на успех.

Образ России в рамках возможной «восточной политики» Сопротивления и позиция Национального комитета «Свободная Германия»

Начиная с 1943 г. участники военного заговора разрабатывали конкретные планы покушения на Гитлера. В центре внимания, при этом, находились не только поиски методов осуществления акции, но и дискуссии о том, какая внешнеполитическая линия будет осуществляться в случае успеха государственного переворота. Противники Гитлера были решительно не согласны с выдвинутым союзниками в январе 1943 г. требованием безоговорочной капитуляции Германии. Для оппозиции первостепенную важность приобрел вопрос о том, можно ли сохранить национальное государство, созданное по модели Бисмарка. Необходимо было добиться ясности в решении проблемы внешнеполитического выбора страны. Летом и осенью 1943 г., после основания Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ) и Союза немецких офицеров (СНО)[43], в кругах внутригерманского Сопротивления шли дис-

куссии о том, какую позицию следует занять по отношению к этим антинацистским организациям, создание которых было инициировано Москвой, какое место могут они занять в борьбе против режима национал-социалистов.

В «кружке Крайзау»[44], лидерами которого были граф Гельмут фон Мольтке и граф Йорк фон Вартенбург, была разработана внешнеполитическая концепция, опиравшаяся на идеалистические проекты, предложенные сотрудниками МИДа, прежде всего, Адамом фон Тротт цу Зольцем[45]. Он предполагал, что в будущем будет достигнуто равновесие в отношениях между западными державами и Москвой, а Берлину в этих отношениях между Западом и Востоком будет отведена специфическая функция.

«Кружок Крайзау» отвергал восточную политику Гитлера, базировавшуюся на расистской конфронтации с Москвой. Предполагалось, что после окончания войны Россия станет равноправным партнером Германии. Однако, исходя из либеральных убеждений, участники «кружка» предельно сдержанно относились к тоталитарной коммунистической системе в СССР.

В среде национал-консервативно ориентированных оппозиционеров – представителей военной и дворянской верхушки, группировавшихся вокруг Бека, Гёрделера и фон Хасселя, доминировала стойкая антипатия и сугубо охранительная позиция по отношению к Советскому Союзу. Но СССР не рассматривался в роли некоего дьявола, вполне признавалось его значение в игре держав на европейском континенте[46]. Сторонники Бека и Гёрделера планировали убедить Россию и Запад в том, что сохранение сильной Германии соответствует их интересам в Центральной Европе. Такой позиции придерживался и Ульрих фон Хассель, который с лета 1943 г., стремясь «использовать все шансы», высказывался за необходимость взаимопонимания со Сталиным[47].

Штауффенберг и его единомышленники надеялась, при удачном исходе покушения на Гитлера, установить контакты с Москвой. Однако в роли посредника они видели не НКСГ, а участвовавших в заговоре дипломатов. Имелся в виду, прежде всего, бывший посол в Москве граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург[48], который, как предполагалось, мог установить прямой контакт со Сталиным. Трудно сказать, рассчитывали ли участники заговора установить связи с представителями НКСГ – либо в связи с приближением сроков покушения, либо в случае удачного государственного переворота. То, что социал-демократы Адольф Рейхвейн и Юлиус Лебер в конце июня 1944 г. попытались наладить связи с коммунистическим подпольем, могло означать, что шел поиск путей расширения базы будущего правительства, поиск связей с различными течениями Сопротивления. Попытки выйти на связь с берлинской организацией КПГ под руководством Зефкова и Бестлейна вовсе не означала готовности Штауффенберга, Лебера и Рейхвейна повернуться лицом к коммунизму, как это утверждал впоследствии, во время тюремного заключения, Гёрделер[49]. Скорее всего, это был первый опыт зондажа, опыт получения информации об установках коммунистов, об их позиции по отношению к планируемому государственному перевороту, об их возможной готовности поддержать эту акцию. Заговорщики стремились, наконец, узнать, располагают ли коммунисты собственной программой или же она совпадает с программой Москвы. Одновременно взвешивались возможности установления контактов с находившимся в Советском Союзе руководством НКСГ и СНО, вероятность их включении в общегерманскую оппозицию Гитлеру.

И все же дошедшие до нас свидетельства не дают однозначного ответа на вопрос о том, допускали или отрицали сторонники Мольтке и Штауффенберга саму воз-

можность сотрудничества с НКСГ и СНО. Во всяком случае, они внимательно следили за деятельностью указанных организаций. Все же в кругах национально-консервативной оппозиции этому направлению антинацистской борьбы уделялось недостаточно внимания, поскольку считалось, что фронтовая пропаганда НКСГ малоэффективна. К тому же в 1943–1944 гг. в рядах антибольшевистски настроенной внутригерманской оппозиции НКСГ характеризовался как «Сопротивление за колючей проволокой», как группа, действующая исключительно по милости Москвы. Лозунги Национального комитета «Свободная Германия», сводящиеся к прекращению боевых действий на Восточном фронте, вызывали негативную реакцию Штауффенберга. По его мнению, именно продолжение войны на Востоке могло стать козырной картой во внешнеполитической игре. И все-таки можно допустить, что среди участников заговора существовало намерение установить связи с НКСГ и СНО[50]. По крайней мере, это вытекает из установки на ведение политических переговоров как с Западом, так и с Востоком, чтобы закончить военные действия на обоих фронтах. Для планируемых переговоров с великой державой – Советским Союзом – нацистский образ России как инкарнации «еврейского большевизма» оказывался абсолютно неприемлемым.

Подводя итоги, следует сказать, что многие противники Гитлера до и во время войны не смогли освободиться от воинствующего антибольшевизма, который с начала 30-х гг. культивировался нацистской пропагандой. Впрочем, сама сталинская диктатура с ее показательными судебными процессами предвоенного периода способствовала разжиганию антибольшевистской фобии в широких слоях немецкого населения. Нельзя недооценивать серьезного влияния, которое многолетняя пропаганда образа врага оказала на движение Сопротивления, в особенности на его внешнеполитические проекты, как и на образ России.

Долговременное воздействие образа России как образа врага приводило к тому, что различные организации Сопротивления испытывали значительные трудности в формировании непредвзятой позиции по отношению к Советскому Союзу. В особенности это относится к периоду после 1943 г., когда на первый план вышла разработка планов государственного переворота и (в случае его удачи) возможной программы всестороннего внешнеполитического зондирования.

Характерно, что в последние недели перед днем покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. ведущие деятели оппозиции пришли к выводу о настоятельной необходимости равноправных переговоров о мире с западными державами и с СССР – без политических предубеждений по отношению к Москве, к Лондону и Вашингтону[51]. Это касается, прежде всего, графа Петера Йорка фон Вартенбурга, Адольфа Рейхвейна, Адама фон Тротт цу Зольца и Юлиуса Лебера.

Перевод с немецкого Александра Борозняка

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Volkmann H.-E.* (Hg.). Das Rußlandbild im Dritten Reich. Köln, 1994; *Richter H.-E.* (Hg.). Russen und Deutsche. Alte Feindbilder werden neue Hoffnungen. Hamburg, 1990; *Bienert W.* Russen und Deutsche. Was für Menschen sind das? Berichte, Bilder und Folgerungen aus dem Zweiten Weltkrieg. – Stein a. Rh.,

1990; *Pietrow-Ennker B.* Das Feindbild im Wandel. Die Sowjetunion in den nationalsozialistischen Wochenschauen 1935–1941 // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1990. H. 6. S. 337–385.

[2] Об оппозиции осени 1938 г. см.: Schmadeke J., Steinbach P. (Hg.). Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler. München, 1986; *Ueberschär G.* Für ein anderes Deutschland. Der deutsche Widerstand gegen den NS-Staat 1933–1945. – Darmstadt, 2004.

[3] *Ueberschär G.* Von der Einzeltat des 20. Juli 1944 zur «Volksopposition»? Stationen und Weg der westdeutschen Historiographie nach 1945 // Ueberschär G. (Hg.). Der 20. Juli 1944. Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime. – Köln, 1994. S. 101, 125.

[4] Об образе России в нацистской пропаганде см.: *Wette W.* Das Rußlandbild in der NS-Propaganda. Ein Problemaumriß // *Volkmann H.-E.* (Hg.). Das Rußlandbild im Dritten Reich. S. 55–78.

[5] *Herwarth H. von.* Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. – Frankfurt a. M., 1982. S. 159.

[6] *Hassell U. von.* Die Hassell-Tagebucher 1938–1944. Aufzeichnungen vom andern Deutschland. – Berlin, 1988. S. 113. Ульрих фон Хассель находился (до своей отставки в 1937 г.) на дипломатической службе в Италии, Испании, Дании, Югославии. После неудавшегося покушения на Гитлера в июле 1944 г. приговорен к смерти, казнен в тюрьме Плётцензее.

[7] Цит. по: *Schollgen G.* Ulrich von Hassell. 1881–1944. Ein Konservativer in Opposition. – Munchen, 1990. S. 65.

[8] Юрист и бывший обербургомистр Лейпцига Карл Гёрделер (1884–1945), представлявший национально-консервативное крыло заговора, должен был занять должность (в случае удачи заговорщиков) канцлера. Был арестован, приговорен к смерти и казнен.

[9] *Hassell U.* von. Op. cit. S. 125, 126.

[10] Ibid. S. 126.

[11] *Schöllgen G.* Op. cit. S. 179.

[12] *Wagner E.* (Hg.). Der Generalquartiermeister. Briefe und Tagebuchaufzeichnungen des Generalquartiermeisters des Heeres General der Artillerie Eduard Wagner. München, 1963.

[13] *Groscurth H.* Tagebücher eines Abwehroffiziers 1938–1940. Mit weiteren Dokumenten zur Militäropposition gegen Hitler. – Stuttgart, 1970. S. 202. До 1940 г. Гроскурт был офицером связи разведслужбы при генеральном штабе сухопутных войск. С 1942 г. начальник штаба XI корпуса, в 1943 г. умер от тифа в советском плену.

[14] Двусторонние договоры о взаимопомощи были заключены с Эстонией 28 сентября, с Латвией 5 октября, с Литвой 10 октября 1939 г. (*Прим. перев.*).

[15] *Groscurth H.* Op. cit. S. 513, 514.

[16] *Schöllgen G.* Op. cit. S. 120.

[17] 22 июля 1940 г. начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер получил указание Гитлера и главнокомандующего сухопутными войсками фон Браухича о разработке плана вторжения в Советский Союз. (*Прим. перев.*)

[18] *Ueberschar G.* Hitlers Entschluß zum «Lebensraum»-Krieg im Osten. Programmatisches Ziel oder militarstrategisches Kalkül? // *Ueberschär G., Wette W.* (Hg.). Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. «Unternehmen Barbarossa» 1941. – Frankfurt a. M., 1991. S. 34 и след.

[19] *Gibbons R.* Opposition gegen «Barbarossa» im Herbst 1940. Eine Denkschrift aus der deutschen Botschaft in Moskau (Dokumentation) // Vierteljahrshefte fur Zeitgeschichte. 1975. H. 2. S. 3332–340.

[20] Ср.: *Herwarth H. von.* Op. cit. S. 211.

[21] Generaloberst Halder. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942. Bd. 2. – Stuttgart, 1963. S. 46.

[22] *Ueberschär G.* Hitlers Entschluß zum «Lebensraum»-Krieg im Osten. S. 36; *Forster J.* Zum Rußlandbild der Militärs 1941–1945 // Volkmann H.-E. (Hg.). Das Rußlandbild im Dritten Reich. S. 141–163; *Michalka W.* Rußlandbilder des Auswärtigen Amts und deutscher Diplomaten // Ibid. S. 79–103.

[23] Ср.: *Ueberschär G.* Hitlers Entschluß zum «Lebensraum»-Krieg im Osten. S. 40ff; *Ueberschär G.* Die militärische Planung für den Angriff auf die Sowjetunion // *Ueberschär G.*, *Bezymenskij L.* (Hg.). Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941. Die Kontroverse um die Präventivkriegsthese. – Darmstadt, 1998. S. 21ff. Обзор литературы по данной проблематике: *Müller R.-D., Ueberschär G.* Hitlers Krieg im Osten 1941–1945. Ein Forschungsbericht. – Darmstadt, 2000. См. также: *Heer H.*, *Naumann K.* (Hg.).

Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944. – Hamburg, 1995; Hamburger Institun für Sozialforschung (Hg.). Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. – Hamburg, 2002.

[24] *Ueberschär G.* Ansätze und Hindernisse der Militäropposition gegen Hitler in den ersten beiden Kriegsjahren (1939–1941) // Der militarische Widerstand gegen Hitler und das NS-Regime 1933–1945. – Herford, 1984. S. 81–109, hier S.98 mit Amn. 108.

[25] Bundesarchiv/Militärarchiv Freiburg. RH 21–4/16.

[26] Ср.: *Wollstein G.* Friedrich Olbricht // 20. Juli. Portraits des Widerstands. – Düsseldorf, 1984. S. 207ff; *Georgi F.* «Wir haben das Letzte gewagt…». General Olbricht und die Verschwörung gegen Hitler. Der Bericht eines Mitverschworenen. – Freiburg, 1990; *Bücheler H.* Carl-Heinrich von Stulpnagel. Soldat, Philosoph, Verschwörer. Biographie. – Berlin – Frankfurt a. M., 1989.

[27] *Schöllgen G.* Op. cit. S. 130ff.

[28] Ibid. S. 140.

[29] Студент медицинского факультета Мюнхенского университета Вилли Граф (1918–1943) совместно с однокурсниками Хансом Шоллем и Александром Шмореллем в июле 1942 г. был направлен на Восточный фронт. Он восхищался Россией, ее жителями, ее культурой и, одновременно, приходил в ужас от бессмысленных жертв войны. После возвращения из России в ноябре 1942 г. Граф и его друзья активизировали антинацистскую деятельность, были арестованы, приговорены к смерти и казнены. Подробнее см.: *Garbe D.* Weiße Rose // *Benz W.*, *Pehle W.* (Hg.). Lexikon des deutschen Widerstands. – Frankfurt a. M., 1994. S. 316–321; *Bald D.* Die «Weiße Rose». Von der Front in den Widerstand. – Berlin, 2003; «Wider die Kriegsmaschinerie». Kriegserfahrungen und Motive des Widerstandes der «Weissen Rose». – Essen, 2005.

[30] *Graf W.* Briefe und Aufzeichnungen. – Frankfurt a. M., 1988. S. 127f. (29. Juni 1941).

[31] Ibid. S. 134. (14. XI.1941).

[32] Ibid. S. 167. (29. VIII.1942).

[33] Ibid. S. 169. (24. IX.1942).

[34] Ibid. S. 170. (24. IX.1942).

[35] Bundesarchiv Zwischenarchiv Hoppegarten, NJ 1704 und Gedenkstäette Deutscher Widerstand, Sammlung ‘Weisse Rose’: Ermittlungsergebnisse der Gestapo München und Vemehmungsprotokolle Alexander Schmorells vom 25. Februar und 11. März 1943. О Шморелле см. также: *Храмов И.* Русская душа «Белой розы». – Оренбург, 2001; См. также: *Александр Шморель*. Протоколы допросов в гестапо. Февраль–март 1943 г. – Оренбург, 2005.

[36] Приказ, подписанный генералом Варлимонтом 6 июня 1941 г. (за 16 дней до начала войны!), требовал физического уничтожения без суда и следствия политработников Красной Армии. (*Прим. перев.*).

[37] Ср.: *Ueberschär G.*, *Wette W.* (Hg.). Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. «Unternehmen Barbarossa» 1941. S. 340f.

[38] Ibid. S. 301f.

[39] *Wette W., Ueberschär G.* (Hg.). Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. – Frankfurt a. M., 1992.

[40] *Groscurth H.* Op. cit. S. 547.

[41] Хеннинг фон Тресков (1901–1944) – генерал-майор, участник неудачной попытки покушения на Гитлера в Смоленске в марте 1943 г. Узнав, что заговор 20 июля 1944 г. закончился неудачей, покончил жизнь самоубийством. (*Прим. перев.*).

[42] Цит. по: *Zeller E.* Geist der Freiheit. Der zwanzigste Juli. – Munchen, 1963. S. 246.

[43] Национальный комитет «Свободная Германия» основан в Красногорске 12–13 июля 1943 г. Союз немецких офицеров – основан там же 11–12 сентября 1943 г. См. об этом: За Германию – против Гитлера! Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. – М., 1993; *Ueberschär G.* (Hg.). Das Nationalkomitee «Freies Deutschland» und der Bund Deutscher Offiziere. – Frankfurt a. M., 1995.

[44] «Крайзауэр крайз» получил название от имения графа фон Мольтке в Нижней Силезии (ныне территория Польши). Впервые упомянут в связи с неудачным покушением на Гитлера в предназначенных для Бормана «докладах Кальтенбруннера».

[45] Ср.: *Malone H.* Adam von Trott zu Solz. Werdegang eines Verschworers 1909–1938. – Berlin, 1986.

[46] *Schöllgen G.* Op. cit. S. 131; см. также Die Hassell-Tagebücher. 15.VIII.1943.

[47] *Hassel U. von.* Op. cit. S. 382.

[48] О Шуленбурге см.: *Fleischhauer I.* Diplomatischer Widerstand gegen «Unternehmen Barbarossa». Die Friedensbemühungen der Deutschen Botschaft Moskau 1939–1941. – Berlin – Frankfurt a. M., 1991; Idem. Der Widerstand gegen den Rußlandfeldzug. Berlin, 1987 (Beiträge zum Widerstand 1933–1945. H. 31).

[49] О меморандуме Гёрделера «Наши идеи» см.: *Ritter G.* Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. – Stuttgart, 1984. S. 440f.

[50] *Ueberschär G.* Das NKFD und der BDO im Kampf gegen Hitler 1933–1945 // *Ueberschär G.* (Hg.). Das Nationalkomitee «Freies Deutschland» und der Bund Deutscher Offiziere. S. 40ff.

[51] *Ritter G.* Op. cit. S. 388.

2. КОНЦЕПЦИИ ПРОПАГАНДЫ

Петер Ян

«НЕЧИСТЬ ЦАРЕЙ, НЕЧИСТЬ ВАРВАРОВ». Русская оккупация Восточной Пруссии 1914 г. в восприятии немецкой общественности

Наряду с огромными материальными потерями и революционными общественными переломами, которые принесла Европе Первая мировая война, к решающим ментальным и идеологическим изменениям относится трансформация взаимного восприятия обществ-противников. Одним из наиболее показательных примеров является немецкая рецепция «России». Распространенные до 1914 г. в кругах немецкой публики образы и стереотипы восточного соседа оставались частью традиционных представлений о других народах, сформированных в первой половине XIX в. – в период складывания единой гражданской общности в государствах пока еще раздробленной Германии. На протяжении XIX столетия в высказываниях о форме господства в России и русском «народном характере» сохранялась преемственность основных образов. С другой стороны, под впечатлением от политических событий (польских восстаний, революции 1848–49 гг., Крымской войны, дипломатической поддержки Россией образования Германской империи или сближения в 1880-х гг. с Францией – «наследственным врагом» Германии) появились новые акценты, были заострены или ослаблены отдельные оценочные характеристики.

Радикальный поворот произошел с началом войны в 1914 г. Не только масштаб вовлеченных в борьбу общественных и промышленных ресурсов, но и идеологическая и ментальная мобилизация, использованная для сохранения готовности к чрезвычайным материальным усилиям и лишениям, не знали себе примеров в истории. При исследовании немецких представлений о России необходимо задаться вопросом, какие события и опыт повлияли на их формирование и трансформацию в годы войны, какие традиционные элементы отошли на задний план или, напротив, были усилены и претерпели радикализацию, какие новые черты закрепились после окончания военных действий.

В ходе Первой мировой войны представления о России приобрели новое качество уже потому, что, вследствие массовой мобилизации военнообязанных, впервые значительное число немцев столкнулись с восточным соседом не только в рамках опосредованных образовательными учреждениями и средствами информации шифров. Сложившиеся еще до войны представления они смогли сопоставить с собственным видением ситуации глазами оккупационной армии.

Этот конкретный опыт «России» придал характеристикам восточных соседей аутентичность и, тем самым, способствовал их усилению. Невозможно даже приблизительно сказать, сколько немцев до 1914 г. увидели Россию собственными глазами. Скорее всего, это число не превышало нескольких десятков тысяч. Принимая во внимание, что большая часть немецких солдат была задействована на Западном

«Восточно-прусские беженцы». Почтовая открытка организации помощи Восточной Пруссии.

фронте, тем не менее нужно учитывать, что около миллиона немцев, сражавшихся на Восточном фронте, могли сослаться на личные переживания, связанные с Россией. Именно они придали дополнительный вес обобщающим суждениям.

На изменение и степень интенсивности представлений немцев о России повлияли четыре комплекса событий Первой мировой войны. Во-первых, это военные действия, с 1915 г. переместившиеся на территорию Российской Империи: первоначально в Польшу, затем в прибалтийские и белорусские провинции, а с конца 1917 г. в украинские и русские области вплоть до Черного моря и Кавказа. Даже если учитывать факт, что длительное время для значительного числа солдат сражения и оккупация имели место совсем не в России, тем не менее окружающее население и его культура – возможно, за исключением польских областей – без попытки дифференциации воспринимались ими как «русские» или, в более широком значении, как «восточные» или «славянские». Как показали недавние исследования Г. Лиулевициуса, конфронтация оккупационных властей, планировавших масштабную аннексию, с господствующей сельской культурой занятых территорий наложила существенный отпечаток на немецкие представления о России на несколько десятилетий вперед[1].

Меньшая по численности группа немцев сформировала свои представления о России в рамках предельно болезненного опыта русского плена и интернирования. На данные переживания повлиял настоящий произвол со стороны местных представителей власти. В условиях прогрессирующего развала инфраструктуры приобретенный опыт неразрывно связывался с недостатком обеспечения, а также с распадом государственного порядка в ходе революций и Гражданской войны. По сравнению с численностью армий, задействованных на Восточном фронте, количество военнопленных может показаться незначительным, однако, в немецком общественном соз-

нании рассказы вернувшихся из плена заняли прочное место. «Уведенный заложником в Сибирь», «Сбежавший от империи кнута» или «Наверх из ада» – вот лишь несколько нацеленных на эмоции читателей названий книг и брошюр, выходивших крупными тиражами уже во время войны[2].

После войны, особенно с середины 1920-х и вплоть до 1930-х гг., данная тема находила свое отражение в многочисленных воспоминаниях и романах. Огромную популярность приобрела книга Э.Э. Двингера «Армия за колючей проволокой», впервые опубликованная в 1929 г., а также его литературная переработка переживаний Гражданской войны («Между красным и белым») и боевой кампании Фрайкора в Прибалтике («Последние всадники»)[3]. Часто подчеркиваемая в этих представлениях связь опыта военного плена с революционными событиями, которая в глазах общественности уже во время войны превращала вернувшихся военнопленных в аутентичных свидетелей происходящего в России[4], относится к третьему крупному комплексу событий, наложившему отпечаток на образ России после Первой мировой войны.

Выдающееся место, которое русские революции заняли в экстремально поляризованных послевоенных характеристиках России, может быть лишь частично объяснено на основании самих событий. После революции 1905 г. произошедшее в феврале 1917 г. не стало полной неожиданностью и было критически воспринято как крах гражданского порядка и хаос. При этом, приход к власти большевиков в октябре 1917 г. первоначально рассматривался, скорее, как продолжение предыдущих переворотов, и до ноября 1918 г. в адрес нового русского правительства раздавалась лишь осторожная критика, тем более что оно оказалось готово к заключению мира на немецких условиях. Только шок революции в Германии придал господству большевиков новое значение и радикализовал его рецепцию. Характеристика Ноябрьской революции как «большевистской» обусловила перенесение ужасов русской Гражданской войны на перспективы событий у себя дома. Упорное и масштабное проецирование революционных предпосылок на Советскую Россию привело в конце войны к недооценке собственного внутреннего положения и осуждению представителей нового порядка как людей, воспользовавшихся обстоятельствами, и даже как агентов русской революции[5].

Между тем в самом начале войны произошло событие, которое, еще до вышеназванных, повлияло на господствующий в немецкой общественности образ России – русское вторжение в Восточную Пруссию и его успешное отражение.

В масштабе массовой мобилизации и массового уничтожения Первой мировой войны эти столкновения были, по сути, лишь эпизодом: в середине августа 1914 г. две русские армии вторглись в Восточную Пруссию и оккупировали часть провинции. Крупная битва 23–31 августа на юго-востоке от г. Нейденбург закончилась окружением и уничтожением одной из них. После перевода немецким Верховным командованием подкрепления с Западного фронта на Мазурских озерах была разбита и вторая русская армия (8–15 сентября), которая из-за значительных потерь была вынуждена оставить Восточную Пруссию[6]. За исключением краткой русской оккупации небольшой территории на востоке провинции в ноябре 1914 – феврале 1915 г. это были единственные заслуживающие упоминания военные действия на немецкой территории в ходе Первой мировой войны. Непосредственную тяжесть сражений вынуждены были нести на себе жители Бельгии, Франции, Сербии и Российской Империи.

Титульная страница книги 1918 г. Рисунок Курта Либиха.

Для немецкого военного планирования победа на востоке – к тому же в этот момент совершенно неожиданная – не имела большого значения. В 1914 г. основные силы стремились достичь решающего прорыва и возможной победы на западе против Франции и Британии, надолго увязнув в битве на Марне. Тем самым, уже к началу войны была предопределена главная диспозиция последующих лет. Многочисленные победы Центральных держав на Востоке приносили огромные территориальные приращения и, в конце концов, вылились в Брест-литовский сепаратный мир, в результате которого Российская Империя была разделена на части. Однако эти военные успехи ни на одном из этапов войны не определили ее решающего исхода. Для ведения войны, в которой определяющими факторами были массовая мобилизация и промышленная мощь, против объединенных потенциалов Англии, Франции и, позже, США, немецких сил не могло хватить надолго. С 1917 г. поражение стало неизбежным.

Без сомнения, в 1914 г. население Восточной Пруссии пострадало от военных действий и русской оккупации. Среди гражданских лиц были немногочисленные погибшие, был нанесен ущерб зданиям и другой собственности, часто встречались сообщения о мародерстве. Женщины подверглись насилию, в некоторых случаях по подозрению в участии в военных действиях мужчины были объявлены заложниками и приговорены к расстрелу, несколько тысяч мирных жителей во время второй оккупации были интернированы и депортированы в Россию. К этому добавилось значительное число беженцев из зоны боевых действий, которые нуждались в пристанище и обеспечении.

Все же необходимо оговориться, что в ходе Первой мировой войны гражданское население еще пользовалось широкой защитой от военных действий и злоупотреблений.

Фотоиллюстрация из книги «Тильзит при русском господстве», 1915 г.

Хотя установления международного права в Восточной Пруссии в 1914 г. в отдельных случаях нарушались, но даже итоговая публикация Имперского архива, созданная под влиянием ценностных представлений периода империи и подробно перечислившая злоупотребления, признала за руководством русской армии заботу о дисциплине и строгое пресечение произвола[7]. Террор, от которого пострадало население Восточной Пруссии, имел свою специфику – его главной чертой стали выходки солдат-мародеров. Тем не менее это отсутствие дисциплины повлекло за собой меньшие жертвы, чем дисциплинированное насилие в ходе немецкой оккупации в Бельгии[8].

Определенно, в сравнении с другими ужасами Первой мировой войны, вышеописанные события в Восточной Пруссии не имели решающего значения. Однако они нашли чрезмерно бурный отклик в немецкой общественности. Причем, данная реакция не ограничивалась временными рамками оккупации и периодом непосредственно после нее, когда многочисленные газеты и журналы словом и образом взывали к страданиям провинции. В последующие годы войны тема не сходила со страниц произведений различных жанров: иллюстрированных сборников воспоминаний, представлявших мучения отдельных местечек[9]; брошюр, вписывавших события в политический контекст; юношеской литературы, перерабатывавшей случившееся в воспитательных целях и стремившейся вызвать сострадание к немецким жертвам у девочек и энергичный настрой против врага у юношей[10]. Широкий отклик тема нашла и в беллетристике: как в стихах, так и в прозаических произведениях, издававшихся массовыми тиражами вплоть до 1930-х гг. Даже в рамках кино – совершенно нового медиума – в годы войны данный мотив нашел свое отражение в форме художественного фильма[11].

Несоразмерность реакции немецкой общественности выражалась, скорее, в количестве, чем в качестве репрезентации. Абсолютно независимо от жанра, описания, как правило, были сверхэмоциональны:

> […] и полуазиатские орды России заполонили цветущие немецкие поля. Они бесчинствовали хуже диких зверей. Целые деревни и города были охвачены огнем; по бегущему

«Средство борьбы с насекомыми Гинденбурга». Почтовая открытка 1914 г. Рисунок И.В. Сакса.

> населению выпускались ружейные залпы; старики, женщины и дети были замучены азиатской грубостью до смерти… Это была культура, которую банды поджигателей и убийц мирного царя несли Западу; изуродованные тела, дымящиеся руины и развалины отмечали их путь[12].

Примечательно, что свидетельства непосредственных участников, например, восточно-прусских деревенских пасторов, отражали события более трезво и избирательно, чем рассказы авторов, получивших информацию из вторых рук[13]. Краткая схватка на второстепенном участке войны была стилизована в апокалипсическом духе как решающая борьба между двумя мирами, напоминающая о пророчествах из «Откровений Иоанна». Только так победа могла стать божественным творением: «Кровь невинно убиенных и стенания опозоренных женщин в Восточной Пруссии взывали к небу. Святой и справедливый в вечных высях услышал и послал мстителя – нашего Гинденбурга. Вовремя»[14]. Этот теологический образ испытания и спасения наложил отпечаток даже на представления, которые отражали лишь секулярное измерение события.

Неразрывная связь несчастья и триумфа, без сомнения, способствовала тому, что данный эпизод занял столь значительное место в сознании немецкой общественности. Русская оккупация Восточной Пруссии стала необходимым предварением мифа Гинденбурга, которому приписывались продолжение прусской традиции военных успехов, патриархальный авторитет и способность возвыситься над конфликтами, разделившими нацию. Этот миф имел центральное значение для идеологической

интеграции немецкого общества. Именно в опоре на эту интеграционную силу «эрзацкайзера» страна, ожидавшая краткой борьбы как очищающей грозы, могла приносить жертвы на алтарь затянувшейся войны. Бои в Восточной Пруссии превратились в замену несостоявшейся решающей победы на Западе; их можно было вновь и вновь представлять как исторические знамения. Победа «при Танненберге» – так теперь, по идеологическим мотивам, звучало название победоносной битвы в области между Нейденбургом и Ортельсбургом – была исходным пунктом мифа Гинденбурга, который приобрел необходимый вес, т. к. смог предотвратить соответствующего масштаба ужас.

Рекомендованное Людендорфом название битвы указывает на другой момент идеологического характера, придавший значение нынешним боям в сознании общественности. В 1410 г. под Танненбергом польский король Владислав II разбил армию Немецкого ордена. В течение XIX в. противостояние феодальных властителей, объединивших под своими знаменами многонациональные вассальные армии, все больше интерпретировалось как противостояние между германо-немецкой и польско-славянской доминантами. Поэтому победа 1914 г. стала пропагандироваться как исторический реванш над славянским господством России[15]. С «немецким» («германским»), с одной стороны, и «русским» («славянским») – с другой, в общественном сознании ассоциировались элементарные общественные противопоставления, которые были вынесены на арену борьбы наряду с материально-политическими вопросами. В чем же немецкое общество ощущало «русскую» угрозу?

Рихард Сковроннек открыл свой роман «Заря», одну из успешнейших беллетристических обработок темы русской оккупации, следующей характеристикой врага:

> Для восточной марки, вынесшей тяжкие испытания, после короткой передышки снова наступили мрачные времена. Две битвы генерал-полковник Гинденбург выиграл на восточно-прусской земле. […] Но полчища русских похожи на стаи пасюков, которые во времена особых трудностей выбирались из нор сибирской тундры объедать населенную землю. Можно было убить сотни тысяч, но вновь целые стаи вытекают коричневой кишащей массой из кипящих степей[16].

Карл Хауптман также начинает свою «Военную песнь» строками:

> На изголодавшихся ходячих скелетах
> Маленьких, высохших, истерзанных в ненависти монгольских лошадей
> Он напирает и кличет проклятья и беду
> В наше цветущее Отечество.
> Холодной похотью сверкают глаза,
> И дико ударил кнут
> В ужасно костлявой руке…[17]

Подобные образы, даже если здесь они были особенно заострены, ни в коей мере не ограничивались областью эпической и лирической фантазии. Как и в других текстах, они наслаивались и скрывали от сознания борьбу за гегемонию среди европейских великих держав. Дихотомия «немцы» – «русские» преимущественно выглядела как экзистенциальное противоречие между культурой и варварством, между «Европой» как носителем исторического прогресса человечества и «Азией» как местом

Заглавная виньетка к 16 главе «Восточно-прусских хроник» Г. Брауна, 1918 г. Рисунок Курта Либиха.

безысторийной стагнации. Это ясно иллюстрируется характеристиками русских как «казаков», «татар», «скифов», «монголов», «башкир» и т. д., приписыванием им происхождения из степей или Сибири, метафорическим именованием крысами и вшами, которые подлежат уничтожению. Характерно, что в этих образах не отражена разница между индустриальным и крестьянским обществом, но собственный порядок предстает как сельская идиллия, которой угрожают всеразрушающие номады.

Вновь и вновь воскрешаемые в памяти грабежи, поджоги, изнасилования и убийства выглядят здесь как выражение русской сути, как результат антицивилизационной мании разрушения, которая вместе с грязью, алкоголизмом и отсутствием дисциплины определяет русский народный характер.

Подобные заключения соответствовали не только аффективным представлениям прессы и бульварной литературы, но и подтверждались авторитетом науки. Так, историк Альберт Бракманн в «Восточно-прусских военных тетрадях» приходит к заключению:

> Хотя русская армия составлена из различных народов, определяющим элементом в ней все же является сам русский, сущность которого, в большей или меньшей степени, наложила глубокий отпечаток на армию в целом. Несмотря на то, что все знатоки русской народности восхваляют ее за благожелательность и интеллигентность, они порицают ее за полное отсутствие энергии и самодисциплины. Возможно, в этом и кроется сильнейшее различие между русским и немцем: первому недостает самодисциплинирования, которое для второго стало само собой разумеющимся благодаря мировоззрению и военному воспитанию. Русского отличает видимая податливость и мягкость, а также распущенность, скрываемая под гордым названием «широкая натура», или, как бы мы сказали яснее, великодушие, но в действительности это «великодушие» ведет к полному отсутствию дисциплины в жизни отдельного человека и в жизни государства[18].

Отсюда в той же статье 1915 г. Бракманн делает вывод:

> Узнать русских лучше всего можно, когда они находятся под воздействием внешних возбудителей, например, алкоголя. Тогда к отсутствию дисциплины добавляется внутренняя несдержанность: жалобы с плачем и сострадание к самому себе сменяются бешеной манией разрушения. Именно так проявляют они себя в нынешней войне. Беспримерная в мировой истории масса военнопленных находит свое объяснение значительной частью в той самой несдержанности русских солдат, которые при отступлении мгновенно теряли голову. И что есть бесчинства в нашей провинции, как не признак этой мании к разрушению, которая нам встречается и среди пьяных русских (как ее непревзойденно представили русские писатели) в качестве особого признака их несдержанности. Нам вовсе не нужно искать других причин. Среднестатистический русский солдат в качестве врага не может вести себя иначе, чем он вел себя у нас. […] К сожалению, поведение русских в Восточной Пруссии было «истинно русским».

Как «азиатские» черты русской сути, подобные качества не подчинялись историческому развитию. Русские армии 1914 г. безосновательно приравнивались к татарам XVII в., ибо «… человечность этих азиатских орд прошла столь малую часть по пути прогресса, что повторялись те же самые сцены»[19].

В Первую мировую войну наполненные ненавистью образы врага стали отличительной чертой не только немецких представлений о русском варварстве. Например, отсекающие руки и расстреливающие медсестер немецкие «гунны» превратились в важную составляющую британской военной пропаганды. Во всех воюющих обществах высвобождение коллективных страхов уничтожения и связанных с насилием фантазий в целях массовой мобилизации приобрело опасную динамику. И эта динамика, даже там, где она была инсценирована по замыслу властей, например, в Великобритании, оказывала обратное влияние на политический расчет[20].

Все же при сравнении различных образов врага в Германии становится ясно, что данные приписывания не были произвольными. Каждый враг получил свое специфическое значение и вес, связанные с действующими традициями и удовлетворявшие специфические потребности защиты. Так, в традиции освободительных войн и войны 1870–71 гг. борьба против Франции представлялась как отпор изнеженной и декадентской цивилизации, в том числе и в особенности ее феминизированной мужественности. При этом, французскому хитрованству противопоставлялась германская прямота[21]. «Народ торговцев» (англичане) рисовался воплощением вампирского капитализма, чью враждебную жизни сущность символизировали образы скелетов, пауков или спрутов. Сильная ненависть в отношении Англии, муссировавшаяся после начала войны («Боже, покарай Англию!»), только частично основывалась на возрождении старых образов врага. Скорее, здесь проявилось разочарование, превратившееся в ненависть, когда стало ясно, что союз «германских» народов существовал лишь в мечтах самих немцев[22].

Нецелесообразно было бы рассматривать немецкие образы врага в период войны как константы и выстраивать их совокупно в некую иерархию. Интенсивность общественного противостояния не являлась простым соответствием реальному весу определенного противника в военной ситуации. Здесь играли свою роль индивидуальные или групповые предпочтения; в ходе военных событий имели место краткосрочные конъюнктуры образов отдельных групп противника, и с выходом России из войны ее облик отступил на задний план до конца конфликта. Все же особую роль оборона против России, по-видимому, играла именно в начале войны.

Произошло наложение нескольких моментов. Вторжение русских войск на немецкую территорию рассматривалось как опасность, обладавшая смысловым качеством реального опыта. В сравнении с ним угроза со стороны западных противников могла быть описана лишь как возможность или непрямое следствие – например, английской морской блокады. Противопоставление немецкой «культуры» и западноевропейской «цивилизации» пытались использовать для обоснования кардинального разрыва с Западом, а «идеи 1914 г.» должны были проложить особый немецкий путь[23]. Однако подобные конструкции, в большинстве своем, все же подразумевали наличие исторической общности. Они требовали провести различия между выродившейся в «цивилизацию» западноевропейской культурой и истинной, наполненной жизнью культурой немецкой. Так, к примеру, стандартные обвинения в адрес западных держав обращались к факту использования ими в борьбе за свою цивилизацию неполноценных рас – цветных солдат, а также русских варваров[24]. Тем самым, западная претензия на цивилизацию обозначалась как ложная, но, при этом, неявно формулировался общий масштаб ценностей в отношении русских и цветных. Противоположность между немецкой культурой и азиатским варварством, напротив, выглядела элементарной. Война как защита западной культуры, которая достигла своих исторических высот в немецком развитии, позволяла легче легитимировать борьбу против России, чем против Великобритании и Франции.

Возможно, еще большее значение для распространенности образа русских в качестве врага имело возникновение основных черт такого образа в период революции 1848 г. и тесная связь с образованием гражданского общества в Германии. Отдельные элементы этого образа имеют еще более глубокие корни, но только в первой половине XIX века они сложились в целостную картину, которая играла важную роль в самопонимании гражданского общества. Царская деспотия и захватнические намерения, русское варварство и жестокость, алчность, легкомыслие, подкупность, пьянство и грязь уже в это время укоренились в сознании гражданской общественности как четкие сущностные черты, объединявшиеся в шифр «азиатский». В контрасте с названными азиатско-русскими качествами гражданские ценности и нормы – цивилизация, господство права и конституции, гуманность, прилежание, рациональность, трезвость и чистота – могли быть определены как «немецкие»[25].

К тому времени идеологическое противостояние с Россией как господствующей державой монархической Европы являлось для немецкой общественности отражением реальной ситуации, так как абсолютистские немецкие государства получили поддержку царского правительства в борьбе против либеральных конституционных реформ. Кроме того, в дореволюционный период перед лицом мощных государственных репрессий против либеральных и демократических устремлений критика русской ситуации стала подходящим средством, чтобы в обход цензуры распространять ее на собственный господствующий режим. Если учитывать высокий уровень эмоционального накала в отрицании всего русского, становится ясным, что эта враждебность не исчерпывалась лишь политическим противостоянием. Борьба велась не только с «деспотическим» принципом в России, но и с более всеохватным «чувственно-деспотическим принципом»[26]. Качества, которые противоречили гражданскому каталогу ценностей, вытеснялись из образа собственного общества как «ненемецкие» или «антинемецкие»[27] и проецировались на все еще феодальное аграрное общество в России. Там они могли рассматриваться и критиковаться как угроза.

Острейшего обострения эта оппозиция достигла в мартовские дни 1848 г., когда повсеместно ожидалась и даже приветствовалась война революционной Германии против России.

> Вы еще помните казаков с их маленькими конными повозками и высокими седлами? Везде, где они проходят, они оставляют разрушения, смрад и паразитов. И эти сотни тысяч казаков, башкир, калмыков, татар и т. д. горят зверским желанием снова разграбить Германию и уничтожить нашу едва родившуюся свободу, нашу культуру, наше благосостояние[28].

Тем самым, был сформирован базовый образец, который, в зависимости от ситуации, приобретал в общественном мнении больший или меньший вес, смягчался или обострялся, но принципиально не ставился большинством под вопрос. Ввиду того, что отсталое общество России, независимо от актуальных внешнеполитических интересов, могло служить Германии проекционным экраном для вытесненных гражданским обществом моментов, континуитет образа врага сохранился и во второй половине XIX столетия.

К началу XX века представление о русской неполноценности было в Германии распространенным явлением. Даже в школьных учебниках русские определялись как «полуазиаты», отличавшиеся раболепием и нечистоплотностью[29]. Опыт революции 1905 г., а также направленный против Германии союз между Францией и Россией укрепили в гражданской общественности представления об угрозе: русское общество якобы руководствуется «остатками татарского варварства», и, стоит с него снять оковы христианства, оно вновь погрязнет в «хищной дикости». Ввиду слабости царской власти, виделся лишь один выход для этой страны: «Дайте ей порядок. Дайте то, что она требует от Готторпов, как некогда от варягов: господина»[30]. Подобные представления о русском народном характере одновременно легитимировали планы империалистической экспансии в Восточную Европу, которая, в глазах многих, обладала большой привлекательностью для опоздавшей к разделу мира Германии в качестве ближайшей альтернативы заморским колониальным планам[31].

Среди образов врага, распространенных в Германской империи, русские обладали еще одним особым качеством. Сила общественной интеграции образов врагов в лице французов, евреев и поляков была ограничена; для социал-демократов угроза, исходившая от них, не была связана с существующей властью. Однако враждебная позиция против царской деспотии могла стать привлекательной и для них. Недаром Август Бебель заявил, что в войне против России он готов сам взяться за ружье. Тем самым, он вписался в давнюю левую традицию: еще в 1848 г. Карл Маркс в «Новой рейнской газете» требовал войны против России и писал, что немецкий народ «кровью своих сыновей купит себе право на пропаганду цивилизации и освободит себя внутри страны, освобождая народы вне ее»[32]. Хотя социал-демократическая агитация и проводила поверхностное различие между деспотической властью и угнетенными народными массами, однако, одновременно распространенное в Германии чувство превосходства над всем русским равно разделялось и социал-демократией[33].

В 1914 г. война против России привела в действие механизм, отличный от пожеланий Карла Маркса 1848 г. При обращении к социал-демократическим речам в рейхстаге и публикациям в прессе периода начала войны покажется, что Германия вела войну исключительно против деспотии на Востоке, другие фронты были второ-

степенными и некстати возникшими. Хотя предполагаемая оборонительная война против России и объединила общество, но не привела к его внутреннему освобождению. Несмотря на то, что всеобщая русофобия временно стерла пропасти внутри немецкого общества, тем самым, она еще раз укрепила старую власть, чья легитимность уже давно не имела прочной основы. Так военная угроза на Востоке и ее преодоление приобрели свой мифический блеск не только из потребности в замещающей победе как знаке судьбы. До тех пор социально и политически расколотое общество объединилось во враждебности и преодолении элементарной (и в этом виде иллюзорной) угрозы. Немецкая социал-демократия позволила мобилизовать себя не на защиту «мнимого конституционализма» Германской империи, а на мнимую защиту европейской культуры.

Многочисленные публикации, снова и снова взывавшие к военным событиям на Востоке, отчетливо демонстрируют, насколько органично оборона против «азиатского варварства» вобрала в себя защиту от собственных вытесненных мотивов. «Дикий азиатский зверь» с «ослепительно белым оскалом волка» (так звучала тогдашняя характеристика русского, желающего изнасиловать немецкую женщину)[34] был для общества, которое уже мечтало о сверхчеловеке, не только ужасом, но и соблазном. В литературе борьба против варварства поразительно часто легитимировала собственное варварство. Так, неоднократно описания русских зверств заканчиваются вздохом облегчения, что после этого немецкие солдаты не оставили в живых ни одного русского пленного:

> Город (Мемель) был освобожден, главным образом, восточно-прусскими ландштурмистами. И эти суровые мужчины не знали жалости по отношению к убийцам-поджигателям. Они не удостаивали русских собак честной пули, удара штыка было достаточно, чтобы отправить подобного подлеца в преисподнюю. Мне кажется, что даже этого немецкого оружия было жаль для подонков, которые отважились напасть на немецких матерей и девушек[35].

И если Альфред Керр начинает свое военное стихотворение «Когда русские были в Восточной Пруссии» вопросом: «Неужели твоя страна, Иммануил Кант,/ Завоевана скифами? // С вонью и шумом / Тупо ступает степной рой. // Собаки врываются в дом…», то ответ выливается в постоянно повторяющийся призыв: «Выметайте их вон!» – «Выметайте, это человеческий долг/ деспотов, опухоль» – «Выметайте их назад до границы!» – «Выметайте так, чтобы клочья летели!» – «Нечисть царей, Нечисть варваров / Выметайте их, выметайте!»[36].

Сложившиеся фантазии о русских ужасах могли мотивировать и легитимировать вполне конкретное немецкое варварство. Так, бургомистр Нейденбурга сообщал, что после изгнания русской армии немецкие офицеры были удивлены, увидев его невредимым. «Они слышали […], что русские взяли меня в плен, выкололи мне глаза и после этого расстреляли. Но, добавляли они, “мы за Вас основательно отомстили, мы не давали пощады”»[37]. В Первую мировую войну подобные военные преступления оставались редким исключением. Несмотря на существование высокоэффективных образов врага, гражданское правовое сознание, предусматривавшее ограничения в методах ведения войны, имело широкое действие и еще держало в рамках подобные фантазии возмездия.

В бесконечных заклятьях в адрес русского варварства собственные страхи все больше превращались в фактор, формирующий реальность. Во время войны они подпитывались личными переживаниями, полученными в Восточной Пруссии и в оккупированных западных провинциях Российской Империи, а также опытом русского плена. Позже революция и Гражданская война в России еще раз радикализовали стереотипы ужаса, к тому же усиленные Ноябрьской революцией. Ее характеристика как «большевистской», по-видимому, должна была подчеркнуть каузальную связь событий с русской революцией. В фёлькишских и особенно национал-социалистических представлениях угрожающая волна большевизма, которой приписывалось как еврейское, так и азиатское происхождение, могла быть окончательно остановлена только превентивной войной на уничтожение и стиранием с лица земли многих миллионов людей. Подобные навязчивые идеи черпали свою силу из сложившейся традиции коллективных страхов и образов врага. Не в последнюю очередь авторы плана нападения на Советский Союз в 1941 г. использовали картины злодеяний в Восточной Пруссии для прямого оправдания своих призывов к нераспространению на русских – солдат и мирных жителей – законов, защищающих права населения в военном конфликте[38].

Перевод с немецкого Оксаны Нагорной

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Vejas Gabriel Liulevicius.* Kriegsland im Osten. Eroberung, Kolonisierung und Militärherrschaft im Ersten Weltkrieg. – Hamburg, 2002.

[2] *Philipp Menczel.* Als Geisel nach Sibirien verschleppt. – Berlin–Wien, 1917 [1. Aufl. 1916]. *Alexander Geymann.* Dem Reiche der Knute entflohen. – Berlin, 1917. *Hans Zuchhold.* Aus der Hölle empor. Erlebnisse eines aus russischer Kriegsgefangenschaft Ausgetauschten. – Berlin 1917. По данной теме см. также: *Kurt Aram.* Nach Sibirien mit hunderttausend Deutschen. Vier Monate russischer Kriegsgefangenschaft. – Berlin–Wien, 1915. *Freifrau [Katharina] von Dalwigk.* Erinnerungen eines preußischen Generals in russischer Kriegsgefangenschaft. – Oldenburg, 1915. *Otto Anthes.* Rund um die Erde zur Front. Dem Flüchtling nacherzählt. – Berlin, 1916. *Vinzi Franiel.* Meine Leiden in russischer Gefangenschaft. Erlebnisse der Frau Admiral v. Mauler. – Berlin, 1917. *Ernst Moering.* Mit verschleppten Ostpreußen an der Mündung der Wolga. Erlebnisse aus elf Monaten russischer Kriegsgefangenschaft. – Berlin, 1917 [1. Aufl. 1915]. *Erich Killinger.* Die Abenteuer des Ostseefliegers. – Berlin, 1917. *Martin Leistikow.* Zivilgefangener Nr. 759. Die Flucht eines deutschen Seemanns aus Rußland. – Berlin, 1917. *Anton Hittmair.* Dreieinhalb Jahre in russischer Gefangen-schaft. – Innsbruck, 1918. *Walter Lober.* Flucht eines Dohna-Ulanen aus sibirischer Gefangenschaft. – Berlin, o. J. По понятным причинам, данные описания, наряду с пленением и пребыванием в плену, подробно рассказывают о побеге, осуществление которого облегчалось растущей дезорганизацией Российской Империи.

[3] *Edwin Erwin Dwinger.* Armee hinter Stacheldraht. Das sibirische Tagebuch. – Jena, 1929 (*Ders..* Zwischen Weiß und Rot. Die russische Tragödie 1919–1920. – Jena, 1930; *Ders.* Die letzten Reiter. – Jena, 1935). Первая литературная обработка темы Двингером (Das große Grab. Sibirischer Roman. – Berlin, 1920) не привлекла должного внимания публики в отличие от его произведений конца 1920-х – начала 1930-х гг., а также более поздних публикаций, которые переиздавались тиражами в несколько сотен тысяч. См.: *Georg Wurzer.* Das Schicksal der deutschen Kriegsgefangenen in Rußland im Ersten Weltkrieg. Der Erlebnisbericht Edwin Erich Dwingers. In: Rüdiger Overmans (Hrsg.): In der Hand des Feindes: Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg. – Köln, u. a. 1999. S. 363–384. Выборочно приведу здесь некоторые заголовки из многочисленных воспомина-

ний и публикаций австрийских авторов: *Theodor Kröger.* Das vergessene Dorf. Vier Jahre Sibirien. – Berlin, 1934 (mit ahnlich hohen Auflagen wie Dwinger). *Herbert Volck.* Die Wolfe. Mein sibirisch-kaukasisches Abenteuerbuch. – Berlin–Wien, 1918 (Новое издание 1936 г. вышло под заголовком: Die Wölfe. 33 000 Kilometer Kriegsabenteuer in Asien; Третье: Die Wolfe. Eine deutsche Flucht aus Sibirien. 7. Aufl. – Gutersloh, 1941). *Paul C. Ettighofer.* Nacht über Sibirien. Ein Deutscher entrinnt dem Geheimdienst des Zaren. – Gütersloh, 1937 (ранее под названием: Professor John abenteuert sich durch! Die Odysse eines Deutschen. – München, 1935). *Bruno Brehm.* Das gelbe Ahornblatt. Ein Leben in Geschichten. – Karlsbad–Drahowitz–Leipzig, 1931. *Heimito [von] Doderer.* Das Geheimnis des Reichs. – Wien, 1929.

[4] См.: *Walter Klinkmüller.* Ein deutscher Offizier im revolutionären Rußland. Meine Fluchtabenteuer. – Berlin–Wien, 1918. *Alexander Mosler.* In den Sturmtagen der russischen Revolution. Meine Befreiung aus russischen Kerkern. – Berlin–Wien, 1918. *Erich Schuler.* Weiße Garde gegen Rote Garde. Fluchterlebnisse. – Berlin, 1918.

[5] Подробнее о литературе предыдущего периода см.: *Gerd Koenen/Lew Kopelew* (Hg.): Deutschland und die russische Revolution 1917–1924 (= West-östliche Spiegelungen, Bd. 5 A). – München, 1998.

[6] Подробное военно-историческое описание см.: Die Befreiung Ostpreußens. – Berlin, 1925 (= Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bearbeitet im Reichsarchiv. Die militärischen Operationen zu Lande. Bd. 2).

[7] Ebd. S. 318–330.

[8] Только в 1914 г. жертвами немецкой оккупации Бельгии стали 5426 мирных жителей. См.: *Luc de Vos/Pierre Lierneux.* Der Fall Belgien 1914 bis 1918 und 1940 bis 1944. In: Bruno Thoss/Hans Erich Volkmann: Erster Weltkrieg. Zweiter Weltkrieg. Ein Vergleich. Krieg, Kriegserlebnis, Kriegserfahrung in Deutschland. – Paderborn, u. a. 2002; *Kapitel V..* Krieg als Besatzungsherrschaft: Die Welt der Besatzer und Besetzten. S. 544ff.

[9] См., например: *A. Kuhn.* Die Schreckenstage von Neidenburg in Ostpreußen. Kriegserinnerungen aus dem Jahre 1914. – Minden/W., 1915; *Eduard Pawlowski* (Hg.): Tilsit unter russischer Herrschaft. 26. August bis 12. September 1914. – Tilsit, o. J. [1915]. *Rudolf Muller.* Drei Wochen russischer Gouverneur. Erinnerungen an die Besetzung Gumbinnens durch die Russen August–September 1914. – Gumbinnen, 1915. См. также альбомы и папки открыток, многие из которых утеряны в ходе оккупации: Ostpreußen während des Weltkrieges 1914/15. Ansichtspostkarten-Buch. Hrsg. vom Kriegshilfsverein Berlin für den Kreis Ortelsburg. – Berlin, o. J.; Die Russen in Gumbinnen. 11 Ansichtskarten von den in der Russenzeit abgebrannten Häusern. – Gumbinnen o. J.

[10] См. литературу для девочек: Mit Waffen der Nächstenliebe. Zeitgeschichtliche Erzählung. – Berlin, 1915. *Else Ury.* Flüchtlingskinder. Eine Erzählung fur Kinder von 7–11 Jahren. – Berlin, 1918; *Alfred Hein.* Annke. Kriegsschicksale eines ostpreußischen Mädchens (1915–1918). – Stuttgart, 1931. Выборочно из юношеской литературы: *Wilhelm Arminius.* Der Russenschreck. Eine Erzählung für die Jugend aus den Tagen der Schlacht bei Tannenberg. – Stuttgart, o. J. [1916]. *A[lma] Auswald-Heller.* Wir deutschen Jungen. Erzählung aus Ostpreußens schwerer Zeit. – Reutlingen, 1934. *Paul Bliss.* Unser Hindenburg. Zeitgeschichtliche Erzählung für unsere Jugend. – Berlin, 1915. *Walter Heichen.* Unter den Fahnen Hindenburgs. Erzählung vom russischen Kriegsschauplatz. – Kattowitz, u. a. 1914. *Fritz Skowronnek.* Hindenburg, der Befreier des deutschen Ostens. Nach amtlichen Quellen, persönlichen Erlebnissen und eigenen Eindrucken geschildert. – Berlin, 1916.

[11] Подробнее о «первом немецком фильме из Гинденбургианы «Бедствие и освобождение Восточной Пруссии»», снятом студией «Eikogesellschaft», см.: *Alfred Fiedler.* Der deutsche Film. In: Illustriertes Jahrbuch. Kalender für das Jahr 1919. – Berlin, o. J. [1918]. S. 149 und 154.

[12] *F[riedrich] Lauterbach.* Der Große Krieg 1914–1916. Von Lüttich bis Semendria. – Leipzig, 1916. S. 47.

[13] См.: *C[arl] Moszeik* (Hg.): Kriegserlebnisse ostpreußischer Pfarrer. 2 Bde. – Berlin–Lichterfelde, 1915; *[Albert] Nietzki* (Hg.): Was wir in der Russennot erlebten. Siebzehn Berichte ostpreußischer Pfarrer. – Königsberg i. Pr., 1915.

[14] *H[ermann] Braun.* Ostpreußen-Chronik. Kriegsbilder aus den beiden Russen-Einfällen 1914/15. – München–Leipzig, 1918. S. 86 und 104. Дополнительные указания на подобную литературу см.: *Robert Traba.* Kriegssyndrom in Ostpreußen. Ein Beitrag zum kollektiven Bewußtsein der Weimarer Zeit. In: *Thomas F. Schneider* (Hg.): Kriegserlebnis und Legendenbildung. Das Bild des «modernen» Krieges

in Literatur, Theater, Photographie und Film. Bd. I: Vor dem Ersten Weltkrieg/Der Erste Weltkrieg (= Krieg und Literatur/War and Literature, Bd. 3), Osnabruck 1997/98. S. 410f. Anm. 9–12.

[15] См.: *Wolfgang Wippermann.* Der Ordensstaat als Ideologie. Das Bild des Deutschen Ordens in der deutschen Geschichtsschreibung und Publizistik. – Berlin, 1979. S. 201ff.

[16] *Richard Skowronnek.* Morgenrot. Roman. – Berlin–Wien, 1916. S. 7 (к 1934 г. Общий тираж романа достиг 500.000 экземпляров). К образу России у автора романа Рихарда Сковроннека и его брата Фрица Сковронека см.: *Mechthild Keller.* Bucher vom Nachttisch. Trivialliteratur als Massenmedium fur Rußlandstereotype. In: Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19/20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg (= West-östliche Spiegelungen, hrsg. von Lew Kopelew; Bd. 4A). Hrsg. von Mechthild Keller. – München, 2000. S. 833ff.

[17] Цит. по: Kriegsprogramme 1914/15. Heft 2. – Hamburg, 1915. S. 30.

[18] *A[lbert] Brackmann* (Hg.): Ostpreußische Kriegshefte auf Grund amtlicher und privater Berichte. *Erstes Heft.* Die August- und Septembertage 1914. – Berlin, 1915. S. 27f.

[19] *Fritz Skowronnek.* Hindenburg (см. прим. 10). S. 82.

[20] См.: *L. Sanders/Philip M. Taylor.* British Propaganda During the First World War, 1914–1918. – London, 1982; *Gary S. Messinger.* British Propaganda and the State in the First World War. – Manchester, 1992.

[21] См.: *Michael Jeismann.* Das Vaterland der Feinde. Studien zum nationalen Feindbegriff und Selbstverständnis in Deutschland und Frankreich 1792–1918. – Stuttgart, 1992.

[22] См.: *Christoph Jahr.* «Das Kramervolk der eitlen Briten». Das deutsche Englandfeindbild im Ersten Weltkrieg. In: Christoph Jahr/Uwe Mai/Kathrin Roller (Hg.): Feindbilder in der deutschen Geschichte. Studien zur Vorurteilsgeschichte im 19. und 20. Jahrhundert. – Berlin, 1994. S. 115–142.

[23] *Reinhard Rürup.* Der «Geist von 1914» in Deutschland. Kriegsbegeisterung und Ideologisierung des Krieges im Ersten Weltkrieg. In: Bernd Huppauf (Hg.): Ansichten vom Krieg. Vergleichende Studien zum Ersten Weltkrieg in Literatur und Gesellschaft. – Königstein/Ts., 1984. А также: *Ders.* Die Ideologisierung des Krieges: Die «Ideen von 1914». In: Deutschland und der Erste Weltkrieg. Ringvorlesung an der Technischen Hochschule Darmstadt im Wintersemester 1984/85. Hrsg. von Helmut Böhme. – Darmstadt, 1987. S. 121–142.

[24]См.: *Christian Koller.* «Von Wilden aller Rassen niedergemetzelt!». Die Diskussion um die Verwendung von Kolonialtruppen in Europa zwischen Rassismus, Kolonial- und Militärpolitik (1914–1930). – Stuttgart, 2001.

[25] *Peter Jahn.* Russophilie und Konservatismus. Die russophile Literatur in der deutschen Öffentlichkeit 1831–1852. – Stuttgart, 1980. S. 56–76.

[26] *Carl von Rotteck/Carl Welcker.* Staats-Lexikon oder Encyklopadie der Staatswissenschaften. Bd. 14. – Altona, 1844. S. 121.

[27] Подобная формулировка Фердинанда Фрайлиграта присутствует в стихотворении «Два флага на Рейне». Цит. по: *Christian Petzet.* Die Blütezeit der deutschen politischen Lyrik von 1840 bis 1850. – Munchen, 1902. S. 194.

[28] «Die Russen sind da! Tod den Russen!». – Flugblatt–Berlin, o. J. (1848). В фонде «Россика» Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга.

[29] См.: *Ernst von Seylitz.* Geographie. *Ausgabe B.* Kleines Lehrbuch. Für höhere Lehranstalten. Bearb. v. A. Rohrmann. – Breslau, 1908. S. 243f. – Подробнее к книгам по географии см.: *Claudia Pawlik.* «Ein Volk von Kindern» – Rußland und Russen in den Geographielehrbüchern der Kaiserzeit. In: Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19/20. Jahrhundert (см. прим. 16). S. 349–380.

[30] *Maximilian Harden.* «Die Zukunft», 1. September 1906. S. 320.

[31] См.: *Peter Borowsky.* Paul Rohrbach und die Ukraine. Ein Beitrag zum Kontinuitätsproblem. In: Immanuel Geiss/Bernd Jürgen Wendt (Hg.): Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts. Festschrift fur Fritz Fischer zum 65. Geburtstag. – Düsseldorf, 1973. S. 437–462; sowie *Peter Borowsky.* Deutsche Ukrainepolitik 1918 unter besonderer Berücksichtigung der Wirtschaftsfragen. – Lübeck und Hamburg, 1970. Im Kontext deutscher Vorkriegspolitik Fritz Fischer: Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. – Düsseldorf, 1969, bes. S. 77–84 und S. 542–564.

[32] Цит. по: *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения. Т. 5. – М., 1956. С. 212–213.

[33] См.: *Dieter Groh.* Negative Integration und revolutionärer Attentismus. Die deutsche Sozialdemokratie am Vorabend des Ersten Weltkriegs. – Frankfurt/M.–Berlin–Wien, 1973. S. 653–729. См. также:

Brigitte Emig. Die Veredelung des Arbeiters. Sozialdemokratie als Kulturbewegung. – Frankfurt/M.–New York, 1980. S. 214–228

[34] *Rudolph Stratz.* Das deutsche Wunder. Roman. – Berlin–Wien, 1916. S. 281 (в 1919 г. роман издан тиражом 100.000 экземпляров). К образу России в произведениях Рудольфа Штратца см.: *Mechthild Keller.* Bücher vom Nachttisch (см. прим. 16). S. 840–851.

[35] *Fritz Skowronnek.* Hindenburg (см. прим. 10). S. 230.

[36] Цит. по: *Marcell Salzer.* Kriegsprogramme (см. прим. 17). S. 34.

[37] *A. Kuhn.* Schreckenstage (см. прим. 9). S. 48.

[38] Прямое упоминание борьбы в Восточной Пруссии 1914 г. третьим офицером Генерального Штаба 3-й танковой группы при обсуждении планирования войны с Советским Союзом 11 июня 1941 г. см.: Bundesarchiv-Militärarchiv RH 21–3/v. 423. Цит. по: *Jurgen Forster.* Das Unternehmen «Barbarossa» als Eroberungs- und Vernichtungskrieg. In: Horst Boog u. a.: Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart 1983 (= Militärgeschichtliches Forschungsamt [Hg.]: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4). S. 431. См. также: *Ders.*: Zum Rußlandbild der Militärs 1941–1945. In: Hans-Erich Volkmann (Hg.): Das Rußlandbild im Dritten Reich. – Köln–Weimar–Wien, 1994. S. 141–163.

Лариса Коровина

«БОЕПРИПАСЫ БЕЗ ПАТРОН». Антигерманские настроения и пропаганда в русской армии во время Первой мировой войны

В военное время ведение пропаганды воюющими сторонами становится неотъемлемым и мощнейшим средством ведения войны. Причем агитационные и пропагандистские меры, используемые для воздействия на широкие массы и призванные закрепить в сознании людей яркий, излишне гипертрофированный «образ врага», очень многоообразны и нередко весьма изощренны. Ненависть и вражда целенаправленно переносятся на весь народ противоборствующей стороны. При этом, не щадятся ни его национальные особенности, ни традиции, ни культура.

Что же собой представляла русская армия времен Первой мировой войны? Каковы были конкретные меры и формы антинемецкой политики, проводимой в армии, кто их проводил, и что составляло ту самую среду, на которую эти усилия были направлены?

Настроения в войсках. Письма с фронта: «враги» глазами русских солдат и офицеров

Ко времени вступления России в Первую мировую войну русская армия находилась в одном из серьезнейших и тяжелейших положений: поражение в войне с Японией в 1904–1905 гг. и революционные события 1905–1907 гг. не могли не сказаться на ее боеспособном и моральном состоянии. Но, пожалуй, один из важнейших аспектов – неподготовленность армии к войне. Прежде всего, армия испытывала серьезный кризис вооружения, о котором начальник штаба Ставки генерал Н.Н. Янушкевич сказал: «… ни одна наука не учила еще этому методу ведения войны: без патронов, без винтовок, без пушек и т. д.»[1].

Поражение в русско-японской войне стимулировало проведение в армии ряда реформ: стало меняться ее оснащение, начиная с введения нового обмундирования и заканчивая поступлением новых образцов оружия и боеприпасов; началось восстановление и укрепление морского флота, уничтоженного в японскую войну; претерпели изменение тактика войск и слишком сложная структура армии.

Однако все эти усилия оправдались лишь отчасти – к началу Первой мировой войны русская армия не успела завершить свои реформы и по-прежнему уступала армиям главных противников. Это выражалось и в заметном военно-техническом отставании, которое происходило не только вследствие слаборазвитой промышленности, но и по причине слишком большой увлеченности военно-декоративной частью: «выбор цвета сукна для мундира нового гусарского полка, – с горечью отме-

чал генерал А.А. Поливанов, – мог привлечь к себе больше внимания, нежели вопрос о целесообразности беспроводного телеграфирования на войне, или о применении в бою дымовой завесы»[2]. Добавим, что излишняя красивость формы нередко играла роковую роль: блестящие золотом и серебром погоны и кокарды русских офицеров являлись для противника отличной мишенью на поле боя.

Отставала русская армия и в системе обучения войск, точнее – в отсутствии «хороших руководителей и твердого сознания, что это необходимо»[3]; и в невысоком образовательном уровне солдат, основную массу которых составляли крестьяне, едва ли отдававшие себе ясный отчет, по замечанию генерала Ю.Н. Данилова, зачем их зовут на войну. «Не могло быть в народных массах, при существовавших условиях, и сознания государственного единства, – заключает генерал, – крайне трудно прививаемого при наличии разноплеменности, бесконечных пространств, редкого населения и плохих сообщений… Мы – вятские, тульские или пермские, до нас немец не дойдет, – такими словами часто и, надо сказать, довольно правильно характеризовали у нас несознательное отношение крестьянства к вопросу об общей опасности государству»[4].

Не на должной высоте был и боевой дух в русской армии. К сожалению, мнение о том, «что главное условие для успеха на войне, это создание благоприятного для войны духа войск и любви своей части офицером и солдатом», не шло далее «воспроизведения в памяти войск их былых подвигов и далее обмундирования их теми мундирами и головными уборами, которые были современны этим подвигам?.. решили, что, подняв таким образом дух армии, нельзя более бояться войны с немцами»[5], и что единственным способом войны с ними следует считать наступление, в искусстве которого русские войска, по мнению некоторых военачальников, не уступали противнику[6].

А простой солдат тем временем пишет домой в своем письме, перлюстрированном ГУГШем (Главным Управлением Генерального Штаба): «…порою бывает очень весело, на время забудешься, а потом опять на душе захолодеет, и начинаешь проклинать всю эту войну, которая нам ничего не даст, но много возьмет. Утешение находишь только в том, что нас еще не так торопят учить: до сего времени мы не имели винтовок и только завтра начнем учиться с ними и то попеременно – одну на двух, потому что их пока нет, как нет и обмундирования. Ходим в своей одежде… Но дух у нас у всех, конечно, не воинственный, т. к. все оставили семьи и никогда не думали быть солдатами. Вообще, хочется думать, чтобы всему скорее была развязка. Слишком тяжело ждать, что вот тебя обучат, пошлют на позицию и, наконец, или убьют, или изуродуют…»[7].

Письма с фронта являются для исследователя ценнейшим и важнейшим источником не только в изучении истории войны, событий и фактов, но и, безусловно, незаменимым материалом для анализа особенностей русского менталитета, в частности – в военное время. Очень личные, предназначенные только для чтения близкими людьми, они отражают многое из того, что удалось увидеть и пережить бойцу на фронте; то, что ни одна сводка, ни один самый важный документ не в состоянии были передать.

Значительную часть армейской переписки охватывали сводки военных цензоров. На фронте военной цензурой ведали штабы главнокомандующих армиями, флота и военных округов. В каждой фронтовой армии цензорами ежемесячно просматривалось более ста тысяч писем. Такового количества было достаточно для выявления

более или менее ясной картины настроения в войсках. Обычно цензура выделяла два типа писем: «угнетенные» и «бодрые», причем, «бодрые» значительно превалировали. Однако, сталкиваясь еще и с «безразличными» письмами, цензоры вынуждены были признать их явное преобладание. В частях 3-й армии Западного фронта в ноябре 1916 г. они составляли более 80 % процентов от общего числа[8]. Офицерский состав реагировал на происходящие события более эмоционально. Так, например, один из офицеров действующей армии пишет в письме к своему знакомому в Москву в июне 1915 г.:

> С возмущением и отвращением прочитал я в «Новом времени» статью Столыпина об удушливых газах. Тон статьи такой, что сила нравстенного возмущения служит залогом того, что мы победим немцев, какие бы ужасные средства они не придумывали. В своем конечном выводе он, несомненно, прав; но какою же невероятною ценою достанется нам победа, если мы будем рассчитывать только на исключительную доблесть наших войск и не будем отвечать немцам теми же средствами, какие они применяют против нас; давая простор немецкой изобретательности в этой области, сами оставаясь при прежних, не противных международным законам, средствах войны; да, наконец, всякая, даже сверхчеловеческая доблесть, имеет свои пределы, я с нетерпением жду, когда нам пришлют удушливые газы, разрывные пули т. п. Какой из того толк, если мы, русские, прослывем самыми благородными людьми на свете и вместе с этим нанесем непоправимый вред родине. Мы имеем полное нравственное право не стесняться и применять все мыслимые и немыслимые средства, чтобы уничтожить современных дикарей, сверх-варваров. Я пишу это письмо в надежде, что вы и окружающие вас можете как-нибудь повлиять на то, что бы мы, наконец, ответили немцам теми же способами ведения войны, какие применяют против нас. То, что я говорю, повторяют буквально все офицеры, которых приходится здесь видеть[9].

И словно вторит этому резкому, бескомпромиссному посланию с фронта письмо неизвестного корреспондента, отправленное в это же время из Баку в Петроград:

> Фосфору, побольше фосфору. В крупинках, величиною с пшеничное зерно, смешанный с воском, нефтью, смолой.
> Аэроплан ночью может рассеять миллионы крупинок по немецкой земле, по нивам, лагерям, селам. Солнце как прогреет, вспыхнет фосфор, лишь бы на него упал солнечный луч. Масса крупинок горят впустую. Но от некоторых загораются нивы, склады фуража, села и пр.
> На удушливые газы – это лучший ответ. Или и этому мы будем учиться у немцев? Бросив без внимания эту бумажку, вы бросаете ценную мысль[10].

Интересно, что очень много писем заканчивалось примерно одним выводом: победа над врагами внешними возможна только при победе над врагами внутренними – немцами, которые, по высказыванию одного из бойцов, «заполонили все верхи»; отсюда единственное решение проблемы: «вон их всех!»[11].

Однако, как отмечается в другом письме, «как там, так и здесь враг упорен, но немцы наступают по-прежнему, а внутренний враг упорно защищается, уступая позицию за позицией. Чем скорее мы раздавим внутреннего врага, тем скорее будет конец европейской войне»[12]. Причины таких настроений кроются, прежде всего, в

военных поражениях и ослаблении боевого духа. Конкретным виновником всех бед объявляется российский немец.

В июле 1915 г. одному из членов Государственной думы пришла анонимка (за подписью «Солдаты-крестьяне»), в которой сообщалось:

> …Нас всюду окружает начальство, то жиды, то немцы, то поляки. Где они – там и измену видим, и агитацию, и ненависть к русским… Они прямо открыто внушают нижним чинам отвращение к русским, ко всему русскому порядку, смеются открыто над всем и во всех своих поступках озлобляют нижних чинов. У нас у всех сложилось убеждение, что если евреи и немцы будут начальниками, то нам никогда не победить врага[13].

Подобные коллективные письма, написанные от имени солдат того или иного полка, нередки. В одном фронтовом коллективном письме, адресованном в Совет рабочих и солдатских депутатов в марте 1917 г., содержалась следующая просьба:

> Да, помогите нам. У нас, в действующей армии, в 729-м полку, командир полка полковник Шлегер, он не русский, но, как мы узнали, что он – немец, и он может много нам принести вреда и погубить много людей, но, товарищи, мы не в силах его сменить или арестовать, но просим вас, чтобы вы вызвали его в Петроград и там арестовали бы. Чтобы не было у нас немцев, – долой немцев! И еще у нас есть один немец, тот самый настоящий шпион, начальник 17-й дивизии, пехотный генерал-майор Шрейдер. Друзья-товарищи, мы уже за этим начальством замечали и раньше измену и шпионство. Товарищи, да не будет немцев, помогите нам, а мы вам[14].

В ходе антигерманской политики, проводимой в армии, пострадали тысячи нижних чинов, немцев по происхождению. Уже осенью 1914 г. начал осуществляться приказ Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича о переводе на Кавказ немцев, призванных в регулярные и ополченские части. Меры эти не исключались даже на время тяжелых боев. Переведенные на Кавказский фронт немцы использовались и в качестве рабочей силы – на строительстве укреплений, прокладывании железных дорог стратегического назначения и т. д. Эти настроения отразились и на офицерах русской армии, немцах, подданных Российской Империи: многие перешли в православие, кто-то был вынужден измененить свою фамилию, немало было и тех, кто подозревался в шпионаже и сотрудничестве с немцами, как, например, генерал-майор фон Бюнтинг, бригадный командир 15-й кавалерийской дивизии, обвинявшийся «в германофильских убеждениях», которые, по мнению командного состава Северо-Западного фронта, не могли не «влиять на принятие им решений в боевой обстановке», и в сочувствии к немцам[15].

В ноябре 1914 г. отрешен от должности и подвергнут допросам особой следственной комиссии генерал от кавалерии Павел К. фон Ренненкампф, командовавший 1-й армией, к делу присовокуплялась и вся его переписка делового и частного характера.

Печальная участь постигла и князя Н.Д. Кропоткина. Он являлся вице-губернатором Лифляндии, возглавлял 1-й Балтийский авто- и аэроклуб, сформировал в начале войны добровольческий санитарный отряд, подавляющее большинство которого составляли немцы. В июне 1915 г. отряд был расформирован и отозван с фронта, поскольку, по мнению начальника штаба Двинского военного округа генерала

П.Г. Курлова, «носил ярко выраженный немецкий характер»[16], а сам президент клуба уволен от должности и предан суду за употребление немецкого языка.

Говоря о настроениях солдатских масс, важно отметить, что подавляющее большинство солдат составляли простолюдины, которые имели очень размытое понятие о враге, и не то что о коварных замыслах Германии представления не имели, но даже вовсе не знали, «что такая страна существует, зная лишь, что существуют немцы, которые обезьяну выдумали, и что зачастую сам губернатор – из этих умных и хитрых людей, – признает в своих воспоминаниях видный военачальник генерал А.А. Брусилов. – Солдат не только не знал, что такое Германия и тем более Австрия, но он понятия не имел о своей матушке России. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию, знал, что есть Петербург и Москва, и на этом заканчивалось его знакомство со своим отечеством»[17].

Весьма красноречиво иллюстрируют отношение солдатских масс к врагу фронтовые записи С.З. Федорченко – разговоры и рассказы солдат, услышанные ею в военных госпиталях. Неподкупные и наивные, они кажутся неправдоподобными, поскольку услышаны от людей, брошенных в ужасы войны и оказавшихся лицом к лицу со смертью. И волей-неволей вспомнишь о «загадочной русской душе», о Платоне Каратаеве и капитане Тушине – толстовских героях «Войны и мира»:

> По совести сказать, не вижу я врага ни в каком человеке. Ну что мне немец, коли он меня ничем не обидел? А знаю я, что не солдатское это дело так рассуждать. Войну воюем, так уж тут нечего сыропиться. Только с чем эта война не пойму. И придумалось такое: вот послало его ихнее начальство, вроде как нас. Ото всего оторвали, где жена, где изба, где и матушка родна; что мы, что они – оба без вины. А ему и еще тяжче: говорят, хорошо у них в домах. Как кинешь?[18].

Подобное миролюбие в отношении к своему врагу, некоторая растерянность и рассеянность бывали и с неприятельской стороны. Яркий тому пример – один из солдатских рассказов, записанный С. Федорченко, когда некий русский солдат зашел в крестьянскую избу, попрося поесть. В это же время заглянул туда и «враг»:

> Гляжу, австриец в избу ввалился… Смотрим друг на дружку, кусок у меня поперек, хоть рвать впору… Что делать, не знаем… Сел, хлеб взял и сыру. Жрет, так убирает, не хуже меня. Вино бабенка подала горячее да две чашки. И стали мы пить ровно шабры какие. Попили, поели, легли на лавке голова к голове. Утром разошлись. Некому приказывать было[19].

Конечно, наивно было бы думать, что русские солдаты были сплошь «ангелы» и миротворцы, но ярая злобность, агрессивность и жажда вражеской крови все-таки не являлись характерными чертами в солдатской среде. Во многом это объясняется тем, что простой русский мужик-крестьянин, оторванный насильно от своего дома и труда, не понимал ни смысла войны, ни причин, из-за которых он оказался здесь. «Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, – вспоминает Брусилов, – и всегда неизбежно получал ответ, что такой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто такие сербы – не знал почти никто; что такое славяне – было также темно; а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать – было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на

убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя <…> Можно ли было при такой моральной подготовке к войне ожидать подъема духа и вызвать сильный патриотизм в народных массах?!»[20].

Отсюда становится понятно, насколько серьезное, чрезвычайно важное значение приобретала антигерманская пропаганда в армии. Безусловно, одной из главных ее задач являлось создание яркого образа врага. Его формирование, необходимое для мобилизации всех сил для победы над Германией, стало одной из основных задач военно-политического руководства страны, а именно – военного ведомства.

Цели, значение и формы антигерманской пропаганды в армии

Российская империя всегда являлась военной державой, военное ведомство пронизывало всю жизнь России снизу доверху. Представители августейшей фамилии, включая малолетних детей обоего пола, по сложившейся многолетней традиции, являлись шефами гвардейских и армейских полков. Служить в армии считалось почетным делом. Кавалеры именно боевых наград вызывали особое уважение. Ни одно торжество в стране не обходилось без военного парада, ни одно мало-мальски важное событие вообще – без участия армии. И не только внешняя, но и внутренняя политика Росии находилась под влиянием и контролем военного ведомства. В годы Первой мировой войны именно оно формировало антинемецкий курс в русском обществе вообще и в армии в частности, и именно пропаганда стала одним из главных инструментов в создании образа врага.

Самыми первыми мерами, предпринятыми в этом направлении, явились переименование полков – особыми указами от 1 и 2 августа 1914 г. были переименованы все полки (их всего было восемь), шефами которых являлись члены августейших фамилий Германской и Австро-Венгерской империй, и запрещение ношения германских и австрийских наград. Важно, что представители иностранных держав, будучи шефами полков своего имени, в частности Вильгельм II, как шеф Выборгского пехотного полка, относились к своим подшефным с живым интересом. Вполне вероятно, что высочайшее участие вызывало у личного состава этих полков дружелюбные и благодарные чувства к своим шефам, и происходящее, скорее всего, возбудило в них некоторое смятение. Интересно, что в Германии и Австрии подобные акции не проводились, и полки сохраняли исторические имена русских императоров и великих князей.

Вся работа, связанная с распространением пропаганды, разделялась между Ставкой, отделом генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (Огенкваром) и Министерством иностранных дел. Единого же органа управления пропагандой не было, поэтому вся эта деятельность носила стихийный, эпизодический характер. Кроме того, она проводилась довольно-таки пассивно («в противовес распускаемой нашими врагами лжи»).

Одним из мощнейших средств воздействия на психику масс в любом государстве всегда являлась печать. В военное время она становилась довлеющей над всеми прочими видами пропаганды, а ее значение – огромным. Под высказыванием заве-

дующего управлением печати верховного командования Германии В. Николаи о роли печати в войне наверняка подписались бы и русские военные политики:

> Печать должна настойчиво выявлять непоколебимую волю к борьбе и победе, пока не будет достигнута цель войны и пока противник не будет фактически готов вступить в переговоры; поэтому через посредство печати не смеет культивироваться иной дух, чем тот, которым должна быть проникнута армия[21].

Военное руководство России оценило значение печати для ведения пропаганды в войсках еще в самом начале войны: 8 августа 1914 г. генерал Янушкевич сообщил главнокомандующим фронтами, что Верховный главнокомандующий приказал озаботиться скорейшим снабжением войсковых частей газетами патриотического толка и бюллетенями о событиях на театрах военных действий.

Армейские газеты вели постоянные рубрики, посвященные немецким проискам в тылу и немецкому варварству на фронте. Они сосредотачивали на себе особое внимание, поскольку предназначались непосредственно для войск. Главнейшая задача этих газет – содействовать подъему настроения в войсках. Газеты информировали читателя обо всех наиболее важных событиях, сопровождая сообщения необходимыми комментариями. Обсуждалось все происходящее в пределах армии и внутри войсковых частей; сообщалось о наиболее выдающихся подвигах отдельных бойцов и целых войсковых частей. Правда, официальные сообщения о ходе военных действий публиковались в соответствии с четко выработанными правилами, в числе которых были, например, такие: «Наши потери и неудавшиеся операции и маневры обходить полным молчанием; взятых нами пленных подсчитывать почаще на разные даты, чтобы создавать иллюзию более значительного успеха»[22]. Редактировались и цензурировались газеты специально назначенными офицерами.

Из армейских газет наиболее известными были «Армейский вестник» (орган штаба Юго-Западного фронта) и «Наш вестник» (Западный фронт). Однако в армии существовали и издания малоизвестные, комплекта которых не было даже в Ставке («Известия штаба XI армии», «Боевые новости X армии», «Последние армейские известия III-й армии»). Гражданские газеты в армию могли быть допущены только военной цензурой (впрочем, как и любое печатное издание вообще). Так, например, генерал Янушкевич отрицательно отнесся к предложению о распространении на фронте газеты «Московские Ведомости».

После Февральской революции 1917 г. в армии появились большевистские газеты – выходившая сначала три раза в неделю, а затем ежедневно «Окопная правда» (орган Военной организации армии при ЦК Социал-демократии Латышского края) тиражом 4–10 тыс. экземпляров, и ежедневная «Солдатская правда» (орган Военной организации при Петербургском комитете РСДРП(б) – издания, известные своей «пораженческой» агитацией и большевистской пропагандой, закрытые в июле 1917 г. Временным правительством. В этих газетах, помимо солдатской корреспонденции, публиковались статьи, речи и документы В.И. Ленина.

Наряду с периодической печатью во время войны очень широко использовались агитационные издания популярно-массового характера. Огромными тиражами распространялись в действующей армии брошюры и книги пропагандистского плана. Распространялись они, главным образом, распоряжениями штаба Верховного главнокомандующего, Главного управления Генерального штаба и по инициативе ко-

мандования военных округов и фронтовых и армейских штабов. Так, например, осенью 1914 г. командование Северо-Западного фронта обращалось в Петроград с просьбами «выслать для армии справочники по германской армии, ввиду возможности действия немцев в Галиции»[23] и о «распространении 1000 экземпляров карты “Как немцы представляют себе будущую карту Европы” для широкого распространения среди офицеров и нижних чинов» – карты, найденной в сумке убитого немецкого офицера[24].

Военная типография Главного штаба отпечатывала тысячи экземпляров сочинений, написанных по заказу военного ведомства известными и малоизвестными авторами (в большинстве своем военными) и имевших очень яркие, сами за себя говорящие, названия: «О немецком засилии» (брошюра, выдержавшая 9 изданий, рекомендовалась не только на передовых позициях, но и в народные школы и библиотеки), «Немецкие зверства» (1914, вышедшая 2-мя изданиями в Москве, а также в Петрограде и Харькове), «Немецкие набеги» (1914 г., Москва), «Немецкие шпионы», «Немецкий натиск на Россию» (1914 г., Москва), «Немецкое зло» (1915, 1917 гг., Москва) и др. На германские листовки с призывами к нашим войскам о добровольной сдаче в плен русское командование «отвечало» распространением изданий с описанием ужасов немецкого плена и издевательств немцев и австрийцев над населением оккупированных территорий. Из них явствовало, что «насилья – потребность немецкой души и потому с Германией как государством не может быть мира никогда»[25].

Довольно образно и просто разъясняя солдату цели и задачи неприятельской армии, авторы контрпропагандистских сочинений призывали читателя (или слушателя – предполагалось, естественно, чтение вслух) к бдительности и предостерегали от хитрого и коварного, «самого вульгарного» вражеского шпионажа. «Мы думаем, – рассуждает по поводу распространения немецких прокламаций в 1917 г. один из таких авторов, А. Жарков, – что сначала им всего нужнее хотя бы заманить к себе, все равно на какую удочку, легковерных простачков и слабых душою людей… Известно много случаев, когда наши простачки возвращались из германского расположения пьяными. Спрашивается: может ли человек, настолько слабый, что не в силах устоять перед стаканчиком спирта, вести какие бы то ни было переговоры, или пропагандировать какие-либо свои взгляды, хотя бы и взгляды пацифиста? Очевидно, врагам этого-то и надо… не мешало бы нам потверже затвердить поговорку: “что у трезвого на уме, то у пьяного на языке”»[26].

Однако элементарная неграмотность большинства русских солдат в значительной мере сковывала возможности печати как массовой агитационно-пропагандисткой меры. Наиболее популярными и более доступными для восприятия стали карикатура и плакат[27]. Плакат как пропагандистский и агитационный вид искусства начал оформляться только в русско-японскую войну 1904–1905 гг. До сих пор он больше играл роль благотворительной художественной афиши. Теперь же его задачи усложнились: он вынужден показывать боевые действия, фронт, тыл; его героями становятся солдаты, санитары, крестьяне, а изысканные композиции, характерные для символизма, уступают место жанровым картинкам. Как и пресса, плакат оперативно откликается на самые разные события. Плакатные лозунги, адресованные непосредственно простым людям, находят в них живой отклик.

Военный лубок стал популярен в России еще со времен Отечественной войны 1812 г. Сопровождая сатирические стихи и рассказы в военных юмористических изданиях (альманах «Война» московского издательства К. Травина, вышедший в

20-ти выпусках в 1914 г.), они высмеивали врага и его военные усилия и гиперболизировали образ русского бойца. Как в лубке времен русско-японской войны, так и в лубке Первой мировой, русский солдат нередко изображался огромных размеров, с широкой бородой, одетым в красную рубаху, шагающим по военной карте, в то время как враги изображались в противовес ему уродливыми карликами.

Для военного лубка работали известные художники-авангардисты – К. Малевич, А. Лентулов, М. Ларионов, Д. Бурлюк, с ними сотрудничал и В. Маяковский, сочинивший для военных плакатов и открыток издательства «Сегодняшний лубок» более пятидесяти небольших сатирических стихов о событиях на фронте:

Подошел колбасник к Лодзи,
Мы сказали: «Пан добродзи!».
Ну, а с Лодзью рядом Радом,
И ушел с подбитым задом[28].

Появление в лубке военного героя в эпоху Первой мировой войны также было продолжением традиций русско-японской войны. Тогда возникли образы казака Петрухи и Васи Флотского, теперь национальным героем стал молодой донской казак Кузьма Крючков.

Вслед за ним возникали и образы других русских «героев-богатырей», храбро сражающихся с лютым врагом или зверьем, поскольку немцы всегда изображались в виде кровожадных зверей и чудовищ. На карикатуре «Раньше и теперь» альманаха «Война с пруссаками» немцы, нарисованные в виде змей и свиней, в панике разбегаются перед русским солдатом: «Все эти немцы-свиньи, – гласит подпись под карикатурой, – змеи-удавы, Вильгельмовы шельмы зубатые и усатые, умели лишь с мирными жителями воевать, а как пришлось им казацкой пики испытать, так и того – или в плен к русским сдаваться или как зайцы в кусты бежать».

Эпитеты, которыми награждались немцы в изданиях подобного рода, говорят сами за себя. Из «Новых аттестаций немцам», собранных неким Фишей и напечатанных в альманахе «Великая война»: «Немцы – дикари, немцы – насильники, немцы – баши-бузуки, немцы – скоты, немцы – свиньи, немцы – разбойники, немцы – мучители, немцы – спруты, немцы – кровопийцы, немцы – палачи».

Особенно, конечно, доставалось Вильгельму II, как главному антигерою плакатов и карикатур. Так, например, в альманахе «Около войны» Вильгельм предстает в виде крокодила перед судом истории, а на карикатуре «Вильгельм среди своих», помещенной в альманахе «Война с немцем», он изображен в компании чудовищного зверья, пьющим человеческую кровь из пивных бутылок; или шагающим по морю крови, как на карикатуре «Море крови» в альманахе «Народная война»[29].

Гиперболизировались и высмеивались в лубке и национальные гастрономические пристрастия немцев – на карикатуре «Немец протух» из того же альманаха «Народная война» немец запечатлен в виде смрадной колбасы:

«Немец-перец-колбаса намозолил всем глаза; а попал как под обух – окончательно протух! Притянули на допрос и решили, зажав нос, колбасу за смрад такой из Европы гнать метлой!».

Если Вильгельм II в лубочной военной литературе обычно был связан с образом Антихриста, черта и сатаны, то русские солдаты наоборот, находились под покровительством Небесных сил. О божественных видениях на фронте в начале войны хо-

дило множество легенд. Явления Иисуса Христа и Богоматери толковались как верный знак грядущей победы и Небесной помощи. Листовки, сообщающие об этих откровениях, распространялись на фронте большими тиражами: «Великое чудо во время причастия, как Господь не допустил немцев надругаться над святыми дарами» (М., 1914), «Чудесное явление русскому воинству на поле брани» (Пг., 1914), «Явление Божией Матери на небе пред сражением русскому воинству! Предзнаменовавшее о победе» (Пг., 1914).

Выходили издания, рассказывающие о мистических явлениях на фронте. В сочинении Христофора Шумилина «Под разрывами шрапнелей, или необыкновенный старик» описан случай появления в русской армии в декабре 1914 г. некого седовласого старца в фуражке и погонах эпохи Николая I. Он, недосягаемый пулями, делится с солдатами хлебом и табаком, помогает раненым, вдохновляет солдат на бой: «С нами Бог, никто не погибнет, а кому пришел час, тот и в золотых хоромах умрет»[30]. Все эти чудеса указывают на то, что старец этот никто иной, как Святой, благославляющий и помогающий русскому солдату в борьбе с врагом.

Несмотря на широкую популярность лубочной литературы, ее доступность и большую эффективность, критики отзывались о ней весьма негативно: «Она бессовестно лгала и обманывала народ, совершенно искажая действительность, – писал критик И.П. Белоконский о лубочной литературе времен русско-японской войны, – она прославляла грубую силу, невежество и тьму; за редчайшими исключениями, она преподносила лишенную всякого остроумия и принижающую художественный вкус пачкотню»[31].

Другим сильнейшим видом воздействия на массы было живое слово. Особенно воодушевляло войска прибытие на фронт императора, что должно было производить на бойцов сильнейшее эмоциональное воздействие и вызывать подъем боевого духа. А уж когда царь сам встал во главе верховного командования армией и флотом в 1915 г., ожидался «перелом в обстановке нашего отхода на восток сперва медленными шагами, к большему упорству в боях наших арьергардов, и затем переход в наступление»[32].

С целью агитации и пропаганды штабами фронтов направлялись в войска группы агитаторов из служащих Всероссийского земского союза и других тыловых учреждений. Перед войсками выступали и видные военные деятели. Своими выступлениями они должны были воодушевлять солдат на новые подвиги, теснее сплачивать их ряды и внушать необходимость ведения войны до победного конца: «Переживаемое нашими войсками великое, но сложное время нарождения свободы в России, при условии продолжения тяжкой борьбы с немцами, – говорилось в выступлении генерала Д.П. Парского перед войсками гренадерского корпуса в связи с Февральской революцией, – обязывает всех нас сплотиться и приложить все силы для одоления врага». При этом, он уверял солдат, что в такое «действительно незаурядное и великое время нельзя рассчитывать успешно справиться со всем только привычными обыкновенными средствами. Нужны необыкновенное напряжение и необычайные средства, лишь бы достигнуть победы». Такие средства генерал видел в вызванном революцией «везде и всюду необычайно редком подъеме духа», который следовало бы «любовно и осторожно взять в руки, умело и твердо направить по тому руслу, которое вернее всего приведет к желанной победе»[33].

Командование поощряло посещение войск агитаторами, устраивало им встречи с солдатами, на которых разворачивались дискуссии не только по поводу войны, но

и по внутриполитическим вопросам. Такие поездки в действующую армию использовали и представители политических партий и группировок, в частности меньшевики, эсеры и большевики.

Поступали в Ставку предложения по ведению пропаганды на фронте и от союзников. Так, например, известен случай, когда в сентябре 1915 г. американский корреспондент «Таймс» Стенли Уошбурн предлагал принять к рассмотрению его проект о ежедневном доставлении на передовые позиции военных новостей, рассказывающих о боевых буднях союзников и о распространении среди противников открыток с картин В. Верещагина о войне 1812 года, с тем, чтобы «напугать немецких солдат предстоящею им зимнею кампаниею»[34]. Однако проект Уошбурна, по-видимому, русским командованием не был воспринят серьезно, поскольку жизненного воплощения он так и не получил.

Так или иначе создавая теми или иными способами образ «врага», военное ведомство добивалось важнейших задач – поднятия боевого духа, боеспособности и дисциплины в армии, внушения ненависти к врагу и «ведения войны с полным напряжением сил до победы над “прусским милитаризмом, угрожающим свободе и самостоятельности России и всего мира”»[35].

С самого начала войны военачальники старались воодушевить войска, вселить уверенность в своих силах. Так, например, даже в приказе по 6-му пехотному Либавскому (до 1 августа – принца Фридриха Леопольда Прусского) полку от 2 августа 1914 г. чуть ли не в первых строках говорится: «Среди нижних чинов германской армии никто войны от России не ожидал. Боятся появления казаков, которые, будто-бы, очень жестоки. В среде нижних чинов германской армии страх перед русскими, говорят, что они уже домой не вернутся, русские их всех перебьют»[36]. Похоже, что этого они вполне добивались. Свидетельством тому письмо одного из офицеров действующей армии:

> …Во время моего похода в Галицию, солдаты говорили: «На кой чорт нам Галиция? Только народ губят!» А когда дело коснется родной стороны, то они заговорят не так. Я солдат несколько знаю, я с ними жил и надеюсь как на них, так и на нашего Вождя (имеется в виду Н.Н. Романов – *Л.К.*). Вот почему я не падаю духом. Мы не можем проиграть, мы должны выиграть и мы выиграем, если народ будет покоен и будет верить армии так же, как верил раньше. Дело не так плохо, как об этом говорит тыл. На нашем фронте не смущаются тем, что в Галиции отступают, а лупят немцев вовсю. Дружинники, которые были в Галиции у Перемышля и только и знали, что бегали, подвигаясь к границам России, поняли, что за их плечами родина, и они не только не бегут, но бьют врага и берут массу пленных. Им не понятно завоевание Галиции, но им понятно одно: «Отечество в опасности!», и они из беглецов превращаются в настоящих солдат… Теперь им верят, как настоящим солдатам, потому что это не прежние дружинники, а настоящие солдаты, сердцем понявшие, что есть опасность Отечеству. За нами Россия, за нами резервы, а есть ли резервы у неприятеля. «Кабинетные стратеги», вероятно, об этом не подумали[37].

Чрезвычайная следственная комиссия А.Н. Кривцова

Антигерманская пропаганда, развернувшаяся в России с самых первых дней войны, продолжалась до самого ее окончания с большей или меньшей интенсивностью, в зависимости от успехов или неуспехов русского оружия. Она особенно активизиро-

валась осенью 1914 г. и весной–летом 1915 г., т. е. в периоды самых тяжелых поражений русской армии[38].

Отдельные успешные операции русской армии в 1914 г. на австрийском и кавказском фронтах были перечеркнуты неудачами в Пруссии. В 1915 г. русские войска вынуждены были отойти на ряде направлений и уступить часть своих прежних завоеваний. Кроме того, сказывался недостаток в вооружении и боеприпасах. Русская армия несла громадные потери, несравнимые с потерями противников и союзников: к 1 февраля 1917 г. убитыми, ранеными и без вести пропавшими насчитывалось около 6 млн. солдат и свыше 63 тыс. офицеров, дезертировало более 1 млн. человек. Со временем началось и все более углублялось разложение армии, чего раньше в военной истории России еще не бывало. Картину дополняли и внутриполитические конфликты, свидетельствующие о непопулярности власти.

В подобной ситуации пропаганда становилась важна, как никогда. Свою лепту в развитие антинемецких настроений внесла Чрезвычайная следственная комиссия, высочайше учрежденная 9 апреля 1915 г. и призванная заниматься расследованием нарушения правил ведения войны армиями противников. Комиссию возглавлял первоприсутствующий сенатор, тайный советник А.Н. Кривцов.

Говоря о задачах Комиссии на заседании Государственной думы, ее создателями было высказано мнение, что «история пишется, опираясь на документы, и мы обязаны оставить их потомству, чтобы на доброе имя и честь наших мужественных защитников родины и вообще на наш национальный характер, не пала в будущем какая либо тень»[39].

Подобные следственные комиссии существовали и в странах-союзницах – в Англии, Франции и Бельгии. Русская ЧСК находилась с этими комиссиями в постоянном и тесном контакте, согласовывала с ними свои действия, обменивалась изданиями.

Конечно, само по себе создание чрезвычайной комиссии нельзя рассматривать, как некую антигерманскую меру, но стремление довести результаты расследований до самых широких слоев населения – от представителей царской семьи до рядовых солдат и крестьян, и не только в России, но и за рубежом, – позволяет оценивать ее как один из самых действенных, самых мощных рупоров антигерманской пропаганды. Рисуя образ врага, Комиссия опиралась в своих отчетах на документальные факты, полученные из показаний свидетелей событий – солдат и офицеров.

Изначально предполагалось, что по окончании войны комиссия представит отчет о результатах своих расследований. Однако довольно скоро стало ясно, что задерживать весь накопленный и проработанный материал до официально назначенного срока не следует; к тому же работа комиссии вызывала живейший интерес и в обществе, а публикация отчетов могла бы сослужить службу делу антинемецкой агитации и пропаганды. Возникла необходимость в издании периодических выпусков на русском и иностранных языках, в которых бы рассказывалось «о нарушениях законов ведения войны противником, о зверствах, чинимых немецкими и австрийскими войсками» по отношению к военнопленным и мирным жителям оккупированных территорий и т. д.

Появились так называемые «Труды высочайше учрежденной Чрезвычайной следственной комиссии», изданные в 14 выпусках (1 июля 1916 г.), кроме русского, на французском и английском языках. Каждый выпуск посвящался какой-либо конкретной теме, например, содержанию русских военнопленных в германских и австрий-

ских лагерях, нарушению неприкосновенности санитарных учреждений и госпитальных судов и пароходов, издевательствам немецких солдат над мирными жителями, осквернению православных храмов, святынь и т. д.

Главными материалами для расследования, в основном, служили показания русских солдат и офицеров, бежавших из плена, и инвалидов, возвращавшихся в Россию через нейтральную Швецию, фронтовиков-инвалидов и т. д. Помимо этих сведений в ЧСК поступали сообщения от гражданского населения, печатных источников и различных учреждений.

Небольшие по объему, около 20–40 страниц, с иллюстрациями и фотографиями, они выпускались огромными тиражами и распространялись среди всех слоев общества: предоставлялись высочайшим особам и членам законодательных палат, сенаторам, членам Думы и другим государственным деятелям, рассылались губернским властям и духовенству, в газеты и журналы, всем, кто желал их получить как в России, так и за границей.

Комиссия часто использовала и подобный прием: на иностранные языки переводились, а затем распространялись по всему миру отдельные материалы, рисующие жестокость и бесчеловечность врага. Так, например, отобранные у пленных солдат письма, уличающие их в убийстве русских военнопленных, были переведены и напечатаны сразу на французском, английском, итальянском, испанском, шведском, датском, греческом, румынском и японском языках[40].

Сама ЧСК придавала своим изданиям очень большое значение: опубликование и широкое распространение проработанных ею материалов должно было «оказать влияние на общественное мнение и укрепить сознание недопустимости мира с Германией и ее союзниками»[41]. Большие надежды возлагались на опубликование материалов комиссии в нейтральных странах, где эти публикации могли бы повернуть общественное мнение в пользу «четвертого согласия и в то же время явиться красноречивым опровержением клеветы и беззастенчивой лжи, распространяемой там врагами о России и русской армии»[42].

Безусловно, учрежденная императором и являвшаяся, прежде всего, государственным органом, ЧСК в своей деятельности подчинялась политике, проводимой властью. А потому, стоит подчеркнуть, что как бы профессионально и честно ни проводились ею расследования, как бы ни была велика ее заслуга в изучении мельчайших подробностей тех или иных фактов, все же она являлась инструментом государственной политики. И в итоге – очень действенным инструментом антигерманской пропаганды.

Для России было очень важно опровергнуть обвинения, которые предъявлялись ей воюющей стороной. Деятельность ЧСК освещалась в германской и австрийской печати, где говорилось о фальсификации фактов русской стороной. Сообщения касались, главным образом, жестокого обращения русских солдат и офицеров с немецкими военнопленными, правонарушений и насилий, чинимых русскими войсками. Согласно высочайшему указу от 18 декабря 1915 г., Чрезвычайная следственная комиссия опубликовала в ряде наиболее распростаненных и крупных газет свои опровержения. Переведенные на французский, английский, испанский, шведский и немецкий языки, они были разосланы через дипломатических представителей во многие зарубежные страны.

В июне-июле 1916 г. в Петрограде был выпущен большим тиражом еще и специальный двухтомник «Обзор действий Чрезвычайной Следственной комиссии» с крат-

ким, но емким заголовком «Наши враги», выпущенный тиражом 10.000 экземпляров каждый. Это был своего рода отчет ЧСК о своей деятельности с апреля 1915 г. по июнь 1916 г. с подробнейшим описанием случаев нарушения ведения войны, с опубликованием списка допрошенных Комиссией лиц, с описанием положения русских военнопленных из нижних армейских чинов в концлагерях и проч.

Кроме этих изданий Комиссия выпустила особое «народное» издание для солдат в форме популярных брошюр под общим заглавием «Из жизни наших героев воинов». Всего было издано 5 книжек по 300.000 экземпляров каждая, в основном, посвященных описанию жизни русского солдата в плену: «Как я стал инвалидом», «О позоре плена и о муках в германской неволе», «В лапах у немца», «В аду немецкого плена», «В борьбе с немцем. Горе пленным». Все они распространялись в армии через Штаб Верховного главнокомандующего. Еще около 200.000 экземпляров было разослано в действующую и резервную армии с описанием положения русских военнопленных в Германии и Австрии. Всего же со времени образования ЧСК по 1 января 1917 г. было издано и распространено более 3.000.000 экземпляров выпусков «Трудов Комиссии», опровержений обвинений русских войск в нарушении законов и обычаев войны и так называемых «Чтений для солдат».

Однако Комиссия не ограничилась только печатными изданиями. Собранные ею документы и вещественные доказательства вместе с фотографиями составили некое подобие музея, выставленного в помещении ЧСК для обозрения публики. Посетитель мог здесь увидеть «образцы австрийских разрывных пуль и прибор для выбрасывания горючей жидкости, стрелы, сбрасываемые с неприятельских аэропланов, “свисток” немецких санитаров, служащий для пристреливания русских раненых, заостренные кусочки стали, имеющие вид раздвоенной овсинки, найденные в кулях с овсом, образчики хлеба, которыми кормят наших пленных, “чая” из листьев ежевики, которым поят наших пленных, и пр.»[43].

Армия в 1917 г.: деморализация русских войск, «братания», упадок боевого духа

1917 год обернулся чудовищной катастрофой для одной из величайших держав мира – Российской Империи. В вихре революций погибла и русская императорская армия, сотни лет являвшаяся верной и надежной опорой власти. Страна «дошла до одного из тех редких исторических перекрестков, где привычные понятия морали, закона и порядка неизбежно и со страшной силой» должны были «столкнутся с несущимся вперед хаосом новых утопических идей», и предотвратить последствия этого «жуткого столкновения» было уже невозможно[44].

Непрерывные поражения русской армии, находящиеся на грани истощения моральные и физические силы войск, постоянный недостаток снабжения и все возрастающая очевидность бессмысленности продолжения войны вызвали к 1917 г. небывалое разложение армии.

Все чаще в солдатской среде возникали разговоры о необходимости заключения мира, участились случаи «братания» с врагом: к осени 1917 г. оно приобрело особо массовый и более организованный характер. На немца уже не смотрели с тем чувством враждебности, с каким на него смотрели в 1914 и 1915 гг.: «Так как наши и гер-

манские окопы очень близко одни к другим, – писал с фронта некий солдат, – то мы часто сходимся с немцами. Мы даем им хлеба, а они нам папирос, и если наши и германские офицеры не видят, то расходимся благополучно»[45]. Несмотря на то, что русское военное командование делало все возможное для противодействия успеху германской пропаганды, «братание приобрело масштабы эпидемии, – воспоминает А.Ф. Керенский. – Блиндажи и окопы опустели, развал военной дисциплины мало-помалу достиг своего апогея. А тем временем регулярные германские дивизии одна за другой переправлялись на Западный фронт»[46].

Полнейший упадок боевого духа в русских войсках особенно чувствовался уже летом 1917 г. при попытках наступления Юго-Западного, Северного и Румынского фронтов, когда, по воспоминаниям участника событий, впоследствиии активного участника белого движения Д. Леховича, «моральный разгром русского фронта открылся во всем своем потрясающем размере»[47]. «Ужас происходящего, – вспоминает Лехович, – передавала телеграмма, которую комиссары одной из армий Юго-Западного фронта отправили 9 июля Временному правительству: “Начавшееся 6 июля немецкое наступление на фронте 11-й армии разрастается в неимоверное бедствие, угрожающее, быть может, гибелью революционной России… Большинство частей находится в состоянии все возрастающего разложения. О власти и повиновении нет уже и речи, уговоры и убеждения потеряли силу… На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них – здоровых, бодрых, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Иногда так отходят целые части… Положение требует самых крайних мер… Сегодня главнокомандующий с согласия комиссаров и комитетов отдал приказ о стрельбе по бегущим”»[48].

Изнуренный долгой и безрезультатной войной русский солдат стал искать виновников всех своих бед уже не за пределами своей родины, а внутри ее, и первыми его врагами оказались командный и офицерский состав армии, к ним был обращен его взор, а иногда и оружие.

Февральская революция усугубила в армии и без того серьезное положение. Знаменитый приказ № 1, изданный Петроградским Советом 1 марта 1917 г., в числе прочего изменял положение солдат и гарантировал им ряд прав. Так называемая «борьба солдатских масс за демократизацию армии» выразилась, прежде всего, в столкновениях между солдатами и офицерами. Известно немало случаев, когда офицеры отказывались вести в бой своих подчиненных из опасения расправы. Нежелание продолжать войну приводило к отказам целых войсковых частей выполнять боевые приказы. Под нажимом инициативы «снизу» командование вынуждено было заменять крепких по духу и опытных в бою офицеров (но не угодных солдатам) более снисходительными; над неугодными же нередко чинился самосуд, иной раз доходило и до убийства. Среди убитых – офицеры всех рангов: от корпусных командиров до младших офицеров рот, причем, многие были кавалерами Георгиевского ордена и других высоких боевых наград. Офицеры, шедшие в первых рядах за Родину на смерть и призывавшие солдат к исполнению их воинского долга, порождали у последних недоверие и ожесточение[49].

В идее превращения внешней войны во внутреннюю классовую борьбу была немало заинтересована и Германия, о чем свидетельствует в своих воспоминаниях генерал Эрих Людендорф (Ludendorff)[50]: «Нашей первой задачей было внимательно следить за процессом разложения России, содействовать ему и поощрять стремление русских к заключению мира. <…> Мы были уверены в том, что революция по-

низит боеспособность русской армии, и наши предположения осуществились»[51]. С целью пропаганды мира на фронте и войны в тылу в русских окопах огромными тиражами распространялась пораженческая литература, отпечатанная в Германии. Эти же намерения преследовались германским генеральным штабом при разработке особых инструкций для командного состава, согласно которым в русские окопы посылались «надежные люди», знавшие русский язык[52].

Все это, безусловно, приводило к полному упадку боевого духа среди значительной части солдатских масс, крайнему падению воинской дисциплины и возрастанию дезертирства (невзирая на приказ военного министра А.Ф. Керенского от 31 мая 1917 г., устанавливавший за дезертирство строгие меры наказания).

«Не могу умолчать о том, что настроение моей команды, как и всех, стоящих рядом по соседству, оставляет желать многого, – доносил начальник 24-й полевой хлебопекарни интенданту гренадерского корпуса, – патриотизм, сознание ответственности текущего момента, несомненно, почти совершенно отсутствуют»[53]. «Нет дисциплины, нет выучки, нет желания работать, нет сознания долга, любви к Родине, нет основных понятий о свободе, – констатирует другой военачальник, командир 5-й стрелковой дивизии генерал Лебедев. – Полный произвол в исполнении приказов. Одна мысль – скорее мир, а как средство – ничего не делать, и тогда правительство поймет, что надо заключать мир»[54].

Антивоенная политика, проводимая большевиками и другими «интернационалистами», которая использовала военные неудачи в своих целях, хотя и носила «пораженческий» характер, не являлась определяющей, а потому не следует гиперболизировать ее влияние на солдатские массы в реальных масштабах – численность большевиков в армии была довольно мала, большевистские организации отсутствовали. Малочисленность партийных работников и слабая информационная и организационная связь между ними и революционными центрами в тылу не позволяли проводить пропаганду на таком уровне, чтобы реально воздействовать на армию, в целом. Тем более военное руководство предпринимало ряд мер, чтобы предотвратить проникновение революционных настроений на фронт: запрещались отпуска и командировки; солдаты, возвращавшиеся в свои части из госпиталей, задерживались в карантинах; усиливался контроль над прессой; запрещалось пребывание на фронте рабоче-солдатских делегаций из Петрограда и Москвы и т. д.

Однако все вышеперечисленные моменты в своей совокупности значительно подорвали боеспособность армии и существенно повлияли на утрату боевого духа солдат и офицеров, столь необходимых для победы в войне.

* * *

Анализируя общественное сознание в эпоху Первой мировой войны, нельзя не согласиться с тем, что, хотя российское руководство и ставило во внутренней государственной политике на первый план задачи эффективного воспитания, агитации и пропаганды, как «необходимые в предвидении суровой проверки морального духа общества», тем не менее «российский истеблишмент полностью провалил эту жизненно важную работу»[55]. Не была исключением и армейская среда. Эти неуспехи объясняются многими причинами. Во-первых, русская армия являлась своеобразной моделью общественного организма, воспроизводя его основные конфликты и особенности, в частности, «перегородчатость» – исторически сложившуюся стратификацию, которая в армии выражалась противопоставлением «офицер-барин – солдат-

мужик», – и неоднородность самого офицерского состава (дворяне, представители средней и мелкой буржуазии, разночинцы); эти черты присущи исключительно русской армии.

Во-вторых, сказывалось отсутствие отлаженного механизма агитационно-пропагандистской работы: за неимением единого руководящего органа она проводилась неорганизованно и пассивно и во многом была сориентирована на нейтральные, но не на враждебные государства, поскольку в ту эпоху в России пропаганда еще не была оценена как мощное средство ведения войны.

Разрозненные и скромные попытки ведения пропаганды, предпринимавшиеся со стороны русского военного ведомства, вылились в России, говоря словами отечественного исследователя Н.М. Потапова, в «мелкое кустарничество». Однако и на Западе оно не было планомерно использовано ни в качественном, ни в количественном отношении»[56], хотя союзники в этом направлении достигли очень многого, что признавалось и немецкой стороной. Так, например, при штабе итальянского верховного главнокомандующего была образованна постоянная межсоюзническая комиссия пропаганды: издавался еженедельный журнал на четырех языках, печатались брошюры и выпускались манифесты. Вся эта литература распространялась среди австро-венгерских войск с аэропланов, подбрасывалась в окопы и озвучивалась через установленные между окопами граммофоны; действовал специально созданный особый «отдел пропаганды в неприятельских странах», возглавляемый лордом Нортклифом.

Значительное место уделялось ведению пропаганды и во враждебной Германии, которая с начала войны оценила ее важность и создала конкретную программу действий, касавшихся, прежде всего, прессы[57].

Россия серьезно уступала в деле военной пропаганды как странам-союзницам, так и враждующим странам. Когда в Ставку приехали французские и английские представители, демонстрируя мощь своих государств великолепными кинофильмами и обстоятельными докладами, русское военное руководство покидало эти сеансы «под тяжелым впечатлением своей крайней отсталости»[58].

Пройдет еще двадцать с небольшим лет, и Россия снова вступит в войну с Германией. Во Вторую мировую войну работа по проведению пропаганды станет качественно совершеннее и эффективнее – появятся новые, технически более прогрессивные средства массовой агитации и пропаганды; будет создан единый отлаженный механизм по ее проведению. Но успехи, достигнутые Россией в этой области в Первую мировую войну, не будут сброшены со счетов – многочисленные издания, вышедшие в 1941–1945 гг., будут посвящены антинемецким мероприятиям, проводимым Россией в 1914–1918 гг.; отдельные успешные боевые операции русской армии в годы Первой мировой войны будут служить наглядным примером доблести и боеспособности, растиражированным в миллионах экземпляров брошюр, предназначенных для советских бойцов. Но главное – все это будет адресовано уже совсем другой армии…

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. – М., 1924. С. 183.

[2] Там же. С. 144.

[3] См. *Поливанов А.А.* Указ. соч. С. 173

[4] *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. – Берлин, 1924. С. 354.

[5] *Поливанов А.А.* Там же.

[6] См. там же. С. 144.

[7] РГВИА. Ф. 2000. Оп.12. Д. 219. Л. 28–28об.

[8] РГВИА. Ф. 2048. Оп.1. Д. 904. Л. 322.

[9] РГВИА. Ф. 2000. Оп.16. Д. 219. Л. 110–110об.

[10] Там же. Л. 117.

[11] Там же. Л. 113.

[12] Там же. Л. 193.

[13] РГВИА. Ф. 2000. Оп.12. Д. 219. Л. 157.

[14] Цит. по: *О.Н. Чаадаева.* Солдатские письма 1917 года. – М.–Л., 1917. С. 24.

[15] См. об этом: РГВИА. Ф. 2019. Оп.1. Д. 556. Л. 257–258.

[16] Цит. по: *С. Нелипович.* В поисках внутреннего врага: депортационная политика России (1914–1917)// Первая мировая война и участие в ней России (1914–1918). Материалы научной конференции. В 2-х частях. Ч. 1. – М., 1994. С. 58.

[17] *А.А. Брусилов.* Мои воспоминания. – М.,1983. С. 71.

[18] *С.З. Федорченко.* Народ на войне. – М.,1990. С. 61–62.

[19] *С. Федорченко*. Указ. соч. С. 62.

[20] *А.А. Брусилов.* Указ. соч. С. 70, 71.

[21] Цит. по: *Потапов Н.М.* Печать и война. – М.–Л., 1926. С. 18.

[22] *М.М. Лемке.* 250 дней в Царской ставке. Цит. по: *Потапов.* Указ. соч. С. 51.

[23] РГВИА. Ф. 2019. Оп.1. Д. 556. Л. 207.

[24] Там же. Л. 257.

[25] Из аннотации к сочинению генерал-майора Н.Д. Поливанова «Правда о немцах. III. Зверства германского народа и вражеских армий», воспроизведенной на обложке другого его соч. «Правда о немцах. II. Наши верноподданные». – Пг., 1916 г.

[26] *А. Жарков.* Германские прокламации и «братание». – Пг., 1917. С. 6.

[27] Об особенностях русского плаката во Второй мировой войне ср. в этом томе: *Клаус Вашик.* Метаморфозы зла. Семиотические основы немецко-русского образа врага в плакатной пропаганде 1930-х – 1950-х гг.

[28] *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч. в 13-томах. – М.,1955. Т. 1. С. 357.

[29] В немецких газетах и альманахах появлялись похожие карикатуры, на которых изображен Николай II, шагающий по морю крови. Ср. также *Günther Mahal.* Eher Pinsel als Stift. Rußland und die Russen in Karikaturen deutscher Zeichner 1870–1917 // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. (= WÖS) Hrsg. Von Mechthild Keller. – München, 2000. West-östliche Spiegelungen Bd. 4A. S. 381–424.

[30] Цит. по: *Бен Хеллман.* Первая мировая война в лубочной литературе // Россия и Первая мировая война. С. 310.

[31] Цит. по: *Бен Хеллман.* Указ. соч. С. 311.

[32] Великая война в образах и картинах / под ред. И. Лазаревского. – М., 1916–1917. С. 4.

[33] РГВИА. Ф. 2179. Оп.3. Д. 54. Л. 1.

[34] См. об этом: *Потапов.* Указ. соч. С. 63.

[35] Из программы солдатской организации «Союз “Личного примера”». РГВИА. Ф. 391. Оп.2. Д. 189. Л. 10

[36] РГВИА. Ф. 2620. Оп.2. Д. 62. Л. 273об.

[37] РГВИА. Ф. 2000. Оп.16. Д. 219. Л. 118.

[38] См., напр., *Никитинский И.*, *Софинов П.* Немецкий шпионаж в России во время войны 1914–1918 гг. – М., 1942. Интересно, что в целях антинемецкой пропаганды в СССР в годы 2-й мировой войны использовались пропагандистские материалы и 1-й мировой войны.

[39] «Наши враги». Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии. В 2-х тт. – Пг., 1916. Т. 1. С. VII.

[40] См. там же. С. IV–V.

[41] Там же.

[42] Там же.
[43] Там же. Т. 1. С. IV.
[44] См. *Д. Лехович* Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. – М., 1992. С. 60.
[45] *О.Н. Чаадаева.* Указ соч. С. 10
[46] *А.Ф. Керенский.* Россия на историческом повороте: мемуары. – М., 1993. С. 181.
[47] *Д. Лехович.* Белые против красных (см. сн. 44). С. 83. Интересно отметить, что глубокое моральное разложение армии происходило на фоне улучшавшегося снабжения армии вооружением и боевыми запасами.
[48] Там же.
[49] См. об этом также: *Булдаков В.П.* Красная смута. – М., 1997.
[50] *E. Ludendorff.* Kriegführung und Politik. 2 Aufl. – B., 1922.
[51] Цит. по: *Д. Лехович.* Указ. соч. С. 71.
[52] См. *Д. Лехович.* Указ. соч. Там же.
[53] РГВИА. Ф. 2179. Оп.3. Д. 54. Л. 122.
[54] РГВИА. Ф. 2185. Оп.1. Д. 966. Л. 8.
[55] *В. Дьячков, Л. Протасов.* Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума). – СПб., 1999. С. 59.
[56] *Потапов.* (см. сн. 21). С. 63.
[57] См. подробнее: *Н.М. Потапов.* Указ. соч.
[58] *Потапов.* Там же.

Татьяна Филиппова

ОТ АНЕКДОТА К КОШМАРУ: гротескный образ немца в военных изданиях, по материалам журналов «Новый Сатирикон» и «Крокодил»

Две эпохи – две сатиры

Изучать образ врага, созданный средствами сатиры в военное время, – задача сложная и по-своему драматичная. Она требует учитывать всю совокупность этнокультурных и историко-политических факторов, которые влияют на восприятие представителя чужой нации в экстремальных условиях конфликта. В этой теме сошлись и пересеклись реалии сразу двух военных эпох. Идеологические различия знаковых систем дореволюционного и советского времени создали сложный, многоплановый фон для сатирической журналистики, когда стихия смеха вынуждена была подчиниться социальному заказу и вписаться в жесткие требования цензуры. Противоречие между высоким трагизмом эпохи – с одной стороны, и относительной простотой структуры и формы текстов – с другой, требует, на наш взгляд, особой исследовательской деликатности.

Двусмысленность природы сатирического начала, неизбежная фрагментарность материала обостряют проблему интерпретации. Исследователь вступает в диалог с пестрым смысловым и зрительным рядом весьма объемистых источников, заранее зная, «чем дело кончилось», но слабо представляя себе актуальную реакцию тогдашнего читателя на журнальные интерпретации тех или иных событий. Историко-культурные и литературные аналогии становятся полезными подсказками в этом непростом разговоре.

Предлагаем читателю разделить с автором трудные, но интересные моменты путешествия по страницам двух чрезвычайно интересных источников. Первый из них – русский еженедельный сатирический журнал «Новый Сатирикон», выделившийся в 1913 г. из выходившего в 1908–1914 гг. в Петербурге журнала «Сатирикон». Редактором «Нового Сатирикона» с начала и до самого конца существования этого издания (1918 г.) был талантливый русский писатель Аркадий Т. Аверченко. В число основных сотрудников журнала входили одаренные графики Алексей А. Радаков, Николай В. Ремизов-Васильев, Александр А. Юнгер, А.В. Ремизова, а также тройка блестящих сатириков той эпохи – Саша Черный, Надежда Тэффи, Аркадий С. Бухов. С 1915 по 1917 г. в журнале активно сотрудничал впоследствии знаменитый поэт советской эпохи Владимир Маяковский[1].

Сам срок жизни интересующего нас издания почти точно соответствует эпохе Первой мировой войны. Актуальный политический настрой «Нового Сатирикона» в условиях военных испытаний закономерно отражал духовную и мировоззренческую ситуацию в значительной части русского общества того времени. В связи с этим

представляется небезинтересным выяснить, какими средствами и в каком идеологическом, политическом, культурном и эмоциональном ключе трактовался журналом собирательный образ немца и ограничивался ли он лишь актуальной для того времени – военно-политической – областью восприятия.

Задача предстает еще более занимательной, если учесть то обстоятельство, что «Новый Сатирикон» со своей просвещенно-либеральной ориентацией выступал как остроумный и принципиальный критик националистического угара и шовинистической истерии, охвативших часть русского общества в связи с началом боевых действий.

Советский сатирический журнал «Крокодил» (начал выходить в Москве с 1922 г. как еженедельное приложение к «Рабочей газете», а с 1932 – в издательстве «Правда» 3 раза в месяц) стал по жанру преемником «Нового Сатирикона», несмотря на совершенно иную идеологическую основу своей журналистской позиции. К тому же в новом издании, как и в его дореволюционном предшественнике, сотрудничал Маяковский. К работе в «Крокодиле» были подключены популярные в то время писатели и художники – Демьян Бедный, Валентин Катаев, Михаил Кольцов, Илья Ильф, Евгений Петров, Дмитрий Моор, Виктор Дени, Константин Ротов, Борис Ефимов, Юрий Ганф, знаменитые «Кукрыниксы»[2].

Жесткость и определенность партийных установок изначально были заданы издателям журнала. Поэтому если в «Новом Сатириконе» белые, пустые страницы наглядно и регулярно свидетельствовали о бдительности правительственных цензоров, то в «Крокодиле» изначально не могло появиться ничего, что не соответствовало бы официальному курсу государственной идеологии.

Номера обоих изданий с разной степенью сохранности – однако достаточно полно – представлены в фондах ведущих библиотек России, в связи с чем источниковая база исследования обеспечена достаточно полно.

1914–1918: «Синоним культуры» или «вечная тюрьма»?

«Новый Сатирикон» с известной долей условности можно назвать журналом либеральной сатиры. «Доля условности» в данном случае подразумевает то, что это был не «высокий», идейный либерализм уровня политической борьбы и думских споров, а «бытовой» либерализм интеллигентской массы, образованных обывателей, читающей провинции. «Идеология» журнала не претендовала на серьезное участие в общественной жизни, но была, скорее, проявлением силового поля «политической озабоченности», столь свойственной русскому складу ума и души.

В первый год существования журнала катастрофа Первой мировой войны постепенно надвигалась на страну и мир. 1913 год уже сообщает материалам прессы особый, тревожный настрой. Но тектоника грядущего катаклизма ощущается пока подспудно, позволяя публикациям журнала оставаться в рамках юмористического видения проблем. Лишь приближение 1914 года сказывается в обострении сатирических нот.

Довоенный образ немца в «Новом Сатириконе» отличают не слишком оригинальные, но типичные для русского восприятия черты: журнал активно пользуется юмористически выгодными обращениями к немецким фамилиям для обозначения аристократа, рядящегося в «русское платье» или для воспроизведения забавного об-

раза ученого-педанта. Германия же по-прежнему предстает как первая страна Европы, куда попадали русские путешественники (своего рода край «демократического туризма»), синоним Европы и всего, что с ней связано, – культуры, науки, налаженности быта, технического прогресса. Одновременно с этим мелькает и иронически-покровительственное (вполне беззлобное) отношение к «своим», «русским» немцам, к их практичности, рациональности, деловито обустроенному традиционному укладу жизни.

Карикатура А. Радакова в № 2 за 1913 г. – пример изрядной доли самокритики в контексте восприятия Запада в целом и Германии в частности.

> На вокзале российский таможенник интересуется у нашего студента, мол, зачем тот едет в Европу. И получает ответ: «Культуру изучать – Англии, Франции, Германии». На тот же вопрос, обращенный к приехавшим в Россию англичанину, французу и немцу, он слышит: «Культуры» изучать – холеры, тифа, оспы…»

Стилистический кич времени и безвкусие попыток аристократии немецкого происхождения поиграть в «старомосковский стиль» ворчливо обыгрываются в безымянном репортаже-юмореске, посвященном состоявшемуся, якобы,

> …вечеру боярских посиделок, устроенных обществом европейских мужчин и русских женщин.
> Хозяйка, баронесса Шнапсцвиббельклопс очаровала всех своим костюмом боярыни с пальерками и фижмами цвета «застыдившейся боярышни». Чудный костюм был у г. Фон-Бонтона, – особенно красиво оттенял красные плисовые штаны прекрасно сшитый черный фрак. (…) Упомянем и о костюме опричника – горлатная шапка, белые чулки и туфельки: вместо песьей головы, которую рассеянный опричник забыл захватить, баронесса Биргалле любезно предложила ему носить свою любимую болонку Фифи. (…) Наконец-то красота старого русского быта возродилась!». (№ 25, 193, С.9)

Более жесткий оттенок иронии отличал публикации на внешнеполитические темы. (Отметим, что в «Новом Сатириконе», рисуя образ немца, не делали различий между германцем и австрийцем[3]. Негативное восприятие и того, и другого как представителей стран-противников только укрепится в последующие годы.) Журнал часто и охотно пользуется материалами немецких и австрийских сатирических изданий как разоблачительными свидетельствами лжи, лицемерия, агрессивных замыслов политических противников в отношении как России, так и «братьев-славян». Карикатуры из немецкого «Simplicissimus'a» чаще всего подвергаются смысловой инверсии и становятся «объективированным» инструментом антинемецкой сатиры.

«Новый Сатирикон» перепечатывает из «Simplicissimus'a» такую, к примеру, карикатуру и подпись к ней:

> Однажды по Черногории путешествовал богатый немец, В Цетинье он вместе с королем Николаем Черногорским вышел на балкон. И немец стал бросать деньги в народ. Когда немец обернулся, он увидел, что короля уже рядом с ним не было. Он побежал на площадь – вместе с народом подбирать деньги.

Редакция «Н.С.» так «продолжает» немецкий пасквиль:

Когда Николай Черногорский сошел, чтобы разделить поровну деньги между согражданами, немец подбежал к телефону и закричал: – Алло, алло! Дайте Берлин, редакцию газеты. Поместите телеграмму из Цетинье. – «В Черногории денежный кризис. В стране ходит масса фальшивых денег». (№ 2, 1913, С.14)

Вскоре в журнале даже появляется регулярная рубрика: *«Очередной немецкий пасквиль на славян».* В № 3 под этой рубрикой (без всякого комментария – хамство немецкого издания слишком очевидно) публикуется шутка с расистским оттенком:

Черногорцы никогда не моют ног. Прогуливаясь по своим горам, они покрыли все горы грязью. Вот откуда происходит слово Черногория.

В следующем выпуске журнала в той же рубрике приводится карикатура из «Wiener Karikaturen», высмеивающая как национальное пристрастие русских к алкоголю, так и российский бюджет, строящийся на «пьяные деньги». Подвыпившие казак и солдат ведут беседу:

Знай, дружище, что каждая выпитая нами с тобой рюмка водки – это лишняя пуля для армии… (№ 3, 1913, С.14)

Впрочем, охотно перепечатываются и карикатуры «германской самокритики» из «левых» изданий (в рубрике «Иностранный юмор»). Особенно знаковой представляется карикатура из «Ulk» – огромная немецкая каска, придавившая собой крохотные фигурки (народы мира). И подпись: *«Вечная тюрьма для всякого прогресса и свободы». (№ 4, 1913, С.14)*

В самом преддверии войны «Новый Сатирикон» продолжает сохранять либеральный настрой, четко разграничивая свою неприязнь к милитаризму германских и австрийских верхов и признание выдающейся роли немецкой культуры. В журнале появляется показательная рубрика – «Зоологический патриотизм», самим названием свидетельствующая об античерносотенном, антишовинистском настрое издания. Антигероями рубрики становятся думские «правые» и прочие идеологи «стихии Охотного ряда».

Памфлетно подается «типичный текст» *«зоологического патриота»:*

Смотри, милый обыватель!.. Это немец-перец-колбаса, пивная бочка, сосиска тухлая – живет, дурак, уже сколько времени, а всего только и выдумал, что обезьяну…

Между строк этой публикации в «Н.С.» можно прочитать:

Сея антизападнические настроения и призывая к немецким погромам, «ура-патриоты» сами не в силах помочь народу: ни скотину вылечить не могут, ни дом толково построить, ни жизнь по закону наладить… Простому человеку всему этому приходится у иностранцев учиться. (№ 26, 1913, С. 9)

Впрочем, некоторые аспекты подготовки Германии к войне – особенно наращивание технического потенциала – журнал воспринимает с недоуменной иронией, мол, чудит немец… Сообщая читателям, что за последние пять лет в Германии при

«Зоологический патриотизм». Рисунок А. Радакова.

испытаниях потерпели крушение 13 цеппелинов и погибло и 100 человек, карикатурист Радаков вкладывает в уста Смерти задумчивые слова:

> Трудолюбивые люди эти немцы. Сами над цеппелинами работают и мне работу дают. (…) Но до чего странные: жалуются на конкуренцию, на чересчур густое население – так кто же вам мешает наделать дирижаблей хотя бы в сто раз более, чем вы имеете? (№ 22, 1913, С.8)

На этой интонации создателей «Нового Сатирикона» застает начало войны, которая при всей своей закономерности воспринимается редакцией как страшная катастрофа. Поначалу в публикациях еще стараются (но с трудом) выдержать юмористическую тональность. Пример августовского анекдота 1914-го:

> – Слышали? Немцы одержали крупную победу при Чемодане. – Чемодан? Разве есть такой город? – Это не город, а обыкновенный чемодан. Немецкие солдаты избили русских путешественников и при криках: ура! вступили в русский чемодан. (№ 32, 1914, С.3)

«Плачь, Маргарита!» или «свиньи в чистых уборных»

И все же реальность вооруженного противостояния, первые потери, бурный всплеск патриотических настроений, переходящих в «патриотическую тревогу», – все это побуждает подключить к «немецкой теме “тяжелую артиллерию” сатириков. Сам Аркадий Аверченко – глава издания, умница, «золотое перо» и остроумнейший человек – выступает с фельетоном под названием «Немецкий заступник». Весь текст его представляет собой длинный диалог Блондина, нападающего на немцев-агрессоров, и Брюнета, вроде бы защищающего их, но в весьма своеобразной манере. Вот фрагмент этого фельетона:

Немецкий цеппелин над Парижем. Рисунок Ре-Ми, обложка журнала «Новый Сатирикон», № 36, 4 сентября 1914 г.

Блондин: Ну и скоты же эти немцы!
Брюнет: Ну, за что же это Вы так… Просто озверелый народ, на котором пленка культуры была тоньше папиросной бумаги… Подуло ветром – она и слетела.
Блондин: Вы бы еще и поцеловали того немца, который столкнул в воду пятилетнего ребенка!
Брюнет: Целовать я его не буду, но не понимаю этих несправедливых нападок на немцев… Просто люди опились пивом, завалили сердце жиром и чувствуют себя превосходно со своим толстокожим кайзером. Неужели на них за это обрушиваться?.. Ведь у них шкура толще гиппопотамовой, мозги совершенно заспиртовались в угаре своей безнаказанности и миражного владычества над всем миром… А немка глупа, холодно-развратна, продажна без темперамента и приторно сентиментальна.
Блондин: …Если бы при вас кто-то стал ругать меня, то – будьте добры, не заступайтесь. (№ 32, 1914, С.5)

Разница между прежней и новой тональностью ощутима не только в накале сатиры, но и в ее объекте: мишенью становится уже не столько «прусская военщина», и не германские «верхи», но немец как таковой. Вернее – те особенности национального характера, которые сатирик расценивает как этнопсихологическую, психоментальную подоплеку возможности германской агрессии.

И это – только начало того переворота в изображении немцев и всего германского, который начинается с момента объявления войны и начала первых военных действий.

Отныне этот образ все более формируется по принципу «с точностью до наоборот»: антикультурность, антигуманность, дикарство, презрение к международному праву и любым нормам цивилизации становятся общим местом в портрете немца-

противника. Многочисленные фельетоны Аверченко и гораздо менее одаренного, но гораздо более озлобленного Георгия Ландау пестрят словами «дикари», «жулики», «лгуны», «изверги», подчеркивая новое явление в пропаганде: представление об изначальной «ущербности» немецкой расы.

В рубрике «Волчьи ягоды» публикуются новосатириконовские комментарии-предложения к сообщениям российских газет на военные темы.

Рассуждая (на материалах «Петроградской газеты») о том, что с *«текущего года немецкий язык будет совершенно изгнан из средних учебных заведений»* и заменен английским и шведским, журнал сетует: *«Напрасно! Можно было бы ввести сокращенный курс в один день из трех слов: 1) дикари, 2) жулики, 3) лгуны – чтобы формулировать мнение о немцах на их родном языке» (№ 32, 1914, С. 7).*

В рубрике «Око за око» мелькают и практические предложения. На сообщение о том, что немцы *«используют наших хлебопашцев»,* «Н.С.» *«позволяет себе напомнить русскому правительству, что и у нас есть несколько тысяч задержанных немцев…» (№ 32, 1914, С.7).*

К чести редакции журнала надо отметить, что тональность публикаций на военные темы не была шовинистически однотонной. Более того, «Н. С.» не раз на протяжении осени-зимы 1914 г. критиковал своих коллег за несоблюдение *«меры и такта»* и *«мальчишескую бессодержательность брани».* Оно, конечно, Вильгельм II *«достоин всяческого осуждения и поношения»,* но изображать его (как это делает «Петроградская газета») в виде хулигана с внешностью гориллы или осла – это уж чересчур (№ 33, 1914, С. 4).

В лице своих поэтов «Н. С.» поднимается до эпического уровня осуждения войны, возвращая своей антигерманской критике культурно-гуманистическое измерение. В стихотворении Сергея Михеева «Маски сняты» (№ 33, 1914) читаем:

Смешны культурные улитки…
Для мира честь, любовь и стыд,
Война же есть – позор и пытки.
А Гете – вредный инвалид…
Плачь, Маргарита!
(№ 13, 1914, С.5)

Параллельно с примерами подобного отношения к немцам и Германии присутствуют и материалы, отдающие откровенной желтизной. Наиболее характерны в этом отношении многочисленные фельетоны Георгия Ландау, сколь неостроумные, столь и едкие. «Расовый» оттенок критики всего немецкого в них особенно ощутим, будучи помножен на неприязнь к физиологизму немецкой гигиеничности. В фельетоне «Что и следовало ожидать» (№ 34, 1914, С. 6) один собеседник опровергает утверждение другого, что, мол, немцы – культурный народ, поскольку у них

> железные дороги, отели, уборные, а при каждой уборной – чистая женщина с чистым полотенцем.
>
> Вот она, двучленная формула мощи великой германской нации. Школьный учитель разбил французскую армию, немецкая уборная повела за собой культуру. Учитель, кулак, уборная и культура оказались так крепко и гармонично связанными, что по любым двум членам можно было судить об оставшихся. Немецкий кулак и уборная всегда были до-

ступны для наблюдения; их рост и блеск говорили, что росла и крепла мощь, культура и дух народа…

Белизна плиток и сверкание никелированных кранов настолько ослепляли заранее благоговейно настроенных русских, что они уже не видели ни варварского всепроникающего безвкусия, ни жестокой грубости, с которой моментально преследовалось все чуть-чуть яркое, индивидуальное, красивое и непохожее, ни безгранично-тупого и хамского самодовольства, ни чванливого отсутствия порыва…

… Я пришел к твердому решению, что немцы – низшая раса, заимствовавшая от зверей одни дурные стороны натуры, а от людей – одни удобные… Свиньи в идеально чистых уборных.

Достается от «Нового Сатирикона» и собственной журналистской братии, бездарно и беззубо ведущей пропаганду на военные темы. Безымянный памфлет «Мобилизация» – как раз на эту тему:

Честное слово, вы читали:

«… Утром, когда солнце чуть золотило верхушки стройных сосен и он собирался на службу в Управу, она провожала его на вокзале маленькой пригородной станции. Со второго звонка он начинал прощаться. Поочередно целовал ее маленькие ручки, при третьем звонке целовал ее в губы. Она вырывалась из его объятий, махала в воздухе кружевным платочком и кричала вслед:

– Привези десяток абрикосов!».

Помните?

А теперь под той же подписью можете прочесть:

«…Утром, когда солнце чуть позолотило острые штыки, что щетиной встали на вокзале маленькой пригородной станции, она проводила его на войну. Со второго звонка он начал прощаться. Поочередно целовал ее маленькие ручки, при третьем звонке поцеловал ее в губы. Она глотала слезы, но улыбалась. Вырвалась из его объятий, помахала кружевным платочком и крикнула вслед:

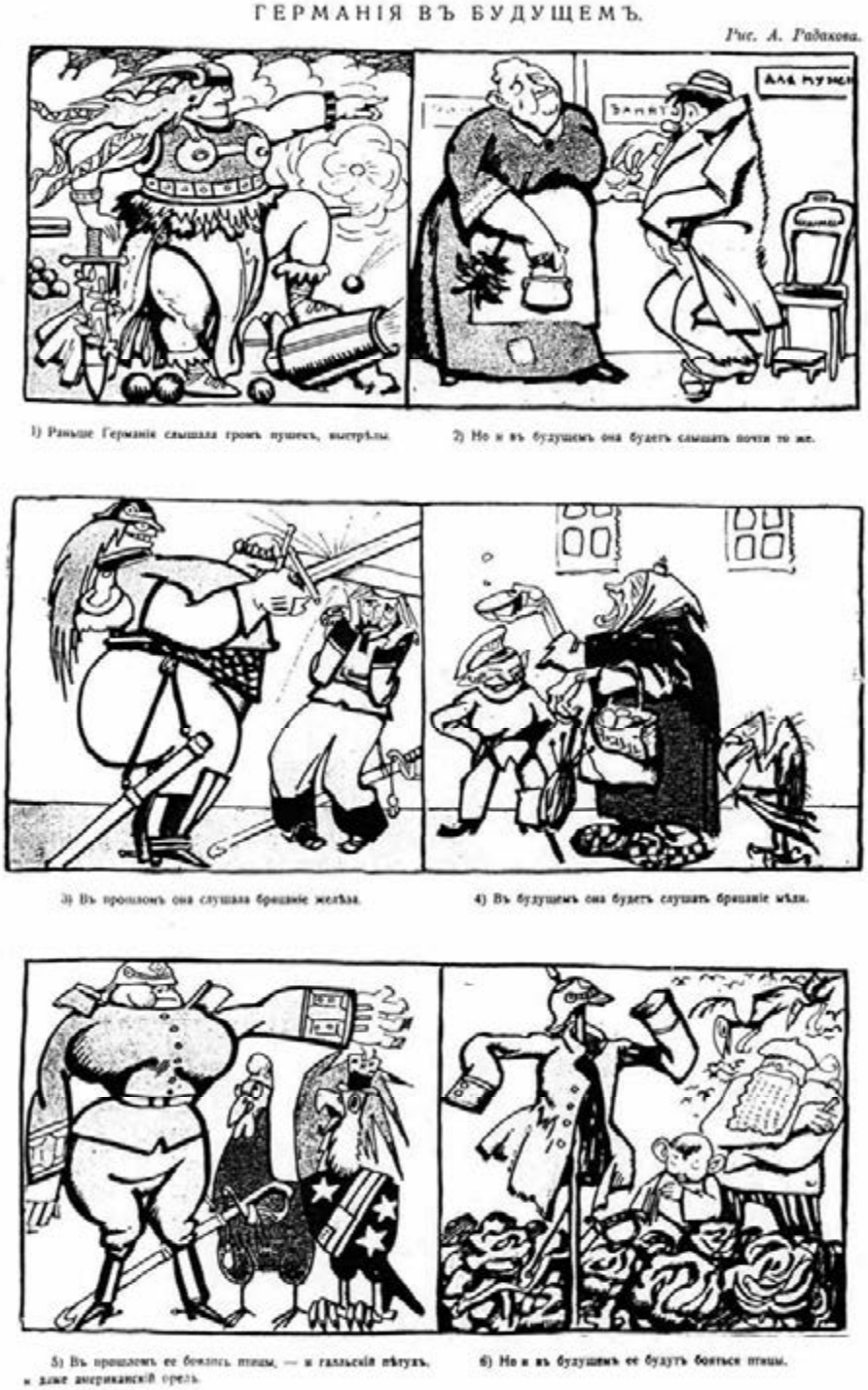
– Привези десяток пленных немцев!».

…Так мобилизовывалась литературная братия! (№ 46, 1914, С. 6).

«Правда только в прощении» и «европейский готтентот»

Со временем все более частым становится обращение к теме сдачи немцев в плен – чтобы поесть вдоволь… Это простое человеческое желание не то, чтобы примиряет с бывшими врагами, но как-то делает их образы доступнее для гуманного восприятия. Получается довольно странная смесь снисходительного презрения к поверженному врагу, православного всепрощения, простонародной славянской сердечности и рыцарского отношения к сдавшемуся противнику. Простим заранее поэту С. Михееву стилистические погрешности слога и вслушаемся в строки его стихотворения «Пленные» (№ 37, 1914, С. 3):

Выводят… Обесцвеченные лица,
И в каждом есть притупленный укор,



«Будущее Германии». Рисунок А. Радакова, «Новый Сатирикон», 1914 г.

И кажется, что только небылица
Могла их двинуть на сплошной позор.
И в сердце теплится уж отклик состраданья,
Уж не коробят мерные шаги,
И тут характерно для русского сознанья
Родится мысль, что «эти»… не враги!..

Насколько «характерным» в начальный период войны было обсуждение в печати немецких военнопленных, сказать трудно, но «Н. С.» уверенно развивает тему. В короткой зарисовке «О пленных» наблюдающий за немцами крестьянин перестает их опасаться и, похоже, даже испытывает тень сочувствия, когда обнаруживает, что облик пленных напоминает ему… внешность каторжников. *«Харя-то! Ух, кровопийцы! Аспиды. Косится дьявол. Да здесь не тронут – не бойсь! Нешто это немец! Это – каторжник!»* (№ 48, С. 9).

Приближение Нового года и Рождества настраивает не слишком богобоязненный состав редакции на возвышенно-духовный лад. Смиренно-мужественный пафос православного отношения к врагу звучит в стихотворении Александра Рославлева «Старец»:

Нищий бредет по дороге.
Сивый, слепой…
Тычет клюкой.
Грязь и вода…
– Старче убогий,
Куда?
– Многое старому вемо,
Шарю не зря
Я до Елгема
Царя!
– С чертом ты дружен,
С лихом иль с кем
– что тебе нужен Елгем?
– Ладан несу кровопийце,
Ладан несу:
Душу убийце
Спасу.
Ладан ему в очищенье…
Русь не така!
Правдой крепка,
Правдой прощенья одной,
Правдой прощенья Святой.
(№ 46, 1914, С. 4)

Однако прощать было трудно, и чем дальше, тем труднее. Особенно в 1915 г., когда снарядный голод и военные поражения весны-лета сопровождались для всех очевидным кризисом – продовольственным, топливным, металлургическим, железнодорожным. В самый разгар войны обилие жертв порождает в «Н. С.» феномен «юмора в морге», когда «каннибальские темы» немецких зверств и патологоанатомические подробности ужасов сражений порождают истероидную смесь смеха и

«Немецкие сестры милосердия закалывают раненых на полях сражения» («Мартин»). Рисунок Ре-Ми, «Новый Сатирикон», 1914 г.

отвращения. Постоянной темой становится фрустрационная переоценка традиционного представления о «добродушии» рядового немца.

Психопатическая атмосфера 1915–1916 гг., которая сложилась после создания «Прогрессивного блока» – политической организации радикально-националистического толка, вербовавшей тогда все большее число своих сторонников, – серьезно влияет на характер материалов по «немецкой тематике» и на степень радикализма в критике политики Германии. Появляются карикатуры, изображающие младенца Христа, поджариваемого немецким офицером на вертеле; обыгрываются сообщения о немецких монашках – сестрах милосердия, кинжалами добивающих раненых русских солдат на поле боя. А еще – разделка немецкими «мясниками» «туш» военнопленных и прочее, и прочее…

Убийственна по силе подачи информация «по материалам немецкой печати» об изобретении в Германии автоплуга, в скоростном режиме роющего могилы (№ 9, 1915, С. 5). А следом – вместо комментария – стихотворение Вл. Воинова «Немецкая культура» с талантливо воплощенным антивоенным пафосом:

Сорок лет с тремя годами
Эта избранная раса
Европейских готтентотов
человечеству во вред
Неустанными трудами
Обрабатывала мясо
Крепколобых патриотов
Для неслыханных побед…
Дети Гете, внуки Канта,
Братья Грубера и Коха,
Земляки Иоганна Баха,

Herr'a Ницше и иных –
Под хлыстом у лейтенанта
Все забыли кроме «sox'a»,
Продырявленного паха,
Добивания больных;
«Вещь в себе», святые фуги,
Потрясающие строфы,
Сверхработы в дебрях мозга
И извилины Брока…
Конвульсивные потуги,
черный призрак катастрофы,
Да мистическая розга
В цепкой лапе дурака…

После крушения британского корабля – с огромным числом утонувших – приводится жутковатая цитата из «Neue Freie Presse»: *«Рыбы, омары и спруты, обитающие в Адриатике, давно уже не переживали столь счастливых времен…»* И тут же – новосатириконовская карикатура А. Юнгера, на которой Вильгельм II с демоническим выражением лица приказывает своим подданным: *«Ешьте крабов и омаров до тошноты, до расстройства желудка… Нужно, чтобы по крайней мере каждый съел в сумме по одному англичанину»* (№ 30, 1915, С. 4).

Бездушный утилитаризм немца призваны демонстрировать карикатуры Ре-Ми, изображающие колбасника, делающего свою продукцию из мяса… павших немецких солдат. Ту же тему развивают и сообщения иностранной печати о разработке в Германии проекта, цель которого – *«перемалывать кости убитых и удобрять ими поля, а из трупов получать глицерин»* (№ 16, 1916, С. 7) В номерах 15-ом, 16-ом и 17-ом за 1916 г. следуют фельетоны Б. Мирского, созданные на основе дел «Чрезвычайной следственной комиссии о немецких зверствах». Новости о «продовольственных беспорядках в Германии» приводятся в «Н.С.» с «успокоительным» комментарием: что-де германским властям волноваться по этому поводу, коли *«каждый поворот рукояти пулемета уменьшает количество голодных ртов».* И тут, мол, кайзер не в проигрыше.

Жестокость германского режима и к «чужим», и к «своим» становится все более частым сюжетом на страницах издания. Редакция даже позволяет себе обыграть коммунистический девиз, «слегка» подредактировав его:

> Пролетарии всех стран! Соединяйтесь, чтобы основательно поколотить немцев (№ 40, 1915, С. 9).

В одном из номеров в рубрике «Прежде и теперь» подобраны весьма показательные высказывания Василия Розанова о немцах. К примеру, *прежде:*

> …«добропорядочный люд», «немецкий характер стоит золота»; теперь: «производство – великолепно, производители – омерзительны» и «как опасны вооруженные мошенники» (№ 32, 1915, С. 5–6).

Со смешанным чувством горечи, самоиронии и восхищения русским характером печатаются материалы о том, как страдают русские в германском плену, и о том, как

«Прагматическая нация». Рисунки А. Радакова, «Новый Сатирикон», 1915 г.

хорошо живется немцам в плену у русских. (Маленький фельетон Тэффи о *«русских зверствах»* – пленный немецкий офицер съел сразу три обеда и отчего-то почувствовал себя дурно…) (№ 48, 1915, С. 3).

Со временем все чаще делаются попытки определить степень достоверности поступающей с фронтов информации, отделить ее от пропагандистских выдумок, разобраться, – где подлинные преступления, а где – мнимые. Со злой иронией комментируются гонения в правительственном аппарате на носителей фамилий немецкого происхождения, ни в чем не повинных. Мол, искать «врагов» по канцеляриям да комитетам легче, чем сражаться с реальным противником на фронте.

Напряженный, нервозный тон военных новостей несколько разряжают забавные сообщения «из глубинки». О том, к примеру, что сектантами-«чуриковцами» были торжественно сожжены граммофоны как *«германская мерзость»* (№ 4, 1916). Или о том, как в Петрограде был ограблен «по политическим соображениям» магазин «Венский шик», и грабителями в адрес хозяина была оставлена грозная записка: *«Это тебе за Вену!»* Это невольное перерастание темы в курьез как ничто другое свидетельствовало, на наш взгляд, об усталости от военной проблематики.

Газетная *«утка»* вместо еды

По мере углубления внутриполитического кризиса в стране создатели журнала все чаще прибегают к антинемецкой теме как к удобной форме внутренней антиправительственной критики. Здесь требовались особое мастерство и чуткость – по причине цензурных строгостей военного времени. Но уж больно выигрышным было использование данного приема!

И в самом деле, критика авторитарно-бюрократической традиции тевтонского образца, перенятой российской государственностью от прусской, давала возможность яростно (и двусмысленно!) критиковать режим военщины, спровоцировавший

мировую бойню (№ 18–32, 1916.). Читателю оставалось лишь догадаться, о каком именно режиме идет речь. Подсознательное неприятие российской интеллигенцией всего, что может быть связано со словом «система», позволяло журналу с легкостью доносить до своего читателя иносказательный образ врага как «внутреннего немца». Причем, авторы имели в виду вовсе не конкретного человека определенной национальности, но создавали символическую картину государственного насилия над мирной жизнью общества и личности.

На карикатуре Ре-Ми здоровенный, упитанный Вильгельм, перефразируя французского короля Генриха Четвертого *(«Я хотел бы, чтобы в супе каждого из моих крестьян была курица»)*, подает к столу изможденной немецкой семьи вместо еды газетную *«утку»* о *«блестящей победе»* со словами: *«Я желаю, чтобы на каждом столе, в доме каждого из моих крестьян была утка»* (№ 40, 1916, С. 3).

Наступление русской армии летом 1916 г., укрепление ее боеспособности и убедительные победы русского оружия на некоторое время вызывают подъем патриотических настроений, что отражается и на страницах «Н.С.». Показателен в этом отношении анекдот-зарисовка Николая Радлова под названием «Что хуже?»

Вильгельм II – Францу-Иосифу:
– Ну знаешь, Франц, у моих немцев совершенно опускаются руки…
Франц-Иосиф – Вильгельму:
– А у моих австрийцев они поднимаются – это еще хуже (№ 39, 1916, С. 3).

Новым пропагандистским приемом становится описание экономических и прочих трудностей в Германии, упреждающее информацию о собственных бедах и нарастающей разрухе. На этом фоне уже более естественно выглядит жалость к рядовому немцу, жертве военных амбиций своего «людоедского» режима. Знаком этих настроений можно считать рисунок – ведро помоев, вылитое немкой на статую Гинденбурга (№ 40, 1916, С.6); общая тема одной серии карикатур, похожих на комикс, – «мать-Германия» (полненькая, симпатичная, растерянная и растрепанная женщина), которая окончательно замучена бездарными военными, политическими и дипломатическими акциями германского правительства (№ 43, 1916, С. 6).

1916 год завершает карикатура, в основе которой – осмысление всеобщего живодерского смысла империалистической войны, где, в сущности, нет правых и безвинных (особенно в ряду «великих держав»). Изображены аллегорические фигуры Германии и Америки. И – подпись: *«У Германии есть опасность захлебнуться от крови. У Америки есть опасность захлебнуться от золота» (№ 51, 1916, С. 16).*

Резкое ослабление австрийских позиций и очередное мирное предложение со стороны Германии в начале 1917 г. вселяют оптимизм и вызывают в редакции благодушную иронию. Первый диалог:

Русский: – Кто там стучится? Что надо? Гогенцоллерн (подползая из последних сил под дверь): – Мы вас победили! Умоляю вас, сдавайтесь как можно скорее, или мы за себя не ручаемся!.. (№ 2, 1917, С. 1).

Второй диалог:

Русский: – Послушай ты, пленный! Тебя где взяли? Немец: – Да нигде меня не брали. Я сам взялся (№ 2, 1917, С. 12).

Канун русской революции ощущается и в «усталости» немецкой темы, и в нарастании количества внутренних социально-политических сюжетов, в той или иной степени связанных с войной. Веселая злоба грядущих, предвосхищаемых либеральным журналом перемен сквозит в новом повороте старых тем. Неприязнь к собственному правительству, раздражение от неизбежных цензурных запретов звучат в серии фельетонов и карикатур первых номеров 1917 г. Целый журнальный разворот посвящен карикатуре, изображающей сам «Сатирикон» (упитанное существо с рожками и трезубцем), угрожающе нависший над Вильгельмом II. И подпись:

> Сатирикон: – У-у, как я тебя ненавижу. Проклятый!..
> Вильгельм: – Почему? За то, что я воюю с вами?
> Сатирикон: – Нет. А за то, что ты мне надоел. Ты – единственный, кого я могу касаться! (№ 6, 1917, С. 16).

Как определить позицию «Н.С.» в революционных событиях 1917 г.? Пожалуй, как неприятие двух «внутренних крайностей», ответственных, по мнению либерального журнала, за бедствия, сопоставимые по масштабу с войной и внешней агрессией. В этом смысле главными противниками для журнала становятся русские социал-демократы, в особенности большевистского толка, – с одной стороны, и царизм в лице Николая II и прогермански настроенной императрицы – с другой.

В знаковой для издания рубрике «Волчьи ягоды» собраны жесткие, неприязненные карикатуры Радакова. На первой – русский эсдек пафосно изрекает:

> «Товарищ немецкий рабочий! Протянем друг другу руки!» И получает в ответ: «Не могу свою протянуть: шрапнель для войны делаю». На второй карикатуре «благочестивейшая, самодержавнейшая» Александра Федоровна обращается к немцу: «А ты где, голубчик, был взят в плен?» Немец: «Под Двинском. В атаке». Александра Федоровна (уточняя): «И кто же победил: наши или русские?» (№ 23, 1917, С. 16).

Тема внутреннего предательства становится самой распространенной, самой драматичной и болезненной и в 1917, и в 1918 гг. Смутное время сказывается на работе редакции, издание начинает выходить нерегулярно, нервический настрой публикаций усиливается. Сообщение о том, что, узнав о революции, царь готов открыть немцам Минский фронт, вызывает (задним числом) всплеск ненависти к прежнему режиму: на карикатуре Ре-Ми крошечный Николай II подползает к линии фронта, чтобы огромными ножницами перерезать колючую проволоку противопехотных заграждений. Мы были на волосок от предательства и гибели! – восклицает «Н.С.» летом 1917 г., не ведая о том, что случится в октябре… (№ 24, 1917, С. 1).

«Внучек германской марки»

Впрочем, в редакции журнала с грустью осознают политическую слабость сил, пришедших к власти после Февральской революции, и это хорошо видно на примере маленькой фельетонной зарисовки о невеселых буднях Временного правительства:

Не имея возможности разговаривать по телефону из-за болезни, военный министр получал многочисленную корреспонденцию. Усталый и больной, министр автоматически вскрывал конверты и прочитывал письма…

«Старик! Мы, банщики нижегородских бань, в пленарном своем кворуме предлагаем по нашему банному наречью – извольте вам под душ. Подавайте в отставку».

Грубый конверт сменился надушенной розовой бумагой.

«Приезжая блондинка, очень строгая, по желан. массаж, жесток., просит одолжить двадцать пять рублей. Разъезжая ул., 18, вход под аркой. В случае отказа вы немедленно подадите в отставку. Блондинка».

Министр устало вздохнул. За сегодняшний день это было двадцать восьмое письмо… (№ 26, 1917 С. 6).

Надо сказать, что Ленин и *«ленинцы»* нет-нет, да и мелькали на страницах журнала и в конце 1916, и в начале 1917 г., причем, в довольно жалком и не слишком угрожающем обличье. Типичный в этом отношении рисунок: маленький, противный человечек ярко выраженного семитского типа (обобщенный образ еврея-большевика) пытается за полу шинели удержать русского солдата, рвущегося из окопа в атаку… (№ 14, 1917, С. 3.). А в следующем номере – изображение аккуратного, благообразного германского социал-демократа на фоне трупов, сваленных в одну братскую могилу, и – призыв; *«Пролетарии всех стран! Соединяйтесь! Места хватит!» (№ 15, 1917, С. 3).*

После октябрьского переворота настроение журнала резко меняется. Новое направление в развитии германской темы отражает новые политические реалии, симпатии и антипатии авторского коллектива. Показателен рисунок Ре-Ми, на котором *«дед и бабка русской революции»* – Кропоткин и Брешко-Брешковская[4] – удивленно посматривают на Ленина-младенца: *«А внучек-то оказался германской марки…» (№ 24, 1917, С. 5).*

Жестко критикуя большевистскую германофилию, политические памфлеты «Н.С.» изображают Ленина *«“снежной бабой”, слепленной Вильгельмом»,* своего рода *«немецкой Снегурочкой»* (№ 25, 1917, С. 3). Однако опыт первых месяцев советской власти показал, что эта политическая фигура сделана из куда более прочного материала, и авторы журнальных публикаций начинают осознавать личность Ленина как некий симбиоз «внешнего» и «внутреннего» врага, который настроен в антироссийском духе и несет разрушение.

В фельетонах этого времени Ленин и его ближайшее окружение уподобляются *«взрывающимся карандашам»* немецкого производства (таковые, по сообщениям печати, были обнаружены на российской территории); этот образ символизирует для авторов жестокую диверсию германских спецслужб против мирного населения. Доставленный в запломбированном вагоне Ульянов-Ленин стал, по мнению «Н. С.», инструментом революции, этой очередной, хорошо продуманной и блестяще удавшейся германской акции против России (№ 20–29, 1917).

Мотив сепаратного мира с Германией до самого конца существования «Н. С.» будет звучать как опасная, предательская *«игра в одни ворота».*

Пока же – горечь прозревающего интеллигента при виде хаоса и дезертирства, обманутые надежды на революцию как освобождение от *«романовского предательства»* – все эти настроения отразятся в *«Траурном номере»* декабря 1917 г. Так, полон горькой иронии совет германскому императору покрепче держать своих «вильгельмов-

Рисунок Г. Антоновского, «Новый Сатирикон», 1917 г.

либкнехтов» в тюрьме, а в стихах С. Михеева *«Свободный Петроград»* трагический апофеоз русской смуты предстанет зримо, как у Босха:

На нарядной панели,
На солнечно-пестрых углах
Гниющие люди сели
Рассказать о своих делах…
Уроды, слепимы и калеки –
(Выбор столичный строг) –
У этого выворочены века,
Тот с горбом, этот без ног…
Ползают, причитают и воют,
Кривят жадные рты.
Радостную, зеленую хвою
Слюнявят кроты…
По утрам кто эти трупы
Развозит из каменных нор?
Кто этой жуткой труппы
Развязный антрепренер?..
(№ 31, 1917, С. 6).

1918-й, последний год существования «Нового Сатирикона» – существования неровного, спазматического – завершает немецкую тему, бросая гневное обвинение большевикам, ибо как правящая партия национальной измены, они привели страну к полуколониальному статусу. Германии же, при всех ее собственных трудностях, удалось-таки воспользоваться плодами этой блестяще проведенной «антироссийской акции».

Специальный мартовский номер под девизом *«Made in Germany»* живописует ужасы грядущего порабощения России в результате *«брест-литовского предательства».* Следует серия карикатур одна унизительней другой: то немецкий чиновник ставит свое тавро на теле русского крестьянина – *«годен в пищу»,* то германский офицер с кнутом пашет землю на пленном русском солдате – *«мух отгоняет»,* то два немца-колонизатора после отстрела негров в Африке успокаивают друг друга: *«Пустяки. Перейдем на белое мясо. Еще русские остались» (№ 5, 1917, С. 3–5).*

А где же совесть нации, «просвещенное общество», «люди с убеждениями», «передовая интеллигенция»? «Иных уж нет, а те далече…» А оставшиеся – в добровольном маразме пьянства и отупения. О них – убийственный фельетон Аркадия Аверченко на фоне жуткой футурологии русского будущего «под немцами», к ним – его язвительное обращение:

> Вы, пьяницы, гуляки, алкоголики… Вы, русские забубенные головушки… Что? – Одна нога в ботинке, другая босая, волосы в пуху, голова разваливается от боли, а кривое зеркало над кроватью кажет огромнейший кровоподтек между ухом и глазом… Ф-фу!.. (№ 5, 1918, С. 16).

«Четыре гвоздя для “великой России”»

А в это время бережливый немец (возврат на новом витке к теме немецкой практичности) с удовлетворением поглядывает на фигуру России, распятой на кресте: «*Как славно! Для “Великой России” всего-то понадобилось четыре гвоздя…*» (№ 5, 1918, С. 6).

Неполные пять лет своей истории «Новый Сатирикон» заканчивает на трагически-возвышенной и мужественной ноте. Свой последний спецномер (июль 1918-го) он называет символически – «О прекрасной Франции». Сопротивление Франции последнему крупному германскому наступлению на Западном фронте воспринимается создателями журнала как «рука помощи», благородно протянутая гибнущей России. А сама борющаяся Франция становится символом нереализованной в России либеральной мечты – о свободе, демократии, патриотизме, гражданском достоинстве.

Под девизом «Да здравствует Франция!» журнал публикует рисунок К. Груса, на котором аллегорически изображена Россия, поруганная, прикованная немецкими цепями к позорному столбу и охраняемая толстым германским офицером. А рядом, в дыму сражения, видна фигура измученной, раненой, но продолжающей бой Франции… В уста России вложено прощальное приветствие ей: *«Morituri te salutant!»* (№ 15, 1918, С. 16)

Динамика развития немецкой темы и образа немца на страницах «Нового Сатирикона» в военные годы позволяет судить о глубинных мировоззренческих сдвигах и разнообразных идеях в мире российской либерально-патриотически ориентированной интеллигенции.

На протяжении 1914–1918 гг. характерно меняется даже девиз в логотипе журнала. Этот смысловой камертон звучит сначала как – «ВОЙНА», потом – «ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕСПУБЛИКА» и «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА». Затем какое-то время журнал выходит вообще без девиза, а в конце, после большевистского переворота, он появляется под лозунгом «ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!»

Очевидно, по мере развития социально-политической ситуации создатели журнала воспринимали актуальные события и высказывали свое мнение о некоем «коллективном немце» (соседе или противнике, карателе или пленном, победителе или побежденном) в силу собственного видения современной им российской действительности. Гротесковое изображение образа «немца» проделало примечательный

для своего времени путь: от осознания культурной и цивилизационной инаковости – через национальную и этническую неприязнь – к политической конфронтации и метафизическому уровню восприятия как «врага внешнего и внутреннего». В финальном образе этого весьма условного «немца» исчезают собственно национальные черты, ибо он становится универсальным символом апокалиптической катастрофы, случившейся с Россией в 1917–1918 гг. «Немец» (вернее – «германец»!) – лишь носитель зла, торжествующего в России при попустительстве внутренних сил.

Естественно, в отражении этой интеллигентской мировоззренческой коллизии мера таланта художника и литератора определяла степень убедительности журнальных публикаций. Отношение же к внутренним проблемам страны и ее власти становилось каждый раз точкой отсчета для оценки роли «немца» и Германии в «русской судьбе», добавляя сатирические краски и усложняя набор исторических и литературных символов в их изображении. От солоноватого юмора – через едкую сатиру – к горькому смеху сквозь слезы над самими собой меняются средства выразительности материалов издания.

И все же, в целом, образ немца-человека в «Новом Сатириконе» отнюдь не монолитен. Широкий разброс мнений и быстрая смена идейных парадигм в обществе, нервический накал страстей военного и революционного времени, чехарда эпохальных событий – все эти факторы формируют мировоззренческую эклектику журнала. Устойчивый, традиционный образ «немца» в этом силовом поле сначала дробится на кусочки политически актуальных мифологем, а затем – впопыхах и с явными пробелами – складывается в новую картину, где информационное сообщение каждого фрагмента постоянно меняется под внешним и внутренним воздействием. Особенно – когда военная драма заканчивается, уступая место внутренней трагедии страны, переживающей тяжелейший социально-политический кризис.

1941–1945: «Блицсосиски» или «Смех под запретом»

Однако и драме военного столкновения России и Германии суждено было повториться – с еще большими потерями для обеих сторон. Неудивительно, что журнальная сатира в годы Второй мировой войны снова оказалась на передовой.

Показательно, что именно на время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. приходится небывалый взлет популярности «Крокодила», этого признанного лидера советской сатиры, «законодателя моды» в своей области. Старые и новые традиции фельетона и карикатуры, популярность этих жанров в массах давали властям возможность очень эффективно продвигать в материалах издания свои идейно-политические установки, особенно в условиях открытого военного противостояния с гитлеровской Германией.

Буквально накануне нападения Германии на Советский Союз (22 июня 1941 г.) в «Крокодиле» появляется мини-фельетон о тех социальных тяготах, которые немецкий народ вынужден терпеть из-за внешнеполитических амбиций фюрера, и карикатура с характерной подписью-каламбуром:

> Гитлер обещал провести нас по всему миру… Ну что ж! Это обещание он полностью выполнил: германский народ действительно пущен по миру.

«Из международной картотеки преступников: Адольф Гитлер». Рисунок Н. Радлова, «Крокодил», июль 1941 г.

Из номера в номер настойчиво звучит мотив: отделить немецкий народ от нацистского руководства, донести до читателя представление о принципиальном различии интересов рядового немца и гитлеровской верхушки.

В одном из фельетонов («Крокодил», № 12, 1941, С. 2) передается шутка, якобы пришедшая из Берлина:

> Идет человек по улице и, ни к кому не обращаясь, произносит вслух слово «бандит». Его тут же арестовывают по обвинению в оскорблении фюрера. – Знаем, знаем, кого вы имели в виду, – сказали ему в полиции.

«Продовольственная» тема будет продолжена и в дальнейшем: она теснейшим образом связана с провалом планов германского командования на скорое завоевание СССР. «Крокодил» сообщает, что в Берлине пользуется особым успехом следующий анекдот:

> В очереди:
> Мясник: – В ознаменование победоносной войны с русскими фюрер приказал выдать сосиски.
> – Только бы он не назвал эти сосиски блицсосисками.
> – Почему?
> – О, тогда нам придется ждать их долгие годы (№ 14, 1941, С. 2).

Далее следуют анекдоты, якобы дошедшие из Германии и оккупированных стран.

Рисунок А. Баженова, «Крокодил», 1941 г.

– Что такое беда? – спрашивает один немец другого. – Если Гитлер упадет с балкона, – это беда. – А что такое горе? – Если он при этом не разобьется, – это горе!..

Учитель-фашист говорит своим ученикам: – Наши дела, ребята, идут как по маслу. Дети всполошились:
– А что такое масло, герр учитель? (№ 12, 1945, С. 2).

Эти примеры грустного юмора «из-за рубежа» (в сочетании с рассказом Григория Рыклина о том, как в подполье умеют смеяться советские герои-партизаны – № 12, 1941, С. 4–5) демонстрируют мысль, которая будет развиваться в журнале на протяжении всех военных лет. Убийцы и преступники не умеют смеяться, убийцы боятся смеха. В Германии смех под запретом. Смех как признак духовного здоровья свойственен тем, кто страдает, но мужественно противостоит насупленному и шизофренически серьезному «нордическому» настрою Гитлера. При этом, настойчиво проводится идея: «враги советского народа» и «враги немецкого народа» – это одни и те же персонажи (далее следуют едкие карикатуры на фюрера и его ближайших *«товарищей по партии»*).

Все эти мысли и приемы весьма созвучны с идеями «Нового Сатирикона». А многочисленные «крокодильские» анекдоты о Гитлере в сумасшедшем доме завершаются редакционным комментарием, который (с поправкой на Вильгельма) как будто сошел со страниц этого дореволюционного издания:

Эти истории имеют большой успех в Германии. Конечно, не среди фашистов, а среди нормальных, здоровых немцев (№ 13, 1941, С. 4).

«Мы – непьющие» или «грабь-армия»

Существует и еще одна тема, которая перекликается в двух сатирических изданиях при подаче немецкой темы. Это многочисленные исторические отсылки, цель которых показать, что нынешняя война и поведение в ней германских властей есть де-

градация немецкого духа, культуры, полный крах просвещения и гуманизма. Так, в стихотворении В. Гранова тевтонский рыцарь в латах, стоящий в музее, обращается к современному человечеству:

Говорят, средневековье
Возрождают псы-фашисты…
Но торжественно клянусь я,
Присягнуть сейчас готов я,
Что не знал подобной жизни
Даже в дни средневековья.
(№ 12, 1941, С. 13).

Продолжая тему, «Крокодил» публикует историко-сатирическую таблицу с подробным рассказом о том, от кого и при каких обстоятельствах бежали немцы в 1242, 1410, 1759, 1760, 1918 годах… (№ 12, 1945, С. 14). А Кукрыниксы рисуют карикатуру под заголовком: *«Братья по крови».* На рисунке – Гитлер и Наполеон (№ 29, 1941, С. 8). Тема была популярной и имела продолжение: через два года (№ 21, 1943, С. 4) художник Лев Бродаты изображает призрак французского солдата, издевательски сопровождающего барабанной дробью отступление немцев *«по старой Смоленской дороге»…*

Неожиданный оборот историческая тема приобретает под пером блистательного Михаила Зощенко. Он пишет фельетон на Гитлера, изображая его как «Чингисхана с самолетом», правителя, узурпировавшего право переустраивать социальную жизнь своего и чужих народов. Однако вслушаемся в то, **как** звучат слова грустного юмориста эпохи сталинизма:

Но сознание нельзя прекратить. Мысль работает, как бы ее ни подавляли… (№ 15, 1941, С. 2).

Нет ли и здесь, как в случае с «Новым Сатириконом», сублимации (но более осторожной) собственных, внутренних проблем в немецкой теме? Сказать трудно. В «Крокодиле», пожалуй, только талантливому Зощенко и удавалось говорить о проблемах защиты свободы мысли так, что даже бдительная советская цензура не чувствовала идеологической угрозы.

Типична для военных публикаций «Крокодила» тема алкоголизма во вражеском стане. Она также перекликается с материалами «Нового Сатирикона», но приверженность к выпивке подается не как «пьянство с горя», а как единственное условие мужества германского солдата, занятого неправым делом. Следуют многочисленные материалы о том, что немецкие солдаты идут в атаку пьяными, публикуется характерная карикатура Ю. Ганфа с подписью:

– Черт возьми! Почему вы не идете в атаку?
– Мы – непьющие… (№ 15, 1941, С. 3).

Столь же типичной предстает и тема мародерства как побудительная причина войны, обнажающая низменность мотивов Гитлера, камуфлирующего их грабительский смысл идеей «арийского превосходства». Само за себя говорит, к примеру, название фельетона Я. Рудина – *«Грабь-армия»* (№ 20, 1941, С. 6). Фотомонтаж

«Госпожа Грюневальд из Дрездена использует принудительный труд русской девушки Ани…». Рисунок Л. Бродаты, обложка журнала «Крокодил», № 21, 1943 г.

Б. Клинча показывает нам «лицо» германского офицера, составленное из награбленных в других странах вещей (№ 24, 1841, С. 4). Эта тема будет дежурной до самого конца войны (№ 9, 1945, С. 8).

С особой жесткостью – вплоть до открытой грубости и брани – даются сатирические портреты самого Гитлера и карателей-гестаповацев. Причем, жесткость этого настроя со временем только возрастает – особенно в фельетонах Леонида Ленча и рисунках Б. Клинча.

Однако и к невоюющим немцам отношение становится все критичней. Фельетон Д. Заславского рисует будущий суд над «честным, мирным немцем», колбасником Августом Пинке за «соучастие в грабеже, разбое и в подстрекательстве к убийствам». Ведь он получал с фронта продовольственные посылки… (№ 1, 1943, С. 3). Большие претензии авторы «Крокодила» имеют и к немецким дамам, которые «ходят во всем ворованном или содранном с убитых» (№ 25, 1941, С. 3).

Женская тема с ожесточением и горечью звучит в стихотворении Василия Лебедева-Кумача *«Самки зверей»*:

Фашистские женщины, самки зверей!
Быть может, от боли, страданий и ран
И в вашей душе сквозь кровавый туман

Хоть что-то мелькнет человечье.
(№ 25,1941, С. 2).

«Кушать подано, дядя Отто!»

Со временем из множества публикаций выстраивается новая тема, которую вплоть до конца войны будут охотно обыгрывать авторы «Крокодила». Это упоминания о многочисленных эрзац-заменителях, прочно вошедших в повседневную жизнь немцев при Гитлере. Фельетон И. Пруткова «Кушать подано» (№ 23, 1941, С. 4), стихи М. Косовского «Подделка» (№ 24, 1941, С. 3) и многие другие публикации выражают общую мысль издания: при фашистской эрзац-идеологии вся жизнь немцев превратилась в фальшь и подделку. Отсюда – и глубокое нездоровье, которое проявляется не только в «бесноватости» фюрера и истерии его ближайшего окружения, но и в стойких неврозах, бытующих в среде «простых немцев».

Идиотизм и извращенность социальной политики нацистского руководства зло высмеиваются в рассказе Г. Рыклина «Браки совершаются по радио»:

> На днях берлинское радио торжественно сообщило о том, что впредь разрешается и даже поощряется бракосочетание по радио.
> Уточняя это важное мероприятие, берлинское радио сообщает:
> «Так, например, солдаты гарнизонов опорных пунктов (так они деликатно называют “котлы” и “мешки”) смогут сочетаться браком с женщинами и девушками, находящимися в Германии».
> Словом, отныне судьба обреченных фрицев значительно облегчена. В «котлах» стало комфортабельнее, в «мешках» – светлее. Кончилась неуютная холостяцкая жизнь.
> … Запахло свадьбами в Германии. Весело, как на похоронах (№ 4, 1945, С. 3).

Война как признак германской психопатологии, облучающей общество сверху вниз, – эта тема все громче звучит на страницах журнала по мере продвижения советских войск на Запад. Под рубрикой *«Весенние мелодии»* приводятся выдержки из немецких писем об участившихся самоубийствах в Германии (их становится все больше по мере того, как с Восточного фронта приходят новые известия о гибели родных) (№ 17, 1943, С. 4). Настоящую эпидемию самоубийств в Германии иллюстрирует рисунок Юрия Ганфа (№ 20, 1943, С. 7).

Со временем, ближе к концу боевых действий, эта тема трансформируется в настойчиво повторяющийся сюжет *«фольксштурма»* – безостановочного бегства немцев, паники и истерии среди германского населения, попавшего в мясорубку войны (№ 9, 1945, С. 8). Это плачевное состояние немцев подается как заслуженное воздаяние за увлечение фашизмом или за молчаливое потакание ему. Идея расплаты и запоздалого прозрения сформулирована в стихотворении Владимира Иванова «Что такое война».

У немцев, идущих ко дну,
Изменяется взгляд на войну…
(№ 5, 1945, С. 8)

Отметим, однако, что тема «прозрения» рядового немца звучала на страницах «Крокодила» и раньше. Типичен в этом отношении анекдот, опубликованный под названием «Правильное решение»:

Над разрушенным бомбами Берлином пролетают Гитлер и Геринг.
– Я брошу мужчинам свои карточки на табак и шнапс, – сказал Геринг, – и тогда все мужчины будут за меня.
– А я брошу свои карточки женщинам на туфли, пудру и белье, – сказал Гитлер, – и тогда все женщины будут за меня.
Услышав это, летчик говорит:
– Брошу-ка я лучше вас обоих вниз – и тогда весь народ будет за меня (№ 20, 1943, С. 6).

Болезненное, кризисное сочетание страха, осознания вины, морального разложения и суицидальных настроений – именно так характеризуют публикации «Крокодила» состояние общественного сознания немцев весной 1945 г. Карикатура Льва Бродаты *«Выход из положения»* рисует в духе «черного юмора» семейную сценку: хозяйка дома, наблюдая наступление русских, обсуждает с прислугой пути спасения:

– Марта, нужно вывесить белую простыню: русские пришли.
– Нельзя. На ней клеймо минской гостиницы.
– Тогда полотенце.
– Оно с украинскими вышивками.
– Тогда вывесим дядю Отто. Он бледный, как полотно (№ 3, 1945, С. 3).

«Дети Гете». Простить нельзя помиловать?

Непримиримый настрой публикаций «Крокодила» сохранился и в самом конце войны. Материалы Г. Рыклина, М. Долинова, М. Черемных идут под одним общим лозунгом: *«А мы их все-таки повесим!».* Уточним, что имеются в виду военные преступники (№ 9, 1945, С. 2; № 18, 1945, С. 6–7). Злой иронией по поводу самой темы прощения врага звучит сообщение, якобы пришедшее от собственного корреспондента в Ватикане:

Здесь разрабатывается проект всеобщего отпущения немцам грехов, не только уже содеянных ими, но и тех, которые будут совершены (№ 14, 1945, С. 2).

И, наконец, карикатурная сатира поднимается до уровня плакатного пафоса в рисунке Бродаты «С Востока свет!» Дверь тюрьмы распахивает русский солдат, отпуская на свободу пленников; в темноту каземата врывается солнце, освещая фигуры… Шиллера, Гейне, Гете, Канта (№ 4, 1945, С. 4). Так ровно тридцать лет спустя «Крокодил» завершает тему, открытую еще «Новым Сатириконом»: германская военщина как враг культуры собственного народа, как разрушитель немецкой цивилизации (вспомним стихи Вл. Воинова о *«детях Гете, внуках Канта»* – «Новый Сатирикон», № 9, 1915).

«С Востока свет!». Рисунок Л. Бродаты, «Крокодил», 1945, № 4.

* * *

Итак, если сопоставить образы немца в изображении либерального «Нового Сатирикона» и коммунистического «Крокодила», то бросается в глаза неожиданное сходство тем, сюжетов и подходов, общность образного ряда и политических оценок. Даже гораздо большая идеологическая ангажированность «Крокодила» и особое ожесточение военно-политического противостояния эпохи Второй мировой войны не слишком меняют содержательную сторону сатиры советского издания по сравнению с его дореволюционным аналогом. Очевидно, очень глубокие пласты стереотипного восприятия «образа немца» продолжают существовать и в советскую эпоху.

Критика мелкобуржуазной стихии – питательной среды для агрессивных настроений германской военщины, внешняя цивилизованность немцев при нравственной деградации и варварстве, материальная корысть, скрывающаяся за высокими словами об арийском «триумфе воли», массовые психопатологии как реакция на государственную идеологию – все эти мировоззренческие и культурно-психологические установки формировали сатирическое поле обоих российских изданий в столь разных исторических ситуациях.

Различие заметно лишь в одном, но чрезвычайно важном аспекте. В «Новом Сатириконе» подспудно, но неизменно присутствует тема саморефлексии. Война с немцами для его авторов – возможность поразмышлять о проблемах в самой России. Поэтому окончание военных действий и трагедий 1917 г. – важнейший повод для

запоздалой, но искренней работы либеральных авторов над собственными идейными и политическими ошибками.

Жесткие официозные установки советского издания, а также принципиально иной политический итог Второй мировой войны диктуют особый наступательный настрой публикациям «Крокодила». Кроме того, уверенность в правоте своего дела, убежденность в исторической справедливости воздаяния агрессору, свойственные массовому сознанию советских людей той эпохи, закономерно предопределяли боевитый оптимизм публикаций журнала на немецкую тему.

И все же очевидно одно: в эпохи войн восприятие врага (в данном случае – немца) строится по сходному (если не общему) алгоритму общественного сознания, опираясь, при этом, на глубокие этно-психологические архетипы. «Злодей» и «жертва», «бывший наставник в европейской культуре» и «мальчик для битья», «агрессор» и «мирный обыватель», «носитель порядка» и «источник европейского хаоса», «голодный Ганс» и «сытый Вильгельм», «оболваненный Фриц» и «бесноватый фюрер», «цивилизованный мародер» и сокрушенный войной «дядя Отто» – эти и многие другие роли исполняет «немец» в российских сатирических изданиях, снова и снова появляясь на их страницах в эпохи величайших драм в истории человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Аркадий Аверченко (1881–1925, умер в эмиграции в Праге); Алексей Радаков (1879–1942); Николай Ремизов (1887–1975, настоящая фамилия Васильев, псевдоним Ре-Ми, умер в эмиграции в США); Александр А. Юнгер (1883–1948); Саша Черный (1880–1932, умер в эмиграции во Франции); Надежда Тэффи (Лохвицкая, 1872–1952, умерла в эмиграции в Париже); Аркадий Бухов (1889–1937, казнен); Владимир Маяковский (1893–1930, самоубийство). *[Н.] Тэффи, О. Дымов, А. Аверченко.* Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». – СПб., 1912. (Репринт. – М., 1991); *Аркадий Аверченко.* Экспедиция в Западную Европу сатириконцев Южакина, Зандерса, Мифазова и Крышакова. – Пг., 1915; *A. Averčenko.* Grotesken. Deutsch von Elise Köppen. – München, 1914; *A. Averčenko*. Das Verbrechen der Schauspielerin Maryskin und andere Grotesken. Übersetzt von Werner peter Larsen. – München 1919.

[2] Кукрыниксы – название группы художников-карикатуристов, в которую входили Михаил Куприянов (1903–1991), Порфирий Крылов (1902–1990) и Николай Соколов (1903–2000). Ср. [Vgl. auch: Karikaturen. Kukryniksy. – Berlin (Ost), 1977; Die Lachküche. Eine Literaturenenzyklopädie in Karikaturen und Selbstzeugnissen. Gezeichnet von den Kukryniksy. Aus dem Russischen übersetzt von Waltraud und Wolfram Schröder. Hrsg. Von Fritz Mierau. – Leipzig und Weimar, 1981.

[3] Образ немца в «Новом Сатириконе» был собирательным как для немцев, так и для австрийцев. И тех, и других воспринимали как представителей враждебных стран, и это мнение еще больше укрепилось в последующие годы.

[4] Екатерина К. Брешко-Брешковская (1844–1934) – один из организаторов и руководителей партии эсеров; участвовала в революционном движении с 1870 г., находилась в заключении и ссылке в 1874–1896 гг. Участвовала в революции 1905–1907 гг., известна как «бабушка русской революции», с 1919 г. жила в эмиграции.

Клаус Вашик

МЕТАМОРФОЗЫ ЗЛА: образы врага в плакатной пропаганде в России и Германии в 1930–1950-х годах

Высказывание американского президента Рональда Рейгана, в начале 1980-х гг. назвавшего СССР «империей зла» и этим выразительно противопоставившего политические, идеологические и этические принципы западного мира и СССР, стало лишь одним из многих в длинной веренице образов врага, сложившихся на Западе по отношению к России и Советскому Союзу. Советская Россия в течение более 70 лет после Октябрьской революции, в свою очередь, также считала себя «лагерем мира и социализма», который, с мировоззренческой точки зрения, был противоположен полюсу «капиталистического эксплуататорского мира». За прошедшие 70 лет в России также сложилась богатая палитра образов идеологических и политических противников.

Эти образы, а также идеологические и пропагандистские средства, применявшиеся при их создании, и являются предметом рассмотрения настоящей статьи[1]. Ограничение периодом конца 20-х – начала 50-х гг. оправдано, прежде всего, потому, что во времена национал-социализма в Германии и сталинизма в Советском Союзе степень радикальности и фанатизма этих образов достигала апогея[2]. Хотелось бы также показать, что традиционные линии в разработке образов врага, так сказать, визуальная память об этих образах уходит в прошлое, далеко за пределы выбранного промежутка времени, хотя их действие и прослеживается вплоть до 50-х гг.[3]. Представление и изображение «другого» агрессивным противником и злейшим (принципиальным) врагом не есть атрибут исключительно тоталитарных режимов в Европе, а является в большей мере выражением воздействовавших долгое время предрассудков, которые отражались в соответствующих изобразительных традициях с начала XIX в.

При том, что особое внимание обращается на идеологический дискурс, который предшествовал созданию исследуемых изображений как определенных медиальных продуктов, стоит отметить, что многие аспекты требуют дальнейшего углубленного анализа. В особенности это касается организационных, структурных и политических основ пропагандистских механизмов в Германии и СССР – механизмов, непосредственно участвовавших в процессе создания образов врага, а также проблем восприятия, то есть действительной или предполагавшейся действенности пропаганды[4].

Анализ развития образов врага будет производиться в соответствии с хронологическим принципом; при этом, следует помнить, что наблюдения, сделанные о структурах изображения в отношении одной из фаз, могут обладать определенной значимостью и применительно к предыдущему или последующему временны́м промежуткам. Во временны́х рамках каждой из этих фаз будет сделана попытка пояснить соответствующий этой фазе концепт и образ врага и показать, что, несмотря на некоторые структурные совпадения, например, в механизмах пропаганды, и формальное подобие, *между* Советским Союзом и Германией существует принципиальная разница в

формировании тоталитарной культуры, которая зачастую сглаживается ставшей модной унифицированной трактовкой, подчеркивающей схожесть между тоталитаризмами. В результате, создается ложное впечатление, что на основании формально, по видимости, схожих явлений, например, пропагандистских намерений или способа представления фигур, можно делать выводы и об идентичности глубинных механизмов тоталитарных систем. Рассмотрение соответствующих коммуникативных ситуаций и намерений позволяет сделать очень существенные коррективы в подобном сравнительном исследовании и суметь выявить различный коммуникативный статус даже у схожих между собой визуальных феноменов.

О предыстории восприятия чужого и образов врага

1. Ситуация в Германии

Хотя до и во время Первой мировой войны «заклятым врагом» Германии называли Францию, отводя ей, тем самым, центральное место среди образов «врага», никогда не оспаривалось, что этот западный сосед имеет статус большой культурной нации с длительными традициями совместного существования в Европе. Россия же, напротив, считалась в Германии (и это представление уходит корнями еще в начало XIX в. и даже в Средневековье) бескультурной, агрессивной и чуждой страной, не имеющей ничего общего со странами Западной Европы[5]. Соответственно, царская Россия, а затем и Советский Союз считались не только особенно опасными, но и, в культурном смысле, неполноценными. Чужеродность и отсталость царской России выражались одним банальным понятием «азиатский характер России». Отсталость по отношению к Западной Европе считалась, в широком смысле, результатом якобы природной примитивности русских и их неспособности к культурному развитию. В то же время, был страх перед размерами, мощью страны и стремлением русских к завоеваниям. Национальные предрассудки находили свое отражение в книгах балтийских немцев, изданных в конце XIX столетия[6], а также в школьных учебниках, в которых, среди прочего, о русских говорилось следующее (1908):

> Непреодолимая суровость природы воспитала в них [в русских] нетребовательность, терпение и покорность и одновременно фатализм, что обусловило, за исключением великорусского племени казаков, потерю способности к активным действиям. <…> Российские племена являются полуазиатами. Их дух несамостоятелен, понятие истины у них заменено верой, они не обладают стремлением к исследованиям. Раболепство, продажность, нечистоплотность – это чисто азиатские свойства[7].

В пропагандистских листовках Первой мировой войны особенно подчеркивались такие черты, как жестокость, бессовестность и свирепость.

> Русский характер отличается, в первую очередь, контрастом между меланхолией, чисто славянским добродушием и жестокими, кровожадными инстинктами, присущими исключительно азиатским кочевым народам (1916)[8].

Илл. 1. Н. Арно. «Отечество в опасности!». Немецкий плакат 1919 г.

Илл. 2. Руди Фельд. «Опасность большевизма». Немецкий плакат 1919 г.

В одном из учебников Веймарской республики 1925 г, было написано следующее:

> Русская нация как таковая совершенно не способна к творческой созидательной деятельности; почти все, чего Россия достигла раньше, как внутри страны, так и за своими пределами, совершилось благодаря состоявшим на российской службе немцам и прибалтам немецкого происхождения[9].

Соответственно этим националистическим и расистским предрассудкам, основывавшимся на высокомерии западной державы, считающей себя колыбелью западноевропейской культурной традиции, Россия представлялась на плакатах Первой мировой войны олицетворением смерти и разрушения (илл. 1). На этих плакатах есть две существенные детали, которые впоследствии нашли широкое применение: это казачья шапка, т. е. указание на военную угрозу, и ясно узнаваемые азиатские черты в изображении глаз и подбородка. Эти признаки напоминали об угрозе нашествия гуннов, т. е. визуально оживляли в памяти исторические события, что позволяло, принимая во внимание национальные настроения в Германии, опираться на уже имеющиеся скрытые или эксплицитные стереотипы. Если сначала политическое руководство Германии, исходя из военных и внешнеполитических причин, вполне одобряло Октябрьскую революцию 1917 г. в России, то ситуация мгновенно изменилась в связи с революционными событиями в Германии 1918–1919 гг. С этих пор угрозу большевизма стали считать чрезвычайно опасной. В этих условиях новое ужасающее олицетворение Советской России как «азиатской орды», «сумасшедших

убийц» и «смерти» приобрело в деле предотвращения «большевистский мировой революции» особую актуальность (илл. 2).

Эти образы советской угрозы сопровождались такой характеристикой со стороны т. н. «народных правых», которая в решающей мере повлияла и на представления Гитлера о России. Родившийся в Латвии барон Мантойффель-Катцданген, который лично был свидетелем русской революции, писал в 1926 г., т. е. во время создания гитлеровской «Майн кампф»:

> Большевики уничтожают памятники культуры, музеи, архивы, любые письменные произведения. В них живет ненависть к нашей западноевропейской культуре, которая выразилась в уничтожении высшего образованного слоя общества. <…> С этой точки зрения, весь этот большевизм не что иное, как очередная монгольская угроза, повторение монгольского нашествия, которое уже раз когда-то потрясло и поставило на грань гибели арийскую расу и арийско-германскую культуру[10].

Из этой аргументации, в которой прослеживаются почти все признаки национал-социалистического расизма, вытекает вывод о необходимости (и без того неминуемой) борьбы против большевизма, способной не только отразить угрозу самому существованию Германии, но и создать для последней вожделенное жизненное пространство на Востоке. Таким образом, для дальнейшей радикализации образов врага национал-социалистами была подготовлена идеологическая почва, а также, как можно убедиться, и визуальная сторона. Обладая уже в 20-е гг. системно-целостными и опробованными в агитационной работе (в Первую мировую войну) моделями образов врага, национал-социалисты могли возвращаться к ним в 30-е гг. и во время Второй мировой войны. Уже в 1919 г. Гитлер назвал «еврейское воздействие» «расовым туберкулезом наций» и, тем самым, обратился к той компоненте национал-социалистического образа врага, которой было суждено в 30-е г. быть развитой гораздо дальше и кристаллизоваться до политического действия: еврейство стало «болезнью», евреи – «бациллами», «паразитами» и «животными»[11].

2. Ситуация в дореволюционной России и в первые годы после революции

Применительно к аналогичной ситуации в России следует сказать, что антигерманские образы врага в дореволюционной России почти не были распространены. Это было следствием того, что Германия была для России длительное время положительным культурным ориентиром, и немецкая культура и немецкий язык имели высокую степень значимости для дореволюционной интеллигенции, а также вследствие значительного немецкого экономического присутствия и, не в последнюю очередь, семейных связей царской семьи и прибалтийско-немецкого дворянства с Германией. Антигерманские карикатуры были во второй половине XIX в. в России большой редкостью. Даже в начале Первой мировой войны, в разгар антирусской агитации и соответствующего «ужасного» изображения русских на плакатах и карикатурах в Германии, ситуация в России существенно не изменилась. Существует очень мало русских плакатов периода Первой мировой войны, на которых был бы запечатлен немец в образе врага. На этих плакатах бывшая военным противником Германия аллегорически изображалась в виде жадной до денег и разнузданной (час-

то полураздетой) проститутки и высмеивалась. Россия также изображалась в аллегорической форме, обычно как «русский медведь» или «сияющий юноша»[12]. Обе эти изобразительные концепции не преследовали никаких непосредственных целей демонизации, а, скорее, задавались в рамках устанавливающей дистанцию сатирической процедуры, которая стремилась принизить противника и минимизировать его угрожающий потенциал. Схожим образом реагировал русский лубок, чрезвычайно широко распространенные народные складные картинки, на которых в годы войны карикатурно изображались немецкие солдаты и, прежде всего, немецкий кайзер Вильгельм II (илл. 3). Лубки, авторами которых были такие известные художники, как Малевич, Лисицкий, Шагал, Маяковский, не преследовали агитационных целей и не были направлены на создание наводящих ужас образов врага; они хотели, прежде всего, выставить врага на посмешище и зачастую, скорее, являлись для зрителя объектом веселья, чем средством внушения фанатичной ненависти.

Илл. 3. Казимир Малевич. Карикатура на кайзера Вильгельма (лубок). Москва, 1914 г.

Илл. 4. Виктор Дени. «Капитал». Плакат 1919 г. со стихотворением Демьяна Бедного.

Изобразительная концепция карикатуры, сатирического прорисовывания определенных, «назначенных» характерными признаков противника, включала также и представление собственной (позитивной) стороны. Следовательно, по отношению к себе также часто устанавливалась юмористически действующая дистанция. В плакатах и, прежде всего, в лубках, немцам (в особенности кайзеру Вильгельму II) приписывались такие качества, как «трусость», «глупость», «заносчивость» и «недале-

кость»; русским – лестные качества, такие как «мощь», «основательность» и «мужество». Однако эти поляризованные модели оставались подчиненными условностям визуального жанра, так что, как правило, тенденции к героизации встречали определенное противодействие. Стабильность карикатуры как стилистической системы предопределяла границы интерпретации образа врага и имела очень значимые последствия для дальнейшего развития образа врага в России и Советском Союзе.

Русская визуальная традиция основывалась на утрировании иронических и карикатурных признаков, что являлось питательной средой для развития раннего советского плаката[13]. В определенной мере в немецком плакате времен Первой мировой войны, как и в русском, могут быть опознаны изобразительные элементы, указывающие на немецкий экспрессионизм и взявшие на себя функцию сохранения преемственности композиции и стилистики. Экспрессионистические образцы проявлялись как в выборе цветовых и контрастных гамм (например, в применении резких красных и желтых тонов), так и в динамическом размещении фигур, как правило, на темном фоне. Однако даже если заданная экспрессионизмом стилистическая традиция продолжала, определяя цветовой драматизм немецкого плаката, существовать вплоть до 40-х гг., эти взаимозависимости все равно проигрывают по сравнению с преобладанием сатирической системы в русском/советском плакате. В Советском Союзе функция памяти об определенном стиле была выражена гораздо сильнее, чем в Германии того же периода.

Вскоре после Октябрьской революции в советском плакатном искусстве появляется, по политическим и идеологическим причинам, образ врага, который был последовательно направлен на поиск форм изображения капитализма (илл. 4) и изобличал реальные угрозы интервенции со стороны Антанты и белого движения. Это означало, что возник вовсе не эксплицитно-антинемецкий образ врага, а, скорее, напротив, Германия лишь там становилась темой, где она выступала составной частью капиталистического мира. При этом, следует принять во внимание и формальную сторону: изображения злых духов, кровожадных монстров или аллегорий смерти (как, например, у Дм. Моора), когда они применялись для визуализации «капиталистической угрозы», были ослаблены жанровыми признаками широко развитой в 20-е гг. карикатуры и часто, очевидно, должны были веселить зрителя; это в особенности относится к советским «Окнам РОСТА»[14] начала 20-х гг.[15]. Если плакаты периода Гражданской войны преследовали цель вызвать чувство ненависти к противнику и поднять боевой дух Красной Армии, то, в первую очередь, это делалось из *идеологических* соображений, а его принадлежность к определенной национальности или расе не принималась во внимание; поэтому антинемецкие эмоции здесь не имели значения или играли небольшую роль[16].

Иначе выглядела визуальная пропаганда со стороны белого движения: наряду с алгоритмом переворачивания (кстати, из этого становится ясно, насколько ограничен был знаковый репертуар ранней советской изобразительной пропаганды) мотивов (например, мотив «змея»/«дракон») и композиционных структур (антитетические конструкции) белогвардейский плакат уже в 1919 г. обращался к расистским антисемитским элементам, которые в 30-е гг. были восприняты национал-социалистической пропагандой. При посредстве этих элементов Октябрьская революция сближалась с «еврейским всемирным заговором», а Ленин («первосвященник» марксизма), как и военный нарком Лев Троцкий (из-за его еврейского происхождения), клеймились как современные «христоубийцы» (илл. 5).

Илл. 5. Неизвестный автор. «Через кровь и через трупов груды». Белогвардейский плакат 1919 г.

Белогвардейский плакат, тем самым, предвосхитил главный образец аргументации национал-социалистической пропаганды, которая представляла «борьбу Христа с евреями» как противостояние Добра и Зла, Бога и дьявола. В запутанных планах «победы еврейства над Россией», с точки зрения белой агитации, скрывались предполагаемые причины революции и Гражданской войны, которые придавали «ужасной катастрофе» (Н. Бердяев) предельный смысл. «Евреи», таким образом, приравнивались к основополагающему Злу, всемирное уничтожение которого позже стало программной целью национал-социализма. Благодаря связыванию большевиков в симбиоз с объяснительным образцом «еврейского всемирного заговора», еще до «Майн кампф» Гитлера и захвата власти нацистами в 1933 г. в русском контрреволюционном плакате возникла расистски мотивированная стратегия разъяснения, которая обозначала советскую власть как «Апокалипсис тьмы» и возводила его причины к предполагаемому разрушительному влиянию еврейства[17].

Инфляция образов врага (30-е и 40-е гг.)

1. Пропагандистские концепции – основа развития образов врага

Дальнейшее развитие имеющегося репертуара образа врага, имевшее место в Советском Союзе и национал-социалистической Германии в 30-е гг.[18], следует рассматривать в тесной связи с господствовавшими и впервые систематически использованными пропагандистскими концепциями, их идеологическими основами, а также различными формами их практического применения[19].

Пропаганде как средству распространения, навязывания и интериоризации мировоззренческих целей, т. е. идей, морально-этических ценностей, поведенческих норм и установок, придавалось как в Советской России, так и в Германии чрезвычайно большое значение. С одной стороны, это нашло отражение в том, что в Советском государстве в 1920 г. при ЦК был создан собственный отдел пропаганды и агитации, который, опираясь на дифференцированное и впоследствии все более разрастающееся переплетение государственных, военных и профсоюзных органов, управлял воплощением в жизнь пропагандистских и агитаторских целей. При этом, следует

различать, что под «агитацией», в первую очередь, понималось искусство убеждать, подталкивающее к действию, т. е. непосредственный призыв предпринять или не предпринимать какое-либо действие. Поэтому агитация воздействовала прежде всего на эмоциональное восприятие и служила практической, военной или экономической мобилизации. «Пропаганда» же, напротив, опиралась в большей степени на когнитивное восприятие, имея целью распространение идей марксизма-ленинизма и, тем самым, рекламируя и разъясняя исторические «закономерности» социалистического государственного и общественного развития, что зачастую включало демонстрацию достигнутых «побед» и псевдонаучную демонстрацию «прогресса» социализма. Пропаганда являлась, таким образом, в советском понимании не только навязыванием определенных доктрин, но и просвещением широких масс народа, конечно, в ограниченной мере и в условиях всеобщей идеологии. Агитация и пропаганда должны были иметь на уровне знаков простую и наглядную структуру, должны были быть общедоступными, понятными и, прежде всего, отчетливо показывать, к кому они обращаются.

Вызывать ненависть и отвращение к «капиталистической эксплуатации» – в этом заключалась главная задача советского агитпропа, особенно в годы Гражданской войны. В 30-е гг. и позднее эта тематика в большей степени переместилась во внешнеполитическую область, в которой, начиная с конца 20-х гг., уже действовала дихотомическая оптика теории «двух лагерей», раскалывающая мир на вражеский «агрессивный лагерь капитализма/империализма» и «мирный, свободный от эксплуатации лагерь» Советского Союза. В этом дихотомическом мировоззрении, где на одном полюсе жестко группировались все положительные, а на другом – все отрицательные признаки, легко нашел свое место и новый образ врага – «фашизм».

В национал-социалистическом движении пропаганде также придавали большое, если не важнейшее, значение. Так, Гитлер писал уже в 1925–1927 гг. в «Майн кампф»:

> При моем внимательном наблюдении за историческими процессами меня необычайно интересовала деятельность пропаганды. Я видел в ней инструмент, которым особенно мастерски владеют и который умело применяют марксистско-социалистические организации. Я своевременно понял, что правильное применение пропаганды является настоящим искусством <…>[20].

И далее:

> Первейшей задачей пропаганды является привлечение людей с целью создания организации; первой задачей организации является привлечение людей для ведения дальнейшей пропагандистской работы. Вторая задача пропаганды состоит в *разрушении* существующей ситуации и *внедрении* в эту ситуацию нового учения, в то время как второй задачей организации должна быть борьба за власть, достижение которой означало бы окончательный успех этого учения[21].

Социальные предпосылки для развития пропаганды в Германии в 30-е гг. были, в то же время, совершенно иными, чем в Советском Союзе после революции. В то время, как Германия была страной с дифференцированной социальной структурой и сильным пролетариатом, развитой промышленностью и высоким процентом гра-

мотности населения, Россия после революции была в большей степени аграрной страной, с небольшим промышленным потенциалом и немногочисленным промышленным пролетариатом, с высокой (более 60 %) дóлей неграмотных. На этом фоне становится ясно, что национал-социалистическая пропаганда делала, в соответствии со структурой и целями своей идеологии, ставку не на информирование, а на возбуждение эмоциональных чувств населения[22]. Искусство убеждать и побуждать к действию в меньшей мере обращено к когнитивным аспектам, на первом плане находится психологическое влияние, причем, здесь так же, как и в советской ситуации, важную роль играли признаки простоты и понятности. Инструментальное ядро пропаганды Гитлер определял так:

> Задача пропаганды состоит не в научном просвещении отдельного человека, а в том, чтобы указывать массам на определенные факты, процессы, необходимости и т. д., поставив их в центр внимания мас*с,* и вызвать, таким образом, понимание массами их значимости. <…> Любая пропаганда должна быть простой и понятной народу, а ее духовный уровень следует регулировать в соответствии со способностью ее восприятия самым ограниченным среди тех, к которым она намерена обращаться. Таким образом, чем большее количество людей следует охватить, тем ниже должен быть ее духовный уровень[23].

Ориентация, как пишет Гитлер, на «самого ограниченного» подразумевала сознательное воспроизведение того же стереотипного содержания, так как «большие массы обладают очень низкой способностью к усвоению и пониманию, зато способность забывать очень высока. Из этого факта вытекает вывод, что пропаганде для достижения действенности следует ограничиваться лишь небольшим количеством пунктов и повторять их в виде лозунгов так долго, пока самый ограниченный не представит себе под этими словами желаемое»[24].

При этом, национал-социалистическая пропаганда не отказывалась от использования специфических особенностей адресатов, ориентируясь не столько на признаки социальной структуры, сколько на коммуникативную ситуацию, национальность адресата и конкретные задачи убеждения[25]. Для Гитлера важным являлся, как уже сказано, не разум адресатов, а то, как оказать на них влияние, управлять ими и поработить их на эмоциональном уровне:

> Именно в том и состоит искусство пропаганды, что она, понимая *чувственный* мир фантазий широких масс, находит психологически верную форму, чтобы привлечь внимание и проложить дорогу к *сердцам* этих масс[26].

Для того, чтобы сделать пропаганду более эмоциональной, технику персонализации врага применял на практике не только сам Гитлер, но и государственная машина в виде созданного в 1933 г. рейхсминистерства пропаганды. Метцлер пишет в своем анализе психологических основ национал-социалистической пропаганды следующее:

> Гитлер использует персонализацию во многих вариантах <…>: по восходящей линии, *от личностного* восприятия к *всеобщим* требованиям, и по нисходящей линии, от восприятия *всеобщего опыта* опасности к восприятию *индивидуальной* угрозы. <…> Второй вариант Гитлер использовал в своей антиеврейской пропаганде. Сначала он говорит о всеобщей

угрозе всему немецкому со стороны еврейства, а затем переводит эту угрозу на уровень отвратительной, провоцирующей инстинкты, анонимной личной угрозы: «Черноволосый еврейский мальчик часами подстерегает с дьявольской радостью на лице ничего не подозревающую девочку, оскверняет ее своей кровью, воруя ее таким образом у ее народа в пользу своего»[27]. Этот расистский порыв так сформулирован, что он апеллирует к архаическому (прежде всего, мужскому) внутреннему миру инстинктов и чувств[28].

2. О специфическом развитии антисоветских образов врага при национал-социализме

Для того, чтобы объяснить специфику национал-социалистических образов врага в плакатной пропаганде, в особенности по отношению к Советскому Союзу, к большевизму и к русским, следует вернуться в качестве ориентира к идеологическому дискурсу, определявшему характер, тематику, стилистику и функцию плакатов[29].

При национал-социализме значительно обострилась антирусская и антисоветская направленность образа врага. Традиционные образные элементы и клише (азиатская угроза) существовали отныне в тесном симбиозе с антисемитскими признаками[30], Марксизм, большевизм и еврейство были для Гитлера целиком и полностью синонимическими понятиями, которые принадлежали к твердому, неизменному ядру его текстов[31]. Центральное место в национал-социалистическом образе врага заняла идея «еврейского большевизма», за которой скрывалась химера «мирового заговора евреев». В России, согласно Гитлеру, в 1917 г. победила не марксистская идеология (а если и победила, то только внешне): под «маской» этой идеологии восторжествовало «международное еврейство». Итак, к сложившемуся уже в конце XIX в. образу врага добавился чрезвычайно весомый антисемитский компонент. Во-первых, таким образом продолжили свое существование в еще более заостренной форме традиционные предрассудки и страхи (угроза нашествия гуннов, бескультурье). Во-вторых, благодаря объединению большевизма и еврейства Советский Союз стал прообразом не просто врага, но врага вообще, архетипического врага, угрожающего самому существованию страны[32]. В понимании Гитлера, дальнейшее существование Германии базировалось на уничтожении еврейства, что, в свою очередь, влекло за собой борьбу против Советского Союза, так как он был составной частью еврейства в Европе, приговоренного к уничтожению[33]. В соответствии с этим образом врага, Гитлер интерпретировал государственную эмблематику СССР:

> Некоторые возлагают надежду на советскую звезду. Это символ той расы, которая начала революцию. <…> Это звезда Давида, знак синагоги. Символ расы над всем миром! Власть от Владивостока до Запада! Власть еврейства. Золотая звезда значит для еврея золото сверкающее, Молот на советском гербе обозначает удар вольных каменщиков, Серп – жестокий террор[34].

После того, как таким образом скрытое значение советских символов было продемонстрировано и включено в национал-социалистический образ врага, Гитлер переходит к сути своей антисемитско-антисоветской демонологии, выраженной в следующем предупреждении:

> Нельзя забывать того, что сегодняшней Россией правят запятнанные кровью подлые преступники, что речь здесь идет об отбросах человечества, которые, пользуясь трагическим часом, захватили огромное государство, истребив и уничтожив в своей дикой кровожадности миллионы людей из ведущей интеллигенции, и которые вот уже почти десять лет правят, установив жесточайший тиранический режим всех времен. Далее, нельзя забывать того, что эти властители относятся к народу, который объединяет в себе редкую смесь животной жестокости с непостижимым искусством лжи и который сегодня еще больше, чем раньше, верит в свое призвание навязать всему миру свое кровавое угнетение. Нельзя забывать того, что международный еврей, полностью правящий сегодня Россией, видит в Германии не союзника, а государство, обреченное на ту же судьбу. <…> В русском большевизме нам следует видеть предпринятую в XX столетии попытку еврейства захватить мировое господство <..>[35].

Посредством особенного акцентирования необходимости уничтожения евреев в Европе самая очевидная черта расистских воззрений Гитлера и национал-социалистического руководства оказалась возложена на антисемитские и тесно связанные с ними антибольшевистские элементы. Расизм национал-социалистического режима был, однако, несколько шире, и неравенству всех рас, равно как и их иерархическому упорядочиванию, отводилось центральное значение. В этом ранжире славянам и русским предназначалось только подчиненное место (как «неполноценной расе»). В частности, это отразилось в том, что Гитлер принципиально отказывал русскому народу в способности к политическому и государственному строительству. Факты исторического развития Восточной Европы Гитлер, в унисон с Мантойффелем-Катцдангеном, объяснял цивилизаторскими усилиями немцев. Культурный и политический потенциал России еще сильнее принижался тем, что Гитлер отождествлял политическую элиту СССР с еврейством и, тем самым, рассматривал Россию как страну, находящуюся в постоянном состоянии распада. С точки зрения Гитлера, перспективы будущего России выглядели следующим образом:

> Насколько невозможно для русского самостоятельно, собственными силами сбросить с себя еврейское иго, настолько невозможно и для еврея долго сохранять контроль над могучей страной. Само по себе это государство является элементом не организации, но разрушения. Огромная восточная империя созрела для распада. И конец еврейского господства в России будет также и концом России как государства[36].

Даже если стратегической целью в национал-социалистической идеологии оказывалось уничтожение «еврейского большевизма», поскольку победа над СССР должна была обозначить устранение родины Зла-как-такового, перспективы могущего уцелеть русского населения также издевательски принижались. Антиславянские намерения национал-социалистического руководства конкретизировал в 1942 г. Мартин Борман:

> Славяне должны работать на нас. В той мере, в какой они нам не нужны, они могут умирать. Обязательная вакцинация и немецкое здравоохранение для них избыточны. Высокая славянская рождаемость нежелательна. Пусть используют презервативы или делают аборты, чем больше, тем лучше. Образование опасно. Будет достаточно, если они смогут сосчитать до ста. Как максимум, допустимо образование, которое предоставит нам сносных

> чернорабочих. Религию мы сохраним для них как средство управления. Для обеспечения они получат только самое необходимое. Мы господа, мы идем первыми[37].

Из вышеприведенного ясно, что между антисемитскими и антирусскими (антиславянскими) образами врага не было принципиальных ценностных различий, поскольку оба этих компонента были составными частями концепта «недочеловека», определение которого (не слишком четкое) было дано в опубликованной в том же 1942 г. брошюре «Недочеловек». «Недолюдьми» могли быть евреи, славяне, цыгане или другие группы населения, среди которых, впрочем, евреям приписывалась господствующая позиция. Приведенные в этой брошюре фотографии людей из Восточной Европы должны были сообщать такие характеристики, как чуждость, отвратительность и жестокость. Эти визуальные элементы брошюры еще более усиливались вербальными, в свою очередь, обладавшими визуализирующей функцией для конкретизации *образа* врага:

> Недочеловек – такое природное существо, которое биологически кажется совершенно похожим на человека, также с руками, ногами, своего рода мозгом, глазами и ртом. Однако это совершенно *другая, страшная* тварь, только набросок человека, с человекоподобными чертами лица – однако в духовном и душевном отношении отстоящая от человека дальше, чем любое животное. Внутри этого существа жестокий хаос диких, ничем не сдерживаемых страстей: не знающая названия воля к разрушению, примитивная похоть, ничем не прикрытая подлость. <…> Искажения человеческих лиц, *ставшие действительностью кошмары,* удар в лицо всего Доброго <…>, объединенные с *первобытной дикой сущностью* и отбросами всего мира – однако удобные инструменты в руках вечного еврея, мастера организованных массовых убийств <…>[38].

Вплетение антисемитских и антиславянских образов врага в базовый концепт «недочеловека» предопределило, тем самым, те изобразительные формы, которые должны были возникнуть в плакатной пропаганде в начале 1940-х гг. Особенно предсказуемым оказалось появление ранее досконально описанных на словах гибридных форм, совмещающих человека и зверя.

3. О визуальной типологии образов врага

Наименование России великим государством (Гитлер), которое само стало жертвой еврейского порабощения, позволяет предположить, что в национал-социалистической изобразительной пропаганде должно было проводиться различие между *антибольшевистскими* и *антирусскими* концепциями. Однако такое разграничение не может быть последовательно обнаружено; к тому же с 30-х гг. и до начала войны в 1941 г. понятия «Советский Союз» и «Россия» демонстрируют хотя и не четкую, но тем не менее замкнутую совокупность одинаковых характеристик. Только с 1942 г., когда встала задача набирать в СССР рабочую силу и мобилизовывать различные группы его населения против их политического руководства, по соображениям пропагандистской тактики, начинают избегать антиславянских нот и пробуют – временно – намечать нейтральное или даже позитивное изображение противника[39]. Однако основная модель национал-социалистического образа врага,

которая однозначно включила мотив «недочеловечности» («бескультурности», «жестокости», «грязи») в представление о большевизме, не претерпела существенных изменений. Не возникло параллельных образов врага, которые пытались бы всерьез обосновать исключительно большевистскую мотивацию национал-социалистического образа врага.

Если объединить ключевые слова высказываний Гитлера в одну парадигму признаков («запятнанные кровью подлые преступники», «отбросы», «чудовищная жестокость», «непостижимое искусство лжи», «кровавое угнетение»), то получится узнаваемый фенотип ожидаемого образа врага, в который вносились поправки в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации и вытекающих из нее пропагандистских интересов.

При этом, следует различать, был ли плакат, изображающий врага, предназначен для применения: а) внутри страны (в Германии); б) на оккупированной во время Второй мировой войны восточно- или западноевропейской территории (например, в Польше, Бельгии); в) на оккупированной территории Советского Союза. Во-вторых, следует различать, какие намерения преследует плакат – например, превозносятся ли на оккупированной советской территории преимущества немецкой оккупации или плакатом разжигаются чувства враждебности среди нерусского населения по отношению к русским, или же русское население стремятся настроить против его политического руководства и советского государства[40]. Как уже говорилось, «соображения военной целесообразности» побудили ставку вермахта и его отдел пропаганды, начиная с весны 1942 г., сократить использование в пропаганде *антирусской* терминологии[41].

Согласно выражению Гитлера о том, что плакат является лишь «средством для достижения цели», и его единственный критерий – эффективность в осуществлении своих задач, возникало существенное разнообразие в формировании образов врага, создавались частично исключающие друг друга графические концепты, что усложняет возможность фиксации типологии таких образов. К этому прибавляется еще то, что признаки демонстрируемых ниже отдельных типов комбинировались друг с другом; например, для того чтобы передать угрозу военной опасности, антисемитские элементы комбинировались с мотивами жестокости и преступления.

Ниже приводятся несколько образов визуализации, без попытки свести изолированные типы образов врага в единую хронологическую последовательность.

а) Военно-устрашающий тип («буденовка»[42])

Тип «буденовка», который представлял собой продолжение мотива казака, существовавшего в пропаганде начала XX в., и указывал, в первую очередь, на военную угрозу, занял центральное место в типологическом репертуаре. В 30-е гг. и, особенно, начиная с 1941 г., этот основополагающий тип развивался в разных вариантах и был одним из самых долговечных мотивов.

Один из первых его вариантов можно увидеть на плакате, посвященном «Большой антибольшевистской выставке» (6 ноября 1937 г., здание Рейхстага), где в форме аллегории смерти, формально еще без буденовки, визуализируется всемирный масштаб угрозы[43]. В варианте плаката Герберта Агриколы (илл. 6), также датированного 1937 г., этот тип изображен как «злой демон» и «дух тьмы» с традиционными «азиатскими» признаками. Динамичная поза и доминирующее положение центральной фигуры были дополнены чертами, отражающими всеобъемлющую жажду

крови и уничтожения (пожар, разрушения), а также цинизм и коварство (ухмылка). Если вначале Россия изображалась в виде самой смерти, т. е. скорее, статично, то представлением ее в виде демона смерть была не только «оживлена», но и приобрела несравнимо большую динамику.

Илл. 6. Герберт Агрикола. «Большевизм без маски». Плакат, анонсирующий антибольшевистскую выставку НСДАП в Берлине, 1937 г.

Илл. 7. Виллибальд Крайн. «Хотите, чтобы так стало с вашими женщинами и девушками? Восстаньте всеми силами против большевизма!». Немецкий плакат для Польши, 1944 г.

Воздействие фигуры смерти, выражающей угрозу, в большой степени исчерпало себя, поскольку этот мотив не только опирался на длительную иконографическую предысторию, но уже в ходе Первой мировой войны был в достаточной мере распространен и отработан. Были нужны более опасные, способные на более ужасные, дьявольские действия существа для того, чтобы показать, чего следует ожидать от противника в будущем. Непосредственная демонизация врага открывала очень широкое пространство для коннотаций: если фигура смерти была в определенном плане аллегорией *конца,* которая клала предел реальности, то фигура демона могла претендовать на вневременные и более жизненные качества. Демоны являются нечеловеческими существами, и, в то же время, они не подвержены смерти, что распространяет масштаб представляемой ими опасности уже во вневременные пределы. Потенциальное «возвращение демона к жизни» требует, даже не проговаривая этого, бескомпромиссного торжества Добра, ради свершения чего неизбежно полное уничтожение врага. Далее, если в аллегориях смерти набор изображаемых призна-

ков и действий является сравнительно постоянным, то демонизация позволяет, в зависимости от контекста, вовлекать какие-то неожиданности или определенные ожидания страданий (отталкиваясь от садистских аффектов и действий). Советский демон, таким образом, не только вызывал образ смерти как последнего предназначения жертвы, но и позволял уточнить способ ее мучительного умирания и сладострастного умерщвления. Демонизация становилась средством динамического запугивания, происходящего из ожидания мучительной потери собственной целостности.

Ко времени гражданской войны в Испании относится третий вариант типа «буденовка», который проник в страну через немецких агентов. Он отражает следующий подкласс этого типа: гибрид человека и зверя, в котором проступают то антропоморфные, то звериные черты[44]. Формально темой показанного плаката является «разрушение семьи большевизмом». Однако визуальная метафора указывает на другой мотив, а именно на похищение женщины зверем, что имеет долговременную знаковую традицию и должно активизировать архаические инстинкты. Гибридный тип образа врага не имеет прямого соответствия вербальным метафорам «зверя» или «грязи», которыми постоянно пользовались как Гитлер, так и пропагандистский аппарат национал-социалистов[45]. Однако этот тип воспринимался как плакатная реализация атрибутов «недочеловека», когда ради того, чтобы сделать противника ужасным, подчеркивались нечеловеческие черты «страшной твари». Помимо прочего, этот тип является также функциональным вариантом мотивов маски и разоблачения, когда враг открывает свою «истинную», принципиально злую сущность. Составленная из человека и зверя гибридная фигура должна отказаться в этом случае от своей двойственности (от схожести с человеком) и проявить свою *собственную* суть.

Убийство детей и женщин, в сочетании с вампирскими наклонностями и сексуальной похотливостью, характеризуется в следующих примерах типа «буденовка» (илл. 7), которые в качестве последнего пропагандистского средства были применены в 1944 г. в Польше в связи с наступлением советских войск. Следующие плакаты показывают окончательное превращение гибридного типа в животное чудовище, в котором соединились признаки обезьян, хищных кошек и прочих рожденных больной фантазией монстров: первый из этих плакатов, в своем роде уникальный, был создан в ноябре 1941 г. и должен был быть приурочен к завоеванию Москвы и в дальнейшем распространяться на Украине (илл. 8). На нем изображено уже поверженное советское «чудовище», над которым в триумфальной позе стоит немецкий солдат. В ходе войны за этим плакатом должны были последовать другие: в 1944 г., не считаясь с военной реальностью, советское «чудовище» было показано почти побежденным; в контексте же сопровождавшей этот плакат пропагандистской кампании, этот мотив перерос в громадную угрожающую фигуру, вцепившуюся когтями в Европу (илл. 9). Текстовое сообщение имело, в противоречие к визуальному изображению, почти то же содержание, что и в предыдущем плакате: спасителем Европы от большевизма может быть только немецкий солдат, неустанная работа на пользу немецкой оккупации оберегает Европу от большевистского завоевания. Здесь становится очевидным, что в конце войны «европейская тема», а именно мотив спасителя и защитника Запада, приобретает особое значение в пропаганде, по крайней мере, на оккупированной территории Восточной Европы. Из противоречивого характера этих плакатов, однако, явствует, что близость плакатов к реальному опыту и

соответствующие средства сближения, по всей вероятности, не имели особого значения. Визуально-графические характеристики этих плакатов отсылали исключительно к воспроизводящим самих себя фантасмагориям, которые происходили из уже давно созданных и закрепленных кошмарных апокалипсических видений. Этот вид пропаганды не предполагал соотнесения с настоящим: как будто можно было ожидать, что после пяти лет немецкой оккупации и террористических методов правления польское население, увидев этот плакат, устрашится Красной Армии и захочет сотрудничать с отступающими немецкими войсками.

Илл. 8. «Москва, гнездо большевизма, в немецких руках». Немецкий плакат для Украины, ноябрь 1941 г.

Илл. 9. Виллибальд Крайн. «Судьба Европы? Работай без устали, не слушай всякие слухи, сохраняй спокойствие – немецкий воин защитит тебя от этой судьбы!». Немецкий плакат для Польши, 1944 г.

Функцией плакатов, на которых советский противник изображался «убийцей Христа», была активизация страхов, основанных на религиозных предрассудках и убеждениях. Эти пропагандистские плакаты, при этом, не обращали внимания на различия между католицизмом и православием, но совпадали с антисемитскими представлениями о евреях как убийцах Христа в белогвардейской пропаганде начала 20-х гг. Тем самым, они отвечали основным линиям национал-социалистического мировоззрения, в котором евреев/большевиков трактовали как воплощение Антихриста. Плакат Клаудиуса «Европа встала в ряд» (1943) использовался в оккупированном Антверпене при наборе фламандского добровольческого легиона. На этом плакате (вариант «буденовка») враг в очередной раз изображается как разрушитель западноевропейской религиозной традиции и поджигатель мирового пожара.

Таким образом, тип «буденовка» показал себя на протяжении всего периода национал-социалистической пропаганды (и даже позже) чрезвычайно многосторонним и пригодным для разнофункционального употребления. Первоначально он репрезентировал военную угрозу, включая в себя также цивилизаторскую составляющую расхожих представлений о жестокости или кровожадности врага. Впоследствии тип «буденовка» обогатился анималистическими периферийными формами, в которых желаемого эффекта запугивания пытались достичь при помощи проекции первобытных человеческих страхов по отношению к рептилиям и хищникам. Визуальная отсылка к архаическим способам ощущения соответствовала распространенным в вербальной пропаганде агитационным формам. В коммуникативной практике гибридные конструкции имели к тому же еще и то важное достоинство, что они позволяли обойтись без доказательства или объяснения того, *в чем именно* состоит вражеский корень зла. Эти образы врага не приписывали никаких негативных качеств, они были изображениями Зла-как-такового и черпали свою отталкивающую силу из воздействия самой демонстрируемой картины. Само собой разумеется, эти образы реализовывались теми средствами, которые были доступны в плакатной пропаганде 30-х и 40-х гг.

б) Антисемитский (дьявольский) тип

Визуальный симбиоз антибольшевистских и антисемитских образов врага можно показать не только на примере изобразительной пропаганды внутри Германии, но и на материале агитации на оккупированной территории Советского Союза, особенно там, где у населения предполагались антисемитские настроения (Украина). На фоне последовательной антисемитской пропаганды в 30-е гг., которая уже внушила и закрепила стереотипный образ еврея, заимствование антисемитского концепта в антибольшевистский образ врага соответствовало системной логике национал-социалистической пропаганды. Еще более пластичное выражение опасность «еврейского порабощения» в образе большевизма, т. е. в образе Советской Армии, приняла на втором этапе войны.

Следующий плакат открыто пропагандирует антисемитизм, объясняя зрителю: «Евреи – ваши вечные враги. Сталин и евреи – это банда преступников» (1943). Посредством этого плаката русский реципиент должен был пройти через последовательность стереотипных вопросов из разряда «Кто виноват в том, что…» с одним-единственным стереотипным ответом – «евреи». При этом, использовалось русское пейоративное слово «жиды» (а не «евреи»). Плакат должен был объяснить зрителю, кто несет ответственность за все неувязки в СССР. Структура этого плаката представляет широкую палитру демагогических объяснительных образцов, при помощи которых всеобъемлюще объясняется состояние русской и советской действительности в прошлом и настоящем. Персонализируя общегосударственную несостоятельность, плакат предлагает, по видимости, окончательное, не предполагающее дальнейшей ментальной разработки решение. Плакат может служить чрезвычайно удачным примером тезиса Гитлера о необходимости постоянного повторения одного-единственного объясняющего высказывания. Только на одном плакате оно повторяется целых 50 (!) раз.

На комбинации гиперболизированных черт и псевдодокументальной фотографии построен плакат «Винница», который черпает свой драматизм из жеста непосредственной угрозы (илл. 10). Плакат был предназначен для распространения среди укра-

инского населения. В нем до крайности обострена связь антисемитской и дьявольской характеристики врага, которому приданы также признаки коварного убийцы. Размещение фигуры на заднем плане плаката напоминает об иконографии изображения демона, очень распространенной в национал-социалистической пропаганде, прежде всего, 1930-х гг.

Илл. 10. Неизвестный художник. «Винница». Немецкий плакат для Украины, 1943 г.

Илл. 11. Виллибальд Крайн. «Никогда! Никогда Европа не пойдет дорогой, ведущей в пекло Сталина! Поэтому будем биться до последней капли крови!» Немецкий плакат для Польши, 1944 г.

Наряду с этими изобразительными концептами центральным мотивом, при помощи которого реализовывалось стремление национал-социалистической изобразительной пропаганды к персонализации, была также фигура Сталина. На этих плакатах, представляя собой всю советскую элиту, Сталин изображался ответственным за человеческие потери в рамках процессов коллективизации и индустриализации. Напротив, население России представляется здесь в роли жертвы и, таким образом, должно быть подвигнуто к критическому отношению в адрес собственного государства. Это раздробление образа врага на образы Виновника/Ответственного и Жертвы между 1941 и 1943 гг. было весьма распространено в немецкой пропаганде, пока еще существовали надежды на мобилизацию антисоветских настроений в населении оккупированных территорий. С осени 1943 г. такие настроения становятся реже и в 1944-м исчезают почти полностью.

Формально советский плакат также располагал аналогичным механизмом, клеймя Гитлера и элиту национал-социалистов в качестве «первопричины нацистского зла» и, тем самым, однозначно возлагая на них ответственность за войну. Напротив, немецкие солдаты представлялись как «жертвы», «страдающие» и «обманутые». Однако, несмотря на эту аналогию в изобразительной структуре и в интерпретации противника, между советским и немецким подходом существуют фундаментальные различия. Советский плакат этого типа адресован *собственной* стороне и, соответственно, предполагает дифференциацию образа врага – немецких захватчиков. Напротив, немецкий плакат предназначен для противника и преследует целью осуществить его политический раскол.

Несмотря, по всей видимости, на чисто политическую направленность такого плаката, этот тип персонализации остается по-прежнему целиком связан с антисемитскими объяснительными образцами. Фигура Сталина претерпевает карикатурные изменения с подчеркиванием антисемитских деталей (например, в форме головы, лица или носа). Дальнейшее развитие этого типа вылилось в полную дьяволизацию Сталина, когда его представляют сначала в виде злого демона, затем в образе подручного ада (илл. 11), а в одном из последних вариантов (на белорусском языке) и в виде самого дьявола, окончательно снимающего маску[46].

Еще в одном варианте антисемитских плакатов использовался метод композиционного противопоставления, когда Свое («Мир Света») противопоставлялось Другому («Царству Тьмы»). С представлением позитивного полюса соотносились также образцы других, неантитетических плакатов, при посредстве которых должен был распространяться сконструированнный в райских красках автопортрет национал-социалистического общества. Для того чтобы повысить убедительную силу этих автопортретов, требовалось параллельно предъявить Ужасного Другого. Тем самым, идентификация черпалась из счастья «не жить в царстве страха». В конце войны эти антитетические плакаты все чаще выглядели как видения «сияющего» или «угрожающего» будущего, которые должны были мобилизовать последние резервы самообороны (илл. 12). Антитетические плакаты, исходившие из поляризации Добра и Зла по цивилизационному или политически-идеологическому признаку, стали излюбленными средствами визуального самопозиционирования и в советском плакате, в особенности во времена «холодной войны».

в) Антисоветский тип

Как уже говорилось, немецкая плакатная пропаганда на оккупированной территории Советского Союза имела двойную агитационную стратегию. Первая была направлена на разоблачение разрушающей природы советской системы и, прямо или косвенно, связывала последнюю с антисемитскими «объяснительными образцами»[47].

Вторая стратегия основывалась на приписывании врагу сравнительно позитивных признаков и должна была подвигнуть население оккупированных территорий к сотрудничеству или ослабить их страхи перед принудительными работами в Германии.

Тематически этот тип плаката сосредоточивался на комплексах коллективизации и индустриализации и пытался, таким образом, в буквальном смысле перекодировать присутствовавшую в сознании населения определенную область еще не окончательно устоявшегося опыта современников. Агитационные стратегии этой пропаганды должны были глубоко учитывать ориентацию реципиента. Это выражалось в активном использовании в немецких плакатах советских политических лозунгов

30-х гг., частично даже их дословное воспроизведение, но с противоречащим визуальным сопровождением. Результат измененного таким образом изобразительного послания представлял собой саркастическую обратную интерпретацию советской политической повседневности и отрицание содержания советской пропаганды. Точное знание того, какие из советских лозунгов и речевок обладали наиболее высокой степенью распространения и интериоризации, позволяет предположить, что при разработке соответствующих немецких плакатов не обошлось без участия или советов со стороны русского населения[48].

Илл. 12. Мьёльнир. «Победа или большевизм». Немецкий плакат, Берлин, 1944 г.

Илл. 13. «Спасибо т. Сталину за счастливое детство!» Немецкий антисоветский плакат, «Симферопольский авангард», 1943 г.

На плакате 1943 г. «Патриотизм советских людей проявляется в прекрасно построенных заводах» (цитата из Сталина) мощная постройка фабрики «Большевик» возвышается на горе из скелетов и костей и, таким образом, содержит саркастический намек на человеческие потери во время индустриализации. Та же тактика убеждения использована в плакате «Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство!» (1943 г., илл. 13). Лозунг *почти* дословно повторял очень известный советский плакат Н. Ватолиной «Спасибо родному Сталину за наше счастливое детство» (1939 г.), однако, визуальная сторона немецкого плаката, путем цинической переоценки, превращала его в собственную противоположность. Дальнейшими темами, используемыми немецкой пропагандой, были «порабощение властью рабочих и крестьян» и «Советский Союз – тюрьма народов». Тема Архипелага ГУЛАГ, которая вроде бы

сама напрашивалась для обработки и использования в немецкой пропаганде, на практике отсутствовала в репертуаре ее мотивов, возможно, по причине нежелания напоминать о собственной политике уничтожения.

Относительно положительным выглядел враг, когда его следовало вдохновить на работу непосредственно в России или набрать людей для принудительных работ в Германии. В этом случае imago противника менялось: из скелетообразных и истощенных образов «недочеловека» получились, в соответствии с функциональными потребностями пропаганды, упитанные гордые крестьяне, энергичные рабочие, хорошо одетые дамы из высшего общества. Жанровые сценки должны были иллюстрировать, что угнанным для принудительных работ в Германию женщинам не грозила никакая опасность; больше того, они даже приобщались к более высокой цивилизации, что выражалось в их внешнем виде, более модной одежде и более культурном поведении. Женщин, угнанных на принудительные работы, прежде всего, изображали в окружении заботливых немецких семей, где они занимались уходом за немецкими детьми. Впечатления угнанных на принудительные работы в Германию также стали темой одного из плакатов – «Читайте, что ваши [родственники] пишут из Германии». Хотя воспроизведенные на этом плакате письма и открытки, естественно, изображают «позитивную выдумку», в высшей мере искусственную и потому неправдоподобную картину, даже этот плакат содержит определенные расистские подтексты. Принудительная работа в Германии должна рассматриваться как акт освобождения и ассоциироваться с тем, что человека вырвали из нецивилизованных жизненных условий в СССР.

г) Другие звериные типы

Типологический репертуар национал-социализма не ограничивался, однако, только этими формами антисоветских образов врага, хотя принципиальное значение и придавалось именно им. Кроме этого, существовали другие мотивы с животными, например с пауком, кровожадной собакой (илл. 14) и драконом (или, вообще, с пресмыкающимся). Последние мотивы очень часто встречаются и на советских плакатах военного времени, однако, они обладают иным иконографическим статусом, окрашенным влиянием русской традиции иконы.

д) Цивилизаторский тип («голод» и «бедность»)

Когда национал-социалистическая пропаганда преследовала цель показать отсталость, разруху, голод и социальные бедствия в Советском Союзе, то вышеназванные основные типы не применялись, а внимание в таком случае концентрировалось на признаках, явно противоположных положению народа в Германии (благосостояние, счастливая радостная жизнь при национал-социализме). По случаю двух больших выставок – «Большевизм без маски» (в здании рейхстага, 1937 г.) и «Советский рай» (в парке перед Берлинским собором, июнь 1942 г.) – были продемонстрированы плакаты (илл. 15), изображающие развал и разруху. Эти плакаты должны были воочию показать неполноценность всего русского и советского и убедить немецкое гражданское население в моральной правомерности политики уничтожения, проводимой в России в период немецкой оккупации. На фоне красочного образа Германии, где счастливая молодежь идет по цветущим полям в будущее, советское обнищание, изображенное в черно-белых тонах, выглядит особенно контрастно.

Илл. 14. Виллибальд Крайн. «Никогда! Немецкая борьба и ваша работа спасут Европу от большевизма». Немецкий плакат для Польши, 1944 г.

Илл. 15. Зудбрак. «Советский рай». Немецкий плакат, анонсирующий выставку НСДАП, 1937 г.

е) Контексты действия

Дополнительный анализ возможностей действия, в особенности на тех плакатах, которые служат непосредственному приданию врагу ужасных черт, показывает, что, как правило, враг изображается в гиперболизированной форме в жесте или позе актуальной угрозы или уничтожения. Контекст действия должен подчеркнуть предстоящий триумф врага, при этом, необязательно имея в перспективе мотив спасения собственной стороны. Предполагаемое воздействие этого сверхпропорционального выставления врага на обозрение состояло в том, чтобы сперва эксплицировать, а затем укоренить в определенном контексте кошмары и ощущения страха, компенсацию которых в форме повышенной готовности к агрессивной обороне с соответствующими эффектами консолидации и мобилизации и хотела, судя по всему, вызвать немецкая пропаганда. Способ применения образов врага позволяет также делать выводы об общем отношении к реципиенту, которое должно быть не столько позитивно усилено в противостоянии, сколько подвержено дестабилизации в негативном смысле, причем, эта дестабилизация (вызванная чувствами ненависти и отвращения) влечет за собой в качестве вторичного эффекта готовность к агрессии. Ужасающий образ врага в немецком плакате разрушал, тем самым, поддержание идентичности и навязывал видение конца света, который принимал тем более реальные формы, чем больше близилась война к своему завершению.

В приведенных примерах видно, с каким фанатизмом изображался образ врага: с одной стороны, как его низводили до бесчеловечного облика зверя, и с другой – какие циничные формы он приобретал тогда, когда его, из соображений пропагандистской идеологии и военной политики, было удобно показывать положительным. В конечном итоге, образ Советского Союза в 30-е гг. и в годы войны представлял собой визуализацию идеологических предустановок из вышеупомянутого каталога признаков (демонизация, дьяволизация, монстрификация). При этом, образ врага в немецкой пропаганде отталкивался *от танатологического* происхождения противника, которое следовало визуально проследить и пропагандистски использовать. Этот образ врага привел к созданию графических норм, которые отложились в визуальной памяти немецкого послевоенного общества.

4. О различии коммуникативных ситуаций

Важнейшим условием для создания, модификации и пропагандистского применения образов врага является, естественно, конкретная политико-историческая ситуация, в которой и для которой создавались те или иные изображения. Политическая ситуация определяла и критерии отбора признаков, которые влияли на оформление образов. Что касается нашей тематики, то можно сказать, что эти рамочные условия в Германии и Советском Союзе были абсолютно разными. Германия планировала и на деле осуществляла захватническую войну на уничтожение, проводившуюся глубоко на территории противника. Пропаганда на фронте и внутри страны делала ставку на устранение (ослабление) гуманных эмоций, так как они, как считалось, вредили стратегическим целям пропаганды, а именно, усилению веры в победу, а позже – воле выстоять до конца. Пропаганда внутри страны, в первую очередь, преследовала цель разъяснить, что война несла характер «справедливого уничтожения» тех, кто и «без того не был человеком». На оккупированной территории претворялось в жизнь еще и третье стратегическое направление пропаганды. Необходимо было разжечь антисоветские и антисемитские настроения, чтобы добиться сотрудничества со стороны советского населения. Эта многофункциональность пропаганды и вела к вышеизложенному качественному различию образов врага, к циничным формам их проявления.

Для советской пропаганды коммуникативная ситуация была совершенно иной: обострившиеся в 30-е гг. системные противоречия между сталинизмом и фашизмом хотя и привели (начиная с середины 30-х гг.) к созданию образа врага «немецкий фашизм», но на деле таковой оставался, однако, в большей степени формальным и неопределенным. Главным противником и важнейшим объектом для создания образов врага был до самого начала войны внутриполитический враг (см. показательные процессы 1937–1938 гг.), которого отождествляли, в соответствии со сталинской теорией заговора, с международным фашизмом. После заключения пакта о ненападении изобразительная пропаганда против национал-социализма была на некоторое время и вовсе прекращена.

С началом военных действий, в 1941 и 1942 гг., изменилось и политическое положение вещей: из врага «вообще», «виртуального» врага, вырос настоящий военный оккупант родной страны. Появилась реальная угроза, против которой следовало организовать оборону[49]. Поэтому неудивительно, что большинство советских плака-

тов военного времени несли в себе идею обороны и защиты и не демонстрировали захватнических планов. Так как военные и экономические аспекты войны, с политической точки зрения, были идентичными, не произошло функциональной дифференциации, присущей немецкому плакату. Работа в тылу, например на военных заводах, имела те же политические и идеологические цели, что и сражение на фронте. Поэтому советский плакат не был циничным; не имелось также признаков, которые можно было бы назвать расистскими. Он служил одной, понятной как для населения, так и для сражающихся войск, цели – отражению врага, враждебность которого ежедневно подтверждалась в реальной жизни. Создаваемый в этой ситуации образ врага был поэтому связан с конкретной действительностью, что позволяло эту действительность интерпретировать и заострять ее стороны в агитационных целях.

5. К фашистскому образу врага в Советском Союзе

Возникший в 30-е гг. вражеский образ фашизма продолжал встраиваться в идеологическое противостояние «капитализм – социализм». Политическое толкование фашизма как «высшей формы» капитализма существенно затуманило понимание исторической реальности и нового качества угрозы. Так, Иосиф Сталин говорил в своем отчетном докладе на XVII съезде партии («съезде победителей», 26 января 1934 г.) о том, что «победу фашизма в Германии следует рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и как результат обмана его социал-демократией <…>, но и как слабость самой буржуазии», «как знак того, что буржуазия не обладает более силой господствовать, опираясь на старые методы парламентаризма и гражданской демократии, и поэтому прибегает во внутренней политике к террористическим методам управления, а во внешней политике <…> к средствам войны»[50]. Специфика национал-социалистических политических целей оставалась в данной идеологической проекции неразличимой. Несмотря на многочисленные предостережения со стороны левых интеллектуалов в 30-е гг., агрессивный характер этой политики, направленной в существенной мере против Советского Союза, не был соответственно оценен.

Фашизм изображается в 30-е гг. при помощи аллегорий смерти (Кукрыниксы, 1935), картин бедствия Германии на фоне марширующих колонн военных (Караченцев, 1937), при посредстве карикатурных изображений Японии, Германии и Италии (Долгополов, 1938) и анималистских форм, где безобразное существо «фашизм», прежде всего, показывается *врагом культуры* вообще. Атрибуты, присутствующие в рисунке (например, цилиндр), говорят о том, что, в соответствии с идеологической интерпретацией, упор делается, прежде всего, на связь с буржуазией или на империалистическую военную традицию. Расистскую теорию национал-социалистов, вытекавшие из нее планы по захватам и уничтожению Сталин назвал «странной теорией, настолько далеко отстраненной от науки, как небо от земли»[51]. Возражая мнению, что «высшая раса» вправе покорять «низшие расы» (речь идет о славянских племенах), Сталин вспоминает о Римской империи и ее отношении к германским народам, которые в те времена, с римской точки зрения, считались «низшими». Сталин предлагает подумать, не постигнет ли Германию в случае войны с «низшими расами» та же судьба, как в свое время Римскую империю[52]. Из-за несовместимости этих дискурсов (с одной стороны, расистско-националистических, с другой стороны, советско-марксистских) сталинская аргументация осталась самореферентным идео-

логическим самообманом, также не имеющим связи с действительностью. Война в Испании (1936–1939) положила начало образованию в советской пропаганде иконографического репертуара, легшего в основу образа врага-фашиста.

6. О типологии образов врага в Советском Союзе

а) Символический тип: мотив животного

Центральным мотивом образа врага «фашизм» является змея (илл. 16), которая считается в русской иконографической традиции, прежде всего, в иконописи, символом несчастья и Зла[53]. Русские слова «гад» и «гадина» относятся не только к змее как таковой, но и обозначают отталкивающего, отвратительного «пресмыкающегося», в широком смысле слова. При этом, «гад»/«гадина» выражают нечистоту, опасность, лживость, двурушничество и скрытность[54]. Применение стандартного символа, который к тому же берет начало в религиозной и народно-мифологической области, свидетельствует о том, что специфического, т. е. связанного с Германией, визуального представления образа врага сначала не было. Змея как фашистский символ применялась, кроме того, и для обозначения внутренних врагов («врагов народа»).

Илл. 16. А. Кокорекин. «Смерть фашистской гадине!». Москва, 1941 г.

Илл. 17. А. Кокорекин. «Бей фашистского гада!». Москва–Ленинград, 1941 г.

Графически мотив змеи представлялся особенно удобным еще и потому, что он позволял, путем умножения змеиных тел, построить символ свастики. К началу войны

Илл. 18. Кукрыниксы. «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!». Москва, 1941 г.

мотив змеи был развит до различных гибридных форм человекозверя. Один из вариантов мотива змеи встречается у Дементия Шмаринова, на плакате которого («Раздавите фашистское чудовище», 1941) змея заменяется монстром как раз такого рода (человекоспрута). В напоминающую краба рептилию, покрытую броней и свернувшуюся в форму свастики, превращается образ врага и у Алексея Кокорекина («Бей фашистского гада», 1941; илл. 17), при этом, символический потенциал (свастика) остается доминирующим.

б) Карикатурный тип (образ «бессильного» врага)

Следующий тип, особенно распространенный в «Окнах ТАСС»[55], основывался на стилистике карикатуры и был связан опять же с дореволюционными традициями времен Первой мировой войны: «образ безобразного немца», в первую очередь, конкретизируется в изображении личностей Гитлера, Геббельса и Геринга и, как правило, не несет эмоционального компонента «угрозы», а, скорее, наоборот, поданный в виде жалкой, чаще всего, побежденной фигуры, враг выставляется на посмешище. Известными примерами служат плакаты Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!» (1941; илл. 18), «Удар в сердце» (1945) и «Немецкие клещи» (1941). Карикатурный подход распространялся у Кукрыниксов и на изображения простых немецких солдат, например, путем акцентирования их облика жертв военной агрессии. Так, в первой строчке текста на известном плакате Кукрыниксов «Превращение фрицев» (1943) написано: «То не звери с диким воем в бурный ринулись поток. Это Гитлер строй за строем гонит «фрицев» на восток».

Илл. 19. Виктор Корецкий. «Боец, спаси этих ребят от голодной смерти. Истребляй немецких разбойников!» Москва, 1942 г.

Плакат «Гитлер-людоед» (Дмитрий Моор, 1943) также отсылает к методу карикатуры. Гитлер, однако, не изображается исчадием ада, как Сталин на аналогичных немецких плакатах. Скорее, Гитлер имеет черты глупого, смехотворного Наполеона, а Геббельс изображается в виде собаки с пеной у рта, и его угрожающий потенциал сводится до минимума, так как выбрана довольно безобидная порода собак, а именно такса. Героем следующего плаката является Геббельс – «оболваниватель народа» (Д. Моор, «Школа Геббельса», 1943). Здесь опять же характерно, что немецкому солдату не приписывается природная агрессивность (ср. аналогию в немецком плакате); ему, скорее, приписывается тупость, и в определенной мере именно навязывание определенных политических доктрин сделало его таким, какой он есть.

в) (Псевдо)реалистический тип

(Псевдо) реалистический тип часто находил применение в концепте образов врага. Сюда относятся чисто графические решения, такие, как плакат Петра Мальцева «Уничтожай фашистов на суше и на море» (1941), где противник прямо показывается побежденным в боевой сцене; при этом, его характеризуют черты «безобразного» (нос, лицо). В других случаях применялись реалистические изображения немцев, многие из которых делались с фотографий. Характерными примерами для этого изобразительного типа являются плакаты Виктора Корецкого (илл. 19).

Немецкий солдат здесь уже не символ и не карикатура, он, подретушированный, становится реальным человеком, угрожающий потенциал которого складывается, с одной стороны, из окружающей его сцены, с другой стороны, из возможности соотнести его с опытом реальной жизни. На плакате В. Корецкого «Воин Красной Армии – спаси!» изображение врага сведено до единственного признака (острие штыка), его воздействие строится только на психологическом ситуативном контексте, в котором впечатляющим образом показаны не те, от которых исходит угроза, а те, кому она предназначена.

г) Другие анималистические варианты

Наряду с образами врага, функционировавшими в символической (а также в гибридной) форме, существовали также варианты анималистического изображения врага, в которых так же, как и в немецком плакате, использовались, прежде всего, образы

Илл. 20. Виктор Климашин, Николай Жуков. «Бей немецких зверей!». Москва, 1943 г.

хищников. В качестве примера можно привести плакат Виктора Климашина и Николая Жукова «Бей немецких зверей! Уничтожить гитлеровскую армию можно и должно» (1943; илл. 20). Однако во всем корпусе плакатной пропаганды такие варианты оставались редкими; преобладали анимализации, восходящие к мотиву рептилии, которые, как было показано выше, могли быть выведены из определенного символического типа. Последний, в свою очередь, основывался на русской иконографии Зла, что вновь напоминает о постоянном влиянии религиозно-традиционного содержания изобразительной памяти.

Если при анализе композиции изобразительного сообщения обращать внимание на контекст действия, в рамках которого показаны фигуры, то поражает, что на советском плакате – в отличие от основной тенденции немецких плакатов – враг изображается не в момент, когда он сильнее всего угрожает Своему, Нашему, но в положении уже побежденного или такого, который будет побежден или уничтожен в ближайший момент. Эта изобразительная концепция предполагает иную интегрируемую в плакат графическую трансляцию представления о самом себе (о собственной воюющей стороне). Семантически и акционально враг подавляется присутствием на изображении Своего (побеждающего) и, тем самым, ослабляется в своем угрожающем потенциале. Это двойное присутствие, прежде всего, в карикатурном типе изображения, характеризуется еще и стилистическим разрывом, при котором собственная сторона изображается несатирически (подражая реальности), в то время

как противник подвергается сатирическому снижению. Ироническое пренебрежение противником провоцирует возникновение эмоциональной дистанции, которая действует диаметрально противоположно механизму запугивания. Подразумеваемый смех над врагом (благодаря высмеиванию его графического облика) приближает зрителя к стороне Своего и работает на подтверждение идентичности, что лишний раз подкрепляется контекстом действия. Присутствие Своего, побеждающего или сообщающего уверенность в победе, низводит врага до функции объекта, в то время как в немецком плакате враг выполняет функцию субъекта. Несмотря на иконографические параллели между национал-социалистическими и советскими плакатами, образная структура советского плаката по сравнению с национал-социалистическим несла противоположное послание и представление о будущем: транслировать хотели неизбежность своей победы, а не грозящие последствия поражения.

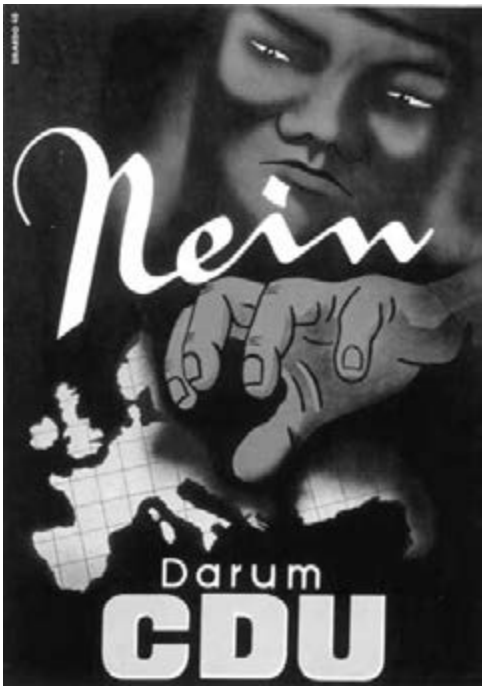
Визуальное наследие послевоенного времени

Поражение Германии и развал Третьего рейха формально повлекли за собой запрет на использовавшиеся национал-социалистами эмблемы и символы. То, что одной этой мерой невозможно было преодолеть и уничтожить глубокие структурные характеристики образов врага как в западной зоне оккупации и позже в ФРГ, так и в советской оккупационной зоне и в ГДР, подтверждается послевоенными избирательными плакатами ХДС, ХСС и СвДП. В определенной мере, если принять во внимание идеологическую переоценку, это касается и восточной части Германии.

1. Традиции образа врага в Федеративной республике Германии

В конце 1940-х гг. между Востоком и Западом действуют законы «холодной войны», результатом чего становится новая (или продолжающаяся) поляризация мира. Продолжает существовать всеобъемлющая дихотомия, которая определяла пропаганду 30-х и 40-х гг. Советский Союз продолжает оставаться, за исключением небольшого перерыва сразу после окончания войны, старым идеологическим противником «свободного западного мира» и поэтому оценивается принципиально негативно. Неудивительно, что для визуализации этого старого/нового противостояния вновь используется основной комплекс признаков национал-социалистических образов врага, которые, действуя в течение 50 лет, наложили глубокий отпечаток на изобразительные традиции. Эти образы интенсивно распространялись в годы национал-социализма и все еще присутствовали в почти не измененном виде в зрительной памяти населения, т. е. их не нужно было вновь разъяснять. В первую очередь, это относится к молодой ФРГ, где во время выборной кампании 1949 г. вновь оживили «буденовку». На плакате избирательной кампании ХДС (художник А. Багель) этот тип вновь используется для выражения советской угрозы, скрывающейся в этот раз не за маской еврейства, а за вывеской СЕПГ, с которой следовало бороться на внутриполитическом фронте. В структурном отношении этот образ опирается на те же аргументы, что и национал-социалистические плакаты. Конечно, речь здесь шла не о прямой антисоветской агитации; маячащий на восточном небосклоне враг служил больше внутриполитическому устрашению. Поражает, однако, дальнейшее,

почти без разрывов, развитие уже известных признаков, сопровождающих этот образ врага («азиатские» черты лица, борода, дьявольское выражение). То, что эти плакаты появились не случайно, подтверждают следующие примеры. В одном из вариантов плаката Бруно Дёрпингхауза («Нет! Поэтому ХДС»), также 1949 г. (илл. 21), враг уже протягивает руки к Западной Европе (ср. аналогичные мотивы в плакатах 1944 г.), а на одном из предвыборных плакатов 1950 г. («Всю силу – сильнейшей партии. ХДС») немецкий рабочий дает отпор восточным демонам. Если слоганы показанных вначале плакатов («Спаситель ХДС» и «Нет! Поэтому ХДС») и находились в отчетливой семантической связи со зрительным образом, то в последнем случае («Всю силу – сильнейшей партии, ХДС») такой связи уже нет. И вновь речь здесь идет, с точки зрения агитационной структуры, о стратегии устрашения, т. е. о том же намерении, что являлось главной линией национал-социалистических плакатов. Измененный вариант типа «буденовка» ясно виден в избирательном плакате ХДС 1953 г. «Все пути марксизма ведут в Москву», на котором изображена лишь верхняя часть головы, что в паре с враждебной позой наблюдателя усиливает эффект угрозы.



Илл. 21. А. Багель. «Спасение – ХДС». Западногерманский плакат, Дюссельдорф, 1949 г.

Илл. 22. Неизвестный автор. «EVG угрожает миру». Восточногерманский плакат, Берлин, 1954 г.

2. Модификации образа врага в советской оккупационной зоне / ГДР

В процессе политического и идеологического перелома в советской оккупационной зоне / ГДР в 1945–1946 гг. любые формы антисоветских или антирусских образов врага были формально устранены. Подражание советской культурной и пропаганди-

стской модели привело даже к тому, что, учитывая отсутствие марксистских традиций, восточные немцы прямо переняли цитаты и модели советских плакатов (несколько меняя их тексты при переводе на немецкий язык) и изображали детали, узнаваемые и эффективные, скорее, в самом Советском Союзе. Таким образом, были импортированы концепты образов врага в том виде, в каком они продолжали существовать в Советском Союзе, особенно это касается символического типа и карикатуры. Новыми врагами стали теперь «поджигатель войны – Запад», «американский капитализм» и пресловутый «западногерманский реваншизм». Советские модели использовались также и на уровне символики (символ змеи), как показывает плакат Джона Хартвильда 1955 г. «Требуйте: Запретить атомное оружие!».

Однако о том, что специфические немецкие традиции образов врага не исчезли бесследно, а соединились с новыми фигурами, рожденными советской идеологией, свидетельствуют гибридные формы, сложившиеся из советского содержания и немецких структурных типов. В качестве примера можно привести плакат «EVG (Европейский оборонительный союз) угрожает миру» (1954) (илл. 22), на котором, для передачи угрозы, смерть изображена в образе Америки в немецкой эсэсовской форме. В опубликованном в 1950 г. плакате «Хочешь ли ты этого?» Америка показана в образе демонизированного врага, готовящего войну с восточногерманской промышленностью.

3. Образы врага в Советском Союзе в послевоенное время

В плакатном искусстве в советской оккупационной зоне / ГДР доминировал метод поляризованного построения образа, в котором отразилось политическое противостояние мира в период «холодной войны». В этом контрасте систем нашли свое место не только немецкие традиции манихейского, биполярного образа мира, но и советские нормы жесткой идеологической сортировки по принципу «позитивный-негативный». Это противопоставление «мы-они» демонстрировало несовместимость и взаимоисключение систем, прежде всего, в области вооружения, а также в политическом и социальном секторе. При этом, СССР показан страной «мирного возрождения», капиталистический Запад же и особенно главный враг – Америка – Молохом, который одержим гонкой вооружений и, разжигая войну, только и думает о получении прибыли. При этом, вновь применяются методы 20-х и 30-х гг., а именно карикатурное изображение капитализма.

Выводы

Обе типологии образов врага построены, в конечном итоге, на традиционных исходных мотивах начала XX в., их можно считать результатом радикализации этих мотивов.

В немецком плакате с 1920-х по 1950-е годы традиционные мотивы угрозы со стороны людей определенного национального происхождения («русская угроза», «нашествие гуннов») были связаны с идеями антисемитизма, т. е. произошло усиление антирусских мотивов за счет элементов ненависти к евреям. Это делалось не

только для того, чтобы усилить степень угрозы, но и чтобы представить, согласно логике национал-социалистической идеологии, зримое разъяснение характера и сущности угрозы как таковой. Идентификация еврейства и большевизма позволяла – следуя национал-социалистической теории заговора – раскрыть «истинную» причину негативности врага (ср. также мотив маски). Определенный, таким образом, размер угрозы кажется намного больше, чем при чисто военной концепции. Эта величина вызывала необходимость применения в военной области особых средств: против *такого* врага, в соответствии с логикой национал-социалистов, следовало вести только «тотальную войну».

Развитие национал-социалистического плаката шло по замкнутому кругу, что означает, что он так и не смог больше избавиться от тех духов, визуальные образы которых он вызвал в ходе войны[56]. Чем больше росла угроза поражения для Германии во второй половине войны, тем более зловещими должны были становиться визуальные образы врага и грозящего крушения. В самодостаточности национал-социалистического плаката терялся любой контакт с реальностью, а значит, и способность к рациональному управлению пропагандой[57]. Заклинания видений ужаса и уничтожения, первоначально осуществленные в пропаганде визуально, материализовывались в реальности, что выдавалось пропагандистами за ex post предоставленное доказательство истинности этих изображений. То, что на самом деле здесь имело место вовсе *не* выполнившееся пророчество, но, скорее, его противоположность, оставалось скрытым от зрителя. Отнюдь не «победа еврейства» (и пророчившаяся на протяжении десятилетий «гибель Германии»), но поднятая национал-социалистической плакатной пропагандой на щит война Германии на уничтожение – вот что стояло за образом врага в реальной истории.

Порожденный национал-социализмом визуальный образ врага не был в 40-е и 50-е гг. предметом критической рефлексии в общественном мнении, и поэтому он не мог быть «преодолен» и не мог радикально потерять свой статус в изобразительной памяти, что подтверждается его сравнительно целостным сохранением в первые годы Федеративной Республики. Вызванные к жизни национал-социалистической системой образы не «преодолевались», но лишь откладывались в дальние углы и подвергались вытеснению.

Советский образ врага, напротив, в своей трехступенчатой структуре (символический, карикатурный, реалистичный) обладал, с одной стороны, более высокой *способностью к развитию.* Отсутствие националистических элементов и концентрация на идеологических компонентах давали, с другой стороны, возможность модифицировать изображение народа, показанного в образе «простого солдата», и после войны. Аргументационная стратегия учитывала различие между военно-политическим руководством Германии и «обманутым» «простым немцем», что в большой мере влияло на оценку противника. Даже несмотря на количество плакатов, на которых немецкие солдаты изображались пораженными и обреченными на смерть, различение между «немцем» и «фашистом» предоставляло возможность воспринять ситуацию гораздо более близким к реальному опыту войны и врага способом, Немец как враг не был злым от природы. В отличии от исключительно танатологическич основ образа врага в Германии, советский образ врага ориентировался, прежде всего, на представление о «несостоятельности» врага. У противника констатировалось множество признаков его интеллектуальной, этической, моральной, эмоциональной и политической «ущербности», однако, его не превращали в онтологическое Зло-как-

таковое, что осуществлялось в немецкой пропаганде благодаря расистским основам образа врага.

Образ врага в СССР оставался невзирая на реальный ход войны и связанную с ней реально-историческую угрозу (и нанесенный ущерб) умеренным и, в конечном итоге, не был в своих идеологически установленных рамках («антифашизм») антинемецким. То обстоятельство, что предпочтение было отдано карикатуре, отражает русскую изобразительную традицию и факт длительного отсутствия образов врага-немца. Главный упор плакатной пропаганды делался на мобилизацию собственных ресурсов, а не на агитацию среди чужого населения. К этому добавляется то, что начиная с 1943 г. в советском плакате все большую роль играла ожидаемая победа: отражение военных успехов в пропагандистской картине войны, скорее, противодействовало процессу радикализации образов врага. Сияющий победитель 1945 г. не нуждался в образе превышающего всякие мыслимые представления врага. Поэтому можно сказать, что способность визуальной советской пропаганды к самоуправлению, хотя она и была сначала снижена в результате советско-марксистской интерпретации национал-социализма, в ходе войны заметно усилилась.

Оба концепта образов врага были и остаются связанными с породившей их идеологией. Образ врага как связка семантических признаков становится в плакате непосредственно воздействующей (благодаря способности к *наглядной* коммуникации) величиной, которая преследует интересы не только разъяснения и подсказывания определенной информации, но и убеждения. Поэтому собранные на плакатах образы врага являются для обеих сторон коммуникативным инструментом, с помощью которого идеология становится зримой. В немецком плакате почти не существовало взаимосвязи с реальностью, находящейся вне идеологии, в советском – напротив, эта связь была вполне возможной, так как военные действия велись преимущественно на собственной территории, и ситуация восприятия была совершенно иной.

Принимая во внимание контекст, в рамках которого на плакатах показаны фигуры, становится ясным, что в советском плакате враг изображается, как правило, подчиненным (например, побежденным). При этом, психологический потенциал, выражающий степень угрозы, сводится до минимума. Иначе это выглядит в немецком плакате: здесь враг предстает в символах угрозы и уничтожения, против чего и мобилизуется эмоциональная реакция зрителей. Советский плакат делает, таким образом, ставку на идентификацию с побеждающей стороной, немецкий же – в основной своей массе – на эффект устрашения зрителя, в результате чего должно воспоследовать, как компенсация за испуг, усиление агрессивного фанатизма. Немецкий плакат в большей мере рассчитывает на антиидентификационные эффекты.

Перевод с немецкого Аркадия Перлова

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Социально-психологическое понятие «образ врага» следует принципиально отделять от «представления о враге» – рационально контролируемой концепции военного или политического противника. Если «представление о враге» направлено, прежде всего, на более или менее точную оценку противника, то «образ врага» характеризуется в идеологическо-догматическом смысле отсылкой к иррациональным факторам. «Образ врага является продуктом пропаганды, которая при

помощи семантических, оптических и графических средств демонизирует политического и идеологического противника, для того чтобы (как правило) легитимировать собственное господство» (*Buchbender O.* Zentrum des Bösen. Zur Genesis national-sozialistischer Feindbilder // *Wagenlehner G.* Feindbild. Geschichte – Dokumentation – Problematik. – Fr./M., 1989. S. 18). Исследования национал-социалистического образа врага показали, что между «образом» и «представлением» существует очень много совпадений и переходов, восходящих также и к тому, что (военное) представление о враге находится под влиянием существующих в то же самое время догматических и идеологически мотивированных образов врага и, соответственно, несет ущерб в своей рациональной информационной функции. Из-за этого военное представление о враге может в тенденции потерять свою четкость и стать бесполезным для военного дискурса. См.: Ibid. S. 20 ff. Однако важно отметить, что догматический образ врага не только является манифестацией определенного состояния предрассудков или отвращения, но и представляет собой определенный продукт искусства медиа и производится для специфической коммуникативной ситуации и выводимых из нее целей и намерений. Поэтому об «образе врага» можно говорить только тогда, когда он является функциональной частью процессов массовой визуальной коммуникации.

[2] Ср.: Der Krieg gegen die Sowjetunion. Eine Dokumentation / Hg. R. Rürup. – Berlin, 1991.S. 22; *Quinkert B.* Deutsche Propaganda in Weißrubland 1941–1944. Eine Konfrontation von Propaganda und Wirklichkeit. – Berlin, 1996. S. 17 ff.; *Clark T.* Kunst und Propaganda. Das politische Bild im 20. Jahrhundert. – Köln, 1997. S. 47 ff.; хорошее обозрение по истории пропаганды см.: *Diesener G.* Propaganda in Deutschland. Zur Geschichte der politischen Massenbeeinflussung im 20. Jahrhundert. – Darmstadt, 1996.

[3] Ср.: Der Krieg gegen die Sowjetunion... S. 11; см. также обширный труд: *Paul G.* Aufstand der Bilder. Die NS-Propaganda vor 1933. – Bonn, 1992.

[4] К вопросу об организационных принципах немецкой военной пропаганды см.: *Zeidler M.* Feindbild «Untermensch». NS-Propaganda innerhalb der Wehrmacht und gegenüber der Roten Armee // Kriegsgefangene. Voennoplennye. Begleitbuch zur Ausstellung «Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland – Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion». Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. – Bonn, 1995. S. 36 ff.; *Демосфенова Г.* Советские плакатисты – фронту. – М., 1985. С. 5–73.

[5] См. следующий отрывок из одной из берлинских революционных листовок (1848): «Повсюду, где они [казаки] проходили, они оставляли за собой разрушения, вонь и паразитов. И эти сотни тысяч казаков, башкир, калмыков, татар и т. д. пылали звериной жадностью в очередной раз разграбить Германию и уничтожить нашу только что зародившуюся свободу, нашу культуру, наше благосостояние, опустошить наши поля и земельные угодья, убить наших братьев, обесчестить наших матерей и сестер и уничтожить с помощью тайной полиции и кнутов любой признак свободы, человечности и честности» (Цит. по: Der Krieg gegen die Sowjetunion... S. 12).

[6] Ср. *Garleff M.* Russen und Rußland in deutschbaltischen Erinnerungen // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg (= Westöstliche Spiegelungen, hrsg. von Lew Kopelew; Bd. 4 A). Hrsg. von Mechthild Keller. – München: Wilhelm Fink, 2000. S. 482–518.

[7] *Seydlitz E. von. Geographie.* Ausgabe B: Kleines Lehrbuch. – Breslau, 1908. S. 243 ff. См. в общем: *Pawlik C.* «Ein Volk von Kindern» – Rußland und Russen in den Geographielehrbüchern der Kaiserzeit // Russen und Rußland aus der deutscher Sicht (см. прим. 6). S. 349–380.

[8] Kennen Sie Rußland? Von zwölf russischen Untertanen. – Berlin, 1916. S. 9.

[9] *Harms H.* Länderkunde von Europa, einschließlich Völker- und Wirtschaftskunde. – Leipzig, 1925. S. 453.

[10] Manteuffel-Katzdangen (Manteuffel-Szöge) K. von. Deutschland und der Osten. – München, 1926. S. 41 f.

[11] См.: Письмо Адольфа Гитлера Адольфу Гремлиху, Мюнхен, 16 сентября 1919 г. Цит. по: *Buchbender O.* Op. cit. S. 51–52.

[12] См.: *Бабурина Н.* Русский плакат Первой мировой войны. – М., 1988.

[13] О предыстории русского плакатного искусства см.: *Бабурина Н.* Русский плакат. Вторая половина XIX – начало XX века. – Л., 1988.

[14] Окнами РОСТА назывались крупноформатные плакаты на политические, военные и экономические темы, издававшиеся с начала сентября 1919 г. по начало февраля 1922 г. Российским Те-

леграфным Агентством (сокращено РОСТА), а впоследствии – Главным Управлением Политического Просвещения (сокращено ГПП) при наркомате народного просвещения. Инициатором был плакатист Михаил Черемных, к которому вскоре присоединились Маяковский и Иван Малютин. Ср. *Duwakin W.* ROSTA fenster. Majakowski als Dichter und bildender Künstler. – Dresden, 1975, а также *Waschik K.*, *Baburina N.*: Werben für die Utopie. Russische Plakatkunst des 20. Jahrhunderts. – Bietigheim-Bissingen, 2003. S. 201 ff.

[15] Ср.:*White S.* The Bolshevik Poster. – New Haven; London, 1988. P. 43 ff.

[16] Ленин настоятельно указывает на политико-идеологическое определение цели пропагандистской и агитаторской борьбы, требуя: «Для социалистов экономическая борьба составляет основу для организации работы по созданию революционной партии, для укрепления и развития ее классовой борьбы против всеобщей капиталистической системы. <...> Агитаторское воздействие на массы должно состоять в широкой политической и экономической агитации относительно всех поводов и форм угнетения, в агитации, которой мы должны воспользоваться, чтобы привлечь большее количество рабочих в революционную социал-демократическую партию, чтобы способствовать любой форме политической борьбы. <…> Агитация служит, таким образом, средством расширения и распространения политического протеста и организованных форм политической борьбы» (*Ленин В.И.* По поводу «profession de foi» [1899/1900] // В.И. Ленин об идеологической работе. – М., 1969. С. 219 и след.; <курсив мой - *К.В.*>). Подобным образом Ленин связывает агитацию и пропаганду с воспитательной работой, так как «в политическую деятельность социал-демократической партии всегда входит и будет входить определенный элемент педагогики: следует воспитать весь класс наемных рабочих борцами за освобождение всего человечества <...>» (*Ленин В.И.* О смешении политики с педагогикой [1905] // Там же. С. 231).

[17] См.: *Buchbender O.* Op. cit. S. 26.

[18] *Wette W.* «Rassefeind»: Die rassistischen Elemente in der deutschen Propaganda gegen die Sowjetunion // Deutsch-russische Zeitenwende. Krieg und Frieden 1941–1995 / Hg. H.-A.Jacobsen. – Baden-Baden, 1995. S. 175 ff.

[19] В качестве обзорного исследования о пропаганде, в особенности во время Второй мировой войны, см.: *Rhodes A.* Propaganda. Illustrierte Geschichte der Propaganda im 2. Weltkrieg / Hg. von V. Margolin. – Stuttgart, 1993.

[20] *Hitler A.* Mein Kampf [1925/27]. S. 706–710. – München, 1942. S. 193; ср.также: *Münzenberg W.* Propaganda als Waffe (1937). Ausgewählte Schriften 1919–1940. – Fr./M., 1972. S. 171 ff. Действенность марксистской пропаганды, о которой говорит Гитлер, Ленин подчеркнул уже в своем отчете на IX съезде РКП(б) (29 марта 1920 г.), отметив, что «понятность (ясность) пропаганды и агитации является принципиальным условием. Если наши враги видят и признают, что, развивая агитацию и пропаганду, мы совершили чудо, это следует понимать не в том смысле, что у нас было много агитаторов и было использовано много бумаги, а следует понимать в том смысле, что та правда, которую несла агитация, закрепилась в головах всех. И от этой правды никуда не уйдешь» (цит. по: В.И. Ленин об идеологической работе. – М., 1969. С. 367).

[21] *Hitler A.* Op. cit. S. 654.

[22] Ср.: *Medebach F.* Das Kampfplakat. Aufgabe, Wesen und Gesetzmäßgkeit des politischen Plakats nachgewiesen an den Plakaten der Kampfjahre von 1918–1933. – Fr./M., 1941. S. 33 ff.

[23] *Hitler A.* Op. cit. S. 197.

[24] Ibid. S. 198.

[25] Национал-социалистическая пропаганда вполне различала понятия «пропаганда» и «агитация». Под пропагандой понимался «активный революционный элемент» (Геббельс), «одобрение» и «совместное создание» новой политической (идеологической) ситуации. Кстати, пропаганда могла применяться и в ее отрицающей функции («оппозиционной») и считалась тогда «агитацией». «Она [агитация] – негативная, разлагающая и разрушающая сила. Она беспощадно нападает на противника. Она достигла цели, если враг полностью разбит и уничтожен. Характерным для нее является критика противника. Для уничтожения противника хороши все средства. Противника следует оклеветать и оскорбить. В сердцах масс сеются ненависть и презрение. Любая слабость должна быть обнаружена и беспощадно разоблачена. Часто борьба ведется уже не по существу, а переходит на личности» (*Medebach F.* Op. cit. S. 10).

[26] *Hitler A.* Op. cit. S. 198; <курсив мой - *К.В.*>.

[27] *Hitler A.* Mein Kampf. – München, 1934. S. 357.

[28] *Metzler H.* NSDAP-Propaganda aus psychologischer Sicht. Grundlagen und Orientierungen. – Jena, 1994. S. 9.

[29] Ср.: *Wette W.* Das Rußlandbild in der NS-Propaganda. Ein Problemaufriß // Das Rußlandbild im Dritten Reich / Hg. H.-E. Volkmann. – Köln–Weimar–Wien, 1994. S. 55–78.

[30] Ср.: Der Krieg gegen die Sowjetunion.. S. 22.

[31] См.: *Buchbender O.* Op. cit. S. 20.

[32] Ср. *Quinkert B.* Op. Cit. S. 30 ff.

[33] В качестве совершенно официальной и государственно санкционированной политики при национал-социалистическом режиме утвердился антисемитизм, который не только представлял собой ядро идеологического самовосприятия, но и «благодаря его увязыванию с антибольшевистскими, т.е. релевантными для внешней и военной политики, интересами власти и намерениями экспансии превратился в самостоятельную программу действий. Те политические стратегии, которые пытались противодействовать антисемитизму и были нацелены на разрушение антиеврейских предрассудков и образов врага, могли считаться потерпевшими в Германии окончательное поражение. Прежде всего, созданное в 1893 г. Центральное объединение немецких граждан иудейского вероисповедания, заботившееся о преодолении антисемитских тенденций, не могло не признать тщетными свои усилия по интеграции в общество немецких евреев. «Если уже с начала XX в, в общественном мнении существовала тенденция рассматривать евреев не как “меньшинство”, но как составную часть немецкого общества, то в Третьем рейхе еврейское самовосприятие все сильнее было вынуждено сдвигаться (особенно в среде молодых интеллектуалов) к признанию своего исключения как окончательного и к усилению еврейской групповой идентичности» (*Strauss H.A.* Abwehr von Stereotypen und Diskriminierungen. Dilemmas der jüdischen Selbstverteidigung // Strereotypvorstellungen im Alltagsleben. Beiträge zum Themenkreis Fremdbilder – Selbstbilder – Identität / Hg. H. Gerndt. – München, 1988. S. 37).

[34] Речь А. Гитлера на собрании НСДАП 1 августа 1923 г. «Об управлении, республике и фашистской опасности». Цит. по: *Buchbender O.* Op. cit. S. 26.

[35] См.: *Hitler A.* Mein Kampf. – München, 1933. S. 742–743.

[36] Ibid. S. 750 ff.

[37] Меморандум Бормана от 19 августа 1942 г.; оригинал: Archiv des Internationalen Militärgerichtshofs Nürnberg. № 336. Цит. по: *Wette O.* Op. cit. S. 178.

[38] Der Untermensch / Hg. Der Reichsführer-SS, SS-Hauptamt. – Berlin, [1942]. Цит. по: *Wette O.* Op. cit. S. 184; <курсив мой – *К.В.*>.

[39] Этот «поворот» в пропагандистском использовании образов врага, очевидно, объяснялся полученным во время войны опытом того, что антирусская, расистски мотивированная пропаганда была контрпродуктивна, когда нужно было добиться поддержки местного населения в занятых областях. Так как, прежде всего, в сельском хозяйстве было совершенно невозможно отказаться от русских рабочих рук, с 1942 г. антиславянские мотивы сокращаются, и пропаганда концентрируется на антисемитских объяснительных образцах, там, где можно допустить латентный или открытый антисемитизм или универсальные антибольшевистские интерпретации. Ср. *Wette.* Op. cit.. S. 193.

[40] Несмотря на различие, цель антибольшевистской пропаганды оставалась постоянной: «Задачей пропаганды является показать немецкому народу, что большевизм его смертельный враг, и доказать миру, что он (большевизм) враг всех народов и наций и, этим самым, враг всему миру» (Руководство к пропаганде от 31 марта 1937 г. Директивы к антибольшевистской пропаганде. Цит. по: Der Krieg gegen die Sowjetunion... S. 29).

[41] См.: *Wette O.* Op.cit. S. 193. Еще одна причина, как кажется, лежит в представлении немцев о том, как выглядел образ врага с советской стороны (метапредставление), так как поступила информация о том, что Советы «уже в 1941 г. прибегали к материалам национал-социалистической пропаганды для того, чтобы настроить своих солдат против немцев» (Ibid. S. 194).

[42] Название типа «буденовка» происходит от центрального мотива плакатов – русской суконной шапки-шлема, которая впервые стала форменным головным убором в 1919 г. в полках Первой Конной Армии под командованием С.М. Буденного (1883–1973). Шапка входила в состав утвержденной еще в 1916 г., при Николае II, новой униформы царской армии, которая, конечно, после

революционных потрясений 1917 г. больше не поставлялась воинским частям. Однако свое народное наименование шапка получила по имени Буденного.

[43] Об историческом фоне персонификации смерти и его применении в плакате см.: *Kämpfer F.* Propaganda. Politische Bilder im 20. Jahrhundert; bildkundliche Essays. – Hamburg, 1997 (в особенности главу «Скелет в действии. 3000 лет иконографии человеческого скелета». S. 41–71). «Начерченный, нарисованный или иначе визуально опознаваемый скелет выглядит терпимым и, в определенном контексте, приемлемым, поскольку речь в данном случае идет не о беспорядочно разбросанных костях, а о связанном в единую конструкцию и потому в некотором роде вполне регулярном двигательном аппарате, умеющем по-человечески думать, говорить, действовать. Но вне этого культурного контекста существует, как и прежде, исконный страх перед голыми человеческими останками <...>» (Ibid. S. 41).

[44] См. отчет Е. Тауберта, начальника антикоминтерновского отдела рейхсминистерства пропаганды (1945): «В Португалию к Франко был послан через Францию весьма опытный агент, ставший первым советником по пропаганде. Франко было, прежде всего, разъяснено, что его политическая аргументация должна <...> основываться на антибольшевистской точке зрения <...>» (цит. по: Der Krieg gegen die Sowjetunion... S. 26).

[45] Для обозначения противника использовались, прежде всего, изображения таких животных, как «стервятник», «дракон», «змея» и «оборотень».

[46] В этом контексте интересен вопрос об авторах этих пропагандистских плакатов. Если у большинства национал-социалистических плакатов, которые представляли не образ врага, но собственное позитивное изображение, вопрос об авторстве имеет вполне определенный и однозначный ответ, то подавляющее большинство тех плакатов, о которых речь идет в данной статье, остались неподписанными. Исключение представляют работы Мьёльнира и Виллибальда Крайна, который только в 1943–1944 гг. изготовил для Восточного фронта более 30 плакатов (прежде всего, на польском, украинском и белорусском языках). Псевдонимом «Мьёльнир» пользовался нацистский карикатурист Ганс Швайцер. Под этим именем он делал бесчисленные антисемитские карикатуры, которые появлялись в изданиях национал-социалистической пропаганды, например, в журнале «Der Angriff» времен запрета НСДАП (1927/28). В большинстве своих карикатур Швайцер противопоставляет тип презренного еврея героизированному идеалу арийского борца. Виллибальд Крайн (1886–1945), в 1926 г. изготовил для «Красных соколов» плакат под названием «Дружба» (см. интернет-сайт веймарского фонда Фридриха Эберта www.fes.de/archiv/_weimar, а также: *Lemhöfer D.*: Willibald Krain (Breslau 1886–1945 Dresden). Ein bedeutender Berliner Pressezeichner und Graphiker, Maler und Illustrator aus Schlesien im Spiegel seiner Zeit. – Berlin, 1987.

[47] Ср.: *Zeidler M.* Op. cit. S. 36 f.

[48] Это подтверждается еще и возникновением больших плакатных серий во фронтовых типографиях («Симферопольский авангард») или в тылу оккупированных территорий (Киев). О точном знании советской пропаганды говорит тот факт, что немецкая плакатная продукция отсылала к иконографическим прообразам, применявшимся советской пропагандой уже во время Октябрьской революции. Сюда относится мотив пробитой стены («большевистское угнетение»), за которой виднеются очертания «пронизанной солнцем страны свободного труда». Немецкая армия представлялась непобедимой, поэтому возвращение большевизма было невозможным. Первым антибольшевистским плакатом на русском языке был «цветной портрет полководца» (по фотографии Генриха Гоффмана 1938 г., опубликованной на плакате «Один народ, одна страна, один вождь» 10 апреля 1938 г.) с русским текстом «Гитлер-освободитель». Антибольшевистская пропаганда в годы войны находилась в существенной мере в ведомстве самого главнокомандования вермахта, содержание и техническое проведение соответствующих пропагандистских кампаний согласовывались с рейхсминистерством пропаганды. Ср.: *Zeidler M.* Op. cit. S. 37 ff.

[49] Мобилизация армии и населения против немецкой оккупации стала центральной задачей партии и агитационной работы коммунистических пропагандистов. В своей речи перед секретарями московских партийных организаций М. Калинин сказал по этому поводу следующее: «Если вы согласны, что образцовое поведение в борьбе на фронте является важнейшим партийным, коммунистическим делом, то вы согласитесь и с тем, что боеприпасы, пушки и автоматы, которые мы производим, также являются нашим первейшим делом, что это является выражением нашей непосредственной борьбы за наши цели. <…> Какая решающая задача стоит сегодня перед всем совет-

ским народом? Борьба против немецких оккупантов. Где бы вы ни агитировали, какую бы работу вы ни выполняли, с какими бы людьми бы вы ни говорили, наша агитация и пропаганда всегда и повсюду должны быть направлены на главную задачу, на то, чтобы все помогали изо всех своих сил решить главную задачу советского народа – разбить немецких грабителей» (*Калинин М.* Несколько слов о пропаганде и агитации [1944] // *Kalinin M.* Über politische Agitation. – Stuttgart, 1952. S. 38 f.).

[50] *Сталин И.* Сочинения. – М., 1951. Т. XIII. С. 293 и след.

[51] Там же. С. 296.

[52] См.: Там же. С. 293 и след.

[53] Ср.: *Содикович В.* Семантика иконографии «Страшного суда». – Ульяновск, 1955. С. 31 и след.

[54] Ср.:*Гурд А.* Гады // Славянская мифология: Энциклопедический словарь / Ред. В. Петрухин, Т. Агапкина и др. – М., 1955. С. 130.

[55] «Окнами ТАСС» назывались крупноформатные плакаты, которые в 1941–1945 гг. издавались Телеграфным Агентством Советского Союза в Куйбышеве и, прежде всего, в Москве. Они продолжали традицию «Окон РОСТА» и производились в той же технике оттиска. Во время Второй мировой войны появилось более 1300 выпусков, с отдельными тиражами до 1500 экземпляров. Из-за известных фактов двойной нумерации, а также выпусков, не имеющих номера, точное число реально изданных выпусков «Окон ТАСС» не может быть установлено; однако, наверняка их было более полутора тысяч. В отличие от «Окон РОСТА» времен Гражданской войны «Окна ТАСС» выполняли не столько функцию непосредственной агитации, которая теперь реализовывалась другими СМИ (прежде всего, радио), но, скорее, были задуманы уже как изобразительная хроника войны, которая больше стремилась соответствовать потребностям в визуальном комментировании событий и тенденций войны. Ср. *Waschik K.*, *Baburina N.*: Werben für die Utopie. Russische Plakatkunst des 20. Jahrhunderts. – Bietigheim-Bissingen, 2003. S. 209 ff.

[56] Когда в июле 1942 г. были опубликованы мнения высоких офицерских чинов вермахта, признающих достойное восхищения сопротивление русских солдат при защите Севастополя, Геббельс немедленно прореагировал. Сила сопротивления и воля к самоутверждению были объявлены им чуть ли не признаками примитивности и неполноценности, так как «уличная дворняга тоже выносливее, чем породистая овчарка» (цит. по: *Zeidler M.* Op.cit. S. 39).

[57] Немецкая пропаганда на оккупированной территории России почти не имела успеха, несмотря на огромные усилия, так как она не предлагала русскому и украинскому населению реальной «перспективы будущего». Обнародование политических планов для оккупированной советской территории было Гитлером в 1941 г. запрещено. Поэтому такие пропагандистские мотивы, как устранение колхозной системы, возрождение свободного крестьянства и легализация церквей, потеряли свою привлекательность. Ср.: *Zeidler M.* Op.cit. S. 43.

Иохен Янссен

«БОЛЬШЕВИЗМ» КАК ОБРАЗ ВРАГА в учебной литературе для рейхсвера и вермахта 1933–1945 гг. Развитие и противоречия

Несмотря на то, что после 1933 г. последовательно проводилась унификация всей выходившей в Германии информации, бытовавшее в германском вермахте (как и в его предшественнике рейхсвере[1]) представление о Советском Союзе и советском коммунизме не было ни внутренне единым, ни статичным. Оно не всегда соответствовало основным принципам и установкам Гитлера и НСДАП, которые с 1933 по 1945 год мало изменились.

Различия, противоречия и изменения касались нескольких аспектов:

1) перемены в расстановке основных акцентов в антисоветском содержании учебной литературы для вооруженных сил, особенно в период между 1933 г. и партийным съездом в Нюрнберге в сентябре 1936 г.;

2) колебания в оценке СССР в немецких военных журналах за 1933–1941 гг.;

3) одновременно проявившиеся различные и даже противоречивые оценки СССР и его системы у авторов изданий для военных;

4) различия в толковании относительно СССР и исходящей от него угрозы в партийной литературе, учебной литературе для вооруженных сил, а также в военных журналах;

5) имевшие место во время восточного похода многократные изменения в оценках населения СССР и характера войны в армейской прессе.

В двух первых разделах данной статьи будут освещены основные моменты, касающиеся первых четырех пунктов, а последнему пункту посвящена ее основная часть.

Антикоммунистическое и антисоветское содержание учебной литературы для рейхсвера и вермахта в 1933–1936 гг.

Программа Вернера фон Бломберга, первого военного министра при Гитлере, предусматривала комбинированную систему мировоззренческого сближения вооруженных сил с НСДАП при одновременном организационном дистанцировании от партии. Хотя он считал, что присущие армии принципы долга и подчинения распространяются и на политику, его целью было сохранение «надпартийности». Это означало отказ партии в праве участия в обсуждении военных вопросов. Зимой 1933/34 г. в школах рейхсвера были введены «национал-политические занятия». Их основная задача состояла в том, чтобы доказать совместимость рейхсвера и национал-социализма.

Титульный лист журнала «Wehrmacht», № 27 за 1933 г. Специальный выпуск, посвященный СССР.

Свое место в преподавании нашел и ревностно отстаиваемый партийными идеологами антимарксизм. Правда, сначала этому предмету в рейхсвере не придавали первостепенного значения. Сосредоточивались, прежде всего, на «антигосударственном» характере марксизма. Отличие от партийного антикоммунизма в это время заключалось в глубоком неприятии всепроникающей нацистской пропаганды идентичности «большевизма» и еврейства. Хотя имели место указания на якобы еврейский характер марксизма и советского «большевизма», однако, аргументация антисемитского толка в армейских изданиях была, скорее, на заднем плане, по крайней мере, до 1936 г. И Советскому Союзу как «родине» коммунизма – в отличие от партийной печати – почти не уделялось внимания.

Национал-политическое обучение должно было способствовать усвоению служащими рейхсвера установок национал-социалистического «движения». Именно то, что в армии всегда придавалось большое значение идее государства, то почитание, с каким многие военные относились к образу такого могучего, прочного, внутренне спокойного института власти, делало их восприимчивыми ко всему, что могло это государство ослабить или представлять для него угрозу.

Едва ли какое-то другое событие совсем недавнего прошлого стало бы лучшим средством агитации солдат за дело партии, нежели падение Германского рейха осенью 1918 г. Легенда о том, как марксисты предали «немецкого фронтовика», считавшаяся в НСДАП главной причиной поражения Германии в Первой мировой войне, была одним из самых надежных инструментов для того, чтобы вызвать и

поддерживать у военнослужащих антикоммунистические настроения, а также способствовать признанию необходимости боевого союза с партией. Поэтому в связи с каждой годовщиной события его закулисная история широко обсуждалась и комментировалась со ссылками на документы. Коммунизм выставлялся настоящим врагом солдата, обманом лишившим его плодов победы в последней войне и повинным в бессмысленной гибели тысяч «верных товарищей».

Такому мерзкому предательству противопоставлялась самозабвенная преданность товарищам и отечеству простого солдата Адольфа Гитлера. Так, в качестве предпосылки усвоения солдатами идеологических теорий «фюрера», между ними должно было возникнуть чувство духовного родства. Каждому солдату, каждому военнообязанному Гитлер становился ближе, делался товарищем и другом, который в свое время, так же как и они сами теперь, был просто одним из миллионов солдат.

Характерной для создаваемого на национал-политических занятиях образа «большевизма» была имевшая далеко идущие последствия замкнутость на внутриполитических аспектах. Призывая армию к борьбе против «марксистской подрывной деятельности», партия ставила перед вооруженными силами ответственную задачу, что укрепляло самосознание военных, давало им почувствовать, что они не придаток партии, а равноправный партнер, необходимый помощник в деле осуществления ее политики. В этом смысле, на этапе вербовки армии, т. е. до середины 1930-х годов, антикоммунизм выполнял важную интегрирующую функцию при оформлении отношений между рейхсвером и НСДАП.

По ходу национал-политических занятий солдатам неоднократно рекомендовалось читать издаваемые Альфредом Розенбергом «Nationalsozialistische Monatshefte». Но если сравнить опубликованные в этом партийном журнале оценки Розенберга с соответствующими по содержанию материалами занятий в армии, то бросается в глаза совершенно разная расстановка акцентов. Так, если национал-политическое обучение на первый план ставило, главным образом, внутриполитические аспекты, прежде всего, якобы антинациональные и потому представляющие угрозу для государства установки марксизма, а о «еврейском характере» коммунистического учения говорилось, скорее, между прочим, то у Розенберга соотношение между этими моментами прямо противоположное. Его мысль вращается большей частью вокруг международного значения «большевистско-еврейского» заговора, задуманного, чтобы разрушить европейскую культуру. По Розенбергу, марксистское учение, «а именно его верный последователь большевизм», представляет собой «до мозга костей антиевропейское движение». Его основатель Карл Маркс не был ни немцем, ни европейцем, а «потомком раввина» – «чужим евреем». «Характерной особенностью» евреев является «паразитизм», который у них в крови, и связанная с этим «сила эксплуатации». На политическом уровне работа неспособного к созидательному труду еврейства состоит «в разложении культуры, экономической коррупции и политической травле». Евреи злоупотребляют предоставленными им с XIX века свободами и проводят враждебные Европе идеи в экономике, культуре и политике[2].

После Нюрнбергского партийного съезда, который прошел в сентябре 1936 г., представление о «большевизме» в духе Розенберга и, следовательно, НСДАП появляется и в учебной литературе вермахта, через которую выводы партии без ограничений, как обязательные, доводились до солдат. Отныне и здесь «большевизм» становится «чуждой идеей» и «элементом разложения», нацеленным на то, чтобы «из Москвы подорвать немецкую народную общность». Цель этого, «угрожающего за-

хватить весь мир, столь же безумного, как и зверского учения» заключается в том, чтобы «отравить и уничтожить все народы», в том числе, «потопить в крови и разрушить» Германию[3]. В приведенных цитатах рука партии видна, прежде всего, в необычном до сих пор для военной литературы наборе оскорблений вместо аргументов.

Советский Союз и советский коммунизм в оценке немецких военных журналов (1933–1935)

В этом разделе мы ограничимся анализом явных различий в оценках военных журналов, материалов для национал-политического обучения и партийной литературы, имевших место, прежде всего, в 1933–1935 гг. Источниками послужили «Militarwochenblatt», издававшийся с 1815 г., и «Deutsche Wehr», учрежденный в 1896 г. и до 1926 г. выходивший под названием «Deutsches Offiziersblatt».

Ожидание, что приход НСДАП к власти сразу отразится на страницах военных журналов увеличением числа статей антикоммунистического или антисоветского содержания, не оправдалось. В отличие от партийной печати, где Советский Союз вскоре стал рассматриваться как идеологический противник, военные журналы в указанный период во многом еще следовали традиции трезвой и прагматичной оценки восточного соседа.

Это относится, прежде всего, к «Militarwochenblatt», который определял себя – и это было написано на титульном листе – как «независимый журнал для вооруженных сил». Здесь в одной рецензии, опубликованной в июне 1934 (!) г., говорилось: «При том, как много написано об этой великой державе (Советском Союзе – *И.Я.*), лишь отдельные работы выдерживают научную критику»[4]. Автор рецензии приветствует выход новой книги эксперта по России Оскара фон Нидермайера[5]. Ему особенно импонирует то, «что эта работа стремится показать Советы как потенциального друга, противника или «смеющегося третьего», без наших пропагандистских преувеличений или исполненных ненависти умалений, но так, как есть на самом деле». Автор метко критикует оба основных подхода Запада к рассмотрению России, которые, с пагубными последствиями, должны будут определять и национал-социалистическую политику в отношении Советского Союза. С одной стороны, это донельзя преувеличенный образ агрессивной России, грозящей подавить Европу одной только своей массой, но одновременно, с другой стороны, – представление о «колоссе на глиняных ногах», который легко может быть повергнут из-за своей неуклюжести, неподвижности и внутренней слабости. Автору рецензии обе точки зрения кажутся ненаучными.

В то время как в партийной печати под влиянием идеологов типа Розенберга распространялось представление о Советском Союзе как государстве, которое под руководством евреев готовит мировую революцию, а в собственной стране с помощью жестокого террора подавляет народы и морит людей голодом, в этой рецензии приводились результаты исследования, разоблачающие все утверждения НСДАП как пропаганду, хотя, конечно, сами авторы такого вывода сделать не могли. Так, относительно голода в Советском Союзе указывалось, что трудности с продовольствием «появились не сразу после революции», но были проблемой еще царской России. Причиной этого была, прежде всего, плохая транспортная сеть при большой уда-

ленности мест производства зерна от потребителя. Отличие от партийной пропаганды, которая постоянно изображала голод в СССР только как жестокое и сознательно используемое средство советских правителей для пресечения восстания порабощенных народов против своих угнетателей, очевидно.

Для статьи характерны исключительно спокойный, деловой тон, отказ от полемичности и недопустимых обобщений, что позволяет рассматривать ее как серьезную журналистскую работу. Примечательно, что через полтора года после вступления Гитлера в должность по такому щекотливому вопросу, как оценка Советского Союза, в немецком журнале мог быть опубликован материал, совершенно расходящийся с линией партии по содержанию и критикующий ее пропаганду.

В целом, Советский Союз, невзирая на его «большевистскую» систему, еще не рассматривался военными журналами в качестве врага, столкновения с которым не избежать. Многие военные считали принципиально возможным, если не желательным, дружественное развитие двусторонних отношений.

В «Deutsche Wehr» также принимали в расчет вопрос германо-российского сотрудничества. И опять речь идет о рецензии на книгу, написанную, на этот раз, генералом Гансом фон Сектом[6]. Автор рецензии, контр-адмирал в отставке Рейнхард Гадов, один из трех руководителей «Deutsche Wehr», человек, голос которого в редакции был отнюдь не последним, отмечает хорошее понимание Сектом особых отношений России с «германством». Что касается предпосылок германо-российского совместного продвижения вперед, то, по мнению Секта, между обеими странами нет ни геополитических, ни «обусловленных расовой принадлежностью», ни исторических противоречий; торговые отношения более или менее нормальные, и их непременно можно будет сделать еще лучше; сближение России с Францией и Польшей, вероятно, является следствием бессилия и изоляции Германии, которая ничего не может предложить России. Россия не ищет у своих новых союзников поддержки против Германии и не преследует целей на Балканах или на Востоке:

> Россия просто хочет покоя, и если она сегодня еще где-то и преследует внешнеполитические цели, то они связаны с Азией. […] Большевизм обратился к Азии, он принимает нашу национальную революцию.

Более того, «большевизм», опасаясь германо-французского сближения, серьезно желает сойтись с Германией, но того же хочет и немецкая сторона. Только Советский Союз может «обеспечить безопасный тыл» Германии.

В своей рецензии Гадов предполагает, что размышлениям Секта, вероятно, предшествовал обмен мнениями с русскими военными инстанциями, и напоследок задается вопросом:

> Но являются ли военные Россией? Сегодня, наверное, еще нет. Но однажды, возможно, так и будет, и тогда перед нами, в любом случае, откроются большие возможности, если упрямство Запада к этому приведет.

Эта статья во многом показательна. Правда, высказанное в ней мнение нельзя безоговорочно считать репрезентативным для оценки Советского Союза и его политической системы большинством немецких военных. Тем не менее оно свидетельствует о том, что ведущие представители армии не разделяли распространявшихся

партийной печатью взглядов на СССР как агрессивную державу, которая видит в лице национал-социалистической Германии своего главного противника и усиленно готовится его уничтожить. Напротив, по наблюдению Секта, Советы даже добивались союза с Германией. Идущее вразрез с партийной пропагандой мнение, что Советский Союз хочет «просто покоя» в Европе и обратил свои имперские амбиции, если они вообще есть, к Азии, в этот период было темой и многих других статей. Так, «Militarwochenblatt» писал:

> На большевистскую пропаганду в Европе было потрачено много денег. Однако надежды не оправдались, так как Европа сопротивлялась большевизму. Россия отказалась от наступления и усилила свое давление и свое влияние в Азии […][7].

То, что Сект в 1934 г. не смог разглядеть «обусловленные расовым происхождением» препятствия на пути сотрудничества с Россией, позволяет предположить, что генерал, по меньшей мере, еще не был хорошо знаком с представлениями Гитлера или Розенберга. Последний примерно тогда же в своих работах возлагал ответственность за успех «большевизма» в России и отсутствие «выраженного сопротивления» ему на «мягкий», «разложившийся русский народ»[8].

Размышления Секта о пользе разных конфигураций союзнических отношений Германии с другими европейскими странами свидетельствуют о нем как о человеке, мир военно-политических представлений которого восходит к XIX веку. Ему, очевидно, казалось, что счастливое будущее Германского рейха зависит только от восстановления статуса великой военной державы и выбора подходящих, гарантирующих ее безопасность союзников. Казалось, Сект не принимал в расчет даже саму возможность, что германское государство может задаться целью стать единственной великой державой Европы и без союзников, в одиночку определять судьбу целого континента. То обстоятельство, что в дискуссии о возможных союзниках Сект руководствовался исключительно прагматичными, военно-экономическими и стратегическими соображениями, есть признак того, что в мире его мыслей не было места расистскому мировоззрению фёлькише, которое сотрудничество с другими странами ставило в зависимость от обусловленной «чистотой крови» ценности населявших их народов.

Сомнение Гадова «является ли армия Россией?» напоминает о надеждах, которые в 1920-е годы лелеяли многие военные, что Красная Армия, становясь все более профессиональной, будет избавляться от своих коммунистических одежд и что этот процесс деидеологизации, в лучшем случае, вызовет оживление и усиление русского национализма. Следствием было бы «обуржуазивание» российских вооруженных сил, которые, со своей стороны, неизбежно стали бы оказывать обратное влияние на государство в целом и на правительство в частности. Такое развитие событий чрезвычайно повысило бы для Германии ценность союза с Россией.

Обуржуазивание России кажется руководителю «Deutsche Wehr» желательным, но все же не делает его предпосылкой сотрудничества с государством Советов. Гадов особо хвалит одну, посвященную внешней политике речь Гитлера, в которой тот подтвердил свое намерение «поддерживать с Советским Союзом […] дружественные, полезные для обеих сторон отношения. Борьба против коммунизма – это наше дело». Контр-адмирал в отставке так интерпретирует это высказывание «фюрера»:

Немедленной реакцией было то, что Россия и не пыталась протестовать, когда ее главари в Германии исчезли за решеткой, и даже с удовлетворением заявила, что наказала немецких коммунистов и не приняла беженцев. Отношения, которые в условиях угрозы подрывной деятельности Москвы должны были стать болезненными, очистились и сегодня могут поддерживаться совсем по-другому. Настоящая сила всегда убеждает[9].

Хотя Гадов разделяет тезис Секта о «переориентации большевизма на Азию», он, в отличие от него, пользуется типично национал-социалистическими формулировками, например, о «подрывной деятельности» Москвы, штампом, противоречащим другим его мыслям.

Во всяком случае, надо констатировать, что Гадов и в условиях гитлеровского господства считал возможной и желательной прагматичную политику в отношении Советского Союза, т. е. подавление коммунизма в Германии при одновременном долгосрочном внешнеполитическом сотрудничестве с Москвой. Взгляды, наверняка, разделяемые многими его коллегами, которые, однако, принципиально недооценили воздействие «мировоззрения» Гитлера на практику немецкой внешней политики последующих лет.

Хотя до середины 1930-х годов военные журналы старались писать о Советском Союзе и его вооруженных силах по возможности спокойно и объективно, все же время от времени во вполне, в целом, дельных статьях встречались стереотипы восприятия «большевизма». Так, один автор «Militarwochenblatt» пишет о Москве как о «зримом и осязаемом воплощении идей мировой революции Ленина и его апостолов; отсюда направляется стремление к великим конечным целям, и одно из средств этого – Красная Армия». Затем следует длинное исследование уровня развития отдельных родов войск и особенностей советской военной организации. В конце автор повторяет не относящуюся, собственно, к теме его статьи оценку: Коммунистический Интернационал в союзе с единомышленниками в других странах преследует одну великую цель – «развязать мировую революцию, установить в капиталистических странах диктатуру пролетариата и присоединить их к союзу Советов»[10].

Бросается в глаза различие между партийной печатью, которая в центр внимания своих сообщений ставила «мироохватные» планы Москвы и вытекающие отсюда мрачные прогнозы для будущего Европы, и военными журналами, где такие штампы были ничего не значащими, скорее, декоративными элементами, вставлять которые стало, очевидно, более или менее осознанной привычкой.

Между тем в большинстве посвященных СССР статей в военных журналах проявлялся интерес не столько к политическим отношениям, сколько – в соответствии с предметом рассмотрения – к материальному и духовному уровню развития советских вооруженных сил. Однако некоторые авторы признавали, что важные для оценки духовного уровня, моральной стойкости и в связи с этим боевой силы Красной Армии факторы находятся в сфере основных политических принципов СССР, и, соответственно, тоже уделяли им внимание. В большинстве репортажей царил деловой тон, который едва ли позволял уловить какую-то антипатию по отношению к советскому государству или его политической системе. В тех случаях, когда подбор слов или манера выражения позволяет сделать вывод об эмоциях пишущего, речь идет о нейтральном признании и даже откровенном воодушевлении по поводу того рвения, с каким в СССР, в тяжелейших финансовых и военно-технических исходных условиях, за короткий срок была создана одна из самых боеспособных армий Европы.

Наряду со статьями, признававшими достигнутые в деле строительства страны успехи, были, однако же, и такие, в которых указывалось на нерешенные проблемы, что порой становилось поводом для снижения оценки боевой мощи Красной Армии. Критика касалась, прежде всего, якобы слишком схематичного мышления военного руководства, тяжелой ситуации на транспорте, травмы, нанесенной населению в результате коллективизации сельского хозяйства, а также национальных проблем. Так, имея в виду последний аспект, в 1934 г. «Militarwochenblatt» писал:

> Можно с полным правом сомневаться в оценке морального состояния Красной Армии, так как, наряду с населением союзных республик, которое силой привлекают на военную службу, ее главная составляющая – это русские крестьяне […] и они вряд ли благожелательно настроены по отношению к советскому режиму.

Автор статьи Бруно Маурах видел одну из главных проблем в национальной разнородности военнослужащих. По его данным, половина «красных дивизий» состояла из «национальных формирований или территориальных войск, т. е. подразделений, которые формировались так называемыми автономными союзными республиками»; такая «пестрота состава Красной Армии» лишает войска единства и затрудняет их «тотальное использование». К тому же, пишет он, «эти национальные формирования России враждебно настроены по отношению к Центру. Не секрет, что Москва не в состоянии в случае военного конфликта вывести эти войска с мест их дислокации». Отдавая должное, автор соглашается с тем, «что Красная Армия очень хорошо оснащена, особенно сухопутные войска и военно-воздушные силы. […] Личный состав хорошо подготовлен и умеет обращаться с военной техникой всех видов. Но, несмотря на эти достоинства, любой посвященный на вопрос о практическом использовании Красной Армии как единого целого в случае войны должен будет ответить отрицательно»[11].

Через месяц после опубликования этой статьи в том же журнале с резким возражением выступил капитан Ганс Вагнер. Сначала он пояснил, что журналист обязан разобраться «с этой восточной армией по существу», разумеется, «сугубо по-деловому, как серьезный исследователь, и даже, если возможно, самостоятельно изучив вопрос, но всегда полностью отказавшись от всех личных эмоций в отношении Советского Союза». Недопустимо «оценивать дружественную или враждебную армию, руководствуясь личными симпатиями или антипатиями». Далее следует частью опровержение, частью соотнесение почти всех оценок Мауараха. Прежде всего, Вагнер отмел сомнение в надежности национальных формирований. Он подчеркнул, что эти подразделения уже давным-давно хорошо себя зарекомендовали, и предостерег от переоценки критики недостатков в советской прессе. В заключение автор обратил внимание на то, что приписывание чужой армии недостатков, которых на самом деле нет, серьезной военной науке не принесет никакой пользы[12].

Уже за год до этого Ганс Вагнер выступил против мнения, будто Россия не в состоянии вести войну из-за своей внутренней обстановки. Имея в виду, прежде всего, положение на востоке страны, он тогда высказал точку зрения, что население Сибири и Дальнего Востока, безусловно, предано советской системе:

> Авантюры Колчака и особенно атаманов превратили мирных, аполитичных крестьян в убежденных большевиков. Восстание населения в тылу ведущей боевые действия армии […] с самого начала […] надо рассматривать как невероятное[13].

И в этой оценке военный журнал дистанцировался от интерпретаций НСДАП с их широко распространенным, не требующим доказательств тезисом о том, будто только леденящий душу террор заставляет советский народ нести ярмо «большевизма». То, что действия «белой» оппозиции во время Гражданской войны могли бы стать фактором, приводившим людей в ряды армии коммунистов, едва ли было предметом обстоятельных размышлений в партийных кругах. Вагнер продолжает свой расходящийся с линией НСДАП анализ положения в СССР и подчеркивает: «Далее, в Сибири всегда были хорошие урожаи, и последний урожай был таким богатым, что не только не могло быть речи об угрозе голода, но и продовольственные склады […] были заполнены на долгие годы вперед»[14]. Это прямо противоположно тому, что писали о хроническом голоде в Советском Союзе немецкие ежедневные газеты!

Если в первые два года пребывания у власти национал-социалистов Советский Союз с его политической системой в военных журналах отнюдь не всегда освещался отрицательно, но даже рассматривался как возможный союзник, то, начиная с 1935 г., в атмосфере нарастания политической напряженности между Берлином и Москвой, журналистские оценки стали меняться и постепенно приспосабливаться к установкам официальной пропаганды НСДАП.

В центре всех рассуждений о политическом и военном весе СССР стоял вопрос, какие цели преследует Москва, развивая свои вооруженные силы. В отличие от учебной литературы для вермахта, которая не позднее 1936 г. начала придерживаться предписанных партией взглядов, согласно которым Советский Союз планирует развязать мировую революцию и потопить Запад в «море крови и слез», мнения авторов военных журналов, как и прежде, расходились.

При этом, все они были солидарны в том, что исходящая из Москвы угроза мировой революции в данный момент крайне мала:

> Мировая революция была лозунгом Ленина, который, исходя из марксистской теории, постулировал уничтожение господства капитала рабочими […]. Современная Россия Сталина – который издевается над людьми, имеющими «в интеллектуальном запасе одну брошюру Ленина», – далека от этой миссионерской идеи, хотя она непрерывно внедряется в массы[15].

Другой автор писал о горьком для Москвы осознании того, что революционные фанфары Кремля не вызывают отклика в мире, как думали сначала, и что революционный марш за пределы Союза Советов во имя «освобождения мирового пролетариата» должен быть пока отложен до более благоприятного момента[16].

Напротив, среди авторов статей не было единства по вопросу о том, отреклась ли Москва от своих революционных амбиций раз и навсегда, или она – как подозревает автор последней цитаты – просто намерена дожидаться «более благоприятного момента» для их реализации:

> Окончательно ли советское государство отказалось от духовного наследия большевистской революции и, говоря большевистским языком, «предало интересы международного пролетариата», или старые идеи все еще сидят в умах тех, кто сегодня несет ответственность за советскую политику?[17]

Наряду с авторами, усматривавшими в советской программе вооружений попытку создать предпосылки насильственного экспорта коммунистического мировоззрения, были и те, кто полагал, что за красным фасадом советского государства скрывается прежняя российская держава. По мнению последних, для Советского Союза речь шла только о сохранении власти на евразийском континенте: чтобы быть убедительной, власть нуждается в престиже и успехе. А в Москве видят угрозу своему престижу из-за падения влияния в Восточной Азии. Поэтому там рано или поздно дойдет до советского наступления на Японию, которое ни в коем случае не должно иметь неблагоприятный исход. Чтобы избежать войны на два фронта, Москва – опасается один из авторов – сначала развяжет войну в Европе, быстро победит и обеспечит себе безопасный тыл для реализации планов на Востоке[18].

Если пропаганда НСДАП видела в лице Советского Союза только смертельного идеологического врага, только «еврейско-азиатский большевизм», то военные журналы все еще склонялись к тому, чтобы рассматривать Россию и исходящие от нее возможные угрозы, принимая во внимание трезвые военно-стратегические соображения: для них на первом месте стоял военный потенциал, а большевистскому мировоззрению придавалось, в лучшем случае, второстепенное значение.

«Азиатский мотив» возникает в военных изданиях только с 1935 г. И в них все чаще стала использоваться связка «большевистский»= «азиатский». В одной статье дошло даже до интерпретации всей российской и советской истории как части тысячелетиями вынашиваемого азиатского великодержавного намерения подчинить Евразию. Здесь великодержавная политика царизма, так же как и Советов, предстает эпигоном «монгольского стратегического плана»:

> Россия идет по стопам великих империй монголов и турков, становится наследницей Чингисхана, Тамерлана, Сулеймана и всех носителей чумы, которых изрыгала Азия, чтобы ужаснуть и уничтожить Запад. Санкт-Петербург и Москва заступают на место Каракорума, Самарканда и Стамбула в качестве эпицентров землетрясения[19].

В то время как царская Россия направляла свои завоевательные походы, главным образом, на Восток, Советы, как некогда монголы, нацеливают свой удар против Европы:

> Так Советская Россия нацеливает себя на насилие […] против европейского полуострова, прилепившегося к массивному телу Азии. Прежняя мечта воспламеняет умы, цель найдена. […] Рука Азии протянута, но не за тем, чтобы делиться с ней социальными идеями, но потому, что нужны 800 миллионов, Соединенные Штаты Азии против капиталистической Европы. Стратегический план Чингисхана снова возрождается.

Как правило, статьи в военных изданиях были более высокого уровня, чем только что процитированная. Все-таки и для нее характерна ориентация на аспекты силовой политики и стратегии экспансионизма, тогда как различие между Азией и Европой, которое столь определенно подчеркивали, мировоззренчески и расистски обосновывая нацистские идеологи, остается, скорее, на заднем плане.

Надо сказать и о том, что якобы еврейский характер «большевизма» – аксиома партийной антибольшевистской пропаганды – в противоположность азиатской части связки в то время на страницах военных журналов практически не обсуждался.

Думается, причиной этого было то, что для мышления в прежних военно-стратегических категориях представление об инспирированной монгольскими завоеваниями «800-миллионной империи», надвигающейся на Европу, могло быть более пригодным, нежели весьма абстрактная теория «финансовой плутократии», которая, не будучи сосредоточена в одном государстве, управляется «надгосударственными силами» и оперирует по всему миру.

31 марта 1937 г. министерство народного просвещения и пропаганды издало директивы для всех высших государственных инстанций рейха, где, между прочим, говорилось:

> Борьба против мирового большевизма – это генеральная линия германской политики. […] Задача пропаганды – показать немецкому народу, что большевизм – это его смертельный враг, и доказать всему миру, что он является врагом всех народов и наций, т. е. врагом всего мира[20].

В соответствии с этим официальным требованием, и военные издания стали участвовать в распространении предложенного правительством антибольшевистского образа врага. Но это не означало, что представление о Советском Союзе на их страницах отныне стало единым. Так, гордый своими давними традициями «Militarwochenblatt» не спешил следовать новым указаниям и по-прежнему старался давать более или менее дельные материалы. На практике это означало, что отклонялись любые статьи и комментарии, касающиеся мировоззренческих основ «большевизма», и все ограничивалось сугубо военно-научными аспектами, а также актуальными сообщениями о развитии отдельных родов войск Красной Армии.

«Deutsche Wehr», напротив, быстро последовал директивам и охотно предоставил на своих страницах необходимое место для антибольшевистской тематики. Чаще всего военный журнал подхватывал следующие, предлагаемые нацистской пропагандой темы:

– увязывание по содержанию понятий «большевистский», «азиатский», «еврейский» (при этом, антисемитизм подчеркивался по-прежнему не так сильно, как в партийной пропаганде);
– сообщения о продолжающемся в СССР голоде;
– порабощение и нечеловеческая эксплуатация русских рабочих;
– систематическое искоренение народностей и уничтожение национальностей;
– вооружение Советского Союза с целью нападения на другие государства;
– угроза подавления Европы массой большевиков.

Война против Советского Союза в освещении «Mitteilungen fur die Truppe»

Здесь будет проанализировано представление о Советском Союзе и его населении, которое должно было быть доведено до немецких солдат во время войны на Востоке. Источник – издававшиеся с апреля 1940 г. Верховным главнокомандованием вермахта «Mitteilungen fur die Truppe» (MfT; далее: «Mitteilungen»). Речь идет о небольших по формату, как правило, двух- – четырехполосных информационных ли-

стках. Выходили они нерегулярно. Для содержания «Mitteilungen» было характерно отсутствие актуальных политических и военных новостей, о которых солдат узнавал, прежде всего, из военных сводок. Вместо этого рассматривались общие вопросы относительно сути и целей войны, намерений своего государственного руководства или государственного руководства противника, а также идеологических установок и личного поведения солдат. В большинстве своем статьи были выдержаны в одном стиле, который, благодаря заимствованиям из разговорной речи, фамильярному тону и подчас вульгарным выражениям, должен был внушать чувство товарищеской близости между авторами, сидевшими за письменным столом, и солдатами, сидевшими в окопах.

Первый период: июнь 1941 г. – зима 1941/42 гг.

1. Немецкий «крестовый поход» против «империи зла»

Уже перед войной мировоззренчески обоснованный атеизм марксистского учения в различных материалах учебной литературы для вермахта служил поводом, чтобы представлять Советский Союз с его «большевистской» системой как страну, заключившую союз с адскими силами. Эта тенденция значительно усилилась буквально через пару недель после начала похода на Восток. Если накануне 22 июня 1941 г. такие характеристики СССР, как «адский» или «дьявольский», были, скорее, метафорами, которые должны были усилить ужас перед коммунистическим террором, то с середины 1941 г. в статьях учебной литературы для вермахта врагу на Востоке стали придавать «сатанинский» характер не столько в метафорическом, сколько в собственном, религиозном смысле.

Тот факт, что «сталинские комиссары» будто бы были выходцами из «безбожников», и масштаб «зверских деяний» врага позволили автору одной статьи заключить, «что большевики в самом прямом смысле слова являются исчадиями ада, что они целиком отдали себя во власть дьявола»[21]. А другой сообщает, что, «по словам наших солдат, увиденное и пережитое ими […] это воплощение дьявола, это невообразимо, это означает смерть и уничтожение по всему фронту»[22].

Неоднократно вспоминались «исполненные гордости слова» Бисмарка, которые «сегодня стали убеждением всего 85-миллионного народа: «И если бы весь мир заполнила бесовщина», то германский меч и германский дух все равно будут сильнее всех демонов из преисподней Москвы»[23].

Причину успеха «большевизма» в России объясняли тем, что ему якобы удалось увязать свои идеи «со столь близкими русской душе воззрениями так называемого нигилизма»[24]. Нигилист ни во что не верит, не признает никаких обязательств, у него нет никаких моральных ценностей и, стало быть, нет чувства долга. Часто встречающийся у русских нигилизм – это «состояние полной нравственной опустошенности и проявление надломленного, насквозь прогнившего характера». Интересно, что некоторые авторы причину победы коммунизма в России усматривали не в одном только влиянии дьявола и еврейства, но также в «естественной предрасположенности» русского человека.

Что можно считать причинами перехода армейской пропаганды от метафорической к «реальной сатанизации» Советского Союза? С одной стороны, конечно, надо

было разжечь у немецких солдат страх перед зверствами, ожидающими их в советском плену, и, тем самым, предотвратить бегство на сторону противника. С другой стороны, сыграло свою роль и намерение устранить все, что могло бы мешать убивать.

Однако более важным кажется то, что инициированное партией с начала войны представление Гитлера посланным божественным провидением фюрером требовало, чтобы ему противостоял такой же, уходящий корнями в религиозно-метафизическую сферу образ. Если Гитлер, посланник Господа, для него и от его имени ведет войну на уничтожение, то его противником должен быть «не уступающий ему» противник Господа, а кто же лучше подходит для этого, как ни Дьявол собственной персоной!

На первом этапе войны постоянное подчеркивание дьявольского характера Советского Союза служило национал-социалистической пропаганде, в первую очередь, темным фоном, на котором еще более впечатляюще смотрелся сияющий образ «спасителя христианского мира».

Религиозное, христианское заимствование, которое использовала армейская пропаганда, интерпретируя войну против России как последнюю и решающую битву сил Добра и Зла, имело следствием то, что этой войне стали придавать апокалиптический характер. Уже накануне войны Розенберг в своем курсе для национал-политического обучения в вермахте говорил о захвате власти национал-социалистами как о «*рубеже* времен», который наступает «каждые 500 или 1000 лет». Миссионерское сознание, которое в таком широчайшем историческом контексте приобретает самостоятельное значение, подготовило почву для того, чтобы объявить поход на Восток предотвращением в последнюю минуту «*конца* света».

Грозящий апокалипсис изображался во всей своей, нагоняющей ужас на цивилизованное человечество, полноте. Как писали в «Mitteilungen», продвижение «большевиков» означало бы «смерть и уничтожение, истребление и хаос, убийство и огонь, истязания и немыслимые муки»[25]. Его неизбежным следствием стало бы то, «что немецкие женщины и дети, наши деревни и города, урожай на полях и фабрики в городах, вся наша немецкая культура» была бы обречена на верную гибель. «Массы большевиков» «принесли бы конец всему, ради чего стоит жить, если бы их прорыв в последний момент не был предотвращен».

Другой автор делает акцент на происхождении «большевиков», но рисует столь же ужасающие картины: «Азия стоит пред вратами Европы, орды диких кочевников под предводительством отребья недочеловеков стоят, готовые вытоптать то, что было создано за два тысячелетия немецкой культуры, истребить все чистое, органичное, благородное человечество, уничтожить города и села»[26]. И далее: «убийства и огонь, немыслимые истязания и адский труд, извращенная жажда разрушения всего подряд» – таковы методы этого врага. В Советском Союзе «разверзлась преисподняя», «каторжные тюрьмы открыты, бушует преступность со всего мира, гетто извергло своих самых бесстыжих и пытается направить на нас их похоть и кровожадность». Если бы «большевизм» лишь на несколько дней обрушился на Германию, то «следствием этого стали бы немыслимые ужасы, конец всему живому там, куда они вторглись».

Если такие, поистине апокалиптические, картины были достаточно красочными и пластичными, то присутствовавшее в каждой статье послание о том, что эту смертельную опасность «в последнюю минуту» отвел богом посланный фюрер, действо-

вало на крайне напряженного читателя как освобождение от кошмара: «За то, что эту чуму искоренили прежде, чем стало слишком поздно, мы должны благодарить только нашего фюрера, который в последний момент распознал угрозу»[27]. А другой автор в псевдорелигиозном стиле апокалиптического толкования объявил: «Каждый солдат, который в этот момент не находится на восточном фронте, должен говорить себе каждый день и при каждой возможности взывать к немецкому народу: мы в неоплатном долгу перед товарищами и их командирами, которые, победив на восточном фронте, одолели силы ада»[28].

2. «Недочеловек» против «благородной крови»

1) «Толпа» и «сильная личность»

Одним из моментов в процессе диффамации «большевистского противника» как подлежащего уничтожению недочеловека было «теоретическое» освещение важного, с точки зрения пропаганды, различия между человеческим самосознанием благородного «по крови» и расово полноценного немца и «большевика», который якобы только в силу своего славянского или еврейского происхождения является расово неполноценным.

Исходным было утверждение, будто «большевистское» господство повсюду начиналось с уничтожения образованного слоя страны. Так, в России жертвами такой «кровожадности» стали более двух миллионов представителей буржуазии[29]. Тому видели две причины: с одной стороны, свойственная «большевикам» «лютая ненависть ко всему благородному по крови», а с другой, – их намерение разрушить в России культуру личности, так как существование сильной личности является серьезным препятствием на пути осуществления «беспощадного, животного стремления к власти». С помощью массового террора, продолжает автор, власть имущие за несколько недель добились того, «что осталась только покорная толпа, где культура личности была задушена, толпа, которую можно было организовать кнутом и пистолетом, муштровать, обучить в духе большевизма и запустить как чудовищную машину уничтожения».

Другой автор из «Mitteilungen» пошел еще дальше и результат 20-летнего коммунистического господства в России определил как превращение населения «в абсолютно бездушную массу». Таким образом, он отказал людям в наличии не только собственной индивидуальности, но даже души[30].

Однако не все корреспонденты утруждали себя объяснением подоплёки превращения советского народа в толпу. Один даже полагал:

> Не стоит разбираться с теорией большевизма. Немецкий народ просто поставлен перед фактом, что отсюда орды и толпы с дьявольскими инстинктами должны быть брошены на Европу[31].

Однако каждый раз, когда категория «личность» использовалась для проведения различия между немцем и советским человеком, она выполняла две существенные функции. С одной стороны, она служила тому, чтобы лишить якобы утратившего свою индивидуальность противника всего человеческого; соответственно, немецкий солдат имел дело с врагом, который представлял собой машину, запрограммированную «Кремлем» на разрушение будущего Германии. Такое видение при контакте с противником – в бою или при обращении с военнопленными – должно было удер-

живать от того, чтобы относиться к «большевикам» иначе, чем то предписывалось вбитыми в головы идеологическими установками. С другой стороны, на фоне ложно приписываемого советским людям личностного дефицита ярче должны были смотреться отношения в Германии:

> Этой власти толпы мы противопоставляем силу общности. Идеал воспитания немца имеет две цели. Во-первых, наивысшее развитие всей системы расовых ценностей, всех ценных для становления здоровой культуры личности задатков. А во-вторых, с первых же дней представлять народную общность как высший идеал для становящегося личностью молодого человека. Таким образом, немецкая общность является единством взаимосвязанных индивидуальностей для совместного служения[32].

Поэтому «сила общности» немецкого народа, по существу, отличается от советской толпы. С одной стороны, высокой ценностью своей расы, а с другой – тем, что национал-социалистическое государство «с первых же дней» воспитывало молодых людей в духе всех своих идеалов и, тем самым, давало возможность формирования «здоровой культуры личности» (!).

2) «Обесчеловечивание» противника

Как только у солдата, в результате чтения сотни раз повторявшихся в слегка измененном виде текстов, закрепилось представление о красноармейцах и советских людях, вообще, как о толпе расово неполноценных убийц без души и индивидуальности, пропаганде оставалось сделать маленький шаг, чтобы просто отказать противнику «быть человеком»:

> Фюрер […] назвал большевиков «бестиями». Он говорит о враге, «у которого нет ничего человеческого, который – просто бестия». Конечно, советские орды не сравниваются с животными, это обидело бы многих зверей. Но фюреру нужно слово «бестии». Как известно, оно употребляется для обозначения безудержной жестокости, бессмысленной жажды разрушения и неприкрытой подлости. По-зверски поступают недочеловеки. […] Мы, немцы, не можем ставить советские орды на одну доску с нашими фольксгеноссен. Словом «недочеловеки» мы поясняем, что они находятся по ту сторону ценностей и моральных норм, которые для нас имеют решающее значение[33].

И для того, кто написал опубликованное в «Mitteilungen» письмо с фронта, «русский» – не «большевик» – был «противником, которому надо отказать во всем человеческом. Совершенные зверства […] могли произвести только озверевшие твари, но не люди»[34]. Представление, что на Востоке имеют дело не с людьми, а с «бестиями» или «озверевшими тварями», многих подводило к выводу, что русские не являются «врагами, как другие» и что войну с ними нельзя сравнивать ни с одним из прошлых походов[35]. Этот противник воюет «не оружием, полагающимся солдату, […] но его метод – убийство и огонь»[36]. Потому на этой войне не может быть и речи, чтобы «мериться силами с полной отдачей, как солдат с солдатом, как мужчина с мужчиной, но […] о том, чтобы защищаться от бестий»[37].

Легко понять, какие практические выводы должен был сделать солдат из демонизации и «бестиализации» врага, которому, таким образом, не только отказывали во

всем человеческом, но вообще оспаривали то, что советские военнослужащие являются солдатами в строгом смысле слова: тот, кто не был ни человеком, ни солдатом, не мог ни ожидать, ни требовать, чтобы к нему относились в соответствии с международными конвенциями об обращении с военнопленными и гражданским населением. В приведенных цитатах из «Mitteilungen» видно, как солдат эмоционально настраивали на особые условия войны на уничтожение, когда не надо думать, что «приняв решение о перемирии и мире, можно договориться»[38], но когда, по твердому убеждению немецкого командования, мог и должен был выжить только один из двух столкнувшихся бойцов. Правда, цель физического уничтожения противника в «Mitteilungen» не формулировалась столь радикально, как это предполагалось правительством, тем не менее уже на этом раннем этапе частично использовались выражения, фанатизм которых недвусмысленно указывал на известные намерения: «Здесь поможет только меч, здесь решают только пулеметы и бомбы»[39]. Солдат, знай, «что ведущие боевые действия войска там (в СССР – *И. Я.*) должны решать трудные задачи, возможно, самые тяжелые по сравнению с прошлыми войнами»[40]. Речь идет о том, чтобы «стереть с лица земли красных недочеловеков»[41]. Одна из конечных целей должна заключаться в том, чтобы «радикально пресечь натиск преисподней». Конечно, даже тот, кто регулярно читал «Mitteilungen» сначала еще не мог догадаться, насколько радикальным, по воле его инициаторов, должно было быть это уничтожение.

В целом, о материалах в «Mitteilungen» можно сказать, что в них требование уничтожения большевистской *системы* как цели войны, звучало редко. С самого начала в планы входило просто «искоренение недочеловеков», причем, оставался открытым вопрос, может ли «большевистский недочеловек» снова стать «человеком», даже если он проявит готовность отречься от своего мировоззрения.

3) «Только не уступать!»

Думается, авторам статей в «Mitteilungen» было ясно, что практическое решение связанных с войной на уничтожение «трудных задач» станет для солдат большой психической нагрузкой. Очевидно, они не очень-то верили, что их тексты, в которых «массы большевиков» обычно описывались как непохожие на людей бестии-убийцы, произведут требуемый пропагандистский эффект, и у солдат исчезнет всякое сочувствие к врагу и все колебания относительно того, убивать или нет. Различные статьи, появлявшиеся с ноября 1941 г., кажется, подтверждают, что у многих находившихся на восточном фронте служащих вермахта большое горе, какое война несла советскому населению, вызывало неприятные чувства.

Прежде всего, речь шла о растущем недостатке продовольствия на оккупированных территориях. Обычно сообщения начинались с ссылки на то, что голод будто бы является следствием жажды разрушения у «большевиков», которые перед бегством, не считаясь с собственным населением, уничтожали все запасы продовольствия: «Вероятно, немецкому солдату нелегко это наблюдать. Голодающие женщины и дети, даже если это народ противника, – такое берет за живое»[42]. В другой статье говорится: «И когда теперь на пути лежат умершие от голода мужчины, женщины и дети, видеть это […] мало приятного»[43].

Чтобы солдат «правильно» воспринимал такие картины и не делал неверных для своих внутренних установок и действий по отношению к врагу выводов, редакция «Mitteilungen» внесла в свои рассуждения новые аргументы. Один восходил к прош-

лому и напоминал солдатам о том, что русские сделали немцам в прошлых конфликтах. Якобы 85 % немецких военнопленных Первой мировой войны погибли от голода в сибирских лагерях, а десятки тысяч «умерли ужасной смертью» в Германии в первые послевоенные годы из-за экономической блокады, угона дойных коров и разных «вымогательств»: «У немца есть проклятая предрасположенность к тому, чтобы уступать там, где не надо, и забывать о том, что нам причинили в прошлом»[44].

Второй аргумент касался современности: основная цель «большевизма» – уничтожение Германии, и германский вермахт кровью заплатил за то, чтобы сорвать эти планы: «То, что враг готовил нам, теперь происходит с населением его страны». Немецкому солдату надо думать только о том, «что бы сделали большевики с нашими женщинами и детьми в случае своей победы».

Согласно этой аргументации, при оценке противника было уже не важно, кто несет ответственность за жестокость, имевшую место в прошлом или причиненную в теперешней войне, – русское правительство или русский народ. В соответствии с вульгарными представлениями фёлькише, «народ» рассматривался как некое вневременное единство, взаимопереплетение прошлых и еще живущих поколений. Это позволяло считать голодную смерть русских женщин и детей в нынешней войне справедливой компенсацией за понесенные немцами жертвы в прошлой войне. Советское гражданское население должно было заплатить своими бедами за страдания немцев во время Первой мировой войны. Более того советские женщины и дети, в силу своего происхождения из «орд большевиков», сами становились врагами, чья смерть от голода могла быть принята без угрызений совести: «Будем же добрыми и мягкими к своим семьям, но твердыми в отношении врага, как того заслуживает враг, который хотел превратить нашу немецкую родину в груду развалин»[45]. В этой и следующей статье немецкому солдату предлагалось с «величайшей твердостью» относиться даже к «сценам, от которых сердце разрывается»[46]. Каждый кусок хлеба, который он подает из сострадания, отнят у вермахта и немецкого народа: «Чистая совесть должна теперь защищать его (солдата – *И.Я.*) от неуместной жалости»[47].

3. Солдат и пропаганда

В «Mitteilungen» много статьей, косвенно касающихся влияния на солдат духа «антибольшевизма». Их авторы размышляют, прежде всего, о правдивости и воздействии писем с фронта. Подоплёкой этого, очевидно, было то, что предлагаемое немецкой пропагандой представление о Советском Союзе и его большевистской системе в условиях войны не производило на людей даже в Германии ожидаемого руководством рейха впечатления:

> С 1933 г. фюрер […] ведет широкую разъяснительную работу относительно действительного положения в Советской России. Немецкий народ слышал доклады, с которыми он и работающие вместе с ним выступали, например, на партийных съездах, но не составил верного представления о действительности[48].

В одном письме с восточного фронта солдат горько жалуется: «Тем более для нас досадно слышать, что дома есть еще вечно всем недовольные и болваны, которые в своей простоте никак не могут сообразить, какая опасность нам угрожала». Агрессивность и в то же время беспомощность в ответе редакции позволяет сделать вы-

вод, что проблема снижения эффективности антибольшевистской пропаганды на «домашнем фронте» была уже серьезной: «Однако фактом является то, что такие болваны в Германии еще есть. Но это не повод расстраиваться. Поскольку число таких ослов чрезвычайно мало. Это честно. И, к счастью, совершенно неважно, что полагают или не полагают такие неисправимые простофили. С точки зрения геологии, это – известняковые горы, а с точки зрения биологии – простофили. Они именно упрямы и не слушают никаких советов. […] Таких людей нельзя переубедить, их можно только осадить, чтобы не надоедали»[49].

3 октября 1941 г. в одной из своих речей Гитлер снова изображал ужасы, которыми «большевизм» грозит Германии и всему миру. Несколько дней спустя в «Mitteilungen» появилась публикация, в которой от солдат требовалось «постоянно подчеркивать в своих письмах домой глубокое впечатление от выступления фюрера»[50]. Ведь важно, чтобы дома люди чувствовали тесную связь между верховным главнокомандующим и его вермахтом.

Писать теперь нужно было не только близким. Рекомендовалось проверить круг знакомых и подумать, нет ли среди них тех, кому не помешало бы стать тверже.

То, что именно в это время посчитали особенно важным подчеркнуть тесную связь Гитлера и вермахта, объясняется тем, что в октябре 1941 г. продвижение на Восток явно замедлилось. Становилось все более очевидным, что война против СССР не будет «блицкригом», как планировалось, и надо привыкать к мысли о затяжном противоборстве в условиях зимы. А это обстоятельство могло бы послужить новым поводом для «простофиль» на родине. По этой причине, было важно показать оставшимся дома, что солдаты целиком и полностью за фюрера. И вот «солдата по-доброму, но настойчиво попросили описывать, с чем ему пришлось столкнуться»[51]. Ему предлагали: «Бедность, нищета в деревнях, убогое хозяйство, заброшенные предприятия, примитивные жилища, отсутствие малейшего представления о гигиене, умственный уровень и моральное состояние людей – обо всем этом в Германии хотели бы побольше узнать от солдат».

От солдат требовали писать исключительно «деловые донесения», согласно списку указанных тем. Напротив, описывать ужасы отсоветовали: «На родине уже знают, что большевики творили на своих ужасных шабашах. Солдату не нужно, прежде всего, у своих близких усугублять этот кошмар»[52]. Очевидно, редакторы «Mitteilungen» считали личные письма, где говорится, например, о плачевном состоянии санитарии и гигиены в России и, в то же время, нет ничего порочащего, наиболее подходящими, чтобы убедить оставшихся дома в том, что людям в условиях коммунистического господства действительно плохо.

Вторая фаза: от битвы за Москву до Сталинградской битвы

1. Изменения в представлениях о советском, русском человеке как новая военная стратегия

Когда немецкое наступление поздней осенью 1941 г. завязло на подступах к Москве, провал стратегии «блицкрига» стал очевиден. Соответственно, изменилось настроение «Mitteilungen». Если летом 1941 г. под впечатлением от быстрых военных успехов оно было оптимистичным, то уже весной 1942 г. тон стал более сдержанным. Об этом свидетельствует, например, изменение оценки советского граждан-

ского населения. В 1941 г. едва ли делалось различие между «большевистской ордой» и простыми жителями страны, и немецким солдатам настойчиво внушалось, что они не должны испытывать сострадания к голодающим или замерзающим женщинам и детям, потому что те, будучи частью народа-противника, не заслуживают ни снисхождения, ни милости. И когда речь шла об «озверевших ордах» «недочеловеков», не давалось никаких указаний о разграничении, относятся ли эти характеристики только к служащим Красной Армии или к населению Советского Союза в целом.

В условиях, когда положение на фронте стало гораздо тяжелее, Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ), как и издатель «Mitteilungen», очевидно, было вынуждено отказаться от такой клеветы без разбора. Изменение в изображении противника, однако, случилось не из потребности к большей объективности, но стало функциональной частью новой стратегии, которая в тяжелой ситуации должна была быстрее привести к успеху и победе.

Суть этой новой военной стратегии может быть сформулирована двумя тезисами:

1. После провала «блицкрига» ОКВ стало ясно, что многочисленные злоупотребления и самоуправство немецких солдат в отношении советского гражданского населения, а также зачастую жестокое обращение с советскими военнопленными должны укреплять у населения оккупированных областей волю к сопротивлению и, таким образом, отрицательно сказываться на ходе военных действий до того успешного вермахта. Это было тем более неприятно, что сначала жители этих регионов часто, действительно, приветствовали немецких оккупантов как освободителей от большевистского гнета и даже проявляли готовность участвовать в войне против Красной Армии. Остановить это неблагоприятное развитие – такова была одна цель новой стратегии.

2. Кроме того, перспектива затягивания войны на срок больший, чем было предусмотрено сначала, сделала активное сотрудничество с населением в деле обеспечения и немецких войск, и самой Германии продовольствием и другими товарами жизненно важным условием победы в войне. Ход военных действий показывал, что «искоренение» населения оккупированных областей пока, по экономическим соображениям, нежелательно.

Уже в феврале 1942 г. в одной статье в «Mitteilungen» указывалось на то, что на оккупированных территориях «все мероприятия должны осуществляться с учетом будущей перспективы и гарантии хозяйственных результатов, способствовать расширению экономических возможностей и позитивного развития страны»[53].

В статье, появившейся летом 1942 г., разъяснялось:

> Каждый немецкий солдат может помочь фюреру в решении его, имеющей всемирно-историческое значение, задачи освоения Востока немецким народом, если он станет привлекать русских людей к выполнению великой задачи создания нового порядка. Широкие массы на Востоке вполне готовы к сотрудничеству[54].

И полгода спустя автор другой статьи обращал внимание на то же самое: «Большая часть населения рада-радешенька, что большевики ушли. Они готовы работать по нашим указаниям, а нам нужно их послушное сотрудничество, чтобы навести порядок в огромной стране»[55].

О том, что немецкие захватчики для достижения своих целей нуждаются в помощи советского населения во время эйфории лета 1941 г. «Mitteilungen» ни разу не упоминали.

В первой половине 1942 г. в связи с изменением своей стратегической линии «Mitteilungen» считали нужным частично пересмотреть, насколько эффективными для солдат были прежние пропагандистские установки. Автор одной уже цитированной статьи делал попытку «получше разобраться с нашим отношением к людям на Востоке»[56]. С самого начала он предвосхищал возможную реакцию солдата, если бы пропагандистская обработка предыдущего года была успешной: «Люди?! Большинство солдат, основательно познакомившись с Востоком, скажут, что это вовсе не “люди”, что это – убогие, которые еще только должны стать людьми». Но теперь такие представления категорически отметались: «Приходит время, когда нужно выступить против таких слишком уж поверхностных оценок. Приходит время, когда каждому солдату должно стать ясно, что такие неверные установки мешают, даже угрожают далеко идущим планам командования». Таким образом, здесь говорится, что солдат – придерживаясь пропагандистских установок, ныне признанных «неверными» – сам мешает успеху войны.

На втором этапе войны в оценках противника все чаще появляется разделение между большевистским руководством и народом. И вести борьбу теперь надо не с «большевистскими ордами», а против истинных виновников этого ужасного террора и недостойного, нечеловеческого обращения с многими миллионами русских – против большевистских заправил, а не против русского человека как такового. Мы ведем войну не против русского народа, а против большевизма, так же как во Франции мы вели войну не против французского народа, а против плутократии послушной англичанам правящей клики[57].

То, что отныне борьбу нужно вести не с «*массами* большевиков», но исключительно с «заправилами» в Москве, искусно заострялось в ходе сравнения с походом на Францию, и, тем самым, скрывался присущий только войне на Востоке признак: с самого начала здесь шла спланированная война на уничтожение.

2. Отношения между немецкими оккупантами и советским населением

1) «Немцы» и «русские» глазами немцев

Но и под впечатлением первых крупных военных поражений, которые стали свидетельством лживости немецкой пропаганды о мнимой слабости и неуклюжести русских, «Mitteilungen» не изменили своего представления относительно немцев как «народа господ», которые после окончания войны заселят земли на Востоке и которым русские должны будут довериться, благодарно и униженно. Разумеется, было понимание того, что многие немецкие солдаты в восточных областях еще не смогут справиться со своей ролью новых хозяев колоний: «Всему надо учиться, в том числе и обращению с чужими народами»[58]. Как возможную причину порой неподобающего поведения соотечественников в России, один автор летом 1942 г. привел следующее:

> Мы сами еще молодой народ и должны дорасти до того, что нам предназначено фюрером. Прыжок от раздробленности на мелкие государства к превращению в мировую державу народа господ, к чему мы теперь стремимся, произошел у нас за неполные 80 лет – у англичан и французов на это было 400 лет! Конечно, что-то еще не получается, и еще многому надо учиться[59].

Сравнение с Великобританией и Францией позволяет сделать вывод, что автор предвидит для послевоенной России положение, соответствующее положению бри-

танских и французских заморский колоний. Имперская внешняя политика обоих западных соседей Германии служила примером для многих национал-социалистов. Однако известная политическая наивность проявляется здесь в представлении, будто имперское величие и глобальный государственный престиж могут быть достигнуты исключительно путем увеличения собственной территории за счет других, т. е. в отрыве и независимо от составляющих устои государства основных политических и этических ценностей.

Отличием народа господ, по мнению автора другой статьи, «являются деловые качества и позитивные достижения. Господин справедлив и корректен, поскольку он служит делу»[60]. Однако в статье нет ничего о том, как конкретно немецкий солдат на Востоке сможет свои «деловые качества» воплотить в «позитивные достижения». Удовольствие от «работы», как мотив, характеризующий сущность немецкого народа, было темой и других материалов. В феврале 1942 г. в одном из них говорилось, что люди на оккупированных территориях должны понять, «что немецкий народ – это народ труда и созидания. Хорошо, если жители восточных областей будут постоянно видеть, что понятие достижения неразрывно связано с немцами»[61]. В этих словах – неслыханный цинизм: немцы, которые в форме вермахта и разных «зондеркоманд» превратили в развалины огромные области на западе Советского Союза, должны были убедить местное население в своей естественной приверженности «созиданию» и, тем самым, склонить его к сотрудничеству.

Наряду с попытками представить немцев как народ господ и выявить его сущностные качества, статьи, относящиеся ко второму этапу войны, содержали также некоторые оценки русского человека и его характера. Теперь большое значение придавалось необходимости проводить различие между «большевиком» и «простым русским». И все-таки авторы в своих рассуждениях, в основном, стояли на унижающей, порой снисходительной позиции господина, оценивающего своего будущего раба. Так, один автор полагал: «Русский человек по своей натуре добродушен и послушен. Он привык слушаться, если с ним хорошо обращаются […]»[62]. В духе рекомендаций о том, как господин должен обращаться со своей непонятливой прислугой, советовалось отказаться от «бессмысленной грубости и жестокости» на том основании, что она [прислуга] действует не по злобе, а по неведению: «Это урок, так как человек, с которым плохо обращаются, остается боязливым и упрямым. Но нам не нужны запуганные, боязливые и упрямые люди, нам нужны открытые, послушные и полезные помощники».

В общем, исходной была мысль о том, что «большинство населения Советского Союза […] занимает, прежде всего, выжидательную, но не враждебную позицию в отношении немецких солдат»[63]. В доказательство тому, наряду с надеждой на освобождение он большевистского гнета, особенно подчеркивалось то обстоятельство, что, в общем-то, русский человек очень уважает немецкого солдата, признает его дисциплину, дух порядка и справедливости, тем более, что у населения обостренное чувство права и справедливости.

На этом этапе войны «русский» на страницах «Mitteilungen» изображался как человек нескладный, не очень чистый, туповатый, но, в то же время, добродушный и работящий, с врожденным чувством справедливости. Т. е., наряду с классическими негативными стереотипами, имели место штампы положительные. Интересно, что почти всегда русский человек характеризовался как старательный работник (при хо-

рошем обращении), что противоречило традиционному представлению о «ленивом русском».

2) Предупреждение от немецкой заносчивости

Ожидаемой активной помощи и поддержки со стороны местного населения можно было добиться только под угрозой применения массовых репрессий, что зачастую имело место в реальности. Верховное главнокомандование вермахта – в меньшей степени Гитлер – скоро признало, что вынужденный коллаборационизм приведет не к желаемому, абсолютно позитивному, содействию, но может вызвать пассивное сопротивление и даже борьбу с оккупантами. По этой причине в «Mitteilungen» постоянно подчеркивалась необходимость «завоевывать» для дела Германии «послушных» помощников из среды гражданского населения. Потому что, по мнению авторов, только добровольная, продиктованная внутренним убеждением помощь может привести к желаемым результатам. Для достижения этой цели надо было срочно менять оценку немецкой пропагандой русского, а также белорусского и украинского народа. Принижение советских людей до уровня грязных, примитивных «убийц» и «бестий» при контактах солдат с гражданским населением могло иметь следствием поведение, препятствующее «завоеванию» людей для активной помощи. Чтобы это предотвратить, статьи в «Mitteilungen» на втором этапе войны требовали от солдат «избегать любых проявлений презрения к населению»[64]. Частота, с какой делались такие указания, позволяет заключить, что многочисленные проявления заносчивости оккупантов действительно приводили к ухудшению отношений:

> Нельзя судить об этих бедолагах […] по их внешности, они не виноваты, что большевистское господство довело их до такого отвратительного состояния. Во всяком случае, важно, чтобы мы, немецкие солдаты, не создавали атмосферу, которая давала бы вражеской пропаганде пищу для укрепления духа сопротивления[65].

Другой автор обращает взор от убогого настоящего в будущее и считает даже «примитивного» русского крестьянина способным обрести человеческое достоинство:

> Нельзя поддаваться соблазну делать ложные выводы на основании внешних впечатлений от жалкого жилища, одежды и всего образа жизни. Такая картина есть следствие бесхозяйственности большевиков на протяжении жизни почти целого поколения. После того, как это будет устранено, откроются неисчерпаемые возможности для созидательного труда и полного преображения жизни в последующие годы[66].

Во многих статьях претензия Германии на роль «народа господ» сочетается с требованием оставить в неприкосновенности права и обычаи других народов. Один автор, обрисовав скачок немцев к вершинам «мирового господства», обращает внимание на кажущийся ему важным принцип:

> Тот, кто не такой, как мы, необязательно менее значим. У других стран другие обычаи, и эти обычаи для их народов так же хороши и оправданы, как наши для нас. Отсюда, мы не вправе плохо отзываться о них только потому, что мы их не всегда понимаем[67].

Стоит спросить, насколько подобные рассуждения отражают только тактикой мотивированные уступки, которые должны были послужить ускоренному претворению в жизнь на оккупированных территориях изменившейся военной стратегии.

3) Более строгое, но более справедливое отношение к населению оккупированных областей

Указания, как должен вести себя солдат на Востоке в отношении местного населения, в «Mitteilungen» давались довольно часто, но оставались весьма неопределенными и едва ли могли быть руководством к действию в повседневной жизни. Они ограничивались общими высказываниями, как например:

> Каждый солдат […] в чужой стране является представителем народа и рейха. На нем лежит большая ответственность. Нельзя регулировать предписаниями в каждом отдельном случае, как себя нужно вести. Если солдат ежечасно будет помнить о том, что здесь он находится и действует как солдат фюрера, то он будет знать, как ему поступать[68].

Лейтмотивом большинства рекомендаций был призыв к «сдержанности», правда, без объяснений, в каких конкретных случаях должно проявлять эту добродетель. В одной из статей перечисляются особенно желательные черты поведения немецкого солдата: «Поэтому на оккупированных территориях мы должны вести себя строго, твердо, ясно и определенно, но при этом сдержанно, вежливо, отзывчиво и, в любом случае, справедливо»[69]. Это были качества, которые не следовало терять ни в какой ситуации – независимо от требований текущей политики – и которые давали солдату возможность, всегда по-новому и самостоятельно решать, как он может проявлять «твердое» понимание населения, сохраняя «строгую» вежливость.

Все авторы были едины в отрицании «бессмысленных и идущих во вред жестокостей»[70]. Необходимую сдержанность ни в коем случае нельзя было путать с грубостью, которая была не только признаком плохого воспитания, но наносила бы вред собственному целеполаганию. «Неправильное обращение с людьми […] имело бы следствием затруднения и провал настоятельно необходимой созидательной работы, и поэтому, в любом случае, его надо избегать»[71]. Принципиальное значение имело то, что каждый солдат должен был чувствовать себя достойным представителем Великой Германии: «Один единственный неприятный промах может оказать пагубное воздействие, так как один случай недостойного и бессмысленного поведения […] разнесется дальше и, конечно, будет обобщен. Давно известно, что положительное воздействие десяти безупречных представителей дела может быть сведено на нет одним негативным поступком хама и невежи»[72]. Очевидно, редакция «Mitteilungen» считала своим долгом выступить против слухов о преступлениях немцев в тылу и выставить их мифами вражеской пропаганды. Так, в апреле 1942 г. можно было прочитать:

> Как же большевистские агитаторы изображают немецкого солдата? Грубым террористом, который насилует и мучает женщин и детей, а мужчин избивает до смерти. Этот образ производит наиболее сильное воздействие благодаря не пропагандистским листовкам, а личному впечатлению человека со стороны. Таким образом, немец всегда должен вести себя как представитель культурной нации: справедливо и корректно, как только возможно[73].

3. Значение восточных областей для Германии

1) Теория «хлеб через пространство» и хозяйственное обустройство

До сих пор заявлялось, что цель похода против Советского Союза – это исключительно освобождение Европы и мира от угрозы большевистского нашествия, которое означало бы «конец разумной жизни вообще». Но на втором этапе войны, наряду с этой оборонительной целью, выступает и «позитивная» цель: огромные области на Востоке должны быть освоены на благо немецкого народа и, как иногда говорилось, на благо всей Европы. В течение нескольких месяцев отрывки задолго до того пропагандировавшейся Гитлером «теории жизненного пространства» нашли свое место на страницах «Mitteilungen».

Почему же именно теперь, на втором этапе войны, в «Mitteilungen» подхватили национал-социалистическую теорию жизненного пространства? Очевидно, убедительность оправдания войны чисто антибольшевистскими целями должна была получить дополнительное обоснование. Снова выдвигался аргумент, что немецкий народ должен якобы защищать свою «свободу», однако, теперь – в отличие от прошлогодних оценок – свобода понималась не как антоним большевистского угнетения, а в смысле расширения собственной территории и экономического потенциала:

> Для немца слово «свобода» имеет очень простой смысл. Оно означает требование гарантировать, соответственно нашему усердию и нашему мастерству, свободу для нашего великого и все еще растущего народа получать пищу в достаточном количестве. Право, эту цель войны легко понять. […] Это наиболее высокая, в нравственном отношении, цель войны, какую только можно представить[74].

Введенный весной 1942 г. новый порядок землепользования для оккупированных областей предусматривал «отмену коллективных хозяйств и их преобразование в общие хозяйства с целью перехода к индивидуальному использованию земли в форме сельскохозяйственных кооперативов или отдельных хозяйств»[75]. Эта направленная на жестокую эксплуатацию завоеванных областей мера была использована «Mitteilungen» в пропагандистских целях. Солдату разъяснялся смысл продолжения войны и, одновременно, скрывалось, что «завоевание пространства» происходит за счет советского населения. А поскольку Адольф Гитлер был известен как освободитель *всех* народов, то при благоприятном исходе войны все стороны оказывались в выигрыше.

Таким образом, «Mitteilungen» увидели в новом указе о землепользовании еще одно доказательство того, «что Германия ведет борьбу не против народов Советского Союза, а против большевиков». И именно этим, в особенности, обусловлено то, что «теперь, несмотря на вызванные войной трудности, уже принимаются меры к тому, чтобы возродить разрушенное большевиками сельское хозяйство и дать возможность бесправным крестьянам опять свободно трудиться на своем клочке земли». В другой статье выражалось мнение, будто людям на Востоке «дали большой шанс»: «Перед тем, кто теперь пошевелится, воспользуется случаем и проявит себя крестьянином, открыт путь к владению собственностью и дальнейшему благосостоянию»[76]. Предпосылкой для этого, однако, было условие, «что общие хозяйства свои обязательства, прежде всего, относительно поставок», выполняют[77].

Противоречие между обещаниями, что завоеванное немцами освобождение поможет потом советским крестьянам обрести собственность и благосостояние, и тем

обстоятельством, что эти люди уже, в условиях якобы полного упадка «большевистского» сельского хозяйства, обеспечивают обязательные поставки, а после войны должны будут кормить 85-миллионный немецкий народ, – это противоречие на страницах «Mitteilungen» не нашло своего разрешения. «Все, что на новом европейском пространстве может быть продовольствием, все, что для этого дает земля, укрепляет позиции Германии и помогает ее победе»[78].

Вывод, к которому подводили солдат, звучал так:

> В таком преобразовании мы, солдаты, видим проявление воли германского правительства к тому, чтобы с корнем вырвать большевизм и включить людей на оккупированных восточных территориях в широкое европейское пространство нового порядка, судьба которого будет определяться державами Оси.

Разумеется, от солдат скрывали, что такое «включение», по воле тех, кто это придумал, обернулось бы трансфером товаров только в одну сторону – с Востока на Запад.

Третий период: с начала 1943 г. до вступления Красной Армии на территорию Германии в октябре 1944 г.

1. Представление о «большевизме» теряет очертания

Ужасное, имевшее далеко идущие последствия, поражение 6-ой армии под Сталинградом в январе 1943 г. стало для «Mitteilungen» очередным поводом для изменения распространяемого ими и оказавшегося ныне в тяжелом кризисе представления о «большевизме». Многое, о чем в начале войны, в эйфории от быстрых побед, твердила пропаганда, довольно скоро было опровергнуто реальностью. Захлебнувшееся немецкое наступление под Москвой и вынужденное отступление в начале 1942 г. изобличали лживость обещаний Гитлера, что советская столица будет взята за несколько месяцев и поход завершится до наступления зимы, а также тезиса о непобедимости немецкой нации. До сих пор пропаганда выставляла советских людей слабохарактерными, «бездушными» и «усредненными» «стадными животными», для которых нет ничего святого, которые ни во что не верят и не имеют никаких идеалов. Они, конечно, ненавидят своих угнетателей – большевиков, но, по причине расовой неполноценности и слабого характера, они все-таки не в состоянии самостоятельно от них освободиться. Однако уже первые контакты с противником на фронте и в тылу доказали не только поразительные упорство и мужество русских солдат, но также их любовь к родине и многократно проявляемое положительное отношение к «большевизму».

Если уже в 1942 г. солдат призывали к «строгому, но справедливому обращению» с людьми, то положение на фронтах, которое драматически ухудшилось с 1943 г., вынуждало армейскую прессу вносить дальнейшие коррективы и изменения, которые нередко вели к отклонению от партийной линии в изображении Советского Союза и большевизма. Поскольку партийные бонзы в Центре: Гитлер и руководитель партийной канцелярии Борман, Фридрих Заукель, с 1942 г. генеральный уполномоченный по трудовому найму и использованию рабочей силы, и особенно гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох, которого Гитлер назначил рейхскомисса-

ром Украины, – не поддавались влиянию и оставались тверды в своей позиции и в своих намерениях относительно оккупированных территорий. Все они «не отступали от курса на тотальное разграбление оккупированных восточных областей, что диктовалось не только военно-экономическими соображениями», но также вытекало «из их расистской концепции выживания и искоренения большей части советского населения». Альфред Розенберг, как рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий, ответственный за проведение жесткого курса, с одной стороны, целиком находился под впечатлением гитлеровской идеологии, а с другой стороны, чувствовал себя неуверенно из-за затянувшейся безуспешности оккупационной политики и растущего давления многочисленных сотрудников своего аппарата, выступавших за хотя бы частичное изменение официальной линии[79].

Среди военных тоже не было единства в оценке политической ситуации и в том, какие меры следует принимать. После пережитой в Сталинграде катастрофы представление о «большевизме» в «Mitteilungen» теряет свои прежние, более или менее четкие очертания и распадается на множество, частью противоречащих друг другу, образов.

На одном фланге слышались голоса тех, кто все еще выступал – и теперь даже более резко, чем прежде, – за то, чтобы привлекать советское население к делу достижения целей германского вермахта. В начале 1943 г., а также летом 1944 г. появилось много статей, авторы которых рассматривали преимущества вступления в ряды вермахта местных «добровольцев» и, в то же время, связывали большие надежды с формированием армии под командованием генерала Власова. Именно по вопросу о «добровольцах» и армии Власова проявилось различие позиций Гитлера и части военнослужащих вермахта. Если «Mitteilungen», будучи рупором ОКВ, настойчиво выступали за усиление вербовки и приема «добровольцев», то у Гитлера, который, с одной стороны, не хотел, чтобы ход его войны против Советского Союза зависел от помощи «недочеловеков», а с другой стороны, отрицательно относился к тому, чтобы планируемая «германизация» восточных областей задержалась из-за «поощрения» местных помощников, такие намерения наталкивались на явное недоверие и идеологически обусловленный отказ.

Вместе с тем, с 1943 г. следует констатировать возвращение «Mitteilungen» к антибольшевистским пропагандистским клише первого года войны, о чем свидетельствует появление статей, в которых СССР снова выступает как несущий угрозу «вал из Азии».

Уже с начала войны было обычным делом использовать для собственной агитации пропагандистские материалы и листовки противника и обвинять его в беззастенчивой лжи. С 1943 г. применение этого средства психологической войны стало применяться еще шире, причем, тон становился все более грубым, а недостаток аргументов по делу компенсировался оскорблениями.

2. «Добровольцы»

В виду ухудшающейся ситуации, Верховное главнокомандование вермахта в начале 1943 г. многого ожидало от приема в ряды армии готовых помогать местных жителей. С одной стороны, многие из этих добровольцев, были опытными солдатами, от поддержки которых военное руководство не намеревалось отказываться. К тому же эти солдаты часто обладали специальной, детальной информацией (например, об особенностях местности или находившихся повсюду «очагах сопротивления»), ко-

торая могла бы сослужить хорошую службу особенно при проведении операций против все более успешно действовавших партизан. Кроме того, надеялись и на пропагандистский эффект, который произвело бы выступление советских бойцов на стороне немцев: советская пропаганда лишилась бы такого козыря, как утверждение, будто у Германии нет иной цели, кроме порабощения народов Советского Союза. Участие в боевых действиях «добровольцев» должно было доказать, что германский вермахт ведет войну исключительно против «большевистской» системы, но не против людей в СССР. Как рассчитывало ОКВ, понимание этого могло бы побудить «те подразделения Советской армии, служащие которых внутренне недовольны большевизмом […]», сменить знамена и перейти на сторону немцев[80].

Идея использования «добровольцев» среди военнослужащих вермахта не была бесспорной. Серьезные возражения, как уже говорилось, были и у Гитлера. Поэтому «Mitteilungen» считали своей обязанностью каким-то образом подчеркнуть высокие качества «отдельных добровольцев и целых подразделений из восточных областей», что резко противоречило прежним характеристикам советского населения:

> Многие из этих людей зарекомендовали себя мужественными и трудолюбивыми [солдатами]. Многие хотели быть похожими на немецкого солдата, несли свою ношу и храбро рисковали своей жизнью. Видя эти достижения и полагаясь на испытанную надежность, немецкое командование дало возможность вступить в ряды вермахта все большему числу «добровольцев»[81].

Всего несколькими месяцами ранее такие добродетели, как мужество, смелость и надежность были исключительной принадлежностью характеристики немецких солдат. Несмотря на все еще имевшиеся возражения, «готовых помогать» принимали в ряды вермахта. (Вершиной военного сотрудничества вермахта с советскими гражданами было формирование так называемой Русской освободительной армии генерала Власова, которое вступило в стадию реализации в середине 1944 г., когда были выстроены первые дивизии[82].)

Понятно, растущее число принятых «добровольцев» из местных жителей ни в коем случае не должно было интерпретироваться читателями «Mitteilungen» как проявление слабости: германский вермахт для своей «конечной победы» не нуждается в посторонней помощи! Поэтому усиленное привлечение в вермахт «добровольцев» представлялось великодушным актом, как удовлетворение немецкой стороной просьб местного населения:

> Испытание национальных подразделений в борьбе против большевизма привело к усилению притока добровольцев […] из рядов освобожденных от большевизма мужчин. […] Привлечение этих помощников есть и останется знаком доверия. Германский вермахт понимает, что, участвуя в войне, народы бывшего Советского Союза хотят воспользоваться решающей возможностью отречься от большевизма[83].

Если в 1941 г. на страницах «Mitteilungen», совершенно в духе национал-социалистической расистской типологии народов, утверждалось, что немцы и русские не могут рассматриваться как стоящие на одной ступени и даже «быть упомянуты вместе», то теперь эта оценка существенно изменилась. В связи с добровольными помощниками говорилось о «ценных союзниках» и «взаимном товариществе»,

проистекающем из «совместно пережитого на войне»[84], а также о том, что добровольцы должны «со временем стать нашими полноценными товарищами»[85].

Ревальвация жителей восточных областей сопровождалась строгим запретом для немецких солдат отпугивать лояльных граждан грубым обращением, как видно из следующего отрывка:

> Там, где не удается установить языковое понимание, не кричать и не ругаться. […] И уж подавно нельзя пускать в ход палку. […] Также запрещается позволять, чтобы помощников наказывали их начальники. […] Было бы неправильно смеяться над ними или презрительно говорить о них как о «клячах» или «грязных русских.

Несмотря на эти, обусловленные реалиями войны, изменения в негативном образе «русского», в статьях о «добровольцах», как явствует из того же текста, все еще чувствовалось влияние представления, будто люди на Востоке стоят на более низкой ступени развития. Поэтому они нуждаются в руководстве со стороны немецких товарищей, которые к решению такой задачи должны относиться с пониманием и терпением: «Каждый немецкий солдат невольно, как представитель немецкой культуры, становится воспитателем этих русских, украинцев или белорусов». Также сохранился стереотип «послушного русского», который сам видит необходимость управления собой и всегда благодарен «за товарищеское руководство»:

> Русский требует руководства и всегда готов ему следовать, а также справедливости, силы организации, понимания и попечения. Соответствуйте этим требованиям, и он признает ваше право на строгое управление им[86].

Когда на страницах «Mitteilungen» шла речь о взаимном товариществе между немцами и русскими, то авторы статей в меньшей степени имели в виду партнерство между равными по происхождению и по правам, а в большей – отношение между братьями, из которых старший берет за руку младшего, чтобы наставлять его и давать добрые советы. Очевидно, что, несмотря на безнадежное положение на фронтах, национал-социалистическая заносчивость и мышление в категориях «народа господ» еще долго определяли направление размышлений журналистов, в том числе в военной сфере.

3. Новое издание мифа о «потоке из Азии»

Наряду с ослаблением расистской направленности в сообщениях о славянском населении оккупированных восточных территорий, с 1943 г. снова громко зазвучали голоса тех, кто полагал, что в «большевизме» угадываются азиатские черты России. В соответствии с лозунгом «Сила через страх», пропаганда снова начала выпускать залп за залпом, интенсивно муссируя судьбоносный вопрос: хлынет ли на Европу и поглотит ее «азиатская степь» или германский вермахт в последнюю секунду сможет предотвратить угрозу? Причину возвращения такого образа «врага» надо видеть в разгроме 6-ой армии под Сталинградом и последовавшем за ним постоянном отступления немцев. По понятным причинам, читатели «Mitteilungen» ничего не узнали об обстоятельствах, приведших к катастрофе на Волге, даже само название «Сталинград» никогда expressis verbis не упоминалось, речь шла просто о «чрезвычайно тяжелых боях». Особенно циничным кажется, что Сталинград, ставший катастрофой

для целой армии вермахта только из-за бескомпромиссной гитлеровской «политики удержания позиций любой ценой», послужил поводом для пропагандистского восхваления решений немецкого правительства:

> Мы никогда не сможем сполна отблагодарить наше командование […] за то, что на этот раз удалось не допустить азиатский натиск до границ Германии, что решающие битвы проходили на много сотен километров восточнее[87].

Чтобы наглядно показать масштаб угрозы в ее историческом измерении, война вермахта включалась в насчитывающую полторы тысячи лет традицию отражения европейцами накатывавшихся из степей Центральной Азии волн разрушения. Был переброшен мост от сражений Аттилы с гуннами на полях Каталонии в 451 г. – с указанием на то, что «германские воины внесли выдающийся вклад в победу» – через битвы Карла Мартелла с арабами и столкновения с монголами у Лигница до «штормовых туч» турок под Веной. Относительно настоящего времени говорилось:

> Сегодня мы переживаем монгольское нашествие в лице большевистской мировой революции. Их орды стали еще многочисленнее, их вооружение еще мощнее, их фанатизм не знает границ[88].

Повторение затасканных и опровергнутых опытом высказываний – так, наверное, каждый солдат вермахта на восточном фронте знал уже, что не все солдаты советской армии «азиаты» и что большинство из них не были «жителями степей», – свидетельствует о растерянности и беспомощности немецкой пропаганды в войсках. Не имея никаких позитивных целей, она считала страх единственным оставшимся ей средством, чтобы подвигнуть солдат сражаться в безнадежных условиях. Таким образом, «большевизм» снова становился мировоззрением, «победа которого с корнем уничтожит всю жизнь Германии. Все, что нам в жизни дорого и свято, все высокие достижения нашей культуры, унаследованные нами от наших предков, все, что мы считаем ценным в нашей собственной жизни и хотели бы передать нашим детям, всему этому смертельную угрозу несет натиск большевизма»[89].

4. Русские – «волчье семя»

Если, говоря о славянском населении, «Mitteilungen» допускали отклонения от своего прежнего, проникнутого духом расизма подхода, то попытка объяснить упорство и стойкость советского сопротивления на фронтах порой приводила к противоположным оценкам. Поскольку, в виду отсутствия военных успехов, авторы «Mitteilungen» в своих усилиях толковать и интерпретировать оказались в бедственном положении, они с 1943 г. стали иногда прибегать к литературным заимствованиям. Так, например, в марте была опубликована статья писателя Бруно Брема, которая вскрывала противоречия между пропагандой и реальностью. О солдатах Красной Армии там говорилось:

> Эти люди ни во что не верят и, однако, не боятся смерти. Эти люди годами не ели досыта и все же умирают за отечество, которое заставило их голодать. Государство лишило их всего, ради чего стоит жить, и все-таки они безропотно идут за него в огонь[90].

Комментарий Брема относительно такого, на первый взгляд, парадоксального поведения следует сразу за известным, в духе национал-социализма, представлением о большевизме: Еврейский правящий слой советского государства, который планировал мировую революцию и с этой целью превратил население страны в армию вкалывающих за двоих роботов, благодаря этой «ужасной операции» «сделал людей такими унылыми и замученными, такими изнуренными и жалкими». Причина того, что разрушение жизненных и душевных сил стало возможно, кроется в русском характере – аргументация, которая до сих пор не встречалась на страницах «Mitteilungen». Тем самым, тезис о большевистском терроре, навязанном русскому народу, существенно изменился:

> Мы неверно оцениваем русских, полагая, будто все это было привнесено извне. Тот, кто знаком с русской историей и с русской литературой, знает, как долго к этой жизни готовились и с нетерпением ее ожидали.

Брем исходит из того, что склонность к саморазрушению якобы является сущностной чертой «русского характера». «Политрук, комиссар, шпик – все они давно были наготове, это не навязанные формы, это – другая сторона русского характера». Согласно этой теории, евреи прокрались в Россию, чтобы «извлечь выгоду», они обточили форму, сделали ее более заостренной, но корни этой жизни среди самих русских.

Что же касается неослабевающей боевой мощи Красной Армии и моральной стойкости ее бойцов, то здесь Брем предлагает два объяснения. С одной стороны, в этом проявляется традиционная страстность русской веры, которая раньше была целиком направлена на Бога, а теперь обрела новую цель и без остатка посвятила себя делу «большевизма». С другой стороны, голод послевоенного времени поставил людей перед «страшным выбором», и выжили только самые упорные и стойкие; эти оставшиеся – «волчье семя» – только о том и думают, чтобы сожрать Европу со всеми потрохами.

Сочинения, подобные цитируемой здесь статье Брема, были на страницах «Mitteilungen» скорее исключением и, наконец, совсем исчезли.

Четвертый период: с октября 1944 г. до конца войны: «Преисподняя» разверзлась перед Германией. Нагнетание страха для побуждения к сопротивлению

После того, как Красная Армия в октябре 1944 г. в Восточной Пруссии вступила на землю Германии, первые сообщения об актах насилия со стороны советских солдат над гражданским населением стали основой пропагандистской кампании нагнетания страха, какой еще не было. Роковые события, сопровождавшие встречу советских солдат с гражданским населением Германии, иногда подтверждали ужасные картины, о которых уже годами твердила пропаганда. Растущий страх за близких, которым на родине грозила опасность, на этом этапе войны стал последним средством, чтобы заставить солдат продолжать держаться в безнадежной ситуации.

Соответственно, резкая критика обрушилась на всех тех, кто еще сомневался в правдивости официальных сводок о положении дел:

> Солдаты, где бы мы ни сталкивались с идиотами, которые со своим обывательским кругозором не понимают, что происходит в действительности […], мы должны беспощадно, самым грубым образом расправиться с ними. Тот, кто сегодня пытается забиться в угол, чтобы не видеть правды, тот такой же вредитель, как дезертир на фронте[91].

Автору другого текста «кровь бросается в лицо от гнева», когда он «где-то слышит, как дурак – нет, преступник – рассуждает о том, что, вероятно, «все не так плохо», как о том пишут в газетах»[92].

В сообщениях о жестокостях русских «орд» с Востока в качестве побудительного мотива преступлений фигурировали не только жажда убивать, кровожадность и другие «низменные инстинкты», но впервые возникает слово «месть». Нацистская армейская пропаганда постоянно изображала войну против Советского Союза как нацеленную на освобождение порабощенных людей, в конце концов, преследующую гуманные цели операцию. Тем не менее высоким инстанциям было известно (например, из данных цензуры полевой почты), что многие солдаты очень сильно боялись возмездия русских. Казалось, что на этапе, когда нужно было только последнее усилие, чтобы предотвратить неизбежное поражение, больше уже не обращали внимания на то, последовательно или нет работает пропаганда; хватались за любой мотив, который мог бы, хоть ненадолго, укрепить волю к сопротивлению. Другим отныне оправданным пропагандистским средством была ссылка на якобы запланированное политическим и военным руководством СССР в широких масштабах специальное указание солдатам насиловать немецких женщин; будто бы командиры вдалбливали красноармейцам: «Немецкие женщины – ваши. Вы можете, сколько хотите, давать волю вашей ненасытности!»[93]. Хотя доказано, что в Восточной Пруссии было много случаев насилия советских солдат над немецкими женщинами, все же представляется маловероятным, что это преступление получило одобрение высокого начальства[94]. Скорее – лишнее доказательство – такое утверждение было продиктовано намерением немецкой стороны нагнетать страх, чтобы солдаты четко уяснили себе, «почему мы до последнего патрона, до последнего вздоха, до последней капли крови должны защищать от красных бестий нашу родину, наших сестер и матерей».

Перевод с немецкого Марианны Корчагиной

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] По Версальскому договору и на основании закона от 23 марта 1923 г. рейхсвер представлял собой профессиональные вооруженные силы. Когда законом о создании вермахта от 16 марта 1935 г. была восстановлена всеобщая воинская повинность, было официально введено и название «вермахт» вместо «рейхсвер». Его верховным главнокомандующим, как глава государства, был А. Гитлер.

[2] См.: *Rosenberg A.* Der Bolschewismus als Aktion einer fremden Rasse // Nationalsozialistische Monatshefte. 1935. Nr. 67. S. 860–873.

[3] См.: Die bolschewistische Weltgefahr // Richtlinien für den Unterricht in politischen Tagesfragen. 1936. Nr. 10. S. 3 ff. «Richtlinien», задуманные для национал-политического обучения в школах вермахта, издавались военным министерством с апреля 1934 г. один-два раза в месяц. Речь идет о брошюрах примерно в 20 страниц, на которых внутри- и внешнеполитические события комментировались и интерпретировались с точки зрения национал-социализма.

[4] Geopolitische Betrachtung der Sowjetunion // Militärwochenblatt. 1934. Nr. 47. Sp. 1637.

[5] Речь идет о книге: *Niedermayer O.* v. Die Sowjetunion, eine geopolitische Problemstellung. Berlin 1934. Об авторе см.: *Seidt H.-U.* Berlin – Kabul – Moskau: Oskar von Niedermayer und Deutschlands Geopolitik. – München, 2002.

[6] См.: *Gadow R.* Deutschland – Rußland // Deutsche Wehr. 1933. Nr. 17. S. 259 f. Очевидно, речь идет о вышедшей в 1933 г. книге «Deutschland zwischen Ost und West» («Германия между Востоком и Западом»).

[7] Rußlands Drang zum Meere // Militärwochenblatt. 1933. Nr. 4. Sp. 119.

[8] *Rosenberg A.* Der Bolschewismus als Aktion einer fremden Rasse.

[9] *Gadow R.* Deutschland – Rußland.

[10] Die Sowjetunion als Militärstaat // Militärwochenblatt. 1934. Nr. 4. Sp. 132.

[11] *Maurach B.* Die Völker der Sowjetunion und die Rote Armee // Militärwochenblatt. 1934. Nr. 11. Sp. 417.

[12] *Wagner H.* Etwas uber die Unterschätzung von Gegnern und die Rote Armee // Militärwochenblatt. 1934. Nr. 41. S. 599.

[13] *Wagner H.* Hat Rußland einen Krieg zu scheuen? // Deutsche Wehr. 1933. Nr. 42. S. 659 ff.

[14] Ibidem.

[15] *Gadow R.* Die russische Weltdrohung // Deutsche Wehr. 1936. Nr. 38. S. 610.

[16] Die neue Front der Sowjetpolitik // Deutsche Wehr. 1935. Nr. 21. S. 308.

[17] Ibidem

[18] *Gadow R.* Die russische Weltdrohung // Deutsche Wehr. 1936. Nr. 38. S. 610.

[19] Rußlands ewiges Kriegsziel // Deutsche Wehr. 1936. Nr. 8. S. 117 f. Автор статьи опирается на книгу адмирала Кастекса «От Чингисхана до Сталина» (*Castex R.* De Gengis-Khan a Stalin, ou Les vicissitudes d'une maneuvre strategique. – Paris, 1934).

[20] Цит. по: *Sywottek J.* Mobilmachung für den totalen Krieg. Die propagandistische Vorbereitung der Deutschen Bevölkerung auf den Zweiten Weltkrieg. – Opladen, 1976. S. 114.

[21] Von der Vorsehung berufen // Mitteilungen fur die Truppe (далее: MfT). Nr. 124. August 1941.

[22] Eine Entscheidung auf Tod und Leben // MfT. Nr. 120. Juli 1941.

[23] «Wir Deutschen fürchten Gott, sonst nichts in der Welt» // MfT. Nr. 114. Juni 1941.

[24] So sieht der Bolschewismus aus // MfT. Nr. 115. Juni 1941.

[25] Rettung aus schwerster Gefahr // MfT. Nr. 116. Juli 1941.

[26] Eine Entscheidung auf Tod und Leben.

[27] Der Kampf gegen den Bolschewismus ist wirklich ein Kreuzzug // MfT. Nr. 123. Juli 1941.

[28] Rettung aus schwerster Gefahr.

[29] Herdenmenschentum und Gemeinschaft // MfT. Nr. 139. September 1941.

[30] So sieht der Bolschewismus aus.

[31] Rettung aus schwerster Gefahr.

[32] Herdenmenschentum und Gemeinschaft.

[33] Die Rettung Deutschlands vor dem Ansturm des Untermenschentums // MfT. Nr. 136. September 1941.

[34] Der Kampf gegen den Bolschewismus ist wirklich ein Kreuzzug.

[35] Herdenmenschentum und Gemeinschaft.

[36] Eine Entscheidung auf Tod und Leben.

[37] Die Rettung Deutschlands vor dem Ansturm des Untermenschentums.

[38] Eine Entscheidung auf Tod und Leben.

[39] Rettung aus schwerster Gefahr.

[40] Eine Entscheidung auf Tod und Leben.

[41] Warum Kampf gegen die Bolschewiken? // MfT. Nr. 112. Juni 1941.

[42] Grausame Folgen bolschewistischer Zerstörungen für die sowjetische Bevölkerung // MIT. Nr. 152. November 1941.

[43] Nicht weich werden // MfT. Nr. 157. November 1941.

[44] Ibidem.

[45] Ibidem.

[46] Grausame Folgen bolschewistischer Zerstörungen für die sowjetische Bevölkerung.

[47] Nicht weich werden.

[48] Sachberichte, nach denen die Heimat jetzt verlangt // Mfr. Nr. 148. Oktober 1941.

[49] Antwort auf einen Feldpostbrief aus dem Osten // MfT. Nr. 142. Oktober 1941.
[50] Jetzt mit Feldpostbriefen nachstoßen // MfT. Nr. 144. Oktober 1941.
[51] Sachberichte, nach denen die Heimat jetzt verlangt.
[52] Ibidem.
[53] Der Soldat im besetzten Gebiet als Vertreter von Volk und Reich // Mfr. Nr. 179. Februar 1942.
[54] 1st jeder Russe ein Bolschewik? // MfT. Nr. 205. Juni 1942.
[55] Jeder Soldat ist draußen ein Propagandist für Deutschland // MIT. Nr. 232. November 1942.
[56] 1st jeder Russe ein Bolschewik?
[57] Ibidem.
[58] Ibidem.
[59] «Andere Länder, andere Sitten» // MfT. Nr. 203. Juni 1942.
[60] Jeder Soldat ist draußen ein Propagandist für Deutschland.
[61] Der Soldat im besetzten Gebiet…
[62] 1st jeder Russe ein Bolschewik? 1942.
[63] Pflichten und Aufgaben des deutschen Soldaten im besetzten Osten // MfT. Nr. 192. April.
[64] Ibidem.
[65] Ibidem.
[66] Der Soldat im besetzten Gebiet…
[67] «Andere Länder, andere Sitten».
[68] Der Soldat im besetzten Gebiet.
[69] «Andere Länder, andere Sitten».
[70] 1st jeder Russe ein Bolschewik?
[71] Der Soldat im besetzten Gebiet.
[72] Jeder Soldat ist draußen ein Propagandist für Deutschland.
[73] Ibidem.
[74] Ibidem.
[75] Ein Agrarerlaß für die besetzten Ostgebiete // MfT. Nr. 180. März 1942.
[76] Was bedeutet der neue Agrarerlaß für den Osten? // MfT. Nr. 184. März 1942.
[77] Ein Agrarerlaß für die besetzten Ostgebiete.
[78] Was bedeutet der neue Agrarerlaß für den Osten?
[79] См. подробнее: *Weissbecker M.* «Wenn hier Deutsche wohnten…». Beharrung und Veranderung im Rußlandbild Hitlers und der NSDAP // *Volkmann H.-E.* (Hrsg.). Das Rußlandbild im Dritten Reich. – Köln–Weimar–Wien, 1994. S. 44.
[80] Freiwillige und Hilfswillige im Osten // MfT. Nr. 241. Januar 1943.
[81] Dobrowolzy // MfT. Nr. 246. Februar 1943.
[82] См. об этом: Zweiter-Weltkrieg-Lexikon // www. infobitte. de; *Соколов Б.* «Большевизм лишил нас всякого патриотизма». Германия и немцы глазами русских коллаборационистов. 1941–1945 // «Россия и Германия в XX веке». Этот том.
[83] Dobrowolzy.
[84] Freiwillige und Hilfswillige im Osten.
[85] Dobrowolzy.
[86] Freiwillige und Hilfswillige im Osten.
[87] Die Abwehr Asiens, eine geschichtliche Aufgabe seit 1500 Jahren // MfT. Nr. 243. Januar 1943.
[88] Ibidem.
[89] Der Kampf im Osten // MfT. Nr. 293. November 1943.
[90] *Brehm B.* Weshalb Kampf der Bolschewist? // MfT. Nr. 253. März 1943.
[91] Ob es wirklich so schlimm wäre? // MfT. Nr. 380. November 1944.
[92] So werden sie aufgepeitscht // MfT. Nr. 382. November 1944.
[93] Ibidem.
[94] См. об этом: *Zeidler M.* Die Tötungs- und Vergewaltigungsverbrechen der Roten Armee auf deutschem Boden 1944/45 // *Wette W.*, *Ueberschär G.R.* (Hrsg.). Kriegsverbrechen im 20. Jahrhundert. – Darmstadt, 2001. S. 419–432.

Юрий Басистов

ВОЙНА БЕЗ НАСИЛИЯ.
Тактика психологической борьбы на фронтах Второй мировой войны

Массовая пропаганда в качестве оружия впервые появилась в ходе Первой мировой войны. Лидировали в ее применении англичане, располагавшие тогда наиболее развитой системой информации и техническими средствами. В 1914 г. в Англии были созданы органы внутренней и внешней информации, развернувшие свою деятельность в стране и на фронтах на европейском континенте. Захватив инициативу, англичане сделали свою пропаганду активным средством воздействия на моральный климат в Германии. Немцы не только признали превосходство английской пропаганды, но даже пытались выдать ее за основную причину своего поражения. Гитлер, писавший в «Майн Кампф», что в Англии пропаганда была первоклассным оружием, сделал свои выводы о необходимости готовиться к ведению в будущем тотальной пропаганды как в самой Германии, так и за рубежом.

В годы гражданской войны и иностранной интервенции в России большевики придавали большое значение идеологическому воздействию на противника. Лениным был написан ряд листовок, обращенных к интервенционистским войскам. Красной Армией было распространено около 20 миллионов таких листовок и брошюр. Пропагандой среди войск Антанты руководил отдел международной революционной пропаганды при Наркоминделе РСФСР[1].

Зарождение службы внешней пропаганды в Красной Армии относится ко времени вооруженных столкновений с японцами в районе Халхин-Гола в 1939 г. Тогда из Военно-политической академии в район боевых действий была направлена группа офицеров во главе с М. И. Бурцевым[2]. В сравнительно крупных масштабах работа среди войск противника проводилась во время так называемой зимней советско-финской войны 1939–1940 гг. Предыстория этого вооруженного конфликта предопределила особую сложность для СССР ведения пропаганды среди финских военнослужащих и населения Финляндии[3]. Военные действия в Финляндии оказались затяжными и кровавыми. Войска Красной Армии встретили ожесточенное сопротивление финской армии. Свои действия финны рассматривали как справедливые, направленные на защиту свободы и независимости родины. Все это обусловило крайнюю невосприимчивость финских военнослужащих к советской пропаганде. В листовках и звукопередачах, адресованных финской армии, упор делался на необходимость мирного разрешения пограничных разногласий, на бесперспективность сопротивления превосходящим силам Красной Армии. Если эти доводы вызывали некоторый отклик у финнов, то классовые мотивы, разоблачение финского руководства, главнокомандующего финской армией маршала Маннергейма как «наших общих врагов» поддержки не находили.

Решение о создании в Красной Армии специальной службы по политической работе среди войск и населения противника было принято в августе 1940 г. В Главполитуправлении и в политуправлениях пограничных округов появились так называе-

мые 7-е отделы. В отличие от других стран, где ведомства психологической войны были самостоятельны или входили в состав разведывательных служб, 7-е отделы как органы идеологической борьбы стали частью военно-политического аппарата. Надо сказать, что в его составе они чувствовали себя по функциональным обязанностям достаточно чужеродным телом, часто встречая к себе скептическое отношение. Тесные связи были у этих отделов с органами разведки.

В довоенный период 7-й отдел Главполитуправления разработал документы по ведению «специальной пропаганды» в боевых условиях (эта деятельность получила позже такое официальное наименование). В учебных целях выпускались газеты, листовки на иностранных языках. Были призваны кадры из запаса – журналисты, историки, филологи. Велась разработка специальных технических средств, в том числе мощной звуковой станции МЗС-40, окопной звукоговорящей установки – ОГУ.

В 7-х отделах было налажено изучение «вероятного противника», политико-морального состояния личного состава его вооруженных сил. Действовавшие в то время идеологические трафареты накладывали свой отпечаток на эту работу, не позволяли сделать объективные выводы о боеспособности иностранных армий, политических настроениях их солдат и офицеров. Критерием во всех оценках был «классовый принцип» идеи «интернационализма». Незадолго до войны в 7-м отделе в Москве был подготовлен доклад, в котором был сделан смелый по тем временем вывод о неизбежности нападения фашистской Германии на Советский Союз. Вместе с тем, доклад содержал наивные выводы о том, что нацистская верхушка не будет иметь поддержки немецкого народа, что в случае войны можно будет легко разоблачить характер фашизма. Реалии идеологической борьбы на Восточном фронте показали иллюзорность этих представлений.

Особый театр военных действий

Вторая мировая война потребовала максимального напряжения военных, экономических и моральных сил воюющих стран и стала ареной ожесточенной идеологической и психологической борьбы. Это был особый театр военных действий, в который были вовлечены сотни миллионов людей. Огромного размаха достигло использование всех форм манипулирования человеческим сознанием.

В Красной Армии работа по политической пропаганде среди войск Германии и ее союзников началась с первых дней Отечественной войны. До солдат и офицеров противника сразу же был доведен текст Заявления советского правительства в связи с началом войны. Оно было переведено на немецкий, румынский, финский и польский языки и отпечатано общим тиражом в 10 миллионов экземпляров. В нем впервые прозвучали слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Эти слова стали лейтмотивом советской пропаганды на протяжении всей войны. Вопрос ведения пропаганды среди войск и населения противника был рассмотрен в Москве на высшем уровне. 25 июня Политбюро ЦК ВКП(б) и правительство приняли решение о систематическом проведении этой работы. Было образовано Советское бюро военно-политической пропаганды, которому вменялось в обязанность определять содержание, формы и методы деятельности. Рабочим органом бюро стал 7-й отдел (позже – управление) Главного политического управления[4].

Куратором службы спецпропаганды в годы войны был член ЦК ВКП(б), член Исполкома Коминтерна Дмитрий З. Мануильский. Между 7-м отделом и работниками Коминтерна существовал тесный контакт. Постоянное участие в деятельности 7-го отдела принимали немецкие эмигранты-коммунисты, в том числе руководители КПГ – Вильгельм Пик и Вальтер Ульбрихт. Руководство КПГ выступило с рядом обращений к немецкому народу. В первом из них, 24 июня 1941 г., говорилось: «Дело, которое защищает победоносная Красная Армия, – это наше собственное дело. Наш враг находится в нашей собственной стране: фашистские рабовладельцы – вот наш враг. Победа Красной Армии и борющихся за свою национальную свободу угнетенных народов будет также победой немецкого народа».

Немецкие писатели и поэты Иоганнес Р. Бехер, Вилли Бредель, Эрих Вайнерт, жившие в Москве, также принимали участие в подготовке листовок и обращений к войскам вермахта и населению Германии. Вскоре после начала войны в армии было принято решение освободить от несения службы военнослужащих немецкого происхождения. Исключением стали 7-е отделы в центре и на фронтах, где работали Артур Пик, Конрад Вольф, Вилли Мартенс и другие немцы.

Аппарат 7-х отделов развертывал свои действия на всех фронтах. В июне 1941 г. издавалось 18 газет на иностранных языках, из них 10 – на немецком. В Москве с августа выпускалась газета «Фронтиллюстрирте». Начались регулярные передачи по радио на немецком, финском, румынском языках. За первые две недели войны в Москве было издано 67 листовок тиражом в 90 млн. экз. Был налажен выпуск листовок на фронтах. Агитационные материалы распространялись на фронте и в тылу силами авиации, специальными артиллерийскими средствами. Участвовали в этом разведподразделения и партизанские отряды.

В первые месяцы войны 7-е отделы располагали небольшим числом звуковещательных станций. Но постепенно их число росло как за счет поступлений из центра, так и монтажа на местах. Стали появляться звукостанции на танках, броневиках и даже на самолетах. В дивизиях были переносные окопные громкоговорящие установки, способные вещать на глубину до 400 метров. Содержание фронтовой пропаганды Красной Армии определялось следующими основными направлениями:

– Разъяснение справедливого характера войны со стороны Советского Союза и агрессивного, захватнического – со стороны Германии. Разоблачение фашистского режима лично Гитлера и его окружения как виновников войны.

– Демонстрация усиления Красной Армии, гибельность для Германии войны на два фронта и неизбежность ее поражения.

– Пропаганда плена как пути спасения и возвращения после войны на родину[5].

В начале войны советские чиновники продолжали руководствоваться представлениями о «пролетарской солидарности», «классовых симпатиях немецких трудящихся к первому государству рабочих и крестьян». В листовках солдат вермахта призывали повернуть оружие против «общего врага», свергнуть гитлеровский режим. Не воспринимали всерьез предложения о создании в немецких частях антифашистских комитетов. До апреля 1942 г. эпиграфом на советских листовках был малопонятный призыв: «Прощай, Москва, долой Гитлера». Существовала версия, что записку с этими словами нашли в оставленном немцами бункере. Несмотря на крайне малую вероятность подобного происхождения, руководство Главполитуправления настояло на его использовании. Неразборчивость в выборе тем приводила к появлению просто глупых листовок-фальшивок. К ним относились, например, листовки,

Lesen und weitergeben!

Halt!

Hier ist das Land der Arbeiter und Bauern.

In Sowjetrußland **gibt es weder Plutokraten noch Millionäre.** Die Betriebe, die Banken, der Grund und Boden und alle Reichtümer des Landes gehören dem Volk.

Wer regiert in Sowjetrußland? Die Arbeiter und Bauern selber! Unser Führer **Stalin** ist der Sohn eines armen Schusters, der Marschall **Woroschilow** ist Schlosser aus dem Donezbecken, dem russischen Ruhrgebiet, der Präsident **Kalinin** ist Petersburger Metalldreher.

Die Arbeiter und Bauern sind hier die Herren des Landes.

Und gegen dieses Land jagt man Dich in den Krieg?! Ein Göring möchte wohl zu seinen zusammengestohlenen Betrieben noch neue hinzufügen, er träumt wohl vom Baku-Erdöl. Aber was wirst **Du,** Arbeiter und Bauer im Soldatenrock, durch diesen Krieg gewinnen?

Vergiß nicht: die russischen Arbeiter und Bauern sind **Deine Arbeitsbrüder.** Du darfst nicht länger ein blindes Werkzeug in den Händen der Reichen sein!

Laß Dich nicht von Hitler in den Tod jagen!

Komm zu uns!

Советская листовка 1941 г., адресованная немецким солдатам. В ней говорится: «...российские рабочие и крестьяне – братья по труду. (...) Не позволяй Гитлеру загнать себя в петлю! Приходи к нам!».

посвященные созданию в Германии «случных пунктов», где эсэсовцы якобы заботились о том, чтобы у солдатских жен было необходимое рейху потомство.

Столь же нелепы были листовки с «поцелуйными карточками» и удостоверениями «члена союза по охвату женских половых органов», предлагавшего дамам, чьи мужья отсутствовали, «согревать супружескую постель путем выполнения мужских обязанностей». Для дам после 70 лет предусматривалась «двойная такса». Все это должно было создать впечатление, что нацисты превращают Германию в публичный дом, породить у солдат на Восточном фронте возмущение и беспокойство. В действительности подобные листовки служили лишь предметом развлечения для немецких солдат. Следует сказать, что офицеры 7-го отдела понимали недопустимость подобных фальшивок. Они были изданы волевым решением тогдашнего начальника Главного политуправления Льва Мехлиса.

К написанию листовок привлекались писатели, журналисты, ученые. За годы войны создавались и по-настоящему умные, хорошо аргументированные и убедительные листовки. Известный американский специалист по организации и ведению пропаганды в годы Первой и Второй мировых войн Пауль Лайнбарджер отмечал в своей книге «Психологическая война», что русские в этой области творчески применяли опыт прошлого и большую изобретательность. За их усилиями скрывалась дальновидная политика[6].

В 7-х отделах велась работа по систематическому изучению политико-морального состояния личного состава противостоящих войск. По существовавшему порядку, органы разведки передавали им трофейные письма, фотографии, дневники, газеты и другие печатные издания. После допросов по линии разведки, военнопленные попадали, как правило, в 7-е отделы, давая сведениях о настроениях солдат своих частей, состоянии дисциплины, фронтовом быте, положении своих семей. В практику работы 7-х отделов вошло ведение формуляров с данными о соединениях противника, о его командном составе. Вся эта информация находила отражение в листовках, обращениях, звукопередачах, способствовала повышению достоверности пропаганды. Полученные данные о противнике использовались для подготовки информационных документов, которые предоставлялись командованию и штабам для учета политических и моральных факторов при планировании и ведении боевых действий. Наиболее дальновидные военачальники должным образом оценивали практическое значение такой информации.

Написать листовку, как это подтвердил опыт войны, – дело достаточно трудное. Она должна быть краткой, убедительной, запоминающейся. Пропаганда, обращенная к противнику, призвана вызывать к себе доверие, убеждать своей правдивостью. Достичь этого можно было, только используя реальные факты. Поэтому информация была наиболее убедительной формой пропаганды. Она, как правило, вызывала больше доверия у противника, чем агитационные увещевания и призывы. Это обстоятельство не учитывалось в должной мере советской пропагандой, которая отдавала предпочтение «лобовой атаке» с угрозами и призывами сдаваться в плен.

Говорить врагу только правду – нереально. Велико искушение каждой стороны использовать дезинформацию, ввести противника в заблуждение относительно своих намерений. На этом «особом театре» военных действий можно выделить три вида пропаганды в зависимости от их источников и содержания: белая, серая и черная. В той или иной степени их использовали все воюющие стороны. Белая ведется от имени правительственных органов воюющей страны, ее военного командования.

Такая листовка часто была подписана официальным лицом и содержала пропуск для сдачи в плен с гербом страны. Соответствующим командующим подписывался ультиматум противостоящим войскам. Серая пропаганда – анонимна, она скрывает свое происхождение, предоставляя адресату строить догадки об источнике приводимых данных. Такие материалы открывали широкие возможности для дезинформации противника. Автор оставался неизвестен и за содержание ответственности не нес. В черной пропаганде истинный источник заменен маскировочным. «Черная» листовка могла издаваться от имени несуществующей группы сопротивления в стане противника, ее иллюстрации чаще всего изготовлялись при помощи фотомонтажа. Такие листовки чаще всего не указывали никакого источника. Использовались и «черные» радиостанции, распространявшие панические слухи среди населения и войск противника.

Ведение пропаганды среди войск противника на фронте не должно было приводить к разглашению военной тайны. Скажем, более угрожающий, чем обычно, тон обращений перед наступлением мог навести противника на мысль о готовящейся операции. С другой стороны, спецпропаганда использовалась в качестве средства оперативной маскировки. На участке фронта, где не планировались наступательные действия, пропаганда носила подчеркнуто угрожающий характер, солдат противника призывали не ждать нового наступления, а «позаботиться о спасении своей жизни» до его начала. Напротив, на направлении предстоящего наступления тон оставался спокойным, противнику сообщалось, к примеру, что в текущем месяце его солдаты смогут слышать передачи звукостанций каждую ночь в определенное время.

На первом этапе войны в условиях немецкого продвижения советская пропаганда пыталась убедить солдат противника во временном характере их успехов: «Вы измеряете ваши успехи количеством пройденных километров, мы же измеряем наши успехи числом уничтоженных немецких дивизий. Территорию мы возьмем обратно, ваших же дивизий вам никогда не вернуть». Конечно, в 1941 г. это звучало для немцев малоубедительно. В листовках опровергались нацистские утверждения о так называемой «превентивной войне» со стороны Германии, доказывалось, что вина за развязывание войны лежит на Гитлере. В июле–августе 1941 г. начали издаваться серии информационных листовок: «Международная информация», «Известия с фронта», «Что происходит в Германии», «Как живут военнопленные в России».

Говоря о неизбежности поражения фашистской Германии, советская пропаганда подчеркивала, что это не означает уничтожения германского государства и народа. Широко использовались слова Сталина от 1 мая 1942 г. о том, что «было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается». Ряд пропагандистских материалов был основан на исторических фактах. Напоминалась судьба вторгшихся в Россию войск Наполеона. Несколько листовок содержали высказывания известных немецких государственных и военных деятелей о бесперспективности для Германии войны с Россией. Такова была листовка «Победить Россию невозможно», в которой приведены слова Фридриха Великого, Клаузевица, Бисмарка, Мольтке. Такова была листовка с портретом Бисмарка, указывающего на Гитлера со словами: «Этот человек приведет Германию к катастрофе». В тексте листовки говорилось, что первый канцлер Германской империи, говоря о могуществе России, ее огромных просторах, о жизнестойкости и выносливости ее народа, пришел к заключению о невозможности ее завоевания.

Листовка, адресованная немецким солдатам, на обратной стороне которой – громкое заявление: «Гитлер – банкрот», – и совет сдаться в плен русским.

Бисмарк предупреждал о недопустимости для Германии вести войну на два фронта. Гитлер пренебрег заветами Бисмарка.

У листовок были особенные судьбы. Разными путями они попадали с фронта в Германию. Немецкие солдаты пересылали домой листовки, в которых были указаны имена военнопленных. В Германии и в наши дни есть семьи, где хранятся в домашних архивах русские листовки. Необычна история с листовкой «Благодарность Гитлера». В ней были использованы трофейные документы, из которых следовало, что ефрейтор Эрнст-Альберт Вульф длительное время не мог добиться от местных властей пособия для своей престарелой матери. В письме ефрейтора ландрату округа Варен-Мюритц, где жила его мать, говорилось, что волокита длится уже почти год, «а я, в конце концов,.. сражаюсь за отечество» (ефрейтор пал на Восточном фронте). Листовка заканчивалась вопросом: «А ты, немецкий солдат, готов отдать свою молодую жизнь за благодарность Гитлера?». Листовка была распространена, и ею заинтересовалось главное командование вермахта. Последовал запрос властям округа Варен-Мюритц. Обеспокоенные высоким вмешательством, те поспешили сообщить, что вопрос решен положительно. Так фрау Вульф с помощью советской листовки получила, наконец, свое пособие[7].

Пропаганду среди войск противника было принято разделять на общеполитическую и оперативную. Первая основывалась на политических и стратегических целях войны. Ведущее место в ней занимали военно-политические проблемы, международная обстановка, соотношение сил и средств воюющих сторон. В ее задачу входил подрыв общественно-политической системы вражеских государств, их идеологических

Слева – советская листовка, адресованная немецким солдатам.
Внизу слева – обратная сторона листовки № 2134: «Плен – Ваше спасение!».
Внизу справа – пропуск для перебежчиков на обратной стороне листовки: «Генерал Линдеман за работой».

Gefangenschaft ist Eure Rettung!

DEUTSCHE SOLDATEN! Euer Kommando unterrichtet Euch, wie ungeheuer die Katastrophe ist, die die deutsche Armee vor Stalingrad erlitt hat. In den Kampfhandlungen allein Woche haben wir

500 000 HITLERSOLDATEN VERNICHTET, 2000 GESCHÜTZE, 6000 KRAFTFAHRZEUGE, 1500 PANZER UND ZAHLLOSE MENGEN ANDEREN HEERESGUTES ERBEUTET.

Die rumänische Armee existiert nicht mehr, und Eure Flanken liegen offen. Eure Zufuhrstraßen für Proviant und Munition haben wir abgeschnitten. Ein Blick auf die Karte genügt, um zu sehen, daß Ihr eingekesselt seid und von irgendwo Hilfe zu erwarten habt.

Euer Oberkommando belügt Euch. Man sagt Euch, die Russen machen keine Gefangenen. Wollt Ihr wirklich jetzt noch, im Angesicht des Todes, auf diesem verzweifelten Schlachtfeld bleiben?

70000 rumänische und deutsche Soldaten und Offiziere haben sich bei Stalingrad gefangengegeben.

Sie können bestätigen, daß es dort in russischer Kriegsgefangenschaft gut geht. Die rumänischen weilen auf Kosten Eurer Gattinnen, Eltern, Kinder, Verwandten. Obwohl dieser Krieg jetzt gleich wie an: Die Kraft ist auf unserer Seite, aber

wir sind selbst Soldaten und wissen, was ein menschenleben wert ist.

Wir brauchen Eure Leichen nicht, wir brauchen unseren heimatlichen Boden. Wir sprechen zu Euch wie Soldaten zu Soldaten, und

WIR WARNEN EUCH:

Wenn Ihr Widerstand leistet, gibt es für Euch keine Gnade. Wir werden Euch niederhauen wie Diebe, die in ein fremdes Haus eingebrochen sind. Legt Ihr die Waffen nieder, so werden wir Euch aufnehmen und Ihr könnt ruhig in Kriegsgefangenschaft, bis der Krieg zu Ende ist.

Laßt Euch diese Gefangenschaft zu Eurer Rettung nicht entgehen! Man sagt nur einmal. Gebt Euch gemeinsam, gruppen-, zug- und kompanieweise gefangen.

Besitzt Ihr Passierschein: Habt Ihr keinen Passierschein, so ruft: „Russ, ergeben" oder „Hitler kapuht". Habt Ihr die Parole vergessen, so hebt einfach die Hände hoch, und niemand wird auf Euch schießen.

Im Namen von russischen Kommandeuren, in Auftrag von Kriegsgefangenen:

Oberstleutnant Michel Trofimow.

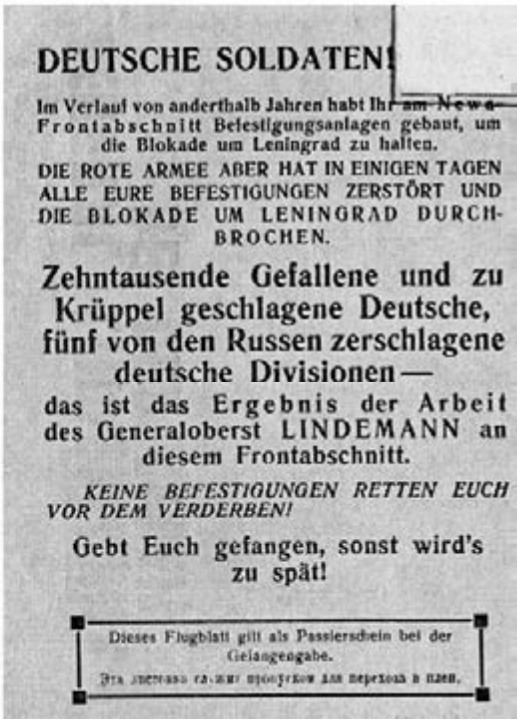
Oberstleutnant von Paulus an Stirnes.

Kommandeur Sergej Wlodomirow Kondrat.

Generalmajor Iwan Ivanovitsch Kuzin.

Oberstleutnant von Seydlitz an Stirnes.

mit Schreiben für Generaloberst Kuzin.



DEUTSCHE SOLDATEN!

Im Verlauf von anderthalb Jahren habt Ihr am Newa-Frontabschnitt Befestigungsanlagen gebaut, um die Blokade um Leningrad zu halten.

DIE ROTE ARMEE ABER HAT IN EINIGEN TAGEN ALLE EURE BEFESTIGUNGEN ZERSTÖRT UND DIE BLOKADE UM LENINGRAD DURCHBROCHEN.

Zehntausende Gefallene und zu Krüppel geschlagene Deutsche, fünf von den Russen zerschlagene deutsche Divisionen — das ist das Ergebnis der Arbeit des Generaloberst LINDEMANN an diesem Frontabschnitt.

KEINE BEFESTIGUNGEN RETTEN EUCH VOR DEM VERDERBEN!

Gebt Euch gefangen, sonst wird's zu spät!

Dieses Flugblatt gilt als Passierschein bei der Gefangengabe.

Эта листовка служит пропуском для перехода в плен.

и моральных устоев. Оперативная пропаганда была обращена к личному составу противостоящих войск противника, она исходила из обстановки на конкретном фронте, его отдельных участках. Ее главной целью было максимальное ослабление боеспособности и морального состояния солдат и офицеров противника.

Основная часть материалов общеполитического характера разрабатывалась в 7-м отделе в Москве. На фронтах из центра получали как отпечатанные листовки, так и матрицы, с которых затем считывалась информация. На фронтах были собственные типографские базы – в железнодорожных вагонах или автомашинах. Армии имели

обычно походную типографию в одном автофургоне. На уровне дивизий и бригад листовки самостоятельно не издавались. Широко использовалась специальная пропаганда в период битвы под Сталинградом. Командованию 6-й немецкой армии был предъявлен ультиматум, подписанный представителем Ставки верховного главнокомандования генералом Николаем Н. Вороновым и командующим Донским фронтом генералом Константином К. Рокоссовским. В нем подчеркивалось, что солдат, сдающийся в плен в безнадежном положении, совершает не позорный поступок, а акт благоразумия. Содержание ультиматума с помощью листовок и звукопередач было оперативно доведено до личного состава войск противника. Первым пошло на капитуляцию командование румынских войск. Когда фельдмаршал Паулюс убедился, что помощи его окруженной армии ждать неоткуда, что положение, действительно, безвыходное, сложили оружие и войска вермахта.

Тема разгрома немцев под Сталинградом была широко использована в спецпропаганде на всем Восточном фронте. Эмоциональную листовку «Мертвые говорят живым» написал немецкий писатель Альфред Курелла. Были изданы серия «Правда о советском плене», коллективные обращения пленных военнослужащих к своим частям. После Сталинграда и пленения большой группы немецких войск во главе с фельдмаршалом советская пропаганда всячески подчеркивала, что советский плен – реальный путь для спасения жизни. Призывом к сдаче в плен заканчивались практически все листовки и обращения, хотя нередко это было излишне навязчиво и не вытекало из их содержания.

Немецкое командование всячески запугивало своих солдат русским пленом, призывало их в любой обстановке фанатично бороться до конца. Убедив военнослужащих вермахта, что плен – это жизнь, можно было, по мнению советской стороны, повлиять на боевые возможности, на силу сопротивления немецких войск. При этом, советская армия не скупилась на обещания. Сдавшимся в плен гарантировалась жизнь, оказание медицинской помощи, достаточное питание и возвращение в страну проживания после окончания войны. В листовках делалась ссылка на соответствующее постановление правительства СССР от 1 июля 1941 г. В июне 1943 г. директивой Генштаба были определены «льготы» для военнослужащих войск противника, добровольно сдавшихся в плен.

Особо пропагандировались слова Сталина из его приказа № 55: «Красная Армия берет в плен немецких солдат и офицеров, если они сдаются в плен, и сохраняет им жизнь. Красная Армия уничтожает немецких солдат и офицеров, если они отказываются сложить оружие и с оружием в руках пытаются поработить нашу Родину»[8]. Призывы к сдаче в плен не находили сколько-нибудь серьезного отклика в массе солдат вермахта. Число перебежчиков было крайне мало до последних дней войны. Но свою психологическую роль пропаганда плена сыграла: попав в безвыходное положение, немецкий солдат при выборе между смертью и пленом, все чаще выбирал последний. То, что свыше двух миллионов военнослужащих вермахта сложили в годы войны оружие, подтверждает значение пропаганды.

Советская пропаганда на фронтах носила массированный характер, на ее проведение тратились огромные силы и средства. Военно-политическое руководство СССР, ведя внутри страны тотальную пропаганду, под влиянием которой находилось все советское население, рассчитывало и на успех своего идеологического воздействия на противника. За годы войны было издано и распространено свыше 20 тысяч наименований листовок, газет, обращений, брошюр и других видов пропагандистской

Листовка «Немецкие военнопленные читают “Фронтиллюстрирте”».

литературы на 20-ти иностранных языках общим тиражом 2 миллиарда 700 миллионов экземпляров.

Высказывания пленных немецких солдат и офицеров свидетельствовали о том, что они в разной степени были знакомы с русскими листовками, проявляли к ним интерес, а на заключительных этапах войны все чаще начинали задумываться о ее исходе, о своей судьбе и о своих близких. Однако советская пропаганда не смогла добиться разложения вермахта. Переоценка прежних представлений под воздействием пропаганды противника – процесс сложный, связанный с преодолением целого комплекса национальных и психологических барьеров и предубеждений. Немецкие солдаты и офицеры до последних дней войны в своем подавляющем большинстве не приняли идеи о необходимости активной борьбы против гитлеровского режима и сохраняли, в то же время, свои предубеждения против большевистской России. И тем не менее в сознании тысяч немцев за годы войны произошли перемены. Они были, конечно, в первую очередь, обусловлены самим ходом войны, неумолимо приближавшим фашизм к поражению. Но в этих сдвигах сыграло роль и непрерывное воздействие «с той стороны».

Не случайно руководство Германии с первых дней войны предприняло строжайшие меры для ограждения своих войск от влияния советской пропаганды. В директиве верховного командования № 3001/41 от 12 октября 1941 г. «Защита от шпионажа, саботажа и разложения в вермахте» требовалось обнаруженный пропагандистский материал снабжать надписью «вражеская пропаганда», три экземпляра передавать по команде, а остальные сжигать на месте. Военнослужащих, не следовавших этим указаниям, было предписано наказывать. По мере ухудшения своего положения на Восточном фронте немецкое командование ужесточало меры борьбы против советского воздействия на свои войска. В информационном бюллетене «Сообщение для войск», предназначенном для командного состава, из номера в номер офицеров вермахта призывали вести беспощадную борьбу с проникновением «большевистской пропаганды», усилить репрессии к нарушителям существующих предписаний[9]. В немецких армиях, корпусах и дивизиях издавались специальные приказы о борьбе с разлагающей пропагандой. На фронте распространялась памятка «10 заповедей

против вражеской пропаганды». Практиковалось проведение в немецких частях месячников, главной задачей которых было привить личному составу «иммунитет» против этого опасного оружия.

У стен Ленинграда

Руководство фашистской Германии придавало особое значение быстрому захвату Ленинграда. Оно рассчитывало на большой политический и психологический эффект, который принесет овладение городом большевистской революции, бывшей столицей Российской Империи, экономическим и культурным центром, известным во всем мире. Гитлер неоднократно требовал от командования группы армий «Север» быстрее занять Ленинград. 23 июля 1941 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Франц Гальдер отметил в своем дневнике, что все внимание Гитлера приковано к Ленинграду. Перед войсками группы «Север» была поставлена задача захватить к 20 августа Ленинград и русское побережье Балтийского моря[10].

Характерными для настроений в немецких войсках летом 1941 г. под Ленинградом были записи в дневнике ефрейтора Майера. В июле он писал о «начавшемся великом походе на восток», о «победе, несущейся к нам на крыльях». Запись от 10 августа гласила: «Мы у близкой цели, сегодня начали атаку на Ленинград». 13 августа: «Твердая уверенность, что Ленинград до воскресенья падет». 16 августа: «Опять же твердо надеюсь, что в ближайшее время Ленинград падет». 18 августа: «Русские сопротивляются, потери велики, но даже потери не должны отвлекать от цели, которая уже близка. Еще одно усилие, может быть, некоторая передышка для подготовки, и Ленинград будет наш». Еще одна запись без даты: «Идем вперед…». На этом дневник обрывается. В неотправленном письме домой, датированном 24 сентября 1941 г., солдат, убитый в районе Кискино, писал: «Мы находимся всего в 4-х километрах от Петербурга. Когда Петербург будет в наших руках, войну можно считать законченной, и мы победоносно вернемся обратно на родину домой…»[11].

С 8 сентября Ленинград был полностью окружен войсками вермахта (на северной части кольца находилась финская армия). Попытки командования группы армий «Север» взять город штурмом успехом не увенчались, фронт установился у стен 3-миллионного города. Началась беспрецедентная блокада Ленинграда. Обращаться к солдатам противника, окружившим город и уверенным в своем превосходстве, казалось бесперспективным. Но в 7-м отделе фронта работа по их «просвещению» проводилась с нарастающей интенсивностью. Для ведения специальной пропаганды были использованы городские типографии и радиостанции. На городских предприятиях изготовлялась специальная техника. В работе 7-го отдела участвовали известные писатели, журналисты, актеры. Первым начальником отдела был полковник Сергей И. Тюльпанов. (После войны он возглавлял управление информации советской военной администрации в Германии.)

В листовках и звукопередачах упор был сделан на неприступность Ленинграда, ставшего крепостью. С наступлением зимы солдатам противника сулили гибель в замерзающих окопах: «Блицкриг провалился, кадровые дивизии группы “Норд” обескровлены, у вас не осталось никаких шансов захватить Ленинград». Зимой

1941–1942 гг. органы спецпропаганды фронта стремились породить сомнения у немецких солдат и офицеров в исходе затянувшейся войны, доказать, что поражение немецких войск под Москвой, под Тихвином – не «случайные эпизоды», не «временные неудачи», как утверждала геббельсовская пропаганда, а начало нового этапа войны, свидетельство возрастающей мощи Красной Армии. Подчеркивалось, что «решительное весеннее наступление», о котором твердило фашистское руководство, ждет неминуемый провал.

Ни на одном другом фронте не было такого обилия форм и методов пропаганды, как на Ленинградском. Издавались серии листовок «Известия с фронта», «Международная жизнь», содержащих информационные материалы со ссылкой на достоверные источники. Был освоен выпуск таких маскировочных листовок, как, например, текст на обрывке газеты «Фёлькишер беобахтер». С помощью артистов театра «Комедия» была выпущена иллюстрированная листовка «Знаешь ли ты этих людей?», на которой Гитлер и Геринг были показаны за богато накрытым столом, развлекающимися в дамском обществе. В другой листовке была использована фотография одной актрисы, снятой с ребенком на руках на фоне немецких газетных объявлений о погибших на Восточном фронте.

В ленинградском 7-м отделе было осуществлено несколько откровенно курьезных замыслов. К ним относился выпуск игральных карт с карикатурными портретами Гитлера и других нацистских руководителей, а также с аллегорическими изображениями войны и смерти, голода и нищеты. Еще более оригинальным было создание точных копий «Железного креста», но с надписью «За разбой и убийство». Практического применения они не нашли, но их охотно оставляли у себя русские офицеры и генералы в качестве своеобразных сувениров[12]. Основную нагрузку по распространению листовок на позициях противника несла авиация. За первый месяц войны с воздуха было распространено более 10 миллионов листовок. В сентябре 1941 г. командование фронта определило порядок издания и распространения листовок. Фронтовой авиации было предложено рассматривать эту работу как боевую задачу. Три самолета были специально выделены для заброски агитматериалов. Осенью того же года самолетами Балтийского флота во время нескольких налетов на Берлин и ряд других городов Восточной Германии было сброшено 250 тысяч листовок, обращенных к населению.

Распространение листовок силами одной авиации не обеспечивало их адресной доставки к определенным частям, к которым они были обращены. Для этого были необходимы наземные средства. К ним относились 122-мм агитационные снаряды и различного типа агитационные мины. С их помощью пропагандистский материал можно было переправить в соответствующий полк или даже роту противника. На фронте разрабатывались новые и совершенствовались имеющиеся технические средства. На крупном Кировском заводе был налажен серийный выпуск агитационных минометов по собственному проекту.

На всех участках фронта регулярно (обычно ночью) велись передачи через звуковещательные средства. Для этих целей имелось три мощных звукостанции «МГУ-39», три установки на пикапах и 27 переносных окопных установок. В мае 1942 г. была смонтирована звукостанция на танке «Т-26». В двух армиях фронта – 67-й и 55-й – летом 1943 г. действовали звукоустановки на самолетах. Каждая из них являлась оригинальной конструкцией, осуществленной собственными средствами. Смонтированная на самолете типа «По-2» 35-ваттная установка обеспечивала слы-

шимость в радиусе до полутора километров с высоты 650–700 м. Автор этих строк – тогда старший лейтенант 7-го отделения – за ночной вылет проводил 5–6 коротких передач продолжительностью 40–60 секунд каждая. На высоте 1000 м пилот выключал мотор, и в планирующем полете диктор вел передачу. Тексты носили, прежде всего, информационный характер, были составлены сжато, в телеграфном стиле. Передавались материалы из сводок Совинформбюро о положении на фронтах, международная информация. При вылете, как правило, брались с собой и листовки, которые распространялись над передним краем, вдоль которого летел самолет.

Использовалась на фронте и радиопропаганда. В июле 1941 г. при Ленинградском государственном радиокомитете были созданы редакции для вещания на немецком и финском языках. Между 7-м отделом и Радиокомитетом установилось тесное сотрудничество. В подготовке материалов для вещания участвовала известная поэтесса Ольга Берггольц. В канун нового 1942 г. она написала «рождественскую листовку», начинавшуюся словами: «Немецкий солдат, ты мерзнешь и голодаешь в своих окопах под Ленинградом. Но вспомни только, как недавно было уютно у тебя под Рождество дома. Вспомни, как зажигалась елка и трещали дрова в камине… Неужели это навсегда ушло от тебя? Во имя чего ты мерзнешь тут под Ленинградом?.. Смерть подстерегает тебя, ты можешь стать калекой». Обращение заканчивалось уже в другом ключе: «И если ты и дальше будешь следовать за Гитлером, немецкий солдат, ты не уйдешь из-под Ленинграда живым!». Сотрудниками немецкой радиоредакции были два австрийских антифашиста, братья Фриц и Эрнст Фукс. Они переводили материалы, выступали в качестве дикторов, обеспечивали высокий языковой уровень передач. Ф. Фукс писал стихи, памфлеты, подбирал музыкальное оформление.

На Ленинградском фронте для ведения пропаганды, направленной против войск противника, был использован ряд стационарных радиоузлов, которые находились в непосредственной близости от линии фронта. Регулярно проводились передачи с Колпинского и Сестрорецкого радиоузлов. Динамики радиоузла в поселке им. Морозова были установлены в амбразурах крепости «Орешек», обращенных к Шлиссельбургу. Пленные, взятые во время прорыва блокады, подтвердили, что эти передачи каждую ночь были слышны в немецких частях, стоявших тогда в этом городе на Ладожском озере. На стенах крепости «Орешек» весь период до прорыва блокады вывешивались плакаты с карикатурным изображением Гитлера и надписью «Он твой враг – стреляй в него».

Сотрудники 7-го отдела изучали систему идеологической обработки в вермахте, уровень дисциплины, политико-моральное состояние солдат в противостоящих частях. Полученные данные использовались при подготовке листовок и программ звукопередач. Для информирования своего командования регулярно выпускались сводки с выдержками из допросов военнопленных, переводы трофейных документов, обзоры трофейных писем и дневников, материалы о положении в Германии и других странах фашистского блока. Вся эта работа велась в тесном контакте с разведывательными органами фронта.

С началом операции по прорыву блокады Ленинграда в январе 1943 г. в действие были приведены все силы специальной пропаганды. «Слушайте на том берегу! (Линия фронта проходила по течению Невы – *Ю.Б.*). Пробил час наступления Красной Армии!» – вещали окопные звукостанции. За семь дней боев авиация распространила более миллиона листовок на немецком языке. На базе походной типографии вы-

пускались оперативные листовки, описывавшие складывающуюся обстановку на Ленинградском фронте. Листовка с обращением 88 солдат, плененных под Шлиссельбургом, призывала солдат германской армии у Ленинграда следовать их примеру. В ходе боев более 50 немецких солдат и офицеров, попавших в плен, согласились обратиться к своим товарищам, рассказав о своих первых впечатлениях в советском плену, а также написать письма своим родным.

В боях по прорыву блокады войска 67-й армии пленили 1275 вражеских солдат и офицеров[13]. Такого количества пленных на Ленинградском фронте еще не было. Сам факт массовой сдачи в плен говорил о том, что геббельсовским выдумкам о неизбежной гибели попавших в руки русских перестали верить, что советской пропаганде удалось повысить «пленоспособность» немцев. Подавляющее большинство захваченных пленных обнаруживало знакомство с советской пропагандой. Военнопленные говорили, что в ходе боев листовки с другой стороны были часто единственным источником информации о положении дел на фронте. Отмечалось, что доверия к ним во время наступления стало больше, чем в период позиционной обороны.

Прорыв блокады Ленинграда имел большое военно-политическое значение. Многих солдат и офицеров вермахта он заставил по-новому оценить обстановку и перспективы войны, означал конец их надеждам захватить город. Для оценки воздействия, которое прорыв блокады оказал на войска группы армий «Север», следует учесть, что это была одна из первых наступательных операций Красной Армии на северо-западном направлении. Противостоявший Ленфронту противник до января 1943 г. еще не ощутил на собственном опыте наступательную мощь советских войск, не познал горечь крупных поражений. Анализ политико-морального состояния немцев под Ленинградом после прорыва блокады выявил заметные изменения. Как и на всем советско-восточном германском фронте, немецкий солдат стал трезвее оценивать происходящие события, пессимистичнее относиться к своему положению и перспективам на будущее. Но прорыв блокады не означал ее конца, войска вермахта продолжали стоять у стен Ленинграда. В немецких частях был популярен анекдот о том, что в Германии собирают стулья для посылки на фронт под Ленинградом – дескать, немецкие солдаты устали там стоять, пусть хотя бы присядут.

Объективные оценки говорили о том, что кардинальных изменений в политико-моральном состоянии военнослужащих вермахта не произошло. Войска группы армий «Север» были значительно укреплены. Обработка солдат в нацистском духе была усилена. Гитлеровское командование не было в состоянии вернуть своим войскам прежний боевой дух, но контроль над ними оно прочно удерживало. Абсолютное большинство немецких солдат и офицеров не видело для себя другого пути, кроме продолжения войны и безропотного подчинения приказам. В течение 1943 г. органы спецпропаганды продолжали активное воздействие на противостоявшие фронту войска. Прорыв блокады Ленинграда стал новым доказательством того, что и здесь, на Северо-Западе, у немцев не было шансов отсидеться – вермахт терпел поражение на всех фронтах. В листовках и звукопередачах особенно использовался факт капитуляции немецкой 6-й армии под Сталинградом.

Показания военнопленных в этот период свидетельствовали о появлении новых настроений в вермахте – после Сталинграда усилились сомнения в победоносном окончании войны для Германии. Все больше тревоги вызывало положение в тылу. В письмах из дома солдатам сообщалось о постоянных налетах авиации, о скудном

питании, об усталости от войны. На фронт попадали и сведения о недовольстве населения фашистскими властями. В Германии к словам известной песни «Все течет, все проходит, после декабря приходит май», – добавляли: «Все проходит, пройдут и хайль Гитлер, и его партия». Текст этот был использован в одной из листовок.

Во время блокады в Ленинградском театре музыкальной комедии была поставлена оперетта Кальмана «Королева чардаша». В 7-м отделе Волховского фронта решили воспользоваться премьерой для подготовки необычной листовки. В ней говорилось о том, что в блокированном Ленинграде не замерла театральная жизнь. Немецким солдатам, готовым сдаться, листовка была не только пропуском в плен, но и билетом в Александринский театр, где проходил этот спектакль.

В ноябре 1943 г. был утвержден план операции по снятию блокады Ленинграда. В ходе начавшейся 18 января 1944 г. крупномасштабной наступательной операции войск Ленинградского фронта, в условиях быстро менявшейся обстановки, спецпропаганда стремилась внушить противнику: «Настал черед вашего разгрома». За первые пять дней наступления авиация фронта распространила 780 тысяч листовок. В них освещались успехи войск фронта: «Гатчина освобождена», «Луга и Гдов взяты». В листовке «Все ваши жертвы за Мгу были напрасны» говорилось: «Тройной ценой уплатили вы за авантюристические планы Гитлера: колоссальными жертвами при наступлении на Ленинград, в бесплодных попытках удержать позиции под Ленинградом и теперь при отступлении». Редакционно-издательское отделение 7-го отдела фронта во время боев по освобождению Ленинграда от блокады подготовило 54 материала на немецком языке общим тиражом 108 миллионов экземпляров. На базе своих походных типографий армейские 7-е отделения также издали по 90–110 тысяч листовок.

Необычную пропагандистскую операцию провел 7-й отдел фронта в феврале 1944 г. Было получено задание из Москвы переправить через линию фронта письма генерала Вальтера фон Зейдлица и двух других пленных генералов – Даниэльса и Латмана, адресованные командованию группы армий «Север». В этих письмах бывшие коллеги призывали генерал-фельдмаршала Георга фон Кюхлера, генералов Эрнста Буша и Фердинанда Шёрнера трезво взвесить обстановку, поставить «будущность народа выше, чем будущность Гитлера» и, тем самым, спасти Германию. Им предлагалось прекратить бесперспективную войну и отвести свои армии на имперские границы. К командованию группы армий «Север» был обращен призыв не опустошать оккупированную советскую территорию. Были подготовлены два немецких офицера из числа военнопленных, которые согласились доставить письма. Они были соответствующим образом экипированы, имели документы военнослужащих вермахта. Один из них вручил письмо в штаб немецкой части. Об их дальнейшей судьбе ничего не известно.

Было, конечно, ясно, что командующие войсками группы армий «Север» отвергнут эти предложения. Однако генеральские письма в форме листовок и звукопередач были доведены до личного состава немецких войск и внесли в их среду новые сомнения, вновь заставили задуматься о собственной судьбе. Операция по доставке писем генералам немецкой группы армий была повторена в августе 1944 г. Из Москвы было получено 65 писем, написанных десятью генералами, примкнувшими к движению «Свободная Германия». Среди этих писем было обращение фельдмаршала Фридриха Паулюса лично к тогдашнему командующему группой армий «Север» генерал-полковнику Шёрнеру. В обращениях к командующим армиями, командирам

корпусов и дивизий предлагалось вместе со своими войсками перейти на сторону НКСГ и, тем самым, «сохранить для будущей Германии десятки тысяч немецких жизней». Для передачи писем были использованы различные каналы. Часть из них была доставлена через линию фронта немецкими антифашистами, другая – партизанами и разведчиками. В операции участвовало 65 пленных солдат и офицеров, подавляющее большинство которых с заданием справилось. Некоторые из них при возвращении предъявили даже расписки о принятии пакетов немецкими штабами[14].

Обращения пленных генералов и на этот раз были изданы большими тиражами и стали широко известны в немецких войсках, вызвав там значительный резонанс. Военнослужащих, выражавших малейшую поддержку предложениям, которые содержались в письмах, обвиняли в пораженческих настроениях и отправляли в штрафные батальоны.

В ходе зимних боев 1944 г. впервые на фронте началась работа по засылке военнопленных, давших на это свое согласие, в войска противника с пропагандистскими целями. Так, 22 января в районе Гатчины были переброшены в расположение противника двое военнопленных из 11-й пехотной дивизии. Двое суток они провели за линией фронта и, вернувшись, сообщили интересные данные о настроениях немецких солдат. На участке 2-й ударной армии в январе было заброшено шесть военнопленных. Из них после выполнения задачи вернулось четверо.

В ряде дивизий фронта стали создаваться постоянные «боевые группы» из числа военнопленных, которые вели пропаганду в немецком тылу, распространяли листовки. «Боевая группа» 59-й армии провела в марте 1944 г. три подобных операции. В ходе одной из них антифашисты привели с собой двух солдат, согласившихся перейти на сторону Красной Армии. Члены группы действовали в немецкой форме, были вооружены трофейными автоматами. Наступление, приведшее к снятию блокады Ленинграда, изменило психологический настрой в немецких войсках. До этого на своем северном фланге немцы не отступали. Участок 18-й армии вермахта называли «неприступной крепостью немецкой обороны». Ее солдат на протяжении 1941–1943 гг. всячески убеждали, что немецкие позиции под Ленинградом непоколебимы и здесь немецкие войска не знают, что такое отступление. Теперь рушились многие прежние представления и взгляды. Уже значительная часть немецких солдат считала, что русские сильнее и отступать придется и впредь. Подавляющее число пленных, захваченных в январе-феврале 1944 г., признавало, что Красная Армия имеет перед вермахтом преимущество, которое выражается в наличии огромных людских и материальных ресурсов, уровне военной техники и подготовке личного состава войск. Еще более поколебленной оказалась вера в победу Германии. Стали высказываться предположения о возможности остановить русских на границах рейха и добиться «почетного мира». Наряду с этим распространялись суждения о том, что все еще может измениться в пользу Германии, особую роль может сыграть новое «тайное оружие», которое разрабатывается в рейхе. Наконец, определенные надежды возлагались на противоречия между СССР и западными союзниками. Все эти настроения анализировались и учитывались в работе 7-го отдела.

Немецкое командование стремилось со своей стороны оградить своих солдат от влияния советской пропаганды. Например, приказ командира 61-й пехотной дивизии от 6 января 1944 г. «О значении вражеской пропаганды», указывая, что «русская пропаганда стала в последнее время значительно активнее», требовал «для ее скорейшего преодоления и в интересах активной и действенной контрпропаганды до-

носить ежедневно отделу (1-с – *Ю.Б.*) о каждой вражеской передаче, туда же немедленно доставлять все пропагандистские листовки противника». Главной целью специальной пропаганды, проводимой в 1944 г. после снятия блокады Ленинграда, было убедить немцев в неотвратимости поражения фашистской Германии, бессмысленности дальнейшего сопротивления Красной Армии. Разоблачался геббельсовский тезис об «общности судьбы» национал-социалистической верхушки и немецкого народа, подчеркивалось, что гитлеровская клика, проиграв войну, тянет за собой в пропасть и миллионы немцев. Стремясь оттянуть час своей гибели, она бросает их на смерть, принося новые страдания немецкому народу. На фронте была распространена серия листовок «Уроки трех лет войны с Россией», показывающая, «…что Гитлер проиграл войну на всех фронтах. Война уже на пороге Германии, чтобы покончить с ней, надо сдаваться в плен, капитулировать», – говорилось в этих листовках.

Ряд листовок был посвящен открытию второго фронта в Европе. В них указывалось, что надежды Гитлера на войну на одном фронте, на раскол между странами антигитлеровской коалиции рухнули. Использован был в целях пропаганды и заговор против Гитлера – покушение на него 20 июля 1944 г. «Заговор, – говорилось в листовках и звукопередачах, – свидетельствует о растущем недоверии к фашистскому фюреру даже со стороны высших офицеров вермахта. Связывать и дальше свою судьбу с гитлеровской кликой означает обречь себя на гибель». В ходе своего отступления в 1944 г. от стен Ленинграда немецкие войска группы «Норд» оказались в Прибалтике. Прижатая к морю и окруженная с суши Красной Армией группировка получила наименование «Курляндская». Ей противостоял вновь созданный Ленинградский фронт, которому были переданы войска двух Прибалтийских фронтов.

В немецкую Курляндскую группировку входило 18 пехотных, 2 охранных и 2 танковых дивизии, 2 боевые группы, до 80 отдельных пехотных, артиллерийских и других частей. Ее командованию удалось в значительной степени привести в порядок свои войска. Морским путем из Германии поступило пополнение. На всю глубину немецких позиций проходила сплошная многополосная оборона. Солдат убеждали, что Курляндская группа находится не в котле, а воюет на «особом плацдарме», имеющем выход к морю.

Были приняты крайне жесткие меры, чтобы заставить солдат и офицеров группировки сражаться дальше. Командующий генерал-полковник Шёрнер издавал один за другим приказы о расстрелах за дезертирство и членовредительство, была усилена и идеологическая подготовка войск. В приказе Шёрнера говорилось: «Фюрер приказал северной группе армий защищать Курляндию. На нынешнем этапе войны мы сражаемся за Германию как за крепость. Курляндия – передовое укрепление Германии на Востоке». Положение называли «тяжелым, но не безнадежным». Распространялась информация о том, что новое «тайное оружие» находится в завершающей стадии подготовки и скорое его применение приведет к перелому в ходе войны и победе Германии. Был выдвинут демагогический тезис о том, что если русские в 1941–1942 гг. выдержали, когда немецкие войска стояли под Москвой, Ленинградом и на Волге, то и немцы смогут выдержать русское наступление на Берлин.

Дисциплину в частях немецкому командованию еще удавалось поддерживать, но моральное состояние личного состава все ухудшалось, немецкие солдаты и офицеры ждали лишь скорейшей развязки. Перебежчики и пленные в один голос говорили, что никто не хочет умирать за пять минут до окончания войны. На этом фоне

7-й отдел фронта проводил свои «пропагандистские операции». Немецким солдатам в Курляндии раскрывалась военно-политическая обстановка на Востоке и Западе, доказывались неотвратимое приближение полного разгрома Германии и бессмысленность дальнейшего сопротивления – Гитлер обрек Курляндскую группировку на роль батальона смертников. Спасение ее личного состава – в капитуляции.

Командующий фронтом маршал Леонид А. Говоров подписал 20 марта 1945 г. приказ № 24 «Об отношении к капитулирующим немецким частям и к немецким военнопленным», в котором немцам гарантировалось корректное обращение и возвращение на родину после окончания войны. (В этом приказе, как и во всех предыдущих, конкретные сроки возвращения не упоминались[15].) Приказ был сразу издан на немецком языке тиражом 200 тысяч экземпляров и доведен до частей Курляндской группировки. Он транслировался на звукостанциях и фронтовой радиостанции «Балтикум». Типография 7-го отдела работала на больших оборотах. В январе–марте 1945 г. были изданы листовки общим тиражом более девяти миллионов.

Советская сторона активно привлекала к ведению пропаганды в противостоящих частях вермахта немецких военнопленных. Одновременно туда были направлены от 60 до 100 военнопленных, давших на то свое согласие. Обычно это были люди из так называемого «антифашистского актива». Для его подготовки была создана специальная фронтовая школа. В каждой дивизии были «свои» антифашисты, выступавшие через окопные звукостанции и распространявшие листовки. Новой формой спецпропаганды стало использование боевых раций для передачи информации на частотах немецких радиосетей. Последние недели войны вели к дальнейшему падению духа в частях вермахта. Росло число перебежчиков, некоторые из них имели при себе листовки с пропуском для перехода в плен. Были случаи перехода небольших групп. С белым флагом перешла линию фронта группа солдат 307-го охранного батальона во главе с командиром роты. В полном составе в плен сдался взвод 174-го полка 81-й пехотной дивизии.

В первые дни мая была издана листовка с переводом Обращения по радио руководителей СССР, США и Великобритании в связи с соединением советских войск и сил западных союзников на Эльбе. За этим последовало сообщение о смерти Гитлера. Беседуя с группой перебежчиков из 410-го полка 122-й пехотной дивизии, автор этих строк спросил, какова была реакция на это сообщение. Мои собеседники сказали, что это ни у кого не вызвало сожалений. Командиры сообщили солдатам, что присяга, данная Гитлеру, теперь автоматически переходит к адмиралу Деницу. Это заявление было встречено скептически. Командир полка предупредил солдат, что им предстоят тяжелые бои, и каждый должен выполнить свой долг. Однако в частях были уверены, что командование Курляндской группировки отдаст приказ о капитуляции.

Командующий Ленинградском фронтом маршал Говоров обратился 7 мая с ультиматумом к командованию окруженной Курляндской группировки. В этом документе указывалось, что ее положение безнадежно и безвыходно. Она обречена, и дальнейшее сопротивление приведет только к гибели ее солдат и офицеров. «Теперь, когда война Германией проиграна, – гласил текст ультиматума, – ваша капитуляция и сдача в плен – акт не позора, а благоразумия»[16]. С 8.00 утра 8 мая на всем протяжении переднего края через звуковещательные средства транслировался немецкий перевод ультиматума. Перед линиями немецкой обороны были выставлены транспаранты со словом «Капитуляция». В ряде мест были оборудованы переходы с указателями: «Здесь можно сдаться в плен».

В расположение войск Курляндской группы с текстом ультиматума были направлены антифашисты. Многие из них вручали ультиматум непосредственно командирам немецких частей. Так, два антифашиста были направлены в 11-ю пехотную дивизию с пакетом на имя командира дивизии. Они были проведены к командиру 23-го пехотного полка, который принял пакет и по телефону доложил командиру дивизии о получении текста ультиматума. После переговоров с командиром дивизии он заявил, что капитулировать они согласны и ждут указаний о времени и порядке капитуляции.

Утром 8 мая командующий Курляндской группой генерал пехоты Карл Гильперт в радиограмме командующему советскими войсками сообщил, что «всеобщая капитуляция принята». В тот же день начались переговоры между начальником штаба Ленинградского фронта генерал-полковником Маркианом М. Поповым и обер-квартирмейстером Курляндской группировки генерал-майором Отто Раузером. В 22 часа Раузер подписал документ о порядке капитуляции и разоружения немецких войск. По всему фронту шла капитуляция немецких частей и соединений. Дивизии, полки, отдельные части организованными колоннами направлялись к сборным пунктам для сдачи в плен.

Офицерам 7-го отдела представилась возможность участвовать в допросах представителей командования Курляндской группировки. Их попросили оценить действенность пропаганды русских и влияние, которое она оказала на немецких солдат и офицеров. Командующий 18-й армией, генерал от инфантерии Эренфрид Бёге заявил: «Ваша пропаганда оказалась сильным и действенным оружием. В последнее время она причиняла нам много неприятностей. Большое количество перебежчиков с нашей стороны в течение последних месяцев я объясняю не только трудностями создавшегося для нас положения, но и тем, что ваша пропаганда была организована с широким размахом». Командир 38-го танкового корпуса генерал артиллерии Курт Герцог сказал: «В последние месяцы пропаганда русских велась очень умело. Правда, ей помогали и события. Правдивость ее не вызывала сомнений. Я просмотрел много русских листовок. Если наша пропаганда должна была все время прибегать ко лжи и измышлениям, то русским такие средства были не нужны, так как на их стороне были факты»[17].

Приводя эти, может быть, слишком высокие оценки, сделаем скидку на то, что в плену и генералы стараются сказать нечто приятное на допросе. Но то, что, особенно на завершающем этапе войны, русская пропаганда в немалой степени воздействовала на умонастроения в вермахте, не вызывает сомнений.

«Это не ваша война!»

Восточный фронт 2-й мировой войны отличался большим национальным разнообразием действовавших там войск. На стороне вермахта в войне участвовали итальянские, румынские, венгерские соединения, финская армия, различные национальные легионы. Непосредственно в частях вермахта были солдаты, мобилизованные в Австрии, Эльзасе, Польше, Словакии.

Советская фронтовая пропаганда, ведя работу среди этих контингентов, исходила из их национальных особенностей, их отношения к войне, наличия противоречий

между ними и немцами. Лейтмотивом спецпропаганды, обращенной к этим людям, были слова: «Это не ваша война!». Им говорилось, что у них нет никаких оснований воевать против России, что они находятся на фронте лишь ради интересов фашистской Германии – поработителя и врага их собственных стран.

Политические настроения и боевой дух войск сателлитов Германии значительно отличался от вермахта. В их среде было распространено недовольство войной, а уже с 1942–1943 гг. – прямое неверие в победу Гитлера и страх перед предстоящими боями с окрепшей Красной Армией. Значительно выше, чем у немцев, была их восприимчивость к русской пропаганде. Это предопределило особое внимание, с которым 7-е отделы пытались воздействовать на эти слабые звенья в немецкой военной машине.

На многих фронтах в 7-х отделах были созданы рабочие группы, способные вести пропаганду на языках национальных контингентов вермахта. Участвовали в этом политэмигранты из соответствующих стран, а также военнопленные.

Как известно, Гитлеру удалось добиться от Франко посылки на Восточный фронт лишь одного соединения. Это была 250-я «голубая» (по цвету беретов) дивизия, которая после подготовки в Германии прибыла в 1942 г. сперва на Волховский, а затем на Ленинградский фронт. После появления на фронте под Ленинградом испанцев, 7-й отдел с помощью университетских филологов и двух прибывших в Ленинград из Москвы испанцев-политэмигрантов Хуареса и Веласкоса, начал «политическое просвещение» солдат и офицеров «голубой дивизии». Русские листовки взывали к национальным чувствам и гордости испанцев. В одном из первых обращений к «голубым» говорилось: «Испанский солдат! У тебя на рукаве повязка с надписью Испания. Но почему на тебя плюют на родине подлинные испанцы, в которых гитлеровцы и их фашистские прислужники не могут истребить гордый и свободный дух? Ты говоришь, что ты испанец, но испанец это всегда тот, кто за свободу, честь и независимость своей родины. А кто ты? Ты только раб Гитлера, забывший испанскую честь и гордость. Ты для немцев лишь пушечное мясо. Они обманывают и презирают тебя».

Листовка напоминала испанцам, что Россия всегда была другом испанского народа. В трудные для испанцев дни она присылала им пароходы с продовольствием и брала на себя заботу об испанских детях. «Ты вломился в Россию, как бандит, – указывала листовка, – пеняй же теперь на себя. Вы обманутые люди, вас послали воевать с великой могучей страной, покорять город-крепость, который со дня основания никогда никем не был взят». Заканчивалось обращение призывом: «Эта война для тебя – смерть, солдат. Уходи из гитлеровской армии – этого требует Испания, твой народ. Иди к нам, к русским, этим ты спасешь свою жизнь, как спасли ее уже многие испанцы, перешедшие к нам!»

Спецпропаганда стремилась отделить испанцев от немцев, показать особое отношение к ним советского командования. Это нашло свое выражение в специальном приказе войскам Ленинградского фронта № 127 от 20 сентября 1942 г. Он был переведен на испанский и распространен в частях 250-й дивизии. Приказ гласил:

> 1. Всех испанских солдат, ефрейторов, старших ефрейторов, фельдфебелей, обер-фельдфебелей и офицеров, бросивших оружие и добровольно отказавшихся драться за немецких оккупантов-поработителей против Красной Армии, немедленно принимать на свою сторону, хорошо накормить, раненым оказать медицинскую помощь и, не задерживая, направить в ближайший штаб Красной Армии.

2. Всех испанских военнопленных отправлять в специально созданные лагеря для испанских военнопленных.
3. Настоящий приказ является пропуском через линию фронта русских для неограниченного количества испанских солдат и офицеров.
Главное командование Ленинградского фронта[18]

Испанцы проявляли довольно высокую «пленоспособность», из частей дивизии появились перебежчики. Русская пропаганда вызывала среди личного состава испанской дивизии довольно широкий интерес. В ноябре 1942 г. 19 испанцев добровольно сдались в плен. Они рассказали о падении дисциплины, о нежелании многих солдат участвовать в войне на стороне фашистской Германии, о росте противоречий между испанцами и немцами. Последние не доверяли своим испанским союзникам, презрительно называли их «на три буквы» «драй ша» – «шмутциге шпанише швайне» («грязные испанские свиньи»). Перебежчик капрал Мон рассказал, что командир дивизии генерал Муньос Грандес хвалился при штурме Ленинграда пойти впереди своих солдат. Но теперь многие в дивизии стали понимать, что их обманули. Уже зима, а Ленинград не пал. Настроение у солдат подавленное. Охотно слушали испанцы русские звукопередачи. Во всех подразделениях дивизии было известно имя «Красного Карнисеро» – перебежчика Феликса Карнисеро, выступавшего диктором на звукостанциях.

В феврале 1943 г. в результате операции, проведенной войсками фронта против испанской дивизии, было захвачено свыше 300 пленных. Их показания свидетельствовали о дальнейшей деморализации испанских солдат. Во время операции многие с готовностью сдавались в плен. Добровольно сдалась группа из 38 человек во главе с лейтенантом. Пленные испанцы демонстрировали хорошее знакомство с советской пропагандой. Командир роты 262-го полка сказал на допросе: «Против ваших листовок было очень трудно принимать решительные меры. Они очень популярны среди солдат, и солдаты их умело прячут». Другой пленный рассказал, что «о листовках русских у нас было много разговоров. Иные им не верили, но многие считали их правдивыми и поговаривали о том, чтобы перебежать на сторону русских, ибо это единственный путь возвращения на родину». Пленные испанцы написали 120 писем на родину. 11 офицеров, 33 сержанта и 91 солдат 262-го полка подписали обращение к своим товарищам. Материалы эти были широко использованы как в листовках, так и в звукопередачах, обращенных к частям дивизии. За время пребывания на Восточном фронте 250-я дивизия понесла большие потери. Ее личный состав был трижды заново укомплектован. Во второй половине 1943 г. она не представляла собой боеспособного соединения и была возвращена в Испанию.

Под лозунгом «норвежского вклада в победу идей национал-социализма» в Норвегии в 1941 г. был подготовлен для отправки на Восточный фронт легион, входивший в состав войск СС. Вступающим в легион сулили всевозможные блага. Видкун Квислинг заявил, что после победы Германии легионеры получат высокие посты. После прохождения подготовки в немецких учебных центрах Норвежский легион в марте 1942 г. прибыл на Ленинградский фронт и занял позиции в районе Урицка. Среди легионеров на первых порах отмечалась известная боевая активность, стремление показать немецкому командованию, на что они способны. Однако подобные настроения довольно быстро сменились унынием и неуверенностью в своих силах. Трудная фронтовая обстановка, растущие потери резко изменили моральное состоя-

ние норвежцев. На передний край легион прибыл в количестве 800 человек, а к середине мая в нем осталось не более 400 солдат и офицеров. В ходе боевых действий норвежцы терпели одно поражение за другим.

Обеспокоенное положением дел в легионе немецкое командование потребовало от норвежских коллаборационистов принять меры по наведению порядка. В середине мая на фронт под Ленинградом был направлен Квислинг. Прилетев на самолете в Красное Село, он всячески пытался поднять упавший дух солдат и офицеров легиона, вновь говорил о «теплых местах», которые их ожидают после победы[19]. Приезд Квислинга, уговоры и посулы ничего не изменили. Брожение в легионе усиливалось. Пленные, взятые в это время, приводили конкретные факты падения дисциплины, открытого недовольства участием в войне на стороне фашистской Германии. В период пребывания Норвежского легиона на фронте его личный состав подвергался постоянному идеологическому воздействию с русской стороны. В 7-м отделе было издано 6 листовок на норвежском языке. Каждую ночь на переднем крае проводились звукопередачи, в которых участвовали норвежские перебежчики и пленные. Норвежцам доказывалось, что они вовлечены в гиблое дело, что их ожидает лишь неминуемый разгром вместе с их немецкими хозяевами. Спецпропаганда апеллировала к патриотическим чувствам норвежских солдат, призывала к разрыву с палачами их родины. Норвежским легионерам раскрывалась вся глубина их предательства по отношению к собственному народу. При этом, подчеркивалось, что своим участием в войне на стороне гитлеровцев они лишают себя возможности вернуться в свободную Норвегию, даже если уцелеют. Напротив, переход на сторону Красной Армии означает спасение своей чести и прощение норвежского народа.

Чувства национальной гордости будила в норвежцах листовка, в качестве заголовка которой было использовано название норвежского национального гимна: «Да, мы любим этот край». В этом обращении к «норвежцам в немецкой форме» указывалось, что «фашистская оккупация принесла унижение и горе норвежскому народу. Сотни норвежцев казнены. Страна утратила свою свободу. Разве вы забыли слова вашего гимна о защите чести родной земли? Помните, все те, кто воюет на стороне немцев, будут заслуженно наказаны. У вас есть выход – покидайте армию Гитлера! Капитулируйте! Посылайте своих представителей через линию фронта для переговоров о достойной сдаче в плен».

Боевой дух легионеров к началу 1944 г. резко упал. Пленные сообщали о росте недовольства, падении дисциплины, об открытом нежелании воевать дальше. В ноябре 1944 г. немецкое командование было вынуждено снять легион с фронта и вернуть в Норвегию. Часть легионеров осталась на Восточном фронте в составе немецких частей.

В середине 90-х годов в Санкт-Петербург приехала из Норвегии небольшая группа пожилых людей. В их осанке все еще можно было угадать былую военную выправку. Это были бывшие легионеры, приехавшие через полстолетия в город, в блокаде которого они участвовали. Мы встретились в гостинице и проговорили целый вечер. Их позиция, которую они отстаивали, заключалась в том, что они воевали не против русского народа, который они всегда уважали, а против большевизма. С нашими аргументами о том, что боевые действия с их участием несли страдания и смерть мирному населению Ленинграда, что Красная Армия защищала свою страну от гитлеровцев, бывших врагами и Норвегии, гости вяло соглашались, но утверждали, что тогда они своей вины не чувствовали и думали, что сражаются за правое дело. На том мы и расстались.

В июне 1942 г. на Ленинградский фронт прибыло еще одно национальное формирование – легион «Нидерланды», вошедший в состав немецкой бригады войск СС. Легион был укомплектован голландскими нацистами, а также голландцами, насильно мобилизованными на работы в Германию. Легион участвовал в боях на Волховском фронте и прибыл под Ленинград, уже испытав тяготы окопной жизни и понеся значительные потери. Настроение легионеров было подавленным, упала дисциплина. Это создало почву для активного воздействия на голландских солдат с советской стороны. Была выпущена серия листовок, призывавшая их порвать с немцами и перейти на сторону Красной Армии. Голландские военнопленные с готовностью принимали участие в пропагандистских выступлениях, обращались к личному составу своих подразделений через звукостанции.

Успехи Красной Армии на фронтах, рост потерь в легионе, незыблемость позиций под Ленинградом – все это повышало доверие голландцев к русской пропаганде, способствовало распространению в их среде пораженческих настроений. В конечном итоге, и легион «Нидерланды» был снят с Ленинградского фронта. Особое внимание проявлял 7-й отдел к находившимся в немецких подразделениях эльзассцам и лотарингцам. На присоединенные к рейху Эльзас и Лотарингию, как известно, распространялась воинская повинность. Так на Восточный фронт попало немало принудительно призванных в вермахт французов. Воевать на стороне немцев они не хотели, фашистское командование относило их к числу наиболее неблагонадежных и старалось использовать на различных тыловых работах. Однако выходцы из Эльзаса и Лотарингии попадали и в боевые части. Это открывало для многих из них возможность порвать с вермахтом. С начала 1943 г. участились случаи перехода французов на сторону Красной Армии.

Французский Комитет национального освобождения обратился в августе 1943 г. к СССР с пожеланием, чтобы с выходцами из Эльзаса и Лотарингии не обращались как с обычными военнопленными, учитывая, что они силой взяты в германскую армию. Эта просьба была советской стороной удовлетворена. Эльзасцы и лотарингцы были отделены от германских военнопленных. Многие из них были отправлены из СССР в Северную Африку, где они стали сражаться на стороне Франции. Спецпропаганда в значительной степени помогла им ориентироваться в обстановке. Листовки и передачи, обращенные к французам в немецкой форме, определялись отношением Красной Армии к тем, кто не по своей воле стал солдатом вермахта. Перед фронтом 67-й армии в феврале-марте 1943 г. стояла 28-я легкопехотная дивизия вермахта, в которой было до 30 процентов солдат – выходцев из Эльзаса и Лотарингии. 7-е отделение армии подготовило листовку к солдатам-французам, в которой подчеркивалась полная противоположность интересов французов и гитлеровцев, поработивших Францию. Французов, одетых в мундиры армии, топчущей свободы их родины, листовка призывала порвать с немцами и перейти на сторону Красной Армии. В январе 1944 г. было издано обращение «К братьям-эльзасцам» двух французских перебежчиков из 225-й пехотной дивизии. Они призывали своих соотечественников следовать их примеру, встать на путь борьбы против Гитлера ради будущего «нашей прекрасной родины Франции». Многие эльзасцы переходили в плен, имея при себе листовки с пропуском[20].

Перед Карельским и Ленинградским фронтами с лета 1941 г. стояли войска финской армии. Вступив 27 июня 1941 г. в войну против Советского Союза, Финляндия заявила, что она ведет «свою собственную, независимую от Германии войну».

В действительности она являлась близкой союзницей Германии, держа фронт от Кольского полуострова до Финского залива. Финские части, дойдя в начале войны до старой советско-финской границы на Карельском перешейке, перешли к обороне. Находясь в 30 км от Ленинграда, они замыкали с севера кольцо блокады вокруг города. Следует отметить, что финская артиллерия не принимала участия в обстрелах Ленинграда.

Поражение немецких войск под Ленинградом коренным образом изменило военно-политическую обстановку в Северо-Западном регионе, оказало сильное влияние на положение Финляндии. В стране значительно возросли антивоенные настроения, ухудшилось моральное состояние финской армии. В адрес правительства со стороны различных общественных сил все настоятельнее раздавались требования выхода из войны. Советское правительство 19 февраля 1944 г. выдвинуло условия перемирия с Финляндией и заявило о своей готовности вести переговоры о прекращении военных действий. Правительство Финляндии при поддержке Германии отказалось от мирных переговоров на выдвинутых условиях и взяло курс на продолжение войны. Захваченные в это время пленные говорили об усталости солдат от войны и желании выйти из нее мирным путем. В финских войсках на Карельском перешейке росли опасения перед советским наступлением.

Бои на Карельском перешейке носили ожесточенный характер, обе стороны несли большие потери. Советские войска прорвали главную полосу финской обороны. Финское командование пыталось задержать отступление своих войск, вводя в бой последние резервы, но моральный дух войск был подорван. В ряде документов финское командование, признавая это, называло «влияние вражеской пропаганды» одной из важнейших причин поражения своей армии. В ходе боев на Карельском перешейке с 1941 по 1944 гг. было распространено 32 миллиона листовок 624 наименований, проведены многие тысячи звукопередач[21].

19 сентября 1944 г. в Москве было подписано соглашение о перемирии. Финляндия вышла из войны.

Национальный комитет «Свободная Германия» – предатели или патриоты?

В борьбе против фашизма в годы Второй мировой войны особое место принадлежит созданному из числа немецких эмигрантов и военнопленных Национальному комитету «Свободная Германия» (НКСГ). 12–13 июля 1943 г. в городе Красногорске под Москвой состоялась учредительная конференция, избравшая Комитет в составе 25 военнопленных и 13 гражданских лиц. Среди них были политики и деятели культуры, бывшие депутаты рейхстага, священники, врачи, пленные офицеры и солдаты. Это были люди различных политических взглядов, но общий тон в образованном Комитете задавали представители Коммунистической партии Германии – Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Герман Матерн. Президентом НКСГ был избран писатель Эрих Вайнерт[22].

Через два месяца группа военнопленных генералов и офицеров образовала Союз немецких офицеров (СНО), вошедший в состав Национального комитета «Свободная Германия». Президентом СНО стал генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц.

В НКСГ он занимал также пост вице-президента. Отмечая значение создания Национального комитета «Свободная Германия», газета «Правда» указывала: образование комитета «будет способствовать тому, что ряды противников гитлеровской тирании в самой Германии, в немецкой армии… будут теперь увеличиваться еще быстрее». Следует отметить, что в дальнейшем в советской печати было крайне мало сообщений о НКСГ, его деятельность в стране практически замалчивалась.

Существуют различные мнения относительно того, насколько НКСГ был самостоятелен в своей деятельности. Несомненно, он находился под постоянным контролем советских партийных и административных органов. Непосредственное взаимодействие с Комитетом осуществляло 7-е управление Главного политического управления Красной Армии. Представители Комитета выезжали на фронт в сопровождении советских офицеров, в русской военной форме, но без знаков различия.

Общая цель – борьба с фашизмом – не исключала известных различий между советской стороной и членами Комитета как в политических оценках хода войны, так и в практических подходах. Существенные разногласия были и в самом Комитете, где некоторые его представители выражали свое несогласие с проводимым курсом и, прежде всего, с чрезмерной зависимостью от советской стороны. Создание Комитета было, естественно, невозможно без соответствующего решения высшего советского политического руководства. До настоящего времени не обнаружены документы, указывающие, от кого именно исходила инициатива его создания. Существует версия, что в июне 1943 г. Сталин в телефонном разговоре с начальником Главполитуправления Щербаковым сказал, что пора немцам образовать антифашистский комитет, и дал указание сделать необходимые распоряжения и предоставить для этого средства. Ранее подобная идея обсуждалась в управлении по делам военнопленных и интернированных НКВД и среди немецких политэмигрантов в Коминтерне[23].

Начиная с 1941 г. уже в первых лагерях для военнопленных советские органы привлекали немцев к ведению пропаганды. На фронте военнопленные привлекались к написанию обращений к своим товарищам, к выступлениям по радио и через громкоговорящие установки. В октябре 1941 г. 158 военнопленных подписали воззвание к немецкому народу и вермахту с требованием прекращения войны. С созданием НКСГ советская сторона в значительной степени переложила на него задачу «агитировать немцев». Главным лозунгом НКСГ был призыв «За свободную независимую Германию, против Гитлера!» В своей основе он выражал национальные интересы германского народа, носил патриотический характер, что подчеркивалось старым кайзеровским черно-бело-красным триколором на изданиях Комитета, на нарукавных повязках его членов. Своим оружием Комитет считал слово, обращенное к военнослужащим вермахта, к немецким военнопленным и населению Германии. Члены комитета вооруженной борьбы не вели, оружие получали только в отдельных случаях – при засылке в тыл войск вермахта. Прямое участие в боевых действиях принимали некоторые антифашисты, находившиеся в русских партизанских отрядах.

Известие о создании НКСГ вызвало беспокойство у союзников СССР по антигитлеровской коалиции. В США и Англии возникли предположения, что советская сторона не намерена соблюдать совместное решение о безоговорочной капитуляции Германии, вводя в игру «немецкую карту». В английских газетах даже появились публикации, в которых высказывалось мнение о возможности «немецко-русского

сепаратного мира». США и Англия официально заявили о своих сомнениях в отношении НКСГ. Английский посол в Москве Арчибальд К. Керр 26 июля 1943 г. попросил Молотова проинформировать его об образовании в СССР Комитета «Свободная Германия». Молотов ограничился кратким ответом, что это «пропагандистский комитет». Вопрос всплыл снова во время посещения Москвы английским министром иностранных дел Антони Иденом. Во время беседы со Сталиным 21 октября Иден спросил: «Что русские делают с германским комитетом?». Сталин повторил ответ Молотова, добавив: «Конечно, в германском комитете есть люди, которые мечтают о том, что они будут решать судьбы Германии. Однако нужно помнить, что ни одно уважающее себя правительство не будет иметь дело с военнопленными»[24].

Эта позиция Сталина предопределила ограниченную роль Комитета как чисто пропагандистской организации. Движение «Свободная Германия» не рассматривалось руководством СССР как политическая сила, тем более – как прообраз возможного немецкого правительства. Вопрос о НКСГ союзники больше не поднимали, удовлетворившись получением издаваемой Комитетом газеты[25].

Следует отметить, что деятельность НКСГ вышла за рамки Восточного фронта. Комитет получил поддержку со стороны ряда организаций французского и немецкого движений сопротивления, антифашистских групп в Англии, Швейцарии, Швеции. Западные союзники приняли некоторое участие в распространении документов НКСГ. Английская авиация сбросила над Германией листовки, раскрывающие цели и задачи движения «Свободная Германия». По согласованию с советским командованием на каждый фронт был направлен уполномоченный НКСГ. Им создавалась организация Комитета на фронте, включавшая доверенных лиц в армиях и их помощников в дивизиях. Постепенно формировался актив Комитета из числа военнопленных-антифашистов. Командование и политорганы фронтов получили указание оказывать представителям НКСГ помощь в распространении листовок, проведении передач через громкоговорящие установки, в организации отпуска военнопленных-антифашистов с пропагандистскими целями через линию фронта.

В конце июля 1943 г. на Ленинградский фронт прибыл уполномоченный НКСГ Эрнст Келер[26]. Почтовый чиновник из Восточной Пруссии, командир роты связи на фронте, он попал в плен в 1941 г. Выступая на учредительной конференции НКСГ, Келер сказал, что за два года пребывания в плену он стал свидетелем пробуждения сознания немцев, находящихся в лагерях военнопленных. Это должно стать, как считал он, «побудительным стимулом в наших стремлениях к просвещению и объединению и направить все силы на борьбу за спасение и восстановление Германии». Непросто было пленному офицеру находиться в осажденном Ленинграде. Келер сумел преодолеть недоверие и прямую неприязнь, с которыми он сперва сталкивался. Постепенно он стал «Эрнстом Павловичем» для людей, с которыми работал. В нем увидели честного и мужественного человека, убежденного противника фашизма. Ему была предоставлена возможность выпускать от своего имени листовки и обращения. Он регулярно вел передачи по радио и через звуковещательные станции.

До немецких солдат и офицеров было доведено, что на фронт прибыл уполномоченный НКСГ и приступил к выполнению своих обязанностей. Сообщение имело следующую форму:

> Созданный 13 июля с. г. Национальный Комитет «Свободная Германия» приступил к своей деятельности.

По просьбе Комитета русские военные власти разрешили посылку членов и уполномоченных Комитета в зоны боевых действий для того, чтобы познакомить военнослужащих вермахта с целями и задачами «Национального Комитета “Свободная Германия”».

Одновременно представители Национального комитета призваны оказывать всевозможную помощь военнослужащим немецкого вермахта, попавшим в плен и направляемым в лагеря военнопленных.

Национальный Комитет сообщает, что своим уполномоченным на данном участке фронта он назначил господина Эрнста Келера.

Все попавшие в плен военнослужащие вермахта могут попросить русских офицеров о разрешении встретиться с нашим уполномоченным или установить через него связь непосредственно с Национальным Комитетом «Свободная Германия».

Сообщение было подписано президентом НКСГ Эрихом Вайнертом и двумя вице-президентами Комитета.

На первом этапе важнейшей задачей фронтового уполномоченного было доведение до противостоящих немецких частей целей НКСГ, разъяснение «Манифеста Национального комитета “Свободная Германия” к вермахту и немецкому народу». К сентябрю 1943 г. Манифест был издан в централизованном порядке тиражом около 8 миллионов экземпляров и направлен на фронты для распространения. Популяризации Манифеста служили листовки: «Чего хочет Национальный Комитет “Свободная Германия?”», «О национальном Комитете “Свободная Германия” говорят всюду» и др. Немецкие военнопленные, принимавшие участие в работе НКСГ подписывали следующее обязательство:

Национальному Комитету «Свободная Германия».

Во имя верности немецкой нации я обязуюсь бороться в рядах Национального Комитета «Свободная Германия».

(Далее следовали фамилия и имя, воинское звание, номер части, домашний адрес и собственноручная подпись.)

Печатные издания НКСГ отличались от материалов, издаваемых от имени Красной Армии, не только по характеру аргументации и призывов, но и по внешнему облику и оформлению. Все фронтовые листовки Комитета имели в качестве заголовка эмблему НКСГ и, как правило, подписывались фронтовым уполномоченным, или на них стояли подписи других представителей Комитета. Расширение деятельности на фронте Национального Комитета «Свободная Германия» требовало новых организационных форм работы его аппарата. Фронтовой уполномоченный периодически проводил совещания с армейскими доверенными лицами и дивизионными помощниками. На них обсуждались задачи дальнейшего ведения работы, участники делились своим опытом. Их знакомили с международной обстановкой, положением на фронтах, в немецком тылу. Так, в течение двух дней 13–14 апреля 1944 г. в Ленинградском доме Красной Армии проходило фронтовое совещание членов Комитета в армиях и дивизиях. Присутствовало 17 человек. Вел совещание фронтовой уполномоченный Э. Келер. На совещании был поднят вопрос о новых формах деятельности аппарата НКСГ непосредственно в вермахте. Обсуждались пути и методы установления связей с противостоящими немецкими частями[27].

В сферу деятельности фронтового уполномоченного НКСГ входила работа в лагерях военнопленных, посещения госпиталей, где находились раненые немецкие солдаты и офицеры. Так, в августе 1943 г. после его посещения одного из фронтовых госпиталей 12 раненых немецких солдат подписали обращение к своим частям, в которых рассказали о гуманном отношении к ним советских военных властей, медицинского персонала госпиталя.

Оценивая деятельность НКСГ на фронте, следует отметить, что ведущаяся им пропаганда вызывала больший интерес немецких солдат и офицеров, чем идущая с русской стороны. Значительная часть военнослужащих вермахта знала о создании Комитета, имела представление о характере его программы. Сам факт появления подобного движения порождал толки и споры. Для очень многих НКСГ оставался лишь орудием «вражеской пропаганды», проводимой «предателями» немецкого народа. Других создание Комитета заставляло задуматься о коренных вопросах войны, о судьбе Германии. Наконец, известная часть, нелояльная нацизму, утверждалась в своих сомнениях в отношении фашистского режима. В период снятия блокады в январе 1944 г. в войсках противника было распространено почти три миллиона листовок НКСГ. Представители Комитета провели тысячи звукопередач. Келер и его помощники работали на сборных пунктах и в лагерях военнопленных, участвовали в допросах, в отборе и обработке трофейных документов. Все это укрепляло доверие наших офицеров и солдат к немецким антифашистам, меняло скептическое отношение к их деятельности.

На заключительном этапе войны деятельность НКСГ была наиболее активной. Во время боев в Курляндии фронтовой аппарат Комитета насчитывал несколько десятков человек. В армии были созданы боевые группы, которые вели в немецких частях пропаганду за скорейший выход из войны. Ряд данных из различных источников свидетельствовал об образовании подпольных групп НКСГ в некоторых частях Курляндской группировки. Такая группа существовала в 563-й дивизии вермахта. В 12-й танковой дивизии антифашистской группой руководил обер-ефрейтор радист Кайзер. Число участников группы в начале апреля 1945 г. составляло около 50 человек. Они планировали открыто выступить и склонить на свою сторону сначала один батальон, а затем и другие подразделения и добиться капитуляции всей дивизии. Деятельность группы была раскрыта, семь ее участников расстреляны, а Кайзер как опасный государственный преступник на самолете был отправлен в Берлин. Известно, что еще одна подпольная группа была организована в 540-м штрафном батальоне[28].

Пропагандистская работа НКСГ велась с патриотических позиций. В Манифесте Комитета указывалось, что если немецкий народ сам освободит Германию от Гитлера, он завоюет право самостоятельно решать свою судьбу, и другие народы будут считаться с ним. Содержание пропаганды, ведущейся НКСГ, имело ряд существенных отличий от пропаганды, которая велась от имени командования Красной Армии. В директиве Главполитуправления от 21 июля 1943 г., адресованной политорганам, указывалось на необходимость размежевания в тематике и лозунгах со стороны НКСГ и Красной Армии. Комитет исходил в своей политической работе из национальных немецких интересов, пытался предотвратить катастрофу, к которой Гитлер толкал Германию. НКСГ пытался спасти то, что еще можно было спасти, ставя перед собой задачу создания в будущем национального правительства. В ра-

боте среди войск противника, проводимой от имени Красной Армии, такие проблемы не затрагивались.

Предложение НКСГ к вермахту об организованном отходе немецких войск на имперские границы противоречило требованию Советского Союза и других стран антигитлеровской коалиции о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Со стороны Комитета оно преследовало цель сохранения вермахта, а целью Красной Армии было уничтожение гитлеровской армии. Сама идея добиться таким путем окончания войны была невыполнимой и могла служить лишь пропагандистским целям НКСГ как защитника немецких национальных интересов.

На 9-м пленарном заседании Комитета 18 мая 1944 г. были разработаны новые предложения по содержанию пропаганды от имени НКСГ. Было решено противопоставить альтернативе «победа или гибель», выдвинутой в этот период фашистским руководством, контрпароль: «Никакой победы, но и не гибель». Продолжение войны означает путь к гибели, окончание войны – спасение того, что еще можно спасти. Война потеряна, это понимают почти все. Каждый солдат и офицер вермахта может сотрудничать с Национальным комитетом, перейдя на его сторону в ходе боевых действий, а также создавая группы комитета на фронте и в тылу. Эти установки легли в основу работы представителей НКСГ на фронтах во второй половине 1944 г.

У генерала фон Зейдлица и ряда других пленных офицеров в сентябре 1943 г. возникла идея создания из числа немцев – солдат и офицеров, попавших в плен под Сталинградом, – добровольческого корпуса. Он должен был состоять из трех вооруженных дивизий общей численностью 30 тысяч человек. Предполагалось, что части корпуса прорвут на одном направлении немецкий фронт и призовут войска вермахта присоединиться к ним. Фон Зейдлиц упоминал в связи с этим в качестве возможного союзника командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Гюнтера фон Клюге, настроенного, по его мнению, против Гитлера.

Корпус должен был после устранения Гитлера стать опорой нового немецкого правительства, которое могли бы создать Национальный комитет и Союз немецких офицеров. Себя фон Зейдлиц рассматривал как кандидата на пост главнокомандующего вооруженными силами будущей свободной Германии.

Предложения фон Зейдлица были доложены Берии, но остались без ответа. Это не остановило фон Зейдлица, и в феврале 1944 г. он разработал новый план – создания уже «Немецкой освободительной армии»[29], состоящей из добровольцев-пленных. Реакции советской стороны не последовало и на этот раз, хотя 11 марта 1944 г. Берия доложил Сталину так называемый «меморандум фон Зейдлица». План фон Зейдлица не вписывался ни в задачи антигитлеровской коалиции, ни в планы советской политики в отношении будущего Германии. Но тем не менее несуществовавшая «армия фон Зейдлица» в историю вошла. Для движения «Свободная Германия» большое значение имела позиция бывшего командующего 6-й немецкой армией фельдмаршала Паулюса. Первое время после своего пленения Паулюс наотрез отказывался от какой-либо политической активности. «Сталинградских» генералов, вступивших в Союз немецких офицеров, он называл предателями. Крайне негативно отнесся Паулюс и к идее фон Зейдлица о создании немецкой «добровольческой армии» и был удовлетворен, узнав, что Москва не заинтересована в том, чтобы немцы стреляли в немцев.

Со стороны органов НКВД, а также немецких политэмигрантов и представителей Союза немецких офицеров Паулюс подвергался усиленной политической обработке, с ним велись многочасовые разговоры о судьбе Германии, о долге перед своим народом. Большое впечатление произвела на Паулюса доставка из Германии письма от его жены, осуществленная советской разведкой. В изменении взглядов пленного фельдмаршала большую роль сыграло известие о покушении на Гитлера 20 июля 1944 г., в котором участвовали известные ему немецкие генералы и офицеры. Вскоре после этого он согласился вступить в НКСГ и Союз офицеров.

В подписанном Паулюсом обращении к немецкому народу от 14 августа 1944 г. он открыто выступил против Гитлера. Какое значение придавало этому шагу советское руководство, видно из того, что о переходе Паулюса на антифашистские позиции Берия доложил Сталину в тот же день. О мотивах своего решения Паулюс позже писал: «Я все больше видел в принципах и целях движения Свободная Германия не только критерий для понимания всей войны, но также единственный путеводитель для будущего немецкого народа в отношении уничтожения национал-социализма и всех его корней и в отношении создания нового демократического государства»[30].

Немецкое политическое и военное руководство сначала попыталось скрыть само существование Национального комитета «Свободная Германия», затем объявило его «большевистской фальшивкой». Геббельсовская пропаганда заявляла, что названные в числе членов Комитета военнослужащие в действительности погибли. Но когда о создании и деятельности Комитета стало широко известно и на Восточном фронте, и в Германии, тон пришлось изменить. Антифашистское движение было заклеймено как «организация предателей». Генерал фон Зейдлиц, другие офицеры «за предательство и подлую измену родине и фюреру» были заочно приговорены к смертной казни. (Их семей репрессии почти не коснулись.) В войска вермахта одна за другой направлялись директивы с требованием пресекать любую деятельность Комитета на фронте, жестоко наказывать тех военнослужащих, которые проявляют к ней интерес. Насколько немецкое командование было обеспокоено деятельностью НКСГ, свидетельствует приказ, доведенный до частей Курляндской группы в марте 1945 г. Согласно этому приказу, для всех немецких военнослужащих вводился специальный знак, по которому можно было отличить солдат и офицеров вермахта от «агентов» Национального комитета «Свободная Германия», действовавших в тылах немецкой армии. Всех лиц в немецкой форме, не имеющих отличительного знака, приказ требовал задерживать и направлять в штаб.

В 1995 г. в связи с 50-летием окончания войны в Европе в Берлине состоялся форум русских и немецких участников войны, в том числе и бывших членов Национального комитета «Свободная Германия». Когда слово было предоставлено одному из учредителей Комитета, сбитому под Сталинградом летчику люфтваффе, графу Генриху фон Айнзидель, из зала громко прозвучал вопрос: «Кто вы, господин граф, – предатель или патриот?» Фон Айнзидель, потомок одной из известнейших немецких аристократических семей, дальний родственник канцлера фон Бисмарка, ответил, что помыслы участников «Свободной Германии» были обращены к своей стране, к ее спасению. «Мы не хотели, чтобы Сталинград повторился в Германии, хотели предотвратить катастрофу». Помню, как зал ответил ему аплодисментами.

Содержание документов НКСГ – обращений, призывов, информационных материалов – свидетельствует об их патриотической направленности, тревоге за судьбу

немецкого народа. Другое дело, что деятельность Комитета наталкивалась на глухую стену фашистского режима. Немецкие генералы на фронте не вняли призывам своих бывших коллег, оказавшихся в плену. В массе немецких солдат и офицеров комитет «Свободная Германия» вызывал интерес, был предметом обсуждения, давал пищу мыслям о неизбежности поражения Германии. Но массовой поддержки в частях вермахта движению «Свободная Германия» достичь не удалось. Причин тут несколько. Нацистская идеология в течение всей войны сохраняла свое влияние на немецких солдат и офицеров. В вермахте царила жесткая дисциплина и система беспрекословного повиновения, что исключало возможность организованного сопротивления фашизму. Недоверие к НКСГ вызывало то, что он был создан в стане противника, а значит, являлся его рупором. Сохранился и страх перед русским пленом. Свою роль сыграла пропаганда среди военнослужащих вермахта о «бесчинствах советских войск» на уже занятых немецких территориях, об «ужасах советской оккупации» в случае поражения Германии.

С окончанием войны деятельность движения «Свободная Германия» практически прекратилась. Советская сторона сочла функции Комитета исчерпанными и интерес к нему полностью потеряла. В октябре 1945 г. Георгий Димитров и Богдан Кобулов предложили Молотову и Берии распустить НКСГ. Совершенно секретный документ предусматривал созыв пленума Комитета и Союза немецких офицеров для объявления о самороспуске. Был приложен текст краткого информационного сообщения для печати. Мнение членов Комитета не запрашивалось, его президент Вайнерт послушно выполнил полученное указание[31].

Судьба членов НКСГ сложилась по-разному. Одни, вернувшись в Германию после окончания войны, постарались откреститься от своего участия в его деятельности. Для других он стал переходной ступенью в «активисты первого часа» в Восточной Германии. В политических и военных кругах ГДР прослойка бывших участников Комитета была весьма значительна. Среди них были члены партийного руководства и правительства, редакторы газет, высшие офицеры армии и полиции. Участь целого ряда активных членов НКСГ была трагичной. После роспуска Комитета они остались в лагерях на положении военнопленных. Некоторые по прямому указанию Берии были обвинены в военных преступлениях, совершенных во время службы в вермахте, и отданы под суд. В июле 1950 г. был объявлен военным преступников генерал фон Зейдлиц, препровожденный из лагеря в Бутырскую тюрьму. Один из самых активных членов НКСГ, он был осужден военным трибуналом на 25 лет тюремного заключения. В 1955 г. он был досрочно освобожден и смог вернуться в Германию. Перед отъездом он послал председателю Президиума Верховного Совета СССР Ворошилову письмо, в котором «поблагодарил за все хорошее, что он увидел и пережил за 12 лет пребывания в стране».

В органах НКВД готовилось обвинение в военных преступлениях и против фельдмаршала Паулюса, ожидали лишь указания Сталина, чтобы начать процесс. Такого указания не последовало, и Паулюс до октября 1953 г. находился в генеральском лагере военнопленных, а затем был репатриирован на родину. До своей смерти в 1957 г. он жил в ГДР, в пригороде Дрездена.

При всех спорах о характере движения «Свободная Германия», не утихающих до сих пор, следует отметить уникальность этой организации, объединившей людей самых различных сословий и воззрений в совместной борьбе против фашизма.

Подведение итогов полвека спустя

Психологическая война на Восточном фронте была составной частью ожесточенной борьбы между двумя государственными системам, каждая из которых стремилась к тотальному уничтожению противника. Обе стороны придавали большое, подчас преувеличенное, значение пропагандистским средствам воздействия на противостоящие войска. Советская сторона развернула в годы Отечественной войны, вероятно, самую крупную в истории пропагандистскую кампанию, направленную против вражеской армии. (Со стороны бундесвера подобные действия на всем протяжении войны, и особенно в первый период, вели специальные «роты пропаганды»).

Оказание влияния на солдат противника через линию фронта – процесс сложный, сопряженный со многими факторами идеологического и психологического характера. Вермахт был трудным объектом для советской пропаганды. Высокая степень нацистского влияния, опьянение успехами в начале войны обусловили практически полную невосприимчивость немецких военнослужащих к словам, идущим с «другой стороны».

Перелом в войне после Сталинграда, отступление и рост потерь постепенно меняли их отношение к русским листовкам, радио- и звукопередачам. Они заставляли задуматься о целях и конечном исходе войны, о своей судьбе. События на фронте подтверждали многие сообщения русской пропаганды, что повышало интерес и внимание к ней со стороны немцев. Спецпропаганда сумела добиться известного перелома в отношении солдат вермахта к плену – сдача в плен продолжала оставаться крайним, но уже возможным средством спасти свою жизнь. Материалы на тему «Правда о советском плене», основанные на реальной жизни военнопленных, оставляли эту лазейку в сознании многих немцев.

Спецпропаганда на Восточном фронте носила непрерывный, настойчивый характер, буквально повседневно присутствуя в окопах бундесвера. В обороне немецкое боевое охранение, ожидая обычную ночную передачу русской звукостанции, с нетерпением требовало: «Рус, давай песню о Катюше!» Красная Армия, ведя с большим размахом «идеологическое просвещение» бундесвера (одних листовок было выпущено около 3 миллиардов), преследовало, конечно, прежде всего, цели его ослабления в военном отношении. Но в Советском Союзе не забыли опыт Гражданской войны, когда тысячи иностранцев вернулись в свои страны, под влиянием пропаганды в коммунистическом духе. Во фронтовой пропаганде, в ходе политического воспитания в лагерях военнопленных десяткам тысяч немцев и людям других национальностей усиленно прививались идеи пролетарского интернационализма и социализма. Прямой «актив на будущее» готовился из числа военнопленных, изъявивших согласие участвовать в работе органов спецпропаганды. Следует отметить, что их участие способствовало большей доходчивости этой работы. Это учитывалось советским политическим руководством. В мае 1943-го я участвовал в совещании 7-х отделов в Москве, где ментор спецпропаганды Дмитрий Мануильский прямо заявил: нам пора переходить к ведению пропаганды, направленной против войск противника, руками самих немцев.

Хочу повторить вывод: разложить вермахт, добиться перехода основной массы его военнослужащих на антифашистские позиции советской фронтовой пропаганде не удалось. Впрочем, подобная всеобъемлющая цель и не ставилась. Но свой вклад в формирование мировоззрения немцев она внесла. Непосредственными организато-

рами и исполнителями «политической работы среди войск и населения противника», как она официально называлась в годы войны, были сотрудники 7-х отделов и отделений. Это были, как правило, образованные люди, владевшие немецким и другими иностранными языками. Не могу утверждать, что среди них было много «инакомыслящих», но то, что их отличали более широкий взгляд на вещи, здравый смысл – несомненно. Это проявлялось и в их отношении к немцам, с которыми они «говорили» через линию фронта. Известный писатель Константин Симонов в одном из своих военных романов не без иронии заметил – идите в 7-й отдел, там обожают психоанализ. Весной 1945 г. я встречал на фронте майора Льва Копелева из 7-го отдела 2-го Белорусского фронта. Пристрастие к «психоанализу» привело его к аресту и обвинению в «буржуазно-гуманных взглядах в форме выражения сочувствия к немцам». Это был, к счастью, один из немногих случаев – Копелева «продало» его начальство. Во всех нас надежно сидел «внутренний цензор», не позволявший излишне «умствовать».

После войны офицеры-«седьмоотдельцы» оказались в Германии. Теперь объект пропаганды – немецкое население – находился непосредственно перед ними. Функцию «мирной» спецпропаганды приняли на себя органы информации СВАГ, контролировавшие всю общественнно-политическую жизнь Восточной Германии. Их сотрудники – «культур-офицеры», как их называли немцы, – в своем большинстве оставили о себе добрую память[32].

У психологических операций – свое особое место в войне. Фронтовая пропаганда не называет противника врагом; напротив, простым солдатам и офицерам она старается внушить, что они лишь обманутые жертвы своих правителей, достойные сочувствия противной стороны. Война без насилия не несет противнику смерть, более того – она призывает его сохранить свою жизнь, выдвигает альтернативу гибели в бою. Этот уникальный вид оружия по-своему гуманен. Между воюющими сторонами сохраняется диалог, остается открытым путь к человеческому общению и поиску мирных путей разрешения конфликтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Информационный сборник Главного политуправления СА и ВМФ. Выпуск 2-й (80-й). – М., 1990. С. 9–10.

[2] *Бурцев М.И.* Прозрение. – М., 1981. С. 12–13.

[3] *Барышников Н.И.* Финляндия во Второй мировой войне. – Л., 1989. С. 101.

[4] История КПСС. – М., 1970. С. 323. Т. 5, кн.1.

[5] Оружием правды. – М., 1971. С. 17.

[6] *Лайнбарджер П.*. Психологическая война. – М., 1962. С. 138.

[7] Личный архив автора, папка 3. Л. 31.

[8] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М., 1951. С. 48.

[9] Ср. в данном издании: Иохен Янссен. «Большевизм» как образ врага в учебной литературе для рейхсвера и вермахта. 1933–1945 гг.

[10] *Гальдер Ф.* Военный дневник. – М., 1971. С. 177. Т. 3, кн.1.

[11] Личный архив автора, папка 2. Л. 14.

[12] Экземпляр этого «ордена» хранится в Музее истории Ленинграда.

[13] Архив штаба Ленинградского Военного округа (далее – ЛенВО). Ф. 47. Оп. 46594. Д. 152. Л. 79.

[14] *Бродский Е.А.* Это известно немногим. – Красногорск, 1996. С. 204.

[15] Центральный архив Министерства обороны (далее ЦА МО РФ). Ф. 32. Оп. 11306. Д. 91. Л. 228.

[16] ЦА МО РФ. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 744. Л. 254.

[17] Архив штаба ЛенВО. Ф. 47. Оп. 47127. Д. 24. Л. 328.

[18] Личный архив автора, папка 2. Л. 42.

[19] ЦА МО РФ. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 116. Л. 123.

[20] ЦА МО РФ. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 136. Л. 238.

[21] Архив политического управления ЛенВО, дело 76. Л. 209.

[22] Ср. *Alexander Fischer.* Nationalkomitee «Freies Deutschland» in: Wolfgang Benz, *Walter H. Pehle* (Hrsg.): Lexikon des deutschen Widerstands. – Frankfurt a. Main, 2001. S. 258–267. – *Прим. немецкой редакции.*

[23] *Ежова Г.В.* Великая Отечественная война и движение «Свободная Германия». – СПб., 1998. С. 69.

[24] Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 06. Оп. 5. П. 17. Д. 160. Л. 10.

[25] Эта газета, также названная «Свободная Германия», продолжала традиции газеты военнопленных «Новое слово»; она издавалась с 19 июля 1943 г. еженедельно тиражом 50.000 экземпляров; главным редактором был сначала Рудольф Херрнштадт, с мая 1945 г. – Альфред Курелла; обязанности цензора исполнял работник Коминтерна Э. Герё; печатные машины и бумагу предоставили советские учреждения. Радиостанцию «Свободная Германия», которую с 20 июля 1943 г. можно было поймать на всей немецкой территории, возглавлял Антон Акерманн. Ср. в данном издании: *Карола Тишлер.* Голоса и отголоски: радио как оружие в борьбе против «немцев» в Великую Отечественную войну. Т. 1. *Прим. немецкой редакции*

[26] Эрнст Келер (1913–?): после 1945 г. Келер был бургомистром округа Берлин-Митте и руководителем отдела почтовой и телефонной связи при берлинском магистрате.

[27] Личный архив автора, папка 4. Л. 22.

[28] ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 575. Л. 212.

[29] *Resin L.* General von Seydlitz, der BDO und die Frage einer Deutschen Befreiungsarmee unter Stalin. Eine Dokumentation neuer Quellenfunde in Moskauer Archiven. In: *Gerd R. Ueberschär.* Das Nationalkomitee «Freies Deutschland» und der Bund Deutscher Offiziere. – Frankfurt a. Main, 1995. S. 225–238, цит. S. 235f.

[30] *Жилин П.А.* О войне и военной истории. – М., 1984. С. 253.

[31] АВП РФ. Ф. 012. Оп. 6, п.78. Д. 80. Л. 1.

[32] Ср. *Anne Hartmann, Wolfram Eggeling.* Sowjetische Präsenz im kulturellen Leben der SBZ und frühen DDR 1945–1953. – Berlin, 1998, и *Werner Mittenzwei.* Die Intellektuellen. Literatur und Politik in Ostdeutschland 1945–2000. – Leipzig, 2002, особ. S. 33–37, 88–104.

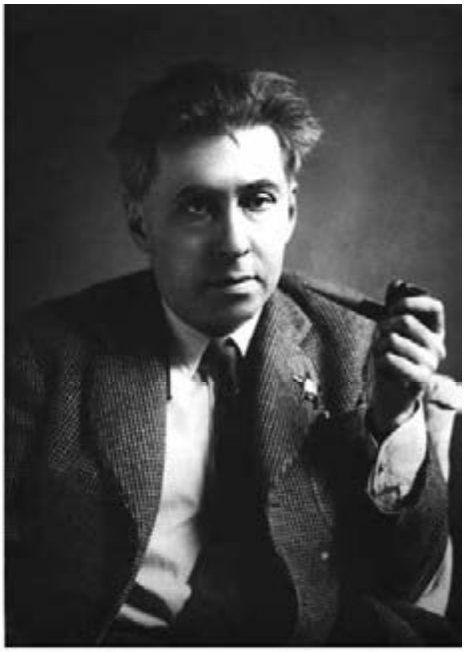
Татьяна Горяева

«ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА…». Образ противника в советской пропаганде 1941–1945

Для формирования в массовом сознании образа врага требовались продуманные пропагандистские усилия и временные рамки, в пределах которых происходила перестройка на всех уровнях общества и личностного восприятия проблемы «свой-чужой».

Несмотря на существенные различия в наполнении идеологемы образа врага в Первой и Второй мировых войнах, она имела единую основу, проистекающую из психологических особенностей отношения человека к христианским ценностям в условиях войны, когда всеми средствами оправдывается убийство. Именно на этом были построены образы противников, которые наделялись каждый со своей стороны как можно более агрессивными качествами. Враг должен был вызывать чувство ненависти и презрения и, напротив, исключать жалость и страх. С другой стороны, образ врага как социопсихологическая совокупность понятий и чувств представлял собой динамическую и различную по характеру восприятия категорию. Имеется в виду обобщенный образ врага, созданный как окончательный продукт информационно-пропагандистского процесса, и субъективно-личностный, полученный в результате конкретно исторического опыта каждого отдельного человека на войне[1].

Характер настроений в начальный период Первой мировой войны отличался патриотизмом и национальным единением русского общества; противника было принято награждать уничижительными и убийственно пренебрежительными эпитетами. Официальная пропаганда основывалась на принципе «свой-чужой», который обусловливал звероподобный образ противника, нарушающего все нормы международного права и общечеловеческих законов. Однако, как отмечают различные источники, русские войска придерживались «рыцарского кодекса», предполагающего гуманное отношение к военнопленным[2]. Е. Сенявская убедительно показывает как под влиянием личных впечатлений, приобретенных на войне, образ врага-зверя трансформировался в образ врага-человека[3]. Это обоюдное «очеловечивание» происходило как в офицерском составе, так и среди нижних чинов. Общая усталость к концу войны и большевистские агитаторы сыграли свою роль в том, что настроения на фронте и в тылу были миролюбивые, а вся вина за поражения и многолетние фронтовые тяготы возлагалась на командование и высшее руководство. Завершение войны и последовавшие за этим исторические перемены в государственном и политическом устройствах двух стран задали трагический вектор развития мира, в результате которого советско-германское ожесточенное противостояние вылилось в пожар Второй мировой войны, опрокинув все принципы коммунистического интернационализма и солидарности с «братьями по классу».



Фронтовое творчество писателей (сверху вниз, слева направо): Николай Асеев, Илья Эренбург, Аркадий Гайдар и Василий Лебедев-Кумач; четыре фотодокумента из Российского государственного архива литературы и искусства.

Пропаганда как метод подготовки к войне

Формирование образа врага началось еще задолго до начала открытого противоборства СССР и Германии. При этом, лавирование в пропагандистских позициях достигало прямо противоположных оценок: от антифашистской пропаганды начала и середины 1930-х гг. до дружественных обращений периода подписания пакта Молотова-Риббентропа. Стратегия же внутренней пропаганды была еще более неопределенной и размытой и строилась на политике двойных стандартов: с одной стороны – компромиссной, оправдывающей внешнеполитическую линию СССР, с другой стороны – агрессивной, в духе воспитания советского патриотизма и подготовки к войне («Если завтра война…»). О том, насколько переменчива была стратегия антифашистской пропаганды, свидетельствуют много фактов. Один из них –история с Ильей Эренбургом, которую он описал в своих мемуарах[4]. Писатель свидетельствовал, что в июне 1940 г. его отозвали из Парижа в Москву и дали понять, что в изменившейся международной обстановке его антифашистские очерки неуместны. Намекнули на его еврейское происхождение, которое, по мнению кремлевских идеологов, способствовало «сгущению красок» при изображении нацистов, а затем вообще не рекомендовали писать о немцах. Вдобавок вскоре, вообще, перестали печатать. Его поэтический цикл «Война в Европе» был официально запрещен Наркоматом иностранных дел, хотя очевидно, что этот запрет был следствием установок, полученных из Управления пропаганды и агитации (УПА) ЦК ВКП(б)[5]. Вторая часть романа «Падение Парижа», имевшего ярко антифашистскую направленность, была запрещена цензурой. 24 апреля 1941 г. в квартире Эренбурга раздался звонок из Кремля. Состоявшийся разговор с «главным цензором» (Сталиным), который шутливо поощрил и обнадежил писателя, имел главную цель – показать, что надо быть начеку и чутко лавировать между антифашистской темой и текущей политикой, которая вскоре может резко измениться.

Смену пропагандистских ориентиров ознаменовали выступления Сталина в начале 1941 г.: 5 мая перед выпускниками военных академий и 14 мая на заседании Военного Совета. Указания, данные Сталиным в этих выступлениях сводились к тому, что необходимо воспитывать советских людей «в духе активного, боевого, воинственного наступления», что пришла пора перейти к «военной политике наступательных действий»[6]. Для выработки милитаристских убеждений требовался крайне негативно окрашенный образ врага.

В свою очередь, нацистская концепция пропаганды и методы психологического воздействия на противника в предстоящей мировой войне также разрабатывались задолго до ее начала. «Еще до того, как армии начнут военные действия, противник будет психологически разоружен пропагандой. Она подобна артподгтовке перед фронтальной атакой пехоты в позиционной войне. Враждебный народ необходимо деморализовать, подвести к порогу капитуляции и лишь после этого начинать вооруженную борьбу», – говорил Гитлер, если верить одному из его собеседников, еще в 1932 г[7]. Фашистская пропагандистская машина перестраивалась постепенно, готовясь к агрессии, чутко прислушиваясь ко всем заявлениям с Востока.

О том, какое значение имели пропагандистские акценты в понимании смены курсов, свидетельствует такой пример. В марте–апреле 1941 г. молодой работник информационного агентства Мельников, который блестяще знал немецкий язык, обратил внимание на смену интонации в немецких газетах и радио. Он подал рапорт

начальству, в котором отмечались угрожающие ноты в «геббельсовском оркестре». В условиях мирного договора такая информация могла быть расценена в СССР как провокация и только после неоднократных требований и блужданий за личной подписью ее автора легла на стол Сталину уже после начала войны. Сталин оценил профессионализм Мельникова, и, когда потребовалось создать отдел ТАСС по пропаганде, направленной на противника, назначил его на эту генеральскую должность[8].

И, действительно, с осени 1940 г. нацистская пропаганда постепенно меняет курс. Выходят художественные фильмы, появляются беллетристические произведения и научные публикации, обращенные против СССР. Начавшаяся «война слухов» сосредоточилась вокруг предстоящей войны между СССР и Германией. В мае 1941 г. началась массированная радиопропаганда и подготовка ко «дню икс». 23 мая передается беседа на тему «Плутократия и большевизм», шестью днями позже – «Массовая нищета в плутократических странах – питательная среда большевизма»[9]. Параллельно создаются специальные группы захвата советских радиовещательных станций. Приступают к особым тренировкам радиорепортеры 24-х рот пропаганды – особых формирований, включающих военных корреспондентов и фронтовых журналистов, которым предстояло прославлять будущие победы немецкого вермахта на восточном фронте. 15 июня «инициативный» сотрудник одной из рот пропаганды в Польше даже наговаривает репортаж о предстоящем вторжении на территорию СССР и посылает звукозапись в Берлин[10].

Советские идеологи также разворачивают пропагандистскую кампанию, мгновенно отреагировав на полученные указания Сталина. Выступая 15 мая 1941 г. на совещании работников кино, член Политбюро ЦК Андрей А. Жданов заявил, что линия большевистского государства в международной политике состоит, в частности, в стремлении расширять фронт социализма «всегда и всюду тогда, когда нам обстоятельства позволяют»[11]. 20 мая 1941 г. председатель президиума Верховного Совета СССР Михаил И. Калинин на партийно-комсомольском собрании работников актива своего ведомства произнес поистине ключевую фразу всей идеологической доктрины, вынашиваемой Сталиным в своем соперничестве с Гитлером: «Война – это такой момент, когда можно расширить коммунизм». В том же духе высказался и секретарь ЦК Александр С. Щербаков, говоря о расширении фронта социализма[12]. Очень четко выразил настроение высших политических кругов Всеволод Вишневский, наиболее информированный в этой сфере писатель: председатель оборонной комиссии Союза советских писателей. 14 апреля 1941 г. после встречи с Климентом Е. Ворошиловым он зафиксировал в своем дневнике: «Наш час, время открытой борьбы, “священных боев” все ближе!»[13].

Об агрессивности внешней политики СССР свидетельствовало то важное обстоятельство, что повсеместно во всех идеологических институтах задолго до войны были созданы специальные отделы – военные[14], которые приступили к повседневной перестройке работы в военных условиях. Это важно не только для понимания причин и характера войны, но и для воссоздания истинной картины ее идеологических предпосылок, которые заключались в вынашивании и реализации агрессивных планов «исторического» реванша, именуемых в соответствии с тогдашней терминологией «расширением социализма». Сталин признался в конце войны Джиласу: «Эта война не похожа на предшествующие. В эту войну армии, занимающие территории других стран, устанавливают там свой строй»[15]. Реализация этих планов была осу-

ществлена уже после победы над фашизмом, когда в результате насильственного «расширения», идеи социализма были распространены на страны восточной Европы. Вместе с освобождением от фашизма победа принесла иное порабощение – укрепление советского тоталитаризма внутри страны и невиданное доселе усиление его экспансии во всем мире[16].

Первые дни войны: официальная пропаганда и дух народа

Несмотря на витающий в воздухе «пороховой дух», война грянула как гром среди ясного неба – неожиданно. Первые ее дни кардинально повлияли на ее характер и дальнейшее развитие.

Именно то, что для Сталина нападение Германии было глубокой личной драмой и он впал в прострацию, переживая свой тактический проигрыш Гитлеру, сыграло решающую роль на первом этапе войны. Народ остался один на один с бедой, взвалив на себя всю боль потерь и тяжесть первых поражений. Война стала народной. Мобилизация началась в первые часы войны, и в эти же сутки была создана песня Василия И. Лебедева-Кумача «Вставай, страна огромная!», под которую уже на следующий день с Белорусского вокзала отходили составы на фронт. Деятели искусства, военкоматы и оставшиеся в живых после сталинских репрессий командиры не ждали, когда Сталин придет в себя после пережитого шока, и сами организовали сопротивление врагу. Армия и народ вступили в бой без призывов и приказов.

Война оголила чувства и омыла душу измученного народа. Об этом говорит Борис Пастернак словами своего героя в романе «Доктор Живаго»:

> … война явилась очистительной бурею, струей свежего воздуха, веянием избавления… И когда разгорелась война, ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки и несли облегчение, потому что ограничивали колдовскую силу мертвой буквы. Люди… на каторге,… в тылу и на фронте, вдохнули свободно, всей грудью, и упоенно, с чувством истинного счастья бросились в горнило грозной борьбы, смертельной и спасительной[17].

Тема борьбы с захватчиками и ненависти к врагу сразу была взята на вооружение всем арсеналом пропагандистских и просветительских средств. «Пусть ярость благородная вскипает, как волна». Без ненависти нельзя победить врага – это должен был понять каждый советский человек и в тылу, и на фронте. «И это, – говорил Алексей Сурков (1899–1983), – как-то определило всю дальнейшую мою работу на войне… Из этой коррективы исходя, для меня лично и началась тема войны; главная, определяющая и, пожалуй, неизменная до того дня, когда последний выстрел смолкнет, – тема ненависти»[18]. «Мы должны объединиться в одной воле, в одном чувстве, в одной мысли, – писал 28 июля в “Правде” Алексей Толстой, – победить и уничтожить Гитлера и его армию, которые несут смерть и рабство, рабство и смерть и больше ничего… Для этого нужна ненависть. Но не такая ненависть, не черная, которая разрушает душу, но светлая, священная ненависть, которая объединяет и возвышает, которая родит героев нашего фронта и утраивает силы работников тыла»[19].

«Светлая ненависть» возникла в душах писателей от их понимания правды, как они ее видели в эти страшные дни, без влияния внешних обстоятельств, сформированных под воздействием государственных рекомендаций и запретов[20]. Этому способствовала и предвоенная атмосфера, в которой писатели были винтиками общей машины по обеспечению политических кампаний и пропагандистских задач[21]. И важнейшим определяющим фактором являлся образ врага. Так, еще в начале 1938 г. на одном из совещаний Союза советских писателей, на котором обсуждалась поэма Константина Симонова «Ледовое побоище», говорилось, что новый дух устава Красной Армии определяется принципом: кто бы ни был враг, хороший человек или плохой, если он пришел на советскую землю, с ним необходимо расправиться[22]. Наряду с этим критиковались недостатки военной пропаганды в государстве, не изжившем «культа гражданской войны», не взявшем на вооружение достижения «современной армии и его противника»[23].

Сильные патриотические чувства породили особую творческую тональность, определили небывалый лиризм военной литературы. Писатель чувствовал потребность читателя в поддержке и правдивом слове. Между ними возникло электрическое поле. Понятия «отечество», «родина», «товарищ», большевистски освоенные, получили иное наполнение, естественное, натуральное.

Владимир Кормер, перекликаясь с Пастернаком, высказывает по-своему дикую мысль: «интеллигенция встретила войну с облегчением и радостью», которая принесла измученному сердцу покой и облегчение в том, что он (интеллигент – *авт.*) снова нужен своему народу, своей родине. Интеллигент вновь вернул себе роль спасителя человечества, «с оружием в руках он чувствовал себя впервые после всех унижений сильным, смелым, свободным»[24]. Понимание, что образ врага ассоциировался в сознании советского человека с немцем, фашистом, оккупантом, отодвинуло опасность от ему подобных, среди которых он, интеллигент, был одним из первых. Вот эти психологически объяснимые мотивации были использованы властью и направлены на выполнение главной задачи – мобилизации в кратчайшие сроки огромных человеческих ресурсов, готовых к жертвам и страданиям.

Просчеты власти и ее неспособность защитить свой народ от агрессии обернулись необходимостью изменить облик и технологию этой власти, обратившись к инициативе и воле народа. И в этой «благородной» миссии творческая интеллигенция играла роль посредника, пользующегося доверием и той, и другой стороны. Таким образом, проецирование ненависти на фашистов, Гитлера и Германию, вовсе не означало недостатка этого чувства в общественном сознании, которое было уже сформировано в духе постоянного противоборства внутренним и внешним врагам и служило лишь приложением уже привычного механизма приспособления к новым условиям и новым задачам. На эту идеологему работал также миф о вероломном нападении Германии и слабости Красной Армии, удобный для того, чтобы списать все ошибки и просчеты политики Сталина, за которые народ доложен был заплатить непомерными человеческими страданиями и потерями.

Война в эфире

Начало войны было неожиданным и для немецкого общества, которому в заявлении германского правительства нападение на СССР было представлено как превентивная мера, призванная оградить безопасность Германии. Тем самым, на первые неде-

ли войны определилась тональность нацистской пропаганды, которая шельмовала презренных славян, русских, рассматривая их как тупых, диких и жестоких недочеловеков.

Игра на чувствах, сочетание эмоциональных и рациональных форм воздействия использовались в качестве основных пропагандистских приемов в разножанровых материалах авторов Московского радио, в число которых вошли немецкие литераторы Эрих Вайнерт, Вилли Бредель, Фридрих Вольф и др. Эрих Вайнерт писал сатирические диалоги под общим названием «Фрау Кюннике ничего особенного не сказала», в которых на сочном берлинском диалекте так обыгрывались скользкие темы, чтобы не попасть на заметку гестапо[25].

Влияние советской пропаганды на немецких солдат и население обсуждалось в штабе 2-ой немецкой армии в ноябре 1942 г.: пропагандисты не спекулировали коммунистической риторикой, щадили церковь, не затрагивали крестьянство и среднее сословие Германии, а направляли удар против фюрера и НСДАП[26].

Так же как советская сторона тщательно скрывала громадные потери первого этапа войны, фашистская пропагандистская машина после поражения под Сталинградом тщательно утаивала от своих граждан масштабы катастрофы и массовой гибели немецких солдат. В этих условиях мифологизация с обеих сторон, направленная на взаимное уничижение и высмеивание расовых особенностей образа врага, подверглась пересмотру и обновлению своего арсенала. Прежние аргументы не отвечали реальности и явно противоречили истинному положению дел на фронте. В дневнике Геббельса отражена его точка зрения на истоки «фанатизма и героического сопротивления» советских солдат; они подвержены влиянию пропаганды «в такой степени, что им не страшны никакие жертвы и усилия». Он вынужден признать: объяснение состоит в том, что обычные репрессивные меры («комиссары погоняют армию кнутом») не привели бы к таким результатам – и так «русские привыкли к более тяжелым условиям, чем немцы»[27]. Так же, как и в Москве, где репрессивные органы изъяли в 1941 г. у граждан все радиоприемники кроме городской радиосети, в 1942 г. в Берлине начался террор против радиоинформации и радиопропаганды, способной преодолевать границы и линии фронтов[28].

Поворотным для обеих сторон стала Сталинградская битва. Если почву под советский пропагандистский посев взрыхляла сама жизнь, то геббельсовская идея, которая основывалась на борьбе «цивилизации против большевистского варварства», требовала существенного обновления. Теперь на первый план были выдвинуты защита европейских ценностей и опасность возмездия за преступления фашизма, «еврейские карательные отряды», истребление немцев», рабский труд в Сибири, голод, тиф и пр[29]. В данном случае пропаганда апеллировала к чувствам самосохранения и страха у немецкого населения.

Со своей стороны, советская пропаганда, как могла, «разоблачала» этот «миф»: «После того как банкрот Гитлер бросил десятки тысяч немцев в мясорубку на Волге и загнал 6-ю немецкую армию в ловушку под Сталинградом, он объявляет теперь всему немецкому народу тотальную войну. На этих днях Заукель[30] опубликовал указ о тотальной мобилизации всех немцев. Немецкий народ обрекают на полное уничтожение. Чтобы скрыть действительный смысл тотальной мобилизации, нацистская пропаганда внушает немецкому народу, будто ему угрожает гибель, если Гитлер будет разбит. Гитлер будет разбит. Но его тотальное поражение несет немцам не гибель, а спасет их от окончательной гибели. Советский Союз добивается свержения и унич-

тожения преступной банды Гитлера, но немецкому народу СССР не угрожает. Войну против немецкого народа ведет Гитлер. Тотальная мобилизация – это массовое убийство миллионов немцев»[31].

Стратегия и механизмы пропаганды

Главной основой пропаганды стала защита отечества от поработителей, её всенародный освободительный характер. В докладе И. Сталина 6 ноября 1941 г. говорилось о сплочении всего народа для борьбы с врагом – независимо от классовой и национальной принадлежности. В условиях, когда в начале войны явно ощущались пораженческие, а в некоторых районах и примиренческие настроения некоторых категорий населения, которые рассматривали приход германских войск как избавление от большевистского режима, необходимо было резко переломить ситуацию, сплотив народ вокруг одной идеи. Этой сплачивающей силой обладала ненависть к врагу, образ которого рисовался как лишенный всех человеческих качеств, совести и чести.

Калинин в статье «Священная ненависть» писал: «Для нас ненависть к врагу священна. Каждый советский гражданин, в ком есть хоть капля горячей крови, должен зажечься лютой ненавистью к поработителям свободы, культуры человека»[32].

В «Правде», а затем в «Красной звезде» летом 1942 г. была опубликована статья «Наука ненависти» Михаила Шолохова, в которой по горячему следу из первых уст Шолохов передал рассказ вернувшегося из плена. «Наука ненависти» – неумолимая правда о войне, о ненависти к врагам. «Вы думаете, можно рассказать словами обо всем, что пришлось видеть? – говорит один из героев Шолохова лейтенант Герасимов. – Нельзя! Нет таких слов… Фашисты могли убить нас, безоружных и обессиленных от голода, могли замучить, но сломить наш дух не могли и никогда не сломят! Не на тех напали, это я прямо скажу»[33]. И дальше словами одного из героев, лейтенанта Герасимова: «Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей родине и мне лично… всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом. Вот это-то и заставляет меня, да и всех нас драться с таким ожесточением, именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу»[34].

Одним из наиболее болезненных вопросов в формировании образа врага стало разделение понятий «фашист» и «немец». В докладе о 24-й годовщине Октября, ставшем программным для всей дальнейшей пропаганды, Сталин выразил уверенность, что немецкий народ не поддерживает фюрера, а германский тыл станет мощным содействием европейскому антифашистскому фронту. Однако этого не произошло, а в обыденном сознании эти понятия слились воедино. В одном из писем 1963 г. Симонов писал о разочаровании в «братьях по классу», отразившемся в фразеологии:

> Я думаю, что писатель должен употреблять ее [фразеологию] без политиканства, употреблять исторически верно. Как тогда говорили – так и писать. Чаще всего говорили «немцы», говорили «немец», говорили «он». «Гитлеровцы» больше писали в сводках и всяких официальных донесениях об уничтожении противника. «Фашист», «фашисты» говорили, и довольно часто, хотя, конечно, гораздо реже, чем «немец» или «немцы»[35].

В очерке Толстого «Кровь народа», опубликованного 19 октября 1941 г., говорилось:

> Миллионами своих могил покроют немцы все дороги. Немцы несут ответственность за те ужасы, несчастья и разрушения во всех странах, куда вторглись немецко-фашистские орды. Немецкому народу, если он не опомнится и не покончит с кровавым режимом Гитлера, вновь придется пройти по кровавым следам своим, но уже не как воину-агрессору, но потрудиться – восстановить разрушенное и залечить наши раны[36].

В публицистике Толстого часто затрагивалась тема о значении нравственных качеств, морального духа народа для достижения победы. Этому вопросу посвящено большое количество статей в газетах «Правда», «Известия» и «Красная звезда»[37]. Именно благодаря газетам писатели получили многомиллионную аудиторию. В 1943 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о фронтовой печати[38]: расширялась сеть газет – появилось 150 новых, среди которых около 130 ежедневных и более 600 – выходивших три раза в неделю общим тиражом в 3 млн экз. В 1945 г. в армии издавалось около тысячи газет.

С первых и до последних дней войны важное место в литературе занимала публицистика Ильи Эренбурга. Он «угадал» необходимую тему и интонацию: его статьи не то, чтобы планировались, но шли с прямого одобрения Агитпропа ЦК (письма редакции «Правды» А. Щербакову о «ценных данных о зверствах, показаниях немецких солдат» в статьях Эренбурга)[39]. Планомерно, изо дня в день, по словам Калинина, он вел «рукопашный бой» с фашистами[40]. Статьи Эренбурга печатались почти каждый день в разных газетах, передавались по радио. На всеобщее обозрение выставлял он «гнусность гитлеровской армии, античеловеческую сущность фашизма»[41]. Только в газете «Красная звезда» Эренбург поместил около 400 статей, памфлетов, корреспонденций, стихотворений. Стиль публицистики Эренбурга был настолько яростным и беспощадным, что вызвал неоднозначную реакцию цензуры. В августе 1941 г. Эренбург был вынужден пожаловаться на действия цензоров Военного отдела Совинформбюро и получил поддержку из ЦК, который циркулярно указал «не править Эренбурга»[42].

«Фронт любит огненное слово, – говорил Николай Тихонов, – Вот почему так известен Эренбург. И громадная заслуга Эренбурга в том, что он помог разоблачить “непобедимого” германца-фашиста… Он сделал полное раздевание этого персонажа. Он помог разобрать в этом хвастливом нахале первых месяцев войны жадного, вороватого фрица, тупого и кровожадного. Он убивал страх перед немцами, он представил его в настоящем виде»[43]. Наиболее распространенными в формировании эренбурговских типажей были приемы гротеска и карнавализации образов. Так, в очерке «Бешеные волки» Геббельс описывается в виде «отвратительной обезьяны крохотного роста, гримасничает, кривляется», а общий совет будущим историкам содержит рекомендацию «заглянуть в учебник зоологии»[44]. Собирательный же образ врага был описан им в сборнике «В фашистском застенке», где была представлена даже определенная классификация фашистов, а одна из групп выглядела следующим образом:

> Шли высокорослые и плюгавые, с квадратными тупыми головами, с глазами, как будто сделанными из мутного стекла, с топором, с топотом и гоготом, или пивовары, конторщи-

ки, сутенеры, метафизики, деляги, вешатели, сверхчеловеки, колбасники, павианы; шли эсэсовцы с черепами на рукавах; передвигалась серо-зеленая саранча; прыгали немки, похожие на слюнявых гиен; ползли гады из дивизии «Адольф Гитлер», душегубы, приват-доценты с мордами жаб, крякающие и квакающие палачи[45].

О действенности эренбурговской публицистики свидетельствуют отклики фронтовиков: «Каждое слово у тебя – острое как штык, меткое, как пуля снайпера. Ты – с нами в наших рядах, впереди, как лучший боец, увлекающий в атаку других», – писали Эренбургу бойцы одной из военных частей. Снайперы, обращаясь к Эренбургу, писали: «Мы скажем всему советскому народу: спасибо за патроны, винтовки и снаряды, за могучую военную технику. Мы скажем Вам, Советскому писателю, спасибо за слово, которое, как пуля, бьет врага…»[46]. В другом письме говорилось, что снайперы одного из подразделений в ответ на призывы Эренбурга открыли «счет мести» и уничтожили сразу одиннадцать фашистов.

Даже в западных странах признавали эффективность и действенность советской контрпропаганды. За свою военно-патриотическую деятельность Эренбург был награжден французским орденом Почетного легиона. Однако впереди его ждали тяжелые испытания в связи со сменой пропагандистских задач в ходе завершающего этапа войны.

24 июня 1941 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) было создано Совинформбюро, на которое возлагались функции организации пропаганды и контрпропаганды (начальник – Александр С. Щербаков, заместитель – Соломон А. Лозовский), а 25 июня было создано бюро военно-политической пропаганды (начальник – Лев З. Мехлис, заместитель – Дмитрий З. Мануильский), которое выполняло те же задачи среди войск и населения противника[47]. Руководители этих идеологических органов прекрасно понимали, что выход на международную арену требовал гораздо более гибких и даже компромиссных приемов для большего воздействия на зарубежную аудиторию. Илья Эренбург отмечал, что «для красноармейцев и для нейтральных шведов требовались различные доводы»[48].

Если говорить о смысловом наполнении и внешних атрибутах образа врага в советской пропаганде для внутренней аудитории, то его выработка была сопряжена с определенными этапами и задачами, а также различными точками зрения на их решение. Зоологический метод Эренбурга хоть и был широко популярен в народе и среди идеологов, но отнюдь не являлся единственным. Так, по мнению Василия Яна[49], Гитлер в его новой пьесе «Ошибка, меняющая ход истории» должен быть «не жалким ничтожеством», а предстать в виде «сильного, хищного врага, как маньяка, готового на любые подлости, чтобы зритель почувствовал и понял, почему надо приложить все силы, принести все жертвы для одоления противника». Ян считал необходимым согласовать с УПА ЦК в лице А. С. Щербакова свою авторскую концепцию, приписав на всякий случай, что перед передачей в Главрепертком хочет получить указания, чтобы внести необходимые изменения[50].

Тема ненависти и справедливого возмездия звучала и в стихах: «Я видел сам» Ильи Сельвинского, «Если дорог тебе твой дом» и «Убей его» Симонова, «Итальянец» Михаила Светлова. «Мы должны неустанно видеть перед собой облик гитлеровца: это та мишень, в которую нужно стрелять без промаху, это – олицетворение ненавистного нам. Наш долг – разжигать ненависть к злу и укреплять жажду пре-

красного, доброго, справедливого», – формулировал задачу пропагандистам Эренбург[51]. Образ фашиста, «нелюдя», человека-оборотня, порожденного темными силами капитализма, наделялся мистическими свойствами, поднимая в советских людях архаические, языческие пласты сознания. Фашисты изображались бездушными автоматами, методическими убийцами, эксплуататорами, насильниками, варварами. Главари рейха представлялись профессиональными неудачниками в мирной жизни, половыми извращенцами, убийцами и современными рабовладельцами[52].

Особую роль в формировании образа врага играла сатира. Это было самое действенное лекарство от страха перед наступающим врагом. Не только «окна ТАСС» и «Крокодил», но и бесчисленные сатирические страницы фронтовых газет и журналов «малевали немецкого черта так, чтобы показать народу, что этакий черт не так страшен», – говорил Леонид Ленч на IX пленуме ССП[53]. Фронтовые сатирические и юмористические рассказы, стихи, шутки, анекдоты, пословицы и поговорки, басни и сказки поднимали боевой дух солдат, заряжали их энергией и оптимизмом. Фашисты ненавидели сатириков и приговаривали их заочно к смертной казни. Так, корреспондента «Правды» М. Шуру и писателя Геннадия Фиша, авторов многих фельетонов во фронтовой печати, «за оскорбление Маннергейма» приговорили к повешению после победы рейха[54].

Чувство самосохранения заставило власть идти на идеологические компромиссы и отступать от привычных схем репрессивной системы: среди стратегических маневров – обращение к народной инициативе, историческим традициям, введение ордена Суворова и Кутузова, Указы Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 г. об освобождении из мест заключения 600 тыс. человек (из которых 175 тыс., в том числе 22 тыс. бывших военнокомандующих специалистов, были мобилизованы в действующую армию), наконец, общение с митрополитами, роспуск Коминтерна[55].

Таким же явным отступлением была и пропаганда антинемецких настроений, которая явно противоречила интернационалистическим принципам коммунистической идеологии и вызывала сопротивление и непонимание антифашистов, особенно немецких. Патриотизм сочетался с панславизмом. В начале войны Александр Фадеев обращался к «братьям угнетенным славянам» с призывом объединиться для разгрома врага. Один из аргументов гласил: «с нами все демократические страны»[56]. Частая смена политических ориентиров требовала оперативного идеологического обоснования, что не вполне обеспечивалось партийными чиновниками Управления агитации и пропаганды ЦК. Так, часто без серьезных объяснений запрету цензурных органов подвергались одновременно совершенно разные издания фашистской и антифашистской направленности.

Фашистские идеологи не прошли мимо таких поворотов в советской идеологии времен войны. В «Секретной информации для местных партийных руководителей за 1942–1944 гг.» отмечалось: «Сталин мобилизовал в момент наибольшей для себя опасности (Москва, Сталинград) те духовные резервы, которые он до этого осуждал как реакционные и направленные против большевистской революции: любовь к родине, традиция (форма, ордена, звания, “матушка-Россия”, дух народности, церковь), поощряя, тем самым, наивность, тщеславие, гордость и дух сопротивления. Этим изменением политической и идеологической линии и лозунгом “Изгоните немецких оккупантов с родной земли и спасите Отечество!” Сталин добился успеха»[57].

Новые краски и оттенки на черно-белом фоне

1943 г. стал переломным в связи с наступательными операциями Красной Армии. Именно в этот период появляются крупные произведения, в которых осмыслялись события, потрясшие полмира («Нашествие» Леонида Леонова, «Русские люди» Константина Симонова, «Народ бессмертен» Василия Гроссмана и др.). Литературный критик Нельсон В. Белл писал в вашингтонской газете «Пост», что пьеса Симонова «Русские люди» является таким же мощным орудием возбуждения негодования против фашистов в глазах армейской или другой аудитории объединенных наций, каким она является в родной стране. Руководитель репертуарного отдела театра «Гилд» в США Джон Гаснер, постановщик пьесы, заявил, что «она принята на вооружение не только для Красной Армии, но и всеми союзными армиями всех континентов, всех стран». Когда в Америке вышла из печати повесть Ванды Василевской «Радуга», газета «Кроникл» (Сан-Франциско) советовала американцам, которые слишком мало знают о жестокости нацистов, читать «Радугу». «Это железо для укрепления наших душ и сталь для нашей решимости»[58], – писала о «Радуге» чикагская газета «Сан».

Война способствовала выходу многих писателей, журналистов на международную арену, приобретению опыта воздействия на людей с другим мировоззрением и психологией. И до определенного периода взгляды союзников по антигитлеровской коалиции полностью совпадали в оценке и определении общего врага – фашизма и фашистской Германии.

Особое достижение и заслугу советских писателей отметил в своем выступлении на IX Пленуме Правления ССП 5 февраля 1944 г. Николай Тихонов, ссылаясь на высказывание Сталина о том, что «не стало больше болтовни о непобедимости немецких войск, которая имела место в первые дни войны и за которой скрывался страх перед немцами». Благодаря коллективно созданному образу врага «немцы стали понятными, немцы стали нестрашными», а причиной победы над страхом была «ненависть к ним, ненависть тяжелая и никем не стесненная, ненависть, которая движет наш народ к победе», которая привела уже к победе под Москвой и в Ленинграде[59].

Однако даже война, объединив всех мастеров слова в единое целое, не сделала их голоса однообразными и монотонными. Каждый из них понимал свою задачу по-своему, и, несмотря на еще более ужесточенный цензурно-идеологический контроль со стороны партийных органов и Союза, выражал свое представление о мире, войне, фашизме и фашистах с завидной смелостью и постоянством. Критика отличных от общей позиции авторов была жесткой. Так, в записке Александра Е. Еголина, зав. сектором художественной литературы УПА ЦК ВКП(б), утверждалось, что рассказы Михаила Зощенко о войне «по своему содержанию… страдали целым рядом политических ошибок. В этих рассказах автор и герой относились слишком либерально к немцам, развивали чрезвычайно слабую ненависть к немцам со стороны русских людей»[60].

Не вписывался в общий строй и так благополучно начавший Илья Л. Сельвинский[61], политически грубым ошибкам которого (стихотворения «Жена», «Кого баюкала Россия», «Россия», «Эпизод» и др.) были посвящены постановления Секретариата ЦК (15 мая 1943 г., январь–февраль 1944 г.) – начиная от устных предупреждений и кончая отстранением от работы военного корреспондента[62].

Осуждению подвергались произведения, в которых содержалась даже самая слабая попытка осмыслить войну как губительную и разрушительную трагедию для всего человечества и для отдельной личности. Поэтому цензура еще на этапе предварительного контроля избавлялась от произведений сомнительно гуманистической направленности. При этом, если вопросы «нравственные» хоть и весьма сложно, но все-таки могли получить какое-то объяснение, то «политико-идеологические» нарушения усматривались даже в таких текстах:

«В журнале “Наша страна” (№ 11[63], редактор Феликс Кон), в рассказе Михаила Пришвина “Мой корабль” был такой текст: “Медленно так я иду и волшебным ударом освобождаю множество деревьев. Тогда мне кажется – я иду среди порабощенных нуждою людей с вестью о свободе и горько мне думать о людях, что им много тяжелее бывает иногда в их жизни, чем в лесу деревьям заваленным снегом…”; “Не было никакого плана в этом лесном строительстве, никакой задуманной пользы: оно было ни для чего и оттого душа человека, встречаясь с ними, открывалась и весь лес, наполненный бесчисленными фигурками, становился душой человека. Каждый человек мог найти тут свою душу и только бездушный не обращал никакого внимания”. Цензор Еринова эти выдержки сняла»[64].

В этой же цензорской сводке приводится полностью стихотворение Бориса Пастернака «Присяга», которое должно было выйти в журнале «Красная новь», но как «политически двусмысленное» было снято.

Такую же «предварительную цензуру» осуществляли бдительные влиятельные литературные бонзы. Как-то в 1943-м г. в ССП пришел человек в солдатской шинели, с блуждающим взглядом и странной речью; принес свои фронтовые стихи. Это были гениально-безумные строки:

Но не надо же плакать, мой миленький,
Ты не ранен, а просто убит,
Я на память сниму с тебя валенки –
Мне еще воевать предстоит.

Симонов нашел в этих стихах пессимизм и мародерские настроения[65].

Единодушно осуждались стихи Николая Асеева[66], который, по мнению Тихонова, «возводит поклеп на русский народ, и написал стихи, что он не хочет быть убийцей. “А кто хочет. Что же, наш боец – убийца?”»[67]. В записке Начальника УПА Г.Ф. Александрова Секретарю ЦК А.С. Щербакову в полной мере представлены «беспринципность» и «политически вредная» позиция поэта, который всю обстановку в стране считает удручающей и дикой. А в стихотворении «Надежда» Асеев высказывает мысль о том, что «ненависть к врагу преходяща, что, только освободившись от нее, мы снова будем людьми».

Насилье родит насилье,
и ложь умножает ложь;
когда нас берут за горло,
естественно взяться за нож.
Но нож объявлять святыней
и, вглядываясь в лезвие,
начать находить отныне
лишь в нем отраженье свое, –

нет, этого я не сумею,
и этого я не смогу:
от ярости онемею,
но в ярости не солгу!
……
У всех, увлеченных боем,
надежда горит в любом:
мы руки от крови отмоем,
и грязь с лица отскребем,
и станем людьми, как прежде,
не в ярости до кости!
И этой одной надежде
на смертный рубеж вести.

Книга Асеева была запрещена, а стихи его были опубликованы только в 1962 г. По агентурным данным НКГБ СССР Асеев «высказал враждебную реакцию» наряду с другими, подвергшимися критике писателями:

> Написанная мною последняя книга не вышла из печати. Меня по этому поводу вызывали в ЦК, где ругали за то, что не воспитываю своей книжкой ненависть к врагу… Я, конечно, соглашался с ними, но сам считаю, что они не правы. Вступать с ними в борьбу я не видел смысла. Мы должны лет на пять замолчать и научить себя ничем не возмущаться. Все равно молодежь с нами, я часто получаю письма от молодежи с фронта, где меня спрашивают: долго ли им читать «Жди меня» Симонова и питаться «Сурковской массой».

А также высказал общее мнение о литературе: «В России все писатели и поэты поставлены на государственную службу, пишут то, что приказано. И поэтому литература у нас – литература казенная…».

Поэт не раз напрямую обращался в различные инстанции с протестами против редакторского беспредела. В 1942 г. он дважды писал Сталину по этому вопросу и прилагал отвергнутые издателями стихи[68].

Агентурные данные свидетельствовали о «непокорности», которую проявляли и другие писатели в ответ на критику и осуждение своего творчества. Зощенко[69] высказывался следующим образом: «Я считаю, что советская литература сейчас представляет жалкое зрелище. В литературе господствует шаблон. Поэтому плохо и скучно пишут даже способные писатели»[70].

Корней И. Чуковский, по тем же агентурным данным, считал, что «русская литература в условиях деспотической власти заглохла и почти погибла… Зависимость теперешней печати привела к молчанию талантов и визгу приспособленцев – позору нашей литературной деятельности перед лицом всего цивилизованного мира…. Всей душой желаю гибели Гитлера и крушения его бредовых идей. С падением нацистской деспотии мир демократии встанет лицом к лицу с советской деспотией. Будем ждать»[71].

А Константин Федин сравнил современных писателей с патефонами, на которых крутятся и хрипят изготовленные на потребу дня пластинки[72]. Даже Илья Эренбург, осуждающий Асеева за антивоенные стихи, высказывал общее недовольство цензурой и критикой:

> Нам придали большое значение и за нами бдительно следят. Вряд ли сейчас возможна правдивая литература, она вся построена в стиле салютов, а правда это кровь и слезы… Мы, писатели, предали искусство и пошли на время войны в газету. Эта была общественная необходимость, жертва, но этого никто не оценивает. С писателями обращаются черт знает как. Я – Эренбург, и мне позволено многое. Меня уважают в стране и на фронте. Но я не могу напечатать своих лучших стихов, ибо они пессимистичны, недостаточно похожи на стиль салютов. А ведь война рождает в человеке много горечи. Ее надо выразить[73].

Фёдор В. Гладков жалуясь, что в повести «Клятва» все размышления о политической мысли были выброшены «чиновниками Александрова» (имеется в виду уже упомянутый руководитель Управления пропаганды и агитации ЦК – *Т.Г.*), высказался о том, что профессия писателя раньше понималась как «служение», а теперь она воспринимается как казенная служба; писательский труд используется для голой агитации; оценки литературного произведения по его художественным достоинствам не существует; «искусственно создается литературная слава людям вроде Симонова и Горбатова, а настоящие писатели в тени…»[74].

Поэт Иосиф П. Уткин был возмущен партийным управлением поэзией, а В. Шкловский считал, что «проработки, запугивания, запрещения так приелись, что уже перестали запугивать, и люди по молчаливому уговору решили не обращать внимания, не реагировать и не участвовать в этом спектакле»[75].

Своеобразный приговор огласил Лев А. Кассиль: вырождение литературы дошло до предела, а «Союз писателей надо немедленно закрыть, писателям же предоставить возможности собираться группами у себя на квартирах и обсуждать написанное сообразно своим творческим симпатиям и взглядам»[76].

Бдительное око

Пропагандистский «задор» писателей и желание соответствовать социальному заказу многочисленной журналистской братии приводили не только к гиперболизации и мифологизации публицистики, но и к тому, что в печать проникали откровенные фальшивки. Справедливости ради следует отметить, что политорганы армии и НКВД подвергали тщательнейшей проверке все попадавшие в печать публикации с точки зрения достоверности и надежности информации. Так, в декабре 1942 г. редакция «Комсомольской правды» предприняла попытку опубликовать дневник полковников А. Воловика и Л. Лившица, в котором содержались душераздирающие картины зверств фашистов (скальпирование, отрубание голов, пожирание детей и другие извращенные методы убийств). При проверке фактов выяснилось, что это фальшивка, сфабрикованная по фотографиям, которые были обнаружены в одном из немецких блиндажей[77].

Опубликованная в той же «Комсомольской правде» статья Б. Ковалева «Шахтинское дело» (№ 269, 4 ноября 1942 г.) при проверке фактов НКГБ также оказалась откровенной дезинформацией. Как выяснилось, автор никогда не бывал в описываемых местах, а семья Фесенко, об ужасном истреблении которой говорилось в письме (мать посадили на кол, детей сожгли, сестер изнасиловали и пр. ужасы), проживает в другом районе. Между тем статья заканчивалась обращением к братьям, находя-

щимся на фронте: «Отомстите врагу за своих родных, за поругание девушек, за всех, кого повесили на всех столбах!.. Бойцы Красной Армии! Прошу – бейте сильней врага. Уничтожайте его везде. Это не люди, а звери. Им не должно быть места на земле»[78].

Казалось бы, для активизации пропаганды и достижения поставленной цели вовсе не так важна абсолютная достоверность факта, которая ничего существенного не меняла в типологии образа врага. Можно предположить, что такие прецеденты, становившиеся причиной серьезных неприятностей для авторов и редакторов подобных подделок, хотя и не делались достоянием широкой аудитории, являлись, вместе с тем, для остальных серьезным предупреждением, что выполнять свой гражданский и профессиональный долг следует с полной ответственностью за каждое слово и приведенный в публикации факт. Бдительное око не дремлет и следит за каждым «рядовым» пропаганды!

После Ялтинской конференции и раздела Германии на сферы влияния возникла необходимость создать новую пропагандистскую платформу: идеи интернационализма были противопоставлены фашистской идеологии. Следовало переориентировать всю пропагандистскую машину на формирование идеи в массовом сознании советских людей: немецкий народ не виновен в преступлениях фашистов. Это была непростая задача, поскольку на всех предыдущих этапах войны разницы между немецким народом и фашизмом не проводилось. Смена ориентира носила официальный характер, поскольку отражала интересы победившего СССР. Партийные идеологи обосновывали новую идеологему стремлением выступить «против упрощения» антифашистской пропаганды, основой которой должны были служить «патриотизм и пролетарский интернационализм». Этому было посвящено эпохальное постановление «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации»[79]. Одновременно началась широкая пропагандистская кампания по «укреплению и расширению в советских людях духа уважения ко всем народам, интернациональных связей с трудящимися других стран». Так начал реализовываться довоенный план Сталина по насаждению социализма. Появились статьи в «Правде»: «Великая освободительная миссия Красной Армии», «Советский человек за рубежом родной страны» и др., в которых подчеркивалась важность воспитания чувства интернационализма[80].

Черты нового образа врага

В конце войны с целью ослабить сопротивление немцев Сталин решил дать им надежду на национальное выживание. Он подверг резкой критике тему беспощадной мести врагу, ответственности всего немецкого народа за фашизм и его злодеяния. По указанию Сталина «Правда» опубликовала 14 апреля 1945 г. статью Георгия Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает», решавшую важные морально-политические задачи. Поводом для нее послужила статья Эренбурга «Хватит!», опубликованная в «Красной звезде» 11 апреля 1945 г., в которой были такие строки:

> Германии нет: есть колоссальная шайка, которая разбегается, когда речь заходит об ответственности.

Однако необходимо было расколоть доселе единый образ врага на «фашистов» и «немецкий народ». Статья Александрова осуждала Эренбурга – певца ненависти к фашистам, который «на заключительном этапе войны представлял дело таким образом, будто все население Германии должно разделить участь фашизма»[81]. По указанию сверху в очерке «27 апреля 1945 года» Эренбург писал:

> Мы никогда не были расистами. Руководитель нашего государства сказал миру: не за то бьют волка, что он сер, а за то, что он овцу съел. Победители, мы не говорим о масти волка. Но об овцах мы говорим и будем говорить: это длиннее, чем жизнь, это – горе каждого из нас.
> Я еще раз хочу напомнить, что никогда и не думал о низкой мести. В самые страшные дни, когда враг топтал нашу землю, я знал, что не опустился наш боец до расправы. «Мы не мечтаем о мести. Ведь никогда советские люди не станут пытать детей и мучить раненых. Мы ищем другого: только справедливость способна смягчить нашу боль. Мы хотим уничтожить фашистов: этого требует справедливость… Если немецкий солдат опустит оружие и сдастся в плен, мы его не тронем, он будет жить. Может быть, грядущая Германия его перевоспитает, сделает из тупого убийцы труженика и человека. Пускай об этом думают немецкие педагоги. Мы думаем о другом: о нашем труде, о наших семьях. Мы научились ненавидеть, потому что мы научились любить». Когда я писал это, мы были во Ржеве. Я повторю это и теперь, когда мы в Берлине[82].

А 10 мая 1945 г. в статье «Утро мира» Эренбург существенно откорректировал свои прежние позиции и провозгласил такие мысли: «Всем народам найдется место под солнцем. Будет жить и немецкий народ, очистившийся от фашистской скверны… Свободные люди, мы никого не хотим поработить. Не хотим мы поработить и немцев!»[83]

Уже после войны Эренбург еще не раз будет подвергнут критике с разных сторон[84]. Однако даже в самые демократические годы «оттепели», когда гуманизм был в моде, никто из писателей-фронтовиков не посмел оспорить позиции и достижения И. Эренбурга в годы войны. Даниил Гранин, писатель и участник войны, приводит такой случай: «В 1966 г. одна знакомая девушка, случайно прочитав военные статьи Эренбурга, была возмущена – как так можно писать о немцах: “Немцы не люди… отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятие… Нельзя стерпеть немцев. Нельзя стерпеть этих олухов с рыбьими глазами, которые презрительно фыркают на все русское…” – Как не стыдно? – Кому не стыдно? – Как ему не стыдно! Как не стыдно перед немцами. Так обзывать народ, нацию». И далее приводит Гранин свою точку зрения: «Она говорила это в 1966 году. А Эренбург писал в 1942 г., в августе, когда немцы шли на Сталинград, наступали на Северном Кавказе. Я помню, как нужны нам были статьи Эренбурга, ненависть была нашим подспорьем, а иначе чем было выстоять». И признается: «Лично я не умел еще тогда разделять немцев на фашистов и просто мобилизованных солдат, шинели на них были одинаковые и автоматы. Это потом, в сорок четвертом, сорок пятом, стали подправлять, корректировать, разъяснять, и то мы не очень-то хотели вникать. А тогда было так. Были стихи Симонова “Убей его!” и стихи Суркова, статьи Толстого, Шолохова, Гроссмана, – никогда литература так не действовала на меня, ни до, ни после…». И Гранин завершал: «Сейчас это могут еще подтвердить бывшие солдаты и солдатки, с годами это смогут объяснить лишь литературоведы»[85].

Борис Н. Полевой в письме от 21 августа 1970 г. писал о «попытках вычеркнуть Эренбурга из семьи советских писателей-фронтовиков или принизить значение его военной публицистики»; появлялись обвинения в том, что он отождествлял фашистских захватчиков с немецким народом. Полевой возлагал ответственность за это на высшее руководство, приводя высказывание Сталина о том, что если бы не было Эренбурга, то его надо было бы придумать, и оценку Александра Фадеева, сравнивающего его фронтовую работу с достижениями «целой полнокровной дивизии»[86].

Тема освободительной миссии советского народа, Красной Армии, изгнавшей немецко-фашистских захватчиков с советской земли и освободившей народы Европы, воспевание долгожданной победы характерны для 1944–45 гг. Гуманистическое начало и интернациональные традиции становятся главными и определяющими в художественном творчестве. Всеволод Вишневский 12 июня 1944 г. писал в своем фронтовом дневнике:

> Мы, писатели, в 1941–1942 годах дали народу чудовищный заряд ненависти к врагу… Но мы передовики, и у нас есть уже предощущение гуманистическое… Конец войны, мир будет ознаменован не истреблением, не призывом «Убей его!» – а мудрым практицизмом и гуманностью[87].

На деле мы знаем, как реализовывались интернациональные идеи, растиражированные по всему миру. Депортация народов Кавказа, крымских татар. Антисемитизм в противопоставление Эренбургу, который призывал к уничтожению немцев. Генерала армии Алексея С. Жидова Сталин переименовал в Жадова. Однако государственный антисемитизм уже нет-нет, да и проявился своей уродливой гримасой даже во время войны с фашизмом. Так, в записке УПА ЦК ВКП(б), подписанной руководителями – Г.Ф. Александровым и Т.М. Зуевой – в августе 1942 г., секретарям ЦК А.А. Андрееву, А.А. Маленкову и Г.М. Щербакову сообщается о засилии «нерусских кадров в отделах литературы и искусства и центральных газетах». Несмотря на то, что этот вопрос специально не рассматривался, о чем имеется помета, другая помета Андреева – «Вышибить» – свидетельствует о том, что решение по этому вопросу состоялось, если не на бумаге, то в головах партийных лидеров[88].

Весной 1943 г. Фадеев в письме к Вишневскому обвинил Илью Эренбурга в непонимании советского патриотизма и низкопоклонстве перед заграничным[89]; поводом для обвинения была фраза Эренбурга «подлинный патриот любит весь мир»[90]. И именно Фадееву принадлежит заслуга «первооткрывателя» термина «космополитизм». После окончания конференции сионистов и в связи с коренным переломом в ходе войны в ноябре 1943 г. в печати появилась статья Фадеева «О национальном патриотизме и национальной гордости народов СССР»; в ней, термин «космополитизм» был использован в том смысле, в котором он применялся потом во второй половине 1940-х гг[91]. В этом контексте речь шла не о различиях в понимании космополитизма, или даже естественной в этот период германофобии, а об образе врага – вернее, его новой версии, которая уже вырисовывалась на фоне ненависти ко всему инородному, заграничному. Однако традиционно в России «космополитизм» связывался с еврейским вопросом.

Знаменательным для всей послевоенной истории явилось и Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О недостатках в научной работе в области философии»[92] от 1 мая 1944 г., в котором в изощренно пропагандистской форме были подвергнуты

дискредитации основы философии Канта, Фихте и Гегеля. Сквозь словесную мишуру текста постановления и его интерпретации[93] просматривалось отрицание демократических основ управления и либеральных идей стран, с которым СССР бок о бок боролся с фашизмом.

Тезис о том, что необходимо проводить различие между немецким народом и фашистской Германией, особенно активно использовался в пропаганде, которая велась среди немцев, а тезис о двух Германиях был реализован не только в текстах и устной агитации, но и на практике. При непосредственном участии руководства ВКП(б), НКВД и деятелей распущенного Коминтерна[94] в июле 1943 г. был создан Национальный комитет «Свободная Германия», который возглавил поэт Эрих Вайнерт (1890–1953). В него вошли немецкие эмигранты и военнопленные, которые должны были возглавить антифашистский переворот и устроить дальнейшую судьбу Германии[95]. Одновременно усиливается работа с пленными немцами, обращения и выступления которых используются в качестве наиболее эффективной пропаганды, ориентированной на мирное население.

Война рождала войну, кровь – кровь, убийства – только убийства. Советские войска, освобождавшие Европу от фашизма, принесли ее народам вместе со свободой другие страдания. Было бы наивным предполагать, что одним росчерком пера даже самого «товарища Сталина» можно было остановить этот «чудовищный заряд ненависти к врагу» и с помощью политработников разъяснить и довести до сведения каждого рядового бойца, как следует вести себя на территории, освобожденной от фашистских войск, по отношению к пленным и мирным жителям в условиях новых задач завершающего этапа войны. Ужасающую картину грабежей и насилия описывает Лев З. Копелев в своей автобиографической книге «Хранить вечно». Пытаясь остановить беспредел советских войск в Германии, командующий фронтом маршал Константин Рокоссовский издал приказ, которым определялись меры наказания, трибунал, а в необходимых случаях расстрел на месте, за мародерство, насилие, грабеж, убийства гражданских лиц.

«Разве мы о такой победе мечтали? Разве это Красная Армия?» – задавал вопросы своему товарищу Л. Копелев и сам отвечал на них: «Это ж махновщина…» Как майор и заведующий пропагандистской группой Политуправления фронта Л. Копелев изучал фашистскую пропаганду и даже немецкую литературу периода Первой мировой войны; в частности он приводил выдержки из книги «Русские войска в Восточной Пруссии», где указывалось на несколько случаев изнасилований и убийств, за которые виновные казаки были расстреляны. И всякий раз, как подчеркивал немецкий автор, русские офицеры «вмешивались, прекращали, наказывали». Копелев чувствовал стыд и вину за советскую пропагандистскую машину, и в частности – за политработников, «поклонников Эренбурга»; за то, что принесла с собой в освобожденную от фашистского насилия Европу советская «грабь-армия». «Какой мести научили: немкам юбки задирать, грузить чемоданы, добро растаскивать…», – писал Копелев, понимая две основные опасности, которые возникли как последствие войны. Во-первых, общественный резонанс, который мог повредить престижу СССР, а во-вторых, нарастающая сила ненависти воинов-победителей, возвращающихся домой после массовых насилий и убийств простых людей. Высказанные Копелевым тревога и стыд за армию послужили поводом для его ареста; в доносе говорилось, что «он плакал от жалости к немцам, говорил, что т. Сталин ничего не знает о положении, т. к. занят международными делами, называл нашу армию махновщиной, непечатно ругал командование, политработников и тов. Эренбурга»[96].

Однако о фактах мародерства командование советских войск знало не только из доносов, но и в результате перлюстрации писем военнослужащих. Так, в сводках ОВЦ НКГБ приводятся многочисленные факты мародерства, в которых авторы писем не усматривали ничего предосудительного. «У него, мамочка, своя легковая машина и уже чемоданы набиты трофеями, одеждой и обувью, и все для меня», – писала в письме домой военнослужащая Е. Охрименко[97]. Никакие приказы и дисциплинарные меры не могли остановить победное шествие советской армии, «политико-моральное состояние» которой формировалось под влиянием «образа врага» и расценивалось политорганами в лучшем случае как недостаток воспитательной работы.

«Моя война», или психология человека на войне

Если рассматривать пропаганду как направленный коммуникативный процесс, то она представляет собой многофазовую информационную деятельность, важнейшую часть которой составляет ответная реакция аудитории. Её анализ предполагает качественную оценку эффективности системы политического воздействия при формировании массового сознания и мировоззренческих установок. Однако в тех случаях, когда под влиянием внешних субъективных факторов идеологические стереотипы вступали в противоречие с повседневным опытом, происходило их разрушение. На месте прежних, навязанных искусственно извне, возникали новые, имевшие устойчивый и конструктивный характер. Долгие дороги войны, оккупация, плен, работа в Германии, трагические судьбы бывших военнопленных и интернированных в сталинских лагерях – все эти испытания трансформировали образ врага, часто на подсознательном уровне. Одновременно в сознании народа мучительно происходило развенчание мифов, в том числе о «всепобедимости Красной Армии», о «войне малой кровью и на чужой территории» и пр[98]..

Эти сложные процессы, отражающие личные контакты и впечатления, которые сохранили участники и свидетели трагических событий, долгие годы были глубоко запрятаны в воспоминаниях и документах частного характера, отражающих интимную жизнь людей. Цензура и самоцензура не позволяли людям искренне и откровенно делиться своим опытом и наблюдениями военных лет. Именно это порождало в обществе стереотипное представление о характере отношений между людьми в экстремальных условиях. Демократизация раскрепостила только некоторых из них и освободила от чувства страха за любые высказывания, отличные от официально признанных[99].

Совершенным откровением был разговор со случайным попутчиком в поезде Минск–Москва, состоявшийся в 1995 г. Он оказался военным, правда, одетым в штатское. Мы принялись обсуждать как идет перестройка у них в Белоруссии и у нас в России. Зная пристрастие белорусов к социалистическому прошлому, я с опаской ожидала нападок на демократов и воспоминаний о том, «как прекрасно все было при коммунистах». Неожиданно мой собеседник обрушился с обвинениями на бывшую власть, вспоминая рассказы своей старой бабки о том, как они хорошо жили при немецкой оккупации: «И порядок, и не грабят. Евреев, правда, схоранивали[100]. А наши придут, все из избы повынесут, девок снасилуют».

Конечно, сейчас уже доступны источники, по которым можно восстановить, как, на самом деле, люди воспринимали те образы и идеи, которые им навязывались пропагандистской системой. Долгое время было принято определять советскую аудиторию как безгранично доверяющую «голосу правды из Москвы». Это связано, прежде всего, с недоброкачественными социологическими исследованиями и отсутствием источников, свидетельствующих об ином отношении к официальной пропаганде. Однако даже те немногочисленные сведения, которые просочились сквозь время и спецхраны, опровергают хотя бы частично мнение об одноцветном конформизме советского общества. Единичные критические оценки читателей и радиослушателей, в основном, анонимные, рассматривались как враждебные выпады и пересылались в НКВД для дальнейшего расследования.

Информационные сообщения, поступавшие в руководящие партийные органы с мест и обобщавшиеся затем в секретные информационные сводки для политического руководства, содержат многочисленные факты о сложной морально-психологической обстановке, слухах, «нездоровых настроениях», панике, которые возникли в результате отсутствия правдивой, объективной информации о положении на фронте.

В дневниках Владимира И. Вернадского имеются записи первых дней войны, в которых говорится о бездарности и лживости радиосообщений. Конечно, нельзя сравнивать восприятие личности планетарного мышления с реакцией массовой аудитории. Однако немногочисленные дневниковые записи доносят до нас информацию и психологическое состояние людей, которые, несмотря на страх перед НКВД, фиксировали свои ежедневные переживания и заботы[101]. Историк Переславского края М.И. Смирнов (1868–1949) в своем дневнике отмечал общее недоверие людей к официальной пропаганде – «даже в таких слоях, как рабочие и крестьяне» – и считал, что только интеллигенция более доверчива, несмотря на явную для народа ложь даже в таких вопросах как погода. «Несмотря на то, что с месяц стояли здесь морозы в среднем 20–25°С, иногда 27°С, Информбюро ничтоже сумня[ше]ся объявило, что не было морозов свыше 35°С», – писал он в своем дневнике 15 декабря 1941 г. Не менее откровенно он высказывал свое пренебрежение к «сталинским соплям» типа «братья и сестры» и критиковал обращение к образам великих русских патриотов – например, Минина и Пожарского. Тогда как на деле «прах Минина, находившийся в усыпальнице Нижегородского собора, осквернен», «на его месте построен дом Советов, и м[ожет] б[ыть], на месте Минина устроена уборная», – это запись от 6 декабря 1941 г.[102].

Документально собранные свидетельства, приводимые А.И. Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ», также дают определенный социальный срез, который показывает, что общество не было однородным и по-разному проявляло свои симпатии:

> То обожествление Сталина и та вера во все, без сомнения и без края, совсем не были состоянием общенародным, а только – партии; комсомола; городской учащейся молодежи; *заменителя* интеллигенции (поставленного вместо уничтоженных и рассеянных); да отчасти – городского мещанства (рабочего класса)… Именно с 30-х годов рабочий класс стал главным костяком нашего мещанства, весь включился в него. Как впрочем, и большая часть советской интеллигенции, у кого не выключались репродукторы трансляции от утреннего боя Спасской башни до полуночного Интернационала, для кого голос Левитана стал голосом их совести… Однако было и городское меньшинство, и не такое уж маленькое, во всяком случае, из нескольких миллионов, кто с отвращением выдергивал вилку из

радиотрансляции, как только смел; на каждой странице каждой газеты видел только ложь, разлитую по всей полосе; и день голосования был для этих миллионов днем страдания и унижения…

Сказав о городе, не упустим теперь и о деревне…, несравнимо трезвее города, она нисколько не разделяла обожествления батьки Сталина (да и мировой революции туда же)… В одном селе Рязанской области 3 июля 1941 собрались мужики близ кузни и слушали по репродуктору речь Сталина. И как только доселе железный и такой неумолимый к русским крестьянским слезам сблажил растерянный и полуплачущий батька: «Братья и сестры!..», – один мужик ответил черной бумажной глотке: – А-а-а, б…дь, а *в о т* не хотел, – и показал репродуктору излюбленный грубый русский жест, когда секут руку по локоть и ею покачивают. И загоготали мужики. Если бы по всем селам да всех очевидцев опросить, – десять тысяч мы таких бы случаев узнали, ещё и похлеще[103].

Такие настроения объяснялись трудностями развития советского общества в предвоенный период. Об этом свидетельствуют приводимые в сводках НКВД высказывания людей, которые выражают и ненависть к коммунистам, и антисемитизм, особенно проявившийся с началом войны, и живую память злодейств коллективизации, и недовольство социально-экономической политикой – денежными займами, увеличением рабочего дня, бюрократизмом. Эти примеры, свидетельствующие об относительной устойчивости человеческой психики к идеологической лоботомии, заставляли систему в целях самосохранения все больше узурпировать коммуникативные каналы и подвергать тотальному контролю все формы и проявления партийно-массовой и агитационной работы. Так, в обязанность ответственных членов партии вменялось не только проведение политинформаций, чтений сводок Совинформбюро, но и «выкрикивание лозунгов “За Родину!”, “За Сталина!”, “Вперед!”». При этом, как свидетельствуют отчеты политотделов армий, «были случаи, когда коммунисты, находившиеся около агитаторов, провозглашавших лозунги, не подхватывали их и не делали достоянием своих соседей»[104].

Сухие отчеты и сводки политотделов армий доносят до нас «антисоветские высказывания» и даже действия красноармейцев («срывание со стены и топтание портрета товарища Сталина»[105]). Высказывания типа «Наше правительство безголовое, продукты до войны отправляли в Германию, а теперь живем за счет Америки» и «Все говорят, что немцев плохо кормят. А здесь кругом валяются банки из-под консервов, коробки из-под сигарет и видно, что немцев снабжали хорошо»[106] были достаточно массовым явлением в Советской Армии.

Воспоминания Т. Серегиной, которая в 15-летнем возрасте попала в Германию из родного Николаева, свидетельствуют о том, как много ей пришлось испытать. Поначалу все было даже интересно. Не было ни страха, ни слез. И Германия не воспринималась адской страной, а, наоборот, сказочной, чистой и уютной. Первое впечатление о Германии: «…Красота! Все чистенько, аккуратно. Контраст большой – Россия вся разбита. Остановились рядом с вокзалом – немочки бегут красивые, модные. Казалось, так красиво, так ярко, состояние как у ребенка, первый раз попавшего в музей. Чувство патриотизма, которое у нас воспитывали в школе, куда-то улетучилось». Работали, подметали и мыли мылом тротуары. Местные жители подкармливали бутербродами. Дружили с итальянцами, которые хорошо знали немецкий. Потом девушка работала у пекаря, где пекли хлеб для военнопленных, причем, немцы работали вместе с ними наравне. Но с особым чувством обиды она вспо-

минает неразбериху последних месяцев войны. «Когда ехали домой, русские солдаты издевались, насиловали, обзывали немецкими суками. Жуткие издевательства, вспомнилась Германия, но там – немцы, а здесь – наши. Всю оставшуюся жизнь слышала: “А вам лучше помолчать, Вы в Германии были, еще неизвестно, чем вы там занимались”»[107].

Игорь Б. Паншин[108] вспоминает курьезный случай своего пленения и дальнейшее пребывание в плену, опровергая сложившийся стереотип поведения человека, окруженного врагами и желающего выжить. Немцы застали его в сарае в тот момент, когда его мучил очередной приступ дизентерии. Перед ним был выбор: убивать немца или нет в такой ситуации. «В общем немцы узнали, что я говорю по-немецки, а я узнал новое для себя слово “понос”… И очень обрадовались такому интересному случаю взятия в плен. И отнеслись ко мне самым любезным образом: привели в часть и немедленно стали меня лечить». Вся его остальная судьба в плену была определена выбором линии поведения – максимум дружественного общения для того, чтобы получить максимум информации для своего спасения. Так, случайно в присутствии немцев услышали по радио пение Натальи Шпиллер, родной тетки Паншина. Немцы удивились, «баронесса фон Шпиллер?» Так узнали о его немецком происхождении. Затем он женился на немецкой девушке Александре Райнхард, благодаря которой решился вопрос с гражданством.

О философии этого «сотрудничества и компромисса» Паншин вспоминает в связи со случаем под Смоленском, где он «гулял» с немецким генералом Кульманом, вооруженный винтовкой. «Отошли так километра полтора. Вот она, возможность побега: очередь в спину, документы генераловы забирают – и в лес. К тому же вооружен. Довольно неприятная акция, но она возможна. Я даже в какой-то момент навел на генерала автомат, а потом передумал. Ну, ухлопал бы я этого генерала. А дошел бы до своих – еще неизвестно. Результат какой? Немцы бы расстреляли полсотни, а то и сотню военнопленных, а я, если бы перешел через линию фронта, ничего бы не доказал. Посчитали бы немецким шпионом и…»[109].

Здоровый рационализм и желание выжить ставили перед человеком проблему выбора; с противником он сталкивался зачастую не на линии фронта и не на газетной полосе, а лицом к лицу, когда один взгляд друг другу в глаза решал их судьбу и заставлял опускать винтовки.

Трансформацию образа врага через личный опыт отражает уникальный образец народного повествования – «наивное письмо» Е.Г. Киселевой. Несмотря на избыток самоцензуры, картина апокалипсиса войны нарисована брейгелевскими красками[110]: «На передовой у Войну я вылезла из окопа после боя. Наши отбили от немцев Новозвановку был сильный бой, те салдаты когда мы бежали в Блиндаж, немецкие салдаты тянули телефонную проволоку, а ещё один солдат взял моего рибенка и подал мне в Блиндаж, но я его боялся думала застрелить нас, но обошлось без страха он нас нетронул, после их, заняли наши, сколь после боя набитых людей было, што овци лежать после пасбища отдыхают, хлопци радисты Немецкии и Наши хто ещё живой а раненые кричать спасите страшный суд»[111]. Всеобщая материнская жалость к убиенным, молодым и сильным, сжигает сердце русской женщины: «Учера мне сын Анатолий прислал письмо и фото из сибя я наниво смотрю он в форме милицейской старший летенант созвездочками на питлицах поставила перед соббой на столе и смотрю сколько таких, молодых людей погибло в Отечественую Войну. начиная из 41 по 45 г. и невижу за слезами ничиво как только жалко дитей и вобще родных»[112].

Семантический анализ текста выявляет отдаленность этой социальной группы от Большой истории. Имена довоенных вождей отсутствуют. Имя Ленина упомянуто два раза, Сталин упоминается один раз в связи с войной: был «милостив и доверчив», не подозревал, что Гитлер – «игаист человеческого существования»[113].

Политический дискурс возникает только при появлении Телевизора как фактора общения, заменившего окружающих близких людей и соседей: «Сичас сижу и смотрю Телевизор как Брежнев Л.И. в Германии с нашим посолством и ему вручают Хорекен (имеется в виду Хонеккер – *Т.Г.*) германский руководитель страной орден высшей наградой германской Демократической республики, а также сьехались социалистические страны руководители, смотрю наних все люди как люди, нет разници мижду народамы, а вот на немцов немогу смотреть равнодушно аны нашы враги а типерь цилуют нашего любимого защитника мира Брежнева Л.И. как вроде такие хорошие гады проклятие розкрываются мои раны хотя оны комунисти, сидят на креслах в дворцах культуры жизнерадосные одети прилично а мне все кажится оны в тех шинелях в зелених, в сапогах с подковамы, который очувается ихний стук шагов и собственая пичаль на душе томится до сих пор, и все думается что оны нас обмануть как в 1941 году»[114].

Вообще она иностранным руководителям не очень доверяет, но, с другой стороны, люди есть люди хоть «аны нашы враги»[115].

Враг (нечеловек) превращается не в друга, но в человека, хотя в памяти нередко воскресают картины пережитого, противоречивые для ее сознания, когда «немцы» и «советские» вместе хоронят, вместе вытаскивают корову из подвала. Военная судьба объединяет людей стремлением выжить и чисто человеческими качествами. Напротив, Е.Г. Киселева приводит примеры жестокости и равнодушия односельчан; но, делая выводы, она благодарит представителей власти за то, что выжила, расставляя привычные акценты в определении врагов.

Пораженье от победы

Вторая мировая война была развязана тиранами XX века, бросившими народы в горнило войны ради исполнения своих замыслов, а ее исход был решен нечеловеческими усилиями и жертвами миллионов простых людей, которые вопреки просчетам политиков и идеологической пропаганде нередко сами определяли для себя общечеловеческие ценности и идеалы. Спровоцированная с обеих сторон истерия ненависти сыграла свою роль в поднятии духа воинов и формировании стереотипов. Однако эта ненависть, замешенная на крови и убийствах четырех лет войны, породила гигантскую тень, которая легла тяжелым испытанием на оба народа в послевоенный период. Советская пропаганда, попытавшаяся на освободительном этапе войны вернуться к привычным идеологическим стереотипам «интернационализма и гуманизма», столкнулась с глухим неповиновением армии, опьяненной бегством противника и воспитанной в духе ненависти и мести.

«Образ врага» был составляющей такого понятия, как «советский патриотизм», который подразумевал гордость за страну, лояльность к ее политике и экономике и ненависть ко всему окружающему. Формируя государственную идеологию советской империи, «образ врага» трансформировался в зависимости от политической ситуации.

Бригада писателей на фронте. В центре – Борис Пастернак и А.С. Серафимович, сентябрь 1943 г.

Главное, что массовое сознание было полностью подготовлено к восприятию пропагандистских мифов и стереотипов[116].

С другой стороны, испытания, которые народ претерпел от власти коммунистов – т. е. информационная реальность – способствовали возникновению самостоятельного мышления, которое при определенных обстоятельствах противоречило тотальной политической пропаганде и проявлялось в различных формах сопротивления. Уже на завершающем этапе войны проступили черты нового «образа врага», который определил картину мира и стал компонентом «холодной войны» – противостояния ядерных супердержав и их блоков с 1947 по 1991 гг.[117]. В этой войне немцев «своих», социалистических, и чужих, «капиталистических», различали уже по принципу принадлежности к той или иной системе.

Творческая интеллигенция, и прежде всего писатели, которые были использованы в качестве создателей этой идеологии, слишком поздно осознали роль, которую они привычно исполнили под руководством и при непосредственном участии партийных руководителей. Надежды фронтовиков были разрушены вскоре после возвращения домой: одних ждали штрафбаты и лагеря, других – тяжелые физические и душевные страдания и болезни, всех остальных – голод и тяготы послевоенных лет. Все чаяния на коренные изменения в обществе после Победы, так сильно вдохновлявшие их эти годы, были утрачены, «ответом был торжествующий сталинский византизм… Машина крутилась»[118]. А в образе врага был воплощен интеллигент – «антипатриот, космополит, перерожденец». Ему, как и всем вернувшимся из плена или немецкой оккупации, не доверяли; их проверяли, подозревали[119]. Примечательно, что даже те писатели, которые выполняли политический заказ и внесли наибольший вклад в унификацию массового сознания в годы войны, не раз сами становились такими «образами», подвергаясь критике и цензурным гонениям.

Эренбург в течение всех послевоенных лет вплоть до самой смерти постоянно испытывал давление и критические выпады с разных сторон. Так, было запрещено напечатать в журнале «Новый мир» (1963, № 2) вторую часть пятой книги Эренбурга «Люди, годы, жизнь», посвященную событиям 1943–1944 гг. В записке Отдела

культуры ЦК КПСС (А. Романов, Д. Поликарпов, А. Галанов) говорилось, что автор слишком много внимания уделяет отрицательным явлениям и тенденциям общественной жизни страны, следствиям культа личности Сталина. Но главной ошибкой, по мнению партийных цензоров, было его утверждение, что в атмосфере военных побед проявились тенденции отхода от принципов пролетарского интернационализма, стал насаждаться великодержавный шовинизм, получили поддержку антисемитские настроения. Считалось, что Эренбург «раздувал» «еврейский вопрос», намекая, что лица еврейской национальности подвергались гонениям по обе стороны фронта: с ними зверски расправлялись фашисты в оккупированных областях (автор приводил много таких фактов, называя точное число жертв), но с ними обращались несправедливо и в советском тылу. Писателей травили в печати, журналистов и дипломатов не жаловали на работе, самому Эренбургу запрещали писать о боевых делах евреев – воинов Советской Армии…[120].

Указывалось, что еще в первую часть пятой книги мемуаров, которая была опубликована в «Новом мире» в январе 1963 г., Эренбург под воздействием указаний ЦК партии уже внес поправки, которые касались его утверждений о государственном антисемитизме – например, об аресте участников еврейского антифашистского радиомитинга. Также была внесена поправка в реплику Литвинова, которая содержала прозрачный намек на развивавшийся в стране антисемитизм[121].

Похожие «трудности» пережил и Константин Симонов[122].

Фашистская идеология, с которой так яростно боролись советские писатели, в декорированной форме была свойственна коммунистическому руководству, лицемерно заявлявшему о верности принципам интернационализма. Двойная мораль порождала в обыденном сознании феномен слияния образов врага, своего и чужого, и, как результат – особенностей национальной психологии; чувство жалости к поверженному врагу постепенно вытесняло угнездившуюся ненависть[123]. Недаром многие вспоминают шествование пленных немцев по улицам Москве, во время которого москвичи, потрясенные зрелищем поверженного врага, молча провожали взглядами темные сгорбленные фигуры, а женщины со слезами на глазах протягивали им хлеб. В этом смысле символична сцена, которая запечатлелась в памяти Ю. Борева[124].

Навстречу следовавшим по дороге военным двигалась колонна пленных. Сначала подумали, что ведут пленных немцев, ощерились; потом, подойдя ближе, поняли, что «свои», арестанты под конвоем, вроде тоже «враги». Одни смотрели виновато, другие зло, но объединяла всех [одна песня «Вставай, страна огромная!»] общая судьба жертв пропаганды и войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исследования в этой области различают и более разветвленную типологию, опирающуюся на различные уровни познания и психологию восприятия. Ср. в т. ч.: *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. – М., 1979; *Копелев Л.З.* Чужие // Одиссей. Человек в истории. Образ «другого» в культуре. 1993. – М., 1994; *Поляков Ю.А.* Почему мы победили? О массовом сознании в годы войны // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 62–81; *Щепетов К.* Немцы – глазами русских. – М., 1995; *Жбанкова Е.В.* Образ иноземного захватчика в русском творчестве // Россия и Запад: диалог культур. 3-я междунар. конференция. 28–30 ноября 1996 г. – М., 1997 и др.

[2] *Яковлев Н.* 1 августа 1914 г. – М., 1974. С. 65.

[3] *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М., 1999. С. 260–261.

[4] *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Воспоминания: В 3-х т. – М., 1990. Т. 1. С. 225–228.

[5] РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Д. 1113. Л. 15, 18.

[6] *Сталин И.В.* Речь в Большом Кремлевском дворце 5 мая 1941 года // Искусство кино. 1990. № 5. С. 10–16; *Сталин И.В.* «Современная война – армия наступательная. Выступления И.В. Сталина на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий, май 1941 г. // Исторический архив. 1995. № 2. С. 23–31; Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? / Под ред. *Бордюгова Г.А.*; Сост. *Невежин В.А.* – М., 1995; *Афанасьев Ю.Н.* Другая война: история и память // Война 1939–1945. Два подхода. – М., 1995; *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. – М., 1997.

[7] Ср. *Hermann Rauschning*. Gespräche mit Hitler. – Zürich – New York, 1940. S. 15.

[8] *Борев Ю.* Сталиниада. – М., 1990. С. 208–209.

[9] *Klaus Scheel.* Krieg über Ätherwellen. – Berlin, 1970. S. 174.

[10] *Острогорский В.М.* Правда против лжи. Московское радио в немецком эфире. 1917–1980 гг. – М., 1982. С. 128.

[11] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 115. Л. 159; Отечественная история. 1995. № 2. С. 61.

[12] Там же. Л. 124; Отечественная история. 1995. № 2. С. 80.

[13] *Вишневский Вс.* «…Сами перейдем в наступление, в нападение»: Из дневников 1939–41 годов // Москва. 1995. № 5. С. 103–110. Ср. в т. ч. в этом издании: *Владимир Невежин.* Образ врага в представлении комбатанта. Т. 1

[14] Политбюро ЦК ВКП(б) 15 сентября 1933 г приняло Постановление «Об усилении охраны военных тайн» (Протокол Политбюро № 145, п. 15). В результате организации военной цензуры Главлит в этой части своей деятельности стал подотчетен СНК СССР. Постановлением Совнаркома СССР в ноябре 1933 г. было утверждено «Положение об уполномоченном СНК СССР по охране военных тайн в печати и об отделах военной цензуры». Руководство отделом охраны военных тайн в печати на территории всей страны осуществлялось уполномоченным СНК СССР, который одновременно являлся начальником Главлита. При уполномоченном был создан самостоятельный отдел военной цензуры (ОВЦ), работающий под его непосредственным руководством. В союзных республиках военную цензуру осуществляли отделы при начальниках Главлитов республик. Все мероприятия и реорганизации в структуре Главлита были, прежде всего, направлены на то, чтобы вся предварительная цензура проводилась только сотрудниками этого ведомства. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 37. Л. 41–42). В начале 1940 г. был организован Военный отдел в Радиокомитете при СНК СССР (Архив ОРТ. Оп. 1 л/с. Д. 102. Л. 126).

[15] *Гиренко Ю.С.* Сталин – Тито. – М., 1991. С. 211–217.

[16] О создании института цензуры в Польше по образу и подобию советского Главлита. см.: *Горяева Т.М.* Блицкриг в Польшу // Исключить всякие упоминания… Очерки истории советской цензуры. – М., 1995. С. 107–138.

[17] *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго. Роман. – Париж: Societe d'Edition et d'Impression Mondiale, 1959. Т. 2. С. 586–587.

[18] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 16. Д. 132. Л. 2–3.

[19] *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч. 15 Т., здесь Т. 14. – М., 1950. С. 102.

[20] *Лазарев Л.И.* «Как бы ни была горька…» // Коммунист. 1991. № 8. С. 24–42.

[21] См. об этом: *Д.Л. Бабиченко.* И. Сталин: «Доберемся до всех» (Как готовили послевоенную идеологическую кампанию. 1943–1946 гг.) // Исключить всякие упоминания… (сн. 16). С. 139–189 и др.

[22] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 17. Д. 69. Л. 1–44.

[23] Из записки Главпура в ЦК ВКП(б) в январе 1941 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 28. Л. 1–17.

[24] *Кормер В.* Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 77–78.

[25] *Erich Weinert.* Um Deutschlands Freiheit. Literarische Arbeiten aus der Zeit des Zweiten Weltkrieges. – Berlin (Ost), 1958. S. 302–305.

[26] *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. – М., 1999. С. 15.

[27] *Joseph Goebbels.* Deutschland im Kampf. – Berlin, 1943. S. 83–84.

[28] Подробнее об этом в статье автора «Советское радио в дни войны».

[29] *Goebbels J.* Указ. соч.; Das Reich. 4 Juni, 1944.

[30] Фриц Заукель (1894–1946) – один из руководителей НСДАП. В 1933–1945 гг. был председателем имперского правительства (рейхсштатхальтером) Тюрингии, одновременно занимал долж-

ность генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Был приговорен к смертной казни в 1946 г. в Нюрнберге по обвинению в депортации и использовании принудительного труда более 5 млн. человек из оккупированных областей.

[31] Текст от 3 марта 1943 г., сохранившийся в архиве гитлеровской службы радиоперехвата на диске, цитируется по кн. *Острогорский В.М.* Правда против лжи (сн. 10). С. 152–153.

[32] *Калинин М.И.* О коммунистическом воспитании и воинском долге. – М., 1957. С. 482.

[33] *Шолохов М.* Собр. соч. 8 томов. М. 1956–1960, здесь Т. VIII. – М., 1959. С. 13, 19, 23.

[34] Там же. С. 24.

[35] Из письма К. Симонова В.В. Томскому. 7 июня 1963 г. // *Симонов К.* Письма о войне 1943–1979. – М., 1990. С. 194.

[36] Цит. по *Марьямов Г.* Кремлевский цензор. – М., 1992. С. 84.

[37] «Что мы защищаем» (27 июля 1941 г.), «Лицо гитлеровской армии» (31 августа 1941 г.), «Родина» (7 ноября 1941 г.), «Славяне, к оружию» (4 апреля 1942 г.), «Вера в победу» (20 июня 1942 г.), «Смерть рабовладельцам» (5 августа 1942 г.), «Разгневанная Россия» (10 декабря 1942 г.), «Красная Армия наступает» (12 февраля 1943 г.), «Салют победы» (6 августа 1943 г.), «Русская сила» (25 августа 1943 г.).

[38] *Кононыхин Н.К.* Партийная и советская печать в период Великой Отечественной войны. – М., 1960. С. 41.

[39] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 213. Л. 75–82.

[40] *Калинин М.И.* О коммунистическом воспитании и воинском долге. – М., 1957. С. 538.

[41] Вот только некоторые названия его фронтовой летописи: «Враги» (1941 г.), «Людоеды» (1941 г.), «Заправилы фашистской Германии. Адольф Гитлер» (1942 г.), «Ненависть» (1942 г.), «Убей» (1942 г.), «Убей немца» (1942) г., «Немцы» (1943 г.) и др.

[42] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 47. Л. 20–24.

[43] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 551. Л. 14 об.; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 279. Л. 39.

[44] *Эренбург И.* Бешеные волки. – М., 1941. С. 9, 18.

[45] *Эренбург И.* В фашистском зверинце. – М., 1944. С. 2.

[46] Писатели в Отечественной войне. 1941–1945 гг. Письма читателей. – М., 1946. С. 66, 83–84.

[47] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 26, 29.

[48] От Советского информбюро… 1941–1945. Публицистика и очерки военных лет. В 2-х т. Изд. 2-е. – М., 1984. Т. 1. С. 14; Т. 2. С. 458–459.

[49] Василий Ян (1874/75–1954) – автор исторических романов «Александр Македонский», «Чингиз-хан» и др.

[50] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 68. Л. 150 с об.

[51] *Эренбург И.* Долг искусства // Литература и искусство. 1943. 3 июля.

[52] *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде (сн. 26). С. 17.

[53] *Максакова Л.В.* Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. – М., 1977. С. 168.

[54] РГАЛИ. Ф. Ф. 631. Оп. 15. Д. 626. Л. 9.

[55] *Бордюгов Г.А.* Великая Отечественная: подвиг и обманутые надежды // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. – М., 1991. С. 259–264, 272.

[56] *Фадеев А.А.* Собр. соч. в 7-ми т. – М., 1971. Т. 5. С. 362.

[57] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 322. Л. 119; *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. – М., 1999. С. 18.

[58] Война и рабочий класс. 1945. № 3. С. 16.

[59] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 279. Л. 19.

[60]РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 460. Л. 82 об. – 84. См об этом: *Бабиченко Д.Л.* Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. – М., 1994.

[61]Илья Л. Сельвинский (1899–1968) – писатель, поэт и драматург, который в своем поиске экспериментальных форм следовал за Маяковским; в 1926–1930 гг. возглавлял группу поэтов-конструктивистов.

[62] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 384. Л 143–148; Оп. 125. Д 212. Л. 67–69.

[63] Имеется в виду 1941 год.

[64] ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 26. Л. 10–11.

[65] *Борев Ю.* Сталиниада. – М., 1990. С. 229.

[66] Николай Асеев (1889–1963) также был другом Маяковского и входил в группу футуристов.

[67] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 279. Л. 62.

[68] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 119. Л. 59–65. Вопросы литературы. 1991. № 4.

[69] Михаил Зощенко (1895–1958) входил в литературное объединение «Серапионовы братья», в 1946 г. был исключен из Союза писателей, в 1957 г. частично реабилитирован.

[70] По агентурным данным… С. 92.

[71] Там же. С. 92–93.

[72] Там же. С. 93.

[73] Там же. С. 95.

[74] Там же.

[75] Там же. С. 96

[76] Там же.

[77] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 213. Л. 1–14.

[78] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 213. Л. 19–24.

[79] Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). – М., 1947. С. 467.

[80] Правда. 1944. 20 ноября; 1945. 26 марта.

[81] Правда. 1945. 14 апреля.

[82] В одной газете. Константин Симонов и Илья Эренбург. Репортажи и статья 1941–1945. 2-е изд. / Сост. Л. Лазарев. – М., 1984. С. 308–309.

[83] Правда. 1945. 10 мая.

[84] В январе 1956 г. И. Эренбург был вызван на беседу в ЦК в связи с «несовместимостью взглядов [Эренбурга] с идеологией и политикой партии в области литературы и искусства». Поводом для «проработки» в ЦК послужила встреча с венгерскими писателями, на которой И. Эренбург заявил, «что он больше всего на свете не любит красного карандаша редактора», пренебрежительно высказывался о современной советской прозе, ориентированной на социальный заказ. В записке Отдела культуры ЦК КПСС от 4 января 1956 г., завизированной М.А. Сусловым, П.Н. Поспеловым, А.Б. Аристовым, Н.И. Беляевым, даются резкие оценки «непозволительного поведения» писателя, которое было обсуждено при личной беседе с Д. Поликарповым и Н. Рюриковым. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 3. Л. 67–70).

[85] *Гранин Д.* Примечание к путеводителю. – Л., 1967. С. 152.

[86] Письмо Б.Н. Полевого в СП СССР по поводу увековечения памяти И. Эренбурга – сооружения мемориальной доски на доме, где жил и умер писатель. (РГАЛИ. Ф. 2924. Оп. 2. Д. 273. Л. 6–8.)

[87] *Вишневский Вс.* Собр. соч. Т. 4. – М., 1958. С. 586–587.

[88] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 1256. Л. 26–29.

[89] *Симонов К.*, *Эренбург И.* В одной газете. – М., 1984. С. 103.

[90] *Фадеев А.* (см. сн. 58). С. 140–141.

[91] *Фадеев А.А.* О национальном патриотизме и национальной гордости народов СССР // Под знаменем марксизма. 1943. № 11. С. 34–35.

[92] О недостатках в научной работе в области философии; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1050. Л. 145–152.

[93] О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца 18 и начала 19 века // Большевик. 1944. № 7–8.

[94] Для того, чтобы доказать союзникам свою добрую волю и отсутствие стремления «обольшевичить» страны Европы, по настоянию Сталина, в мае 1943 г. Коминтерн был распущен.

[95] «Новая Германия не сможет существовать без помощи СССР». Пленный немецкий генерал о послевоенной ситуации // Источник. 1996. № 1. С. 48–61.

[96] *Копелев Л.З.* Хранить вечно. – М.: Вся Москва, 1990. С. 130–131; по-нем. *Lew Kopelew.* Aufbewahren für alle Zeit! – München, 1979. S. 138.

[97] ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 90; Новые штрихи к работе политорганов в годы Великой Отечественной войны // Отечественные архивы. 1992. № 1. С. 105.

[98] Москва военная. 1941 год… (Новые источники из секретных архивных фондов) // Отечественная история. 1991. № 6. С. 101–122.

[99] Именно этим объясняется то, что практически все фронтовики, которые соглашались дать устные интервью-воспоминания, например, для «Народного архива», в предварительных беседах

рассказывали одно, а при появлении перед ними микрофона начинали произносить привычные и навсегда заученные фразы.

[100] В смысле «прятали».

[101] См. об этом: *Сенявская Е.С.* Психология войны… (сн. 3). С. 260–280.

[102] *Смирнов Е.Я.* Московский дневник М.И. Смирнова периода Великой Отечественной войны // Археографический ежегодник за 1997 год. – М., 1977. С. 326–333.

[103] *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ // Малое собр. соч. – М., 1991. Е. 7. С. 18, 20.

[104] ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 58. Л. 415–416, 403, 427; Новые штрихи к работе политорганов в годы Великой Отечественной войны // Отечественные архивы. 1992. № 1. С. 99.

[105] ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 52. Л. 139–130; Новые штрихи к работе политорганов в годы Великой Отечественной войны // Отечественные архивы. 1992. № 1. С. 102.

[106] ЦАМО РФ. Ф. 372. Л. 151; Д. 51. Л. 195–196; Новые штрихи к работе политорганов в годы Великой Отечественной войны // Отечественные архивы. 1992. № 1. С. 102–103.

[107] Женская судьба в России. Документы и воспоминания / Б.С. Илизаров, Т.М. Горяева. – М., 1994. С. 134–143.

[108] *Паншин И.Б.* (1914–1996), в молодости генетик, работавший с Н.И. Вавиловым, Н.К. Кольцовым, а затем в 1943–1945 гг. в Берлине с Н.В. Тимофеевым-Ресовским. Будучи формально сотрудником немецкого уранового проекта, вместе с Н.В. Тимофеевым подготовил и обеспечил переход на советскую сторону немецких атомщиков и биофизиков в 1945 г. Арестован НКВД. После отбытия заключения остался в Норильске, работал фотографом.

[109] *Горяев И.Е.* Судьбы людские (интервью с И.Б. Паншиным) // Репрессированная наука. Вып. II / Под общ. ред. М.Г. Ярошевского. – СПб., 1994. С. 252–267.

[110] В цитате сохранена орфография подлинника.

[111] ЦДНА. Ф. 115. Д. 2. Л. 73.

[112] Там же. Л. 73.

[113] Там же. Л. 12.

[114] Там же. Л. 11–12.

[115] Там же. Л. 69.

[116] *Волобуев О.В.* Советский тоталитаризм: образ врага // Тоталитаризм и личность. – Пермь, 1994; *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. – М., 1997. С. 114–148; 196–215; *Громов Е.С.* Сталин: власть и искусство. – М., 1998. С. 320–335; *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. – М., 1999.

[117] *Лельчук В.С.*, *Пивовар Е.И.* Конфронтация двух систем и менталитет советского общества // СССР и холодная война. – М., 1995; *Филитов А.М.* «Холодная война». Историографические дискуссии на Западе. – М., 1991.

[118] *Кормер.* Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура (сн. 24). С. 77–78.

[119] УПА ЦК ВКП(б) запретил публикацию в журнале «Знамя» стихов Я. Смелякова, который «после плена проходит проверку в лагере». (РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 13. Д. 5. Л. 66).

[120] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 44. Л. 14–15.

[121] Там же. Л. 13–16.

[122] См. об этом: *Лазарев Л.И.* Писать правду о войне – как это было. Константин Симонов и цензура // INDEX. Досье на цензуру. 1998. № 3. С. 133–147.

[123] После войны писатели и публицисты были подключены к работе СВАГ для «анализа духовного состояния немецкого народа» и установления новых взаимоотношений с немцами, находящимися на советской территории. (Из письма Вс. Вишневского в СВАГ от 3 июля 1946 г. РГАЛИ).

[124] *Борев Ю.* Сталиниада. – М., 1990. С. 210.

Карола Тишлер

«ГОЛОС ПРИЗРАКА» И ДРУГИЕ ГОЛОСА. Радио как оружие в Великой Отечественной войне

В 1929 г. Московское радио начало передачи на немецком языке. С 1932 г. их выпуском руководил Всесоюзный радиокомитет (ВРК) при поддержке Коммунистической партии Германии и Коммунистического Интернационала. И для Радиокомитета, и для Коминтерна эти трансляции были только частью направленной вовне пропаганды, которой, впрочем, не всегда уделялось достаточно внимания. С сентября 1939 г. главным делом стало прослушивание передач иностранных радиостанций. Ситуация в корне изменилась в июне 1941 г., после нападения вермахта на Советский Союз. С этого времени радио, как ни одно другое средство массовой информации, находилось в центре внимания советской стороны и пребывавшего в эмиграции руководства КПГ. Число работников немецкой редакции Ино-радио резко возросло, как и количество выпускаемых в эфир передач. Транслировалось немалое число подготовленных Коминтерном оригинальных программ, которые должны были служить орудием психологической войны. В течение 1941 г. начали выходить в эфир «Штурмадлер» – передача для немецкой молодежи, «Штурмовик Ганс Вебер» – специальная передача для членов нацистской партии. Обе эти передачи в 1942 г. был переданы редакции главного передатчика КПГ – «Дойчер фольксзендер» (ДФЗ). После того, как летом 1943 г. был основан Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ), начала работу радиостанция под аналогичным названием.

За месяц до начала войны, в мае 1941 г., председатель Радиокомитета Г.И. Стуков[1] и отвечавший за работу Ино-радио Колмаков обратились в ЦК ВКП(б) с предложением о централизации партийного руководства заграничным вещанием. Это предложение оказалось реализованным куда быстрее, чем ожидалось. Уже 24 июня СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о создании Советского информационного бюро, под началом которого сосредотачивалась вся внутриполитическая и внешнеполитическая информация[2]. Начальником Совинформбюро был назначен А.С. Щербаков (одновременно являвшийся секретарем ЦК), в числе его заместителей был Д.А. Поликарпов – преемник Г.И. Стукова на посту председателя Радиокомитета[3]. В задачу Совинформбюро входили не только централизованная разработка материалов для печати и радио, но и организация контрпропаганды, противостоящей немецкой и иной враждебной пропаганде, равно как и подготовка обзоров о ситуации на фронтах на базе данных Верховного Главнокомандования. Чтобы изолировать советское население от других источников информации, в начале войны были конфискованы все радиоприемники. Радиопередачи для населения осуществлялись почти исключительно через проводную связь.

1941-й: растерянность и эвакуация

23 июня 1941 г. в Москве состоялась встреча Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта с руководителем редакции Ино-радио Зеппом Швабом. Обсуждались новые задачи и новые условия вещания на немецком языке. Участникам совещания было ясно, что

значение радио чрезвычайно выросло и что необходимо соответствовать принципиально новой ситуации. Итогом встречи стала директива, направленная более чем 30 немецким эмигрантам, находившимся в СССР и обладавшим писательским или редакторским опытом. Было решено сформировать несколько групп для работы на радио, задачей которых являлась подготовка передач для различных слоев населения Германии. Ответственным за трансляции для рабочих был определен Фриц Апельт, для женщин – Грета Лоде, для молодежи и военнослужащих – Ганс Мале, для крестьян – Эдвин Гёрнле, для интеллигенции – Артур Пик. В целом за радиопропаганду на Германию отвечал Антон Аккерман. Под началом Апельта работали Вилли Кропп, Густав Собботка, Макс Кейльсон, Марта Арендзее и Генрих Эверс. В группе Греты Лоде состояли Кэте Рюдигер, Лотта Кюн, Гедда Циннер, Рут фон Майенбург, Берта Ласк. Передачи для солдатской и молодежной аудиторий готовили Ганс Роденберг, Леа Гроссе, Фриц Книттель, Бернард Кёнен и Отто Винцер. Для трансляций, предназначенных крестьянам, были привлечены Вальтер Фишер и Адам Шаррер. С Артуром Пиком сотрудничали Эрнст Хельд, Эрнст Ноффке. С Максом Кейльсоном – Гейнц Вилльман и Эрнст Фишер. В помощь Антону Аккерману были направлены Вильгельм Цайссер, Пауль Швенк, Макс Кейльсон и Лена Берг. Кроме того, несколько функционеров рабочего движения получили задание по разработке передач, направленных на определенные регионы Германии[4].

Некоторый опыт адресных радиотрансляций был накоплен еще до начала войны. Новшеством стали пропагандистские передачи Аккермана, предназначенные для солдат вермахта. Начиная с 23 июня, была введена ежедневная рубрика «К своим однополчанам обращается немецкий солдат Ганс Мюллер». Было решено заканчивать каждую передачу коротким призывом. Руководители КПГ полагали, что такие лозунги могут получить в Германии широкое распространение, стать основой для устной пропаганды и для настенных надписей. Коммунисты предложили дать немецким военнопленным возможность выступить перед микрофоном[5].

Идея получила активную поддержку ответственного руководителя ТАСС Я.С. Хавинсона, а позднее и А.С. Щербакова. Было решено зачитывать по радио и распространять в форме листовок списки попавших в плен немецких военнослужащих, подписанные ими коллективные обращения[6]. Ни о каких формальных соглашениях между советскими учреждениями и Коминтерном в это время не было и речи.

В первые недели войны в аппарате ВРК царил хаос. 19 июля 1941 г. Вальтер Ульбрихт писал, обращаясь к Георгию Димитрову:

> В немецкой радиоредакции проведена реорганизация, которая не была осуществлена до конца. На деле единой редакции не существует. Всеми делами руководит товарищ Мулин[7]. У него есть заместитель и секретарша, в помощники определен товарищ Гупперт[8]. На другом конце здания в одной комнате располагаются товарищ Шваб и редакторы. Именно здесь проходят совещания с писателями и другими сотрудниками. Шум стоит, как в голубятне, работа над рукописями почти невозможна. Когда товарищ Мале готовит молодежную передачу, в его распоряжение поступают сотрудники других отделов. Товарищ Фидлер [Карл Рааб, заместитель Шваба] работает как ночной редактор. Он только и делает, что правит переводы русских текстов. Товарищ Шваб – единственный из редакторов, кто находится на службе весь день. Поскольку он чересчур занят, у него нет времени для обсуждения рукописей. Товарищ Мулин признал, что ему как руководителю нет времени ежедневно заниматься вопросами политической направленности передач и содержащейся

в них аргументации. Его работа фактически ограничивается контролем отдельных рукописей[9].

Проблема нехватки помещений была для Ульбрихта отнюдь не основной. Уровень трудностей мог только нарастать – в связи с предстоящей эвакуацией из Москвы. Главными в его суждениях были кадровые вопросы, в частности, предложение назначить Аккермана заместителем Мулина с тем, чтобы они и Шваб, представляя партию, ежедневно могли бы обсуждать политическое содержание передач следующего дня. Ульбрихт выражал надежду на то, что в трансляциях будет проводиться более четкая политическая линия. Предложенный ранее план перестройки всей системы немецкого вещания не мог быть осуществлен, но Аккерман был все же привлечен к работе на радио, хотя и на других основаниях.

Проблемы, стоявшие перед КПГ, не могли быть решены только на путях реорганизации немецкой редакции Ино-радио. Речь шла о зависимости от направленности советской пропаганды. Цензура, исходящая от Совинформбюро, вычеркивала из текстов немецких сотрудников все, что казалось противоречащим общим установкам. По мнению Ульбрихта, выраженному им в письме к Эрколи, это мешало немецким коммунистам учитывать особенности ситуации в Германии: «Запрещено упоминать, что Советский Союз выступает против Версальского мира. Но этот вопрос имеет для нас важнейшее политическое значение. Широкие массы в Германии опасаются будущего расчленения Германии и готовы воевать до конца, если возникнет перспектива нового Версаля. “Berliner Börsenzeitung” и “Reich” выдвигают эту проблему на первый план. Но нам не разрешают отвечать на их аргументы […] Из текста товарища Гёрнле был вычеркнут тезис о том, что крестьяне в СССР “избирают свои советы путем тайного, равного и прямого голосования”. Это означает, что мы не сможем вести пропаганду в пользу расширения демократии»[10]. Почему же этот пассаж не прошел проверку Совинформбюро? Возможно, потому, что выборы, с точки зрения цензора, идентифицировались исключительно с советской общественной системой.

Руководство КПГ вновь настоятельно требовало создания нелегального радиопередатчика. Пик позднее признавал, что он не знал о наличии подобных иноязычных передатчиков, равно как и о существовании программы «Штурмовик Ганс Вебер»[11]. Как вспоминал позднее Фриц Эрпенбек, вскоре после начала войны он получил задание Ульбрихта организовать специальную передачу под указанным выше названием. Примером, при этом, служил британский передатчик, работавший на Германию с середины мая 1941 г. под именем «Густав Зигфрид». Место пребывания радиостанции было засекречено[12]. Целью этой радиопрограммы нового типа являлась не передача информации, но – разложение германского общества и вермахта, распространение ложных сообщений, ведущих к неуверенности. Аналогичные функции должна была выполнять советская программа «Штурмовик Ганс Вебер», однако, не столь скабрезно и вульгарно, как это делали англичане. Но и в советском варианте на первом плане находилась дезинформация. Адресатами должны были служить нацистские функционеры, к которым обращался – будто бы от имени своих сторонников – некий «штурмовик Вебер», якобы ставший вероотступником. Согласно мемуарам Эрпенбека, применялись нарочито народные, грубые выражения, которые должны были разоблачать рядовых нацистов: «Их поступки, их привычный образ жизни, их преступные действия, их практику доносов и вымогательств, симуляции

при отправке на фронт. Все, что могло вызвать возмущение, в том числе и с позиций буржуазного или мелкобуржуазного мировоззрения. Но именно здесь мы сначала испытывали почти непреодолимые трудности»[13]. Примерно через год в эфир начала выходить еще одна подобная передача – «Штурмовик Макс Шрёдер», роль которого исполнял Макс Кейльсон. Сначала редакция программы была самостоятельной, но затем она была включена в редакцию передатчика КПГ «Дойчер фольксзендер» (ДФЗ).

В период консолидации работы аппарата Коминтерна, последовавшей за его эвакуацией в Уфу, в эфир вышла программа для немецкой молодежи «Штурмадлер», существовавшая пока что автономно от ДФЗ. Первая трансляция программы состоялась 20 декабря 1941 г., до 3 января 1942 г. программа выходила четырежды – в 22.15 по берлинскому времени, каждый раз под девизом: «Наш лозунг: правда, свобода, право и честь». Передачи заканчивались словами: «Да здравствует будущее! Тверда наша поступь! Вступай в борьбу вместе с нами!»[14]. Редактором программы был Фриц Шелике, сотрудниками – Ганс Мале, Бернгард Дом и Леа Гроссе[15]. С февраля 1942 г. трансляция осуществлялась шесть раз в неделю, в утренние и вечерние часы[16]. С августа 1942 г. эта радиостанция вошла в структуру станции ДФЗ. Возможно, этого не произошло раньше по той причине, что инициатором создания программы был Коммунистический интернационал молодежи (КИМ), который не торопился ее передавать в ведение Коминтерна. Программа «Штурмадлер» (как и другие молодежные программы, предназначенные для стран нацистского блока и для оккупированных стран), должна была сыграть свою роль в борьбе против гитлеровской диктатуры. Проблемы молодежи освещались также в программах общей направленности. Секретариат КИМа был обязан поддерживать молодежное направление иновещания, проводить консультации, предоставлять материалы для передач[17].

В рамках программ «Штурмовик Ганс Вебер» и «Штурмадлер» в эфир выходили специальные передачи, предназначенные для узкого круга слушателей. Согласно предложению Вильгельма Пика от 29 августа 1941 г., центральное место в них должны были занимать «вопросы борьбы», проблемы социализма[18]. Пик исходил из того, что британское радио уже вело передачи, обращенные к революционному сознанию немецкого рабочего класса[19]. По его мнению, руководство борьбой против гитлеровского фашизма, за переустройство Германии могло исходить исключительно от КПГ и дружественного ей Советского Союза. 1 сентября 1941 г. состоялось совещание с участием Пика, Ульбрихта, Эрколи и Геминдера[20], на котором обсуждался вопрос о создании новой программы. Согласно первоначальному проекту, его политическим руководителем должен был стать Вильгельм Пик, а ответственным редактором – Эдвин Гёрнле. В рукописном протоколе совещания названы также Антон Аккерман, Эрнст Фишер, Карл Дрёлль и Фриц Апельт. Планировалась, что 15-минутная программа будет выходить в вечернее время шесть раз в неделю. В передачах должен содержаться призыв к сплочению всех сил, направленных на свержение нацистского режима, но, при этом, не следует допускать никаких сомнений относительно социализма. Информация о Советском Союзе должна проходить в конце передачи. У слушателей надлежит создать впечатление, что передатчик находится где-то в Германии[21].

«Дойчер фольксзендер» (о таком названии была достигнута договоренность 4 сентября, на встрече Димитрова с руководством КПГ) «не может обращаться только к рабочим, он должен стать выразителем интересов патриотических, антифашистских сил». Димитров указал на необходимость высокого уровня передач, на

Abschrift

Der Reichspostminister
Fl. 5300-1 G
Bfb 5835 g

Berlin, den 23.9.1941

Stempel: Stb WNV/Fu
24.9.41
Nr. 1003/41g

An das
Reichssicherheitshauptamt IV A
z.Hd. Herrn SS-Sturmbannführer u. Polizeirat
Pömmerening o.V.i.A.
Berlin SW 11

Unbekannter Rundfunksender

Seit einigen Tagen wird vom Funküberwachungsdienst meines Geschäftsbereichs auf ungefähr 9315 kHz (32,21m) ein unbekannter Kurzwellenrundfunksender gehört, der Hetzsendungen in deutscher Sprache verbreitet. Der Hetzsender, der täglich von 2025 bis 2045 Uhr sendet und sich mit der Ansage: "Hier ist der deutsche Volkssender" meldet, wird im Reiche mit guter Lautstärke gehört. Nach den bisherigen Peilergebnissen befindet sich der Standort des Kurzwellensenders vermutlich im Raum von Moskau.

Während der Abendsendung am 16.9. d.J. wurden u.a. folgende Durchsagen gegeben:

"Achtung, Frau Gertrud Becker in Wehrkirchen in Ostpreussen, bitte morgen abend um 2025 Uhr am Lautsprecher sein, wir haben eine wichtige Mitteilung für Sie",

"Achtung, Freunde in Dessau, eure Kritik ist berechtigt",

"Achtung, QR6, in eurer Meldung muss ein Fehler sein, bitte nachprüfen".

Die Durchsage für Frau G. Becker wurde am 17.9. durch nachstehende Mitteilung ergänzt:

"Aufruf an Frau Gertrud Becker: Ihr Mann der Feldwebel Becker sei nicht gefallen, sondern wie alle Schwerverwundeten von den Nazis ermordet worden durch Anwendung von Gift".

Falls in Wehrkirchen (Ostpr) eine Frau Gertrud Becker wohnt, ist es nicht ausgeschlossen, dass Rundfunkhörer, die unberechtigterweise Hetzsendungen auf Kurzwellen abhören, diese Durchsagen der Frau Becker mitgeteilt haben.

Ich bitte das Weitere zu veranlassen. Dem Oberkommando der Wehrmacht WNV/Fu habe ich Abschrift dieses Schreibens übersandt.

Abschrift übersende ich zur gefälligen Kenntnis

Im Auftrage

gez. Planze

Письмо имперского министра почт в ведомство государственной безопасности от 23 сентября 1941 г. о передачах неизвестной радиостанции («Дойчер фолькзендер»).

необходимость использования живого, народного языка, равно как и оперативных полемических откликов на материалы немецких газет и радиопередач[22]. В качестве музыкального позывного была избрана мелодия «Мысль свободна», которая была исполнена Карлом Дрёллем на губной гармонике и позднее записана на пластинку. Финальной фразой каждой передачи была: «Гитлер начал войну, свержение Гитлера ее закончит». Трансляции начались 10 сентября. Через два дня Гёрнле был освобожден от обязанностей редактора. Посчитали, что он не созрел для такой работы, и отныне Пик взял на себя всю ответственность за программу. Нацистские власти относительно быстро поняли, что «Дойчер фольксзендер» ведет нелегальные трансляции не с территории Германии. 20 сентября против ДФЗ впервые были использованы глушители. 23 сентября имперский министр почт информировал ведомство государственной безопасности, что передатчик запеленгован и находится в районе Москвы. Министр сообщал также, что мощность передатчика достаточна для качественного приема в Германии[23].

«Дойчер фольксзендер» стал рупором КПГ, но партия не могла его использовать по собственному усмотрению. После того, как станция работала уже больше недели, заместитель наркома иностранных дел и заместитель начальника Совинформбюро С.А. Лозовский, адресуясь Молотову и Щербакову, писал: пришло время для того, чтобы КПГ обратилась с манифестом к немецкому народу и немецкому рабочему классу. Лозовский (ссылаясь, как и Пик, на существование британской программы «Европейская революция») предложил, чтобы Ино-радио ежедневно предоставляло Коммунистической партии Германии 30–40 минут эфирного времени. При этом, политический контроль над текстами должен принадлежать автору письма, Димитрову и Мануильскому[24]. Но выход в эфир политической декларации КПГ произошел только в январе 1942 г.[25].

Проблемы эвакуации отодвинули на второй план проекты перестройки Ино-радио и переподчинения передатчика «Дойчер фольксзендер». Все радиостанции, как почти все государственные учреждения, были вывезены из Москвы в октябре 1941 г., после того, как войска вермахта подошли на опасное расстояние к столице. Уже в июле небольшая группа сотрудников Ино-радио была направлена в Свердловск с заданием сформировать там резервные редакции. В эту команду входили австрийцы Вальтер Фишер и Лили Беер-Йергич, немцы Ганс Роденберг, его жена Ханни, Марта Эше и Лена Фишер. Они должны были обеспечить – в случае эвакуации из Москвы – бесперебойный выход в эфир немецкоязычных передач. Большая часть сотрудников Радиокомитета (совместно с аппаратом центральных госучреждений) была вывезена в Куйбышев. Из состава немецкой редакции в Москве остались Зепп Шваб и Генрих Грайф. Местом пребывания Коминтерна стала Уфа. Сюда же были переведены «нелегальные» передатчики, в том числе ДФЗ. Координировать работу последнего с Ино-радио было поручено Геминдеру.

Октябрьская эвакуация из Москвы проходила в обстановке хаоса. Железнодорожные составы были переполнены и отправлялись вне расписания. Зачастую люди добирались до Сибири или Средней Азии в пригородных поездах без отопления и туалетов. Если удавалось спешно собрать необходимые вещи, их легко было потерять в вокзальной давке. Многие сотрудники эвакуированных учреждений не успевали к своим эшелонам и следовали с другими коллективами. Гейнц Вилльман, который вместе с женой и двумя сотрудниками опоздал к эвакуации Радиокомитета, следующим образом описал свои странствия:

Итак, мы едем вчетвером: Курт Хайсс, Лиза Ривкина, Ханна и я. На электричке мы добрались до конечной станции, а там пешком. Началась метель. Над нами гул немецких бомбардировщиков. Вооруженные патрули то и дело проверяют наши документы. Нас пропускают – как сотрудников Радиокомитета, находящихся в командировке. Рядом с нами движутся колонны женщин и молодых парней с лопатами. Они помогают копать противотанковые рвы и окопы. Мы идем по железнодорожным путям, надеясь попасть на поезд, который отвезет нас за тысячу километров, в Куйбышев. Поезда проходят мимо. Они везут в Сибирь оборудование из районов, находящихся на линии фронта. Пассажиров брать запрещено. Но мы взбираемся на подножку. Иной раз удается проехать незамеченными три или четыре часа. Затем нас прогоняют вооруженные рабочие, сопровождающие эшелон. Ничто не помогает – ни слова, ни документы: действуют законы военного времени.

На рассвете второго дня на запасных путях какой-то станции мы натыкаемся на состав, вывозящий в тыл вагоны московского метро. Нам удается открыть двери одного из вагонов. Без сил мы падаем на мягкие сиденья. Но со всех сторон появляются беженцы. Начинаются долгие переговоры с людьми, сопровождающими состав. Наконец, нам удается доехать до Горького. […] Там мы кое-как размещаемся и после многодневных ожиданий попадаем на баржу, спешно переоборудованную в госпиталь. […]

Поздним вечером мы оказываемся в виду большого города на высоком волжском берегу. Бурная радость прижатых друг к другу пассажиров. Но радость сменяется унынием: въезд в Куйбышев закрыт. Никто не хочет сходить с баржи. Нас уже берут на буксир. Предъявив наши удостоверения, нам удается сойти на берег. Но нас тут же задерживает милиция. Начальник дозванивается до Радиокомитета. К счастью, мы оказываемся на легальном положении и попадаем в недостроенное здание, где разместились редакции и отделы Всесоюзного Радиокомитета[26].

В течение первого месяца войны, когда все радиостанции еще находились в Москве, когда осуществлялся переход к военной пропаганде, постоянно нарушался график выхода в эфир иноязычных передач. Сводки Совинформбюро транслировались в разное время. Радиостанция Коминтерна завершала передачи в 22 часа, с конца июля до конца сентября она выходила в эфир (как и коротковолновый передатчик РВ-49) нерегулярно. 2 августа был утвержден график работы передатчика РВ-96, с которого велись немецкоязычные трансляции, но с середины октября регулярность передач была нарушена. После эвакуации наступила полная неразбериха[27]. Если в первые недели после переезда место вещания оставалось секретным, то 27 ноября в начале русской версии последних известий впервые было сказано «Говорит Куйбышев»[28].

Но не все программы действительно транслировались из Куйбышева. Согласно договоренности с Димитровым и Лозовским, начиная с 24 декабря, сотрудники Коминтерна выступали с десятиминутными комментариями из Уфы. Эрнст Фишер, тогдашний руководитель немецкого передатчика в Уфе, вел передачи трижды в неделю в вечернее время[29]. Русская версия комментария предварительно передавалась из Уфы в Куйбышев, стенографическая запись проходила проверку Совинформбюро, а затем – в обратном порядке – до 16 часов поступала в Уфу и выходила в эфир после 22 часов. Дважды в неделю ответственные функционеры Коминтерна получали от Совинформбюро инструктаж о содержании радиопередач[30]. На радио работала Гедда Циннер, которая вместе с мужем Фрицем Эрпенбеком была эвакуирована в Уфу. Она готовила тексты передач для станции ДФЗ, для судето-немецких и австрийских

Советский Социалистический Республик
Народный Комиссариат Внутренних Дел
Управление НКВД по Свердловской области
Управление Милиции
23 февраля 42 г.
№ 372
г. Свердловск

ПРОПУСК
(действителен при предъявлении паспорта)

Разрешается гр. Роденберг Ганс Натанович 1895 г. р.
работающему в Радиокомитете
в качестве диктора
въезд и временное проживание в гор. Куйбышеве
сроком по 23 февраля 1943 г.
Цель поездки в месяц работы
№ паспорта IX-РТ № 573287 выдан 10/III гор. Москвы 26/V-41 г.

Нач. УНКВД по Милиции Свердловской области
Нач. ПРО Управления Милиции по Свердл. обл.
Зарегистрирован „ " 194 г.
печать
Подпись

Пропуск, выданный управлением НКВД по Свердловской области на имя диктора Радиокомитета Ганса Натановича Роденберга.

Зепп Шваб, ведущий немецкий редактор Ино-радио.

программ. Эрпенбек вскоре был отозван в Москву и работал для станции «Штурмовик Ганс Вебер».

Как докладывали нацистские службы прослушивания, в декабре 1941 г. произошла стабилизация волнового расписания и графика выхода в эфир немецкоязычных передач из СССР. Трансляции шли на коротких волнах из Москвы, Свердловска и Куйбышева. Качество приема почти всегда было хорошим[31]. Радиокомитет был разделен на три редакции, которые действовали автономно. Передатчик в Свердловске был ответственным за трансляции сводок Совинформбюро и текстов ТАСС. В Москве происходила обработка актуальных политических материалов. Расположенный в Куйбышеве Радиокомитет пытался продолжать работать в привычном режиме[32].

В конце декабря 1941 г. германская редакция в Свердловске была расформирована, ее сотрудники откомандированы в Куйбышев и Москву. Ганс и Ханна Роденберг вместе с Лилли Беер-Йергич оказались в Куйбышеве, Вальтер Фишер – в Москве. Карлу Раабу поручили руководство немецкой редакции Ино-радио с местом пребывания в Куйбышеве[33]. Большая часть сотрудников вернулась в Москву осенью 1943 г., а летом следующего года филиал Радиокомитета в Куйбышеве был расформирован.

Передислокация руководства Коминтерна в Уфу негативно повлияла на деятельность станции «Дойчер фольксзендер». Перестали выходить в эфир восемь программ. Но 23 октября 1941 г. передачи были возобновлены, их число даже возросло. Состав немецкой редакции был расширен, в ее состав были включены Теодор Пливье и Вальтер Хеделер[34].

Операция «Голос призрака»

Одна из особенностей деятельности немецких эмигрантов на радио заключается в выходе в эфир т. н. «голоса призрака» («Geisterstimme»). Как следует из воспоминаний Аккермана, инициатором этого проекта был Димитров. В начале сентября 1941 г., когда шла подготовка к работе радиостанции ДФЗ, Димитров вызвал к себе Аккермана. При разговоре присутствовал Пик. Так было принято – с санкции Наркомата обороны СССР – решение о «Geisterstimme»[35]. Трансляции «голоса» начались из охраняемого помещения в подвале здания Центрального телеграфа на улице Горького. Здесь ленинградские инженеры смонтировали устройство «Ловушка», которое могло работать на волнах германских радиостанций. Аккерман находил на шкале самые популярные программы – новости, репортажи или трансляцию негромкой музыки – и подавал короткие реплики в паузах или прямо «поверх» передачи. Аккерман представлял себя в эфире в качестве «простого немца». При этом, он слышал свой собственный голос:

> Он был внятным и будто бы приходил издалека, перекрывая трансляцию. Казалось, я незаметно прокрался к микрофону студии на Мазуреналлее в Берлине или в Глейвице и о чем-то говорил с диктором[36].

Аккерман утверждал, что «голос призрака» впервые прозвучал в конце октября 1941 г. Но поскольку в середине октября он вместе с аппаратом Коминтерна был эвакуирован в Уфу[37], вероятно, проект начал осуществляться раньше – в конце сентября. Косвенным подтверждением этой даты является рапорт нацистской службы радиопрослушивания от 20 октября 1941 г. В документе говорилось, что «голос призрака» больше не выходит в эфир[38]. Аккерман провел в Уфе всего несколько дней и был отозван в Москву. Скорее всего, причиной явилась необходимость продолжения указанных радиопередач, которые Аккерман вел до конца 1941 г.[39].

«Голос призрака» звучал и из радиостудии в Казани. Роль «простого немца» здесь исполнял Бруно Кёлер[40]. В Германии этот «голос» был быстро обнаружен. Чтобы помешать ему, уже через три дня после первой передачи немцы прибегли к временному отключению вещания, а затем в ход пошли глушители. Но делу мешало не только вмешательство нацистов. Постоянно возникали трудности с техническим оборудованием. В рабочих записях Кёлера от 5–15 июня 1942 г., мы находим четыре упоминания о помехах с германской стороны и девять указаний на нелады с аппаратурой[41]. В конце июня работа и вовсе была прекращена из-за отсутствия необходимых радиоламп, что побудило Кёлера просить о переводе в Москву[42]. Однако до середины 1943 г. он оставался в Казани. Келёр использовал перерыв в работе для подготовки текстов для Ино-радио и их пересылки в столицу. После месяца вынужденного молчания «голос призрака» зазвучал вновь, к чему немцы были не готовы. Вернемся к рабочим записям Келёра:

> Видимо, нацисты полагали, что с опасностью покончено, поскольку мы прежде не работали на волнах их станций «Дойчландзендер-1» и «Дойчландзендер-2». Я включился и с 24.45 до 24.55 медленно, без малейших помех, читал в промежутках свой текст. В 24.55 что-то произошло с нашей аппаратурой, и мы возобновили трансляцию в час ночи. Четыре информационных текста и четыре удачные реплики. Началось дикое глушение. Передача

новостей была сокращена на несколько минут, и диктор сообщил: «Дойчландзендер временно прекращает вещание». Моя реплика: «Они снова дрожат от страха. Они не переносят правды». За две минуты до двух – передача «Дойчландзендер» была продолжена. Нацисты чувствовали себя уверенно, потому что раньше мы не выходили в столь позднее время. Шла спокойная музыка, и я без всяких помех сказал: «Война проиграна. На Востоке мы обескровлены, а на Западе будет открыт второй фронт. Долой Гитлера, тогда прекратится война! Мы сыты войной по горло. Мы хотим мира!»[43].

Вот образцы «вторжений» Кёлера в нацистские радиопередачи: «Что происходит на Восточном фронте? Мы истекаем кровью под Сталинградом. Русские ведут наступление от Воронежа до Ленинграда»; «Наш вермахт потерпел жестокое поражение под Ржевом. Русские отвоевали 600 населенных пунктов, наши войска отброшены на 50 километров»[44]; «СС – это банда разбойников. Гестапо – палач Европы. Долой кровавых собак Гитлера!»; «Так свирепствуют нацистские палачи. В феврале–марте [1943 г.] – 502 смертных приговора, в апреле–мае – 1256, в июне–июле – 2979. Таков кровавый баланс Гиммлера. Долой кровавый режим Гитлера!»[45].

12 июня 1942 г. Кёлер выступил с развернутым комментарием:

Внимание! Слушайте! Слушайте! Молотов, русский министр иностранных дел, находился в Лондоне и договорился с Черчиллем о союзе между Англией и Россией о совместном ведении войны и послевоенном сотрудничестве. Молотов был в Америке и подписал соглашение с Рузвельтом. Молотов, Черчилль и Рузвельт от имени своих правительств договорились об открытии второго фронта против Гитлера в 1942 г. Я говорю вам: англо-русский союз и его поддержка со стороны Америки означают смертный приговор для банды Гитлера. Три крупнейшие державы мира – Англия, Россия и Америка – обязались не заключать мира с Гитлером и продолжать войну до полного уничтожения нацистского режима. Второй фронт на Западе – это решенное дело. Все жертвы на гитлеровской войне напрасны. Положить конец Гитлеру и войне, чтобы спасти наш народ и Германию! Жертвовать собой ради свержения Гитлера и будущего нашего народа![46].

Но в арсенале Кёлера были не только реплики и комментарии. Он использовал и другие формы «вторжения», которые были направлены на усиление неуверенности в Германии. В отчете, направленном Геминдеру, он писал:

16 сентября [1942 г.] я применил новинку. В течение двух коротких пауз я взволнованно произнес: «Над нами снова кружат самолеты. Нас бомбят. Не теряйте спокойствия». Конечно, я не сказал, где это «над нами» кружат самолеты. Пусть каждый думает, как он хочет. Реакция на мой маневр последовала незамедлительно. Сразу после моих слов «Дойчландзендер» прекратил вещание[47].

Остается неясным, усилился ли после таких реплик страх населения перед «русскими». Несомненно, однако, то, что «голос призрака» стал для нацистских правителей опасностью, с которой они пытались бороться всеми силами. Первой реакцией на применение неизвестной доселе техники «вторжения» было прекращение передачи. Но поскольку был возможен оперативный переход с волн одной радиостанции к другой, этот метод оказался безуспешным, не говоря уже о том, что прерывалась трансляция последних известий. Несколько более эффективными оказались измене-

ния в программах вещания. Вместо тихой музыки включалась громкая, и реплики «призрака» не доходили до слушателей. Дикторам было предписано говорить в быстром темпе и без пауз[48]. Применение глушителей против передач с территории СССР снижало качество приема германских радиостанций. Самой эффективной для блокирования «голоса» оказывалась смена радиочастот, но и эта мера вела к нежелательным побочным последствиям. Аккерман отмечал, что ленинградские инженеры предусмотрели возможность смены частот и опробовали способы преодоления данного препятствия. Но соответствующая аппаратура была разрушена во время бомбардировки города на Неве, и ее быстрое восстановление оказалось невозможным[49].

Помешать «голосу призрака» было невозможно, поскольку он вещал на волнах германских передатчиков. Нацистское министерство пропаганды изо всех сил стремилось помешать «голосу» – даже ценой нанесения ущерба собственному радиовещанию. В служебной записке одного из работников министерства от февраля 1943 г. говорилось:

> Предыдущие меры защиты от провокационных передач сводились, в основном, к последовательной смене частот. Это приводило к тому, что в эфире стоял то нараставший, то ослабевавший вой, что делало невозможным прием собственных программ. С учетом указанных обстоятельств некоторое время назад господин министр дал указание приостановить указанные меры. В результате, провокационные передачи снова выходят в эфир, их содержание стало вполне понятным. Учитывая современную военную ситуацию, господин министр дал команду возобновить защитные мероприятия, несмотря на опасность нанести урон нашим радиопередачам[50].

В начале 1943 г. Геббельс неоднократно указывал на то, что «вражеские провокации» воздействуют на немецкое население. Многие слушатели из любопытства включают станцию «Бреслауэр велле», а потом идут толки о том, что вражеские «голоса» хорошо слышны именно на этой волне. «Особое влияние», констатировал Геббельс, передачи оказывают на тех немцев, чьи родственники находятся в Сталинграде[51]. В феврале 1944 г. в Берлин был направлен обзор о положении в провинции Бранденбург. В документе было сказано, что из-за бомбового налета было прекращено вещание радиостанции «Дойчландзендер». Именно в это время почти полчаса «вражеский передатчик» смог беспрепятственно вести политическую передачу[52]. Был ли это Кёлер из Казани, или передача уже снова велась из Москвы, не установлено.

1942: атмосфера борьбы и атмосфера пораженчества

В начале 1942 г. Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала (ИККИ) осуществил проверку деятельности национальных радиостанций. К этому времени выходили регулярные трансляции на Германию, Италию, Францию, Испанию, Финляндию, Норвегию, Австрию, Румынию, Венгрию, Югославию, Болгарию и Польшу. Отдельные передачи были предназначены для чехов, словаков и судетских немцев. Результатом проверки стало постановление ИККИ от 11 февраля

1942 г., в котором содержались пункты о недостатках в работе и путях ее совершенствования. По мнению Коминтерна, пропагандистские лозунги носили чересчур общий характер. Не в должной мере учитывались изменения, происходившие в Советском Союзе, в других воюющих государствах. Призывы и обращения не учитывали национальной специфики. В передачах не было слышно критики пассивной позиции части антифашистов, которые – при отсутствии ясных установок для политических действий – перекладывали основную тяжесть войны на плечи Красной Армии. ИККИ подверг критике суждения о том, что надо выждать, что еще не созрело время для решительных акций Сопротивления против фашистских государств. Одновременно указывалось на то, что в «третьем рейхе» распространено ожидание весеннего наступления вермахта. ИККИ указывал, что, учитывая перспективу такого наступления, необходимо активизировать действия по дезорганизации тыла германской армии на территории различных стран. Предлагалось формировать народные комитеты и боевые группы для осуществления акций саботажа. Руководители национальных радиостанций были обязаны каждые десять дней предоставлять отчет о своей работе[53].

В обсуждении проекта постановления ИККИ приняли участие Вильгельм Флорин, Вальтер Ульбрихт, а также Отто Винцер и Вилли Лейтнер, а позднее также Георг Ханзен. Пик сообщал Димитрову:

> В ходе обстоятельной дискуссии не выражалось сомнений в справедливости критики, высказанной в адрес германской редакции. Все предлагаемые меры по улучшению передач правильны […] Все участники дискуссии полагали, что, наряду с продолжением боевой полемики против нацистского режима, главное внимание следует уделить кампании против весеннего наступления гитлеровской банды. Поэтому для трансляций на Германию особенно необходимы четкие и систематически излагаемые аргументы. К ним относятся: а) весеннее наступление потребует новых бессмысленных жертв и бессмысленного продолжения войны; б) продолжение войны бесперспективно, поражение Германии неизбежно; в) поражение необходимо для спасения немецкого народа. Следует также указать на следующие компоненты аргументации: а) необходимость непосредственных акций всех противников войны; б) возможность и необходимость забастовок; в) саботаж военных мероприятий является необходимостью для немецкого народа; г) необходимость перехода от брюзжания к действиям – к митингам, демонстрациям; д) подготовка к весеннему наступлению против Советского Союза означает наступление гестапо против немецкого народа[54].

В деятельности радиостанции «Дойчер фолькзендер» кроме постоянных сотрудников (Эрнста Фишера, Фрица Апельта, Карла Дрёлля, Теодора Пливье[55], Вальтера Хеделера) участвовали к этому времени многие из эмигрантов, которые находились в Уфе. Каждую субботу передавались комментарии Гедды Циннер. Вильгельм Флорин выступал по средам, Вилли Лейтнер – по понедельникам и четвергам. Тексты для радио регулярно готовили Отто Винцер, Ганс Мале, Бернард Кёнен, а также Шарлотта Тройбер, Лотта Кюн, Вальтер Ульбрихт, Пауль Вандель, Грета Лоде, Пауль Фёрстерлинг, Пауль Йекель[56]. Фишеру все чаще предназначались другие задания, и в марте 1942 г. он покинул Уфу. Его обязанности как секретаря редакции исполнял Апельт. Ежедневно по утрам проводились редакционные совещания, еженедельно утверждался тематический план передач[57].

У микрофона радиостанции «Дойчер фольксзендер» писатель Теодор Пливье.

Деятельность немецкой редакции была сопряжена с серьезными трудностями: сотрудников часто отзывали, условия работы в эвакуации были достаточно сложными. Часть аппарата редакции находилась в Москве, часть – в Куйбышеве, отдельные сотрудники вернулись в Москву в начале 1942 г. Основная часть текстов передач поступала из Москвы, что нередко приводило к утрате актуальности, не говоря уже о пропусках и ошибках при перегоне текста на телетайп. Нередко ощущался недостаток поступавших из Москвы материалов, так что один и тот же текст приходилось повторять до восьми раз. К тому же качество текстов (как об этом было сказано в резолюции ИККИ) оставляло желать лучшего. В передачах отсутствовали подробные оценки боевых действий Красной Армии и внутренней ситуации в СССР. Не было продуманного плана трансляций пропагандистского характера, передачи компоновались из случайных текстов. Авторы нередко обнаруживали слабое знание условий тех стран, для которых предназначались передачи[58].

Весной 1942 г. германская редакция Ино-радио вновь перешла под начало Шваба и Грайфа, которые оставались в Москве. В состав редакции были включены Вальтер Фишер в качестве редактора, Эрнст Ноффке как переводчик, Ганс Клемм был определен на должность диспетчера. Швабу, который ощущал явное переутомление, был предоставлен краткий отпуск[59].

Ежедневно германская редакция выпускала 17 передач с общим эфирным временем пять с половиной часов[60]. При существовавшем кадровом дефиците это было значительным достижением, который стал возможен после возвращения из Уфы Антона Аккермана, Вильгельма Пика, Вильгельма Флорина и Вальтера Ульбрихта. Участие в работе редакции принимали Йоганнес Бехер, Эрих Вайнерт, Вилли Бредель, Фридрих Вольф[61], а также четыре советских писателя[62]. Успешно трудились рядовые сотрудники редакции. Об обстоятельствах редакционной работы рассказывал Вальтер Фишер:

> Я редактировал переводы с русского, которые представляли основу нашей работы, с целью немедленного реагирования прослушивал немецкие пропагандистские передачи. Кроме того, я исполнял обязанности второго диктора. Это было необходимо, поскольку мы неделями трудились по двадцать часов в сутки и зачастую спали на полу на рабочем месте. Несмотря на неимоверное количество проглатываемого нами черного кофе, мы бы-

ли так измотаны, что разбудить нас можно было только силой. Грайф и я, сменяя друг друга в микрофонной, читали новости, мы прибегали к испытанному приему. Когда я подходил к последней фразе, я толкал в бок Грайфа, который в это время мирно спал, и указывал ему пальцем первую строчку сообщения, которое надо было читать. Как только он начинал чтение, я впадал в сон, из которого меня выводил толчок Грайфа[63].

Немецкие литераторы особенно болезненно воспринимали то, что их не сразу после начала войны привлекли к пропагандистской деятельности. Они чувствовали, что их не принимают в расчет. Сказывалось недоверие советских людей к немцам. Коллективное письмо писателей-эмигрантов к руководству Ино-радио с просьбой об организации антифашистских литературных передач осталось без ответа[64]. Дистанция между руководством ВРК и немецкими антифашистами постепенно исчезала. Но трудностей оставалось немало. Не каждый из писателей, в отличие от Эриха Вайнерта и Гедды Циннер, смог приспособиться к работе на радио. Отсутствовала обратная связь с немецкими слушателями. Руководство не стремилось к интеграции литераторов в коллектив сотрудников радио. В отношениях с деятелями искусства Зепп Шваб демонстрировал недоступность. Об этом – рассказ Роденберга:

Зепп Шваб, руководитель немецкой редакции, был строгим, старательным, политически выдержанным товарищем, но в психологии он разбирался плохо, и подчиненные его не любили. Однажды он позвонил Йоганнесу Бехеру и спросил его: «Скажи, Ганс, ты все еще поэт?». Бехер был ошарашен. Но Шваб продолжал: «Мы давно не передавали твоих стихов. У тебя ничего нет?». Бехер: «Я немедленно пришлю тебе подходящее стихотворение». Все было сделано, но Зепп молчал. Бехер позвонил ему и спросил, что с его стихотворением. Шваб засмеялся: «Оно давно уже ушло в эфир. Только оно было слишком длинным, и я вычеркнул последнюю строфу»[65].

Значительную ценность представляли регулярные радиовыступления немецких военнопленных. Инициаторами таких передач были Ульбрихт и Хавинсон, предложение которых было реализовано в конце декабря 1941 г. в рамках рубрики «Письма на родину». Для этого пленные специально доставлялись в Москву из лагерей. Или же там, на месте, делалась звукозапись на пластинку. Как правило, тексты не принадлежали самим военнопленным, они просто высказывали свое согласие с содержанием и ставили подпись. В апреле 1942 г. впервые без предварительной подготовки была записана беседа немецких писателей с шестью пленными немецкими офицерами[66]. Производился отбор солдат, которые подходили для пропагандистской работы – для выступлений по радио и для написания листовок. Таких пленных направляли в Красногорск, в центральную антифашистскую школу. Дикторы Ино-радио (позднее и дикторы передатчика Национального комитета «Свободная Германия») зачитывали в прямом эфире списки попавших в плен немцев. Это было самым действенным средством, чтобы побудить немецких слушателей включать радио Москвы.

На заседаниях секретариата ИККИ неоднократно обсуждались и утверждались директивы о пропагандистской работе на радио – в соответствии с установками, одобренными Совинформбюро. Лозунги, которые шли в эфир на волнах Ино-радио и ДФЗ, были сформулированы руководством КПГ. Летом 1942 г. перед советской пропагандой встали новые задачи. Они были обусловлены необходимостью отпора

152

Niederschrift einer Aussprache mit Kriegsgefangenen am 2.April 1942 im Lager Nr. 74 über die Frage:

Inwieweit hört man in Deutschland und der Hitlerarmee ausländische Rundfunksendungen.

Franke: In Bremen wird hauptsächlich England und Holland gehört. Moskau hört man sehr schlecht. Das war noch zu Weihnachten 1940. In erster Linie hörten die Arbeiter und die obere Schicht. Der Mittelstand hielt sich nach den Weisungen. Man hörte, trotzdem für (Schwarz)hören von ausländischen Sendern strenge Strafen verhängt wurden. Die Nachrichten wurden auch verbreitet. Im Rheinland hingegen, längs der holländischen Grenze, hörte die katholische Landbevölkerung keine Auslandssender.

Blödorn: In Berlin wurden die Nachrichten in deutscher Sprache des Moskauer Senders in Arbeiter- als auch in Mittelstandskreisen gehört und lebhaft diskutiert. Der Empfang ist gut, ohne Störung. Man machte kein grosses Geheimnis daraus, es wurde auch bei Familienfesten gehört. Den Verwandten und Bekannten wurden die Nachrichten auch erzählt, man musste sich natürlich die Leute aussuchen.

Meissner: In Berlin hört alles den Moskauer Sender, auch die Nazi, soweit sie keine Angst haben. Die Angst vor dem KZ ist nicht sehr gross. Als ich vor dem Ostfeldzug in Berlin war, hörte man vor allem England. In meiner Wohnung kann ich kein Ausland hören, da die Wände sehr dünn sind.

Meissner: Seit dem Ostfeldzug wird der Moskauer Sender dreimal soviel gehört. Wir hatten beim Gepäckstross einen grossen Apparat. Jede Einheit soll nach Vorschrift ein Radio haben, was auch meistens der Fall ist. Die Unteroffiziere mit dem Hauptfeldwebel haben ständig gehört, ein Feldwebel hat das dann durch Drohung mit der Meldung eingestellt. Der Hauptfeldwebel hat immer alle Meldungen von Moskau zu widerlegen versucht.

Стенограмма беседы с пленными немецкими офицерами в лагере № 74 2 апреля 1942 г. Пленные отвечают на вопрос: «Слушают ли в Германии и в вермахте передачи иностранных радиостанций?».

летнему германскому наступлению, заключением советско-английского договора о союзе и советско-американского соглашения о военном сотрудничестве, а также начавшимися бомбардировками немецких городов. Для государств, оккупированных Германией, и для союзных с рейхом стран на первый план выдвигалась пропаганда партизанской войны. Казалось, стала близкой перспектива открытия второго фронта. Об этом как о решенном событии говорилось в совместных документах союзников. Перенос военных действий на территорию развязавшей агрессию Германии провозглашалась как непосредственная задача 1942 г. Но пропаганда не могла сеять иллюзии о том, что предстоящие сражения будут легкими. По мере приближения краха Германии вермахт будет сражаться более ожесточенно, но активная борьба против Гитлера потребует меньше жертв, чем пассивная позиция по отношению к войне Гитлера.

Указанные политические тезисы должны были стать твердой основой пропаганды. Но определенные факторы препятствовали этому. Неудачи англичан в Египте и Ливии, отсутствие подготовки к открытию второго фронта вызывали неверие в то, что он начнет функционировать в 1942 г. Взятие Севастополя вермахтом, переход немецких войск в наступление на отдельных участках фронта совершенно не соответствовали лозунгам о скором переносе войны на германскую территорию. Но Димитров требовал, выступая на заседании секретариата ИККИ с участием редакторов радиовещания: «Мы должны сжать зубы и покончить с собственными колебаниями. Никогда не отходить от принципиальных позиций, никогда не терять внутреннего спокойствия, никогда не подпадать под воздействие временных неудач на фронте. Мы должны опираться на наши убеждения, на марксистско-ленинский анализ хода войны и при всех обстоятельствах оставаться крепкими как скала»[67].

Начиная с сентября 1942 г., «Дойчер фольксзендер» транслировал 15-минутные «Специальные сообщения для активистов комитетов мира и свободы». Передачи, в которых говорилось о методах нелегальной борьбы, должны были стимулировать антифашистское подполье в Германии[68]. То, что радиопропаганда и работа редакций Ино-радио находились в зоне особого интереса, объяснялось обострившейся обстановкой на фронтах. Сила германского вермахта не была сломлена – несмотря на его отступления, поражения и потери. Только в этом контексте можно понять тот инцидент, который произошел в редакции ДФЗ и вызвал значительное беспокойство в кругах КПГ. Нервы сотрудников были напряжены до предела, и относительно безобидный инцидент разросся в большой скандал. Поводом была беседа, состоявшаяся в один из осенних дней 1942 г. в помещении редакции между Вальтером Хеделером и Рут фон Майенбург. Предметом разговора были слухи, которые ходили в городе: о том, что немецкие солдаты якобы опрятнее красноармейцев; что в оккупированных районах они раздают советским детям подарки; что в возвращенных Красной Армией селах и городах идут расстрелы, а местные жители отправляются в ссылку. Как утверждал позднее Хеделер, он просто хотел показать: фашистская пропаганда воздействует на часть советского населения, и необходимо бороться против такого рода слухов. Возможно, он просто пытался защитить себя, когда увидел, какая поднялась буря. Ранее он говорил на указанную тему с Карлом Дрёллем и Фрицем Апельтом, но они не посчитали нужным сообщать об этом куда следовало. Но донос со стороны Рут фон Майенбург привел к немедленному формированию специальной комиссии. Обвинение гласило: «Хеделер стал рупором фашистской пропаганды». Собрание членов КПГ постановило исключить его из рядов партии.

Одновременно исключили Дрёлля, а Апельту объявили строгий выговор. Хеделер и Дрёлль были сосланы в Томск, откуда они смогли выехать в ГДР в середине 50-х гг. Аккерман, который уже после исключения Хеделера из партии включил написанный им текст в программу очередной передачи, прибег к публичной самокритике, дабы избежать далеко идущих последствий[69].

1943: уверенность и реорганизация

Этот эпизод оказал существенное влияние на деятельность германской редакции, лишившейся сразу двух хороших дикторов. Произношение Апельта отвечало требованиям эфира только частично. У вновь принятого на службу Петера Флорина, сына Вильгельма Флорина, был детский голос, и его можно было использовать только в некоторых передачах. На выручку время от времени призывали начальника отдела кадров Пауля Фёрстерлинга, но и его голос был не совсем подходящим, в отличие от голоса другого сотрудника – Карла Марона. Но тот постоянно участвовал в передачах Ино-радио, и его выступление могло разрушить легенду о том, что «Дойчер фольксзендер» вещает с территории Германии[70]. Всем нравился голос Густава Гунделаха, но он был занят в школе Коминтерна в Кушнаренково, а затем на спецобъекте в Нагорном, где готовилась заброска агентуры в Германию. Все же он был освобожден от прежних обязанностей и до марта 1945 г. работал на ДФЗ в качестве диктора и редактора[71].

В конце 1942 и в начале 1943 г. редакция «Фольксзендера» должна была выполнить очень деликатную задачу. Находившееся в Москве руководство КПГ разработало документ, который получил название «Западногерманское совещание национального движения мира» и должен был, по замыслу его авторов, пребывать в течение нескольких месяцев в центре радиопропаганды. 18 декабря 1942 г. ДФЗ транслировал манифест с указанием, что он принят на конференции, будто бы состоявшейся в воскресенье, 6 декабря, в Рейнланд-Вестфалии. Согласно легенде, в нелегальной конференции участвовали представители германских оппозиционных кругов, принявшие решение о совместной борьбе против Гитлера. После того, как по радио прозвучал текст документа, в последующие дни должны были передаваться – в звукозаписи – речи ораторов, написанные авторами. Создавалась, таким образом, видимость широкого спектра оппозиции различных слоев немецкого населения. К числу такого рода мифических ораторов относились: врач, бывший функционер католического союза горняков, шахтер – член социал-демократической партии, капитан вермахта, военный священник, металлист – член компартии, женщина из Кёльна, служащий химического предприятия, крестьянин, предприниматель – член нацистской партии, железнодорожник – социал-демократ, собственник небольшой фабрики. Авторами всех «выступлений» были руководящие деятели КПГ и сотрудники германской редакции. Но поскольку передачи шли из Москвы в формате ДФЗ (будто бы с территории Германии), то необходимо было отыскать достаточное число дикторов, которые озвучили бы программу разными голосами[72].

«Западногерманское совещание национального движения мира» транслировалось по Ино-радио, было издано в виде листовки, изучалось в антифашистских школах в лагерях немецких военнопленных. Были составлены и переданы в эфир фиктивные

«ответные воззвания немецких групп Сопротивления» – на волнах ДФЗ, станций «Штурмовик Ганс Вебер» и «Штурмадлер». Идея состояла в том, чтобы активизировать деятельность подлинных групп Сопротивления в Германии[73].

Подобная операция (но в более скромных масштабах) была осуществлена спустя полгода. На сей раз передачи были нацелены на оживление антифашистской борьбы в Берлине. План был разработан Флорином, Апельтом и Лоде. Согласно замыслу руководства КПГ, 29 ноября 1943 г. в эфир пошла передача о якобы проходившей в одном из районов Берлина нелегальной конференции. Был прочитан «итоговый документ конференции», а затем в течение нескольких дней передавались выступления ее псевдоучастников: чиновника городского самоуправления; собственника дома, разрушенного бомбардировкой; женщины-водителя трамвая; сотрудника сберкассы. Во всех текстах содержался призыв подняться на борьбу против Гитлера, чтобы спасти Берлин от разрушений[74].

После поражения 6-й германской армии Паулюса под Сталинградом изменился характер пропаганды. Отошла в прошлое нервозная обстановка, на смену ей приходила уверенность в победе над Гитлером. В пропаганде на Германию, говорилось в директиве Коминтерна, принятой в феврале 1943 г.,

> …следует сделать упор на разъяснение ответственности Гитлера за сложившуюся ситуацию. Именно он виновен в катастрофе германской армии. Необходимо нанести удар по формирующейся нацистами героической легенде о 6-й армии. Взятие в плен Паулюса и немецких генералов предоставляет для этого наилучшую возможность. Нацистскому лозунгу тотальной войны антифашисты противопоставляют лозунг: «Против тотальной войны, за окончание войны!». Главная задача нашей пропаганды состоит в том, чтобы не дать нацистам заставить немецкий народ сражаться до конца под флагом «национальной оборонительной войны». Против мобилизации последних сил в армии и в военной промышленности, за активный саботаж, за вооруженную борьбу против нацистского террора! Вся наша пропаганда должна быть проникнута духом ненависти, духом безжалостной борьбы против нацистских бонз, против собственников военных заводов, против СС. Одновременно необходимо указывать на то, что единственным выходом является свержение Гитлера и создание демократического правительства мира, представляющего все слои населения[75].

В начале 1943 г. Сталинград играл главную роль в передачах Ино-радио. Из 500 передач, прошедших в эфир с середины января до середины февраля, 150 были посвящены данной теме. Это были репортажи с фронта, комментарии, обзоры писем, стихи, свидетельства очевидцев. Немало внимания было уделено внутриполитической ситуации в Германии, ее экономическому положению через 10 лет после захвата власти Гитлером, акциям «зимней помощи»[76].

Директива Москвы о роспуске Коммунистического Интернационала (май 1943 г.) захватила врасплох и коммунистов, и некоммунистов во всем мире. Функционеры Коминтерна, находившиеся в эмиграции в СССР, были буквально ошеломлены. Но тем не менее они единодушно выразили свое полное согласие и даже находили аргументы в пользу такого решения. Их горькое разочарование вскоре прошло – по мере того, как стало ясно, что прежняя коминтерновская работа продолжалась. Изменения коснулись только внешней стороны дела. Было создано несколько институтов, решавших привычные для Коминтерна задачи. Место предста-

вителей партий в ИККИ заняли иностранные бюро компартий, которые и несли политическую ответственность за передачи национальных радиостанций. Иностранное бюро КПГ поручило Вильгельму Флорину руководить деятельностью радиостанции «Дойчер фольксзендер», но спустя год он скончался в Москве.

Условия работы Ино-радио также изменились. Прежде руководителям компартий было предписано отказываться от прямого участия в передачах. Поликарпов обратился к Щербакову с вопросом, могут ли они теперь выступать по радио под своими именами. Он спрашивал также, необходимо ли перед началом трансляции на заграницу непременно провозглашать (на соответствующем иностранном языке) лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Ритуальное повторение этого призыва давало враждебной пропаганде повод сеять сомнения, действительно ли распущен Коминтерн. Последовала команда Поликарпова – вместо прежнего лозунга впредь произносить: «Смерть немецким оккупантам!»[77].

Вскоре после роспуска Коминтерна было принято новое неожиданное решение советского руководства: учредить Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ). Планы создания такой организации возникли в 1942 г., и уже тогда обсуждался вопрос о ее собственной радиостанции. На совещании у Щербакова в июле 1943 г. Радиокомитету было поручено провести необходимые подготовительные мероприятия, обеспечив станцию необходимым техническим оборудованием и кадрами, равно как и трансляционной студией на Шаболовке[78].

Политическим руководителем радиостанции «Свободная Германия» стал Антон Аккерман, покинувший свой прежний пост на ДФЗ, где его преемником стал Вилли Лейтнер. В штат новой радиостанции вошли три редактора, два диктора, две машинистки, секретарь и переводчик. Предполагалось, что станция будет выходить в эфир по полтора часа ежедневно[79]. Но в первые месяцы эфирное время ограничилось одним часом. Через год, в июле 1944 г., продолжительность ежедневного вещания достигла четырех часов. В программу входили последние известия (от трети до половины отведенного срока), короткий комментарий, выступления членов НКСГ. Особое место занимали обращения военнопленных к своим родственникам в Германии. Согласно воспоминаниям Аккермана, число таких выступлений ежедневно достигало 80[80]. Передавались также репортажи о жизни военнопленных в лагерях. Многократно транслировались основные документы Национального комитета[81].

Радиостанция, прежде всего, была трибуной для членов Национального комитета «Свободная Германия». У нее не было передвижной аппаратуры, большая часть обращений военнопленных записывалась на пластинки. Для этого сотрудники станции направлялись в Лунёво, где располагался «военный сектор» НКСГ. Готовые записи прослушивались представителем 7-го управления Главного политического управления Красной Армии (ГлавПУР)[82]. Обычно эту функцию исполнял Иосиф Брагинский[83]. Цензура зачитываемых текстов не составляла особого труда. Сложнее обстояло дело с записями на пластинках, но техники могли одним нажатием кнопки избавиться от нежелательных слов или предложений[84].

С августа 1943 г. в программу радиостанции «Свободная Германия» вошли богослужения, организованные комиссией по церковным делам при НКСГ и проходившие каждое воскресенье и по церковным праздникам. Чтение проповедей – попеременно католических и протестантских – начиналось с цитат из Библии и велось по актуальным вопросам. Оно сопровождалось органной музыкой, записанной в Московской консерватории[85].

Через год после основания Национального комитета штат его радиостанции насчитывал 15 человек. Антон Аккерман занимал должность главного редактора, его заместителем был Фриц Эрпенбек. Ганс Мале ведал организационными и техническими вопросами. В редакцию также входили Макс Кейльсон (внутренняя политика Германии), Курт Фишер (военные новости), Густав фон Вангенхайм (сначала как диктор, с апреля 1944 г. как редактор)[86], а также Георг Шнайдер и Элеонара Пик (редакторы), Фриц Хейльман и Вольфганг Леонхард[87] (дикторы), Бруно Шрамм и Эгон Дрегер (контролеры). Позднее в штат радиостанции были включены Леа Гроссе, Вера Писчасова и Герда Шеринг[88]. В эфирном времени доминировали выступления военнопленных, но было решено, чтобы эмигранты (они именовались «гражданским сектором» НКСГ) были шире представлены в программе. Это касалось, прежде всего, находившихся в СССР немецких писателей, участие которых в работе программы НКСГ считалось недостаточным[89].

Редакторы поддерживали регулярные контакты с фронтовыми уполномоченными Национального комитета, которые обладали информацией о настроениях среди военнослужащих вермахта и могли высказать суждения о языке и аргументации радиопередач. К подготовке передач привлекались и активисты НКСГ, работавшие в лагерях военнопленных[90]. С января 1944 г. еженедельно выходила в эфир программа «Беседы в доме Национального комитета», нацеленная на формирование в Германии органов движения «Свободная Германия». Автором этих материалов был, как правило, Антон Аккерман. Обсуждались, например, такие вопросы: «Как создать группу Сопротивления?»; «Где и как могут встречаться члены такой группы?»; «Как подготовить листовку?»; «Как вести действенную устную агитацию?»; «Как следует хранить нелегальные материалы?»; «Как осуществлять контакты между членами нелегальной организации?»; «Могут ли сотрудничать различные течения антифашистской оппозиции?». Вопросы такого рода показывают, что передачи радиостанции «Свободная Германия» были рассчитаны не только на солдат вермахта, но и на гражданское население Германии.

На отдельных участках фронта действовали т. н. «солдатские передатчики», время и место вещания которых зависело от боевой обстановки. В организационном отношении они были независимы от радиостанции НКСГ, но координировали с ней свои акции. «Солдатские передатчики» находились в подчинении 7-го управления ГлавПУРа и соответствующих отделов соединений Красной Армии. Они получили названия «Фронтовое радио», «Полярная радиостанция “Правда”», «Солдатская правда», «Солдатский передатчик “Восточная Пруссия”», «Радиостанция “Балтика”»[91].

1944–1945: наступление и путь к будущему

После победы Красной Армии под Сталинградом понимание неизбежности поражения Германии проявилось даже у тех, кто ранее сомневался в этом. Руководство КПГ начало интенсивную разработку планов послевоенного переустройства Германии. Деятельность в рамках НКСГ не была единственным полем активности находившихся в эмиграции немецких коммунистов. В начале 1944 г. в Москве состоялось несколько совещаний, в ходе которых руководители КПГ дискутировали о будущем

страны[92]. Представители партии хорошо понимали, что степень ее самостоятельности – относительно политики Советского Союза – возрастет в той мере, в какой германское движение Сопротивления примет участие в разгроме нацистского режима. Поэтому в передачах радиостанции «Дойчер фольксзендер» вопросы активного внутреннего Сопротивления занимали все больше места[93].

Неудача покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. повлекла за собой сомнения в действенности передач радиостанции. Лидеры официально распущенного, но фактически действовавшего Коминтерна формулировали новые задачи. Речь шла, прежде всего, об активизации движения Сопротивления: «Убеждать всех антифашистов и всех противников гитлеровского режима в том, что не удастся избежать вооруженной борьбы, что необходимо решительно приступить к организации такой борьбы, вести интенсивную кампанию за формирование боевых групп и народного ополчения в Германии»[94]. Для этого предписывалось распространять через радио следующие лозунги: «Отказывайтесь от выполнения всех приказов Гитлера и его партийных бонз!»; «Закончить войну!»; «Повернуть оружие против Гитлера!»; «Наводите порядок в собственном доме, очищайте его от гитлеровской чумы!»; «Не становитесь пушечным мясом для Гитлера!»; «Формируйте боевые группы на предприятиях!»; «Организуйте забастовки!»; «Остановить военное производство!»; «Спасение народа – в ваших собственных руках!»[95].

По радио пропагандировались установки коммунистов о послевоенном переустройстве Германии как «боевой антифашистской демократии», в которой понесут наказание военные преступники, в которой будут соблюдаться права народа – свобода печати и религии. Казалось, вот-вот станет реальностью высказывание Сталина 1942 года: «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается». Деятельность радиостанции ДФЗ была сконцентрирована на решении новых задач. Прежние специальные передачи для рабочих, солдат, женщин, молодежи и крестьян стали неотъемной частью общих вещательных программ. Желательно было и техническое усовершенствование вещания.

Проблемы послевоенной Германии занимали все больше места и в трансляциях Ино-радио. А.А. Пузин, сменивший Поликарпова на посту председателя Всесоюзного радиокомитета, стремился при поддержке Д.З. Мануильского улучшить техническую базу иностранного вещания. Речь шла о вводе в строй дополнительных, более мощных передающих устройств, что облегчало бы популяризацию позиции СССР в решении проблем послевоенного порядка[96]. Если исходить из количества передач на иностранных языках, то трансляции на Германию по-прежнему находились на первом месте: 14 передач ежедневно общей продолжительностью 5 с половиной часов. Больше половины материалов было подготовлено сотрудниками Радиокомитета, остальную часть составляли официальные документы. 85 процентов эфирного времени уделялось политическим передачам, остальные 15 – литературным и музыкальным[97].

С окончанием войны были прекращены все немецкоязычные трансляции специального назначения. 6 июня 1945 г. последний раз вышел в эфир «Дойчер фольксзендер». «Голос призрака» прекратил существование в конце 1944 г. «Солдатские передатчики» перестали функционировать сразу по окончании боевых действий, но радиостанция «Свободная Германия» работала вплоть до роспуска НКСГ – до осени 1945 г. Ино-радио, существовавшее еще в довоенное время, продолжает выходить в эфир сегодня – под именем «Голос России».

Эпилог: о радиослушателях

В 1943 г., в разгар войны, в Советском Союзе, в Куйбышеве, была начата эксплуатация самого мощного в тогдашнем мире радиопередающего устройства мощностью 1500 киловатт. Это свидетельствует о значении, которое придавалось радио в пропагандистской битве. В течение определенного времени радиосигнал из Куйбышева принимался в Германии лучше радиосигнала из Москвы. Но качество приема зависело от многих факторов: от удаленности того или иного германского региона, от использованных приемных устройств, от погоды, от применяемых радиочастот[98]. Больше всего слушателей трансляций из СССР было на востоке Германии, в особенности в Берлине: приблизительно 10 процентов тех, кто принимал иностранные передачи. В Гессене этот показатель не превышал четырех процентов, в районе Фрайбурга – даже трех. Число слушателей «нелегальных» передатчиков было больше, но все же меньше, чем слушателей аналогичных британских передач[99].

Согласно правительственному распоряжению, изданному нацистами в сентябре 1939 г., слушатели «вражеских голосов» подвергались преследованию особых трибуналов. Власти «третьего рейха», помимо создания помех в эфире, проводили кампании запугивания смертными приговорами. Но все же число судебных дел против слушателей иностранных радиостанций было сравнительно невелико. В Берлине в 1940–1945 гг. было возбуждено 257 судебных исков – примерно 3 процента дел, рассмотренных особым трибуналом. Слушавшим – вопреки угрозам – «вражеские голоса» выносились все же относительно мягкие приговоры: в Берлине был зарегистрирован самый длительный срок – четыре года тюремного заключения, обычно же он не превышал двух с половиной лет, а в 40–70 процентах судьи удовлетворялись годом и меньше. Но если, кроме слушания иностранных станций, выдвигалось обвинение в сопротивлении режиму, дело рассматривалось имперским судом. Коммунисты, слушавшие советское радио, вполне могли рассчитывать на смертный приговор.

Типичный «радиопреступник» был мужчиной около 40 лет, его образование не превышало средней школы, в политическом отношении он был индифферентен. Мотивы – чаще всего любопытство, стремление сравнить нацистскую интерпретацию новостей с другими версиями, в известной степени – информационный голод, тревога за судьбу близких. Согласно исследованию, проведенному американскими оккупационными властями летом 1945 г., почти четверть «радиопреступников» начали слушать иностранные голоса только после битвы под Сталинградом. До сих пор не установлено, какая часть немцев (из 15 миллионов собственников радиоприемников) слушала «вражеские голоса». Оценки колеблются от одного до десяти миллионов. Примерные расчеты показывают, что до 40 тысяч жителей рейха принимали программы Ино-радио и станции НКСГ.

И все-таки, вопреки надеждам КПГ, средствами радио не удалось добиться противостояния режиму граждан Германии и солдат вермахта. Они не смогли собственными силами освободиться от фашизма. Конец национал-социализму положила Красная Армия. Именно поэтому амбиции и возможности КПГ ограничивались интересами советской внешней политики, что сыграло немалую роль в разработке стратегии в сфере пропаганды. Но общая заинтересованность в победе над Гитлером явно брала верх над различием установок.

Остается открытым вопрос: не было ли напрасным такое – почти на грани человеческих возможностей – напряжение сил, которое проявляли работнаки радио?

Они не реализовали цели, к которой стремились, им не удалось свергнуть Гитлера, но они доказали, что антифашистские силы существуют, доказали себе самим, изолированным друг от друга соратникам в Германии, всему миру. Они передали тысячам матерей и отцов, жен и детей в Германии сообщения о том, что их близкие живы. Не было ли это, с точки зрения сегодняшнего дня, едва ли не единственным полезным деянием? Даже если для тех, кто передавал такую информацию, она являлась лишь средством, а не целью.

Перевод с немецкого Александра Борозняка

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Стуков Г.И.* – председатель Всесоюзного радиокомитета в 1940–1941 гг., погиб на фронте.

[2] История советской радиожурналистики. Документы. Тексты. Воспоминания. 1917–1945. – М., 1991. С. 32. О структуре и кадровом составе Совинформбюро см.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 47. Л. 1.

[3] *Поликарпов Д.А.* (1905–1965) – председатель Всесоюзного радиокомитета в 1941–1944 гг. В 1944–1946 гг. секретарь правления Союза советских писателей, в 1955–1965 гг. зав. отделом культуры ЦК КПСС.

[4] Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen im Bundesarchiv (SAPMO Barch) RY 5 / I 6/3/287. S. 15 f.

[5] Ср.: Письмо Ульбрихта Димитрову, Эрколи, Фюрнбергу и Пику 25 июня 1941 г. // SAPMO Barch. NY 4128/228. S. 9ff.

[6] Ср. Письмо Хавинсона Щербакову и Лозовскому 31 июля 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 35 . Л. 37.

[7] Мулин возглавлял т. н. «русскую редакцию» Ино-радио, а затем все иностранные редакции.

[8] Гуго Гупперт владел навыками стенографии, был назначен в группу прослушивания и оставался в ее составе вплоть до эвакуации в Чистополь в конце 1941 г. См.:*Huppert H.* Schach dem Doppelgänger. – Halle, 1979. S. 20.

[9] Письмо Ульбрихта Димитрову 19 июля 1941 г. // SAPMO Barch. RY 5/ I 6/3/287. S. 21. Из письма становится ясно, что предложения КПГ от 23 июня не были реализованы. Однако названные лица во время войны принимали участие в работе иновещания.

[10] Письмо Ульбрихта Эрколи 17 июня 1941 г. // SAPMO Barch. RY 5/ I 6/3/287. S. 20. «Тройка» в составе Георгия Димитрова, Эрколи (Пальмиро Тольятти) и Д.З. Мануильского руководила во время войны всей деятельностью Коминтерна.

[11] Ср.: Зашифрованный текст рукописьных записей Пика с 1 сентября 1941 г. по 25 февраля 1942 г. // SAPMO Barch. NY 4036/567. S. 1.

[12] Ср. *Pütter C.* Rundfunk gegen das «Dritte Reich». Deutschsprachige Rundfunkaktivitäten im Exil 1933–1945. Ein Handbuch. – München, 1986. S. 111.

[13] *Erpenbeck F.* Hier spricht der Sender der SA-Fronde // Erinnerungen sozialistischer Rundfunkpioniere. Ausgewählte Erlebnisberichte zum 30. Rundfunkjubiläum. – Berlin (Ost), 1975. S. 197–204, здесь 200f.

[14] Зашифрованный текст рукописьных записей Пика «Deutsche Jugendsendung» 19 декабря 1941 г. // SAPMO Barch. NY 4036/567. S. 10ff.

[15] Ср. *Grosse L.* Eine Inventur. – Berlin (Ost), 1982.

[16] Ср. *Pütter C.* Op. cit. S. 292f.

[17] Ср.: Протокол № 798 заседания ИККИ с секретариатом Коммунистического Союза Молодёжи и национальными редакциями радио 28 июля 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1338. Л. 33–35.

[18] Ср. Письмо Пика Димитрову 29 августа 1941 г. // SAPMO Barch. NY 4039/539. S. 277.

[19] Передатчик «Европейская революция» был создан находившимися в Англии немецкими левыми социалистами из группы «Новое начало». См.: *Pütter C.* Op. cit. S. 106ff.

[20] Бедрих Геминдер (1901–1952) – в 1924–1926 и в 1934–1935 гг. в аппарате Коминтерна, руководитель отдела печати КИ, в 1943–1945 – руководитель Института 205, в 1945–1951 гг. – секретарь ЦК КПЧ, в 1952 г. в связи с процессом Сланского приговорен к смертной казни.

[21] Ср. Зашифрованный текст рукописьных записей Пика 1 сентября 1941 г. // SAPMO Barch. NY 4039/567. S. 7.

[22] Записка Димитрова 10 сентября 1941 г. // SAPMO Barch. NY 4039/539. S. 278.

[23] Bundesarchiv/Militärarchiv, Freiburg (BA/MA) RW 4/304.

[24] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 164. Л. 25.

[25] Немецкому народу. Текст декларации // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 8. Л. 31–36.

[26] *Willmann H.* Steine klopft man mit dem Kopf. Lebenserinnerungen. – Berlin (Ost), 1977. S. 208ff.

[27] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1363. Оп. 1. Д. 88. Л. 23–23.

[28] Ср. Информация Доминика. Там же. Л. 26.

[29] *Fischer E.* Erinnerungen und Reflexionen. – Frankfurt a.M., 1994. S. 499. После того, когда Фишер отказался от изменения своих текстов, он мог их читать без цензуры. Ср. Там же. S. 484ff.

[30] См. Недатированное сообщение Степанова Поликарпову // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6903. Оп.1 . Д. 69. Л. 181–182.

[31] Ср. Информация о приёме немецких передач программ из Москвы, Куйбышева и Свердловска 27 декабря 1941 г. // РГВА. Ф. 1363 . Оп. 1. Д. 88. Л. 17ff.

[32] Ср. ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 1. Д. 69. Л. 32 след. стр.

[33] Ср. *Stankoweit W.* 1937–1945: Acht Jahre verantwortlich bei Radio Moskau. Genosse Karl Raab erzählt von seiner Sendearbeit in der Sowjetunion // Beiträge zur Geschichte des Rundfunks. 1982. H. 4. S. 5–26.

[34] Ср. Зашифрованный текст рукописных записей Пика с 1 сентября 1941 г. по 25 февраля 1942 г. // SAPMO Barch. NY. 4036/567. S. 5.

[35] Оригинал Антона Аккермана // SAPMO Barch. NY 4109/55 S. 1ff; ср. также: *Ackermann A.* Wellenreiter auf Nazifrequenz // Neue deutsche Presse. 1967. H. 10. S. 22–23.

[36] *Ackermann A.* Op. cit. S. 22.

[37] Ср. Дневник Вильгельма Пика // SAPMO Barch. NY 4036/22. S. 12.

[38] Ср. Письмо Доминика Государственному секретарю 20 февраля 1941.//РГВА. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 88. Л. 115.

[39] Ср. Письмо Аккермана Хеберу 19 сентября 1970 г. // SAPMO Barch. NY 4109/70. S. 84.

[40] Бруно Кёлер (1900–?) – деятель чехословацкого коммунистического движения. В 1926–1928 в Международной Ленинской школе Коминтерна, с 1929 г. член ЦК Коммунистической партии Чехословакии, с 1931 г. член Политбюро ЦК КПЧ, в 1933–1934 гг. член президиума ИККИ, в 1935–1938 гг. депутат Национального собрания Чехословацкой республики. Будучи судетским немцем родом из Северной Богемии, эмигрировал в 1938 г. во Францию, в Париже входил в загранруководство КПЧ. После оккупации немцами французской столицы сбежал через Великобританию в Москву. В середине мая 1942 г. Кёлер из Уфы перебрался в Казань, где советские инженеры устанавливали техническое оборудование. Он должен был работать на длинных волнах немецкой программы. Сначала у него не было актуального материала для вещания – радиоприёмник он получил гораздо позднее. Кроме того, по его мнению, время передачи (с 22.30 до 24.00) для немецких радиослушателей было слишком поздним. Обычно в это время только музыку передавали. Комментарий к немецким заявлениям редко можно было встретить. Поэтому он просил Димитрова выступить в Москве за изменение времени передач. (Письмо Кёлера Димитрову, 15 мая 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 323. Л. 1.) Руководящие указания Кёлер получал через Димитрова и Геминдера, которые уже находились в Москве.

[41] Недатированный отчёт о продолжении работы // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 321. Л. 12.

[42] Ср. Письмо Кёлера Димитрову 12 июля 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 323. Л. 7.

[43] Протокол 2 августа 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 321. Л. 60.

[44] Тексты сентября 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 322. Л. 30.

[45] Тексты 31 августа 1942 г. // Там же. Л. 29.

[46] РГАСПИ. Ф. 495 Оп. 83. Д. 321. Л. 16.

[47] Письмо Кёлера Геминдеру 20 сентября 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 323. Л. 20.

[48] Ср. Письмо «Дойчландзендера» Фритче 8 апреля 1943 г. // РГВА. Ф. 1363. Оп. 5. Д. 33. Л. 51.

[49] Ср. *Ackermann A.* Op. cit. S. 22.

[50] Письмо Обернедера Апитцшу 12 февраля 1943 г. // РГВА. Ф. 1363. Оп. 5 . Д. 33.

[51] Письмо Фишера Фритче 23 января 1943 // Там же.

[52] Ср. Копию отчёта деятельности земли Бранденбурга 14 февраля 1944 г. // Там же. S. 89.

[53] Проект резолюции ИККИ 11 февраля 1942 г. // SAPMO Barch. NY 4036/568. S. 14ff.; окончательная русская версия решения в приложении письма Димитрова Щербакову 27 февраля 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121 . Д. 164. Л. 2. Разные резолюции можно найти в дневниках Димитрова – ср. *Georgi Dimitroff:* Tagebücher 1933–1945.Hauptband und Kommentarband, hg. von Bernhard Bayerlein und Wladislaw Hedeler. – Berlin, 2000.

[54] Письмо Пика Димитрову 16 февраля 1942 г. // SAPMO Barch. NY 4036/539. S. 279f.

[55] Летом после перестройки редакции Пливье ушёл с места. Причиной стало до сих пор невыясненное событие, о котором в источниках найдены только намёки. Ср. Письмо Пика Димитрову 1 июля 1942 г. // SAMPO Barch. NY 4036/539. S. 69.

[56] Зашифрованный текст рукописных записей Пика с 1 января 1942 г. // SAPMO Barch. 4036/567. S. 16.

[57] Письмо Пика Эрколи 25 февраля 1942 г.//SAPMO Barch. NY 4036/568. S. 39; тематические планы находятся, например, там же: NY 4036/567. S. 18–28; протоколы редакционных заседаний там же: NY 4036/568. S. 45ff.

[58] Ср. Письмо Винокурова Поликарпову 16 января 1942 г. // ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 1. Д. 71. Л. 29 след. стр. См. также обзор загранпередач из Куйбышева с 15 по 22 марта 1942 г., Винокуров – Поликарпову, март 1942 г., там же S. 20 след. стр.

[59] Ср. *Fischer W.* Kurze Geschichten aus einem langen Leben. – Mannheim, 1986. S. 159.

[60] Ср. Зашифрованный текст рукописных записей Пика «Разговор с Швабом о немецкой редакции Инорадио» 8 марта 1942 г. // SAPMO Barch. NY 4036/566–2. S. 2f.

[61] Формально они находились в штате издательства Иностранной литературы и от него получали зарплату, но в то же время они работали для 7-го управления армии и для Инорадио.

[62] В одном отчёте найдены фамилии Гус, Миндлинг, Рикартчев и Финн.

[63] *Fischer W.* Op. cit. S. 159f.

[64] Ср. Письмо Бределя Поликарпову (1941) // Stiftung Archiv der Akademie der Künste, Berlin (AdK), Nachlaß Willi Bredel. Nr. 458.

[65] Ср. *Rodenberg H.* Protokoll eines Lebens. Erinnerung und Bekenntnis. – Berlin (Ost), 1980. S. 142.

[66] Ср. Письмо Димитрову 24 апреля 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 17. Л. 35 след. стр.

[67] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1338. Л. 24.

[68] Ср. *Апельт.* Zur Führungstätigkeit des Zentralkomitees der KPD, dargelegt an der Bedeutung des ‚Deutschen Volkssenders' 1941–1945 // SAPMO Barch. NY 4146/1. S. 158f.

[69] Подробнее см.:*Tischler C.* Flucht in die Verfolgung. Deutsche Emigranten im sowjetischen Exil 1933–1945. – Münster, 1996. S. 203ff.

[70] Письмо Пика Димитрову 23 декабря 1942 г. // SAPMO Barch. NY 4036/539. S. 340.

[71] Ср. Воспоминания Гунделаха // SAPMO Barch. NY 4066/3. S. 266 f.

[72] Письмо Пика Димитрову 19 декабря 1942 г. //SAPMO Barch. NY 4036/539. S. 292. Там же находятся тексты всех речей.

[73] Ср. Письмо Пика Димитрову 12 января 1943 г. // SAPMO Barch. NY 4036/539. S. 357.

[74] Ср. зашифрованный текст рукописных записей Пика Berliner Stadtteilkonferenz/Geheime Beratung/Nov. 1943 г. // SAPMO Barch. NY 4036/567. S. 40f.

[75] Решение секретариата 10 февраля 1943 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1340. Л. 43.

[76] Ср. Отчёт о работе радиокомитета в первом квартале 1943 г. // ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 1. Д. 68. Л. 24.

[77] Ср. Письмо Поликарпова Щербакову 7 сентября 1943 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 215. Л. 121 и след. стр.

[78] Ср. Письмо Кольцова Димитрову 18 октября 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 38. Л. 52–53.

[79] Ср. Зашифрованный текст рукописных записей Пика 10 июля 1943 г. // SAPMO Barch. NY 4036/575. S. 15.

[80] Ср. Рукопись Аккермана, 1966 г. // SAPMO Barch. NY 4109/4. S. 316.

[81] Ср. *Diesener G.* Die Propagandaarbeit der Bewegung «Freies Deutschland» in der Sowjetunion 1943–1945. Univ. Diss. B. – Leipzig, 1988. S. 14f. Автор включил в свою работу все оригинальные тексты радиопередач, которые находятся в фондах Федерального архива ФРГ.

[82] 7-е управление ГлавПУРа ведало «разложением войск противника» т.е. спецпропагандой. В составе политуправлений фронтов и армий действовали соответствующие 7-е отделы. (*Прим. перев.*)

[83] Ср. *Wolfgang Leonhard.* Die Revolution entlässt ihre Kinder. – Köln–Berlin, 1955. S. 273. Брагинский И.С. – известный ученый-востоковед, полковник, был уполномоченным ГлавПУРа по связи с НКСГ. См.: *Бродский Е.А.* Это известно немногим. – Красногорск, 1996. С. 14. (*Прим. перев.*)

[84] Ср. рукопись Аккермана «Der Wellenreiter», 1969 // SAPMO Barch. NY 4109/55. S. 28.

[85] Ср. Christen im Nationalkomitee «Freies Deutschland». Eine Dokumentation, hg. von Klaus Drobisch. – Berlin (Ost), 1973. S. 57f.

[86] Ср. Письмо Аккермана Кольцову 19 апреля 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 37. Л. 10.

[87] За 13 месяцев своей работы (апрель 1944 – апрель 1945 г.) Леонхард составил от 10 до 12 кратких комментариев – см. анкету о радиодеятельности немецких эмигрантов 25 апреля 1978 г. // Deutsches Rundfunkarchiv (DRA), Frankfurt a. Main, Sammlung.

[88] Ср. «Информация о сотрудниках института № 99» 1 сентября 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 39. Л. 2; *Morré J.* Hinter den Kulissen des Nationalkomitees. Das Institut 99 in Moskau und die Deutschlandpolitik der UdSSR 1943–1946. – München, 2001. S. 94ff.

[89] Ср. Решение-протокол совещания НКСГ 11 сентября 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 46. Л. 19.

[90] Ср. рукопись Аккермана 1966 г. // SAPMO Barch. NY 4109/4. S. 317.

[91] Ср. *Pütter C.*: Op. cit. S. 312ff.

[92] Ср. Peter Erler, Manfred Wilke (Hgg.): «Nach Hitler kommen wir». Dokumente zur Programmatik der Moskauer KPD-Führung 1944/45 für Nachkriegsdeutschland. – Berlin, 1994.

[93] Ср. Протокол заседания руководящих товарищей 6 февраля 1944. // SAPMO Barch NY. 4036/499. S. 83.

[94] Resolution über die neuen Aufgaben der Radioredaktion «Deutscher Volkssender» vom 10. August 1944 // SAPMO Barch. NY 4036/568. S. 105.

[95] Ibid. S. 106.

[96] Ср. Письмо Пузина и Мануильского Щербакову 31 июня 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 296. Л. 20 след. стр.

[97] Ср. «Главные передачи для вражеских и оккупированных Германией государств» // Там же. Л. 24 след.стр.

[98] Ср. Bericht von Mitte August 42 // SAPMO Barch. NY 4039/507. S. 46; «Bericht vom 10. Oktober 1942». Ibid. S. 48.

[99] См.: *Hensle M.P.* «Rundfunkverbrechen». Das Hören von «Feindsendern» im Nationalsozialismus. – Berlin, 2003; *Reuband K.-H.* «Schwarzhören» im Dritten Reich. Verbreitung, Erscheinungsformen und Kommunikationsmuster beim Umgang mit verbotenen Sendern // Archiv für Sozialgeschichte. Bd. 41. – Bonn, 2001. S. 245–270.

Татьяна Горяева

ИНФОРМАЦИЯ, ВЕРА, НАДЕЖДА.
Советское радио в годы войны

История формирования нового государственного пропагандистского канала совпала с историей становления сталинского режима. С одной стороны, не надо было ломать старые традиции и формы. С другой, как нечто совершенно новое радио и в своей содержательной, и в организационной основе очень чутко впитывало все атрибуты тоталитарной власти. Вот почему нам интересна эволюция «чуда XX века», действительно начинавшегося как народная трибуна и мощная культуртрегерская струя, но выродившегося в «постоянно бубнящую черную тарелку»[1], символизирующую сталинскую эпоху. Эта история особенно показательна для понимания происшедших в этот период практически необратимых деформаций в системе социокультурных ценностей советского общества.

Не стоит забывать, что речь идет о зарождении нового синтетического коммуникативного канала, с развитием которого мир обрел новые психоэстетические формы общения и получения информации. Особенно привлекательным радио было в глазах обывателя, мифологизировавшего всех, кто был связан со «звучащим невидимкой», наделявшего радио особой притягательной силой. Поэтому так непросто и противоречиво складывались взаимоотношения между «четвертой властью» и «властью первой», отчетливо сознававшей зависимость своего политического успеха от уровня ангажированности журнализма[2]. Вообще, заслуги прессы и журналистов в становлении и «обслуживании» тоталитарных режимов можно считать не только значительными, но и зачастую определяющими. Подмена нравственных основ профессиональной этики журналиста принципами «партийности печати и литературы» обусловила функции и характер советских масс-медиа. Впрочем, общим местом является утверждение о том, что об уровне демократии в государстве свидетельствует наличие независимой и самостоятельной журналистики, и, напротив, тоталитарный режим различными средствами, от непосредственной цензуры до финансовой, кадровой и иной политики, стремится к созданию системы «карманных» масс-медиа, полностью зависимых от власти. Именно в связи с той действительно первостепенной ролью, которая была исторически отведена радио, особое значение приобретает анализ механизма идеологического руководства им со стороны партии и государства, формирования системы контроля над его работой как основы политической цензуры.

Перестройка на военный лад

Война по-новому осветила роль и значение радио, которое стало объединяющим источником информации, веры и надежды. Накануне войны был подготовлен проект постановления о реорганизации всей технической основы радиоотдела. В сопроводительной записке на имя Сталина говорилось, что до этого времени радиоприемная

сеть в СССР развивалась стихийно. Повсеместно распространенная проволочная радиосеть (11.226 радиоузлов, обслуживающих около шести миллионов радиоточек) за время своего существования износилась и устарела. Фактически СССР в это время был единственной страной, в которой преобладало проволочное радиовещание, несмотря на существенную ограниченность технических возможностей. Зато были иные преимущества – возможность ограничить и контролировать информационные потоки и организовать эффективную «культурно-политическую и военно-оборонную пропаганду»[3]. Эфирная радиосеть развивалась значительно слабее[4], тогда как за рубежом наблюдалась обратная картина. Примечательно, что в связи с началом военных действий в европейских государствах возникла проблема создания проволочного вещания, менее уязвимого для атмосферных и иных помех и исключающего бесконтрольную передачу программ. Германия, которая задолго готовилась к войне, также создала трехпрограммную проволочную связь основных немецких радиопередатчиков.

В преддверии войны специалисты радиодела понимали острую необходимость коренного изменения всей системы радиосвязи, в числе важных мер – объединение всех разрозненных радиоорганизаций, концентрация производственно-технической базы, превращение отрасли в доходную и пр.[5]. Был даже подготовлен проект Постановления «О переводе ВРК при СНК СССР[6] на полный хозяйственный расчет», подписание которого планировалось на 5 июня 1941 г. Однако война внесла коррективы в эту и многие другие программы, в том числе пришлось на время отказаться и от применения ультракоротких волн для радиовещания и радиосвязи, и от строительства новых ретрансляторов[7].

22 июня 1941 г. в 12 часов радио из Москвы передало заявление Советского правительства о вероломном нападении фашистской Германии на СССР. Юрий Б. Левитан вспоминал: «Девять раз за день с интервалами в час я читал это небольшое трагическое сообщение, начинающееся словами: “Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня в 4 часа утра… без объявления войны германские войска напали на нашу страну”». Через 45 минут после правительственного сообщения в эфир вышел первый военный выпуск «Последних известий», в котором прозвучали боевые призывы: «Ответим на удар врага сокрушительным ударом!», «Удесятерим трудовые усилия для помощи Красной Армии!», «Сметем с лица земли фашистских поджигателей войны!». В течение дня радио транслировало репортажи с митингов на автозаводе, на заводе «Серп и молот», «Трехгорной мануфактуре». В вечернем и ночном выпусках «Последних известий» к радиослушателям обратились с выступлениями писатели Илья Эренбург, Жан-Ричард Блок, поэты Алексей Сурков, Василий Лебедев-Кумач. В ночном выпуске «Последних известий» украинским корреспондентом Яковом Борецким было передано первое сообщение с фронта. «Несмотря на бесконечные звонки и лихорадочную суету, пульс редакционной жизни, как всегда, был подчинен железному графику передач», – вспоминал редактор «Последних известий» Н. Потапов. Так буквально с первого дня радио заявило о своей особой роли – в кратчайшие сроки доносить нужную информацию одновременно во все уголки страны[8].

Советское радио на немецком языке, которое накануне вещало регулярно, вообще молчало до полудня[9]. После полудня передачи возобновились: было передано правительственное заявление, которое заклеймило гитлеровскую агрессию и продемонстрировало решимость дать отпор врагу. Это заявление передавалось до поздне-

го вечера, чередуясь с патриотической музыкой. Уже на следующий день в программу были включены газетные репортажи с митингов, посвященных мобилизации трудящихся на защиту социалистического отечества, а также выступления Ольги Л. Книппер-Чеховой и статья Эренбурга в патриотическом духе. Несколько позже тексты радиопередач Московского радио стали содержать прямые обращения к немецкому народу, состоящие из фраз-лозунгов: «Немецкий народ! Подумай о том, за что проливают кровь твои солдаты. Их толкают на верную гибель. Разве они могут победить двухсотмиллионный советский народ? Кончайте с Гитлером, со всей нацистской сволочью, которая посылает вас на верную смерть». Или: «Немецкий юноша, немецкая девушка! Советская молодежь – твой друг. Кто вероломно напал на советский народ? Не ты, немецкая молодежь, а Гитлер и его банда. Они несут смерть твоему народу. Кончайте с Гитлером. Это путь к миру». Каждый эфир начинался словами: «Немцы, желающие знать правду о войне на Востоке! Немцы, желающие участвовать в борьбе за освобождение родины от фашистского ярма! Слушайте наши передачи! Слушайте их ежедневно!»[10].

Этот патетический и декларативный стиль обращений к полной благодушия и отрешенности от реального положения немецкой аудитории был характерен для первого этапа войны. Обращаясь, в основном, к антифашистам, советская пропаганда не содержала даже примитивных рекомендаций борьбы с фашистским режимом, не учитывала главного – предательства Сталиным идей Коминтерна и выдачу немецких коммунистов-антифашистов Гитлеру. Как считал прокоммунистически настроенный писатель Альфред Курелла, систему пропаганды следует строить, прежде всего, изучая фронтовые письма и пытаясь играть на чувствах людей, а также дифференцированно формировать интонацию и стиль текстов, обращенных к разным социальным и возрастным категориям[11]. Тем более начало войны в корне изменило настроения немецкого населения. Даже немецкий обыватель в СССР, подверженный, как и рядовой советский гражданин, массированной местной пропаганде, по мере развития военных действий на восточном фронте начал задумываться и сомневаться в близкой и легкой победе вермахта. Особенно эти настроения усилились после провала операции по взятию Москвы[12].

В этих условиях Московское радио усиливает наступательную интонацию, используя два основных направления: во-первых – утверждения об особой стойкости советского народа, во-вторых – новости о растущих потерях немецких войск. При этом, наряду с информацией Совинформбюро и публицистики – очерков и выступлений писателей и деятелей культуры – используются новые источники: письма и выступления пленных немецких солдат и офицеров или публицистические материалы, стилизованные под документальные. В них – драматические свидетельства о потерях и страданиях немецких солдат в России. Особенно эта интонация была сильна в передачах для немецких женщин. При этом, говорилось не только о физических тяготах и смертельной опасности, но и о развращающем влиянии войны, когда стирались привычные образы – муж, сын, отец – и у мужчин вырабатывалась животная привычка «смотреть на женщин как на пятиминутное развлечение»[13].

В 1942 г. было уже необходимо придумывать новые пропагандистские лозунги для иновещания, потому что политическая ситуация к этому времени сильно изменилась: сложилось новое соотношение сил на фронтах, возросла мощь антигитлеровской коалиции, усилился нажим Германии на оккупированные страны. Среди основных тем радиопередач – неизбежное поражение Германии, майский приказ

Сталина, англо-советский договор и советско-американские соглашения, предстоящее открытие второго фронта, отсутствие территориальных притязаний и стремления к вмешательству в дела других стран у демократических держав, горячее желание СССР обеспечить после войны процветание в Европе. Был усилен наступательный характер радиопропаганды, дополненной новыми лозунгами, которые должны были активизировать антифашистские выступления, партизанское движение (особенно во Франции), способствовать созданию широкого народного фронта. Все лозунги формировались в соответствии со спецификой каждой страны.

Были придуманы более интересные, яркие формы подачи; рос профессионализм радиоведущих – их дикция становилась четче, вырабатывалась радиофоничность голоса; становилось все больше выступающих у микрофона, бесед за круглым столом, скетчей, репортажейи др.[14]. Сильное воздействие советской пропаганды на немецких солдат и население отмечалось в штабе 2-ой немецкой армии в ноябре 1942 г.: пропагандисты не спекулировали коммунистической риторикой, щадили церковь, не затрагивали крестьянство и среднее сословие Германии, а направляли удар против фюрера и НСДАП[15].

Война внесла свои коррективы и во внутренний распорядок Радиодома. Сразу после начала войны Радиокомитет был объявлен на военном положении. Одним из первых приказов военного времени был приказ № 272 о строжайшем соблюдении правил оформления и прохождения радиопередач и охраны микрофонов. Его опубликование было вызвано необходимостью военного времени, повышением бдительности и усилением охраны государственной и военной тайны[16]. Были приняты меры по обеспечению безопасности эфирных студий и строгому соблюдению военных тайн, организации противовоздушной обороны здания Радиокомитета. «Работники радио были, как все. Шли в военкоматы, записывались в народное ополчение. Улетали и уезжали в командировки, на фронт, строили укрепления. Дежурили на крышах. Готовили радиопередачи и вели их в обычных редакционных комнатах и студиях, и в убежищах», – вспоминал М. Михайлов, бывший работник радиовещания на зарубежные страны. Вот как описывал полные напряжения первые дни войны диктор главной редакции вещания на страны Латинской Америки Луис Чекини: «В первые дни мы не покидали радио, работая днем и ночью: надо было перестроить всю тематику вещания, найти нужные материалы, использовать опыт борьбы с империалистической блокадой и агрессией, против белогвардейцев».[17]

Перестройка радио на военный лад была обусловлена общей политикой, определенной ЦК ВКП(б). 2 июля 1941 г. постановлением СНК СССР председателем Радиокомитета был назначен заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Дмитрий А. Поликарпов[18]. Концентрация власти была предельной: по приказу № 407 от 24 августа 1941 г. все радиопередачи «Последних известий», отдела политической агитации, военного и литературного отделов просматривались и визировались лично председателем[19]. Наряду с сотрудниками он работал в отделе выпуска круглосуточно. «Большую часть времени Поликарпов проводил в отделе выпуска, – вспоминала сотрудник этого отдела З. Баташева, – уходил домой обычно в два-три ночи… Уходя домой, всегда приносил нам довольно большой сверток с продуктами. И мы все, дикторы и диспетчеры, садились ужинать. Работали сутками, домой уходили только поспать».[20] Лучшие радиожурналисты уезжали на фронт военными корреспондентами[21]. В связи с резким изменением характера вещания вводились новые должности, образовывались новые редакции…

Опровергая устоявшееся мнение о том, что власть недооценивала радио, отдавая предпочтение другим СМИ, именно по радио голосом председателя СНК СССР Молотова было объявлено о начале войны, 3 июля передано легендарное выступление Сталина, в котором впервые за годы советской власти прозвучало обращение «братья и сёстры», определившее народный характер и исход войны. Именно с помощью радио создавались чрезвычайно устойчивые пропагандистские мифы и установки, с которыми связаны некоторые характерные для советской журналистики мистификации. К одной из них относится трансляция парада на Красной площади 7 ноября 1941 г. В отличие от прежней практики прямой трансляции, запись военного парада была сделана накануне 6 ноября. Именно поэтому в документальных съемках и иных формах фиксации этого исторического события, получившего огромный международный резонанс, встречаются явные несоответствия. Так, например, при публикации полного текста трансляции[22] пришлось нарушить все существующие каноны и соединить микрофонный текст заранее подготовленной партитуры парада[23] с расшифровкой звукозаписи речи Сталина[24]. Одно оставалось неизменным: участники парада прямо с Красной площади отправлялись на передовую, находившуюся в эти дни в нескольких десятках километров от стен Кремля. Именно это придавало выработанному за многие годы патетическому штампу естественные ноты подлинной трагедии:

> Сурово, торжественно выглядит сегодня древняя Красная площадь. Над Москвой, родной нашей столицей, нависла серьезная опасность. Фашистские орды рвутся к Москве. На подступах к столице в этот час идут ожесточенные бои, бои не на жизнь, а на смерть против коварного врага. Москва ощетинилась штыками, стволами зенитных орудий, баррикадами. По широким улицам шагают бойцы, проходят рабочие батальоны. Здесь славные сыны Красной Пресни, фрунзенцы, куйбышевцы, старики и молодежь, славные патриоты нашей родной земли. Город на осадном положении. И Москва, по особому собранная, подтянутая в боевой готовности.

Впервые, призывая весь народ к сопротивлению врагу, Сталин использовал наряду с коммунистическими идеалами, освященными «духом Ленина», «мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»[25]

И все-таки главной и определяющей функцией военного радио была информация – оперативная и достоверная. Первое и тем более второе качество можно оценить только после прошествия стольких десятилетий. Тогда сотрудники «Последних известий» – главной информационной программы – руководствуясь ленинским тезисом о том, что «государство сильно сознательностью масс», приступили к формированию информационной политики радио. Выпуски «Последних известий» представляли собой ежедневные информационные блоки, отражавшие события на фронтах Отечественной войны, хронику новостей Советского Союза и международной жизни, составленные на основе сводок Совинформбюро, газетных материалов, материалов ТАСС и сообщений собственных корреспондентов. Созданное постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня 1941 г. Совинформбюро сыграло важную роль в организации информационного обеспечения печати и радиовещания[26].

В конце лета 1941 г. после того, как во время одной из немецких бомбардировок во двор Радиокомитета упала бомба, это учреждение переехало в Дом звукозаписи

на Малой Никитской улице, 24, который находился дальше от центра города и в здании которого имелись подвалы, где в случае необходимости можно было разместить студии. Бывший комментатор главной редакции вещания на страны Западной Европы Симмора Эусебио вспоминал: «Почти все редакции работали в одном зале. Война сплачивала людей – и несколько из-за недостатка помещений. Коллектив радио сознавал важную миссию, возложенную на него партией и правительством». Пропагандистскую функцию радио взял на себя, в основном, специально созданный отдел политагитации[27], работа которого была направлена, главным образом, на прифронтовые и отдаленные районы, лишенные других источников информации. «Не только агитаторы ждут московских бесед на политические темы, – говорилось на одном из совещаний у председателя ВРК 8 января 1943 г., – но даже газеты, и не только районные, но и областные, и краевые газеты ожидают московских передач, чтобы на основе этого материалы самим писать. Многие формулировки, которые дает радио, становятся законом в тех местах, куда с большим опозданием приходят другие источники информации. Радио для большинства является единственным источником, пополняющим багаж пропагандистов и агитаторов, несущих политическое слово массам»[28]. В структуре отдела готовились такие важные передачи, как «Красноармейский радиочас», «Краснофлотский радиочас», «Корреспонденции из действующей армии», «Радиопередачи для Красной Армии и Военно-Морского Флота»[29].

Радиоинформация

Сводки Совинформбюро являлись основным источником информации для ежедневных выпусков «Последних известий»; со 2 июля 1941 г. сводки передавались как «утренние» и «вечерние» сообщения Совинформбюро. Первая подобная трансляция состоялась уже 22 июня 1941 г.:

> С рассветом 22 июня 1941 г. регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря. И в течение первой половины дня сдерживались ими. Со 2-ой половины дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной Армии. После ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями. Только в гродненском и крестенопольском направлениях противнику удалось достичь незначительно тактических успехов и занять местечки Кальвария, Стоянов и Цехановец. Первые два в 15 км и последний в 10 км от границы. Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов и населенных пунктов, но всюду встречала решительный отпор наших истребителей и зенитной артиллерии, наносивших большие потери противнику. Нами сбито 65 самолетов противника[30].

Даже самый поверхностный анализ содержания этого сообщения весьма красноречиво свидетельствует о той степени достоверности, которая достигалась в официальных источниках информации. После войны шутили, что, если сложить все количественные показатели уничтоженной советскими войсками немецкой техники по сводкам Совинформбюро, то общая цифра превысила бы реальную во много десятков раз.

Не менее важную роль сыграла организация сбора фронтовой информации, которая осуществлялась с помощью военных корреспондентов. Специальным положени-

ем 1942 г. УПА ЦК ВКП(б) и Главпура Красной Армии[31] определялся статус военного корреспондента, который должен был выполнять основные задачи: подробно обсуждать в статьях боевой опыт частей, бойцов и командиров, содействие населения прифронтовой полосы боевым действиям, яркими красками изображать чинимые немецко-фашистскими захватчиками зверства, грабежи и насилия над мирным населением оккупированных ими районов, истребление немцами советских военнопленных. Впервые оговаривалась и обязанность военных повсеместно оказывать содействие военным корреспондентам, обеспечивать их необходимыми сведениями, знакомить с положением на фронте и документами, представляющими интерес для печати и радио, помогать в передвижении по фронту и в подборе людей для участия в подготовке материалов. Принципиально важно было показывать в публикациях «людей фронта», что сделало образцы фронтовой журналистики, несмотря на их идеологическую направленность, наиболее жизненными и близкими к реальности. Военный корреспондент должен был быть готов в любую минуту к боевым действиям и демонстрировать образец дисциплины и смелости; стойко и мужественно переносить все трудности и лишения фронтовой жизни и строжайше хранить военную тайну[32].

Радиоцензура

К концу 1930-х гг. окончательно сложилась партийно-государственная система политической цензуры, в том числе и на радио. Парадоксальным образом дисциплина военного времени в какой-то степени облегчила, если так можно выразиться, процедуру контроля: критерии стали более четкими, любое сомнение решалось в пользу запрета выпуска. Политико-идеологические требования стали менее расплывчатыми – патриотизм сплотил авторов самых различных направлений в едином стремлении к победе, «самоцензура» стала, с одной стороны, следствием искреннего понимания гражданского долга, с другой стороны, была связана с боязнью нарушить дисциплину военного времени. Диктор Ольга С. Высоцкая, проработавшая всю войну у микрофона бок о бок с Левитаном, в интервью, которое она дала автору более двадцати лет назад, говорила об атмосфере на радио: «очень много было случаев лазутчиков. Особая ответственность за микрофон. Сам аппарат был собранным, дисциплинирован. Не было ни одной ошибки, очень внимательно следили за каждым словом. Чувство ответственности удесятерялось… Численные сведения, названия пунктов, городов, где шли бои, цензура не пропускала (появлялся красный карандаш цензора)»[33].

Так, если в 1940 г. было выявлено свыше полутора тысяч допущенных в печати ошибок, то впоследствии число их не превышало в среднем 80–90 в год. Об «ударной» работе сотрудников Главлита[34] говорилось в приказе № 338 от 25 июня 1942 г., посвященном итогам соцсоревнования: коллектив сотрудников Главлита «развернул борьбу за повышение производительности труда, повышение норм читки, за укрепление дисциплины труда, за повышение качества работы». Подведенные итоги соцсоревнования показали, что на второе место по Главлиту вышел Радиоотдел (начальник отдела тов. Буртаков), в котором бригады цензоров работали без выходных дней, бригада русского радиовещания – 53 часа в неделю, бригада иновещания – 56 часов; наблюдалось явное превышение норм[35].

Что же стояло за внушительными цифрами выявленных случаев нарушения охраны государственной тайны, если не принимать во внимание редкие примеры разглашения мест расположения промышленных предприятий, военных подразделений и др.? Подавляющее большинство цензурных «преступлений» составляли так называемые «идеологические ошибки и контрреволюционные опечатки». Так, в совершенно секретном донесении ЦК ВКП(б) А.А. Пузину сообщалось, что в газете «Коммунист», органе Красноводского Обкома и Горкома и Исполкома Совета депутатов трудящихся, от 2 марта 1943 г. в тассовской заметке «Американские газеты о задачах стратегии союзника» в третьем абзаце в слове «Сталинград» пропущена буква «р». Кроме того, по сообщению Начальника Военно-Морского штаба Каспийской военной флотилии в № 101 от 14 мая 1943 г. в статье «Водному транспорту воинскую дисциплину» в слове «главнокомандующий» пропущена буква «л». Эти случаи рассматривались Главлитом как «контрреволюционные опечатки – дело рук врага», о которых было принято доносить в НКГБ[36].

Голоса с фронта или окопная правда в эфире

Однако главная задача радиожурналистов всех отделов и редакций состояла в том, чтобы наполнить свои программы живыми голосами и звуками, рассказать документально всему миру о героизме советских людей на фронте, испытаниях и тяготах мирного населения, зверствах фашистов. И, прежде всего, это касалось «Последних известий». При помощи еще несовершенной и громоздкой техники радиокорреспондентам удавалось обеспечивать редакцию репортажными записями, на основе которых создавались большие передачи обзорного характера[37]. Уже в августе выехавшие на Западный фронт военные корреспонденты А. Фетисов и Ю. Арди-Мациевский начали свою работу. У микрофона выступили герои боев за Андреаполь. Впервые был записан на пленку и дан в эфир текст допроса военнопленного гитлеровца. Несмотря на сильные помехи, ежедневно записывались и передавались в эфир «Последних известий» репортажи с Ленинградского фронта.

В ноябре 1941 г. была организована передача «Говорит фронт» (орган Политического управления Западного фронта и Всесоюзного радиокомитета) с выездной редакцией, в состав которой входили: редактор Н.М. Потапов, ответственный секретарь редактора М.Ф. Платов и очеркисты – военные корреспонденты А.Т. Фетисов, В.С. Синявский, литсотрудники Г.Е. Красавцев и Л.М. Шмонин[38].

Первая передача «Говорит Западный фронт» состоялась 16 ноября 1941 г.; в течение месяца эти выпуски шли два раза, а с 10 декабря 1941 г. – три раза в неделю, продолжительность каждой передачи – 54 мин. Всего с 16 ноября по 12 января 1942 г. состоялись 22 передачи, в которых прозвучали 75 документальных записей с Западного фронта[39]. Н.М. Потапов вспоминает:

> Наша редакция перешла на казарменное положение. Всем сотрудникам выдали личное оружие, дежурные редакторы бодрствовали круглые сутки, обрабатывая сообщения фронтовых корреспондентов, поступающие по телефону и с советского телеграфа… У микрофона красноармейского вещания Западного фронта охотно выступали бойцы и командиры, видные военачальники, в том числе маршал Рокоссовский и генерал Белов, работники искусств[40].

Впоследствии выездные редакции радио сменились специальными корреспондентами Радиокомитета[41].

Работа военных корреспондентов осложнялась тем, что они фактически не располагали ни портативной, ни стационарной звукозаписывающей аппаратурой[42]. Даже к июлю 1943 г. магнитофоны были лишь на Ленинградском и Северном фронтах. «Пользоваться микрофоном на фронте и в Заполярье мне случалось редко, – вспоминал С.Т. Морозов. – Очень уж примитивна была техника звукозаписи в ту пору, очень уж бедно снабжалась наша редакция “Последних известий”. Мне же, постоянному военному корреспонденту на Северном флоте и Мурманском участке Карельского фронта, удавалось периодически пользоваться самодельным “шоринофоном”, смонтированным моряками-умельцами в радиоузле Дома флота в Полярном» [43].

Ленинградские радиожурналисты производили запись на эстонском оборудовании (магнитофон и станок типа «престо») и трофейной пленке. «Пленку берегли как зеницу ока. Сделанные на фронте записи привозили в Ленинград, переписывали на воск или шоринофон, а ленту использовании для следующих записей», – вспоминал П. Палладин[44]. Фронтовая радиобригада, в состав которой входили журналисты М. Блюмберг и Л. Маграчев, операторы Л. Спектор и А. Сафронов, сделала на Ленинградском фронте около 1000 документальных записей[45].

Организаторы радиовещания и радиожурналисты, анализируя свою работу, постоянно указывали на недостаточное использование жанров внестудийных передач, обсуждали пути преодоления технических трудностей. «Внестудийные передачи – самые доходчивые и нужные для радиослушателей. Когда человек слышит шум боя, живые голоса, он этому верит больше, чем самому лучшему диктору»[46], – говорил В.С. Синявский на одном из совещаний. После одного из таких совещаний 17 июля 1943 г. были выработаны конкретные мероприятия для улучшения агитационной работы в редакции«Последних известий»: 1) организовать сотрудничество с военными корреспондентами для наиболее полной и оперативной передачи материалов о важнейших событиях на фронтах; 2) систематически транслировать краткие репортажи о боевых эпизодах различных родов войск Советской Армии; 3) оборудовать в месячный срок звукозаписывающие установки на автомашинах; 4) укомплектовать квалифицированными работниками группы радиорепортажей[47].

В дальнейшем звукозапись рассматривалась не только как одно из радиоспецифических средств, но и как документ эпохи[48]. «Сегодня у нас происходят события, которые вы завтра не восстановите, к которым мы не вернемся никогда. Я думаю, что если эти передачи нельзя давать сейчас в эфире, то через сто лет люди будущего будут благодарить нас за то, что мы оставили документы»[49], – говорил А.М. Спасский на совещании 15 мая 1944 г.

В начале 1945 г. по поручению ЦК ВКП(б) была организована творческая группа в составе журналистов М.С. Шалашникова, М.С. Гуса, А.М. Медникова и звукооператора А.М. Спасского для организации записи исторических событий заключительного этапа войны: битвы за Берлин, капитуляции фашистской Германии[50]. К сожалению, из-за острого дефицита звукозаписывающего материала удалось сохранить лишь незначительное число звукозаписей того времени. Так, по воспоминаниям Спектор, проработавшей всю войну звукооператором, в распоряжении Ленинградского радиокомитета было только восемь рулонов магнитной пленки, на которой записывали, размагничивали и вновь записывали радиорепортажи[51].

Одной из форм пропагандистского вещания были радиопереклички и радиомитинги, популярные в 1920-е – 30-е гг. и запрещенные в 1937 г. специальным распо-

ряжением ВРК при СНК СССР по указанию ЦК ВКП(б) [52]. 19 апреля 1942 г. из Москвы передавался радиомитинг в защиту детей от фашистского варварства, на котором выступили: жена летчика Валерия П. Чкалова, мать Героя Советского Союза Саши Чекалина, поэт Самуил Я. Маршак и др. 7 июня 1942 г. транслировался антифашистский митинг советской молодежи, в котором принимали участие многие известные спортсмены, – с синхронным переводом на немецкий, итальянский, французский и чешский языки. 1 июня 1942 г. в Москве состоялся митинг литовской молодежи. В нем приняла участие литовская молодежь – рабочие, крестьяне, служащие, студенты. Открывая митинг, литовский писатель Пятрас Цвирка сказал: «Никогда не смиримся мы с мыслью о том, что наша земля, деревни и города будут заселены немецкими оккупантами, и только литовские имена Дубиса, Немунас, Нерис будут напоминать о том, что здесь когда-то жил наш трудолюбивый литовский народ». Секретарь ЦК Литовского комсомола Беляускас призвал молодежь Литвы «превратить всю Литву в сплошной фронт борьбы, где в каждой щели, в каждом углу и овраге фашиста сторожит неминуемая смерть».

Большое внимание уделялось особенностям радиоязыка[53]. «Доходчивость, яркость, простота изложения, – писала «Правда» еще 24 марта 1940 г., – играют очень большую роль. Самых лучших, опытнейших пропагандистов следует привлекать к работе на радио. Каждый доклад, консультация, лекция по радио должны быть предварительно тщательно отработаны и продуманы. Надо считаться с тем, что выступления по радио требуют от пропагандиста особого искусства. Ведь слушатель все воспринимает на слух, перед ним нет печатного текста. И он не может повторно прочесть трудно усваиваемое место». Между тем язык передач часто напоминал газетный, что являлось серьезным недостатком. На совещании у председателя Радиокомитета 8 января 1943 г. обсуждались вопросы специфики материалов, своеобразия радиоязыка как основного условия того, что «слово агитатора пойдет далеко в народную глубь и принесет соответствующие плоды».

«В условиях войны, – говорилось в одном из выступлений, – спрос на политическую агитацию колоссальный. Ясно, что порученная нам работа требует от нас максимального напряжения сил, и мы должны оправдать доверие партии, поручившей нам в военное время такой важный участок работы».

В связи с развитием партизанского движения, по инициативе его Центрального штаба, Всесоюзному радиокомитету поручили организовать специальные радиопередачи для партизан. Приказом № 129/а от 22 мая 1942 г. была создана редакция радиовещания для партизан и населения временно оккупированных районов, которая вошла в состав отдела политагитации. Бывший редактор спецпередач для партизан Г. Ржанов вспоминал:

> Дело это оказалось слишком сложным. Мы узнали, что в большинстве партизанских отрядов есть радиостанции, но они были приспособлены для оперативных целей и работали в радиотелеграфном режиме, по азбуке Морзе и особым шрифтом. К тому же запас питания батарей был у них весьма ограничен. Рассчитывать, что партизаны будут слушать наши передачи с помощью репродукторов и громкоговорителей, тоже не приходилось: нас могли услышать враги и «засечь». Нужно было приспосабливаться к новым условиям.

По мере изменения положения на фронте менялись структура и содержание редакционной работы. Если в первые месяцы войны редакция выпускала семь передач

в день, то потом их количество постепенно уменьшалось. Выпуски состояли из сводок Совинформбюро, газетных материалов, корреспонденций с фронтов, телеграмм из-за рубежа, оригинальных материалов (статей, очерков, заметок о фронтовой и тыловой жизни).

Каждая программа начиналась обращением: «Говорит Москва! Говорит Москва! Братья и сестры по ту сторону фронта в тылу немецко-фашистских войск! Партизаны и партизанки! Слушайте нас ежедневно по радиостанции на волне 48,08 метра в 5 часов 30 минут, 6 часов 20 минут, в 12 часов 40 минут, 16 часов 20 минут и в 21 час. Начинаем очередную передачу»[54].

Направленность и цели этой передачи определили тематику, специфические особенности, как правило, оригинального материала. Так, передавались статьи из серии «Советы партизанам», которые оказывали практическую помощь народным мстителям:

Как сбивать самолеты противника

Последнее время в Красной Армии появилось много сверхметких стрелков, которые успешно борются с вражеской авиацией средствами пехотного оружия. Огонь винтовок, ручного пулемета, противотанкового ружья и даже пистолета-пулемета, направленный опытной рукой, способен нанести существенный ущерб самолетам противника. Наши стрелки и пулеметчики сбили уже сотни немецких самолетов. Каждый появляющийся над нашими войсками самолет надо встречать массированным и прицельным огнем с земли. Сильнее пехотный огонь по авиации врага!

После материала из серии «Советы партизанам» обычно давалась статья из цикла «Боевой опыт», в которой на конкретных примерах показывалось, как использовать советы радио.

Земля дает отпор

… Энергичная и смелая борьба пехотинцев с немецкой авиацией наводит страх на фашистский летный состав. Когда красноармеец Буздалин сбил «Юнкерс», наши бойцы взяли в плен немецкого капитана. На допросе он заявил: «Я старый военный человек, участвовал во многих военных кампаниях. Но мне никогда не приходилось наблюдать, чтобы самолеты сбивали огнем из винтовок. Это может случиться только в России…

Беседы и статьи из этих циклов отличались ясностью изложения, красочным языком, остроумными и меткими сравнениями, простыми для восприятия данной аудитории определенного национального и социального состава.

Охота на автоматчиков производится точно так же, как охота на тетерева и глухаря. Охотникам известно, что тетерева и глухари – очень осторожные птицы и охотника они к себе в нормальных условиях не подпустят близко. Но, когда тетерев или глухарь токует, он настолько увлекается, что во время пения никого не видит и ничего не слышит… Зная подобный нрав этих птиц, охотники нашли способ добывать или убивать их. Фашист-автоматчик после каждой очереди выстрелов осматривается по сторонам и ищет врага. Истребители молчат и не обнаруживают себя. Когда автоматчик снова открывает огонь, истребители полным ходом идут на сближение с ним. Они его еще не видят, но уже определили его направление и идут прямо на цель. Еще две-три очереди автоматчика и истребители окружают его, и расстреливают или захватывают его в плен[55].

Среди партизан эти передачи были очень популярны. Вот, что говорил в своем интервью в 1942 г. С.А. Ковпак: «Все новости с Большой земли получаем по радио. Летчики прилетают к нам, доставляют газеты, но радио их опережает. Партизаны умеют хорошо воевать, но на отдыхе им хочется и посмеяться, и попеть вполголоса. Вы учтите это – давайте больше музыки, шуток-прибауток разных. Это здорово поднимает настроение бойцов…».

Радио использовалось и как мощное пропагандистское средство для агитационной работы на фронте. Опыт такой работы имел и Лев З. Копелев. Как заведующий пропагандистской группой Политуправления фронта он являлся организатором и автором радиопередач, подготовленных для специальных звуковых установок громкоговорителей, направленных как в сторону советского фронта, так и на передовую германской армии. Таким образом, фронтовое радио выполняло одновременно и пропагандистскую, и контрпропагандистскую функции.

Тексты передач были краткими, лозунговыми по стилю и манере чтения:

> Немецкие солдаты! Вас опять обманули. Когда вы драпали из котла, вам обещали найти замену или даже вернуть обратно в Германию. Это был обман. Вы должны сражаться, истекать кровью и погибать на новых позициях. И все будет опять напрасно. До каких пор вы будете позволять обманывать себя и гнать на смерть. Довольно слепого послушания. Довольно бессмысленной самоубийственной борьбы. Спасайте свои жизни. Спасайте свою жизнь для будущего своей родины, для своих близких. Сдавайтесь в плен![56]

Как правило, обращения составлялись в связи с изменениями в боевой обстановке, были емкими и лаконичными:

> Ржев пал. Железнодорожная линия Москва – Великие Луки в русских руках. Тем самым ваш фланг открыт для могучих русских атак. Ваши позиции к востоку от Ловатии и Полы, которые вы захватили ценою тысяч кровавых жертв, вам удавалось удерживать ценою еще более кровавых потерь в бессмысленных оборонительных боях. То же самое вас ждет и на новых позициях. Вы слышите? Продолжение борьбы бессмысленно. Продолжение борьбы означает для вас самоубийство. Единственное спасение – плен[57].

Для бóльшей технической эффективности радиопропаганды были выделены специальные агитсамолеты с установленными на них мощными звукоаппаратами. А пропагандистские тексты, способствующие «разложению войск противника», составлялись оперативно и с привлечением немецких военнопленных[58]. Часто в качестве основы использовались письма, дневники и документы военнопленных и убитых военнослужащих, или захваченные советскими войсками из полевой почты, а также сведения, почерпнутые из разговоров с перебежчиками.

Письма с фронта и на фронт

Благодаря радио во время войны удавалось устанавливать контакт с людьми, потерявшимися в результате военных действий. Именно для этого 25 марта 1942 г. был организован отдел «Письма с фронта и на фронт»[59], куда вошли 20 сотрудников во

главе с опытными организаторами В.И. Каблучко и М.С. Глейзером. Ежедневно выходило по десять передач общим объемом вещания – 2 часа 30 минут: письма на фронт – 6 раз, письма с фронта – 4 раза в сутки. Поток писем в Радиокомитет был колоссальным – в среднем 30 тыс. ежемесячно, иногда эта цифра доходила до 60–70 тысяч. Выполняя благородное дело, радиожурналисты одновременно использовали эту чрезвычайно популярную программу для пропаганды и агитации. Передачи составлялись методами «литературной обработки писем» и придания им общественно-полезного пафоса. Правда, результат этой «литературной обработки», которая часто являлась просто вымыслом редактора, оставался на низком уровне. Об этом свидетельствовали приказы, в которых предписывалось «серьезно заняться вопросом улучшения качества писем по радио, изменить подход к обработке писем, сохраняя по возможности их индивидуальность, упразднив газетные формулировки, лозунги и т. д. с тем, чтобы лица, к кому они адресованы, узнавали в письмах своих родных и друзей…»[60]. Тексты писем изменяли до неузнаваемости, в том числе, чтобы исключить возможность использования легального эфира для передачи разведывательной информации. Часто информация ограничивалась простой передачей приветов от фронтовиков родным и близким в освобожденные города и села:

> В город Яунлатгале, Латвийской республики, отцу Федору Березкину, матери и всем родным – от Анастасии Федоровны Рудзиш, полевая почта номер пятьдесят одна тысяча девятьсот двадцать два; в город Минск, сестре Марии Федоровне Мазаник – от Андрея Васильевича Ладутько, полевая почта номер ноль семь тысяч семьсот двадцать семь «Г»…

Однако чаще всего письма содержали живые рассказы очевидцев и участников событий на фронте и в тылу. Так, 6 августа 1944 г. в эфире прозвучало письмо Марии П. Чеховой, сестры Антона П. Чехова, одному из своих многочисленных корреспондентов-фронтовиков, участвовавших в освобождении Крыма:

> Рада вам сообщить, что разрушения в саду и в комнате, причиненные вражеской бомбардировкой, ликвидированы. Военное командование распорядилось сделать необходимый ремонт. Перестали хрустеть под ногами стекла, и мы начали принимать в доме Чехова наших избавителей от немецкого ига. Жизнь снова закипела в доме-музее. Двадцать девять месяцев крымская земля была в плену немцев. Страшно вспомнить об этих днях, о пережитых волнениях. Когда в Ялту вступили немцы, я почувствовала себя оторванной от жизни, от родины. Я легла на кровать и горько заплакала… Мне было чрезвычайно грустно, когда один из немецких солдат влез на голубую испанскую сосну, когда-то посаженную Чеховым, и спилил её вершину, потому что немецкому майору в день рождества нужна была ёлка. Эта обезглавленная сосна живо напоминает о фашистских варварах, ещё недавно хозяйничавших в Ялте. Теперь это страшное время позади. Счастлива, что знаменательную дату – сорокалетие со дня смерти Антона Павловича – мы отметили в освобожденной Ялте…[61].

Наиболее отчетливо можно ощутить подлинную атмосферу работы редакции писем из документального радиорассказа Льва Кассиля «Девять минут», который он прочел в эфире 15 марта 1941 г. Рассказ был явно написан по следам только что пережитой встречи, которая произошла накануне или, как пишет автор, «несколько минут назад». Простим это разыгравшемуся авторскому воображению, но то, что

события, описываемые в рассказе, как ни один даже самый точный документ, переносят нас в военную Москву и по-прежнему волнуют читателя своей искренностью, не вызывает никакого сомнения.

> …Шел я сейчас из дома сюда, в студию. Ночь у нас в Москве сегодня темнющая. На улице у самого подъезда едва не наткнулся на меленькую фигурку. На груди слабо светится ромашка с фосфором – московская новинка. Меня окликнул голос, ломкий, низковатый. Мне показалось сперва – мальчик-подросток.
> – Товарищ, где здесь можно передать письмо на фронт по радио?
> Подошел поближе, вижу – это девушка, в шинели, с вещмешком за спиной, в шапке-ушанке. Писем к нам приносят много, я не удивился вопросу. Сказал только, что сегодня день воскресный, выходной, да и поздно, никого в отделе нет.
> – Нет, мне обязательно сегодня нужно, сейчас. Пожалуйста, я вас очень прошу, передайте сейчас же по радио это письмо… Завтра уже поздно будет, сегодня надо, сейчас же! Они там ждут, на фронте…

В письме девушки, только что вышедшей из госпиталя, прихрамывающей и с обожженным лицом, трогательный рассказ об одной из тысяч встреч, случавшихся на дорогах войны. И радио было единственной возможностью соединить хоть на мгновение любящие сердца, подарить им надежду на встречу. «Девять минут» – это время, отведенное в радиоэфире писателю Льву Кассилю, чтобы совершить это чудо[62].

* * *

Обладая уникальным свойством «говорящего невидимки», радио 1940-х гг. навсегда сохранит образ черной «бубнящей тарелки». В романе Ямпольского «Московская улица» она, оставаясь включенной, провожала героя в день его ухода на фронт и встречала в день возвращения с фронта «знакомым, перегорелым, безучастным голосом… слова, те же, что и вчера, и позавчера, и в прошлом году, ничего не значащие, слова – вата, слова – пустышки, слова – горох об стену».

Дальнейшая история показала: в экстремальных ситуациях радио притягивает к себе миллионы, опережая другие современные средства коммуникации. Оперативность и доступность, эмоциональность и демократизм – эти качества делают радио, особенно в критические моменты, наиболее совершенным средством соединения людей. Трудно было бы оценить и прочувствовать в полной мере, чем была для блокадных ленинградцев «черная тарелка»[63] и как ждали по всей стране сообщений с фронтов, не переживи мы событий января и августа 1991 г., октября 1993 г., пожара на Останкинской башне 2000 г., лишившего московский регион телевизионного сигнала. Вот почему, несмотря на все трансформации, которые произошли в оценке различных страниц советской истории, наши представления о роли и значении радио в годы войны, даже с учетом новой фактографии, остались неизменными.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ямпольский Б.* Московская улица // Знамя, 1988, № 2. С. 108.

[2] Один из устойчивых мифов, всячески поддерживаемых официальной историографией, свидетельствовал, что И. Сталин, уделяя огромное внимание литературе и кинематографу, тем не менее

недооценивал роль радио. Это легко опровергнуть не только всем комплексом выявленных материалов, но и широко известными фактами, когда в роковые моменты истории Сталин прибегал именно к безграничным возможностям радиоэфира.

[3] ГАРФ. Ф. 6903. Оп.1. Д. 56. Л. 10–12.

[4] Особенно плохо обстояло дело в сельской местности. Выпущенных до 1935 г. приемников на постоянном токе специально для села насчитывалось к 1939 г. не более 260 тыс. штук.

[5] Эти предложения содержались в записке инженеров В.Я. Кривлева (зам. председателя ВРК при СНК СССР) и Н.Ф. Таруца (директор Всесоюзной технической конторы «Союзтехрадио»), направленной на имя И. Сталина.

[6] Всесоюзный Комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР.

[7] ГАРФ. Д. 55. Л. 13–14.

[8] *Потапов Н.* День первый, день последний // Советское телевидение и радиовещание. 1975. № 5. С. II.

[9] Данные гитлеровской службы радиоперехватов подтверждают, что утренние передачи на немецком языке из Москвы были сняты. Московские архивы иновещания отсутствуют за этот период, тексты радиопередач на немецком языке сохранились только с 1954 г.

[10] Цитируется по кн.: *Острогорский В.М.* Правда против лжи. Московское радио в немецком эфире. 1917–1980 гг. – М., 1982. С. 129–130. Автор в свою очередь пользуется материалами радиоперехватов, которые собирались нацистской службой «Зеехаус». Сообщения (Seehaus Berichte) включали как стенограммы радиопередач зарубежных иновещательных служб на Германию, так и анализы этих радиопередач за определенный период (неделю, месяц). Первоначально эти материалы издавали тиражом свыше ста экземпляров и переплетали в тетради. Затем Гитлер лично сократил список получателей до минимума, поскольку агентурные данные гестапо свидетельствовали о «разлагающем влиянии» материалов радиоперехвата даже на ограниченный круг высокопоставленных чиновников. В.М. Острогорский работал с материалами этой службы в так называемой башне библиотеки «Дойче бюхерай» в Лейпциге. Эти материалы не были каталогизированы и не имели архивных шифров.

[11] *Weinert E.* Um Deutschlands Freiheit. Literarische Arbeiten aus der Zeit des 2. Weltkrieges. – Berlin (Ost), 1958. S. 13.

[12] *Mastny V.* Russia's road to the cold war. – N. Y., 1979; *Baghoorn F.C.* Soviet foreign propaganda. – Princeton, 1964.

[13] Abhörbericht des Seehaus-Dienstes. September 1941.

[14] ГАРФ. Ф. 6903. Оп.1. Д. 64. Л. 1–6.

[15] *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. – М., 1999. С. 15.

[16] Архив ОРТ. Оп. 1 л/с. Д. 143. Л. 98.

[17] *Глейзер М.С. Потапов Н.М.* Радио в дни войны. Очерки и воспоминания видных военоначальников, известных писателей, журналистов, деятелей искусства, дикторов радиовещания. – М., 1982. С. 9–13.

[18] *Гуревич П.С.*, *Ружников В.С.* Советское радиовещание. Страницы истории. – М., 1976. С. 175–176.

[19] Архив ОРТ. Оп. 1 л/с. Д. 144. Л. 144.

[20] *Потапов Н.* От вашего военного корреспондента // Советское радио и телевидение. 1965. № 5. С. 6; *Дубровин В.Б.* К истории советского радиовещания. – Л., 1972. С. 70–72.

[21] Уже 20 августа 1941 г. был издан Приказ № 412 по ВРК при СНК СССР «О гибели на фронте дежурного редактора "Последних известий" Е.Я. Барского». Архив ОРТ. Оп. 1 л/с. Д. 144. Л. 58.

[22] История советской радиожурналистики: Документы. Тексты. Воспоминания. 1917–1945 гг. / Под ред. Я.Н. Засурского, сост. Т.М. Горяева и др. – М., 1991. С. 229–238; Радио в дни войны. Изд. 2-е / Сост. М.С. Глейзер, Н.М. Потапов. – М., 1982.

[23] Подготовка партитуры радиорепортажа осуществлялась сотрудниками редакции «Последние известия» Н.М. Потаповым, М.Ф. Платовым, В.С. Синявским, А.Т. Фетисовым, заместителем председателя ВРК при СНК СССР В. Гончаровым.

[24] Текст речи И. Сталина был опубликован в «Правде» 8 ноября 1941 г.

[25] История советской радиожурналистики (см. сн. 23). С. 232.

[26] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., исправл. и доп. – М., 1985. Т. 7. С. 113.

[27] Отдел был создан Приказом по ВРК при СНК от 25 июня 1941 г.

[28] ГАРФ. Ф. 6903. Оп.1. Д. 13.

[29] Отдел просуществовал вплоть до 1947 г.

[30] Правда. 23 июня 1941 г.

[31] Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) и Главное политическое управление Красной Армии.

[32] О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. – М., 1972. С. 214–216. О работе военных корреспондентов см.: Радио в дни войны. Очерки и воспоминания видных военачальников, известных писателей, журналистов, деятелей искусства, дикторов радиовещания. Изд. 2-е, доп. и перераб. – М., 1982.

[33] Интервью с О.С. Высоцкой. 26 мая 1978 г. Архив автора.

[34] Главное управление по делам литературы и издательств Народного комиссариата просвещения РСФСР.

[35] ГАРФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 123. Л. 37.

[36] Там же. Л. 37–39.

[37] ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 1. Д. 79. Л. 37.

[38] Архив ОРТ. Оп. 1 л/с. Д. 145. Л. 101. Приказ № 481.

[39] ГАРФ. Ф. 6903. Оп.1. Д. 56. Л. 107.

[40] *Потапов Н.* М, Погиб сражаясь… // Советское радио и телевидение. 1970. № 5. С. 8.

[41] Обязанности группы военных корреспондентов «Последних известий распределялись следующим образом: Морозов С.Т. – Северный и Западный фронты; Ицхокин А.И. – 1-й Прибалтийский и Калининский; Платов М.Ф. – Центральный, Западный Калининский и Юго-Западный; Мануйлов П.И. – Западный, Брянский, 1-ый Украинский фронты; Синявский В.С. – Сталинград, Ленинград; Эфроимсон А.П. – Южный, 4-й Украинский, Закавказские фронты; Ковалев Н.П., Хамадан А.М. – Черноморский флот; Рогозинский П.А. – Балтийский флот и т. д.

[42] Звукозапись осуществлялась на кинопленке механическим и оптико-фотографическим способами (шоринофоны, тонфильмы). Одновременно использовались также специальные аппараты, при помощи которых производилась запись на тонфолевых пластинках.

[43] Вспоминают ветераны… Вып. 2. – М., 1975. С. 42 (ротапринт).

[44] *Палладин П.* Незабываемое // Советское телевидение и радиовещание. 1975. № 4. С. 17.

[45] С пером и автоматом. Л., 1964. С. 170.

[46] ГАРФ. Ф. 6903. Оп.1. Д. 58. Л. 29.

[47] Там же. Оп. 1 Д. 74. Л. 8.

[48] Подробно о звукозаписях периода войны см.: *Горяева Т.М.* Фонодокументы как источник по истории Великой Отечественной войны // История СССР. 1985. № 3. С. 142–154.

[49] ГАРФ. Оп. 1. Д. 119. Л. 10.

[50] Там же. Оп.1. Д. 105. Л. 175–176.

[51] *Шилов Л.А.* Голоса, зазвучавшие вновь. – М., 1977. С. 101.

[52] Об этом подробнее см.: *Горяева Т.М.* Радио России. Политический контроль советского радио в 1920-е-начале 1930-х гг. – М., 2000.

[53] *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М., 1979; *Бернштейн С.И.* Язык радио. – М., 1977.

[54] ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 20. Д. 1. Л. 188–195.

[55] Там же. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 55. Л. 148–149.

[56] РГАЛИ. Ф. 2549. Оп.3. Д. 430. Л. 28–29.

[57] Все тексты радиопередач для германской армии переводились и читались на немецком языке.

[58] Из материалов к выступлению Начальника Политуправления Северо-Западного фронта «О работе среди войск противника», подготовленных и отредактированных Л.З. Копелевым (РГАЛИ. Ф. 2549. Оп.3. Д. 430. Л. 14–21).

[59] Приказ № 75 по ВРК при СНК от 25 марта 1942 г. Архив ОРТ. Оп. 1 л/с. Д. 191. Л. 175.

[60] ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 1. Д. 66. Л. 5–7.

[61] Там же. Оп. 19. Д. 232. Л. 10–13.

[62] Там же. Оп. 15. Д. 11.

[63] *Берггольц О.* «Говорит Ленинград…». – М., 1964; *Толстова Н.А.* Внимание, включаю микрофон! – М., 1972.

3. НАУКА И ИСКУССТВО

Владимир Есаков

ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК и трансформация русско-немецких научных связей. 1914–1917 гг.

Характерной чертой создания и деятельности Петербургской Академии наук[1], отметившей в 1999 году свое 275-летие, было то, что первыми ее членами стали иностранцы, и почти до конца XIX века в ее состав избирались ученые иностранного происхождения. Среди российских академиков значительное количество ученых было немецкого происхождения, и они работали в Академии до Первой мировой войны.

В 1836 г., в момент утверждения последнего дореволюционного устава Академии, в ее составе было 23 человека. Среди них – 4 русских, 8 русских немецкого происхождения и 11 иностранцев по рождению. В 1889 г., когда президентом Академии Наук был избран великий князь Константин Константинович, это соотношение равнялось 22–10–6, а в 1914 г. в состав Академии входило уже 34 русских деятеля науки, только 2 русских ученых немецкого происхождения и 3 научных работника, являвшихся иностранцами по рождению[2].

Немецкие ученые внесли важный вклад в становление многих направлений российской науки. Они были первыми, кто осознал и признал достижения российских ученых в развитии научного знания.

Здание Академии наук в Петрограде, Университетская набережная. Архивная фотография.

В канун Первой мировой войны российско-германские отношения развивались по установившейся традиции. Велась регулярная переписка между учеными. Выпускники российских университетов и вузов проходили стажировку в германских научных учреждениях и готовились к самостоятельной деятельности, как Николай Вавилов и Петр Капица. Шел обмен научными статьями для периодических изданий. В этот период российские научные учреждения впервые получили приглашение, пришедшее через редакцию Санкт-Петербургских немецких ведомостей – «St.-Peterburg Zeitschrift», – принять участие в Международной выставке печатного дела и графики в Лейпциге[3]. Российское посольство в Берлине сообщало Академии наук, что «германское правительство сделало необходимые распоряжения в видах незамедлительного пропуска через Германию посылок с научным материалом, следующих в поездах Nord-Express и адресованных Физиологической лаборатории Академии наук»[4], которую возглавлял первый российский Нобелевский лауреат Иван П. Павлов, и т. д.

Начало Первой мировой войны было одобрительно встречено в российском обществе, привело к всплеску патриотизма, сглаживанию межсословных и межпартийных противоречий. Общественные настроения принципиально отличались от тех, которые преобладали десять лет назад, в начале войны с Японией. Тогда многие выступали против ведения войны, за скорейшее заключение мира, за прекращение военных действий даже в ущерб интересам России. «Ныне, – говорил академик Владимир М. Бехтерев на торжественном заседании Психоневрологического института, – мы видим совсем другую картину. Общий клич “довести войну до победного конца” звучал почти во всех общественных организациях и съездах России»[5].

Академия наук спокойнее многих других отнеслась к началу военных действий. В первом, вышедшем через полтора месяца после начала войны, номере «Известий Императорской Академии наук» («Известия ИАН»), датированном 15 сентября 1914 г., первой статьей была опубликована на немецком языке работа германского филолога Георга фон Саблера «О происхождении наименования Пскова, Гдова и др.»[6]. Она была утверждена к печати еще в мае 1914 г., и начавшиеся военные действия не могли помешать ее выходу в свет. В следующем номере «Известий ИАН» была помещена статья Оскара фон Летта «Мелкие заметки по коптской письменности» – последний материал, опубликованный в этом академическом издании на немецком языке в предреволюционный период.

Одной из традиций русской науки, ее реальным вкладом в развитие мировых исследований было издание трудов на иностранных языках. 1 сентября 1914 г. профессор Петроградского университета гистолог Александр С. Догель призвал своих коллег не печатать научных трудов на немецком языке и в немецких изданиях, а также отказаться впредь закупать в Германии научные приборы и реактивы, считая, что настал благоприятный момент для освобождения от «заботливо в течение целых столетий опекающих нас германцев»[7].

Первыми воздействие начавшейся войны ощутили российские астрономы. 8 (21) августа 1914 г. происходило очередное полное солнечное затмение, и ученые, естественно, провели значительную подготовку к этому явлению. В России наблюдение за затмением было организовано в трех пунктах – в окрестностях Риги, в местечке Смела (Киевской губернии) и в Феодосии. Как отмечалось в отчете академика князя Бориса Б. Голицына, в наихудшем положении оказалась экспедиция, направлявшаяся в Смелу. Некоторые ее члены были призваны на военную службу или сами по-

шли добровольцами в армию. Из 22 человек в Смелу приехали лишь 5. Вследствии начавшейся мобилизации пришлось отказаться от отправки туда многих научных инструментов, так как нельзя было получить обещанного отдельного вагона для их перевозки. Условия погоды и начало военных действий не позволили выполнить программу наблюдений за солнечным затмением с той полнотой, которая была намечена Главной физической обсерваторией[8].

С началом войны возникло беспокойство за судьбу экспонатов, направленных в Лейпциг. Генеральный комиссар Русского отдела международной выставки Алексей В. Бельгард[9] писал по этому поводу 13 августа 1914 г. российскому министру народного просвещения Льву А. Кассо: «В виду войны с Германией явилась неотложная необходимость закрыть Русский Отдел на Международной выставке печатного дела и графики в г. Лейпциге, при чем я тотчас же вошел с Комитетом Лейпцигской выставки в переговоры о сохранении экспонатов Русского Отдела. Председатель Выставочного Комитета д-р Фолькман пошел мне в этом отношении навстречу, оказав особое внимание Историческому Отделу, в числе экспонатов коего помещались экспонаты Императорской Академии Наук и Императорской Публичной Библиотеки. Экспонаты эти сданы будут Выставочным Комитетом в упакованном виде, для хранения, в Buchgewerde Museum в Лейпциге, на попечение директора музея д-ра Шрама»[10]. Судьбу этих книг пока выяснить не удалось.

Война нарушила и сложившуюся в начале века систему сотрудничества академий мира. Международный союз академий был создан в 1899 г. по инициативе, прежде всего, германских ученых на конференции в Висбадене. Его учредителями стали: Прусская академия наук в Берлине (осн. 1700), Геттингенская академия наук (осн. 1751), Королевское Саксонское Общество наук в Лейпциге (осн. 1846) и Баварская Академия наук в Мюнхене (осн. 1759) вместе с Итальянской национальной академией (Reale Academia Nazionale die Lincei, осн. 1603), а также Лондонское королевское общество (Royal Society of London, осн. 1660), Французская академия наук (Académie des sciences, осн. 1666), Национальная академия наук в Вашингтоне (осн. 1863) и императорская Академия наук в Вене (осн. 1847)[11].

На конференции присутствовали два представителя Петербургской Академии наук, которая официально вступила в Союз в следующем году. С 1901 г. раз в три года регулярно созывались съезды Союза, задачей которых было готовить «научные предприятия, представляющие общий интерес, и содействовать их осуществлению, а также и сговариваться насчет способов облегчения научных сношений»[12]. Последний предвоенный съезд МСА, в состав которого входило 18 академий и научных обществ, был проведен в мае 1913 г. в Петербурге, а следующий должен был состояться в Германии. Подготовка к нему было возложена на Берлинскую Академию наук. Условия войны, естественно, нарушили возможность дальнейшего нормального «сговора» академий. Чтобы не прерывать уже сложившейся традиции, Королевская нидерландская академия наук (осн. 1808), предложила «временно вести дела по Международному Союзу Академий вместо Берлинской». На Общем Собрании императорской АН в Петербурге это предложение, заслушанное 29 ноября 1914 г., было лишь принято к сведению, и академики предполагали специально обсудить этот вопрос на одном из следующих заседаний[13]. Но обсуждение проведено не было. В начале января 1915 г. секретарь Нидерландской Академии, инициатива которой была поддержана другими участниками Союза, проинформировал Петербургскую АН, что она предполагает «выполнять обязанности Берлинской Академии, как председа-

тельница и руководительница Союза на 1915 г.», и это предложение было встречено удовлетворительно[14].

Уже в начальный период войны в научной среде воюющих государств наметился рост шовинизма. Произошел раскол еще недавно тесно взаимодействующей европейской интеллигенции. На четвертый день войны Германия напала на Бельгию, нарушив договор о нейтралитете, и в ходе боевых действий разрушила Лувенский (Leuven) университет. Это событие дало повод для резкой критики варварских действий германцев. Так, уже упоминавшийся Догель поставил вопрос об исключении из состава почетных членов Петроградского университета тех немецких ученых, которые «позорят и унижают науку»[15].

В ответ на развернувшуюся критику 15 октября 1914 г. в Германии был опубликован «Манифест 93-х» («Воззвание к культурному миру»)[16], с которым 93 наиболее известных немецких ученых в области гуманитарных наук и естествознания, художников и литераторов обратились к международной общественности: «Мы […] выступаем […] с протестом против лжи и злословия наших врагов, которые упорно пытаются очернить Германию в навязанной ей тяжелой борьбе за существование». В документе перечислены «все клеветнические измышления врага», порочащие «миролюбивых немцев» и обвиняющие их «в варварстве»: «Это неправда, что Германия начала войну»; «Это неправда, что Германия нарушила нейтралитет Бельгии» и т. д. В числе лиц, подписавших «Манифест», были такие всемирно известные деятели, как физики и лауреаты Нобелевской премии Вильгельм Конрад Рентген, Вильгельм Вин, Вальтер Нернст, Макс Планк, математик Феликс Клейн, а также Герхарт и Карл Хауптман, зоолог Эрнст Хэкель, Макс Рейнхардт, Франц фон Штук, Герман Зудерман, Вильгельм Вундт и др[17].

Конечно, не все выдающиеся германские ученые поставили свои подписи под этим сомнительным документом. Опубликование манифеста вызвало возмущение всего «культурного мира», которому он был адресован. Его, например, не подписали физик Альберт Эйнштейн и математик Давид Гильберт. Напротив, Эйнштейн, биолог Георг Фридрих Николаи и др. обращались к общественности со своеобразным контрпроектом – «Воззванием к европейцам»[18].

В России 31 октября 1914 г. Совет Министров принял постановление об исключении из состава научных учреждений и высших учебных заведений всех германских подданных. Вводя в научный оборот сообщение об этом государственном акте, известный российский историк Анатолий Е. Иванов пишет, что «высшая школа России отторгла всех представителей германской науки», и в подтверждение сообщает, что только из состава почетных членов Московского университета и состоящих при нем научных обществ было исключено около 70 подданных Германии. А 24 ноября 1914 г. профессорская коллегия Петроградского университета исключила профессора Берлинского университета фон Листа[19]. Утверждение Иванова кажется нам излишне категоричным, тем более он не учитывал позицию наиболее тесно связанной с немецкой наукой профессуры Варшавского и Юрьевского (Дерптского) университетов.

В связи с этим представляется весьма важным рассмотреть позицию Императорской С.-Петербургской Академии наук. Более четырех месяцев она не высказывала своего отношения к правительственному постановлению, несмотря на появление в печати резких критических заявлений в ее адрес.

Наибольшую активность в этом отношении проявляла газета «Новое время», основанная известным журналистом и издателем Александром С. Сувориным. 2 марта 1915 г. в ней был опубликован один из наиболее острых материалов, направленных против Академии наук, – статья, подписанная инициалами С.К., «Какому отечеству служат Немцы – члены Российской Императорской Академии Наук?». Автор статьи утверждал, что такой вопрос возникает у каждого, кто ближе познакомится с «деятельностью некоторых представителей тевтонской народности, состоящих действительными членами Российской Императорской Академией Наук». Мы отмечали выше, что в составе академиков в это время не было ученых из тех стран, с которыми шла война. Статья была направлена против самой Академии наук, упорно не желавшей «исключить из числа своих почетных членов подданных воюющих с нами Германии и Австро-Венгрии», а также против тех «мотивов, которыми руководятся господа академики, упорно уклоняющиеся от исполнения Высочайше утвержденного постановления Совета Министров от 31 октября 1914 г. Эта атрофия патриотизма, это пассивное сопротивление – сущие пустяки в сравнении с теми невероятными сюрпризами, которые открываются при ближайшем рассмотрении действий некоторых немцев, сумевших не только попасть в Российскую Академию Наук, но и занять там доминирующее положения»[20].

Статья содержала ряд инсинуаций, направленных против академика Иогана Оскара Баклунда (известного в России как Оскар Андреевич) – директора Пулковской обсерватории, шведа по национальности, избранного действительным членом Академии в 1883 г. Услуги, оказанные им еще в предвоенный период профессору Мюнхенского университета Вальтеру фон Дику по изданию трудов Кеплера и профессору Потсдамского королевского института Геодезии Оскару Геккеру по определению «напряжения силы тяжести во внутреннем море»[21], были искажены газетой таким образом, что, как писал сам Баклунд в своем обращении к Физико-математическому отделению (ФМО) АН, «неосведомленный читатель может счесть меня за изменника»[22]. Указанное научное общество, обсудив этот вопрос, признало, что «в названной статье опорочен один из старейших и заслужаннейших членов Отделения, заявило решительный протест против искажений истины, составляющих ее содержание», и послало в газету опровержение. Оно не было опубликовано.

Академия наук уже не могла больше воздерживаться от определенного отношения к настойчивым требованиям со стороны чиновников и журналистов об исключении из своего состава подданных неприятельских государств. В составе ее иностранных почетных членов и членов-корреспондентов было значительное количество ученых из Германии и Австро-Венгрии[23]. У многих из них проходили стажировку молодые российские ученые, останавливались во время зарубежных поездок. Со многими российские академики находились в дружественных отношениях, обменивались книгами, реактивами.

Для обсуждения ситуации, возникшей в результате войны в связи с навязанным призывом об исключении иностранных подданных из русских научных учреждений, было созвано экстраординарное Общее собрание Академии Наук, проходившее 14–15 марта 1915 г. Чтобы подкрепить свои позиции и усилить давление на академические собрание, газета «Новое время» в эти дни опубликовала редакционную заметку «Академик Оствальд и наша Академия». Поводом для ее появления явилось интервью, которое Оствальд дал еще осенью 1914 г. в Стокгольме. (Напомним, что он окончил Дерптский университет, в 1882–1887 гг. был профессором Рижского поли-

технического института, а затем – Лейпцигского университета. В 1896 г. Оствальд был избран иностранным членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.) В интервью он излагал свои мысли о послевоенном устройстве Европы и развивал идею о создании федерации Балтийских стран под эгидой Германии. В анонимной газетной заметке говорилось о «совершенно необъяснимой, странной, чтобы не сказать преступной, линии поведения русской Академии наук. Она упорно сохраняет в числе своих членов тех германских ученых, которые являются <…> самыми прямыми и непосредственными нашими врагами. Из них пресловутый Оствальд пышит против России прямо-таки сатанинской злобой и рассылает по всей Европе предложения об объявлении бойкота всем русским научным учреждениям. И такого человека, выученного притом в России, на русские деньги, Академия продолжает бережно сохранять в числе своих членов»[24].

Академия наук не поддалась давлению, и ее Общее собрание приняло специальный документ, который назывался «Записка по вопросу об исключении из состава Академии всех неприятельских подданных, кроме лиц славянского, французского и итальянского происхождения». Эта записка определила позицию российских академиков по навязанному им вопросу и свидетельствовала о том, как научное сообщество России относилось к национальной принадлежности лиц, работавших в его составе, а также к деятелям науки, которые, благодаря своему вкладу в развитие научного знания, стали почетными членами и членами-корреспондентами высшего научного учреждения Российской Империи.

Записка начиналась с констатации того, что в состав Академии входят ординарные и сверхштатные академики. Из действительных членов только «один находится в подданстве воюющей с Россией державы, но он родом хорват и потому исключению не подлежит»[25]. Речь, несомненно, шла о филологе-слависте академике Ватрославе В. Ягиче.

В состав Петербургской Академии наук входили еще два, как тогда говорили, «номинальных разряда» – почетные члены и члены-корреспонденты. В их числе были подданные Германии и Австро-Венгрии. Некоторые из них проявили, по мнению российских академиков, «малодушие» и присоединились к группе германских ученых, писателей и художников, подписавших воззвание, в котором «тщетно пытались пред собственным сознанием и культурным миром оправдать действия Германии, вызвавшей губительнейшую всемирную войну». Петербургская Академия наук решительно осудила тех, которые, «некогда с благодарностью приняв почет, ею им оказанный, дали свои подписи к воззванию, клевещущему на тот народ, которому она принадлежит. Академия не может не признать, что те, которые всему свету заявили, будто быть союзником русских значит быть врагом европейской цивилизации, тем самым, поставили себя вне возможности общения с высшим русским ученым учреждением»[26].

Когда же на Общем собрании был поставлен вопрос об исключении из Академии всех почетных членов и членов-корреспондентов, являвшихся подданными воюющих против России стран, вне зависимости от того, подписали они «воззвание» или нет, то российские академики ответили на этот вопрос отрицательно.

Такое решение в условиях войны требовало объяснений, и оно было обстоятельно мотивировано в упомянутой записке. Предлагавшаяся мера, говорилось в ней, не может касаться почетных членов и членов-корреспондентов Академии, ибо, в отличие от организации в других обществах, где почетные члены пользуются правами

действительных, в ней «право участия в деятельности Академии принадлежит только ее действительным членам»[27].

С началом войны, разумеется, и так прекратились сношения с теми номинальными членами Академии, которые проживали в неприятельских или оккупированных Центральными державами странах. Кроме того, попытка огульного исключения вызвала бы немалые трудности из-за отсутствия «сведений, необходимых для точного и последовательного ее проведения», так как, «избирая в почетные звания за научные заслуги, Академия не наводит справок о таких подробностях биографий избираемых, которые прямого отношения к этим заслугам не имеют».

Петербургская Академия признавалась, что она «не в состоянии была бы с несомненностью определить подданство каждого из своих номинальных членов». Она не знала, «стал ли северо-американским гражданином, или остается германским подданным член-корреспондент, родившийся и сделавшийся членом одной из академий в Германии, а в последнее время профессорствующий в Нью-Йорке», и как быть «относительно того, которого родиной в справочных книгах показывается Карлсруэ, а местом жительства – Париж»[28].

Российские академики, по праву считая себя членами единого мирового научного сообщества, отмечали, что «такая чрезвычайная мера, как лишение почетных званий, прежде ни в какие войны в качестве боевого средства не применявшаяся ни нашей Академией, ни другими», обязательно вызовет «значительные затруднения на деятельности Академии и на положении представляемой Академией русской науки». Более того ученые были озабочены согласованием обсуждавшейся меры с коллегами из союзных стран. По имевшимся в распоряжении академиков сведениям, «английские учреждения исключили из своих списков только тех германцев, которые сами прислали отказы от предоставленных им в Англии почетных званий». А, согласно газетным сообщениям,, «научные академии Французского Института применили исключение лишь к тем из иностранных своих членов и корреспондентов, которые подписали пресловутое воззвание к культурному миру»[29].

Как отмечалось в записке, если бы Петербургская Академия исключила всех «неприятельских подданных, числящихся в ее списках, при чем ее действительные члены, конечно, должны были отказаться от почетных званий, предоставленных им учреждениями германскими и австро-венгерскими, то по восстановлении мира Академия и русская наука встретили бы такие затруднения в пользовании средствами международного сотрудничества, каких не испытывала бы научная деятельность наших союзников. То изолированное положение, в котором бы оказалась Академия, прибегнув одна к мере огульного исключения, неизбежно отразилось бы замедлениями и всякого рода помехами на тех ее начинаниях, для которых необходимо содействие чужеземных учреждений, обращение к их изданиям, пользование их библиотеками, архивами, коллекциями, а всего ощутимее оно сказалось бы склонностью пренебрегать интересами русской науки и умалять долю деятельного участия Академии, их представительницы, в международных научных организациях»[30].

Глубокая заинтересованность в поддержании разносторонних связей с мировой наукой была связана и со слабостью материального положения Петербургской Академии. Ее позиция в приведенной записке изложена достаточно аргументировано, но общественное мнение в условиях войны слабо считалось с академической логикой и было склонно лишь критиковать время немецкого засилья в России без малейшего намека на признание роли выходцев из Германии в развитии многих сторон жизни российского общества.

Российская Академия Наук в годы войны больше не возвращалась к этой теме. А газета «Новое время» еще не раз помещала статьи и заметки с критикой ее за недостаток патриотизма. Некоторые из них даже обсуждались в российском правительстве. Так, в апреле 1915 г. вышел в свет очередной (седьмой) выпуск «Записок Физико-математического отделения Императорской Академии Наук», который был посвящен научным результатам экспедиции братьев Кузнецовых на Полярный Урал. В этом научном отчете четырьмя академическими сотрудниками было приведено описание некоторых семейств насекомых, добытых экспедицией, на немецком языке. Очевидно, авторы не вкладывали никакого тайного смысла в свою публикацию, просто проявили заинтересованность в том, чтобы их энтомологическое открытие быстрее стало известно зарубежным коллегам. Иначе восприняли эту публикацию в газете «Новое Время». В рублике «Маленький фельетон» 26 апреля (9 мая) 1915 г. была помещена заметка А. Репникова «Еще о беззастенчивых», в которой публицист писал: «Русские люди снаряжают экспедицию на русскую окраину, приглашают представителей русской науки Императорской Академии в экспедицию, – и в результате отчет на немецком языке, недоступный русскому читателю!.. Для чего существует русская Академия: для поднятия научного уровня русской научной мысли или для доставления германской науке русского сырья?»[31].

Содержание этой записки было доложено российскому императору. 1 мая 1915 г., когда министр народного просвещения, граф Павел Н. Игнатьев, в ведении которого находилась и Академия Наук, делал традиционный доклад Николаю II о состоянии дел в своем ведомстве, «Государь выразил неудовольствие на то, что Академия продолжает печатать работы на немецком языке»[32]. Не совсем понимая, о чем идет речь, граф Игнатьев на следующее утро вызвал в Министерство народного просвещения вице-президента Академии наук академика Петра В. Никитина, видного филолога-классика и археолога, и потребовал разъяснений. Никитин объяснил министру, что Академия вообще воздерживается от издания исследований на немецком языке, что в академических «Известиях» все статьи публикуются по-русски или, лишь изредка, по-французски, что даже такой плодовитый ученый – химик академик Пауль (Павел) Вальден, прежде готовивший свои работы по-немецки, пишет теперь только по-русски. Та же работа, на которую напало «Новое Время», была сдана в типографию еще в 1911 г.

В тот же день Никитин представил президенту Академии Наук великому князю Константину Константиновичу доклад о текущих событиях в Академии, в котором, сообщив о посещении графа Игнатьева, писал о раскритикованной работе: «По содержанию она принадлежит к области зоологической систематики, т. е. такой литературы, в которой авторы, озабоченные установлением своих прав первенства на открытие новых родов и видов, пользуются или латынью, или одним из наиболее распространенных в ученой публике новых языков. Г. Репников с обычным для него уважением к справедливости грубо обругал за немецкий язык предводителя экспедиции, О.О. Баклунда [сына уже критиковавшегося академика – *В.Е.*], и даже братьев Кузнецовых, как будто от них, а не от академических представителей зоологии зависело выбрать специалистов для обработки того или другого семейства животных; а выбором специалистов определялся и язык изложения. На этот раз из четырех авторов три, кажется, были поляки, а язык все предпочли немецкий»[33].

В заключение Никитин писал президенту, что он заверил графа Игнатьева: «Академия как нельзя более далека от намерения бравировать употреблением немецким

языком, а чтобы показать, какие в среде Академии господствуют настроения по отношению к немцам и как Академия понимает свой долг участвовать своими способами в борьбе с немецким засильем, обещал прислать последнюю книжку “Известий”, в которой помещена записка Вернадского “Об изучении естественных производительных сил России”»[34].

Антигерманская позиция присутствовала и при проведении в жизнь трех крупнейших научных мероприятий Петроградской Академии Наук в годы мировой войны – создании Комиссии по изучению естественных призводительных сил России (знаменитой КЕПС), учреждении Постоянной Полярной Комиссии и подготовке к созданию сборника «Русская наука».

Первая мировая война привела к кризису еще недавно казавшегося незыблемым принципа единства мировой науки. В разразившемся противоборстве воюющих стран явственно проявилась существовавшая зависимость их потенциалов от уровня развития научного творчества. Это было остро воспринято русскими учеными. Ведь в числе признаков, свидетельствовавших о неподготовленности России к ведению крупномасштабной войны, важную роль играли и такие показатели, как слабая изученность природных богатств страны и отсутствие необходимых условий для производства стратегического сырья. Выяснилось, что исследовательская деятельность немецких ученых вовсе не так благотворно влияет на развитие многих направлений науки и изучения природных богатств России, как казалось раньше.

Обосновывая в апреле 1915 г. необходимость создания академической Комиссии по изучению естественных производительных сил, академик Владимир И. Вернадский писал:

> Перед русским обществом совершенно неожиданно открылась недопустимая для сильной и здоровой страны и для живого могучего народа экономическая зависимость нашей жизни от Германии. То, что было давно известно отдельным лицам, занимающимся этим вопросом, вдруг стало во всей своей ясности перед всем обществом. То, что казалось неопасным и безразличным в мирное время, вдруг, в эпоху мирового кризиса, выдвинуло свои вредоносные, разлагающие и ослабляющие силы. Сейчас не может быть здесь двух мнений. Та форма зависимости, которая перед нами раскрылась, не может быть терпима и не может дольше продолжаться без коренного изменения. Она далеко перешла пределы необходимого, неизбежного и благодетельного взаимного обмена произведениями природы, труда и мысли между соседними государствами. Она перешла в область эксплуатации одной страны другой; нарушился необходимый для благой жизни двух стран элемент их полного равенства. Одной из последствий зависимости России от Германии являлась чрезвычайная недостаточность наших знаний о тех естественных производительных силах, которые дала природа России, и которые добыты ее прошлой историей. <…> Благодаря этому, мы сейчас находимся в таком положении, что по отношению к целому ряду естественных продуктов мы не знаем, есть ли они у нас или нет, а если есть – в каком количестве, так как мы привыкли получать их извне и отвыкли искать их у себя. И многие из этих продуктов Россия получала «из Германии или через Германию»[35].

Именно насущные потребности реального знания о природных ресурсах страны и способах их обработки, выявившиеся в годы Первой мировой войны, и привели к бурному процессу их изучения в 20–30-е гг.

В 1913 г. русскими моряками были открыты новые территории в акватории Северного Ледовитого океана – Земля Императора Николая II (так первоначально был назван архипелаг Новая Земля). В Российской Академии наук понимали, что это крупное географическое открытие могло принадлежать Германии, если бы на Шпицбергене во время подготовительных работ не погибла «несчастная немецкая экспедиция, которая как раз в 1913 году предполагала отправиться на Таймыр, и на пути которой лежали эти новые земли»[36].

Постоянная Полярная Комиссия как раз была учреждена в начале 1915 г. потому, что «нельзя было предоставить иностранцам доканчивать сделанное поколениями русских ученых. Национальное самолюбие России не могло допустить, чтобы русские берега и воды, которые мы привыкли считать русскими, были бы изучены другими ранее, чем это собиремся мы сделать сами», даже если рассматривать науку «с чисто интернациональной точки зрения»[37].

В условиях мировой войны началась переориентация основных направлений международных научных связей. Немецкая наука стала терять свое лидирующее положение в мировых исследованиях. Перед русской наукой встала задача более тесного научного общения с учеными таких государств, как Англия и Франция. Для ее разрешения в Академии наук в 1916 г. была создана Комиссия по культурному сотрудничеству с союзниками. Среди разработанных ею мер важное значение должна была иметь подготовка сборника «Русская наука». В нем, как отмечалось в отчете Академии за 1916 г., «русские специалисты по разным наукам дадут очерки развития в России разных научных дисциплин и современного их положения. Эта книга могла бы послужить прочною основою для ознакомления наших союзников с тем, как сами русские ученые смотрят на то, что внесено русскою наукою в общую сокровищницу знаний»[38].

Первое заседание по подготовке сборника состоялось 25 февраля 1917 г., в дни нарастания массовых волнений, приведших к падению российского самодержавия. На этом заседании академик Александр С. Лаппо-Данилевский изложил свои соображения о разработке проблем истории науки, о характере и общем плане сборника «Русская наука». Эти соображения явились, по существу, первой попыткой обоснования принципов подхода к проблемному изучению развития науки в России. В подготовленных к заседанию набросках Лаппо-Данилевский писал:

> В смысле абсолютно-значимого систематического единства знания наука, разумеется, стоит вне пространства и времени, национальных особенностей и т. п.
>
> В смысле «движения научной мысли», постепенного ее объединения – она имеет свою историю, которая происходит в данных условиях пространства и времени, в сознании.
>
> Движение научной мысли данного народа обнаруживается
>
> 1) в возрастающей самостоятельности его мысли, независимости от чужих образцов, и т. п. имманентное развитие,
>
> 2) в тех условиях места и времени, народного характера, культурных влияний, политического строя и проч., при наличности которых данный народ
>
> выбирает известные проблемы,
>
> ставит их так, а не иначе,
>
> употребляет известные способы их решения,
>
> подыскивает известные формы их выражения и проч.

Под «идеей науки» можно разуметь то общее понятие о научном знании, которое, в сущности, формально обуславливает всякое специальное научное исследование, хотя и зависит в своем содержании от их результатов.

В различные периоды развития человеческой мысли такое общее понятие само, конечно, меняется: лишь мало-помалу сознание его становится более ясным и более свободным от ошибок, затемняющих понимание науки, ее требования и запросы, ее искания и выводы, что соответственно отражается на общем ходе ее дальнейшего развития.

С такой точки зрения возможно ставить проблему исторической эволюции самой идеи науки и в целой совокупности цивилизованных стран, и в одной из них[39].

Эти общие положения об исторической эволюции человеческой мысли, Лаппо-Данилевский положил в основу концепции зарождения и развития русской науки и разработанного на ее базе плана сборника, утвержденного в июне 1917 г.[40].

Следующее заседание по подготовке сборника «Русская наука» было проведено Лаппо-Данилевским 21 января 1918 г., уже после падения Временного правительства и установления советской власти. Хотя в принятом постановлении и в дискуссиях на Общем Собрании РАН преобладали технические вопросы подготовки сборника, на самом же заседании обсуждались и общие, принципиальные проблемы написания очерков. В условиях продолжавшейся войны с Германией наиболее актуальным был вопрос о роли, которую немецкие ученые играли в развитии русской науки. Как свидетельствуют сохранившиеся наброски А.С. Лаппо-Данилевского, он в этом отношении исходил из следующих соображений:

Наш сборник не может не отметить, хотя бы в общих чертах, главнейшие моменты и направления в развитии русской науки.

С такой точки зрения составителям очерков придется обратить внимание на взгляды тех, которые способствовали ее движению, в особенности, если они жили и действовали в России.

Сюда следует отнести и немцев. При выяснении их роли в развитии Русской науки можно было бы различать

1) тех, которые были великими (международными) творцами науки, стали во главе целых ее направлений, основали научные школы и т. п., например, Эйлер (Базель), Шлёцер и т. п.

2) тех, которые, в качестве ученых, учителей и деятелей, стали необходимыми звеньями данной эволюционной серии, без которых в ее построении окажутся заметные разрывы, например, физик Ленц, историограф Мюллер и т. п.

3) тех, которые, смотря по условиям, играли более или менее подчиненную роль в ходе развития русской науки и выступали в качестве заурядных ученых работников, например Штриткор (если не ошибаюсь) и другие,

4) тех, которые представляли из себя своего рода нахлебников и служили посторонним целям, например, Штелин и др.

В наших очерках лица 1-ой и 2-ой категории, разумеется, не могут не быть приняты во внимание; лица 3-й категории могут быть упомянуты или не упомянуты в зависимости от разных условий каждого данного случая; лица 4-й категории едва ли заслуживают упоминания.

Наше научное предприятие сорганизовалось в конце февраля прошлого 1917 года в самом начале революции и несмотря на тяжелые условия продолжало развиваться: работа подвигается, что свидетельствует о <u>жизненности</u> самого предприятия[41].

Следовательно, год конкретной работы над сборником «Русская наука» показал актуальность и необходимость осуществления разработанного проекта. На этом заседании обсуждались и подходы к одному из наиболее сложных идеологических вопросов – как следует освещать роль немецких ученых в развитии русской науки в условиях войны с Германией. В связи с этим необходимо отметить, что, подразделяя их участие на «категории», Лаппо-Данилевский был увереннее, когда выделял первую и вторую из них, при формулировании же третьей и четвертой он, скорее, исходил из бытовавших представлений, которые не смог подтвердить реальными примерами. Отнесение же к категории «нахлебников» Якова Я. Штелина[42] – профессора элоквенции (красноречия) и поэзии, оды которого переводил Михаил В. Ломоносов, и который в течение четырех лет исполнял обязанности конференц-секретаря Академии наук, явно несправедливо. Он в полной мере имел право занять место среди учителей и деятелей как звено в «эволюционной серии» становления российской науки.

В неразрывной связи с освещением деятельности отечественных ученых стоял и вопрос о языке, на котором публиковались научные труды, подготовленные в России. Было признано необходимым освещать развитие русской науки «по содержанию, отношению к России и русской научной мысли, к ее движению, и т. п., а не по языку». Следовательно, в очерки «включаются: а) русские ученые, писавшие на иностранных языках, в) иностранцы, жившие в России в той мере, в какой они оказали влияние на ход развития русской науки»[43].

Итак, разработанный в 1917 г. под руководством академика Лаппо-Данилевского и частично осуществленный проект создания сборника «Русская наука» остался нереализованным, и виной тому не война, а революция. Столь важный для дальнейшего развития отечественной науки анализ ее эволюции и состояния к началу XX века не был востребован органами советской власти. А преимущественное их внимание лишь к вкладу науки в социалистическое строительство, упор на разработку плана научно-технических работ и на связь науки с практикой, абсолютизация значения марксистско-ленинского учения и т. п. привели к значительному перекосу общих представлений о путях развития русской науки, деятельности Академии наук и вклада ученых России в развитие магистральных направлений естествознания и гуманитарных наук.

Объективный анализ развития науки в России невозможен без глубокого изучения вклада ее деятелей, многие из которых были иностранцами по происхождению, в становление и развитие исследовательских направлений. И перелом в этом отношении наметился с выходом книг серии «Немцы в России»[44].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Петербургская академия наук была основана в 1724 г. по указу Петра I, ныне – Российская академия наук (РАН).

[2] *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. – М., 1988. С. 191.

[3] Известия Императорской Академии Наук. 1914. № 15. С. 1078.

[4] Там же.

[5] *Бехтерев В.М.* Моральные итоги великой мировой войны. Речь на торжественном заседании Психоневрологического института 2 февраля 1915 г. – Пг., 1915. С. 6.

[6] Известия Императорской Академии Наук. 1914. № 13. С. 815–840.

[7] *Иванов А.Е.* Российское «научное сословие» в годы «Второй Отечественной войны». (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 111.

[8] Известия Императорской Академии Наук.1914. № 14. С. 986–988.

[9] Алексей Валерьянович Бельгард (1861–1942) – юрист, сенатор, начальник Главного управления по делам печати, после революции в эмиграции в Германии.

[10] Известия Императорской Академии Наук. № 17. С. 1250.

[11] Ср. здесь: *Conrad Grau.* Berühmte Wissenschaftsakademien. Von ihrem Entstehen und ihrem weltweiten Erfolg. – Thun und Frankfurt/M., 1988. S. 278–290.

[12] История Академии наук СССР. Изд. К.В. Островитянов в т. ч. В 2 Т. – М.–Л., 1958, 1964. Здесь Т. 2. – М.–Л., 1964. С. 470.

[13] Известия Императорской Академии Наук. 1915. № 3. С. 162.

[14] Там же. № 6. С. 469. – В 1919 г. Международный союз академий был распущен по инициативе брюссельского Международного союза академий (Union Académique Internationale) и римского Международного совета научных союзов (Conseil International des Unions Scientifiques).

[15] *Иванов А.Е.* (см. сн. 7) Указ соч. С. 111.

[16] Цит. по опубликованной репродукции воззвания: *Jürgen von Ungern-Sternberg/Wolfgang von Ungern-Sternberg.* Der Aufruf «An die Kulturwelt!»: Das Manifest der 93 und die Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg. Mit einer Dokumentation. – Stuttgart, 1996; ср. здесь также: *Lew Kopelew*. Am Vorabend des Krieges. In: Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert. Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg (= West-östliche Spiegelungen; Bd. 4A), hrsg. von Mechthild Keller. – München, 2000. S. 65f.

[17] Манифест 93-х ученых: Призыв к цивилизованному миру // Две культуры… – Пг., 1916. С. 122–130. Ср. также *Werner Hartkopf.* Die Akademie der Wissenschaften der DDR. Ein Beitrag zu ihrer Geschichte. – Berlin (Ost), 1975. S. 90. По мнению Харткопфа, воззвание было опубликовано 4 октября 1914 г. Далее он сообщает, что в кратчайшие сроки около 4000 известных ученых одобрили манифест, т. е. за некоторыми исключениями эта акция получила поддержку духовной элиты Германии. *Прим. нем. ред.*

[18] Ср.: *Georg Friedrich Nicolai*. Die Biologie des Krieges. – Zürich, 1919.

[19] 14. *Иванов А.Е.* Указ. соч. С. 111–112. Франц фон Лист (1851–1919), двоюродный брат композитора, занимал с 1898 г. должность профессора в Берлинском университете.

[20] Новое время. 1915. 2 (15) марта. С. 4.

[21] Предположительно, астроном Баклунд позволил геологу Хекеру использовать результаты своих исследований солнечной системы для расчета периодичности приливов и отливов. *Прим. нем. ред.*

[22] Известия Императорской Академии Наук. 1915. № 7. С. 571.

[23] Академия наук СССР. Персональный состав. Сост. Георгием К. Скрабином. 2 Т. – М., 1974; здесь Кн. 1. 1724–1917. Среди этих ученых были математики Феликс Х. Клейн (1849–1925, член-корреспондент [чк] Петербургской Академии с 1895), Карл Г.А. Шварц (1843–1921, чк с 1897), физик-метеоролог Юлиус Ганн (1839–1921, чк с 1890), химики Иоган Ф.В.А. Бейер (1835–1917, чк с 1892), Вильгельм Ф. Оствальд (1853–1932, чк с 1896), Герман Э. Фишер (1852–1919, чк с 1896), геолог Фридрих Г.Э. Кайзер (1845–1927, чк с 1892), кристаллограф Пауль Г. фон Грот (1843–1927, чк с 1883), ботаник Адольф Г.Г. Энглер (1844–1930, чк с 1888), зоологи Отто Бючли (1848–1920, чк с 1894), Франц Э. Шульце (1840–1921, чк с 1895), анатом Генрих В.Г. Вальдейер (1836–1921, чк с 1894), экономист Людвиг И. Брентано (1844–1931, чк с 1895), историк Фердинанд Гирш (1843–1915, чк с 1874), востоковеды Ионан Г. Гофман (1845–1933, чк с 1893), Игнац Гольдциер (1850–1921, чк с 1897), Карл Э. Захау (1845–1930, чк с 1845–1930), Теодор Э.Б. Нёльдеке (1836–1930, чк с 1885), Фридрих Хирт (1845–1925, чк с 1898), филологи Александр Брюкнер (1856–1939, чк с 1889), Герман А. Дильс (1848–1922, чк с 1896), языковеды Адальберт Бецценбергер (1851–1922, чк с 1896), Август Лескин (1840–1916, чк с 1876) и др.

[24] Новое время. 1915. 15(28) марта. С. 5.

[25] Известия Императорской Академии Наук. 1915. № 7. С. 556.

[26] Там же.

[27] Там же. С. 557.

[28] Там же.
[29] Там же. С. 558.
[30] Там же.
[31] Новое время. 1915. 26 апреля (9 мая). С. 7.
[32] *Соболев В.С.* Августейший президент. Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. – СПб., 1993. С. 162.
[33] Там же.
[34] Там же. С. 163.
[35] *Вернадский В.И.* Очерки и речи. – Пг., 1922. Ч. 1. С. 4–6.
[36] Известия Императорской Академии Наук. 1915. № 6. С. 477.
[37] Там же.
[38] *Есаков В.Д.* Неосуществленный проект Академии наук // Вестник Российской Академии наук. 1997. № 12. С. 1129.
[39] Там же. С. 1132–1133.
[40] См.: там же. С. 1134–1135.
[41] Там же. С. 1136.
[42] Якоб Штелин (1709–1785), представитель старинной немецкой фамилии, переселился в Петербург в 1735 г. С 1738 г. он занимал должность профессора в Петербургской Академии наук (с 1747 г. – Императорская Академия наук и художеств), с 1756 г. – надворного советника, с 1775 г. – действительного статского советника; член академий в Мадриде и Лейпциге, почетный член академий в Геттингене, Харлеме, Лондоне и Касселе. Среди его потомков – известный российский историк XX в. Карл Штелин.
[43] *Есаков В.Д.* Неосуществленный проект Академии наук (см. сн. 38). С. 1136.
[44] Немцы в России. Люди и судьбы. – СПб., 1998.

Василий Молодяков

ТАЙНЫЙ ГЕРМАНОФИЛ?
Валерий Брюсов и литературная среда России в годы Первой мировой войны

Во дни великого страдания,
Когда любой рассвет кровав,
Тебе я приношу, Германия,
Венец непобежденных слав.

Валерий Брюсов, 1915

1. «От знакомства к родству»: Брюсов и Германия

Можно с уверенностью сказать, что среди зарубежных стран и культур Германия была самой сильной и долгой «любовью» Валерия Яковлевича Брюсова (1873–1924), не только одного из крупнейших реформаторов русской поэзии – и, шире, литературы XX века, – но и подлинного энциклопедиста и «гражданина мира» в лучшем, самом высоком смысле этого слова. Конечно, в его жизни, мировоззрении и творчестве большую роль играли и другие культурно-исторические традиции – древнеримская, французская, скандинавская, но отношение Брюсова к Германии отмечено особой близостью. По верному замечанию известного филолога-германиста Б.И. Пуришева (кстати, в молодости бывшего учеником Брюсова), «в творческой истории Брюсова, если не поэзия, то немецкая культура сыграла огромную роль»[1]. Поэтому, анализируя историю и особенности российско-германских духовных и культурных контактов на рубеже веков, мы никак не можем обойти вниманием фигуру Брюсова.

Юношеское путешествие по Германии летом 1897 г., в двадцать три года, положило начало формированию романтических представлений о стране и ее истории. «Я побывал в Берлине, в Кёльне, в Ахене, в Бонне и еще нескольких прирейнских городах… Кёльн и Ахен ослепили меня яркой, золоченой пышностью своих средневековых храмов. Впервые, “сквозь магический кристалл”, предстали мне образы “Огненного ангела”…»[2]. Первый – и, по мнению многих, лучший – роман Брюсова «Огненный ангел» (1908–1909) отличался настолько глубоким знанием истории средневековой Германии, вплоть до мельчайших деталей быта, что несколько немецких критиков публично усомнились в том, что роман написан иностранцем[3]. Темы, связанные с Германией, неизменно присутствуют и в стихах Брюсова, вплоть до самых последних лет. Еще в гимназии он начал переводить Шиллера, а в годы первой мировой войны и революции работал над переводом «Фауста».

Глубоко личное отношение Брюсова к Германии и ее культуре было также обусловлено многолетним знакомством, нередко перераставшим в дружбу, с немецкими

литераторами и переводчиками, среди которых надо отметить Георга (в России – Егора Егоровича) *Бахмана* (1852–1907), Артура *Лютера* (1876–1955), Александра *Элиасберга* (1878–1924), Рейнгольда *фон Вальтера* (1882–1965) и Иоганнеса (Ганса) *фон Гюнтера* (1886–1973). «Памяти ушедших» двух поэтов – Бахмана и Ивана Коневского – Брюсов посвятил переиздание сборника «Tertia vigilia» («Третья стража») (1900) в первом томе собрания стихов «Пути и перепутья» (1908). Коневской был одним из ближайших друзей юности Брюсова, и то, что имя Бахмана стоит рядом с его именем, говорит о многом (4). Лютер регулярно сотрудничал в «Весах» – лучшем русском символистском журнале, руководимом Брюсовым. Он же вместе с Элиасбергом, Вальтером и Гюнтером переводил стихи и прозу Брюсова на немецкий язык: в 1908–1913 гг. в Германии вышло пять отдельных изданий его произведений (больше, чем где бы то ни было за границей), не считая многочисленных публикаций в антологиях, сборниках и периодике[5]. При жизни Брюсов не пользовался такой известностью в Европе, как его современники Горький или Мережковский, хотя отдельные издания его стихов и прозы выходили не только в Германии. Но именно для немецкой интеллигенции начала века он стал одним из виднейших представителей современной русской культуры.

Все эти факты достаточно известны, но я счел необходимым напомнить их, чтобы показать, с каким «багажом» пришел Брюсов к началу первой мировой войны, которая стала для него – равным образом как и для всей русской интеллигенции – самым серьезным испытанием отношения к Германии. Тема «Брюсов и Германия» ранее изучалась преимущественно в историко-литературном и общекультурном контексте[6], а политические и мировоззренческие аспекты проблемы оставались неисследованными. О них и пойдет речь в настоящей работе.

2. «Во дни великого страдания»: против искуса германофобии

Когда напряженное ожидание последних предвоенных месяцев сменилось известием о начале войны, это вызвало резкую вспышку германофобских настроений в России, в том числе среди интеллигенции. Взрыв ненависти ко всему немецкому был бурным, внезапным и нередко превосходил все разумные пределы, доходя, как известно, даже до погромов. Приведу одно лишь примечательное свидетельство, недавно введенное в научный оборот. Издатель эсеровского журнала «Заветы» С.П. Постников вспоминал об одном из редакционных собраний первого месяца войны:

> Ф.К. Сологуб громил немцев и призывал к отомщению за их жестокости, о которых тогда писали русские газеты. За каждого убитого русского, говорил он, мы должны убить десять немцев. За изнасилованную русскую женщину – насиловать немок. П.Е. Щеголев… поддерживал Сологуба и говорил о некультурности немцев. Блок недоуменно смотрел на них и по обыкновению молчал. М.М. Пришвин напевал солдатские песни[7].

Практически все газеты и журналы, вне зависимости от политической или социальной ориентации, моментально наполнились «страшилками» о коварстве и жестокости немцев на фронте, немецком шпионаже и опасности диверсий в русском тылу, сея подозрительность и разжигая у читателей самые темные инстинкты. Юмористы

разных лагерей изощрялись в «немцеедстве», открыв для себя новую «золотую жилу», поскольку раньше насмешки над «герром профессором» и «изобретателем клистира» были только одной из многих расхожих, но вполне безобидных тем, наряду с тещами и «дачными мужьями». В хоре ожесточенных проклятий Германии – ее кайзеру, армии, народу, философии, музыке и даже кухне – тон задавали не только бульварные журналисты, но и такие авторы как К.Д. Бальмонт, Ф.К. Сологуб, С.М. Городецкий, Игорь Северянин (перечисляю только знакомых Брюсова), ранее не отличавшиеся особым шовинизмом. Поэты Н.С. Гумилев и Б.К. Лившиц в числе первых отправились добровольцами на фронт. В условиях антигерманской истерии молчание хранили только единицы, вроде Блока.

В те дни популярный в московских интеллектуальных кругах философ и публицист В.Ф. Эрн пустил в оборот формулу «от Канта к Круппу», объявив всю историю германской цивилизации порочной и являющейся лишь фундаментом для «прусского милитаризма» и «тевтонского варварства»: «Но вот налетает война. Под мягкой шкуркой немецкой культуры обнаружились хищные кровожадные когти. И лик “народа философов” исказился звериной жестокостью»[8]. Фраза стала настолько расхожей, что потом не раз мелькала в мемуарах и беллетристике (например, в блестящей сатирической повести С.С. Заяицкого «Жизнеописание Лососинова» 1929 г.) как одна из наиболее характерных примет времени. Замечу, что подобные – беспочвенные, но эффектные – построения типа «от Лютера к Гитлеру» имели место в пропаганде союзников и на рубеже 1930–1940-х годов[9]. Тому же Эрну принадлежит другая популярная пропагандистская формула «время славянофильствует» (январь 1915 г.), которая вызвала публичные протесты И.А. Ильина и Е.Н. Трубецкого, настроенных более умеренно.

Разумеется, Брюсов не мог остаться в стороне от событий. Среди собратьев-символистов он выделялся особым интересом к мировой политике и даже был политическим обозревателем журнала Д.С. Мережковского и П.П. Перцова «Новый путь» (1903–1904), однако, сотрудничество оказалось недолгим. Его статьи не раз попадали как под запрет официальной цензуры, так и под внутриредакционное вето Мережковского, например «Торжество социализма» об успехах германской социал-демократии на выборах[10]. Свою позицию Брюсов выразительно охарактеризовал 28 июля 1903 г. в письме к П.П. Перцову: «Несомненно, что мои «политики» никогда не попадут в тон «Н<ового> пути». Я смею думать, что предан «свободе» (и политической) не меньше Мережковских с Егоровым (секретарь редакции «Нового пути» – *В.М.*), и во всяком случае не меньше их и всех либералов и редакторов вместе желаю преоборота и даже переворота, но только не для того, чтобы перестроить Русь на западный образец, а чтобы и на Западе уничтожить все эти опостылевшие образцы. Таков смысл всех моих политик. Если это ретроградно, я смиряюсь»[11]. По этому же поводу вдова поэта И.М. Брюсова в письме литературоведу Д.Е. Максимову от 1 июля 1935 г. вспоминала: «Сам Вал<ерий> Як<овлевич> про свои политические писанья всегда говорил с легкой насмешкой над собой и уверял, что никогда не сумеет “потрафить” современным ему редакторам»[12].

Неуспех первого опыта был очевиден: «Сознаюсь, что воспоминания об этой работе относятся к числу особенно неприятных из всего моего прошлого»[13]. Однако уйти от политики не удалось: началась русско-японская война, на которую он откликнулся рядом получивших широкую известность стихотворений. События пореволюционных лет на время увели Брюсова от политической конкретики, но уже в

сборнике стихов «Зеркало теней» (1912) он, по словам И.С. Поступальского, «открыто возвращается к своей роли гражданского и политического поэта»[14].

Немногим более чем за полгода до начала мировой войны во влиятельном журнале «Русская мысль» была опубликована программная статья Брюсова «Новая эпоха во всемирной истории»[15], посвященная поражению Турции в Первой балканской войне как «очередной главе в истории изгнания турок из Европы». Выражая незыблемую уверенность в единстве европейской христианской цивилизации, он прямо называет ее потенциальных врагов: «Панмонголизм и панисламизм – вот две вполне реальные силы, с которыми Европе скоро придется считаться. Третья такая сила должна зародиться в черной Африке… Придет час, когда ислам встанет на защиту своей религии и своей культуры, на борьбу с христианской Европой… В опасности окажутся наши лучшие достояния, и Шекспир, и Рафаэль, и Платон, которых захотят заменить стихами Саади, картинами Утомаро, мудростью Конфуция».

Этот фантастический пантеон, точнее, «пандемонион», ясно отражает представление Брюсова о враге. «Тевтонской опасности» нет и в помине. Напротив, он усиленно призывал к объединению *всей* Европы в борьбе «за лики гордые Шекспира, за рафаэлевых Мадонн», против общего врага. Высшие достижения германской культуры всегда были для Брюсова неотъемлемой частью общеевропейского богатства, которое предстояло защищать от «проснувшегося Востока». Именно так назвал он программное стихотворение 1910 г., вошедшее в «Зеркало теней», но запрещавшееся советской цензурой[16].

Поэтому начало войны в Европе Брюсов воспринял как трагедию. Он категорически не мог согласиться с утверждением того же Эрна, что «Германия противостала Европе, и Европа противостала Германии»[17]. Кроме того, неизменно оставаясь гуманистом, он не мог воспевать войну и тем более испытывать радостного упоения от нее – в отличие, например, от Гумилева, провозглашавшего:

И воистину светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.
Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.
(«Война, 1914)
И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

«Наступление», 1914

В целом, можно согласиться с комментарием И.С. Поступальского – разумеется, сделав поправку на время его появления и соответствующие времени формулировки: «Следует установить разницу между военными стихами Брюсова и Гумилева. У Брюсова, в его лучших вещах, наблюдается стремление видеть в войне какое-то высшее, идейное, назначение, исторический смысл борьбы за культуру, стадию ка-

кого-то испытания… Для Гумилева же, представителя обуржуазившегося дворянства… дело обстоит проще. Для него, “конквистадора”, война сама по себе совершенно естественная, нужная и благородная вещь. У Брюсова такой элементарности нет»[18].

Первым откликом Брюсова на военные события стали стихотворный цикл «Современность» (позднее и в измененном составе «Стоим мы, слепы…» в сборнике «Семь цветов радуги» (1916)) и статья «Война вне Европы», впервые появившиеся в одном и том же номере «Русской мысли» (1914, № 8/9). Отметим несколько важных моментов в оценке им происходящего: Брюсов одним из первых правильно распознал в начавшейся войне конфликт не европейского, а мирового масштаба[19], но явно обольщался насчет того, что она может принести освобождение «порабощенным народам». Речь шла прежде всего о славянах, главными врагами которых, как известно, были Австро-Венгрия и Турция, но не Германия. То, что Брюсов в эти дни и месяцы писал о Германии, – равно как и то, что он о ней *не писал,* – представляет особый интерес.

Во-первых, следует отметить сдержанный, благородный тон его антигерманских инвектив (самое резкое выражение – «надменный германец»), не содержавших никаких оскорблений в адрес противника, что в то время весьма редко встречалось не только в русской прессе, но и в «образованном обществе», в целом. Подозрительным казалось уже само отсутствие брани в адрес врага. Неизвестны нам и какие-либо пренебрежительные высказывания Брюсова о Германии, сделанные в частном порядке – в письмах или разговорах. Специально обращаю на это внимание, потому что в период русско-японской войны публичные высказывания Брюсова о Японии и японцах были достаточно корректными, но в письмах он порой награждал их весьма уничижительными эпитетами[20]. Брюсов всегда делал различие между «белыми» германцами и «желтыми» японцами и китайцами, поэтому сегодня его могли бы назвать «расистом». Однако следует помнить, что в начале века такие взгляды господствовали практически во всех слоях европейского «образованного общества». Даже Лига Наций, призванная стать воплощением принципов прогресса, свободы и гуманности, в 1919 г. большинством голосов отвергла предложение Японии о внесении в ее Устав положения о «равенстве рас»[21].

Во-вторых, Брюсов видел в Германии только конкретного политического и военного противника, а не «исконного врага» и не «исчадие ада», молчаливо, но решительно отвергнув, таким образом, формулу «от Канта к Круппу». Он не зачеркивал, не предавал поношению ее историческое прошлое и культурные свершения, не призывал выбрасывать из музеев картины немецких художников и запрещать исполнение опер немецких композиторов, как делали это некоторые журналисты и даже деятели культуры. И здесь опять-таки мы видим прямую аналогию с его позицией времен русско-японской войны: тогда журнал «Весы», не избегавший порой довольно грубых шовинистических выпадов (правда, в основном, в цитатах из других изданий, а не «от себя») помещал статьи о японской живописи и репродукции гравюр японских художников, причем, делал это в самый разгар боев под Ляояном (1904, №№ 10 и 11). В неподписанной, но, возможно, принадлежавшей перу Брюсова – или, по крайней мере, одобренной им, – редакционной заметке прямо говорилось: «Мы хотим напомнить читателям о той Японии, которую все мы любим и ценим, о стране художников, а не солдат»[22].

В условиях «угара» первых месяцев войны о таких публичных декларациях не могло быть и речи. Впрочем, «публичное молчание», отказ от такого рода заявлений

был не менее красноречив. В этом Брюсов был близок к Блоку, чье отношение к «сумрачному германскому гению» неизменно определялось духовными и культурными, а не злободневно-политическими факторами. На открытые признания в любви к Германии отваживались немногие, но этим признаниям суждено было еще не один год оставаться в столе. Вспомним хотя бы эпатажные стихи молодой Марины Цветаевой, в ту пору еще не изжившей своего юношеского восторга и благоговения перед Брюсовым:

Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам.
Ну, как же я тебя оставлю?
Ну, как же я тебя предам?
Ну, как же я тебя отвергну,
Мой столь гонимый Vaterland…
Германия – мое безумье!
Германия – моя любовь!

«Германии», 1 декабря 1914

Эти стихи впервые увидели свет только в 1936 (!) г.

В-третьих, стихам и публицистике Брюсова изначально были совершенно чужды бахвальство и «шапкозакидательский» тон, характерный, например, для военных стихов Ф. Сологуба, не говоря уже о газетных и «синежурнальных» стихотворцах. В начале войны в стихотворении «Утешение Бельгии» Сологуб «пророчествовал»:

Прежде чем весна откроет
Ложе влажное долин, –
Будет нашими войсками
Взят заносчивый Берлин.

«Сатириконовец» Евг. Венский (Е.О. Пяткин), выпустивший в 1915 г. книгу под характерным заглавием «О немцах, извините за выражение», годом позже в сборнике сатиры и пародий «В тылу» зло, но по существу высмеял эти стихи:

Ах ты, жалкий пруссачишка,
Немец-перец-колбаса,
Разнесем тебя, мартышка,
Абсолютно в полчаса.

Именно в таком духе писало большинство. Напротив, Брюсов уже 30 июля (здесь и далее даты по старому стилю) предупреждал в стихотворении «Старый вопрос»:

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы неуместной.
Пред строем опасных врагов
Сомкнемся спокойно и тесно.

Полагаю, в этом можно видеть воздействие трагического урока русско-японской войны, победа в которой поначалу была для Брюсова несомненна:

Не может уступать Россия,
Торжествовать она *должна.*
(курсив мой – *В.М.*)
«К Тихому океану», 1904

Сдача Порт-Артура и неуспехи боев под Мукденом и Ляояном, положили конец его иллюзиям, а гибель русского флота в Цусимском проливе он воспринял как окончательное крушение имперских, геополитических амбиций России:

И снова все в веках, далеко,
Что было близким наконец –
И скипетр Дальнего Востока,
И Рима Третьего венец.
«Цусима», 1905

Потому-то при подготовке собрания стихов «Пути и перепутья» в 1908 г. Брюсов и не включил в него как «несвоевременные» те стихи, в которых отразились его преждевременные «победные» настроения. В 1914 г. надежд на скорую и легкую победу у него не было, а мощь германской армии он, надо думать, представлял себе вполне реалистически.

Наконец, четвертой особенностью «образа Германии» в военной поэзии и публицистике Брюсова можно назвать отсутствие в ней мифа о «немецких зверствах». Как было убедительно показано уже в 1920-е годы, он был создан английскими журналистами и политиками для оправдания вступления Великобритании в войну, предлогом для чего послужило нарушение германской армией нейтралитета Бельгии, который Великобритания обязалась гарантировать по тайному англо-бельгийскому договору 1839 (!) года. Газетный концерн «короля информации» лорда Нортклифа, а затем и вся «союзная» печать едва ли не ежедневно распространяли все новые и новые сенсационные сообщения о повешенных «тевтонами» бельгийских священниках, изнасилованных и заживо сожженных девушках, распятых монахинях и детях с отрубленными руками. Своим авторитетом эту кампанию поддержал крупнейший бельгийский поэт, друг Брюсова, Эмиль Верхарн в ряде стихотворений и в книге публицистики «Окровавленная Бельгия» (1915). Со страниц газет подобные сюжеты оперативно переходили в «изящную словесность» – достаточно назвать хотя бы сборник стихов и прозы А.А. Измайлова «Осиновый кол» (1915), автор которого много лет заведовал литературным отделом одной из крупнейших русских газет «Биржевые ведомости» и опять-таки являлся близким знакомым Брюсова.

Умело организованная, широкомасштабная кампания «пропаганды ненависти» (hate propaganda), или «пропаганды жестокостей» (atrocity propaganda), вызвала в обществе, в том числе и в русском, настоящую истерию, когда любое, тем более публично высказанное, сомнение в справедливости или достоверности сообщаемого могло быть расценено как измена или, по крайней мере, пораженчество. Объективный анализ этой пропаганды и фактическая перепроверка сообщавшихся «сведений» стали возможны только после войны, когда и выяснилась их полная абсурдность и беспочвенность. Английские министры и политики дезавуировали «истории» лорда Нортклифа и даже приносили извинения правительству Веймарской Германии[23]. Но все это было много позже. А тогда ни обстановка в обществе, ни шумиха в прессе,

ни даже авторитет Верхарна – а бельгийцы были для него прежде всего «народом Верхарна»![24] – не заставили Брюсова включиться в эту кампанию[25].

Пожалуй, единственным исключением можно назвать его стихотворение «Тевтону» (сентябрь 1914):

Ты переполнил чашу меры,
Тевтон – иль как назвать тебя?

Оно стало откликом на непреднамеренное разрушение немецкой артиллерией знаменитого готического собора в Реймсе. «Союзная» пресса сделала из этого, в общем-то, частного, случая символ «тевтонского варварства», поэтому «реймский инцидент» стал «знаковым» событием для некоторых русских поэтов, например О.Э. Мандельштама («Реймс и Кёльн», сентябрь 1914) или М.А. Волошина («Реймская Богоматерь», 19 февраля 1915). Брюсов не скрывал своего негодования по поводу безвозвратной, как тогда казалось, утраты одной из жемчужин европейской культуры, но и на этот раз воздержался от грубостей или шовинистических выпадов. Нельзя не согласиться с выводом литературоведа Г.И. Дербенева: «Стихотворение “Последняя война” – не антигерманское. Оно направлено против старого мира в целом, с его неразрешенными противоречиями… Точно так же нет антигерманской темы ни в одном из брюсовских стихотворений первого месяца войны, как и стихов, в которых поэт предавался бы неумеренному восхвалению великороссов»[26].

3. «На театре войны»: Брюсов – военный корреспондент

Следующим этапом «военных усилий» Брюсова стала его деятельность в качестве военного корреспондента «Русских ведомостей» (август 1914 – май 1915 гг.) в Польше и в Галиции, куда он отправился одним из первых среди московских литераторов. «Объявления войны 1914 года ждали со дня на день. Об этом писали газеты, и, конечно, Валерий Яковлевич не был в стороне от бурно развивающихся событий. Жил он лето 1914 года в Опалихе, но часто наведывался в Москву и даже договорился, чтобы ему немедленно сообщили о начале военных действий. На другой день по объявлении войны, согласно договоренности, рано утром за Брюсовым на машине приехал заместитель председателя Литературно-художественного кружка Иван Иванович Попов, и они поехали в Москву… После недолгих приготовлений и прощального банкета в стенах Литературно-художественного кружка, Брюсов уехал на театр военных действий»[27]. На банкете 24 июля Брюсов произнес знаменательную фразу: «Я еду простым чернорабочим»[28]. 11 сентября он писал жене И.М. Брюсовой: «Начинаю входить во вкус работы “корреспондента” и понимать это ремесло, а до сих пор только учился»[29]. Теперь к стихотворениям прибавились десятки газетных статей, имевших немалый общественный резонанс: их читали и ценили не только поклонники Брюсова-писателя, но и авторитетные политики, включая депутатов Государственной думы[30]. Добавлю, что позднее его стихотворение «Польше» (1 августа 1914) было включено в записку «по польскому вопросу», составленную «по заказу Его Императорского Величества Государя Императора –

для представления немедленно лично» и сохранившуюся в деле канцелярии Совета министров, начатом 21 января 1916 г.[31].

«Русские ведомости» располагали большим количеством военных корреспондентов (включая, например, А.Н. Толстого), которые освещали различные стороны происходящего. На долю Брюсова, не сразу допущенного непосредственно в зону боевых действий, выпало освещение, в основном, социально-бытовых аспектов войны и ее последствий, однако, позднее он не раз бывал и на линии фронта: «одному из первых мне удалось, с товарищем, проехать в освобожденный Перемышль»[32]. Для корреспонденций Брюсова характерно то же внимание к «мелочам жизни» и отсутствие риторики, что и для стихов сборника «Семь цветов радуги», непосредственно навеянных фронтовыми впечатлениями. И здесь мы снова видим все те же черты «образа Германии», что были отмечены выше: уважение к противнику, объективная оценка тягот войны, отсутствие тенденциозного отождествления Германии как нынешнего врага с «вечной Германией» Гёте и Шиллера и т. д.[33].

Как уже говорилось, ни в одном из произведений Брюсова 1914–1915 гг. мы не найдем воспевания войны, столь характерного для многих литераторов того времени. Личный опыт первых месяцев корреспондентской деятельности избавил его от всех возможных иллюзий относительно характера войны, если таковые и были. В стихотворении «Круги на воде» (2 декабря 1914 г.) он дает совершенно определенную оценку происходящему:

От камня, брошенного в воду,
Далеко ширятся круги.
Народ передает народу
Проклятый лозунг: «мы – враги!»
(курсив мой – *В.М.*)

То же настроение мы видим и в стихотворении «Западный фронт», написанном несколькими днями раньше, 30 ноября 1914 г.:

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Протянута лентой бесцветной и плоской,
Прорезала Францию узкой полоской.
Все мертво на ней: ни двора, ни куста;
Местами два-три деревянных креста,
Местами – развалины прежних строений,
Да трупы, да трупы – тела без движений!

Все стихотворение выдержано в ключе печальной и даже какой-то обреченной констатации трагических фактов войны. Виноватых и правых здесь нет! – вот мысль, которую Брюсов исподволь пытается внушить читателю. Здесь ни слова осуждения в адрес «тевтона», ни слова хвалы в адрес противостоящего ему «священного союза». Позднее, в стихах 1915–1916 гг., Брюсов будет постоянно возвращаться к этим мыслям, которые тогда уже воспринимались многими в русском обществе с пониманием и даже симпатией. Но в конце 1914 г. так думали – или, по крайней мере, дерзали высказываться в печати – немногие. До публичного осуждения войны, пусть даже в завуалированной форме, было еще очень далеко.

Думаю, на восприятие Брюсовым войны оказал влияние Верхарн – но не Верхарн-патриот, проклинавший в 1914 г. «тевтонов» и клеймивший их пресловутые «зверства», а Верхарн-гуманист, говоривший своему русскому другу еще в 1909 г.: «Война давно стала для европейцев анахронизмом… Современному человеку столь же дико стрелять в других людей из пушек, как и заниматься людоедством»[34]. Отзвук этих слов явственно слышится в статье Брюсова, написанной 26 июля 1914 г., накануне отъезда на фронт: «Война, при известных условиях, – великое дело и последний довод в мировых спорах, в которых правый не всегда силен одной своей правотой, но война все же и горькое зло земли, тяжелое бедствие народов. Война все же ведет к одичанию и огрублению нравов, к забвению высших идеалов, к падению культурного уровня»[35]. К этим мыслям он будет не раз возвращаться и впоследствии.

И здесь представляется необходимым остановиться на одном сюжете. Как известно, Брюсов одним из первых выступил с приветствием «первым авиаторам» в одноименном стихотворении 1908 г., впоследствии получившим название «Кому-то» («Фарман иль Райт, иль кто б ты ни был…»), увидев в их полетах провозвестие того, что позднее называли аэрократией или «штурмом неба» (заглавие его стихотворения 1923 г. на «авиационную» тему):

…Шар земной
Мы полно примем в обладанье,
Гордясь короной четверной,
то есть господством над всеми четырьмя стихиями.

Однако он резко осудил военное применение авиации, прежде всего, против мирного населения, чему сам был свидетелем в Варшаве (стихотворение «Аэропланы над Варшавой» (24 декабря 1914)). Другое стихотворение 1915 г. «К стальным птицам», не вошедшее ни в один из прижизненных сборников, примечательно именно тем, что, выходя за рамки «авиационной» темы, оно, с одной стороны, затрагивает планетарные, глобальные аспекты «покорения воздуха», а с другой, показывает корни разочарования поэта в характере войны, которое открыто проявилось уже летом 1915 г. и достигло своего апогея в начале 1917 г.

Казалось: уничтожив грани
Земель, народов, государств, –
Жить дружественностью начинаний
Мы будем – вне вражды и брани,
Без прежних распрей и коварств…

Примечательно, что это фактически пересказ слов Верхарна: «Я рад, что дожил до завоевания воздуха. Человек должен властвовать над стихиями, над водой, огнем, воздухом… Аэропланы совершенно изменят отношения к границам между государствами, усилят чувство солидарности в европейских народах, которые почувствуют себя “единой нацией”, а это приведет к прекращению войн»[36]. Это было написано в 1910 г. Однако:

Опасней молний, хуже бури,
Те, что возносят в небо смерть!

Не в честный бой под облаками
Они, спеша, стремят полет,
Но в полночь, тайными врагами,
Над женщинами, стариками,
Свергают свой огонь с высот!

Конечно, злодеем выступает «рой германских “голубей”», т. е. военных самолетов марки «таубе» (нем.: голубь). Но если для М.А. Волошина («Цеппелины над Парижем», 18 апреля 1915) главным является осуждение Германии, а война в воздухе – только повод для этого, то Брюсов обличает именно войну в воздухе, видя в ней не только «преступление против человечества», но и губительное кощунство по отношению к духам стихий[37]. Однако по понятным причинам ему приходится говорить только о германских налетах.

То же можно сказать и о стихотворении 1916 г. «Рыбье празднество» из сборника «Девятая камена», не изданного при жизни Брюсова. Написанное после объявления Германией в 1915 г. начала «беспощадной подводной войны», оно осуждает ее не как очередное «немецкое зверство», но именно как варварскую форму военных действий. Горько-иронической инвективой звучат его слова «Славься между рыбами, царь торпед – Вильгельм!», но и здесь мы не найдем ни шовинистических выпадов, ни грубых обобщений. Интересно, что сам автор более чем сдержанно оценил свое стихотворение: «столь не в моем духе, что я и судить не берусь, терпимо ли это»[38], – отправляя его для публикации в «Биржевых ведомостях» упоминавшемуся выше А.А. Измайлову. Измайлов же без промедления напечатал эти стихи.

Рассматривая позицию Брюсова в годы первой мировой войны в ее основных аспектах, следует коснуться и его взглядов на «славянский вопрос». Балканская политика Австро-Венгрии и Турции, союзников Германии, была одной из причин мировой войны, хотя далеко не единственной: антиавстрийский курс Сербии, гласно и негласно поддерживаемый Россией и Францией, сыграл здесь не менее, если не более роковую роль. Руководство Германии во главе с кайзером Вильгельмом II не питало никаких симпатий к балканским славянам, но и не одобряло репрессивную политику Австро-Венгрии, где боролись антиславянские и прославянские тенденции, и тем более Турции. Последняя же имела давнюю репутацию главного врага славянства и православия.

Туркофобия Брюсова, унаследованная от Тютчева и прочитанных в молодости классиков славянофильства – Хомякова, Киреевского, Самарина, Ивана Аксакова[39], имела долгую историю. Уже в 1900 г. он призывал времена, когда «славянский стяг зареет над Царьградом» (стихотворение «Проблеск»), а одно из политических обозрений в «Новом пути» («Разрешение македонского вопроса», 1903, № 3) посвятил резкой критике Турции. В статье «Новая эпоха во всемирной истории» он прямо называл «изгнание турок из Европы» целью не только русской, но и европейской политики. Исходя из исторической несовместимости исламской и христианской цивилизаций, Брюсов отказывал туркам в праве быть европейцами: «Мы вскормлены у разных грудей, / Единой матери сыны» («Проснувшийся Восток»). Замечу, что сегодня, в свете последних теорий С. Хантингтона это звучит особенно интересно. Хотя Хантингтон едва ли читал Брюсова…

Известно, что европейские державы, прежде всего, Великобритания и Германия, не раз разыгрывали «турецкую карту» против России, как это было на Берлинском

конгрессе 1878 г. Германо-турецкий блок в первой мировой войне казался Брюсову не только противоестетственным союзом европейцев и не-европейцев против других европейцев, подобно англо-японскому союзу 1902 г.[40], но и предательством общеевропейского дела со стороны Германии. Может быть, именно поэтому он демонстративно предпослал своему антитурецкому стихотворению 1915 г. «Отрывок» («Там, где Геллеспонта воды…») эпиграф из баллады любимого им Шиллера «Геро и Леандр»[41]. Хотя недостатка в соответствующих цитатах из «невражеских» поэтов не было…

Однако весной 1915 г. во взглядах Брюсова на войну происходит коренной перелом. Более чем полгода работы на фронте, виденном с передовых позиций, а не только из штаба или окна гостиницы, закончились новым разочарованием в правительстве и командовании, в союзниках, а под конец и в самой войне. Мечты об очистительной грозе «последней войны» и освобождении «порабощенных народов» растаяли под влиянием тягостного зрелища позиционной войны и бессмысленных смертей. Уже в феврале 1915 г. он писал жене: «Вообще хочется работать “литературно”, и корреспондентская деятельность, сказать по правде, – надоела»[42]. В Варшаве Брюсов работал над статьями о Пушкине, переводом «Энеиды» Вергилия и «учебником стихосложения» (будущие «Основы стиховедения»), т. е. над произведениями подчеркнуто «неактуальными». По воспоминаниям И.М. Брюсовой, он «в мае 1915 г. окончательно возвратился (в Москву – *В.М.*) глубоко разочарованный войной, не имея уже ни малейшего желания видеть поле сражения»[43]. И.С. Поступальский писал: «Затяжной характер войны, распутинщина, измены, неудачи русского оружия, растущее народное недовольство постепенно открывали Брюсову глаза. Трезвейший из русских буржуазных поэтов пытался заново ориентироваться в действительности»[44]. «Пораженцем» Брюсов не стал и даже время от времени продолжал писать стихи на военные темы, но основное внимание в них теперь уделялось не Германии и не Европе, а Турции, Армении и военным действиям на Кавказе.

Примерно тогда же Брюсов написал следующее – оставшееся «в столе» и, возможно, неоконченное стихотворение:

Во дни великого страдания,
Когда любой рассвет – кровав,
Тебе я приношу, Германия,
Венец непобежденных слав.
Да сковывает немота уста
Тех, кто забудет в этот день
Творца, изваявшего Фауста,
Елены вызвавшего тень!
Союз народов! Bone coete!
Гласи: «да торжествует Гете!»[45]

Первый публикатор стихотворения И.С. Поступальский заметил: «Эти гуманистические стихи прибавляют, конечно, к Брюсову периода войны интереснейший штрих»[46]. Думаю, не погрешу против истины, сказав, что приведенные строки – квинтэссенция не только отношения Брюсова к Германии, но декларация его давней позиции, отделявшей «текущий момент» от «вечных ценностей» и естественно сочетавшей патриотизм и интернационализм. Именно тогда – среди обилия прочих

трудов – он Брюсов начинает работать над полным переводом «Фауста» Гете[47], с чем, возможно, и связано приведенное выше стихотворение. Нельзя не признать, что этот выбор был более чем знаменатален.

4. От войны к миру: поиски выхода

К проблеме войны – точнее, теперь уже мира – с Германией Брюсов вернулся сразу после Февральской революции, в которой увидел шанс одновременно окончить войну и провести необходимые внутриполитические реформы. В марте 1917 г. Брюсов выступил на собрании московских писателей (в это время, в условиях свободы печати и собраний, он развернул бурную общественную деятельность) с докладом о необходимости скорейшего окончания войны. В составленном им проекте воззвания московских писателей говорилось:

> Какие же первые, самые настоятельные задачи стоят перед освобожденной Россией? Чего хочет народ, чего ждет Родина именно сегодня, что ей сейчас – нужнее всего? Россия велика, Россия многообразна, в миллионах ее населения сталкиваются и перепутываются самые различные ожидания и желания. Каждому со всей искренностью кажется, что его мнение есть самое истинное, что оно-то и заключает в себе благо России. Мы, писатели, стремимся освободиться от этого влияния мнений личных, групповых, классовых <…> Мы верим, что сокровенное желание сегодняшнего дня в России у всех одно, и это желание выразить просто. Оно гласит:
> «Должно окончить войну!
> Война всегда – величайшее зло, война – проклятие и ужас истории, война – пережиток варварства, недостойный, позорный для просвещенного человечества. Но в наши дни, для России, война – зло двойное, тройное. Нам нужен мир, для того чтобы укрепить еще нетвердые основания нашей свободы, чтобы пересоздать весь строй нашей жизни на новых, свободных началах <…> Нам нужен мир, чтобы спокойно отдаться созидательной работе, огромной, почти безграничной, предстоящей нам»[48].

Более подробно и полно Брюсов развил эти мысли в брошюре «Как прекратить войну», эпиграфом к которой поставил известное изречение «Si vis pacem – para bellum» («Хочешь мира – готовься к войне», лат.). Написана она была также в марте, но вышла отдельным изданием только в конце августа – начале сентября 1917 г.[49]. Чем была вызвана длительная задержка с публикацией столь злободневного текста, мы не знаем, тем более что ситуация к моменту выхода книжки изменилась коренным образом. Позднее брошюра привлекла внимание В.И. Ленина. В.Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Неожиданное выступление Брюсова в роли политика, который со своей стороны давал рецепт, как прекратить войну, заинтересовало Владимира Ильича, и он отметил книжку Брюсова для прочтения»[50]. Оценка Лениным статьи Брюсова нам неизвестна, но считать выступление последнего «в роли политика» неожиданным, разумеется, нельзя. Напомню лишь, что именно Брюсов в ноябре 1905 (!) г. выступил с резко критическим откликом на статью Ленина «Партийная организация и партийная литература»[51], которую вряд ли читал кто-то еще из «декадентов».

К «войне до победного конца» и укреплению солидарности со странами Антанты для окончательного разгрома «тевтонских варваров» Брюсов не призывал, хотя опасался, что немедленное заключение сепаратного мира с Германией могло состояться на крайне невыгодных для России условиях: вынужденные территориальные уступки, контрибуция, гибельная для русской экономики и т. д. Но даже это, довольно скромное по масштабам, «революционное оборончество» оказалось недолгим.

Уже в 1916 г. Брюсов сблизился с «пораженческим» кругом М. Горького, с которым его поначалу объединила редакционная работа над сборниками «национальных» литератур – латышской и финской. Затем Брюсов начал готовить десятитомное собрание своих сочинений для руководимого Горьким и А.Н. Тихоновым издательства «Парус». Постепенно сближались и их политические позиции. После Февральской революции в газете «Новая жизнь» Горький начал открыто агитировать за скорейший мир с Германией. 4 июня в газете появилось стихотворение Брюсова «Тридцатый месяц», написанное в январе 1917 г. (это как раз и был тридцатый месяц войны) и переработанное в апреле того же года. Это уже полный отказ от «революционного оборончества» и призывов к борьбе за освобождение «порабощенных»:

Борьба за право стала бойней;
Унижен, Идеал поник…
И все нелепей, все нестройней
Крик о победе, дикий крик!..
О, горе! Будет! будет! будет!
Мы хаос развязали. Кто ж
Решеньем роковым рассудит
Весь этот ужас, эту ложь?
Пора отвергнуть призрак мнимый,
Понять, что подменили цель…

«Ни одна война не начиналась со столь высокими надеждами и не заканчивалась со столь горьким разочарованием, как первая мировая война», – пишет современный американский историк М. Вебер[52], и эти слова вполне можно отнести к процитированному стихотворению Брюсова. Оно идеально подошло политической линии «Новой жизни» и было немедленно принято М. Горьким и А.Н. Тихоновым к публикации. Сам автор, однако, колебался, стоит ли публиковать эти стихи вообще, а если публиковать, то не лучше ли сделать это под псевдонимом[53]. Брань «оборонческой» прессы, обвинявшей Брюсова в ренегатстве и измене прежним убеждениям, не заставила себя ждать, но выбор был сделан, хотя Брюсов и заявлял о своем несогласии с «некоторыми из позиций, занятых газетой», т. е. «Новой жизнью»[54]. Верность выбранной ориентации подтверждает и стихотворное послание Брюсова «Максиму Горькому в июле 1917 года», написанное в ответ на травлю писателя «оборонцами» (вошло в сборник «Последние мечты» (1920)).

В заключение остановимся еще на одном аспекте проблемы. Военные стихи Брюсова были объектом постоянных нападок советской критики 1920–1930-х годов (А.Н. Волков, Г.Е. Горбачев, Г. Лелевич, Я.А. Назаренко, О.В. Цехновицер и др.) из-за воспевание «империалистической войны», в которой полагалось «желать поражения своему правительству». В литературно-критическом обиходе тех лет появилась

даже расхожая формула «поэзия русского империализма», механически объединявшая Брюсова и Мандельштама, Клюева и Гумилева. Влияния этих «теорий» не избежали и такие проницательные исследователи как И.С. Поступальский и Д.Е. Максимов[55]. Но в годы Великой Отечественной войны эти же стихи зазвучали совершенно по-новому, когда в «шовинизме» и «империализме» стали видеть «патриотизм» и «осознание исторической миссии России». Массовая серия Гослитиздата «Писатели – патриоты великой Родины» объединила «декадента» Брюсова (1943 г.) с «монархистами» Денисом Давыдовым и Петром Вяземским и «мистиком» (хоть в прошлом и декабристом) Федором Глинкой. А в сборнике «Русские поэты о Родине», вышедшем в том же 1943 г., «соседями» Брюсова и вовсе были Федор Сологуб и Андрей Белый. Иными словами, «реабилитации» тогда не дождались патриотические стихи либо эмигрантов (К.Д. Бальмонт), либо репрессированных и «контрреволюционеров» (Н.С. Гумилев).

Тогда же высоко оценил военные стихи Брюсова влиятельный критик (и одновременно «чиновник от литературы») А.С. Мясников. В предисловии к «Избранным стихотворениям» поэта, подписанным к печати 13 марта 1945 г., он сочувственно цитировал речь Брюсова на банкете 18 января 1915 г.: «Если бы обстоятельства момента сложились так, что пришлось бы выбирать между поэзией и родиной, то пусть погибнет поэт и поэзия, а торжествует великая Россия, после чего наступит грядущее торжество родины, и тогда явится поэт, достойный великого момента»[56], – справедливо охарактеризовав ее как «творческое credo» поэта[57]. Всего несколькими годами ранее не менее правоверный О.В. Цехновицер видел в ней лишь одно из проявлений «шовинистического подъема среди буржуазных литераторов России»[58], а И.С. Поступальский констатировал: «Почти весь комплекс патриотизма, слепого шовинизма и империалистической агрессивности у Брюсова налицо»[59]. Для идеологической переориентации потребовалась мировая война, однако, затем многие политические мотивы в поэзии Брюсова снова стали старательно затушевываться. Но это уже тема отдельного исследования.

5. «Любящий Германию»

До сегодняшнего дня никто не называл Валерия Брюсова «германофилом», ни «явным», ни «тайным». Уместно ли такое определение, и можно ли отказаться от вопросительного знака, стоящего в заголовке этой статьи? Полагаю, что да. Слово «германофил» имело и имеет определенные политические коннотации, но означает оно тем не менее только одно – «любящий Германию». Брюсов любил, пожалуй, больше чем кто бы то ни было среди его знаменитых современников. Любил как историческую, так и современную Германию, страну великих достижений культуры прошлого и родину своих друзей, но более всего – один из столпов той многовековой общеевропейской культуры, человеком которой всегда ощущал себя. Брюсова трудно назвать космополитом, потому что он был одарен острым чувством «своего» и «чужого», ставя судьбу и интересы России превыше всего – об этом свидетельствует и его позиция в период первой мировой войны. Но именно это чувство «своего» и «чужого» определило его паневропеизм, в котором все духовное и культурное наследие европейской цивилизации – как дохристианской, так и христианской –

безусловно принималось за «свое». Подлинный интернационализм органически сочетался у Брюсова с подлинным патриотизмом, чувством Родины.

Мне Гете – близкий, друг – Вергилий,
Верхарну я дарю любовь…
Но ввысь всходил не без усилий –
Тот, в жилах чьих мужичья кровь.
Я – твой, Россия, твой по роду!..

«Я – междумирок, равен первым…», 1911–1918

К неоконченному стихотворению, из которого взято это знаменательное признание, Брюсов возвращался на протяжении многих лет, включая годы войны. Война властно потребовала решительных ответов на вызовы времени, разрешения личных мучительных сомнений. Брюсов не поддался искушению «черно-белой», манихейской картины войны, которая быстро овладела умами не только примитивно мыслящих обывателей, но и изощренных интеллектуалов. Для этого потребовались не только мудрость и прозорливость, но и незаурядное гражданское мужество. Думаю, мы с полным правом можем говорить о германофильстве Брюсова в годы войны – разумеется, понимая под ним не симпатии к кайзеру, не стремление к эпатажу и тем более не пораженческие настроения, но преданность высшим ценностям человеческой культуры. Тем более, что именно такова была его всегдашняя позиция.

Да выйдут древние народы
Из бури к просветленным дням!

«Пора!», осень 1914

ПРИМЕЧАНИЯ

Все стихотворения Брюсова, за исключением особо оговоренных случаев, цитируются по изданию: *Брюсов В.* Собрание сочинений в 7 томах. Т. 1–3. – М., 1973 (далее СС); точные ссылки на это издание в тексте не приводится, но везде указываются название и дата стихотворения. Стихотворения других авторов, как правило, цитируются по томам большой серии «Библиотека поэта» (издания второе и третье).

В работе использованы отдельные положения и материалы моих статей: «Ужели мало жертв обильных?..» (военные корреспонденции Валерия Брюсова) // «Политика», 1991, № 8; Геополитика Валерия Брюсова // «Библиография», 1993, № 3; Историософия и геополитика: Валерий Брюсов о Востоке // «Общественные науки и современность», 1994, № 4.

[1] *Пуришев Б.И.* «Фауст» Гете в переводе Брюсова // Брюсовские чтения 1983 года. – Ереван, 1985. С. 345.

[2] Детские и юношеские воспоминания // *Брюсов В.* Из моей жизни. Автобиографическая и мемуарная проза. – М., 1994. С. 169–170 (написано в 1911–1913 гг.).

[3] Berliner Lokal Anzeiger, 1910, 19.01; Baseler Nachrichten, 1910, 28.12. Однако получившее известность со слов критика А.А. Измайлова утверждение, что немецкие критики сомневались не только в иностранном, но и в современном происхождении романа, было опровергнуто самим Брюсовым. См. подробнее: *Чудецкая Е.* «Огненный ангел». История создания и печати // *Брюсов В.* СС. Т. 4. – М., 1974. С. 349.

[4] *Брюсов В.* Памяти Георга Бахмана // Весы. 1907, № 7; перепечатано: *Брюсов В.* Среди стихов. Манифесты, статьи, рецензии. 1894–1924. – М., 1990. С. 237–239.

[5] Сколько-нибудь полной библиографии переводов Брюсова на иностранные языки нет до сих пор. Наиболее полной является автобиблиография, доведенная до 1912 г.: Библиография Валерия Брюсова, 1889–1912. Составлена к<нигоиздательст>вом «Скорпион». – М., 1913. С. 38–42 (в том числе на немецкий язык: С. 38–40).

[6] Непревзойденной остается статья: *Пуришев Б.И.* Брюсов и немецкая культура XVI века // Брюсовские чтения 1966 года. – Ереван, 1968; *Брюсов В.* СС. Т. 4.

[7] Цит. по: *Бордюгов Г.А.*, *Ушаков А.И.*, *Чураков В.Ю.* Белое дело. Идеология, основы, режимы власти. – М., 1998. С. 33–34.

[8] *Эрн В.Ф.* Сочинения. – М., 1991. С. 308: впервые: Русская мысль. 1914, № 12.

[9] Типичный, но не единственный пример: *William M. McGovern.* From Luther to Hitler. – Boston, 1941.

[10] Впервые: «Библиография», 1993, № 3 (публикация В.Э. Молодякова); история статьи подробно изложена в предисловии к публикации. В настоящее время мною готовится к изданию собрание политических статей и стихотворений Брюсова с подробным комментарием.

[11] Цит. по: *Брюсова И.М.* Материалы к биографии Валерия Брюсова // *Брюсов В.* Избранные стихи. С. 133.

[12] Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки. Ф. 1136 (Максимов Д.Е.). Ед. хр. 13. Л. 25об.

[13] Автобиография // *Брюсов В.* Из моей жизни. С. 80 (написано в 1912–1913 гг.).

[14] *Поступальский И.* Поэзия Валерия Брюсова // *Брюсов В.* Избранные стихи. С. 64; отдельное издание: *Поступальский И.* Поэзия Валерия Брюсова в ее идеях и связях со временем. – М.–Л., 1933 (пагинация в обоих изданиях совпадает).

[15] «Русская мысль», 1913, № 12. Первым вариантом этой программной работы является статья «Метерлинк-утешитель (о «желтой опасности»), написанная в январе 1905 г., но увидевшая свет только в 1993 г.: «Библиография», 1993, № 3 (публикация В.Э. Молодякова).

[16] После 1917 г. перепечатывалось только дважды: *Брюсов В.* Избранные стихотворения. – М., 1945; Наш современник. 1993, № 3 (публикация В.Э. Молодякова).

[17] *Эрн В.Ф.* Цит. соч.. С. 372 («Время славянофильствует»).

[18] *Поступальский И.С.* Цит. соч. С. 72.

[19] См. также сокращенное изложение этих идей в его статье «Всемирная война» («Русские ведомости», 1914, 31 июля, № 175; подпись: В. Бакулин).

[20] Подробный анализ позиции Брюсова во время русско-японской войны: *Молодяков В.* Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX веков. – М.–Токио, 1996. С. 132–140.

[21] См. специальное исследование: *Naoko Shimazu.* Japan, Race and Equality. The Racial Equality Proposal of 1919. – London, 1998.

[22] Весы. 1904, № 10. С. 39.

[23] Этому вопросу посвящена, например, известная книга: *Arthur Ponsonby.* M.P. Falsehood in Wartime: Propaganda Lies of the World War. – London, 1928; переиздание: Costa Mesa CA, 1991. Автор, влиятельный консервативный депутат английского парламента, ни в коей мере не может быть назван германофилом; цель его разоблачений – восстановление доверия между бывшими противниками, а также снятие ответственности за пропагандистские фальсификации лорда Нортклифа с правительства и народа Великобритании.

[24] Из стихотворения «Фламандцам» (7 августа 1914), вошедшего в сборник «Семь цветов радуги». Насколько мне известно, на этот принципиально важный момент впервые обратил внимание Г.И. Дербенев: «Бельгийский народ для него (Брюсова – *В.М.*) – «народ Верхарна», не народ короля Альберта, который был в это время самой популярной фигурой в странах Антанты»: *Дербенев Г.И.* Валерий Брюсов в начале первой мировой войны // Брюсовские чтения 1971 года. – Ереван, 1973. С. 181–182.

[25] Впрочем, он откликнулся благожелательной рецензией на «Окровавленную Бельгию» (Русские ведомости. 1915, 5 июля, № 154).

[26] *Дербенев Г.И.* Валерий Брюсов в начале первой мировой войны. С. 177–178.

[27] *Чудецкая Е.В.* Из переписки Брюсова 1914–1915 годов // Брюсовские чтения 1973 года. – Ереван, 1975. С. 437–438. В статье использованы сведения, полученные автором от И.М. Брюсовой.

[28] Проводы В.Я. Брюсова // Голос Москвы. 1914, 25.07; цит. по: *Ашукин Н.С.* Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики. – М., 1929. С. 321.

[29] Цит. по: *Брюсова И.М.* Цит. соч. // *Брюсов В.* Избранные стихи. С. 139. Письма Брюсова к жене этого периода полностью не публиковались, но их подробный обзор дан: *Чудецкая Е.В.* Из переписки Брюсова 1914–1915 годов.

[30] Выступление П.Н. Милюкова на банкете в честь Брюсова в Московском Литературно-художественном кружке 18 января 1915 г.; изложение: Известия Литературно-художественного кружка. Вып. 10 (февраль 1915). С. 40.

[31] С этой запиской в начале августа 1917 г. ознакомился А.А. Блок, который в то время работал в Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством под председательством известного юриста Н.К. Муравьева для расследования деятельности бывших царских министров и сановников: *Блок А.* Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7. – М.–Л., 1963. С. 296, 503 (запись в дневнике от 5 августа 1917 г. и комментарии к ней).

[32] Автобиография // *Брюсов В.* Из моей жизни. С. 87.

[33] В 1915 г. Брюсов планировал собрать свои военные корреспонденции и выпустить их отдельной книгой под заглавием «На театре военных действий. Корреспонденции. Письма военного корреспондента из Польши 1914–1915 гг.», но этот замысел не был осуществлен. По мнению автора настоящей работы, комментированное издание военных корреспонденций Брюсова было бы исключительно полезно как для читателей, так и для специалистов-историков.

[34] В гостях у Верхарна // *Брюсов В.* Из моей жизни. С. 33 (написано в 1910 г.).

[35] Известия Литературно-художественного кружка. Вып. 7 (сентябрь 1914). С. 2.

[36] В гостях у Верхарна // *Брюсов В.* Из моей жизни. С. 32–33.

[37] См. подробнее: *Молодяков В.* «Мой сон, и новый, и всегдашний…». Эзотерические искания Валерия Брюсова. – Токио, 1996. С. 17–19.

[38] Письмо А.А. Измайлову от 4 апреля 1916 г. цит. по: *Брюсов В.* СС. Т. 2. С. 445 (в комментариях).

[39] В наброске письма К.Д. Бальмонту около 1900 г. Брюсов писал: «Читаю Киреевского, Хомякова, Самарина – кого Вы читать не будете»: *Брюсова И.М.* Цит. соч. // *Брюсов В.* Избранные стихи. С. 132.

[40] См. статью «Метерлинк-утешитель (о «желтой опасности»)», указанную в примечании 12.

[41] Вместе со стихотворениями «Туркам» и «На бомбардировку Дарданелл», «Отрывок» составил своего рода трилогию, вошедшую в раздел «Там, на Западе» сборника «Семь цветов радуги», но позднее в полном составе попавшую под запрет советской цензуры.

[42] Письмо И.М. Брюсовой, февраль 1915 г., цит. по: *Брюсова И.М.* // *Брюсов В.* Избранные стихи. С. 139.

[43] Там же.

[44] *Поступальский И.* Цит. соч. // *Брюсов В.* Избранные стихи. С. 74.

[45] Литературная газета. 1931, 7 октября (публ. И.С. Поступальского); перепечатано только дважды: *Брюсов В.* Избранные стихи. С. 640; «Наш современник», 1993, № 3 (публ. В.Э. Молодякова).

[46] *Поступальский И.* Цит. соч. // *Брюсов В.* Избранные стихи. С. 71–72.

[47] Перевод первой части опубликован посмертно: *Гете.* Фауст. Часть первая. – М.–Л., 1928, 1932; перевод второй части не завершен и опубликован лишь частично. Остается только пожалеть, что эта крупная работа Брюсова-переводчика практически не известна широкому читателю. Первые известные нам опыты переводов Брюсова из «Фауста» относятся еще к октябрю 1898 г.: ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 803–804, 820. См. подробнее: *Пуришев Б.И.* «Фауст» Гете в переводе Брюсова // Брюсовские чтения 1983 года.

[48] ЛН. Т. 85. Валерий Брюсов. – М., 1976. С. 215–216. Некоторые фразы из этого текста дословно вошли в брошюру «Как прекратить войну». См. также: *Дронов В.С.* Брюсов и Февральская революция 1917 года // Брюсовские чтения 1980 года. – Ереван, 1983.

[49] Между 26 августа и 9 сентября, по данным «Книжной летописи», приведенным: Прижизненные издания Валерия Яковлевича Брюсова. С. 62. Брошюра вышла рекордным для Брюсова тиражом 50.000 экземпляров (например, тираж сборника стихов «Семь цветов радуги» составил

всего 1450 экз.), но, очевидно, практически не поступала в продажу; в настоящее время она принадлежит к числу наиболее редких прижизненных изданий Брюсова.

[50] *Бонч-Бруевич В.Д.* Что читал Ленин в 1919 году // «На литературном посту», 1926, № 2.

[51] Вехи. I. Свобода слова // Весы. 1905, № 11 (подпись: Аврелий).

[52] Предисловие к: *Ponsonby A.* Op. cit. P. VII.

[53] См. подробнее: *Ильинский А.* Горький и Брюсов. Из истории личных отношений // ЛН. Т. 27–28. – М., 1937. С. 654–656.

[54] См. подробнее комментарий к этому стихотворению: *Брюсов В.* СС. Т. 2. С. 446–447, а также письмо Брюсова А.Н. Тихонову от 25 апреля 1917 г., цит. по: *Брюсова И.М.* Цит. соч. // *Брюсов В.* Избранные стихи. С. 143–144.

[55] *Поступальский И.* Цит. соч.; *Максимов Д.* Поэзия Валерия Брюсова. Л., 1940.

[56] Известия Литературно-художественного кружка. Вып. 10 (февраль 1915). С. 39.

[57] *Мясников А.С.* Поэзия Брюсова // *Брюсов В.* Избранные стихотворения (1945). С. XXIX–XXX.

[58] *Цехновицер О.* Литература и мировая война 1914–1918 гг. – Л., 1938. С. 102–104.

[59] *Поступальский И.* Цит. соч. // *Брюсов В.* Избранные стихи. С. 71.

Томас Ф. Шнайдер

КРОШЕЧНЫЕ ЧЁРНЫЕ ТОЧКИ. К вопросу об изображении «русского» в немецкой прозе о Первой мировой войне[1] (1914–1933 гг.)

Роман Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен»[2] и по сей день считается классикой литературного изображения Первой мировой войны[3]. Таким же стал и американский фильм по роману, созданный в 1930 г. американским режиссёром венгерского происхождения Льюисом Майлстоуном, с благословения директора «Юниверсал Пикчерз», немца еврейского происхождения Карла Леммле. Продюсером был его сын, Карл Леммле-младший. Фильм начинается с краткого диалога между садовником и уборщицей и закладывает основу для нижеследующего осмысления войны вообще и Первой мировой войны в особенности:

> *Садовник*: Сорок тысяч!
> *Уборщица*: Кого, русских?
> *Садовник*: Нет, французов. Русских-то мы каждый день брали в плен не менее ста тысяч штук[4].

Затем кадры меняются. Они изображают парад идущих на фронт солдат, которых женщины одаривают цветами. Сигнал недвусмыслен: показано «августовское воодушевление» в Германии первых военных месяцев 1914 г., но диалог даёт понять, что победоносные для Германской империи битвы при Танненберге и на Мазурских озёрах уже позади.

Этот краткий диалог между садовником и уборщицей, которого нет в тексте романа «На Западном фронте без перемен», кажется во многих отношениях – хотя речь идёт об американском фильме – знаменательным для изображения Восточного фронта и, кроме того, «русского» в немецком искусстве, а особенно в немецкой литературе о Первой мировой войне.

Ретроспективный взгляд из 1930 года воссоздаёт воодушевление, царившее в начале войны[5], о котором сегодня, благодаря детальным историческим исследованиям, известно, что его разделяла гораздо меньшая часть немецкого народа, нежели это утверждали легенды, создававшиеся во время войны и после неё[6]. Воодушевление контрастировало с быстро начавшимся уже в 1914 году освобождением от иллюзий на фронте и, в конечном счёте, в битвах, где была задействована огромная масса военной техники и снаряжения. Это воодушевление – полюс, противоположный утрате индивидуальности отдельным человеком в позиционной войне и его сведению до роли материала. Индивидуальная же судьба материала не может более претендовать на интерес к себе – ведь «на Западном фронте без перемен». В конечном счёте, «августовское воодушевление» было непосредственно связано с побеждённой Германской империей и представляемыми ею ценностями, которые после поражения должны были заменяться новыми ценностями и новыми интерпретациями мировой войны, её «смысла». При этом, важнейшую роль взяло на себя искусство и, в ещё

Выступление немецких солдат на фронт в августе 1914 г., сцена из фильма «All Quiet on the Western Front» («На Западном фронте без перемен»), США, 1930.

большей степени, литература, будь то тексты, основанные на вымысле, или автобиографии с высокой степенью притязания на аутентичность[7]. Немецкую литературу о Первой мировой войне следует рассматривать на этом фоне и, тем самым, считать её непосредственно обусловленной временем возникновения каждого текста, зависимой от этого, коль скоро речь заходит об оценках, данных в этих текстах. Если прибегнуть к провокационной формулировке, то немецкая литература о Первой мировой войне предстает большой машиной для ретроспективного толкования, охватывающей, по приблизительным оценкам, от пяти до десяти тысяч текстов.

Речь идёт о пацифистских высказываниях, отражающих критическую настроенность по отношению к войне или, в подавляющем большинстве (вероятно, до 95 % случаев) – о выражении согласия с войной.

Созданный при ретроспективном взгляде из 1930 года диалог, которым открывается фильм «На Западном фронте без перемен», показывает явный «перепад» между восприятием Восточного и Западного фронтов. Число военнопленных «русских», с точки зрения продолжения войны, не идёт ни в какое сравнение со значением побед на Западном фронте. Восточный фронт выпадает из фокуса, судьба войны решается не там. Эта позиция вымышленных персонажей фильма, сформулированная на основе исторического опыта, конечно, не отражает реального значения восточного театра военных действий во время войны и особенно осенью 1914 года. Выходившие регулярно периодические издания, рассказывавшие о войне, например, «Иллюстрированная история мировой войны»[8] или «Война 1914–1915 гг. в слове и иллюстрации»[9], рассматривали события на Восточном и Западном фронтах, а также на других театрах военных действий в Европе и по всему миру «паритетно» и преемственно.

Титульный лист еженедельного журнала «Война» («Der Krieg»), № 41.

Известного и популярного в своё время автора Людвига Ганггофера его «Поездка на германский фронт»[10] привела, что разумелось само собой, к «Стальной стене»[11] на Западе и к «Фронту на Востоке»[12], чтобы наблюдать там «Русское крушение»[13], кульминацией которого стал приезд кайзера и подлинно библейская сцена спасения:

> А потом всё скользит в разные стороны, вагоны императорского поезда катятся под мелким дождём мимо, в направлении Ново-Георгиевска, оставляя позади новые толпы [русских] пленных, которые с того момента, как дорогу перекрывают, скапливаются на откосах берега реки, создавая живописные группы. Множество волнующихся тел, толкотня коричневого в коричневом. Видя это, невольно думаешь о библейском прошлом, о сценах жизни и образах народа Израилева, заблудившегося в пустыне, ставшего лагерем у подножья горы Синай, боязливо смотревшего вверх на пламя в грозовых облаках и с тоской ожидавшего часа спасения[14].

И спасение это будет принесено «русским» (как Ганггофер называет их всех подряд) германской нацией, «превосходящей» их в культурном отношении. Тексты, выходившие, как и сообщения Ганггофера, в серии «Книги о войне издательства Ульштайн» или в любой другой из многочисленных серий недорогих публикаций, были равным образом посвящены Восточному и Западному фронтам. При этом, Восточный фронт поначалу мог претендовать на «преимущество» в ходе продолжавшейся манёвренной войны в «экзотических», с точки зрения нормального гражданина, ландшафтах. Оно состояло в подтверждении традиционного представления о войне,

шедшего ещё из времени освободительных войн, и предложении чего-то привлекательного.

Восточный фронт также (ещё) мог быть использован для более или менее «плавного» перехода от «старой», манёвренной, войны к «современной», позиционной. Степень индустриализации войны и деиндивидуализации отдельного человека сохранялась здесь в границах, позволявших сформулировать позиции, посредничавшие между официальной пропагандой быстрого окончания войны и реальным опытом солдат на фронте[15]. Этим объясняется, например, большой успех книги Вальтера Флекса «Блуждающий между двумя мирами», выпавший на её долю ещё во время войны, хотя текст почти полностью посвящён Восточному фронту (правда, без визуального представления противника). Книга Флекса предстает, скорее, как центрированное на «я» автора произведение, ибо «павшие во время мировой войны – в соответствии с мифом – не умерли за Германию, а маршируют, подобно войску духов, рядом с живыми». Два мира, между которыми странствует протагонист, представляют собой мир земного и потустороннего, божественного, «сплавившиеся друг с другом в миг атаки и в момент смерти» – поэтому всё равно, кто противник или «враг»[17].

По мере продолжения войны и конкретизации образов индивидов, пригодных для героизации (лётчиков, командиров подводных лодок или ударных отрядов, пилотов дирижаблей), Восточный фронт, по меньшей мере в книжных публикациях, всё более исчезал из поля зрения, за исключением тех случаев, когда герой индустриализированной войны мог продемонстрировать свои способности, например, как пилот, на Восточном фронте.

После окончания войны, завершившейся поражением Центральных держав, фокус проблемы сместился полностью. Ввиду заключения сепаратного Брестского мира в марте 1918 г., война оказалась проигранной не на Восточном фронте, а, на взгляд немецких авторов (но, подчеркнём, не австрийских[18]), исключительно на Западном. Тем самым, причины поражения и его следствие надлежало искать только в окопах Бельгии и Франции (или, в придачу, и «на родине»), а не в Ростове-на-Дону, куда германские войска пришли в мае 1918 г. в рамках своего участия в интервенции в России на стороне белых. Во всяком случае, Восточный фронт ещё годился для изложения методов боёв, при ретроспективном рассмотрении оценивавшихся как анахронизмы, вроде применения кавалерийских частей, которое в представлении о «современной» войне на Западном фронте казалось немыслимым, как о том писал Бенно фон Мехов в своём повествовании «Авантюра. Рыцарский роман из великой войны»[19]. Хуберт Орловский указывал, что после 1933 г. даже этот анахронизм ещё годился для того, чтобы быть интегрированным в качестве мотива «скачки на Восток» в направленную на Восток идеологию колонизации[20].

Даже проникнутые критическим отношением к войне попытки отожествить Восточный фронт с Западным и интегрировать его, таким образом, в дискурс (как это сделал Карл А.Г. Отто в своей, очевидно, опиравшейся на Ремарка, но возникшей раньше, хотя и неопубликованной книге «На Восточном фронте без перемен»[21]) не выходили за рамки общего обвинения войны – разве что, «в отличие от войны на Западе, превратившейся в позиционную, война на Востоке представляет собой войну в форме наступательного марша»[22].

Напротив, Западный фронт стал символом «современной» войны, местом битв с применением огромного количества оружия и снаряжения, будь то под Верденом

или на Сомме, в ходе которых должен был сформироваться «новый человек», фронтовик[23]. В связи с этим неважно, насколько эта фокусировка совпадала с реальностью войны. Литературное изображение делало ставку если не исключительно, то всё же в значительной степени на «переживание войны», которое почти исключительно идентифицировалось с Западным фронтом. Даже немецкое «историческое» изложение Первой мировой войны в серии «Битвы мировой войны», подготовленное в издательстве «Шталлинг» в Ольденбурге по поручению Государственного архива и, тем самым, как бы официальное, следовало этой новой парадигме: из 36 томов, изданных с 1921 по 1930 гг., только пять были посвящены событиям на Восточном фронте, прежде всего боям в Восточной Пруссии, за ними шли пять томов, посвященных событиям на других фронтах, большая же часть отводилась битвам на Западном фронте[24].

Важное для развития Веймарской республики культурно-политическое противоборство вокруг содержания таких идеологических понятий, как «переживание войны» или «фронтовое содружество»[25], игравших существенную роль при определении позиции в настоящем, велось почти исключительно в сфере литературного изображения Западного фронта и в дискуссиях вокруг этого изображения[26]. «Правду войны»», которую стремились в своих идеологических целях использовать все политические партии Веймарской республики, следовало находить на Западном фронте[27]. На основе событий, происходивших на Западном фронте, можно было создать любые мифы, которым надлежало иметь важное значение для ориентации послевоенного общества[28]. На Западном фронте должно было быть найдено идеологическое обоснование того, почему, несмотря на проигранную войну, использование человеческого материала не оказалось бессмысленным. В противоположность Восточному фронту, этот подход формировался не относительно противника[29], а исходя из ситуации в ближнем тылу и на родине – вплоть до возникновения «легенды об ударе ножом в спину».

И для этого также характерен небольшой диалог, с которого начинается фильм «На Западном фронте без перемен». Хотя там и идёт речь о «французах» и «русских», но в отношении «русских» используется слово «штука», будто они представляют собой своего рода товар. Если Первая мировая война, по крайней мере, в официальной пропаганде, и преподносилась как борьба культур, то в отличие от Западного фронта, где речь шла разве только о постепенно нараставших различиях между культурами[30], на Восточном фронте имел место существенный культурный перепад. Травма, которой обернулось для немцев занятие Восточной Пруссии русскими войсками в 1914–1915 гг., заставившее спасаться бегством, по меньшей мере, 800 тыс. немцев и повлёкшее за собой серьёзные разрушения в этой провинции, культивировалась и после войны, для чего был создан культ Гинденбурга – спасителя от вторжения. Восточная Пруссия как единственный немецкий регион (за исключением небольшой части Эльзаса), который был в ходе войны временно занят вражескими войсками, стала местом, где германская культура оказалась под угрозой со стороны культуры восточной, объединенной стереотипом «русского», и была спасена от этой угрозы[31]. Роберт Траба подробно описал этапы мифологизации «спасения» Восточной Пруссии от славянства, обратив особое внимание на использование этих событий в качестве идеологического инструмента после 1933 г[32]. Литературное изображение боёв смешивалось, при этом, с элементами романа о родине: «Поэтому (в этих текстах) естественным образом преобладают элементы героизации победо-

носных полководцев и прославления позиций населения Восточной Пруссии»[33]. Родившийся в Мазурах писатель Фриц Сковроннек с тиражами своих книг, доходившими до 500 тыс. экземпляров, играл выдающуюся роль в идеологизации боёв в Восточной Пруссии[34]. Так, в романе «Dies irae» («День гнева») мы читаем:

> И звук отозвался во всех сердцах, ибо знали они, что родине грозили поляки и литовцы, и лишь вопросом времени было затопление последнего оплота германства на Востоке славянской волной. Но не без борьбы! Восточная Пруссия была уже не провинцией, а колонией, островом, окружённым славянским половодьем. (…) Теперь надлежало (…) защищаться до последней капли крови. (…) Таково было настроение, владевшее всеми сердцами в Восточной Пруссии безо всяких «но» и «если»[35].

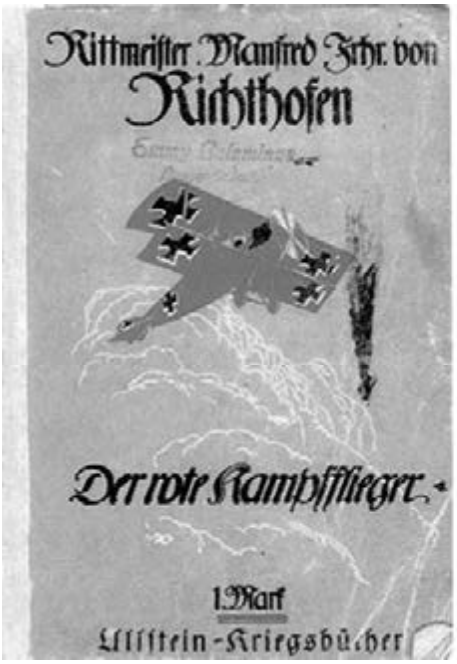
Германские войска на Восточном фронте противостояли крайне разнородной в этническом отношении вражеской армии и вели бои от Балтийского моря до Румынии в регионах, которые хотя и принадлежали царской России (или Австро-Венгрии, как Галиция), но были населены самыми разными народами. Одно из немногих исключений, учитывающих эту неоднородность, изобразил на ранней фазе войны Курт Арам – в то время, когда различия, по меньшей мере, между простыми солдатами и образами, рисовавшимися пропагандой, ещё казались возможными:

> Мы, трое солдат (один тильзитец, один венгр и сам рассказчик – sic!) живём теперь неделями среди русских солдат, и благодаря нам солдаты всё более знакомятся и с другими (военнопленными) немцами. Вскоре мы все подружились. Мирный островок в море ярости, ненависти и гнусности. Это море касается нас только неизбежными полицейскими, газетами и переживаниями женщин и детей, если они во второй половине дня приходят к нам и рассказывают, как бесцеремонно обращаются с ними русские. Ничего в этом мире мы не ненавидим больше русского правительства. И ничто в целом мире не научились мы любить так, как наших русских солдат, которые ведь часть русского народа[36].

Арама занимает также известный по Западному фронту топос о «рабочих и крестьянах», принуждённых правительствами воевать. Это подход в соответствии с представлениями об Интернационале (некоммунистическом) простых солдат. Уже имеющаяся близость к германской культуре, естественно, серьёзно облегчает понимание:

> Некоторые из них, зажиточные крестьяне из Области Войска донского, жили по соседству с немецкими колонистами, которых они научились уважать. Теперь это пошло нам на пользу. Другие были служащими городских предприятий и при этом также неоднократно соприкасались с немцами, против которых ничего не имели. (…) Распространённое здесь повсюду неистовство в отношении немцев вовсе не смогло заразить этих солдат. Война означала для них катастрофу, несчастье[37].

Автор, однако, только смещает культурный образ врага и проводит различие между русскими, дружелюбными к немцам, и другими, к которым могут быть применены уничижительные критерии культурного перепада – как в остальных текстах по отношению к «русским», в целом: «На следующее утро раным-рано во дворе начинается необычная жизнь. Там собираются всё больше парней, один другого грязнее.



Обложка книги «Красный летчик». Берлин, 1917 г.

Татары, армяне, русские»[38]. В данном случае взаимопонимание – частичная, исключительная ситуация, формирующаяся на основе предшествующего контакта с «германской культурой», а в известной степени и её инфильтрации.

Если в литературных изображениях Западного фронта особо подчёркивается (а некоторые авторы, например, Эрнст Юнгер, воспринимают просто как оскорбление[39]), когда с французской или английской стороны против немцев применяются колониальные войска, а значит, существенно отличающиеся от них в культурном отношении «другие», то в литературном отражении Восточного фронта эти этнические различия отсутствуют почти полностью и заменяются безразличной генерализацией вроде «русских», «сибиряков» или «азиатов». Русский противник может, простоты ради, описываться в виде аморфной движущейся массы, как в полуофициальных «Битвах мировой войны», под названием «русского потока», «коричневого потока», «дикого прилива» или «штормовых волн», разбивающихся «об оборонительный вал стены Гинденбурга»: «А затем штурмующие скользят и откатываются назад, но их охватывает следующая волна – и снова немного вперёд в урагане»[40]. Индустриализированная война, в ходе которой люди превратились в материал, как бы символизируется здесь картинами природы[41]. Недоказанное различие перемещается, прежде всего, в культурную, а отчасти и расовую чужеродность, которая отожествляется с подчинённостью. Это, в свою очередь, непосредственно сказывается на изображении военных действий. Так, в книге Манфреда фон Рихтгофена «Красный лётчик», книге о Первой мировой войне, которая по объему продаж уступала только роману Ремарка «На Западном фронте без перемен», читаем:

> Мы делаем ещё несколько заходов и ищем лагерь [противника], так как особое удовольствие доставляет успокаивать этих господ внизу с помощью пулемётов. Такие полудикие

> племена, как азиаты (речь идёт о русских войсках. – *Т.Ш.*), боятся ещё сильнее, чем цивилизованные англичане. Особенно интересно стрелять во вражескую кавалерию. Это производит невероятное смятение среди людей. Видишь, как они все вдруг кидаются врассыпную (42).

Это «удовольствие» омрачается в России «единственной опасностью»: «Русский реагирует на лётчика как дикарь. Если им удается поймать лётчика, они его наверняка убьют». Это обстоятельство, с одной стороны, легитимирует статус «русского» как объекта обстрела, с другой – фиксирует дистанцию между «теми, кто наверху», и «теми, кто внизу». Не только у Манфреда фон Рихтгофена война предстает четко дифференцированными боевыми действиями, в которых равноценного противника уважают, а противника, уступающего в силе, игнорирующего «правила», презирают и «пускают под пули». Это различие между «теми, кто наверху», и «теми, кто внизу», возникающее поначалу из нападения лётчика на наземные войска, переносится на подразумевающуюся культурную дистанцию. Так, «русский» предстаёт в немногочисленных литературных изображениях в виде массы, а не как индивид – если противник, вообще, рассматривается литературой.

Карл А.Г. Отто в романе «На Восточном фронте без перемен» последовательно ограничивается формулировкой «враг», но без какой бы то ни было дифференциации как в описании гражданского населения, так и вражеских войск. Только в одном месте явным становится варварство «врага»:

> После того, как набралась опять сотня пленных, и они были построены, вражеский командир приказал им рассчитаться. Нечётным номерам было велено выйти из строя, идти вперёд в какую-то траншею, в то время как чётным надлежало образовать группы, и вражеские солдаты увели их в тыл. (…) Наши пленные поняли по жестам, что там должно было произойти. Некоторые понимали язык врага и слышали, как он сказал до этого, мол, нечётным нечего есть, и он не может брать столько пленных. А это значит, что их должны прикончить как зверей[43].

Даже в романе Ремарка «На Западном фронте без перемен», который, разумеется, невозможно заподозрить в подверженности предрассудкам, военнопленные обитатели «русского лагеря» всегда упоминаются во множественном числе: «Они ведут себя очень робко и боязливо; большинство из них – люди рослые, почти все носят бороды; в общем, каждый из них напоминает присмиревшего после побоев сенбернара»[44]. Пауль Боймер, от имени которого идёт повествование, помогает голодающим, но дистанция между ним и пленными сохраняется:

> Я вижу их тёмные фигуры. Их бороды развеваются на ветру. Я ничего о них не знаю, кроме того, что они пленные, и именно это приводит меня в смятение. Это безымянные существа, не знающие за собой вины; если бы я знал о них больше, – как их зовут, как они живут, чего они ожидают, что их гнетёт, – тогда моё смятение относилось бы к чему-нибудь определённому и могло бы перейти в сострадание. А сейчас я вижу за ними лишь боль живой плоти, ужасающую беспросветность жизни и безжалостную жестокость людей[45].

Тот, к кому Боймер в следующей главе сможет ощутить сострадание, будет француз – индивидуализированный, поскольку у него есть имя, а значит, отвечаю-

щий тем критериям, которые Боймер должен считать пока неприменимыми к русским.

Ремарк писал в пацифистском или, по меньшей мере, критическом по отношению к войне и разрушающем иллюзии контексте, но его текст остаётся в рамках предначертанных стереотипов: бороды, тёмные фигуры, безымянность и, наконец, «живая плоть». Этот стереотип индивидуализируется в нескольких немногих произведениях, превращаясь в стереотип русского крестьянина, на которого обрушился ужас войны. Примером такого образа действий в радикально пацифистском контексте служит сборник рассказов Бруно Фогеля «Да здравствует война!»[46]. Здесь русского крестьянина зовут Иван Лапутин, он военнопленный, и в его уста вкладывается наивно-глупый – а другого и не приходится ожидать от необразованного человека – вопрос о смысле войны:

> «Ну, я хотел бы спросить тебе (Иван говорит по-немецки с ошибками. – *Прим. перев.*), не, тебя, Бруно, почему люди насмерть убивают друг друга? Голод и жажда, и холод с любовью – они же у всех в душе одни и те же, да только русский так говорит, а немецкий по-своему, ну а французский как-то ещё! Вот мне и не понять, почему так?».
> «Я не знаю, Иван», – отвечаю я. (…) Мне бы надо столько рассказать ему о низости и подлости людей, а я не хотел бы грязнить этим чистую душу моего Ивана Лапутина[47].

В другом рассказе, «Малозначащее переживание»[48], Фогель, по меньшей мере, стремится – с пацифистским порывом – примирить бывших врагов. Ветеран войны рассказывает группе националистически-настроенной молодёжи о своих переживаниях на Восточном фронте: «Каждую ночь русские атаковали нашу позицию. Большей частью незадолго до полуночи мы видели, как они, наподобие чёрных факелов, скользили через гребень вала на востоке. (…) Иногда сигнальная ракета показывала саперным постам, как настойчиво немецкий заградительный огонь крошил врагов, превращая их в трупы»[49]. После этого стереотипного изображения анонимности врага с помощью дистанции рассказчик идёт в своём повествовании на шаг вперёд, индивидуализируя страдание:

> И мы осознаём, мы осознаём, что такой резкий звук издают не неразорвавшиеся снаряды. Нет, это человек. Каждые (sic!) две минуты мы его видим, примерно в 300 метрах от нашего проволочного заграждения. Каждые две минуты невероятно жестокая мука подбрасывает его над землёй, мгновение он горизонтально (sic!) лежит в воздухе, корчится и падает. (…) При этом он кричит так, что можно подумать: это неразорвавшийся снаряд[50].

Германские солдаты убивают русского солдата не из сострадания, а потому, что этого «нельзя было выдержать»; но рассказчик завершает своё повествование с надеждой: «Когда эти молодые люди услышали о кончине того странного русского, их глаза стали задумчивыми». Намерение Фогеля направлено не на пересмотр образа врага, а на изображение универсальности страдания, которая не исключает культурного различия, как в истории Ивана Лапутина, даже в этом радикально-пацифистском контексте[51].

И знаменитый роман Арнольда Цвейга «Спор об унтере Грише»[52], несмотря на несомненно имеющуюся индивидуализацию «русского» в образе Гриши Ильича Папроткина, также не выходит за пределы охарактеризованной ситуации. Изложение

Рюдигер Берлин. Гравюра на дереве к рассказу Бруно Фогеля «Вопрос Ивана Лапутина» из книги «Да здравствует война!». Лейпциг, 1925 г.

судьбы этого русского военнопленного, который из-за своего поведения, по-человечески понятного, но «глупого», после Октябрьской революции попадает в жернова военной юстиции и высших политических соображений германского Генерального штаба и которого, в итоге, казнят, остаётся в рамках конфронтации, с одной стороны, наделенного определённой самобытностью (что характеризует «чужака») русского, а с другой – извращённой логики германской «культуры» в рамках перепада культур и, значит, той модели описания, которая с начала войны и её литературного осмысления применялась для характеристики «русских». Йост Херманд указывал на то, что «за казнью Гриши [стоит] в качестве мотива (…) не воинственная мстительность, а ледяной расчёт, на милость которого он, «бедное создание», оказывается (…) беспомощно выданным. При таком взгляде его казнь воспринимается как деяние убийц за письменным столом, которые попросту ликвидировали всё, что не укладывалось в их расчёты»[53]. Поэтому намерение Цвейга касалось не адекватного изображения русского противника, а самореферентного изображения прусско-вильгельмовского аппарата власти, в тиски которого Гриша, бежавший из немецкого плена, попал, скорее, случайно. Русский играет здесь роль средства, обозначающего дистанцию между двумя культурными контекстами: с одной стороны, наивностью, а с другой – аппаратом власти, стремящимся после Октябрьской революции включить значительную часть старой России в состав Германской империи[54].

В романе Конрада Зайфферта «Зажигательные факелы над Польшей», который не особенно обстоятельное исследование[55] оценило как «левый», самореферентность настолько доведена до крайности, что война, представляющаяся бесконечной

в Польше 1915 года, характеризуется как непрерывное преследование русского противника:

> Бесконечная погоня за русскими, которой не было конца, снова набрала темп. Каждый день было что-нибудь новое. И всё-таки это было одно и то же: сожжённые деревни, изголодавшиеся беженцы, солдаты, больные малярией, холерой, расстройствами желудка и дизентерией, зловоние, голод, дождь, вши, дерьмо, страх, мелкие мошенничества, мелкие свинства[56].

Текст концентрируется на изображении того, как происходит огрубение немецких солдат, в особенности в отношении польского и еврейского гражданского населения. Осуществляемая Зайффертом критика войны обоснована «посягательством [войны] на внутренние принципы человека»[57], и для этого автору не надо изображать противника – напротив, его отсутствие и непрерывное бегство, понуждающие германские войска вести непрерывное же преследование (кажущееся бессмысленным) и непрерывно двигаться, показывает именно абсурдность военной ситуации. «Русский» предстаёт только в образе мёртвого, которого более не касается подлинная цель войны – борьба. Только в конце романа, в сцене, напоминающей христианский апофеоз, Зайфферт взламывает этот способ изложения так, что посредством почти полной анонимизации констатируется идентичность страдания по обе стороны:

> Совсем близко от меня, перед крестом лежал мертвец. Это был всего-навсего русский, но и он умер на алтаре Отечества. Он пал на поле чести. Геройская смерть. (…)
> Личинки выползали из обоих отверстий, которые прежде были его глазами – желтоватые и коричневатые личинки. (…)
> По грудь мёртвого можно было различить ещё вполне хорошо. Это значит, можно было понять, что это был человек. Видели, что это был солдат, русский солдат. Правда, об этом свидетельствовали не чёрное лицо и не глазницы, наполненные личинками, а мундир, воротник, погоны, рукава, пуговицы на груди. Очень хорошее средство распознавания[58].

Если вообще можно констатировать взлом этой модели описания перепада культур, как в положительном, так и в отрицательном аспекте, то это, как правило, непосредственно связывается с Октябрьской революцией и новым типом солдата. Интересно, что большинство текстов оставляют, при этом, почву описания Первой мировой войны как таковой и переносят события в условия Гражданской войны в России. Речь идет о политработнике или другом большевике, жизнью оплачивающем свои убеждения. При этом ситуация переносится из культуры в сферу политики или идеологии. Теперь друг другу противостоят не «только» представители разных культур, различия между которыми представляются непримиримыми, но и представители столь же непримиримых идеологий. В зависимости от политической позиции того или иного автора, новый стереотип большевика, заменяющий «русского», предстаёт героем или варваром. В так называемой литературе о добровольческих корпусах, отразившей участие германских полувоенных формирований в годы войны или, в особенности, сразу после нее в Гражданской войне в России на стороне белых, идеологическое столкновение внутри (позднейшей) Веймарской республики переносится на события Гражданской войны в России. В написанных Эдвином Эрихом Двингером отчёте о плене «Армия за колючей проволокой»[59] и романе о граж-

данской войне «Между красным и белым»[60] или в книге Эрнста фон Заломона «Отверженные»[61], как и в работах других националистически и нацистски настроенных авторов, стереотип русского «недочеловека», и без того вызывающий отвращение, превращается в ужасный призрак красной революции, совершающий жестокости. Революция может в любой момент – и в этом смысл подспудного предостережения – разразиться и в Веймарской республике[62].

Сборник рассказов Бруно Фогеля «Да здравствует война!» – один из немногих примеров противоположной, хотя и равным образом недифференцированной позиции (в данной случае, анархистской). В рассказе «Смерть жреца» отряд под командованием немецкого лейтенанта, воюющий на стороне белых, захватывает в плен шестнадцатилетнего юношу:

> «Ты пошёл добровольцем? Выродок!» – закричал лейтенант, которому явно не хватало знания русского языка.
> «Да, добровольцем», – равнодушно ответил пленный, и сапог лейтенанта разбил ему нос.
> «Так, а почему ты пошёл добровольцем?»
> «Я коммунист».
> «Кто ты?» – и сапог снова ударил в лицо пленного. <…> Ну, погоди ты, куча дерьма! Когда перестанешь быть коммунистом, скажешь».
> И теперь хлыст немецкого лейтенанта обрушился на голову пленного[63].

Смерть пленного, которого забивает насмерть лейтенант, служит в рассказе апофеозом и явной пропагандой коммунистической позиции, о чём свидетельствуют заключительные строки:

> Зачем, собственно, мы воюем? К чему эти бессмысленные победы? Идея, у которой такие жрецы и такие враги, имеет будущее[64].

Политико-идеологические столкновения внутри Германии перемежаются в этих текстах со стереотипом большевика/коммуниста в Гражданской войне в России и с конфронтацией с русскими. В каждом случае подразумевается собственное, немецкое настоящее. Литературное осмысление Восточного фронта с начала Первой мировой войны следует характеризовать как именно настолько центрированное на «я» авторов. Ни во время войны, ни после её окончания в текстах не было и речи об аутентичном изображении военных событий, не говоря уже об описании русского противника, которое было бы направлено на примирение. Тексты представляются обращёнными внутрь, а авторы ищут адекватные, с их точки зрения, решения, чтобы наглядно объяснить идеологические последствия войны, которые могут серьёзно разниться в зависимости от политического происхождения или намерений авторов – будь то проблемы культурных, а позже идеологических различий на Востоке, краха иллюзий или нового обретения индивидуальности и истолкования происходяшего на Западе. Противник играет роль стаффажа, фона, подразумевающего противоречия, или полностью исчезает из военных событий, оставаясь, может быть, видимым в качестве крошечных чёрных точек, которые разбегаются, как рассказывалось в «Красном лётчике», при обстреле с воздуха.

«Русский» в немецкой литературе о Первой мировой войне оказывался, однако, всякий раз и особенно пригодным при показе утопических картин будущей войны,

выступая в качестве проекционного экрана для изображения иррациональных страхов перед культурным или политико-идеологическим вторжением. Потому-то описание уничтожающей войны в романе Ханса Гобша «Свихнувшаяся Европа. 1934», продиктованное вполне пацифистскими намерениями, заканчивается следующим характерным пассажем, возвещающим наступление Апокалипсиса:

> Усталое дерево роняет плоды. Чтобы собрать их, русские дивизии маршировали через Советскую Польшу к границам Центральной Европы[65].

Отсюда был всего лишь небольшой шаг до «войны мировоззрений», которую национал-социалистская Германия вела против Советского Союза. Немецкая проза о Первой мировой войне не внесла существенного вклада в стереотипный образ «русского» – ни в его формирование, ни в его ликвидацию. Да это и не было её намерением. Тексты, опубликованные во время войны, «информировали», как правило, о событиях на Восточном фронте, а не о встречах с противником, выходивших за пределы контактов с врагом. В связи с этим не следует пренебрегать географическим аспектом. Хотя военные действия на Востоке и происходили в значительной степени на территории царской России, но не на собственно русской земле, так что германские солдаты не вступали в непосредственный контакт с гражданским населением России[66]. Точно так же описания пейзажей проникнуты ощущениями неопределённых и стереотипных русских далей или относятся вполне конкретно к польским ландшафтам.

Исключение, касавшееся прямого контакта между участниками боевых действий с обеих сторон и прямого опыта занятия немецкой территории русскими войсками, представляет собой Восточная Пруссия. Но исследование показало, что литературное отображение этих событий скорее укрепляло идеологические рамки отпора германской культуры «славянству», нежели контакты вели к ликвидации ранее сформировавшихся образов врага[67].

По окончании войны центр изложения военных событий всё более перемещался на Западный фронт, так как «современная» война нашла выражение здесь и почти исключительно здесь. Адекватное отражение этой «современной» войны, выраженное в каком угодно виде, рассматривалось применительно к Западному фронту, и только в предельно малом числе исключений, к тому же не могших претендовать на актуальность для продолжения дискуссии о «корректном» отражении войны, темой был Восточный фронт. Официальная историография также разделяла эту иерархию значимости фронтов, что подтверждается серией «Битвы мировой войны» с её однозначным акцентом на Западном фронте. Здесь историография и литературное отражение совпадают в оценке.

«Современная» война на Западном фронте характеризуется в своих литературных изображениях недостатком индивидуального, личного соприкосновения с врагом. Знакомство с противником, например, в романе «На Западном фронте без перемен» – исключение. Некоторые тексты, в том числе национал-социалистские, например, «Группа Бёземюллера»[68], Вернера Боймельбурга, вообще обходятся при изображении Западного фронта без характеристики хотя бы единственного индивидуального образа вражеского солдата. Такая характеристика не выходит за пределы упоминания смутных движений, воспринимающихся издали. Таким образом, литературное отражение Первой мировой войны, в целом, характеризуется отсутствием

противника, нарушающимся лишь изредка, и большей частью в контексте критики войны или в соответствии с пацифистской позицией. Эта война предстаёт в таких текстах, как и в намерениях авторов подавляющей части прозаических произведений, опубликованных после войны, ориентированной не на взаимопонимание между народами, а на истолкование событий недавнего прошлого в контексте актуальных политических дискуссий в Веймарской республике.

Поэтому, оставаясь последовательным, изображение противника, в том числе и противника русского, должно было отказаться от дифференциации, замещаясь стереотипами «русского» как (некультурного) крестьянина. Эти стереотипы не служат, однако, – за исключением темы занятия Восточной Пруссии – идентификации противника, против которого шла борьба, а представляют собой необходимое дополнение в войне. В конечном счёте, противника/врага находят в собственных рядах – среди офицеров в тыловых районах, которые, не зная о подлинной ситуации на фронте, несли ответственность за бессмысленную смерть немецких солдат[69], или тех, кто служил на родине и, также не зная подлинной ситуации, положил конец войне с помощью революции – или в самой войне, которая как судьбоносное событие, ведёт к огрублению и утрате человеческих ценностей. Прервано общение не между армиями, борющимися друг с другом, а между фронтом и тылом[70]; не военный противник виновен в немецком поражении, а неспособность или враждебность войне, проявленная в тылу. Виной тому, что всё-таки формируются стереотипные образы врага-«русского», по-видимому, не опыт войны. Причина этого кроется в более старых стереотипах, связанных с перепадом культур, подразумевавшимся с немецкой стороны и повсюду бездоказательно фигурирующим в текстах[71]. Мне неизвестен ни один текст какого бы то ни было политического происхождения, не подверженный этому явлению[72].

С Октябрьской революцией и последовавшим за ней литературным отображением участия германских войск в Гражданской войне в России связаны идеологические модели угрозы с Востока, исходившей от неполноценного в культурном отношении «славянства», и оборонительной позиции государства в отношении новой политической угрозы, причём, эта угроза также должна характеризоваться как самореферентная. Она относится к подразумеваемой угрозе, высказывается исключительно антикоммунистическими авторами и всегда связывается с указанием на коммунистические силы в Германии. Само собой, здесь не приходится ожидать дифференциации и даже преобразования передававшихся из поколения в поколение образов врага и предрассудков относительно людей или пейзажей России.

Итог анализа литературного отражения Первой мировой войны в прозе, с точки зрения изображения «русского», если этот результат при (приблизительно) многих тысячах значимых текстов, вообще, может выйти за пределы сводных оценок, следует оценить как разочаровывающий. Хотя во время Первой мировой войны миллионы немецких и русских солдат, лежавших в окопах, отделяли друг от друга лишь несколько метров, а многие сотни тысяч воевавших вошли в прямой контакт друг с другом в результате плена, в немецком литературном изображении этого важнейшего события немецко-русской истории не отмечается пересмотр имеющихся стереотипов. Напротив, они передавались и далее, упрочиваясь и превращаясь в инструменты, соответствующие идеологическим намерениям[73]. Индивид исчезал в массе «прилива с Востока» или, как говорит садовник в диалоге, которым начинается

фильм «На Западном фронте без перемен», относящийся к неоспоримой классике антивоенного кино, «русских-то мы каждый день брали в плен не менее ста тысяч штук».

Перевод с немецкого Валерия Брун-Цехового

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь нельзя учесть очень обширную литературу о Первой мировой войне во всей её совокупности. Библиографический обзор предлагается в сборнике *Thomas F. Schneider* (Hrsg.): Modern War and the Media from the American Civil War to the Yugoslavian Wars. A bibliography of studies in the fields of literature, linguistics, history, film, and the arts published 19861996 (= Schriften des Erich Maria Remarque-Archivs, 14). – Osnabruck, 2000; учесть следует также библиографическую информацию в журнале «Krieg und Literatur/War and Literature» (Война и литература. (нем./англ.) – *Прим. перев.*)

[2] *Erich Maria Remarque*. Im Westen nichts Neues. – B., 1929.

[3] В этой статье не должно проводиться различие между вымышленным и «аутентичным», «документальным» изложениями, так как обеим формам текста, насколько они, вообще, могли бы быть подвергнуты осмысленной категоризации, было на протяжении времени исследования имманентно присуще притязание на аутентичность. Энн П. Линдер с полным основанием заметила относительно якобы «аутентичной» мемуарной литературы: «Unlike the memoirs of generals and staff officers, which most readers easily perceive as transparently self-interested, the combat narratives of young soldiers and combat officers tend, dangerously, to be regarded as truth, primarily because they provide a direct, usually first-person account of experiences of representative front line combat soldiers. Often dedicated to comrades living and dead, such accounts carry with them an air of unimpeachable authenticity. In short, the author presents both the experience and the meaning of that experience as representative truth. The question of authenticity lies at the core of the bitter debades that raged in the late twenties and early thirties over the literary depiction of the war, because nothing less than the meaning of the war, not only on a personal, but more importantly on a national scale, was at stake.» – *Ann P. Linder:* Princes of the Trenches. Narrating the German experience of the First World War. – Columbia, SC, 1996. S. 1. Тем самым, различие между вымыслом и документацией/автобиографией, в принципе, несостоятельно. Следует добавить, что эта оценка не ограничивается только поздними 20-ми и ранними 30-ми гг., но относится и ко всей военной литературе о Первой мировой войне, даже если ее и не следует переносить на военную литературу, в целом. Ср. *Thomas F. Schneider:* Endlich die «Wahrheit» uber den Krieg. Zu deutscher Kriegsliteratur. In: Text + Kritik 124 (Literaten und Krieg) 1994. S. 38–51. Разумеется, в данной статье не выдвигается и притязание на то, чтобы делать выводы, основываясь на знаниях всех значимых в тематическом отношении текстов, корпус которых охватывает, несомненно, многие тысячи произведений. Библиографии немецкой литературы по Первой мировой войне до сих пор не существует. Таким образом, результаты исследований, в том числе сформулированные и ниже, зависят от субъективного знания, скорее, случайно отобранных или ставших объектом знания текстов корпуса. Могут быть только выявлены основные линии и тенденции, которые можно пересмотреть или фальсифицировать с помощью отдельных «контрпримеров» или даже желаемого анализа корпуса, в целом.

[4] Цитируется по синхронному немецкому тексту декабря 1930 г., напечатанному в: Erich Maria Remarque Jahrbuch/Yearbook 3 (1993). S. 83.

[5] В связи с этим следует указать и на то, что речь идёт об американском фильме, перенимающем немецкий взгляд на Первую мировую войну. См. об этой проблематике: *Hans Beller.* Der Film «All Quiet on the Western Front» und die Feindbildproduktion in Hollywood. – *Thomas F.* Schneider (Hrsg.). Erich Maria Remarque. Leben, Werk und weltweite Wirkung (= Schriften des Erich Maria Remarque-Archivs, 12). – Osnabruck, 1998. S. 187–204.

[6] Прежде всего, на основе глубоких исследований Джеффри Верхи и Беньямина Цирмана. *Jeffrey T. Verhey.* The Myth of the «Spirit of 1914» in Germany 1914–1945. – Cambridge, MA, 1999; *Benjamin Ziemann.* Front und Heimat. Ländliche Kriegserfahrungen im sudlichen Bayern 1914–1923 (=Veröffentlichungen des Instituts zur Erforschung der Europäischen Arbeiterbewegung, A 8). – Essen, 1997.

[7] Ср. об этом не вызывающий споров том Модриса Экштейна: Rites of Spring. The Great War and the Birth of the Modern Age. – Boston, 1990.

[8] Illustrierte Geschichte des Weltkrieges 1914. – Stuttgart, Berlin, Leipzig und Wien, 1914–1919.

[9] Der Krieg 1914/15 in Wort und Bild. – Berlin, Leipzig, Wien und Stuttgart, 1914–1918.

[10] *Ludwig Ganghofer.* Reise zur deutschen Front 1915. – Berlin und Wien, 1915 (= Ullstein Kriegsbücher).

[11] *Ludwig Ganghofer.* Die stählerne Mauer. Reise zur deutschen Front 1915. Zweiter Teil. – Berlin und Wien, 1915 (= Ullstein Kriegsbücher).

[12] *Ludwig Ganghofer.* Die Front im Osten. – Berlin und Wien, 1915 (= Ullstein Kriegsbücher, 9).

[13] *Ludwig Ganghofer*. Der russische Niederbruch. Die Front im Osten. Zweiter Teil. – Berlin und Wien, 1915 (= Ullstein Kriegsbücher, 12).

[14] Ibid. S. 247 f.

[15] Важнейшие соображения по индустриализации войны см.: *Omar Bartov*. Murder in Our Midst. The Holocaust, industrial killing, and representation. – New York und Oxford, 1996, а также сборник Rolf Spilker/ Ulrich (Hrsg.). Der Tod als Maschinist. Der industrialisierte Krieg 1914- 1918. – Bramsche, 1998.

[16] *Walter Flex.* Der Wanderer zwischen beiden Welten. – Munchen, 1916.

[17] Ср. *Hans Wagener*. Wandervogel und Flammenengel. *Walter Flex:* «Der Wanderer zwischen beiden Welten. Ein Kriegserlebnis» (1916). – *Thomas F. Schneider/Hans Wagener* (Hrsg.). Von Richthofen bis Remarque. Deutschsprachige Prosa zum I. Weltkrieg (= Amsterdamer Beiträge zur neueren Germanistik, 53). – Amsterdam, 2003. S. 17–30.

[18] Применительно к текстам австрийских и немецкоязычных авторов из других регионов бывшей Австро-Венгрии можно, в общем, установить другие направляющие линии. Бои этих войск шли преимущественно в Галиции, на Балканах и на фронте Изонцо, отразившись в текстах этих авторов. Западный фронт не играет здесь почти никакой роли. Ср. об этом статьи в: *Klaus Amann/Hubert Lengauer* (Hrsg.): Österreich und der Grosse Krieg 1914–1918. Die andere Seite der Geschichte. – Wien, 1989; недавно вышла книга *Eberhard Sauermann.* Literarische Kriegsfürsorge. Österreichische Dichter und Publizisten im Ersten Weltkrieg. – Wien, 2000. Здесь остаются неучтёнными и рассказы раннего критически настроенного в отношении войны автора Андреаса Лацко с книгой Menschen im Krieg (Люди в войне) (Zürich 1917), рассказы которого, если они касаются фронта, посвящены Восточному фронту. Ср. о Лацко *Andrew Barker.* Ein Schrei, vor dem kunstrichterliche Einwendungen gern verstummen. *Andreas Latzko:* Menschen im Krieg (1917). – Schneider / Wagener (Hrsg.). Von Richthofen bis Remarque. S. 85, 96.

[19] *Karl Benno von Mechow.* Das Abenteuer. Ein Reiterroman aus dem grossen Krieg. – München, 1930.

[20] *Hubert Orlowski.* Krieg der Reiter. Karl Benno von Mechow: «Das Abenteuer. Ein Reiterroman aus dem grossen Krieg» (1930). – Schneider/Wagener. Op. cit. S. 343–358.

[21] Ср. *Gunter Hartung.* Gegenschriften zu «Im Westen nichts Neues» und «Der Weg zurück». – *Thomas F. Schneider* (Hrsg.). Op. cit. S. 110.

[22] *Carl A.G. Otto.* Im Osten nichts Neues. – Zirndorf-Nürnberg, 1929. S. 46. Отто подчёркивает в предисловии: «Содержание книги касается всех театров военных действий мировой войны. Картины боёв и военные события, описанные здесь, в одно и то же время разыгрывались в сотнях [sic!] мест всех театров военных действий». (S. 5)

[23] Основополагающую роль играла здесь книга *Bernd Huppauf.* Schlachtenmythen und die Konstruktion des «Neuen Menschen». – Gerhard Hirschfeld/Gerd Krumeich/Irina Renz (Hrsg.): «Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch». Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkrieges. – Frankfurt/M., 1996. S. 53–103.

[24] О Восточном фронте сообщали *Friedrich von Friedeburg.* Karpathen- und Dnjestr-Schlacht 1915 (= Schlachten des Weltkrieges, 2). – Oldenburg, 1923; *Franz Bettag.* Die Eroberung von Nowo Georgiewsk (= Schlachten des Weltkrieges, 8). – Oldenburg 1922; *Walther Vogel.* Die Kämpfe um Baranowit-

schi Sommer 1916 (= Schlachten des Weltkrieges, 9). – Oldenburg 1922; *Theobald von Schäfer.* Tannenberg (= Schlachten des Weltkrieges, 19). – Oldenburg 1927; *Oskar Tile von Kalm.* Gorlice (= Schlachten des Weltkrieges, 30). – Oldenburg 1930. О «битвах мировой войны», в целом см.: *Markus Pohlmann.* «Das grosse Erleben da draußen». Die Reihe «Schlachten des Weltkrieges» (1921–1930). – Schneider/Wagener (Hrsg.). Op. cit. S. 113–132.

[25] Ср. об этом выдающийся отчет об исследованиях: *Thomas Kühne.* Der nationalsozialistische Vernichtungskrieg im kulturellen Kontinuum des Zwanzigsten Jahrhunderts. – Archiv für Sozialgeschichte 40 (2000). S. 440–486.

[26] Исследовательская литература на эту тему очень обширна; в виде примеров следует в качестве введения назвать: *Bernd Ulrich/Benjamin Ziemann.* Krieg im Frieden. Die umkämpfte Erinnerung an den Ersten Weltkrieg. – Frankfurt/M., 1997, а в качестве примера отдельного исследования: *Benjamin Ziemann.* Republikanische Kriegserinnerung in einer polarisierten Öffentlichkeit. Das Reichsbanner Schwarz-Rot-Gold als Veteranenverband der sozialistischen Arbeiterschaft. – Historische Zeitschrift 267 (1998). S. 357–398.

[27] См. важную в связи с этим книгу: *Matthias Prangel.* Das Geschäft mit der Wahrheit. Zu einer zentralen Kategorie der Rezeption von Kriegsromanen der Weimarer Republik. – Jos Hoogeveen/Hans Wurzner (Hrsg.): Ideologie und Literatur (wissenschaft). – Amsterdam 1986. S. 47–78.

[28] Ср. об этом: *Benjamin Ziemann.* «Macht der Maschine» – Mythen des industriellen Krieges. – Spilker/Ulrich. Op. cit. S. 176–189.

[29] Ср. статьи в сборнике с многозначительным названием, посвящённые исключительно Западному фронту: *Franz Karl Stanzel/Martin Loschnigg* (Hrsg.). Intimate Enemies. English and German literary reactions to the Great War 1914–1918. – Heidelberg, 1993.

[30] За исключением некоторых национал-социалистских авторов, например, Ханса Цёберляйна: *Hans Zöberlein.* Der Glaube an Deutschland. – München, 1931. Ср. *Michael Gollbach.* Die Wiederkehr des Weltkrieges in der Literatur. Zu den Frontromanen der späten Zwanziger Jahre (= Theorie Kritik Geschichte, 19). – Königstein/Taunus, 1978. S. 210–231, bes. S. 216–220.

[31] О роли пропагандистской интерпретации Первой мировой войны уже в начале её как «войны культур» ср. подробно в работе: *Wolfgang J. Mommsen.* Einleitung zu Kultur und Krieg. Die Rolle der Intellektuellen, Künstler und Schriftsteller im Ersten Weltkrieg (= Schriften des historischen Kollegs, 34). Hrsg. von W. J.M. – München, 1996. S. 1–15. Моммзен выявил сверх того, что топос «окончательного боя германцев против славян» играл роль в правонационалистической прессе Германии уже до 1914 г. и был подхвачен также Вильгельмом II и рейхсканцлером Бетман-Гольвегом. – *Wolfgang Mommsen.* Der Topos vom unvermeidlichen Krieg. Außenpolitik und öffentliche Meinung im Deutschen Reich im letzten Jahrzehnt vor 1914. – Jost Dulffer/Karl Holl (Hrsg.): Bereit zum Krieg. Kriegsmentalitat im wilhelminischen Deutschland 1890–1914 (= Beiträge zur historischen Friedensforschung). – Göttingen 1986. S. 208 f. Так, газета «Оснабрюкер Цайтунг» писала 4 августа 1914 г.: «Все образованные народы должны осознать, какие духи ада неистовствуют в ведьмином котле панславизма. Недаром они на протяжении последних лет с ужасом наблюдали жуткую череду славянских жестокостей и всякого рода злодеяний. Но нет! Народы культурных стран, прежде всего, Франции, изо всех сил закрывают глаза на то обстоятельство, что славянство – смертельный враг европейской цивилизации; они хладнокровно протягивают руку в сторону окровавленных пальцев славянских убийц и насильников, чтобы те помогли им разрушить ненавистную германскую Центральную Европу». (Цит. по *Simone Herzig.* Julikrise und Kriegsbeginn 1914 im Spiegel der Osnabrücker Tagespresse. – Osnabruck [Univ. Mag. – Arbeit] 2001. S. 78.) Между этими кровожадными стереотипами начала войны и их восприятием в литературном изображении Восточного фронта по окончании войны пролегает, однако, немалое расстояние.

[32] *Robert Traba*. Kriegssyndrom in Ostpreußen. Ein Beitrag zum kollektiven Bewusstsein der Weimarer Zeit. – *Thomas F. Schneider* (Hrsg.): Kriegserlebnis und Legendenbildung. Das Bild des «modernen» Krieges in Literatur, Theater, Photographie und Film. – Osnabrück 1999. S. 399–412; там имеются также многочисленные указания на литературу.

[33] *Robert Traba* (wie Ibid.). S. 406. См. также *Peter Jahn.* «Zarendreck, Barbarendreck – Peitsch sie weg!». Die russische Besetzung Ostpreußens 1914 in der deutschen Offentlichkeit. – August 1914: Ein Volk zieht in den Krieg. Hrsg. von der Berliner Geschichtswerkstatt. – B., 1989. S. 147–157.

[34] См. об этом: *Fritz Skowronnek.* Hindenburg der Befreier des deutschen Ostens.– B., 1916; *ders.* Dies irae Ein ostpreußischer Zukunftsroman. – B., 1925. О Сковроннеке ср. также: *Mechthild Keller:*

Bücher vom Nachttisch. Trivialliteratur als Massenmedium fur Russlandstereotypen. – Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg (= Westöstliche Spiegelungen, hrsg. von Lew Kopelew; Bd. 4A). Hrsg. von Mechthild Keller. – München, 2000. S. 807–852; bes. S. 839–839.

[35] *Fritz Skowronnek.* Dies irae. S. 12.

[36] *Kurt Aram:* Nach Sibirien mit hunderttausend Deutschen. Vier Monate russische Kriegsgefangenschaft (= Ullstein Kriegsbücher). – B. und Wien, 1915. S. 106 f.

[37] Ibid. S. 107 f.

[38] Ibid. S. 111.

[39] Ср. главу «Против индейцев» в романе *Ernst Jünger.* In Stahlgewittern. Aus dem Tagebuch eines Stosstruppführers. 8. Aufl. – B., 1927. S. 128–143.

[40] *Vogel.* Op. cit. S. 73; предыдущие цитаты см.: S. 15, 24, 40, 69, 72.

[41] См. об этом: *Pohlmann.* «Das große Erleben da draußen» – Schneider / Wagener (Hrsg.). Op. cit. S. 113–132.

[42] *Manfred von Richthofen*. Der rote Kampfflieger (= Ullstein Kriegsbücher, 23). – Berlin 1917. S. 85.

[43] *Otto.* Op. cit. S. 197 f.

[44] *Э.М. Ремарк.* «На Западном фронте без перемен», «Возвращение», «Три товарища». – Л., 1959. С. 133.

[45] Там же. С. 136.

[46] *Bruno Vogel.* Es lebe der Krieg! Ein Brief. – Leipzig, 1925.

[47] Ibid. S. 60. Правда, действие этого рассказа происходит не на Восточном фронте, а в лагере военнопленных во Франции.

[48] Ibid. S. 21 ff.

[49] Ibid. S. 21 f.

[50] Ibid. S. 23.

[51] Ср. общую оценку Бруно Фогеля в работе: *Martin Baumeister.* Asthetik der Abschreckung. Der Versuch einer pazifistischen Kriegsdarstellung. *Bruno Vogel:* «Es lebe der Krieg! Ein Brief» (1925). – Schneider/Wagener (Hrsg.). Op. cit. S. 165–180; а также *Wolfgang G.* Natter. Literature at War, 1914–1940. Representing the«Time of Greatness» in Germany. – New Haven und London. 1999. S. 192–202.

[52] *Arnold Zweig.* Der Streit um den Sergeanten Grischa. Roman. – Potsdam 1927.

[53] *Jost Hermand*. Arnold Zweig: Der Streit um den Sergeanten Grischa (1927). Eine «systemkritische» Analyse. – Schneider/Wagener (Hrsg.). Op. cit. S. 199.

[54] То же и в его главе о тексте Арнольда Цвейга. *Thomas Becker.* Literarischer Protest und heimliche Affirmation. Das ästhetische Dilemma des Weimarer Antikriegsromans. – Butzbach-Griedel, 1994. S. 89–160, bes. S. 123–128.

[55] Исключительно в работе *Thorsten Bartz.* «Allgegenwärtige Fronten» – Sozialistische und linke Kriegsromane in der Weimarer Republik 1918–1933 (= Europäische Hochschulschriften I, 1623). – Frankfurt/M. u. a., 1997. S. 257–290.

[56] *Konrad Seiffert.* Brandfackeln über Polen. Vormarsch im Osten. – Hamburg-Bergedorf, 1931. S. 123. Боровский даёт в «Кёльнише Цайтунг» от 24 мая 1931 г. следующую оценку: «Можно поставить книгу среди тех, кто во главе этой колонны (романов о войне) и во главу той (маленькой) группы, которая рисует войну на Востоке». Цит. по *Bartz.* Op. cit.,. S. 259.

[57] *Bartz. Op.* cit.,. S. 285.

[58] *Seiffert*. Op. cit.,. S. 168. Это очень напоминает заключительную главу «Заря» из романа Анри Барбюса «Огонь». Das Feuer. Tagebuch einer Korporalschaft. Ubers. L. Meyenburg. – Zurich 1918. S. 378–408. Анонимизация служит и там ликвидации способности отличать друга и врага в отношении гуманистического интернационала – на Западном фронте.

[59] *Двингер Эдвин Э.* Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. – М.: Центрполиграф, 2004. С. 331: «Некоторые снова говорят, будто бы при белых нам в лагере лучше, нежели когда-то было при красных. Из военнопленных в результате пропаганды большевиков сформировалась партия так называемых “интернационалистов”, германские, австрийские и венгерские коммунисты, которые всех товарищей, не желавших переходить на их сторону, невероятно терроризировали. От большевиков за то, что переметнулись, они получили власть в лагере и с особенной сладострастностью мучают офицеров».

[60] *Edwin Erich Dwinger.* ZwischenWeiß und Rot. Die russische Tragödie – Jena, 1930. Ср. об этом: *Helmut Müssener.* Edwin Erich Dwingers Roman «Zwischen Weiß und Rot – Die russische Tragödie» als deutsches Trauerspiel. – Wulf Koepke/Michael Winkler (Hrsg.). Deutschsprachige Exilliteratur. Studien zu ihrer Bestimmung im Kontext der Epoche 1930 bis 1960. – Bonn, 1984. S. 125–143.

[61] *Ernst von Salomon.* Die Geächteten. – B., 1930. Ср. об этом: *Walter Delabar.* Was tun? Romane am Ende der Weimarer Republik. – Opladen und Wiesbaden, 1999, bes. S. 7–28 und 183–228.

[62] Ср. об этом *Jan Mizinski.* Krieg und Nationalismus. Zur deutschen Kriegsprosa nach 1918 (= Rozprawy Wydzialu Humanistycznego, 35). – Lublin, 1985, bes. S. 141–156.

[63] *Vogel.* Op. cit. S. 28.

[64] Ibid.

[65] *Hanns Gobsch.* Wahn-Europa 1934. – Hamburg, B. und Leipzig 1931. S. 348.

[66] Какое решающее значение мог, напротив, иметь контакт немецких авторов еврейского происхождения с восточноеврейским населением Польши, выяснил Андреас Хайнеке на примерах Ханса Сохачевера, Арнольда Цвейга и Альфреда Дёблина: *Andreas Heinecke.* Das Ostjudentum im Werk von Jose Orabuena (= Europaische Hochschulschriften I, 1182). – Frankfurt/M. u. a., 1990, bes. S. 46–84.

[67] Об антирусских настроении и пропаганде ещё незадолго до начала войны ср.: *Mommsen.* Op. cit. S. 194–224, и *он же*. Burgerstolz und Weltmachtstreben. Deutschland unter Wilhelm II. 1890–1918. – B., 1995. S. 536 ff.

[68] *Werner Beumelburg.* Gruppe Bosemüller. – Oldenburg, 1930.

[69] Прямо-таки стереотип так называемых фронтовых романов и, конечно же, часть фронтовой реальности; ср.: *Bernd Ulrich/Benjamin Ziemann:* Frontalltag im Ersten Weltkrieg. Wahn und Wirklichkeit. – Frankfurt/M., 1994, bes. S. 117–149.

[70] На это обращает внимание во введении Вольфганг Крузе. *Wolfgang Kruse.* Krieg und Kultur: Die Zivilisationskrise. – W. K. (Hrsg.). Eine Welt von Feinden. Der Große Krieg 1914–1918. – Frankfurt/M., 1997. S. 183–195, bes. S. 185–190.

[71] См. по поводу антирусской пропаганды в немецкой лирике и особенно на открытках: *Hans Weigel/Walter Lukan/Max D. Peyfuss.* Jeder Schuss ein Russ. Jeder Stoss ein Franzos. Literarische und graphische Kriegspropaganda in Deutschland und Österreich 1914–1918. – Wien, 1983.

[72] Исключения составляют, разумеется, такие тексты немецких авторов, которые рассматривали русское население в послевоенной Германии, война же, как правило, была для них темой рассмотрения лишь мимоходом, например, *Heinz Liepmann*. Die Hilflosen. Roman. – Frankfurt/M., 1930, или *Hans Sochaczewer.* Sonntag und Montag. Roman. – Potsdam, 1927, причём, последний охватывает русское и восточноеврейское население Берлина.

[73] По поводу моментов непрерывности между 1914 и 1933 гг. см.: *Reinhard Rürup.* «Weltkrieg» – «Volkskrieg» – «Kulturkrieg». Die Bedeutung des Ersten Weltkrieges für die deutsche Geschichte. – Spilker/ Ulrich (Hrsg.). Op. cit. S. 13–21.

Ольга Либова

КЛАССИКА, СКАЗКИ И РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ КНИГИ. Немецкая художественная литература в фондах библиотек России и в восприятии русских читателей

Художественная литература раскрывает широкой читающей публике весь накопленный человечеством опыт, историю, образ жизни людей и поэтому является одним из важнейших факторов взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур, гармонизации отношений между народами. Естественно, национальные литературы никогда не развивались в условиях изоляции, но в случае Германии и России это особенно очевидно. В данной статье речь пойдет о таких аспектах культурного влияния, как наличие немецкой литературы в фондах провинциальных библиотек России, об отношении к немецкой литературе специалистов библиотечного дела, о том, насколько действенными были их рекомендации, какие книги немецких авторов предпочитали читать посетители библиотек. Постараемся также рассмотреть вопрос о том, как менялась ситуация под влиянием политических событий, в первую очередь, мощных катаклизмов, задевших буквально каждого россиянина – Первой и Второй мировых войн.

В России еще с дореволюционных времен была создана культура, в которой художественная литература занимала центральное место. Для россиян она всегда значила гораздо больше, чем любой другой вид искусства: от того, что читали, что хотели прочесть, от чего отказались читатели, зависело многое. Писатель, даже не очень талантливый, но пишущий «с настроением»[1], почитался учителем, а его произведения – учебником жизни. Александр С. Пушкин говорил с долей иронии, что в России сюртук писателя почитается выше мундира генерала. Позднее Николай А. Некрасов в поэме «Саша» указал на характерную черту русского интеллигента: «Что ему книга последняя скажет, то на душе его сверху и ляжет: верить, не верить – ему все равно, лишь бы доказано было умно!»[2].

Вслед за Некрасовым Дмитрий С. Мережковский, с присущим ему сарказмом, повторил – мировоззрение русского человека определяется последней прочитанной книгой.

Во второй половине XIX века книга и чтение получили в России широкое распространение во всех слоях общества. В старинных русских городах шел бурный процесс создания библиотек различных типов и видов: светские и церковные, учебные и публичные, государственные, общественные, частные, книжные магазины очень часто также играли роль библиотек. А в столицах велась постоянная и кропотливая работа: самое пристальное внимание уделялось изучению того, *что читает народ, и созданию рекомендаций – что следовало бы ему читать*[3].

Комплектование библиотек

На рубеже XIX – XX веков комплектование всех библиотек должно было строиться в соответствии с четкими рекомендациями и предписаниями Министерства Народного Просвещения России. Регулярно издавались каталоги и списки учебников, разрешенных для употребления в церковно-приходских школах, в низших и средних учебных заведениях, книг для чтения, допущенных в библиотеки разных ведомств и для публичных народных чтений, и драматических произведений, разрешенных к исполнению на сценах народных театров. Одновременно свои списки и каталоги составляли специалисты библиотечного дела и библиографы. Немецкая и немецкоязычная литература в обязательном порядке присутствовала во всех этих списках.

Для лиц, отвечавших за комплектование библиотек в конце XIX века, непререкаемым авторитетом был известный русский деятель культуры, ученый-книговед Николай Александрович Рубакин (1862–1946). Его громоздкий многотомный библиографический указатель «Среди книг» («опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей»)[4] служил «справочным пособием для самообразования и для систематизации и комплектования общеобразовательных библиотек, а также книжных магазинов». Рубакин писал 100 лет тому назад: «Немецкая литература – одна из богатейших, если только не самая богатая литература мира»[5]. «Библиографический указатель лучших… книг включал свыше 300 переводов произведений немецких авторов».

Принцип отбора наименований был сформулирован Рубакиным следующим образом: все беллетристические произведения он делил на две группы: 1) книги, имеющие исторический интерес, «уже потерявшие значение в смысле освещения современности, и потому рассматриваемые как памятники литературы; 2) книги, освещающие текущую жизнь с ее веяниями, настроениями и злобой дня»[6].

Во втором издании библиографического указателя Н.А. Рубакин значительно расширил раздел немецкой литературы и ввел новые рубрики. 87 книг он отнес к «драматической поэзии». Это весьма своеобразный список: комедии «Апостол» и «Вне толпы» Германа Бара, «Вороны» Генри Бека[7], «Стеклянный дом» Оскара Блюменталя; драмы Франца А. Бейерлейна «Вечерняя заря», Максимилиана Бёттхера «Шквал» (Н.А. Рубакин подчеркивает – социальная драма), «Смерть Дантона» Георга Бюхнера; трагедии Захариаса Вернера «Аттила, царь гуннов», Карла Гуцкова «Уриэль Акоста», Франца Грильпарцера «Сафо» и «Волны любви»; 16 произведений Франка Ведекинда, в том числе такие, как «Весенние побеги. Трагедия детской души», «Дар Зевса первой женщине», «Пляска мертвых»… Сейчас некоторые эти имена и эти пьесы не известны не только рядовому русскому читателю, но и, осмелимся предположить, знатокам немецкой литературы в России. По крайней мере, большинство авторов книг, рекомендуемых Рубакиным для библиотек, отсутствуют даже в русских литературных энциклопедиях. (Не нашли мы многих авторов и в словаре «Немецкие поэты. Жизнь и творчество немецкоязычных авторов от средневековья до наших дней»[8]). Наряду с этим списком в разделе фигурируют знакомые имена Герхарта Гауптмана, Генриха Гейне, Иоганна В. фон Гете, Готфрида Э. Лессинга и Фридриха Шиллера. Например, среди перечисленных восьми изданий «Фауста» Гете, лучшим назван перевод, осуществленный Петром Вейнбергом. Наряду с этим Рубакин считал «одним из лучших» перевод Николая Холодковского[9].

Двадцать авторов и 31 название вошли в подрубрику **«немецкие поэты»**. Принцип тот же, в алфавитном порядке следуют имена: Фридрих Боденштедт, Готфрид

Август Бюргер, Альбрехт фон Галлер, Роберт Гамерлинг, Генрих Гейне, Саломон Геснер, Фридрих Готлиб Клопшток, Фридрих де ла Мотт Фуке, Николаус Ленау, Готхольд Эфраим Лессинг, Зигфрид Липинер, Людвиг Уланд, Фердинанд Фрейлиграт, Адельберт фон Шамиссо, Фридрих Шиллер и т. д.

Но более важными для читателей библиотек Рубакин считал книги современных ему авторов, которые, с его точки зрения, формируют мировоззрение. К новейшей литературе он относил произведения, написанные после 1848 г., и отбирал для рекомендации публике не только уже ставшие популярными книги, но и романы и повести молодых авторов, «не имеющих блестящих имен, но известных тем, что в своих произведениях они затрагивают животрепещущие вопросы современной жизни»[10].

Эти произведения Рубакин разбил на несколько групп в соответствии с «сюжетами»:

– **«Жизнь крестьян»** включает 14 имен, 25 названий – книги Фридриха Шпильгагена, Лудвига Анценгрубера, Бертхольда Ауэрбаха, Макса Нордау и Карла Эмиля Францоза;

– **«Жизнь пролетариата и вообще рабочих»** – 18 имен, 24 названия, среди них знакомые и сегодня русским читателям: Якоб Вассерман (новеллы «Сара Мальхольм» и «Кларисса Мирабель»); Герхарт Гауптман; Вильгельм Либкнехт (роман «Рыцари труда»); Шпильгаген (роман «Один в поле не воин», названный Рубакиным «социальным», в оригинале по-немецки – «In Reih und Glied»);

– **«Жизнь солдат и вообще военных»** включает 7 имен, 8 названий: антивоенный роман Берты фон Зуттнер «Долой оружие!»; «Под гром пушек» некоего К. Клейна[11]; «Поручик Густль», «Крик жизни» и «Предсказание» Артура Шницлера и др.;

– **«Жизнь промышленной и торговой буржуазии и вообще среднего сословия»** – 12 имен, 13 названий: Германа Зудермана «Честь», «Гибель Содома»; Евгении Марлитт «Вторая жена»; Макса Нордау «Битва трутней»; Собрания сочинений в 10 и в 8 томах (с плохим переводом, как добавляет Рубакин) Элизабет Вернер; Томаса Манна «Тристан» и «Маленький Герр Фридман»; Шпильгагена «Бурный поток» и «многие другие произведения»; Шницлера, Густава Фрейтага и др.;

– **«Жизнь аристократии и дворян-землевладельцев»** – 11 имен, 13 названий: Ауэрбах «Дача на Рейне» и «На высоте»; Марлитт (та же «Вторая жена»), Зудерман «Забота»; Лессинг («Минна фон Барнгельм» и «Эмилия Галотти»); Генрих Манн («Богини: Минерва, Диана, Венера», в немецком оригинале – «Богини или Три романа герцогини Асси»); Нордау[12] («Душевные анализы», «Движения человеческой души»[13] и «Умение состариться вовремя»), Шпильгаген («Из мрака к свету», «Загадочные натуры», «Фон Гогенштейны») и др.;

– **«Жизнь чиновничества»** – 4 автора и 4 названия: Г. Гауптман, Зудерман, Иоганн Баптист фон Швейцер, Шпильгаген;

– **«Жизнь духовенства»** – 4 автора и 4 названия: Герман Гейерманс, Макс Кретцер, Вильгельм фон Поленц и Георг Энгель;

– **«Жизнь разночинцев интеллигентных профессий»** – 14 авторов и 14 названий: Герман Гессе («Петер Каменцинд»); Леопольд фон Захер-Мазох («Идеалы нашего времени»); Нордау («Болезни века», «Движения человеческой души» и «На могиле»); Зудерман; Г. Гауптман; Шницлер («Фрау Вальтер», «Живые часы», «Смерть», «Без запрета», «Интермеццо», «Сказка», «Судьба барона Лейзенбога»), Г. Манна («Богини…», «Злые» и «Пикно Спано»), Т. Манн («Тристан» и «Мелкий бес»[14]) и др.;

– «Жизнь евреев»[15] – 5 авторов, 9 названий: Нордау («Доктор Кон»), Француз («Мошко из Пармы. История одного еврейского солдата», «Юдифь Трахтенберг»), Эдуард Штильгебауер («Король биржи»), Захер-Мазох («Еврейские рассказы» и др.), Вассерман («Цирндорфские евреи»).

Библиотекарям-практикам того времени казалось естественным, что книги классиков, отнесенные к «первой категории», необходимы лишь в качестве пособия для изучения истории литературы, тогда как «вторая категория» имеет «наибольшее значение» для формирования мировоззрения. Из немецких авторов второй половины XIX века наиболее выдающимися Рубакин считал Шпильгагена, Ауэрбаха, Фрейтага, Пауля Гейзе, Георга Морица Эберса, Габриель Рейтер, Вильгельма Г. Риля, Феликса Дана, Захер-Мазоха, Берту фон Зутнер, Кретцера («выдвигающего в своих сочинениях великие социальные вопросы»), Францоза, Швейцера, Иоганнеса Шерра, Юлиуса Штинде, Фердинанда Лассаля, Нордау; «проводниками идей культуркампфа (борьбы немецкого правительства с тенденциями католичества)» считались Марлитт, Вернер, Анценгрубер, а также Оскар Мединг (псевдоним: Грегор Самаров), которого, однако, библиограф не рекомендовал приобретать[16].

Из новейших авторов центральное место, по мнению Рубакина, занимали в немецкой литературе Г. Гауптман, Зудерман, Ведекинд, Эрнст фон Вильденбрух, Гуго фон Гофмансталь, Генрих Манн, Томас Манн, Шницлер. Таким образом, литературные достоинства, по словам самого составителя, похвально приносить в жертву идейной направленности и сосредотачивать внимание «скорее, на содержании, чем на форме литературных произведений», «лишь бы указать их читателю, как отзвук текущей жизни в живой душе» откликается[17].

Позднее советское литературоведение будет клеймить такой подход за вульгарный социологизм. Это направление, действительно, сегодня кажется несостоятельным, особенно – классификация художественных произведений и выделение таких подрубрик, как жизнь рабочих, чиновников, солдат и т. д. Но, к сожалению, в России до сих пор для тех, кто играет роль посредника между писателем и читателем, идейная позиция автора зачастую кажется более важной, чем художественные достоинства произведения.

Рубакин не ограничился анализом текущего потока переводной литературы, в этом же указателе он дает рекомендации переводчикам. К сожалению, пишет он, у русского читателя, незнакомого с немецким языком, есть возможность познакомиться с богатствами немецкой литературы лишь по отрывочным, а нередко и сокращенным, к тому же неточным и вообще плохим переводам[18]. Но и переводов этих, по мнению Рубакина, не так много, чтобы при их посредстве можно было составить более или менее отчетливое представление о немецкой литературе. Он сетует на то, что русские читатели не знают таких авторов, как Рихард Демель, Иоганн В.Л. Глейм, Кристиан Д. Граббе, Петер Хилль, Йозеф В. фон Шеффель, Иоганн Г. Зойме, Адальберт Штифтер, Теодор Шторм, Ахим фон Арним и Герман Гессе, а также многих других, «которые в немецкой литературе, несмотря на различие своих направлений, несомненно занимают более или менее видное место». Заслуживали бы, по его мнению, перевода многие из произведений Гервега, Геббеля, Гейзе, Генриха Конрада, Карла Гуцкова («Коса и меч», «Валли», «Базедов и его сыновья», «Римский волшебник», «Гогеншвангау»), многие сочинения Кретцера, Карла Иммермана, Детлефа фон Лилиенкрона, Марии фон Эбнер-Эшенбах и т. д. Для большинства русских читателей имена этих авторов остаются неизвестными, так что рекомендации расширить круг

переведенных произведений не были учтены. Но справедливости ради следует отметить, что Рубакин обратил внимание на «Петера Коменцинда» – первый переведенный роман Германа Гессе, кумира русских читателей 1980-х гг. В начале века в России уже вышли три издания этой книги в разных переводах. В то же время, сборник рассказов «По эту сторону» («Diesseits», 1907 г.), по нашим данным, не переведен до сих пор.

Следуя традициям русской демократической критики, составитель справочного пособия для библиотечных работников старался «не захламощивать [списки – *О.Л.*] второстепенными и третьестепенными именами» и поэтому не включал в них произведения Марлитт, Вернер, Самарова и т. п. Как считал Рубакин, хотя некоторые эти имена и известны широкой читающей публике, но «широкая читаемость… еще ровно ничего не говорит о литературных и идейных достоинствах… произведений»[19]. Следует отметить, что составители каталогов Министерства Народного Просвещения к творчеству Марлитт относились более лояльно и в 1899 г. включили в Каталог библиотек разных ведомств не только отдельные произведения писательницы, но и Собрание сочинений в 8 томах, изданное в Москве Ефимовым и Клюкиным.

Книги немецких писателей, попавшие в каталоги и библиографические списки, в конце XIX в. достаточно часто издавались и переиздавались. В Книжном вестнике, публикующем сведения о новых книгах, поступающих в Публичную Библиотеку Санкт-Петербурга, на рубеже веков постоянно встречаются издания произведений Гейне, Гете, Лессинга, Э. Т.А. Гофмана, братьев Гримм, Шиллера. Из современной литературы чаще других издавались Г. Гауптман, Шпильгаген, Марлитт, Эберс, Вернер, Зудерман, Захер-Мазох, Нордау и Ауэрбах. Эти же авторы регистрируются в ежемесячном библиографическом журнале «Книговедение», издаваемом в те же годы Московским библиографическим кружком.

Книги немецких авторов в фондах библиотек

Многие библиотеки маленьких провинциальных городов в начале XX века обладали тщательно отобранными и систематизированными фондами, о чем свидетельствуют изданные типографским способом каталоги.

Рекомендуемые книги перед Первой мировой войной были широко представлены в фондах всех библиотек России. «Произведения первой категории», памятники литературы – книги Гете, Гейне, Э. Т.А. Гофмана, братьев Гримм, Лессинга, Шиллера – встречаются буквально повсеместно. При этом, даже в небольших городах, в глубокой провинции библиотеки располагали такими собраниями сочинений, как восьмитомное – Гете (СПб, изд-во Н.В. Гербеля, 1893 г.); четырехтомное – Гейне (СПб, изд-во Б.П. Вейнберга, 1898 г.), восьмитомное – Э. Т.А. Гофмана (СПб, изд-во Г.Ф. Пантелеева, 1898 г.); трехтомное – Шиллера (СПб, изд-во Н.В. Гербеля, 1884 г.) и т. д.[20]. Это – добротные издания, снабженные биографией и комментариями. Стихотворения Шиллера, например, приводятся в различных переводах – крупнейших русских поэтов (М.Ю. Лермонтова, В.А. Жуковского, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета) и менее известных авторов. Нередко в библиотеках присутствовали отдельные издания популярных биографий вышеперечисленных писателей и даже публикации их произведений на языке оригинала.

Следует отметить, что эти собрания сочинений не очень часто были востребованы и служили, скорее, украшением провинциальных библиотек. Правда, встречаются и другие примеры: «Из иностранных авторов пользуются большой любовью… произведения… немецких писателей в издании Гербеля» – утверждает чиновник Петербургского комитета грамотности В. Девель в докладе по результатам проверки городских и сельских библиотек Томской губернии[21]. (В отчете Томской городской публичной библиотеки за 1899–1900 гг. отмечалось, что библиотека располагала собраниями сочинений Шиллера и Гете (издательство Гербеля) и двумя сборниками произведений Гейне)[22].

Но далее мы осмелимся предположить, что на самом деле чиновником руководило стремление выдать желаемое за действительность – реальная картина была несколько иной.

Сложилась парадоксальная ситуация – читатели знали и любили произведения немецких классиков, знакомясь с ними по изданиям гениальных русских переводчиков, и не всегда отдавали себе отчет в том, кому именно принадлежит текст. В какой степени издатели повинны в том, что переводы (или пересказы) далеко не всегда отождествлялись с первоисточником? Ни один из сборников Лермонтова не выходил без стихотворения «На севере диком…», где только из комментария можно было узнать, что это – вольный перевод стихотворения Гейне «Ель стоит одиноко…» («Ein Fichtenbaum steht einsam…»). Напротив, не менее вольный перевод «Над всеми вершинами» («Über allen Gipfeln…») так и озаглавлен «Из Гете». Вольные пересказы баллады Шиллера «Перчатка» и пяти его стихотворений печатались с указанием автора оригинала, а «Ныряльщик» («Der Taucher») назван просто «Балладой», и ссылка на первоисточник также дана только в комментариях. Написанная в народном духе поэма, которая начинается со слов «Из ворот выезжают три витязя в ряд…», печаталась с подзаголовком «с немецкого», и нигде нет указания на то, что обе первые строфы соответствуют началу старинной немецкой народной песни, впервые опубликованной в сборнике песен «Волшебный рог мальчика» («Des Knaben Wunderhorn», 1805–1808), а уже продолжение принадлежит перу самого Лермонтова[23]. «Воздушный корабль» печатался с подзаголовком «из Зейдлица», хотя лермонтовский текст является лишь переложением баллады «Корабль призраков» («Das Geisterschiff») австрийского поэта-романтика Йозефа К.Ф. фон Цедлица. Русский поэт не только далеко отошел от немецкого оригинала и изменил заглавие и порядок изложения, но и внес совершенно иной идейный смысл[24].

Иногда стихотворения, баллады, легенды печатались в разделе «переводы» под именем автора оригинала, и чаще всего после названия текста в скобках следует ссылка на первоисточник. В четырехтомном собрании сочинений Алексея Толстого, которым располагала практически каждая провинциальная библиотека, первый том заканчивается разделом «Переводы», где вслед за именем Иоганна Вольфганга фон Гете были помещены индийская легенда «Бог и баядера», чрезвычайно популярная в России баллада «Коринфская невеста», два перевода песен Клерхен из трагедии «Эгмонт». В этом же разделе опубликованы шесть стихотворений Генриха Гейне и одно – Георга Гервега. Вне этого раздела мы находим переводы стихотворений, которые были в конце XIX в. на слуху у многих: «Вянет лист, проходит лето, / Иней серебрится. / Юнкер Шмидт из пистолета / Хочет застрелиться…», «Фриц Вагнер, студьозус из Иены…» (они озаглавлены «Из Гейне»), шуточное «На взморье, у самой заставы…» с подзаголовком «Подражание Гейне» и «Память прошлого» с под-

заголовком «Как будто из Гейне»[25]. Во многом из-за того, что не существовало единой концепции публикации переводов и в изданиях было много неточностей, баллады и легенды великих писателей воспринимались русским читателем как оригинальное творчество их переводчиков: Лермонтова, Жуковского, А. Толстого.

Великолепно представлены в фондах библиотек сказки немецких писателей. «Народные немецкие сказки, – пишет в 1908 г. составитель критико-библиографического указателя “О литературе для детей”, – очень ценный художественно-исторический материал, с обилием красивых поэтических образов»[26].

Больше всего в библиотеках было сборников сказок братьев Гримм. Были представлены и наиболее полные из них: в переводе П. Полевого («роскошное» издание Маркса, включающее 197 сказок), в переводе Фридемана (издание О.Н. Поповой, включающее 200 сказок и легенд) и в переводе А.А. Федорова-Давыдова (издание журнала «Путеводный огонек» – главным редактором и владельцем которого был сам переводчик – включало 201 сказку). Все три книги с рисунками художников Грот-Иоганна и Лейнвебера составлены с точки зрения «специалистов по иллюстрациям сказок Гримм» того времени[27].

Сказки В. Гауфа также были в каждой библиотеке. Нередко встречается в библиотеках издание Панафидиной, его хвалят за полноту, за то, что «в примечаниях к тексту даны объяснения географических имен и восточных слов…», но «перевод сделан тяжелым языком с немецкими оборотами речи»[28].

Не менее популярными на рубеже веков были «Народные немецкие сказки» (в другом переводе «Волшебные сказки» Музеуса)[29]; «Волшебный рог мальчика» Ахима фон Арнима и Клеменса Брентано; «Мифы классической древности», «Доктор Фаустус», «Роберт-дьявол» Густава Шваба; «Рейнике-Лис» (три различных варианта перевода – «Лис Хитродум», «Лис Патрикеевич», «Проказы Лисы Патрикеевны») Гете; «Удивительные приключения Петера Шлемиля» Адельберта фон Шамиссо. «Приключения и похождения барона Мюнхаузена» (вольный пересказ Рудольфа Эриха Распе) встречаются реже, лишь в изданиях товарищества Вольфа и Девриена, в которых автор не был указан.

Отбирая «книги второй категории», «освещающие текущую жизнь с ее веяниями, настроениями и злобой дня», библиотекари не всегда следовали рекомендациям библиотековедов. В уже упомянутом каталоге Томской городской публичной библиотеки есть сведения о том, что наряду с классиками читателям предлагали 19 книг Шпильгагена, 13 – Эберса, по три – Зудермана и Г. Гауптмана. В каталоге Каменец-Подольской библиотеки (город на границе с Австро-Венгрией, население в начале века 37 тыс. человек) в 1911 г. Марлитт была представлена пятью романами. Библиотека также сочла возможным приобрести, несмотря на критические замечания посетителей, 9 исторических романов Самарова[30]. К 1914 г. ее фонды пополнились 16 романами Вернер[31]. Немецкая литература была прекрасно представлена в Камышловской земской публичной библиотеке (Камышлов – город на Урале, в конце XIX века население 8,1 тыс. человек). Публикуя в 1911 г. «первое дополнение к основному каталогу 1908 года», они констатировали: творчество Марлитт представлено шеститомным собранием сочинений, в которое вошли популярные романы: «Женщина с рубинами», «Совиный дом», «В доме Шиллинга», «Тайна старой девы», «Вторая жена»[32]. Тамбовская уездная земская библиотека в 1912 г. могла похвастаться 18-томным собранием сочинений Вернер[33]. Между прочим, эта провинциальная библиотека располагала даже книгой Конрада Франке «История немецкой

литературы». Публикуя «Список наиболее известных книг из приобретенных в 1901–1902 гг.», Аккерманская общественная библиотека (Украина) извещала своих читателей: Гейне – 1 том, Гете – 3 тома, Э. Т.А. Гофман – 6 томов, Клейн – 1 том, Нордау – 1 том, Шпильгаген – 12 томов[34].

Список можно было бы продолжить, но и из приведенного ясно – желание угодить читателям оказывается для библиотекарей важнее идейной значимости произведений, осужденных «передовой демократической критикой». Если бы мы сегодня поставили перед собой задачу классифицировать фонды немецкой литературы, приобретаемой библиотеками перед Первой мировой войной, то помимо бесспорно классических произведений выделили бы несколько жанрово-тематических комплексов, например: исторические романы, повести, рассказы, драмы; мелодрама; психологическая проза; семейно-бытовые и социально-бытовые романы, повести, рассказы; авантюрно-приключенческая проза.

Нам известны и противоположные случаи, когда библиотекари оказывались даже бóльшими пуристами, чем составители рекомендательных каталогов. В отчете за 1910–1911 гг. сотрудница библиотеки Лиговского Народного дома в Санкт-Петербурге отмечала возросший интерес читателей к «новинкам по беллетристике»… Однако, по ее мнению, к этому спросу надо относиться с большой осторожностью и отвечать отказом на требования «Ключей счастья» Анастасии А. Вербицкой, «Самоотверженных сердец» Поля Адама, или трилогии Г. Манна (Диана, Минерва, Венера) и «других подобных произведений, хотя и имеющих иногда художественную ценность, но совершенно неприемлемых по откровенной циничности содержания»[35]. Напомним, Рубакин все же включал трилогию Г. Манна в свой список. Мы рассмотрели мнения как библиотекарей, так и тех, кто считал себя вправе давать им рекомендации. Что можно сказать о непосредственных отзывах читателей?

Восприятие немецкой литературы

Изучение библиотечной статистики позволяет сделать выводы о предпочтениях читателей. Произведения Гете, Гейне, Шиллера, Э. Т.А. Гофмана, братьев Гримм были известны в конце XIX – начале XX в. и за последние сто лет ничуть не утратили своей популярности среди русских. В 1895 г. Рубакин опубликовал ставшие в России знаменитыми «Этюды о русской читающей публике». В книге содержались данные о книговыдаче в 1883–1892 гг. в четырех библиотеках Астрахани, двух в Саратове, одной в Нижнем Новгороде. «Статистика чтения» («распределение требований по различным авторам») включала список из 93 наиболее часто встречающихся авторов: первые 35 номеров занимали отечественные авторы, 36-е место было у Марлитт. Далее в списке места распределились следующим образом: 37. Вернер, 39. Шпильгаген, 40. Гейне, 42. Шиллер, 54. Эберс, 69. Гете, 79. Борн. Между ними – французы и англичане: Жюль Верн (38), Шекспир (41), Байрон (43), Скотт (44), Гюго (45), Диккенс (46), Золя (47), Дюма (48).

Рубакин сетует на то, что хотя в конце XIX века в русских библиотеках отечественная беллетристика пользовалась большим спросом, чем переводная, книги некоторых иностранных писателей спрашивались чаще, чем известных русских авторов. Среди «наиболее ходких» отчеты библиотек называют Марлитт и Борна. «…Иных русских классиков, – с негодованием пишет по этому поводу Рубакин, – читающая

толпа как будто знает меньше, чем иностранных бульварных романистов»[36]. Он приводит пример, взятый из отчета Нижегородской библиотеки: в 1889 г. книги Шпильгагена спрашивали 189 раз, Ауэрбаха – 156 раз, Борна – 140, Марлитт – 106. В то же время сочинения Николая Гоголя выдавали 167 раз, Александра Островского – 141, Николая Некрасова – 100.

Воронежская публичная библиотека в честь 50-летия своей деятельности выпустила отчет, включающий статистику книговыдачи за достаточно длинный период – 25 лет. Среди 54 наиболее читаемых авторов – четыре немца: Шпильгаген занимает 12 место (первый среди зарубежных авторов, перед ним – Достоевский), на 15 месте – Марлитт, на 21 – Вернер, далее, с большим отрывом, на 49 – Ауэрбах. В текстовом отчете библиотеки отмечается «падение кривой спроса» на произведения Шпильгагена и «постепенное возрастание» интереса к книгам Марлитт[37].

Статистика читаемости отдельных авторов в Томской городской публичной библиотеке в 1899–1900 гг. выглядела следующим образом: Шпильгаген (225), Эберс (205), Гейне (73), Зудерман (63), Гете (55), Г. Гауптман (40), Захер–Мазох (36), Шиллер (30), Гауф (20), Зутнер и Нордау (19), Э.Т.А. Гофман (17), Ауэрбах (16)[38].

Одним из самых интересных документов того времени являются отчеты Орловской городской публичной библиотеки. В небольшом уездном городе Орлове (Вятская губерния) в самом центре России, в 52 верстах от города Вятка, в конце века проживало 2655 жителей, работавших на 8 заводах и фабриках. Дети обучались в женской прогимназии, нескольких училищах и церковно-приходских школах. Город располагал открытой в 1877 г. удивительной библиотекой. 283 читателя (духовенство, чиновники, крестьяне, мещане, купцы) пользовались фондом, состоявшим из 18.214 книг. Почти ежегодно библиотека издавала типографским способом отчеты о своей деятельности, где учитывалась книговыдача, даже единичная, поэтому мы можем проследить динамику спроса на книги немецких писателей, учитывая данные о количестве экземпляров книг, которыми располагала библиотека. К сожалению, эти данные приводятся только в 1893 г. Шпильгагена было 20 «отдельных книг», Гейне – 18, Ауэрбаха – 15, Гете и Эберса – 9, Шиллера – 8, Захер-Мазоха – 4.

Такая же картина характерна и для других маленьких городов русской провинции. В отчете библиотеки г. Уральск (сейчас Казахстан) читаем:

> …из новых писателей более всего популярен Шпильгаген (на 21 том 84 выдачи). Затем Золя (79 выдач 26 т.), Мопассан (48 выдач), Киплинг (20 выдач), Конан Дойль (14 выдач), Войнич (12 выдач), Сенкевич (19 выдач), Шницлер (17 выдач), Ростан (9 выдач), Бурже, Лоти и Жип[39], даже Зудерман, Ибсен, Поленц, Гауптман и т. д. находятся сравнительно в забвении. Эти авторы, пожалуй, более глубоки, а наша публика ищет просто интересного, забавного повествовательного чтения. Зудермана труднее читать лежа после хорошего обеда, чем Мопассана или Конан-Дойля[40].

В отчете Белевской земской библиотеки Тульской губернии говорится о том, что в 1898 г. удалось выписать книг на довольно крупную сумму. «Изящная словесность привлекает больше всего внимание читателей, составляя около 80 процентов всех требований на книги, – пишут авторы отчета, – Относительно некоторых известных авторов вкус нашей читающей публики не изменяется, – таковы: Лев Толстой, Тургенев, Михайлов и Достоевский, которые из года в год занимают первое место по числу спроса… Из иностранных авторов первое место занимают Жюль-Верн, Эмар,

Шпильгаген, Диккенс, и Понсон-дю-Тюрайль. Сравнительно с ними классики, как Гете, Шиллер, Шекспир, занимают скромное место. Очень мало читается Гейне. Наша читающая провинциальная публика очевидно еще не привыкла интересоваться иностранной литературой»[41].

Восприятие немецких сказок

Иначе обстояло дело с литературой, предназначенной для детского чтения. Сказки немецких писателей обязательно присутствовали в домашних библиотеках аристократов и разночинной интеллигенции. Прочно войдя в круг чтения маленьких россиян в начале XIX столетия, они остались там, очевидно, навсегда.

Сказки братьев Гримм, например, среди русской читающей публики в конце XIX века были едва ли не популярнее сказок Ш. Перро и Г.-Х. Андерсена. «Маленький Мук», «Карлик Нос», «Калиф-Аист» Гауфа так же, как «Щелкунчик или Мышиный король» Э. Т.А. Гофмана были в числе самых любимых сказок у русских детей. «Мифы классической древности» и «Роберт Дьявол» в пересказах Шваба вошли не только в детское, но и в народное чтение. По неясной для нас причине «Рейнике-Лис» Гете, хотя и издавался часто в добротных переводах, с прекрасными иллюстрациями Вильгельма фон Каульбаха, был на рубеже веков менее популярен.

Так называемая «прогрессивная» критика пыталась влиять на вкусы читающей публики; немецкие сказки такие литературоведы не любили, с их – «педагогической» – точки зрения, они были весьма уязвимы. “Сказка про Щелкуна и мышиного царя”, – пишет обозреватель педагогического листка “Воспитание и обучение” в 1886 г., – написана известным фантастом и мечтателем Гофманом. Было время, от этой сказки приходил в восторг Белинский – до того, что желал, чтобы каждое дитя выучило ее наизусть. Но много воды утекло с тех пор: сам Белинский, в конце своей деятельности, разочаровался в Гофмане и, как язвы, советовал избегать давать его детям. В сказке Гофмана чудесное – синоним бессмыслия»[42]. Сказки Гауфа – «нелепость на нелепости, не имеющая никаких оправданий, сколько в этих сказках мертвецов, убийств и убийств отвратительных… Здесь волшебное слово само себе цель. Такие сказки не имеют никакого здравого смысла». «В истории немецкой литературы, может быть, сказки Музеуса и имеют некоторое значение, и знакомство с одною, двумя из них не лишено интереса и для нас; но переводить эти сказки сполна и… рекомендовать их для детского чтения… – это совершенно непонятно»[43].

Может быть, прислушиваясь к мнению критиков, считавших себя профессионалами, Школьно-народная библиотека города Петрозаводск, имевшая богатый, хорошо организованный фонд детской литературы, сочла нужным приобрести лишь два небольших сборника немецких сказок. Однако даже они были недоступны для школьников на втором и третьем годах обучения[44]. Однако, как уже указывалось выше, на рубеже веков царил плюрализм: Главный Начальник военно-учебных заведений приказал рекомендовать для приобретения в ротные библиотеки кадетских корпусов нижепоименованные книги: для чтения кадетов I, II, III, IV и V классов выпуски с 1 по 13 сказок братьев Гримм, в столь жестко раскритикованном переводе В.А. Гатцука, что и было зафиксировано в разделе «Книги, одобренные различными ведомствами» Книжного вестника[45].

Мы располагаем материалом, позволяющим сопоставить различные мнения – как «руководителей чтения», так и самих читателей – о конкретных книгах немецких писателей. В конце XIX века должностные лица из образовательных учреждений пытались в процессе эксперимента выявить, что годится и что не годится для «народа» и детей. Учительницы харьковской частной воскресной школы собрали воедино отзывы о книгах литературной критики и жителей южно-русских губерний, преимущественно крестьян. Во время громких чтений специально отобранных произведений фиксировались высказывания слушателей и их отдельные реплики. Мы приводим наиболее интересные, с нашей точки зрения, отрывки из книги «Что читать народу?»[46]. Первой в поле зрения экспериментаторов попала книга «Волшебные сказки Музеуса, сокращенные для детей»[47]. Наблюдения велись за непосредственной реакцией аудитории при чтении десяти сказок: «Любуша», «Оруженосцы Роланда», «Рихильда», «Франц Бременский», «Лебединый пруд», «Легенды о Рюбецале», «Сказка о трех сестрах», «Искатель клада», «Фея ручья», «Мелекзала». В роли экспериментатора выступила Христина Алчевская[48]. Следует отметить ее отношение к книге: «Сказки господина Музеуса не отличаются простотою языка и ясностью изложения. В них не мало намеков на исторические события, требующие… известного рода научной подготовки». Она предполагала, что слушатели не осилят трудности языка, стилистическую архаику и решила ограничиться одной сказкой – «Любушей». «…Мы пригласили… исключительно старшую группу школьников и подростков… были и взрослые девушки. Однако все слушали чтение внимательно, сопереживали героям, когда пришлось передавать прочитанное,… с удивительной легкостью обходили непонятные места, и повествование шло плавно и последовательно…». Аналогичная ситуация возникла при чтении сказки «Франц Бременский», по мнению Алчевской, еще более «страдающей деланностью выражений», она считала себя обязанной беспрестанно останавливаться и разъяснять непонятные места. Но фабула сказки чрезвычайно заняла детей. И дети, и взрослые слушали с напряженным вниманием и сочувственно смеялись, адекватно воспринимая текст. Когда учительница останавливалась на несколько мгновений, чтобы отметить непонятное, с ее точки зрения, место или записать чье-либо замечание, «интеллигентный мальчуган говорил нетерпеливо: – Ну, ну! ради Бога дальше!»

Сказка «Оруженосцы Роланда», по мнению Алчевской, была несравненно доступнее и по сюжету, и по способу изложения. Сработал также эффект узнавания. При чтении сказки «Рихильда» возникла ситуация, о которой мы вскользь упоминали выше. Читатели сразу же сопоставили ее сюжет с хорошо знакомой им сказкой Пушкина «О мертвой царевне»: та же злая мачеха-царица, то же волшебное зеркальце, та же красавица падчерица, те же хитрые намерения погубить ее и, наконец, чудесное воскресение девушки и отмщение злой мачехе. «Разница только в том, – замечает экспериментатор, – что чисто русская народная поэзия Пушкина, звучащая в каждом его могучем стихе, несравненно милее и ближе нам, чем немецкие мотивы г-на Музеуса (жившего в XVIII веке), с его графами Бундерихами, епископами Альбертами, героинями Рихильдами и проч.»[49].

Следующим объектом для наблюдения послужили сказки братьев Гримм[50]. В этот раз наблюдение проводил учитель сельской школы Б.Д. Гринченко. Он сам полностью разделял резко негативное отношение, господствующее в педагогической прессе на рубеже веков, к народным сказкам вообще и к сказкам братьев Гримм в частности[51]. Однако он был вынужден постоянно признавать, что некото-

рые из них были в числе любимых детских сказок. Как педагог он критически отзывался о том, что из 12 сказок, опубликованных в упомянутом издании, лишь в четырех нет аморальных сюжетов. А во всех остальных плутуют, обманывают, продают черту души ближних, а если и не делают прямого мошенничества, то все-таки решительно игнорируют труд и наживаются всякими легкими способами.

В этом отношении интересно сопоставить русские и немецкие сказки с похожими сюжетами. Гринченко приводит следующие примеры: «Сказка о рыбаке и рыбке» – «немецкий вариант известной пушкинской сказки. На наш взгляд сказка Пушкина несравненно выше (эта сказка растянута и наполнена резонерством на немецкий лад, но детям этот вариант более нравится […] А про сказку отзываются: Эта лучше: здесь много, а там кратко».

«Вшестером нигде не пропадешь на свете» – также интерпретация немецкой сказки; по мнению учителя, «герой немецкой сказки стоит несравненно ниже героя южнорусского варианта. Последний употребляет все силы на добытие царевны, на которой и женится, а немецкий герой, хотя тоже случайно добывает себе царевну, но сейчас же с удовольствием уступает ее за груды золота, чем и доказывает свое стремление к легкой наживе».

Для Алчевской также казалось правильным, с педагогической точки зрения, вмешательство русских переводчиков в текст оригинала. «У Пушкина, – пишет она, – мачеха кончает так: “Тут ее тоска взяла, и царица умерла”. В настоящем же издании [“Белоснежки”] ее ждут железные раскаленные туфли, и она пляшет до тех пор, пока падает мертвою. Вариант этот чрезвычайно неприятен, но, – добавляет она, – на детей это не производит такого впечатления. – Так ей и надо! сказали многие из них, дослушав сказку до конца и торжествуя победу светлой силы над темною».

Для эксперимента со сказками Гауфа было выбрано заведомо неудачное издание[52] с плохим переводом и неуклюжей композицией, поэтому результат чтения этой книги взрослым школьникам можно было предсказать заранее.

Работа библиотек в годы Первой мировой войны

Первая мировая война во многом изменила отношение к Германии и немецкой литературе ученых-библиотековедов и «руководителей чтения».

Уже 1 сентября 1914 г. на заседании Комиссии Библиотековедения Русского Библиографического Общества при Императорском Московском Университете был прочитан доклад «о приспособлении деятельности общественных и народных библиотек к нуждам и обстоятельствам времени».

«Военное время, – говорилось там, – опасно с точки зрения культурных идеалов: связанные с войной переживания и настроения разных кругов общества и народных масс, изменяясь, обостряясь, выходя из обычных рамок, легко могут перейти в нежелательные формы и могут повести даже к господству антикультурных сил; печальный пример этого показала Германия… Библиотекари со своей стороны должны продолжать свою работу над улучшением постановки русских общедоступных библиотек»[53].

Что же имелось в виду? Например, библиотека должна была, прежде всего, держать читателя в курсе того, что происходит на театре военных действий. В читаль-

нях при библиотеках предлагалось иметь достаточное количество газет (городским читальням рекомендовалось получать и вечерние выпуски). Библиотеки, не имеющие читален, должны были вывешивать на стене последние известия из газет. Предлагалось также вывесить карту Европы и отмечать на ней флажками или просто булавками положение армий.

Библиотеки должны были распространять те фактические знания, «которые нужны для ясного и широкого понимания совершающихся событий». «Нужно подобрать доступные каждому читателю книги о народах и странах, участвующих в войне… Вывесить списки этих книг, а если можно выставить и сами книги…. для средних читателей придется подобрать беллетристические произведения и мемуары, описывающие войны последнего времени (начиная, например, с франко-прусской войны 1870 г.)». «Идейной задачей настоящей войны, – говорилось в докладе, прочитанном в 1914 г., – общественное мнение считает уничтожение господства милитаризма, прочное обеспечение международного мира. Поэтому необходимо подобрать и книги, которые давали бы знания по вопросу о системе “вооруженного мира” и о милитаризме, а также о проектах разоружения, о созывавшихся по инициативе России мирных конференциях, об “обществах мира” и пр.»[54].

Для того, чтобы смысл происходящих событий стал доступен каждому, в 1914 г. предлагалось не только вывешивать рекомендательные списки и выставлять книги, но и проводить «библиотечные чтения» для взрослых и «рассказывания» для детей[55].

В Первую мировую войну прямое участие библиотек и библиотекарей в обслуживании специальных нужд военного времени виделось в организации снабжения раненых солдат книгами для чтения. По мнению Комиссии, библиотекари должны были стать самыми желательными сотрудниками во всех организациях, приступивших уже к собиранию пожертвований деньгами и книгами, к сортировке, закупке и к рассылке книг; где еще не велась такая работа, библиотекари могли взять на себя инициативу по ее организации. В тех городах, где устроены лазареты и организован патронаж для раненых, библиотекам предлагалось выдавать раненым для чтения свои книги. В больших городах, где находилось несколько лазаретов, было целесообразнее создать подвижные библиотечки из специально для этого закупленных книжек. Если у библиотеки не было на это средств, то она, по замыслу Комиссии, могла для этой цели использовать пожертвования.

Эта идея нашла отклик в обществе. 15 сентября 1914 г. на 61-м собрании Общества библиотековедения было предложено создать специальную комиссию при Вольном Экономическом Обществе для снабжения госпиталей книгами. Выступающие подчеркнули, что «помощь Общества не должна быть ординарной, а специальной, и именно, помощь книгой; это лучшее, что мы можем дать раненым»[56]. Дискуссия по этому поводу свелась к опасениям – если хозяева библиотек не возьмут под свой контроль комплекты книг, в них окажется много хлама. Как противоядие было выдвинуто предложение создать список книг для передвижных госпитальных библиотек.

Какое значение придавалось выбору немецкой литературы в списках для чтения? Произведения немецких авторов почти не издавались начиная с 1914 г. – даже сказки братьев Гримм, Музеуса, Гауфа, как это ни забавно звучит. Более того, ложно понятое чувство патриотизма проявилось, например, в такой нелепой форме: в упомянутом выше библиографическом указателе сказок не рекомендуются «Ундина», «Лесной царь», другие баллады и сказочные повести, которые Жуковский перевел с немецкого языка. Крайне ограничив репертуар поэтических произведений (перера-

ботка русского фольклора и «Кот в сапогах» француза Ш. Перро), составитель так обосновал свою позицию: «сказки [Жуковского] не народны и не проникнуты народным духом как сказки Пушкина. Запутанная сложная фабула, изложенная к тому же тяжелыми немецкими стихами»[57].

На библиотечных выставках и в рекомендательных списках в начале Первой мировой войны немецкая переводная литература сводилась к романам Берты фон Зуттнер «Долой оружие», Карла Клейна «Под гром пушек» и «В тяжелую годину». Столь же тенденциозными стали печатавшиеся в журнале «Библиотекарь» обзоры в рубрике «Наша художественная литература». «В первое время после объявления войны на литературном рынке наступило полное затишье, и спрос, тоже весьма незначительный, превышал предложение, – писала Елена Колтоновская в обзоре книжной и журнальной продукции конца 1914 – начала 1915 гг. – Постепенно, однако, жизнь вошла в свою колею, появились и книги, и наплыв их продолжает возрастать. Эта литература сама собой распадается на два разряда: на специально “военную”, служащую отражением злободневных событий, и – обычную, оставшуюся почти совсем в стороне от влияния злободневности. Произведения, относящиеся к первому разряду, во множестве рассеяны по журналам и газетам… В целом это литература в художественном отношении мало ценная, но чрезвычайно интересная… для современного читателя… Все появившиеся за это время альманахи и сборники рассказов и стихов говорят об одном и том же: о единодушном и живом отклике наших писателей на войну»[58].

Далее следует очерк, три четверти которого занимают эти отклики. «Переводная литература, – продолжает Е. Колтоновскаяона, – гораздо менее богата новинками. Весьма своевременно переиздан роман Э. Золя: “Разгром” из франко-прусской войны … Большой интерес также представляет роман одного из зачинателей новой бельгийской литературы, Лемонье “На поле брани”, бывшего очевидцем кровавых событий франко-прусской войны… Не без интереса прочтется и социально-политический роман Уэллса “Освобожденный мир”. Предугадано ли автором многое в современных катастрофических событиях или это простое совпадение, все равно, роман дает много пищи для разных сопоставлений и размышлений»[59].

Ни одной немецкой книги в обзор не было включено.

Отбор литературы, особенно беллетристики, входившей в «Список важнейших книг о войне и о государствах, участвующих в текущей войне», был чрезвычайно тенденциозен. Антимилитаристская литература в полном смысле этого слова (Всеволод Гаршин «Четыре дня», Лев Толстой «Кавказский пленник») встречалась не часто. Предпочтение отдавалось антинемецкой литературе, а ее в те годы выходило немало. Так, например, в детских журналах «с целью воспитания патриотических чувств» уже в августе–сентябре 1914 г. печатали карикатуры на Вильгельма и посредственные «смешные» стихи националистического толка, взятые из периодики для взрослых. В популярных детских журналах «Задушевное слово» и «Путеводный огонек» с августа 1914 г. начали печатать переведенные с французского языка комиксы о подвигах французов (союзники) в войне с пруссаками (враги)[60]. К чести авторов детских книг, они в этой вакханалии участия не принимали, политические карикатуры, стихи и комиксы были иностранного происхождения.

В 1915 г. известный ученый-библиотековед Александр А. Покровский (1879–1942) давал советы начинающим библиотекарям, в которых антинемецкие настроения не столь очевидны, но все же проскальзывают. Например, такие произведения, как

«Капитанская дочка» Пушкина или «Воскресение» Л. Толстого, он советовал покупать в десяти, в двадцати экземплярах. Аргументы следующие: есть общественные библиотеки, где покупаются все вновь выходящие тома сочинений Г. и Т. Маннов, Бернгарда Келлермана и т. п., а сочинения Тургенева, Достоевского, Некрасова имеются в двух-трех экземплярах. И «ежедневно десятки читателей, приходящих за Тургеневым и Некрасовым – уходят с пустыми руками или с какими-нибудь совсем неподходящими для них книгами»[61].

Открытая враждебность по отношению к Германии чувствуется и в других высказываниях на страницах библиотечной печати. Сначала секретарь Общества Библиотековедения А. Плотников выражает сожаление по поводу того, что в Россию перестали поступать немецкие библиотечные журналы, «более содержательные, чем все остальные», и это уже повлекло «обеднение отдела “Библиотекаря”, посвященного иностранной литературе». И тут же следует реплика: «Особенно жалеть об этом, конечно, не приходится, так как не подлежит сомнению, что побежденная и истощенная Германия уступит свое место как в экономическом, так и в культурном отношении победителям и что расцвет русских народных сил после войны даст нам возможность обойтись и в области библиотечного дела, как и во многих других, без помощи бывшей носительницы европейской культуры»[62].

Уже в октябре 1914 г. в докладе о традиционной Лейпцигской выставке печатного дела и графики (Internationale Ausstellung für Grafik und Buchkunst)[63] тот же секретарь Общества Библиотековедения А. Плотников констатировал, что до войны она заслуженно привлекала к себе всеобщее внимание, «сумела собрать богатейшие сокровища человеческой культуры, превратить обширную территорию в царство книг». Однако ситуация коренным образом изменилась с началом войны. Российские представители «превращаются во врагов и даже в “шпионов”. Над Выставкой, над этим царством мирного культурного соревнования пронеслась буря ненависти и жажда отмщения… С трудом удалось спасти русский павильон от разгрома… События последующих дней показали, что “культурная нация” далеко не церемонится с произведениями искусства, с сокровищами человеческого духа»[64].

После окончания Гражданской войны наступил совершенно новый этап в развитии библиотечного дела в России. Советская власть экспроприировала личные библиотеки не только у аристократов и помещиков, но и у городской интеллигенции. Из личных собраний немецкая переводная литература перекочевала в общественные. Эти акции сопровождались жестким контролем государства за фондами библиотек, которые считались идеологическими учреждениями, базами партийной организации. Читатели оказывали упорное сопротивление попыткам навязать им список разрешенной литературы. И, надо сказать, сопротивлялись достаточно долго – до тех пор, пока в условиях новой политико-идеологической конъюнктуры не была ослаблена антигерманская пропаганда. В самый разгар Гражданской войны, на той территории, где шли бои Красной Армии с регулярными немецкими войсками, в редкие минуты передышки большой популярностью пользовались театральные постановки самодеятельных коллективов, полковых театров – одними из самых любимых были пьесы Шиллера «Коварство и любовь», «Разбойники», «Дон Карлос». Интересно отметить, что ни одна из пьес этого драматурга до начала войны не входила в «Списки драматических произведений, разрешенных к представлению на сценах народных театров». Об огромном интересе простых красноармейцев к одной из пьес Шиллера рассказывается в романе Константина Федина «Необыкновенное лето». Ре-

жиссер выбрал «Коварство и любовь» «как одно из самых в революцию популярных романтических представлений, где был заложен огонь, которому прежде побаивались давать выход»[65]. Спектакль играли в полковых казармах. «Большой зал, еще ни разу не протопленный, из конца в конец заняли нового призыва мобилизованные, в шинелях, полушубках, иные – караульной роты – даже с винтовками в руках»[66]. «Содержание пьесы с первого акта увлекает за собой весь зал тем более властно, чем непосредственнее зритель, – утверждает писатель. На подмостках справедливость преследовалась, и к ней рвалось через рампу неудержимое участие и сострадание зрителя… Потоки, реки, океаны слов, изливавшиеся со сцены, непохожие ни на одно из тех обыкновенных слов, которыми объясняется простой человек, в журчании своем магически несли доступную всем мысль»[67].

Особенно следует обратить внимание на то, что нередко классические тексты подвергались критическому переосмыслению. В романе А. Толстого «Хождение по мукам» описывается подготовка к постановке спектакля по пьесе Шиллера «Разбойники». Сразу же в тексте «были сделаны большие вымарки… все сошлись на том, что Карл зря, сгоряча, неправильно убил возлюбленную Амалию, ее надо было взять в шайку, перековать. В этом месте Шиллера придется поправить, иначе из-за такой мелочи хорошая пьеса не понравится красноармейцам, и могут быть даже вредные последствия среди бойцов. Амалию… решили не закалывать, а Карл ей говорит: “Иди домой, несчастная”, – заплакав горько, она уходит»[68]. Бойцы настолько заинтересовались постановкой, что комиссар прочел им лекцию о немецкой литературе времен «Бури и натиска», «где сравнивал бурных гениев – Шиллера, Гете, Клингера – с молодыми орлятами, разбуженными приближающимися зарницами Великой французской революции»[69]. Как видим, в данном случае проявилось и столь характерное для определенного круга интеллигенции беспардонное отношение к классическим текстам. Подобные случаи встречались не только в провинции: в те годы совершенно так же поступил с текстом Э. Т.А. Гофмана известный и до сих пор почитаемый режиссер московского Камерного театра, народный артист РСФСР Александр Я. Таиров, поставив пьесу «Принцесса Брамбилла» (1920 г.). «Самый текст пьесы, – напишут уже в середине семидесятых, – был создан внутри театра на основании сказки Гофмана, значительно *переработанной и приспособленной согласно намерениям театра* (выделено нами – *О.Л.*)»[70].

Естественно, все представители всех слоев населения продолжали читать немецкие сказки. Герои пьес Шиллера в любом исполнении, даже в самодеятельных спектаклях, вызывали горячую симпатию. Но читатели и, особенно читательницы, не отказались и от мелодрам и историко-приключенческих романов немецких авторов.

Вторая мировая война и библиотечная политика

В начале Второй мировой войны, в 1939–1940 гг., отношение к немцам, к немецкой литературе не претерпело существенных изменений. В 1939–1940-х гг. произведения немецких классиков издавались много и в хороших переводах. Издание полных собраний сочинений Гете и Гейне, Шиллера, которое началось в 1932–1935 гг., было прервано только в 1941 г. Так, первый том 12-томного собрания сочинений Гейне под общей редакцией Наума Я. Берковского вышел в издательстве «Academia» в

1938 г., третий – в 1939. Продолжали выходить в свет большими тиражами книги Лиона Фейхтвангера, Стефана Цвейга, Томаса и Генриха Маннов. После 1941 г. реже стали издаваться великолепные немецкие сказки, но для этого были объективные причины: ассигнования на социально-культурные нужды в первый год Великой Отечественной войны сократились на 38,1 миллиардов рублей.

И в 1939 и в 1941 гг. политика комплектования библиотечных фондов и работа с читателями напрямую зависели от идеологии. Руководители библиотечного дела обратились к библиотечной общественности с методическими рекомендациями, совпадающими почти дословно с тем, что предлагали их коллеги в 1914: «Среди ряда организаций и учреждений, ведущих под руководством ВКП(б) работу по разъяснению международной обстановки, библиотека может и должна занять значительное место… библиотекам совершенно необходимо учитывать важнейшие изменения в международной обстановке…». «Первое, на что должен обратить внимание библиотекарь, – это подбор литературы…»[71]. Так же, как в 1914 г., рекомендовалось информировать население о передвижении войск. 22 июня 1941 г. резко поменялся подход к освещению событий Второй мировой войны. С точки зрения руководителей библиотечного дела, весь многомиллионный фонд библиотек следовало использовать с одной целью – широкой агитационно-массовой работы и пропаганды знаний, необходимых населению в условиях войны против фашистской Германии.

23 июня 1941 г. Главлит дал указание перевести в общие фонды библиотек из спецхранов издания антифашистского характера (в том числе, Л. Бернар[72] «Фашистская Германия – очаг варварства и мракобесия», Яков Сегалл «Авантюристская политика и идеология германского фашизма» и др.). 26 июня вышло Обращение Наркомпроса РСФСР «Ко всем работникам просвещения РСФСР» о перестройке работы библиотек и других просветительных учреждений в соответствии с условиями военного времени.

18 июля Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) РСФСР по согласованию с Главным Политическим Управлением РККА и культотделом ВЦСПС дал распоряжение библиотекам системы Наркомпроса организовать обслуживание госпиталей. Сотрудники библиотек тотчас же откликнулись на этот призыв и до последнего часа войны работали в госпиталях. Наибольшее распространение получили передвижные библиотеки в лечебных армейских учреждениях. Так, одна лишь Омская областная библиотека развернула более 20 передвижек с книжным фондом свыше 12 тысяч томов[73]. Никаких претензий к содержанию отобранной литературы не возникало.

27 октября 1941 г. был издан приказ наркома просвещения РСФСР «О работе массовых библиотек в военное время», в котором библиотеки рассматривались как важнейшие политико-просветительные учреждения. Особое внимание уделялось оформлению их помещений: там следовало развернуть антифашистские и оборонные лозунги и плакаты. Все сельские и районные библиотеки были обязаны ежедневно вывешивать в витринах, расположенных на улице перед входом, свежие номера газет.

Массово-воспитательная работа библиотек должна была способствовать «формированию морально-психологического единства, развивать чувство патриотизма… сделать все возможное, чтобы даже у самых отсталых людей не оставалось никаких сомнений в нашей победе»[74].

Идеология пролетарского интернационализма дала серьезную трещину. Достаточно вспомнить известное стихотворение Константина Симонова «Убей его!», опубликованное 18 июля 1942 г. в газете «Красная звезда». Там были такие строки: «Если немца убил твой брат, если немца убил сосед, – это брат и сосед твой мстят, а тебе оправданья нет… Так убей же его хоть раз, так убей же немца скорей, сколько раз увидишь его, столько раз его и убей». На следующий же день его перепечатала газета «Комсомольская правда», затем «Спутник агитатора», «Краснофлотец» и многие другие.

В первые же недели после освобождения Ростова Областная библиотека организовала выставку, показывающую зверства немецких (не фашистских, а именно немецких) оккупантов на территории области. Там были представлены книги, газеты, фотографии, различные документы. Они рассказывали о сожженных городах и селах, замученных детях, стариках, женщинах. Выставка призывала к мщению. За три месяца ее посетили более 8 тысяч человек[75].

В годы войны роль методического центра взяла на себя Библиотека Центрального Дома Красной Армии. Регулярно издавались библиографические указатели литературы: в начале войны относительно нейтрального содержания – такие, например, как «Работа с оборонной литературой в массовых библиотеках» (1938), но во время боевых действий на территории СССР их тон становился все более агрессивным: «Любовь к Родине и ненависть к врагу» (1942); «Изучай врага» (1942); «Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечести» (1943) и т. д. Издательство «Молодая гвардия» разослало в библиотеки выдержки из приказов оккупационных войск и акты о зверствах «фашистских псов» под названием «Людоеды о себе» (1942). Библиотека Дома Военно-Морского Флота в морской крепости Кронштадт в 1942 г. издала библиографический список тщательно подобранной литературы о сложных отношениях между Россией и Германией, озаглавив его – «Немцы были биты».

В декабре 1942 г. был подписан к печати объемный указатель фактов, опубликованных в советских периодических изданиях, – «Зверства фашистских варваров». Очевидно, опасаясь, что не все номера газеты «Правда» – а тем более других СМИ – попадают в военное время в библиотеки, составители привели пространные выдержки из «чудовищных документов современных каннибалов»; в том числе Приказ командующего 6-й германской армией генерал-фельдмаршала фон Рейхенау «О поведении войск на Востоке» цитируется практически полностью.

Однако далеко не все поддались антинемецким настроениям. Даже составители указателя «Зверства фашистских варваров» сочли необходимым включить опубликованную 4 июня 1942 г. в газете «Правда» статью «Протест немецких военнопленных против зверств и насилий германских властей в оккупированных советских районах». Более того, творчество немецких поэтов и прозаиков было использовано в борьбе с фашизмом. В 1944 г. Гослитиздат выпустил тиражом 25.000 экз. сборник произведений Г. Гейне «О прусачестве»; а в 1942 г. в Ташкенте была издана 10-тысячным тиражом его поэма «Германия. (Зимняя сказка)»; в 1941 г. «Библиотека “Огонек”» выпустила небольшую книгу Александра Чаковского о жизни и творчестве Гейне под символическим названием «Кого фашисты сжигают»; а в 1943 А.З. Раскин в Ученых записках Марийского педагогического института опубликовал статью «Генрих Гейне – наш соратник в борьбе с фашизмом». Активно издавались, в том числе и на языках народов СССР, Ст. Цвейг, Фейхтвангер, Вилли Бредель,

Анна Зегерс, Бертольт Брехт и другие. В годы войны в театрах провинции шли пьесы немецких писателей – Лессинга, Шиллера, Брехта. Можно сказать, что немецкая литература в меньшей степени подвергалась остракизму, чем в годы Первой мировой войны.

* * *

Итак, немецкая литература в дореволюционное время присутствовала во всех провинциальных российских библиотеках, даже самых маленьких. Читатели знали и любили немецкую литературу; выходили в свет сочинения выдающихся классиков – и в собраниях сочинений, и отдельными книгами. Большой любовью у читателей пользовались немецкие баллады, легенды, сказки. Переведенные и адаптированные русскими поэтами, они стали настолько органичной частью культуры, что многие читатели, особенно из народа, не всегда осознавали, кому принадлежит авторство.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Термин принятый в XIX веке для книг писателей-демократов.

[2] *Некрасов Н.А.* Саша // Избранное. – М., 1975. С. 76.

[3] Под таким названием вышла в Санкт-Петербурге в 1880 г. книга одного из исследователей проблемы – В. Кардо-Сысоева.

[4] *Рубакин Н.А.* Среди книг. Опыт справочного пособия для самообразования и для систематизации и комплектования общеобразовательных библиотек, а также книжных магазинов. Изд. 2-е, доп. и перераб. – М., 1911.

[5] Там же. Т. 1. Ч. I. С. 102. К немецкой литературе он относил литературу собственно Германии, затем «немецких провинций Австрии» и немецкой Швейцарии.

[6] *Рубакин Н.А.* Среди книг (см. сн. 4). – СПб., 1906. С. 102.

[7] Под этим названием в справочном пособии упомянуто произведение французского драматурга Генри Бека «Вороны» (в оригинале «Les Corbeaux«); очевидно, Рубакин принимал автора за немца.

[8] Deutsche Dichter: Leben und Werk deutschsprachiger Autoren vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Hrsg. von Gunter E. Grimm, Frank Rainer Max. – Stuttgart, 1993.

[9] Ср. русские переводы Фауста. *Lew Kopelew:* Faust in Rußland. In: *Ders.*: Der Wind weht, wo er will. Gedanken über Dichter. Mit einem Nachwort von Werner Keller. – Hamburg, 1988. S. 47–90.

[10] *Рубакин Н.А.* Среди книг (см. сн. 4).

[11] Очевидно, имеется в виду Карл Клейн (1838–1898), автор произведения «Хроника Фрёшвейлера: картины войны и мира 1870 г.» (1876). В фондах Российской Национальной библиотеки Санкт-Петербурга находятся два экземпляра с названием «Под громом пушек» («Unter Kanonendonner»), с подзаголовком «Воспоминания из франко-прусской войны 1870 г.». Вероятно, в списке Рубакина упоминается перевод выше указанного произведения.

[12] Настоящее имя – Макс Симон Зюсфельд (1849–1923), один из основателей движения сионизма.

[13] Здесь отсутствует указание на оригинальный заголовок, так же, как и в случае некоторых других книг, названных в этой статье. В немецком издании этого тома они обозначены «*», так как приведены только дословные переводы русских заголовков.

[14] По всей вероятности, Рубакин находился под впечатлением от одноименного романа Федора К. Сологуба и спутал его с рассказом Томаса Манна «Маленький Герр Фридман». Рубакин ссылался на собрание сочинений Томаса Манна, изданное в России в 1910 г.

[15] Эта рубрика есть также в разделах «Произведения русской литературы», «Литература Польши и Литвы». В разделах «Литература скандинавских народов», «Произведения Англии и Северо-Американских соединенных штатов», «Литература Франции, Бельгии и Французской Швейцарии» ее нет.

[16] К творчеству Г. Самарова, Георга Ф. Борна и других Рубакин относился специфически – как к «литературной дряни». Он считал, что до тех пор, пока в библиотеках существуют наименее культурные, «заскорузлые читатели», необходимо держать такие книги, чтобы удовлетворять их «элементарные, неумелые, грубые, но все-таки собственные запросы». Такие «книги на разводку читателей» должны присутствовать в минимальном количестве, их нельзя включать в каталоги и, вообще, «предпринимать шагов к их распространению». Их следует хранить в специальном шкафу и выдавать лишь в крайних случаях и только тем, кто не согласен на замену. (*Рубакин Н.А.* Среди книг (см. сн. 4. С. 104–105).

[17] Там же. С. 103.

[18] Там же. Ч. 2. С. 102.

[19] *Рубакин Н.А.* Среди книг (см. сн. 4). С. 103.

[20] См., например, каталог Ефремовской общественной библиотеки за 1900 г., Рукописный каталог Мологской городской публичной библиотеки за 1902 г., Каталог Кромской Земской публичной библиотеки за 1901 г., Каталог Сычевской публичной библиотеки за 1897 г. и т. д. (Архив РАН. Ф. 158. Оп. 1. Д. 25).

[21] Городские и сельские библиотеки и читальни для народа, по сведениям «Петербургского комитета грамотности». – СПб., 1892. С. 10.

[22] Архив РАН. Ф. 158. Оп. 4. Д. 28. Ед. хр. 84.

[23] Ср. Лермонтовская энциклопедия, ред. В.А. Мануйлов. – М., 1981. С. 47. Прим. нем. переводчика.

[24] См., например, часто встречающееся в провинциальных библиотеках издание: Сочинения М.Ю. Лермонтова. Полное собрание в одном томе. Издано под ред. А. Скабичевского. – СПб., 1898. 906 с.

[25] Эти стихотворения, конечно, нельзя назвать переводами, некоторые комментаторы трактуют их как пародию на «творчество» переводчиков Г. Гейне.

[26] *Скирмунт С.* О детских книгах. Критико-библиографический указатель книг, вышедших до 1 янв. 1907 г., рекомендуемых для чтения детям в возрасте от 7 до 16 лет. Составлен кружком преподавателей и писателей под ред. А. Анненской, В. Герда… О. Флоровской… – М., 1908. С. 143.

[27] Систематический указатель книг для детей и юношества. Часть 1. Сказки. – Пг., 1915. С. 103.

[28] *Гауф В.* Сказки. С портр. и биографией автора. Пер. с полного немецкого издания. С рис. худож. Спасского. – М.: 1903. 469 с.; Там же. С. 211.

[29] Вольшебные сказки Музеуса, сокращенные для детей Ф. Гофманом с предисловием В. Крестовского (псевдоним) и 8 рисунков. – СПб., 1880.

[30] Каталог книг и периодических изданий Каменец-Подольской русской публичной библиотеки. – Каменец-Подольский, 1911.

[31] Дополнение к каталогу книг. Каменец-Подольский, 1914.

[32] Первое дополнение к основному каталогу 1908 г. Камышловской земской публичной библиотеки. – Пермь, 1911.

[33] Каталог книг Тамбовской уездной земской библиотеки. – Тамбов,1912.

[34] Отчет Аккерманской общественной библиотеки за 1901–1902 гг. – Аккерман, 1903.

[35]*Пошехонова А.* Из жизни одной бесплатной библиотеки // Библиотекарь. 1913. № 3. С. 178.

[36] *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. Факты, цифры и наблюдения. – СПб., 1895. С. 126.

[37] *Березников К.Н.* Воронежская публичная библиотека. 1864–1914. – Воронеж. 1914. С. 24–29.

[38] Архив РАН. Ф. 158. Оп. 4. Д. 28. Ед. хр.84.

[39] Творческий псевдоним французской писательницы Сибиль Габриэль де Мартель (1850–1932).

[40] Архив РАН. Ф. 158. Оп. 4. Д. 13. Ед. хр.193.

[41] Книжный вестник. [Журнал книжно-торговой, издательской и литературной деятельности в России.] 1898. – № 1–2. С. 560.

[42] Воспитание и обучение. Педагогический листок за 1886 год. № 1. С. 17.

[43] Там же.

[44] Каталог школьно-народной библиотеки. [Олонецкое губернское земство]. – Петрозоводск, 1911. 23 с.

[45] Книжный вестник… 1898. – № 1–2. С. 597.

[46] Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения. Составлен учительницами частной женской воскресной школы. Т. 2. – СПб., 1889. 976 с.

[47] См. сн. 29.

[48] Христина Даниловна Алчевская (1843–1915) в 1870 г. открыла в Харькове бесплатную школу, которая вскоре стала методическим центром для всей России. Именно ей принадлежит идея составить библиографическое пособие «Что читать народу», три тома вышли в свет в 1884–1906 гг. Эти сборники были популярны не только у современников, они содержат данные, представляющие интерес и сегодня.

[49] Там же. С. 409–417. Цитаты приводятся с сохранением оригинальной постановки знаков препинания.

[50] Сказки братьев Гримм. Народные сказки. – СПб.: Типография т-ва Народная польза, 1883

[51] Там же. С. 425–428.

[52] Что читать народу? – СПб., 1884. С. 320.

[53] Библиотекарь, 1914. Вып. III. С. 400–407.

[54] Там же. С. 401.

[55] Там же.

[56] Библиотекарь. 1915. Вып. 1. С. 96.

[57] Систематический указатель книг для детей и юношества. Ч. 1. Сказки. – СПб., 1915. С. 163.

[58] *Колтоновская Е.* Наша художественная литература // Библиотекарь. 1915. Вып. I. С. 25–26.

[59] Там же. С. 26.

[60] Задушевное слово: вариант для младшего возраста, дети 5–8 лет. 1914. № 45–47; Задушевное слово: вариант для старшего возраста, дети 9–12 лет. 1914. № 43–44; Путеводный огонек. 1914. № 16, 17, 19.

[61] *Покровский А.А.* О подборе книг для общедоступных библиотек // Библиотекарь. 1915. Вып. III–IV. С. 258.

[62] *Плотников А.* Отчет о деятельности Общества Библиотековедения за 1914 г. // Библиотекарь. 1915. Вып. 2. С. 213.

[63] Об участии российских научных учреждений в Лейпцигской выставке печатного дела и графики в 1914 г. см. в этом томе статью В. Есакова «Петербургская Академия наук и трансформация русско-немецких научных связей. 1914–1917 гг.».

[64] *Плотников А.* Международная Лейпцигская Выставка книжного дела и графических искусств // Библиотекарь. 1914. Вып. 4. С. 429.

[65] *Федин К.* Необыкновенное лето // Собр. соч. в 12 тт. Т. 6. – М., 1984.

[66] Там же. С. 513.

[67] Там же. С. 514.

[68] *Толстой А.Н.* Хмурое утро // Собр. соч. в 10 тт. Т. 6. – М., 1984. С. 166–168.

[69] Там же. С. 168.

[70] *Марков П.А.* О театре. Т. 1. Из истории русского и советского театра. – М., 1974. С. 294–295.

[71] *Литинский А.* Международная информация и пропаганда в работе библиотек // Красный библиотекарь. 1939. № 11–12. С. 62.

[72] Автор этого произведения был руководителем Центральной Ленинской партийной школы при Французской коммунистической партии.

[73] *Мазурицкий А.М.* Очерки истории библиотечного дела периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 1995. С. 90.

[74] Там же. С. 68,74.

[75] ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2946. Л. 62. Д. 3011. Л. 106.

Владимир Есаков

БОТАНИК НИКОЛАЙ ВАВИЛОВ и судьба его коллекций по генетике в годы Второй мировой войны

Даже немецкие ученые с недоверием отнеслись к утверждению Уты Дайхман в книге «Биологи при Гитлере», что Институт ботаники – часть организации «Наследие предков»[1] под руководством Гиммлера – якобы разграбил во время Второй мировой войны на оккупированных территориях СССР коллекции Вавилова[2] по генетике растений. Каких бы то ни было публикаций об этом в советских изданиях нет. Ленинградские биологи в свое время достаточно много писали, как в осажденном городе, вымиравшем от голода, была сохранена собранная Н.И. Вавиловым коллекция культурных растений земного шара[3]. Об ущербе, нанесенном ей во время войны, сводные материалы отсутствуют.

Первоначальная реакция на опубликованное утверждение была, конечно, умозрительной. Дайхман в своей книге имела основание писать о захвате целого ряда составных частей из собраний Вавилова по генетике. В оккупированном пригороде Ленинграда, прежде всего в г. Пушкине (ныне снова Царское Село), находились основные лаборатории генетики Всесоюзного института растениеводства (знаменитого ВИРа), которым руководил Вавилов. На Украине с коллекционным материалом работали в Полтаве, Белой Церкви и на других опытных станциях, а также в Одесском селекционно-генетическом институте, во главе которого стоял Трофим Д. Лысенко[4]. На Северном Кавказе в зоне оккупации находилась Майкопская опытная станция ВИРа. Согласно некоторым сведениям, коллекционный материал в 1940 г. был отправлен в присоединенные к СССР государства Прибалтики и почти полностью попал к немцам. Таким образом, в распоряжении германских оккупационных властей оказалась значительная часть собранной Н.И. Вавиловым коллекции как культурных, так и диких растений пяти континентов. К началу Второй мировой войны в распоряжении ученых были лишь две более или менее полные коллекции культурных растений разных стран мира, – в Министерстве земледелия в Вашингтоне (США) и Всесоюзном институте растениеводства в Ленинграде (СССР). Захват значительной части европейской территории Советского Союза позволил Германии превратить одно из крупнейших достижений ботанико-агрономической науки – созданный Н.И. Вавиловым мировой «генбанк» культурных растений – в военный трофей и использовать его в собственных целях.

О личных контактах советских и немецких биологов

Германские ученые были хорошо информированы о трудах Вавилова. Хронологические рамки активной творческой деятельности ученого четко укладываются в период от кануна Первой мировой войны до начала Второй мировой войны. Первая мировая

Н.И. Вавилов. Всесоюзный институт растениеводства, Ленинград, 1929 г.

прервала его заграничную командировку, в программу которой входило пребывание не только в Англии и Франции, но и в Германии; а отправлялся он туда с рекомендательными письмами к профессорам Паулю Ашерсону, Эрвину Бауру, И. Беренсу, Фридриху Кернике, Карлу Фрувирту, Адольфу Энглеру и др.[5]. Восстановление после мировой войны и революций 1917 гг. полномасштабных научных связей между российскими и германскими генетиками и селекционерами произошло в 1927 г. на V Международном конгрессе генетиков, проходившем в Берлине, где немецкая и советская делегации ученых были самыми многочисленными. В сентябре 1928 г. Эрвин Баур приглашал Н.И. Вавилова на торжественное открытие своего института в берлинском районе Далем[6]. Лишенный возможности прибыть на открытие, Вавилов сердечно поздравлял Баура и писал: «Работа Вашего Института представляет для нас особый интерес. В наше время по многим направлениям должны работать большие коллективы. Институт селекционных исследований им. кайзера Вильгельма выбрал для себя наилучшего штурмана»[7]. В январе 1929 г. Эрвин Баур и Рихард Гольдшмидт были гостями Вавилова во время первого Всесоюзного совещания по проблемам генетики, селекции и племенного животноводства. В том же году Вавилов был избран членом-корреспондентом «Леопольдины» – Академии Наук в Галле.

В 30-е годы Н.И. Вавилов не приглашал никого из деятелей сельскохозяйственной науки Германии в Советский Союз. Сам же он, более тяготевший к англо-американским направлениям развития биологической и агрономической науки, продолжал внимательно следить за исследовательской работой немецких ученых. Когда было получено приглашение на конгресс Международного общества селекционеров, проходивший в Берлине 10–17 июня 1931 г., Вавилов рекомендовал Комитету по заведыванию учеными и учебными заведениями (Ученому комитету) ЦИК СССР, в ведении которого находился ВИР, послать на этот конгресс двух своих близких сотрудников – селекционера и географа культурных растений, заместителя директора ВИРа В.Е. Писарева и заведующего отделом селекции и генетики ВИРа И.А. Сизова. Но Сизов, на которого была возложена организация поездки, проявил нерешительность в контактах с властными структурами для получения средств на ее осуществление. Когда стало известно, что поездка практически сорвалась, Н.И. Вавилов как президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина

Н.И. Вавилов (первый справа в нижнем ряду), Ю.А. Филипченко (второй справа) с гостями на праздновании 200-летия Академии наук в Ленинграде (в центре верхнего ряда – Оскар Фогт). Петергоф, 1925 г.

(ВАСХНИЛ), созданной в 1929 г., написал ее вице-президенту В.Я. Бурскому с просьбой об экстренном вмешательстве.

> Ученый комитет ЦИКа, – писал он 11 июня 1931 г., когда означенный конгресс уже открылся, – не разобрался, да и сам Сизов отчасти повинен в этом.
> Съезд исключительного интереса, международный, это не ежегодный конгресс, который повторяется, но действительно впервые за 10-летие совместное заседание Международного общества селекционеров и всех немецких селекционеров.
> Немцы лезут из кожи, чтобы показать все перед всем миром. Нас они исключительно хотят видеть. Каждый день я получаю телеграммы и письма <…>
> Надо аэропланом послать Сизова и Писарева. Опоздают они на 1 день или даже на 2 – это не беда. Политически даже не удобно нам не быть на таком съезде.
> <…> этот съезд действительно устроен таким образом, что можно в короткое время видеть всю Германию и все полезное, что делается там по селекции, и даже самых крупных мировых селекционеров.
> Просьба к Вам – прошибите пробку. Ученый комитет ЦИКа надо убедить. Помогите.
> Главное, чтобы завтра же или в крайнем случае послезавтра Сизов и Писарев летели. Их поездка нужна не только для них, прежде всего для Академии, для Наркомзема, для СССР[8].

Советские селекционеры не смогли выехать на этот конгресс. В отсутствии их в Берлине был и определенный просчет самого Вавилова как руководителя крупнейшего научного центра советской сельскохозяйственной науки. В 30-е годы в Советском Союзе он, пожалуй, лучше, чем кто-либо другой, понимал смысл и значение происходящих в мире событий в ботанико-агрономической науке. Веря в логику и практическую значимость обосновывавшихся им проектов, еще помня, как всю вторую половину 20-х годов ему с помощью управляющего делами Совета Народных Комиссаров СССР Николая П. Горбунова удавалось оперативно решать вопросы о своих заграничных поездках, и, зная, что за несколько дней до этого, 5 июня, срочно было принято решение о его поездке на конгресс по истории науки и техники в Лондон[9], Вавилов надеялся, что научная и государственная целесообразность

Н.И. Вавилов в Берлине, 1927 г.
Фотография для паспорта.

выдвинутого предложения поможет преодолеть бюрократические препоны. Он не до конца оценил значение произошедших в результате «великого перелома» изменений в стране. В новых условиях поездку в Берлин можно было решить только в одном случае – при ее одобрении Политбюро ЦК партии, т. е. Сталиным. В связи с этим необходимо отметить, что за все время пребывания в руководстве сельскохозяйственной науки в советской стране Н.И. Вавилов ни разу не обращался по многообразным вопросам ее организации и деятельности непосредственно к Сталину. Обнаруженный во время обыска в его москоской квартире текст письма Вавилова Сталину о несогласии с академиком Лысенко в научных вопросах селекции[10] вряд ли был отправлен адресату. Отсутствие обращений Вавилова к Сталину еще раз со всей очевидностью показывает правоту принципа, которому ученый следовал всю жизнь: «Я служу не правительству, а моей родине – РОССИИ»[11].

В начале 1932 г. Н.И. Вавилов внимательно следил за командировкой в Германию директора Майкопской опытной станции ВИР Н.В. Ковалева. Уже в ходе его поездки в партийно-правительственный кругах была поднята проблема озеленения Ленинграда к 15-й годовщине революции, а все садово-парковое хозяйство в пореволюционный период было практически разрушено. К выполнению этого решения были привлечены ВАСХНИЛ и ВИР. В связи с этим Вавилов писал Ковалеву в Берлин 29 января 1932 г.:

> Ленинград начал большую кампанию по озеленению; в частности, огромная нужда в семенах цветочных, которых у нас нехватает, а главное, нет новых ассортиментов. Если бу-

> дет у Вас возможность по средствам на новые культуры, поимейте большую нужду Ленинграда и приобретите особенно новые сорта однолетников:
> левкои, астры, гвоздики, душистого горошка, антирринума, петуньи, вербена гаилардия, бегонии, примулы, календула, целлозия, кларкия, диморфотека, годеция, флокса, резеды, виола, циния, цинерарии, пеларгониум, сальвия сплденденс, аспарагус, плумозус и аралия зебольди.
> Конечно, нужны Ленинграду семена в количествах огромных, устраивается большой Ленинград, и нужно буквально на сотни гектаров семян. Было бы существенно в пределах нашего заказа выделить хотя бы сотню марок на то, чтобы купить действительно новые ассортименты, которых сейчас нет[12].

Ковалев в значительной мере выполнил этой поручение Н.И. Вавилова[13], свидельствующее о том, что в 30-х годах развитие цветоводства в Советском Союзе шло и за счет семенного материала, полученного из Германии.

Нацеливая Ковалева на разрешение прикладных задач, Вавилов просил его поддерживать контакты с немецкими учеными:

> Забирайте больше из-за границы, высмотрите все, в особенности под стеклом; побывайте у Лейса или у Цейса <…> особенно обратитесь к Левенслебену, Бауру (Далем). Если будет время, приезжайте к Цаде в Лейпциг, кланяйтесь ему от меня, приятель; работает по кормовым[14].

Н.И. Вавилов, возвращаясь из поездки по странам Центральной и Южной Америки, 18 февраля 1933 г. выступил в Академии наук в Галле с докладом «Проблемы происхождения культурных растений»[15], не предполагая, что это будет его последнее выступление за рубежом.

Научные связи в условиях диктатуры

В развитии советско-германских научных связей с приходом к власти Гитлера, как известно, проявились новые тенденции, не способствовавшие их дальнейшему развитию. Но не только это привело к ослаблению личных контактов между русскими и немецкими учеными. На рубеже 20–30-х годов сталинское руководство, принимавшее меры для развития научных исследований в стране, оказалось перед фактом возраставшего «невозвращенчества» ученых, выезжавших в заграничные командировки. Особо остро эта проблема встала в связи с фактически насильственным переводом в 1934 г. Академии наук СССР из Ленинграда в Москву. Чтобы предотвратить процесс «невозвращенчества», в результате которого Советский Союз лишался выдающихся ученых, Политбюро ЦК ВКП(б) в мае 1934 г. резко ограничило возможности заграничных командировок. Принятым им постановлением от 7 мая 1934 г. всем наркоматам и другим центральным и местным организациям была запрещена посылка за границу «представителей или групп и делегаций без санкции комиссии ЦК»[16]. Комиссии предоставлялось право решать вопрос о заграничных командировках «не только с точки зрения политической благонадежности, но и с точки зрения деловой целесообразности»[17]. Вскоре возможности зарубежных поездок были ли-

шены многие академики – например, математик Николай Н. Лузин, «отец советской физики» Абрам Ф. Иоффе, – были прекращены выдающиеся экспедиции Вавилова и др. В сентябре 1934 г. Петру Л. Капице, приехавшему в отпуск и для участия в работе Международного съезда, посвященного 100-летию со дня рождения Дмитрия И. Менделеева, было запрещено вернуться в Англию для продолжения исследований в специально созданной для него лаборатории Лондонского Королевского Общества.

Постановление Политбюро ЦК о запрете на выезд за рубеж академика Н.И. Вавилова весьма показательно. С запросами на разрешение ему заграничной командировки в Турцию выступили Наркомат по иностранным делам СССР и Наркомат земледелия СССР. Приглашением Вавилова, поступившим от премьер-министра Турции Исмет-Паши, эти центральные ведомства решили воспользоваться в политических целях. В письме от 7 августа 1934 г. на имя Лазаря М. Кагановича, являвшегося в то время вторым после Сталина лицом в партии, заместитель наркома по иностранным делам Николай Крестинский и нарком земледелия Михаил Чернов, признавая командировку Вавилова полезной, писали: «В настоящее время сельскохозяйственные науки в Турции почти целиком монополизированы немецкими специалистами. Приезд в Турцию академика Вавилова, пользующегося у турок большим авторитетом, мог бы создать выгодный для нас перелом и открыть перспективы для приглашения советских ученых в сельскохозяйственные научные и учебные заведения Турции»[18]. Но Политбюро отклонило это ходатайство[19].

В 30-е годы антифашистская направленность официальной политики советского правительства, обострявшаяся войной в Испании, имела свои спады и подъемы. В один из периодов эскалации конфликта советским ученым было предложено разорвать отношения с германскими научными учреждениями и университетами. Н.И. Вавилов категорическим отклонил предложение о выходе из состава Германского генетического общества, членом которого он был с 1928 г. Несмотря на изменчивые политические условия, его переписка с немецкими коллегами не прекращалась[20].

К началу Второй мировой войны Вавилов, которому в ноябре 1939 г. исполнилось 52 года, оставался лидером биолого-агрономической науки в СССР. Он был директором ВИРа и Института генетики Академии наук СССР, вице-президентом ВАСХНИЛ, хотя руководство ею перешло к укреплявшему свое влияние при поддержке Сталина Т.Д. Лысенко. Вавилов – выдающийся деятель мировой науки, вклад которого в развитие генетики, селекции и агрономии признан мировом сообществом. В середине сентября 1939 г. в Лондоне и Эдинбурге проходил VII Международный генетический конгресс – тот самый мировой форум генетиков, который должен был состояться в СССР в 1937 г. Не получив подтверждения советского правительства о содействии в организации этого форума, Международный комитет генетического конгресса в феврале 1938 г. принял решение о проведении его в Англии. Оргкомитет «единогласно и при всеобщем одобрении» избрал Н.И. Вавилова президентом конгресса[21], но ему, как и всем советским генетикам, не было дано разрешение на участие. Открывая конгресс, его генеральный секретарь профессор Франсис А.Е. Крю сказал собравшимся из разных стран мира генетикам: «Вы пригласили меня играть роль, которую так украсил бы Вавилов. Вы надеваете его мантию на мои не желающие этого плечи. И если я буду выглядеть неуклюже, то вы не должны забывать: эта мантия сшита для более крупного человека»[22]. Необходимо отметить, что на этом конгрессе отсутствовали и немецкие генетики и селекционеры.

Даже в условиях уже разворачивавшейся Второй мировой войны Вавилов, считавший себя интернационалистом и в своей работе не отделявшийся от мировой науки, продолжал выступать за широкое развитие международных контактов. В начале сентября 1939 г. он писал заведующему Бюро овощных культур ВИРа Д.Д. Брежневу, чтобы тот принял меры по обеспечению «хорошим семенным материалам по овощным культурам для обмена с заграницей <…> В международных отношениях основное – это реципрокное (взаимное. – *В.Е.*) отношение. Что нам послали, то мы должны послать». Но осуществление этого общего принципа было чрезвычайно затруднено, ибо законодательство запрещало отправление за рубеж селекционного материала, особенно высокоценного. Поэтому Вавилов предлагал использовать для обмена коллекционный материал, собранный им и другими сотрудниками ВИРа во время экспедиций по странам мира и регионам СССР: «мы можем послать огромный материал по различным Среднеазиатским районам, экспедиционный материал, свой местный материал»[23].

Отбивая наскоки Лысенко и его сторонников на теорию Грегора Иоанна Менделя и показывая огромное значение мирового опыта в развитии генетики и селекции, Н.И. Вавилов на дискуссии в редакции партийного журнала «Под знаменем марксизма», состоявшейся 7–14 октября 1939 г., опирался и на работы немецких ученых. Особое внимание он уделил изданному в Германии – под редакцией Теодора Рёмера и Вильгельма Рудорфа – пятитомному руководству по селекции[24], которое подводило итоги западноевропейской теории и практики и широко использовало советский опыт. «Это основное иностранное руководство по селекции показывает наглядно, – говорил Вавилов, – как в своем общем разделе, так и применительно к отдельным культурам, какое значение имеет современная генетическая теория в селекции»[25]. Опубликованная по итогам этого совещания статья философа Митина была переведена на немецкий язык.

После завершения дискуссии Вавилов направил М.Б. Митину письмо, в котором «только по-товарищески, как члену Академии наук» писал: «Подведенный Вами итог конференции по генетическим вопросам, крупного события в нашей жизни, оставил горький осадок у нас, работающих в области генетики или знающих ее по обязанности». Вавилов решительно возражал против разделения этой области знания на реакционную и передовую науку и в качестве примера ссылался на то, что «величайший биолог наших дней И.П. Павлов <…> настолько ценил современную генетическую теорию, включая менделизм, что создал особый отдел генетики человека в своем институте в Колтушах и поставил около здания института памятник Менделю». А Корренс[26] – «крупный германский генетик-классик, не имеющий никакого отношения к евгенике, исключительно осторожный, вдумчивый исследователь» – писал, что «на основе современных генетических исследований по отдельным признакам можно предугадать, каково будет потомство, включительно до наследственных болезней у человека. Это бесспорный факт»[27].

Официозный философ Митин воспринял это, по существу, личное послание как «крайне характерный документ, чуть ли не настоящую политическую декларацию»[28] и приложил его к специальной записке о проведенном совещании, которая 31 октября 1939 г. была направлена руководству страны, – Сталину, Молотову, Маленкову, Жданову и Андрееву – и носила характер политического доноса. «Совещание показало, – говорилось в записке, – что среди советских генетиков есть направление передовое, прогрессивное, новаторское, возглавляемое ак. Лысенко, и есть

другое направление – консервативное, противодействующее новаторству в науке, возглавляемое акад. Н.И. Вавиловым. <…> Среди “формальных генетиков” имеет место раболепие перед иностранными авторитетами и некритическое заимствование у этих авторитетов всякого рода иногда очень подозрительных “новинок”. Особенно отличается этим сам Н.И. Вавилов»[29]. Материалы совещания в журнале «Под знаменем марксизма», пересланные Сталину и другим партийным лидерам, несомненно, подрывали положение Вавилова. Лысенко, к которому благоволило политическое руководство страны, как пишет Валерий Сойфер, не воздержался «от черных политических выводов – дал понять, что Вавилов проповедует фашизм. Сделал он это в следующих выражениях: “Н.И. Вавилов ссылался все время в своей речи на ученого Ремера, который написал свою книгу в Германии уже в годы фашизма. Я предубежден против теперешней науки в Германии, трактующей о постоянстве, о неизменности расы”»[30].

Очевидно, понимая нависшую над ним угрозу и следуя принципу: «Дела недоделанные – не дела»[31], Вавилов набрасывает «проспект работ на 1940–1941 гг.», в котором предполагает в течение этих двух лет подготовить 11 книг объемом в 233 печатных листа: «Борьба с болезнями растений путем внедрения устойчивых сортов», «Мировые ресурсы сортов зерновых культур и их использование в советской селекции», «Растениеводство Кавказа (его прошлое, настоящее и будущее)», а также большую книгу в трех томах «Очаги земледелия 5-ти континентов» о своих путешествиях по Азии, Европе, Африке, Северной и Южной Америке за 25 лет. В список включены 5 больших статей и среди них – «Центры генов культурных растений. Ответ проф. Шиман. На немецком языке, для журнала»[32]. Элизабет Шиман – немецкий генетик – работала в институте Эрвина Баура с момента его основания. Ее обобщающую работу о проблемах происхождения культурных растений, с точки зрения генетики, Н.И. Вавилов называл наряду с трудами видного советского ботаника, президента АН СССР Владимира Л. Комарова в докладе «Учение о происхождении культурных растений после Дарвина», с которым он выступил 28 ноября 1939 г. на Общем собрании АН СССР, посвященном 80-летию выхода в свет книги Ч. Дарвина «Происхождение видов»[33].

Ссылки на работы немецких ученых в отмеченных выше трудах Вавилова осенью 1939 г. были несомненным признанием их вклада в развитие мировой генетической теории и отражением той политической ситуации, которая сложилась в начальный период Второй мировой войны, после заключения советско-германского договора о ненападении.

Геополитические успехи сталинского руководства и присоединение западных территорий бывшей Российской Империи потребовали внимательной оценки экономических возможностей новых регионов при их интеграции с экономикой СССР. Приказом Народного комиссариата земледелия СССР от 13 мая 1940 г. обследование сельскохозяйственных культур западных областей Украины и Белоруссии возлагалось на Всесоюзный институт растениеводства. Для выполнения этого задания Н.И. Вавилов 22 июня 1940 г. подписал распоряжение по ВИРу об организации двух экспедиций: по западным областям Белоруссии во главе с Константином А. Фляксбергером, а обследование западных областей Украины возглавил он сам[34].

Эта поездка в Западную Украину оказалась последней экспедицией великого биолога и путешественника. 2 августа 1940 г. он писал сотруднику Института генетики АН СССР Т.К. Лепину (место отправления не указано):

Сегодня еду в Буковину. Половину З[ападной] Украины кончил. Много интересного. <…> Дня через 4–5 буду в Карпатах.
Философию Ц[ентральной] Европы начинаем постигать. Науки тут порядочно, до цитологии включительно. Ботаника 1-го класса.
Привет <…> всем борцам за генетику[35].

Это экспедиционное послание Н.И. Вавилова также оказалось последним. 6 августа 1940 г. он был арестован сотрудниками НКВД в городе Черновцы.

Арест и допросы

Арест такого всемирно известного ученого, как Николай Вавилов, мог произойти лишь в чрезвычайных обстоятельствах, во время войны. Вавилов был арестован в то время, когда Советский Союз находился в практически полной международной изоляции, когда были прерваны научные связи, а в мировой науке утверждался принцип секретности, когда были приняты чрезвычайные законы военного времени и отсутствовала достоверная информация о подлинных событиях в странах, вовлеченных в орбиту вооруженного противостояния. 10 августа 1940 г. Вавилов был отправлен спецконвоем в Москву, где в тот же день был подписан некий «меморандум», суммировавший его антисоветскую деятельность, которая якобы началась еще в 1924–1925 гг., и повторявший в основных положениях доносы от февраля и мая 1940 г.[36]. В «меморандуме» утверждалось и то, что «свою антисоветскую работу ВАВИЛОВ связывает с интересами капиталистических государств – Англии, Америки и Германии»[37]. В этом документе назывались лица из иностранных и белогвардейских кругов, с которыми Вавилов якобы поддерживал тесные неофициальные связи:

…профессор АУХАГЕН – руководитель «Германского общества сельских хозяев», б[ывший] сельскохозяйственный атташе германского посольства в Москве, широко поддерживавший ликвидированную к/р [контрреволюционную] организацию в сельском хозяйстве СССР и по представлению Советского правительства отозванный из СССР.
Семеноводческие фирмы «ВИЛЬМОРЕН» – в Париже и «РИБЕТКЕ и ГИЗЕКЕ» в Германии, ведущие активную борьбу против советского семеноводства. <…>
Известно, что ВАВИЛОВ имел неоднократные встречи с генеральным консулом Германии – ЦЕЙХЛИНЫМ, происходившие на частной квартире», которую «также посещал вице-консул Германии ПФЛЯЙДЕР»[38].

Вавилов был обвинен во вредительской деятельности, в связях с заграницей.

Необходимо отметить, что названный «меморандум» был внутриведомственным документом, оправдывавшим действия сотрудников карательных органов перед своим начальством. Он не касался научной и организаторской деятельности ученого и, видимо, не предъявлялся Вавилову для ознакомления, так как в последующих допросах не было реального обсуждения множества сформулированных в нем нелепых, сфальсифицированных обвинений, мимо которых он не мог бы пройти. Например, Вавилов обязательно стал бы оспаривать обвинение в связях с английским

генетиком Уильямом Бэтсоном или приведенное выше упоминание о проф. Аухагене[39], который действительно в середине 20-х годов работал экспертом по сельскохозяйственным вопросам в Германском посольстве в Москве. Упоминание об этом немецком ученом нам удалось обнаружить в письме одного из основоположников сельскохозяйственной географии Тиса Гинриха Энгельбрехта, который благодарил Вавилова за пересылку книги Ивана Ф. Макарова «Карта земледелия СССР», изданной в 1926 г. Энгельбрехт писал Вавилову 23 января 1928 г.: «Такие же карты, объединенные в одну общую карту европейской и азиатской части России, были представлены нам перед Рождеством в узком кругу профессором Аухагеном. Он прочитал нам захватывающий доклад о русском сельском хозяйстве; часто он подчеркивал то, с какой любезностью его принимали власти и ученые во время его научной работы»[40]. Данное свидетельство противоречит обвинению о причастности немецкого профессора к контрреволюционной деятельности в СССР, а подтверждений о его высылке из Советского Союза найти не удалось.

Но обвинения сформулированы, постановления об аресте и об избрании меры пресечения подписаны наркомом внутренних дел СССР Лаврентием П. Берией[41]. Вскоре после ареста Н.И. Вавилов пишет на его имя заявление о том, что «никогда не изменял своей родине и ни в помыслах, ни делом, непричастен к каким-либо формам шпионской работы в пользу других государств. Я никогда не занимался контрреволюционной деятельностью, посвятив себя всецело научной работе»[42]. Это обращение осталось без ответа.

Допросы Н.И. Вавилова начались 12 августа 1940 г. и продолжались, как он напишет тому же Берии, «11 месяцев (около 400 допросов в течение 1700 часов; следователь А.Г. Хват)»[43].

В середине ноября 1940 г. была проведена серия допросов, на которых выявлялись связи Вавилова с представителями иностранных государств. Отвечая на вопрос о приглашении в СССР иностранцев, он назвал 9 ученых и среди них Эрвина Баура и Рихарда Гольдшмидта. На вопрос о том, с кем он поддерживал связи во время заграничных командировок, Вавилов назвал 288 иностранных ученых и в их числе 22 деятеля немецкой науки, имена которых были занесены в протокол допроса:

БАУР Эрвин – директор государственного института селекции (гор. Мюншенберг).

РЕМЕР Теодор – профессор растениеводства и селекции в университете в Галле.

РУДОРФ – директор германского института селекции в Мюншенберге. Встречал его до 1932 г. в Аргентине. В то время он был профессором университета в гор. Ла-Плата.

ШИМАН Елизавета – ботаник ботанического института около Берлина.

ДИЛЬС – директор берлинского ботанического сада.

ЦАДЕ – профессор Иенского университета,

ФОГТ – директор института мозга.

ТИМОФЕЕВ-РЕСОВСКИЙ Николай Владимирович – зав. отделом генетики института мозга.

НАХСТГЕЙМ – зав. отделом генетики животных биологического института около Берлина.

АППЕЛЬ Отто – директор биологического института по защите растений в Берлине.

СНЕЛЛЬ – профессор-систематик биологического института по защите растений в Берлине.

ИОЛЛОС – генетик биологического института в Берлине.

ГОЛЬДШМИДТ Рихард – зав. лабораторией генетики биологического института около Берлина.

ХУССФЕЛЬД – пом. директора германского института селекции в Мюншенберге.
ШТУБЕ – пом. профессора БАУРА в германском институте селекции.
АБДЕРХАЛЬДЕН – президент германской академии в Галле, биохимик.
ШТЕРН – генетик биологического института в Берлине. В 1930 г. переехал с США.
ВИТТМАК – профессор прикладной ботаники в Берлине (умер).
КНИЛ – ботаник-физиолог Берлинского университета (умер).
МИТЧЕРЛИХ – директор агрохимической лаборатории в Кенигсберге.
ВИНКЛЕР Ганс – директор Гамбургского ботанического сада.
КЛЕБАН – директор фитопатологической лаборатории в Гамбурге[44].

Следует отметить, что в этом списке Вавилов отмечает положение названных ученых до февраля 1933 г., времени последнего посещения Германии. В этом легко убедиться, учитывая, например, что Баур умер в декабре 1933 г., Гольдшмидт в 1935 г. переехал в США, а Штуббе в 1936 г. перешел из Института селекции в Институт биологии; Вавилов об этих и других перемещениях не мог не знать.

Этот список наглядно свидетельствует о том, что Н.И. Вавилов находился в непосредственном контакте с руководством всех основных немецких исследовательских учреждений в области генетики и селекции, обменивался с ними планами работ, вышедшими трудами, семенным материалом и т. д., и сохранил тесные связи с ними к началу Второй мировой войны. Названные институты и лаборатории разрабатывали основополагающие направления науки, определяли направления научной политики, оказывали консультации государственным учреждениям Германии и влияли на их деятельность.

К моменту вторжения немецких войск на территорию СССР 22 июня 1941 г. Н.И. Вавилов находился на Лубянке, во Внутренней тюрьме НКВД. Стремительное наступление германской армии вглубь советской страны потребовало от карательных органов спешных решений по делам лиц, обвинявшихся во вредительской и шпионской деятельности. 29 июня следователь Хват вновь пересмотрел изъятые при обысках Вавилова материалы и подписал один из самых чудовищных актов в истории мировой науки – постановление:

Уничтожить, как не имеющие ценности:
1. Черновые материалы ВАВИЛОВА Н.И. по заграничным поездкам в Абиссинию, США, Англию, Японию и другие страны. Всего в 92 папках.
2. Записных книжек и блокнотов с различными записями – 90 штук[45].

Всего в этом преступном постановлении 26 пунктов, но приведенные два – важнейшие. В этих папках находились конкретные сведения и аналитические оценки растительных возможностей и богатств человечества, зафиксированные и осмысленные самым прозорливым из занимавшихся этими вопросами специалистом. А в записных книжках, представлявших собой, главным образом, путевые дневники, был запечатлен образ межвоенного мира глазами великого натуралиста. В них содержались ботанико-агрономические, полеводческие, этнографические, археологические и иные наблюдения, записи о встречах с множеством людей в тех странах (кроме названных), где Вавилов побывал в 1913–1933 гг.: во Франции, Германии, Иране, Голландии, Швеции, Дании, Афганистане, Испании, Италии, Греции, Корее, Западном Китае, Французском Сомали, Алжире, Тунисе, Марокко, Сирии, Палести-

не, Трансиордании, Эритрее, Мексике, Гватемале, Перу, Боливии, Эквадоре, Чили, Аргентине, Уругвае, Бразилии и на Кубе. В путевых дневниках были и сведения о поездках по многим регионам СССР в тот же период – особенно в последующие 7 лет. Даже в ходе следствия, когда Вавилов имел возможность получить бумагу и карандаш, он написал большую книгу «История развития мирового земледелия», которая была подключена к рукописям, изъятым при аресте. Уничтожение по распоряжению «старшего лейтенанта госбезопасности» многолетних трудов выдающегося ученого также свидетельствует о полном параличе власти в СССР в первые недели после начала самой кровопролитной войны.

На положении смертника

Карательные органы в условиях войны не только не ослабили, а, напротив, ужесточили свою деятельность. Они явно торопились. 6 июля 1941 г. был подписан протокол об окончании следствия, а через два дня, 9 июля 1941 г., военная коллегия Верховного суда СССР на закрытом судебном заседании рассмотрела дело Вавилова. В последнем слове он просил «дать возможность служить на пользу нашей страны»[46], но был приговорен к расстрелу.

Потрясенный ученый сразу же после оглашения приговора обратился в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о помиловании, в которой он писал:

> Посвятив 30 лет исследовательской работе в области растениеводства (отмеченных Ленинской премией и др.), я молю о предоставлении мне самой минимальной возможности завершить труд на пользу социалистического земледелия моей Родины.
> Как опытный педагог, клянусь отдать всего себя делу подготовки советских кадров. Мне 53 года[47].

Но это ходатайство о помиловании было 26 июля 1941 г. отклонено. Вавилов был переведен в камеру смертников Бутырской тюрьмы.

Отклонение просьбы о помиловании неизбежно ставило вопрос о приведении приговора в исполнение, что требовало согласования с лицом, подписавшим ордер на арест. Так судьба Вавилова вновь оказалась в руках Берии, который в дни, когда возникла некоторая передышка и наступающие немецкие войска были остановлены под Смоленском, решает сохранить этого дееспособного человека и сам возбуждает ходатайство об отмене приговора по делу Вавилова. Обнадеженный ученый пишет 8 августа 1941 г. на его имя заявление, в котором ходатайствует в условиях военного времени предоставить ему возможность

> …сосредоточить работу на задачах, наиболее актуальных для данного времени по моей специальности – растениеводству.
> 1) Я мог бы закончить в течение полугода составление «Практического руководства для выведения сортов культурных растений, устойчивых к главнейшим заболеваниям».
> 2) В течение 6–8 месяцев я мог бы закончить при напряженной работе составление «Практического руководства по селекции хлебных злаков применительно к условиям различных районов СССР»,

> Мне также близка область субтропического растениеводства, включая культуры оборонного значения, как тунговое дерево, хинное дерево и др., а также растения, богатые витаминами[48].

В начале октября Вавилов был переведен из Бутырской во Внутреннюю тюрьму НКВД, где 5 и 15 октября 1941 г. состоялись его беседы с представителем Берии об отношении к войне, фашизму и использовании его как научного работника, имеющего большой опыт. В результате этих бесед Вавилову было заявлено, что ему будет предоставлена «полная возможность научной работы как академика и что это будет выяснено окончательно в течение 2–3 дней»[49]. Участники беседы 15 октября не знали, что утром того же дня на собрании высших руководителей страны Сталин, изложив обстановку, сказал, что «фронт под Москвой может быть прорван», и предложил «срочно, сегодня же» эвакуировать правительство и важнейшие учреждения, иностранные посольства, подготовить город на случай вторжения противника в Москву[50]. В этих условиях и Вавилов через 3 часа после беседы был этапом отправлен в Саратов, в тюрьму № 1. Поскольку результаты бесед не были документально оформлены, он вновь был заключен в камеру смертников.

После победы под Москвой ни Берия, ни его представители не вспомнили о Вавилове. Одной из причин нового забвения могло быть то, что решением Секретариата ЦК ВКП(б) от 7 марта 1942 г. президент ВАСХНИЛ Лысенко был назначен главным агрономом Наркомзема СССР[51] – т. е. лидером советского растениеводства.

Положение Вавилова в саратовской тюрьме всецело зависело от центра, от Москвы. Лишь спустя полгода, 25 апреля 1942 г., ему позволили написать заявление на имя заместителя председателя СНК СССР Берии, в котором Вавилов просил его «лично уделить внимание моему делу, моей судьбе». Он писал:

> Тяжелые условия заключения смертника (отсутствие прогулки, ларька, передач, мыла, большую часть времени лишение чтения книг и т. д.), несмотря на большую выносливость, привели уже к заболеванию цингой <…>.
>
> Мне 54 года, имея большой опыт и знания, в особенности в области растениеводства, владея свободно главнейшими европейскими языками, я был бы счастлив отдать их полностью моей родине, умереть за полезной работой для моей страны. Будучи физически и морально достаточно крепким, я был бы рад в трудную годину для моей родины быть использованным для обороны страны по моей специальности, как растениевода в деле увеличения производства растительного продовольственного и технического сырья, о чем уже писал Вам из Бутырской тюрьмы.
>
> Прошу и умоляю Вас о смягчении моей участи, о выяснении моей дальнейшей судьбы, о предоставлении работы по моей специальности, хотя бы в скромнейшем виде (как научного работника, растениевода и педагога) и о разрешении общения в той или иной форме с моей семьей (жена, два сына – один комсомолец, вероятно на военной службе, и брат – академик-физик), о которых я не имею сведений более полутора лет[52].

Следует отметить, что жена Вавилова и его младший сын Юрий находились в это время в Саратове, не предполагая, что живут практически рядом с местом заключения мужа и отца.

Это заявление дошло до высокого начальства, в подготовленной для него справке отмечалось, что приговор от 9 июля 1941 г. «исполнением приостановлен. ВАВИ-

ЛОВ Н.И. зачислен за 4-м Управлением НКВД СССР тов. Судоплатовым». Берия с заявлением Вавилова не просто ознакомился, но и обсуждал его с руководством НКВД. На приложенной к заявлению справке есть резолюции: «Тов. Меркулов переговорите со мной. Берия. 31.V.42» и «Тов. Судоплатов доложите т. Берия. Переговорите со мной. М[еркулов]»[53]. В результате этих переговоров заместитель наркома внутренних дел СССР Всеволод Н. Меркулов обратился к председателю военной коллегии Верховного Суда СССР Василию В. Ульриху с ходатайством о замене высшей меры наказания заключением в исправительно-трудовой лагерь НКВД сроком на 20 лет, и данное ходатайство было удовлетворено. Вавилов был ознакомлен с ним 4 июля 1942 г.[54].

Не мольбы ученого, не сострадание к его бедственному положению, не стремление использовать выдающегося специалиста привели к решению о смягчении участи Н.И. Вавилова. Его заявление на имя Берии совпало (или было предопределено) с решением Лондонского Королевского Общества от 23 апреля 1942 г. об избрании Вавилова своим иностранным членом[55]. О нем вспомнили в связи с высокой оценкой его вклада в науку со стороны высшего научного учреждения Англии – союзницы СССР по антигитлеровской коалиции.

Приговор заменен, но мало что изменилось в положении Вавилова. Ни одна из его просьб по существу не выполнена. Не получил он и скромнейшего места научного работника. Он остался в саратовской тюрьме. Состояние его здоровья резко ухудшалось, а единственным эффективным лекарством для этого жизнедеятельного человека могла быть только любимая работа. Казалось бы, в соответствии с новым решением суда его можно было перевести в Карагандинский лагерь (Карлаг), в структуре которого существовал значительный исследовательский агрономический отдел. Но никто не рискнул бы, даже Берия, осуществить этот перевод и допустить к работам в области растениеводства столь известного человека, без санкции официального главного растениевода страны – Лысенко, которого поддерживал Сталин. Оформление такого перевода даже в мирное время потребовало бы длительного срока, а в условиях войны, события развивались молниеносно. 17 июля 1942 г. началось наступление немецких войск на Сталинград. Саратов оказался в непосредственной близости от этого гигантского сражения, связь с городом резко ухудшилась. Изможденный от голода и болезней Вавилов не дожил до исхода Сталинградской битвы. Он умер в Саратовской тюрьме 23 января 1943 г.

Блистательная научная и организационная деятельность ученого и его трагическая судьба стали яркой и волнующей страницей истории XX века. Несомненно, собранный Вавиловым «генбанк» культурных растений и их диких сородичей был выдающимся достижением мировой науки, и судьба этих коллекций представляет интерес не только для ботаников и генетиков, но для историков, особенно для историков науки и агрикультуры. Особенность всей экспедиционной и собирательской работы Вавилова состояла в том, что он постоянно стремился собрать такое количество привлекших его внимание образцов культурных растений, чтобы они сразу были запущены в экспериментальную проверку на общих и специализированных опытных станциях и в сельскохозяйственных научно-исследовательских институтах, количество которых по всей стране неуклонно росло. Особую известность приобрели его «географические посевы», с помощью которых определялась возможность использования мировых ресурсов для различных регионов СССР. Исходя из этого, можно обоснованно утверждать, что основной материал, с которым велась исследо-

вательская работа в научно-опытных учреждениях на всей территории Советского Союза, – в том числе в западных регионах – был составной частью растениеводческих коллекций, собранных или самим Н.И. Вавиловым, или при его непосредственном содействии.

Агрономические исследования на оккупированной территории

Политическое руководство Германии, развязавшее войну в захватнических целях для увеличения своего экономического и сырьевого потенциала, проявляло интерес к достижениям советской науки, к вопросам биологии и растениеводства. В издании «Застольных разговоров Гитлера» есть упоминание о том, что, получив сведения об обнаруженных на территории Украины плантациях каучуконосных растений, он вечером 2 августа 1941 г. заявил: «очень важно владеть 400.000 гектарами каучуковых плантаций для удовлетворения наших потребностей»[56]. В другой раз – 9 мая 1942 г. – «за ужином зашел разговор о разведении хлопка на Кавказе. Шеф заметил в этой связи, что при составлении наших планов первостепенное значение нужно придавать не разведению хлопка, а выращиванию на Украине крапивы, ибо из нее получается пряжа гораздо более высокого качества, чем из хлопка. Кавказ играет в наших разработках особую роль уже потому, что он будет снабжать нас нефтью»[57]. Исследования хлопчатника и каучуконосных растений относились к важнейшим направлениям деятельности Вавилова. Неоднократно выдвигавшиеся предложения об использовании крапивы для заготовки пряжи себя не оправдали.

В 1987 г., когда отмечалось столетие со дня рождения Н.И. Вавилова, одна из международных конференций, посвященных этому юбилею, проходила в Гатерслебене. Мне посчастливилось принять в ней участие, а сделанный там доклад о научных связях Вавилова с немецкими генетиками и селекционерами был опубликован[58]. Вместе с сыном ученого Юрием Н. Вавиловым мы в беседах поднимали вопрос об обмене семенами между немецкими учеными и вавиловским Институтом растениеводства. Участники конференции отрицали, что какие-либо части коллекций Вавилова могли быть захвачены немецкими войсками на оккупированных территориях СССР, хотя выяснилось, что существующий в Гатерслебене Институт по изучению культурных растений был создан во время войны.

Ставшие в самое последнее время доступными для историков архивные материалы Советской военной администрации в Германии (СВАГ) позволяют составить более реальное представление о том, какое внимание немецкие оккупационные власти уделяли во время войны деятельности научных учреждений по вопросам селекции и генетики на территории Украины, тем коллекционным материалам, с которыми работали советские селекционеры и какой была их судьба после изгнания немцев с советской территории.

Особый интерес представляет предварительный отчет о разработке архива Немецкого сельскохозяйственного научно-исследовательского центра восточных областей. Этот архив, состоявший из 20 папок, был обнаружен в декабре 1946 г. на чердаке психиатрической лечебницы в Кведлинбурге (Саксония-Анхальт). Ознакомился с его материалами заместитель начальника Управления сельского хозяйства и лесоводства СВАГа А. Корольков, который перевез архив в Берлин и составил в мае 1947 г. первый вариант предварительного отчета о его обработке[59].

Своеобразие времени, в которое был обнаружен архив и проводилось предварительное изучение его материалов, состояло в том, что органы советской военной администрации были озабочены вопросами репараций и реституций, выявлением лиц, оказавшихся на территории противника, поиском среди них предателей и изменников. К сожалению, они неизмеримо меньше внимания уделяли объективному освещению деятельности различных германских организаций на оккупированной территории СССР. Более того, изучение обнаруженного архива оказалось дополнительной нагрузкой для работников сельскохозяйственного управления СВАГ. Выделенная в помощь А. Королькову переводчица Гиляревская через 10–12 дней после систематической работы, была отозвана, а завершенный им предварительный отчет так и не был никуда отправлен.

Лишь после того, как 7 августа 1947 г. был издан приказ «О выявлении имущества, насильственно вывезенного или похищенного немцами из бывшей в оккупации части территории СССР»[60], органы СВАГ начали принимать меры по розыску архивных материалов немецких организаций и фирм, которые занимались вывозом имущества из Советского Союза. В результате, как сообщается в обзоре «История Управления репараций и поставок СВАГ», были обнаружены материалы пяти немецких фирм и архив Сельскохозяйственного научного центра Украины Министерства сельского хозяйства Германии[61]. Согласно новому приказу от 7 августа 1947 г., майский вариант предварительного отчета был несколько расширен за счет раздела о работе у немцев советских научных работников, также подписан Корольковым[62] и 18 сентября 1947 г. разослан в соответствующие организации, к чему мы еще вернемся.

В предварительном отчете, который констатировал наличие в обнаруженном архиве ценных материалов, главное внимание было уделено следующим вопросам:

1. Какие с[ельско]х[озяйственные] ценности были вывезены немцами с оккупированных территорий СССР и куда они направлены.
2. Кто из немецких ученых принимал участие в ограблении научно-исследовательских учреждений СССР и степень их участия в этом деле.
3. Кто из советских и бывших советских ученых сотрудничал с немцами, помогая им грабить с/х научно-исследовательские институты СССР и степень их участия в этом деле.
4. Какова была структура и масштаб деятельности немецкого с/х научно-исследовательского центра и какие применялись ими методы в «изучении» с. х. оккупированных территорий[63].

Последний вопрос менее всего освещен в отчете. Даже его составитель, ознакомившийся с конкретными материалами, не смог допустить, что противник, который в течение почти трех лет лишь разбойничал, по представлениям всех советских людей, на захваченной территории, мог вести какую-либо полезную исследовательскую работу. Не случайно слово «изучение» (применительно к сельскому хозяйству оккупированной территории) взято в кавычки.

К сожалению, отчет не содержит сведений о том, когда именно и как было оформлено создание Немецкого сельскохозяйственного научно-исследовательского центра восточных областей, но отмечает, что он подчинялся имперскому министру Востока, а не находился в ведении Министерства сельского хозяйства Германии, как упоминалось в обзоре управления СВАГ.

Можно предположить, что стремительное наступление немецких войск в первые месяцы после нападения на СССР позволило захватить практически весь экспериментальный материал, находившийся в распоряжении селекционно-генетических институтов и опытных станций на всей оккупированной территории. Оккупационные власти приложили немало усилий для того, чтобы продолжить научную работу в большинстве исследовательских учреждений, а, учитывая сезонный характер сельскохозяйственных исследований, их следовало организовать не позже начала августа, чтобы воспользоваться трудами, начатыми еще в условиях мирного времени, собрать урожай, подвести итоги и заложить основы дальнейшей деятельности.

Сохранившие в условиях оккупации свою структуру научно-исследовательские институты и опытные станции, по-прежнему дееспособные, лишь организационно входили в состав Сельскохозяйственного научно-исследовательского центра восточных областей, а вся научная работа велась в трех его главных филиалах:

1. Южный филиал охватывал всю территорию Украины и состоял из двух рабочих групп: а) на территории южной Украины с центром в Херсоне в составе 9 исследовательских институтов, и б) на территории северной Украины с центром в Киеве в составе 14 научно-исследовательских институтов. В южном филиале работало 47 немцев и 1900 украинцев и русских, которых, как свидетельствует отчет, называли «туземцами»[64].

2. В белорусском филиале также было две рабочих группы: одна в Горках, вторая – в Минске.

3. Северный филиал находился в Риге.

Отчет не указывает, сколько научных учреждений входило в состав Белорусского и Северного филиалов, сколько в них трудилось работников, а также где могли располагаться иные филиалы центра. Приводятся лишь сведения, что в первый период оккупации в научных учреждениях исследовательского центра восточных областей работало не менее 3000 бывших советских научных работников, сельскохозяйственных специалистов и вспомогательного персонала[65].

Таким образом, агрономические опыты в научных учреждениях центра проводились, прежде всего, силами советских научных работников, большая часть которых, как утверждается в отчете, была насильственно привлечена к продолжению исследований, но были и те, кто служил новой власти «и верой и правдой». В архиве обнаружена переписка о приглашении на работу специалистов для изучения и использования мировой коллекции пшеницы – предмета особого внимания и гордости Вавилова – из Одессы и г. Пушкин.

Научно-исследовательский центр восточных областей тесно сотрудничал со следующими правительственными учреждениями гитлеровской Германии:

1. Верховным командованием вооруженных сил
2. Хозяйственным штабом Востока
3. Имперским министерством оккупированных восточных областей
4. Имперским министерством продовольствия и сельского хозяйства
5. Имперским земельным сословием (Reichsnährstand)
6. Ставкой Розенберга
7. Информбюро Востока
8. Ведомством Геринга по осуществлению 4-летнего плана.

Ведомство Гиммлера, о котором пишет Уте Дайхман, в отчете Королькова не упоминается.

Указанные ведомства давали центру задания и принимали участие в утверждении плана исследовательских работ, так что научные учреждения Сельскохозяйственного научно-исследовательского центра восточных областей изучали весьма разнообразную тематику. В отчет были включены «некоторые наиболее характерные темы» по основным направлениям сельскохозяйственной науки.

По вопросам экономики и организации хозяйства исследовались: целесообразные размеры групп дворов и севооборотов как основы новой организации сельского хозяйства на Востоке; производственно-экономическое значение севооборота в восточном пространстве, с *особым учетом мелких хозяйств*; естественная кормовая база в засушливых и степных районах Востока и сокращение до минимума поголовья скота в целях правильного использования земли; необходимость обработки почвы для выращивания важнейших культурных растений Востока; производственные пределы европейских с/х предприятий с учетом существующих производственных и трудовых ресурсов; перспективы снабжения Европы кожевенным сырьем; использование камыша для военной экономики; использование животных и растений восточно-европейских морей и внутренних вод.

По вопросам полеводства проводились различные исследования: каучуконосов и, в первую очередь, кок-сагыза, сортов хлопка в юго-восточной Европе, «сухого» риса, возможностей прививки дынь к тыквам для получения спелых дынь. Также научные учреждения в оккупированных областях исследовали: явление гетерозиса[66], родственное разведение и прививку томатов, табака и перца; русские методы проведения опытов в поле, потребление и сохранение влаги в южных степных и засушливых районах Востока. Была сделана попытка оценить с экономической и хозяйственной точек зрения роль привезенных яровых масличных культур для военной экономики, изучить почвы юго-востока скоростным химическим методом, а также рассчитать возможности повышения урожайности с/х культур на востоке при помощи бактериальных удобрений и составить карты степных почвенных вод.

В области плодоводства исследователей особенно интересовали такие темы, как освоение благородных подвоев и черенков, поступивших из России в Германию; происхождение и значение дикорастущих и культурных сортов плодовых и ягодных деревьев и кустарников на Востоке и их использование для Центральной и Западной Европы.

По вопросам животноводства центры использовали опыт русских ученых в исследовании целого ряда проблем: получение и использованию овечьего молока для питания людей; способность к сельскохозяйственной работе пород крупного рогатого скота Украины; повышение питательности соломы; скрещивание деревенских овец с мясными мериносовыми овцами с учетом их выносливости и способности к акклиматизации; исследование роста и плодовитости «кониксов» в целях получения военных вьючных животных; простейший метод консервирования яиц (эта тема разрабатывалась по заказу Верховного командования); расчет минимального поголовья скота, необходимого для правильного землепользования; жизнеспособность украинских и кавказских пчел в условиях Германии.

Разрабатывались способы борьбы с вредителями растений и животных, методы активизации рыбного и механизации сельского хозяйства. Так, немецких чиновников особенно интересовало влияние местных условий на рост речных моллюсков и утолщение их панциря как сырья для перламутровой промышленности Европы.

Мы специально остановились немного подробнее на тематике, разрабатывавшейся научными учреждениями Немецкого сельскохозяйственного научно-исследовательского центра восточных областей, прежде всего, чтобы впервые показать, насколько разносторонней была деятельность этого своеобразного и беспрецедентного научного объединения. Эта разносторонность была возможна только при достаточно массовом участии подготовленных специалистов, которые, сотрудничая с оккупантами, не только продолжали работать по избранной ими специальности в изменившихся условиях, но и, тем самым, выражали свое отношение к политике в отношении научно-агрономических кадров, которая проводилась накануне войны в советской стране. Русские и украинцы получали за свою работу на 20 % меньше, чем фольксдойчи, и в несколько раз меньше трудившихся в центре немцев.

Хотя вряд ли возможно в рамках данной статьи оценить и подытожить результаты деятельности научных учреждений центра восточных областей, следует отметить, что практичные немцы в экстремальных условиях войны, преследуя явно экспансионистские цели, в течение трех лет вели интенсивную работу по обобщению российского опыта сельскохозяйственных исследований и интеграции его применительно к нуждам западноевропейского производства.

Коллекционные материалы посылались и в действующие немецкие исследовательские учреждения. Так, в сентябре 1943 г. Эрвин-Баур Институт получил образцы селекционных материалов – 5 видов злаков, 3 вида зерновых бобовых, 3 вида нормальных бобовых, 5 видов масличных культур, более 6 видов овощей, 3 вида целебных растений, разнообразные сорта яблонь, семена дикорастущих специй, побеги для саженцев и т. п.

При рассмотрении тематики исследований, проводившихся в центре восточных областей, следует иметь в виду, что методологической основой многих из них стали труды Н.И. Вавилова. Отметим лишь созданное им первое порайонное описание возделываемых культурных растений «Полевые культуры Юго-Востока», ставшие классическими труды по иммунитету растений и борьбе с вредителями, по бахчевым культурам, по теоретическим основам селекции и т. д. Изучение русского опыта проведения опытов в поле в значительной мере повторяло знаменитые «географические посевы», проводившиеся под руководством Вавилова в начале 20-х и в середине 30-х годов. Он был и членом Правительственной комиссии по организации исследований каучуконосных растений, и фактически научным руководителем этой программы. В середине 30-х годов в сотрудничестве с гостившим у него известным американским хлопководом Сиднеем Харландом Н.И. Вавилов изучал возможности хлопководства в южных районах СССР.

Сельскохозяйственный научно-исследовательский центр восточных областей занимался и деятельностью иного рода – разрабатывал ряд тем для пропагандистских целей по заданиям верховного командования германской армии, ставки Розенберга и информбюро «Восток». Такими темами являлись:

1. Влияние диалектического материализма на исследование сельского хозяйства России.

2. Использование русской литературы и сельскохозяйственной статистики для пропагандистских целей.

3. Изучение аграрной политики России в целях пропаганды.

Естественно, в Германии знали о дискуссиях, проходивших в СССР по вопросам генетики и селекции в 30-е годы, о трудах Лысенко и поддержке его Сталиным. Поэтому германское руководство усиленно интересовалось теорией академика Лысен-

ко. В архиве были обнаружены многочисленные переводы на немецкий язык его трудов, а также статей Исаака И. Презента из журнала «Яровизация» и т. п. Обнаружены специальные протоколы совещаний, на которых «ученые немцы» обсуждали «основные законы новой генетики Лысенко». «Экспериментальная проверка и критическая оценка теории Лысенко» были важным направлением деятельности институтов растениеводства и селекции на оккупированной территории в 1943–1944 гг. Часть обнаруженных в архиве материалов была переслана самому Лысенко в сентябре 1947 г.

Вывоз сельскохозяйственных ценностей

После перелома в войне эвакуация научных учреждений в Германию началась в марте 1944 г. Имперскому комиссару Украины было направлено распоряжение вывезти все сельскохозяйственные институты из области имперского комиссара «вплоть до их возвращения на Украину». Образцы вывозились также из Крыма (Никитский ботанический сад) и Белоруссии. Всего в Германию было отправлено 70 вагонов сельскохозяйственных ценностей, не считая племенных стад и конезаводов. Долгое время считалось, что эта цифра преуменьшена.

В обзоре, составленном центром после эвакуации из СССР, перечислялись следующие сельскохозяйственные ценности, вывезенные на территорию Германии:

1. Гербарии России – 300.000 отдельных листов.
2. Коллекция полезных и вредных птиц южной России – 3.000 экз.
3. Коллекция полезных и вредных млекопитающих – 15.000 экз.
4. Коллекция полезных и вредных насекомых России – 20.000 экз.
5. Коллекция бабочек – 1.000.000 экз.
6. Уникальные мировые коллекции сортов сельскохозяйственных культур, включая плодовые, ягодные и виноградные – 18.000 номеров.
7. Уникальная коллекция селекционных материалов (элита и штаммы) всех культурных растений России – 75.000 номеров.
8. Улья кавказских и украинских пчел – 72 штуки.
9. Селекционные стада «немецкого красного рогатого скота».
10. Селекционные стада бурого горного скота (швицкая порода).
11. Карты почвенные, климатические, геологические, геоботанические, мелиоративные, по обработке почвы и с/х статистике – 8.000 экз.
12. Научная с/х библиотека – 60.000 томов[67].

Кроме того был вывезен вагон с «образцами проб», рукописями, семенами скороспелых сортов табака и желтой махорки и с материалами Волынского государственного конного завода в Млынове.

Общее руководство вывозом осуществлял верховный советник, руководитель сельскохозяйственного научного центра Украины профессор Отто Зоммер. Непосредственная упаковка коллекций проходила под руководством бывшего научного сотрудника Эрвин-Баур Института в Мюнхеберге Гертруды Вайнман. Активную помощь им оказывали руководитель южно-украинского филиала центра доктор Эдуард фон Богуславский (1905–1999), бывший сотрудник Института табаководства Игорь Болсунов, сотрудники Одесского селекционно-генетического института профессор Вячеслав Ф. Савицкий и его жена доцент Елена И. Харичко-Савицкая и др.

Семья Савицких была хорошо известна Вавилову. Более того, его знакомству с ними был в значительной степени посвящен один из допросов (13 февраля 1941 г.). Вавилов, отвечая на вопросы следователя Хвата, говорил, что познакомился с Вячеславом Фабиановичем Савицким примерно в 1933 г., когда вместе с американским хлопководом Харландом был в Киеве в Институте сахарной свеклы, где Савицкий работал заведующим отделом генетики. Еще раньше знал его жену – Елену Ивановну Харичко-Савицкую по ее работе «Анатомия земнобобовых», считал ее хорошим специалистом в области селекции сахарной свеклы. В 1940 г. на ее защите докторской диссертации в Ленинграде дал положительный отзыв о ее работах. В этот же период Савицкие бывали у него в гостях. Когда Вавилов на вопрос о переписке с Савицким ответил отрицательно, Хват напомнил ему о письме 1939 г., посвященном возможному, но не состоявшемуся, приезду в Киев английского профессора Хантера. На вопрос о политических взглядах Савицкого, Вавилов ответил, что ничего компрометирующего его он не знает[68]. Очевидно, что Савицкие были под надзором еще до войны. В отчете упоминаются две написанные на немецком языке работы Савицкого по исследованию наследственной передачи содержания сахара в сахарной свекле и работа Харичко-Савицкой о самоопылении сахарной свеклы.

В августе 1944 г. эвакуированный центр был реорганизован, оставаясь в подчинении имперского комиссара Востока. 4 основных филиала находились:

1. в Хальбтурне (Нижняя Австрия), руководитель – профессор, доктор фон Богуславский; отделы земледелия, растениеводства, плодоводства, овощеводства, виноградорства;

2. в Бенштене (Польша), руководитель – фюрер СС, профессор, доктор О. Зоммер; отделы животноводства, кормов, молочного почвоведения, питания растений. Филиал имел два отделения – рыбоводства в Бромберге и с/х машиностроения в Познани. В этом филиале хранились первое время вывезенные из СССР уникальные коллекции, гербарии, библиотеки и картографический материал;

3. в Цольдане (Восточная Пруссия), руководитель – доктор Клаус фон Розенштиль[69]; отделы растениеводства и разведения растений, плодоводства и овощеводства;

4. местонахождение четвертого филиала установить не удалось, но известно, что им руководил профессор доктор Изенбек[70]; отделы растениеводства и разведения растений, с/х ботаники, болезней растений, борьбы с вредителями с/х растений и животных.

Пункты эвакуации находились также в Адмонте, Цихенау (Восточная Пруссия), Пулаве (около Люблина), Прандорфе, Оперове, Нойдорфе, Цереби, Познани и др. Особое внимание было уделено вывезенным из СССР каучуконосным растениям. Они были переданы СС и вывезены в лагерь Ошвиц (Верхняя Селезия). Работой с ними руководил Кудрявцев – белоэмигрант, до 1933 г. живший во Франции, а затем переехавший в Германию[71].

В связи с эвакуацией был проведен тщательный отбор сотрудников по принципам способности и политической благонадежности. В августе 1944 г. в переехавшем в Германию центре работало более 400 бывших советских граждан. Среди них 40 сотрудников немецкого происхождения (Volksdeutsche), 200 научных работников и лаборантов, 165 сельскохозяйственных специалистов, которые «сохранили сортовой и селекционный материалы» и «в будущем будут нужны для окончания сельскохозяйственных работ». Был составлен подробный список из 410 человек с указанием занимаемых должностей, членов семей, месячным содержанием в марках. 38 сотруд-

ников занимали особо привилегированное положение, были «исключены из положения о восточных рабочих», и им выданы заграничные паспорта.

По мере продвижения советских войск по территории Германии сельскохозяйственные ценности перевозились в Хальбтурн на Дунае (Австрия) и в Институт альпийского сельского хозяйства (замок Штайнах), которые затем оказались в американской зоне.

Хотя Управление сельского хозяйства и лесоводства СВАГ в итоговой части отчета сформулировало некоторые выводы, дело ограничилось только организацией поездки в Мюнхеберг и предложением об аресте упомянутых в тексте лиц.

В сентябре 1947 г. работа над обнаруженным архивом Немецкого сельскохозяйственного научно-исследовательского центра восточных областей была прекращена, а составлявшие его материалы были рассредоточены по разным организациям. Отчет о разработке архива и 13 папок с материалами по сельскому хозяйству Украины были пересланы председателю Совета Министров Украинской ССР Никите С. Хрущеву[72]. Отчет и четыре папки с материалами, подтверждавшими факт вывоза из СССР награбленных ценностей, а также включавшими в себя описи селекционного и семенного материала и вывезенной сельскохозяйственной литературы, были направлены начальнику Управления репараций СВАГ[73]. Списки немецких сельскохозяйственных научно-исследовательских организаций и подлинные списки работавших в них бывших советских граждан переданы в Отдел МГБ при СВАГ[74]; и одна папка, как уже упоминалось, была отправлена Лысенко. Этих материалов не удалось обнаружить среди дел сохранившейся части архива Управления репараций и поставок СВАГ. Ничего неизвестно и о судьбе самих вывезенных коллекций.

Вместе с тем, есть основание предполагать, что селекционно-генетическая работа в странах Центральной и Западной Европы в послевоенные годы проходила с использованием коллекционного материала, в том числе и Вавиловской коллекции, вывезенного из СССР в годы войны. Вполне возможно, что наиболее ценные идеи продолжают использоваться и сегодня. А если это так, значит, труды великого биолога и путешественника Н.И. Вавилова продолжают служить людям не только в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Обязанностью этого учреждения, основанного Генрихом Гиммлером в 1935 г., было обоснование национал-социалистических представлений о расовом происхождении; там также проводились опыты над людьми.[2] *Ute Deichmann:* Biologen unter Hitler. Vertreibung, Karriere, Forschung. – Frankfurt a. M., 1992. S. 203. – Николай Иванович Вавилов (1887–1943) – ботаник и генетик. Основатель современных учений о биологических основах селекции и о центрах происхождения культурных растений. Он умер 26 января 1943 г. от дистрофии в саратовской тюрьме.

[3] В осажденном Ленинграде. – Л., 1969. С. 197.

[4] Трофим Денисович Лысенко (1889–1976) был главным противником Вавилова. Он отстаивал теорию «самобытного» развития советской науки и был использован Сталиным в целях антизападной пропаганды. Ср. *Zhores A. Medvedev:* The rise and fall of T.D. Lysenko. – New York–London, 1969.

[5] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 382. Оп. 9. Д. 291. Л. 57–65.

[6] Николай Иванович Вавилов: Научное наследие в письмах. Международная переписка. Изд. Р.В. Петровым. В 4-х т. – М., 1994–2001. Здесь Т. II. – М., 1997. С. 272.

[7] Там же. С. 64.

[8] Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия 1929–1940 гг. Составители В.Д. Есаков, Е. С. Левина // Научное наследство. – М., 1987. Т. 10. С. 124.

[9] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 828. Л. 14.

[10] Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. Биографический очерк. Документы. Составители Я.Г. Рокитянский, Ю.Н. Вавилов и В.А. Гончаров. – М., 1999. С. 217.

[11] Там же. С. 173.

[12] Научное наследство. Т. 10. С. 149.

[13] Письма Н.В. Ковалева Н.И. Вавилову о закупке семян. См.: Центральный государственный архив научно-технической документации С.-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Ф. 318. Оп. 1. Д. 468. Л. 18–22.

[14] Научное наследство. Т. 10. С. 155.

[15] Nova Acta Leopoldina. N. F. 1 (1933). T. 2–3. S. 332–337.

[16] Эту комиссию до 1 декабря 1934 г., дня убийства Сергея М. Кирова, возглавлял Андрей А. Жданов, а затем его сменил заместитель председателя Комиссии партийного контроля, будущий нарком внутренних дел СССР Николай И. Ежов.

[17] Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. Составители: О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. – М.: АИРО-XX, 1995. С. 70.

[18] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1035. Л. 38 и об.

[19] Там же. Оп. 3. Д. 950. Л. 6.

[20] Сейчас идет обработка и издание международной переписки Н.И. Вавилова, пока опубликованы материалы до 1930 г.

[21] См.: Н.И. Вавилов и английские биологи. Из эпистолярного наследия. 1914–1940 гг. Публикация В.Д. Есакова и Е.С. Левиной // Исторический архив. 1995. № 1. С. 129.

[22] Цит. Природа. 1987. № 10. С. 119.

[23] Научное наследство. Т. 10. С. 408.

[24] Handbuch der Pflanzenzüchtung. Hrsg. von Theodor Roemer und Wilhelm Rudorf. 5 Bände. – Berlin 1941–1950. Рёмер (1883–1951) был во время Второй мировой войны членом германо-румынской и германо-венгерской комиссий по выведению семян и разрабатывал с 1941 г. для Имперского министерства продовольствия посевные планы для оккупированных областей Восточной Европы; Рудорф (1891–1961) возглавлял Институт селекционной генетики им. императора Вильгельма в Мюнхеберге.

[25] *Вавилов Н.И.* Избранные труды. Т. V. – М., 1965. С. 389–390.

[26] Карл Эрих Корренс (1864–1933) – с 1914 г. директор Института биологии им. кайзера Вильгельма в берлинском районе Далем; вместе с Эрихом фон Чермаком и Гуго де Врие заново открыл менделевские законы наследственности (1900)

[27] *Вавилов Н.И.* «Жизнь коротка, надо спешить». Составители Ю.Н. Вавилов, М.Е. Раменская. – М., 1980. С. 605–610.

[28] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 109. Л. 285.

[29] Там же. Л. 286,

[30] *Сойфер В.* Наука и власть. История разгрома генетики в СССР. – М., 1993. С. 308.

[31] Научное наследство. Т. 10. С. 398.

[32] Цит. по: Природа. 1987. № 10. С. 89; Наука и жизнь. 1987. № 11. С. 112.

[33] *Вавилов Н.И.* Происхождение и география культурных растений. – Л., 1987. С. 385–386.

[34] Научное наследство. Т. 10. С. 419.

[35] Там же. С. 420.

[36] См.: Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. С. 228–251. См. также: С. 167–186.

[37] Там же. С. 229.

[38] Там же. С. 233–234.

[39] Отто Аухаген был «экспертом по сельскохозяйственным проблемам восточных областей России» при генеральном консульстве Германской империи в Санкт-Петербурге; уже в 1902 г. он опубликовал в Берлине 59-страничное сочинение «О заселении Сибири». В 1914 г. он издал вместе с Отто Хётчем первый номер журнала «Osteuropäische Forschungen«; около 1928 г. вышла в свет в берлинском издательстве «Neues Dorf» брошюра, озаглавленная «О немецком строительстве на Волге»; в 1933 г. Институт Восточной Европы в Бреслау опубликовал исследование Аухаге-

на «Итоги первого пятилетнего плана советской экономики». См. также: *Otto Auhagen:* Die Schicksalswende des rußlanddeutschen Bauerntums in den Jahren 1927–1930. – Leipzig, 1942.

[40] *Вавилов Н.И.* Научное наследие в письмах. Международная переписка. Т. II. С. 209.

[41] Суд палача. Николай Вавилол в застенках НКВД. С. 196, 197.

[42] Там же. С. 519; Николай Иванович Вавилов. Письма разных лет. Публикация и комментарий В. Есакова и Е. Левиной // Наука и жизнь. 1987. № 11. С. 111.

[43] Там же.

[44] Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. С. 340–341.

[45] Там же. С. 492–493.

[46] Там же. С. 515.

[47] Там же. С. 517.

[48] Там же. С. 518.

[49] Наука и жизнь. 1987. № 11. С. 111; Суд палача. С. 520.

[50] Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. Сост. К.И. Буков. – М., 1995. С. 106.

[51]РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 103. Л. 54.

[52] Наука и жизнь. 1987. № 11. С. 112; Суд палача. С. 520–521.

[53] Суд палача. С. 522.

[54] Там же. С. 523–525.

[55] Там же. С. 105–106.

[56] *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Перевод с немецкого. – Смоленск, 1993. С. 31.

[57] Там же. С. 263,

[58] Цит. по Die Kulturpflanze. 36. 1988. S. 61–69.

[59] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7317. О. 36. Д. 23. Л. 27–37.

[60] Там же. Оп. 8. Д. 12. Л. 97–100.

[61] Там же. Оп. 26. Д. 3. Л. 15.

[62] Там же. Оп. 36. Д. 23. Л. 41–55.

[63] Там же. Л. 27.

[64] Там же. Л. 28.

[65] Там же. Л. 34.

[66] Гетерозис – увеличение жизнеспособности гибридов вследствие унаследования определенного набора различных генов от разнородных родителей.

[67] ГАРФ. Ф. 7317. О. 36. Д. 23. Л. 29.

[68] Суд палача. С. 393–394.

[69] Клаус фон Розенштиль (1905–1973) был руководителем отдела в Институте селекционной генетики им. императора Вильгельма и членом СС; после 1941 г. возглавлял комиссию по сельскохозяйственным вопросам в научно-исследовательском центре восточных областей, который подчинялся непосредственно Имперскому министерству оккупированных восточных областей. Также он руководил отделом в главном отделении продовольствия и сельского хозяйства, основанного специально для обеспечения научно-исследовательских институтов на территории СССР, при Хозяйственном штабе Востока, который, в свою очередь, подчинялся германскому Верховному главнокомандованию вооруженных сил. Ср. *Susanne Heim:* «Die reine Luft der wissenschaftlichen Forschung»: zum Selbstverständnis der Wissenschaftler der Kaiser-Wilhelm Gesellschaft. – Berlin 2002; *Она же* (изд.): Autarkie und Ostexpansion. Pflanzenzucht und Agrarforschung im Nationalsozialismus. – Göttingen 2002. *Прим. нем. редакции.*

[70] Карл Изенбек (1904–1945) руководил научно-исследовательским институтом альпийского сельского хозяйства в Адмонте (австрийская область Штирия); в 1933 г. вступил в НСДАП и моторизованные отряды СА. *Прим. нем. редакции.*

[71] ГАРФ. Ф. 7317. О. 36. Д. 23. Л. 29–30.

[72] Там же. Л. 38.

[73] Там же. Л. 40.

[74] Там же. Д. 35. Л. 3.

Елена Левина

ГЕНЕТИК НИКОЛАЙ ТИМОФЕЕВ-РЕСОВСКИЙ в Институте мозга им. кайзера Вильгельма в Берлине

Интернациональный характер научной деятельности во все времена предполагал свободное общение ученых, работающих в разных странах, использование имеющегося в разных научных центрах экспериментального опыта, освоение оригинальных методов, оборудования и т. п. Для XX в., особенно его второй половины, характерно образование «незримых колледжей» – тесно общающихся научных сообществ, а в последней трети века, благодаря колоссальному прогрессу в средствах связи, – и реальных международных исследовательских групп и лабораторий, объединяющих усилия для решения актуальных, быстро становящихся общими, проблем. Говорить о национальных особенностях науки, во всяком случае, в естествознании, несерьезно, разве что о присущих отдельным государствам системах организации научных исследований (институализация, формы финансирования и т. д.).

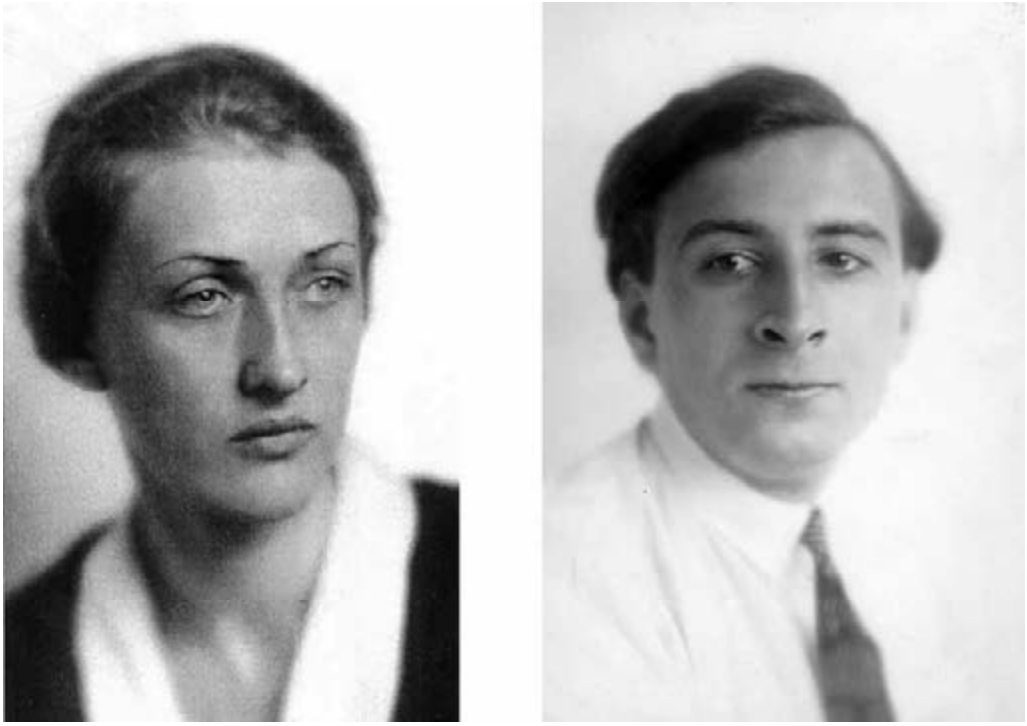
Препятствием эффективному функционированию международного научного сообщества на всем протяжении нового времени были недальновидные действия политиков. Две мировые войны разрушили сложившиеся в Европе научные связи. Политическое противостояние после поражения Германии в 1945 г. развело и союзников, и противников. Ученые в странах социалистического и капиталистического «лагерей» оставались заложниками далеко идущих планов своих правительств, не сознающих бесперспективности «межлагерных» барьеров и «закрытых» обществ для прогрессивного развития знания, необходимого для жизни в широком смысле этого слова.

Исторический опыт такого рода ошибок многообразен.

Довоенная жизнь русского биолога в Берлине

Практика приглашения российских ученых довоенного советского времени в ведущие научные учреждения других стран невелика. Известны случаи поддержки науки путем предоставления стипендий Рокфеллеровского и ряда других фондов[1] (главным образом, молодым специалистам), а также сотрудничества таких крупных в отечественной и мировой науке фигур как Владимир И. Вернадский (1863–1945), Владимир Н. Ипатьев (1876–1952), Алексей Е. Чичибабин (1871–1945) с европейскими университетами и американскими промышленными фирмами. О трудностях, возникавших при попытках ученых преодолеть вводимые советским правительством ограничения на выезд для работы за границей, можно сказать много. Ограничимся замечанием, что следствием политики жесткого контроля было увеличение числа «невозвращенцев» среди ученых, выезжавших за счет приглашающей страны[2].

На этом фоне история Тимофеева-Ресовского уникальна. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский[3] прибыл в Берлин в сентябре 1925 г. В его личной судьбе



Молодые ученые Елена Тимофеева-Ресовская и ее муж Николай Тимофеев-Ресовский. Берлин, 1926 г.

большую роль сыграл Оскар Фогт, директор Института мозга Общества им. кайзера Вильгельма. Известный немецкий невролог, автор учения об архитектонике полушарий большого мозга, Фогт интересовался рядом генетических проблем, связанных с высшей нервной деятельностью. Кроме неврологии высших животных и человека Фогт увлекался энтомологией. Его коллекция шмелей, как уверяют современники, была одной из самых крупных. Бывая в 1922–24 гг. в Москве по приглашению советского правительства (участие в консилиуме врачей, лечивших В.И. Ленина, консультации при организации в Москве Института мозга Наркомздрава СССР), Фогт выступал с докладами в Институте экспериментальной биологии Николая К. Кольцова. Русские зоологи и генетики с энтузиазмом обсуждали его материалы. Идея подойти к решению некоторых вопросов неврологии с позиций генетики, возникшая в процессе дискуссии, казалась Фогту привлекательной. Он решает организовать у себя в институте (Kaiser-Wilhelm-Institut für Hirnforschung) небольшую лабораторию по генетике и просит Кольцова рекомендовать ему серьезного русского генетика, по возможности, молодого. Кольцов рекомендует Тимофеева-Ресовского и Сергея Р. Царапкина. По существу, русские генетики выехали в Берлин, как сказали бы в наше время, «по обмену»: в Московском институте мозга, задуманном как советско-германский, в течение короткого времени работали сотрудники Фогта.

Ко времени отъезда в Берлин Тимофеев-Ресовский был автором нескольких работ в области географической изменчивости популяции дрозофилы и хорошо знал немецкий язык. Сам он полагал, что выбор Кольцова объяснялся его достаточной самостоятельностью, определенностью направления исследований и знанием языков. О своем согласии принять приглашение Тимофеев-Ресовский позже вспоминал, что последние сомнения были развеяны таким, как он выразился, «шовинистическим аргументом» коллег и Кольцова: «раньше мы все за свои деньги ездили в Германию в научные командировки учиться, а вас, вишь, немцы учить приглашают за жалованье…»[4].

Традиционные для российской науки связи с немецкими коллегами хорошо известны, равно как и высокий уровень экспериментальных и теоретических исследований в области естествознания в Германии. В конце XIX – начале XX вв. международным языком химиков и биологов считался немецкий, смена лидера произошла после Первой мировой войны, когда центр исследований переместился в англоговорящие США и Великобританию. Однако в области только развивавшихся областей – популяционной генетики и физико-химических подходов к изучению проблемы наследственности, разрабатываемых в Институте Кольцова, – в 1920–30-е гг. в Германии специалистов не было.

Первые сотрудники берлинской лаборатории были наняты Фогтом («русский немец» Михаил Иванович Клемм и немец американского происхождения Вильям Фред Райнинг, оба зоологи), в дальнейшем Тимофеев-Ресовский приглашал людей сам. Состав лаборатории все годы был интернациональным. Направление исследований было определено как экспериментально-систематическим, так и географическим анализом отдельных видов насекомых. В качестве объектов были выбраны виды, легко дающие несколько поколений в год, – традиционная для генетиков дрозофила, эпиляхна (травоядная «божья коровка») – и милые сердцу Фогта шмели.

Наиболее близкими сотрудниками Тимофеева-Ресовского на рубеже 1920–30-х гг. были Сергей Царапкин, приехавший из Москвы в 1926 г., зоолог Клаус Циммерман, Макс Дельбрюк – ученик Макса Борна, увлекшийся биологией под влиянием Тимофеева-Ресовского, и жена Николая Владимировича, генетик из института Кольцова, Елена Александровна Тимофеева-Ресовская. Были построены необходимые для содержания исследуемых насекомых и разведения растений оранжереи – политермостаты, оригинальная конструкция которых предусматривала изолированные отсеки с особыми режимами температуры и влажности; приобретено современное оборудование. Существенно, что отделу была предоставлена полная автономия в выборе тематики, расходовании выделенных Обществом кайзера Вильгельма средств, заключении договоров с другими фондами, финансирующими научные исследования, тем же Рокфеллеровским в США или Центром Кребса в Германии. Экспериментальная работа – систематика, зоогеографический анализ видов Epilachia и Drozophila – была рассчитана на длительное время, имела общебиологическое фундаментальное значение и в действительности продолжалась более 18-ти лет, включая и работу группы Тимофеева-Ресовского после возвращения его в СССР. Со шмелями в лаборатории берлинского района Бух работал доктор Г. Крюгер, почтенный исследователь, по возрасту старше руководителя лаборатории почти на 20 лет, который, тем не менее внимательно прислушивался к указаниям Николая Владимировича и выполнял их. Клаусом Циммерманом, выпускником Ростокского университета, велись работы и на животных – мышах, полевках, хомячках (анализ

мутаций в природных популяциях и влияние облучения на частоту мутаций). О нем Н.В. отзывался просто восторженно:

> У Циммермана был талант, дар… Бывают такие зоологи, у которых любая скотина плодится, множится и разводится. Вот Циммерман таким был. Существует довольно много мелких млекопитающих, которые разводятся в зоологических садах и лабораториях, и некоторые дамы их содержат и разводят и т. д. А есть виды, которые ни у кого нигде никогда не размножались. А Циммерман… сажает в такую стеклянную аккумуляторную банку большую, чтобы выпрыгнуть не могли, бросает им там сенца, чтобы они могли зарыться, кормит чем-нибудь, и глядишь – детишки появляются у них, и великолепным образом они размножаются. Приходится писать статейку в зоологический журнал, что вот, каким образом – неведомо, но размножаются они в лабораторных условиях вполне…[5].

Циммерман, по выражению Тимофеева-Ресовского, «ловил» мутации в природных популяциях полевых лесных мышей и полевок: «И прекрасно себе работали, и печатались…» «Краткую сводочку» оставшихся незавершенными в Германии работ супруги Тимофеевы-Ресовские опубликовали, к сожалению, уже без Циммермана в 1964 г. в « Трудах института биологии Уральского филиала АН СССР».

Сотрудники отдела принимали участие в 1927 г. в V Международном генетическом конгрессе, первом со времени мировой войны, в Берлине и в следующем конгрессе 1932 г. в Итаке (США). Сохранились фотографии Н. В. в обществе Томаса Ханта Моргана и Николая И. Вавилова. На конгрессе 1939 г. в Эдинбурге Николай Владимирович один представлял русскую генетику: из СССР ни один из биологов приехать уже не смог.

В Бухе были продолжены начатые в Москве интереснейшие работы по мутациям, вызываемым рентгеновским и радиоактивным излучением, в результате которых был накоплен огромный экспериментальный материал. Это направление исследований вызывало большой интерес биологов и физиков. Подобные работы велись в США пионером радиационной генетики Германом Джозефом Меллером, дважды приезжавшим к Тимофееву-Ресовскому в 1932 и 1936 гг., и Левисом Стадлером в известной лаборатории Моргана в Калифорнии. Тимофеевым-Ресовским в этой области были опубликованы отдельные работы в 1931–35 гг. и специальная монография в 1937 г.[6].

В 1937 г. Оскар Фогт по достижении 65 лет вышел в отставку. Его преемника Гуго Шпатца не интересовала генетика, и отдел получил еще бóльшую самостоятельность, отделившись от основного Института в финансовом и административном отношении. Новый статус Отдела генетики и биофизики при Обществе кайзера Вильгельма свидетельствовал также о признании деятельности отдела, который из лаборатории в 8 человек превратился в крупное, с несколькими десятками сотрудников, научное учреждение, имевшее обширные научные связи как в Германии, так и вне страны. В лаборатории Отдела приезжали на разные сроки «поучиться генетике» и становились сотрудниками англичане, французы, американцы, скандинавы. Приезжали русские из эмигрантов (как говорил Тимофеев-Ресовский, «братушки»). Советских биологов с последней встречи с Николаем И. Вавиловым и Георгием Д. Карпеченко, которые возвращались в СССР в конце 1931 и 1933 г. из США, больше не видели, т. к. к середине 1930-х гг. командировки в Европу и Америку русских биологов, проезжавших, как правило, через Берлин, прекратились.

Николаю Владимировичу нравилось в Германии то, что он называл «скучным немецким порядком» (безотносительно к тому, что в понятие «немецкий порядок» вкладывали нацисты). Нравилось, что система отчетности перед организациями, фондирующими исследования, проста; нравилось, что при постройке оранжереи можно обратиться в три специальные фирмы и выбрать из предложенных проектов оптимальный по качеству и цене – и оранжерея будет построена в течение месяца (он вспоминал об этом в СССР, когда на «объекте» на аналогичную теплицу стройбат затратил больше года). Нравилось, что заказанное оборудование можно получить в течение недели, что библиотека KWI получает все специальные журналы, и в 1937 еще можно было общаться и переписываться со всем миром. Нравилось, что высшим комплиментом в лаборатории была фраза «всегда в работе, герр доктор, всегда в работе…». Он с удовольствием повторял приписываемое англичанам изречение «никогда не следует делать того, что все равно сделают немцы», отдавая этим дань традиционной немецкой тщательности, так высоко ценимой в научном эксперименте.

В берлинскую лабораторию Тимофеевым-Ресовским была перенесена традиция регулярных семинаров типа московского ДРОЗСООРА (сокращение от «совместного ора о дрозофиле»). Организатор и душа этих весьма серьезных собраний без чопорности называл их «буховским трепом». Семинары – раз в две недели по субботам – с начала 1930-х гг. посещали не только биологи, и в процессе дискуссий более широкого плана сложились личная дружба и сотрудничество Н.В. с физиками-экспериментаторами и теоретиками – Клаусом Циммером, Максом Дельбрюком, Николаусом Рилем, Максом Борном. Именно это обстоятельство объясняет, почему биолог Тимофеев-Ресовский был так хорошо принят физиками Германии и получил поддержку, положительно сказавшуюся на его судьбе во время войны. О знакомстве с Дельбрюком Николай Владимирович рассказывал, что тот предложил заниматься количественной стороной естественного отбора. В ответ на это предложение Тимофеев посоветовал Дельбрюку ознакомиться с трудами биологов-эволюционистов, несколько опередивших любознательного физика в претворении этой идеи, – Харди, Фишера, Холдейна… После этого Дельбрюк попросился в «буховскую компанию» в качестве «домашнего теоретика» и был принят.

При посредстве Дельбрюка Тимофеев-Ресовский был приглашен в Копенгаген для участия в Боровском семинаре и стал членом Боровского круга (Bohrs Kreis) – приватного дружеского общества, в которое новые члены приглашались друзьями. «При нем не приживались плохие люди, потому что он считал, что плохой человек не может быть хорошим ученым, так не бывает», – говорил Н.В. о Нильсе Боре, находя в этом взгляде на научное сообщество много общего с точкой зрения, культивируемой Кольцовым в московской школе зоологов.

Ядерная физика и экспериментальная биология были наиболее динамично развивавшимися естественно-научными направлениями предвенного времени. Интерес Бора, ученого широких взглядов, к некоторым аспектам жизненных явлений был оправдан открытыми биологами и уже упомянутыми выше факторами влияния радиоактивности на живые объекты. По примеру Бора, об этом задумались и некоторые другие физики. Тимофеев-Ресовский, развивший при обучении у Кольцова вкус к исследованию физико-химических процессов, протекавших в живой клетке[7], в этой компании оказался тем необходимым биологом, который представил физикам гипотезу Кольцова о физико-химическом строении клеточных структур – носителей

наследственности (хромосом), действительная природа которых в тот период еще не была известна[8]. Изучение происходящих в хромосомах изменений, вызываемых различными факторами, в первую очередь, физическими, и стало той *методологией*, которая позволила впервые близко подойти к пониманию процеса передачи наследственной информации. В отличие от европейских генетиков, занимавшихся лишь описанием признаков, возникающих при скрещивании биологических объектов, Тимофеев-Ресовский был готов к непосредственному восприятию пробудившегося под влиянием Бора интереса физиков-теоретиков к более глубокому пониманию биологической проблематики. Позже это отметил и Эрвин Шредингер[9].

Н.В. Тимофеева-Ресовского и Германа Джозефа Меллера, выступавших на Боровском семинаре, поддержал Борис Самойлович Эфрусси, также учившийся у Кольцова в Народном университете им. Шанявского в Москве, крупный биолог, в 1930-х гг. заместитель директора Института физико-химической биологии в Париже. Было решено организовать биологический семинар, по примеру Боровского круга. Обстановка в Европе во второй половине 1930-х гг. уже не способствовала объединению, свободному передвижению и вкладыванию денег в фундаментальные научные исследования – «пахло войной». По предложению Эфрусси, было решено 1–2 раза в год собираться в несезонное время на одном из курортов в малых европейских государствах, далеких от агрессивной европейской политики, – Дании, Голландии, Бельгии. План был реализован при поддержке Рокфеллеровского фонда через его парижское представительство. Из немецких ученых в этих неформальных встречах принимали участие биологи Ханс Бауэр и Ханс Штуббе, физики Клаус Циммер, Макс Борн, Роберт Ромпе, Паскаль Йордан и Макс Дельбрюк, приезжавший уже из США. Коллоквиумы проходили в режиме рабочих совещаний, тон которым задавал «провокатор», формулирующий проблему в свободном стиле, без «звериной серьезности».

Итогом совместной работы активных членов международного научного сообщества стало создание общих представлений о природе генов. Прежде всего, на основании экспериментальных цитологических исследований по изучению влияния определенных физико-химических условий на форму, структуру и движения клеток, а также на основании общих рассуждений о наследственных элементарных факторах (генах) была построена *теоретическая модель* того, что представляют собой, с физико-химической точки зрения, гены, расположенные, как стало известно из экспериментов по скрещиванию, линейно в хромосомах. Физическое решение этой фундаментальной биологической проблемы было сформулировано Тимофеевым-Ресовским, Циммером и Дельбрюком. Из физики известно что могут делать ионизирующие излучения и что – нет. Если варьировать параметры и дозы облучения, понимая, какие последствия могут быть, и наблюдать, что происходит в действительности, можно *отбросить предположения и выбрать соответствующее экспериментальному результату объяснение*. Что и было сделано указанными авторами, объединившими результаты исследования 2 млн. особей плодовой мушки (дрозофилы) с соответствующими физическими данными.

Историки биологии позже отмечали[10], что основополагающий раздел известной книги Шредингера был, по существу, изложением статьи Тимофеева-Ресовского, Циммера и Дельбрюка (ее называли коротко «TZD»[11]), где мутагенез, вызываемый лучами Рентгена, обсуждался в контексте «генной молекулы», устойчивость которой выводилась из квантово-механических соображений. Статья стала, по сути, пер-

вым публичным изложением самой идеи изучения генетического материала в квантово-механических терминах. Сам Николай Владимирович в 1977 г. так оценивал этот период своего творчества: «Из более общих достижений в некоторых областях современного естествознания мне пришлось принять посильное участие в разработке принципов попадания, мишени и усилителя в радиобиологии…» Он не забыл отметить, что большое влияние на общее развитие его научных интересов и на достижение достаточной строгости в формулировках «необходимейших биологических понятий сыграло счастливое сочетание условий, позволившее <ему> познакомиться, в ряде случаев навсегда сдружиться и в некоторых случаях научно сотрудничать или консультироваться со многими крупнейшими математиками, физиками, химиками <…> не только в нашем отечестве, но и за границей»[12].

В 1937 г. Тимофеева-Ресовского вызвали в советское посольство в Берлине и объявили, что срок его командировки истек и ему следует выехать в Москву. Он не выполнил этого требования, и тому были причины. Вавилов, звавший Николая Владимировича в 1934 г. приехать в Москву в Институт генетики АН СССР, уже не повторял приглашения, хотя и «переговорил со всеми в Академии, все – за…»[13]. От Меллера, который провел у Вавилова 4 года и останавливался на несколько дней в Берлине по дороге из СССР в США, было известно о трудностях советских генетиков: под патронажем партгосаппарата развернулись дискуссии по биологии. Н.В. знал, что помимо аграрников арестован директор единственного в стране медико-генетического научного учреждения Соломон Г. Левит, отозван в СССР и вскоре арестован генетик В.Н. Слепков, работавший сначала в США, затем в Германии, хорошо знакомый Тимофееву-Ресовскому. Были арестованы и пропали в лагерях два брата Николая Владимировича – Дмитрий и Владимир. Вернуться значило погибнуть… В то время как в Бухе была хорошо налаженная лаборатория; незавершенные дела, взаимопонимание и поддержка привязывали Н.В. к Берлину.

В 1939 г. идиллические для уже военной Европы «коллоквии» кончились. «Поздно мы до этого додумались», – комментировал события Николай Владимирович. Инициативное сотрудничество внутри международного сообщества ученых было разрушено. Физики, химики и биологи в странах – союзниках и противниках – были втянуты в разработку оружия и в дальнейшем, в условиях поддерживаемого политиками биполярного устройства мира, международное научное сотрудничество не было восстановлено в полной мере.

«Буховский оазис» в военной Германии.

К началу войны ряды коллег, приезжавших в Бух и работавших в лабораториях, поредели. Иностранцы и неарийцы спешили выехать за пределы Рейха, коллеги-немцы, которые придерживались антинацистских взглядов, также эмигрировали, пока это можно было сделать, часть сотрудников-немцев была мобилизована в армию. Тематика экспериментальных исследований естественно сокращалась из-за ограничений финансирования и нехватки рабочих рук. Как удавалось существовать в Берлине русскому профессору с советским паспортом в условиях нападения гитлеровской Германии на СССР?

Отдел генетики в Институте мозга им. кайзера Вильгельма, Берлин, 1930-е гг. (второй справа – Тимофеев-Ресовский).

Этот вопрос задавали ученому впоследствии многие, на этот вопрос его заставляли отвечать после ареста в 1945 г, этот вопрос пытались решить за него и доброжелатели, и враги, но истину можно найти в его мемуарах – устных рассказах, сохраненных учениками в виде аудиозаписей. (В 1960–70-е гг., уже в Советском Союзе, Николая Владимировича, ученого огромной эрудиции, замечательного рассказчика, окружала научная молодежь, для которой он был «просветителем эпохи изоляции».)

Вы вот все время спрашиваете, как мы жили, когда нацисты забрали власть? Вмешивались ли они, интересовались ли нами? Ведь мы жили с обыкновенными советскими заграничными паспортами? И до войны, и во время войны. Тут вы, конечно, немножко упрощенно, по-советски, представляете себе заграницу. Не забывайте, что хотя немецкий нацизм и был очень схож с нашей системой, потому что тоже был тоталитарный режим, диктатура одной партии – здесь коммунистической, там нацистской, но разница была все-таки довольно существенная. Во-первых, не было коренной ломки экономической системы. Во-вторых, не было предшествующей великой русской революции и гражданской войны, конечно, которые камня на камне не оставили от русской промышленности, передовых секторов сельского хозяйства. Одним словом, страна к началу 20-х годов у нас была в полном разгроме.

У них, наоборот, процветание началось и всеобщая борьба с безработицей. Не такая, как у нас, а откровенная. У нас вся суть борьбы в том, что во все времена создаются новые должности, места, кланы чиновничьи и рабочие. Там борьбу с безработицей начали так: отправили землю копать всех безработных. Их стали хорошо кормить, немножко платить денег, и они занимались физическим трудом. У нас же от физического труда все бегут и начинают заниматься спекуляцией, махинациями и т. д. Это, первое, – разница в экономической подоплеке.

Второе, очень существенное: мы в результате революции и гражданской войны оказались за китайской стеной, которую пробиваем до сих пор помаленьку. Одно время, в 20-е гг., вроде как бы под влиянием еще Ленина, и после его смерти действовало два года, начали налаживаться нормальные отношения с заграницей – советский гражданин мог за 35 руб-

лей купить заграничный паспорт и ехать, ежели захочет, даже лечиться куда угодно. С зимы 22–23 до зимы 28–29 года у нас был практически свободный выезд заграницу[14]. […] Несколько лет, практически только пятилетку, была такая более или менее свобода. […] Эта отрезанность от мира – она в Германии не существовала. […] В Германии высшим удостоверением личности, по которому вы могли получить любые деньги, пересланные по почте, было почтовое удостоверение… Вот по этому почтовому удостоверению с фотокарточкой потом, когда все утряслось, в соседние государства, особенно нейтральные, в Швецию, в Норвегию, Данию и Голландию, немцы могли ездить свободно. Так обстояло дело в межвоенное время. В сущности, все снижалась формалистика международных общений. В первые три-четыре года после Версальского договора немцев-ученых не приглашали на большинство научных конгрессов. Но потом все это на тормоза спускалось, и к гитлеровским временам все пришло, так сказать, в спокойное состояние. Осталась политика. (…)

Немцы переживали, страдали душой, многие немцы из года в год не могли поверить, что хуже будет. Но им предсказывали все, до самого конца: вот через несколько лет начнется война, в этой войне вы сапогами истопчите всю Европу, а потом вас каким-то образом победят все-таки, победа будет не ваша, и вы будете, как и после первой войны, думать, что вы победили, а окажется, что вы побежденные, и от вашего этого нацизма ничего путного не останется…[15].

Кроме того, замечал Тимофеев-Ресовский, правой рукой Гитлера стал «крупный коммунистический деятель Геббельс. Да-да, он владел всей нашей демагогией. У нас это, конечно, отрицается, скрывается. Как и всем нашим деятелям, так и чужим, у нас соответствующие нужные биографии придумываются. Но это общеизвестно было»[16].

О том, как русскими, жившими в Германии достаточно долго, были восприняты приход национал-социалистов к власти и последовавшие за этим изменения во внутренней и внешней политике европейского государства, объявленного вскоре Третьим рейхом, можно судить по оставленным ими воспоминаниям. Из буховского сообщества наиболее подробно эта тема отражена в мемуарах Олега Цингера[17], художника-анималиста, сына В.Я. Цингера – эмигранта из Советской России 1920-х гг., ботаника и математика, – и самого Николая Владимировича. Последний не писал мемуаров – после пребывания в лагере и перенесенной им пеллагры у него ослабло зрение и дрожали руки. Это хорошо заметно на автографах Н.В., если сравнивать аккуратную рукопись в тонкой, напоминающей школьную, тетради 1945 г. (статья по мутагенезу), и надписи на оттисках, подаренных Игорю С. Гребенщикову в конце 1950–60-х гг. В строчках на обложках оттисков невозможно разобрать ни слова, только угадывается традиционное «на добрую память». А в замечании на экземпляре статьи из сборника «Проблемы кибернетики» 1966 г. можно понять только «это не кибернетика, а …» и гадать, что именно Н.В. имел в виду…[18]. Однако из устных рассказов Николая Владимировича, цитированных выше, сохранившихся благодаря его восторженному почитателю Симону Э. Шнолю, профессору кафедры биофизики Физического факультета МГУ, можно с уверенностью, «из первых рук» составить представление о настроении Николая Владимировича в предвоенные годы.

Понятие «фашизм» Н.В. упрямо относил только к Италии, называя немецкий вариант исключительно национализмом. «В начале прихода к власти национал-социалистической партии он не страдал, как, например, я. – уверяет Цингер. – Его

не особенно раздражало изъятие Ван-Гога и других художников из музеев, сожжение книг. Он думал, что все это временно проходящее России совсем не коснется»[19]. Н.В. был аполитичен и с удивлением наблюдал, как понятный ему «скучный немецкий порядок» превращался в буйство штурмовиков и всепроникающую власть рвущихся к мировому господству фанатиков. У него было много друзей среди немцев, но сами немцы быстро менялись. Как отмечает, обсуждая эту тему, Цингер, сперва буквально все были за Гитлера, с началом войны против Польши «отпали десять процентов», с объявлением войны Франции и Англии – сорок, т. к. все вспомнили Верден. «После начала войны в Бухе все страшно изменилось, – пишет Цингер. – Среди русских происходил полный раскол, несогласия и даже семейные драмы. Многие были уверены, что немцы “освободят” Россию от Сталина и тогда они – русские – вернутся на Родину». Тимофеев-Ресовский (Цингер называет его Колюшей), всегда экспансивный, серьезный в делах и яркий в шутках, был подавлен и растерян. Часто в его кабинете сидели немцы в офицерской форме, но, по мнению Цингера, «было видно, что это не настоящие военные». Н.В. не воспринимал ученых, одевших военную форму: «Видишь, какой Пуфик сидит там в майорской форме? – говорил он Цингеру. – Совсем идиотский вид, а ведь это один из крупнейших физиков мира!»[20].

К 1942 г. в Бухе появились первые русские из Югославии, советские граждане, которые старались избежать принудительных работ на немецких фабриках, евреи. И многие из них находили приют в Бухе с помощью Тимофеева-Ресовского. Образовался буховский «остров спасения». Наиболее последовательным и романтическим антифашистом стал юноша Дмитрий (Фома) Тимофеев-Ресовский, старший сын Николая Владимировича и Елены Александровны.

Разумеется, война в благополучном Бухе выглядела иначе, чем в уже оккупированных странах («жестокость и варварство творилось где-то неведомо для нас», – писал Цингер). Неудивительно, что после выхода книги Даниила Гранина[21], представившей Тимофеева-Ресовского почти сверхчеловеком, а его коллег – героями, посыпались упреки типа «Чему эти образы научат людей? Ничему. Потому что пример баловня судьбы ничему не может научить…».

В 1941 г. речи о возвращении уже не могло быть. Авторитет Общества кайзера Вильгельма и личная научная репутация профессора Тимофеева-Ресовского в Германии, как показало время, защищали ученого. На родине, в условиях патологической шпиономании, все это обернулось бы против него и в предвоенные годы. Мировую известность он приобрел, работая в Германии уже после прихода к власти Гитлера – так складывалась его жизнь.

«Человеку, который не пережил то время, невозможно реконструировать те отношения, – писал в 1987 г. Николаус Риль. – Доказательством тому служит большинство вопросов, которые задают нам, старым людям, современные историки. До чего же они наивны (простите!). Схематически упрощенное деление тогдашних актеров на добрых и злых, нацистов и ненацистов, не передает действительности. А действительность была оттеночно богаче…»[22]. Показательно, что Н.В. и Риль совершенно одинаково оценивали ситуацию в Германии 1930-х гг., имея возможность, в силу обстоятельств своей личной биографии, сравнить гитлеровский и сталинский тоталитарные режимы.

Первыми людьми, близко сотрудничавшими с Тимофеевым-Ресовским в Берлине, были выходцы из России, которых объединяли с Николаем Владимировичем не только общие научные интересы, но и общие воспоминания. По-человечески это понятно.

Роберт Ромпе (в немецкой среде о нем говорили «русский немец из Петербурга», а в русской называли Романом Романовичем) жил в Германии с детских лет. Ведущий инженер-физик лампового концерна «Осрам», он был антифашистом и во время войны вступил в компартию. О его связях с антифашистским подпольем Николаю Владимировичу было известно. Из замечаний Ромпе было понятно, что о положении на фронтах он очень хорошо осведомлен. Перед самым падением Берлина Ромпе вместе с матерью переехал из берлинской квартиры к Николаю Владимировичу и там ожидал вступления в город Советской Армии.

Николаус (Николай) Риль – прибалтийский немец – увлекся до войны прикладной физикой, заведовал центральной радиологической лабораторией фирмы «Ауэргезельшафт»[23] и вскоре стал одним из директоров концерна «Ауэр», подключенного к урановому проекту. Как говорил Риль, в войну это была единственная возможность продолжать фундаментальные исследования, которых он не прекращал, годами занимаясь инженерной деятельностью. Будучи специалистом по люминисценции, он помог биологам в лаборатории Отдела в Бухе наладить метод ультрафиолетового фотографирования. Именно благодаря сотрудничеству с Рилем была создана видимость, будто немецкий атомный проект нуждался в исследованиях по радиационной биологии – основной тематике Отдела. Это позволило Тимофееву-Ресовскому и сотрудникам продолжать работать в военное время.

В Берлине, кроме того, было много эмигрантов первой волны из России. Неудивительно, что в самые тяжелые годы – 1944–45 – они держались вместе. Сотрудники института укрывали военных (и советских, и из союзных армий), бежавших с принудительных работ, из плена; в мирной жизни многие из них были не только учеными, но и представителями других гражданских профессий. Бомбежки последних месяцев войны пережидали в Бухе разные люди – механик-француз Машен, молодой русский пианист, аккомпаниатор скрипача Ойстраха – Всеволод Топилин. Отдел и до войны, как вспоминали сотрудники, жил одной семьей. В атмосфере опасности в этой взаимопомощи проявлялась не столько профессиональная, сколько человеческая солидарность попавших в беду людей.

В лаборатории Тимофеева-Ресовского в этот период работали Шарль Пейру и его младший брат Пьер (звался на русский лад Петром Петровичем) – физики, перебравшиеся в Бух из оккупированной Франции. Шарлю, как утверждают современники, помогли устроиться в Бухе физики, знавшие Тимофеева-Ресовского; важную роль в его судьбе сыграла и рекомендация Фредерика Жолио-Кюри. Риль вызволил Шарля из лагеря для военнопленных на оккупированной территории Франции, сделав запрос на него как на переводчика специальной французской литературы.

Серьезными и высокопрофессиональными сотрудниками-биологами были русские – Сергей Царапкин, Игорь Б. Паншин, Игорь С. Гребенщиков.

Царапкин, приглашенный Фогтом в Германию вместе с Тимофеевым-Ресовским, известен своими публикациями по генетике дрозофилы. Удивительно, что он почти не упоминается в воспоминаниях своих коллег. Объясняется ли это его замкнутостью или обстоятельствами его послевоенной биографии (он был арестован в 1945 г. советской военной администрацией), по имеющимся в нашем распоряжении материалам судить нельзя.

Генетик Паншин[24] – сын известного в России селекционера Бориса А. Паншина, осужденного в 1941 г. вместе с Вавиловым. Студентом он получил одобрение Меллера, в то время бывшего в Москве, а перед самой войной успел поработать в инсти-

туте Кольцова. Биография Игоря Борисовича Паншина во время войны трагична и в то же время чудесна[25].

В начале октября 1941 г., закончив школу младших офицеров, он попал на фронт в районе г. Ельня. По-настоящему повоевать ему не довелось. Его часть была рассеяна, в лесах разрозненные группы красноармейцев искали возможности выйти к своим, связи не было. «А кругом немцы. Не то, чтобы окружение, а как-то так, словно они везде», – вспоминал Игорь Борисович в 1987 г.[26]. Ночью, промокший во время перехода через речушку, измученный приступами диареи, командир был захвачен в плен самым прозаическим образом – во время переодевания в сухое белье: окрик «рус, сдавайся» застал его с исподним в руках… Благодаря знанию немецкого языка Паншин был оставлен в качестве переводчика в тыловой части 7-й танковой дивизии. В сложившейся ситуации он выбрал для себя линию поведения«максимум лояльности, максимум доверия с их стороны, побольше узнать, чтобы при случае с пользой употребить эти знания», понимая, что подобная позиция может быть оценена в СССР однозначно – «пособничал действиям».

Свободное владение немецким языком часто вызывало вопросы – кто он и откуда. Однажды, случайно, когда в его присутствии один из офицеров, вращая ручку радиоприемника, поймал московскую волну, Паншин услышал голос певицы Большого театра Натальи Шпиллер, приходившейся ему родственницей (он назвал ее «теткой», хотя родство было более сложным – они были почти ровесниками) и происходившей из немецкой дворянской семьи фон Шпиллер. Так сложилась легенда о его немецком дворянском происхождении. Второй эпизод, важный в решении его судьбы, случился летом 1942 г. Во время разговора с унтер-офицером Ракелем, в мирное время – архитектором, выяснилось, что тот до войны проектировал дом для немецкого генетика Веттштейна. На вопрос, не слышал ли офицер о генетике Тимофееве-Ресовском, Ракель не только ответил утвердительно, но и сообщил, что в начале войны Тимофеев-Ресовский все еще был в Берлине.

Первая попытка связаться с Тимофеевым-Ресовским была неудачной. На письмо, написанное в рассчете на цензуру («Россия войну проигрывает, заниматься наукой здесь будет невозможно…»), Николай Владимирович ответил, что «не знает генетика Игоря Паншина».

Находясь в качестве пленного уже с другой частью вермахта в районе г. Орла, Паншин познакомился с русской девушкой, работавшей (как и он, благодаря знанию немецкого и немецкой фамилии, доставшейся ей от отца, австрийского пленного Первой мировой войны) в немецком госпитале. Тем не менее Александре Райнхард-Никулиной угрожала отправка в Германию на принудительные работы. Кто-то подсказал молодым людям идею пожениться и попытаться на этом основании остаться в городе. Идея оказалась спасительной, хотя остаться в России им не пришлось. Желание молодой красивой пары полунемецого происхождения создать семью неожиданно было встречено немецким командованием с энтузиазмом: жизнь на оккупированной территории продолжалась. Брачующимся было предложено выехать в Германию и подать прошение о предоставлении подданства…

Оформив брак в лагере для перемещенных лиц, Паншин еще раз – через полтора года после первого письма – написал Тимофееву-Ресовскому и получил согласие на встречу. Присутствие грамотного сотрудника в лаборатории не могло не обрадовать Николая Владимировича. Паншину был учинен экзамен – на основании своих довоенных работ ему пришлось сделать доклад по интересной Тимофееву-Ресовскому

тематике (зависимость частоты мутаций в популяции дрозофил от дозы облучения). Получивший одобрение Игорь Борисович был официально представлен руководству физической лаборатории Института мозга, финансируемой концерном «Ауэр», и зачислен в штат по радиобиологической тематике. Как подданный Рейха он имел право участвовать в работах, перспективных для немецкого атомного проекта, довольно вяло развивавшегося в условиях военных действий[27].

Напомним, что Н.В. Тимофеев-Ресовский был инициатором привлечения физиков-теоретиков и экспериментаторов к участию в разработке проблем фундаментальной биологии. В определенной мере именно благодаря его влиянию сотрудничество между учеными и в довоенные годы, и после 1939 г. оказалось столь результативным. Риль, Ромпе, Циммер, Борн и Тимофеев-Ресовский легко находили общий язык в научной дискуссии, стали друзьями, и неудивительно, что они поддерживали друг друга в лихое военное время. Включение «дрозофилиной» тематики в бюджет расходов военного ведомства давало отделу Тимофеева-Ресовского возможность получать минимальное финансирование, необходимое для сохранения немногочисленных сотрудников, поддержания коллекций, выполнения биологических экспериментов, требующих непрерывного и длительного наблюдения.

В 1942 г. в Бухе поселился биолог Игорь Сергеевич Гребенщиков, происходивший из семьи русских эмигрантов 1920-х гг., высланный после оккупации Словении с Нансеновским паспортом. Он и жена получили место в Отделе, где проработали до 1946 г.

Чувство уважения, которое испытывал Гребенщиков к Тимофееву-Ресовскому, можно назвать безграничным. Достаточно сказать, что он до последних дней хранил автографы Николая Владимировича, оттиски его до- и послевоенных работ. Оставшись после войны в Германии, он работал в Институте растениеводства в Гатерслебене, директором которого стал близко знавший Н.В. Ганс Штуббе, и внимательно следил за деятельностью своего друга в СССР[28]. Их переписка не прекращалась все годы, включая время работы Тимофеевых-Ресовских на Урале. Когда после закрытия «объекта» в 1955 г. Н.В. переехал в Свердловск и затем в 1959 – в Обнинск, именно Гребенщиков известил всех в Европе, кому это могло быть важно, что «у Тимофеева-Ресовского изменился адрес»[29].

А. Тарновский, друг Гребенщикова, микробиолог, работавший в берлинском Институте микробиологии, переселился в Бух в 1945, когда участились бомбежки Берлина.

Перебрался в Бух и Александр Сергеевич Кач – медик, уволенный отовсюду по причине неарийского происхождения. Его мать-еврейка и отец-немец, оба выходцы из России, в семье говорили и по-русски. Ради него, по мнению Паншина, в Отделе были затеяны медицинские исследования. Поскольку к этому времени в мировой науке уже была установлена зависимость некоторых видов рака от мутаций, эксперименты в этой области могли претендовать на финансирование, выделяемое Центром по изучению рака. Такую стипендию удалось получить для Кача. Паншин вспоминает, как однажды Кач принес ему препарат костного мозга подвергнутой облучению крысы. Под микроскопом глазам Игоря Борисовича предстала «великолепная картина», которую он только много позже смог идентифицировать как картину лейкоза. Поводом для визита была просьба Кача пригласить жену Паншина работать лаборантом, т. к. немецкие лаборантки «боятся крыс и отказываются работать с ними даже на благо фатерланду…». После реорганизации Института моз-

га в Медико-биологический институт в 1946 г, Кач перешел в Диабетический институт (о. Рюген). В отчете Бюро медицинских наук и изобретений при Отделе здравоохранения СВАГ он назван в числе крупных терапевтов, работавших по проблеме осложнений при сахарном диабете[30]. Вскоре Кач был приглашен в СССР, и в 1947 г. Тимофеев-Ресовский встретил его уже в Сунгуле.

Бывали в Бухе и сотрудники Биологического института берлинского района Далем, публиковавшие совместные работы с Н.В. в 1943 г., – генетик Х. Бауэр (не путать с тогда уже покойным генетиком растений Эрвином Бауром); Пэтау, математик, под влиянием Тимофеева-Ресовского увлекшийся цитологией. Высказываемые ими в дискуссиях суждения о расовой теории свидетельствовали о неприятии этой очевидной демагогической спекуляции, ничего общего не имеющей с наукой. В условиях нацистской диктатуры Тимофеев-Ресовский считал единственно разумным действием публикацию в тех же немецких журналах действительно научных работ, которые, как он полагал, могли заставить задуматься тех, кто под влиянием пропаганды утратил эту способность. В 1939 г. он был приглашен прочесть лекцию по биологии в школе гауляйтеров. На сохранившихся фотоснимках за спиной лектора видны известные из его опубликованных работ диаграммы, на которых изображен рост числа мутаций в природных популяциях дрозофилы. Речь шла о накоплении в популяции генетического груза. Отчет о мероприятии был опубликован в 1939 г. в газете «Neues Volk» в номере 26–30. При осуждении Тимофеева-Ресовского в 1945 г. это обстоятельство не фигурировало в качестве обвинения, но после выхода немецкого перевода книги Гранина «Зубр» и рецензии на нее немецкого генетика Б. Мюллера-Хилла[31], высказавшего сомнения в непричастности ученого к военным программам нацистского режима, советские критики ученого использовали этот факт в своих публикациях.

Паншина удивляет, что статья Н.В., принятая в печать в ноябре 1944 г. в Германии, содержала ссылки на американские работы 1942 и 1943 гг. (в том числе, в разделе о генетическом действии нейтронов), что было бы невозможно в Советском Союзе по двум причинам. Во-первых, до недавних пор нейтронное излучение ассоциировалось с А-бомбой и, следовательно, оставалось секретной темой; во-вторых, принятая ориентация исключительно на отечественные достижения во всех областях деятельности не позволяла признавать приоритетными исследования западных авторов. Результаты работы были основаны на исследовании изолированных гигантских хромосом слюнных желез дрозофилы, которые Игорь Борисович вытаскивал из клеточных ядер при помощи простой иголки и исследование которых в течение многих лет в СССР было также под запретом. Не случайно Н.В., обсуждая с Паншиным возможность возвращения в СССР, приходил к заключению: «Кому мы нужны в стране победившего Лысенко?»[32].

Паскаль Йордан, близкий к «буховскому кругу» физик, не без смущения предложил сделать доклад, посвященный его представлениям о матричном синтезе, и был выслушан на семинаре в 1943 г. В середине сентября 1944 г. в малом зале Института мозга состоялось заседание Немецкого биофизического общества – единственного научного объединения, продолжавшего работать в Берлине, – с докладами Паншина и Кача о механизме образования хромосомных мутаций на материале радиационно-генетических экспериментов. Позже эта работа была опубликована[33]. Варшавский Сергей Николаевич и его жена, Крылова Клавдия Тихоновна, – русские биологи, сотрудники Ростовского противочумного института, вывезенные немецкими оккупа-

ционными властями при отступлении с Юга России в 1943 г., – появились в Бухе в конце 1944 г. Противочумный институт представлял большой интерес для немецкого командования, так как разрабатывал ряд противоинфекционных вакцин, и был эвакуирован в Германию для продолжения исследований в военном Микробиологическом институте в местечке Саксенбург (неподалеку от г. Франкенберг в Саксонии), оформленном властями как филиал Имперского бактериологического института им. Роберта Коха. Некоторые русские сотрудники, работавшие непосредственно с культурами возбудителей инфекций, были оставлены на о. Римс, остальные же, и в их числе Варшавские, были отправлены на принудительные работы на различные предприятия. В конце 1944 г. во время бомбардировок авиацией союзников фабрика «Азид» в Берлине, на которой пришлось работать Варшавским, была разрушена, и все уцелевшие рабочие разбежались. Добравшись до Александерплац, бывшей в военном Берлине центральным пунктом общения, супруги выяснили, как разыскать русского профессора, о котором со слов таких же, как они, «остарбайтеров» было известно, что «он оказывает помощь советским людям и иностранцам, насильно вывезенным в Германию»[34].

Варшавский отмечает, что ни у кого из друзей Николая Владимировича в СССР не было информации о действительной истории его жизни в Германии. Им было трудно представить себе, что Тимофеев-Ресовский, которого они знали по работам 1920–30-х гг., и русский профессор в Берлине 1943 г. – одно и тоже лицо. Они были удивлены, что и Николай Владимирович знал те несколько печатных работ Варшавского, которые тот успел опубликовать до войны. Естественно, они были приняты и затем – арестованы в июле 1945 г. отделом СМЕРШ в Берлин-Бухе. В справке, адресованной майором медицинской службы Воробцовым начальнику отдела НКВД Советской военной администрации в Германии (СВАГ) генерал-майору Малькову, говорилось:

> Варшавский Сергей Николаевич, род. 29.1X.1909 в г. Витебске. Русский, образование высшее, окончил в 1937 г. Институт зоологии и фитопатологии в Ленинграде, беспартийный, с 1940 г. работал в Ростовском противочумном институте до 1942 г. в качестве ст. зоолога Зимовнической противочумной станции. Надо указать, что в прилагаемом документе Бауэра, организация «Служебного бюро в Саксенбурге», из числа русских, специализировавшихся по чуме, работавших в Микробиологическом институте в Саксенбурге, упоминается привлечение войсковой группой «Зюд» для института специалистов из Зимовник[ов] и руководства чумного пункта близ Зимовник[ов], округ Ростова <…>. Зоолог Варшавский в своей автобиографии, переданной нам, пишет, что летом 1942 г. он эвакуировался по направлению к Астрахани, но попал к немцам в плен, был арестован, потом освобожден и после освобождения из под ареста направлен на работу в Ростовский Пастеровский институт, откуда вместе с институтом вывезен в Германию.
>
> Крылова Клавдия Тихоновна (жена Варшавского) род. 1 апреля 1907 г. в г. Новороссийске, окончила Северо-Кавказский государственный университет по естественному отделению в 1930 г. Была с 1941–42 г. в партии, но была в 1942 г. исключена за небрежное хранение партийных документов. До прихода немцев работала в Ростовском институте защиты растений. В 1942 г. попала к немцам в попытке эвакуироваться вместе с мужем в районе Астрахани. Была арестована немцами, освобождена и после освобождения поступила в ноябре 1942 г. в Пастеровский Ростовский институт. Там же работал ее муж. Вместе с институтом и мужем была немцами увезена в Германию в январе 1943 г.

Лукьяненко Иван Иванович (в воспоминаниях Варшавского он назван «Лукьянченко»), род. 12. X.1894 в селе Батайск Ростовской области, русский, беспартийный, образование высшее, окончил в 1934 г. институт зоологии и фитопатологии в Ленинграде. Зоолог. Работал до прихода немцев на Северном Кавказе в должности начальника Шибалинского противочумного пункта на Северном Кавказе; в период оккупации был у немцев в селе Заветное Северного Кавказа, куда, как он пишет, был эвакуирован и где был захвачен немцами. В период оккупации немцев с декабря 1942 г. работал в Ростовском Пастеровском институте в должности зоолога и был вывезен на работу в Германию вместе с институтом[35].

Всем троим задержанным предлагалось вспомнить все, что им было известно о сотрудниках Ростовского института – микробиологах и паразитологах, врачах-инфекционистах, которые после эвакуации из Ростова были оставлены для работы в Саксенбурге и имена которых упоминались в списке сотрудников Бюро медицинской информации, организованного Хельмутом Бауэром под патронажем СС. Документы бюро, интересовавшего органы СВАГ, были захвачены в мае 1945 г. Предполагалось, что в Саксенбурге проводились бактериологические исследования военного характера. Был предпринят розыск русских, принимавших в них участие. В одном из документов, содержащих перечень материалов, изъятых в «Институте микробиологии вооруженных сил в Саксенбурге»[36], работавшие в институте и на фабрике «Азид» русские уже названы изменниками родины[37]. Сохранились документы института и бюро, список подозреваемых лиц, а также отчет советских специалистов о результатах обследования (известный вирусолог Лев А. Зильбер в сопровождении майора медслужбы Лебедева)[38]. Позднее архив был передан Ветеринарному институту в Загорске, Московская обл. (ныне Вирусологический центр института микробиологии МО РФ, г. Сергиев-Посад).

В Бухе супругам была предложена работа в лабораторном питомнике для экспериментальных животных, поскольку эта должность освободилась ввиду мобилизации занимавшего ее сотрудника в армию. Справки, выданные им в качестве документов, удостоверяющих личность, соответствовали действительности: директор лаборатории Тимофеев-Ресовский имел право нанимать восточных рабочих. Недоверие, высказываемое некоторыми критиками в адрес Тимофеева-Ресовского, с легкостью раздававшего в военное время какие-то справки всем, кто к нему обращался, ничем не оправдано. Пришедшему с Варшавскими И.И. Лукьяненко Н.В. смог помочь только краткой рекомендательной запиской к знакомому врачу клиники в Берлин-Бухе, где также был нужен вспомогательный персонал. Все трое, таким образом, были на время устроены.

Среди спасенных Н.В. биологов – восточных рабочих и военнопленных, бежавших в последние месяцы войны, – называют еще молодого зоолога Н.Б. Бирулю, паразитолога А.Н. Никулину[39].

Все работавшие в Бухе в войну биологи вспоминают, что в это страшное время Н.В. работал очень много. Варшавский отмечает, что он впервые в своей жизни встретил руководителя, который так внимательно оценивал чужое мнение, особенно если оно в чем-либо существенном противоречило его предположениям и выводам, и принимал его, если оно было убедительно. Споры велись обычно на немецком и русском языках. Орнитологу Варшавскому ближе всего были работы по птицам (чайкам и овсянкам), выполненные в лаборатории в сотрудничестве с крупным

Дмитрий Тимофеев-Ресовский, старший сын генетика. Берлин, 1940 г.

немецким орнитологом Эрвином Штреземаном (результаты исследования опубликованы в 1947 г.).

Среди посетителей Буха и участников обсуждения современники упоминают, помимо физиков, генетика Ганса Штуббе и биохимика А. Раевского, гистолога Руска – одного из знаменитых братьев – изобретателей электронного микроскопа. В лабораторию Гельмута Руска в индустриальном пригороде Берлина Сименсштадте ездил Паншин. Здесь была предпринята первая попытка исследовать хромосомы дрозофилы под электронным микроскопом, для чего пришлось модифицировать методику Руска, предложенную ранее для других объектов. На полученных фотографиях можно было видеть детали структуры, определить диаметр нити хроматина, к исследованию которого биологи подошли много позже – в 1960-е годы. Работа только начиналась, и Николай Владимирович планировал провести рентгеноструктурный анализ хромосомы, надеясь по окончании войны связаться с английскими рентгеноструктурщиками…

Паншин отмечал в своих воспоминаниях, что его воспринимали в Бухе, в окружении Тимофеева-Ресовского, как разведчика, поддерживающего связь с командованием. «У тебя, Борисыч, тут в лацкане пиджака зашита бумажка. Когда придет Красная Армия, ты ее вытащишь!» – говорил Игорю Борисовичу Кач. Более сдержанный Циммер выразился, скорее, утвердительно, чем вопросительно: «Конечно, у Вас имеется связь, но Вы, конечно, нам этого не скажете»[40]. Уверенность основывалась не на откровениях мнимого разведчика, а на высказанном им намерении продолжать работу по исследованию дрозофилы в Москве, где, как он надеялся, сохранились научные общества, с которыми он сотрудничал до войны. Вводило в заблуждение и его нежелание перебраться на Запад, к союзникам, хотя такая возможность в лаборатории обсуждалась всерьез. От варианта переезда в Геттинген, куда

Н.В. ездил в конце 1944 г. с докладом, в то время остановливала только опасность перевозки под бомбежками оборудования (циклотрона и другого, не столь громоздкого, но необходимого генетикам)[41].

В 1944 г Тимофеевы-Ресовские потеряли сына. Старший из сыновей – Дмитрий (детское прозвище Фома) – в 1943 г. был арестован как участник антифашистского подполья. Некоторое время он содержался в тюрьме в Берлине, где были разрешены свидания, затем был отправлен в Маутхаузен, где погиб. Наталья Павловна Кром, лаборантка Н.В., видела, как арестовали Фому-Дмитрия. Его ждали на перекрестке в 50 метрах от дома. Рассказывая об этом приехавшим в Бух советским кинодокументалистам в 1988 г., она плакала[42].

Попытки родителей Дмитрия-Фомы и их друзей спасти его не увенчались успехом. Влиятельные физики[43] делали официальные запросы о возможности взять юношу на поруки. Им было отказано (отказ был подписан Эрнстом Кальтенбруннером – начальником Главного управления имперской безопасности СС, который позже был приговорен в Нюрнберге к смертной казни)[44]. В СССР, начиная со второй половины 1960-х гг., в публикациях участников антифашистского подполья в Германии упоминалось имя Дмитрия Тимофеева-Ресовского. О нем, как о связном и переводчике «Берлинского комитета ВКП(б)», писал в Калужской газете журналист И. Богачев, в 1945–1946 г. служивший в УП СВАГ. В публикациях к 40-летию победы над фашистской Германией имя Д. Тимофеева-Ресовского упоминают участники лагерного подполья Андрей Редлих, Андрей Рыбальченко, В. Нумеров, познакомившиеся с Дмитрием во время заключения его в Маутхаузен. Об отправке сына в лагерь Елене Александровне сообщил Александр Романов, которого при встрече после войны узнал Роберт Ромпе: их познакомил в Бухе в 1944 г. Тимофеев-Ресовский. Младший брат Дмитрия, Андрей Николаевич, вспоминал о том, что к брату в их квартиру в Бухе приходили люди, уносившие листовки[45].

С Гансом Штуббе[46], специалистом по генетике растений, который и в годы войны посещал семинары в Бухе, встречались создатели фильма о Тимофееве-Ресовском. С его помощью удалось разъяснить смысл сказанной Николаем Владимировичем однажды фразы о том, что он «не имел индульгенций за счет Фомы». Штуббе сообщил, что ему было известно о сделанном Н.В. в 1943 г. предложении подключиться к медицинским экспериментам по стерилизации славянского населения Рейха, от которого тот отказался. Именно с отказом отца связывают отправку Фомы из тюрьмы в лагерь[47].

Весна 1945 года

В Бухе, который выглядел оазисом в разрушенном Берлине, старались убедить друг друга в том, что после капитуляции Германии события будут развивать по оптимистичному сценарию.

По версии Паншина, Риль последние недели перед капитуляцией жил в квартире Тимофеевых под предлогом того, что его берлинская квартира разрушена; эта информация поступила от Гирндта, наблюдателя НСДАП в Институте мозга. В это же время Риля разыскивала разведка США (миссия «Алсос»)[48].

Как оказалось, Ромпе был в числе тех участников антифашистского подполья, которые предотвратили готовившийся нацистами взрыв Буховской электростанции. Под влиянием Паншина и Ромпе сотрудники лаборатории готовы были взяться за оружие, брошенное вблизи института отрядами Фольксштурма. Однако Николай Владимирович этому воспротивился в довольно резкой форме, понимая непредсказуемость последствий подобного поступка, и его послушались все, даже горячившийся более других офицер французской армии Шарль Пейру[49].

Советские войска вошли в Бух 21 апреля. По версии Паншина, он, Тимофеев-Ресовский и Ромпе ездили «в поисках какого-нибудь политотдела, чтобы дать Сталину телеграмму[50] о сохранении института с оборудованием и сотрудниками, готовыми без саботажа продолжать работу», причем, Ромпе будто бы заявил, что «задание по вербовке кадров для возможной работы в СССР и для построения послевоенной Германии» им выполнено. Эту информацию и Ромпе, и Паншин сообщили во время допроса сотрудникам СМЕРШа[51]. В результате, Ромпе и Тимофеев-Ресовский были отправлены в Институт с заверениями, что для охраны лабораторий будут выделены люди, а Паншин был задержан для выяснения обстоятельств его военной биографии.

Варшавский и Олег Цингер, описывая те же дни в своих воспоминаниях, не упоминают об инициативном визите Тимофеева-Ресовского и Паншина в ставку военных в Бухе. Также и в доступных материалах СВАГ нет указаний на подобное обращение ученых к военным, однако, это не означает, что беседа вовсе не состоялась.

Олег Цингер вспоминает: уже после того, как Советская Армия вошла в Берлин («буховцы» встретили военных, открыв дверь подвала, служившего им бомбоубежищем, в котором они просидели два дня и две ночи), его «охватило чувство страха и патриотизма» – «наши все же пришли в Берлин!» На территории института остались, кроме Тимофеевых, Паншиных, Царапкиных, Варшавских и Лукьяненко, человек шесть пленных французов, руководство которыми «принял» овладевший собой после предшествовавших дней полной растерянности Николай Владимирович… Вскоре обитатели Буха были арестованы. Допрос Цингера, жившего в Германии с детских лет, продолжался лишь полчаса, Тимофеева-Ресовского же допрашивали по нескольку часов каждую ночь. Через несколько дней (Цингеру помнится, что 11, Варшавскому – 5) всех, кроме Паншина, который был военнослужащим и нарушил присягу, отпустили[52].

По свидетельству Варшавского[53], короткий допрос сотрудников буховского института был проведен 22 апреля в ставке контрразведки 3-й Ударной Армии, в оперативной группе СВАГ майором Быстровым. Было решено продолжать работу и сохранять все в лаборатории вплоть до особого распоряжения военных органов 1-го Белорусского фронта. Несколькими днями позже был вызван Тимофеев-Ресовский, который по возвращении рассказал сотрудникам, что распоряжением Военного Совета 1-го Белорусского фронта и Санитарного управления РККА на базе Института мозга и его генетической лаборатории организован институт генетики и биофизики, который переходит в ведение Отдела здравоохранения СВАГ (ОЗ СВАГ). Сам Николай Владимирович был назначен директором названного института приказом начальника этого отдела генерал-майора А.Я. Кузнецова. С состоянием Института в июне 1945 г. ознакомилась комиссия из представителей ОЗ СВАГ и Академии медицинских наук СССР (АМН СССР)[54].

Дальнейшую жизнь Цингер называет фантастической и нереальной. Н.В., став официальным директором Института генетики и биофизики (ему на этом этапе уда-

лось убедить военных во временной администрации в необходимости поддерживать исследования именно в этой области), пытался продолжать научную работу, но был душевно так одинок и так нервен, что с ним нельзя было говорить. Люди его раздражали, а малейшая веселость приводила в ярость… На принятых раньше и возобновленных вечерах-встречах в институте в кабинете Н.В. теперь присутствовали военные врачи, «с которыми Н.В. был много любезнее, чем прежде с нами», – замечает Цингер. При этом, Тимофеев-Ресовский часто убеждал советских офицеров, что им нужно съездить в Париж или в Лондон – «теперь это для вас не очень далеко», на что военные или отмалчивались, или говорили что-нибудь вроде «н-да, хорошо бы…». Очевидно, всегда собранный Николай Владимирович пребывал в состоянии растерянности и совершенно не ориентировался в советской действительности. «К нему были милы, но, очевидно, не все», – комментирует эту ситуацию Цингер… Однажды вечером все разрешилось: за Тимофеевым-Ресовским приехали, очень любезно пригласили «Колюшу», как называл его Цингер, сесть в машину (съездить в Берлин на какую-то конференцию), обещав через час или два привезти обратно[55].

Арест Тимофеева-Ресовского в обстановке, царившей в Берлине летом 1945 г., представляется событием неизбежным, но относительно того, каким мог быть непосредственный к нему повод, существует ряд предположений.

После первого разговора с представителем НКВД А. Завенягиным[56] Тимофеев-Ресовский был настроен оптимистично. И, как он уверял в 1977 г. во время интервью американскому историку науки Марку Адамсу, ничего не опасался, будучи готовым разрабатывать обоснования средств радиобиологической защиты, и первое время в Институте отъезд Николая Владимировича не расценивался как арест. Сам он был уверен, что вызван в Москву для подготовки переезда Института[57]. Жорес Медведев, работавший вместе с Тимофеевым-Ресовским в Обнинске в 1960-е гг., предполагает, что причиной ареста было противодействие директора демонтажу института, запланированному репарационным отделом СВАГ[58]. Возможно, если бы не информация (донос?) биолога Нуждина, в недавнем прошлом генетика, а затем активного лысенковца (в составе группы посетив академических ученых, он выразил удивление по поводу того, что такому человеку, как Тимофеев-Ресовский, поручено руководить институтом в советской зоне), никто из руководства, кроме Завенягина, о Николае Владимировиче и не вспомнил бы… Лысенковцы[59] же в пылу борьбы за торжество в СССР мичуринской биологии[60] при каждом удобном случае склоняли имя Тимофеева-Ресовского – вейсманиста-морганиста, к тому же невозвращенца, работавшего на гитлеровский Рейх[61]. В силу этого обстоятельства судьба ученого, попавшего в НКВД уже в Москве, не могла решиться иначе, чем по приговору суда.

Сам Николай Владимирович был уверен, по его собственному замечанию, что ЧК у нас работает на «ять», что бы ни происходило в стране: «Мы, живучи за границей, все так думали, что каждый шаг наш известен, все известно о нас, потому что мы все были на более-менее видном положении, не просто шофера такси, а заведовал я в институте целым отделом большим, оказывается, ничего не знали, решительно ничего»[62]. В своих воспоминаниях Цингер отмечал что Николай Владимирович, ожидая решения своей судьбы уже после входа советских войск в Берлин, испытывал сильную нервозность; ясно, что в действительности он не был уверен в разумности действий советских органов политического сыска и дознания. В том, что реальность была значительно более горька и жестока, ему пришлось убедиться весьма скоро. Хотя уже после вынесения приговора Завенягин искал Н.В. по лаге-

рям и нашел его в конце 1946 г., это вовсе не свидетельствует о личном расположении зам. наркома внутренних дел, очарованного, как пишет, идеализируя ситуацию, беллетрист Гранин, личностью и эрудицией профессора, с которым он беседовал в освобожденном Берлине. Радиобиолог Тимофеев-Ресовский был востребован Системой, оперативно разрабатывавшей способы производства радиоактивных материалов для преодоления монополии Соединенных Штатов на ядерное оружие, и ответственный чиновник, которому было поручено «обеспечить» необходимые условия для выполнения госзаказа, просто своевременно выполнил задание..

О приглашении подключиться к советскому атомному проекту в качестве радиобиолога сам Николай Владимирович говорил, что он был «завербован»[63]. «Вербовка» заключалась в договоренности с А. Завенягиным, достаточно влиятельным человеком, но не успевшим ко времени неожиданного ареста Тимофеева-Ресовского организовать для него вызов в Советский Союз. Вероятно, это было непросто, тем более что работы на военном объекте на Урале, где двумя годами позже все-таки оказался Тимофеев-Ресовский, находились только в стадии организации, и там были нужны, в первую очередь, не биологи, а физики и техники, строители и металлурги. Приехавшие в Германию вслед за Завенягиным представители «фирмы» Ю.Б. Харитон и И.К. Кикоин были озабочены поисками отнюдь не биологов, а запасов обогащенного урана и специалистов в области ядерной физики. Задача радиационной безопасности была поставлена значительно позже. Экспериментальные исследования Тимофеева-Ресовского в области, обозначенной им как «биогеоценология», и ее практическое применение, необходимое для грамотного обращения с большими количествами радиоактивных материалов – источников жесткого излучения, опасного для всего живого, – не находили понимания и должной оценки в течение более чем двух десятилетий. Об этом красноречиво свидетельствует эпизод, рассказанный Тимофеевым-Ресовским в одной из лекций-бесед своего домашнего семинара в Обнинске (не вполне легального) в 1970-е гг.; а также наличие в настоящее время на Южном Урале озер, до берегов заполненных радиоактивными отходами, показанных московскими кинодокументалистами в фильме о Тимофееве-Ресовском[64].

Об участии немецких коллег Тимофеева-Ресовского в атомных проектах Германии и СССР известно из их воспоминаний и ряда документов, опубликованных в 1990-е гг.[65]. В нашей статье уместно упомянуть только отдельные факты, связанные с послевоенной судьбой героев повествования.

В начале мая 1945 г. группа советских физиков, прилетевшая в Берлин с такой же миссией, как у американской группы «Алсос» (поиск металлического урана, физического оборудования, немецких специалистов, документов и литературы по ядерной проблеме), разыскала Риля и Карла Гюнтера Циммера, рекомендованных Ромпе. Они приняли приглашение советского правительства присоединиться к работе по Атомному проекту в СССР. Вероятно, перед ними стоял выбор: выехать в США или отказаться от дальнейших разработок в области прикладной ядерной физики, т. к. в разоренной Европе было невозможно создать условия для реализации масштабных научно-технических проектов. Берлин был разрушен. Пострадали и исследовательские центры, службы СВАГ демонтировали важные из сохранившихся научных учреждений. В СССР, ценой напряжения всех сил, были обеспечены ресурсы для исследовательской и производственной деятельности, первой (но не единственной) целью которой было создание оружия.

Знал ли Николай Владимирович в Берлин-Бухе в 1945 г. о работах по ядерной проблеме в СССР?

Известны два факта. Разговаривая с Паншиным о радиобиологической тематике в отделе, он охарактеризовал нейтронный генератор Риля и Циммера, стоявший в соседней комнате, как «очень совершенную, но маломощную конструкцию, пригодную только для некоторых теоретических исследований», заметив, при этом, что в Советском Союзе уже есть более мощные ускорители. Стало очевидно, что в Германии шли работы по созданию атомного оружия, после известной бомбежки американской авиацией Ораниенбурга под Берлином в марте 1945 г[66]. Сотрудникам института запомнились слова Николая Владимировича, сказанные по-немецки: «Риль полностью разбомблен»[67].

19 декабря 1945 г. в СССР было принято решение о привлечении немецких специалистов к участию в советском атомном проекте[68]. Риль приехал в СССР раньше своих коллег по Буховскому институту и в течение 5 лет трудился над созданием оборудования для электрохимического завода по производству ядерных материалов в г. Электросталь вблизи Москвы. Ромпе и Циммер работали в лаборатории «Б», организованной на Южном Урале вблизи строившегося крупного завода по производству металлического урана. Кач встретил Тимофеева-Ресовского в Сунгуле (Ю. Урал) в 1947 г.

В середине 1940-х гг. в мире было только несколько человек, систематически занимавшихся радиационной генетикой. В эту группу биологов входит Тимофеев-Ресовский, который считался крупнейшим специалистом в силу присущих ему общебиологического, популяционного и экологического подходов. Исследуя непосредственное воздействие радиации на наследственный аппарат животных клеток, он уже в 1940-е гг. хорошо понимал, каковы могут быть отдаленные последствия радиационного загрязнения. Как показали его исследования 1950–70-х гг., ученый оказался готов к решению проблемы радиобиологической защиты путем разработки биологических методов дезактивации воды и почвы и именно это ставил своей задачей.

Биологические лаборатории в атомном проекте первоначально были организованы для немецких специалистов, к которым позже присоединились Тимофеев-Ресовский и радиохимик С.А. Вознесенский. Организацией биолого-медицинской лаборатории в пос. Обнинское Калужской обл., на базе которой в 1950-е гг. вырос Институт медицинской радиологии МЗ СССР, руководил также в 1946 г. немецкий профессор Гейнц Позе[69].

Изоляция СССР от мирового потока научно-технической мысли, наступившая вследствие перехода недавних союзников по антигитлеровской коалиции на позиции холодной войны, предопределила особенности методов и способов реализации советского ядерного проекта, в целом, не исключая и атомные разработки. Главной чертой проекта стал его мобилизационный характер, что и заставило Завенягина разыскивать по ГУЛАГовским учреждениям Тимофеева-Ресовского. «Там посажено было много, немудрено, что я был утерян», – грустно шутил он, рассказывая в 1977 г. о себе по просьбе молодежи[70]. «Я вернулся не обычным путем – меня, значит, “прилетели” сюда, какое-то 3-е управление, которое ведало собственно ПСЖ, умудрилось… сделать мне ПСЖ…». («Сделать пэ-сэ-жэ» означает в просторечье «посадить в тюрьму».)

Приехать со своей лабораторией из Берлина, как фон Арденне[71], ему не позволили.

Послевоенные испытания и посмертная реабилитация

Задачей лаборатории «Б», в которую и был препровожден после месячного пребывания в больничной палате перевезенный из лагеря Н.В. Тимофеев-Ресовский, было прогнозирование развития заболеваний человека при воздействии различных уровней радиации. В течение 2–3 лет работы лаборатории были определены степени влияния радиации на человека и животных. На заседаниях секции № 5 (медико-биологической), организованной в Специальном Техническом Совете (СТС) при президенте АН СССР, изучали монографию Циммера и Кача «Теоретические основы защиты от излучений», опубликованную на русском языке; обсуждался и был утвержден в качестве обязательного пособия подготовленный проф. М.Н. Лебединским «Справочник по дозиметрии для инженерно-технических работников». В Институте гигиены труда и профзаболеваний Академии медицинских наук СССР был организован биофизический отдел, руководитель которого проф. Август А. Летавет в 1947 г. обследовал 17 объектов ПГУ. В январе 1948 г. проходило обсуждение доклада «Масштабы изучения действия урана и других веществ на организм человека». На радиохимическом производстве (завод № 817, Челябинск-40), вблизи которого находилась лаборатория Тимофеева-Ресовского, было обнаружено 100-кратное превышение нормы. Научными медико-гигиеническими исследованиями занимались еще 12 научно-исследовательских учреждний МЗ СССР, в том числе Лаборатория ядерной безопасности (пос. «Обнинское» Калужской обл.), которая впоследствии была расширена до крупного специализированного института; именно там с 1964 г. по 1969 г. работал Николай Владимирович, получивший разрешение выехать с Урала.

Существенно, что в работах по истории атомного проекта радиобиологические исследования только упоминаются, но подробно не рассматриваются. Даже если учесть, что исторические очерки подготовлены в научных центрах, решавших технические аспекты проблемы, нельзя не увидеть в таком умолчании пренебрежение вопросами радиобиологической безопасности. Понятной в энтузиастах беспечности, непониманию специфических биологических и медицинских вопросов первыми строителями объектов и испытателями должны были противостоять ответственность и грамотность организаторов проекта.

Только в конце 1945 г., когда были опубликованы данные об облучении персонала, работавшего на ядерных установках в США, и началось изучение последствий для населения атомной бомбардировки в Японии, СК ГКО СССР был утвержден план строительства комплексной лаборатории и научных учреждений с целью обеспечения дозиметрического контроля и установления санитарных норм. Создатели Атомного проекта в очерках его истории сообщают, что проблеме безопасности с первых дней придавалось первостепенное значение, однако, все воспоминания содержат эпизоды, противоречащие этим утверждениям. Мобилизационный характер реализации проекта просто не оставлял времени и места для соблюдения правил и внедрения техники радиационной безопасности. К тому же приемы радиационной безопасности разрабатывались темпами, значительно уступавшими стремительному развитию факторов риска, умноженных неосведомленностью, непониманием и просто халатностью чиновников.

Достаточно привести эпизод, рассказанный самим Юлием Б. Харитоном. При подготовке первого «изделия» к испытанию – точнее, при его сборке – навинчивая на стержень диск металлического урана, который должен был двигаться к основной

Николай Тимофеев-Ресовский на летних занятиях в Миассе (Южный Урал), 1960 г.

массе урана для достижения критической массы, Юлий Борисович наклонился, как это делают близорукие люди, посмотреть, почему диск садится неровно… Когда сотрудники бросились к висевшему на стене дозиметру, чтобы понять, какому риску подвергал себя Харитон, оказалось, что единственный в помещении прибор контроля не исправен[72]. Еще большей проблемой были отходы в спешке создаваемых производств. Пренебрежение исследованиями, проведенными Тимофеевым-Ресовским и его сотрудниками на Южном Урале, посвященными закономерностям распределения радиоактивных элементов в почвах, водах, растительных и животных организмах, возможностей биологических методов дезактивации воды и почв, дорого обошлось стране.

Вот как вспоминает Николай Владимирович в одной из своих лекций-бесед эпизоды, связанные с засекречиванием этой части работы, расценивая их как анекдотические. «Мы, проработав десять лет в атомной системе, наработали кучу совершенно секретных отчетов. <…> Мы свою работу научную, сиречь отчеты, печатали в четырех экземплярах, из коих три экземпляра, по-моему, посылали в Москву, а один оставался у нас в секретной части».

Каково же было изумление Николая Владимировича, когда однажды, в один из его приездов в Москву в отпуск уже из Института биофизики в Свердловске, в доме друзей его застал звонок академика Анатолия П. Александрова, курировавшего научную часть атомной промышленности. Тот интересовался устройством биологической очистки радиоактивно загрязненных сточных вод, срочно необходимым на одном «физическом объекте, где у нас реактор…». Привожу разговор так, как его передавал Н.В.:

– Я слышал, что Вы будучи в системе, и Ваша лаборатория этими делами как раз и занимались?

– Странно, Анатолий Александрович, что Вы только слышали об этом. Не так давно это было, я все помню: мы Вам в двух экземплярах, или в трех даже, послали 22 отчета по этой проблеме. Причем, один из последних так и назывался: «Система биологической доочистки радиоактивно загрязненных сточных вод».

– Я слышал, – объясняет академик, – что вы этим занимаетесь и что у вас были отчеты. Но ведь вы знаете, у нас эти отчеты читаются одним человеком допущенным. Да и он их обыкновенно не читает, не интересуется. А потом они лежат в железных шкафах. А полежавши, кажется, два с половиной года (это он сказал «кажется», это не я говорю), попадают в секретный государственный архив. И чтобы мне, начальнику всей атомной системы, получить их, потребовалось бы года два. Даже секретные списки ваших секретных отчетов уже в этом секретном архиве, их сперва нужно получить, а потом выбрать нужный и подать заявление о получении ваших секретных отчетов. Так ведь уже разрушится наш завод, который мы строим, а ваших отчетов мы все еще не получим. …Не можете ли вы заехать вместе с Еленой Александровной ко мне в Средмаш (мы вам пропуска закажем всякие) и рассказать подробно о ваших делах. А мы совершенно секретную машинистку посадим, стенографистку, она будет записывать все, что вы вспомните.

Я говорю: «Совсем интересно получается. А Вы, может быть, слышали еще, что при закрытии нашего объекта в 1955 г. все наши отчеты были рассекречены, и тот экземпляр, который оставался в нашей секретной части, был рассекречен официально. Слова “секретно”, номер секретности – все тушью замазано, и мне отчеты были переданы. И сейчас они у меня на Миассовской станции лежат себе, как милые, все наши отчеты, часть мы уже напечатали в виде работ… Раз вам, высшему начальству, получить из государственного архива – два с половиной года требуется, то можете Вы подождать немного? Мы с Лелькой через десять дней или через две недели, самое позднее, в Свердловск едем. Я Вам обещаю тотчас по приезде вот этот наш отчет, толстый, подробный, где все рассказано, прислать. Я посажу совершенно обыкновенную свою машинистку, несекретную, она его перепечатает на всякий случай с двумя копиями. Вам послать один экземпляр или, может быть, два или три?».

– Пошлите, – говорит, – два или три экземпляра, ежели вам все равно.

…Ведь во всем мире считается, – продолжал свой рассказ молодежи Н.В., – что американцы разработали всю медицину изотопную, так сказать, биологию и всю водную изотопную биологию. А мы все это раньше американцев сделали. Но американцы делали – и печатали. А мы делали – и посылали в эту прорву, в Средмаш, из которого сам начальник всего этого дела не может получить ничего постфактум и даже не знает, что эти отчеты рассекречены…[73].

Вопрос о реабилитации Тимофеева-Ресовского при жизни всерьез не поднимался. Попытки некоторых членов АН СССР, решивших привлечь выдающегося ученого, работы которого входили во все обзоры по эволюционной генетике и общей биологии, в академический круг, наталкивались на противодействие как внутри академии, так и во внеакадемических инстанциях. Следы таких попыток сохранились, например, в архиве академика Владимира А. Энгельгардта. Это несколько писем Н. В. к нему и заметки, которые писал для памяти В. А. перед предстоящей встречей с президентом Академии Мстиславом В. Келдышем. Энгельгардт, несмотря на сопротивление некоторой части академического сообщества, включал Тимофеева-Ресовского в те государственные программы по биологии, которые он курировал как председатель межведомственного научного Совета по физико-химической биологии[74]. От мысли же избрания Николая Владимировича в Академию пришлось отказаться как от утопической: он был для этого учреждения слишком критичен, независим и потому неудобен.

В течение трех десятилетий, вплоть до последних «перестроечных» лет в СССР, германское прошлое Тимофеева-Ресовского было козырем в непрекращавшейся

игре лысенковцев против научной биологии. Нападки на ученого стали более ожесточенными в связи с присуждением ему Ученым советом Института биофизики Уральского филиала АН СССР степени доктора биологических наук. Утверждение этого решения Высшей Аттестационной Комиссией (ВАК СССР) в отношении автора двухсот статей и десятка монографий, лауреата двух международных медалей и премий, члена двух западных академий и трех научных обществ, состоять в которых почитали за честь известные своими открытиями естествоиспытатели всего мира, откладывалось трижды.

Выход биографической повести Даниила Гранина (после смерти героя) вызвал раздражение и в СССР, и в Германии. В России к автору предъявили претензии ученики Тимофеева-Ресовского за неточное изложение им данных в устных беседах; дети упоминавшихся в тексте ученых – как, например, Мария Завадовская, дочь известного русского зоолога Михаила М. Завадовского, – критиковали Гранина за искажение фактов их биографий. Бурную дискуссию вызвала публикация рецензии на повесть немецкого генетика Б. Мюллер-Хилла[75].

Претензии активных лысенковцев (В. Иоганзен), публицистов большевистского толка (В. Бондаренко, А. Кузьмин) основываются как раз на материале повести Гранина – автор не был убедителен в «оправдании» своего героя. («В 1944 г. под руководство Зубру отдали часть физиков-атомщиков, работавших над проблемой бомбы… Почему немецкие физики перешли в его подчинение?»)[76]. Далеким от науки критикам повести не нравилось, что герой представлен этаким сверхчеловеком, счастливо миновавшим Сциллу и Харибду нашего времени: тяготы военных действий и оккупации его не затронули, а 10 полагавшихся за измену Родине лет он провел, за исключением одного года, в комфортных условиях шарашки на спецобъекте.

Как справедливо замечает генетик Раиса Берг, Гранин не только сам осуждает Тимофеева-Ресовского, он изображает его осознающим свою вину перед Родиной[77].

Неординарность личности и неординарность поступков Николая Владимировича, при всем, казалось бы, восхищении им, в действительности плохо укладывается в изложение автором его биографии.

Тимофеев-Ресовский (вместе с Царапкиным) был осужден фактически за отказ вернуться в 1937 г. – как утверждал Генеральный прокурор СССР Николай Турбин, в 1991 г. пересмотревший дело генетиков[78], и доказательств участия ученых в преступлениях нацистского режима следствием не найдено. Несмотря на это, в обществе прочно утвердилось представление о том, что существовать в Рейхе военного времени, тем более русскому, не демонстрируя своей лояльности действенным одобрением происходящего, невозможно. Сам Николай Владимирович в 1970-х гг., рассказывая друзьям о пережитом им следствии, вспоминал: когда следователь уговаривал его подписать признание в шпионаже в пользу Германии, он предложил в качестве компромиссного варианта назваться «чилийским шпионом», чтобы впоследствии разбирающие дела историки по нелепости признания легко догадались о том, что перед ними очередная фальсификация. Следователь, по словам рассказчика, рассмеялся и сказал «черт с тобой, не подписывай, “десятку” я тебе и так накину…»[79].

Прокурор Турбин в 1991 г. уже не мог иметь свидетельств самих обвиняемых, однако, ему были доступны показания немецких коллег Тимофеева-Ресовского – Риля, Ромпе и Штуббе – и торжественно данное под присягой свидетельство Шарля Пейру.

К Роберту Ромпе и Гансу Штуббе обращались в начале 1970-х гг. советский биофизик, член-корреспондент АН СССР Михаил Владимирович Волькенштейн (по просьбе В.А. Энгельгардта, намеревавшегося тогда представить Тимофеева-Ресовского к избранию в Академию) и автор документального фильма об ученом Е. Саканян. Друг Н.В. – Роман Романович (Роберт Ромпе), – будучи членом ЦК СЕПГ, не смог позволить себе в 1970 г. дать Волькенштейну письменное подтверждение своей высокой оценки деятельности Н.В. в военной Германии, как это сделал беспартийный Штуббе[80]. Результаты же официального расследования, проведенного в АН ГДР по запросу Военной прокуратуры СССР, последнюю не удовлетворили: в 1980-е гг. дело на этом основании пересмотрено не было, несмотря на четко сформулированное заключение о том, что «исследования, которые проводил советский ученый Николай Тимофеевич Тимофеев-Ресовский, никогда не способствовали тому, чтобы сознательно укреплять фашистскую диктатуру в Германии или предоставлять фашистам средства для ведения войны»[81].

Обвинение Тимофеева-Ресовского в коллаборационизме решительно отверг Николаус Риль, отвечая в 1989 г. Диане Пауль (США) на письмо, адресованное ею Максу Борну. Тот к этому времени уже скончался, и письмо передала Рилю его вдова. «Ответ гласит: работа Т.-Р. нечего общего не имела с “урановым проектом”». Подтвердив, что Н.В. хорошо знал многих физиков, работавших в этой области, – в том числе и его самого – Риль подчеркивал, что контакты появлялись благодаря общему интересу к биофизическим проблемам. «Он выжил среди нацистов, но лишь потому, что был окружен людьми, заслонявшими его от опасности. Уберечь его было трудно, но это удалось сделать не только по отношению к нему. Спаслись, например, биофизик, еврей по национальности, Варбург, физик Кальман и другие»[82].

Свидетельство Шарля Пейру было дано в 1989 г. по просьбе советского физика Евгения Фейнберга, обеспокоенного задержкой реабилитации честного имени Тимофеева-Ресовского: «Я, нижеподписавшийся Шарль Луи Жан Пейру, свидетельствую честью, что нижеследующее является обсолютной правдой…»[83].

Пейру, бывший много лет директором отдела Европейского центра ядерных исследований в Женеве (CERN), почетный профессор университета в Берне, характеризует Н.В. как убежденного антифашиста, своего наставника в науке и политике. По словам Пейру, Тимофеев-Ресовский, будучи гораздо старше его и имея бóльший опыт деятельности в нацистской Германии, несомненно, укрепил его собственные антифашистские взгляды и подвел под них более прочный политический фундамент. Сотрудничество с концерном «Ауэр» Пейру (так же, как и Риль) объяснял необходимостью присвоения лаборатории хотя бы низкой степени приоритета, означавшей в действительности, что ее проекты не имели никакого значения для войны. Пейру напоминает, что в 1945 г. у Тимофеева-Ресовского много раз была возможность перевести свой отдел на Запад. И, наверное, генетик не остался бы в Берлине, если бы ранее проявлял хоть малейшую активность в реализации нацистских военных программ, а не желал бы, как думает Пейру, вступить в контакт со своей родиной и соотечественниками.

Эти свидетельства приведены в нашем изложении не столько для того, чтобы доказать невиновность Тимофеева-Ресовского и работавших под его началом сотрудников в предъявляемых им молвой проступках, сколько для того, чтобы еще раз подчеркнуть солидарность ученых, поставленных обстоятельствами в тяжелейшие условия. Они смогли выйти из ловушки, поставленной политиками, с большим достоинством и, не изменив себе, продолжить свое дело, работая в разных странах.

Бенно Мюллер-Хилл, генетик и историк науки, профессор Кельнского университета – автор монографии «Убивающая наука», в которой рассмотрен процесс деградации биологических исследований в Рейхе 1933–45 гг. под властью политиков, опьяненных возможностью силой оружия реализовать свои понятия о чистоте расы[84]. Он с недоверием рассматривает деятельность русского ученого, представленную Граниным как героическую, и ставит вопрос: действительно ли поведение ученых-иностранцев, граждан государств-противников, могло быть столь безупречным в жестких условиях военного времени в Германии.

В начале своего изложения автор рассказывает о поддержке английскими и американскими генетиками евгенических конгрессов предвоенного времени, когда немецкую евгенику, на базе которой позже строилась расовая политика, представлял Ойген Фишер, директор Института антропологии, генетики человека и евгеники им. кайзера Вильгельма[85].

В рецензии на повесть «Зубр» Мюллер-Хилл напоминает, что в России, предреволюционной и послереволюционной, генетика тоже отождествлялась политиками, не искушенными в науке, с евгеникой. Сам факт поддержки этого направления в нацистской Германии способствовал гонениям в СССР на генетику в течение более чем 30-ти лет, что привело к тяжелым последствиям для российской биологической науки в целом. Не означает ли возвеличивание писателем Граниным Тимофеева-Ресовского и другого генетика, Николая Дубинина, что в СССР возможна реставрация в современных условиях евгенических подходов в науке, что может быть опасно при все еще не изжитой СССР склонности к диктату и единомыслию?

Кроме того, автор, как можно понять из этой и других его публикаций[86], опасается, что идея, коротко сформулированная афоризмом «все, что ни придумают ученые, годится для войны», находит последователей во все времена и не только в экстремальных условиях. Опасения оправданы: наука – действительно обоюдоострое оружие, и в период затянувшейся холодной войны, несмотря на международные соглашения о запрете химического и биологического оружия, в мире продолжались исследования по его совершенствованию. Но в таком случае единственным препятствием, мешающим переступить порог безумия, остается нравственность, в которой профессор Мюллер-Хилл, собрав множество свидетельств разложения научного сообщества в Германии времен Третьего рейха, готов отказать и русским биологам, оказавшимся на «нейтральной полосе» между двумя диктатурами. Рассматривая полученные им по почте указания на то, что в Отделе генетики Института мозга проводились медицинские эксперименты с введением высоких доз радиоактивного тория, автор рецензии не допускает, что источником этих сведений могли быть опубликованные еще перед войной результаты экспериментального определения оптимальной дозы короткоживущего изотопа тория, применяемого в диагностике и терапии[87]. На основании цитологического анализа тканей животных, подвергнутых облучению, предлагалось, исходя из соотношения веса экспериментального животного и массы тела каждого пациента, рассчитывать дозу для пациента. Кроме того, именно многолетняя работа группы Тимофеева-Ресовского по рентгеновскому мутагенезу дала основание медикам говорить об опасности даже малых доз излучения. Была установлена предельно допустимая суммарная доза рентгеновского облучения и придуманы защитные свинцовые фартуки для персонала рентгеновских кабинетов в клиниках. Других «свидетельств» медицинских экспериментов Отдела генетики профессор Мюллер-Хилл, изучив материалы архивов 1933–45 гг. (в предисловии их

Николай Тимофеев-Ресовский и писатель Александр Солженицын. Обнинск, около 1970 г.

названо 11)[88], не выявил. О ликбезовской в области генетики дрозофилы лекции, прочитанной Тимофеевым-Ресовским в 1939 г., которую автор рецензии рассматривает как теоретическое обоснование расовой политики Рейха, уже сказано выше.

Мюллер-Хилл бывал в 1970-х гг. в СССР, участвуя в симпозиумах по программе двустороннего сотрудничества СССР–ФРГ, но не был знаком с Тимофеевым-Ресовским. В те годы компетентные органы все еще ограничивали его контакты с иностранными учеными. Даже Дельбрюку не было разрешено встретиться с другом. Энгельгардту удалось организовать их встречу в неофициальной обстановке под предлогом выезда Дельбрюка на обед после его лекции в Институте молекулярной биологии АН СССР[89]. На лекции Дельбрюк, к изумлению тех, кто собрался послушать Нобелевского лауреата по физиологии и медицине, рассказывал о своем увлечении астрономией и демонстрировал изумительные снимки звездного неба. Таким образом Мюллер–Хиллу не случилось попасть под обаяние Николая Владимировича в одном с ним кругу общения. Вероятно, это могло бы снять многие предубеждения.

Исследования Тимофеева-Ресовского послевоенного времени, ориентированные на создание радиобиологической защиты и развитие одного из основополагающих направлений современного естествознания – биогеоценологии – общепризнанны. Вопрос о нравственном выборе и позиции ученого в создаваемых политиками обстоятельствах по-прежнему актуален. Будем надеяться, что и немцы, и русские послевоенных поколений сохранят уважение к достойно пережившему потрясения второй половины 1940-х гг. буховскому сообществу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Из советских биологов в 1930-е гг. степендии Фонда получали Феодосий Добжанский (1900–1975), Георгий Карпеченко (1899–1942), Василий Слепков и Антон Жебрак (1901–1965). См.: *Raymond B. Fosdick:* The story of the Rockefeller Foundation. – N. Y., 1952. S. 1052.

[2] Из командировок по разным причинам не вернулись химики В. Ипатьев, Е. Чичибабин, физик Г. Гамов, генетик Ф. Добржанский.

[3] Тимофеев-Ресовский родился в 1900 г. в Калужской области в семье инженера железнодорожного транспорта. В 1917–23 гг. он изучал в Москве зоологию, естественные науки и историю искусства – с перерывом во время Гражданской войны. В 1922 г. женился на Елене Александровне Фидлер, в браке были рождены сыньвья Дмитрий (1923) и Андрей (1927). С 1923 г. Тимофеев-Ресовский работал генетиком в Институте экспериментальной биологии в Москве, затем в 1925 г. он вместе с женой получил место научного сотрудника в Берлине, где оба работали вплоть до 1945 г. В связи со сталинскими чистками ученый отверг требование советского посольства вернуться в СССР в 1937 г. Его сын Дмитрий был арестован гестапо в 1943 г. и два года спустя умер в концентрационном лагере Маутхаузен. В сентябре 1945 г. ученый был задержан сотрудниками НКВД, депортирован в Советский Союз и в 1946 г. приговорен к 10-летнему сроку лагерного заключения за измену родине. В 1947–1955 гг. он в качестве заключенного возглавлял на Урале тайные исследовательские разработки атомного проекта. В 1955–1964 гг. работал в Институте биологии Уральского филиала Академии наук СССР, затем возглавлял отдел радиобиологии и генетики в обнинской Академии медицинских наук, в 1968 г. был уволен по политическим причинам. С 1971 г. занимался научной и исследовательской деятельностью в качестве консультанта при Институте медико-биологических проблем Академии Наук в Москве. Тимофеев-Ресовский умер в 1981 г. в Обнинске. В 1991 г. он был реабилитирован. См. историю его жизни *Peter Jahn:* Juni 1941. Der tiefe Schnitt. – Berlin, 2001. S. 156.

[4] *Н.В. Тимофеев-Ресовский.* О прожитом. (Из воспоминаний, записанных М. Адамсом в 1977 г.) // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки, воспоминания, материалы. – М., 1993. С. 47.

[5] *Н. Тимовеев-Ресовский.* Воспоминания. – М., 1995. С. 188.

[6] *N.V. Timoffeev-Ressovsky:* Experimentelle Mutationsforschung in der Vererbungslehre. Beeinflussung der Erbanlagen durch Strahlung und andere Faktoren; mit 49 Tabellen. – Dresden und Leipzig, 1937.

[7] *Кольцов Н.К.* Физико-химические основы морфологии // Классики советской генетики 1920–1940. – М., 1968.

[8] *Кольцов Н.К.* Наследственные молекулы. Наука и жизнь. 1935. № 5. С. 4–14; Роль гена в физиологии развития. Биол. журнал. 1935. Т. 4. № 5. С. 753–774.

[9] Э. Шредингер (1887–1961), один из основоположников квантовой теории. Обосновал в цикле лекций 1943 г. свои представления о природе гена, наследственности и изменчивости. В русском переводе см.: *Шредингер Э.* Что такое жизнь? С точки зрения физика. – М., 1972. Цитируя исследование Тимофеева, Циммера и Дельбрюка 1935 г., Шредингер отмечает: «В работе Н.В. Тимофеева-Ресовского содержится практический намек, о котором я не могу здесь не упомянуть <…> В наши дни у человека много возможностей подвергнуть себя облучению рентгеновскими лучами – медицинские сестры и врачи рентгенологи, обеспеченные специальной защитой. Дело, однако, в том, что даже при успешном отражении этой неизбежной опасности, грозящей каждому, существует косвенная опасность возникновения небольших вредных мутаций в зачатковых клетках, мутаций таких же, как и те, с которыми мы встречаемся, когда речь шла о неблагоприятных факторах родственного скрещивания». (С. 49–50). Оргинальный источник: What is life? The physical aspects in the living cell. Based on lectures delivered under the auspices of the Institute at Trinity College, Dublin, in February 1943. – Cambridge, 1946.

[10] *C.H. Waddington:* Some European Contribution to the Prehistory of Molecular Biology. Nature, 1969, vol.10. P. 221.

[11] *N.V. Timofféeff-Ressovsky, K.G. Zimmer, M. Delbrück.* Über die Natur der Genmutation und Genstruktur. In: Nachrichten von der Gesellschaft für Wissenschaften zu Göttingen. Math. – phys. Klasse, Fachgruppe VI: Nachrichten aus der Biologie, Bd. 1 (1934/35), Nr. 13. S. 189–245.

[12] Автобиографическая записка Н.В. Тимофеева-Ресовского // *А.Н. Тюрюканов, А.М. Федоров.* Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский: биосферные раздумья. – М., 1996. С. 9.

[13] Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1929–1940 // Научное наследство. Т. 10. 1987. С. 191.

[14] Это замечание может быть проиллюстрировано сюжетом из семейной истории автора статьи. В 1923 г. И.С. Левин, инженер-строитель, выехал с семьей в Германию для лечения 11-летнего сына, которому в Берлине была успешно сделана операция. Родители мальчика вернулись в СССР в 1938 г., к счастью, избежав осложнений. Однако сын, получивший среднее образование

в Германии, продолжил учебу в Великобритании, преподавал в колледже в Индии и вернулся в СССР в 1945 г. Тогда в СССР преследовались граждане, познакомившиеся с жизнью в Европе, поэтому он получил «поражение в правах», повторно закончил (экстерном) МГУ, т. к. Оксфордский диплом не давал права на преподавательскую деятельность в советском вузе. Впоследствии В.И. Левин – профессор МГПИ и Московского института стали и сплавов, автор нескольких учебников по математике для высшей школы.

[15] *Н. Тимофеев-Ресовский.* Воспоминания. (глава «От Германии до Сукугундии»). – М., 1995. С. 272–273.

[16] Там же. С. 284.

[17] *О. Цингер.* Воспоминания. Химия и жизнь. 1990. № 12. С. 38–54. *О Цингер.* Колюша – Н.В. Тимофеев-Ресовский // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки, воспоминания, материалы. – М., 1993. С. 156–272.

[18] *В.Д. Есаков,* личный архив (Москва).

[19] *Цингер.* Воспоминания (см. сн. 17). С. 41.

[20] *Цингер.* Цит. соч. С. 41.

[21] Там же. С. 165.

[22] *Д. Гранин*. Зубр. – Л., 1987.

[23] Фирма названа в честь химика Карла Ауэра фон Вельсбаха (1858–1929), который в 1885 г. изобрел газокалильную сетку. Во время мировых войн производила системы противовоздушной обороны, после 1945 г. – системы охраны труда.

[24] См. в этом томе: *Татьяна Горяева.* «Если завтра война…».

[25] *Н. Риль.* Письмо Дайане Пауль // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки… С. 53.

[26] *Горяев, И.А.* Судьбы людские // Репрессированная наука. Изд. М.Г. Ярошевский. Вып.2. – СПб., 1994. С. 257. В данном случае речь идет об интервью, которое Игорь Паншин дал в 1987 г. журналисту Игорю Горяеву.

[27] Паншин И.Б. в Бухе в 1943–45 гг. // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки… С. 112–155.

[28] *Friedrich Scholz:* Zum Gedenken an Igor Grebenschtschikow (1912–1986) // Die Kulturpflanze, 35 (1987). S. 15–17. Работая в Германии, Игорь Сергеевич следил за успехами генетики и растениеводства в СССР: готовил библиографические справочники, сам перевел на немецкий язык резюме статей советских авторов в 33-томном издании «Культурные растения» и собственноручно подготовил типографский набор текстов в институте. Гребенщиков был серьезным ученым, биологом широких интересов. Его привлекала проблема многообразия форм растений и животных; вкус к исследованиям по этой тематике он приобрел, работая с Тимофеевым-Ресовским. Наиболее известны его работы по генетике кукурузы и энтомологии.

[29] Извещение, отпечатанное типографским способом, вложенное в конверт с официальным логотипом Института, сохранилось в архиве И.С. Гребенщикова и было передано историку науки В.Д. Есакову в 1988 г. во время международной конференции памяти Н.И. Вавилова в Гатерслебене. В 1980 г. Гребенщиков разослал так же аккуратно оформленные, в траурных рамках, извещения о смерти Николая Владимировича в Обнинске … *В.Д. Есаков*, личный архив (Москва).

[30] ГАРФ. Ф. 8009. Оп.2. Д. 1124. Л. 239. Отчет ОЗ СВАГ за 1946 г.

[31] *B. Müller-Hill:* Heroes and Villains // Nature 336 (1988). S. 721–722.

[32] Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) – президент Академии сельскохозяйственных наук СССР в 1938–1956 и 1961–62 гг. – был любимцем Сталина и Хрущева и на протяжении десятилетий препятствовал развитию биологии в стране.

[33] *A. Katch / I.B. Panshin:* Über die Entstehung der Chromosomenmutationen // Zeitschrift für Vererbungslehre. 82 (1948), № 164; Cellular Biology. – Baltimore: Williams and Wilkins, 1965.

[34] *С.Н. Варшавский.* Воспоминания и мысли о Н.В. Тимофееве-Ресовском // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки, воспоминания, материалы. – М., 1993. С. 100.

[35] Донесение майора м.с. Воробцова начальнику отдела НКВД СВАГ генерал-лейтенанту тов. Малькову. ГАРФ. Ф. 7317. оп.56. Д. 21. Л. 8–11. В тексте сохранена орфография подлинника.

[36] Под этим названием фигурирует в материалах СВАГ Саксенбургский филиал микробиологического института им. Роберта Коха.

[37] Донесение майора м.с. Воробцова (см. сн. 35). Л. 8.

[38] Донесение наркому здравоохранения Г.А. Митереву от майора м.с. Кузнецова, начальника ОЗ СВАГ. ГАРФ. Ф. 7317. Оп.56. Д. 21. Л. 14–21.

[39] *С.Н. Варшавский.* Цит. «Воспоминания…» (см. сн. 34). С. 108.

[40] *Паншин И. Б.* Цит. соч. С. 118.

[41] Там же. С. 150.

[42] Документальный фильм о Н.В. Тимофееве-Ресовском в трех частях: «Рядом с Зубром» (1), «Охота на Зубра» (2) и «Герои и предатели» (3), режисер Е. Саканян. В фильме собраны материалы хроники, любительских записей 1956–70-х гг., документы, свидетельства очевидцев разных периодов жизни героя, включая 1925–45 гг. в Берлин-Бухе. Впервые фильм показан в 1991 г. Признано, что показ фильма по центральному телевидению приблизил пересмотр следственного дела и реабилитацию Н.В. Тимофеева-Ресовского и Царапкина (см.: Пересмотрены дела Ульманиса, Тимофеева-Ресовского и Царапкина, Синявского и Даниэля. Кто следующий? Известия, № 248. 17 октября 1991 г.). Далее цит. как *Е. Саканян.* Фильм 3. «Герои и предатели» (Последний показ:. ОРТ, канал «Культура». 13 февраля 2000 г. 17 час.).

[43] В 1980-е гг. Риль и Ромпе не называли имена этих ученых, только сообщая, что контакт с гестапо был не прямым, а при посредничестве военных.

[44] *Е. Саканян.* Фильм 3. Рассказ Н. Риля.

[45] Там же. Рассказ Андрея Н. Тимофеева-Ресовского.

[46] Ганс Штуббе (1902–1989) изучал сельское хозяйство и биологию в Геттингене и Берлине в 1925–29 гг., руководил отделом в Институте селекционной генетики им. кайзера Вильгельма в Мюнхеберге в 1929–36 гг., был подвергнут дисциплинарному взысканию и уволен. До 1943 г. занимал должность научного сотрудника в Институте биологии им. кайзера Вильгельма в берлинском районе Далем. В 1943 г. под его руководством основан Институт изучения культурных растений в Вене, в 1945–1967 гг. возглавлял похожий институт в Гатерслебене (пригород Галле), в 1946 г. был назначен директором Института генетики университета Галле, который присвоил ему ученое звание профессора. В Гатерслебене в результате многочисленных опытов Штуббе опроверг тезисы Лысенко и был одним из инициаторов продолжения исследований в области генетики в Немецкой академии сельскохозяйственных наук, вновь основанной в 1951 г.

[47] *Е. Саканян.* Фильм 3. Рассказ Н. Риля. Рассказ Г. Штуббе.

[48] «Специальное подразделение, организованное американцами и англичанами, в срочном порядке занималось поисками немецких ученых и инженеров. Руководил этой миссией глава Манхэттенского проекта (Manhattan District Project) в сотрудничестве с армией и секретными службами. Подразделение называлось “ALSOS”». *Прим. нем. ред.* Цит. по *Samuel A. Goudsmit:* Alsos. – New York, 1988 (1947).

[49] *Паншин И.Б.* Цит. по: Воспоминания. С. 152.

[50] Там же. С. 153. См. также: *Бабков В.В., Саканян Е.С.* (сн. 42). С. 355.

[51] Там же. С. 154.

[52] *Цингер.* Колюша (см. сн. 17). С. 169–170; ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 56. Д. 34. Л. 262–267. Паншин был осужден на 10-летний срок, который отбывал в лагерях в Норильске; в этом городе он и жил в дальнейшем. Скончался в 1995 г.

[53] ГАРФ, там же.

[54] *Цингер.* Воспоминания… С. 172.

[55] К этому времени уже был составлен подробный план исследований, утвержденный ОЗ СВАГ. Один проект был реализован менее чем за год С.Н. Варшавским, К.Т. Крыловой и И.И. Лукьяненко («Изучение процессов сезонной динамики естественно живущих мышевидных грызунов»), и отчеты по нему были опубликованы в 1948–49 гг. в советских журналах (Доклады АН СССР, Зоологический журнал). Е.А. Тимофеева-Ресовская продолжала работу по радиобиологической тематике до начала 1947 г., когда она с сыном Андреем выехала в Москву, чтобы присоединиться к Н.В., освобожденному из заключения, уже «на объекте» в Сунгуле. Научное заведение в Бухе просуществовало некоторое время под названием Медико-биологический институт СВАГ и в 1949 г. стало частью Академии наук ГДР. В 1945–47 гг. работа Института рассматривалась Ученым медицинским советом Министерства здравоохранения СССР. Тематика института уже не была связана с генетикой: в документах фигурируют исследования по биохимии опухолей,

биологии возбудителей инфекционных заболеваний и другим медико-биологическим проблемам. ГАРФ. Ф. 7317. Оп.56. Д. 10. Л. 186–87; Д. 34. Л. 2; ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 2. Д. 626. Л. 912.

[56] Авраамий Павлович Завенягин (1901–1956), встреча с которым определила дальнейшую судьбу Н. В., был назначен руководителем строительства объектов атомной промышленности как металлург, горняк, имевший большой опыт организации производства. Выпускник Московской горной академии, он уже в 1931 г. руководил металлургическим заводом в Днепропетровске, позднее – строительством (и затем производством) Норильского никелевого комбината, где приобрел опыт совместной работы с органами НКВД, поставлявшими на строительство рабочих из числа заключенных. Все это оправдывало вызов Завенягина в 1941 г. в Москву за новым назначением – заместителя наркома внутренних дел по строительству. В августе 1945 г. Завенягин, уже привлеченный к организации первых на территории СССР разработок месторождений урановой руды, вошел в состав созданного для осуществления атомного проекта Специального комитета Первого главного Управления при ГКО в качестве генерал-лейтенанта ГБ. Руководство страны полагало, что организацию атомного проекта следует «полностью замкнуть» на НКГБ, поскольку в системе ведомства имелись крупные строительные и монтажные организации, множество строительных рабочих и квалифицированных специалистов. Особо подчеркивалось, что «всепроникающий характер» ведомства мог обеспечить должный уровень централизации и жесткой дисциплины в выполнении поставленной задачи. В сферу ответственности Завенягина входили строительное и горнодобывающее направления деятельности Специального Комитета. Интерес Завенягина к Тимофееву-Ресовскому как радиобиологу, проявленный при знакомстве с ним в мае 1945 г., свидетельствует о глубоком понимании генералом проблем развиваемого производства.

[57] *С.Н. Варшавский.* Воспоминания и мысли о Н.В. Тимофееве-Ресовском // Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки…. С. 111.

[58] «Но через несколько недель после окончания боев, в институте во множестве появились эмиссары, уполномоченные демонтировать и вывезти все оборудование. Тимофеев-Ресовский резко возражал против некомпетентного, разрушающего, хаотического вывоза уникального оборудования, которое этим приводилось в негодность. Как директор института, он не выполнял некоторых явно нелепых распоряжений охотников за научным оборудованием в полковничьих и подполковничьих погонах. Тогда один из них с особыми полномочиями распорядился вывезти из института и самого директора. Его привезли в Москву и арестовали по всем правилам того времени». Цит. по *Ж.А. Медведев.* Международное сотрудничество ученых и национальные границы. – Macmillan, 1972. P. 125–126.

[59] О Лысенко и разгроме советской генетики ср. *Helena Sheehan:* Marxism and the Philosophy of Science: A critical History. Bd. 1: The first hundred years. – New York, 1985. *Прим. нем. ред.*

[60] Ошибочными выводами Ивана В. Мичурина (1855–1935) о возможности изменения генетических признаков растений методом гибридизации воспользовался Лысенко для обоснования своих теорий селекционной генетики и частично сфабрикованных экспериментальных результатов. Так, он ставил под сомнение классическое учение о наследственности, называл его даже реакционным и несовместимым с классической марксистской философией. В 1948 г. на сессии Академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) учение Менделя, Моргана и Вейсмана было объявлено лженаукой. В 1948–1951 гг. ведущие научные учреждения по всей стране были «очищены от морганистов», должности которых заняли сторонники Лысенко.

[61] Письма сотрудников Т. Лысенко из Института генетики АН СССР в ОН ЦК КПСС см.: РГАНИ Ф. 5. Оп.35. Д. 51. Л. 85–89. Д. 20. Л. 1–30.

[62] *Тимофеев-Ресовский.* О прожитом (см. сн. 4). С. 50.

[63] Там же.

[64] *Е. Саканян.* Фильм 2. «По следам Зубра».

[65] Ср. *Тимофеев-Ресовский З.Б.* Воспоминания (см. сн. 5); *Бабков В.В., Саканян Е.С.* (см. сн. 42). Полные сведения о 52 немецких специалистах, которые участвовали в разработке советского атомного проекта в составе трех рабочих групп: Атомный проект СССР. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. – М., 2000. С. 378–381.

[66] Проведение американской авиацией бомбежки заводов концерна «Ауэр» однозначно указывало на существование конкуренции между союзниками в разработке ядерного оружия, поскольку успешное продвижение советской армии к Берлину могло позволить русским овладеть заводами

по обогащению урана – сырья, необходимого для производства ядерных зарядов. См.: *Leslie R. Groves.* Now it can be told. The history of the Manhattan Project. – New-York, 1962. Цит. по русскому переводу: *Л. Гровс.* Теперь об этом можно рассказать. – М., 1964. С. 198.

[67] *Паншин И.Б.* Цит. Воспоминания. С. 144.

[68] *Круглов А.К.* Как создавалась атомная промышленность в СССР. – М., 1985.

[69] См. подробный рассказ об участии немецких специалистов в строительстве важных исследовательских центров в СССР после Второй мировой войны: *Christoph Mick:* Forschen für Stalin. Deutsche Fachleute in der sowjetischen Rüstungsindustrie 1945–1958. – München und Wien, 2000. О Гейнце Позе см. С. 153–154. *Прим. нем. ред.*

[70] *Тимофеев-Ресовский Н.В.* Нескучная историческая эпоха // Воспоминания. С. 325.

[71] Физик Манфред фон Арденне (1907–1997) участвовал в мае 1945 – марте 1955 гг. в советском проекте создания атомной бомбы, который возглавлял Лаврентий Берия. Фон Арденне руководил исследовательским проектом в сухумском районе Синоп и получил в 1947 г. правительственную премию СССР, а в 1953 г. – сталинскую. *Прим. нем. ред.*

[72] См.: *Харитон Ю.В.* Как мы подошли к первой атомной бомбе // «Хочешь мира – будь сильным!». Сб. материалов конференции по истории разработок первых образцов атомного оружия. – РФЯЦ-ВНИИЭФ, Арзамас-16, 1995. С. 39–40.

[73] *Н. Тимофеев-Ресовский.* Воспоминания (см. сн. 5). С. 346–47.

[74] Письмо Н.В. Тимофеева-Ресовского В.А. Энгельгардту от 25.2.1962 г. опубликовано: *Е.С. Левина.* Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский…. Биология в СССР: история и историография. – М.: АИРО-XX, 1995. С. 140.

[75] *B. Müller-Hill:* Heroes and Villains (см. сн. 31).

[76] *В. Бондаренко.* Очерки литературных нравов. – М., 1997, № 12. С. 190.

[77] *Р. Берг.* Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский // Очерки … С. 234–235.

[78] Пересмотрены дела Ульманиса, Тимофеева-Ресовского, Царапкина, Синявского и Даниэля… Кто следующий? – «Известия». № 248. 17 октября 1991 г.

[79] *Ж. Медведев.* Цит соч. С. 126.

[80] *М.В. Волькенштейн.* Встречи с Николаем Владимировичем // Очерки …. С. 310.

[81] *Н.В. Тимофеев-Ресовский.* «Я родился русским и не вижу никаких средств изменить этот факт…» // Очерки… С. 53.

[82] Там же. С. 52.

[83] Там же. С. 54–55.

[84] *Benno Müller-Hill:* Murderous Science: Elimination by Scientific selection of Jews, Gypsies, and Others in Germany, 1933–1945. – Oxford 1998.

[85] Там же. P. 222.

[86] *Benno Müller-Hill:* Die Philosophen und das Lebendige. – Frankfurt a. M., 1981; *Б. Мюллер-Хилл.* Генетика человека и массовые убийства // Человек. 1997. № 4. С. 107–117.

[87] *P.M. Wolf / H.J. Born:* Über die Verteilung natürlicher radioaktiver Substanzen im Organismus nach parenteraler Zufuhr // Strahlentherapie. 70 (1941). S. 342–348. Цит. по: *Р. Берг* (сн. 77). С. 234.

[88] *Müller-Hill:* Muderous Science (см. сн. 84). P. 3.

[89] *Л.Л. Киселев, Е.С. Левина.* Частное сообщение.

Владимир Невежин

ОБРАЗ ВРАГА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ «КОМБАТАНТА»: писатель Всеволод Вишневский в эпоху двух мировых войн

Всеволоду Витальевичу Вишневскому (1900 –1951) уже в юношеском возрасте довелось участвовать в боевых действиях против немцев. Это было в 1914–1917 гг., в Первую мировую войну. Однако судьба распорядилась так, что, будучи зрелым человеком, известным советским писателем и драматургом[1], Вишневский вновь встретился с немцами как с противниками и в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Несомненная уникальность жизненного опыта представителя советской интеллектуальной элиты дает основание для того, чтобы попытаться выявить, каким образом формировался у него враждебный образ Германии и немцев, какова была эволюция его взглядов по данному вопросу. Немаловажно и следующее обстоятельство: будучи писателем и публицистом, Вишневский много внимания уделял в своем творчестве военной тематике.

Формирование образа врага у участников войн, в первую очередь, – мировых – явление неоднозначное, но ему была присуща и своя специфика. В ходе собственно военных действий, как правило, у военнослужащих складывалось единое представление о противнике. О нем можно было судить, знакомясь с официальными пропагандистскими и секретными служебными документами. Эти представления дополнялись субъективными впечатлениями, возникавшими на бытовом уровне под влиянием личных наблюдений за ходом боевых действий.

Для послевоенного же периода характерно существование ретроспективного образа врага. Индивидуальные воспоминания участников боевых действий в зависимости от ситуации и склонности к аналитическому типу мышления существенно дополнялись, воплощаясь в виде художественного произведения либо научного исторического исследования.

Представления о неприятеле участники войн черпали из различных источников. Периодическая печать, как правило, отражала официальную точку зрения, носила, главным образом, пропагандистский характер. В газетах и журналах военных противников изображали в образе зверей, дикарей, варваров.

Боевые донесения и доклады, составленные в штабах, содержали информацию о настроениях как в неприятельских войсках, так и на территории враждебного государства; наблюдения о боевых качествах противника, его стратегии и тактике, основанные на данных разведки и показаниях военнопленных.

В письмах, дневниках, воспоминаниях участников войн содержались субъективные оценки, в которых тесно переплетались взгляды, сложившиеся под влиянием пропаганды, и зачастую противоречащий этим первоначальным убеждениям собственный жизненный опыт.

Портрет Вишневского – фронтового корреспондента, 1948 г.

Восприятие немца как врага: почему Вишневский?

Сохранившиеся сведения о восприятии Вишневским Германии и немцев как противников в Первую и Вторую мировые войны позволяют обнаружить наличие в его сознании как синхронного, так и ретроспективного образа врага. Уже будучи известным писателем и публицистом, Вишневский использовал свои дневниковые записи 1914–1917 гг. как основу для романа-эпопеи[2] и мемуаров о Первой мировой войне[3]. Благодаря знакомству с его дневниковыми записями и воспоминаниями можно сделать вывод, что на фронте ему были доступны также источники пропагандистского характера, т. е. газетные материалы.

Более сложным и многоплановым было отношение Вишневского к Германии и немцам в период Второй мировой войны. Ко этому времени писатель уже накопил большой жизненный опыт[4]. За его плечами была богатая событиями, по словам Константина М. Симонова, «не столько прожитая, сколько провоеванная жизнь»[5]. К сентябрю 1939 г. Вишневский являлся участником не только Первой мировой, но и Гражданской войны, а также боевых действий против германо-итальянских войск в республиканской Испании.

В 1939–1940 гг. Вишневский вновь в составе действующей армии сражался на фронтах советско-финской («Зимней») войны. Понятно, почему он (не без основания) относил себя к категории подлинных «комбатантов»[6].

Вишневский, как и большинство советских людей, негативно воспринял факт прихода к власти в Германии национал-социалистов (во многих странах мира их называли фашистами). Это событие и последовавшее за ним пропагандистское противо-

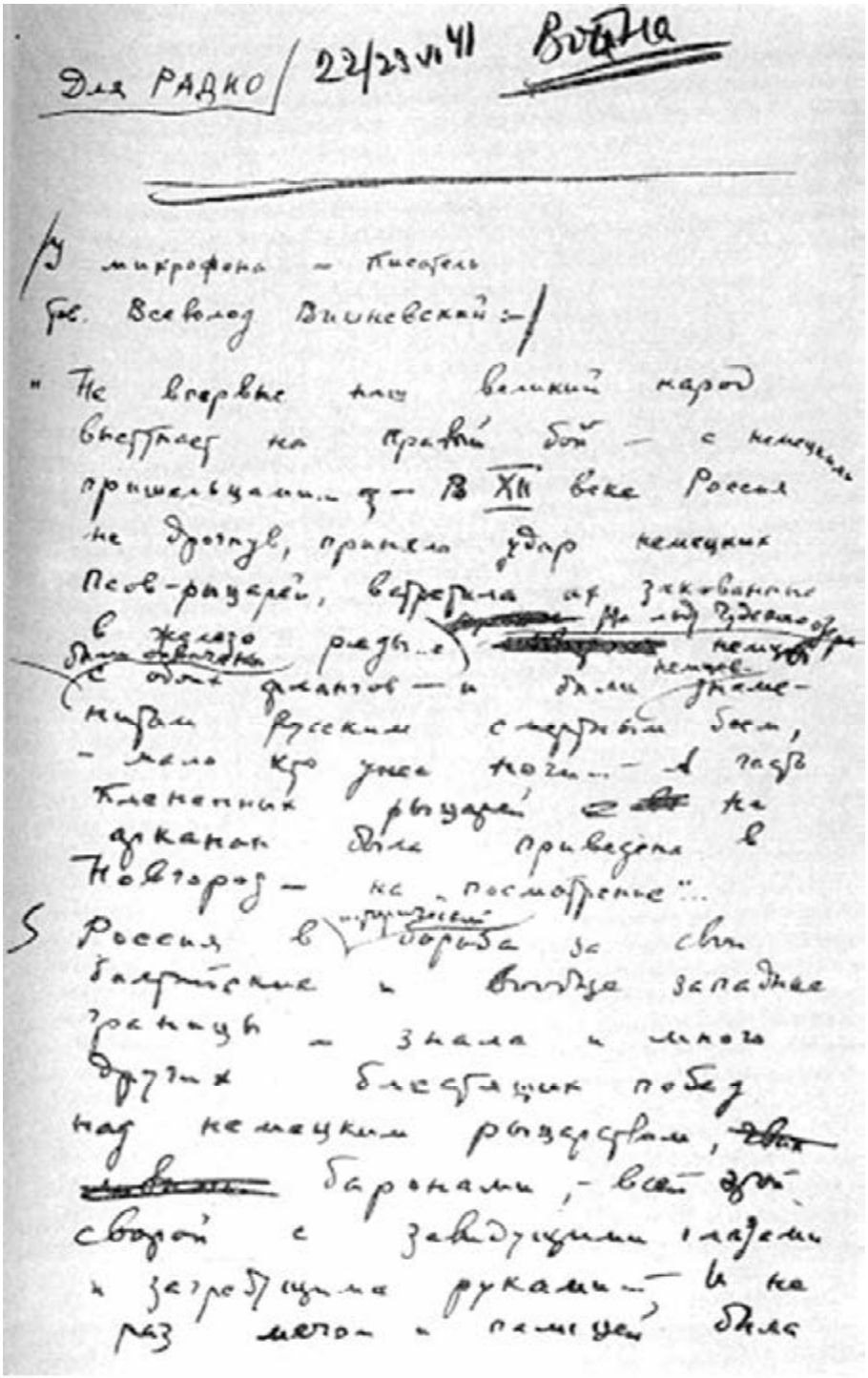
борство большевистской системы и нацистского режима способствовало возникновению умозрительных построений в советском обществе: немцев стали разделять на «своих» (антифашистов) и «чужих» (фашистов).

Вишневский активно включился в развернувшуюся во второй половине 30-х гг. антифашистскую кампанию. Он присутствовал в качестве делегата на Всемирном конгрессе писателей-антифашистов в Испании (1937)[7], работал над сценарием и дикторским текстом документального фильма режиссера Эсфирь И. Шуб «Испания» (премьера в 1939). Состоял в дружеских отношениях с немецкими антифашистами, в частности, с писателем и драматургом Фридрихом Вольфом. Естественно, он искренне сочувствовал движению сопротивления и в то же время открыто декларировал ненависть к германскому фашизму.

Вместе с тем, по роду своей деятельности (Вишневский входил в руководящий состав Союза советских писателей[8], возглавлял его оборонную комиссию, а также был ответственным редактором журнала «Знамя») ему приходилось присутствовать на закрытых совещаниях в Политическом управлении Красной Армии (ПУР; с 1940 г. – Главное управлении политической пропаганды Красной Армии, ГУППКА), в Комитете по делам кинематографии при СНК СССР, где он имел возможность просматривать зарубежные, в том числе германские, фильмы по военной тематике. Писатель общался с представителями высшего военного руководства Красной Армии (маршалы К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, Г.И. Кулик, генералы Д.Г. Павлов, И.В. Тюленев, О.И. Городовиков, адмирал И.С. Исаков, руководство Политического управления, позднее – Главного политического управления Красной Армии, Политического управления Военно-Морского Флота). Подобные контакты позволяли лучше ориентироваться в текущих, главным образом, военных событиях.

Давая собственную оценку дневниковым записям рубежа 30-х – 40-х гг., Вишневский отмечал: «Почему-то выработалась привычка записывать не узко личное, биографическое, а неизмеримо более важное… Живу ощущением вала событий. Военная душа моя бродит по Европе…»[9]. Близкий к нему писатель Николай К. Чуковский отмечал впоследствии, что не встречал человека, для которого «мировое, всеобщее было бы до такой степени своим, личным». Эта удивительная черта Вишневского не только определяла всю его судьбу и характер творчества, но и резко отличала его от окружающих[10]. Лишь сознавая особенности характера этого писателя и драматурга, можно раскрыть содержание его дневников и записных книжек, источником для которых служила разнообразная информация, в том числе – доступные лишь для представителей интеллектуальной элиты иностранная пресса и программы зарубежного радио. Полученные сведения, естественно, накладывались на собственные знания и обобщения. И, наконец, писатель опирался на приобретенный житейский опыт[11].

На начальном этапе Второй мировой войны Германия и СССР были связаны пактом о ненападении от 23 августа и договором о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. Вместе с тем период до 22 июня 1941 г. характеризовался беспрецедентной активизацией не только чисто военных, но и внешнеполитических усилий Гитлера, направленных на сокрушение своих западных противников (Англии и Франции), победа над которыми открывала возможность похода на Восток, против СССР. Судьбоносные для Германии, Советского Союза, Европы и всего мира события начального периода Второй мировой войны подвергались глубокому переосмыслению со стороны Вишневского. Это нашло отражение в его записных книжках за сентябрь 1939 – 21 июня 1941 гг.[12].



Для РАДКО / 22/23 VI 41 Война

/У микрофона — писатель
гр. Всеволод Вишневский —/

„Не впервые наш великий народ вступает на правый бой — с немецкими пришельцами — В XII веке Россия не дрогнув, приняла удар немецких Псов-рыцарей, вторгла их закованные в железо ряды — с обеих флангов — и были знаменитым русским стремительным боем, — мало кто уже помнит — А гордый Тевтонский рыцарь на аркане была приведена в Новгород — на „посмотрение"…

Россия в борьбе за свои балтийские и вообще западные границы — знала и много других блестящих побед над немецкими рыцарями, баронами, — всей этой сворой с завидущими глазами и загребущими руками — И не раз могла и нынче была

Страница рукописи, подготовленной Вишневским для радиопрограммы «Уроки истории» в первый день Великой Отечественной войны.

Великая Отечественная война, крупнейшее вооруженное столкновение между Германией и СССР, непосредственно отразилась на судьбе Вишневского. В качестве политработника и военного журналиста он находился сначала в осажденном германскими войсками Таллинне, затем – в Кронштадте и, наконец, в блокадном Ленинграде. После возращения в Москву и небольшой мирной передышки Вишневский вновь отправился в действующую армию. Ему довелось участвовать в освобождении Польши; он дошел до Берлина, где присутствовал на переговорах между советскими и германскими представителями о капитуляции столицы Германии в начале мая 1945 г. Все увиденное и пережитое за эти годы Вишневский стремился зафиксировать в подробных дневниковых записях[13]. В военные годы он имел доступ к источникам не только пропагандистского, но и аналитического характера – обзорам, докладам, донесениям, показаниям пленных и т. д. и т. п. Писатель активно участвовал в организации политико-пропагандистской и контрпропагандистской работы среди красноармейцев и краснофлотцев. Это позволяло глубоко анализировать военные события и одновременно укрепляло уже сформированный в его сознании враждебный образ Германии и немцев.

Следует отметить, что в 1939–1945 гг. Вишневский неоднократно обращался и к теме Первой мировой войны. Проводя параллели между двумя масштабными конфликтами, писатель стремился осознать, почему Германия и Россия, несмотря на давнее сотрудничество, оказались исконными противниками. А эти размышления, в свою очередь, служили основой для дополнительной корректировки образа немца как врага.

Таким образом, дневники, записные книжки и воспоминания Вишневского являются репрезентативным – хотя и субъективным – источником и содержат оценки двух мировых войн, основанные не только на личностном восприятии событий, но и на анализе официальной, в том числе секретной, информации. Благодаря обращению к этому источнику можно проследить основные этапы формирования в сознании Вишневского враждебного образа Германии и немцев.

Гимназист на фронте: воспитание ненависти

Одна из специфических особенностей мировосприятия Вишневского состояла в том, что у него довольно рано возникло чувство неприязни к немцам. В детстве Вишневский жил в Петербурге, а лето проводил с ближайшими родственниками в Прибалтике, где, по его наблюдениям, сильно ощущались «национальные расслоения»: русские, немцы и латыши были в значительной степени изолированы друг от друга[14]. Ему приходилось сталкиваться с чуждыми по происхождению и духу сверстниками, отпрысками немецких баронов. Директор 1-й Петербургской гимназии, где обучался юный Вишневский, «холодный немец с двумя парами очков» по фамилии фон Вотнек, не выносил его и постоянно третировал.

Кроме того, уже с детства Вишневский «военизировался», и данный процесс проходил непрерывно, фактически в течение всей его жизни. Он изучал военную историю, имел большой интерес к познанию «вообще всего военного». Окружающий мир представлялся «миром боевой романтики, подвигов, славы»[15].

Между тем известие о начале Первой мировой войны стало полной неожиданностью[16]. После того, как Россия и Германия оказались в состоянии войны, гимназисту Вишневскому, проводившему каникулы на Рижском взморье, представлялось, что германский флот осуществит высадку десанта на побережье (слухи об этом распространялись стремительно). Это событие, по его мнению, и должно было послужить началом боевых действий. Тогда, рассуждал Вишневский с юношеским максимализмом, могла представиться возможность оказать помощь русским солдатам… Но германские боевые корабли так и не появились[17].

Одновременно у Вишневского возникло и стало расти желание отправиться на фронт, чтобы самому принять участие в войне против немцев. Возвратившись после каникул в Петербург (переименованный уже в Петроград) для продолжения учебы, Вишневский начал тайно готовиться к побегу. Четырнадцатилетний подросток в декабре 1914 г. сумел через Польшу, которая входила тогда в состав Российской Империи, добраться до позиций Лейб-гвардии Егерского полка (это элитное подразделение было образовано еще в конце XVIII в.). В.В. Вишневского вначале назначили ординарцем, а затем, после получения письменного разрешения от отца, он был зачислен в разведывательную роту. Вишневский находился на фронте (с перерывами для окончания очередного класса гимназии, где продолжал обучение) с декабря 1914 по сентябрь 1917 гг.

На начальном этапе боевых действий (до июля 1915 г.) юный солдат был переполнен любопытством к противнику, против которого приходилось воевать. Вишневский, по его собственному признанию, сумел тогда не поддаться влиянию фальсифицированной «батальной литературы», которая хлынула с началом Первой мировой войны со страниц русских журналов и газет[18]. Ему важно было **увидеть** живого либо, на худой конец, убитого немецкого солдата. Однополчане Вишневского, сравнивая боевые качества немцев и австрийцев, отдавали предпочтение первым. Австрийцев же, по их мнению, было легко пленить или обратить в бегство. Все это лишь подогревало интерес юного солдата к немцам.

В эпопее «Война» Вишневский описывал чувства разведчиков, которые получили задание пленить немецкого солдата: «Как взять живого немца? Кто его видел?». Они ползком пробирались к позициям противника, и им мерещились немцы: «Штыки у них, сказывали, с пилами, убьют»[19].

Острое любопытство к противнику побудило Вишневского совершить поступок, который в боевых условиях явно выходил за рамки дозволенного. В конце мая 1915 г. он по собственной инициативе произвел «братание» с немцами. Этот казус любопытен, потому что, как писал Вишневский, его однополчане тогда еще «не имели ни малейшего понятия» о призыве к братанию, который исходил от большевиков. Приблизившись к немецкому брустверу, он разглядел лица сидевших в окопах германских солдат. Это были баварцы – к его удивлению, «здоровяки, сосем не похожие на тех тщедушных немцев в очках», которых изображали в русских журналах. «Братание» оставило глубокий след в душе Вишневского[20].

Основательно запечатлелось в сознании будущего писателя представление о мощи германской военной машины. В этом смысле характерно описание сражения между немецкими и русскими войсками на реке Стоход (15 июля 1916 г.) в романе Вишневского «Война». «Буйному огню» русских германская артиллерия противопоставила «свою выверенную, точную систему»: окопы, занятые противником, она подвергала методическому, все сметающему огню. Основная цель немцев, как под-

черкивал Вишневский, – постоянно воздействовать на моральное состояние русских солдат, уже достаточно подорванное в годы войны, что было прекрасно известно немецкому командованию.

Германская система пулеметной стрельбы действовала «методически, непрерывно, с беспощадной ритмичностью». Ее эффективность обеспечивалась наличием многоканальных линий связи, оптической аппаратуры, подробных топографических карт театра военных действий. Опирающаяся на последние достижения военной науки, на индустриальный потенциал заводов Круппа, эта система, согласно характеристике Вишневского, убивала все живое, безжалостно превращала в пыль даже добротные немецкие окопы, захваченные было русскими[21].

Довольно точно Вишневский передавал настроения своих однополчан, которые столкнулись с германской военной машиной на фронте: «Против немца не пойдешь. Не с чем… Глушит…, у ево снарядов полно, соображает…Немец, одно слово»[22].

В конце 20–х гг. Вишневский сделал попытку художественно–аналитического обобщения своего первого опыта участия в военных действиях. Он отмечал, что в литературе сформировалась традиция «пространно и обстоятельно» описывать «крушение воображаемых идеалов», переворот в представлениях о сущности войны. Мечты о блестящих батальных сценах, согласно утвердившемуся мнению, сразу же после первого боя, как правило, вытесняются в сознании его участников «малопривлекательной реальностью войны».

Если судить по воспоминаниям Вишневского, его познание боевых реалий не укладывалось в традиционные рамки. Спустя десятилетие после окончания Первой мировой войны он утверждал, что понял, ощутил ее сущность просто и даже примитивно. При этом, без лишних потрясений из его сознания были вытеснены «ложные представления». В процессе освоения «механики войны» (термин принадлежит Вишневскому) будущий писатель не испытал ни отвращения, ни страха. Были, конечно, разочарования, признавал Вишневский, но они сводились к недовольству постоянным отступлением, позиционным характером боевых действий»[23].

Эти замечания в какой-то степени перекликаются с его дневниковыми записями 1914–1915 гг. Юный солдат, как ему казалось тогда, лишь постигал «изменчивую природу войны». Полк, в который был определен Вишневский, двинулся к границе с Восточной Пруссией. Среди солдат распространился слух, что русские войска готовились к «завоеванию Германии». Однако немцы первыми начали наступление. У Вишневского тут же возник вопрос: вот русские отступают, «а как же поход на Германию?»[24].

Вместе с тем в описании его «боевого крещения» присутствует определенная доля романтизма, характерного для юношеского восприятия: «В отблеске огня носилась немецкая кавалерия. В темном небе непрерывно сверкали разрывы немецкой шрапнели…»[25]. Однако в течение нескольких месяцев пребывания на боевых позициях Вишневскому так и не удалось лицом к лицу встретиться с врагом. А ему попрежнему «страстно хотелось увидеть настоящих немцев». Тяготило и даже возмущало «общее отвлеченное представление о противнике»[26].

Наконец, участвуя в одном из боев в июле 1915 г. он увидел вблизи немца, но… убитого. «Вот, пусть мертвый, но, несомненно, реальный враг», – записывал он в дневнике свои впечатления. И Вишневский был в определенной степени даже рад этой реальности…[27].

Важной вехой формирования образа врага в сознании Вишневского стал день 27 июля 1915 г. Находясь вместе со своим однополчанином в разведке, он впервые за всю войну «столкнулся лицом к лицу с реальным противником». Перед русскими егерями внезапно появился германский конный разъезд, состоявший из офицера и двух солдат… В течение нескольких секунд противники молча смотрели друг на друга. Однако русские разведчики успели первыми произвести выстрелы, и в результате немецкий кирасирский разъезд просто перестал существовать.

После этого драматического поединка Вишневский буквально ощутил, что немцы как враги представляют угрозу для его собственной жизни и жизни его однополчан. Оценивая позднее эту ситуацию, он рассуждал следующим образом: «Если бы растерявшиеся [немецкие] кирасиры первыми взяли нас на мушку, то были бы мы (подчеркнуто Вишневским) изрублены, расстреляны или взяты в плен»[28].

Вместе с тем Вишневский был искренне удивлен тем, что германские солдаты после одного из боев не расправились с ранеными русскими егерями и даже дали им воды. У него сам собой возник вопрос: почему немцы «не прикололи раненых»? Ведь о германских солдатах русские газеты писали, «что они изверги»! Как он отмечал, в его сознании возник «ряд мыслей», впервые поколебавших внушаемые пропагандой представления[29].

Так или иначе, раз возникший образ немца как врага продолжал утверждаться в мировоззрении Вишневского, особенно после того, как в Лейб-гвардейском егерском полку стал распространяться слух о расправе над захваченными русскими гвардейцами, которые были повешены. «К немцам мы относились злобно…», – писал об этом времени Вишневский. Осматривая поле боя, где еще недавно стояли германские войска, он горел желанием «настичь, гнать» их[30].

В свои пятнадцать с половиной лет Вишневский твердо «считал немцев врагами и верил в необходимость победы». И лишь контакты с пленными вызывали сомнения и колебания. В романе «Война», где он вывел себя в качестве одного из героев («раненый человек в хаки, почти мальчик – доброволец»), есть эпизод, характеризующий эту специфику восприятия немцев. В одном санитарном вагоне едут в тыл русский мальчик-доброволец и получивший тяжелое ранение немецкий солдат. Поначалу само присутствие немца, его голос раздражали добровольца. Но пленного мучила жажда, и он знаками давал понять, что хочет пить. Чувство жалости у юного русского солдата оказалось сильнее чувства ненависти: он напоил врага (!) из фляги. И вдруг с удивлением заметил, что пуговицы на тужурке у немца такие же, как и на его собственной гимнастерке. Столь «потрясающее открытие» невольно подтверждало мысль о том, что на фронте судьбы противников схожи. «Одинаковы!.. Немец, солдат, комрад – товарищ по несчастью», – рассуждал русский доброволец[31].

Немцы были такими же солдатами, как и русские, обыкновенными и, в конечном счете, ни в чем не повинными людьми – вот пафос приведенной сцены из романа «Война».

В целом, участие Вишневского в боевых действиях против немцев в ходе Первой мировой войны было важной вехой в формировании сознания будущего писателя и драматурга, неизменно относившего себя к категории «комбатантов». Еще молодым человеком, юношей он приобрел первый опыт участия в боевых действиях, о чем впоследствии неоднократно упоминал с нескрываемым удовлетворением. Данное обстоятельство во многом определило мировоззрение Вишневского в 1939–1945 гг., когда он окончательно утвердился в своем враждебном отношении к Германии и немцам.

«Гитлеровской системе – места нет!», или несвоевременные мысли

23 августа 1939 г. в Москве был подписан советско-германский пакт о ненападении. Вслед за этим последовал договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Реакция Вишневского на обе эти договоренности и на начало кратковременного сближения Советского Союза с Третьим рейхом была однозначно негативной. Но она вполне объяснима и являлась типичной для большинства антифашистски настроенных современников событий. В те дни сотни тысяч, а, может, и миллионы людей в СССР и за его пределами лихорадочно пытались понять происходящее и порой с отчаянием встречали сообщения о советско-нацистском сближении.

Однако Вишневский оценивал пакт о ненападении и его последствия не просто как индивидуум, но и как *человек сталинской системы*, входивший в узкий круг тех, кто активно участвовал в обеспечении пропагандистской поддержки ее внутри- и внешнеполитических акций. Он был убежден, что в грядущей общеевропейской войне СССР сохранит за собой «последнее слово» и вступит в нее в решающий момент. Для него вполне приемлемым был и такой вариант развития событий, когда Советский Союз первым нанес бы удар по Германии[32].

Записные книжки Вишневского, относящиеся к начальному этапу Второй мировой войны (до 22 июня 1941 г.) буквально пронизаны антигерманскими высказываниями и негативными характеристиками в адрес фюрера Третьего рейха. «Мы через год будем бить Гитлера», – так оценивал писатель перспективу в сентябре 1939 г.[33]. И это было написано в условиях, когда сталинское руководство провозгласило курс на сближение с Германией.

На взгляд Вишневского, немцы имели к весне 1940 г. «преимущества военного порядка»: многочисленную армию, единый хорошо организованный государственный аппарат. Немецкий же народ «вновь уверовал в иллюзии, в близкие возможности добыть мировое господство». Пропагандистская машина, по его оценке, действовала в Германии с «бешеным напором», и результаты этого, безусловно, нельзя было недооценивать[34].

В весенние дни 1940 г., когда вермахт достиг военных успехов на Западе, Вишневский эмоционально декларировал свое негативное отношение к нацистскому режиму: «Душа не принимает этой железной, чуждой, милитаризованной системы. Чванливой, расистской, нетерпимой, уничтожающей все, кроме немецкой национальной культуры»[35].

Писатель видит перед собой одного смертельного врага: «это Гитлер!» Враг опьянен своими успехами. «Это неистовая собака», – так характеризовал Вишневский Гитлера. Фюрер «рвал последовательно все договоры» как внутри национал-социалистической партии, так и на международной арене. Вишневский выражал уверенность: Гитлер порвет и договор о ненападении с СССР. В последнем случае Советская Россия, по мнению писателя, вступит в смертельную схватку с Германией.

Узнав о прорыве немецких танков на равнинах Франции в мае 1940 г., Вишневский провозглашал: «На мирное сосуществование боевой, озлобленной и хитрой фашистской силы с СССР надеяться нельзя». «Это враги – необъяснимые физиологически, психически», – констатировал писатель. По мере развития успехов вермахта в военной кампании против Франции его ненависть к немцам все возрастала. В отчаянии он восклицал: «Сейчас бы грохнуть их (немцев – *В.Н.*), призывая к восстанию Польшу, Чехословакию и других!»[36].

Свои антигерманские взгляды, явно противоречившие провозглашенному официальному курсу на сближение с Германией, Вишневский декларировал на творческом совещании писателей и поэтов 25 июня 1940 г. Оно было организовано по инициативе руководства Союза советских писателей, а также редколлегий журнала «Знамя» и газеты «Красная звезда», печатного органа Наркомата обороны. В повестке дня стояло два вопроса: о воспитании личного состава Красной Армии и о методах дальнейшей работы представителей художественной интеллигенции в армейской прессе.

В ходе дискуссии Вишневский вступил в открытую полемику с ответственным редактором «Красной звезды» Е.А. Болтиным. Писатель выразил уверенность, что в ближайшее время вероятно вооруженное столкновение СССР с Германией. Он пытался акцентировать внимание присутствовавших на необходимости разъяснения в пропаганде этой «большой исторической перспективы», что вызвало определенное неприятие со стороны Болтина. Последний категорически заявил, что советская пропаганда не должна, в условиях действия пакта о ненападении с Германией, открыто говорить о немцах как о потенциальных военных противниках. «Политически это вредно», – утверждал ответственный редактор «Красной звезды»[37].

Неприятие его антигерманских и антифашистских деклараций окружающими, очевидно, оказало гнетущее впечатление на Вишневского. Он был вынужден уйти в себя, предпочитая не высказываться публично о субъективном восприятии гитлеровской Германии. Однако победа немцев над Францией, одной из сильнейших в военном отношении западноевропейских держав, заставила его глубже задуматься о смысле происходившего. Писатель так характеризовал успехи германского оружия на начальном этапе Второй мировой войны: «Прет огромный изголодавшийся, добрых 2 тысячелетия пробующий прорваться к “месту под солнцем”, народ. Гитлер последователен, методичен, мстителен, беспощаден».

Теперь Вишневского интересует лишь один вопрос: когда фюрер приступит к «походу на Восток»? Ответ на него стал очень актуален, ибо, как выразился писатель, Германия «подминала, всасывала страну за страной». Вишневскому было тяжело думать, что немецкая «организация» может быть, действительно, выше всех организаций в мире. Он предполагал, что германская нация переживала духовный регресс, странным образом соединившийся «с высокой продуктивностью хозяйства, с жестокой централизацией системы». «Немцы и нацизм – это ответ Европы на Версаль и большевизм», – выражал уверенность Вишневский. «Странное сочетание, – размышлял он по этому поводу, – странное, но грандиозное, сильное. Когда в 3 месяца с карты мира смахнуто 5 европейских стран, есть над чем подумать»[38].

19 октября 1940 г. Вишневский коснулся в записной книжке вопроса о том, каковы цели врага и что представляет собой «торжествующий победитель». Он нарисовал мрачную картину действий национал-социалистов, «жестоких и планомерных противников» СССР, который, в случае поражения в войне с Германией, будет разделен на провинции, «марки». О российской территории «победители»-немцы станут вспоминать лишь для того, чтобы лишний раз подчеркнуть: здесь «когда-то был Германарих».

Продолжая описывать «чудовищную перспективу», ожидавшую СССР в случае победы немцев, Вишневский утверждал: фашисты-победители – уничтожили бы национальное, самобытное, исказили бы русскую культуру, разгромили бы в ней лучшее. Русскую историю они назвали бы «еврейской фальсификацией». У Пушкина

нашли бы кровь негра и сожгли бы его творения. Далее Ленинград был бы объявлен «старинным немецким Санкт-Петербургом, где имелась многолетняя немецкая основа».

Всю страну, считал Вишневский, опутает колючая проволока, а русских женщин немцы будут заставлять «мыть полы в своих казармах». Писатель не исключал возможности интенсивного «онемечивания» детей: « фрейлины обрабатывали бы мозги пензенцев, рязанцев, туляков в духе Карла Великого…». Радио должно будет обязательно транслировать уроки немецкого языка, а также германские марши и песни. Советской промышленности грозил бы полный развал. «Господа с сигарами наблюдали бы за работами русских, у которых “нечистые примеси” в крови», – так представлял дело Вишневский. Нарисованную им картину писатель считал отнюдь не сном сумасшедшего, поскольку подобное, по его мнению, можно было наблюдать в оккупированных немцами странах Европы[39].

У Вишневского не было сомнения, что Гитлер и «его присные» хотели бы «подмять» и СССР: «Старые планы “похода на Восток” не сняты, – 5.000.000 экземпляров “Майн кампф” вышли вновь с главой против СССР», – констатировал писатель. По его мнению, каждый советский гражданин должен знать, что такое немец-«победитель» по его тактике в Европе и что «сей мировой громила» хотел бы устроить в СССР. Но до поры все было скрыто за дипломатической завесой, недомолвками. Однако Вишневский сохранял надежду: «в нужный день» об этом заговорят. «И тогда сосед Адольф [Гитлер] узнает нас по старой нашей хватке», – предсказывал он[40].

В канун 1941 г., в дневниковой записи от 31 декабря 1940 г., Вишневский развил свою мысль о враждебности Германии и немцев всему советскому. «Ненависть к прусской казарме, к фашизму, “новому порядку” – у нас в крови, – утверждал писатель. – Изменить органическое отвращение к этому чуждому, мрачному, “машинному” миру, к его мистике, к его чуждым крикам, ревам, к его надменности у нас никто не сможет…». «Мы пишем в условиях военных ограничений, видимых и невидимых. Хотелось бы говорить о враге, поднимать ярость против того, что творится в распятой Европе. Надо пока молчать», – на такой пессимистической ноте завершал Вишневский свои записные книжки за 1940 г.[41].

Настроения писателя, таким образом, значительно отличались от официального пропагандистского отношения к Германии и ее армии, которое преобладало в советском обществе накануне 22 июня 1941 г. Тогда большевистская пропаганда еще продолжала внедрять в сознание людей идеи «классовой солидарности». Считалось, что рабочие и крестьяне, составлявшие основу вермахта, не будут слушать «господ-эксплуататоров» и воевать против СССР. По свидетельству современников событий, велись горячие споры о том, насколько быстро в случае нападения Германии на Советский Союз немецкие солдаты («рабочие и крестьяне в солдатских шинелях») повернут оружие против своих классовых врагов[42].

Даже после начала гитлеровской агрессии красноармейцы и красные командиры, защищавшие от захватчиков свою землю, рассуждали, исходя из информации, полученной до войны в школе, на собраниях, почерпнутой из газет: германских солдат якобы насильно «пригнали» в СССР капиталисты и помещики. Считалось, что стоит лишь обратиться к пролетарской солидарности, рассказать «правду» этим солдатам, которые происходили из рабочих и крестьян – и, как многим представлялось, немцы «побросают оружие»[43].

30 января 1941 г. Вишневский слушал передачу германского радио. Выступал Гитлер. Впечатление от этого выступления было негативным: «Грубоватый голос, местами подвизгивает, хрипит. Нацистское собрание гудело, ревело, орало “хайль” по многу раз…». Это – чужой для писателя мир: «Всем существом своим противишься ему, злобишься, – какие бы тут соображения ни приводились. Да, это старый сосед и враг»[44].

Между тем писатель продолжал сохранять уверенность в том, что Советский Союз выступит, ближе к развязке, против держав «оси».. «…СССР сможет ударить Гитлера “по затылку”. Он наш опаснейший враг, торопливый, грубый», – подчеркивал Вишневский[45].

12 апреля 1941 г. он присутствовал в Кремле на встрече с заместителем народного комиссара обороны маршалом Ворошиловым. В ходе разговора писатель взял на себя смелость заверить маршала: у советских людей сохранились антифашистские настроения, привитые в прежние годы, а главное – присутствует «готовность к выступлению»[46].

Исходя из собственных наблюдений за развитием ситуации, Вишневский считал, что главные его сражения еще впереди. 13 мая 1941 г. он отмечал в записной книжке: «Гитлеровской системе – места нет! Без колебаний – хоть в простой цепи пойду на новую войну!»[47].

Оценка руководства и военного потенциала Германии 1941–1945 гг.

И вот она разразилась, советско-германская, или, как ее по традиции называют в России, Великая Отечественная война. Как подчеркивал Вишневский, ему хотелось (инстинктивно и сознательно) быть на фронте, когда для СССР пришел час платить «за все». Глядя на себя со стороны, писатель вспомнил собственные ощущения «рядового 1914–1918 годов», который делает то, что необходимо: подталкивает артиллерийские орудия, вытаскивает машины из непролазной грязи, наводит порядок на дорогах и т. д. и т. п[48].

Вишневский узнал о нападении германских войск на СССР ранним утром 22 июня 1941 г. Немедленно, на первой же попутной машине он отправился из Переделкино в Москву, где позднее получил назначение в Действующую армию – в городпорт и крепость Таллинн. Он возглавил оперативную группу писателей при Политуправлении Краснознаменного Балтийского Флота (КБФ), одновременно занимая должность военного корреспондента газеты «Правда».

Как уже отмечалось, в годы Великой Отечественной войны Вишневский систематически вел дневниковые записи. Это было в общем редким явлением. Требовалась бдительность: дневник мог попасть в руки врага, который не преминул бы им немедленно воспользоваться[49].

Писатель продолжал по уже сложившейся традиции анализировать действия Гитлера, который был «противником № 1» для большевизма; эта тенденция явно просматривается в записных книжках начального периода Второй мировой войны. Негативный образ фюрера тесно переплетался с отрицательной характеристикой внутренней и внешней политики Третьего рейха. Вишневский, оценивая возможности

Всеволод Вишневский (в первом ряду, второй справа) с фронтовыми товарищами.

Германии в достижении победы, обращал в дневнике особое внимание на затруднения, которые испытывала германская экономика. Опираясь на официальную советскую статистику, писатель порой преувеличивал эти трудности. Вишневский также стремился, с той или иной степенью объективности, оценить боеспособность вермахта, его потенциальные возможности в противоборстве с Красной Армией.

Основную информацию по всем этим сюжетам писатель черпал из секретных аналитических материалов Политуправления КБФ (в том числе – текстов выступлений Гитлера и других нацистских бонз), а также из открытой советской периодической печати.

Характеризуя основное содержание развернувшегося вооруженного столкновения между СССР и Германией, Вишневский давал собственную оценку гитлеровской стратегии: «Схематичное мышление Гитлера ведет к схематическим построениям: Германия поднимается, а все остальные будут стерты с лица земли; немцы будут господствовать на тысячи лет и т. п. Все это антинаучно, это родилось на кабацких митингах в Мюнхене»[50].

Эти и другие подобного рода суждения Вишневского были созвучны размышлениям его коллег по перу. Так, Илья Г. Эренбург считал, что нацистам удалось внушить миллионам немцев пренебрежение к людям иного происхождения, а собственных солдат – лишить моральных тормозов, превратив «аккуратных, честных, работящих обывателей» в «факельщиков», сжигающих деревни, устраивающих охоту на стариков и детей. Порочность Гитлера, по мнению Эренбурга, заключалась в том, что он сумел вовлечь в массовые зверства не только эсэсовцев, гестаповцев, «профессиональных или самодеятельных палачей», но и солдат и офицеров вермахта, связав, тем самым, десятки миллионов немцев круговой порукой[51].

Порочность гитлеровской системы Вишневский видел в проповеди идей расизма и германской «исключительности», в отсутствии гибкости, в авантюризме, в переоценке немецким руководством потенциала страны, а главное – в претензии на «всемирность»[52].

Уже в конце июля он выражал уверенность, что немцам не удастся закончить войну в 1941 г. «Что еще придумает Гитлер?», – задавался вопросом Вишневский. Будут ли это «новые трюки», «мирные предложения», либо фюрер применит в боевых действиях газы? Последнее оружие, по мнению писателя, было обоюдоострым[53].

В своих оценках состояния военной экономики Германии Вишневский во многом исходил из догм, присущих советскому высшему руководству и большевистской пропаганде до и сразу после нападения Гитлера на СССР. Германский тыл, как тогда считалось, непрочен, а военный потенциал не обладает достаточной мощью для продолжения войны[54]. 6 ноября 1941 г. Иосиф В. Сталин в своем докладе по случаю очередной годовщины Октябрьской революции заявил, что в результате 4-х месяцев войны людские резервы Германии «уже иссякают»[55]. Он также подтвердил тезис о непрочности «германского тыла гитлеровских захватчиков»[56].

Вишневский, который был ознакомлен с текстом сталинского выступления 6 ноября, писал в дневнике, что Германии будет весьма тяжело пережить новую, уже третью по счету, военную зиму, на фоне обещаний Гитлера достичь победы и мира в 1941 г.[57]. Писатель отмечал такие слабые места германской промышленности, как недостаток нефти и сырья. Продовольственный кризис, на его взгляд, сочетался с упадком духа у немцев из-за людских потерь на Востоке[58].

Сообщая о том, что каждый день на Восточном фронте гибнут тысячи немецких солдат и офицеров, Вишневский высказывал следующую мысль: «В Германии к потерям относятся обостреннее, нервнее, чем у нас [в СССР]…». Писатель считал это одним из проявлений различия русского и германского «национально-культурных типов». В СССР все было «крепче, атеистически спокойней, по-русски и по-большевистски стоически». Большевики, в отличие от национал-социалистов, по его мнению, не привыкли «плакать над трупами павших бойцов»[59].

Читая пропагандистские статьи газеты «Правда» «о слабых сторонах немецкой армии», Вишневский стремился более объективно оценить положение вещей. Он был уверен: впереди Красную Армию и советский народ ждут новые тяжелые испытания, бои[60].

Германская армия, ее солдаты и офицеры олицетворяли образ врага в глазах Вишневского. Анализу боевой мощи, характеристике отдельных военнослужащих вермахта посвящено много страниц в дневнике писателя за 1941–1945 гг. В этих записях отражено, с одной стороны, стремление писателя доказать, что вермахт, в конечном счете, слабее Красной Армии и ее победа просто неизбежна. Но, с другой стороны, получаемая Вишневским всесторонняя информация заставляла его задуматься о том, что в действительности германская армия – серьезная сила, с которой нельзя не считаться.

Будучи политработником – человеком, приобщенным к организации пропаганды и контрпропаганды противника, – Вишневский живо интересовался, как функционирует эта система у немцев. Он не мог не признать, что в германской армии систематически «ведется методическая обработка личного состава». Существование жесткой военной цензуры давало возможность лидерам НСДАП скрывать подлинное положение вещей в Германии, где начинала ощущаться усталость от войны. Вишневский был вынужден высоко оценить уровень дисциплины солдат и офицеров вермахта, которые в отдельных случаях проявляли неповиновение и лишь «изредка, в тяжелейших условиях» сдавались в плен. Его вывод сводился к следующему: рано говорить о повсеместном разложении и крахе германской армии[61].

В беседе с командным составом одного из боевых кораблей, участвовавших в обороне Ленинграда, Вишневский прямо говорил, что противники – это «не вшивые фрицы». Он не верил фельетонам о немцах, которые помещали в советских газетах известные писатели. К числу последних Вишневский относил и Эренбурга, при всем уважении к нему[62]. Сам Эренбург вспоминал, что в годы войны «не только обличал солдат Гитлера», но и «посмеивался» над ними. Именно он одним из первых пустил в ход прозвище «фриц» применительно к немцам[63].

Летом 1943 г. Вишневский, напряженно анализируя сложившуюся ситуацию, пришел к выводу, что «внутреннее состояние немецкой армии», несомненно, ухудшается, но его нельзя признать бедственным. Германские солдаты и офицеры держатся с достоинством, даже будучи ранеными. Данный феномен писатель объяснял просто: они инстинктивно чувствовали, что поражение Германии в войне станет национальной катастрофой. Кроме того, они, по его мнению, боялись ответственности за все преступления, которые были совершены оккупационным режимом на советской территории[64].

Поражение под Курском летом 1943 г., отмечал Вишневский, произвело на командный состав вермахта более сильное впечатление, чем Сталинградская битва. Если ранее сохранялась вера в реванш, то осенью 1943 г. надежды на благоприятный исход войны против СССР у германских офицеров уже не оставалось. Анализируя получаемые от Политуправления КБФ материалы о состоянии германской армии, Вишневский констатировал: «Отношение к Гитлеру ухудшается. В немецкой армии появляются песни, высмеивающие его, много анекдотов». Писатель привел любопытный эпизод из жизни Третьего рейха: в Кельне на стенах домов появились надписи: «Hitler, du toller Affe, wo ist deine geheime Waffe?» («Гитлер, ты бешеная обезьяна, где твое секретное оружие?»)[65].

Война, рассуждал Вишневский, имела сложные и неожиданные результаты. В частности, в ходе боевых действий вермахт показал новые тактические приемы и более совершенные виды вооружений, что, в свою очередь, породило «контрприемы и контртехнику» у противников Германии. Вишневский ссылался в подтверждение на показания пленного немецкого полковника, который был вынужден признать: «Мы научили вас [русских] бить нас». Писатель не сомневался, что с «гитлеробоязнью», занесенной из Европы, будет покончено.

Заявления же Гитлера о превосходстве германской техники и «немецкого уменья», как считал Вишневский, оказались несостоятельными. «Попытка выдать гитлеровскую систему за высший тип не удается», – констатировал писатель[66].

Порой в своих дневниковых записях Вишневский проводил интересные параллели между действиями германских генералов в 1914–1918 гг. и гитлеровского военного руководства в 1941–1942 гг. Он, в частности, напоминал, что сами немцы называли Первую мировую «войной упущенных возможностей». «Фатальным образом», как считал писатель, ситуация повторилась и в ходе Второй мировой… После вовлечения в нее СССР все планы и расчеты Гитлера перевернулись. С лета 1941 г. война «вступила в фазу размола» германских армейских масс и техники, «в фазу испытания нервов». Как и в 1914–1918 гг., в ходе нового вооруженного столкновения произойдет «надлом германского тыла, экономики», а в результате – «постепенное ослабление фашистской военной машины»[67].

30 августа 1942 г., вспоминая о Первой мировой войне, Вишневский вновь сравнивал ее с ходом боевых действий против Гитлера. Он выражал уверенность, что

подобно тому, как весной 1918 г. провалилось наступление немцев, застрявших в болотах Фландрии, будут сорваны стратегические замыслы фюрера относительно России. «И Гитлер выдохнется, – писал он, – застрянет на Северном Кавказе, в степях на юго-востоке»[68].

На основании информации из писем пленных, личных бесед с ними и допросов писатель стремился выявить любые признаки неустойчивости, упадка духа в германской армии, чтобы затем использовать эти сведения в контрпропагандистской деятельности.

20 августа 1941 г. Вишневский отмечал, что в письмах, взятых у убитых и пленных немцев, отражались «вопли о бомбежках» союзной авиацией германских городов, голод в Германии, тоска солдат о мире[69]. С удовлетворением писал он о том, что у немцев, попавших в плен, истощенный вид, что они жалуются на артиллерийские обстрелы и контратаки русских, лишающие их возможности полноценного отдыха и сна. Солдаты вермахта, по их показаниям, ощущали перебои в снабжении, у них не было в запасе теплых вещей к зиме[70].

25 июля 1942 г. пленные немцы были проведены по ленинградским улицам. Это событие вновь навело Вишневского на размышления о противнике. Он отметил, что на допросах плененные германские солдаты и офицеры держатся упорно, поскольку «сильно разагитированы фашистами». В то же время, некоторые из них буквально плакали, когда узнавали, что им самим придется восстанавливать разрушенное в результате оккупационной политики хозяйство СССР, вдали от своих семей и родины[71].

Сходным образом оценивал поведение немецких военнопленных летом 1942 г. и Эренбург. Писатель отмечал, что, начав наступление на Кавказ, немцы «снова уверовали в свою непобедимость». Немногочисленные пленные держались на допросах осторожно, опасаясь как русских, так и своих собственных товарищей. Если и встречались солдаты, ругавшие Гитлера, то «были это главным образом крестьяне из глухих деревень Баварии, католики, отцы семейств»[72].

В дневнике же Вишневского вновь и вновь появлялись записи, содержащие анализ настроений германских военнопленных. Он с удовольствием отмечал, что у большинства со временем появлялось пессимистичное настроение. В то же время, уровень «аналитических и критических знаний» у военнопленных немцев был невысок. Что спросишь с солдата-окопника, замечал по этому поводу Вишневский[73].

Истинное «лицо врага»

Судя по дневниковым записям Вишневского 1941–1945 гг., враждебный образ Германии и немцев, который формировался тогда в его сознании, носил многоплановый характер. Специфика ситуации, в которой оказался В.В. Вишневский (пребывание вначале в осажденном немцами Таллинне, а затем – в блокадном Ленинграде), практически не давала возможности встретиться с противником в открытом бою. Как и в войне 1914–1918 гг. первый немец, которого ему довелось увидеть воочию, был уже убит. Посетив линию фронта под Таллинном 22 августа 1941 г., Вишневский по возвращении заметил подбитый немецкий самолет «Ю-88». Возле него лежал труп гер-

манского летчика, грязный, с оторванной рукой. «Первый убитый немец, которого я вижу в эту войну!», – констатировал писатель в своей дневниковой записи[74].

Впоследствии ему неоднократно доводилось видеть и живых немецких солдат и офицеров-военнопленных. Благодаря обширным связям, у писателя была уникальная возможность ознакомиться с материалами допросов немецких пленных. При анализе этих документов Вишневский и стремился наглядно представить «лицо врага».

Пленные немцы, с которыми ему пришлось столкнуться, были, по его мнению, «некультурными европейцами», откровенно и варварски мечтающими о разделе русских и украинских земель[75]. Примечательно, что и другие советские писатели-фронтовики, которые впервые сталкивались с попавшими в плен немцами, давали им аналогичную характеристику. В начале июля 1941 г. Константин М. Симонов присутствовал при допросе летчика люфтваффе в Могилеве. Летчик оказался первым немцем, которого Симонов видел на войне. Для него это был представитель «касты гитлеровских мальчишек, храбрых, воспитанных в духе по-своему понимаемого воинского долга и до предела нахальных». Как писал поэт, пленный летчик – «убогий, малокультурный парень, приученный только к войне и больше ни к чему», «ландскнехт» по воспитанию и образованию[76].

Такого рода наблюдения полностью противоположны впечатлениям, описанным Эренбургом и также относившимся к начальному периоду войны с Германией. Как подчеркивал он, у советских солдат тогда не только не было ненависти к врагу, но в их сознании «жило некоторое уважение к немцам, связанное с преклонением перед внешней культурой». Он описывал случаи, когда в вещевых мешках немецких военнопленных обнаруживались «книги и тетради для дневников, усовершенствованные бритвы, а в карманах фотографии, замысловатые зажигалки, самопишущие ручки». В подобных случаях красноармейцам оставалось лишь «восхищенно и в то же время печально» восклицать: «Культура!»[77].

На основании получаемых материалов о немецких пленных Вишневский первоначально выделил три условные категории германских солдат: «обработанные гитлеровцы»; «молодое поколение»; «сомневающиеся». Представители первой группы, как отмечал Вишневский, считали справедливыми германские завоевания в Европе, надеялись на скорое окончание войны против СССР. Они были уверены, что именно благодаря приходу Гитлера к власти качество жизни большинства немцев значительно улучшилось как в социальном, так и в материальном плане.

Солдаты вермахта, принадлежавшие к «молодому поколению», подвергались длительной обработке со стороны нацистской пропаганды. Они были «драчливы» и грубы. Согласно интерпретации Вишневского, фюрер лично «натаскивал» германскую молодежь, призывая ее уподобляться «гончим», «диким зверям».

«Сомневающиеся» (в системе Вишневского) – солдаты вермахта, которые «устали от войны». Писатель называл их «шкурным элементом». Принадлежавшие к этой категории немецкие военнослужащие, по его убеждению, стремились непременно попасть в плен…[78].

В то же время, при личном общении с пленными Вишневский порой испытывал сочувствие, видя в них обыкновенных людей, которые действовали по принуждению. Как уже отмечалось, подобного рода настроения были характерны для него и в годы Первой мировой войны.

Во время одной из поездок на передовую под Ленинградом писатель встретил двух немцев, которых сопровождал конвой. Один из пленных, молодой рабочий за-

вода «Сименс», подробно ответил на все вопросы, заданные Вишневским. Последний не почувствовал злобы к немцу, а испытал «только некоторое презрение, жалость и интерес: вот еще один из гитлеровского мира». Разбив Германию, рассуждал писатель, победители испытают подобные чувства: «удовлетворение, жалость и интерес к немецкому народу». Вишневский оговаривался, что «эсэсовцы и полицейские» вызвали бы у него совершенно другие, негативные эмоции[79].

Мстить или не мстить? – вот в чем вопрос

Вполне объяснимо, что в условиях войны официальная советская пропаганда делала все для доказательства преступной сущности германского оккупационного режима. Понятно, почему в дневниках Вишневского военных лет затрагивалась и тема отмщения врагу за смерть и разрушения, которые он нес СССР, советским людям.

Почерпнутую из открытых источников (главным образом, периодики) информацию по этой теме Вишневский имел возможность дополнить благодаря личному ознакомлению с дневниками убитых немецких солдат и офицеров, которые предоставляло ему Политуправление КБФ. В связи с этим Вишневский писал о «зверином терроре, о садизме» врага на оккупированной советской территории.

Чем и как отплатить Гитлеру и немцам? – так размышлял писатель, выражая уверенность в неизбежности возмездия для фюрера. 23 октября 1941 г. Вишневский отметил в дневнике: «А мы уж с Гитлером рассчитаемся! Узнает он силищу советского народа. Мы (русские – *В.Н.*) добры, чисты, но с врагами – круты». Следующим образом передает он мнение «простого народа»: «Бей, бей, гад, не долго придется»[80].

Эту же мысль Вишневский развивает и в другой дневниковой записи: «Придет час, и мы зададим Гитлеру вопрос: “*Was hast du mit Russland, Frankreich, Belgien, Norwegen, Ungarn gemacht?*”[81] и будем его нещадно бить»[82].

Узнав из полученных в Политуправлении КБФ материалов о намерениях фюрера довести всех жителей блокадного Ленинграда до голодной смерти, Вишневский не стал скрывать переполнявшего его чувства негодования. Он записал в дневнике 26 октября 1942 г., имея в виду Гитлера: «Собака проклятая, трижды будем тебя вешать, найдем, куда бы ты ни побежал!»[83].

Аналогичным образом писатель высказывался и по поводу Геббельса. Так, ему довелось ознакомиться с текстом опубликованной в газете «Das Reich» статьи «о русской душе», где, в частности, утверждалось: советская армия оказала немцам большее сопротивление, чем они привыкли встречать. Геббельс, пытаясь запугать «публику», стремился также доказать, что у русских нет национальной интеллигенции. «К черту эту “философию” недоноска, – писал В.В. Вишневский, имея в виду главного нацистского идеолога. – Много ль он знает о России? Мы его [Геббельса] еще допросим!»[84]. Примечательно, что в своем радиовыступлении 15 ноября 1942 г., обращенном к ленинградцам и являвшимся реакцией на упомянутую статью Геббельса, советский писатель призывал рейхсминистра пропаганды подумать не о русской душе, а спасении собственной[85].

«Судорога бешенства» сводила Вишневского, когда он знакомился со все бóльшим количеством материалов о преступлениях германского оккупационного режи-

ма. «Мы многое на своем веку видели, но гитлеровские дела затмевают все своей массовостью, извращенностью, патологизмом», – констатировал он в своем дневнике.

По его мнению, в отношении нацистов следовало поступать следующим образом: «С корнем вырвать гитлеровскую военную индустрию, взять заводы – в возмещение наших потерь в занятых [немцами] районах»[86]. Подчеркивая ожесточенный характер войны, В.В. Вишневский отмечал, что «былые гуманистические нормы» буквально трещат по швам[87].

«Растет лютая злоба к фашистской Германии. Горе ей будет! Понимают это и немцы», – записал он в своем дневнике 9 января 1942 г.[88]. «Огромна ненависть к фашизму, – ожесточающая и чем-то меняющая гуманистические основы», – подчеркивал писатель[89]. И чем больше он сам узнавал подробностей о преступлениях немецких оккупантов, тем сильнее была его ненависть к немцам: «Доброта, всепрощение и прочие хорошие чувства – потом!»[90].

Подобные настроения В.В. Вишневского были во многом созвучны отношению к немцам как к врагам, выраженному Эренбургом в его знаменитой статье «Оправдание ненависти» (лето 1942 г.). Вспоминая об обстоятельствах написания этой статьи, Эренбург отмечал: «Война – страшное, ненавистное дело, но не мы ее начали, а враг был силен и жесток…Я должен был предупредить наших бойцов, что тщетно рассчитывать на классовую солидарность немецких рабочих, на то, что у солдат Гитлера заговорит совесть, не время искать в наступающей вражеской армии “добрых немцев”, отдавая на смерть наши города и села». Именно в этой знаменитой статье впервые прозвучала жестокая формулировка-приказ, обращенная к советскому воину: «Убей немца!»[91].

Вишневский же, продолжая читать в газетах материалы о преступлениях на оккупированных территориях, был просто переполнен чувством ненависти: «Бешенство подкатывает к сердцу! Чем ответить, как отомстить этим скотам!»[92]. И чем дальше на Запад продвигалась Красная Армия, чем ближе была победа над Германией, тем острее он воспринимал проблему отмщения врагу. «Мы, писатели, в 1941–1942 годах дали народу чудовищный заряд ненависти», – с удовлетворением отмечал он[93].

В то же время ему казалось просто необходимым проявление человечного отношения к солдатам противника. Он был уверен, что месть красноармейцев неизбежно последует, но «их будут останавливать», ибо «стихийная кровожадность» представляла большую опасность[94]. В связи с этим Вишневский считал, что окончание войны будет ознаменовано не полным истреблением врага, не призывом «Убей его!» (здесь просматривается внутренний протест против чересчур прямолинейной установки Эренбурга). Вишневский надеялся, что суду будут преданы не все немцы, а лишь нацистская верхушка[95]. Писатель отмечал: среди нацистов ходила поговорка: «Наслаждайтесь войной – мир будет ужасен!» «Для них – безусловно!» – комментировал он эту поговорку[96].

Он пересказывал в дневнике суть своего спора с неким профессором (имя его Вишневский не назвал), предложившим «теорию» переселения 15 млн. немцев в Сибирь, Африку и т. д. после победы. «Вопли об истреблении [немцев] неуместны», – считал писатель. По его мнению, следовало сурово наказать административный, гестаповский, полицейский аппарат нацистского режима, а также карателей, губернаторов и других его представителей. Наряду с изменением системы воспитания и образования в Германии, как считал Вишневский, судебные процессы позволят ликвидировать в этой стране фашизм[97]. Естественно, он категорически отказывал на-

цизму в праве на существование. В перспективе у человечества, подчеркивал Вишневский, – «не звериный, не ницшеанский, не гитлеровский» путь развития[98].

Во многом показателен эпизод, описанный Вишневским в дневниковой записи от 22 апреля 1945 г., так как дополняет новыми штрихами представление об отношении Вишневского к уже поверженному врагу. На улицах Берлина, где еще продолжались жестокие бои за каждую улицу, за каждый дом, Вишневский встретил советского солдата, на глазах которого в 1943 г. погибла от немецкого снаряда жена. Боец рассказал писателю, что решил во что бы то ни стало дойти до германской столицы, с автоматом в руках врываться в дома немцев, убивая женщин и детей. И вот советский солдат оказался в Берлине, однако вымещать свое горе на мирных жителях оказался не в силах. «Вот человеческая трагедия!» – восклицал по этому поводу Вишневский. «Что должен ответить писатель человеку, который, победив, не хочет, не может расстреливать и мстить?»[99].

Спустя неделю, выступая на совещании представителей командного и политического руководства 1-го Белорусского фронта, Вишневский отмечал, что после всех тягот и невзгод, перенесенных в блокадном Ленинграде, и ему больше всего хотелось «идти стрелять по фашистскому Берлину». Но, в целом, как подчеркивал писатель, у советских людей отсутствует чувство злобной мести к побежденному и безоружному германскому народу. Основная задача теперь – после победы над Гитлером и сокрушения фашизма – должна была, по его мнению, состоять в том, чтобы, поняв до конца трагедию немцев, разъяснить ее и им самим, и солдатам и офицерам Советской Армии[100].

К этому можно добавить, что не всегда и не везде военнослужащими Красной Армии соблюдался принцип «не мстить мирным жителям», приверженность которому провозглашал на упомянутом совещании Вишневский. Известны случаи, когда гражданское население в Восточной Пруссии и на других германских территориях подвергалось насилию и расстрелам со стороны советских солдат (об этом, писал, в частности, в своих мемуарах Л. Копелев).

* * *

Анализ творческого наследия (воспоминаний, записных книжек, дневников, художественных произведений) Вишневского, исследование его отношения к Германии и немцам позволяют сделать следующие выводы. В творчестве участника двух мировых войн, писателя и драматурга ярко представлена тема формирования образа врага. В период Первой мировой войны у него лишь закладывались основы этого образа, во многом на базе здорового любопытства к немцам как к военным противникам. Боевое столкновение лицом к лицу с ними непосредственно на поле боя стало решающим фактором и знаменовало завершение первого этапа этого процесса.

Особенности дальнейшего жизненного пути Вишневского, приобретенная еще в детские годы германофобия, участие в организации антинацисткой пропаганды – все эти факторы способствовали закреплению в его сознании стереотипов, враждебных Германии и немцам. Подобные настроения он даже не пытался скрывать в период сближения СССР с Третьим рейхом, начавшийся после подписания пакта Риббентропа–Молотова.

Примечательно, что ни в одной из его дневниковых записей военных лет нельзя выявить и намека на то, что Вишневский боялся немцев-противников на поле боя.

В то же время писатель, хорошо представлявший масштабы бедствий и страданий, принесенных немецкими оккупантами, стремился не допустить, чтобы закономерно возникавшая ненависть к врагу перерастала в жажду кровавой расправы над ним.

Несомненна причастность В.В. Вишневского, этого «старого комбатанта», к делу «оправдания ненависти» русских к немцам. Но субъективные, человеческие качества писателя придавали этому сложному процессу свою, особую специфику.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Всеволод Вишневский – автор таких пьес, как «Первая Конная» и «Оптимистическая трагедия».

[2] *Вишневский В.В.* Война. Роман-эпопея. // Вишневский В.В. Собр. соч. в 5-ти т. – М., 1954–1960; здесь Т. 2. – М., 1954.

[3] *Вишневский В.В.* Империалистическая война // Там же. Т. 2.

[4] Имевший возможность наблюдать его во время гражданской войны в Испании И.Г. Эренбург писал: «Всеволод Витальевич был человеком чрезвычайно эмоциональным; чем–то напоминал хорошего испанского анархиста». По словам Эренбурга, Вишневский отличался тем, что «ругал Запад», называя себя «матросом, простецким, народным». *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Воспоминания. В 3–х т. Изд. исправл. и доп. – М., 1990. Т. 2. Кн. 4, 5. С. 148.

[5] *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 1. – М., 1954. С. 5.

[6] Запись в перекидном календаре В.В. Вишневского от 22 апреля 1940 г. – Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1038. оп.1. Д. 2182. Л. 59. «Комбатанты» (от французского «combattant» – воин, боец) – лица, входящие в состав вооруженных сил воюющих сторон и непосредственно участвующие в боевых действиях, т. е. сражающиеся (Военная энциклопедия: В 8 т. Т. 4: Квашнин – Марицкая битва 1371. – М., 1999. С. 120).

[7] Международный антифашистский конгресс писателей в Испании был созван по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 марта 1937 г. (См.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. – М., 1999. С. 355).

[8] Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 сентября 1934 г. В.В. Вишневский вошел в состав правления Союза советских писателей СССР. 25 января 1939 г. Политбюро приняло решение обновить состав президиума правления ССП, куда был включен и Вишневский (Власть и художественная интеллигенция… С. 237, 424).

[9] *Вишневский В.В*. Собр. соч. Т. 6 (доп.). – М., 1961. С. 329.

[10] *Хелемендик В.С.* Всеволод Вишневский. Изд. 2-ое. – М., 1983. С. 119.

[11] Записная книжка В.В. Вишневского, 22 октября 1940 г. – РГАЛИ. Ф. 1038. Оп.1. Д. 2077. Л. 97.

[12] *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 6 (доп.).

[13] *Вишневский В.В.* Дневники военных лет, 1941–1942 // *Вишневский В.В*. Собр. соч. Т. 3. – М., 1956.

[14] *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 651.

[15] Там же. С. 649.

[16] Там же. С. 652.

[17] Там же. С. 653.

[18] Там же. С. 680.

[19] Там же. С. 298.

[20] Там же. С. 689–690.

[21] Там же. С. 305.

[22] Там же. С. 249.

[23] Там же. С. 678–679.

[24] Там же. С. 676.

[25] Там же. С. 678.

[26] Там же. С. 680, 702.
[27] Там же. С. 703.
[28] Там же. С. 714. За этот боевой эпизод В.В. Вишневский был награжден Георгиевским крестом.
[29] Там же. С. 712.
[30] Там же. С. 721.
[31] Там же. С. 317.
[32] Москва. 1995. № 5. С. 104–110.
[33] Там же. С. 105.
[34] Записные книжки В.В. Вишневского, 4 апреля 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 1038. Оп.1. Д. 2077. Л. 31.
[35] Записные книжки В.В. Вишневского, 17 мая 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 1038. Оп.1. Д. 2077. Л. 63.
[36] Записные книжки В.В. Вишневского, 18 мая 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 1038. Оп.1. Д. 2077. Л. 64, 64 об.; *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 6 (доп.). С. 315.
[37] РГАЛИ. Ф. 1038. Оп.1. Д. 1401. Л. 1, 7–9, 49, 54, 55.
[38] Записные книжки В.В. Вишневского, 18 июня 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 1038. Оп.1. Д. 2077. Л. 69–69 об.
[39] Там же. Л. 96–96 об.
[40] *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 6 (доп.). С. 318.
[41] Там же. С. 322.
[42] *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. – М., 2000. С. 9.
[43] *Эренбург И.Г.* Указ. соч. С. 287.
[44] Москва. 1995. № 5. С. 106.
[45] Там же. С. 107.
[46] Там же. С. 108.
[47] *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 6 (доп.). С. 329.
[48] *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 4. С. 796.
[49] *Лазарев Л.* Послесловие // *Симонов К.* 100 суток войны. – Смоленск, 1999. С. 559.
[50] Дневник В.В. Вишневского, 3 марта 1942 г. // *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 3. С. 361.
[51] *Эренбург И. Г.* Указ. соч. С. 250.
[52] Дневник В.В. Вишневского, 12 апреля 1942 г. // *Вишневский В.В.* Собр. Соч. Т. 3. С. 374.
[53] Там же. С. 66.
[54] *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. – М., 1997. Глава пятая.
[55] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-ое. – М., 1950. С. 35.
[56] Там же. С. 58.
[57] Дневник В.В. Вишневского, 8 августа 1941 г. // *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 3. С. 125.
[58] Там же. С. 157.
[59] Дневник В.В. Вишневского, 23 февраля 1942 г. // Там же. С. 351.
[60] Там же. С. 228–229.
[61] Дневник В.В. Вишневского, 3 марта 1942 г. // Там же. С. 360.
[62] Дневник В.В. Вишневского, 12 апреля 1942 г. // Там же. С. 410.
[63] *Эренбург И.Г.* Указ. соч. С. 249.
[64] Дневник В.В. Вишневского, 30 июня 1943 г. // *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 4. С. 255.
[65] Дневник В.В. Вишневского, 8 октября 1943 г. // Там же. С. 399.
[66] Дневник В.В. Вишневского, 3 марта 1942 г. // *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 3. С. 361.
[67] Дневник В.В. Вишневского, 28 мая 1942 г. // Там же. С. 465.
[68] Там же. С. 597.
[69] Там же. С. 88.
[70] Дневник В.В. Вишневского, 8 октября 1941 г. // Там же. С. 158.
[71] Там же. Т. 3. С. 548.
[72] *Эренбург И.Г.* Указ. соч. С. 246.
[73] Дневник В.В. Вишневского, 22 апреля 1943. // *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 4. С. 169.
[74] Там же. С. 89.
[75] Дневник В.В. Вишневского, 3 сентября 1941 г. // *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 3. С. 119.

[76] *Симонов К.М.* Указ. соч. С. 34.
[77] *Эренбург И.Г.* Указ. соч. С. 247–248.
[78] Дневник В.В. Вишневского, 3 августа 1941 г. // *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т.№ . С. 70–71.
[79] Дневник В.В. Вишневского, 1 февраля 1943 г. // *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 4. С. 70.
[80] *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 3. С. 174.
[81] «Что ты сделал с Россией, Францией, Бельгией, Норвегией, Венгрией?».
[82] Дневник В.В. Вишневского, 23 октября 1941 г. // *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 3. С. 175.
[83] Там же. С. 665.
[84] Дневник В.В. Вишневского, 12 ноября 1942 г. // Там же. С. 683.
[85] *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 6 (доп.). С. 136.
[86] Дневник В.В. Вишневского, 18 декабря 1941 г. // *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 3. С. 240.
[87] Дневник В.В. Вишневского, 29 октября 1941 г. // Там же. С. 181.
[88] Там же. С. 275.
[89] Дневник В.В. Вишневского, 22 августа 1942 г. // Там же. С. 586.
[90] Дневник В.В. Вишневского, 27 января 1943 г. // *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 4. С. 56.
[91] Эренбург И.Г. Указ. соч. С. 248.
[92] Дневник В.В. Вишневского, 13 августа 1943 г. // *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 4. С. 317.
[93] Дневник В.В. Вишневского, 22 июня 1944 г. // *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 4. С. 586.
[94] Дневник В.В. Вишневского, 22 августа 1942 г. // *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 3. С. 586.
[95] Там же. С. 587.
[96] Дневник В.В. Вишневского, 6–8 июня 1944 г. // *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 4.. С. 594.
[97] Дневник В.В. Вишневского, 13 июня 1944 г. // Там же. С. 571.
[98] *Вишневский В.В*. Указ. соч. Т. 3. С. 181.
[99] *Вишневский В.В.* Собр. соч. Т. 4. С. 847.
[100] Там же. С. 864.

Борис Соколов

ОТ МИФОВ ВОЙНЫ К МИФАМ ЛИТЕРАТУРЫ. Российские и советские военные подвиги в Первой и Второй мировых войнах

В России в XX веке военная мифология была связана, главным образом, с двумя мировыми войнами. Однако между их мифами существует принципиальная разница. В 1914–1917 гг. российская пропаганда акцентировала внимание на подвигах солдат и офицеров, которые, например, спасали раненых товарищей или уничтожали несколько неприятелей, оставшись при этом в живых. Напротив, в 1941–1945 гг. советская пропаганда делала упор на те подвиги, когда красноармейцы ценой своей жизни убивали врагов или обеспечивали успех своим товарищам.

Для периода Первой мировой войны нами взяты материалы о мифологизированных подвигах – донского казака Кузьмы Крючкова, лётчика Петра Нестерова – и некоторых других, также отразившихся в художественных произведениях, в частности, в романе Михаила Шолохова «Тихий Дон». Для Великой Отечественной войны мы рассмотрим в качестве образцов жертвенных мифов подвиги: 28 гвардейцев-панфиловцев во главе с политруком Василием Клочковым у разъезда Дубосеково под Москвой 16 ноября 1941 г., пяти моряков-севастопольцев во главе с политруком Николаем Фильченковым у селения Дуванкой 7 ноября 1941 г. и рядового Александра Матросова у деревни Чернушки недалеко от Великих Лук 23 февраля 1943 г. Критический анализ позволяет сделать вывод, что в действительности все эти подвиги либо вовсе не имели места в действительности, либо происходили совсем иначе, чем гласит официальная патриотическая традиция.

При этом, прослеживается трансформация мифов первых двух подвигов в художественной литературе – в очерке Александра Кривицкого «О 28 павших героях», поэме Николая Тихонова «Слово о 28 гвардейцах» и рассказе Андрея Платонова «Одухотворённые люди». Мы также сравним советские и немецкие героические мифы времен Второй мировой войны.

Все три выбранные нами жертвенных мифа характерны ещё и тем, что позволяют установить истинный ход событий. В случае с 28 гвардейцами-панфиловцами оказывается возможным выяснить подлинные обстоятельства боя у разъезда Дубосеково благодаря материалам следствия по делу одного из участников. Подвиги же пяти моряков-севастопольцев и Александра Матросова в их официальной трактовке не выдерживают критики, с точки зрения здравого смысла, законов природы и некоторых твёрдо установленных фактов, связанных с боевыми действиями в Крыму в ноябре 1941 г. и в районе деревни Чернушки в феврале 1943 г.

Российские героические мифы Первой мировой войны: от лубка к правде

Обращение к опыту Первой мировой войны опровергает расхожее мнение об «исконной жертвенности» русского народа. Тогда в России пропагандировали, главным образом, подвиги тех офицеров и солдат, которые сумели нанести большой урон

врагу и остаться при этом в живых. Рассмотрим, например, брошюру «Славянский герой генерал Радко Дмитриев и славные русские герои Великой войны с Германией и Австрией», выпущенную в Москве в 1914 г. Здесь наряду с генералами Радко Дмиитриевым и Николаем Рузским, умело руководившими действиями своих войск, упомянуты полковник Лопухин, мужественно переживший гибель сына, казак Кузьма Крючков и корнет Кобелянский, уничтожившие по несколько неприятельских кавалеристов, поручик Лавин, взявший в плен 3 австрийских офицеров и 16 солдат, рядовой Давид Выжимок, вынесший с поля боя тяжело раненого офицера, пулемётчик Максим Кашеваров, уничтоживший чуть ли не целый немецкий полк, некий пожилой солдат-поляк, захвативший в плен 50 человек, 15-летний мальчик Володя Лукошников, добровольно пошедший на фронт, и т. п.

Единственный известный пример подвига Первой мировой войны, связанного с самопожертвованием, – это воздушный таран, осуществлённый знаменитым лётчиком Петром Н. Нестеровым. Причина особой популяризации этого подвига заключается в широкой известности Нестерова, который ещё до войны стал почти культовой фигурой как основоположник высшего пилотажа в России. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что сам Нестеров, совершая таран, надеялся уцелеть и не собирался уничтожать вражеский самолёт ценой собственной жизни. В «Акте расследования по обстоятельствам геройской кончины начальника 11-го корпусного авиационного отряда штабс-капитана Нестерова» подчёркивалось: «Штабс-капитан Нестеров уже давно выражал мнение, что является возможным сбить неприятельский воздушный аппарат ударами сверху колёсами собственной машины по поддерживающим поверхностям неприятельского аппарата, причём допускал возможность благополучного исхода для таранящего лётчика»[1].

Из всех героев Первой мировой войны наибольшую известность приобрёл донской казак Кузьма Крючков, первым из рядовых удостоенный знака отличия – Георгиевского креста («солдатского Георгия»). Вот стандартное описание его подвига:

> Пруссаки, ничего не подозревая, постепенно приближались к засаде. Лишь только неприятель приблизился на ружейный выстрел, казаки открыли по нему огонь. Прусский офицер остановился и что-то скомандовал своему отряду, и отряд стал удаляться. Быстро вскочив на своих коней, Крючков и товарищи выскочили из засады и бросились за неприятелем.
>
> Крючков скорее всех настиг пруссаков и врезался в неприятельский отряд, размахивая шашкой. Пруссаки окружили храбреца, и к нему с шашкой мчался прусский офицер, готовясь нанести удар. Один из подоспевших в тот момент товарищей Крючкова, заметив это, выстрелил и свалил офицера.
>
> Крючков же, вложив шашку в ножны и выхватив винтовку, хотел выстрелить в неприятельского унтер-офицера, но тот ударом шашки рассёк ему руку, и у Крючкова выпала винтовка. Снова выхватив шашку, Крючков рассёк своему сопернику шею.
>
> Едва успел Крючков разделаться с одним, на него бросились два пруссака с пиками наперевес, намереваясь вышибить его из седла. Снова вложив шашку, Крючков быстро схватил обе пики руками и сильно рванул на себя. Оба пруссака свалились на землю, а он, вооружившись неприятельской пикой, бросился на остальных немцев.
>
> Скоро справились и с остальными, и из 27 человек немцев лишь трое успели ускакать, а 24 были убиты и ранены. Крючков, в самом начале боя получивший рану в руку, получил всего 16 ран в себя и 11 в лошадь (любопытно, что сумма ран, полученных Крючковым и

его конём, равна общему количеству немцев, будто бы сражавшихся с отрядом Крючкова; данное обстоятельство может служить доказательством вымышленности всех этих цифр; вероятнее всего, такое совпадение произошло подсознательно. – *Б.С.*), один свалив одиннадцать человек немцев. За этот подвиг Кузьма Крючков награждён знаком отличия военного ордена первой степени (т. е. вне очереди, без получения трёх предыдущих степеней. – *Б.С.*)[2].

Подвиг Крючкова отразился и в поэтических произведениях. В былине Владимира Вишнякова[3] памятный бой казаков Крючкова, Астахова, Иванькова и Щеголькова с отрядом прусских драгун описывался следующим образом:

В одной из первых стычек немцы пали,
Сражённые отважным казаком,
Вторым Ильёю Муромцем. Лежат
Распластанные на земле ничком
Одни – пробитые казачьей пикой,
Другие же – немецкою, отнятой
У одного из них во время боя. Лихо
Крючков врубился в гущу толстопятых,
Опередив товарищей. С налёту
Он их колол, чтоб впредь не воевали.
11 немцев положил он точным счётом,
И все б 12 у него под пикою лежали,
Да немцы вовремя от наших ускакали.

Запели в полночь петухи протяжно.
Зашевелились немцы, стали все рядком,
Взяв руки в бок, и важно
Разговорились об обиде, казаком им нанесённой.
«– Страм и только!
Всех нас побил один донской казак».
«– Он был один, а нас побито сколько!»
«– С позором помириться нам нельзя никак!
Гут, гут, яволь», – и тут же порешили,
Что раз 11 на одного убито казаком,
То впредь, чтоб русского осилить,
На одного не всемером,
А всем 11 ходить гуртом».

Вторая же часть былины посвящена казначею Соколову, при вступлении немцев в Калиш уничтожившему кредитные билеты и за это расстрелянному оккупантами. Этот подвиг-миф нельзя, однако, считать проявлением специфического жертвенного менталитета русских. В годы войны пропаганда всех стран прославляла отвагу гражданских лиц, казнённых неприятелем. Можно вспомнить медсестру Эдит Кавель, расстрелянную немцами в 1915 г. в Бельгии по ложному обвинению в шпионаже (в действительности она только оказывала помощь союзным пленным), из которой пропаганда стран Антанты сделала символ немецких преступлений, равно как и символ мужества простой женщины, не дрогнувшей перед лицом смерти[4].

Что же касается образа Кузьмы Крючкова, то у Вишнякова он превратился в былинного русского богатыря, лихо орудующего сразу двумя пиками. Казак-удалец, один побеждающий 11 немцев, должен был убедить народ, что с супостатом можно будет справиться без особого труда. Позднее, когда война стала затягиваться, основной упор пропаганда стала делать на героях – солдатах и офицерах, бежавших из плена. Такие случаи, в частности, были единственным видом военных подвигов, который можно встретить в подшивке журнала «Нива» за 1916 г.

Гораздо более близкую к реальности картину боя Кузьмы Крючкова и его товарищей дал Михаил Шолохов в «Тихом Доне». Не исключено, что писатель опирался на устные рассказы казаков, знавших участников знаменитой схватки. В 8-й главе 3-й части 1-й книги романа читаем:

> В стороне человек восемь драгун огарновали Крючкова. Его хотели взять живьём, но он, подняв на дыбы коня, вихляясь всем телом, отбивался шашкой до тех пор, пока её не выбили. Выхватив у ближнего немца пику, он развернул её, как на ученьи.
>
> Отхлынувшие немцы щепили её палашами. Возле небольшого клина суглинистой невесёлой пахоты грудились, перекипали, колыхаясь в схватке, как под ветром. Озверев от страха, казаки и немцы кололи и рубили по чём попало: по спинам, по рукам, по лошадям, по оружию… Обеспамятевшие от смертного ужаса лошади налетали и бестолково сшибались. Овладев собой, Иванков несколько раз пытался поразить наседавшего на него длиннолицего белёсого драгуна в голову, но шашка падала на стальные боковые пластинки каски, соскальзывала.
>
> Астахов прорвал кольцо и выскочил, истекая кровью. За ним погнался немецкий офицер. Почти в упор убил его Астахов выстрелом, сорвав с плеча винтовку. Это и послужило переломным моментом в схватке. Немцы, все израненные нелепыми ударами, – потеряв офицера, рассыпались, отошли. Их не преследовали. По ним не стреляли вслед. Казаки поскакали напрямки к местечку Пеликалие, к сотне; немцы, подняв упавшего с седла раненого товарища, уходили к границе[5].

У Шолохова подвиг совершают люди, «озверевшие от страха», впервые в жизни вынужденные убивать. Оттого так неумелы их удары. И лишь один человек гибнет в этой бестолковой схватке. Нет тут Кузьмы Крючкова, нанизывающего немцев на две пики, нет 24 убитых и раненых немцев.

Писатель показывает нам, как рождался миф:

> Из этого после сделали подвиг. Крючков, любимец командира сотни, по его реляции получил георгия. Товарищи его остались в тени. Героя отослали в штаб дивизии, где он слонялся до конца войны, получив остальные три креста за то, что из Петербурга и Москвы на него приезжали смотреть влиятельные дамы и господа офицеры (в действительности Крючков сразу был удостоен солдатского «Георгия» первой степени. – *Б.С.*)…
>
> Чубатая голова Крючкова не сходила со страниц газет и журналов. Были папиросы с портретом Крючкова. Нижегородское купечество поднесло ему золотое оружие…
>
> А было так: столкнулись на поле смерти люди, ещё не успевшие наломать рук на уничтожении себе подобных, в объявшем их животном ужасе натыкались, сшибались, наносили слепые удары, уродовали себя и лошадей и разбежались, вспугнутые выстрелом, убившим человека, разъехались нравственно искалеченные. Потом это назвали подвигом[6].

В романе Шолохова рассказано и о подвиге рядового Давида Выжимка. Будучи вестовым у гусарского офицера, он вынес своего начальника, тяжело раненного в голову, с поля боя. Выжимок тащил офицера по вражеским тылам целых 6 вёрст. За этот подвиг он был удостоен Георгиевского креста 4-й степени[7]. Главный герой «Тихого Дона» свой первый «георгий» получил за спасение командира драгунского полка Густава Грозберга, раненного в живот, которого он, и сам раненный в голову, вынес на себе из-за линии фронта. В отличие от лубочного Выжимки газетных реляций, не испытывавшего ни тени сомнений и колебаний в осуществлении своей благородной миссии, шолоховский Григорий – живой человек, сам страдающий от раны:

> Офицер потерял сознание. Григорий тащил его на себе, падая, поднимаясь и вновь падая. Два раза бросал свою ношу и оба раза возвращался, поднимался и брёл, как в сонной яви. В одиннадцать часов утра их подобрала команда связи и доставила на перевязочный пункт[8].

Здесь художественное произведение корректирует патриотический миф и приближает его к реальности.

Русские героические мифы Великой Отечественной войны

Подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев: истину устанавливает суд

О подвиге 28 гвардейцев-панфиловцев страна впервые узнала из корреспонденции В. Чернышёва «Слава бесстрашным патриотам», появившейся в «Комсомольской правде» 26 ноября 1941 г. Там фигурировало некое «гвардейское подразделение», подвергшееся атаке 60 вражеских танков и нескольких батальонов пехоты. Командовал подразделением, успешно отразившим немецкое наступление, продолжавшееся «весь день, всю ночь и весь следующий день», лейтенант Безвременный, вместе со старшим политруком Калачевым. Тогда, по утверждению Чернышёва, «получив основательную трёпку на этом участке обороны, противник решил взять реванш на другом участке». 54 немецких танка атаковали оборонительный рубеж, который занимала «группа красноармейцев во главе с политруком Диевым». По словам корреспондента, этот отряд сдерживал неприятеля более четырёх часов.

Как родилась эта легенда, почти ничего общего не имевшая с действительностью, Чернышёв поведал на допросе 17 апреля 1948 г., в ходе следствия по делу одного из «28 героев-панфиловцев» – сержанта Ивана Евстафьевича Добробабина (Добробабы), который не погиб в бою 16 ноября, а попал в плен и позднее служил в германской вспомогательной полиции. Корреспондент дал показания:

> В 1941 году, в ноябре месяце… мы вместе с корреспондентом газеты «Красная звезда» Коротеевым выезжали на фронт… То, что было написано потом мною в «Комсомольской правде», рассказал мне инструктор-информатор в штабе Панфиловской дивизии.

Поскольку на участке дивизии шли тяжёлые бои, Чернышёв и Коротеев не рискнули проверить сообщение политрука у очевидцев событий. Чернышёв признался следователю:

Я только перед отъездом в Москву ещё раз говорил с инструктором (фамилию его не помню) и пытался установить сражавшихся с немецкими танками. Он в то время назвал мне фамилии лейтенанта Безвременного, старшего политрука Калачева и политрука Диева…[9]

Тогда же, в апреле, следователь допросил и В. Коротеева, который рассказал следующее:

Примерно 23–24 ноября 1941 года я вместе с военным корреспондентом газеты «Комсомольская правда» Чернышёвым был в штабе 16-й армии, которой в то время командовал Рокоссовский. Мы лично говорили с Рокоссовским, который познакомил нас с обстановкой… При выходе из штаба армии мы встретили комиссара 8-й Панфиловской дивизии Егорова, который рассказал также о чрезвычайно тяжёлой обстановке, но сообщил, что независимо от тяжёлых условий боёв наши люди геройски дерутся на всех участках (несомненно, Егоров и был тем «инструктором-информатором», которого упоминал Чернышёв. – *Б.С.*)… В частности, Егоров привёл пример геройского боя одной роты с немецкими танками… В то время вопрос шёл о бое пятой роты с танками противника, а не о бое 28 панфиловцев. Егоров порекомендовал нам написать в газете о героическом бое роты с танками[10].

Ехать же в полк, на участке которого произошёл этот бой, и встречаться с очевидцами событий осторожный комиссар корреспондентов отговорил. Коротеев сообщил следователю: «Пробраться в полк было невозможно. Егоров не советовал нам пытаться проникнуть в полк»[11]. Можно с полным основанием предположить, что комиссар панфиловской дивизии не был уверен, что в действительности бой у разъезда Дубосеково происходил именно так, как он рассказал Чернышёву и Коротееву. Егоров опасался, что на месте событий журналисты могут узнать неприятную истину о разгроме 1075-го стрелкового полка, в состав которого входила рота политрука Диева-Клочкова, и об успешном прорыве неприятельских танков на волоколамском направлении.

Вслед за Чернышёвым Коротеев 27 ноября 1941 г. опубликовал в «Красной звезде» очерк «Гвардейцы Панфилова в боях за Москву». Там утверждалось: «Десять дней, не стихая, идут жестокие бои на Западном фронте… Гвардейская дивизия имени Панфилова уничтожила около 70 танков и свыше 4000 солдат и офицеров…». Упоминал Коротеев и «особо отличившуюся группу бойцов» 5-й роты Н-ского полка. В действительности Клочков и его погибшие товарищи входили в 4-ю роту, и здесь точнее был Чернышёв, назвавший Диева политруком 4-й роты. Но это была отнюдь не единственная неточность, связанная с Коротеевым. Подробности боя корреспондент «Красной звезды» не знал и описывать их не стал. Зато благодаря ему появилось сакраментальное число 28. Коротеев рассказал следователю, как в действительности была сотворена легенда о схватке у разъезда Дубосеково:

По приезде вечером… я доложил редактору Ортенбергу обстановку, рассказал о бое роты с танками противника. Ортенберг меня спросил, сколько же было людей в роте, которая сражалась с немецкими танками. Я ему ответил, что состав роты, видимо, был неполный, примерно человек 30–40. Я сказал также, что из этих людей двое оказались предателями… 28 ноября в «Красной Звезде» была написана передовая «Завещание 28 павших героев». Я не знал, что готовилась передовая, но Ортенберг меня ещё раз вызвал и спрашивал,

> сколько же было людей в роте, которая сражалась с немецкими танками. Я ему ответил, что примерно 30 человек. Таким образом и появилось в передовой количество сражавшихся – 28 человек, так как из 30 двое оказались предателями. Ортенберг говорил, что о двух предателях писать нельзя и, видимо, посоветовавшись с кем-то, разрешил в передовой написать только об одном предателе… В дальнейшем я не возвращался к теме о бое роты с немецкими танками; этим делом занимался Кривицкий, который первый написал и передовую о 28 панфиловцах…[12].

Понятно, почему редактор «Красной звезды» не захотел писать о двух предателях. Менталитет советских пропагандистов был таков, что два изменника – это уже массовое явление, тогда как один отщепенец – куда ни шло. Литературный секретарь «Красной звезды» Александр Юрьевич Кривицкий в передовой статье дал волю своей фантазии. В частности, он заставил бойцов немедленно покарать предателя:

> Смалодушничал только один из двадцати девяти. Когда немцы, уверенные в своей лёгкой победе, закричали гвардейцам: «Сдавайс!» – только один поднял руки вверх. Немедленно прогремел залп. Несколько гвардейцев одновременно, не сговариваясь, без команды выстрелили в труса и предателя. Это родина покарала отступника.

Политруку Диеву (Клочкову) Кривицкий вложил в уста «историческую фразу»: «Ни шагу назад!». Корреспондент утверждал: «Разгорелся невиданный бой. Из противотанковых ружей храбрецы подбивали танки, зажигали бутылки с горючим». Финал же схватки Кривицкий представил в сказочном духе, ничего общего не имевшем ни с действительностью, ни с элементарным здравым смыслом:

> Уже восемнадцать исковерканных танков недвижно застыли на поле боя. Бой длился более четырёх часов, и бронированный кулак фашистов не мог прорваться через рубеж, обороняемый гвардейцами. Но вот кончились боеприпасы, иссякли патроны в магазинах противотанковых ружей. Не было больше и гранат.
> Фашистские машины приблизились к окопу. Немцы выскочили из люков, желая взять живьём уцелевших храбрецов и расправиться с ними (что сие значит, понять невозможно: неужели немцы собирались захватить панфиловцев в плен, чтобы тотчас убить их? Не проще ли было просто уничтожить их из танковых орудий и пулемётов или раздавить гусеницами? Ведь для этого совсем не надо было вылезать из танкового люка, подвергая себя совершенно ненужному риску. – *Б.С.*). Но и один в поле воин, если он советский воин! Политрук Диев сгруппировал вокруг себя оставшихся товарищей, и снова завязалась кровавая схватка. Наши люди бились, помня старый девиз: «Гвардия умирает, но не сдаётся». И они сложили свои головы – все двадцать восемь. Погибли, но не пропустили врага! Подоспел наш полк, и танковая группа неприятеля была остановлена.

По закону мифа гибель героев должна непременно обеспечить конечную победу. Поэтому и появился некий фантастический полк, остановивший немцев.

О том, как происходила дальнейшая трансформация истории 28 панфиловцев, Кривицкий поведал в послевоенном очерке «Разъезд Дубосеково», написанном не ранее 1958 г., т. е. уже после процесса над Добробабиным. На следующий день после публикации передовой ему позвонил председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил И. Калинин и попросил разузнать имена погибших в бою с не-

мецкими танками, поскольку «нельзя, чтобы герои оставались безымянными». Кривицкий отправился в Панфиловскую дивизию, где никто из начальства, включая комиссара Егорова, не мог вспомнить политрука по фамилии Диев. Наконец, Кривицкому повезло:

> К исходу дня случай свёл меня с капитаном Гундиловичем из полка Капрова. Он спокойно сказал, ещё ничего не зная о цели моего приезда и только услышав расспросы о Диеве сказал: «Ну как же, Диев, Диев… Политрук моей роты. Его настоящая фамилия Клочков, а Диевым его прозвал один боец-украинец от слова – “дие”, дескать, всегда-то наш политрук в деле, всегда действует – ну, “дие”, одним словом. Ах, Клочков, Клочков, геройский был парень! Он со своими бойцами остановил полсотни танков у Дубосеково…»[13].

Та же цифра в 50 танков фигурирует и в передовице «Завещание 28 павших героев», так что, возможно, Кривицкий просто повторил её от имени Гундиловича. А вот откуда взялся Диев, остаётся загадкой. Ведь эту вымышленную фамилию Коротеев и Чернышёв могли узнать только от Егорова, а тот, по утверждению Кривицкого, ни о каком политруке Диеве ничего не слышал.

На основе бесед с однополчанами Клочкова появился канонический вариант очерка Александра Кривицкого – «О 28 павших героях»[14]. Подвиг здесь оброс новыми мифами. Журналист писал:

> Полк Капрова занимал оборону на линии: высота 251 – деревня Петелино – разъезд Дубосеково. На левом фланге, седлая железную дорогу, находилось подразделение сержанта Добробабина. В тот день разведка донесла, что немцы готовятся к новому наступлению. В населённых пунктах Красиково, Жданово, Муромцево они сконцентрировали свыше 80 танков, два полка пехоты, 6 миномётных и четыре артиллерийских батареи, сильные группы автоматчиков и мотоциклистов. Грянул бой.
>
> Теперь мы знаем, что прежде чем двадцать восемь героев, притаившихся в окопчике у самого разъезда, отразили мощную танковую атаку, они выдержали многочасовую схватку с вражескими автоматчиками. Используя скрытые подступы на левом фланге обороны полка, туда устремилась рота фашистов. Они не думали встретить серьёзное сопротивление. Бойцы безмолвно следили за приближающимися автоматчиками. Сержант Добробабин точно распределил цели. Немцы шли, как на прогулку, во весь рост. От окопа их отделяло уже 150 метров. Вокруг царила странная, неестественная тишина. Сержант заложил два пальца в рот, и внезапно раздался русский, молодецкий посвист. Это было так неожиданно, что на какое-то мгновенье автоматчики остановились. Затрещали наши ручные пулемёты и винтовочные залпы. Меткий огонь сразу опустошил ряды фашистов.
>
> Атака автоматчиков отбита. Более семидесяти вражеских трупов валяются недалеко от окопа. Лица уставших бойцов задымлены порохом, люди счастливы, что достойно померялись силами с врагом, но не знают они ещё своей судьбы, не ведают, что главное – впереди.
>
> Танки! Двадцать бронированных чудовищ движутся к рубежу, обороняемому двадцатью восемью гвардейцами. Бойцы переглянулись. Предстоял слишком неравный бой. Вдруг они услыхали знакомый голос:
>
> «– Здорово, герои!».
>
> К окопу добрался политрук роты Клочков. Только теперь мы узнали его настоящую фамилию. Страна прославила его под именем Диева. Так назвал однажды красноармеец

> украинец Бондаренко. Он говорил: «Наш политрук постоянно дие» – по-украински значит – действует. Никто не знал, когда Клочков спит. Он был всегда в движении. Деятельного и неутомимого, его любили бойцы как старшего брата, как родного отца. Меткое слово Бондаренко облетело не только роту, но и полк. Клочковым политрук значился лишь в документах. Даже командир полка звал его Диевым.
> В тот день Клочков первый заметил направление движения танковой колонны и поспешил в окоп.
> « – Ну, что, друзья? – сказал политрук бойцам. – Двадцать танков. Меньше чем по одному на брата. Это не так много!».
> Люди улыбнулись.

Теперь к танкам добавилась ещё и пехота в лице роты автоматчиков, чтобы численные потери немцев многократно превосходили 28 павших героев. Поскольку такое число бойцов – 28 – скорее, соответствовало не роте, а взводу, то Кривицкий во главе 28 панфиловцев поставил сержанта Добробабина. Ведь ротному политруку Клочкову, скорее, следовало командовать ротой, чем взводом. Если же признать, что под Дубосеково, как и было в действительности, оборонялась рота, то у читателей очерка неизбежно возник бы вопрос, почему в роте осталось так мало красноармейцев. Это привело бы к выводу о больших потерях советских войск, что для целей пропаганды было совершенно неприемлемо.

Появилось и объяснение, почему политрука Клочкова в первых публикациях о бое у разъезда Дубосекова называли Диевым. Откуда-то взялся и полный поимённый список павших гвардейцев (пятеро из них – Иван Добробабин, Илларион Васильев, Григорий Шемякин, Иван Шадрин и Даниил Кужебергенов – впоследствии оказались живы). Остался практически без изменений эпизод с расстрелом предателя, зато исчез нелепый пассаж о том, как немецкие танкисты выскочили из машин, чтобы «взять живьём и расправиться» с уцелевшими панфиловцами. На этот раз Кривицкий счёл возможным поведать «предсмертные мысли героев», со ссылкой на уцелевшего бойца Ивана Натарова:

> Уже четырнадцать танков застыли на поле боя… В этот миг в сумеречной дымке показался второй эшелон танков. Среди них – несколько тяжёлых (в 1941 г. в вермахте на вооружении таких танков не было; тяжёлые танки «тигр» впервые приняли участие в боях только в конце 1942 г. – *Б.С.*)… Ты немного ошибся, славный политрук Диев! Ты говорил, что танков придётся меньше, чем по одному на брата. Их уже больше чем по два на бойца (из числа оставшихся в живых. – *Б.С.*). Родина, матерь-отчизна, дай новые силы своим сыновьям, пускай не дрогнут они в этот тяжёлый час!
> Воспалёнными от напряжения глазами Клочков посмотрел на товарищей.
> – «Тридцать танков, друзья, – сказал он бойцам, – придётся всем нам умереть, наверно. Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва».
> Танки двигались к окопу. Раненый Бондаренко, пригнувшись к Клочкову, обнял его невредимой рукой и сказал: «Давай поцелуемся, Диев». И все они, те, кто был в окопе, перецеловались, вскинули ружья и приготовили гранаты…
> Тридцать минут идёт бой, и нет уже боеприпасов у смельчаков. Один за другим они выходят из строя. Гибнет Москаленко под гусеницами танка, царапая пальцами его стальные плиты (интересно, каким образом возможно, находясь под гусеницами, хотя бы пальцами дотянуться до танковой брони? – *Б.С.*). Прямо под дуло вражеского пулемёта идёт, скре-

стив на груди руки, Кужебергенов и падает замертво. Подбито и горит около десятка танков (В сумме подбитых и уничтоженных танков оказывается 24 – почти по одному на брата. – *Б.С.*). Клочков, сжимая последнюю связку гранат, бежит к тяжёлой машине, только что подмявшей под себя Безродного. Политрук успевает перебить гусеницу чудовища и, пронзённый пулями, опускается на землю.

Убит Клочков. Нет, он ещё дышит. Рядом с ним, окровавленным и умирающим, лежит раненый Натаров. Мимо них с лязгом и грохотом движутся танки врага, а Клочков шепчет своему товарищу: «Помираем, брат… Когда-нибудь вспомнят нас… Если жив будешь, скажи нашим…».

Он не кончил фразы и застыл. Так умер Клочков, чья жизнь была отдана мужественному деянию на поле брани.

Всё это рассказал Натаров, лежавший уже на смертном одре. Его разыскали недавно в госпитале. Ползком он добрался в ту ночь до леса, бродил, изнемогая от потери крови, несколько дней, пока не наткнулся на группу наших разведчиков. Умер Натаров – последний из павших двадцати восьми героев-панфиловцев. Он передал нам, живущим, их завещание. Смысл этого завещания был понят народом ещё в ту пору, когда мы не знали всего, что произошло у разъезда Дубосеково. Нам известно, что хотел сказать Клочков в тот миг, когда неумолимая смерть витала над ним. Сам народ продолжил мысли умиравшего и сказал себе, от имени героев: «Мы принесли свои жизни на алтарь отечества. Не проливайте слёз у наших бездыханных тел. Стиснув зубы, будьте стойки! Мы знали, во имя чего идём на смерть, мы выполнили свой воинский долг, мы преградили путь врагу, идите в бой с фашистами и помните: победа или смерть! Другого выбора у вас нет, как не было его и у нас. Мы погибли, но мы победили».

Здесь – древний мифологический мотив: умирающий герой успевает рассказать людям о подвиге своих товарищей. Кривицкий не остановился и перед очевидной нелепостью, заставив Натарова несколько суток бродить по лесу и только потом умереть от потери крови. Эту нелепость исправил в своей поэме «Слово о 28 гвардейцах» Николай Тихонов. Он позволил несчастному Натарову умереть скоротечно, всего за несколько часов, и рассказ о подвиге панфиловцев умирающий ведёт уже в полузабытьи:

Лежит Натаров, он не спит
И всё же видит сон чудесный.

Как будто с вьюгой он летит,
И голосов полна та вьюга.
То политрук с ним говорит,
То слышит Даниила-друга.
……..
И, как бывает лишь во сне,
Он слышит голос Полководца:
« – Иван Натаров, мой стрелок,
Сейчас лежишь ты, холодея,
Но ты сражался так, как мог
Сражаться истинный гвардеец!..»
И плачет радостно Иван,
И снова с вьюгой дальше мчится.
……..

Он входит в Красную Москву.
Ещё не смог он удивиться, –
Как сон исчез и наяву
Над ним видны родные лица.

Красноармейских шапок ряд,
Бойцы с ним тихо говорят
И перевязывают раны…

А дальше: вьюги новый плен,
Но это вьюга белых стен,
Простынь, халатов лазаретных.

И шепчет он рассказ заветный
О всех товарищах своих,
О жизни их, о смерти их,

О силе грозных их ударов…
Сказал – задумался, затих…
Так умер наш Иван Натаров![15]

В целом же, в поэме Тихонова повторены основные факты очерка Кривицкого. Поэт честно признался в этом на допросе у следователя: «По существу, материалами для написания поэмы послужили статьи Кривицкого, из которых я и взял фамилии, упоминаемые в поэме. Других материалов у меня не было… Вообще-то всё, что написано о 28 героях-панфиловцах, исходит от Кривицкого или написано по его материалам»[16]. Но Тихонов дал очень точную формулировку этого мифа, равно как и многих других легенд военного времени: «…Каждый с неотвратимой силой жаждал врага в могилу взять с собой…»[17].

Теперь пора обратиться к действительным обстоятельствам боя у разъезда Дубосеково. Они были установлены в ходе следствия и суда по делу Добробабина. Бывший командир 1075-го стрелкового полка Илья Васильевич Капров 10 мая 1948 г. дал следующие показания:

> Техникой дивизия была очень слабо насыщена, особенно плохо обстояло дело с противотанковыми средствами; у меня в полку совершенно не было противотанковой артиллерии – её заменяли старые горные пушки, а на фронте я получил несколько французских музейных пушек. Только в конце октября 1941 года на полк было получено 11 противотанковых ружей, из которых 4 ружья было передано 2-му батальону нашего полка, в составе которого была 4-я рота (командир роты Гундилович, политрук Клочков)… Мой полк занял оборону (совхоз Булычёво – Федосьино – Княжево). Примерно в течение 5–6 дней полк имел возможность зарыться в землю, так как подготовленные позиции оказались негодными, и нам самим пришлось укреплять оборонительные рубежи и, по существу, всё переделывать заново. Мы не успели как следует укрепить позиции, как появились немецкие танки, которые рвались к Москве…
>
> К 16 ноября 1941 г. полк, которым я командовал, был на левом фланге дивизии и прикрывал выходы из г. Волоколамска на Москву и железную дорогу. 2-й батальон занимал оборону: посёлок Ново-Николаевское – посёлок Петелино и разъезд Дубосеково. Батальоном

командовал майор Решетников, фамилии политрука не помню (Его фамилия была Трофимов. – *Б.С.*); в батальоне было три роты: 4-я, 5-я и 6-я… Четвёртой ротой командовал капитан Гундилович, политрук Клочков… Занимала она оборону – Дубосеково – Петелино. В роте к 16 ноября 1941 г. было 120–140 человек. Мой командный пункт находился за разъездом Дубосеково у переездной будки примерно в 1 км от позиции 4-й роты. Я не помню сейчас, были ли противотанковые ружья в 4-й роте, но повторяю, что во всём 2-м батальоне было только 4 противотанковых ружья. К 16 ноября дивизия готовилась к наступательному бою, но немцы нас опередили. С раннего утра 16 ноября 1941 г. немцы сделали большой авиационный налёт, а затем сильную артиллерийскую подготовку, особенно сильно поразившую позицию 2-го батальона. Примерно около 11 часов на участке батальона появились мелкие группы танков противника. Всего было на участке батальона 10–12 танков противника. Сколько танков шло на участок 4-й роты, я не знаю, вернее, не могу определить. Средствами полка и усилиями 2-го батальона эта танковая атака немцев была отбита. В бою полк уничтожил 5–6 немецких танков, и немцы отошли… Около 14.00–15.00 немцы открыли сильный артиллерийский огонь по всем позициям полка, и вновь пошли в атаку немецкие танки. Причём шли они развёрнутым фронтом, волнами, примерно по 15–20 танков в группе. На участок полка наступало свыше 50 танков, причём главный удар был направлен на позиции 2-го батальона, так как этот участок был наиболее доступен танкам противника. В течение примерно 40–45 минут танки противника смяли расположение 2-го батальона, в том числе и участок 4-й роты, и один танк вышел даже в расположение командного пункта полка и зажёг сено и будку, так что я только случайно смог выбраться из блиндажа; меня спасла насыпь железной дороги. Когда я перебрался за железнодорожную насыпь, около меня стали собираться люди, уцелевшие после атаки немецких танков. Больше всего пострадала от атаки 4-я рота; во главе с командиром роты Гундиловичем уцелело человек 20–25, остальные все погибли (Некоторые не погибли, а, как Даниил Кужебергенов и Иван Добробабин, попали в плен. – *Б.С.*). Остальные роты пострадали меньше…[18].

Капров также подтвердил, что никто из корреспондентов с ним в ноябре 41-го не беседовал, и поведал, как возник список 28 героев-панфиловцев:

Никакого боя 28 панфиловцев с немецкими танками у разъезда Дубосеково 16 ноября 1941 г. не было – это сплошной вымысел. В этот день у разъезда Дубосеково в составе 2-го батальона с немецкими танками дралась 4-я рота и действительно дралась героически, причём из роты погибло свыше 100 человек, а не 28, как об этом писали впоследствии в газетах. Никто из корреспондентов ко мне не обращался в этот период, я никому и никогда не говорил о бое 28 панфиловцев, да и не мог говорить, так как такого боя не было. Никакого политдонесения (упоминавшегося Кривицким[19]. – *Б.С.*) по этому поводу я не писал. Я не знаю, на основании каких материалов писали в газетах, в частности, в «Красной звезде», о бое 28 гвардейцев из дивизии имени Панфилова. В конце декабря 1941 г., когда дивизия была отведена на формирование, ко мне в полк приехал корреспондент «Красной звезды» Кривицкий вместе с представителями политотдела дивизии Галушко и Егоровым… В разговоре со мной Кривицкий заявил, что нужно, чтобы было 28 гвардейцев-панфиловцев, которые вели бой с немецкими танками. Я ему заявил, что с немецкими танками дрался весь полк и в особенности 4-я рота 2-го батальона… Комиссар дивизии Егоров мне приказал выехать на место, к разъезду Дубосеково, на место боя 4-й роты вместе с Кривицким, Гундиловичем и др. … Фамилии Кривицкому по памяти давал капитан

> Гундилович, который вёл с ним разговор на эту тему… Меня о фамилиях никто не спрашивал. Впоследствии после длительных уточнений фамилий только в апреле 1942 г. из штаба дивизии прислали готовые наградные листы и общий список 28 гвардейцев ко мне в полк для подписи…[20].

Таким образом, под случайно названную Ортенбергом цифру 28 потом набрали такое же число фамилий погибших и пропавших без вести бойцов 4-й роты – первых, которых вспомнил в беседе с Кривицким капитан Гундилович. Также вымышлены Кривицким были и слова Клочкова «Ни шагу назад!» в первом очерке и «Велика Россия, а отступать некуда…» – во втором. В этом корреспондент признался в ходе следствия в 1948 г. Тогда же он отметил:

> …Я использовал рассказы Гундиловича, Капрова, Мухамедьярова, Егорова. В части же ощущений и действий 28 героев – это мой литературный домысел. Я ни с кем из раненых или оставшихся в живых гвардейцев не разговаривал. Из местного населения я говорил только с мальчиком лет 14–15, который показал могилу, где похоронен Клочков[21].

Капров же и комиссар 1075-го полка Мухамедьяров тогда, в конце 41-го – начале 42-го, не стали разрушать легенду. Ведь она спасла их от суда и возможного расстрела. Сразу после боя у разъезда Дубосеково они были отстранены от занимаемых постов за то, что допустили большие потери в полку и не смогли сдержать натиск неприятеля. Согласно донесению Мухамедьярова в политотдел 316-й дивизии от 18 ноября 1941 г., в ходе боёв 16-го и 17-го ноября полк потерял 400 человек убитыми, 600 – пропавшими без вести, и 100 – были ранены. Такое неравное соотношение безвозвратных и санитарных потерь, 10:1, свидетельствует о том, что многие были взяты в плен, а большое число пострадавших было оставлено в беспомощном состоянии на поле боя и погибло от холода и потери крови. Такое соотношение было характерно для Красной Армии, где привыкли не считаться с жертвами[22].

В том же донесении утверждалось, что полк нанёс противнику значительный урон, уничтожив 15 танков и 800 неприятельских солдат и офицеров[23].

Однако эти данные полностью опровергаются показаниями Капрова, сделанными в 1948 г. Он вообще не упоминал о том, что позиции 1075-го полка 16 ноября атаковала немецкая пехота. Если бы вместе с танками наступали германские пехотинцы, вряд ли командир полка спасся бы от неприятельских автоматчиков после того, как прямым попаданием танкового снаряда был разбит его командный пункт. По оценке Капрова, в ходе первой атаки было уничтожено и подбито 5–6 немецких танков. О том, что в ходе второй атаки была подбита хотя бы одна машина, Илья Васильевич вообще ничего не говорил. Скорее всего, к тому времени у обороняющихся закончились боеприпасы, а противотанковые средства были подавлены немецкой артиллерией. Поэтому танкам удалось смять позиции 2-го батальона вообще без потерь. Первая танковая атака, вероятно, была своеобразной разведкой боем, позволившей выявить позиции советской артиллерии и противотанковых ружей. Кстати говоря, вина Капрова в поражении всё же была. Он практически равномерно распределил имевшиеся у него противотанковые ружья, тогда как их надо было сконцентрировать на участке 2-го батальона, который только и был уязвим для наступления танков. Шумиха, поднятая вокруг подвига 28 панфиловцев, спасла Капрова и Мухамедьярова от суда, и они отнюдь не были заинтересованы в крушении мифа.

Столь же фантастичны данные о немецких потерях, приведённые в статье Коротеева, – более 4 тысяч немецких солдат и офицеров и 70 танков, будто бы уничтоженных дивизией Панфилова за 10 дней в ноябре 1941 г. В действительности вся германская Восточная армия в период с 16 по 26 ноября 1941 г. потеряла погибшими и пропавшими без вести 7637 человек[24]. Одна советская дивизия никак не могла причинить неприятелю свыше половины всех безвозвратных потерь, понесённых в этот период вермахтом на Восточном фронте.

Не соответствует истине и утверждение Кривицкого, содержащееся уже в послевоенном очерке «Разъезд Дубосеково», будто «пять фашистских дивизий противостояли бойцам Панфилова в Подмосковье. Тридцать тысяч вражеских солдат и офицеров и свыше ста пятидесяти танков ещё при жизни генерала уничтожила его дивизия в боях за столицу»[25]. Этим цифрам в донесениях подчинённых, похоже, верил и сам Панфилов, писавший жене: «Москву врагу не сдадим. Уничтожаем гада тысячами и танки его – сотнями. Дивизия бьётся хорошо…»[26].

Между тем недостоверность этой информации после издания в 1962–1964 гг. военного дневника бывшего начальника Генерального штаба германских сухопутных сил генерал-полковника Франца Гальдера стала совершенно очевидной. Согласно приведённым в этом источнике данным, в период с 3 октября по 16 ноября 1941 г. немецкая Восточная армия потеряла убитыми и пропавшими без вести 35.591 человек[27] – лишь немногим больше, чем, согласно донесениям, количество врагов, убитых 316-й стрелковой дивизией. Она впервые вступила в бой 16 октября, а уже 18 ноября 1941 г. Панфилов был убит. Безвозвратные потери панфиловцев – если судить по тому, сколько потерял один лишь полк Капрова в бою 16 ноября – действительно, за месяц боёв могли составить до 30 тысяч убитыми и пленными.

Почему же выбор пал на 4-ю роту 1075-го полка 316-й дивизии и политрука Клочкова? По всей вероятности, тут сыграло свою роль то обстоятельство, что дивизия генерала Панфилова как раз 18 ноября 1941 г. была преобразована в 8-ю гвардейскую (в тот день был опубликован соответствующий указ, датированный 17-м числом). В тот же день её командир был смертельно ранен и также стал одним из мифологизированных героев войны. 21 ноября Военный Совет Западного фронта ходатайствовал перед Сталиным о присвоении 8-й гвардейской дивизии имени генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова, причём упоминались «образцовые действия» дивизии на фронте[28]. Поражение полка Капрова срочно требовалось превратить в победу, чтобы не портить создаваемый пропагандой образ Панфилова и панфиловцев. Сочинения Кривицкого оказались очень подходящим материалом для тиражирования мифа. Так, в очерке Владимира Ставского «Генерал Панфилов и его гвардейцы» почти дословно повторялось вымышленное описание боя у Дубосеково, данное Кривицким, а сам Панфилов погибал с «исторической фразой»: «Умираю за Родину!»[29]. В представлении на присвоение гвардейского звания дивизии Панфилова и награждение ее орденом Красного Знамени командующий Западным фронтом Георгий К. Жуков и член Военного Совета Николай А. Булганин 16 ноября 1941 г. утверждали, что в период с 20–27 октября она

> …отбивала атаки трёх пехотных дивизий и танковой дивизии фашистов. В ожесточённых боях дивизия уничтожила у противника до 80 танков и несколько батальонов пехоты. Ни один боец не дрогнул перед атаками двух сотен фашистских танков… Личный состав дивизии храбро дрался и, не имея танков, с бутылками в руках бросался в атаку на танки

противника. Остановив наступление противника, дивизия твёрдо удерживает занимаемый рубеж, продолжая наносить большие потери врагу[30].

Но в тот же день так некстати случился прорыв у Дубосеково. Однако представление уже было удовлетворено, да и погибший генерал Панфилов был объявлен героем, и дивизии присвоено его имя.

Для того чтобы прикрыть бесславное поражение и не подорвать репутацию панфиловской дивизии, был изобретён миф о подвиге 28 гвардейцев. Клочков же оказался центральным героем этого мифа, по всей вероятности, случайно – как старший из погибших командиров 4-й роты. Ротный, капитан Гундилович, в том бою остался жив (ему суждено было погибнуть только в апреле 42-го). Поэтому назначать героем капитана не стали. А те слова, которые первоначально Кривицкий вложил в уста политрука – «Ни шагу назад!» – были позаимствованы из приказа Жукова и Булганина войскам Западного фронта от 1 ноября[31]. Знаменитая же фраза «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!» в момент своего рождения, вообще, имела только «историческое значение». Ведь в январе 42-го, когда появился очерк «О 28 павших героях», советские войска уже оттеснили немцев от Москвы и развивали наступление дальше на запад.

Если суммировать, что в мифе о 28 героях-панфиловцах соответствует истине, то таких совпадений будет немного. Правдой является только то, что немцы предприняли две танковые атаки в районе разъезда Дубосеково и что в бою действительно погибли политрук Клочков и большинство его товарищей. Однако имена этих людей неизвестны до сих пор. Позднее, уже в феврале–марте 42-го, на поле боя удалось найти лишь шесть трупов, в том числе – Клочкова[32]. Поэтому возможно, что кто-то из включённых в список героев в дальнейшем служил в немецкой вспомогательной полиции, подобно Добробабину, или даже во власовской Русской Освободительной Армии. Судьбы большинства из 28 панфиловцев, удостоенных звания Героя Советского Союза, и ныне остаются загадкой для исследователей[33].

Причины канонизации подвига 28 гвардейцев-панфиловцев Давид И. Ортенберг откровенно объяснил в беседе со следователем в 1948 г.:

> Вопрос о стойкости советских воинов в тот период приобрёл особое значение. Лозунг «Смерть или победа», особенно в борьбе с вражескими танками, был решающим лозунгом. Подвиги панфиловцев и являлись образцом такой стойкости (Она заключалась в том, что остатки 4-й роты в беспорядке отступили не после первой, а только после второй атаки, 3–4 часа спустя. – *Б.С.*). Исходя из этого, я предложил Кривицкому написать передовую статью о героизме панфиловцев, которая и была напечатана в газете 28 ноября 1941 г. Как сообщил корреспондент, в роте было 30 панфиловцев, причём двое из них пытались сдаться немцам в плен. Считая политически нецелесообразным показать сразу двух предателей, я оставил в передовой статье одного…[34].

В дальнейшем критика этой легенды в печати практически не допускалась вплоть до начала 90-х гг., а каноническим текстом оставался очерк Кривицкого «О 28 павших героях», как и основанные на нём позднейшие публикации того же автора. Лишь с наступлением эпохи гласности были опубликованы материалы следствия по делу Ивана Добробабина, проведённого в 1947–1948 гг., и от мифа о бое у разъезда Дубосеково не осталось камня на камне.

Подвиг 5 моряков-севастопольцев и рассказ Андрея Платонова «Одухотворённые люди»

По тем же трафаретам, что и подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, были описаны пропагандистами героические деяния пяти моряков-севастопольцев во главе с политруком Николаем Фильченковым. Они очень напоминают историю политрука Клочкова и его товарищей, да и по времени почти совпадают с боем у разъезда Дубосеково. Но, в отличие от случая с панфиловцами, истинные обстоятельства последнего боя Фильченкова и его товарищей никогда не реконструировались в ходе следствия и суда. Поэтому сегодня нам сложно дать объективную оценку этому мифу.

В официальном представлении к званию Героев Советского Союза Николая Фильченкова, Василия Цибулько, Даниила Одинцова, Ивана Красносельского и Юрия Паршина утверждалось, что 7 ноября 1941 г. в районе селения Дуванкой

> …противник семью танками и до двух рот пехоты начал атаку на высоту 103,4. Тов. Шикаев (секретарь партбюро 18-го отдельного батальона, старший политрук – *Б.С.*) организовал истребительную группу танков во главе со старшим политруком (в действительности – политруком. – *Б.С.*) Фильченковым (В указе о присвоении звания Героя Советского Союза было написано неправильно – Фильченко. – *Б.С.*)… Сам со станковым пулемётом и двумя бойцами выдвинулся на огневую позицию и стал отрезать вражескую пехоту… В этом неравном бою пятеро моряков во главе с Фильченковым уничтожили 3 фашистских танка, остальные, не выдержав натиска моряков, повернули назад. Гитлеровцы возобновили атаку, уже при поддержке 15 танков… Израненные моряки не покидали поле боя, уничтожая и выводя из строя фашистские машины. Был смертельно ранен отважный пулемётчик В.Г. Цибулько, погиб геройской смертью И.М. Красносельский. Кончились патроны и бутылки с горючей жидкостью. Тогда Н.Д. Фильченков, обвязавшись гранатами, бросился под гусеницы приближавшегося танка. Его примеру последовали Ю.К. Паршин и Д.С. Одинцов. В этом бою герои-моряки уничтожили до 10 танков противника. Враг был остановлен[35].

Более подробно о бое 7 ноября рассказывает в своих мемуарах Л.Н. Ефименко, бывший комиссар 8-й отдельной бригады морской пехоты, которая находилась по соседству с с 18-м отдельным батальоном:

> …Скоро главной темой разговоров в окопах стал подвиг, совершённый… на участке восемнадцатого отдельного батальона морской пехоты… Первые сведения об этом подвиге дошли до нас через связных и мгновенно распространились по бригаде. Однако сперва никто не знал фамилий героев, да и подробности всего, что произошло, излагались по-разному.
>
> Вечером 8 ноября я соединился с соседями по телефону и спросил комиссара восемнадцатого батальона старшего политрука Мельника, не может ли он прийти на КП ближайшего к нему батальона нашей бригады – второго. Минут через сорок мы там встретились, и вот что я услышал…
>
> «– Фильченков дал знать на КП, что показались танки и что он со своими краснофлотцами постарается их задержать. Шло семь танков, группа Фильченкова залегла на их пути с гранатами и бутылками. Три танка разведчика подбили. Остальные повернули назад – немцы, с перепугу должно быть, не поняли, что наших всего пятеро… А потом там появи-

лось пятнадцать танков. Мы уж приготовились встретить их на переднем крае. Но Фильченков решил не допустить их до батальонного рубежа. И не допустил. Пятеро моряков уничтожили ещё несколько танков. Гранат у них было порядочно, но на такой бой, понятно, не хватило. Гранаты кончаются, а танки лезут… Чтобы хоть как-то их задержать, наши ребята стали с последними гранатами кидаться под гусеницы. Первым Фильченков, за ним двое краснофлотцев, кажется, уже раненые… Погибла вся пятёрка. Последний, Василий Цибулько, умер уже на руках у нашего военфельдшера Петренко. От него и известно главное. Подробности уточняем – кое-кто видел эту схватку издали… Трёх других краснофлотцев звали Иван Красносельский, Юрий Паршин и Даниил Одинцов, а больше мне о них пока ничего не известно… Батальон новый, все незнакомые…»[36].

По всей вероятности, здесь перед нами первоначальный вариант легенды. Он отличается от позднейшей официальной версии одной важной деталью. Группа Фильченкова названа разведывательной, а не истребительной, и ничего не говорится о старшем политруке И.Л. Шикаеве, который будто бы организовал отряд, отсекший пулемётным огнём пехоту от танков. Из рассказа Ефименко видно, что пятёрка Фильченкова – это разведчики, действовавшие в ближнем тылу немцев. Эпизод с умирающим Цибулько, который сообщил перед смертью подробности подвига военфельдшеру Петренко, абсолютно мифологичен и напоминает историю Натарова в случае с 28 героями-панфиловцами.

Более поздний вариант легенды отражён во фронтовой листовке конца 1941 г. Там утверждалось, что в начале боя пулемётчик Цибулько меткой очередью поразил смотровые щели одного из танков. Потом краснофлотцы гранатами и бутылками сожгли три танка из семи. Примерно через два часа им на смену пришли ещё 15 танков, и завязалась главная битва:

Опять Цибулько бьёт по смотровым щелям и первой же очередью подбивает один танк. Но вот патроны кончились; и Цибулько хватается за гранаты, ползёт навстречу надвигающемуся танку, швыряет две гранаты – второй танк подбит! Бросается к третьему, кидает последние гранаты… Третий танк завертелся на месте с перебитой гусеницей, но сам Цибулько был смертельно ранен. Тогда с четырьмя бутылками в руках выбежал вперёд Красносельский, метким ударом он зажёг один танк, потом другой и пал, насмерть сражённый врагом. Остались трое – Фильченков, Паршин и Одинцов. Пять немецких танков уже в пятидесяти метрах. И тогда Фильченков решился на невиданное дело – остановить танки собственной грудью. Он прощается с товарищами и подвязывает к поясу гранаты… Фильченков вскакивает и устремляется навстречу передовому танку, навстречу смерти. Танк надвигается ближе, герой бросается под гусеницы. Раздаётся взрыв, и танк грузно валится набок (совсем как человек! – *Б.С.*). Следуя примеру своего героя-командира, Паршин и Одинцов бросаются с гранатами под танки. Взрываются и эти два танка. И тут случилось небывалое: оставшиеся восемь немецких танков стремительно повернули вспять. (Для мифа такая «небывальщина» – обычное дело; точно так же, согласно официальному мифу о гибели российской десантной роты под Улус-Кертом в Чечне в марте 2000 г., чеченцы, уничтожив десантников, устрашились их мужества и отступили, хотя на их пути уже никого не осталось. – *Б.С.*)… Ценой своей жизни герои уничтожили до десяти танков и в этот день своими телами закрыли врагу дорогу на Севастополь…

У рассказа в листовке был счастливый финал: на помощь пятёрке Фильченкова пришли товарищи по батальону и оттеснили немцев с поля боя, где нашли исте-

кающего кровью Цибулько. Тот успел перед смертью рассказать о гибели товарищей[37].

Недостоверность эпизода с пятью матросами-севастопольцами видна, что называется, невооружённым глазом. Какой смысл было бросаться под танки со связками гранат? Только затем, чтобы собственным телом ослабить силу взрыва? Ведь если удалось подобрать к танку почти вплотную, гораздо проще бросить гранату или бутылку с горючей смесью ему под гусеницу. Но пропаганде требовалась именно жертвенность. Герои должны были уничтожать врага ценой собственной жизни. Так появился миф о моряках, бросающихся под вражеские танки.

В результате более детального исследования можно сделать вывод, что эпизод с пятёркой политрука Фильченкова вообще не имеет под собой реальной основы. Дело в том, что 7 ноября 1941 г. моряки-севастопольцы при всём желании не могли уничтожить 10 немецких танков, поскольку к этому времени 11-я немецко-румынская армия, действовавшая в Крыму, не располагала ни одним танком или штурмовым орудием. Об этом сообщает её бывший командующий фельдмаршал Эрих фон Манштейн, и в этом пункте с ним вполне соглашаются современные российские историки. Как пишет Борис Переслегин, осенью 1941 г. «везде в наших документах наступление войск Манштейна неизменно поддерживали не существующие в природе группы танков в количестве 30–50–70 штук… Манштейн жалуется, что у него не было ни одного танка, и, исходя из общей оперативной ситуации на Восточном фронте и структуры немецких вооружённых сил, в это нельзя не поверить»[38]. Мифические немецкие танки понадобились советским командирам только для того, чтобы оправдать своё бесславное поражение в Крыму в конце октября – начале ноября 1941 г., когда остатки 51-й Отдельной армии в полном беспорядке и с большими потерями эвакуировались на Таманский полуостров, а части Отдельной Приморской армии, не сумев оказать им помощь, откатились к Севастополю.

Широкая публика познакомилась с историей героической пятёрки во главе с политруком Фильченковым, главным образом, благодаря рассказу Андрея Платонова «Одухотворённые люди»[39]. Известно, что им зачитывались солдаты на фронте[40]. Процесс работы над данным произведением Андрей Платонович описал в 1942 г. в письмах жене:

> Помнишь о тех, которые, обвязав себя гранатами, бросились под танки врага? Это, по-моему, самый великий эпизод войны, и мне поручено («Красной Звездой») сделать из него достойное памяти этих моряков произведение…
> Я пишу о них со всей энергией духа, какая только есть во мне. У меня получается нечто вроде реквиема в прозе. И это произведение, если оно удастся мне, Мария, самого меня хоть отдалённо приблизит к душам погибших героев… Мне кажется… что мне кое-что удаётся, потому что мною руководит воодушевление их подвигом…[41].

На тех, кто раньше был знаком с творчеством Платонова, рассказ «Одухотворённые люди» произвёл сильное впечатление. Друг его воронежской юности поэт Николай Стальский писал Платонову вскоре после войны: «Радостно читал когда-то твоих “Одухотворённых людей” – узнавал знакомую взволнованность и душевную горячность»[42]. Писатель действительно «приближался к душам погибших героев», а не просто иллюстрировал казённые реляции о славном подвиге.

Несомненно, воодушевление помешало Платонову увидеть всю нелепость ситуации, когда люди бросаются с гранатами под танки. В «Одухотворённых людях» некритически воспроизводятся основные коллизии боя, известные писателю из фронтовой листовки о подвиге пяти краснофлотцев:

> Привычная рука и чуткое сердце Цибулько действовали точно: первая же очередь пуль ушла в щель головного танка, машину занесло в сторону, и она стала со всего хода в руках своего мёртвого водителя. Но второй танк с отважной яростью влетел на шоссейную насыпь, наехав почти в упор на подразделение Фильченко. Мгновенно, опережая свою мысль, Цибулько привстал, приноровился всем телом и швырнул связку гранат под этот танк…
> Пулемёт затих, питать его больше стало нечем, прошла последняя лента. Тогда Цибулько, не давая жизни машинам, бросился в рост на ближний танк и швырнул под его гусеницу, евшую землю на ходу, связку гранат. Раздался жёсткий, клокочущий взрыв – огонь стал рвать сталь, и разрушенный танк умолк навечно.
> Цибулько не слышал пулемётной стрельбы из этого танка; однако теперь он почувствовал, что в теле его поселились словно мелкие посторонние существа, грызущие его изнутри: они были в животе, в груди, в горле. Он понял, что весь изранен, он чувствовал, как тает, исходит его жизнь и пусто и прохладно становится в его сердце, он лёг на комья земли и сжался, как спал в детстве у матери под одеялом, чтобы согреться.

У писателя, как и у его героя, вдохновение «опережало мысль». Отважная пятёрка в рассказе Платонова уничтожает не только танки, но и целую роту немецких автоматчиков. Это необходимо, чтобы, по законам мифа, каждый из героев продал свою жизнь не только за уничтоженные бронированные машины, но и за добрый десяток неприятельских солдат:

> Фильченко и Одинцов с хода запустили гранаты по тёмным телам пехотинцев. Пулемёт Цибулько не давал врагам возможности подняться. Когда они приподымались, – Цибулько бил их точным секущим огнём; если они шевелились или ползли, Цибулько переходил на «штопку», то есть вонзал огонь под углом в землю сквозь тело врага…
> Немцы, однако, тоже соображали кое-что: они поняли, что лучше на время отойти, чем до времени умереть. Человек тридцать сразу вскочили с земли, жалобно закричали и побежали вслед танкам. Фильченко и Одинцов бросили в них гранаты, потом добавили по ним из винтовок, и человек десять пали обратно на землю. Остальные пехотинцы – с полсотни – подняться уже не могли никогда.

А вот как бросается у Платонова под танк Николай Фильченко:

> Сердце его стеснилось в тоске по привычной жизни. Но танк уже сполз с насыпи, и Фильченко близко от себя увидел живое жаркое тело сокрушающего мучителя, и так мало нужно было сделать, чтобы его не было, чтобы смести с лица земли в смерть его унылое железо, давящее души и кости людей. Здесь одним движением можно было решить, чему быть на земле – смыслу и счастью жизни или вечному отчаянию, разлуке и погибели.
> И тогда в своей свободной силе и в яростном восторге дрогнуло сердце Николая Фильченко. Перед ним, возле него было его счастье и его высшая жизнь, и он её сейчас жадно и страстно переживает, припав к земле в слезах радости, потому что сама гнетущая

смерть сейчас остановится на его теле и падёт в бессилии на землю по воле одного его сердца. И с него, быть может, начнётся освобождение мирного человечества, чувство к которому в нём рождено любовью матери, Лениным и Советской Родиной. Перед ним была его жизненная простая судьба, и Николаю Фильченко было хорошо, что она столь легко ложится на его душу, согласную умереть и требующую смерти как жизни.

Он поднялся в рост, сбросил бушлат и в одно мгновение очутился перед бегущими сверху на него жёсткими рёбрами гусеницы танка, дышавшего в одинокого человека жаром напряженного мотора. Фильченко прицелился сразу всем своим телом, привыкшим слушаться его, и бросил себя в полынную траву под жующую гусеницу, поперёк её хода. Он прицелился точно – так, чтобы граната, привязанная у его живота, пришлась посредине ширины ходового звена гусеницы и приник лицом к земле с последним вздохом любви и ненависти…

Остальные, ещё целые танки приостановились на шоссе и на сходах с него. Потом они заработали своими гусеницами одна навстречу другой и пошли обратно – через полынное поле, в своё убежище за высотой. Они могли биться с любым, даже самым страшным противником. Но боя со всемогущими людьми, взрывающими самих себя, чтобы погубить своего врага, они принять не умели. Этого они одолеть не умели, а быть побеждёнными им тоже не хотелось.

На Платонова, по всей вероятности, произвел неизгладимое впечатление очерк Кривицкого «О 28 павших героях». Призыв политрука Фильченко «Товарищи! Я хочу сказать вам, что нам будет трудно. Я хочу сказать вам, что мы отойти не можем, мы будем биться здесь до самых своих костей…» напоминает «исторические слова» Клочкова: «Тридцать танков, друзья, придётся нам умереть наверно. Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва».

Описание же кончины Цибулько очень схоже с описанием последних минут Натарова в поэме Тихонова:

На месте боя подразделения, которым командовал политрук Фильченко, остались видимыми лишь мёртвые танки и один живой человек. Живым остался один Василий Цибулько; он понимал, что скоро умрёт, но пока ещё был живым. Он выполз на бровку шоссе, в стороне от места боя танков со своими товарищами, и видел почти всё, что было там совершено.

Теперь он увидел, как с рубежа обороны подходила к шоссе рассыпным строем наша воинская часть. От кровотечения и слабости Цибулько то видел всё ясно, то перед ним померкал свет, и он забывался.

Очнувшись, Цибулько рассмотрел возле себя людей и узнал среди них комиссара Лукьянова. Люди перевязали Цибулько, потом подняли на руки и понесли его к Севастополю. Ему стало хорошо на руках бойцов, и он, как мог, начал рассказывать им и Лукьянову, тоже несшему его, что видел сегодня. Но всего рассказать он не успел, потому что умолк и умер.

В рассказе «Одухотворённые люди» миф официальной пропаганды трансформируется в художественно-философский вымысел. Но, при этом, первичный миф воспринимался писателем как реальность. У Платонова танки – это тоже живые существа, только злые, которых герои-краснофлотцы превращают в мёртвые, безопасные для жизни. Фильченко же и его товарищи, хоть и умирают, но своей смертью рож-

дают новую жизнь. Их души воскреснут, так как они свершили добрые дела. Они обретают высший покой.

Напротив, немецкие солдаты, с которыми сражаются моряки-севастопольцы, больше напоминают бездушные существа, которые кажутся даже менее живыми, чем танки. Один из платоновских рассказов, написанный в 1943 г., вскоре после завершения «Одухотворённых людей», так и назывался – «Неодушевлённый враг». Там тема смерти, рождающей жизнь, звучит буквально с первых строк:

> Смерть победима – во всяком случае, ей приходится терпеть поражение несколько раз, прежде чем она победит один раз. Смерть победима, потому что живое существо, защищаясь, само становится смертью для той враждебной силы, которая несёт ему гибель. И это высшее мгновение жизни, когда она соединяется со смертью, чтобы преодолеть её, обычно не запоминается, хотя этот миг является чистой, одухотворённой радостью.

Немецкий солдат Рудольф Вальц, схватившийся в рукопашной схватке с героем рассказа в засыпанном взрывом окопе, «освобождён от сознания и от усилия собственной мысли». Как замечает Платонов,

> …у комара больше души и разума, чем в Рудольфе Вальце – живом или мёртвом, всё равно; комар живёт своим усилием и своей мыслью, сколь бы она ни была ничтожна у него, – у комара нет Гитлера, и он не позволяет ему быть. Я понимал, что и комар, и червь, и любая былинка – это более одухотворённые, полезные и добрые существа, чем только что существовавший живой Рудольф Вальц. Поэтому пусть эти существа пережуют, иссосут и раскрошат фашиста: они совершат работу одушевления мира своей кроткой жизнью.
> Но я, русский советский солдат, был первой и решающей силой, которая остановила движение смерти в мире; я сам стал смертью для своего неодушевлённого врага и обратил его в труп, чтобы силы живой природы размололи его тело в прах, чтобы едкий гной его существа пропитался в землю, очистился там, осветлился и стал обычной влагой, орошающей корни травы.

Вальц, способный лишь транслировать человеконенавистнические идеи Гитлера, недостоин считаться одушевлённым существом. Только после смерти природа способна очистить его и подготовить к грядущему воскрешению. В отличие же от Вальца, настоящие герои, будь то безымянный солдат из «Неодушевлённого врага» или отважная пятёрка из «Одухотворённых людей», не подвержены тлену и не нуждаются в посмертном очищении.

В рассказе о пяти моряках-севастопольцах Платонов пишет о бронированных машинах как о людях: «Танк круто рванулся вполоборота вокруг себя на одной гусенице и замер на месте: он подчинился смертному судорожному движению своего водителя»; «Фильченко близко от себя увидел живое жаркое тело сокрушающего мучителя»; «боец… закричал на машину страшным голосом, забыв, что ему внимать там не будут, потом резко и точно запустил бутылку в смертоносное тело машины и обрадовался пламени пожара»; «Цибулько вслушался сквозь скрежет гусениц и дребезг стальных кузовов в частое мелодичное дыхание дизель-моторов и произнёс самому себе: “Эх, и всё это против меня! Здравствуйте, инженер Рудольф Дизель! Я на вас не обижаюсь, я уважаю вас за великое изобретение двигателя, я – Цибулько, простой краснофлотец, но великий человек!”».

Герои-севастопольцы у Платонова – это высший сорт человечества, люди как боги. Ниже их – одушевлённые машины, с которыми краснофлотцы даже разговаривают, как с живыми. Техника не виновата, что её используют в злодейских целях. И на самой низкой ступени находятся солдаты-немцы, неодушевлённые существа, мёртвые еще при жизни. Отважные же моряки, по мнению Платонова, могут драться с врагом и после смерти. Паршин утверждает: «И костями можно биться. Рванул из скелета – и бей». Так он откликается на слова Фильченко: «Мы будем биться здесь до самых своих костей…». А Одинцов призывает: «Пошли на смерть! Лучше её теперь нет жизни!». Смерть становится привлекательной для героев, поскольку только она и может остановить продвижение врага и дать героям новую, чистую жизнь в грядущем существовании.

У Платонова смерть порождает жизнь. Именно с этим ощущением гибнут бойцы:

> С успокоенным, удовлетворённым сердцем осмотрел себя, приготовился к бою и стал на своё место каждый краснофлотец. У них было сейчас мирно и хорошо на душе. Они благословили друг друга на самое великое, неизвестное и страшное в жизни, на то, что разрушает и что создаёт её, – на смерть и победу, и страх их оставил, потому что совесть перед товарищем, который обречён той же участи, превозмогла страх. Тело их наполнилось силой, они почувствовали себя способными к большому труду, и они поняли, что родились на свет не для того, чтобы истратить, уничтожить свою жизнь в пустом наслаждении ею, но для того, чтобы отдать её обратно правде, земле и народу, – отдать больше, чем они получили от рождения, чтобы увеличился смысл существования людей. Если же они не сумеют превозмочь врага, если они погибнут, не победив его, то на свете ничего не изменится после них, и участью народа, участью человечества будет смерть.

Смерть, по Платонову, оправдана тогда, когда она приносит победу и становится итогом не напрасно прожитой жизни. Платонов, вслед за русским философом Николаем Ф. Фёдоровым (1821–1903), верил в возможность грядущего воскрешения всех мёртвых, для чего надо вновь собрать из просторов Вселенной все атомы и молекулы каждого из когда-либо живших на Земле людей. При этом, они должны воскреснуть новыми, просветлёнными, очищенными от скверны и обретшими способность к творческому преобразованию мира[43].

Пять моряков-севастопольцев уже достигли этого бессмертного статуса. И не случайно у первых читателей рассказ Платонова вызывал не грустное чувство, а светлое ощущение продолжающейся жизни, несмотря на гибель героев. Читатели писали ему, что рассказ они читают «радостно» и «Одухотворённые люди» – это «кусок солнца на зелёной живой траве под белой печальной берёзой, где и свет, и тени, и ветер, и зной, и люди, и предметы, и жёсткая известковая земля, и думы этих людей, и всё проникнуто свежестью и волнением, какой-то исключительной и вместе с тем очень возможной, жизни»[44].

Сегодня уже нельзя точно установить, как именно происходил последний бой пятёрки моряков во главе с политруком Фильченковым. С уверенностью можно только утверждать, что его группа пропала без вести, так как тел никого из пятерых найти не удалось. Уже один этот факт опровергает легенду о добравшемся до своих Цибулько. Неужели бойцы 18-го батальона не похоронили бы умершего на их руках героя с воинскими почестями и не отметили бы место захоронения? Точно так же отсутствие могилы Натарова служит ещё одним доказательством недостоверности истории 28 панфиловцев.

Вероятно, в случае с пятью матросами-севастопольцами политрука выбрали на роль главного героя потому, что подвиг пропагандой был приурочен к годовщине Октябрьской революции. В принципе же, нельзя исключить, что кто-то из легендарной пятёрки в действительности оказался в плену и даже служил оккупантам.

В момент своего рождения, в ноябре 41-го, миф о пятёрке Фильченкова был призван потеснить в памяти защитников Севастополя память о недавнем разгроме советских войск в Крыму. Звание Героя Советского Союза было присвоено Фильченкову, Одинцову, Красносельскому, Цибулько и Паршину 23 октября 1942 г. – в тот момент, когда Севастополь уже пал и Красная Армия и флот были временно изгнаны из Крыма. Теперь подвиг пяти должен был подсластить горечь нового поражения, дать пример невероятной стойкости бойцам и командирам, вынужденным отступать до Сталинграда и предгорий Кавказа.

Рассказ Платонова в военные годы воспринимался и переживался читателями как абсолютно реалистическое произведение. Один из них, Леонид Браславский, писал автору «Одухотворённых людей»:

> Я жил некоторое время с десантниками-парашютистами, людьми, по своему духовному складу очень близкими морякам, и, по-моему, всё, написанное Вами, в объяснение поступков Ваших героев, в предельной степени верно и здорово. Недавно, ещё не читая Вашего рассказа, я попытался возродить на бумаге недавние встречи и погибших друзей и образ «ненависти в действии», исполненный, конечно, в нищенских и костлявых выражениях, совпал у меня с Вашим [бегущий, падающий и снова встающий Красносельский (на первой странице)], что меня обрадовало, как Ваше благословение… А добравшись до момента, когда моряк берёт в рот землю («Цибулько изредка приподымал своё лицо от земли и вновь приникал к ней вплотную. Опухшие, потрескавшиеся от ветра уста его были открыты, он прижимался ими к земле и отымал их, а затем опять жадно целовал землю, находя в том для себя успокоение и утешение». – *Б.С.*), я сам едва не сожрал журнал с Вашим рассказом[45].

Свою задачу Платонов видел в создании произведений, «полных истинной действительности, одухотворённых оживляющим мастерством писателя»[46]. Оттолкнувшись от мифа, воспринимаемого как правда жизни, писатель в свою очередь породил миф, осознаваемый читателями-современниками как подлинная реальность.

Подвиг Александра Матросова: пропаганда и законы физики

Третий жертвенный миф, рассматриваемый нами, посвящен Александру Матросову. Считается, что 23 февраля 1943 г., в день 25-й годовщины Красной Армии, рядовой Александр Матвеевич Матросов в бою у деревни Чернушки под Великими Луками закрыл грудью амбразуру немецкого дзота, чем обеспечил успешное продвижение вперёд своего подразделения. В официальных документах этот подвиг излагается стандартными фразами, без каких-либо живых подробностей. В донесении старшего лейтенанта Волкова – агитатора политотдела 91-й бригады добровольцев-сибиряков – говорилось: «В бою за деревню Чернушки комсомолец Матросов, 1924 года рождения, совершил героический поступок – закрыл амбразуру дзота своим телом, чем и обеспечил продвижение наших стрелков вперёд. Чернушки взяты. Наступление

продолжается. Подробности доложу по возвращении». Однако вечером того же дня Волков погиб, и подробности происшедшего так и остались неизвестны. В донесении политотдела бригады в политотдел 6-го стрелкового добровольческого корпуса отмечалось: «Исключительное мужество и геройство проявил красноармеец 2-го батальона комсомолец Матросов. Противник из дзота открыл сильный пулемётный огонь и не давал продвинуться нашей пехоте. Тов. Матросов получил приказ уничтожить укреплённую точку противника. Презирая смерть, он закрыл амбразуру дзота своим телом. Пулемёт врага замолчал. Наша пехота пошла вперёд, и дзот был занят. Тов. Матросов погиб смертью храбрых за советскую Родину»[47]. 19 июня 1943 г. Александру Матросову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Существует версия, согласно которой Матросов в действительности совершил свой подвиг не 23-го, а 27-го февраля, но потом его передвинули на праздничный день[48]. Документальных доказательств этого свидетельства не сохранилось. В наградном листе Александра Матросова стоит дата его гибели – 23 февраля 1943 г.[49]. Однако вне зависимости от того, какого именно числа погиб Матросов, сама нелепость, связанная с подробностями его подвига, десятилетиями находилась вне общественного сознания. Ведь закрыть своим телом пулемётную амбразуру просто невозможно. Даже одна винтовочная пуля, попавшая в руку, неизбежно сбивает человека с ног. А пулемётная очередь в упор наверняка сбросит с амбразуры любое, самое грузное тело. Пропагандистский миф, разумеется, не в состоянии отменить законы физики, но он способен заставить народ на какое-то время об этих законах забыть. Всего за время Великой Отечественной войны будто бы свыше 400 красноармейцев совершили тот же подвиг, что и Александр Матросов, причём некоторые – раньше его. Нескольким «матросовцам» повезло – они остались в живых. Будучи ранеными, эти бойцы нашли в себе силы забросать неприятельские дзоты гранатами. Здесь мы, похоже, имеем дело со своеобразным соревнованием различных соединений, каждое из которых считало за честь иметь своего Матросова[50]. Благо, что записать человека в «матросовы» было очень несложно. Для этого годился любой красноармеец, погибший поблизости от неприятельского дзота.

Лейтенант Л. Королёв – командир взвода, в котором сражался Матросов, – так описал во фронтовой газете подвиг своего подчинённого:

> …Он подбежал к дзоту и упал на амбразуру. Пулемёт захлебнулся кровью героя и умолк. Мне не нужно было подавать команду. Бойцы, лежавшие впереди, услышали, как Саша, падая на амбразуру, крикнул: «Вперёд!» И весь взвод, как один человек, поднялся и бросился к дзоту. Первым подбежал к входу сержант Кузнецов. За ним вбежали бойцы его отделения. Безмолвная схватка в дзоте продолжалась не больше минуты. Когда я вошёл туда, там валялись среди гильз и пустых лент шесть мёртвых немецких солдат и два пулемёта.
>
> А там, перед амбразурой, на снегу, покрытом копотью и кровью, лежал Саша Матросов. Последняя пулемётная очередь оборвала его молодую жизнь. Он был мёртв, но батальон уже перешёл лощину и ворвался в деревню Чернушки. Приказ был выполнен. Саша Матросов пожертвовал собой, чтобы проложить батальону путь к победе[51].

Королёв здесь превращает метафору в реальность, заставляя пулемёт «захлебнуться кровью героя». Правда, тут же выясняется, что в дзоте был не один пулемёт, а два. Лейтенант не может объяснить, как получилось, что «захлебнулись» сразу оба

ствола. Впрочем, к данным о числе пулемётов, равно как и о шести трупах немцев, будто бы оставшихся в дзоте, надо подходить с осторожностью. Больше ни в одном источнике о них не говорится. Не случайно в статье Королёва не упоминается ни об одном погибшем советском воине, кроме Александра Матросова. Это объясняется требованием цензуры не писать о гибели красноармейцев. Если же всё-таки в печати сообщалось о геройской гибели одного советского солдата или офицера, то на него обязательно должно было приходиться несколько уничтоженных врагов. В полном соответствии с этим принципом на одного погибшего Матросова в статье Королёва появились шесть убитых немцев.

Но в одном пункте лейтенант не отклонился от истины. По его утверждению, труп Матросова лежал не на амбразуре, а в снегу перед дзотом. В связи с этим, однако, совершенно непонятно, как погибший автоматчик мог заглушить вражеский пулемёт.

Только в 1991 г. писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев, возможно, опираясь на рассказы очевидцев, поставил под сомнение традиционную картину подвига Александра Матросова:

> Да, Матросов совершил подвиг, но совсем не такой, какой описывался. Ещё в войну, узнав о подвиге Матросова, мы недоумевали: зачем бросаться на амбразуру, когда ты так близко подобрался к огневой точке? Ведь можно закинуть гранату в широкий раструб дота, можно открыть густой автоматный огонь по ней и тем самым на какое-то время заставить замолчать пулемёт противника. Но у Саши, видимо, не было гранаты, не было и автомата – штрафная рота, в которой он находился, по всей вероятности, вооружена была лишь «родимыми» винтовками. И Матросов вынужден был действовать по-другому: он, обойдя дот (точнее, дзот. – *Б.С.*), залез на него и сверху старался прижать ствол пулемёта, но немецкие солдаты, схватив его руки, стащили вниз и расстреляли. Этой заминкой и воспользовалась рота. Это был подвиг разумный, умелый, и не вина Матросова, что у него не хватило физических сил, да и откуда они? После голодного лагеря? Но не сказали правду, создали легенду и усиленно распространяли её как пример для подражания, пропагандируя «опыт» советских «камикадзе»[52].

Эта версия согласуется с показаниями некоторых участников боя, видевших, что Матросов оказался наверху дзота[53]. Вот только сомнительным выглядит предположение, что Матросов пытался сверху пригнуть дуло пулемёта к земле. Это практически невозможно сделать, поскольку дуло почти не высовывается из амбразуры. Более вероятно, что Матросов сумел подобраться к вентиляционному отверстию дзота и попытался расстрелять пулемётный расчёт, но сам был сражён вражеской пулей. Падая, он закрыл вентиляционное отверстие. Пока немцы сталкивали труп с крыши дзота на землю, они вынуждены были прекратить огонь, чем и воспользовалась советская рота, преодолев обстреливаемое пространство. Очевидно, немцев было всего двое с одним пулемётом. Пока один из них возился с трупом, другой вынужден был прекратить огонь. Пулемётчикам пришлось спасаться бегством, а ворвавшиеся в дзот красноармейцы обнаружили там труп Александра Матросова с прошитой очередью грудью, лежащий перед амбразурой. Они решили, что боец закрыл собой амбразуру. Так родилась легенда, позднее многократно повторенная в десятках политдонесений о подвигах последователей Матросова. Между тем надпись на комсомольском билете героя, сделанная сразу после боя помощником

начальника политотдела капитаном И.Г. Наздрачёвым, гласит: «Лёг на боевую точку противника и заглушил её, проявив геройство»[54]. Здесь можно усмотреть подтверждение той версии, что Матросов закрыл своим телом не амбразуру, а вентиляционное отверстие, чем, в итоге, действительно «заглушил» неприятельский пулемёт.

Сомнительно и утверждение, что Матросов был бойцом штрафной роты. Никаких документальных подтверждений этому не найдено. Наоборот, известно, что он воевал в составе элитного 6-го стрелкового Сибирского добровольческого корпуса имени Сталина, в котором вообще вряд ли были штрафные подразделения. Не исключено, что как раз название соединения, посвященное вождю, способствовало мифологизации и тиражированию подвига.

Похожим образом обстоит дело и с мифом о героическом поступке Николая Гастелло, по мнению автора статьи, опубликованной в одной из столичных газет в 2001 г.[55]. Оказывается, в действительности в том бою 26 июня 1941 г. советский бомбардировщик ДБ-3Ф, будучи подбит, протаранил не немецкую моторизованную колонну, как утверждает канонизированная легенда, а упал метрах в 40 от сбившей его зенитной батареи, причем нет данных, что он, вообще, нанес ей какой-либо ущерб. Кроме того, учитывая вес и аэродинамические качества ДБ-3, этот бомбардировщик даже при выходе из строя одного мотора практически терял управление, и направить его на какую-либо определенную цель не было никакой возможности. Главное же, фамилию Николая Гастелло – летчика, который командовал экипажем бомбардировщика, упавшего вблизи шоссе Радошковичи – Молодечно, – по ошибке назвал командир единственного уцелевшего в том бою советского бомбардировщика Федор Воробьев. Он утверждал в донесении, что самолет Гастелло упал на колонну немцев, тогда как другой самолет экипажа под командованием Александра Маслова рухнул на лес. Много лет спустя, в 1951 г., при перезахоронении Гастелло и его экипажа, на трупе была обнаружена планшетка с документами Александра Маслова.

Стало ясно, что именно его самолет упал у дороги. А самолет Гастелло упал в лесу, в болото. По рассказам местных жителей, из этого последнего самолета один летчик спасся с парашютом и, раненый, был взят немцами в плен – по некоторым признакам именно Гастелло. То, что кто-то из экипажа спасся, отмечается и в «Списке безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 42-й авиадивизии с 22 по 28 июня 1941 г.»: «Один человек из этого экипажа выпрыгнул с парашютом с горящего самолета, кто – неизвестно». А капитану Маслову и еще трем членам его экипажа в 1996 г. посмертно было присвоено звание Героев России.

Очевидно, и в данном случае мы имеем дело с чистой воды мифом. Тут недостоверно все – и случайно названная фамилия героя (в бою было очень трудно уследить, чей самолет куда упал), и придание герою сознательного стремления к самопожертвованию (в действительности это маловероятно), и нанесение противнику огромных потерь (которых на самом деле не было). Легенда о Гастелло должна была вдохновить красноармейцев на подвиги и прикрыть неудачи советской авиации в первые недели войны.

Сопоставление источников разных эпох позволяет выявить принципиальную разницу между мифами двух мировых войн в России. По отношению к мифологизированным подвигам Первой мировой войны в межвоенные годы не только допускался, но даже приветствовался критический подход. Советская пропаганда пред-

ставляла эту войну империалистической, несправедливой для всех стран-участниц, в том числе и для России. Поэтому мифы 1914–1916 гг. можно было подвергать объективному анализу, с точки зрения здравого смысла. По отношению к ним была приемлема концепция, которую разделял Шолохов: подвиги совершаются почти бессознательно, едва ли не от страха или в полузабытьи. Иначе следовало трактовать мифы Великой Отечественной войны, как уже на многих примерах показано в этой статье. В данном случае требовалось представить героев сознательными борцами за Родину и коммунизм. В советской литературе за послевоенные десятилетия не появилось ни одного произведения с версиями, отличными от официальной пропаганды. Здесь дело было не только в жёсткой цензуре, но и в автоцензуре самих писателей. Даже такой критически мыслящий автор как Андрей Платонов искренне поверил в пропагандистский миф и довольно точно воспроизвёл его в своём рассказе военного времени.

Сравнение советских и немецких героических мифов периода Второй мировой войны

Существует ли принципиальная разница между героическими подвигами, которые воспевала советская пропаганда, фронтовой мифологией Германии и стран-союзниц в эпоху Второй мировой войны? На Западе, в первую очередь, рекламировались успехи лётчиков, танкистов и подводников, сумевших уничтожить максимальное количество неприятельских самолётов, танков и судов. Вся Германия знала имена лётчика майора Эриха Хартмана (1922–1993), сбившего 352 неприятельских самолёта; первого морского героя капитан-лейтенанта Гюнтера Прина (1908–1941), командира подводной лодки U-47, потопившей 28 неприятельских судов (гибель Прина два с половиной месяца скрывалась от народа); лучшего танкиста Второй мировой войны гауптштурмфюрера СС Михаэля Виттмана (1914–1944), подбившего более 140 танков; равно как и десятков других асов[56]. Подвиги такого рода отразились и в послевоенных мемуарах немецких генералов. Например, Фридрих Вильгельм фон Меллентин пишет о неком капитане Лестмане, который в боях на Дону в декабре 1942 г. во главе подразделения из 25 новейших танков «тигр» за короткое время уничтожил 65 советских танков, не потеряв ни одного своего[57].

У нас же политрук Василий Клочков и рядовой Александр Матросов были во время войны более известны, чем лучшие советские лётчики-асы Иван Н. Кожедуб и Александр И. Покрышкин. А Александр Маринеско, автор самой результативной среди советских подводников атаки, в ходе которой был потоплен океанский лайнер «Вильгельм Густлов», долгие десятилетия оставался в забвении и был удостоен звания Героя Советского Союза лишь посмертно – в 1990 г.[58].

В послевоенных мемуарах советские генералы также запечатлели героев, достигших больших успехов в уничтожении вражеской техники. Так, маршал бронетанковых войск Михаил Е. Катуков (1900–1976) рассказал о своём подчинённом старшем лейтенанте Дмитрии Ф. Лавриненко, погибшем под Москвой в декабре 1941 г.: «Двадцать восемь кровопролитных боёв с противником было на его счету. Трижды горела машина Дмитрия Лавриненко, но отважный танкист из самых тяжё-

лых ситуаций выходил невредимым. Он уничтожил 52 фашистских танка. История минувшей войны не знает другого такого примера»[59].

В данном случае Михаил Ефимович явно грешит против истины, поскольку на счету немецкого танкиста Виттмана было почти в три раза больше уничтоженных танков, чем у Лавриненко. Да и сомнительно, что список побед старшего лейтенанта был столь внушительным. Во-первых, последний уничтоженный Лавриненко немецкий танк, по утверждению Катукова, был тяжёлым[60], что, как мы уже говорили, в принципе, невозможно. Во-вторых, подвиги Лавриненко начали популяризировать ещё в годы войны, но тогда число уничтоженных им неприятельских машин было несколько иным. Как писал корреспондент «Правды» Юрий Жуков, «больнее всего было узнать, что нет уже на свете храброго танкиста Лавриненко. Сорок семь танков уничтожил этот юноша, трём смертям смотрел в глаза, три машины сменил на поле боя, но крепко берегла его судьба до тех пор, пока пустой случай не оборвал его молодую жизнь: вышел он на дороге из танка, хотел осмотреться, и шальной снаряд, разорвавшийся рядом, убил его»[61].

В полном соответствии с законами мифа герой-богатырь, троекратно избегавший верной смерти, в конце концов, гибнет в результате нелепой случайности. Весьма показательно и то, что наряду с подвигами Лавриненко Катуков вынужден был поместить в своих мемуарах и подробный рассказ о 28 панфиловцах, хотя бой у разъезда Дубосеково не имел никакого отношения к действиям катуковской 1-й гвардейской танковой бригады[62].

Советской пропаганде необходимо было приучить красноармейцев к мысли о неизбежности громадных потерь, ценой которых врагу будто бы наносятся ещё большие потери и, таким образом, покупается конечная победа. Мифы были призваны побудить народ к самопожертвованию, убедить бойцов и командиров, что можно противостоять натиску немцев даже тогда, когда они имеют перевес в технике, что можно и нужно идти на укрепления противника, закрывая грудью амбразуру. Ради этого пропаганда допускала даже реалистическое изображение гибели советских героев. В других странах, в частности, в Германии и в США, подобный сюжет – достоверное изображение смерти – оставался табу, особенно в кинофильмах[63].

Публично немецкие лидеры особо подчёркивали своё желание уменьшить число убитых и раненых – как в армии, так и среди мирного населения Германии. Правда, Гитлер, выступая в рейхстаге 1 сентября 1939 г., призывал вермахт и немецкий народ не щадить себя ради родины, мотивируя этот призыв собственной готовностью «принести любую личную жертву». Фюрер поклялся, что не переживёт поражения, и клятву, как известно, сдержал, хотя вряд ли думал об этом в первый день войны[64]. Однако всего лишь месяц спустя, 6 октября 1939 г., выступая в рейхстаге по завершении польского похода, Гитлер подчёркивал своё стремление к минимизации германских потерь, утверждая, что только благодаря такому стремлению остатки польской армии смогли до 1 октября удерживать укрепления Варшавы – Модлина и косы Хель[65]. Также выступая в Мюнхене 8 ноября 1942 г., в разгар кровопролитного сражения за Сталинград, он утверждал, что медленное продвижение немецких войск к Волге объясняется желанием избежать здесь мясорубки, подобной Вердену, равно как длительная осада Севастополя была призвана предотвратить большие потери в немецких войсках[66].

Только в последние месяцы войны, когда поражение Германии было уже очевидно для всех, мотив жертвенности стал главным в национал-социалистической

пропаганде. Так, Гитлер 7 октября 1944 г. обратился с посланием к членам Гитлерюгенда, добровольно отправившимся на фронт:

> Мой Гитлерюгенд! Я с радостью и гордостью узнал о вашем желании уйти на фронт добровольцами всем классом 1928 года рождения. И в этот решающий для Рейха час, когда над нами нависла угроза ненавистного врага, вы дали нам всем вдохновляющий пример боевого духа и безоглядной преданности делу победы, каких бы жертв это от вас ни потребовало… Нам известны планы врагов, направленные на безжалостное уничтожение Германии. Именно по этой причине мы будем сражаться ещё более преданно во имя Рейха, в котором вы сможете с честью трудиться и жить… Жертвы, принесённые нашим героическим юным поколением, найдут своё воплощение в победе, которая обеспечит нашему народу, национал-социалистическому Рейху гордое и свободное развитие[67].

Геббельс в дневниковой записи 1 апреля 1945 г. выражал надежду, что перелом в воздушной войне будет достигнут тогда, когда немецкие истребители станут таранить англо-американские бомбардировщики:

> Отныне против этих бомбардировочных эскадр будут применяться в качестве таранящих истребителей старые немецкие самолёты. Нужно исходить из того, что потери этих истребителей-таранов при их тотальном использовании против вражеских бомбардировщиков составят до 90 процентов[68].

Однако ни в боевых действиях, ни даже в пропаганде такая «таранная тактика» не успела найти своего применения.

И в предсмертном политическом завещании, когда всё уже было кончено, Гитлер основным сделал жертвенный мотив:

> …Я хотел бы, оставшись в этом городе (Берлине. – *Б.С.*), разделить судьбу с теми миллионами других людей, которых уже настигла смерть… Из этих жертв наших солдат и из моей собственной связи с ними до самой моей смерти, в германской истории так или иначе, но взойдёт однажды посев сияющего возрождения национал-социалистического движения, а тем самым и осуществления подлинно народного сообщества… Командующих армии, военно-морского флота и люфтваффе я прошу самыми крайними мерами укрепить у солдат дух сопротивления в национал-социалистическом смысле этого слова, указав на то, что я, как основатель и создатель этого движения, предпочёл смерть трусливому бегству, а тем более – капитуляции. Пусть это станет однажды частью понятия чести германского офицера, как то уже имеет место в нашем военно-морском флоте: сдача какой-либо территории или города – невозможна, а командиры должны быть впереди и служить ярким примером самого верного исполнения своего долга, вплоть до собственной гибели[69].

Своё самоубийство Гитлер рассматривал как подвиг, призванный вдохновить вермахт и германский народ на борьбу до последнего человека. Своих матросовых и клочковых придумать нацистская пропаганда просто не успела, хотя уже находилась на пути к созданию подобных мифов.

Характерно, что практически все советские жертвенные мифы возникли в наиболее тяжёлый для СССР период войны – в первые два года – ещё до завершения коренного перелома: победы на Курской дуге. Хотя, что интересно, гораздо сильнее

оказались мифологизированы те сражения последних лет, в которых Красная Армия одерживала победы, по сравнению с битвами 1941–1942 гг., в которых советские войска терпели поражения. Это соответствовало схеме мифа как такового. Сначала герой должен сталкиваться с неудачами, которые в один прекрасный момент чудесным образом сменяются победами.

В германской пропаганде тенденция к подобному мифотворчеству проявилась только в последний год войны, когда оставалось уже мало сомнений в скором поражении Рейха. Не исключено, что здесь можно проследить некоторое сходство между тоталитарными режимами, которые остро реагировали на критические военные ситуации и разрабатывали новые методы пропаганды. И коммунистическая, и национал-социалистическая идеологии рассматривали жизни граждан как достояние государства, которые в случае необходимости должны без колебаний принести свои судьбы на алтарь Отечества, обменяв их, как думали вожди, на ещё большее число жизней врагов – соответственно, жителей Советского Союза и Рейха. Очень точно сказал по этому поводу писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев:

> Увы, режим, который не жалел людей и в мирное время, не мог жалеть их тем более в войну, спасая собственное существование. Клянясь народом, большевики всегда видели в нём лишь материал для осуществления своих утопических идей, да, думаю, и идеи-то эти являлись лишь прикрытием для патологического стремления властвовать[70].

Данная характеристика вполне применима и к национал-социалистическому режиму. Однако даже в последние месяцы войны бессмысленное самопожертвование на немецкой стороне было характерно лишь для фанатиков-эсесовцев. Армия оставалась, в целом, под контролем генералов старой школы, ориентировавшихся на минимизацию жертв в собственных войсках. Не случайно в последние месяцы войны вермахт нёс основные потери не убитыми, а пленными. Генералы и чиновники также успешно саботировали приказ Гитлера о проведении тактики «выжженной земли» на территории Рейха[71]. Красная Армия в этом отношении была в значительной степени более послушной воле политического руководства и воевала, не считаясь с количеством убитых.

Сталин, как и Гитлер, публично всегда подчёркивал необходимость заботиться о сохранении жизни каждого человека. Так, в мае 1935 г. советский вождь, приветствуя в Кремле выпускников военных академий, привёл пример из своей жизни в сибирской ссылке:

> Дело было весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, разбушевавшийся громадной рекой. К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили, что тридцатый «остался там». На мой вопрос: «как же так, остался?» они с тем же равнодушием ответили: «чего ж там ещё спрашивать, утонул, стало-быть». И тут же один из них стал торопиться куда-то, заявив, что «надо бы пойти кобылу напоить». На мой упрёк, что они скотину жалеют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: «Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы завсегда сделать можем. А вот кобылу… попробуй-ка сделать кобылу». (Общее оживление в зале.) Вот вам штрих, может быть малозначительный, но очень характерный. Мне кажется, что равнодушное отношение некоторых наших руководителей к людям, к кадрам и неумение ценить людей является пережитком

того странного отношения людей к людям, которое сказалось в только что рассказанном эпизоде в далёкой Сибири[72].

В действительности Иосиф Виссарионович относился к другим точно так же, как и крестьяне в далёкой сибирской деревне. Однако открыто он в этом никогда не признавался. И в сталинских речах, и в публиковавшихся в газетах приказах периода войны, в отличие от гитлеровских, нигде не говорится о жертвах. Только в директивах, не предназначенных для печати, повторяется порой «не считаться с жертвами»[73]. В приказе от 17 ноября 1941 г. Сталин потребовал при отходе «уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населённые пункты, чтобы противник не мог их использовать». Для уничтожения уже оставленных населённых пунктов в тылу немецких войск Верховный Главнокомандующий потребовал «бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и миномётный огонь, команды разведчиков и партизанские диверсионные группы, снабжённые бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами»[74].

Все эти мероприятия обрекали на гибель тысячи мирных жителей.

В открытой печати о неизбежности многочисленных жертв с советской стороны прямо писать было нельзя. Поэтому в мифах о погибших героях их смерть, как правило, оправдывалась значительно большей ценой, которую они заставили заплатить врага, в том числе и в человеческих жизнях.

Все советские мифы о героях, ценой собственной жизни обеспечивших победу над превосходящими силами неприятеля, оставались практически неизменными на протяжении нескольких послевоенных десятилетий, и в них все еще верит значительная часть населения. Такие мифы должны были отвлечь внимание от огромных потерь Красной Армии, на порядок превышавших потери русской армии в Первой мировой войне. Послевоенная приверженность прежним мифологическим клише препятствовала реформированию вооружённых сил, и военное начальство так и не привыкло беречь солдатские жизни и добиваться качественных показателей боевой подготовки; приоритетом осталось поддержание максимально высокой численности личного состава и боевой техники.

В послевоенные годы в СССР легенды военного времени служили оправданием коммунистического строя, подменяли в глазах молодых поколений, не участвовавших в боях, подлинную картину войны, с большой кровью и большими ошибками, не вписывавшуюся в официальную мифологию. Десятилетия господства тоталитарного режима привели к тому, что военные мифы приобрели удивительную устойчивость. Можно согласиться с американским историком Ричардом Пайпсом, утверждающим:

Г.А. Куманев с упорством, достойным лучшего применения, продолжает отстаивать традиционную картину боя у разъезда Дубосеково, даже после того, как опубликованные архивные документы не оставили на ней камня на камне. Он настаивает, что эти документы – не «Большая правда», а «Большая ложь и клевета на живых и мёртвых героев», поскольку «отнюдь не по случайному стечению обстоятельств»… 28 гвардейцев оказались в самый опасный для столицы и Родины момент на самом опасном и ответственном рубеже[75].

По утверждению Куманева, в год 30-летия Победы и Ортенберг, и Кривицкий в беседах с ним утверждали, что в 48-м дали показания об обстоятельствах боя у Дубосеково будто бы лишь под сильным нажимом следователей[76]. Правда, при этом,

никак не объясняется, зачем следователям потребовалось фальсифицировать недавнюю историю в «антигероическом духе» – неужели только затем, чтобы посадить сержанта Добробабина? Но ведь того судили за службу в немецкой полиции, а отнюдь не за действия в бою у разъезда Дубосеково.

Но Куманеву вполне можно поверить в том, что оба первых творца легенды о героях-панфиловцах три десятилетия спустя предпочитали держаться прежней версии. Официальный миф оставался непоколеблен, а материалы расследования, проведённого Главной военной прокуратурой, были по-прежнему секретны, хотя слухи о них и ходили среди посвящённых. Поэтому и Кривицкому, и Ортенбергу было выгодно представить свои показания на следствии как вынужденное отступление от первоначальной истины или как извращённые следователями на прямо противоположные.

В Германии, как кажется, по отношению к военным мифам позиция общественного мнения была совершенно другой. Они сохранялись только после Первой мировой войны. Тогда подлинные и мнимые подвиги германских солдат на фронте вписывались в легенду об «ударе кинжалом в спину». Мифы же Второй мировой войны по большей части канули в лету с крахом Третьего Рейха. И хотя до сих пор в Германии не завершено преодоление прошлого, шагов в этом направлении сделано гораздо больше, чем в России. Все же немало немцев, в том числе представителей политической и культурной элиты, доброжелательно относятся к Гитлеру, не хотят признавать преступления вермахта, не проводят различия между Холокостом и гибелью мирного немецкого населения в конце войны.

Тем не менее оккупация и создание на западе Германии демократического государства, принявшего «комплекс немецкой вины» за преступления нацизма, не оставили места для массовой военной мифологии. Мужество отдельных солдат и офицеров признавалось, почитались уцелевшие герои войны, вроде Эриха Хартманна, но, в целом, эпоха 1939–1945 гг. получила в общественном сознании негативную оценку как из-за господства тоталитарного режима, так и из-за понесённого Германией поражения. В Восточной же Германии, где на смену нацизму пришёл тоталитаризм советского образца, никакие позитивные суждения о вермахте и действиях Германии во Второй мировой войне были, в принципе, невозможны, и никакие героические эпосы, за исключением мифа об антифашистском сопротивлении, возглавляемом коммунистами, не могли стать частью национальной культуры.

В сегодняшней России героические мифы Великой Отечественной войны всё еще играют заметную роль в общественном сознании. Их пересмотру противятся не только советские историки, сделавшие на них свою карьеру и репутацию, но и гораздо более широкие слои общественности. В этом убеждает, в частности, реакция на фильм НТВ «Победа. Одна на всех» (режиссер Вера Сторожева), где была сделана попытка поставить под сомнение многие традиционные суждения о прошлом. Борис Лебедев в «Советской России» утверждает: «После всего увиденного и услышанного мне было стыдно. Не за то, как, какими потерями, какой кровью наш народ выиграл прошлую войну. Прошлым можно гордиться. Стыдно перед теми, кто победил. Стыдно за всё то, что сотворили и творят с нашей страной и с её историей»[77].

В данном случае, пусть подсознательно, как нам кажется, раскрывается подлинная причина, почему значительная часть россиян держится за героические мифы Великой Отечественной. Они помогают заглушить бессознательный стыд за не слишком отрадное настоящее, за то, что жизнь в России гораздо хуже, чем в побеждённой Германии, да и чем в подавляющем большинстве европейских стран. Мифы стали способом ухода от неприятной действительности, средством сохранения ил-

люзий величия России и надежд на её возрождение. Когда нам довелось опубликовать в «Известиях» основные цифры, относящиеся к сражению под Прохоровкой, полностью разрушающие миф о советской победе в нём[78], телефонные звонки, на которые нам пришлось отвечать, подтвердили это заключение о природе и функции военных мифов. Приходилось выслушивать суждения: как же можно пропагандировать такую правду, зачем нам эта правда нужна.

Подавляющему большинству народа десятилетиями внушался и, к сожалению, продолжает внушаться героический миф Великой Отечественной войны – через школьные учебники, мемуары, исторические и художественные книги о войне, а также, не в последнюю очередь, через документальные и художественные фильмы типа эпопеи «Освобождение» (снят в 1970–1972 гг., режиссер Юрий Озеров). Сознание, привыкшее к миру иллюзий, очень болезненно с ними расстаётся.

От мифов тяжело избавляться, но жить с ними опасно. В Германии процесс демифологизации общественного сознания уже произошёл. Также и в США сегодня депортацию американцев японского происхождения в период войны открыто называют преступлением, а жертвам этой депортации официально выплачивают компенсацию. Американская же историография много внимания уделяет, например, проблеме расовой сегрегации в американской армии времён Второй мировой войны, при том, что эта тема болезненно воспринимается и нынешним американским сознанием. А вот в России этот процесс ещё только начинается. Сегодня невозможно представить, к сожалению, чтобы депортация немцев Поволжья или чеченцев и ингушей была на высшем уровне названа преступлением и пострадавшим была бы выплачена компенсация. Закон о реабилитации репрессированных народов остаётся пустым звуком. Также отсутствует официальное осуждение преступлений, совершённых Красной Армией и НКВД в Германии в последние месяцы войны и позднее, в лагерях для интернированных. Даже расстрел десятков тысяч поляков весной 1940 г. хотя и осуждается российскими властями, но не признаётся актом геноцида. Подобному покаянию противятся не только правящие круги, но и общественное мнение. Отказ от пересмотра мифов Великой Отечественной мешает людям осознать действительное положение, в котором находятся они и страна. Распад СССР и крах коммунизма кажутся многим результатом заговора «тёмных сил».

«Ведь социалистический строй так хорошо проявил себя во время войны», – учит мифологизированная история, и последующая деградация и крушение этого строя выглядит исторической случайностью, результатом чьей-то злой воли. Миф великих подвигов в Великой Отечественной войне – это часть мифа о Великом Государстве, будто бы способном спасти подданных лишь ценой жесткого ограничения их свободы от внешних врагов и внутренних неурядиц. Только разрушение героических мифов освободит сознание значительной части русского общества от остатков тоталитарной идеологии, научит полагаться на собственные силы, на личную инициативу, а не на благотворительность государства, разбудит у людей дух предпринимательства[79].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Дузь П.Д.* История воздухоплавания и авиации в России (период до 1914 г.). 2-е изд. – М., 1981. С. 253.

[2] Геройский подвиг казака Кузьмы Крючкова. – М., 1914. С. 7–9.

[3] *Вишняков В.* Первые герои в нашу войну. Былина о казаке Крючкове и казначее Соколове. – М., 1914.

[4] См.: The Columbia Viking Desk Encyclopedia. 2nd Ed. – N. Y. 1960. P. 237.

[5] *Шолохов М.* Собр. соч. В 8 т. – М., 1965. Т. 2. С. 300.

[6] Там же. С. 301–302.

[7] Славянский герой генерал Радко Дмитриев и славные русские герои Великой войны с Германией и Австрией. Геройский подвиг штабс-капитана Нестерова. – М., 1914. С. 8–9.

[8] *Шолохов М.* Собр. соч. В 8 т. – М., 1965. Т. 2. С. 370.

[9] *Катусев А.Ф.* Чужая слава // Военно-исторический журнал. 1990, № 9. С. 71.

[10] Там же.

[11] *Петров Н., Эдельман О.* Новое о советских героях // Новый мир. 1997, № 6. С. 147.

[12] *Катусев А.Ф.* Указ. соч. С. 72.

[13] *Кривицкий А.* Разъезд Дубосеково // Военная публицистика и фронтовые очерки. – М., 1966. С. 50–51. Здесь цитируется русский перевод коллективного труда немецких военачальников «Роковые решения», выпущенный «Воениздатом» в 1958 г. Следовательно, данный очерк не мог быть написан ранее этой даты.

[14] Впервые он был опубликован 22 января 1942 г. в «Красной звезде» и в том же году был повторен в выпущенном ГлавПУРом первом литературно-художественном сборнике «Великая Отечественная война».

[15] *Тихонов Н.С.* Стихи и проза. – М., 1947. С. 18–19.

[16] *Петров Н., Эдельман О.* Указ. соч. С. 145.

[17] *Тихонов* (см. сн. 15). С. 17.

[18] *Катусев А.Ф.* Указ. Соч. С. 72–74.

[19] «Вскоре после этих событий редактор вручил мне четыре строчки политдонесения, поступившего в числе многих других от политотдела одной из дивизий, оборонявших Москву». (*Кривицкий А.Ю.* Разъезд Дубосеково. С. 48).

[20] *Петров Н., Эдельман О.* Указ. соч. С. 148.

[21] Там же. С. 147.

[22] Так, во время контрнаступления под Москвой 323-я стрелковая дивизия 10-й армии в ходе боёв 15–17 декабря 1941 г. потеряла убитыми 496 человек, пропавшими без вести – 1200 человек и ранеными – 1294 человека. Кроме того, заболело 70 человек (Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. – М., 1992. С. 222). Это даёт соотношение безвозвратных и санитарных потерь 1,3:1 и среднесуточную величину безвозвратных потерь в 565 человек. Для сравнения: германская Восточная армия, насчитывавшая в то время более 150 дивизий, в период с 11 по 31 декабря 1941 г. ежедневно теряла убитыми и пропавшим без вести лишь немногим меньше – 682 человека, при соотношении безвозвратных и санитарных потерь 0,3:1 (*Гальдер Ф.* Военный дневник. Пер. с нем. Т. 3. Кн. 2. – М., 1971. С. 120, 161. Записи от 14 декабря 1941 г. и 5 января 1942 г.)

[23] *Катусев А.Ф.* Указ. соч. С. 74–75.

[24] Подсчёт по: *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 59, 84. Записи от 20 и 30 ноября 1941 г.

[25] *Кривицкий А.Ю.* Разъезд Дубосеково. С. 53.

[26] Там же.

[27] *Гальдер Ф.* Указ. соч. С. 23, 59. Записи от 8 октября и 20 ноября 1941 г.

[28] Г.К. Жуков в битве под Москвой: Сборник документов. – М., 1994. С. 46, 49.

[29] См.: *Ставский Владимир.* Генерал Панфилов и его гвардейцы // Великая Отечественная война: Литературно-художественный сборник. Вып. 1. К любопытным отличиям от текста Кривицкого здесь можно отнести то, что слова Бондаренко о Клочкове-Диеве процитированы по-украински. Ставский также ещё больше подчёркивает особую роль Добробабина. Группа из 28 панфиловцев именуется «взводом Добробабина», а Клочков принимает командование только после гибели Ивана Евстафьевича. О художественном качестве очерка Ставского даёт представление замечательная фраза: «Немецкие танки открыли злобный огонь».

[30] Г.К. Жуков в битве под Москвой: Сборник документов. – М., 1994. С. 46.

[31] Там же. С. 35.

[32] *Катусев А.Ф.* Указ. соч. С. 76.

[33] Некоторые из уцелевших участников боя у разъезда Дубосеково позднее в беседах с журналистами относили на свой счёт едва ли не все танки, которые в тот день подбили бойцы всего 1075-го полка. Например, Илларион Романович Васильев в беседе с Рудольфом Бершадским утверждал: «Я вдвоём в окопе был. С Сенгирбаевым… Три танка мы с Мустафой так зажгли, а перед

четвёртым его убило. Враз. Охнуть не успел. Ну, я и озверел. Помню, подумал только: “Мустафа, друг, не пропущу их дальше! Никуда!”. Выскочил из окопа как был в гимнастёрочке. Мы с Мустафой шинели ещё раньше скинули, чтобы они не мешали нам, – и ка-ак ахну последнюю бутылку!..» (*Бершадский Р.* Смерть считать недействительной (Цит. по: Об огнях-пожарищах. – М., 2000. С. 135). В рассказах о своем подвиге уцелевшие панфиловцы ориентировались на уже существовавшие газетные публикации. Сравни у Тихонова: «Встают из снега, как из гроба, бойцы в дыму, в крови, в грязи, глаза блистают, руки сжаты. Как будто бы на каждом латы из сплава чудного горят – летят последние гранаты, огонь бутылочный скользит». Также и Добробабин позднее признал, что в своих рассказах на следствии и суде ориентировался на очерк Кривицкого и другие публикации. Из очерка «О 28 павших героях» он, в частности, узнал, что был командиром взвода, хотя в действительности был лишь командиром отделения, и в дальнейшем утверждал, что в бою под Дубосеково руководил действиями взвода (*Катусев А.Ф.* Указ. соч. С. 70, 75–76).

[34] *Петров Н., Эдельман О.* Указ. соч. С. 148.

[35] Герои Советского Союза Военно-Морского Флота. – М., 1977. С. 488.

[36] *Ефименко Л.Н.* Восьмая морская // У черноморских твердынь. – М., 1967. С. 287–288.

[37] Текст листовки цитируется по: *Ягодинский Е.А.* Золотые звёзды речников. Вып. 3. – М., 1979. С. 89–90.

[38] *Переслегин Б.* Комментарии // *Манштейн Э. фон.* Утерянные победы. Пер. с нем. – М.–СПб., 1999. С. 307.

[39] Впервые этот рассказ был опубликован в ноябре 1942 г. в № 11 журнала «Знамя» под названием «Одухотворённые люди. Рассказ о небольшом сражении под Севастополем». В 1943 г. он вышел отдельным изданием под другим названием: *Платонов А.П.* Бессмертный подвиг моряков. Фильченко. Одинцов. Паршин. Цибулько. Красносельский. – М., 1943.

[40] См.: *Шошин В.А.* Из писем к Андрею Платонову // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Библиография. – СПб., 1995. С. 180.

[41] Цит. по: *Платонов А.П.* Живя главной жизнью. – М., 1989. С. 405.

[42] *Шошин В.А.* Указ. соч. С. 180.

[43] По воспоминаниям Семёна Липкина, «материализм Платонова был пантеистическим, чем-то близким мировоззрению Николая Фёдорова» (*Липкин С.И.* Голос друга // Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. – М., 1994. С. 123). По свидетельству жены Платонова Марии, главная книга Николая Фёдорова «Философия общего дела» была в платоновской библиотеке, и на ней имелись многочисленные пометы писателя (*Семёнова С.Н.* «Идея жизни» Андрея Платонова // *Платонов А.П.* Взыскание погибших. – М., 1995. С. 8, примеч. 1).

[44] *Шошин В.А.* Указ. соч. С. 180, 185.

[45] Там же. С. 185.

[46] *Платонов А.П.* Живя главной жизнью. С. 410.

[47] Бросок в бессмертие // Это было на Калининском фронте. – М., 1985. С. 72–73.

[48] *Насыров Р.Х.* Откуда ты родом, Матросов? – Уфа, 1994. С. 156–157.

[49] Бросок в бессмертие. С. 73.

[50] См.: *Коваленко А.П.* Правда о Матросове и матросовцах. – М., 1994.

[51] Цит. по: *Коваленко А.П.* Вершины мужества. И., 1995. С. 40.

[52] *Кондратьев В.* Оплачено кровью // Родина, 1991, № 6–7. С. 7. Утверждение, что Матросов прямо из лагеря попал к месту своего первого и последнего боя, не соответствует действительности. Александр Матвеевич до войны был воспитанником трудовой детской колонии НКВД № 2 города Уфа, причём числился «активистом», будучи назначен помощником воспитателя. В армию Матросова призвали в сентябре 1942 г. и сразу направили в Краснохолмское пехотное училище. В январе 1943 г. в связи с резкой нехваткой личного состава в боевых частей большинство курсантов направили на фронт рядовыми, не дав кончить курса (Бросок в бессмертие. С. 73; *Коваленко А.П.* Вершины мужества. С. 38). Таким образом, Матросов прибыл не из лагеря, а из военного училища, где, правда, курсантов тоже могли кормить не слишком сытно. Неосновательны и слухи, будто Матросов воевал в составе штрафного батальона. 91-я отдельная стрелковая бригада (как и весь 6-й Сибирский добровольческий стрелковый корпус имени Сталина) была отборным соединением и не имела в своём составе штрафных частей.

[53] *Насыров Р.Х.* Указ. соч. С. 159; *Коваленко А.П.* Указ. соч. С. 414–419.

[54] *Коваленко А.П.* Вершины мужества. С. 40.

[55] Источник информации – статья в приложении к газете «Московский Комсомолец» по Московской области: *Владимир Чуприн.* Тайна двух капитанов // МосКовия, 7 сентября 2001 г. № 1. С. IV.

[56] См.: *Митчем С., Мюллер Дж.* Командиры Третьего рейха. – Смоленск, 1995.

[57] *Мелентин Ф.В.* Танковые сражения 1939–1945 гг. Пер. с англ. – М., 1957. С. 161.

[58] См.: *Геманов В.С.* Подвиг «тринадцатой»: Слава и трагедия подводника А.И. Маринеско. – Л., 1991.

[59] *Катуков М.Е.* На острие главного удара. – М., 1974. С. 122.

[60] Там же. С. 121.

[61] *Жуков Ю.* Бои бригады Катукова // Военная публицистика и фронтовые очерки. С. 113.

[62] *Катуков М.Е.* Указ. соч. С. 83.

[63] См.: *Герцштейн Роберт Э.* Война, которую выиграл Гитлер. Пер. с англ. – Смоленск: Русич, 1996. С. 345.

[64] *Якобсен Г.-А.* Вторая мировая война. Пер. с нем. // Вторая мировая война: Два взгляда. – М., 1995. С. 98.

[65] Там же. С. 101.

[66] Там же. С. 183.

[67] Там же. С. 298–299.

[68] *Геббельс Й.* Последние записи. Пер. с нем. – Смоленск, 1993. С. 363–364.

[69] *Гитлер А.* Моё политическое завещание // Откровения и признания. Пер. с нем. – М., 1996. С. 509.

[70] *Кондратьев В.* Указ. соч. С. 7.

[71] См.: *Шпеер Альберт.* Воспоминания. Пер. с нем. – Смоленск–М., 1997. С. 567, 579–587.

[72] *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. – М., 1939. С. 491.

[73] *Волкогонов Дмитрий А.* Триумф и трагедия // Октябрь, 1989, № 8. С. 62.

[74] Г.К. Жуков в битве под Москвой. С. 47.

[75] *Куманёв Г.А.* Подвиг и подлог. Страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 2000. С. 153.

[76] Там же. С. 152.

[77] *Лебедев Б.* Мне стыдно! // Советская Россия, 2000, 18 мая.

[78] Количество танков перед началом сражения под Прохоровкой с немецкой стороны – 273, с советской – 850. Немецкие безвозвратные потери в Прохоровском бою 12 июля 1943 г. составили не более 5 танков, а советские – 334 танка и САУ. См.: Известия, 2000, 12 июля; 18 июля.

[79] Можно согласиться с известным американским историком Ричардом Пайпсом в том, что «отечески заботливый режим подрывает также волю людей, лишая их духа предпринимательства, которым дышит свобода. Какой вред может причинить длительная зависимость от благотворительности государства, стало ясно после развала Советского Союза, когда значительная часть населения, лишённая вдруг всесторонней государственной поддержки и не готовая самостоятельно обеспечивать себя средствами существования, начала тосковать по утраченному игу деспотизма» (*Пайпс Р.* Собственность и свобода. – М.: 2000. С. 378). У значительной части наших соотечественников до сих пор не возникла воля к критическому осмыслению истории.

Нея Зоркая

КИНОКАМЕРА НА ПОЛЯХ БИТВЫ.
Жестокая правда войны

Слова о быстрой и героической мобилизации советского кинематографа в первые же дни войны давно стали хрестоматийными. «Все для фронта! Все для Победы!», «Враг будет разбит! Победа будет за нами!» – эти общегражданские лозунги со всей искренностью были начертаны на советском экране. Они незамедлительно сделались символом веры для мастеров кино. «К оружию!» – уже вечером 22 июня в украинских газетах люди читали пламенные гневные строки Александра Довженко, корифея революционного авангарда, автора «Земли» и «Щорса».

Кинооператоры с камерами устремились на передовую, как только образовалась зона военных действий. Началась огромная, истинно героическая работа фронтовых кинооператоров – сотни тысяч метров пленки, летопись четырех военных лет, страницы которой до сих пор далеко не до конца прочитаны. В тылу, под вражескими бомбежками на столичных киностудиях и в кромешном быту эвакуации кинематографисты не ведали для себя иной цели, кроме служения фронту во имя Победы. Более 100 художественных игровых фильмов, около 100 – полнометражных документальных, специальных и фронтовых выпусков, появившихся на экране всего лишь за четыре года, – этот фонд свидетельствует, что, несмотря на тяжелейшие условия войны, кинематограф работал в полную мощность и даже сверх своих сил. Роль кино для патриотического подъема, сплочения народа, поддержания его боевого духа и надежды на окончательный разгром врага по справедливости признана первостепенной. Не менее важной стала миссия советского экрана как информатора, несущего другим странам – и прежде всего странам союзническим – правду о войне на Восточном фронте.

Все это сомнениям не подлежит. По оперативным откликам прессы – как внутренней российской, так и европейской и американской – видно, какое шоковое воздействие оказали на зрителей такие ленты, как документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой» или художественный – «Радуга» Марка Донского; последний непосредственно повлиял на формирование итальянского неореализма.

В трудах историков советского кино военный период занял надлежащее место[1]. Существуют – правда, единичные – и специальные исследования, посвященные теме войны на советском экране – в первую очередь, следует назвать содержательную монографию-каталог «Война против Советского Союза»[2], написанную немецкими авторами Оксаной Булгаковой и Дитмаром Гохмутом, где несколько эссе адресованы именно фильмам, снятым в 1941–1945 гг. Ценным источником для анализа эстетики военного фильма служит монография русского кинокритика Юрия Ханютина «Предупреждение из прошлого»[3]. Мемуарная литература и биографии мастеров, работавших в ту пору, дополняют общий абрис советского кинопроизводства военных лет. Однако представление о нем и по сегодняшний день никак не может считаться исчерпывающим. Историческая дистанция и эпохальные перемены в судьбах Европы – СССР и Германии, прежде всего, – обязывают к более тщательному изучению

процессов, ранее казавшихся прямолинейными и прозрачными, и обнаруживаются их внутренняя противоречивость и драматизм. Достаточно учесть, что помимо фильмов, выпущенных на экран и соответственно получивших отклик в прессе и кинолитературе, существовало около десяти запрещенных картин ведущих мастеров режиссуры, посвященных Германии перед вторжением. Уже это разбивает устоявшееся представление о советском военном кино как о некоем монолите, где власть и художественная интеллигенция едины. Следует более точно восстановить и ту реальную психологическую ситуацию, в которой оказались отечественные кинематографисты в июне 1941 г., и дальнейшую эволюцию их гражданского и художественного сознания под влиянием военных событий; эти сложные процессы отражались и запечатлевались в кадрах фильмов.

Я сосредоточу внимание, прежде всего, на тех аспектах темы, фактах и документах, которые недостаточно освещены историками кино или вовсе не попадали в круг изучения, и ныне необходимо включить их в научный обиход:

1. Закономерность агитационно-плакатной стадии в освоении военного материала как следствия идеологической предвоенной сталинской пропаганды и массовых иллюзий, в плену которых оказались кинематографисты;

2. Возникновение целеустремленных попыток проанализировать социально-психологические причины германской агрессии – иными словами, феномена фашизма, не адекватного немецкому народу в целом и традиционному культурному имиджу Германии; резкое неприятие этой тенденции со стороны советской цензуры;

3. Резкая смена бравурно-оптимистического тона раннего военного экрана изображением народного горя и неимоверных страданий мирного населения на оккупированной территории;

4. В показе самого фронта – бесспорное лидерство документального кино, робость и отставание игрового фильма, который на протяжении военных лет остается лишь на подступах к противостоянию вражеской армии.

В соответствии с этими подтемами будет распределен материал, и обозначится «топография» военного экрана: условное пространство ранних агиток; Германия 1930-х – 1941 гг.; оккупированная территория и партизанские леса; театр военных действий и его продвижение на Запад после Сталинградской битвы.

1941. «Враг вероломно напал…». Роковое воскресное утро

Кинематографисты занимали среди советской художественной интеллигенции особое положение – они были фаворитами Сталина. В течение 1930-х гг. они постоянно поощрялись орденами, почетными званиями, ценными подарками. А в марте 1941-го огромное и щедрое правительственное награждение как бы подвело итог постепенному превращению кинематографа в искусство государственное, официально закрепленное при Кремле: Сталинскими премиями 1-й и 2-й степени была отмечена целая обойма знаменитых фильмов 1930-х.

Народ обожал кино, отрасль процветала. Производство расширялось, в республиках строились киностудии, утверждались новые планы создания картин. Идейный крен их в наши дни назвали бы «имперским»: формируется и утверждается боль-

шой, эпический, богатый кинематограф, воспевающий славу русского оружия. Менялись экранные персонажи: лихие большевистские командиры из пролетариев и крестьянской бедноты, воспетые историко-революционным киноэпосом 1930-х, уступали место венценосным особам и именитым победоносным полководцам прошлых эпох. Царь Иван Васильевич по прозванию Грозный должен стать ключевой фигурой нового направления – Сталин ныне склонен видеть себя не большевистским «генсеком», а великим государем российским, престолонаследником.

На столичной киностудии «Мосфильм» новым художественным руководителем назначен Сергей Михайлович Эйзенштейн. Бедствия «кинематографиста № 1», которые довелось ему пережить (фильм «Да здравствует Мексика!», снятый в Америке, не был востребован советской стороной, уничтожены копии его следующей картины «Бежин луг» и пр.), кажется, позади. После «Александра Невского» (1939) – гигантской фрески о выигранной русскими битве с «псами-рыцарями» на льду Чудского озера – Эйзенштейн в почете. В качестве официального главы «Мосфильма» он формирует команду и приглашает в столицу своих любимых и чтимых коллег-ленфильмовцев Григория Козинцева и Леонида Трауберга: «…зову Вас на работу на “Мосфильме”… Переезжайте!.. Будем Вас любить и холить, а главное – будем делать большое, серьезное и настоящее дело: можно сделать буквально все…»[4].

Дата послания – 21 июня 1941. «Завтра была война» – название известного романа Бориса Васильева – точно передает ощущение шока от внезапности, рокового стыка двух эпох, каким оно запечатлелось в массовом советском сознании. И в сознании мастеров-корифеев тоже. Возник один из самых стойких стереотипов о войне.

От первых скороспелых театральных пьес-откликов и до послевоенных шедевров Калатозова, Бондарчука, Тарковского роковое воскресенье 22 июня 1941 г. предстает как необычайно резкий, зловещий, предельный контраст светлого солнечного утра, прекрасной родной природы, милых лиц – образа безмятежного незамутненного счастья – и нашествия, внезапного, обрушившегося адским громом и скрежетом, смертоносным металлом. Тема из Седьмой симфонии Шостаковича (кстати, как доказано музыковедами, родившаяся еще до войны) стала самым емким, гениальным музыкальным символом вторжения, поистине знаком явленного черного зла.

Письмо Эйзенштейна ленинградцам, написанное буквально накануне, полное олимпийского спокойствия и уверенности в мирном будущем, – исключительно интересный и характерный документ эпохи. Эйзенштейн был умнейшим человеком, истинным интеллектуалом, отлично знал Германию – казалось бы, трагическая европейская хроника 1939–1941 гг. не могла не подвергаться его могучему логическому анализу.

Здесь мы сталкиваемся еще с одним историческим парадоксом, с социопсихологическим феноменом советского менталитета: ведь подготовка к возможной, даже неизбежной и – более того – близкой войне была одним из опорных пунктов всей идеологической советской пропаганды и агитации. Издавна, с 1917-го. Всегда. Начиная с интервенции 1918 г. («молодая большевистская республика в огненном вражеском кольце»), вплоть до войны с «белофиннами» стране Советов всегда грозила агрессия капиталистического окружения. Это были крепко вдолбленные пропагандой азы коллективного мировосприятия. «Оборонные» фильмы о будущей войне занимали в общественном сознании видное место. В сущности, «оборонную» функцию подготовки к войне и превентивного устрашения противника выполняли и костюмно-исторические эпопеи о славе русского оружия. Клише «внезапности» и враже-

ского «вероломства», мгновенно утвердившееся после 22 июня, противоречило стойкому ожиданию удара извне. Все дело в том, что «вероломным» в глазах Сталина был Гитлер, начавший войну и, тем самым, обманувший своего советского партнера по пакту о ненападении, а тот ему свято верил.

Эффект внезапности и быстрого продвижения противника вглубь страны был убедителен – «блицкриг»! Тем не менее в эйфории общенационального подъема, во взвинченной атмосфере июня–июля 41-го доминировали убежденность в быстром победоносном окончании войны и фанфаронская похвальба военной силой Красной Армии.

Люди (речь идет, конечно, о тыле, о столицах, где продолжали работать театры, филармонии, кинотеатры, а не о фронтах и оккупированных территориях, где рекой лилась кровь) сохраняли иллюзии мирного времени и повторяли заученные лозунги. Словно бы продолжалась излюбленная перед войной игра в «воздушную тревогу»: по ночам в подъездах московских домов топтались серьезные дежурные в противогазах (почему-то больше всего ожидали именно газовых атак), а на крышах мирные интеллектуалы в очках, музыканты и актеры, наспех проинструктированные, пытались тушить зажигательные бомбы.

Именно эту – иллюзорную – стадию массового сознания воплотил кинематограф начала войны.

«Боевые киносборники» и фронтовые киноконцерты

Киноальманах, наспех составленный из нескольких коротких игровых и, реже, документальных сюжетов, – «Боевой киносборник» – стал в эту эпоху главной формой режиссерской работы.

Первый такой сборник вышел на экраны 2 августа 1941 г., последний – 12-й – в августе 1942 г. Еще один альманах и несколько короткометражных новелл были отсняты, но не вышли в прокат, так как уже разительно не соответствовали военной реальности.

Перед нами – агитплакат в чистом виде, оперативный конъюнктурный отклик на вторжение неприятеля. Экран стопроцентно отдан пропаганде. Цели, естественно, прямолинейны: пробуждение патриотизма, воспитание ненависти к врагу, внушение уверенности в победе. Любопытный и характерный для этой стадии эволюции киноязыка опыт: первыми в действие вступают и призывают народ к оружию не реальные герои тогдашних боев, а киноперсонажи, кумиры советского экрана 1930-х годов. Знаменитый фильм «Чапаев» (1934) в оригинале заканчивался гибелью героя, легендарного командира гражданской войны, в водах реки Урал. В киноновелле «Чапаев с нами» (1942) этот финал был переснят: герою удалось спастись от вражеских пуль, выплыть на берег и произнести зажигательную речь перед новобранцами 1941-го, призывая их крепче бить гитлеровцев. С экрана в зрительный зал (прием «экрана на экране») сходил и другой всенародный любимец – деятель Октябрьской революции, большевик Максим, герой знаменитой кинотрилогии, который тоже становился пламенным агитатором и пел свою популярную песенку «Крутится-вертится шар голубой» на новые слова:

… Злобного Гитлера черная власть
Крутится-вертится, хочет упасть!

А в сборнике № 4 роль своего рода «ведущей», фронтовой почтальонши, играла письмоносица Стрелка – героиня кинобестселлера «Волга-Волга», она же звезда советского экрана Любовь Орлова.

Наивность подобного приема кажется поразительной и даже ностальгически-трогательной в наше время, но она была отражением мифологического сознания 1930-х, когда экран идентифицировался с действительностью и едва ли не замещал последнюю, а персонажи фильмов воспринимались как живые люди[5].

На помощь «звездам первого ранга» приходил в «Боевых киносборниках» веселый герой чеха Ярослава Гашека балагур Швейк, и даже лично император французов в треуголке и мундире в новелле «БКС № 1», названной «Случай на телеграфе», отправляет Гитлеру телеграмму: «Пробовал, не советую!»

Были в маленьких скетчах остроумные репризы, было немало искреннего, молодого, обаятельного. Но кинематограф при всей своей силе воздействия не дал таких образцов агитжанров, как, скажем, классический плакат «Родина-мать зовет», стихотворение Симонова «Жди меня», военные очерки Ильи Эренбурга и Алексея Толстого. Особой инфантильностью отличаются драматические сюжеты «Боевых киносборников», рисующие эпизоды самой войны. В них деревенские подростки легко берут в плен германских ассов, а девушки-колхозницы расстреливают целые роты солдат вермахта. Все боевые эпизоды заканчиваются позорным бегством врага. Много новелл посвящено Сопротивлению и антифашистскому подполью в оккупированных странах Восточной Европы (видимо, это было одной из последних надежд после того, как не оправдались ожидания революционных событий в самой Германии). Судя по этим новеллам, в Чехословакии, Польше, Болгарии уже готовы вспыхнуть восстания – нужна лишь искра…

В художественном отношении такие короткометражки, как «У старой няни» (БКС № 2) и «Ночь над Белградом» (БКС № 8), столь же слабы: они были наспех и небрежно сняты в случайных павильонах.

На экране развернуто не реальное пространство Второй мировой войны, охватившее Европу и западные земли России, а пространство условное – декорации, даже не скрывающие своей искусственности. Патетической театральности была полна самая добротная по уровню работа – «Пир в Жирмунке» общепризнанного классика Всеволода Пудовкина по сценарию Леонида Леонова, снятая операторской рукой Анатолия Головни (на его счету шедевры «Мать» и «Потомок Чингис-хана»): пожилая крестьянка приглашает оккупантов на ужин, предварительно подсыпав яду в угощение, – вместе с «жадными обжорами-фашистами» должна погибнуть и она сама. Эйзенштейн, положительно оценивая мастерство новеллы, не зря назвал ее тему «сусанинской».

Немцы во всех сюжетах из киносборников одинаковы – легко вывести для этих персонажей суммарную характеристику. Они звероподобные нелюди, уродливые, низколобые, жестокие, кровожадные, но вместе с тем трусливые и глупые – победить их не стоит никакого труда. Подчеркивались именно вероломство, подлость – уже в новелле «Трое в воронке» из сборника № 1 русская медсестра, оказавшись в одной воронке с двумя ранеными – красноармейцем и немецким солдатом, делает перевязку им обоим, а гитлеровец вместо благодарности направляет на нее автомат (меткая пуля красноармейца в эту минуту разит мерзавца).

Эта позиция полностью соответствовала официальной пропаганде и ею же подогревалась. Вера в необходимость «искусства народу» воодушевляла. «В Ленинграде горели бадаевские продовольственные склады, начались бомбежки, а мы сочиняли и снимали для фронта, – вспоминал Григорий Козинцев. – Важно было одно: экран, повешенный в землянке на двух шомполах, воткнутых между бревен, должен был воевать»[6]. К «Боевым киносборникам» прибавился еще и жанр «Фронтового киноконцерта»: заснятые на пленку номера любимых исполнителей – певицы Клавдии Шульженко (которая первой спела сверхшлягер военных лет – этот советский «Лили Марлен»! – «Синий платочек»), звезд Большого театра с оперными ариями и балетными дивертисментами. И, конечно, со стихотворением Симонова «Убей его!» – его с завыванием читал Михаил Царев, премьер Малого театра. Номера объединялись нехитрым конферансом: скажем, фронтовой киномеханик развозит по воинским частям ролики с заснятым концертом.

Но оптимизм первых дней, царивший в кинематографических столицах, понемногу убывал. Москву бомбили каждую ночь. На Арбате, на месте любимого москвичами Театра Вахтангова зияла воронка – следствие прямого попадания фугасной бомбы. Над Волхонкой, долетая до Кремля, кружились обгоревшие листы бесценных фолиантов – библиотека Академии наук пострадала от «зажигалки»[7]. Гитлеровские войска стояли уже на подступах к Москве, кольцом окружали Ленинград – было не до производства художественных картин!

14 октября эшелон «Мосфильма» двинулся на Восток, увозя творческий коллектив студии вместе с группой срочно эвакуированных ленфильмовцев, студийное хозяйство, реквизит, костюмы – все! В Алма-Ате, у отрогов Алатау, в срочно достраиваемом помещении Казахской киностудии начала работать ЦОКС – Центральная Объединенная киностудия, под чьей маркой выйдет ряд выдающихся художественных фильмов, в том числе всемирно известный «Иван Грозный» Эйзенштейна. Киевская студия была эвакуирована в Ашхабад, часть кинематографистов оказалась в Ташкенте. Глубокий азиатский тыл приютил и спас советское кино.

1941–42. «Но что же произошло с Германией?». Страдания Всеволода Пудовкина

При всем вышеописанным патриотическом порыве, существовал у мастеров кино некий подспудный и остро конфликтный пласт сознания. Жгучая ненависть к военному врагу не могла не прийти в противоречие с тем традиционным российским отношением к Германии и к немцам, которое культивировалось в России с незапамятных допетровских времен. Не говоря уже о «германизации» на уровне кровного родства во многих поколениях самого российского царского дома, о постоянном вливании «германской крови» в жилы русской аристократии и далее – разночинства. Советская власть со своими изначальными лозунгами интернационализма, а далее – наоборот – с оборонной кампанией, готовящей народ к близкой войне и адресовавшейся, прежде всего (до злополучного пакта!), именно гитлеровской Германии, – лишь усиливала немецкую струю в предвоенной советской культурной жизни. Первые иностранные школы в больших городах были именно немецкими, общеобразо-

вательный немецкий язык в средних школах также был главным (время лидерства английского еще далеко впереди).

Что до кинематографистов, то киносвязи с Германией и германским искусством были у них особо прочными. И творческие, и даже личные, биографические, что также нельзя сбрасывать со счетов.

Отец Эйзенштейна Михаил Осипович, инженер-архитектор, в гражданскую войну вступив в Белую армию (в отличие от сына-красноармейца), далее обосновался в Германии, вторым браком был женат на немке и похоронен на русском православном кладбище Тегель в Берлине. Немецкий язык в рижском доме Эйзенштейнов бытовал наравне с русским, Сергей Михайлович владел им в совершенстве. В 1940-м он поставил в Большом театре «Валькирию» Вагнера – с детства одного из своих любимых композиторов.

Александр Довженко лучшие дни своей молодости до начала кинокарьеры – 1922–1923 гг. – провел в Берлине на дипломатической службе и в Мюнхене, где он учился в частной школе живописи Эриха Хеккеля. Молодого украинца, красавца, талантливого художника принимали в артистических салонах на Курфюрстендам, где собирался также цвет кинофабрики «УФА» – возможно, именно там начался путь, который приведет Довженко к экрану.

Постоянный взаимный интерес и переписка связывали выдающихся режиссеров Георга Вильгельма Пабста, автора «Безрадостного переулка», и Фридриха Эрмлера, автора «Обломка империи». А на уровне киноорганизаций нельзя не вспомнить о многолетнем опыте совместной работы российских и германских специалистов в акционерном обществе «Межрабпом-Русь», преобразованном в «Межрабпомфильм» (1924–1939), о целой антифашистской линии в советском довоенном кинорепертуаре. Разумеется, трагическое раздвоение души художника не могло не возникнуть с самого начала войны и не сказаться в страстном желании понять, что же происходит с Германией, с немцами.

Особенно остро – среди корифеев – это чувство сказывалось у Всеволода Пудовкина. Общепризнанный уже тогда лидер мирового кино был связан с Германией особенно крепко.

Во время Первой мировой войны на германском фронте он был ранен и попал в плен, откуда бежал в 1918-м. В 1920-х, работая на «Межрабпом-Руси», при всех трудностях международного общения для граждан СССР, неоднократно бывал в Германии. В «Живом трупе» по Льву Толстому – фильме, снятом Федором Оцепом[8] на германской фирме «Прометеус-фильм», Пудовкин, не только режисер, но великолепный актер, сыграл главную роль Феди Протасова. Первый звуковой фильм Пудовкина «Дезертир» (1933) – «об осознании германским рабочим своей роли в классовой борьбе пролетариата» (в духе концепций начала 1930-х) – снимался в Гамбурге. Пудовкин так часто задерживался в своих германских командировках, что однажды попал под подозрение советских органов безопасности как «невозвращенец» – это было тогда в СССР крайне опасно.

Друзья художника свидетельствовали, что Пудовкин, человек эмоциональный и необычайно темпераментный, был буквально одержим германскими событиями, острейшим образом переживал наступление фашизма и распространение гитлеровской «духовной отравы» в немецком обществе. В этой теме – она касается не одного лишь Пудовкина – большой интерес представляют свидетельства Татьяны Тэсс, известной советской журналистки, постоянного корреспондента газеты «Известия», –

«королевы очерка», как называли ее в ту пору. Позволю себе обширную цитату, ибо в обиход исследователей – ни историков кино, ни литературоведов-германистов – воспоминания Тэсс пока не вошли.

Она описывает свое посещение московской квартиры Пудовкина в самом начале войны:

> Достав из книжного шкафа папку, он стал один за другим класть на стол бумажные листки. Это были рисунки, сделанные им когда-то во время поездки в Германию. Он делал наброски на улицах, в городских скверах, сидя в кафе и глядя сквозь широкие окна на шагающих по тротуару берлинских прохожих… Я заметила одну особенность: сходство изображаемых типажей. Казалось, Пудовкин, разглядывая толпу, выискивал в ней человеческие типы, в чем-то походившие друг на друга. Это были молодые люди с надменно поднятыми узкими головами и мускулистыми телами. Чуть презрительное выражение делало их лица холодными, глаза смотрели жестко… Это были будущие фашисты, которых вскормил и вырастил Гитлер, готовя их для захвата чужих земель… Пудовкин сумел разглядеть их еще в пору, когда они мирно прогуливались по улицам Берлина, и, может быть, именно тогда в сознании художника заронилась мысль о фильме, в котором была бы раскрыта та звериная хитрость, в какой фашизм стремился влить яд в разум и души подрастающего поколения немцев. Пудовкин не переставал думать о создании такого фильма[9].

В своей простодушной наивности Пудовкин не замечал, что, дифференцируя людей по форме головы (вспомним хотя бы брехтовских «Крутоголовых и остроголовых»), он в каком-то смысле солидарен как раз с гитлеровскими блюстителями расы – правда, «с обратной стороны». Но намерения его были чисты: он хотел сказать, что не весь немецкий народ, а лишь определенная и уже зараженная комплексом превосходства часть его – опасна для человечества. Он не только собирался поставить об этом фильм, но увещевал, взывал, заряжал своей идеей других. Сохранился, в частности, черновик пудовкинского письма к Дэвиду Йорку Гриффиту, великому творцу «Нетерпимости»:

> …Я только теперь приступил к осуществлению большого замысла. Работаю с увлечением и мечтаю вложить в фильм всю свою любовь к человеческому благородству и ненависть к тупой, обезьяньей хитрости фашизма. Я убежден, дорогой мастер, что теперь наступило то время, когда все без исключения люди, одаренные талантом ясно, волнующе и убедительно передавать свои мысли и чувства другим, должны начать открытую борьбу с надвигающимся позорным и унизительным безумием фашизма. Мне кажется, что Вы, с Вашей гуманностью и огромным талантом режиссера, должны снова стать к съемочному аппарату…[10].

В своих воспоминаниях Тэсс приводит интересный факт: Пудовкин попросил журналистку посетить вместе с ним одного из немецких писателей-антифашистов, живших в ту пору в Москве. Имя его Тэсс не называет, видимо, просто по незнанию[11]. Пудовкин страстно уговаривал хозяина квартиры написать сценарий для его будущего фильма о современной Германии. Писатель обещал подумать, договорились о следующей встрече, но таковая не состоялась: руководство «Мосфильма» приказало Пудовкину немедленно эвакуироваться в Алма-Ату, куда он и отправился в начале октября 41-го еще до отъезда студийного эшелона.

Однако уезжал он не с пустыми руками, а с набросками сценария, названного «Школа подлости». Это была вольная экранизация пьесы Бертольта Брехта «Страх и отчаяние в Третьей империи». В 1941 г. пьеса, написанная тремя годами раньше в Дании и присланная в Москву самим автором, стала фактом советской литературной жизни[12]. Русская версия 14-ти (из 24-х немецкого оригинала) сюжетов «Страха и отчаяния» была частями опубликована в ряде периодических изданий, а далее, в самый канун войны, вышла отдельной книжкой в столичном издательстве «ОГИЗ. ГИХЛ»[13].

Видимо, именно эта книга вдохновила Пудовкина на постановку и позволила прекратить поиски помощника среди немецких эмигрантов. Вместо них режиссер пригласил для кинематографической обработки брехтовского текста Мануэля Большинцова, опытного кинодраматурга-ремесленника. В качестве сорежиссера был назначен Юрий Тарич, крепкий производственник, постановщик известной немой картины «Крылья холопа».

В письме к Тэсс из Алма-Аты от 17 ноября 1941 г. Пудовкин жалуется, что живет «в очень странном состоянии, как будто бы немножечко оглушенном», что пока недоволен тем, что делает[14]. 7 февраля 1942 г. в 20 км от казахской столицы начались съемки зимней натуры для фильма «Школа подлости», а уже на совещании Госкинокомитета в Москве 1 июня того же года Председатель комитета Большаков сообщил, что Пудовкин картину заканчивает.

Брехт–Пудовкин под цензурным запретом

В архиве Пудовкина сохранились перепечатки и копии (машинопись и автографы) русского перевода пьесы, сценарии – литературный и режиссерский, свидетельствующие об исключительно серьезном и увлеченном труде мастера над выношенным замыслом. Рукопись (аккуратный пудовкинский почерк!) режиссерского сценария на 74 страницах содержит подробные раскадровки, прописанные диалоги, мизансцены и переходы артистов, монтажные стыки, обозначенные затемнения, вступления и удаления музыки – словом, все для съемок было готово[15]. Литературный сценарий, подписанный Пудовкиным и Большинцовым (а это 54 страницы машинописи), тоже представляет собой почти готовую режиссерскую раскадровку будущего фильма.

Начало его задумано следующим образом: после заглавных надписей из затемнения должен на условном фоне появиться сам Пудовкин и обратиться к зрителям со следующими словами:

> Уважаемые граждане! Я один из режиссеров этой картины. Вам, наверное, покажется несколько необычным мое появление на экране. Но эта необычность объясняется характером самой картины, состоящей из небольших рассказов, а также необходимостью пояснить причины, понуждающие нас поставить подобное произведение.
>
> Всем нам, знавшим старую Германию по литературе и по личным воспоминаниям, мучительно хотелось понять механизм событий, которые привели немцев к тому, что само слово немец стало символом подлости, грязи и преступлений. И вот в этой связи прочитанные нами рассказы Бертольта Брехта, как нам показалось, частично объясняют и показывают

на частных судьбах маленьких людей, на частных случаях страшную гитлеровскую систему, превращающую современного немца в чудовище.

22 января 1933 года открылась позорная страница в истории человечества: гитлеровская банда пришла к власти…[16].

Как известно, у Брехта россыпи сценок предшествует стихотворный пролог «Немецкий парад». В замысле заменить его обращением к зрителям… самого Пудовкина сказалось не только характерное для начальной агит-стадии военного фильма разрушение экранной иллюзии – еще раз вспомним, как сходили с экрана в зал киногерои Чапаев, Максим, Стрелка, призывая бить фашистов. Но еще больше здесь пудовкинской персональной маркировки фильма, «присвоения» Брехта для своего собственного «авторского» кино. В процессе работы план вводного режиссерского монолога отпал, но он остается любопытным «документом эмоций».

Для фильма у Брехта взяты были сюжеты «Зимняя помощь»[17], «Народное единство», «Служба народу», «Меловый крест», «Шпион». В качестве сквозной темы было выбрано доносительство, пропитавшее немецкое общество сверху донизу. Соблазнительно было бы найти в этом сознательную аллюзию и отсылку к атмосфере советской жизни, но таких данных нет – скорее, это произошло на уровне подсознания.

По складу своей творческой натуры Пудовкин был режиссером-психологом, хотя прославился в пору расцвета послеоктябрьского авангарда, силой которого был монтажно-поэтический кинематограф: движение масс, метафоры, язык ассоциаций. Пудовкин, разделяя эти постулаты, пытался сочетать их со вниманием к отдельному человеку, к портрету героя. С годами тяготение режиссера к психологизму усилилось. Это и сказалось в трактовке миниатюр Брехта. Пожалуй, только один режиссерский рефрен, зафиксированный в сценарии, напоминал о революционной символике: «Улица. Полицейский под проливным дождем сохраняет свою наполеоновскую позу», – кадр появлялся между сюжетами, дабы их зрительно объединять. Главный же интерес сосредоточен именно на психологии, на особо ненавистной Пудовкину «мерзости системы Гитлера в приемах воспитания людей, направленных к тому, чтобы уничтожить все, что связано с ощущением человеческого достоинства»[18], как писал он, сообщая о работе над фильмом своему другу английскому кинорежиссеру и теоретику Айвору Монтегю.

Вольфганг Герш, автор немецкой монографии «Брехт и кино»[19], где дана краткая и, скорее, негативная характеристика фильма (процитированная также и в упоминавшейся книге «Der Krieg gegen Sowjetunion»[20]), распространил слух о режиссуре Пудовкина как о «чуждом» брехтовской эстетике «каммершпиле», «натурализме» и «запсихологизированности». Однако эта оценка исходит, скорее, из стереотипа «отчужденной эстетики Брехта», который, кстати, не накладывается и на манеру драматурга в данной пьесе, скорее, реалистическую и даже импрессионистическую. Пересматривая фильм Пудовкина в наши дни, следует признать, что аналитический, соответствующий менталитету русской психологической школы показ всеобщего страха, разобщенности, предательства оказывался не менее выразительным и сильным, чем прямой гротеск.

Наиболее тщательно и близко к брехтовскому оригиналу, хотя и «по-пудовкински», была разработана (и далее выразительно сыграна) сцена «Шпион».

Действие происходило в квартире ученого (у Брехта – школьный учитель). Вечер, кабинет, семейная чета. Актеры Ольга Жизнева и Александр Виолинов обладают

благородной внешностью, они красивы, что должно подчеркнуть их интеллигентность. А за стеной сын-подросток в форме гитлерюгенда подбирает на пианино и напевает мелодию фашистской песни. Точный диалог передает все нарастающий страх родителей, уверенных, что мальчик – их единственный сын – должен донести на них в гестапо за какие-то несколько вольнолюбивые высказывания по поводу современности – не более того.

Замкнутый интерьер, жесткие линии. Мастер-оператор Борис Волчек снимает сцену чуть с верхней точки, что должно создать ощущение придавленности, «ловушки». Внизу хлопнула дверь. Все ясно: мальчик уже побежал донести. С родителями начинается форменная истерика. Профессор надевает мундир, ордена, готовясь к аресту. Судорожно пытается повесить на видное место портрет фюрера, подставляет лесенку, поднимается… – нет! Сын скажет им, что повесили специально. Жена «прижалась искаженным от ужаса лицом к ноге мужа. Тот сел на ступеньку лестницы, гладит голову жены, бормочет, заикаясь: “Не теряй головы… собери белья немножко”…

Дверь. Шаги. Входит мальчик. Остановился. Смотрит изумленно».

Момент очень выразителен. Родители, замершие в чудовищно нелепой мизансцене, и растерянный подросток с кулечком конфет в руке: он на минуту выходил на угол в киоск…

Мальчик был на экране вполне симпатичным, он растерянно и недоуменно глядел на обезумевших родителей. Зрители не смогли бы предположить, что он пойдет доносить. Предполагал – отец.

Вслед за этой бытовой картинкой следовал в фильме сюжет «Меловой крест» – еще одна режиссерская и актерская удача. Действие переносилось на кухню богатого дома, где идет своим чередом жизнь челяди. Первый кадр – крупный план штурмовика, он явился в гости к своей невесте, здешней горничной, ведет себя, как хозяин, жадно ест, кичливо рассказывает, что изобрел отличный способ метить неблагонадежных: на ладони у него начерченный мелом крест, хлоп по спине – и дело сделано, кандидат в концлагерь – на приколе!

Сначала жертвой молодчика по имени Тео становится брат кухарки, пожилой рабочий, который открыто издевается над штурмовиком, но уходит, не зная, что на спине его потрепанного пальтеца уже белеет меловой крест.

Следующим объектом этого «художника-графика» станет и сама невеста, горничная – бедняжка имела неосторожность попросить двадцать марок с их общего счета.

У Брехта сценка кончалась словами горничной, обращенными к кухарке: «Посмотрите у меня на спине, там нет ли креста?».

В сценарии: «горничная заплакала, опустив голову на руки. Потом вдруг открыла лицо, на нем неподдельный страх перед внезапно пришедшей мыслью:

Минна! – зовет она, подойдите, пожалуйста, ко мне.

Минна подходит.

– Посмотрите, нет ли у меня чего-нибудь на спине?

Горничная поворачивается. Ее спина покрыта отпечатками маленьких крестиков».

Гитлеровец Тео стал одной из последних работ Бориса Блинова, идеального «положительного героя» советского экрана, артиста с необыкновенно обаятельной улыбкой и ясными глазами. Здесь у него четкая проработка характерности, пластики, жестикуляции. Забриолиненный и спущенный на лоб фестон делал неузнавае-

мым лицо артиста, это было поистине перевоплощение. А роль горничной-немки оказалась прощанием с экраном для блистательной Софьи Магарилл, жены Козинцева, звезды немых фильмов мастерской «ФЭКС» – простенькая мещаночка в белокурых кудряшках, с душой чистой и еще не искаженной фашизмом сыграна актрисой мягко, нежно и сочувственно.

Магарилл и Блинову, так и не отпраздновав премьеру, вскоре суждено будет умереть молодыми во время страшной эпидемии брюшного тифа в Алма-Ате[21].

После пяти сцен «Школы подлости», взятых у Брехта, шестую, финальную, сочинили Пудовкин и Большинцов. В ней действие из «Третьей империи» переносилось на снежные поля России. Упомянутый выше Герш, автор книги «Брехт и кино», принимая «самодеятельность» русских интерпретаторов и одобряя именно эту сцену, сообщал, что сам Бертольт Брехт, одновременно осуществляя в Америке театральную постановку «Страха и отчаяния», приписал пьесе сходный финал, согласно которому немецкий отряд сдавался экипажу советского танка-победителя[22]. То есть якобы фантазия постановщиков совпадала с авторским намерением.

Бравурный этот финал, где славная тетка-партизанка, выходя из заснеженных кустов, кричала: «А ну, Петька, спеши сюда! Вязать фрицев будем!», по тону возвращал к безоглядному оптимизму ранних «Боевых киносборников». Но текст был на хорошем драматургическом и литературном уровне. Ведь именно в этой фронтовой развязке свершалось возмездие над наглым Тео, который превращался едва ли не в червяка, а его начальник капитан Гильке подобострастно умолял: «Помилуйте меня! Я славянин! У меня бабушка чешка!..» А главное: здесь во всю ширь распахивалась живописная мощь режиссуры Всеволода Пудовкина. Экран солнечно сверкал – в отрогах Тянь-Шаня нашел он среднерусский пейзаж, и заиндевелые, белые леса словно бы поглощали, стирали с лица земли оккупантов.

Вопреки светлому мажору финала, картине Пудовкина была уготована тяжелая судьба.

Задуманный в прифронтовой Москве, предлагавший зрителю уникальный альянс двух столь разных художников с мировым именем, героически снятый в чудовищно трудных условиях казахстанской эвакуации фильм был сначала назван «Убийцы выходят на дорогу» («Школа подлости» осталась лишь в подзаголовке), а далее запрещен к показу, закрыт, не выпущен в прокат. Долгие годы он не указывался даже в специальных каталогах и профессиональных изданиях, хотя фигурировал в киноведческих монографиях о творчестве корифея советской кинорежиссуры. В постперестроечной российской книге-каталоге «Изъятое кино. 1924–1953», изданной в Москве в 1995-м, говорится, что «документов, запрещающих фильм, разыскать не удалось»[23].

После запрета сам Пудовкин никогда не упоминал о своем фильме. Пересматривая эту картину, ныне полностью «реабилитированную» и вошедшую в фонд режиссерских шедевров, пытаешься разгадывать причины ее нерасшифрованного запрета. Кадры помогают. И есть наводящие абзацы умных книг. Александр Марьямов, автор первой послевоенной монографии о Пудовкине, пишет про фильм:

> …Во время войны он показывал нам лишь тех, кто достоин был нашего сожаления, иногда, быть может, презрения, не показывая тех, кого мы должны были ненавидеть…. Он лишен был тех воспитательных качеств, какими должны были обладать фильмы, обращенные к бойцам фронта и трудящимся тыла…[24].

В комментарии к запрету фильма, данном в книге «Изъятое кино», сказано еще четче:

> Установка картины на показ «двух Германий»… оказалась в противоречии с утверждением «образа врага», решаемого кинематографией этого времени в сугубо плакатном ключе[25].

И все-таки не все ясно в «деле Брехта-Пудовкина». В частности, если фильм с самого его московского сценарного начала именовался «Школа подлости», то почему далее он всюду фигурирует как «Убийцы выходят на дорогу»?

И вот здесь возникает очередная, еще более туманная, киноистория, которая, с одной стороны, нечто проясняет, а с другой – еще более озадачивает…

Удары по Григорию Рошалю и Григорию Козинцеву

В Музее кино хранится пожелтевшая машинопись на 83 листах, вся в карандашных пометках, вставках, помарках – над ней трудились! Раскадровка, опись павильонных и натурных сцен, рабочий документ. Это режиссерский сценарий фильма «Убийца выходит на дорогу», авторы М.С. Гельфанд и А. Мацкин, постановщик – Григорий Рошаль, оператор Л. Косматов. Дата – 7.01.1942, Алма-Ата[26].

Начало текста патетично. Некий митинг в Германии. Оратор с благородным и красивым лицом обращается к толпе:

> Черная тень убийцы нависла над миром. Откуда он? Какими тропинками прополз он на мировую дорогу? Он сеет смерть и разрушение. Погрузимся в его прошлое. Будем оперировать только фактами…

«Фильм должен рассказать о некоем Гиблере и о том, как он с помощью предательства, убийств и шантажа пришел к власти. Эта картина создавалась на материалах подлинной биографии Адольфа Гитлера»[27], – вспоминал Рошаль. Крупный кинорежиссер, сценарист, мастер с недюжинным стажем, постановщик знаменитой кинофантазии по Достоевскому «Петербургская ночь» (1934), он был так же, как Пудовкин, издавна приобщен к германской теме советского кино и к непосредственным контактам с немецкой кинематографией. Еще на немом экране вышел его фантастический фильм «Саламандра» (1928), снятый в Берлине с Бернардом Гётцке в главной роли – совместное производство «Межрабпомфильм – Прометеус-фильм». В 1938 он экранизировал на «Мосфильме» роман Фейхтвангера «Семья Оппенгейм». Теперь – история грязной карьеры фюрера.

И по сегодняшним критериям литературная основа фильма – добротна, текст, затерянный в архивных папках, заслуживает публикации. По тем же временам – 1941 год! – это произведение «опережающее». Могут броситься в глаза иные совпадения с будущим – через четверть века с лишним – эпическим сюжетом «Гибели богов» Висконти. Речь в обоих сценариях идет о том, как высшее общество Веймарской республики, генералитет, финансовые круги, интеллектуальная элита отдали Германию психопату и жалкому ничтожеству: «Они простили его, они протянули ему руки, они возвысили его…»

Всеволод Пудовкин в виде генерала-фельмаршала Лоссендорфа. Варианты мимики и жестов. Рисунки Кукрыниксов для кинопроекта Григория Рошаля «Убийца выходит на дорогу», Алма-Ата, 1941 г. Фильм был запрещен советской цензурой еще во время съемочных работ.

Варианты немецких персонажей: магнат в исполнении Геннадия М. Мичурина (слева) и антифашист Отто в исполнении Владимира Ф. Шишкина (справа). Рисунки Кукрыниксов для кинопроекта Рошаля «Убийца выходит на дорогу», Алма-Ата, 1941 г.

В трактовке образа и судьбы Гитлера присутствуют и элементы психоанализа. Унижение самолюбивого, бедного, уродливого абитуриента, публично и резко отвергнутого на конкурсе при поступлении в Венскую Академию художеств за бездарность, да еще на фоне счастливого соперника – талантливого, красивого, богатого, любимого очаровательной женой, – вот травма, она же толчок к рождению жгучих, истинно сатанинских амбиций Гиблера. Проведя своего отвратительного героя через окопы 1914 г. (где он – жалкий писарь, произведенный в ефрейторы, через возвышение ценою провокаций, доносов, убийств) авторы изображают его во время Мюнхенского путча.

«Сценарий… был привезен нами для немедленной постановки. В Алма-Ате сразу началась подготовка к съемкам фильма. Злободневная антифашистская тема картины заставляла нас спешить»[28], – продолжает Рошаль. Судя по материалам алма-атинского архива ЦОКС, съемка началась еще раньше, чем у Пудовкина по «Школе подлости», то есть буквально «на чемоданах» приезжих-эвакуированных, в ноябре 1941 г. Рошаль собрал команду из выдающихся мастеров.

В качестве художников картины он пригласил Кукрыниксов, знаменитых своими антифашистскими плакатами и карикатурами – здесь же раскрывалась иная сторона творчества прославленной тройки: психологизм, реализм, чтобы не сказать академизм. Со стилистической точки зрения, рисунки и эскизы малоинтересны и эклектичны (добавлено немножко импрессионизма и чуть-чуть немецкого экспрессионизма), но с точки зрения культурологической и историко-культурной – бесценны. Более 70 рисунков к фильму, хранящихся в Музее кино, свидетельствуют еще и о профессиональном кинематографическом интересе к этому творческому замыслу. Самым удивительным представляется согласие всей алма-атинской российской «диаспоры» играть в этом фильме главные и вторые роли.

На эскизах Кукрыниксов мы видим великолепного актера Олега Жакова в роли художника Райнера (соперника и жертвы Гиблера), тупого самоуверенного пруссака майора фон Клотца – Максима Штрауха, меценатку и хозяйку великосветского салона мадам Бекштейн, которая становится медиумом Гиблера, – ее должна играть уникальная эксцентрическая актриса Юдифь Глизер. И того же Пудовкина в роли генерала-фельдмаршала Лоссендорфа, и – может быть, наиболее сенсационное! –

Сергея Эйзенштейна в роли ректора Венской Академии художеств, отчитавшего наглого претендента. Можно вообразить, какой блистательной могла бы стать многофигурная композиция таких звезд на экране! Но было не суждено.

«Наш антифашистский фильм “Убийца выходит на дорогу”, – рассказывает Рошаль, – был уже отснят на одну треть, как неожиданно в 1942 году последовало указание прекратить съемки. Так до сих пор по непонятным причинам мне и не удалось осуществить этот замысел. Отснятые кадры впоследствии были уничтожены, и мне удалось сохранить лишь рисунки Кукрыниксов…»[29].

Киногруппе Рошаля еще менее повезло, чем пудовкинской: у последней по крайней мере сохранилась копия пленки, что позволило вернуть фильм «Убийцы выходят на дорогу» в корпус мирового кинофонда. Материал Рошаля, отдав «Школе подлости» свой титул, переведенный во множественное число, отправился «в нети» вслед за уничтоженным «Бежиным лугом» Эйзенштейна.

За что? Официальное обвинение, адресованное Пудовкину, о «жалости к жертвам» вместо ненависти, в данном случае не подходит: в этом сценарии выведены на свет виновные, явные и тайные. Правда, пафос ненависти, скорее, заменен пафосом анализа, желанием понять, «что же все-таки произошло с Германией» и какие в этом перевоплощении действовали механизмы. Хотя гнева было достаточно – все равно не помогло!

И чтобы не забыть о еще одном нелепом и, казалось бы, нелогичном закрытии фильма на антифашистскую тему, назовем маленькую жемчужину, истинный кинематографический шедевр – состоящую из двух частей сатирическую комедию «Юный Фриц», созданную дуэтом Козинцева и Трауберга по стихотворению Самуила Маршака, но на деле снятую самим Козинцевым. Здесь, по крайней мере, имеется некое обоснование запрета: из Москвы сообщили, что режиссеры «вернулись к своим порочным формалистическим позициям, поставив в своей старой антихудожественной манере фильм “Юный Фриц”, не выпущенный на экран» (как известно, слово «фэксы» было для начальства синонимом «формалистов»)[30].

В действительности режиссура нашла адекватное и смешное воплощение некоей лекции некоего профессора (его играл М. Штраух) о том, как следует воспитывать истинного арийца. Под нацистским лозунгом «Кровь и земля» («Blut und Boden») играя, как на клавесине, на черепах, профессор рассказывает биографию образцового представителя «высшей расы». Неразгаданными оптическими трюками с применением черного бархата-фона оператор (а это Андрей Москвин – один из лидеров советской операторской школы) и режиссеры достигают комедийных эффектов, проводя своего верзилу в коротких штанишках через стадии фашистской инициации; а также комичны такие сюжеты, как выбор невесты, поступление в вермахт и прочее. Все это смешно, остроумно, непретенциозно и – в отличие от других ранних военных агиток – талантливо. В финальных кадрах Фрица, потерпевшего поражение на Восточном фронте, помещают в зоопарк, в клетку с надписью «Семейство НАЦИ». Но юмор авторов не убедил цензуру. Короткометражка «Юный Фриц» была «положена на полку» и засекречена надолго.

Одновременный запрет в том же 1942 г. на произведения, созданные ведущими советскими мастерами, которые попытались показать приход фашизма к власти как национальную катастрофу для самой Германии, позволяет предположить, что здесь имели место не случайные совпадения цензурной перестраховки, а нечто более серьезное. Версия автора этих строк: личное указание Сталина, объяснить причину

которого можно, наверное, только с помощью психоанализа. Лично Гитлер нанес ему глубокую травму, справиться с которой тирану помогла лишь Победа. Так или иначе – на опережающую свое время, лишь через полвека раскрытую тему Гитлера и гитлеризма в советском искусстве было наложено табу. Запретной зоной для показа на экране станет и немецкая земля, пока на нее не вступят советские войска – действие в Германии развернется лишь в фильме, выпущенном в самом конце войны, – в «Человеке № 217» Михаила Ромма. Он послужит некоей увертюрой к послевоенным картинам на тему «обыкновенный фашизм»[31]. До той поры понятие «немец» расшифровывается как «оккупант». Встреча его с советским человеком рисуется на фоне захваченной противником территории.

1942–45. «Раздвигать границы дозволенного в искусстве». Партизанка и гитлеровец

Страдание, боль, разлуки, потери, слезы, голод, страх – все это, изгнанное с вечноликующего экрана 1930-х, вынуждена была легализовать война. Тяжкие поражения первых месяцев, пылающая огнем земля, кровь сотен тысяч, зияющая неподготовленность страны к сражениям (вопреки громким уверениям пропаганды!) решительно изменяют общий тонус экрана. И если в первом полнометражном фильме о военных событиях – «Секретаре райкома» Ивана Пырьева (1942), как и в «Боевых киносборниках», – еще идет условная война, деяния русских партизан еще похожи на приключенческую ленту, а сами они – на ковбоев, то далее советский экран предлагает зрителю совершенно иное изображение военной действительности: натуралистическое, резко контрастное, беспощадно жестокое. Как всегда у русских – крайности. Военные фильмы становятся истинно черно-белыми, прямолинейными, зачастую мрачными. Но есть в них волнующая подлинность чувств, искренность, неподдельность. Война дает искусству большую свободу и, тем самым, движет искусство вперед – таков трагический парадокс времени. Прямо отвечая на запрос дня, военный фильм несет в себе, глубоко внутри, заряд неких новых возможностей, не ограниченных сиюминутностью, – заряд будущего кинематографа «оттепели».

Здесь несомненна лидирующая роль хроники и документального фильма – их эстетическое воздействие на кино в целом. Насколько сильны были шоры сталинистской лакировки, свидетельствуют даже первые фронтовые репортажи. Знаменитый документалист Владислав Микоша, человек огромной личной храбрости и выдержки, который провел всю войну на огневых точках, вспоминал:

> Казалось, мир гибнет. Он не может, никак не может существовать после тех кошмаров, которые обрушились на него. Так наступило ощущение пустоты. Это было в первые часы. Потом появилась ярость, появилась сила и ненависть. Но это потом. А сейчас было неверие в реальность происходящего. Впрочем, я и потом очень долго не снимал всего этого. Не снимал дикой и бессмысленной гибели человека, удивительной силы всего живого, даже искалеченного, даже полумертвого, не снимал страданий людей, которыми был куплен будущий мир. Почему? Мы были твердо убеждены, что надо снимать героизм, а героизм, по общепринятым нормам, не имел ничего общего со страданием… Только много

времени спустя я понял, что героизм – это преодоление страха, страдания, боли, бессилия, преодоление обстоятельств, преодоление самого себя[32].

Нужно прибавить к этому, что свирепая цензура поначалу не допускала горькой правды поражений, остерегала народ от зрелища горя и смерти – далеко не всем выдавались разрешительные удостоверения для выпуска хроникальных материалов и художественных сюжетов на экран: в кинематографии, так же как и в журналистике, и в профессиональных дискуссиях, надо всем господствовал страх перед жупелом «натурализм».

Во время одной из дискуссий 1942 г. Александр Довженко говорил, что точка зрения художника «с кровавых полей войны» подсказывает необходимость «раздвигать границы дозволенного в искусстве». «То, что в угоду вкусу, в угоду эстетическим требованиям века считалось запретным, как слишком страшное, слишком гнусное, слишком жестокое физиологическое, – продолжает мастер, – то просится сегодня на экран… Сегодня требуют экрана виселицы, переполненные несчастными, пылающие здания, люди, закопанные живыми в землю. Содрогается земля от стонов бесчисленных немецких жертв. Не забудьте нас! Не гнушайтесь ужаса нашей смерти!..»[33].

Это не красноречие. Военные записные книжки Довженко – фронтового корреспондента – полны душераздирающих фактов, кровоточащих свидетельств, горчайших наблюдений. Многие из них вошли в сценарий «Украина в огне», который не стал фильмом, был запрещен сверху во время съемок: правда отступления, тягчайшие бедствия и страдания мирного населения, не защищенного армией и фактически отданного врагу, – это было непереносимо и недопустимо для военной цензуры.

Переломный момент наступил с выходом ленты «Разгром немецких войск под Москвой»[34] о первом контрударе Красной Армии в декабре 1941 – январе 1942-го. Как известно, Гитлер не сомневался в падении Москвы, но его победоносный марш был приостановлен на подступах к столице. И в собственно военном, и в психологическом отношении, то есть в сознании народа, это стало важнейшей вехой: и ужас боев, и вера в победу обретали реальные очертания, первая – трагическая – страница войны была перевернута. В фильме, сделанном режиссерами Леонидом Варламовым и Ильей Копалиным на основе съемок пятнадцати героических фронтовых операторов, впервые в истинных ее масштабах открылась миру бесчеловечность фашистского нашествия, оставлявшего за собой обугленные трупы, расстрелянных детей и стариков, сожженные города и села, оскверненные национальные святыни и памятники культуры. Скорее всего, премия «Оскар» за лучший документальный фильм 1942 г. была присуждена этой картине («Moscow Strikes Back» – «Москва наносит ответный удар» – в американском прокате) не за изысканное «вертовское» мастерство документалистики (здесь было не до него!), а за обжигающую, ослепляющую правду.

Сценарист Алексей Каплер и режиссер Фридрих Эрмлер признавались, что их фильм «Она защищает Родину» (1943) оформился под прямым воздействием «Разгрома немецких войск под Москвой». Хотя и своим прологом, и схемой героической женской судьбы сценарий еще прямо связан с эстетикой и мифологией 1930-х, он на глазах зрителей становится совсем иным по тону, по своей резкости и беспощадной жестокости.

«Не было на селе женщины счастливее Прасковьи Лукьяновой», – гласила первая надпись, и в быстром монтаже проносились по экрану иллюстрации богатой и веселой колхозной жизни (как бы цитаты из предвоенных колхозных картин): закрома зерна, дом молодой трактористки-ударницы – полная чаша, любящий красавец-муж, маленький сынишка…

Нашествие злобно вторгается в жизнь женщины. Муж, смертельно раненный на фронте, умирает. Процветающее село оккупировано, фашисты гонят толпу крестьян, и какой-то гитлеровец, плюгавый, невзрачный, выхватывает ребенка из рук Прасковьи и бросает его, схватив за ножку, под гусеницы танка.

В дальнейшем ходе фильма у этого страшного кадра появится парный кадр-ответ. Точнее – целый эпизод мщения и возмездия.

Прасковья – уже не та круглолицая хохотушка, что в колхозе в начале сюжета, а суровый вожак партизанского отряда «товарищ П». «Свои поседевшие волосы она спрятала под плотный черный платок, похожий на каску, черная мрачная одежда служит ей доспехами. Эта советская Жанна д'Арк без передышки зовет в бой, уничтожать врага топором, ружьем, танком. Она не боится убивать»[35], – так описывает героиню фильма французский кинокритик. С запавшими, горящими исступленной ненавистью глазами, истая Пифия мести, она встречает на дорогах войны убийцу своего ребенка, как одержимая, кидается к рулю брошенного фашистом танка и пускается в погоню за жалким ничтожеством в гитлеровской форме – а оно с поднятыми руками и вихляющимися ногами убегает, петляя, от русской бабы, пока гусеницы танка, как те, под коими погиб ее мальчик, ни вдавливают фашиста в землю – метафора раздавленного мерзкого насекомого.

Здесь изуверство расправы было оправдано силой гнева и страдания, переданной актрисой Верой Марецкой с огромной искренностью. И немудрено: в Алма-Ату, где снималась картина, пришла «похоронка» на имя ее мужа, то есть извещение о его смерти в бою, и вторая «похоронка» – на имя Лидии Смирновой, игравшей в фильме юную партизанку Феню, у которой по сюжету убили жениха – жизнь и экран совпадали.

В 1943-м это были и общенародная боль, и общенародное чувство – страстная глубинная жажда возмездия. Сцена расправы с гитлеровцем становилась знаком некоего катарсиса. К партизанскому циклу следует отнести фильм Лео Арнштама «Зоя» (1944), посвященный культовой героине Зое Космодемьянской. Трагедия в подмосковном селе Петрищеве, где гитлеровские каратели повесили семнадцатилетнюю русскую девушку-партизанку, на экране воспроизведена чисто с профессиональной точки зрения, но банально и элементарно. Лента похожа на заказной фильм. Сюжет строился как предсмертное видение девушки, перед которой в ее забытьи проносится прежняя жизнь. Но видения более походили на официозные даты советского календаря. Пытки и казнь Зои, вроде бы соответствующие фотографиям из немецкого источника (когда ее, босую и раздетую, мучители гоняют по снегу, а потом поднимают на помост, где закреплена виселица), пугают, но не волнуют. Злой на язык Эйзенштейн, как повествует кинематографическая молва, говорил: «манная каша с кровью». И исполнительница роли Галина Водяницкая, внешне очень похожая на портреты Зои, но сухая и прямолинейная, не стала любимицей зрителей, как не полюбился и сам фильм, хотя получил высшее официальное признание и был удостоен Сталинской премии 1 степени. Зрительское сочувствие и слезы были направлены по другому адресу. Здесь проходит водораздел между киноискусством «естественым», аутентичным и – навязанным сверху, полуофициальным.

Школа народного страдания. Поединок мучителя и жертвы

Садист-убийца ребенка Прасковьи Лукьяновой безлик, он – рядовой гитлеровец, и все. Эта нарочитая безликость в изображении врага постепенно сменяется созданием его индивидуального портрета. Можно усмотреть здесь продолжение аналитического интереса русских мастеров к немцам, какими они стали при фашизме и – далее – в качестве оккупантов, нынешних хозяев завоеванных российских, украинских, белорусских областей. Любопытный и еще не разгаданный штрих: выдающиеся режиссеры, в первую очередь, охотно берут на себя роли комендантов, гаулейтеров, офицеров и генералов вермахта. Борис Барнет, талантливейший кинематографист, истинный «русак» (с шотландскими генами по деду), пробовался на эпизодическую роль немецкого солдата в пудовкинском фильме «Школа подлости» (но почему-то не был избран), далее сыграл большую роль немецкого коменданта в поставленном им самим фильме «Однажды ночью» и далее – уже по окончании войны – генерала Кюна в «Подвиге разведчика», объединив в этом портрете черты Паулюса, Кейтеля и Гудериана, как они ему виделись. Нескольких генералов сыграл Пудовкин, отчеканив образ человека в мундире, человека-машины.

Формируется на этой стадии новый имидж врага. Профессиональный военный с великолепной выправкой, прямой, надменный, застегнутый на все пуговицы, с красивым, но неприятным лицом. «Нордический характер» в российском представлении. Жестокий несгибаемый службист.

И перед этим новым господином, уверенным в своем праве полновластного хозяина дикой страны, – беззащитное население, женщины, старики-инвалиды, дети. Мужчины на фронте или в партизанских лесах, под властью немцев остались немощные и беспомощные, кто не мог уйти. Разрабатывается иной, нежели в фильме «Она защищает Родину», поединок фашиста и женщины – уже не мстительницы, а пленницы. Силы предельно неравные. Возникает тема героического противостояния насилию – «героизма слабого»: так Пудовкин характеризовал картину Барнета «Однажды ночью».

Та же дуэль мучителя и жертвы в центре знаменитого фильма Марка Донского «Радуга». Название же его следующей картины – «Непокоренные» – четко определяет пафос этого экранного цикла. Выйдя в прокат уже в последний год войны, фильмы о советских людях в оккупации горько повествовали о всенародном страдании и всенародном унижении, стимулируя страстное ожидание конца мучений.

В сюжетах и конфликтах фильмов, где показана оккупация, можно всякий раз найти следующую схему: оккупанты вводят свой порядок, внедряя его в сознание населения посредством грозных приказов на русском языке. По сути дела, каждый населенный пункт равен концлагерю, жители – заключенным, недаром у них на груди болтаются бирки с номерами.

Первый кадр «Радуги» уже символичен: огромный часовой на первом плане и виселица с повешенными вдали. Символичен и пейзаж: мирное украинское село сковано льдом, засыпано снегом, пустынно, мертво, лишь порой вышагивает по улице немецкий патруль. Злая зима в «Радуге» – метафора смертельной неволи. В фильме «Однажды ночью», действие которого происходит летом в небольшом городе, мрак неволи символизирует тьма, постоянная ночь.

Из фильма «Во имя Родины» Всеволода Пудовкина, Алма-Ата, 1944. Режиссер в роли гитлеровского генерала.

Во главе канцелярии – комендант со своими военными приспешниками, а контакт с населением осуществляют предатели: старосты, полицаи, холуи – презренные ничтожества, которых в финале ждет народная расправа и позорная смерть. Хозяева изб, где на постое вражеская армия, – ныне прислуга, бессловесные рабы.

Оккупационный режим отличается крайней бесчеловечностью, его запреты посягают на элементарные нормы существования. В городе из фильма «Однажды ночью» смерть грозит любому, кто прячет раненых бойцов или партизан. В «Радуге» виселица ожидает крестьянку, если в канцелярии узнают, что по утрам она тайком ходит за околицу на свидание со своим повешенным сыном. Ледяная зима спасла тело юноши от тления, а скульптор-мороз сделал мраморными прекрасные черты лица.

На колючей проволоке загона повис восьмилетний мальчонка, настигнутый пулей лишь за то, что хотел передать кусок хлеба несчастной арестованной. Женщина на сносях, пришла в село из леса рожать, схвачена немцами и подвергнута чудовищным пыткам: конвойный гоняет ее раздетую по снегу, комендант грозит смертью и стреляет в ее новорожденного младенца: но она не выдает местонахождение партизанского отряда.

Значит, гитлеровский порядок рвет кровные связи, злодейски глумится над рождением ребенка, материнской любовью, священными для любой нации или социума. В фильмах, снятых в 1943–45 гг., уже не угощают гитлеровцев отравленными кушаньями, как в раннем «Пире в Жирмунке», – обыденная правда оккупации оказалась страшнее вымышленных в первые месяцы войны мелодраматических перипетий. Жизнь под гнетом становится на экране тайным сопротивлением, молчаливым и упорным.

У беспомощных, забитых, подавленных существует немой язык всеобщей солидарности в горе и вере. При режиме человеконенавистничества в низах торжествуют взаимопомощь и самоотверженность.

Уборщица немецкой канцелярии, расположившейся в захваченной школе-десятилетке, юная Варя, сама вчерашняя школьница, прячет и выхаживает на чердаке трех раненых бойцов – «преступление против Германии».

Все действие фильма – молчаливый подвиг девушки. Действие внешнее – это Варина конспирация, ее тайные посещения чердака, которые она скрывает от соглядатаев, прятанье, быстрые и неслышные пробеги по лестнице с едой для раненых, дежурства милосердной сестры у ложа умирающего красноармейца. Действие внутреннее – мучительное преодоление страха, собственного бессилия.

Мучитель девушки комендант Бальц собственноручно расстреливает непокорного старика с маленькой внучкой на руках. Два выстрела звучат только за кадром: показать смерть ребенка у доброго по характеру Барнета все-таки не хватило сил. Но так же беспощадно комендант направит свой револьвер на Варю, и струйка крови польется по ее нежной щеке. Комендант жесток и в своей жестокости почти мертв. Кожаный плащ служит для него защитой от любых человеческих эмоций, на высохшем худощавом лице – невидящие мутные глаза. Это не характер, а графический контур – видимо, таков был замысел. Но существовали и иные возможности изображения на экране немцев в России. Совсем иное решение образа предложено в «Радуге», где Курта Вернера, военного коменданта украинского села, играл немец по национальности – Ганс Клеринг (1906–1988).

Признания Ганса Клеринга

Судьба этого человека столь прочно связана с нашей темой и столь крепко вплетена в историю советского кино, что на персоналии Ганса Клеринга следует остановиться подробнее.

В 1931 г. двадцатипятилетний берлинский актер из самодеятельных рабочих театров впервые попал в СССР вместе с агитпропгруппой «Колонна Линкс», которая разъезжала по провинции. Далее работал в Москве в Молодежном театре, выступал на немецком языке под руководством Эрвина Пискатора и Густава Вангенхайма[36]. Именно там Клеринга заметил Барнет и пригласил в свой фильм «Окраина» на роль солдатика Мюллера-третьего, плененного во время Первой мировой войны. Высоко оцененная критикой, даже самим Белой Балашем – патриархом европейского киноведения, – работа молодого артиста стала началом его долгой и вполне счастливой карьеры в кино[37]. Оставшись в СССР на положении политэмигранта, но избежав горькой участи своих соотечественников, которых советский режим «отблагодарил» за их любовь к родине социализма сибирскими лагерями, Клеринг постоянно снимался в фильмах, играя преимущественно «лиц немецкой национальности»: «Щорс» Довженко, «Всадники» Игоря Савченко, «Восстание рыбаков» Пискатора (правда, там он лишь участник «групповки»).

С началом войны Клерингу, эвакуированному вместе с коллективами центральных киностудий в Среднюю Азию, пришлось специализироваться в амплуа гитлеровского оккупанта – понятно, что «носитель языка» был нарасхват. Сам Клеринг пишет об этом в своих воспоминаниях не без усмешки и рассказывает, как Донской в конце 1941 г. «перехватил» его сначала для эпизода в фильме «Как закалялась сталь», а потом – для роли в «Радуге».

Немецкий комендант Курт Вернер с его выпученными глазами и искусственной улыбкой, с его старательным русским, на котором он старается, скорее, не запугивать, а увещевать, воспитывать аборигенов вверенного ему села, – человек по при-

роде не злой, а, скорее, туповатый, крайне примитивный. Но это и есть лучшие качества для службиста, да еще на такой службе.

Он уютно и даже комфортно чувствует себя в «этой варварской стране». У него теплая изба, денщики, ординарцы, обильный паек и любовница из местных, некая Пуся. Таких в войну называли «немецкими овчарками» и презирали. Нина Алисова, любимица публики, в предвоенные годы юная Лариса в классической киноверсии драмы Островского «Бесприданница», сыграла эту капризную и сексуальную дурочку с филигранным психологическим мастерством и чуть ощутимой иронией. Подчеркнут «эротический момент» этой связи, в кадре часто появляется расстеленная кровать. Здесь нет грубого расчета. Пуся искренне уверена, что «они пришли навсегда», а «Курт – хороший человек», любит ее и увезет с собою в Дрезден. Леденящий взгляд «соглядатая» – хозяйки избы Федосьи, – которая вынуждена прислуживать «фрицевой подстилке», еще заостряет ситуацию. Более того – у «продавшейся» Пуси в замерзшем селе есть родная сестра, истинная патриотка. Многозначительна сцена, когда у колодца встречаются они обе: Пуся, вся в завитках и немецких подаренных нарядах, и партизанка-связная Ольга, молодая красавица с чисто славянским светлым лицом. В процессе работы Донского с Клерингом возникало некое квипрокво. Актер чувствовал, что в самом его «статусе» на съемочной площадке фильма об оккупации есть двойственность. Донской, человек искренний и простодушный, как вспоминал Клеринг, «с одной стороны видел во мне немецкого коммуниста и друга, но и во мне же – немецкого агрессора и врага своего отечества. В интересах фильма это противоречие надо было устранить. И это сделал он (Донской – *Н.З.*)»[38].

Возможно, Донскому легче было «устранить это противоречие» еще и потому, что его любимая жена Ирина тоже была немецкого происхождения… Так или иначе, но в архиве Клеринга хранится такая, например, забавная открытка: «Дорогой дядя Ганс, хорошо, что ты не Фриц. Мы любим тебя. Ира. Марк». Дружба Клеринга с четой Донских продолжится и после войны, когда тот вернется на родину, станет одним из основателей киностудии ДЕФА[39].

О психологических трудностях в работе над ролью Клеринг тоже пишет:

> В одной сцене я должен был ударить мою партнершу перчатками по лицу. И это у меня никак не получалось, потому что где-то в подсознании протест был так велик, что в нужный момент рука останавливалась как парализованная. Донской понял мое сложное душевное состояние[40].

Режиссер все-таки сумел довести артиста до «искомой» пощечины. Возникает вопрос, почему же, совершая по ходу роли несравненно более злодейские акции своего персонажа, пытая беременную, угрожая всем и каждому виселицей, он боится оскорбить собственную наложницу?

Думается, причина в том, что Клеринг интуитивно чувствовал, что у его персонажа существует некое разграничение понятий и систем поведения. В комендатуре, с восточными рабами, один разговор; там он комендант, исполнитель воли рейха. В своем доме, пусть временном, и с женщиной, пусть славянкой (но ведь он ее «до себя возвышает»!), – разговор другой, здесь действуют нормы буржуазного воспитания, здесь он джентльмен. «Радуга» – единственный фильм военного времени, где немецкий чин показан и в его, так сказать, частной жизни.

Самое же любопытное: вопреки утверждению, что Донской все-таки сумел заставить Вернера дать по физиономии глупой Пусе, в фильме «Радуга» такого кадра нет! Взамен него другая мизансцена: уговаривая свою подругу пойти к сестре и выведать у нее местонахождение партизан, когда Пуся отказывается, говоря, что сестра ее не примет, Вернер резко оттягивает ей веко вниз, как бы вглядываясь вглубь ее души, проверяя на надежность и угрожая – Вернер-комендант в эту минуту сменяет Вернера-любовника. Тоже страшновато, но все же не удар перчаткой по лицу!

Понятно, что парочку постигнет кара. Село занято красными войсками, крестьяне с вилами бегут править самосуд, а комендант, потеряв свою надутую важность, трусливо спасается, петляя, бежит по снегу и находит позорную смерть на германском кладбище возле железных солдатских крестов (этот мотив будет повторяться в ряде последующих фильмов как некое клише). Пусю же в ее постели – на ложе измены – застрелит из автомата законный муж – советский воин-освободитель, явившийся с армией именно в это село.

Еще далеко впереди экранные трагедии и драмы тех возлюбленных из враждующих лагерей, которых связали не корысть, порок или безвыходность, а естественные чувства, пришедшие в конфликт с античеловечными законами войны. Но при всей своей специфичности сюжет Курта Вернера и Пуси позволял судить о немце-оккупанте не как о звере или автомате, но как о человеке, пусть очень дурном, пусть уроде, но все-таки человеке.

Новый акцент появляется в финале «Радуги» и в теме расплаты за страдания. Крестьян, которые бросаются на «холуев» коменданта, останавливает страстной речью Федосья, мать повешенного юноши, – эту роль прекрасно сыграла ученица Мейерхольда Елена Тяпкина. Федосья убеждает сельчан, что быстрая смерть была бы для врагов слишком легкой, что надо подождать, пока их собственные матери, жены, дети от них откажутся. И в этом, как во всем остальном, фильм «Радуга» глубоко человечен, это лучший художественный фильм, созданный в годы войны.

В отличие от картины «Однажды ночью», в силу обстоятельств своего выхода в свет (лишь 1 мая 1945, кода в стране было уже совсем иное настроение) не получившей широкого резонанса, «Радуга» с ее российской премьерой 24 января 1944 г. попала за рубеж и заслужила выдающееся международное признание.

«Наше зрение не может перенести эту ослепляющую, как снежное поле, правду», – признавался рецензент газеты «Ле Монд»[41]. Французы сравнивали кадры «Радуги» с трагедией селения Орадур-сюр-Глан, которое гилеровцы сожгли вместе с жителями, с камерой пыток в Савойе, с виселицами на авеню Виктуар в Ницце.

Молодой кинематографист Джузеппе Де Сантис, в ближайшем будущем один из лидеров итальянского неореализма, писал:

> Всем, кто будет читать эти строки, мне хочется крикнуть: «Спешите смотреть “Радугу”»! Это лучший из фильмов, появившихся на наших экранах с тех пор, как Италия, освободившись от фашистской диктатуры, стала получать заграничную кинопродукцию. Это подлинно поэтическое произведение, шедевр, какой редко встречается…[42].

Обнаженный трагизм жизненного материала формирует в годы войны стилистику мирового кинематографа. В это же самое время Роберто Росселини, коллега Де Сантиса, снимает фильм «Рим – открытый город», тоже об антифашистском сопротивлении. Он считает Марка Донского своим учителем, так же смело раздвигает

границы ранее дозволенного в искусстве. Парафразами и едва ли не цитатами из «Радуги» полна его эпохальная картина.

«Радуга» ошеломляла и потрясала всех. Американский посол в Москве попросил у советского правительства разрешения отправить копию фильма президенту США. Через некоторое время на имя Марка Донского пришла телеграмма:

> В воскресенье в Белом доме смотрели присланный из России фильм «Радуга». Я пригласил профессора Чарльза Болена переводить нам, но мы поняли картину и без перевода. Она будет показана американскому народу в подобающем ей величии, в сопровождении комментариев Рейнольдса и Томаса. Франклин Рузвельт[43].

1943–1945. На полях сражений. Эпизоды боев: взгляд из далекого тыла

Для художественного (игрового) кино труднодоступными оставались именно поля сражений – едва ли не terra incognita для кинематографа, работавшего в глубоком тылу, в отрыве от фронта. Трудности были разного рода – и материальные, и собственно творческие. Громоздкое само по себе, а тем более в тяжелейших и нищенских условиях эвакуации, игровое кино не поспевало за стремительным бегом реальных военных событий. Так судьбоносный рубеж войны – 1943 год, Сталинград – фактически не изменил уровень картин, которые в рубриках официальных планов Госкинокомитета назывались «фильмами о воинской доблести, мужестве и героизме». Это по-прежнему сюжеты о частных случаях фронтовой жизни, об отдельных операциях где-то на обочинах главных направлений, иногда более серьезные и добротно выполненные, как, например, «Подводная лодка Т-9» Александра Иванова, в других случаях слабые и проходные, как, скажем, «Я – черноморец» Александра Мачерета, иногда очень обаятельные и теплые, как «Два бойца» Леонида Лукова с их знаменитым культовым шлягером «Темная ночь».

Но всегда вставала на экране война павильонная, война в декорациях. Даже наиболее фундаментальный и «спущенный сверху» план экранизации директивной пропагандистской пьесы Александра Корнейчука «Фронт», которую в обязательном порядке ставили все театры страны, порученный знаменитым постановщикам «Чапаева» братьям Васильевым, потерпел неудачу. Речь там шла о смене кадров в армейском руководстве, о крахе старого советского командования ворошиловского толка. В результате в скучном, вялом, громоздком фильме «Фронт» от прежних Васильевых осталась только их кинематографическая культура – ее все же было не отнять…

Показательно, что во всех фильмах о фронтовых действиях противник появляется или на дальних общих планах, чисто «назывных», или вовсе отсутствует. Время баталий, гигантских сражений, штабов и ставки еще впереди – оно начнется фильмом Фридриха Эрмлера «Великий перелом», вышедшим в свет в 1945-м, когда исход войны был предрешен. Далеко впереди и встреча один на один двух воинов из враждующих станов. Пока же кино – речь опять-таки идет о fiction – словно боится прямого показа военных действий. Это происходит не только в советском кино – во

всем мире. Требуется дистанция для осмысления, для выработки новых художественных средств. Пока же на фронтовом театре закономерно владычествует хроника.

Фронтовая кинокамера. «На Берлин!»

Вместе с солдатами прошли смертельными путями войны 250 кинохроникеров. 250! Более трех миллионов метров пленки было отснято этими людьми, чьим единственным оружием действительно была лишь кинокамера. Каждый пятый из них погиб. Вот немногие фрагменты мартиролога:

…Мария Сухова в партизанском лесу была ранена осколком немецкой мины. Перед смертью она успела сказать, где зарыт снятый ею материал. Маша Сухова – совсем молодое, веселое русское лицо, гладко зачесанные светлые волосы под пилоткой.

…Владимир Сущинский снимал на Волхове, под Ленинградом, в Крыму, в Карпатах, в Польше. Погиб в боях за Бреслау. После смерти из его аппарата вынули пленку: съемки боя заканчивались взрывом – человек снял собственную смерть. Коробка с пленкой была прислана в Москву другом Сущинского, оператором Николаем Быковым. Тот просил извинения: «На поле боя снять его я не мог – был ранен этим же снарядом». Через несколько дней погиб и Быков.

На всех киностудиях страны, в Домах кинематографистов установлены мемориальные доски, на которых золотыми буквами вписаны имена павших в боях фронтовых операторов.

Монтажные фильмы – «Сталинград» Леонида Варламова (1943, основан на материале героических съемок сталинградских операторов), «В смоленском лесу» (1943) Г. Боброва, «Орловская битва» (1944) оператора А. Софьина и множество других документальных лент, больших и малых, – сохранили для будущего хронику боев.

К документалистике во время войны обращаются и ведущие режиссеры игрового кино: Александр Довженко, Сергей Юткевич, Юлий Райзман. «Битва за нашу Советскую Украину», «Освобожденная Франция» – эти полнометражные документальные картины впечатляют не только материалом, всегда безотказно воздействующим на зрителя, но и мастерством монтажа, режиссерским темпераментом, четкостью художественного замысла. Каждый из этих больших, по сути, художественно-документальных фильмов, продолжающих традиции Дзиги Вертова, запечатлевал какой-либо один исторический этап войны вплоть до «Берлина» Райзмана – хроники окончательного крушения гитлеровского рейха.

Постановщик и его команда продвигались к германской столице вместе с 5-й ударной армией 1-го Белорусского фронта. Кинематографисты каждый вечер объезжали передний край. 30 апреля 1945 г. оператору Ивану Панову, прорвавшемуся с камерой в руках к Рейхстагу вместе со связным-автоматчиком, удалось из окна четырехэтажного дома на левом берегу Шпрее запечатлеть минуты агонии бывшего парламента: изрешеченные пулями стены, дым из проемов, обломки колонн. Через несколько минут начался последний штурм. Вместе с войнами, держа аппарат наготове, в здание под градом фашистского свинца ворвался кинооператор Иван Панов, а через несколько мгновений над куполом Рейхстага взвилось красное знамя.

Михаил Посельский с камерой в руках участвовал в опознании трупов фашистских главарей. Штурм Берлина начался в темноте, однако, операторам при вспышках выстрелов удалось снять крупные планы солдат, портреты отдельных участников наступления[44].

Фильму «Берлин» можно было бы дать подзаголовок «Сюита Победы», что соответствовало бы эмоциональному контрапункту, который лежит в основе монтажа, музыки этой удивительной картины.

Она была горестным откровением для немцев. «Как же могло случиться, что трупы немецких солдат тысячами лежали на полях сражений? Как же могло случиться, что наши земляки, испытанные в боях, с поднятыми руками сдавались без борьбы в плен торжествующим советским солдатам? Как же могло случиться, что всегда “бравую” немецкую армию, подобно жалкому “стаду баранов”, вели в советский плен. Ведь нам уже показывали точно такие же картины, только с совсем другим сценарием», – говорится в очерке «Берлин» цитированной выше книги «Война против Советского Союза»[45].

В фильме нет необходимости повторять в дикторском тексте или в надписях библейское «Поднявший меч от меча и погибнет»: это и так читается в кадрах. В таких, скажем, как виды Унтер ден Линден, прекрасного, старинного бульвара Берлина, на котором не осталось ни лип, ни мостовой – она превратилась в месиво, где по обеим сторонам факелами пылают шестиэтажные дома, факелами, очень похожими на те, которыми приветствовали фюрера на парадах, но только увеличенными в сотни раз… Очередь жителей Берлина к советскому кашевару-раздатчику, очередь бледных людей, вышедших из подвалов и бомбоубежищ, с котелками и кастрюльками… На мощной, ободранной осколками колонне Рейхстага надпись: «Мы защищали Одессу, Сталинград, пришли в Берлин…».

Солнечное, под ветром поле аэродрома Темпельхоф. Встреча представителей Верховного командования союзных войск 8 мая 1945 г. Один за другим приземляются самолеты. Из них выходят: главный маршал авиации Великобритании Артур В. Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США генерал Карл А. Спаатс, главнокомандующий французской армией генерал Жан М. де Латр де Тассиньи и маршал Советского Союза Георгий Жуков! Кортеж автомашин по разрушенному, поверженному Берлину движется в предместье Карлсхорст.

Это, так сказать, «официоз», но он запечатлел минуты всемирно-исторического значения! В кратких кадрах кинохроникерам удалось передать и общий план события, и атмосферу, и тончайшие, метко схваченные индивидуальные, психологические детали состояния участников, за которыми – мир их чувств.

Торжественно, с оттенком скорби лицо маршала Жукова, открывшего церемонию подписания акта о безоговорочной капитуляции Германии. Черные перчатки выглядывают из-под рукавов мундира генерал-фельдмаршала Кейтеля – лишь одну перчатку он снял для росчерка под текстом акта, но ни один мускул не дрогнул у его рта. Дышащий злостью и презрением ястребиный профиль генерал-полковника Штумпфа. Полные внутреннего достоинства лица союзников, планы-портреты военачальников словно бы в обрамлении государственных флагов СССР, США, Великобритании, Франции над длинным столом победителей.

Прекрасные, великие мгновения XX века!

В самые первые дни войны руководитель одной из фронтовых бригад и главный режиссер Театра Красной Армии Алексей Попов записал в своем дневнике: «Думаю,

что эта война будет иметь для русской литературы и искусства такое же значение, как 1812 год для всего XIX столетия»[46].

Он не ошибся. Прогноз был верен и для кино. Главные свершения, важнейшие вехи, лучшие творения всего послевоенного советского кино связаны с темой и материалом Второй мировой – Великой Отечественной войны, с которыми экран переходит и в третье тысячелетие. Память не меркнет. Киноленты 1941–1945 гг. дали старт, заложили базу данных, сохранили живой воздух тех грозовых лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *И.Г. Большаков.* Советское киноискусство в годы Великой Отечественной войны. – М., 1950; История советского кино 1917–1967. В 4 томах. Т. 3. – М., 1974; Советское кино в датах и фактах (1917–1969): справочник / В.Е. Вишневский, П.В. Фионов. – М., 1974; *Georges Sadoul:* Histoire générale du cinéma. В 3 томах. 3 изд. испр. и доп. – Paris, 1973; *Neya Zorkaya:* The Illustrated History of Soviet Cinema. – New York, 1989.

[2] Der Krieg gegen die Sowjetunion im Spiegel von 36 Filmen. Eine Dokumentation. Zusammenstellung, Redaktion und Übersetzung von Oksana Bulgakowa und Dietmar Hochmuth. – Berlin, 1991.

[3] *Ю. Ханютин.* Предупреждение из прошлого. – М., 1968.

[4] *Григорий Козинцев.* Переписка 1922–1973. / Сост. и примеч. В. Г. Козинцевой и Я.Л. Бутовского. – М., 1998. С. 37–38.

[5] Один исследователь высказывает любопытное предположение, что именно участие в фильмах о войне популярных актеров 1930-х гг. «должно было внушить аудитории мысль о неизбежности победы как неизбежности возвращения праздника». См.: *Марголит Е.Я.* Советское киноискусство. Основные этапы становления и развития. – М., 1988. С. 46–48.

[6] *Козинцев Г.М.* Собр. соч. в 5-и т. Л., 1982–1986. Т. 1. С. 235.

[7] Зажигалка – зажигательная бомба.

[8] Федор Оцеп (1895–1949) жил с 1929 г. в эмиграции; он работал в Германии, Франции, США и Канаде.

[9] *Татьяна Тэсс*. Человек открытого сердца // Пудовкин в воспоминаниях современников. – М., 1989. С. 266–267.

[10] Ibidem. С. 268.

[11] Ibidem. В свидетельстве Тэсс остается немало неясного. В Москве тогда жили Иоганнес Р. Бехер, Вилли Бредель, Фридрих Вольф и некоторые другие эмигранты-антифашисты, но как же тогда получилось, что Пудовкин при поисках «живого автора» остановился на пьесе Брехта? Приходится сразу отвергнуть заманчивое предположение, что речь у Тэсс и идет о самом Брехте: даты и обстоятельства не совпадают. Брехт действительно посетил Москву в 1941-м, когда по пути в США проезжал через всю Россию, но его пребывание в столице (это был третий его приезд в СССР) относится к концу мая; известие о вторжении застанет драматурга уже на тихоокеанском лайнере.

[12] Переписка Брехта с Союзом советских писателей сохранилась в архивах Иностранной комиссии ССП – РГАЛИ. Ф. 631. Оп.11. Ед. хр. 412. В письме от 13 мая 1939 г. к некоему «тов. Аплетину», деятелю из Иностранной комиссии ССП, Брехт сообщает о высылке текста и прибавляет, что был бы рад, если бы эту вещь перевели или поставили в СССР.

[13] *Бертольт Брехт.* Страх и отчаяние в III империи. Перевод с нем. В. Левик, А. Штейнберг и др. – М., 1941.

[14] РГАЛИ. Ф. 3108. Оп.1. Ед. хр.79.

[15] РГАЛИ. Ф. 2060. Оп. 1. Ед. хр.15; о фильме Пудовкина нет ни слова в автобиографической книге жившего тогда в Москве режиссера Бернгарда Райха: *Bernhard Reich:* Im Wettlauf mit der Zeit. – Berlin (Ost), 1970. (рус. издание «Вена – Берлин – Москва – Берлин». – М., 1972), глава «О встречах с Брехтом в Москве» (РГАЛИ. Ф. 2770, Оп.1. Ед. хр.7). Даже Лев Копелев в своем телевизионном сценарии «Нетерпеливый поэт третьего тысячелетия», касаясь картин, снятых по сюжетам Брехта и, разумеется, «Трехгрошевой оперы / Die Dreigroschenoper», «Куле Вампе / Kuhle

Wampe», и голливудского, 1943-го г., фильма «И палачи умирают / Hangmen Also Die!», перечисляя даже зафиксированные на кинопленку театральные постановки брехтовских пьес, – о работе Пудовкина не упоминает. Сценарий Копелева, к сожалению, остался нереализованным из-за политической конъюнктуры 1968 г., когда он был исключен из КПСС, уволен с работы и попал в «черный список» (РГАЛИ. Ф. 2549. Оп.3. Д. 45).

[16] РГАЛИ. Ф. 2060. Оп.1. Ед. хр.15.

[17] Зимняя помощь (Winterhilfswerk des Deutschen Volkes, WHV) – фонд в нацистской Германии, который организовывал сбор благотворительных пожертвований. Непосредственно подчинялся Министерству народного просвещения и пропаганды; хотя играл значительную политическую роль, оказывал реальную помощь нуждающимся.

[18] *Пудовкин В.И.* Собр. соч. Т. 3. С. 275–276.

[19] *Wolfgang Gersch:* Film bei Brecht: Bertolt Brechts praktische und theoretische Auseinandersetzung mit dem Film. – Berlin (Ost), 1975; под тем же названием эта книга вышла в Мюнхене в 1975 г.

[20] См. прим. 2.

[21] Подробнее об этом см.: *Н. Зоркая.* Вещие сны Алма-Аты. Русское кино в эвакуации // Искусство кино. 1999, № 7. С. 125–139.

[22] *Wolfgang Gersch,* ibidem. S. 15.

[23] Изъятое кино. 1924–1953. Каталог. – М., 1995. С. 84–85.

[24] *Марьямов А.* Всеволод Пудовкин. – М., 1951. С. 200.

[25] Изъятое кино. С. 84.

[26] Музей кино. Ф. 98. Оп.1. Ед. хр.45. (С 2005 г. фондовые хранилища и рабочие кабинеты Музея кино находятся на киностудии «Мосфильм». – *прим. нем. ред.*)

[27] Цит. по книге: Неосуществленные замыслы. Кукрыниксы в кино // Из истории кино. Документы и материалы. Т. 6. – М., 1965. С. 88.

[28] Ibidem.

[29] Ibidem..

[30] Цит. по: *Большаков И.Г.* Советское киноискусство (см. сн. 1). С. 104. В съемках фильма участвовал коллектив ленинградской мастерской ФЭКС (Фабрика эксцентрического актера). У чиновников от культуры само название ассоциировалось с так называемым «формализмом», который они объявили вне закона.

[31] Михаил Ромм (1901–1971) снял в 1966 г. документальный фильм «Обыкновенный фашизм», который получил мировую известность.

[32] *Микоша Владислав.* Рядом с солдатом. – М., 1983. С. 233.

[33] Цит. по книге: *Ханютин Ю.* Предупреждение из прошлого. – М., 1968. С. 74.

[34] Впоследствии, после войны, во всех исторических трудах о военном кино название фильма формулировали иначе: «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой».

[35] *Франсуаза Навайль (Françoise Navaille).* Женщина из мрамора // Культурологические записки. Выпуск 3. – М., 1997. С. 173.

[36] См.: Кино. Энциклопедический словарь. – М., 1986. С. 202.

[37] Судя по тому, что в обстоятельной книге Владимира Колязина имя Ганса Клеринга ни в связи с московской деятельностью Пискатора, ни в списках актеров труппы «Колонна линкс» даже не упоминается, можно сделать вывод, что на поприще сценического искусства ему преуспеть не удалось; в области кинематографа же его профессиональный вклад очень значителен. См.: *В. Колязин.* Таиров, Мейерхольд и Германия. Пискатор, Брехт и Россия. – М., 1998.

[38] Цит. по: *Zorkaya.* The Illustrated History of Soviet Cinema (см. сн. 1). P. 189.

[39] Клеринг получил в 1936 г. советское гражданство, которое только в 1950 г. поменял на гражданство ГДР. Он учился в Московском полиграфическом институте и после его окончания работал художником в Издательстве иностранных рабочих в СССР (в 1939 г. переименовано в Издательство литературы на иностранных языках). В 1941 г. имя Клеринга внесено в «Специальный розыскной список для СССР» (Sonderfahndungsliste) гестапо; в 1942 г. он призван в трудовую армию на Урале; год спустя проходил обучение в школе Коминтерна в Кушнаренково. По возвращении в Берлин в 1945 г. выполнял обязанности эксперта по кинематографии; в 1946–1950 гг. занимал должность художественного руководителя и председателя административного совета киностудии DEFA; за время работы в ГДР снялся примерно в 150 фильмах. – *Прим. нем. ред.*

[40] РГАЛИ. Ф. 3047. Оп.1. Д. 766.

[41] Цит. по: Коллекция материалов, посвященных фильму «Радуга» из архива Марка Донского, РГАЛИ (см. сн. 40). По мнению Ю. Ханютина (см. сн. 3), источник этой цитаты – номер французской газеты «Марсейез» («La Marseillaise») от 20 октября 1945 г.

[42] Цит. по книге: *Neya Zorkaja:* The Illustrated History… (см. прим. 1). P. 189.

[43] Ibidem. Упомянутые комментаторы были видными политическими деятелями: Верн Л. Рейнолдс возглавлял Социалистическую рабочую партию Америки (SLP), а Норман М. Томас (1884–1968) – Социалистическую партию Америки (SPA). Если Рейнолдс с 1944 г. уже не принимал активного участия в политике, то экс-губернатор Нью-Йорка Томас (он занимал эту должность в 1924–1928) до 1948 г. многократно баллотировался на президентских выборах США,

[44] Монтажные листы к материалам боев на 2-м Белорусском, 3-м Белорусском, 3-м Прибалтийском, 1-м Украинском фронтах 1944–1945 гг., собранные В.П. Михайловым. Последние монтажные листы датированы 8 мая 1945 г. – подписание Германией безоговорочной капитуляции. Архив НИИ киноискусства РФ.

[45] Der Krieg gegen die Sowjetunion (см. сн. 2). S. 45.

[46] *Алексей Попов.* Воспоминания и размышления о театре. Рукописные штрихи. – РГАЛИ. Ф. 2417. Оп. 1. Ед. хр. 804.

4. ВОЕННЫЙ БЫТ

Ирина Кознова

ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ ОБЫВАТЕЛЯ. Мировые войны: переломные этапы и временны́е рубежи в памяти российского крестьянства

Войну хорошо слышать, да тяжело видеть.
Русская пословица

Ах, что же это, что же за мученье,
Опять объявили войну!
Народная песня

Опыт XX века с его двумя мировыми войнами слишком неоднозначен, а способность его творить мифы – сродни самой памяти, великой искуснице «совмещать несовместимое».

Истоки памяти о той или иной войне лежат в самом военном времени. Память – явление многоуровневое. По своей сути любая память – это актуализированное прошлое, и значит – всегда настоящее[1]. Поэтому, прежде всего, вспоминается то, что созвучно сегодняшнему состоянию.

Войны всегда оставляли в памяти крестьян глубокие следы. Допустимо ли вести речь об особой крестьянской памяти вообще и о войне в крестьянской памяти, в частности? Крестьянская культура – «квинтэссенция коллективной памяти», по выражению П. Нора[2]. Антропологическая характеристика позволяет рассматривать крестьян как представителей «живого прошлого». Что касается России, то бóльшая часть ее населения – родом из крестьян, и крестьянский менталитет наложил существенный отпечаток на мировосприятие советского общества.

Изучение крестьянских обществ в разных регионах мира позволяет выделить ряд черт, общих для всех крестьян. Это семейное хозяйство, земледелие, деревенская традиционная культура, низшее положение в системе социальной иерархии[3]. Последний фактор в известной степени задает правила игры. Крестьяне прибегают к специфическим тактикам и стратегиям, направленным, прежде всего, на продолжение существования. Крестьянство выработало этику выживания – «моральную экономику», позволяющую защищаться как от природной стихии, так и от давления «сверху»[4]. «Крестьянствование» включает социальные приемы, позволяющие избегать прямого столкновения с властями, как взаимопомощь и солидарность, общинная поддержка и методы повседневного сопротивления, среди которых, например, – волокита, симуляция и воровство.

В крестьянском сознании память-действие (ритуал) и память-образ (воспоминания) сливаются между собой, и, в целом, первая характеристика преобладает. Специфическая «окрашенность» крестьянской культуры – ее устный характер – также

Участник войны, бывший колхозник из Вышневолоцкого района Тверской области.

Красная звезда как символ памяти: в этом доме живет бывший участник войны.

свидетельствует о преобладании репродуктивной памяти у крестьянства. Память в реконструктивной форме, в целом, крестьянству не свойственна, хотя отдельные регионы (в России это Север, Сибирь) или отдельные индивиды выходят за пределы устной памяти. В XX же веке крестьянство оказывается на пересечении устной и письменной традиций как противоположных культурных модальностей.

Феномен крестьянской памяти изучают представители направления современной историографии – «культурной истории войн», истории войны «снизу»; исследования, написанные в этом ключе, показывают, что думали и как вели себя современники и участники, каково восприятие войны в массовом сознании на протяжении многих десятилетий[5]. Один из авторов, строя свое исследование о войне на основе солдатских воспоминаний, высказал общую для рядовых участников мысль о том, что «войну нельзя постигнуть через вторые руки» («war cannot be comprehended second hand»)[6]. В то же время не всегда и не обязательно подобные свидетельства о войне можно считать исторически верными и правдивыми. Их ценность и значимость – в другом. Они выступают в качестве своеобразного противодействия тем мифам, которые существуют в головах людей; они не только повествуют о том, что люди делают на войне, но и о том, что война делает с людьми[7]. При этом, развенчивая одни мифы, свидетельства вполне способны создавать другие.

Строя свое исследование темы в антропологическом ключе, автор делает акцент на изучении типичных чувств и переживаний: память, будучи сама порождением чувств и переживаний, способна их же и воссоздавать. С этим связано особенное значение документов личного происхождения, появившихся в крестьянской среде в XX веке – биографий и автобиографий, жизнеописаний, писем, дневников, устных, письменных воспоминаний и семейных историй.

Однако следует иметь в виду, что именно Второй мировой войне посвящены высказывания ее участников: «Разве можно все рассказать словами? Нет таких слов»;

«Я не люблю вспоминать военные годы, не люблю рассказывать о войне, потому что нельзя передать на словах то, что довелось пережить нашему народу»[8].

По мнению некоторых исследователей, сложно сформировать обобщающую картину жизненных переживаний, поскольку они слишком разнообразны[9]. И все же мы беремся предположить, что можно выделить основные черты крестьянского мировоззрения. Исследуя проблему социальной памяти крестьянства, необходимо поставить вопрос о том, как крестьяне «конструируют» мир, какую они воспроизводят картину вселенной. У крестьян картина войны как одна из картин мира имеет собственное измерение. В войне крестьянин всегда выступает в двух лицах: как ратник и как кормилец ратников и всего общества. Крестьянам всегда есть, что помнить о войне. Другое дело, что они вспоминают или хотят забыть. Автор сознает, что затронутая тема весьма обширна. У разных поколений крестьян в разных регионах России может быть своя память о войне. В статье речь идет преимущественно о памяти крестьянства Центральной России.

Первая мировая война: становление памяти

Русская история всегда была насыщена войнами. Память о героизме и смелости полководцев и солдат, о врагах-«басурманах» передавалась из поколения в поколение[10]. Первая мировая война стала войной особенной.

До войны в разных частях России крестьяне имели неодинаковый опыт общения с немцами. Вероятно, для основной массы крестьян фигура немца была достаточно абстрактной. Как отмечалось в одном из исследований, образ немца в русской народной культуре рождался не в крестьянской избе, а в городе[11]. Крестьяне наблюдали немцев-колонистов и встречались с немцами-управляющими. В то же время рост отходничества – и прежде всего в российские столицы – способствовал тому, что крестьяне сталкивались с немцами и в повседневном общении, и в работе.

В представлении русских обывателей о немцах соседствовали и пренебрежение, и добродушная насмешка, и готовность к критике, и превосходство, замешанное на уважении, зависти и иронии. Все это складывалось в мозаичный образ «чужого». Однако при определенных обстоятельствах одни его черты могли гипертрофироваться, другие – забыться на время, уйти в подсознание, так что «чужой» становился врагом, как это произошло в Первую мировую. Предпосылки для германофобии среди россиян, включая крестьянство, существовали[12].

Многое из того, что составляло картину представлений русских о немцах, проявилось потом во время войны. Уже в 1914 г. патриотическая пропаганда стремилась представить немцев как врагов, которые из «внутренних» стали «внешними». Изображать войну как необходимую «народную жертву» пришлось и земским либеральным изданиям (хотя в них различимы оттенки мнений). Сыграл свою роль стереотип превосходства русского над иностранным.

Враг изображался в виде зверя, чудовища, нехристя, дикаря, варвара, чуждого духовной культуре, носителя бездумной, «машинно-истребительной» цивилизации. Ему противостоял образ «своего» – носителя глубинной, христианской духовности[13].

Обложка книги С. Мелентьева «Жизнь и борьба. Воспоминания крестьянина-революционера». Москва–Ленинград, 1929 г.

Война усилила антигерманские настроения, чему способствовала неблагоприятная ситуация на фронте осенью 1914 и весной-летом 1915 г. Все это нашло отражение в народном фольклоре, прежде всего, в частушке, весьма отзывчивой на текущие события.

В начале войны частушки были полны бравады и ожидания скорой победы:

Зададим мы немцу перца
Пропадет он ни за грош…

или

Уж мы немца разуважим,
По головке саблей смажем,
Охладим военный пыл,
Заберемся как в Берлин[14].

Тем не менее лейтмотивом частушек стали «проклятые» и «распроклятые» враги – немцы, Германия, император Вильгельм. Война оказалась долгой, тяжелой, безнадежной:

«У германца на войне
Все наши ребятушки,
Горьки слезы проливает
Вся Россия-матушка»[15].

Война пробудила к жизни народную фольклорную память: плачи, сказки, короткие рассказы, анекдоты. В сказках крестьянин-солдат был «заговорен» от вражеских пуль. Официальная пропаганда стремилась представить войну с Германией как «вторую Отечественную». Для этих целей был использован и лубок, возрожденный событиями войны. Еще памятен был грандиозный 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. Произведения народного творчества о войне с Наполеоном бытовали в годы Первой мировой войны. В то же время повсюду распространялись слухи (например, о конце света, об измене «немки-императрицы»[16]), появление которых – вещь вполне обычная для подобных событий. Войны, как и другие социальные катаклизмы, способствуют, по определению М. Блока, сгущению особой психологической атмосферы, которая и в XX веке возвращает людей к эпохе Средневековья, жившей всевозможными суевериями, легендами, слухами, видениями и пр.[17]. Что же говорить о России, основная часть населения которой пребывала в начале XX века в мире великой устной традиции.

Память о Первой мировой войне начала формироваться с самого ее начала: война стала рубежом народной жизни. Появилась первая временна́я граница «до войны», вторая – «после войны» – появится значительно позже.

Длительная, полная не испытанных ранее впечатлений война развила новую для крестьянства традицию эпистолярного жанра. В крестьянских письмах о войне можно выделить два пласта памяти. Коллективная память бесписьменного общества призвана сохранять сведения о порядке, об обычном, принятом. В памяти традиционного общества хранятся тексты (в семиотическом понимании этого слова). Таким посланием, ритуальным по своей сути, было обращение к членам своей семьи. В одном из писем военнослужащий просит благословения у своих родителей, демонстрируя сыновнее почтение, посылает низкий поклон супруге, благословляет детей и желает им успеха и здоровья. В этом письме с фронта из восьми страниц текста почти половина приходится именно на ритуальную часть, остальное – описание военных действий и окопной жизни[18]. Все это вносило человеческое в звериную атмосферу фронта, воскрешало память о доме, было способом выживания. Неслучайна и «крестьянская» оценка военных событий: «Только бы выгнать его (немца) с нашей земли, а то подходит время сеять хлеб»[19].

В то же время, в письменных обществах запоминанию, прежде всего, подлежат исключительные события, единичные или в первый раз случившиеся[20]. Таким исключительным событием для крестьян и стала Первая мировая (хотя еще не забылась японская война, несопоставимая, впрочем, по масштабам). Не случайно сами крестьяне в своих письмах подчеркивали ее особенность по сравнению с прежними войнами.

Российскому крестьянину, познавшему опыт царской службы, в том числе – других войн, вероятно, был чужд какой-либо военный романтизм, свойственный политической или интеллектуальной элите[21]. Существовал долг защиты страны. Крестьянство было далеко от идей прогресса, витавших в образованных кругах, зато оно на собственной «шкуре» познало его цену и дало ему свою оценку. Уже сам характер войны создавал представление о том, что прежний боевой опыт оказался ненужным. Крестьянам надолго запомнились «жгучие жерла тяжелых немецких пушек». Война формировала новый опыт: «Даже и кто был на войне в Турецкую войну и в Японскую, все они не знают, какая германская война. Тут жгут снизу и сверху огнем. Снизу бьют артиллерийским и пулеметным, а сверху с ероплана и цепелина».

В письмах и воспоминаниях о войне часто приводились описания боя. Солдаты были поражены впервые увиденным: «Видел убитых немцев на близком расстоянии»; «бой, наступаешь, снаряды летят: ужас нельзя описать, в это время каждый человек сам не свой, он не помнит, что делает»[22].

> Мы два месяца на позиции, – писал солдат в деревню. – Вода, холод, сложили сами печку. Вырыли канавы, вода и грязь по колено. Вот лежи в воде всю ночь и смотри Как ударит снаряд, осколки где снаряд разорвется яма сделается страшно смотреть вся земля матушка изрыта снарядами Как ударит вся земля трясется одново солдата попало снаряд разбил на все куски куда голова куда ноги-руки разбросало их в одно место завернули и вполатку зарыли Вот какая наша жизнь тяжелая После двух месяцев пошли на отдых Пока шли тоже ночью по колено в грязи боимся кричим все растерялись На што меня мать на свет родила, лучше бы… (неразб. – *И.К.*) чем так страдать… Мы еще в наступлении не были, да и Бог бы не было. Если сами солдаты не замирятся, то мира скоро не будет[23].

Символический образ врага по мере развертывания военных действий наполнялся конкретным содержанием. Письма с фронта (по ту и другую линию фронта) в начале войны преисполнены бодрости и патриотического подъема, подчас высокомерно-презрительным отношением к врагу: «проклятый германец. Мы ему покажем», «говорят, немец хитрый, но русского солдата перехитрить трудно». Военные действия показали реального врага:

«не думаем, что скоро мир, очень упорно дерется»,

«вот навязался какой враг вредный. Война долго пройдет. А все-таки неприятель против нас не устаивает, два раза получили от Государя спасибо»,

«противник наш – германец, свирепый немец»,

«очень хитрый попался враг, еще душит какими-то газами, очень хитрая эта война», «хитрый и злой коварный враг»[24].

«Хитрый» – основная характеристика немцев. Она заключалась в их уме, в применении техники, в то время как русские солдаты надеялись по привычке на свою физическую силу:

Мы с Японией буянили, с Германией идем,
Кулаки у нас большие, мы нигде не пропадем.

Хитрость заключалась и в том, что «германец припасу много заготовил», в том, что он побеждал, хотя у него «земля беднее», что его «Бог больше любит». Слышались также отдельные голоса, что война ничего не даст, «нам все одно: што немцев бить, что турок», что «немцы все равно нас поколотят», а главное, что «для солдата-мужика нет никакого смысла воевать из-за каких-то обиженных сербов»[25].

Чем дальше, тем решительнее таяла вера в возможность дальнейших побед над противником. Постоянно подчеркивалась мысль, что русская армия оказалась совершенно неготовой к войне, беспомощной, в результате длительных боев с противником несла большие потери.

Не вызывала иллюзий война у образованных, либерально настроенных крестьян в тылу. Вот что записывал в своем дневнике крестьянин Вологодской губ. А. Замараев: «сколько крови, сколько слез принес проклятый Гогенцолерн Вильгельм» (сентябрь 1914 г.); «война страшно тяжелая»; «немцы действительно такие враги,

что с таким упорным неприятелем никогда еще сталкиваться не приходилось. Бьются прямо насмерть» (ноябрь 1914 г.); «война, повидимому, продлится долго, так как союзники твердо решили довести дело до конца, не смотря ни на какие жертвы, и уничтожить совсем германское могущество, которое давило в последние годы всю Европу» (декабрь 1914 г.); «страшно упорная и кровопролитная война. Такой войны не бывало от сотворения мира. Вот, действительно, чортово поколение, эти немцы. Дай бог одолеть союзникам этого вероломного кайзера… Ах ты, окаянные немцы, они действительно страшно высокомерны и горды» (февраль 1915 г.); «получают письма от солдат, что проклятые немцы душат газом. Это уж адское изобретение, а кайзер – исчадие ада» (июнь 1915 г.); «может быть, долго или коротко, но нам удастся сломить или истощить немцев и их союзников. И эта ужасная и кровопролитная война придет к концу» (декабрь 1915 г.); «немцев, кажется, не победить. У нас много очень казнокрадов и худыя порядки во всем» (ноябрь 1916 г.); «храбрыя честныя офицеры гибнут сотнями, а подлецы, трусы, позор России, солдаты бегут тысячами» (август 1917 г.); «армии много распущают, и солдаты идут домой все голодныя» (октябрь 1917 г.).

Кроме того, крестьянин Замараев писал о небывалом вздорожании товаров, о неоднократной мобилизации ратников и лошадей. Его наблюдение над жизнью в тылу: «…люди стали хуже скотины» (сентябрь 1917 г.). Он оценивал войну как нарушение привычной жизни, обычного хода вещей и отмечал: «Этот год не будет помянут добром во всех отношениях. *Во-первых,* (курсив наш. – *И.К.*) летом здесь погода стояла из рук вон плохо. Хлеба и травы были худые и из-за этого осенью скотина страшно издешевела (далее шел перечень цен – *И.К.*). *Затем* (курсив наш. – *И.К.*) для всей России тревога… разразилась эта ужасная война, так что почти все мужское население было встревожено»[26].

Чем дольше длилась война, чем сильнее проявлялась усталость, тем чаще – и на фронте, и в тылу – неприятель воспринимался как измученный, уставший от войны человек. По крайней мере, на фронте усиливалось ощущение «общности судеб» простых солдат, отправленных на «мировую бойню» для непонятных им целей. Под влиянием личных впечатлений, приобретенных на войне, образ врага-зверя, воспитанный средствами пропаганды, постепенно трансформировался в образ врага-человека[27]. А то и вовсе не врага: «Ходили мы к немцам в гости, и они угощали наших вином, и они к нам приходят. Пока все спокойно идет». Так, один солдат просил сестер прислать ему фотокарточки и отвечал на их письмо: «Вы еще молите Бога, чтобы я сразил врага. У меня врагов нет, и Бог не велит убивать. Они такие же люди, как мы. Бог эту молитву не примет»[28]. Подобные свидетельства об отсутствии у солдат былой ненависти к врагам, о чувстве жалости и товарищества к тем, кто переносит аналогичные мучения, встречаются неоднократно[29].

Солдатские письма 1916–1917 гг. проникнуты усталостью и жаждой мира – «нет мочи, не вытерпеть»; все решительнее готовность идти на врага не внешнего, а внутреннего[30]. «А огромное число людей не знает, зачем он находится при такой страшной пытке портит свою кровь теряет свое здоровье оставляет жизнь где-то в поле. И тамже после них остаются бесприютные дети», – вот крестьянское восприятие войны[31]. Самый главный враг – уже сама Война. Один из солдат написал о себе, что стал в результате войны инвалидом. Слишком привычно, обыденно и… страшно. Ведь он назвал себя «инвалидом века»[32]. Пророческое заявление для века, который только начинался.

В работах западных исследователей в связи с осмыслением проблемы культурного влияния Первой мировой войны – «Великой Войны» – на последующую европейскую историю обсуждается вопрос, следует ли рассматривать эту войну как глубокую паузу, пропасть, которая с точки зрения индивидуального и коллективного опыта отсекала прошлое от настоящего[33]. Высказывается мнение, что война по сути своей вовсе не случайный, непродолжительный перерыв в нормальной жизни, которую люди называют «миром», но до сих пор оказывает влияние на атмосферу, в которой живут современные люди[34].

В исследованиях, посвященных России, отмечается негативное влияние войн на сознание и поведение народных масс; подчеркивается, что «война выдала индульгенцию революционному насилию»[35]. Современники обращали внимание на атмосферу вседозволенности: грабежи местных жителей, мародерство, насилия над женщинами: «Кровь проливаем! Чего там! Бери! Бей! Не мы, так немцы возьмут! На то и война, чтобы брать!» Как следствие – отсутствие жалости: «на войне душу беречь не велено», «окоптил души чортов Вильгельм», «обмокла кровью душа»; «…нет добра в моей душе для дома оставшихся. Когда читаю, что там жить худо – радуюсь… Пусть, думаю, пожрут друг друга, как гады, за то, что нас на муку послали».

Не случайно в одном из воспоминаний были приведены слова Вильгельма о том, что войну выиграет тот, у кого крепче нервы[36].

Эта атмосфера повлияла на события аграрной революции конца 1917 – начала 1918 г.: в памяти крестьян, например, сохранились многочисленные факты эскалации насилия в деревне (грабеж помещичьих имений, «крепких крестьян») после прихода солдат с фронта[37]. С другой стороны, реакция сообщества на конфликт определяется тем, как оно отвечало на конфликт в прошлом[38]. Крестьянство вело себя во время аграрной революции в традициях крестьянского сопротивления (так было и в 1905 г., и раньше), используя «оружие слабых»[39].

Первая мировая война: память как аргумент

Первая мировая война утвердилась в памяти ее участников и очевидцев, особенно в 20-е годы. Что запомнилось? Что из пережитого было готово выплеснуться на бумагу, причем с расчетом на публичность? Ведь доступные нам письменные источники – это опубликованные воспоминания, а также сохранившиеся в архивах письма в органы власти и газеты[40]: нас, прежде всего, интересовали социально-значимые моменты, связанные с войной. Один из крестьян написал в автобиографии об этом времени: «О трудностях писать не буду, вы сами должны знать, как приходилось переживать». Другой, адресуя свои соображения Всесоюзному крестьянскому митингу к десятилетию советской власти, главный смысл видел не в воспоминаниях: «Я лично вкусил обоих последних войн досыта, получил инвалида, также и большинство. *Об этом читать и писать интересно будет лет через 100* (курсив наш. – *И.К.*). Интересно подумать, как лучше устроить нашу жизнь»[41].

Опыт Первой мировой войны анализировали гораздо реже, чем события революции и Гражданской войны. Конечно, не стоит сбрасывать со счетов влияние официальной памяти, которая провозглашала новый временнóй рубеж – «Красный Октябрь». Первая мировая война при большевиках оказалась радикально переос-

мысленной и переоцененной, получила ярлык «империалистической» и «захватнической». Было приложено максимум усилий, чтобы вытеснить все позитивные патриотические оценки войны, образцы проявленного на фронтах героизма. Многие годы революционного нигилизма и отрицания старых ценностей способствовали стиранию из исторической памяти не только таких названий войны, как «Великая», «Отечественная» «Народная», но и воспоминаний о ней самой[42]. Также и в глазах крестьян война перестала быть исключительным событием, хотя продолжала восприниматься в качестве временно́го рубежа. Из военного опыта нередко черпали аргументы в поисках ответа на проблемы современности.

Во-первых, война стала водоразделом между разными периодами жизни: подорожание и исчезновение с рынка привычных уже для крестьян товаров нарушили привычный ритм существования. Все это сразу стало предметом памяти[43]. Не случайно в сообщениях с мест во второй половине 20-х гг. значилось: «… не стало сахару и белой муки, об этом мужички судят, что советская власть готовится к войне»[44]. Понятие «до войны» стало синонимом высокого жизненного уровня.

Во-вторых, война неоднозначно повлияла на крестьянские хозяйства – одни устояли, другие опустились. Оказалась ощутимой разница в положении отдельных регионов. Между тем иным хозяйствам удалось за время войны даже подняться до среднего уровня. И все же сохранилось воспоминание: война ухудшила положение крестьянских хозяйств. Ее влияние было еще ощутимо в 20-е годы. «Начиная с 1914 г. тяжелая лавина легла на плечи крестьян», – отмечалось в одном из писем[45]. Память об этом сохранялась вплоть до недавнего времени[46]. Запомнилось поэтому и начало войны, нарушившей крестьянскую жизнь в самый разгар полевых работ.

В-третьих, отношение крестьян к новой власти в 20-е гг. все еще было весьма противоречивым. Свои претензии к власти крестьяне предъявляли, опираясь на память о Первой мировой войне. С одной стороны, крестьяне помнили, в каком униженном положении находились при царском строе. На войне солдатам пришлось «своею кровью умываться и серой шинелью утираться». И это была кровь не только от военных ран. Многое солдаты были вынуждены терпеть издевательства офицеров, особенно младших, вообще, начальства. Память о царской службе нередко передавалось от одного поколения крестьян к другому[47].

Для новой власти было чрезвычайно важно формировать нужную ей память о старой армии, с одной стороны, и нужного ей солдата, с другой. О влиянии войн на солдат писал еще в сентябре 1918 г. председатель РВС Советской республики Л. Троцкий. Он считал необходимым призывать в новую армию двадцатилетних, еще не изведавших военной службы, не потрепанных испытаниями войны, не выбитых из равновесия резким переломом режима в старой армии, которые по молодости своей гибче и восприимчивее[48].

В то же время, крестьяне были недовольны властью, которая «обманула, обещала златые горы, а страна оказалась у разбитого корыта». Их возмущало то, что властью незаслуженно, по их мнению, забывались все перенесенные ими в войну лишения и мучения, что приобретенная на войне инвалидность не компенсировалась материально[49]. Письма крестьян, направленные в газеты, носили иногда характер обличительных памфлетов. В одном таком письме из черноземной губернии, датированном июлем 1928 г., под заглавием «Жизня кристьянина» была затронута важная политическая проблема 20-х годов – «измена в штабах». Основу этой критики составляли распространенные представления о «засевших в штабах немецких шпионах», при-

чем понятие «штаб» понималось в широком смысле и символизировало власть. У крестьянина, приславшего письмо, конечно, совершенно отсутствовали представления об особенностях той или иной военной операции. Он – часть серой солдатской массы, которую генералы по приказу верховной власти бросали на неприятеля. Поэтому для него и прославленный генерал Брусилов – всего лишь тот, кто «завел нас утрясину… стоял наблюдал что все погибли». События Первой мировой войны становятся поводом предостеречь новую власть: «Сматрите савецкие правители и вы начинаете работать как брусилов генерал»[50].

Доводы власти, объяснявшей причины экономических трудностей наследием царского строя и Гражданской войны, казались крестьянам неубедительными. Интересно, что в качестве примера эффективного хозяйствования ими приводился опыт Германии: «в других странах – у немцев – было и то, и другое (имеется в виду война, разруха и т. п. – *И.К.*), а они все наладили»; «наше сельское хозяйство самое отсталое из всех государств, сравнить, например, с Германией»[51].

Недовольство правительством выражалось в том, что крестьяне не желали защищать советскую власть в случае войны, что фиксировалось в официальных сводках[52]. Наконец, в атмосфере 20-х чувствовалась новая война. И это тоже был повод вспомнить прошедшую войну.

С одной стороны, опыт Первой мировой войны породил горячее нежелание воевать[53]. Наиболее ярко подобные мысли были выражены в одном из писем в «Крестьянскую газету», так и озаглавленном – «Думы крестьянина о войне». Его автор писал о том, что страшное слово «война» «пронзает сердце крестьянина и создает скорбь и уныние»; война – предтеча смерти, причем смерти всесокрушающей. Обыкновенная смерть, как ни тяжела она близким, естественна и привычна людям, и она не угрожает природе и сельскому миру. Между тем война рушит сложившийся мирный уклад.

В крестьянских культурах смерть воспринимается не как этап, а как состояние. Такое представление сохраняется и сейчас в глубинах народной жизни, народного сознания; об этом, например, свидетельствует выражение: *все умрем*. Это отношение к смерти как к обыденному явлению, не вызывающему особых страхов. Смерть не является индивидуальной драмой, она – родовой феномен, происходит «при людях»[54]. Приведенная в письме русская пословица «на миру и смерть красна» – прямое подтверждение тому.

«На миру» – это, значит, смерть дома, в кругу семьи, с соблюдением всех соответствующих ритуалов родными, близкими и однодеревенцами. Во время войны все иначе: опустошаются и гибнут поля, зажигательными снарядами превращаются в пепел целые селения, истребляются запасы хлеба, скот и другое имущество; гибнут дети, происходит насилие над женщинами и девушками; останавливаются промышленность и торговля. Естественная для войны смерть человека на самом деле неестественна: это одичавшая смерть, лишенная культурного смысла[55]. Вспоминались штыковые бои, чувство страха и безжалостности. Выматывала жизнь в неудобных окопах и сырых землянках, на улицах «сточной канавы». Заедали вши, причем новизна состояла не в существовании самих насекомых, а в их количестве: «вши меня съели совсем все мое тело стало все в пупырочках очень много… (собираешь? – неразборчиво. – *И.К.*) горстью и кидаешь ни дают спать»; «вшей приходится стряхивать, а не бить», «одной рукой пишешь, а другой вшей ищешь». Охота на вшей, нытье и разговоры – все это повторяется ежедневно. Тема вшей появляется в воспомина-

ниях о войне и в более близкое к нам время. Эта память выплеснулась даже на страницы «Василия Теркина» А.Т. Твардовского (хотя в связи со Второй мировой войной эти насекомые редко упоминаются – следствие официального табу). Запомнилась еда на фронте – или ее отсутствие[56].

Война принесла с собой многообразный опыт выживания, «швейкизма», присущего и русскому крестьянину на войне: «мы здесь поем песни, а рядом убитые…»; «…наше дело такое – где воюем, а где распеваем песни. Ну, если все время горевать, то давно и в живых бы не было»[57]. Пока крестьянин-солдат был жив и надеялся на возвращение домой, его волновали обычные проблемы, связанные с обустройством армейского быта.

Солдат не прочь был послушать сказку или бывальщину, поиграть на самодельной балалайке и спеть частушку, хотя частушка зачастую была невеселой. Он, возможно, не бывавший до войны нигде, кроме своей деревни или волости, вдруг оказывался в совершенной новой для него обстановке. Он слышал, как солдатня распевала похабные песни и «для памяти» записывал их; например, в записной книжке крестьянина Уфимской губернии записи песен соседствовали с несколько раз повторенным адресом любезной и горячо любимой супруги[58].

Особенно памятны многим были годы плена. В 1926 г. на адрес «Крестьянской газеты» пришло «Обращение к бывшим германским военнопленным», из которого становятся понятными некоторые мотивы припоминания/забывания событий Первой мировой войны. Автор, крестьянин Уфимской губернии К. Новиков, писал о том, что в первые годы по возвращении из «проклятово» плена ему «частенько приходилось вспоминать каково нам там на чужбине жилось». Однако по мере того, как «лутше становилась жизен по отдельности каждова и в общем российском масштабе», плен вспоминался все реже. Но даже в редкие минуты воспоминаний «мороз пробегал по коже» от «тех ужасов, которые нам с вами большинству приходилось переносить»: «вспомнишь, как нас приковывали к столбам, вешали вниз головой за ноги, обливали холодной водой, избивали прикладами, травили собаками, клали в гроб… А что творилось на шахтах и на некоторых заводах!.. А сколько сходило с ума. А сколько перевешалось. Вот все эти воспоминания – не только по коже мороз, но и волосы дыбом становятся»[59]. В письме приводится гораздо больше полных конкретными и натуралистическими подробностями свидетельств об издевательствах над пленными. Все это было болезненней и кровоточащей раной, которая не затягивалась, несмотря на страстное желание забыть[60].

Многое из того, что сохранилось в памяти автора письма, было памятно и другим бывшим военнопленным. Так, один из них в течение сорока лет, прошедших после войны, хранил со времен плена в памяти стихотворение «Умершим в плену Германии в 1914–1918 гг.»[61].

Вообще память о плене оказалась одной из самых сильных. К тому же в плену некоторые научились немного говорить по-немецки, и это даже пригодилось впоследствии. Так, один из рассказчиков вспоминал, что, попав в германский плен в октябре 1914 г., пробыл там до 1920 г. В плену он рассказывал сказки не только своим соотечественникам, но и немцам (выучившись немного языку), и услышал, в свою очередь, немало немецких сказок[62]. Правда, не исключено, что в 1940 г. – во время «потепления» отношений между гитлеровской Германией и СССР – подобное свидетельство сказителя могло появиться по инициативе официальных властей. Но существуют также вполне правдоподобные, не искаженные мифами, свидетельства из

Братанье на фронте. Иллюстрация из книги «Первая мировая война. Пособие для начальных школ». Москва, 1930 г.

семейных историй. Крестьянка вспоминала в 1972 г., как ее буквально спас от врагов в 1941 г. старый односельчанин, который после плена понимал по-немецки[63].

О пребывании в плену, как вспоминали селькоры «Крестьянской газеты», писали кратко, отмечая только самое главное, что пришлось испытать: Холод, Голод, побои и разного рода болезни[64] (отметим написание с заглавной буквы двух неперсонифицированных врагов).

Вместе с тем, годы, проведенные в плену, запомнились еще одним важным обстоятельством: это было пребывание в иной культурной и хозяйственной обстановке. Пленные сталкивались с новыми для себя принципами и формами организации труда, в том числе в сельском хозяйстве. Многими отмечалась также четко налаженная система работы лагерей для военнопленных. Пожалуй, наиболее любопытным было свидетельство К. Новикова, который находил в своем пребывании за границей позитивные моменты, важные, с его точки зрения, для общественного строительства в России: «…мы побывали за границей и кое-чево повидали и все что получили хорошего для нашего общества мы должны отдать все для Советов»[65].

О том, что пребывание в плену заставило иначе взглянуть на многие вещи, писали и другие крестьяне. Так, в заявлении во ВЦИК (1926 г.) группы крестьян из Воронежской губернии, выражавшей свое недовольство политикой власти, отмечалось: «До революции мы не были бедны, в Германскую войну многим приходилось бывать в плену, где нам открывали глаза, говоря: вы, русские олухи, не умеете использовать тех богатств, которыми обладаете»[66]. Впрочем, русские крестьяне «в долгу» не оставались и называли Николая II «Николашкой – германским каптенармусом». Подобное представление о плене как своеобразной «школе жизни», расширяющей

кругозор и формирующей независимую в суждениях и поведении личность, сохранилось в деревне[67].

Вместе с тем, на крестьянскую память о войне влияла официальная память, которая расставляла акценты, задавала тон в восприятии событий прошлого. В 20-е годы существовал, в целом, позитивный образ Германии и немцев. Довольно быстро Германия из врага превратилась в собрата по революции, а затем преобладающим стал образ ответственного торгового партнера. При этом, крестьянам специально разъяснялась выгода от сотрудничества с промышленной Германией. Так, 14 октября 1923 г. во время событий в Германии «Правда» опубликовала статью «Какое дело русскому крестьянину до германской революции». А Политуправлением Реввоенсовета (ПУР РВС) СССР 6 ноября 1923 г. в части был разослан секретный циркуляр, разъяснявший красноармейцам (в подавляющем большинстве – крестьянам), что победа германского пролетариата обеспечит «регулярный и постоянный обмен нашего хлеба и сырья на машины и сельскохозяйственные орудия, столь необходимые нашему крестьянину»[68].

Средства пропаганды постоянно напоминали, что «мировой империализм» ведет «бешеную» подготовку к новой войне. Многие сельские корреспонденты «Крестьянской газеты» писали о своем участии в войне довольно кратко, но отмечали, что военные события и пребывание в плену способствовали распространению революционных тенденций и атеистических убеждений в российском обществе[69].

Описывая сохранившиеся в памяти жестокие приметы войны и плена, крестьяне в своих письмах писали о готовности идти воевать в случае необходимости. Они поддерживали идею всемирной революции, «очистительной войны» ради того, чтобы исключить возможность ее повторения в будущем. Причем внешним врагом они считали мировой капитал в целом или отдельные государства – например, Англию, но не Германию. Весь пафос процитированного выше письма бывшего военнопленного К. Новикова был направлен против издевательств «культурного палача копитала». Так происходила трансформация образа врага: на место враждебной немецкой культуры Первой мировой пришла капиталистическая культура послевоенной и послереволюционной эпохи.

Впрочем, в памяти (если судить по отдельным письмам) сохранялось и представление о Первой мировой войне как о борьбе православных с «нехристями»[70]. Правда, этому сюжету были посвящены лишь отдельные письма, что неудивительно для официально ориентированного на атеизм общества и специфической селькоровской среды. Известно, какое значение придавала советская власть проникнутым новой идеологией праздникам. В городе и особенно в деревне они были призваны сломать старый мир, старый быт, старую культуру, а значит, и память, охраняющую эту культуру. Вероятно, пласт памяти, связанный с религиозными аспектами войны, в действительности был гораздо более мощным: деревня в 20-е годы (а, если судить по крестьянским свидетельствам, и два-три десятилетия спустя) пребывала в лоне православной христианской традиции. Исследования показали, что старшее поколение в массе не воспринимало советские торжества как праздники[71]. В середине 20-х годов, как отмечали современники, революционные праздники у основной массы сельского населения проходили за работой[72].

Интересно, как впоследствии война запечатлелась в памяти тех, кто оставался в тылу. Память сохранила возвращение с германской войны отца, принесшего настоящее богатство, – каравай белого хлеба: «Помню, как сейчас (запись относится

к 1970-м годам – *И.К.*)… каравай лежал на столе. И я у отца сидел на правом коленке, сестренка на левом коленке – держали мы по ломтю белого хлеба». Очень характерное для крестьян воспоминание. Помнилось и то, что через солдат, приходивших с фронта, деревня получала информацию о внешнем мире[73]. Таким образом, как ни парадоксально, существовал особый пласт положительных впечатлений о войне.

Постепенно память о Первой мировой войне угасала, будучи вытесненной более сильными по степени воздействия на крестьянское бытие событиями, прежде всего, коллективизацией и, наконец, Второй мировой войной[74].

Вторая мировая война: бесконечная память

Память об этой войне начала складываться, пожалуй, до ее начала. Реальная трагическая обстановка формировала, прежде всего, фольклорно-мифологическое и романтическое восприятие войны; оно было особенно характерно для самого военного времени, а также для первых послевоенных десятилетий. Другое – реалистическое – развилось постепенно, по мере временного удаления от войны. Большое влияние на коллективную и личную память оказывала официальная память, которая также менялась. Широкое бытование фольклорной традиции в годы войны и в послевоенные десятилетия – свидетельство воздействия памяти на сознание и поведение людей, формирования эпической памяти о войне. Это – подтверждение силы крестьянской памяти, способности ее существовать и в городской культуре. Это – свидетельство крепости и могущества народа, вставшего на борьбу с врагом в годы войны.

Народные фольклорные традиции всячески поддерживались и развивались «сверху», что стало частью ярко выраженной довоенной ориентации на связь с историческими (патриотическими, демократическими) традициями. «Фольклорная» подготовка общественного сознания не могла не породить войны Отечественной. В свою очередь, именно всенародная война породила эпическую память о ней. Можно предположить, что представления о памяти у правящего слоя и крестьянства в значительной степени совпадали. Государство всячески использовало это совпадение в идеологических сюжетах о героизме и страдании народа.

Обращение накануне и во время войны к героической традиции русского народа было весьма действенным. Все жанры народного творчества – сказы, сказки, песни, былины, плачи, причитания, частушки, пословицы и поговорки – получили «боевое крещение»[75].

Вместе с тем, небывалое развитие военного фольклора и народного творчества в годы войны и после нее свидетельствует, на наш взгляд, об особой культурной ситуации, с которой связана активизация памяти. Активная поддержка на государственном уровне народных традиций – одна сторона проблемы. Событие можно считать значительным, если о нем сохранилась память в фольклорной форме. По сравнению с Великой Отечественной Первая мировая война оказалась и на периферии фольклорной памяти. Как известно, в традиционной культуре (впрочем, не только в традиционной) важнейшие события принимают характер ритуала. В этом отношении Великая Отечественная война стала масштабным народным ритуалом. К концу войны поднимался вопрос, будет ли объявлен день траура по погибшим воинам[76]. Совместное поминовение воинов, погибших на войне, моления о здравии живых –

эти традиции стали частью крестьянского уклада жизни послевоенной деревни задолго до того, как День Победы был объявлен официальным. Сразу после войны среди вдов возник обычай собираться 9 мая для моления и поминального обеда по мужьям. В 1963 г. этнограф описывал (речь шла о Рязанской области): «Старухи отмечают каждое 9 мая – День Победы. Они собирают мукой и стряпают сообща – пекут блины, пироги, пышки. Панихиду отслужат и поминают всех убиенных на войне». Бытование аналогичных ритуалов в 60-е-70-е годы отмечалось этнографами и на Урале, на Курской земле и т. д.[77].

В то же время официальная ритуальная память о войне наполнялась новым содержанием: заглавные буквы в самом названии войны – Великая Отечественная, День Победы, Вечные огни, Минута молчания, шествия, обелиски, памятники, мемориальные и памятные доски, музеи и комнаты боевой славы, книги и альбомы памяти, встречи с ветеранами, памятные медали и юбилейные монеты, воспоминания ко Дню Победы. Усиливалось значение того, что П. Нора называл *les lieux de memoire* – «места памяти». Крестьянство тоже было вовлечено в эти церемонии наряду с другими советскими ритуалами, заменявшими традиционный уклад жизни.

Крестьянские свидетельства о войне собирались в разные исторические периоды: и в первые послевоенные годы, и позже, в 60–80-е и в 90-е годы. Одни были собраны, а затем опубликованы «по поводу», и в значительной степени проникнуты официозом. Другие – результат работы фольклорных, историко-этнографических и социологических экспедиций и исследований, где тема войны – составная часть крестьянских рассказов и воспоминаний, не предназначенных первоначально для публикации. Применительно к ним также можно говорить о степени мифологизации, о соотношении официальной и частной, коллективной и личной памяти. Видно, что не у всех были возможности и желание говорить свободно и открыто.

Специфика материалов фольклорных экспедиций, например, заключается в том, что поэтические тексты в народном сознании не отделяются от бытового языка. Речь информантов пересыпана пословицами, присловьями, поговорками, анекдотами, быличками. Контекстом оказывается биография исполнителя, которая, в свою очередь, развивалась на фоне исторического процесса. Во многих текстах есть сходные темы и образы. В этом проявляется и традиционность коллективного сознания крестьян, и их «зацикленность» на болезненных мотивах общей судьбы: раскулачивание, репрессии, война, голод, неоплачиваемый труд, бесправие, пьянство, духовное, культурное и нравственное оскудение. Для 70-х годов, когда были сделаны записи, многие свидетельства весьма откровенны Особое место занимают семейные истории или истории жизни, собранные в начале 90-х гг. в ходе реализации российско-британского проекта «Социальная структура советского села». Это индивидуальные свидетельства людей, которые занимали разные места в системе иерархии сельского сообщества. Однако подобные свидетельства могут быть интерпретированы и как проявление коллективной памяти. Нам интересны, прежде всего, воспоминания так называемых «простых людей», не выделяющихся званиями и должностями.

Память о войне – одна из самых сильных на протяжении последних шести десятков лет. И в этом смысле совпадение памяти народа (у народной памяти о войне – крестьянские корни) и власти очевидно. При этом, каждая из сторон претендует на истинность собственной памяти. Долгое время коллективные воспоминания о победной войне выступали основным официальным аргументом в оправдание создан-

ной политической системы[78]. Война в народном сознании столь же долго воспринималась как главное мерило трудной жизни[79]. Именно поэтому война осознавалась не только как давно минувшее прошлое, но и как неотъемлемая часть современной жизни. Это замечание справедливо и по отношению к сегодняшней России, где память о войне до сих пор остается важным культурным капиталом власти и различных групп общества, играет значительную роль в политической аргументации.

В первые послевоенные годы в народе жила надежда на лучшую жизнь, которая должна была стать платой за понесенные в войну жертвы. Эти ожидания были облечены в традиционную фольклорно-мифологическую форму. Так, в Калининской области был записан «Рассказ о кровавых цветах», которые, «говорят,.. и в Кремле у Сталина под окном растут. Подойдет Сталин к окну, взглянет на них и вспомнит всех, кто за Родину погиб. И снова Сталин за работу садится, чтобы нам лучше жилось» (следует отметить, что в разных вариантах рассказ был записан еще и в 60–70-х гг.)[80]. В письмах, обращенных к власти и в послевоенное время, и в 60–70-е гг., крестьяне вспоминали о войне и требовали для себя права на лучшую жизнь, завоеванного кровью[81]. Существование подобных писем свидетельствует о том, что многие ожидания сельского населения не оправдались. И, вероятно, это было одним из самых красноречивых подтверждений расхождения между официальной и крестьянской памятью о войне.

До сих пор война символизирует принципиальную точку отсчета в аргументации людей, критически настроенных по отношению к правительству. Так, обращаясь в 1999 г. с письмами в газету «Будильник депутата» Государственной Думы Российской Федерации, россияне (и не только люди старшего поколения) апеллировали к военному времени в поисках ответа на злободневные вопросы: «Даже в войну такого не было, как сейчас. В магазинах все есть, а купить мы не можем. Не хватает денег даже на хлеб»; «Мы жили в светлое время, а сейчас беспредел. Даже во время войны мы знали, за что умирали и за что трудились. А сейчас – врага откровенного нет, но постоянно натыкаешься на злобу, зависть и оплеухи…»; «Сейчас произошло большее разрушение, чем во время войны. Тогда народ сплачивал труд, а сейчас что?.. Я вспоминаю, что после войны жила лучше»; «Говорят, что так плохо не жили никогда, только в войну»[82].

Рассказы о войне – значительный пласт народного творчества. Первые записи относятся непосредственно к годам войны, когда в районах, освобожденных от оккупации, работали специальные экспедиции. Рассказы записывали и в первые послевоенные годы, и позже. На примере экспедиционных работ 70–90-х гг. можно утверждать, что жанр народного рассказа все еще полон жизни. Изучая память, представленную крестьянскими рассказами, можно войти в мир людей разного возраста, полсотни лет вспоминающих военную эпоху.

Практически всем война представляется жуткой, жестокой, непосильной, хотя жизненный опыт у всех разный. «От войны этой все как бы оцепенели, до сих пор не успокоишься никак…»; «Все время кошмары снятся: обстрел, атака, кровь. А больше всего боишься в плен попасть»[83]. Все эти записи сделаны сразу после войны, в 1946–1947 гг. Но и спустя несколько десятилетий боль не утихает. «Вижу во сне, как наступают немцы и я убегаю, прячусь…», – вспоминала крестьянка в 1971 г. (в 1941 г. еще девочка-подросток). «Война много унесла из жизни нашего поколения. Она исковеркала всю мою жизнь. Дочь спрашивает, почему я на всех фото так

серьезна. Я не могу выдавить улыбку. Нет в жизни ничего, над чем я могла бы улыбаться», – признавалась вятская крестьянка 1926 года рождения (запись 70-х гг.)[84].

В целом, самонаблюдение и рефлексия не характерны для крестьян. Как правило, их воспоминания носят не аналитический, а повествовательный характер. К этому надо добавить, что проблемы военных лет много лет спустя казались слишком сложными, а бремя пережитого – слишком тяжелым. На протяжении длительного времени преобладала официальная и парадная память о войне, которая затрудняла индивидуальное осмысление военных событий. За «неудобную» же для власти народную память можно было пострадать. Как считал один из тех исследователей, кто собирал и изучал крестьянские истории: «Крестьяне ждали нас 50 лет. Первые 30 лет они молчали, потому что боялись. А еще 20 лет молчали, потому что их никто не слушал»[85]. Поэтому преодоление внешней и внутренней цензуры в памяти российского общества до сих пор происходит крайне болезненно[86].

Память фронта: на войне как на войне

На память крестьян-фронтовиков сильнее, по сравнению с другими крестьянами и особенно крестьянками, повлияли официальные воспоминания – конечно, до известных пределов (ситуация с пленом будет особо рассмотрена ниже). Причем заметно, что вместе с изменением официальной памяти менялось и собственное восприятие войны. Фронтовики сильнее были подвержены государственной пропаганде, как во время войны, так и после нее. Во многом в силу этих обстоятельств в Советском Союзе фронтовики стали «непотерянным поколением»[87]. В свою очередь, память фронтовиков использовалась властью. В мирное время фронтовики часто выступали со своими (часто мифологизированными) рассказами о войне перед молодежью. Именно воспоминания фронтовиков составляли основную часть документальных публикаций о войне.

Если, как вспоминали крестьяне, «на первую мировую по неволе гнали»[88], то Отечественная война осталась в памяти как время Подвига. «Мы уходили на фронт все с уверенностью в нашу победу», – таков лейтмотив воспоминаний. Несколько сложнее анализировать те воспоминания, в которых цена Победы представляется слишком высокой. Чем ближе высказывания к нашим дням, тем более критичные оценки они содержат, поскольку более неоднозначным видится на расстоянии и само военное время. У такой памяти меньше общего с советским официозом, хотя коллективная память крестьян-фронтовиков не поднимается до уровня прямого обвинения системы. В характеристику войны как «кровавого лихолетья, когда сталинской системе приходилось бороться за выживание любой ценой»[89], крестьяне добавляют свою ноту: они умели выживать вопреки системе.

Основной темой фронтовых рассказов была бесчеловечность войны. Для многих историй характерны также излишняя бравада и бахвальство, демонстративное презрение к врагу, готовность ему мстить. Чем ближе к современности, тем заметнее меняется их тональность. Она становится сдержаннее. Кроме того, воспоминания обрастают всевозможными бытовыми подробностями, которые, впрочем, не затмевают главного. Вспоминаются друзья, товарищи, командиры, героическое и трагическое, драматическое и комическое.

Описывая боевые действия, крестьяне-фронтовики вспоминают, как били фашистов, врагов, немцев (в использованных для данного исследования документах именно такая последовательность упоминаний о противнике – *И.К.*), какие тяжелые были бои, особенно в первые два года войны, какие несли потери. Вспоминают о растерянности и дезорганизованности в войсках в самом начале войны, о тяжелой фронтовой жизни, ее бытовых подробностях.

Выстраивая в памяти картины первых тяжелейших лет войны, фронтовики просто констатируют, «как глупо и бестолково мы порой воевали – до сих пор горечь берет»[90]. Или рассказывают с сожалением: «Не могу я вспоминать войну. Ревмя реву. На четверых солдат – одна учебная винтовка. Не могу вспоминать, как мы в шинелях, без валенок, в ботинках с обмотками… Не могу я вспоминать, как со своих мертвых солдат снимали что подобрей из обмундирования. Не мародерство это. Не-е-т. Перекрестишься и стя-а-гиваешь с него шинель, а его сердешного, просишь: “Прости, ты, за Бога ради, прости, браток, что галюсь над тобой. Тебе уже все одно, где лежать, а мне зябко. Седня я за тебя и за себя воевать должон. А завтра – как Бог даст”. А немец на самоходках, машинах тучей прет: сытый и пьяный. Притерпелся. Потом уже не страшно было. Честно воевал»[91]. Не случайно, наверное, вспоминаются первые два года войны – самые тяжелые.

Память о Первой мировой войне напоминала об униженном положении солдата на фронте, рукоприкладстве офицеров. Если в памяти о Великой Отечественной и предстают бессердечие, грубость начальства и бесправие солдат, то все же в виде отдельных эпизодов. Основное: «на фронте относились друг к другу как брат к брату. Даже офицеры относились к солдатам как старшие братья». Память фронтовиков воскрешает не только военные события, но и довоенную колхозную жизнь, нередко и прошлое собственной семьи. Именно крестьяне в рассказах о войне вспоминали своих предков, и из этих свидетельств можно сделать вывод о том, какой значительный вклад эта социальная группа внесла в Победу (согласно данным переписи населения 1939 г., 67,1 % населения СССР проживала в сельской местности). Почему в Первую мировую солдаты прежде всего отмечали хитрость врага? Превосходство врага заключалось не в физической силе, которая была бы привычной для русского солдата, а в высоком уровне техники. Во Вторую мировую многое изменилось. В Красной Армии воевали уже бойцы, знакомые с грамотой и техникой (мы не обсуждаем здесь вопрос об уровне образованности и технической оснащенности советских вооруженных сил). Солдаты продолжали вести речь о вероломности неприятеля, о его силе. Но фронтовики вспоминают, что именно в эту войну им пригодились многие крестьянские знания и навыки. «Отборные были люди – кровь с молоком», – вспоминают о крестьянах-бойцах.

Некоторые сами воевали в Первую мировую и подвергались газовым атакам; у многих воевали или даже погибли отцы. Конечно, та война запомнилась, но, в Великой Отечественной, в первую очередь, сражались дети тех, кто когда-то «наступал на белые отряды», и уже, во вторую очередь – на германские.

В то же время, крестьянские воспоминания очень конкретны. Так, сначала вспоминается первый бой. Подробно описываются последующие бои. Один из эпизодов войны оказывается особенно памятным. «Подбежал я к сараям, что на окраине деревни, вижу – четверо (точная цифра! – *И.К.*) немцев согнулись спиной ко мне. Швырнул гранату. Когда *пробегал мимо*, видел их всех четверых *у чемодана с тряпками и барахлом*… (курсив наш. – *И.К.*)». Здесь – и цепкость памяти, и презре-

ние к врагу. «Бой продолжался… Взяли деревню. А в центре – церковь, немцы ее в склад превратили, забита была снарядами»[92]. (Возможно, церковь была превращена в склад еще до войны, но в военной ситуации то, что прощается советской власти, не прощается врагу.)

Они были крестьянами и потому даже в огне боя замечали уцелевшие церкви и *неубранные ржаные поля*, на которых приходилось сражаться. То родное ржаное поле даже спасало:

> Полз по полю для установления телефонной связи – пули срезали колосок за колоском над моей головой; то и дело натыкался на трупы солдат. Связь восстановил, а куда ползти обратно – не знал. И только примятая рожь натолкнула на верный путь.

> Запомнились бои на Курской дуге… замаскировались среди ржаного поля. По 13 суток находились в засаде, боеприпасы и продовольствие доставались в ночное время – днем вся местность простреливалась противником. На счету семерых человек моего расчета 97 фашистов убитых, поражение нескольких пар конной тяги, боевой техники.

> Враги выдвинули против наступающих наших порядков четыре крупнокалиберных пулемета. Наши командиры развернули строй – вперед. Враги строчат, наших поражают. Мало в живых остается. Задача не выполняется… У меня удобная позиция. Лежу. Думаю все о бедных бойцах наших. *Да на гадов на тех злоба, на врагов проклятых*. Всех их вижу. Оценил позицию. Ребят жаль. Поднимут вот-вот. И давай я бить из ПТР по этим вражьим гнездам пулеметным. Как пошевелятся – я тут! Замолкает паразит. И поразил все четыре гнезда в моей видимости… (этот крестьянин воевал еще в Германскую войну – *И.К.*).

> Фронт под Ельней. Много шли пешком. Ночью окопался на опушке леса. На рассвете пошли в бой. *Перед нами нетронутое ржаное поле. За полем, впереди – деревня, церковь видна.* Прямо из ржи продвигаются, оттуда бьют из орудий. Ранен командир. Делаю перевязку – пробило осколком ногу выше колена. Бросаюсь вперед догонять…[93].

Описывая свой первый памятный бой, когда надо было захватить деревню, крестьянин, например, может вспомнить, что предварительно «*ночью нас накормили*». Другому было памятно, что утром перед первым боем им дали 250 г водки (доза немалая, это январь 1942 г., Ленинградский фронт), покормили и велели «беречь винтовку, пулемет и боеприпасы»[94]. Вообще, все, что связано с питанием на фронте (или отсутствием такового), осталось чрезвычайно памятно крестьянам, как и в годы Первой мировой. Помнить о пище – в мирные годы ли, в военные ли, сравнивать одно время с другим по принципу «сытно-голодно» – вообще, свойственно русским крестьянам. Российская история всегда давала много оснований для того, чтобы память на сытные и голодные времена была одной из самых сильных. К тому же жизнь в довоенной деревне была, за редким исключением, не слишком сытной, а в послевоенной – просто голодной. Поэтому для новобранца еда накануне первого боя была памятна почти всегда, даже если это был 1943 г. Так, о своем боевом крещении на Курской дуге фронтовик спустя полвека помнил, что в 10 км от города N стояли полевые кухни с горячей кашей и свежим хлебом, а потом и еще через три часа марша[95].

Из фронтовых событий крестьянину Тверской области более всего памятно, какое было питание на фронте и в госпитале (в 1992 г. он подробно помнил, с точно-

стью до грамма, рацион госпитального питания в 1944 г.). И окончание войны запомнилось не боевыми действиями апреля-мая 1945 г., а тем, сколько продуктов он вез домой из Германии после демобилизации в июне 1946 г.:

> Продукты на дорогу дали: консервы, сухари, хлеб… А пока ехали, вот особенно в Польше – там все продавали, женщины бегали: и батоны, и яйца… А со мной ехал один – он в плену был у немцев, и ему ничего дадено не было, а он со мной из одной деревни… И что у меня было, я с ним делился пополам. А дано мне было 10 кг сахарного песку, 10 кг конфет и 10 кг белой муки. Я один и пропал бы, груз какой? А так он меня выручил.

Послевоенное пребывание в Германии представлялось временем изобилия:

> А у некоторых тряпки были набраны. Ну, тряпок там, в Германии, набрать можно. *Было много, потому что сами хозяева* (курсив наш – *И.К.*). А деревни и города были все брошены, ни одного немца в них не было. Скот ходил бесхозяйственный: лошади, коровы, поросята – бери любого (вот что отмечал крестьянский глаз – *И.К.*). Немцы все бросили, ушли.

В духе крестьянской психологии, завещанной предками («нам чужого не надо»[96]), он объяснял свое поведение:

> И там набирали мануфактуру разную, и кто что. Но я это не брал ничего. Не надо мне было ничего ихнева. Это все не мною нажито, не мне и брать. А некоторые наживались этим. Но я ничего не брал. Это, если не свое, то оно и в пользу не пойдет, верно?

Память тыла: «Вся власть в деревне бабам перешла…»

Почти все мужчины находились на фронте. Женщины с детьми остались в деревне, им приходилось тяжело и много работать. Рассказы о жизни тыла не так официозны, как фронтовые воспоминания, и из них можно узнать намного больше о нормах крестьянской этики выживания. Они повествуют о жизни с заботами, детскими тяготами, бабьей маетой, напряженной усталостью, болью за ушедших на войну, ожиданием их и верой в победу. Многие из рассказов близки к причету. Их содержание многообразно: начало войны, отношение к ней народа, общая мобилизация, проводы родных и близких, призванных на войну, получение первых писем с фронта. Но наиболее яркие рассказы – о «похоронках». О начале войны многие вспоминают даже чаще, чем о ее конце, о дне победы.

Многие рассказы наполнены мифологическими элементами. Это непременный атрибут текстов о предчувствии войны, который придает ей сакральный смысл[97]. Известна «Легенда о мешке с хлебом, луже крови и таинственном старике», которая была зафиксирована в разных вариантах еще местными органами НКВД в конце 30-х годов в ряде сельских районов Поволжья (прежде всего, в Саратовской области). Легенда предрекала большой урожай и скорое начало войны «с капиталистическими странами». Но во всех вариантах неподъемный мешок с хлебом, лежавший посреди

дороги, оказывался недоступным для крестьянина – как и в реальной обстановке 30-х гг.[98]. Подобные легенды не забывались вплоть до 80-х гг.

Вспоминали о всевозможных знамениях, указывающих на скорое начало войны. Вести о страшной угрозе рассказчики вкладывали в уста стариков, женщин, которые в их повествованиях исчезали бесследно. Во всех вариантах рассказов появлялись то ведра с кровью, то женщины в белых или прозрачных одеждах с разноцветными платками (народный образ смерти), то старики, толкующие виденное. Рефреном подобных рассказов было: «Урожай будет большой, а убирать его будет некому»[99]. Крестьяне наиболее остро переживают, когда не по их вине пропадают результаты труда.

Интересно, что в памяти всплывали и знамения, якобы предшествовавшие и Первой мировой войне: так народная память пыталась объединить эти две войны, расколовшие привычную жизнь. Крестьянка из Зауралья вспоминала, что весной 1940 г. на небе после тяжелых темных туч выступила радуга, а около нее – пять крестов, два яркие, а три еле светились, на что пожилая соседка отреагировала:

> Вот и перед германской так… Сначала кресты, а потом война. А урожай-то был… Ой-ей-ей. Особенно грибов было невидимо. Стало быть, не избежать нам новой войны. Особенно тяжелой будет первые два года, а потом немного полегче, а кончится война на пятый год[100].

В одном из исследований ментальной истории войн XX в. отмечается, что большинство слухов и легенд времен Первой мировой войны, стали типичными и для последующих войн[101]. Хотя крестьяне принимали участие во многих сражениях XX века, устная традиция Второй мировой войны, на наш взгляд, развита особенно сильно.

Вероятно, очень резким, разительным стал моментальный переход от мира к войне. К тому же весть о войне застала людей в поле, за главным крестьянским делом: «На покосе мы были, когда Егорушке повестку принесли…» И все же, несмотря на горе и разлуку, люди вновь принимались за работу: «У нас всех мужиков из села на войну забрали. Провожали всем селом. Проводили и начали вместо них работать. Мужа моего забрали 18 августа. Он тогда на косилке докашивал поле, сено заготавливали…» (Кировская область, Вятка); «Погоревали мы, погоревали, а горевать-то особо некогда было: работы полно в колхозе и дома» (Курганская область). В другом селе только что завершился сев, народ гулял, многие были пьяные, а как услышали о войне – вмиг протрезвели…

Поэтому так памятны и проводы на войну – ритуальные, какие были приняты в деревне еще и в Первую мировую. «Голосили, как мужиков на войну уводили. Женщины тогда караул кричали. Шли по большаку, детям обставленные, и голосили. Я тогда мужа, сына и двух братьев провожала – никто не вернулся. Мы всего с войны приняли, сколько горя притерпели – и все под ногу»; «…до околицы бежали за колонной. Мужики крепились, а мы, простоволосые, и причитали, и рвали на себе волосы»; «Приехали домой ночью, и давай я его (мужа) собирать, дорогова моево обряжать. Чо ни достану из сундука, то и слезам обливаю… Поехали утром в Катайск… А там народу… Все говорят… ревут… частушки поют – не поймешь, то ли свадьба, то ли похороны…»[102].

Как и во время Первой мировой войны, вся деревня читала письма с фронта.

В очищенном от фашистов селении Посад (Новгородский район, Ленинградская область). Колхозницы около трупов своих односельчан Марии Евсеевой (на переднем плане) и Александры Григорьевой, убитых гитлеровскими извергами.

После массовых убийств, совершенных оккупантами: колхозницы перед трупами своих соседок, селение Посад (Новгородский район, Ленинградская область).

Крестьянки вспоминали, как оплакивали свою участь:

> Бабы… хотя и пускали слезы, хоть и кричали, все равно робили до пота в лице, до ломоты в костях. Упластаются к вечеру, придут домой, а есть нечего. Обхватят они голову руками и воют до самой зари, да без причитаний не могут обойтись: «Зазноба ты мой родненький, да на кого ж ты нас покинул на голод да на чижолую судьбу? Ох, лучше бы мои глазыньки этого не видели, лучше б умереть этой ночью да не жить на белом свете боле…». И зачнут, и зачнут. Идешь, аж даже кожа пупырками покрывается. И долго ночью слышны в ушах бабий плачи и причитания.

Хуже еще было, когда кому-то приносили «похоронную». Тогда весь околоток собирался около этого дома, и причитали на всю деревню.

> Помню, было так у соседки, – вспоминала в 70-е годы крестьянка из Зауралья. – На фронт она проводила единственного сына, всего 18 лет. Боже упаси услышать еще когда-нибудь такое причитание! Как получила она эту бумагу страшную, так и завыла, растрепалась вся, стала как пьяная. Глаза посоловели, идет, падает на тын, встает и снова идет. И чего только не собират она, причитая! И войну кляла, и фрицев не забыла. А самое страшное, казалось, что вспомнила она, как прощалась с сыном. «Он будто чувствовал, что не увидит мать свою боле, будто сердечко ему подсказывало, что навсегда уходит он из деревни, ясноглазый мой сыночек, он и жизни-то толком не видал, а вот ведь убит уже. Ох, бабы! Не выживу я этого! Ведь ребенок он еще… Да где же смерть то моя?»[103].

«*Ох, не было больше такого горюшка!*» – свидетельства о войне бесконечно наполнены подобными присловьями.

Повторим, значимость события в крестьянском обществе всегда подчеркивалась ритуалом. В отдельных областях России, например, в западных и северо-западных (особенно пострадавших в войну) – фольклорные экспедиции вплоть до 80-х гг. отмечали, что сохранялась традиция необрядовых голошений «на случай». Исполнительницы – женщины среднего и старшего возраста, нередко солдатские вдовы –

под гнетом переживаний уходили подальше от людей, в лес, на болото, и там, обращаясь к «подружке-кукушке», выплакивали-выкрикивали свою боль. Один из таких плачей с «кукушкой» был записан в 1981 г. в Калининской области. 84-летняя крестьянка, потерявшая на войне двух сыновей и мужа, по свидетельству соседей, голосила во дворе почти каждый день. Она исполняла свой плач, который был и проклятием Гитлеру, не только от себя, но от имени всех «добрых людюшек» и «маленьких детушек-сиротушек, таких горьких и бессчастных»[104]:

Не прилятят ли яны с тобой моя дробная пташечка?
(«Проклятый Гитлер, что наделал? Усю жизнь загубил…» *Плачет.*)
И слятайте вы на ету чужую сторонушку!
И расскажите вы там моим милым детушкам,
как мне без их тижалешенько!..
А етот проклятый Гитлер!
Ой, через яго такое вяликое горюшко!
Ой, усех погубил ен, ой, моих милых детушек
и мою удалую головушку!
Ох, какая ж я осталась одна одинешенькая
у етой у своей пустой теплой избушки!

Уже отмечалось, что война в народном сознании долго воспринималась как главное мерило трудной жизни, что после 1945 г. происходила переоценка событий довоенного времени; многие были склонны его идеализировать[105]. Все это справедливо. И все же необходимы некоторые уточнения. Приведем одно из уже цитированных свидетельств: «Я тогда мужа, сына и двух братьев провожала – никто не вернулся. Мы всего с войны приняли, сколько горя притерпели – и все под ногу…». Приведем еще одно: «Пока устанавливали власть (имеется в виду коллективизация – *И.К.*) – хуже войны было»[106].

Вторая мировая война стала водоразделом как крестьянской, так и колхозной жизни. Память о войне всегда соседствует «бок о бок» с воспоминаниями о двух эпохах – доколхозной и колхозной. Даже устоявшийся после коллективизации порядок был нарушен войной.

Для крестьянской культуры характерен принцип неисчерпаемости прошлого, наслаивания старого на новое. С одной стороны, коллективизация нанесла удар по крестьянству, с другой – память рисует довоенное колхозное прошлое как по-своему счастливое и гармоничное время, потому что тогда еще сохранялись крестьянские ценности и нормы[107]. «До войны жили очень уж хорошо», – отмечала вятская крестьянка. И сама же объясняла причину: мужиков было много, парней[108].

Те свидетельства, которые непосредственно относятся к предвоенному времени, представляют более сложную и противоречивую картину. Во всяком случае, спецсообщения особых отделов НКВД регулярно фиксировали в 1940–41 гг. (как и ранее), что красноармейцы, курсанты военных училищ и представители комсостава были недовольны положением в деревне, вели разговоры о мизерных размерах трудодней и о голоде в колхозах[109]. Аналогичная информация содержалась в письмах, отправленных крестьянами в Красную Армию в 1939–1940 гг.[110].

Не случайно во время и после войны в центральной России были распространены слухи о возврате к единоличному хозяйствованию. Старые фронтовики вспоминали, как солдаты в окопах перешептывались о том, что после войны колхозы распустят,

а землю поделят[111]. Примерно с 1943 г. информационные сводки ЦК ВКП(б) начинают фиксировать как массовое явление рост настроений в пользу роспуска колхозов[112].

В памяти крестьян тыловых, прифронтовых и освобожденных районов оставила свой след особая военная атмосфера – колхозная повседневность выживания. Опубликованные свидетельства в разной степени несут печать официальных представлений о войне. Но и в текстах, не предназначенных для публикации, далеко не всегда можно найти откровенные высказывания. Ведь долгое время память о жизни тыловой деревни в годы войны была табуирована.

Некоторые рассказы констатируют нормы военного времени:

> Отношение к людям в войну жестковатое было, чего уж скрывать, о том, как жизнь облегчить, рассуждений не припомню, но и люди с понятием относились. Это сейчас никто налогов не платит, а тогда закон простой был: первый хлеб – государству, потом семена заложить, а уж после этого с колхозом расчет. На 1 трудодень – граммов 100 ржи. (Московская область).

> Вспоминаю годы войны как страшный сон… В деревне все отдавали в виде налога государству… Что такое голод, мы знаем. А работали на совесть, на поля выходили все, урожай собирали до последнего зернышка… Единственное, о чем я жалею, – это о простых человеческих отношениях к друг другу, какие были во время войны. Сейчас… народ стал более замкнутым, больше тянется к роскоши.

> Когда мне шел тринадцатый год, началась война. В деревне было много детей, но никто дальше не учился, так как надо было работать. Работали за кусок хлеба… Сидели с лучиной на посиделках… Пели частушки под гармошку, военные песни и ревели… В войну люди ходили друг к другу, делились у кого что есть… Сейчас все живут богато и хорошо, а зла друг на друга больше.

> В войну… жалели друг друга, помогали… В колхозе работаешь, работаешь, прибежишь, свои дела быстрее делать надо. Теперь войну как не поминаю. Воздумаешь, как страшно ведь. Плохо жили в войну. Работушка все больше…

> Войну вспоминаю. Как трудно работать было. Как денег не платили… Чуть не каждый день вспоминаю.

> После войны жизнь стала еще тяжелее…

В других историях – краткая, но более откровенная «расшифровка» того, что пришлось пережить:

> Во время войны колхоз концы с концами сводил. Мужиков не было, зерно обмолачивали по очереди. Ехали втроем-вчетвером, иногда на корове… Брали все, что можно с деревни. Налоги страшные, есть нечего, обуть нечего. Мяса – 40 кг в год сдавали. Сами не ели. И на лесозаготовки еще долго после войны гоняли (Архангельская область).

> Во время войны голодали… Как немцев прогнали, снова колхозы поставили, снова голод: хлеб государству, а нам костер. Что за тыи трудодни получишь? Посыпки свинячей!.. Я ночью один мешок льна украла, за ето 10 лет сидела, а сына в детдом отдали.

После войны робили, как звери, за одни палки, что против фамилии ставили. А палкам будешь сыт? (Псковская область)[113].

Голод был в войну. На трудодень мало доставалось. Работаем, работаем, а закупки все отвезут. Некоторые только кислицу ели и картошку мороженую. Многие поумирали…

Как было трудно в войну – это ужас! Каково лопатами копать! – Целые поля вскапывали лопатами? – Ну, где целые поля вскопать! Нам дано 5 соток вскопать, а мы больше копали, чтоб нам пирожок поесть получить для матери. (Тверская область)[114].

Трудодни были пустые. Когда соломы на них дадут – то хорошо. А война началась, совсем ничего давать не стали. (Московская область).

Частушку в войну в узком кругу пели: «Вышла курица на улицу, кричит – в колхозе я! Больше разу не снесуся, заморил колхоз меня!» (Кировская область, Вятка)[115].

В войну мы были и бык, и вол, и лошадь, и не знаю, кто мы были, бабы-то. (Тамбовская область).

В колхоз каждый день гонят и гонят… Время было суровое, даже не могло быть и речи, чтобы не выйти на работу. (Пензенская область)[116].

Трудное было время, и вспоминать не хочу. На другой день опять на работу.

Как жили: В 12–13 лет пошли работать. Ничего же не было в колхозе-то. На трудодни давали по 200 г отходов, трав, а в травах – сорная колючка.

Лепешку у собаки отняла, помыла, высушила и детям разделила. Через много лет сыну рассказала – он не верит. (Курганская область)[117].

«Всю войну в колхозе работала», – под этими словами могли подписаться практически все, кто жил тогда в деревне. Можно было бы продолжить перечисление подобных крестьянских историй о войне. Однако существуют ли противоположные свидетельства, рисующие некоторое военное благополучие и сытость в деревне? Были. Но благодаря вовсе не колхозам, а собственной корове, изворотливости, везению, случаю[118].

Если, в целом, фронтовики спустя три-четыре десятилетия после окончания войны стали испытывать чувство «ностальгии по военному времени»[119], то этого нельзя сказать о крестьянах – и особенно о крестьянках.

Война. Память. Немцы

В предшествующее Второй мировой войне десятилетие формировался образ врага – мирового империализма и фашизма[120], а немцы представлялись в духе традиционных русских пословиц: «немец хитер: обезьяну выдумал», «немец без шутки и с лавки не свалится», «немец своим разумом доходит, а русский глазами»[121].

Представление о хитрости немцев было устойчивым, но оно облекалось отнюдь не только в фольклорную форму. Так, в конце 1939 - начале 1941 г. после заключения пакта Молотова–Риббентропа и нападения Германии на Польшу особыми отделами НКВД в различных частях Красной Армии и военных округах были зафиксированы случаи недовольства. Высказывались сомнения относительно мирных намерений Германии:

> Германия, как только закончит захват Польши, возьмется и за нас. Германия захватит Советский Союз. Потому что немцы умные люди, хорошо вооружены, а мы перед ними безграмотные, нам бороться с ними трудно. Я с немцами боюсь воевать (красноармеец, сентябрь 1939 г.);
>
> …колхозники работают – хлеб молотят, а у них его выгребают и грузят эшелоны с надписью «село Петровское – Берлин» (интендант 2 ранга, военное училище, сводка за ноябрь-декабрь 1940 г.);
>
> …если бы меньше вывозили в Германию, тогда бы у нас хлеба было много. Гитлер умный, он себе на ус мотает – давайте, давайте, везите, а потом вашим хлебом вас же и бить будут. Гитлер не дурак, он все закупает» (военфельдшер этого же училища);
>
> Германская армия сильно вооружена и организована, сумела за несколько дней разбить французскую армию, а наша Красная Армия воевала с маленькой Финляндией и не сумела ее разбить. Наша Красная Армия не устоит против Германии, это видно из опыта войны с Финляндией (курсант военного училища, из середняков, декабрь 1940 г.);
>
> Гитлер – голова, заключив союз о ненападении, он получил с нас все, а с Англией воюет. Народ его мало знает горя, он благодаря нас обеспечил свой народ. Зато мы брюхо подтянули, ешь солому и молчи, так жить – скоро подохнешь» (военный инженер из кулаков, январь 1941 г.)[122].

Многие частушки эпохи Первой мировой войны были переделаны и получили широкое распространение после нападения Гитлера на СССР. Популярностью в 1941–1944 гг. пользовался частушечный цикл «Ой, Германия, Германия!» с эпитетами «страна неверная», «проклятая», «немилая», с негодующим «Германия опять!», «сгорела б на огне!» или с зачином «ой, германец ты германец», «ой, германец ненаглядный», «распроклятый ты ерманец», «распроклятый царь-германец». Часть частушек изменилась, другие бытовали в неизменном виде: «Кабы не было Германии, то не было б войны»; они свидетельствовали об остроте восприятия войны, которая разрушила привычный образ жизни[123]. И спустя тридцать-сорок лет после войны память вдовьей деревни сохранила, прежде всего, те частушки, в которых говорилось об «убитом *ягодиночке*»: «Всех ребят поубивали / Всех ребят поранили / Реки крови протекли / Около Германии»[124].

Как и частушки, все другие формы фольклора в 1940-е гг. давали гораздо более уничижительную характеристику врагу, чем народное творчество Первой мировой войны: «гадина немецкая (фашистская)», «немцы (германцы) – черти полосатые», «немчура проклятая», «шантрапа немецкая», «Гитлер – сатана (зараза, жаба, кривопузый, косолапый)»[125].

Однако довольно быстро с началом войны образ врага-фашиста принимал все более сильную национальную окраску, превращаясь в массовом сознании в образ врага-немца[126]. Во Вторую мировую войну память о сражениях с войсками императора Вильгельма была использована для характеристики противника. С началом войны публиковались материалы о зверствах немцев после 1914 г., о продолжении ими «традиций своих гнусных предков, псов-рыцарей в ненависти к славянам»[127]. Во время войны понятие «немец» приобрело широкий, обощающий смысл, обозначая не только одного человека, но и, в целом, фашистскую армию[128]. В народном сознании и после войны еще долго «немцы» и «фашисты» были синонимами[129]. Устные рассказы о войне повествовали не только о героизме народа, но и о злодеяниях оккупантов. Вовсе не под влиянием одной лишь пропаганды у солдат и населения росла ненависть к чужакам. К концу войны ненависть к немцам достигла апогея[130].

То, что в первой половине XX в. нашей стране дважды пришлось воевать с Германией, наложило отпечаток на сознание всех граждан. В отличие от ставшей уже совсем далекой Первой мировой войны, которую, к тому же затмили внутриполитические события, Вторая мировая коснулась – непосредственно или опосредованно – всех, и особенно российской деревни, отдавшей ей своих мужиков.

При всей сложности и противоречивости отношений с Западной Германией, а также с ГДР, в годы холодной войны мнение о немцах в СССР постепенно менялось. Вероятно, первая половина 60-х годов стала в этом смысле некоторым важным рубежом, причем рубежом и в памяти[131]. Во время войны тема отмщения все же была одной из центральных в агитации и пропаганде, в мыслях и чувствах советских людей. У многих вызывали отторжение неожиданные объяснения, с которыми выступали политотделы армий в соответствии с тезисом Сталина: «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается»[132].

Итак, какой предстает память крестьян о немцах Второй мировой войны? Немец – это страшный, хитрый, сильный, хорошо вооруженный враг. Воевавшие крестьяне помнили разные бои – и с большими потерями врагов, и с собственным бессилием. Конечно, во время войны, и в первые послевоенные годы хотелось удержать в памяти, как «два часа шел бой, и все-таки немцы не выдержали и отошли. Оставили 197 убитых» (запись 1947 г.). Таких памятных эпизодов немало. Это и реальность, и миф одновременно. «Немец, он хитер на выдумку, только выдумками ихними маленьких детей запугивать» (запись 1946 г.)[133].

Фронтовики вспоминают врага, с которым биться трудно:

> Держали мы оборону у самой Москвы. А фрицы чего вздумали: решили нас на испуг взять. Встали во весь рост и идут, и не пригибаются, ровно так идут и, главное, молчат. Ну что и говорить, испужался я спервоначалу-то здорово. Ну, а потом меня злость взяла. Да чо я, советский солдат, всякую паршивую немчуру бояться буду? И прямо весь испуг у меня прошел. И жду я без всякого страху, чтоб ближе подошли. А возле меня один солдатик лежал, елозил, елозил, потом замолк. Я глаза-то вбок скосил, а солдатика нет. Не на меня одного подействовало: дрогнули мои ребятки. Тут меня такое зло взяло… Я к пулемету – и жду. Фашисты, видать, почуяли, как наши дрогнули, и пошли, пошли. Тут я сыпанул длинными. И ничего больше не видел. Видел только, как падали фрицы… (1970-е)[134].

Практически каждый фронтовик был *одержим мыслью* убить врага. Многие вели счет уничтоженным ими врагам:

Меня ранило, а я ни одного фрица на тот свет не отправил. Потом все-таки одного уложил (запись 1942 г.).

Хлопнет немца, достанет ножичек и на винтовке ромашку вырежет. У нас в один из дней затишья, в феврале 43-го под Ленинградом 26 фрицев ухлопал (запись 1975 г.)[135].

Видели зверства фашистов на освобожденных советских землях. Очевидцы вспоминают, что невозможно было сдержать ярость бойцов, когда захватывали пленных – так велика была жажда мести[136].

Красноармейцы целенаправленно брали в плен немцев-«языков», у которых пытались вынудить показания о позициях врага, стратегических планах и т. д. В связи с подобными операциями многие помнят, прежде всего, свою удаль и хитрость. У врагов одна хитрость – техника, у нас – другая: смекалка. Помнили немецкую речь – «лалаканье» – и некоторые немецкие фразы «Хенде хох!», «Хальт», «Русише бункер ком», надписи на пряжных немецких поясах «Готт мит унс».

Память о немцах на фронте «открыта» для анализа, хотя и в ней, как будет видно ниже, существовали свои потаенные места. Напротив, память о немцах в оккупации и плену – наиболее «закрытая». Это объясняется рядом причин.

Период оккупации оставил глубокие следы в душах многих людей – страх сказать что-то лишнее. В самом начале войны крестьяне сомневались в том, что немцы, действительно, были настолько «нецивилизованными», и с недоверием относились к рассказам о фашистских зверствах. «Многие крестьяне знают, что немцы – “грамотный, образованный и чистый народ”. Им не верится, что такой народ может превратиться в банду грабителей, они часто совсем не верят рассказам о зверствах немцев и целях их войны», – отмечалось в одном из документов военного времени[137].

Психологический шок, моральное унижение, физическая боль – все это составило значительную часть памяти о войне, и подобные чувства «пережить» было непросто. Но именно этот пласт памяти чаще всего активизировался, поскольку совпадал с тем изображением войны, которое рисовали массовое сознание и официальная пропаганда.

Подобное восприятие оккупации характерно для всех сборников, публиковавших краткие крестьянские воспоминания и рассказы о войне, особенно в первые послевоенные годы.

Помню, пришли к нам немцы в село, ворвались, как волки голодные, жадные. Грабили, что и говорить, А людей как мучили. *Вспомнить страшно, сейчас даже спину сводит…* (записи 1947 г.)[138].

Мы не успели эвакуироваться. Пришлось в одном доме с немцами жить. Их было девять человек. Как утром просыпались, так начинали тут же шастать по домам, забирать яйцо, хлеб, масло, хватали кур. А вечером устраивали попойки, да такие, что приходилось убираться в сарай, чтобы остаться живой. Боялась я их (запись 1977 г.)[139].

«Немцы сожгли деревню», – в этой фразе из воспоминаний нет оценки, есть простая констатация страшного факта, с которого начинается точка отсчета другой жизни[140].

Русские крестьяне и немецкие оккупационные власти. Фотография из многотомного издания «Великая Отечественная война 1941–1945», опубликованного в 1985 г. в Москве.

Иногда все чувства и мысли – «за кадром». И все же память тех, кто пережил оккупацию, просто тонет в воспоминаниях о зверствах фашистов, независимо от того, к какому времени относятся записи рассказов и свидетельств[141]. И спустя тридцать-сорок лет после войны, вспоминая эти годы, люди произносят: «Я не могу рассказывать…». Вот свидетельство чудом избежавшей расстрела крестьянки:

> Со дня на день фашистов ждали. Палили, сволочи, все подряд… Грабили. На третий день погнали нас яму копать… Расстреливали стариков, женщин, детей у ямы. Земля шевелилась. Как живая. Боюсь я этого немца. По ночам и сейчас немцы перед глазами встают, руки ко мне тянут, в яму хотят столкнуть. Боюсь. Сердце холодеет, как вспомню (запись 1976 г.).

> «Вижу во сне, как наступают немцы, и я убегаю, прячусь…», – вспоминала крестьянка, в войну – девочка-подросток (запись 1970 г.).

> В 1942 г. я попал в плен. В плену мы навидались всяких ужасов. Умирали и воскресали.

> Мороз по коже, когда вспоминаю войну… И сейчас по ночам снятся мне больше цифры, а особенно 70896. Я не могу на них смотреть. Не забыть (запись 1975 г.)[142].

> Всяко было в плену – вспоминать не хочется.

То, что происходило на оккупированной территории и в плену, не укладывалось в рамки официальной концепции, а, значит, личная память людей становилась неугодной и неудобной. К страху от пережитого «под немцем» добавились дополнительные переживания: вскоре начались усиленные проверки «на лояльность» тех, кто жил на оккупированной территории. Травма памяти двойная – к пережитой во

время войны боли добавилась послевоенные мучения, длившиеся не одно десятилетие. Пребывание в плену влияло на всю дальнейшую жизнь. Многие прошли через лагеря, но и после освобождения со стороны гражданских властей было много притеснений. Бывшие заключенные сталкивались с большими проблемами при устройстве на работу и назначении пенсии, им отказывали в праве называться участниками Великой Отечественной войны (которое в общественном сознании повышало статус человека и, к тому же давало некоторые социальные льготы). Существовал негласный запрет на память, поэтому не было и желания делиться воспоминаниями о такой войне. Только последние десять-пятнадцать лет эта ситуация несколько изменилась.

Что же не укладывалось в рамки официальной концепции? Во-первых, отношение немцев к русским, во-вторых, поведение населения на оккупированной территории и в плену, в-третьих, репрессии советской власти.

Перефразируя часть предисловия одной из книг, посвященных Второй мировой войне[143], можно сказать, что воспоминания о немцах у советских крестьян составили «новую топографию памяти». Так какими были «различные» немцы в рассказах фронтовых солдат и гражданского населения оккупированных областей?

Конечно, немецкие солдаты принадлежали совершенно другому миру, и различия резко бросались в глаза: «Хохочут. Поют. На гармошках губных играют. По всей деревне в одних трусах скачут…»; «Один был большущий, носатый. Привез с собой радио (а мы и не слышали никогда радио), оно орет… Вот черти явились! Я боюсь, я таких не видела людей»[144]. Непонятная, «лающая» речь.

Однако в крестьянской памяти сохранились примеры, когда немцы проявляли человечность, – и таких случаев было немало. Крестьянка вспоминала, как зимой 1943 г. нищенствовала с грудной дочкой на руках. Однажды вышла на дорогу и увидела, как в ее сторону шел немец: «Я ему дочку протянула: “На, неси – я не вздолею!” А он: “Что я могу? Я солдат”. Но все же взял и понес. И корочку хлебца сунул ей в рот пососать»[145].

Когда гнали пленных советских солдат по деревням Псковской области, крестьянка кинула одному из них кусок хлеба. «А немец на хлеб наступил и на меня винтовку наставил. Бабы кричат: “Ой-я, голубка ен тебе застрелит!” А другей немец у того винтовку ногой сшиб. Тоже всякие немцы были. И наши всякие…» (запись 1973 г.)[146].

Подробно, до деталей, помнят крестьяне непривычные для войны эпизоды. Старый крестьянин рассказывал, как зимой 1942 г. ему пришлось пережить событие, которое до тех пор кажется ему невообразимым. Он тогда служил поваром в отряде, который стоял недалеко от неширокой речки: «Как-то перед обедом мы поехали с кухней за водой. Начерпали воды, а тут из бора с другой стороны выходят четыре немца. Все вооружены. А у нас – одна винтовка, да и та под сиденьем у конюха. Мы решили – будь, что будет. Они подошли, поздоровались. Один хорошо говорит по-русски. “Садись, комбат, давай курить”. Комбатом меня назвал».

Запомнилось такое невольное повышение по службе, произведенное врагом. Они сели. Русский солдат вытащил махорку, немецкий – сигареты. Неординарность ситуации передает фраза «*конюх мой подошел к лошади, раз тридцать перевязал супонь, пока мы разговаривали*». Кто это считал – сам ли автор рассказа или конюх? Или этот счет был, что называется, «навскидку», когда время измеряется не «по-

городскому» – часами или минутами, – а по ощущениям (что-то вроде «сутки пути», «до угла – до вечера» и т. п.). Закурили. А немецкий солдат продолжал: «Вот зачем мы воюем? Не надо друг друга убивать, нам ведь делить нечего». Потом он попросил у автора рассказа махорки, а тому в свою очередь предложил пачку сигарет. «Я ему подал восьмушку, а сигареты не беру. Он сунул в карман и говорит: “Вам надо кушать, и нам надо кушать. Скажи своему начальнику, чтоб не задевать друг друга. Будем брать воду из проруби и вы, и мы”. “Ладно, – говорю, – скажу”».

Потом все набрали воды, немецкие солдаты ушли, и русские поехали. Было страшно: «Здесь мы и трухнули: подумали, что сейчас как пальнут в спину, и больше не жить. Но немец, который говорил по-русски, свистнул, я оглянулся – они уже в лес уходят. Он помахал нам рукой, мы – тоже».

Когда они вернулись к своему отряду, командир спросил о причинах долгого отсутствия. Что было делать? Конюх рассказал, командир, конечно, не поверил. «И только тогда, когда я вытащил сигареты, поверил. Потом еще долго говорили об этом и так же за водой и ездили»[147].

Наконец, память рисует несвойственное военному времени, а главное, – атмосфере Великой Отечественной войны, отношение к немцам.

«Зимой 1942-го года пришла похоронка на отца. Она изменила мою жизнь. Мне хотелось отомстить за отца, за всех своих земляков, и я подала заявление в военкомат. Тогда мне было 16 лет», – вспоминала сельская жительница из Кировской области. – «Мы лечили также пленных немцев. Трудно это было делать. В душе была ненависть, чувство мести за погибшего отца. Как знать, может быть, передо мною именно тот фашист, который убил его. Но я боролась с этим чувством. Внушала себе, что передо мной прежде всего человек, которому плохо, и нужна моя помощь»[148].

Бывший боец вспоминал о своем участии в танковом наступлении в 1943 г. *на пшеничном поле* (курсив наш. – *И.К.*):

> Немцы, как тараканы, разбегаются по сторонам. И вдруг мое внимание привлек немец. Он тяжело бежал впереди танка, то и дело оглядывался назад. Я слегка сбавил скорость, и все смотрел в смотровое стекло на эту высокую сухощавую фигуру немца. В одно мгновение вспомнил я отца, такого же высокого и худого. Немец, видимо, выбился из сил, остановился, бросил оружие, повернулся ко мне лицом, руки вверх поднял. И я увидел его старое лицо. И такая тоска сжала сердце – не мог я по нему проехать. И метрах в 3–4 резко повернул танк в сторону. Часто вспоминаю лицо этого немца. *Кто знает, может быть, этот старик не по своей воле пошел на войну*[149].

Кто знает, не это ли *пшеничное поле* вызвало в памяти русского солдата образ отца, который был неожиданно перенесен на врага?

В 1976 г. крестьянину Псковской области Г. было 85 лет, и с Германией и двумя войнами была связана вся его жизнь. Он родился в бедной семье и в голодные времена ходил с матерью «по людям», то есть нищенствовал. В Германскую войну он получил золотой крест, который затем пожертвовал на революцию (за него документ выдали). Отвоевав в Гражданскую войну за советскую власть, вернулся в деревню. Как бедняку, ему выделили участок земли на болоте, который он своими руками осушил и выкорчевал. Работал, по собственному признанию, день и ночь, поднял хозяйство, женился. Надеялся на лучшую, заработанную кровью и трудом

жизнь. В колхоз не пошел, а к 1937 г. у него в единоличном хозяйстве было четыре коровы, за что был раскулачен, а затем по доносу председателя колхоза сослан на строительство железной дороги на Север, а потом остался на стройке вольным, поскольку в армию не мог идти по состоянию здоровья. Весной 1945 г. на общем перекуре кто-то сказал, что немцев с лица земли сотрут, на что получил возражение от Г.: «Это Гитлеру конец придет, а немцы останутся – куда ж народ денется?». За это Г. получил еще 10 лет, вернулся в колхоз в 1956 г. В 1976 г. ему, впервые в жизни получившему общегражданский паспорт, и была назначена пенсия в 22 рубля: 10 рублей «лагерных» и 12 – «колхозных». Г. видел справедливость лишь в том, что председателя колхоза, по доносу которого он был сослан, расстреляли, поскольку тот «во время войны служил немцам»[150].

Такая память становилась каналом, по которому от родителей передавались детям представления о других народах. И на первом месте по степени известности стояли немцы: «Раньше иностранных людей не знали, – вспоминали уже в 80-е гг. в вятском крае. – После войны только узнали, как за границей живут. Перенимали опыт. Родители говорили, что самый опытный народ – это немцы. Про умелых опытных людей говорили: “Как немец”»[151].

По воспоминаниям Любови П., 1923 г. р. (Калининградская обл., запись 1991 г.): когда в 1928 г. в их белорусской полесской деревне «начались колхозы», «люди не хотели идти… но шли, куда деваться: земли не давали». Ее семья в колхоз не вступала, но, видимо, была обложена повышенным налогом. Поэтому немецкий аграрный порядок представляется вполне терпимым: «В конце июня 1941 г. немцы были у нас (до 1944 г.). Дали землю людям. Сейте, пашите, живите сами. Колхозы распустили. Стали землю давать (подчеркнем, что респондент отметила этот факт дважды – *И.К.*), люди зажили. Ни налогов, ничего. Правда, хлеб забирали, так его в землю зарывали. А потом мололи и ели. Люди много хлебом тогда запаслись. Раненых лошадей давали, а хороших забирали»[152].

«Оружием слабых» как раз и можно назвать способность крестьян приспосабливаться к неблагоприятным условиям жизни, «этику выживания». Эта способность проявляется в разных формах.

* * *

Обе войны были связаны с огромным отрицательным опытом. В то же время, эти войны, благодаря солдатам, возвращавшимся с фронта, пробивали брешь в изолированном информационном поле деревни, которая раньше была оторвана от сообщений средств массовой информации и влияния официальной пропаганды. Фронтовики приносили в далекие уголки страны недоступные ранее сведения о мире и жизни. Конечно, это был очень жестокий способ обретения и передачи опыта, но он существовал и, несомненно, влиял на сознание и поведение людей.

Обе мировые войны оставили в памяти деревенских жителей глубокий след; обе воспринимаются как рубеж, разделивший жизнь на две части – «до войны – после войны». Тем не менее жители современной России относят эти оба понятия именно ко Второй мировой войне или, скорее, к Великой Отечественной, которая стала для русского народа символом XX века.

Память – это всегда процесс реконструкции прошлого. В воспоминаниях о войне отражаются всеобщие культурные нормы современности. Независимо от официальной памяти о войне у крестьян существовал и существует собственный мир, в котором война играет одну из главных ролей. Каковы доминанты крестьянской памяти о войнах?

«Прочтение» собственного опыта войны проходит у крестьян на фоне осознания своего положения в обществе, через отношение к земле, труду, семье и соседям, внешнему миру и власти. И все же во многом в памяти о войнах преобладает один сюжет – отношения между крестьянами и властью. Отсутствие у автора некоторых источников (например, современного фольклора о Второй мировой войне) не позволяет сделать определенный вывод о том, какие образы были внедрены в массовое сознание, а какие созданы самой коллективной памятью. Особенно в семейных историях крестьянству противостоит колосс власти, ввязавшей его в войну.

При анализе памяти о войнах следует иметь в виду разные культурные обстоятельства двух эпох. Вместе с тем, войны занимают в памяти крестьян настолько значительное место, что по силе своего воздействия на деревенскую жизнь они вполне могут быть сопоставимы с такими событиями, как аграрная революция 1902–1922 гг. и коллективизация. В Первой мировой воевали единоличные крестьяне царской России, их idea fix была земля, привязанность к которой в конечном счете определила нежелание воевать. Вспоминали же Первую мировую не только единоличные крестьяне, которые получили тогда землю, но и колхозники, у которых их землю власть отняла, но вспоминать об этом было опасно. И у тех, и у других память о войне была частью традиционной культуры. Во Второй мировой войне солдатами стали советские крестьяне-колхозники, которые также жаждали мира, но их ожидания были не столь очевидны и более противоречивы. Значительная часть мечтала о своей земле и сражалась за это. Другие, сражаясь за лучшую жизнь, связывали ее с колхозным строем. Третьи ожидали смены власти. Свой собственный опыт колхозники – вольно или невольно – сравнивали с коллективным опытом всего общества.

Военному искусству крестьянство противопоставляло свое искусство: испытанные крестьянские средства «этики выживания», «моральная экономика» и «оружие слабых» оказались самыми живучими и неподвластными ни времени, ни общественной системе социальными приемами «жизни вместе». Это способы неявного, скрытого повседневного сопротивления городу, власти, всем тем, кто претендуют на урезание крестьянского «общего пирога».

Крестьянам Первая мировая война запомнилась как «великая народная бойня», которая, с одной стороны, принесла противоречивый опыт плена с голодом, холодом, побоями и различными болезнями, а, с другой стороны – в знакомство с иным образом жизни и способом хозяйствования на земле. В памяти о Первой мировой войне отсутствуют романтика и героизм. Эта память лишена какого-либо пафоса, ей свойственны обыденность и повседневность. Вероятно, подобное восприятие характерно для людей, души и сердца которых очерствели на войне.

Если в памяти о Первой мировой войне остались прежде всего воспоминания о жестокостях военной машины, то Вторая мировая война запечатлела в массовом сознании примеры героизма и стойкости. Это воспоминания о людях, воевавших за высшие ценности – Родину, землю, детей. И Память об этих событиях должна писаться с заглавной буквы. В представлении крестьян, в Первую мировую воевали

два государства, поэтому сохранилась память о Германской войне, во Вторую мировую – народы, поэтому ее называют Отечественной войной. Вместе с тем, память о Второй мировой войне заметно индивидуализируется. Память о войне позволяет заново открыть героизм или, напротив, «дегероизировать» прошлое. Особенно это характерно для эпохи Второй мировой войны, память о которой нередко принимает форму ритуалов и образов-воспоминаний.

Если во время Первой мировой войны у участников формировались атеистические убеждения, то на фронтах Второй мировой многие, напротив, вновь обращались к религии, открывались церкви[153]. Различия, обусловленные гендерными аспектами, более заметны в воспоминаниях о Второй мировой войне. Если у женщин память зачастую принимает характер ритуала, то для мужчин бóльшее значение имеют конкретные события, которые, впрочем, играют роль и в женских воспоминаниях. В сознании крестьян переплетаются воспоминания о фронте и тыле, о героическом и повседневном. Война – это критерий оценки добра и зла, рубеж на шкале таких величин, как «хорошо/плохо», «сытно/голодно». Крестьяне вспоминают о понесенных человеческих потерях – на фронте, в тылу. Привыкшая к конкретным фактам, крестьянская память подсчитывает число домов в деревнях и количество жителей, мужчин и женщин до войны и после. До сих пор в деревенских домах хранятся вещественные свидетельства войны: письма и «похоронки», фотографии, гражданская одежда мужа, сына или отца, присланная с фронта (уходили на войну в «своем»), привезенные из Германии или выменянные у эшелонов вещи (швейная машина «Зингер», чашки и блюдечки и пр.).

Если в начале Первой мировой войны характерно негативное отношение к немцам, формируемое официальной пропагандой (и тогда их считали врагами), то затем у солдат («крестьян в шинелях») возникло и сохранялось в дальнейшем представление о том, что «немцы тоже люди», что «солдат ничем не виноват, хотя наш или немецкий». О немцах забыли буквально «на другой день» после окончания войны. В то же время, образ немцев в воспоминаниях о Первой мировой войне был весьма общим и неконкретным. Иное дело – Вторая мировая. В эту войну был приобретен негативный опыт оккупации, и память о ней целых поколений крестьян особенно противоречива. Трансформация образа врага – немцев, Германии, – происшедшая в годы войны в официальной пропаганде и массовом сознании, повлияла и на крестьянскую память, сделала неоднозначными последующие оценки и суждения. Это была память о конкретных врагах и людях, причем память разноплановая, в которой, тем не менее преобладали негативные впечатления.

Говоря о военной памяти, не стоит упускать из виду невербальные, телесные ощущения. Усталость, нервное перенапряжение, болезни, раны, инвалидность, вдовство и одинокая старость – эту ношу тащат на себе крестьяне. Поэтому так «хочется все забыть»[154].

Отнюдь не всё в памяти крестьянства России доступно постороннему. Пристанищ у памяти – если судить по свидетельствам тех, кто пережил мировые войны в других странах, в других социальных группах, – гораздо больше, чем нам дано в настоящее время познать. Только вот современников войны остается в наше время все меньше и меньше. Все ли передано потомкам? Все ли потомки хотят и способны помнить?

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Бергсон А.* Материя и память. Исследование об отношении тела к духу. Пер. с фр. – СПб., 1911; *Alon Confino: T*he nation as a local metaphor: Württemberg, imperial Germany, and national memory, 1871–1918. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997; *Maurice Halbwachs:* Les cadres sociaux de la memoire. P. 1925; *Idem.* The Collective Memory. – N.Y., 1980; *F. Heins:* Über Geschichtsbilder in Erinnerungserzählungen, in: Zeitschrift für Volkskunde 89, 1 (1993). S. 63–77; *Jacques LeGoff:* Geschichte und Gedächtnis. Aus dem Franz. von Elisabeth Hartfelder. – Frankfurt a. M – N.Y. – P., 1992; *John Nerone:* Professional History and Social Memory, in: Communication 11(1989). P. 89–104; *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Memoire, in: Geneviève Fabre, Robert O'Meally (Hrsg.): History and Memory in African-American Culture. – N.Y. – Oxford, 1994. P. 284–300; *Nurit Schleifman:* The Uses of Memory: The Russian Province in Search of Its Past, in: Russia at a Crossroads. History, Memory and Political Practice, ed. by Nurit Schleifman. – London, 1998. P. 7–32.

[2] *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Memoire. P. 292.

[3] *Гордон А.В.* Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. – М.,1989; *Козлова Н.Н.* Социально-историческая антропология. – М., 1999. С. 45–58; *Шанин Т.* Понятие крестьянства // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. Сост. Т. Шанин. – М., 1992. С. 8–20.

[4] См. *James C. Scott.* The moral economy of the peasant. Rebellion and subsistence in Southeast Asia. – New Haven, 1976.

[5] Первая мировая война. Пролог XX века. Отв. ред. В.Л. Мальков. – М., 1998. С. 678; *John Keegan:* The Face of Battle. – L., 1975; *Reinhart Koselleck:* Der Einfluß der beiden Weltkriege auf das soziale Bewußtsein, in: Der Krieg des Kleinen Mannes. Eine Militärgeschichte von unten (hrsg. Von Wolfram Wette). – München, 1992. S. 324–343; *Hans-Joachim Schröder:* Der Zweite Weltkrieg aus der Sicht ehemaliger Mannschaftssoldaten. – Tübingen, 1991; *J.M. Winter:* Catastrophe and Culture: Recent Trends in the Historiography of the First World War, in: The Journal of Modern History 64, 3 (1992). P. 525–532; *Robert Wohl:* Rev.: The Soldiers' Tale: Bearing Witness to Modern War, by Samuel Hynes. – N.Y., 1997, in: The Journal of Modern History 71, (1) 1999. P. 170–172.

[6] Цит. по: *Wohl:* Rev.: The Soldiers' Tale: Bearing Witness to Modern War. P. 172.

[7] Ibid. P. 171.

[8] *Бердинских В.А.* Народ на войне. – Вятка, 1996. С. 173, 322; *Симонов К.М.* Солдатские мемуары. – М., 1985. С. 292.

[9] *Хеттлинг М. (Manfred Hettling):* Виновники или жертвы? Новая германская литература о Сталинграде // Отечественная история. 1995. № 6. С. 127.

[10] *Буганов А.В.* Русская история в памяти крестьян XIX в. и национальное самосознание. – М., 1992.

[11] *Оболенская С.В.* Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей 1991. – М., 1991. С. 182–183. См. также: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XIX в. – М., 1998. С. 36–37.

[12] *Оболенская С.В.* Указ. соч. С. 177–179; См. об этом: Россия и Запад. С. 54–55.

[13] Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 годы. – М., 1995 С. 91–95; Костромская деревня в первое время войны. – Кострома, 1916. С. 85–91, 133; *М.Л.* Великая всемирная война. Руководство и материалы к ведению народных чтений о современных событиях. – Полтава, 1916.

[14] *Симаков В.И.* Частушки. Изданы по записям 1914–1915 гг. – Пг., 1915. С. 8, 10.

[15] Частушки. Библиотека русского фольклора. Т. 9. – М., 1990. С. 139–146; Костромская деревня в первое время войны. С. 111–118.

[16] Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 454. Оп. 1. Д. 27. Л. 79–80 (Письма с фронта в газету «Земля и воля», 1917 г.); *Войтоловский Л.* По следам войны. Походные записи. Пред. Д. Бедного. Ч. I. – Л., 1925. С. 71, 87, 111. Ч. II. – Л., 1927. С. 69; Костромская деревня в первое время войны. С. 109, 123–124, 130.

[17] *Блок М.* Апология истории, или ремесло историка. – М., 1986. С. 63

[18] Российский государственный музей современной истории России (РГМСИР). ГИК. Инв. № 9/119. Документ «Письмо солдата с фронта к отцу и жене о тяжелых условиях жизни на фронте и о нежелании солдат воевать» (1916 г.). См. также: *Войтоловский Л.* По следам войны. Ч. I. С. 33.

[19] *Молоствова Е.* Солдатские письма. – Б. м., 1917. С. 9.

[20] См. *Лотман Ю.М.* Несколько мыслей о типологии культур // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3-х т. – Таллинн, 1992. Т. 1. С. 103.

[21] См. об этом в европейском материале: *Paul Fussel:* The Great War and Modern Memory, in: Idem: Wartime: Understanding and Behavior in the Second World War. – N. Y., 1989; *Winter J. M.* Catastrophe and Culture: Recent Trends in the Historiography of the First World War.

[22] *Молоствова Е.В.* Солдатские письма. С. 32.

[23] РГМСИР. ГИК. Инв.№ 9/119. Документ «Письмо солдата с фронта к отцу и жене о тяжелых условиях жизни на фронте и о нежелании солдат воевать» (1916 г.).

[24] *Войтоловский Л.* По следам войны. Ч. I. С. 34. Ч. II. С. 112, 125; Костромская деревня в первое время войны. С. 93, 131. *Молоствова Е.В.* Солдатские письма. С. 15–18, 30–34; *Федорченко С.Ф.* Народ на войне. – М., 1990. С. 24–83, 98–104., 168–204.

[25] РГМСИР. ГИК. Инв. № 9/118. Документ «Агаша и Маша» (Письмо с фронта, 1916 г.); *Арамилев В.* В дыму войны. Записки вольноопределяющегося (1914–1917). – М., 1930. С. 81. Костромская деревня в первое время войны. С. 130–131; *Оськин Д.* Записки солдата. – М., 1929. С. 35–36.

[26] Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. С. 91, 95, 97, 100, 105, 109, 123, 147, 167–168, 171.

[27] Россия и Запад. С. 244–245.

[28] Документ «Агаша и Маша».

[29] *Гиббс Ф.* Душа войны. Впечатл. корр. с Зап. фронта. Пер. с англ. // Помни о войне. Сб. сост. Гришин М. И. – М.–Л., 1924. С. 211–216.

[30] ОПИ ГИМ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 27. Л. 1, 9, 47–48, 91 (Письма с фронта в газету «Земля и воля», 1917 г.); Костромская деревня в первое время войны. С. 96–97.

[31] РГМСИР. ГИК. Инв. № 9/118. Документ «Дорогой товарищ П.Н.» (Письмо с фронта, 1916 г.).

[32] ОПИ ГИМ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 27. Л. 91 об. (Письма с фронта в газету «Земля и воля», 1917 г.).

[33] *J.M. Winter:* Catastrophe and Culture: Recent Trends in the Historiography of the First World War.

[34] Цит. по: *Robert Wohl.* Rev.: The Soldiers' Tale: Bearing Witness to Modern War. P. 172.

[35] *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997; *Кабанов В.В.* Влияние войн и революций на крестьянство // Революция и человек. Социально-психологический аспект. – М., 1996. С. 142–146; Первая мировая война. Пролог XX века. – М., 1998. С. 9

[36] *Арамилев В.* В дыму войны. С. 22, 110, 227; *Войтоловский Л.* По следам войны. Ч. I. С. 39–40, 62, 69, 110, 152; Ч. II. С. 27, 81; *Федорченко С.В.* Народ на войне. С. 70.

[37] 1917 год в деревне (Воспоминания крестьян). – М., 1967; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 765. Лл. 1–10 об. 28 (Воспоминания крестьян об аграрном движении 1917 г., 1925 г.).

[38] См. об этом: *M. Schudson:* The Present in the Past versus the Past in the Present, in: Communication 11 (1989). P. 105–112.

[39] См.: *J.C. Scott:* Everyday Forms of Resistance, in: Everyday Forms of Peasant Resistance, ed. by Forrest D. Colburn. – N.Y. – L., 1989. P. 3–33.

[40] Письма, в том числе в «Крестьянскую газету», уже привлекались в качестве основы для изучения сознания крестьянства. В литературе подробно освещен вопрос содержательной репрезентативности подобных корреспонденций. Отмечается, что письма отражают типичные воззрения, свойственные деревне. См.: *Ибрагимова Д.Х.* НЭП и Перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. – М., 1997.

[41] РГАЭ. Ф. 396. Оп. 5. Д. 210. Л. 618 (Письма крестьян на Всесоюзный митинг «Крестьянской газеты», 1927 г.); Оп. 9. Д. 106. Л. 44–45 (Автобиографии селькоров «Крестьянской газеты», 1924–1928 гг.).

[42] См. об этом: *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке. С. 53, 198.

[43] Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. С. 128; ОПИ ГИМ. Ф. 433. Оп. 2. Д. 3. Л. 15–17 (Письма в действующую армию из деревни. 1916–1917 г.); Российский государственный архив современной политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 825. 85–86. См. также: Л. 17–18; Оп. 85. Д. 19. Л. 221 и др. (Письма крестьян в газеты «Беднота» и «Крестьянская газета», 1924–1927 гг.)

[44] РГАЭ. Ф. 396. Оп. 5. Д. 210. Л. 60 (Письма крестьян на Всесоюзный митинг «Крестьянской газеты», 1927 г.).

[45] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 916. Л. 2–10 и др. Д. 825. Л. 17; Оп. 85. Д. 19. Л. 38, 62, 200, 291–303; Д. 484. Л. 70–70 об. (Письма крестьян в ЦК ВКП(б), в газеты «Беднота» и «Крестьянская газета», 1924–1927 гг.); РГАЭ. Ф. 396. Оп. 6. Д. 1. Л. 1; Д. 119. Л. 7; Оп. 9. Д. 37. Л. 103–104; Д. 59. Л. 182–183; Д. 101. Л. 356; Д. 106. Л. 328; Д. 155. Л. 138–139 (Письма крестьян в «Крестьянскую газету»; автобиографии селькоров).

[46] *Бердинских В.А.* Народ на войне. – Киров, 1996. С. 179; Опыт историко-социологического изучения села «Молдино». – М.,1969. С. 85–87.

[47] РГАЭ. Ф. 396. Оп.3. Д. 313. Л. 9–10 об. (Воспоминания крестьян, 1927 г.); См. также: *Ершов С.Ф.* Страницы прошлого. – М., 1962. С. 38–39.

[48] Цит. по: Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919. – М., 1997. С. 22.

[49] См. об этом подробнее: *Кознова И.Е.* Крестьяне и власть в аграрных преобразованиях XX в. Матер. конф. – М.–Тамбов, 1996. С. 56–65.

[50] РГАЭ. Ф. 396. Оп. 6. Д. 123. Л. 15 (Письмо в «Крестьянскую газету»).

[51] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 16. Л. 95–101 (Письма крестьян в газеты «Беднота» и «Крестьянская газета», 1924–1927 гг.); РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 352. Л. 105 (Письмо в «Крестьянскую газету»).

[52] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 741. Л. 131–150; Д. 858. Л. 86; Оп. 85. Д. 19. Л. 139 Д. 311. Л. 138 (Сводки ЦК ВКП(б) о положении деревни, письма крестьян в газеты «Беднота» и «Крестьянская газета», 1924–1927 гг.).

[53]РГАЭ. Ф. 396. Оп. 5. Д. 3 Л. 47, 111–114; Оп. 5. Д. 210. Л. 482 (Письма крестьян, 1927 г.).

[54] *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. – М., 1992. С. 38–42; *Козлова Н.Н.* Социально-историческая антропология. – М., 1999. С. 49–50.

[55] РГАЭ. Ф. 396. Оп. 4. Д. 27. Л. 177–182 (Воспоминания крестьян, 1926).

[56] *Арамилев В.* В дыму войны. С. 96, 101, 159–161, 227; *Войтоловский Л.* По следам войны. Ч. I. С. 19, 32; *Звонов Н.Я.* Сказания княжереченских воинов. – Ярославль, 1989. С. 41; *Кирш Ю.* Под сапогом Вильгельма. – М.–Л., 1925. С. 34–35; *Молоствова Е.* Солдатские письма. С. 21–25; *Оськин Д.* Записки солдата. С. 62–63, 75–81, 148; Устные рассказы забайкальцев о двух войнах. Записи, вступ. статья и прим. Л. Элиасова. – Улан-Удэ, 1956. С. 63.

[57] *Молоствова Е.* Солдатские письма. С. 26–27, 49.

[58] РГМСИР. ГИК. 39489/38 в. Записная книжка рядового Ник. Бурова (1915–1916 гг.).

[59] РГАЭ. Ф. 396. Оп. 4. Д. 27. Л. 387. Этот отрывок из «Обращения» был опубликован, правда, с соблюдением правил современной орфографии. См.: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. – М., 1997. С. 19–20.

[60] Сохранился дневник бывшего военнопленного того же лагеря Черска, где находился и автор письма. См.: РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 817. Дневник, правда, принадлежал человеку иной культурной традиции.

[61] РГМСИР. Отдел фондов. ГИК ВС 543. Стихотворение «Умершим в плену Германии в 1914–1918 гг.» военнопленного, находившегося в Германии.

[62] ГАРФ. Ф. А-628. Оп. 1. Д. 673. Л. 22; Д. 672. Лл. 39, 43, 44 (Автобиографии народных сказителей из фонда Дома народного творчества им. Н.К. Крупской, 1940).

[63] Войны кровавые цветы: Устные рассказы о Великой Отечественной войне / Сост. А. Гончарова. – М., 1979. С. 115.

[64] РГАЭ. Ф. 396. Оп. 9. Д. 20. Л. 108, 159; Д. 27. Л. 87; Д. 88. Л. 7–8, 91–92, 99; Д. 101. Л. 131–132; Д. 106. Л. 249–250 (Автобиографии селькоров «Крестьянской газеты», 1924–1928 гг.); РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 817 (Дневник военнопленного, 1916–1918); *Левин К.* Записки из плена. – М., 1930. С. 223, 227; *Моисеенко И.* В плену у немцев. – М., 1916.

[65] РГАЭ. Ф. 396. Оп. 4. Д. 27. Л. 389 об. (Воспоминания крестьян, 1926).

[66] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 16. Л. 176–177.

[67] *Бердинских В.А.* Народ на войне. С. 18

[68] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 28. Д. 327. Л. 58.

[69] РГАЭ. Ф. 396. Оп. 9. Д. 20. Л. 108, 159; Д. 27. Л. 87; Д. 44. Л. 85–86; Д. 88. Л. 7–8, 91–92, 99; Д. 101. Л. 131–132, 207–208; Д. 106. Л. 249–250; Д. 155. Л. 138–139 (Автобиографии селькоров «Крестьянской газеты», 1924–1928 гг.).

[70] Там же. Оп. 3. Д. 378. Л. 103–103 об. (Письмо в «Крестьянскую газету», 1926 г.)

[71] См.: *Иникова С.А.* Советские праздники в русской деревне // Российский этнограф. Вып. 3. – М., 1993. С. 122–139.

[72] См.: *Мурин В.А.* Быт и нравы деревенской молодежи. – М.,1926. С. 42.

[73] *Бердинских В.А.* Народ на войне. С. 95, 105.

[74] См.: *Ферретти М.* Политика памяти в современной России: запрет на нацизм // Другая война. 1939–1945. – М., 1996. С. 413–414.

[75] См.: Русский фольклор Великой Отечественной войны. – М.–Л., 1964; Традиции и современность в фольклоре. – М., 1988. С. 139–148; *Гончарова А.В.* Русский фольклор о Великой Отечественной войне. – Калинин, 1985; Народное творчество в годы Великой Отечественной войны. Сост. В.А. Тонков. – Воронеж, 1951.

[76] Другая война. 1939–1945. С. 310.

[77] *Тульцева Л.А.* Вдовья доля. С. 24–25.

[78] См.: *Бордюгов Г.А.* Великая Отечественная война и обманутые надежды // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. – М., 1991. С. 257–283.

[79] См. об этом: *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы. 1945–1964. – М., 1993. С. 42, 36.

[80] *Ерофеева Л.В.* Народное поэтическое творчество передовых колхозов (по материалам Калининской обл.). Рукопись канд. дисс. – М., 1953. С. 176.

[81] РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 33, 34, 160, 197 и др. (Письма в газету «Сельская жизнь», 1970-е гг.); РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 205, 210 381, 511 и др.; Оп. 2. Д. 30 и др. (Письма в Совет по делам колхозов, 1946–1950 гг.). См. также: *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 - март 1953). Сборник документов. – М., 1993.

[82] К аграрной программе «Яблока». Голоса крестьян-2. Часть 1. Крестьяне Белгородской области пишут в Думу. – М., 1999. С. 17, 20. Часть 2. Крестьяне Новгородской области пишут в Думу. – М., 1999. С. 3, 5, 28.

[83] Войны кровавые цветы. С. 41, 91.

[84] *Бердинских В.А.* Народ на войне. С. 317; Войны кровавые цветы. С. 97–98.

[85] Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. – М., 1996. С. 307.

[86] См.: *И.Е. Кознова.* Социальная память: Потери и приобретения // Власть 2. 1999. С. 59–65.

[87] См. об этом: *Вайль П., Генис А.* 60-е: мир советского человека. – М., 1996. С. 88–96; *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке. С. 96–97.

[88] Устные рассказы забайкальцев о двух войнах. С. 262.

[89] См.: Другая война. 1939–1945.

[90] *Иванов Б.* Солдатушки, бравы ребятушки // Воин. 1995. № 1. С. 23; *Бердинских В.А.* Народ на войне. С. 10, 133–134

[91] Спустя полвека. Народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Курган, 1994. С. 32.

[92] Там же. С. 28–29

[93] *Звонов Н.Я.* Сказания княжереченских воинов. С. 38, 41–42, 48–50, 81–83, 89, 105–106; *Иванов Б.* Солдатушки, бравы ребятушки. С. 24–25.

[94] См. также: *Бердинских В.А.* Народ на войне. С. 128; Спустя полвека. С. 30.

[95] *Иванов Б.* Солдатушки, бравы ребятушки. С. 20–21.

[96] *Федорченко С.В.* Народ на войне. С. 82, 125, 277, 361 и др.

[97] *Paul Fussel:* The Great War and Modern Memory. P. 115–117.

[98] Ср.: *Бордюгов Г.А.* Великая Отечественная война и обманутые надежды. Указ. соч.

[99] *Бердинских В.А.* Народ на войне. С. 69; Войны кровавые цветы. С. 165; Спустя полвека. С. 9–11.

[100] Спустя полвека. С. 9–10.

[101] *Paul Fussel:* The Great War and Modern Memory. P. 120.

[102] Спустя полвека. С. 11–14, 20; 60 лет колхозной жизни глазами крестьян. Публ. Е.Н. Разумовской // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. – М.,1991. С. 138.

[103] Спустя полвека. С. 18–19.

[104] *Разумовская Е.Н.* Плач с «кукушкой». Традиционное необрядовое голошение русско-белорусского пограничья. По материалам экспедиции 1971–1981 гг. // Славянский и балканский фольклор. Этногенетическая общность и типологические параллели. – М., 1984. С. 166–171.

[105] *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы. 1945–1964. – М.,1993. С. 42, 36.

[106] 60 лет колхозной жизни глазами крестьян. С. 134, 138.

[107] См.: *Кознова И.Е.* Аграрная модернизация России и социальная память крестьян // Реформаторские идеи в социальном развитии России. – М., 1998. С. 212–232.

[108] *Бердинских В.А.* Народ на войне. С. 253, 28 и др.

[109] РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 95. Л. 277. См. также Лл. 74, 160–169, 313–316, 440; Д. 70. Л. 230 (Спецсообщения ОО НКВД, 1940–1941 гг.).

[110] *Зензинов В.М.* Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию 1939–1940 гг. – Нью-Йорк, 1944. С. 184–207, 304, 353, 366, 430–431, 533, 541 и др. См. также: *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». С. 205–210.

[111] Вокруг раскрестьянивания // В человеческом измерении. – М., 1989. С. 132–134; *Кожевникова К.* Монолит // Литературная газета. 1990. 13 июня.

[112] *Зубкова Е.Ю.* Мир мнений советского человека. 1945–1948 гг. // Отечественная история. 1998. № 3. С. 29–33.

[113] 60 лет колхозной жизни глазами крестьян. С. 118, 123, 127, 130, 144.

[114] Междисциплинарный академический центр социальных наук (г. Москва) // Архив российско-британского проекта «Социальная структура советской деревни» CD-ROM. TVER.

[115] *Бердинских В.А.* Народ на войне. С. 29, 31, 91, 220–221, 228–230, 231–232, 234, 238, 246, 269. См. также: С. 236–248, 250–264, 267–284, 303–311.

[116]Междисциплинарный академический центр социальных наук (г. Москва) // Архив российско-британского проекта «Социальная структура советской деревни» CD-ROM. TAMBEL.

[117] Спустя полвека. С. 75–80.

[118] См.: Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. – М., 1996. С. 117–121.

[119] *Сенявская Е.С.* 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. – М., 1995. С. 196–198.

[120] См.: *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939–1941 гг. – М., 1997; Россия и Запад. С. 235–276.

[121] *Иванов Е.П.* Русский народный лубок. – Л., 1937. С. 83; см. также: *Оболенская С.В.* Указ. соч. С. 178.

[122] РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 70. Л. 189, 239; Д. 95. Л. 67, 169. См. также: Д. 70. Л. 176, 179–180, 187–188, 209, 233–236, 244–246; Д. 95. Л. 94, 159, 161, 252 (Спецдонесения ОО НКВД, 1939–1941 гг.).

[123] Русский фольклор Великой Отечественной войны. С. 155, 182–186; Частушки. Библиотека русского фольклора. Т. 9. С. 147.

[124] *Тульцева Л.А.* Вдовья доля (заметки этнографа) // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 20–21.

[125] Частушки. Т. 9. С. 166–189.

[126] Россия и Запад. С. 248–276.

[127] См.: *Марков С.* Зверства немцев в первую мировую войну. – М., 1941.

[128] *Гончарова А.В.* Русский фольклор о Великой Отечественной войне. – Калинин, 1985. С. 59–61; Устные рассказы забайкальцев о двух войнах. С. 206–260.

[129] Россия и Запад. С. 272.

[130] *Поляков Ю.А.* Почему мы победили. О массовом сознании в годы войны // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 71; Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 4. Народ и война. – М., 1999. С. 16.

[131] Об изменении коллективной памяти о Второй мировой войне в Германии см.: *Рюруп Р.* Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 77–81.

[132] Дословный текст высказывания Сталина, произнесенного 23 февраля 1942 г., в день 20-летнего юбилея Красной Армии: «Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается». – *Прим. нем. ред.*

[133] Войны кровавые цветы. С. 16, 34.

[134] Спустя полвека. С. 34.

[135] Войны кровавые цветы. С. 57.

[136] *Бердинских В.А.* Народ на войне. С. 219; *Звонов Н.Я.* Сказания княжереченских воинов. С. 103–105.

[137] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Оп. 20. Л. 166–167; Оп. 123. Д. 113. Л. 2, 55; Оп. 125. Д. 85. Л. 79–82 (Справки, записки инструкторов оргинструкторского и сельхозотделов ЦК ВКП(б), 1942 г.)

[138] Войны кровавые цветы. С. 41.

[139] Спустя полвека. С. 56.

[140] 60 лет колхозной жизни глазами крестьян. С. 1136, 138.

[141] *Бердинских В.А.* Народ на войне. С. 129; Войны кровавые цветы. С. 93–154, Спустя полвека. С. 53–65.

[142] Там же. С. 91; Спустя полвека. С. 58–59, 60–63.

[143] Войны кровавые цветы. С. 117; Спустя полвека. С. 58.

[144] Там же. С. 155–158; Спустя полвека. С. 65, 67. См. также С. 66–73;

[145] World War 2 and the Soviet People. Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies, ed. by John Garrand. – Harrogate, 1990. P. XIX–XX.

[146] 60 лет колхозной жизни глазами крестьян. С. 138, 140.

[147] Спустя полвека. С. 44–45.

[148] *Бердинских В.А.* Народ на войне. С. 131–133. См. также: С. 302.

[149] Спустя полвека. С. 45–46.

[150] 60 лет колхозной жизни глазами крестьян. С. 135.

[151] *Бердинских В.А.* Народ на войне. С. 97.

[152] Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр) // Архив российско-британского проекта «Социальная структура советского села» CD-ROM. ZAPAD. His1petr. *Бердинских В.А.* Народ на войне. С. 173, 322.

[153] О развитии религиозных настроений в советском обществе и о деятельности Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны см. в данном издании: *Татьяна Чумаченко.* «Пожертвования и молитвы за победу. Русская православная церковь в годы войны СССР с гитлеровской Германией».

[154] *Бердинских В.А.* Народ на войне. С. 173, 322.

Татьяна Чумаченко

ПОЖЕРТВОВАНИЯ И МОЛИТВЫ ЗА ПОБЕДУ. Русская православная церковь в годы войны СССР с гитлеровской Германией

22 июня 1941 г. по радио прозвучало заявление правительства о внезапном нападении фашистской Германии на Советский Союз. В тот же день патриарший местоблюститель митрополит Сергий (Страгородский) обратился к «пастырям и пасомым Православной Христовой Церкви»:

> …фашиствующие разбойники напали на нашу Родину… Но не в первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С божьей помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу… Православная наша церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг…[1].

Глава Русской православной церкви однозначно определил позицию церкви в начавшейся войне как патриотическую.

Позиция эта казалась нелогичной, неправильной, ошибочной…

Не открыл ли день Всех Святых, в земле Российской просиявших, путь к освобождению Церкви от 20-летнего плена «безбожной власти»? Не направлен ли скальпель «германского хирурга», как восклицал в своей статье в июне 1941 г. архимандрит Иоанн (Шаховской)[2], Высшей Волей? Не разумнее ли было занять нейтральную позицию, «позицию индифирентного невмешательства», ведь вопрос «кто – кого» решался тогда не в пользу советского руководства?[3]

Какую Родину призывает защищать Сергий? Могли ли назвать эту страну Родиной сотни тысяч поборников православия, вынужденных уйти в катакомбы, томящихся в тюрьмах, лагерях, ссылке? Что дала эта Родина русской Церкви, миллионам верующих, кроме унижений, горя и слез?

Накануне: церковно-религиозная жизнь в СССР на рубеже 30–40-х гг.

«Страна – пустыня», «Церковь ушла из жизни…» – таково общее впечатление современников о церковной жизни СССР в конце 30-х гг. Советская власть была близка к цели, которую она последовательно реализовывала с момента своего утверждения – уничтожить Церковь как социальный институт и религиозную веру как идеалистическое мировоззрение.

К концу 30-х гг. организационная структура патриаршей церкви была разрушена – она перестала быть единым организмом. Со времени смерти патриарха Тихона[4]

Если великолепие церквей Московского Кремля (слева) всегда находилось под надежной защитой, то судьба божьих домов за пределами его стен была трагичной: вид церкви, которую использовали в качестве загона для скота, МКАД, конец 1980-х гг. (справа).

Церковь не могла провести избрание нового патриарха – главой РПЦ являлся Местоблюститель патриаршего престола[5]. Из-за невозможности пополнить свой состав иерархами в 1935 г. прекратил свою деятельность Священный Синод. Московская патриархия была лишена возможности издавать религиозную литературу. Единственный «Журнал Московской патриархии», который власть разрешила публиковать в 1931 г., выходил нерегулярно, а в 1935 г. был закрыт окончательно.

С 1928 г., времени «самороспуска» высших богословских курсов в Ленинграде, патриаршая церковь потеряла и возможность готовить кадры священнослужителей.

Репрессии против духовенства[6] привели к резкому сокращению его численности. Из иерархов РПЦ в 1939 г. на свободе оставались лишь два митрополита и два архиепископа.

К 1939 г. в стране насчитывалось чуть более 100 действующих православных храмов. В большинстве областей СССР функционировала лишь одна церковь, а 25 областей вообще считались «бесцерковными». К этому времени на всей территории страны не было ни одного действующего монастыря[7].

В количественном отношении ситуация немногим улучшилась после присоединения Прибалтики, Бессарабии, западных областей Украины и Белоруссии. Под юрисдикцию Московской патриархии перешли духовенство, храмы и монастыри этих земель. К началу войны Русскую православную церковь представляли 6376 священнослужителей, 28 епископов; РПЦ имела 3021 храм и 64 монастыря[8].

На западные территории вместе с советской властью пришло и советское законодательство о религиозных культах. В соответствии с ним начался процесс национализации церковной собственности, прекратили свою деятельность религиозные партии, закрылись церковные типографии, духовенство было обложено советскими налогами, в школах было запрещено преподавание Закона Божьего. Вновь сбрасывались колокола, закрывались церкви, вновь священники «добровольно отказывались от сана». Шашко – священник белорусской деревни Лаховка в Пинской области – писал в епархиальное управление осенью 1940 г.: «…Из деревень Озерница,

Лаховка с приходом советской власти и вовсе не обращаются… в деревне Любачи многие заражены безбожием… Местная молодежь в деревне Красная Воля ворвалась в церковь, одевала на себя облачение, танцевала и пр…». Священник просит управление не присылать третьего служителя: «…опасаюсь, что верующие оттолкнутся, т. к. они не в силах будут содержать трех членов причта, и могут быть непредвиденные недоразумения»[9].

Не приходилось сомневаться в том, что православную церковь западных областей ожидала участь Церкви центральных районов СССР.

Церковь ушла из жизни страны. Но только внешняя, видимая ее часть. «Закрывались храмы, но вера оживала, лишь уходила в подполье», – писала в 1948 г. Наталия Китер, вспоминая предвоенные годы. – Появились священники, объезжающие со Святыми Дарами лишенные храмов области, совершающие тайные богослужения… Росли подпольные братства… кипела самоотверженная деятельность, направленная к поддержке и помощи всем нуждающимся в помощи…»[10]. Функционировали подпольные монастыри, нелегально действовали семинарии, молитвенные дома. Так называемые «бродячие попы» стали неотъемлемой частью церковно-религиозной жизни 30-х гг. Переходя из деревни в деревню, из области в область, они тайно совершали религиозные обряды и требы. Причем большинство священников – «полукатакомбников», по словам Н. Китер, – не противопоставляли себя митрополиту Сергию, не порывали связи с Московской патриархией.

Все это свидетельствовало о высоком уровне религиозности населения, которая, впрочем, ни для кого не была большим секретом. Председатель Союза Воинствующих Безбожников Ем. Ярославский на очередном Пленуме своей организации в 1938 г. был вынужден признать, что в стране высок процент верующих, а в деревнях он доходит до 70 %, «несмотря на отсутствие храмов и священников»[11]. Традиционно к верующим власть причисляла пожилых людей, женщин-домохозяек, «несознательный элемент». Но, в то же время, органы на местах с беспокойством фиксировали факты участия в богослужениях военнослужащих, представителей интеллигенции, коммунистов. Уполномоченный Комиссии Партийного Контроля при ЦК ВКП(б) на Кавказе Астраханцев в июне 1941 г. писал председателю КПК:

> …в пасхальные дни не выходили на работу до 2 тысяч колхозников… даже коммунисты и комсомольцы… У коммунистов …имеются дома иконы, дети крещены в церкви…[12].

Активной церковно-религиозная жизнь была на территории западных областей страны. Здесь в числе «религиозных фанатиков» назывались даже учителя, а ведь на них лежала ответственность за воспитание подрастающего поколения – «будущих строителей социализма». Секретарь ЦК ВКП(б) Белоруссии по пропаганде Малин в феврале 1941 г. информировал свое начальство:

> …Учитель дер. Ходевичи Петрорецкого с/с Слонимского района Барановичской области Томильчик на вопрос, как он ведет антирелигиозную пропаганду в школе ответил: «Никто меня не убедил, что Бога нет, и вы меня не убедите, в этом духе я буду воспитывать детей». Заведующий дер. Правская Озерицкого сельсовета того же района Руф Г.О., будучи на курсах в г. Слоним, проходя мимо иконы «божьей матери» (так в тексте – *Т.Ч.*), осмотревшись кругом, нет ли кого поблизости, встал на колени и начал молиться[13].

Информация Малина свидетельствовала не только о религиозности населения, но и об авторитете и уважении, которым священнослужители пользовались у населения. Он приводит такой пример:

> …поп деревни Рогачи Брестской области выступил в церкви перед верующими против зарегистрированного кандидата в депутаты сельсовета гр. Бодовец Прасковьи и заявил: «Бодовец Прасковья, выдвинутая кандидатом в депутаты сельского совета, продалась антихристу и не верит уже больше в христа (так в тексте – *Т.Ч.*)». Гражданка Бодовец П. пришла в райком партии, заявила об этом и попросила воздействовать на попа, чтобы он не проклинал ее перед верующими[14].

В православных храмах присоединенных областей, по свидетельствам очевидцев, часто можно было во время богослужения увидеть и рядовых, и офицеров Красной Армии. Как будто торопясь использовать такую возможность, военнослужащие и даже работники НКВД крестили своих детей, детей своих родственников, своих знакомых, которых специально привозили из России[15].

Антирелигиозная работа не приносила результатов[16]. На местах деятельность ячеек СВБ практически была свернута. И в то же время по стране ходило множество рассказов о видениях, «пророчествах», «явлениях ангелов». Слухи же о неизбежной войне были распространены повсеместно. При этом, сводки фиксировали растущую агрессивность верующих, их желание «поквитаться с властью». Высказывания подобного рода, относящиеся к весне 1941 г., приводит уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по Орджоникидзевскому краю: «…они народу столько насолили, что их будут бить везде, и всякий их не пощадит, и даже их детей, заразу можно вырвать с корнем и эта расправа с угнетателями осуществится в этом году…»; «все законы и постановления, издаваемые советским правительством не во благо своего народа, а в защиту и укрепление низменных интересов кучки эксплуататоров, заседающих в Кремле, думают только о себе, остальной народ давят…»; «…как только откроется война, то можно ожидать и восстания в народе…»[17]

Известно ли было патриаршему местоблюстителю о настроениях его паствы? Учитывал ли он ситуацию, сложившуюся в религиозной жизни страны, когда писал свое легендарное обращение 22 июня? (Наверное, – да. Конечно, – да).

Церковь и власть: определение позиций

Послание патриаршего местоблюстителя «Пастырям и пасомым Православной Христовой церкви» датировано днем начала войны. Это глубоко символично и принципиально важно для Русской церкви. Дата обращения документально подтверждает, «кто был кто» для русского народа в трагический день, – ведь выступление главы государства И. Сталина прозвучало по радио только 3 июля.

Однако, на наш взгляд, эта дата отражает, главным образом, личное отношение митрополита Сергия к событиям 22 июня 1941 г. Митрополит Сергий – человек исключительных моральных качеств. Побудительным мотивом обращения к верующему населению были его личные чувства – чувства гражданина и патриота своего Отечества. И он не мог их не выразить сразу же, узнав о нападении гитлеровской

Германии. Но Сергий – не только гражданин, и даже не только священнослужитель православной церкви. Он ее глава. И как глава был ответственен за будущее Русской Церкви, будущее своей многомиллионной паствы. Именно поэтому обращение «Пастырям и пасомым Православной Христовой Церкви» не могло появиться под впечатлением момента, сиюминутного порыва. Этот документ в его законченном виде – результат «глубоких размышлений» (нельзя не согласиться в этом с протоиереем В.Д. Константиновым[18]) и, добавим, размышлений не одного дня.

Нет документальных свидетельств того, как патриарший местоблюститель провел день 22 июня 1941 г.[19], однако известно, что первое свое богослужение периода войны митрополит Сергий провел в патриаршем Богоявленском соборе 26 июня 1941 г. Представляется, что, начав писать Послание верующим и духовенству 22 июня, митрополит Сергий продолжал работать над ним в последующие дни[20]. Содержание этого документа свидетельствует о продуманности каждого слова, каждого тезиса. За ними кроется глубокий анализ и международной ситуации, и внутриполитической обстановки в стране, знание идеологии нацистской Германии и положения внутри Церкви.

Многое обозначено Сергием в Послании: призыв к верующим помочь Отечеству не только «чем кто может», но и благословение защитить его с оружием в руках; предостережение духовенства от лукавых соображений выгоды «на той» стороне и призыв к активным действиям («недостойно молчаливо посматривать»). Жизненный опыт и провидческая мудрость митрополита Сергия позволили ему сделать единственно правильный выбор – заявить о патриотической позиции Русской Православной церкви в начавшейся войне. Но суть послания этим не исчерпывается. Не случайно в нем отсутствуют слова «Советский Союз» (вместо этого – «Россия», «Отечество», «Родина»), «советский народ» («жители России», «русский народ»), «Красная Армия» («Отечество защищается оружием и общим народным подвигом»). Патриарший местоблюститель заявил не только о патриотической позиции РПЦ, он сформулировал ее и как аполитичную. Только такая позиция – *при любом* варианте развития событий на фронтах мировой войны – позволяла Церкви оставаться с русским народом, сохранять статус национальной организации и называться Русской Православной Церковью.

Вскоре с подобными посланиями выступили и другие иерархи РПЦ. Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Симанский) в своем обращении к верующим и духовенству от 26 июля еще более определенно высказался по таким серьезным для православных вопросам, как отношение к войне, христианская заповедь «не убий»:

> …Война есть страшное и гибельное дело для того, кто предпринимает ее без нужды, без права, с жаждою грабительства и порабощения… Но война – священное дело для тех, кто предпринимает ее по необходимости, в защиту правды, Отечества. Берущие оружие в таком случае совершают подвиг правды и, приемля раны и страдания и полагая жизнь свою за однокровных своих, за Родину, идут вслед мучеников к нетленному и вечному венцу[21].

С конца июня в храмах начал совершаться специально написанный «Молебен о нашествии супостатов, певаемый в Русской Проавославной Церкви в Отечественной войне»[22]. Уже летом и осенью духовенство в приходах Ленинграда, Харькова, Горького, Москвы организовало сбор средств «на нужды обороны» – денег, золотых и серебряных изделий.

Однако власть не реагировала. Только созвучность фраз в Обращении Сергия от 22 июня и выступлении И. Сталина 3 июля и 7 ноября 1941 г. косвенным образом свидетельствовала об одобрении властями действий Московской патриархии.

Система прилагала титанические усилия по обороне страны. Ведомства, контролировавшие религиозную сферу, лишь фиксировали поведение церковного руководства. Но традиция недоверия по отношению к «церковникам», опасение перехода их на сторону врага заставляли проводить предупредительно-репрессивные меры. В прифронтовых районах прошли аресты представителей духовенства, в том числе и высшего. Известно, по крайней мере, об арестах летом 1941 г. епископа Николая (Могилевского), епископа Андрея (Комарова)[23]. 14-го октября 1941 г. Московская патриархия, несмотря на болезнь митрополита Сергия, вместе с другими религиозными центрами была отправлена в эвакуацию, в Ульяновск. Заместителем Сергия в Москве стал митрополит Николай (Ярушевич) – ему в ноябре 1941-го уже разрешили вернуться в столицу. Через него органами НКВД осуществлялась связь с Московской патриархией.

С ожесточенными сражениями на фронтах, зверствами фашистов на занятых территориях тон посланий иерархов РПЦ становился все жестче, а их содержание приобретало характер призыва. В ноябре 1941 г., под впечатлением разгрома гитлеровцев под Москвой, митрополит Сергий назвал свое послание «Близок час нашей победы». В нем митрополит вновь разъяснял лживость гитлеровской пропаганды о том, «будто бы он (Третий рейх – *Т.Ч.*) поднял меч “на защиту религии” и “спасения” якобы поруганной веры», вновь приводил примеры варварства немцев по отношению к православным святыням и открыто призвал верующих к «истреблению» врагов:

> …У истинного патриота не дрогнет рука для истребления фашистских захватчиков. Сердце христианина для фашистских зверей закрыто, оно источает только уничтожающую смертельную ненависть к врагу[24].

На пасхальных службах 1942 г. в храмах наряду с ликующим «Христос воскресе!» звучали грозные слова из послания митрополита Сергия: «…Да поразит праведный Судия и Гитлера и всех соумышленников его!»[25].

Иерархи православной церкви обращались и к населению оккупированных территорий, неустанно разоблачали «звериные обычаи фашистов», осуждали и грозили церковным судом тем, кто сотрудничал с гитлеровцами, призывали верующих к активной поддержке партизанского движения.

Обращения и послания патриаршего местоблюстителя, других иерархов к населению противоречили законодательству как форма внебогослужебной, внехрамовой деятельности. Однако государство активно поддерживало это направление патриотической работы Православной церкви. После прохождения через Управление пропаганды ЦК ВКП(б) церковные документы печатались в государственных типографиях, распространялись в виде листовок; сбрасывались с самолетов на занятой фашистами территории.

Негласное одобрение власти получили и общецерковные сборы в Фонд обороны. В пропагандистских целях государство пошло на издание в 1942 г. книги «Правда о религии в России», в 1943 г. был опубликован сборник церковных документов «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». В тех же целях с по-

мощью государства был созван в Ульяновске в марте 1942 г. Архиерейский Собор, осудивший провозглашение автокефальной Украинской Православной Церкви.

Оживилась церковная деятельность в стране. Власть не могла не осознавать, что в условиях войны, принесшей людям неизмеримые страдания, горе, потерю родных и близких, потребность в религиозной вере резко возрастет. На местах «закрывали глаза» на открытие без юридического оформления храма, молитвенного дома. 5 апреля 1942 г., в первую пасхальную ночь во время войны, власти пошли даже на отмену комендантского часа в Москве и некоторых других городах и разрешили крестные ходы вокруг храмов.

Однако стоило церкви выйти за рамки дозволенного, ее вновь ставили на место. Так, в мае 1943 г. зам. Наркома госбезопасности Кобулов информировал ЦК ВКП(б), что «НКГБ СССР приняты меры к недопущению впредь попыток со стороны церковников входить в непосредственные сношения с командованием госпиталей и ранеными под видом шефства»[26]. Поводом послужило сообщение УНКВД по Тульской области о том, что в Калуге по инициативе епископа Питирима и по согласованию с начальством госпиталя епархия взяла шефство над ранеными – встречи, концерты, подарки и т. д.

Государство даже привлекло представителей церкви к работе государственных органов. Митрополит Николай (Ярушевич) в ноябре 1942 г. был включен в состав Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. В письмах Николая в Ульяновск есть достаточно тонкий намек о возможности его поездки за границу[27].

В целях укрепления морального духа солдат и психологической атмосферы на фронте власть была вынуждена допустить духовенство в действующую армию. Ситуация опасности, непредсказуемости развития событий, постоянная угроза жизни безусловно активизировали религиозное сознание солдат[28]. К беседам командиров и политработников с бойцами добавились встречи и беседы священнослужителей, молебны накануне сражений, распространение в войсках и зачитывание посланий и обращений иерархов РПЦ – явления, немыслимые ранее для Красной Армии. О встречах митрополита Николая (Ярушевича) с офицерским составом действующей армии вспоминал протоиерей А. Медведский, сопровождавший Николая в его поездках на фронт:

> …На больших офицерских собраниях Митрополит Николай говорил о вере, о религии, о смысле жизни. С каким вниманием и интересом, с каким сочувствием слушали его офицеры, какое он на них производил впечатление и какие интересные беседы потом завязывались…[29].

Однако на «высшем» уровне все оставалось без изменений.

В ноябре 1942 г. митрополит Сергий шлет на имя И. Сталина телеграмму «В день 25-летия Советской республики – И.В. Сталину»: «Приветствую в Вашем лице богоизбранного вождя наших воинских и культурных сил, ведущего нас к победе над варварским нашествием, к мирному процветанию…»[30] Но даже на это – столь нехарактерное до сих пор для Сергия выражение верноподданнического чувства – не последовало ответа. Телеграмма лишь была опубликована в «Правде» от 9 ноября. В декабре 1942 г. патриарший местоблюститель объявляет о начале сбора средств на строительство танковой колонны.

5 января 1943 г. он телеграфирует об этом Сталину и просит открыть для сбора средств специальный счет в Госбанке. В ответ на адрес Московской патриархии в Ульяновске за подписью И. Сталина пришла телеграмма с «благодарностью Красной Армии за заботу о бронетанковых силах Красной Армии» и о том, что указание об открытии специального счета дано[31]. Русская православная церковь, таким образом, получила статус юридического лица и личное признание главы государства. С 1943 г. обмен телеграммами между Сталиным и Московской патриархией стал постоянным, как и восхваления последней «богоизбранного вождя» и главнокомандующего.

Церковь жила ожиданием перемен. Сергий тяготился своей отдаленностью от центра церковной и государственной жизни, а власти все оттягивали решение вопроса о его возвращении в Москву. Патриарший местоблюститель даже опасался, как докладывал нарком НКГБ Меркулов в ЦК, «отстранения его от руководства церковью в связи с тем, что находящийся в Москве митрополит Николай (Ярушевич) не только управляет практическими делами Московской патриархии, но и состоит членом Чрезвычайной государственной комиссии по выявлению и расследованию немецких зверств, принимает по церковным вопросам иностранных представителей и корреспондентов»[32].

Митрополит Сергий вернулся в Москву в конце августа 1943 г. Власть, наконец, определилась. Патриаршая церковь оказалась востребованной. Настолько, что глава советского правительства И. Сталин счел необходимым лично встретиться с руководством Московской патриархии[33].

Изменения, произошедшие в положении РПЦ после этой встречи 4 сентября 1943 г., превзошли самые смелые ожидания православного духовенства. Уже 8 сентября «большевистскими темпами» (рекомендация Сталина) собрался Архиерейский Собор, на котором патриарший местоблюститель митрополит Сергий единогласно был избран патриархом Московским и всея Руси. Также образован был Священный Синод при патриархе в составе 6 человек[34]. Эти события положили начало процессу возрождения Русской православной церкви в СССР.

Одна из причин столь кардинального изменения церковной политики советского правительства (и она тогда уже была очевидна) заключалась в необходимости «проведения мероприятий», связанных с большим количеством действующих церквей на оккупированной территории[35]. Другими словами, на освобождаемых территориях государству было необходимо – через Московскую патриархию – взять под контроль активизировавшуюся в период оккупации церковно-религиозную жизнь.

Русская православная церковь на оккупированной территории

Религиозный вопрос был одной из составляющих политики гитлеровской Германии на захваченной территории. Его разработкой занимались различные ведомства – как гражданской, так и военной властей. Определяющей, при этом, была позиция высшего руководства, прежде всего, Гитлера. Рассматривая войну с СССР как борьбу за полное уничтожение русской государственности и превращение славянских народов в рабочую силу, он и религиозный вопрос решал в русле своей шовинистической

теории: «Нашим интересам соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы»[36]. К такому результату должна была привести жесткая политика, основные направления которой наиболее емко сформулированы в Циркуляре Главного Управления имперской безопасности от 1 сентября 1941 г.[37]:

> 1. …Всемерное развязывание религиозного движения на оккупированных советских территориях. 2. Дробление его на отдельные течения во избежание возможной консолидации внутри его русских элементов для борьбы[38]. 3. Использование церковных организаций для помощи немецкой администрации на оккупированных территориях…

Линия оккупантов на «развязывание религиозного движения» вызвала необычайное оживление церковно-религиозной жизни на захваченных территориях. Уровень религиозности населения поражал всех – и русских священников, и миссионеров, и представителей немецких властей.

> Русский человек совершенно изменился, как только появились немцы, – писал митрополиту Алексию (Симанскому) псаломщик Николо-Конецкой церкви Гдовского района Псковской области С.Д. Плескач в январе 1944 г. – Разрушенные храмы воздвигались, церковную утварь делали, облачения доставляли оттуда, где сохранились, и много строили и ремонтировали храмы. Всюду красилось. Крестьянки вешали чистые вышитые самими полотенца на иконы. Появилась одна радость и утешение. Когда все было готово, тогда приглашали священника и освящали храм. В это время были такие радостные события, что я не умею описать. Прощали обиды друг другу. Крестили детей. Зазывали в гости. Был настоящий праздник, а праздновали русские крестьяне и крестьянки, и я чувствовал, что здесь люди искали утешение[39].

По воспоминаниям Ростовского игумена Георгия, сразу же после занятия немцами Ростова в июле 1942 г. население стало думать о восстановлении храмов и совершении богослужений. Храм Всех Святых, разбитый бомбами и заваленный жестяными опилками, – в нем была мастерская – был за 2 дня не только очищен, но и отремонтирован. Церковную утварь достали те же прихожане. «Ежедневно прибывали и священники, и миряне-делегаты из провинции с радостными сообщениями об открытии храмов, организации общин, с просьбами о назначении священников»[40]. Священники Псковской миссии поражались: «…настроение у населения было такое высокое, что часто думалось, да были ли здесь гонения?»[41].

Поражают не столько активность прихожан, их «усердие» и «самопожертвование» по восстановлению и убранству храмов, сколько ощущение приподнятости, душевного подъема, атмосфера «долгожданного праздника», «радости», «радостного события». Это – красноречивый приговор советской власти, более чем двадцатилетие унижавшей и преследовавшей церковь. Происходило то, чего боялся и от чего предостерегал патриарший местоблюститель. Трудно осуждать этих людей, обвинять их в отсутствии патриотизма. Вероятно, возвращение Храма, возможность общения с Богом были настолько значимы, радость обретения настолько велика, что

жители оккупированных территорий не смогли сразу осознать истинный смысл произошедшего – кто пришел на смену безбожникам. Для верующих был дорог каждый день – «кто знает, опять “наши” придут и опять конец церкви», – такой характерный ответ получал игумен Георгий на свой вопрос: почему так спешат родители с крестинами?[42]. Спешили везде, от Прибалтики до Крыма. «Церкви переполнены молящимися, священники имеют так много дел (крещение, причастие, конфирмация, бракосочетание, благодарственные молитвы, молебны, похороны, панихиды), что едва с ними справляются, число причастников и детей, которых крестят, поразительно большое…», – констатировали немецкие власти[43]. Священники Псковской Миссии до 1942 г. окрестили 50 тысяч детей разных возрастов. На Украине только в одном городе Полтава за первые 16 месяцев оккупации было окрещено 2500 детей. Согласно Сводке СД от 12 декабря 1941 г. в Крыму румынское духовенство крестило 200 тысяч человек, причем роль крестных отцов брали на себя румынские солдаты[44].

И сводки немецких властей, и данные советской разведки[45] свидетельствуют о переполненных верующими храмах, многотысячных крестных ходах и молебнах под открытым небом, о большом числе исполняемых религиозных обрядов. Всего на оккупированной территории было открыто 7405 православных храмов[46] (40 % к дореволюционному количеству); издавалась религиозная литература, были организованы различного рода курсы, семинарии по подготовке духовенства; в начальных школах стал обязательным Закон Божий; на территории Псковской Православной Миссии даже началась трансляция радиопередач религиозного содержания[47].

Но были и другие факты. Храмы, превращенные в конюшни, тюрьмы и пыточные, расстрелы духовенства, казни и сожжение живыми в храмах женщин, стариков, детей, пленных красноармейцев. Дьякон города Ржева Ф. Тихомиров после освобождения города рассказывал, как жилось при немцах: «…Сначала я вел счет побоям плеткой и каблуками, которым я подвергался за то, что не мог по старости выполнять назначаемой мне тяжелой работы, насчитал 30 избиений, а потом и счет потерял». На глазах у дьякона в сентябре 1942 г. немцы расстреляли священника А. Попова прямо на паперти[48]. Священник города Вереи А. Соболев писал в Московскую патриархию в апреле 1942 г.: «…Соборный храм Вереи, где совершались службы, был обращен немцами в арестный дом… Верхний этаж был отведен для заключения раненых и пленных. Все протесты верующих не имели успеха…». Все заключенные в храме были расстреляны немцами при отступлении. «Ни святой крест, ни мольбы невинных страдальцев не удержали варваров-фашистов от совершения неслыханного злодеяния… Я никак не мог себе уяснить, неужели в наш век могут совершаться в святом храме зверские убийства ни в чем не повинных христиан?..»[49]

Война все ставила на свои места. Развеялись иллюзии, связанные с обещанной свободой религии. Обязательны были торжественные богослужения и крестные ходы в честь побед немецкого оружия; в проповедях необходимо было прославлять «непобедимое немецкое воинство», благодарить за избавление от красных – «сатанинского отродья», провозносить молитвы Адольфу Гитлеру: «Адольф Гитлер, ты наш вождь, Имя твое наводит трепет на врагов, Да приидет третья империя твоя, И да осуществится воля твоя на земле…»[50] Немецкие власти даже предприняли попытку перевести православные приходы на григорианский календарь. Планировалось провести празднование Рождества по новому календарю уже в декабре 1941 г. Однако «это неожиданное требование», как отмечалось в Бюллетене полиции безопасности и СД от 21 сентября 1941 г., «вызвало среди верующих бурю негодова-

ния,.. верующие высказывались чрезвычайно взволнованно и громко примерно в следующем смысле: “Большевики преследовали Церковь, и мы должны были ходить на работу и в церковные праздники, – но большевики никогда не предписывали Церкви, в какие дни какие богослужения ей проводить. Такое насилие над Церковью не совершали даже большевики. Мы шли на работу с ободряющим сознанием, что богослужение в церкви будет проводиться в соответствии с незыблемыми положениями. Немцы хотят отнять у нас и это утешение. Но мы не покоримся…”»[51]. Жестокая реальность жизни на захваченной земле – грабежи, насилие, расстрелы мирных жителей – изменила и саму атмосферу в Церкви. Чувство радости, характерное для первых месяцев войны, сменялось скорбью, ненавистью, страхом. Храмы заполнили слезы, страдания, боль.

В этих условиях «молчаливость пастыря», «его некасательство к переживаемому паствой», как писал митрополит Сергий (Страгородский), действительно, становились невозможными. Перед духовенством встала проблема выбора.

На оккупированной земле священник православной церкви оставался единственно «своей», национальной публичной фигурой, его храм – единственным местом, связывающим и объединяющим население. Жизнь, обстоятельства делали священника пастырем в самом глубинном, первоначальном смысле этого слова. От него ждали не только утешения, но и ответа на вопросы: «Что делать?», «Как жить дальше?» Но сначала он должен был эти же самые вопросы решить для себя сам.

Сколько людей, столько и судеб.

Были священники, которые молились за Адольфа Гитлера, проявляя «ревность не по разуму», чтили власть оккупантов. Были откровенно предатели Родины, такие как епископ Серафим Кушнерюк, протоиереи Василькиоти и Бобров из Крыма[52]. Были и такие, кто, не будучи героем, молился втайне о даровании победы русскому оружию, терпеливо ожидая встречи «со своими»[53].

И все же патриотическое начало, присущее православию, стало определяющим для большинства духовенства на занятой немцами территории. Оно доминировало тем активнее, чем откровеннее проявляла себя дикая, бесчеловечная природа гитлеровского «нового порядка».

В укреплении этого внутреннего стержня – ощущения принадлежности к Родине; в придании патриотическому чувству действенного характера огромную роль сыграла позиция Московской патриархии.

Самое раннее свидетельство об ознакомлении духовенства оккупированной территории с обращением митрополита Сергия от 22 июня 1941 г. относится к июлю 1941 г. Настоятелю Одрижинской Успенской церкви Пинской области Василию Копычко его передали партизаны. Несмотря на то, что фашисты расстреливали тех, у кого находили текст послания, отец Василий прочитал его прихожанам[54].

Последующие обращения иерархов Московской патриархии при помощи партизан и подпольщиков передавались священникам, зачитывались в храмах и распространялись среди прихожан. И не только послания церковного руководства, но и Сводки Информбюро, информация о положении в области, районе. Священники обращались к верующим с собственными патриотическими проповедями и даже открытыми призывами. Так, протоиерей Александр Романушко из Белорусского Полесья, вместо того, чтобы отпеть убитого полицая, при множестве народа и вооруженной охране заявил:

> …не наших молитв заслужил предлежащий во гробе. Он – изменник Родины. Вместо «Вечной памяти» произнесем же – «Анафема». Люди стояли как громом пораженные. А о. Александр, подойдя к полицаям, продолжал: «К вам, заблудшим, моя последняя просьба: искупите перед Богом и людьми свою вину и обратите свое оружие против тех, кто уничтожает наш народ, кто в могилы закапывает живых людей, а в Божиих храмах заживо сжигает верующих и священников»[55].

Некоторые священники сами искали партизан и устанавливали связь с ними. Для других это решалось до наивности просто. Так, Пинский подпольный обком докладывал в ЦК ВКП(б) в июне 1943 г.: «…попы деревень Дятловичи, Востынь, Лунинец, Лунин, Вулько Лунинецкого района в первые дни войны оказывали свои услуги немцам. Проведя разъяснительную работу с этим духовенством, партизаны доказали им, что, помогая немцам, они изменяют своему народу, родине и в этом случае не могут быть попами, а только предателями своего народа. После этого они начали работать против немцев – в пользу партизан». Далее в отчете – примеры выполнения «попами» заданий подпольного обкома[56].

Православные храмы на оккупированной территории становились местами явки партизан и подпольщиков, местом хранения оружия и медикаментов, укрытием для раненых красноармейцев. Фактов активного участия духовенства в движении сопротивления множество, десятки из них после войны были награждены медалью «Партизану Великой Отечественной войны». Обобщенный же образ «партизанского попа» народная память сохранила в фольклоре военных лет:

> Поп у нас объявился при немцах из наших же селян: служил, детей крестил, потом в партизаны ушел…Он шутник был. В церкви кадит перед немецкими солдатами-курощупами. Им кадит, а нам подмигивает и нараспев говорит, как молитву:
> – Господи помилуй, Господи помилуй, пришли эти привередники, пришли эти яйцеедники, Господи помилуй…
> – Как были наши красные, жили люди согласные, а пришли германияки, кусаются, как собаки, Господи помилуй…
> – Люди наши слушают да на ус мотают, а немцы не понимают, думают, что им акафист читает батюшка[57].

Вот такие «попы» при помощи религии укрепляли и взращивали веру в победу. Православные храмы и молитвенные дома становились не только местом утешения и даже не только адресами подпольных явок. На оккупированной территории они играли роль центров формирования национального самосознания.

Это признало и руководство гитлеровской Германии. Уже в мае 1942 г., после беседы с Гитлером, рейхсминистр восточных территорий Альфред Розенберг в разъяснениях своим рейхскомиссарам указывал, что необходимо «прежде всего сделать невозможным влияния на занятых территориях Русской Православной Церкви как носительницы великорусской империалистической идеи»[58]. Генрих Гиммлер, планируя в 1944 г. будущее завоевание русских земель, объективно смог оценить лишь одно – роль Русской Церкви в освободительной борьбе народа: «…поддерживать и снова оживлять Православную Церковь было бы неверным, так как она всегда являлась организацией национального сплочения…»[59].

Понимал это и Сталин. Советская власть возвращалась на территории, население которых от одного года до трех лет находилось в оккупации. Это уже были другие люди. Это были другие верующие, духовенство, церковь. Не считаться с новым положением церкви и отношением к ней общества было нельзя. И Сталин со свойственным ему прагматизмом использовал ситуацию с абсолютной выгодой для себя – он преобразился в «Великого друга всех верующих» СССР.

Московская патриархия в условиях новой политики советского руководства

Церковные иерархи понимали, что на встрече в Кремле 4 сентября 1943 г. им был предложен компромисс: возрождение РПЦ как активно действующего института взамен не только на полную лояльность Церкви государству (на этой позиции она стояла со времен патриарха Тихона), но и на включение ее в русло внутренней и внешней политики сталинского руководства.

Московская патриархия приняла этот компромисс. Стремление сохранить Церковь вынуждало ее согласиться, с одной стороны, с покровительством, а с другой – с контролем со стороны государства. Роль контролирующей структуры призван был осуществлять вновь образованный орган – Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР. Председателем Совета был назначен полковник госбезопасности Г.Г. Карпов[60]. В то время Карпов возглавлял 4-й отдел 3-го, секретно-политического, Управления; одно из подразделений отдела занималось борьбой с церковно-сектантской контрреволюцией. Так что в церковных кругах имя Карпова было известно. Во время встречи И. Сталина с иерархами 4 сентября 1943 г. на слова Сталина о том, что «председателем Совета предполагается назначить Г. Карпова», «все трое заявили, что они весьма благожелательно принимают назначение на этот пост т. Карпова»[61].

Была продумана и форма связи между Патриархией и Советом, а через него – с правительством СССР. Все вопросы, а также текущие дела обсуждались и решались, в основном, во время приема патриарха, членов Синода в Совете по делам РПЦ[62]. В свою очередь, работу Совета курировал заместитель председателя правительства, нарком иностранных дел В.М. Молотов. Отчеты, докладные записки, другие документы должны были посылаться на его имя, а «особо принципиальные» – непосредственно на имя Сталина[63].

После восстановления в сентябре 1943 г. традиционной системы церковного управления – избрания патриарха и образования Синода – Патриархия активно начала формировать штат высшего духовенства. На Соборе 1943 г. присутствовало 19 архиереев (3 митрополита, 11 архиепископов, 5 епископов)[64]. По ходатайству Московской патриархии из мест заключения и ссылок возвращались архиереи (первый такой список был передан Карпову во время встречи в Кремле 4 сентября 1943 г.), частыми в годы войны были и новые хиротонии в епископский сан. К январю 1945 г. епископат РПЦ представляли 4 митрополита, 13 архиепископов, 29 епископов[65].

Епископат и духовенство РПЦ пополнялись и за счет бывших обновленцев[66], с покаянием возвращавшихся в лоно патриаршей Церкви. Обновленческое течение

в СССР прекратило свое существование при активном «содействии» государства. Патриарху Сергию было высказано пожелание «в интересах ускорения оформления перехода обновленческого духовенства не предъявлять жестких требований при их приеме»[67]. На заседании Священного Синода в декабре 1943 г. патриарх Сергий так выступил по поводу выражаемой многими обновленческими иерархами «надежды на воссоединение с патриаршей Церковью»:

> …Как будто назревает один из тех моментов, когда Церковь выходит навстречу блудному сыну и содействует его обращению… русская православная церковь находит возможным для известного разряда лиц сделать индивидуальное исключение…[68].

Так же с помощью государства (в основном, силовых структур) сошли на нет и прекратили свое существование и другие, ранее отколовшиеся от РПЦ, религиозные группы: григориане, «истинно-православная церковь», иосифляне.

Процесс формирования епископата, безусловно, находился под контролем Совета по делам РПЦ. Однако в годы войны вопрос о назначениях решался, в целом, достаточно свободно. Отрицательное мнение Г.Г. Карпова при обсуждении той или иной кандидатуры было редким. Более распространенной была такая реакция: «возражений со стороны Совета нет». Иногда само согласование затягивалось, в тех случаях, когда, по мнению правительства, не находилось достойной кандидатуры на освободившуюся кафедру. Так было с вопросом о замещении митрополита Николая (Ярушевича) на кафедре экзарха Украины после его избрания постоянным Членом Синода осенью 1943 г. В течение полугода шло «согласование» по линии НКГБ Украины, ЦК и СНК Украины, Совета по делам РПЦ, правительства СССР. В качестве кандидатур на этот пост рассматривались архиепископ Горьковский Сергий (Гришин), архиепископ Ставропольский Антоний (Романовский)[69]. Только в феврале 1944 г. архиепископ Ярославский Иоанн (Соколов), возведенный в сан митрополита, был назначен Экзархом Украины[70].

Особая ситуация складывалась в отношении иерархов бывших оккупированных территорий. Их судьба решалась другими органами, и патриарх мог только позволить себе поинтересоваться их участью. Как, например, во время встречи 24 февраля 1944 г.:

> Патриарх Сергий спросил Г. Карпова: «…верны ли слухи об аресте в г. Чернигове архиепископа Симона Ивановского и в г. Нежине – Панкратия Гладкова?» – «Да, они арестованы как изменники Родины и пособники немецких оккупантов»[71].

Жизнь и деятельность РПЦ находились под бдительным оком государства. Совет по делам РПЦ обладал более полной информацией об иерархах, чем церковное руководство. Активная деятельность таких епископов как Лука (Войно-Ясенецкий), Мануил (Лемешевский) и некоторых других вызывала беспокойство и недовольство у представителей власти. В августе 1944 г. начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Александров направил секретарю ЦК Г.М. Маленкову письмо архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) «главе Московский патриархии» (!) со следующим сопровождением:

> …В своем письме Войно-Ясенецкий выдвигает широкую программу активизации деятельности духовенства и непримиримой борьбы церковников против материализма.

Письмо показывает, насколько далеко идут планы некоторых видных деятелей духовенства[72].

Патриарх Сергий, а в дальнейшем патриарх Алексий, в своих письмах, посланиях призывали наиболее активных иерархов к сдержанности, осторожности в своих действиях. Боязнь новых жертв, возвращения ужаса 30-х гг. обостряло чувство самосохранения, заставляло не только не выходить за рамки дозволенного, но и беспрестанно благодарить советскую власть «за предоставленную свободу для всех религиозных обществ», сознательно идти на заведомую ложь, преувеличивая благополучие церкви в стране.

Правильно понимаемые «государственный интерес» и «чувство национальной гордости» вынуждали патриарха Сергия отказываться от предлагаемой из-за рубежа помощи деньгами, богословскими книгами (в которых особенно нуждалась патриархия), церковной утварью. Так, на предложение помощи со стороны Канады и Америки, которое передал корреспондент газеты «Торонто стар» Джосеф Дэвис в январе 1944 г., патриарх ответил так: «…Русская православная церковь имеет достаточно средств для своего существования, а также имеет возможность печатать необходимые ей богословские книги и изготовлять церковную утварь». Карпов «одобрил намеченный ответ патриарха»[73].

В свою очередь, высший епископат православной церкви был включен в систему отношений и «традиций» советской номенклатуры. Одаривание патриархии стало частью церковной политики И. Сталина. С осени 1943 г. на церковное руководство как из рога изобилия падали различные блага: квартиры, машины, дачи, возможность отдыха и лечения в лучших санаториях страны[74]. Оно принимало дорогие подарки с признательностью и удовольствием, рассматривая эти знаки внимания как своего рода оценку своей деятельности со стороны правительства.

Иерархи РПЦ с благодарностью принимали и правительственные награды – патриарх Алексий был в 1943 г. награжден медалью «За оборону Ленинграда», митрополит Николай – медалью «За оборону Москвы» в 1944 г.[75].

4 мая состоялась последняя встреча патриарха Сергия и председателя Совета по делам РПЦ. 15 мая патриарх умер. Согласно его завещанию в должность патриаршего местоблюстителя вступил митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Симанский).

Вопрос о том, где и как будет избран будущий патриарх, обсуждался в правительстве; Г. Карпов поддержал «пожелание» митрополита Алексия о проведении выборов патриарха не на Архиерейском, а на Поместном Соборе епископов, духовенства и мирян[76].

Формально Собор должен был решить два вопроса: избрание нового патриарха и принятие «Положения об управлении Русской православной церковью». Подготовка их шла и в Совете, и в Московской патриархии. На Архиерейском Соборе в ноябре 1944 г. единственным кандидатом на патриарший престол был выдвинут митрополит Алексий[77]. «Положение» было утверждено специальным постановлением СНК СССР 28 января 1945 г[78].

Поместный Собор РПЦ работал в Москве с 31 января по 2 февраля 1945 г. На нем единогласно было принято «Положение об управлении РПЦ», также единогласно патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Алексий.

Уровень организации Собора, обслуживания участников и гостей в условиях военного времени должен был произвести и произвел впечатление[79] – в первую очередь, на представителей зарубежных православных церквей. Его почетными гостями были главы Александрийской, Антиохийской, Грузинской церквей, представители Константинопольского и Иерусалимского патриархов, делегации от Сербской и Румынской церквей – три патриарха, 4 митрополита, архиепископ и 4 епископа в сопровождении более 20 членов делегаций[80]. Собор должен был показать представителям православных церквей крепнувшую мощь РПЦ в СССР, которая опиралась на поддержку государства – и не только политическую, но и материальную, – что, в свою очередь, должно было стать существенным фактором для нуждавшихся восточных патриархатов при выборе политических приоритетов. Кроме того, задачей Собора было продемонстрировать перед международной общественностью единство православных церквей, а также реальность претензий Московской патриархии на «водительство» всем православным миром[81].

Собственно, Собор был первым шагом на пути решения задачи, которая в качестве основной рассматривалась правительством в 1943 г. Сталин рассчитывал использовать Русскую православную церковь в качестве инструмента для осуществления своих геополитических планов – распространения влияния СССР на послевоенную Европу, а возможно, и весь мир.

Следующие шаги обсуждались на еще одной встрече Сталина с церковным руководством – 10 апреля 1945 г[82]. Вскоре в Московской патриархии был образован Отдел внешних сношений под председательством митрополита Николая (Ярушевича). Весной 1945 г. активизировалась внешнеполитическая деятельность Русской православной церкви: делегации Московской патриархии посетили Болгарию, Югославию, Румынию. В мае этого года впервые за всю историю России патриарх Московский и всея Руси Алексий отправился в паломничество на Святую землю[83].

Подчеркивая важность, с точки зрения государственных интересов, внешнеполитической деятельности Московской патриархии, председатель Совета по делам РПЦ связывал ее результативность с положением Церкви внутри страны. Карпов неоднократно в письмах правительству отмечал, что необходимо принять меры к созданию «более благоприятных условия» для Московской патриархии внутри страны. В годы Великой Отечественной войны такие условия государством были созданы.

Директивное возрождение РПЦ

На встрече со Сталиным 4 сентября 1943 г. митрополиты обсудили комплекс вопросов, касающихся жизнедеятельности РПЦ: необходимость организации издательской деятельности Московской патриархии; проблемы подготовки кадров священнослужителей и создания духовных учебных заведений; вопросы, связанные с открытием церквей и молитвенных домов, и др. В разрешении всех этих проблем Сталиным была обещана поддержка со стороны советского правительства.

Ходатайства верующих об открытии церквей приходили и до сентября 1943 г. в адрес Московской патриархии и различных органов власти. После встречи митрополитов со Сталиным и организации церковных органов управления поток заявлений резко увеличился. Это заставило правительство ускорить разработку соответствующего положения. СНК СССР принял постановление «О порядке открытия церквей»

В отличие от окрестных церквей, Богоявленский собор в Соликамске – городе соляной промышленности – не утратил своего самого драгоценного сокровища: роскошный иконостас XVII–XIX вв. был спрятан от чужих глаз в простенке. В 1941 г. во время всеобщей мобилизации в нескольких метрах от него был установлен новый, меньшего размера иконостас (справа) для всех верующих, которые снова могли молиться в церкви – за победу в борьбе с гитлеровцами.

28 ноября 1943 г. Принципиальным в этом постановлении было то, что решение – открывать церковь или отказать в этом верующим – принималось на местном уровне обл(край)исполкомами. Совету по делам РПЦ отводилась роль передаточного звена от областных органов власти к правительству. Если решение было положительным, то материалы через Совет передавались в СНК СССР для принятия распоряжения; потом это распоряжение Совет высылал в область как основание для регистрации нового религиозного общества[84].

Однако из-за нерадивости, недисциплинированности уполномоченных процесс открытия церквей развивался медленно. Мировоззренческая позиция многих чиновников сформировалась в предыдущие десятилетия – в большинстве случаев на эту должность местные партийные органы назначали людей, зарекомендовавших себя в качестве активных борцов с «религиозным мракобесием»; отношение к верующим и духовенству 30-х гг. они пытались перенести в ситуацию 40-х гг.

Основным же, на наш взгляд, фактором было противодействие на уровне местных органов власти – районном, городском, областном. Самое лаконичное выражение позиция представителей абсолютного большинства местного госпартаппарата нашла в утверждении зам. председателя исполкома г. Саратов: «Советским людям храм не нужен!» В основе негативного отношения местных руководителей к вопросу об открытии церквей и активизации религиозной деятельности лежало убеждение, что поворот в государственно-церковных отношениях связан с определенными политическими мотивами руководства страны и не имеет никакого отношения к повседневной работе в районе, городе.

Группы верующих, потеряв надежду на регистрацию общины и открытие церкви законным путем, самовольно занимали пустующие храмы; шли на подкуп представителей власти подарками, деньгами, зная, что взяткодательство каралось сурово. В стране увеличивалось количество нелегально действующих молитвенных домов.

Руководство Совета по делам РПЦ придерживалось мнения, и не раз ставило в известность о нем правительство, что многократный отказ в удовлетворении ходатайства об открытии церкви ведет лишь к закреплению религиозных убеждений и усиливает религиозный фанатизм. В появлении нелегальных молитвенных домов Г. Карпов видел большее зло, чем в увеличении количества официально зарегистрированных церквей, деятельность которых находилась под контролем[85]. Там, где настойчиво ставился этот вопрос, Карпов предлагал «пойти на расширение сети действующих церквей до 2–3 на район, не останавливаясь перед разрешением открытия церквей и в областях, и краях со значительным числом действующих церквей, но в тех районах, где их нет»[86].

Однако с момента поступления первых отчетов уполномоченных в поле зрения Совета попала другая проблема – изъятие храмов и молитвенных домов у действующих религиозных обществ. По мере продвижения линии фронта на Запад возвращались эвакуированные учреждения и организации, возобновляли свою деятельность советские органы власти. Начался процесс административного изъятия церковных зданий, закрытия молитвенных домов. В ряде областей Украины, в Ставропольском крае этот процесс приобрел характер массовых кампаний. Причем кампания в ряде мест проводилась грубо, сопровождалась оскорблением религиозных чувств верующих, зачастую приводила к столкновениям с церковной общиной.

Сначала Совет пытался взять ситуацию под контроль через своих уполномоченных. Не получив результата, Карпов ходатайствовал перед правительством о принятии специального постановления. Такое постановление было принято 1 декабря 1944 г. – «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобожденной от немецкой оккупации»[87]. Однако разъяснения правительства незначительно улучшили ситуацию. Например, в Сумской области за 1944 и первую половину 1945 г. облисполком принял решение об изъятии 67 церквей. Из 22 религиозных обществ, у которых по одобрению Совета по делам РПЦ изъяли здания, 18 «саморазпустились»[88].

И все же за период Великой Отечественной войны численность православных церквей и молитвенных домов в стране значительно увеличилась: на 1 октября 1943 г. Советом было учтено 9829 церквей; на 1 октября 1945 г. – 10358. Абсолютное их большинство (7405) было открыто на оккупированной территории: 3021 храм не прекращал своей деятельности[89].

В годы Великой Отечественной войны Московская патриархия возобновила издательскую деятельность. С осени 1943 г. начался выпуск «Журнала Московской патриархии», в этом году вышло 4 номера. Регулярно с 1944 г. издавались стенные и настольные православные календари, молитвы, венчики и другая богослужебная литература.

Возобновление издательской деятельности Московской патриархии, безусловно, имело значение для утверждения статуса Русской православной церкви, повышения ее авторитета внутри страны и на международной арене. Но, естественно, количество издаваемой литературы не могло удовлетворять нужд церкви. Кроме того, все материалы религиозных изданий проходили жесткую цензуру сначала в Совете по делам РПЦ, затем в Управлении (Отделе) пропаганды и агитации ЦК партии[90].

В годы войны Совет по делам РПЦ (по ходатайству Московской патриархии и с разрешения правительства) занимался вопросами правовой обеспеченности экономического положения церкви. Постановление № 801 СНК СССР от 30 июня 1944 г.

дополняло постановление Совнаркома СССР от 17 апреля 1943 г. «О порядке учета и использования национализированного, конфискованного, выморочного и бесхозяйного имущества» пунктом, согласно которому предметы религиозного культа передавались религиозным общинам безвозмездно[91]. Распоряжением СНК СССР от 24 августа 1944 г. Госбанку СССР уже официально разрешалось открывать текущие счета Московской патриархии, епархиальным управлениям и церковным приходам для хранения церковных средств[92].

К концу войны в юрисдикции Московской патриархии находились 75 монастырей (29 из них вновь было открыто в период оккупации). По ходатайству патриархии через Совет по делам РПЦ правительство СССР предложило СНК республик, на территории которых имелись монастыри, «впредь до особых указаний не препятствовать их деятельности и сохранить за ними занимаемые ими жилые и служебные помещения, находящиеся в их пользовании земли, скот, сельскохозяйственный инвентарь и подсобные мастерские». СНК СССР поручил Совету подготовить свои предложения о правовом и хозяйственном положении монастырей и представить на утверждение СНК СССР[93].

В целом, в годы Великой Отечественной войны материальное положение РПЦ заметно окрепло. Доходы церкви росли. Это позволило ей значительно увеличить патриотические взносы в Фонд обороны. На Архиерейском Соборе в 1944 г. митрополит Алексий назвал общую сумму пожертвований в 200 млн. рублей[94]. Всего же за годы Великой Отечественной войны всецерковные сборы, по словам уже патриарха Алексия, составили более 300 млн. рублей, не считая помощи ценными вещами, облигациями, продуктами и т. д.[95]. На деньги церкви были построены танковая колонна им. Дм. Донского, авиационная эскадрилья им. Ал. Невского; новосибирская епархия направила деньги на строительство сибирской эскадрильи «За Родину»; в ноябре 1944 г. Священный Синод объявил о начале нового сбора – в фонд помощи детям и семьям бойцов Красной Армии[96].

Увеличение взносов церкви – это свидетельство не только патриотизма советских граждан, но и растущей религиозности населения. Храмы неизменно собирали большое количество верующих. В дни религиозных праздников церкви не могли вместить всех желающих. Активизация религиозной жизни беспокоила коммунистов – поборников воинствующего безбожия. Они оказались не у дел. Мало того, в стране прекратилась всякая антирелигиозная пропаганда, во всех ее формах и проявления. Такие понятия как «антирелигиозная борьба», «безбожники», «мракобесы-церковники», наполнявшие ранее страницы периодической печати, совершенно исчезли и со страниц газет, и из официальных документов. Даже в Постановлении ЦК ВКП(б) от 27 сентября 1944 г. «Об организации научно-просветительской пропаганды», казалось бы, имевшем непосредственное отношение к антирелигиозной деятельности, само это понятие вообще отсутствует[97]. ЦК партии ставил задачу «широкой пропаганды естественно-научных знаний в деле преодоления пережитков бескультурья, суеверий, предрассудков» в форме лекций, бесед, «громкого чтения популярных брошюр и статей о строении вселенной, о происхождении солнца и земли, о возникновении жизни». И не более. Лишенные руководящих указаний, активисты продолжали вести борьбу с религией и церковью так, как они это понимали, и теми методами, которые были им известны и доступны: силой выгоняли молящихся из церкви, устанавливали у входа в храм плакаты «религия – опиум для народа», в дни религиозных праздников организовывали рядом с церковью танцплощадку, звуковое кино и т. д. По информации Совета, председатель Липовицкого

сельсовета Черемисиновского района Курской области Воронова явилась в хату одной гражданки в то время, когда священник исполнял религиозную требу; стала ее публично оскорблять, разгоняла колхозников, несших святить пасхи и т. д. Имели место случаи увольнения с работы за посещение церкви, за участие в церковном хоре[98].

Новая церковная политика вызывала недоумение и у рядовых советских граждан:

> …Почему церкви закрывали, а теперь открывают? Не окажет ли влияние на молодежь открытие церквей и оживление духовенства? Почему говорят только о православной церкви? Не будут ли в дальнейшем учащиеся духовной семинарии ссылаться в Сибирь? Не является ли утверждение Собора и уполномоченного при Совнаркоме нарушением Сталинской конституции?[99].

Вопрос о законности деятельности РПЦ в тех формах, в которых она проходила в годы войны, действительно, был логичен.

Активная благотворительная, проповедническая, финансово-хозяйственная деятельность Русской православной церкви противоречила постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» – единственном официальном документе, регламентирующем положение религиозных организаций в СССР и в 40-е гг. Но осуществлялась она с разрешения власти – на основе постановлений, распоряжений, циркулярных писем правительства, заинтересованных министерств и ведомств. Принимались они по каждому конкретному вопросу отдельно и в абсолютном большинстве как «секретные», «для служебного пользования».

Руководство Совета по делам РПЦ придерживалось мнения о необходимости принятия нового Закона, призванного регулировать государственно-церковные отношения в новых исторических условиях. Однако правительство не пошло на изменение законодательства. В отказе советского государства принять новый союзный закон о религиозных культах проявилась, на наш взгляд, принципиальная позиция сталинского руководства: чтобы при возможном изменении внутри- и внешнеполитической ситуации можно было во взаимоотношениях с Церковью легко вернуться к довоенной ситуации.

Но, в то же время, власть не могла не считаться с ролью Русской церкви в патриотическом движении в годы войны, ее возросшим авторитетом в обществе и на международной арене. К тому же новый уровень государственно-церковных отношений объективно «сработал» на укрепление существующего режима, на повышение личного авторитета Сталина. В условиях активно утверждавшейся идеи государственности и Российского (а, вернее, русского) патриотизма восстановление и укрепление православной церкви как традиционной носительницы этих идей служили дополнительным источником легитимности власти Сталина.

Символичным в связи с этим было присутствие патриарха Алексия и представителей Синода на трибуне во время парада Победы 24 июня 1945 г. на Красной площади[100] как своего рода демонстрация признания вклада Русской православной церкви в Победу над Германией.

Нападение Германии на СССР создало исключительную ситуацию в церковно-религиозной сфере на территории страны.

Гитлеровская пропаганда откровенно разыгрывала «религиозную карту», представляя немецкую армию как освободительницу религии и Церкви от большевистского диктата.

Казалось бы, перед Московской патриархией в июне 1941 г. встала проблема выбора. Однако даже постановку такого вопроса исключала личная позиция главы Русской православной церкви, выраженная в первые дни войны. Колеблющихся же[101] лишила выбора политика самой Германии. Гитлер, находясь в плену «своей идефикс о германском жизненном пространстве на Востоке… с первого дня войны пустил в ход колониальные меры истребления и порабощения. Тем самым, он с самого начала показал, что их ожидает в случае поражения…»[102]. Политика геноцида, развернувшаяся против завоеванного народа, превращала лозунги о свободе религии в иллюзию. Для православной (да и для любой другой) религии все яснее вырисовывалась перспектива: в случае победы Германии над Россией она станет верой рабов, «людей второго сорта», «недочеловеков». У Церкви как организации в этом случае не было бы никакого будущего.

Как национальная организация Церковь раньше, чем власть, поняла физическую опасность, угрожавшую народу, нации. В то время, как советская власть, находясь в плену идеологических стереотипов, призывала немецких рабочих и крестьян в солдатских шинелях к классовой солидарности, Русская православная церковь устами своего главы уже в ноябре 1941 г. воззвала: «Убей фашистского захватчика!»

Тот же «классовый подход» питал недоверие власти к «церковникам, бывшим “идеологическим противникам”». Только «горькие уроки первых месяцев поражений заставили систему измениться, восстановить некоторые жизненные отношения и связи»[103]. Это сказалось и на отношении к Православной церкви. Необходимость объединения усилий всех – верующих, неверующих, атеистов – в борьбе с общим врагом вынудила правительство смягчить свое отношение к Церкви, позволить ей проявить свой действенный патриотизм и «поэксплуатировать» его. Но и в первые два года войны власть сохраняла определенную дистанцию в отношениях с Московской патриархией. Тогда же, когда в результате перелома в ходе военных действий на советско-германском фронте обозначились перспективы расширения советского влияния за пределами страны и определилась роль в этом РПЦ, Сталин отбросил всякие стереотипы и догмы и открыто пошел на союз с нею.

Для Русской Церкви в свою очередь открылись новые перспективы, и она сумела ими воспользоваться. РПЦ возродила свою организационную структуру, укрепила материальную базу, подготовила новые кадры духовенства, восстановила свои связи и влияние в православном мире, усилила авторитет в стране и на международной арене.

Война с фашистской Германией, таким образом, оказалась – как это ни парадоксально – спасением для Русской православной церкви. Экстремальные условия заставили власть отказаться от антирелигиозной политики и признать религиозный фактор одним из составляющих Победы над Германией. Результаты войны с необходимостью поставили перед ней задачу возрождения Церкви в стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. – М., 1943. С. 3–5.

[2] *Архимандрит Иоанн (Шаховской).* Близок час // Газета «Новое слово». – Берлин. Июнь 1941 // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 81–82. Правда, летом 1945 г. архимандрит

Иоанн подчеркивал метаисторический смысл своей статьи: «…Ничего прогерманского она не имела и говорила только о том, что взятие немцами оружия, по пророчеству о. Аристоклия, есть начало духовного спасения России, начало очищения…» // Там же. С. 86.

[3] См.: *Константинов Д.В.* Гонимая церковь: Русская Православная Церковь в СССР. – М., 1999. С. 35. Автор выразил позицию многих православных, находившихся тогда за пределами России. Ср. также прим. 18.

[4] Патриарх Тихон (Василий Иванович Белавин, 1865–1925). 5 ноября 1917 г. на Поместном Соборе по жребию был избран патриархом Московским и всея России. В 1989 г. Архиерейским Собором РПЦ причислен к лику святых.

[5] Поместный Собор 1917–1918 гг. на закрытом заседании 25 января 1918 г. принял постановление о том, чтобы «на случай болезни, смерти и других печальных для Патриарха возможностей предложить ему избрать несколько блюстителей Патриаршего Престола, которые в порядке старшинства и будут блюсти власть Патриарха и преемствовать ему». См.: *Вл. Цыпин.* История Русской Православной Церкви. 1917–1990. – М., 1994. С. 24. Это историческое решение Собора позволило сохранить преемственность церковной власти. В 1925 г. в должность патриаршего местоблюстителя вступил митрополит Петр (Полянский), единственный оставшийся на свободе из названных в завещании патриарха Тихона. С момента его ареста в декабре 1925 г. функции главы Церкви перешли к Заместителю патриаршего местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому). 22 декабря 1936 г. после получения известия о смерти митрополита Петра (только в начале 90-х годов стало известно о его расстреле в 1937 г.), Синод принял «Акт о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя патриаршего престола Русской Православной Церкви к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, Блаженнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию Страгородскому». Там же. С. 105.

[6] По данным А.Н. Яковлева, председателя Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, за годы советской власти были уничтожены 200 тысяч священнослужителей. Только за 1937–1938 гг. было репрессировано 165,2 тысячи, из них 106,8 тысяч было расстреляно. *Яковлев А.Н.* По мощам и елей. – М., 1995. С. 94–95.

[7] *Одинцов М.И.* Русские патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. – М., 1999. С. 195.

[8] Докладная записка Совета по делам РПЦ в СМ СССР, ЦК ВКП(б). 1948 г., январь. ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 153. Л. 2; *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь в 1927–1943 гг. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 41; *Алексеев В., Ставру Ф.* Русская православная церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1980. № 12. С. 188. Для сравнения: в 1914 г. РПЦ имела более 77 тысяч храмов и часовен, 1025 монастырей; около 112 тысяч приходских священнослужителей, 130 епископов, 58 духовных семинарий и 4 академии. См.: ГАРФ. Там же. *Вл. Морозов.* Экономическое положение православного духовенства в России в XIX – начале XX вв. // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 138; *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. – М., 1995. С. 35.

[9] Рапорт свящ. Шашко архимандриту Георгию, члену епархиального управления в Пинске. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 44. Л. 28–29.

[10] *Н. Китер.* Православная Церковь в СССР в 1930-е годы // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 57.

[11] Цит. по: Антирелигиозник, 1938. № 2. С. 18. Ярославский Е.М. (Губельман М.И., 1878–1943), председатель Антирелигиозной Комиссии при ЦК РКП(б), председатель Центрального совета Союза Воинствующих Безбожников. Союз безбожников (СБ) образован в 1925 г. В 1929 г. переименован в Союз Воинствующих Безбожников (СВБ). В годы войны прекратил работу ФАКТИЧЕСКИ, а в 1947 г. по решению ЦК ВКП(б) – официально. Его функции были переданы образованному в этом году Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний («Знание»). Результаты переписи 1937 г. также свидетельствовали о высоком уровне религиозности населения (впервые, вопреки закону, в опросные листы был включен вопрос о религиозной принадлежности). Почти 60 % респондентов заявили о своей вере в Бога, 24,4 миллиона из них являлись приверженцами православия. Возможно, эти цифры явились еще одной причиной для И. Сталина объявить результаты переписи фальсифицированными // Всесоюзная перепись 1937 года. Краткие итоги. – М., 1991. С. 106–107.

[12] «Об антирелигиозной пропаганде в Орджоникидзевском крае». 18 июня 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп.125. Д. 44. Л. 75.

[13] Начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) т. Александрову Г.Ф. «Сообщение о фактах деятельности церковников в западных областях БССР». 27.02.1941. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп.125. Д. 44. Л. 22–23.

[14] Там же. С. 18.

[15] См.: *Алексеев В., Ставру Ф.* Указ. соч. // Русское Возрождение. 1981. № 13. С. 79–80. Авторы приводят свидетельство настоятеля собора «одного из бывших польских городов» западной Украины о том, что после появления советских войск число крещений в соборе увеличилось на 30 %; если раньше в год крестили 125–130 младенцев, то за один 1940-й год было окрещено 400 младенцев // Там же.

[16] Своеобразную «проверку» эффективности лекционной работы лектора-антирелигиозника предприняли «церковники» деревни Новоселки в Давид-Городском районе Пинской области летом 1940 г. Именно так предварил информацию в ЦК ВКП(б) секретарь компартии Белоруссии Малин. Суть проверки заключалась в следующем: «…через некоторое время после прочитанной антирелигиозной лекции в деревню приехал инструктор райкома партии т. Александрович. К нему подошли два человека и заявили, что на колокольне пчелы нанесли много меда, который хочет забрать себе поп местной церкви. Так как этот мед общественный, мы просим Вас разобраться в этом деле. Александрович, чтобы разрешить вопрос, решил проверить, если там мед и полез на колокольню. Церковники собрали крестьян около церкви, заявляя им, что большевик пришел закрывать церковь. Верующие ждали, когда Александрович слезет с колокольни, и только он появился на паперти, как ему начали кричать – почему он нарушает Сталинскую Конституцию, кто дал ему на это право, где сказано, что церкви можно закрывать. Александрович не смог объяснить, что у него не было намерения закрыть церковь» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп.125. Д. 44. С. 27. Надо полагать, «церковники» остались довольны.

[17] «Об антирелигиозной пропаганде в Орджоникидзевском крае». 18 июня 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп.125. Д. 44. Л. 78, 80, 81.

[18] Первым и, пожалуй, единственным исследователем, кто отнесся «весьма скептически» к свидетельству келейника митрополита Сергия архимандрита Иоанна (Разумова) о том, что «местоблюститель патриарха, глубоко взволнованный известием о начале войны, после недолгого размышления и молитвы» написал обращение, – был протоиерей В.Д. Константинов. Еще в 1967 г. в своей работе «Гонимая церковь» он подчеркнул: «…данная позиция патриаршего местоблюстителя явилась плодом *долгих и глубоких* (выделено автором) размышлений и наблюдений над ходом Второй мировой войны… и над политикой западных держав». См.: *Константинов Д.В.* Гонимая церковь. – М., 1999. Второе русское издание. С. 35–36.

[19] Это, вероятно, и породило расхождения у исследователей, причем значительные, при попытке реконструировать условия появления Послания митрополита Сергия. Читаем: *Прот. Вл. Цыпин.* История Русской Православной Церкви. 1917–1990. – М., 1994. С. 110: «Митрополит Сергий в первый же день войны написал и собственноручно отпечатал на машинке “Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви”»; *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь в 1924–1943 годах» // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 42: «Уже 22 июня 1941 года митрополит Сергий обратился к верующим с посланием “Пастырям и пасомым Христианской Православной Церкви”»; *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. – М., 1995. С. 183: «Митрополит же Сергий обратился к народу 22 июня 1941 г., в первый же день войны, в воскресенье, в день праздника Всех святых земли русской»; *Одинцов М.И.* Русские патриархи XX века. – М., 1999. С. 196–197: «В воскресный день 22 июня 1941 г. митрополит Сергий, возвратившись со службы домой, узнал трагическую новость… В тот же день он обратился к верующим с посланием…»; *Поспеловский Д.В.* «Осень святой Руси». Сталин и церковь: «конкордат» 1943 г. и жизнь церкви» // Церковно-исторический вестник. 2000. № 6–7. С. 211–212: «…митрополит Сергий объявил в своей воскресной проповеди о начале войны,.. в своей проповеди призвал православных верующих встать, как один, на защиту Родины и велел разослать эту проповедь-призыв… и зачитывать ее с амвонов».

[20] Текст Послания Сергий не мог не согласовать с «органами». Логика отношений патриаршего местоблюстителя с властью в предыдущее десятилетие предполагала, на наш взгляд, то, что он не

мог выступить публично, не получив одобрения «курирующего ведомства» – даже в условиях шоковой (для власти) ситуации.

[21] Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. С. 54.

[22] Правда о религии в России. – М.,1942. С. 89–92.

[23] Главное архивное управление ФСБ РФ. Р-37614, Н-15693.

[24] Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. С. 9.

[25] Там же. С. 25.

[26] Докладная записка Кобулова Начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) т. Щербакову. 12 мая 1943 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп.125. Д. 188. Л. 13.

[27] См.: Религиозные организации в СССР накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.). Публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы. 1995. № 2. Документ № 17. С. 60.

[28]Академик Г. Арбатов, бывший ракетчик, в беседе с корреспондентом «Комсомольской правды» вспоминал: «…Я помню, когда мы хоронили своих (а многих молодых ребят принимали в партию рано тогда), и вдруг крестик обнаруживается, или ладанка…Верующий? Неверующий? Или мать дала что-то там такое? А потом я прочитал у генерала Эйзенхауэра, что в окопах атеистов не бывает. – То есть на фронте в Бога верили? – Да! Да! Ну как будто ты обращаешь свой крик – мысленно – о помощи, о спасении…». Цит. по: *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М., 1999. С. 240.

[29] Цит. по: «Митрополит Николай (Ярушевич)». Воспоминания Владыки Василия Кривошеина // Церковно-общественный вестник. № 17. 5 июня 1997. С. 11.

[30] Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. С. 93.

[31] Там же. С. 94–95.

[32] Докладная записка В.Н. Меркулова в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) тов. А.С. Щербакову 3 июля 1943 г. // Там же. Л. 18.

[33] Записка Г.Г. Карпова о приеме И.В. Сталиным иерархов Русской православной церкви» полностью опубликована в книге М.И. Одинцова «Русские патриархи XX века». – М., 1999. С. 283–291.

[34] Деяния Собора преосвященных архиереев РПЦ 8 сентября 1943 года // Журнал Московской патриархии. 1943. № 1. С. 17–19.

[35] Докладная записка В.Н. Меркулова в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) т. А.С. Щербакову 3 июля 1943 г. // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 67.

[36] Цит. по: *Одинцов М.В.* Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.) // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 41.

[37] Циркуляр был передан от Московской патриархии в Совет по делам РПЦ осенью 1943 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 5. Л. 24.

[38] Именно во избежание консолидации оккупационные власти не допустили в Россию представителей зарубежной православной церкви, глава которой митрополит Анастасий (Грибановский) надеялся объединить восточные приходы и стать во главе всей Русской церкви. Исключение было сделано лишь для миссионеров из Франции – на территории Прибалтики в августе 1941 г. была организована Русская Православная Миссия (Псковская миссия), которая вошла в Прибалтийский экзархат митрополита Сергия (Воскресенского). О деятельности Миссии см., например: *Алексеев В., Ставру Ф.* Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. № 14. С. 118–154; № 15. С. 85–100; *Васильева О.Ю.* Жребий митрополита Сергия Воскресенского // Наука и религия. 1995. № 5. С. 20–25.

[39] Цит. по: *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 1999. С. 138.

[40] См.: *Алексеев В., Ставру Ф.* Указ. соч. // Русское Возрождение. 1982. № 18. С. 111.

[41] Там же // Русское Возрождение. 1981. № 14. С. 149.

[42] Там же // Русское Возрождение. 1982. № 18. С. 113.

[43] Из Бюллетеня Полиции безопасности и СД от 21 сентября 1942 г. Третий рейх и Православная церковь. Документы одного архива. // Наука и религия. 1995. № 5. С. 22.

[44] См.: *Алексеев В., Ставру Ф.* Указ. соч. // Русское Возрождение. 1981. № 14. С. 148; № 16. С. 106; 1982. № 18. С. 115.

[45] См., например, Донесения ГлавПУРККА в ЦК ВКП(б) осенью 1941 – май 1942 гг. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп.125. Д. 92. Л. 26–32, 48–69, 81–82, 129.

[46] Отчет председателя Совета по делам РПЦ в СМ СССР за 1948 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 153. Л. 63.

[47] *Васильева О.* Жребий митрополита Сергия Воскресенского // Наука и религия. 1995. № 5. С. 23.

[48] Цит. по: *Цыпин Вл.* История Русской Православной Церкви. 1917–1990. С. 116.

[49] Правда о религии в России. – М., 1942. С. 353–356. По данным Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию немецко-фашистских злодеяний за время Великой Отечественной войны, немецкие войска «разрушили и повредили 1670 церквей», в том числе Успенскую церковь в Киево-Печерской лавре, церкви Псково-Печерского монастыря, множество других церквей – памятников старины; «разрушая здания религиозных культов, немецкие захватчики грабили все убранство, … множество икон, утвари, предметов музейного значения они вывезли в Германию». Из отчета комиссии. 30 декабря 1945 года // РГАСПИ. Ф. 17. Оп.125. Д. 329. Лл.71–73.

[50] Цит. по: Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.) // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 42.

[51] Третий рейх и православная церковь // Наука и религия. 1995. № 5. С. 23–24.

[52] См.: Доклад прот. Архангельского патриаршему местоблюстителю митрополиту Алексию (Симанскому) о посещении Крыма. 13 июля 1944 г. // Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.) Публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 55.

[53] См.: Доклад А.Ф. Шишкина митрополиту Алексию об обследовании Гатчинского и Павловского районов Ленинградской области. Март 1944 г. // *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 1999. С. 156–157.

[54] *Якунин В.* Партизанский акафист // Наука и религия. 1995. № 5. С. 6. Уже в первых журналах Московской патриархии были опубликованы имена священников, расстрелянных за чтение послания патриаршего местоблюстителя: в Киеве в сентябре 1941 г. погибли настоятель Николо-Набережной церкви архимандрит Александр Вишняков и настоятель церкви Зайкова кладбища протоиерей Павел Остринский, в Симферополе – протоиерей Николай Швец, дьякон Александр Бондаренко, старец Викентий // Журнал Московской патриархии. 1944. № 4. С. 27; 1944. № 8. С. 29.

[55] Цит. по: *В. Якунин.* Партизанский акафист. // Наука и религия. 1995. № 5. С. 6.

[56] Отчет Пинского обкома КП(б) в ЦК ВКП(б) от 4 июня 1943 г. Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943). Публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 64–65.

[57] Цит. по: *Якунин В.* Партизанский акафист // Наука и религия. 1995. № 5. С. 6. Акафист – жанр церковных песнопений, посвященных Иисусу Христу, Божьей Матери и святым.

[58] Цит. по: *Алексеев В., Ставру Ф.* Указ. соч. 1981. № 13. С. 94.

[59] Цит. по: *Шкаровский М.В.* Политика нацистской Германии по отношению к Русской Православной Церкви в 1941–1945 гг. // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 273.

[60] Карпов Георгий Григорьевич (1898–1967). С 1917 года служил в органах ВЧК–ГПУ–НКВД–НКГБ Карельской ССР, Ленинградской области. В 1938 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени «за выполнение важнейших заданий правительства» (постановление ЦИК СССР от 19.12.1937 г., приказ по НКВД от 10.01.1938 г.). С 1940 г. – в ГУГБ НКВД СССР. В феврале 1941 г. в чине майора госбезопасности назначен зам. Начальника 3-го Отдела 3-го Управления (СПУ) НКВД СССР. 24.12.1941 г. назначен начальником 4-го Отдела 3-го Управления НКВД. 14.02.1943 г. присвоено спецзвание полковник госбезопасности. В феврале 1945 г. награжден Орденом Ленина (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21.02.1945 г.). В июле 1945 г. присвоено звание генерал-майор (Постановление СНК СССР от 09.07.1945 г.). До 1947 г. – начальник 5-го отдела 2-го Управления НКГБ СССР, комиссар госбезопасности. С 1947 г. – начальник отдела «0» МГБ СССР. На 1954 г. – действующий резерв КГБ при СМ СССР. 02.03.1955 г. уволен из КГБ СССР (Приказ № 159 от 02.03.1955 г.) // Центральное Архивное Управление ФСБ СССР. Подробнее о деятельности Совета по делам РПЦ см.: *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. – М.: АИРО-XX, 1999.

[61] Записка Г. Карпова о приеме И.В. Сталина иерархов Русской православной церкви. Сентябрь 1943 г. // *Одинцов М.И.* Русские патриархи XX века. С. 290.

[62] Кроме того, были еще и неофициальные встречи (безусловно, санкционированные правительством) председателя Совета и церковных руководителей. Достаточно доверительные отношения сложились у Карпова с патриархом Сергием. Отношения же между патриархом Алексием и Г. Карповым можно назвать дружескими. Патриарх был знаком с женой Карпова и его двумя дочерьми (младшей в 1945 г. исполнилось 5 лет), часто бывал у Карповых дома. В докладных записках в правительство и различного рода информативных письмах председателя Совета характеристика патриарха Алексия неизменно проникнута чувством симпатии.

[63] Такая процедура была согласована во время беседы В.М. Молотова и Г.Г. Карпова 13 октября 1943 года // ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 2. Л. 18.

[64] Деяния Собора преосвященных архиереев РПЦ 8 сентября 1943 г. // Журнал Московской Патриархии. 1943. № 1. С. 17.

[65] Цит. по: Журнал Московской патриархии (ЖМП). 1945. № 2. С. 2.

[66] Обновленцы – внутрицерковное оппозиционное движение 1920-х гг., представители которого выступали против ведущей роли патриарха Тихона в церковной жизни, положительно относились к режиму и получали поддержку со стороны правительства.

[67] Запись беседы Г.Г. Карпова с патриархом Сергием 25 ноября 1943 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 4. Л. 9.

[68] Заседание Св. Синода от 31 декабря 1943 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп.2. Д. 2а. Л. 58.

[69] Записи бесед с т. Молотовым 13 октября 1943 г., 19 января 1944 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 1. Л. 20, 28.

[70] Цит. по: ЖМП. 1945. № 3. С. 57.

[71] Запись беседы патриарха Сергия и председателя Совета Г.Г. Карпова 24 февраля 1944 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 4. Л. 21.

[72] Информационное письмо Г. Александрова секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову. 2 августа 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп.125. Д. 235. Л. 84.

[73] Запись беседы Г.Г. Карпова с патриархом Сергием 28 января 1944 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 4. Л. 17.

[74] Ко дню своего 77-летия патриарх Сергий получил подарок «от Совета» общей стоимостью в 28.174 рубля (золотые часы, шелковый бархат для патриаршей мантии, шелковый реж для рясы, шелковое полотно на шесть пар белья, 10 бутылок коньяку, 10 бутылок шампанского, 10 кг фруктов, икры, шоколада). По указанию В.М. Молотова Совет к Пасхе 1944 г. намечал сделать подарки и для митрополитов – по 10 тыс. рублей и наиболее «активным в патриотической деятельности» епископам – по 5 тысяч // Докладная записка Г. Карпова В.М. Молотову 27 января 1944 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 3. Л. 58.

[75] Докладная записка Г.Г. Карпова В.М. Молотову. 15 сентября 1944 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 3. Л. 192.

[76] Письмо Г.Г. Карпова в СНК СССР Молотову В. М. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 3. Л. 173.

[77] Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) напомнил участникам, что, согласно решению Поместного Собора 1917–1918 гг., выдвижение кандидатов в патриархи должно быть предоставлено самим делегатам, и голосование должно быть тайным. Архиепископ Лука заявил, что проголосует против митрополита Алексия, поскольку выдвижение его единственным кандидатом в патриархи это постановление нарушает. В результате, архиепископ Лука оказался единственным архиереем, не приглашенным на Собор 1945 г. См.: *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий).* Я полюбил страдание. Автобиография. – М., 1996. С. 169.

[78] ГАРФ. Ф. 6991. Оп.2. Д. 29. Л. 2. «Положение» устанавливало «в высшей степени» централизованное управление церковью по ее вертикальной структуре, при этом, права и прерогативы патриарха и управляющих епархиями были сформулированы достаточно расплывчато. Утвержденные принципы управления облегчали возможность влияния государства через патриарха на РПЦ в целом, тем более что круг вопросов, которые патриарх должен был в соответствии с «Положением» согласовывать с Советом по делам РПЦ, не был конкретизирован.

[79] О подготовке и организации Собора. См.: *Чумаченко Т.А.* Указ. соч. С. 48–50.

[80] См. Журнал Московской патриархии. 1945. № 2.

[81] О том, что цель была достигнута, косвенным образом свидетельствует тот факт, что председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов в феврале 1945 г. награжден высшим государственным знаком отличия – Орденом Ленина.

[82] Журнал Московской патриархии. 1945. № 3. С. 3, 25–27.

[83] См.: *Цыпин Вл.* Указ. соч. С. 141–143.

[84] Постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей». 28 ноября 1943 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп.2. Д. 1. Л. 25–26.

[85] Докладная записка Г.Г. Карпова В.М. Молотову. 5 октября 1944 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 3. Л. 216.

[86] Там же. Л. 217. Действующие церкви в частично оккупированных гитлеровцами областях распределялись неравномерно: например, в 22 завоеванных немцами районах Воронежской области (из 84) было открыто в период оккупации 77 церквей, а в 30 других районах не было ни одной действующей церкви // Справка Совета по делам РПЦ в ЦК ВКП(б) и СМ СССР. Ноябрь 1946 г. ГАРФ. Ф. 6991с. Оп.1. Д. 81. Л. 27.

[87] См.: *Чумаченко Т.А.* Указ. соч. С. 76–77.

[88] Отчет ст. инспектора Совета Яковенко // ГАРФ. Ф. 6991. Оп.2. Д. 52. Л. 94. Взамен верующим предоставлялось здание меньшей площади, на окраине города и иногда в таком состоянии, что церковная община, не имея средств на ремонт, вынуждена была отказываться от него. В этом случае религиозная община считалась «распустившейся», так как регистрация церковного общества допускалась лишь при наличии здания (церковь, молитвенный дом) для молитвенных целей.

[89] По информационным справкам Совета по делам РПЦ в СНК СМ СССР и ЦК ВКП(б) // ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 30. Л. 158; Д. 81. Л. 41; Д. 153. Л. 2.

[90] Так, например, в план работы Совета на февраль 1944 г. был включен такой пункт: «… обеспечить контроль по выпуску февральского номера “Журнала Московской патриархии”» // Протокол заседания Совета по делам РПЦ. 6 января 1944 г. Оп.2. Д. 2. Л. 9. «Трудности» с бумагой привели к тому, что фактический тираж ЖМП в 1943 г. составил 3 тысячи экз. вместо планируемых 15, в 1944 г. – 6 тысяч.

[91] Постановление СНК СССР от 30 июня 1944 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 48.

[92] Распоряжение СНК СССР от 24 августа 1944 г. Там же. Л. 55.

[93] Докладная записка Совета по делам РПЦ при СНК СССР в ЦК ВКП(б) о состоянии и деятельности русской православной церкви. 30 августа 1945. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 313. Л. 160–161.

[94] Стенограмма Собора епископов в Москве 21–23 ноября 1944 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 32. Л. 45.

[95] Интервью патриарха Алексия корреспондентам Совинформбюро. 16 июля 1946 г. Там же. Оп. 2. Д. 50. Л. 3.

[96] Журнал заседаний Священного Синода. Ноябрь 1944 г. Там же. Оп. 2. Д. 2а. Л. 119. Обращают на себя внимание суммы личных пожертвований духовенства: протоиерей Н. Колчицкий – 100 тыс. руб. в 1943 г. (Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. – М., 1943. С. 94); протоиерей Успенской церкви г. Ижевск Грачев – 263.500 руб. (Информация Совета по делам РПЦ в СМ СССР, ЦК ВКП(б), август 1946 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 81. Л. 53); староста Николаевской церкви с. Константиновка Донбасса Ф.К. Хромой – 100 тыс. руб. (ЖМП. 1945. № 4. С. 72); стоимость боевого самолета составляла тогда 100 тыс. рублей. Митрополит Ленинградский Алексий (Симанский) и его сестра передали в мае 1944 г. свою дачу под Ленинградом под детский дом для детей-сирот воинов Красной Армии (Заявление митрополита Алексия. 1 мая 1944 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 12. Л. 145).

[97] См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1985. С. 521–522.

[98] Докладная записка Совета по делам РПЦ при СНК СССР в ЦК ВКП(б) о состоянии и деятельности Русской православной церкви. 30 августа 1945 г. // Государство и церковь в годы войны. Публ. М.И. Одинцова. // Исторический архив. 1995 № 4. С. 125.

[99] Перечень вопросов, заданных на докладах, лекциях и в беседах в связи с опубликованием обращения поместного собора Русской православной церкви к христианам всего мира. Из письма Пензенского обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б). 5 марта 1945 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 429. Л. 3–4.

[100] Разрешение было дано В.М. Молотовым 20 июня 1945 г. // «Прошу ваших указаний». Докладные записки председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова в ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 1943–1945 гг. Публ. М.И. Одинцова. Исторический архив. 2000. № 2. С. 182–183.

[101] Неясными до сих пор остаются мотивы поведения митрополита Сергия (Воскресенского), видного церковного деятеля РПЦ, экзарха Прибалтики. В период оккупации Прибалтики сотрудничал с немецкими властями, убедив их в необходимости сохранения канонического подчинения экзархата Московской патриархии. Был убит 28 апреля 1944 г. при невыясненных обстоятельствах. (См.: *Васильева О.Ю.* Государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны. Дис…канд. ист. наук. С. 109; *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. С. 206). Удивительно, но патриарший местоблюститель не запретил Сергию Воскресенскому проводить службы, как другим священникам-коллаборационистам, его имени нет и в списках отлученных от Церкви на Соборе архиереев в 1943 г. Возможно, деятельность митрополита Сергия (Воскресенского) была согласована с главой церкви, а, возможно, и с органами советской власти. Может быть, деятельность Сергия как раз и была одним из вариантов поведения РПЦ в случае победы Германии?

[102] *Хаффнер С.* Самоубийство Германской империи. – М., 1972. Цит. по: Другая война: 1939–1945. По общ. Ред. Ю.Н. Афанасьева. – М., 1996. С. 218.

[103] *Бордюгов Г.А.* Великая Отечественная: подвиг и обманутые надежды // История Отечества: люди, идеи, решения. – М., 1991. С 264.

Сергей Константинов

ЗАМЫСЛЫ И РЕАЛЬНОСТЬ. Школьная политика Третьего рейха в оккупированных областях

В российской историографии XX века школьная политика гитлеровского Вермахта в захваченных областях СССР практически не обсуждалась. В советское время в отношении национал-социалистического оккупационного режима считался допустимым лишь категорически обвинительный тон; казалось немыслимым, что политика Третьего рейха могла заложить конструктивные основы культуры и образования в России.

Также и в постсоветской историографии в изучении интересующей нас проблемы какого-то значимого прорыва не произошло. Современные подходы к исследованию школьной политики Третьего рейха в СССР почти ничем не отличаются от трактовок советского периода. Упрощенные представления и допускаемые из-за этого ошибки в освещении данной темы не вызывают оптимизма[1]. Ее изучение фактически надо начинать с чистого листа. Необходимо не только освоить солидный массив малоизученных архивных документов, но и поставить такие задачи, которые раньше исследователи не рассматривали: в частности, выявить все идеологические оттенки и разногласия в Третьем рейхе, касающиеся оккупационной политики в СССР, исследовать организационные аспекты школьной политики, реакцию населения, региональную и национальную специфику советского образования.

Два образа России в Третьем рейхе и их влияние на содержание школьного образования

В Германии существовали два диаметрально противоположных образа России. Первый – образ вечного врага, дикой азиатской страны, населенной «недочеловеками-славянами» и прочими «унтерменшами», созданный и насаждаемый Гитлером, Розенбергом и другими нацистскими вождями, – достаточно подробно описан в литературе. Известны и соответствующие официальные установки Рейха в области школьного образования, связанные с этим образом:

> Не должно быть никаких других школ, кроме четырехклассной начальной школы, которая должна ставить своей целью обучение учащихся только счету максимум до 500 и умению расписаться, а также распространение учения о том, что подчинение немцам, честность, прилежание и послушание являются божьей заповедью[2].

Руководитель рейхсканцелярии Мартин Борман в августе 1942 г. с обычным для нацистских бонз цинизмом писал о том, что «славяне должны работать на нас. Когда они нам не понадобятся, они могут умирать… образование опасно. Достаточно,

Начало учебного года в одной из школ под Смоленском, 1 сентября 1942 г.

если смогут сосчитать до ста. Образование допустимо лишь в той мере, в какой оно обеспечит нам полезных исполнителей»[3].

Второй образ России – самого надежного геополитического и экономического союзника Германии в Европе, страны европейской культуры – был довольно широко распространен в Третьем рейхе. За два дня до нападения на СССР министр по делам оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг говорил в узком кругу своих сотрудников о том, что «союз с возрожденной национальной Россией» до сих пор остается «традиционной», «обычной» точкой зрения «многих кругов»[4]. Убеждение в том, что Германия должна воевать не с Россией, а с большевизмом ради возрождения подлинной национальной культуры этого народа, имело немало влиятельных сторонников в Вермахте, МИДе и некоторых других структурах Рейха[5].

Это убеждение было характерно, в основном, для тех немцев, которые долго жили в России. Среди офицеров Вермахта были бывшие подданные Российской Империи, воевавшие в Первую мировую войну на стороне русской армии, а потом участвовавшие в Гражданской войне на стороне белых. Этим немцам было органически чужды шовинистические и русофобские идеологемы как кайзеровской Германии, так и Третьего рейха. Решившись на освободительный, как им казалось, поход против большевизма, они стремились сделать все возможное, чтобы Россия была именно освобождена, а не покорена или, что еще хуже, – уничтожена. Одним из самых активных деятелей, проводивших эти стремления в жизнь, был Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт – балтийский немец, воевавший в годы Первой мировой войны в русской армии, участник Белого движения. Во время Второй мировой он – переводчик командующего группой армии «Центр» Федора фон Бока, а затем – один из инициаторов и кураторов Русской Освободительной Армии А.А. Власова. В конце 1941 – начале 1942 гг., находясь на лечении в Германии, Штрик-Штрикфельдт написал несколько рассказов и драматических произведений, в которых пытался донести до высших политических кругов Рейха свои опасения относительно возрождения в Третьем рейхе русофобских идей Первой мировой войны.

В одном из таких произведений под названием «Недомыслие империалистов времен кайзера Вильгельма» Штрик-Штрикфельдт завуалированно критиковал полити-

ку нацистской партии по отношению к России. Он в изобилии цитировал «высказывания 1915–1918 гг., почти полностью совпадавшие с языком самых бешеных нацистов», и делал вывод о том, что «если мы хотим построить новую Европу, мы должны очистить наше сознание от иллюзий империалистов кайзеровских времен… Если новая Европа будет строиться старыми империалистическими методами подавления, разбоя и эксплуатации, то, даже обесправленная и подчиненная Россия будет таить в себе большую опасность. Горе победителю, который должен бояться побежденного»[6]. Если такой человек, как Штрик-Штрикфельдт, стремился изжить в германской политической элите русофобские представления, то такие идеологи нацизма, как Розенберг (тоже, кстати балтийский немец), напротив, эти идеи культивировали и совершенствовали.

Бросаются в глаза серьезные расхождения в трактовке отдельных важных сюжетов российской истории. Так, на идеях Розенберга была основана учебная и пропагандистская литература, к изданию и распространению которой в оккупированных областях были причастны многие не согласные с министром офицеры Вермахта. Розенберг, например, считал, что «должно быть запрещено восхваление царизма», поскольку, по его мнению, одной из задач антибольшевистской агитации было доказательство того, что «вместо старой крепостной зависимости введена новая, которая хуже царской сто лет тому назад»[7].

Министр весьма негативно оценивал германизацию российской элиты в эпоху Петра I и рецидив такой германизации рассматривал как глобальную геополитическую угрозу Рейху, поскольку это «возобновило бы империалистические притязания старого русского государства на Балтийском море, Дарданеллы, Персидский залив и т. д. Если бы эти притязания осуществились, то через 50 лет мы снова стояли бы перед конфликтом, который нам нужно разрешить с государством-великаном, имеющим 200 миллионов населения, а новый руководящий слой тем временем удвоит, учетверит и даже удесятерит промышленность сегодняшней России и предпримет разработки огромных резервов Сибири. Из-за этого разгорелся бы бой за гегемонию в Европе, и мы сами были бы виновниками этого. Это было бы повторение того, что в русской истории мы можем назвать петербургской эпохой»[8].

Пропаганда в некоторых частях Вермахта и ретрансляция этой пропаганды через школьное образование, наоборот, культивировали именно петербургский период истории России, начиная с царствования Петра I. В брошюре «Политические задачи немецкого солдата в России в условиях тотальной войны», предназначенной для занятий с личным составом 3-й танковой армии, эпоха Петра характеризуется весьма положительно:

> Царство Петра Великого означает катастрофу для консервативных сил России… Главной заботой Петра являлось создание флота, усиление сухопутной армии, ее обучение по западно-европейскому образцу. Чиновничий аппарат обновляется, расширяются права дворян. Ведется беспощадная борьба со взяточничеством. Россия завоевала выход к Балтийскому морю, таким образом, получила возможность влиять на европейскую политику[9].

Если Розенберг считал, что «за мощью петербургской эпохи скрывалась русская старина, для которой Европа была всегда ненавистна»[10], то солдатам 3-й танковой армии внушали, что именно в эту эпоху Россия стала цивилизованной европейской страной, а при большевиках «Россия, европеизированная Петром Великим, вырывается из ряда культурных государств и возвращается к азиатским обычаям»[11].

В школьных учебниках по русскому языку, изданных в Риге в 1942 г., основное внимание уделено русской литературе XIX века – плоду российской европеизации, начатой Петром.

К сожалению, нам ничего неизвестно об авторах этих учебников А.Я. Флауме и М.И. Добротворском. Некоторые тексты наталкивают на предположение, что они были выходцами из русской эмиграции. Согласно одной из статей, на чужбине живет много русских детей, чьи родители покинули Россию после взятия власти большевиками, и эти дети очень любят Россию, русский язык и русские песни. В другой говорится о том, как в православном храме в Берлине случайно встречаются разлученные революцией мать и сын, и завершается сюжет следующими словами сына: «Теперь уж не потеряем друг друга. Большевизм будет уничтожен, и будем мы с матерью жить на родине»[12]. Говорят сами за себя и литературные вкусы Флауме и Добротворского. Их учебники содержали тексты таких эмигрантских писателей и поэтов как И. Шмелев, И. Бунин, А. Ремизов, К. Бальмонт, Д. Мережковский.

Вопреки запрету Розенберга на восхваление царского прошлого, Петр Первый, царская эпоха, да и все дореволюционное прошлое России представлены в учебниках Флауме-Добротворского исключительно в положительном контексте даже при отсутствии каких бы то ни было авторских комментариев к публикуемым текстам. Этих комментариев и не требовалось – русская литература сама способна объяснить, зачем надо любить и защищать Россию. Взять, к примеру, стихотворение Константина Аксакова «Столица древняя», опубликованное в книге для третьего года обучения:

За Русь она не раз горела,
Встречая полчища племен;
За Русь она всегда терпела
И поношение и плен.
В напастях вместе с нею крепла,
Мужалась, Господа моля,
И возникала вновь из пепла
И с нею русская земля[13.]

Едва ли нуждалась в комментариях и следующая цитата Константина Д. Ушинского, приведенная в этом же учебнике: «Отнимите у народа все, и он все может воротить, но отнимите язык, и он никогда более не создаст его»[14]. В книге для третьего года обучения были помещены также былины об Илье Муромце, рассказы Василия О. Ключевского об обучении Петра I и Константина Полевого, о юности Ломоносова. В книге для четвертого года обучения – отрывки из поэмы Пушкина «Полтава», стихотворение Лермонтова «Бородино», а также биографические очерки не только о русских писателях, но и о талантах в других областях искусства и науки (о М.В. Ломоносове, Д.И. Менделееве, М.И. Глинке, И.Е. Репине, Н.И. Пирогове, К.Д. Ушинском)[15].

На фоне перечисленных выше текстов и сюжетов, раскрывающих лучшие страницы дореволюционной русской культуры, серым пятном выглядят редкие упоминания о национал-социалистической Германии и о немцах вообще.

Так, например, в книге для третьего года обучения из 68 текстов только два связаны с Германией. Один под названием «Экскурсия германской молодежи» пред-

ставляет собой совершенно аполитичный приключенческий рассказ о лесном походе немецких подростков, а другой – «Случай из дней юности Шлагетера» – рассказывает о неизвестном в России персонаже – немецком националисте, проявившем храбрость при тушении пожара в жилом доме и расстрелянном французами в 1923 г. (показателен выбор именно этого человека, а не того же Гитлера)[16]. О самом же Гитлере во всех четырех книгах для чтения упоминается всего один раз (сообщается его день рождения, и в четырех предложениях описана его забота о немецких детях)[17].

Трудно представить, что учебники Флауме и Добротворского были одобрены министерством Розенберга, который запрещал, как указано выше, всякое восхваление царизма и любил повторять следующие слова крупного немецкого историка Теодора Моммзена: «Русская империя – это бочка с мусором, которая держится лишь благодаря ржавому ободу царизма»[18].

Скорее всего, эти учебники просматривали цензоры какого-то другого ведомства; возможно, это были те офицеры из штаба командования сухопутных сил, которые не разделяли устремлений восточной политики Гитлера-Розенберга. Разногласия между различными учреждениями по поводу восточной политики создавали благоприятную почву для тех сил в Рейхе, которые шли по третьему пути – «против Сталина и против Гитлера». Один из лидеров русской эмигрантской организации «Народно-Трудовой Союз» (одинаково жестоко преследуемой и НКВД, и гестапо за тот самый третий путь) А.С. Казанцев вспоминал, что в 1943 г. НТС удалось вполне легально издать в Германии книгу «Правда о большевизме», в которой цензура почему-то не вычеркнула явно противоречащий установкам того же Розенберга тезис: «Мы, русские, не хотим ни чужого господства, ни большевизма»[19].

Не исключено, но маловероятно, на наш взгляд, что издание учебников Флауме и Добротворского было одним из немногих удавшихся мероприятий Розенберга и Геббельса, которые намеревались осуществить коренной пересмотр колониальной политики в СССР в конце 1942 – начале 1943 гг.; эти замыслы остались нереализованными.

Вот как вкратце выглядит этот сюжет, исследованный немецкими историками Рейнхардом Мюллером и Вольфрамом Ветте. С лета 1942 г. пропагандистские органы Вермахта и ряд экономических советников штаба четырехлетнего плана, возглавляемого Герингом, настойчиво выдвигали различные предложения, направленные на резкое ослабление репрессий в Остланде и на концептуальное переосмысление всей восточной политики. 3 декабря 1942 г. Розенберг издал циркуляр, в котором говорилось, что русские не должны более считаться «недочеловеками», их необходимо привлекать к борьбе против сталинского режима, а разговоры о «колониях на Востоке» следует прекратить. В начале 1943 г. такие же указания отдал и Геббельс. Геринг же не рискнул возглавить реформаторское движение за пересмотр восточной политики, опасаясь очередных столкновений с Розенбергом, Геббельсом и Гиммлером. Инициативы Розенберга и Геббельса закончились неудачей из-за того, что Гитлер решил: всякие политические заявления среди русского населения могут быть сделаны лишь после достижения военного успеха, а во время войны они теми же обывателями будут расценены как признак слабости[20].

Хотя коренной смены курса в восточной политике так и не произошло, благожелательное отношение к дореволюционной истории и культуре России, свойственное учебникам Флауме-Добротворского, удачно вписывалось в общую концепцию антибольшевистской пропаганды, основы которой были разработаны Геббельсом в са-

мом начале войны против СССР. В основе этой концепции лежал тезис о священном крестовом походе XX столетия против большевизма. Этот тезис, по мнению Геббельса, был главным в «пропаганде прикрытия», призванной «оспаривать все эгоистические цели на Востоке» Третьего рейха[21].

Эта «пропаганда прикрытия» предназначалась не только для российских граждан, но и для всей армии вплоть до самых высших чинов Вермахта. Штрик-Штрикфельдт вспоминал, что в начале войны против СССР командующий группой армии «Центр» фон Бок усомнился «в психическом здоровье» одного из сотрудников министерства Розенберга, заявившего ему, что русский народ надо сократить на 40 миллионов человек[22].

Частичная реабилитация царского прошлого в Советском Союзе вынуждала гитлеровскую пропаганду проводить адекватные контрпропагандистские акции. И здесь пожелание Розенберга запретить всякое восхваление царизма было совершенно неуместно. Напротив, пропагандистам Рейха было необходимо «отыграть» у большевиков дореволюционную русскую культуру. В свою очередь восхваление этой «буржуазной», «дворянской» эстетики не позволяло ставить знак равенства между царизмом и сталинизмом, как хотел Розенберг. Об этом свидетельствует следующая пропагандистская акция. В ответ на широко рекламируемую в советских газетах передачу родственниками Михаила Лермонтова в 1943 г. своих фамильных драгоценностей на нужды Красной Армии, в Берлине был подготовлен следующий отклик:

> Десятилетиями пренебрегали Советы великими творцами русского прошлого только потому, что они почти все без исключения были буржуазного или дворянского происхождения. Им предпочитали новых жидовско-большевистских писак вроде Ильи Эренбурга и Маяковского. Только впоследствии, когда введена была новая «национальная» линия, они снова вошли в милость. Само собой разумеется, что эти поэты были предварительно так перекроены, чтобы их можно было представить народу чуть ли не продуктами сталинского мировоззрения[23].

Итак, очевидно, что пропаганда Рейха не могла идти по рельсам тотальной русофобии Розенберга. Более того, в пропагандистской войне против большевиков, в которой было задействовано и школьное образование, допускались положительные трактовки отдельных достижений даже советской культуры.

Это делалось, к примеру, в т. н. «народных календарях» – книжках, предназначенных для сельского населения, где, помимо обширных сведений по сельскому хозяйству, был и раздел, посвященный культуре. Там публиковались календарики памятных дат из русской и немецкой истории и отрывки из литературных произведений русской классики с комментариями. «Народные календари» зачастую использовались в школах вместо учебников, ввиду нехватки последних (на это обстоятельство указывалось в сводке Центрального Штаба Партизанского Движения «О положении во временно оккупированных немцами советских областях» от 15 сентября 1942 г.)[24].

В «Народном календаре» на 1942 г. расхваливалась музыка эмигранта Рахманинова и возвратившегося в 1933 г. в СССР Прокофьева (являвшегося автором музыки к явно антинемецкому фильму «Александр Невский»), похвалы знаменитому певцу Шаляпину соседствовали с положительной оценкой почитаемого Сталиным режиссера Станиславского. Стратегии советского руководства по частичной реабилитации царского прошлого данный календарь противопоставлял положительные оценки

творчества запрещенных и идеологически неугодных в СССР поэтов и писателей: Достоевского, Бальмонта, Бунина, Сологуба, Кузьмина, Гумилева, Есенина, Мережковского, Шмелева[25].

В итоге, образ дикой, азиатской, некультурной России не нашел отражения в содержании школьного образования. Потребности пропагандистской войны вынудили нацистских лидеров маскировать свои подлинные русофобские взгляды. Доминирование в школьных учебниках и народных календарях русской классики уже не позволяло воспретить восхваление царизма, на чем настаивал Розенберг, и делало абсолютно невозможным ограничить образование носителей этой культуры лишь умением расписаться и счетом до ста, как того хотел второй человек в нацистской партии Мартин Борман.

Организация школьного строительства: ступени образования и процесс обучения

Особенности школьного строительства на оккупированных Рейхом территориях СССР наиболее отчетливо проявляются в сравнении с советской школьной системой. В отличиях «народных школ», открываемых оккупационными властями, от советских школ во многом угадывается и концептуальная основа школьной политики Третьего рейха. Мы выявили пять таких отличий.

Первое отличие касается вопросов административного управления народным образованием. В СССР в этой области доминировала жесткая централизованная структура. Народные комиссариаты просвещения, решавшие все вопросы организации обучения, относились по конституции 1936 г. к ведению законодательных и исполнительных органов власти республик, но по сути подчинялись отделу школ ЦК ВКП(б). К тому же, как убедительно показывает американский историк Л. Холмс, сам Сталин играл руководящую роль в принятии всех главных решений по вопросам образования в 1930-е гг. – вплоть до обеспечения школ качественными карандашами и бумагой[26]. Школьное образование на захваченных территориях России находилось в ведении Министерства по делам оккупированных восточных областей, военных губернаторов, рейхскомиссаров и бургомистров, различных гражданских органов власти – городских и сельских управ.

Четкого, юридически оформленного разграничения полномочий между этими властными структурами не было, что вело к хаосу, дезорганизации и конфликтным ситуациям. Штрик-Штрикфельдт, прошедший с войсками фон Бока до самой Москвы, вспоминал, что открываемые с разрешения Вермахта школы гражданские власти после того, как армия двигалась дальше, часто закрывали[27]. Показателен и такой факт: одной из причин отставки Розенберга с поста министра по делам оккупированных восточных территорий в 1944 г. стал его конфликт с рейхскомиссаром Украины Эрихом Кохом. Тот, вопреки стремлению министра активно развивать профессионально-техническое образование, закрыл на Украине все специальные (профессиональные) школы[28].

Второе отличие заключалось в том, что если в СССР школа была нацелена на подготовку ученика к продолжению учебы в вузе или техникуме, т. е. была частью процесса непрерывного образования, то основной задачей «народных школ» было

начальное обучение на селе, в лучшем случае – семилетнее и десятилетнее (гораздо реже) среднее образование в городе. Высшее образование в областях с этническим преобладанием русских не предусматривалось. Оккупационные власти стремились как можно быстрее включить юношей и девушек в процесс производства материальных ценностей, и поэтому в подавляющем большинстве случаев обучение ограничивалось и в городах начальной школой. В таком крупном центре, как Ростов-на-Дону, занятия проводились только с 1 по 4 классы, а основная масса старшеклассников была вывезена на работы в Германию[29]. Семилетняя школа, как правило, уже не представляла собой общеобразовательного учреждения – это было подобие ремесленных или сельскохозяйственных училищ, которые, между прочим, тоже продолжали функционировать. То же можно сказать и о десятилетках. В Смоленске в июне 1942 г. было введено общее для всех детей 10-летнее образование: после трехлетнего обучения по курсу начальной школы шло четырехлетнее «специальное обучение непосредственно на производстве в качестве ученика» и три года – «в качестве подручного» (т. е. подмастерья)[30].

Третье отличие: вместо литературы, курсов российской и всеобщей истории, обязательных в советской школе, в народных школах вводилось преподавание религии. Идеологам Рейха казалось, что именно религиозное воспитание сможет изжить большевизм, проводимый в советской школе через гуманитарные предметы. Поэтому поощрялось преподавание Закона Божьего, а атеизм рассматривался как одно из проявлений большевизма. Учителям предписывалось «ни в каком случае не допускать антирелигиозные толкования вопросов в изучении материалов»[31].

Утверждению религиозных традиций способствовала проводимая оккупационными властями (особенно в первые месяцы войны) замена советских праздников на православные. В дни таких праздников отменялись занятия в школах. Так, в Мещевском районе Смоленской области ученики не посещали школы на праздники Николая Угодника (19 декабря), Новый Год (14 января), Крещение (19 января), Сретение (15 февраля), Благовещение (7 апреля). Также устанавливались недельные рождественские и пасхальные каникулы[32].

Уважение к православным традициям, религиозное восприятие мира характерны для упоминавшихся выше учебников Флауме-Добротворского. Вот, например, какие произведения составили V раздел учебника для третьего года обучения по русскому языку: «Под Рождество» И.С. Шмелев; «Легенда о елке». Д.С. Мережковский; «На масленице» И.С. Шмелев; «На Страстной неделе» А.П. Чехов; «Пасха» А.М. Ремизов; «Троицын день» И.С. Шмелев; «Родина» Н.А. Некрасов[33].

Четвертое отличие «народных школ» от советских – введение платы за обучение. В СССР бесплатное образование (всех видов и типов) было краеугольным камнем культурной революции 20-х – 30-х гг., неотъемлемой частью социальных завоеваний 1917 г.

Плата за обучение в «народных школах» представляла собой ощутимый довесок к вводимым оккупационными властями трудовым повинностям и продовольственным поборам. Вот, например, какие суммы родителям приходилось выкладывать в школах Ставропольского края: в первом классе – 20 рублей в месяц, во втором – 30, в третьем – 40, в четвертом – 50 в селе и 60 – в городе. С 5 по 7 классы родители платили по 200 рублей в год, с 8 по 10 – по 300. Правда, в ремесленных училищах потолок оплаты был ниже – до 150 рублей в год, успевающих учеников награждали значительным снижением платы за учебу, а ведомства бургомистров старались вы-

делять нужные средства. Например, в Таганроге на дотацию от бургомистра в 60 тысяч рублей были открыты ремесленные и сельскохозяйственные школы и училища (получили дотации и музыкальные школы)[34]. Все эти поблажки и затраты, на наш взгляд объясняются чисто прагматическими причинами – профессиональные училища окупали себя выпусками молодых квалифицированных специалистов, которых можно было моментально включить в экономику Третьего рейха.

Пятое отличие – введение в «народных школах» телесных наказаний для учащихся. Более того, в отдельных местах, например, в Смоленске, подобным наказаниям подвергались не только ученики, но и родители[35]. В советской же школе место палок и розог заняли оценки по успеваемости, взыскания по линиям пионерской дружины и комсомольской организации, вызов в школу и проработка родителей и, наконец, перевод в детскую колонию с фактически тюремным режимом.

Как повлияли эти отличия на функционирование «народных школ»? Ответ однозначный – негативно. Децентрализация в их управлении создавала почву для административного произвола. В разделе о реакции населения на деятельность «народных школ» мы подробнее расскажем и о провале экспериментов с преподаванием Закона Божьего, с телесными наказаниями и введением платы за учебу, а пока остановимся на анализе образования в этих школах.

Главной целью обучения в этих заведениях было усвоение навыков элементарной грамотности, необходимых для работы на производстве. Именно поэтому «народные школы» в большинстве своем ограничивали образование учащихся знаниями начальных классов. Утилитаризм, практичность «народных школ» отразились во всех методических, программных документах. Так, в инструкциях для учителей по природоведению говорилось: «В природоведении занимаются преимущественно теми животными, растениями и явлениями природы, с которыми детям приходится иметь дело». Уроки немецкого языка планировалось ввести для того, чтобы «научиться изъясняться по-немецки в повседневной жизни». В указаниях по арифметике подчеркивалось, что необходимо «привить детям навыки свободного пользования канцелярскими счетами, ибо это нужно человеку в обыденной жизни»[36]. Часто уже на ступени начальной школы мальчики начинали трудовую деятельность в сельском хозяйстве, а девочки занимались рукоделием. В школах Псковской области в учебном плане 2–4 классов на рукоделие отводилось 9 часов в неделю, а на географию и природоведение – по 4 часа[37].

Само же начальное образование выглядело следующим образом. Количество общеобязательных предметов – от пяти до семи дисциплин: грамматика русского языка, арифметика, чистописание, немецкий язык, естествознание, физическая география, рисование, физкультура (сюда же включалось и пение, вообще, следует заметить, что оккупационные власти благожелательно относились к самостоятельно действующим музыкальным школам, народным хорам). Немецкий язык могли учить со второго класса, но обычно начинали с третьего или пятого.

В аналитических обзорах положения на оккупированных территориях России, составляемых спецслужбами и партизанскими штабами, приводятся, как правило, данные только о функционировании начальных школ. Поэтому, содержание образования в семилетках и десятилетках нам почти неизвестно, за исключением одной школы в г. Новосокольники Калининской области, где в 5–7 классах изучали ботанику, физику и химию[38].

Гораздо чаще в документах (особенно в сообщениях русских газет, издаваемых оккупационными властями) встречается информация о том, чему учили в ремесленных и сельскохозяйственных училищах. Так, в городах и райцентрах Ставропольского края в этих заведениях обучали специальностям токаря по металлу и дереву, слесаря и кузнеца, электромонтера, модельщика, формовщика, столяра. Производственную практику воспитанники училищ проходили на действующих предприятиях и получали за нее точно такие же деньги, как и взрослые квалифицированные работники. В селах и станицах сельскохозяйственные училища и средние школы давали соответствующую своему профилю профессиональную ориентацию[39].

Особенности школьной политики на Северном Кавказе

О мероприятиях Рейха в области образования на Северном Кавказе мы решили рассказать в отдельном разделе потому, что они преследовали цели, отличные от тех, которые ставились перед «народными школами» в областях, населенных этническими русскими.

Кавказ в нацистских замыслах расчленения России мыслился не только в качестве самостоятельной административной единицы, но и культурно чужеродного для России и русского народа государства. Эксперты Розенберга исходили из того, что на Северном Кавказе

> …существовало до большевизма значительное протюркское и происламистское влияние, которое открывало путь азиатским стремлениям. Для отклонения мировоззрения азиатского населения от этих течений, требуются не какие-то резкие, активные действия, а систематическая воспитательная работа, разъяснение того, что судьба Кавказа неразрывно связана с судьбами Европы, с ее борьбой против большевизма; разумеется в этой воспитательной работе огромную роль сыграет преобразование школьной системы[40].

В Третьем рейхе достаточно тщательно подготовились к работе по культурной «деколонизации» Кавказа. Это подтверждается хотя бы тем, что еще до нападения на СССР в Германии был напечатан учебник по истории Кавказа (вместе с пособиями по истории Украины и Туркестана)[41].

Концептуальный смысл образовательной и культурной политики на Северном Кавказе заключался в том, что «большевистский принцип национальностей по форме и большевистский по содержанию должен быть заменен принципом национальной и по форме и содержанию культуры»[42].

В июне 1942 г. в канцелярии Розенберга по вопросам германской политики в оккупированных районах Кавказа были разработаны следующие мероприятия в области образования:

> Возможно было бы без всяких оговорок обещать автономию, разрешив функционирование средних, ремесленных и высших школ, поскольку это будет необходимо. Программу определенных дисциплин (например, история), конечно, нужно целиком преобразовать. Местом для высших школ, в первую очередь, намечается Тифлис; ремесленные школы следует распределить на другие области, чтобы усилить у племен сознание их культурной

> автономии… Для имперского комиссариата Востока немецкий язык является решающим с расчетом сознательно проводимой ассимиляции. На Украине требование об обязательном знании немецкого языка для всех отклонено. Но для Кавказа было бы целесообразно ввести немецкий язык в качестве обиходного. Пестрый национальный состав Кавказа позволил царизму ввести русский язык в качестве единственного официального языка. Поскольку исключено, что немецкие чиновники в состоянии будут изучить все языки названных племен, а также, учитывая, что географическая удаленность от Германии не позволяет немецкой культуре быть непосредственным средством ассимиляции, русский язык должен быть заменен немецким. При этом допустимо, что немецкий язык будет необязателен для всех, а только для ремесленных и высших учебных заведений, т. е. для тех слоев, которые непосредственно связаны с немецким управлением[43].

Из этого документа мы можем вывести три главных отличия образовательной политики Рейха на Северном Кавказе от аналогичной политики в европейской части России. Во-первых, Германия допускала сохранение для кавказских народов высшего образования. Во-вторых, немецкий язык на Северном Кавказе должен был вытеснить русский. В-третьих, история на Кавказе оставалась учебным предметом.

Все перечисленные замыслы Рейха в области образования на Северном Кавказе были направлены на активизацию межнациональной розни между русскими и кавказцами и на разрыв единого культурно-образовательного пространства Советского Союза. Демонтируя высшее образование в европейской части России и сохраняя его на Кавказе и Украине (в оккупированном Киеве работал сельскохозяйственный институт), Розенберг надеялся искусственно понизить культурный уровень русских. С этой целью с 1941 г. и до своей отставки с поста министра оккупированных восточных территорий в октябре 1944 г. он безуспешно пытался добиться у Гитлера разрешения на открытие в Киеве университета. На Нюрнбергском процессе адвокат Розенберга приводил такой факт:

> Когда Розенберг однажды напомнил Гитлеру о том, что в Киеве следует открыть Университет, Гитлер как будто бы согласился на это; когда Розенберг вышел, и Гитлер остался с Герингом, он сказал: «У этого человека тоже особые заботы. У нас есть сейчас более важные дела, чем открытие университета в Киеве»[44].

Видимо, ни Розенберг, ни его аналитики не задумывались о том, сколько средств и организационных усилий потребуется для реального, а не декларативного внедрения на Кавказе немецкого языка, да еще в качестве разговорного, «обиходного». Конечно, им было приятно тешить себя мыслью о том, что «русский язык впредь должен быть заменен немецким», а также строить планы: «Необходимо развивать языки местного населения вместо русского»[45].

Не были продуманы практические вопросы, где взять на Кавказе столько учителей немецкого языка, сколько времени и сил потребуется, чтобы местные жители заговорили по-немецки, сколько денег нужно, чтобы создать учебники на местных языках. В таких условиях убирать русский язык не только из образования, но и из бытового обихода, было просто неразумно.

Практические результаты школьной политики Третьего рейха на Северном Кавказе еще ждут своих исследований. Однако уже сейчас можно усомниться в том, что эти результаты были сколько-нибудь значительными. В оккупированной Кабарди-

но-Балкарии, к примеру, так и не открылось ни одной школы[46]. Кроме того, ожесточенное сопротивление Красной Армии на Кавказе, тяжелые природные условия не позволили Третьему рейху решить куда более важные задачи в этом регионе (гитлеровцы так и не смогли пробиться к бакинской нефти), чем «культурная деколонизация» кавказских народов.

Учителя и оккупационный режим: сотрудничество, сопротивление, нейтралитет

Привлечение как можно большего числа учителей на работу в «народные школы» служило главным индикатором качества школьной политики оккупационных властей. Само открытие школ на оккупированных территориях было связано с работой по соответствующей национал-социалистской переквалификации советских учителей. В самом начале Великой Отечественной войны Министерство по делам оккупированных восточных областей специально указывало на то, что «в Остланде следует стремиться к быстрому восстановлению школьного преподавания, если в распоряжении имеются подходящие и надежные преподаватели»[47]. Не для всех регионов есть статистические данные о том, сколько советских учителей в действительности работало в «народных школах». Самое главное, эти сведения не отвечают на вопрос, по каким причинам – добровольно или принудительно – они согласились нести школьникам новое образование. Поэтому мы вынуждены пока ограничиться констатацией голого количественного показателя. По данным О. Сорокиной, больше всего учителей работало в «народных школах» Орловской области – 1910 из 13076 учителей области; в Ставрополье – 1000 из 12000 учителей края; в Воронежской области – 411 человек; в Черкессии – 90[48].

Оккупационные власти стремились привлечь учителей в «народные школы» различными материальными стимулами. Зарплата устанавливалась в размере ставок Наркомпроса, выдавалась как в марках, так и советскими деньгами. Учителям, работавшим в «народных школах», разрешалось иметь большие земельные участки под огород, и они получали хлебный паек в размере 300 грамм.

Над учителями «народных школ» осуществлялся жесткий идеологический контроль. Они были обязаны посещать десятидневные курсы переподготовки, где им читали лекции на темы: «Культура Германии», «Народное образование в Германии», «Что такое национал-социализм?», «Большевизм и еврейство», «Биография Адольфа Гитлера». В административном порядке предписывалось избегать всякой «большевистской тенденциозности»[49].

Так, Временное положение о школах Мещевского района Смоленской области (1941 г.) указывало: «Читать, писать, считать, – вот, то чему учитель должен в своей работе уделять основное внимание. Какой-бы то ни было коммунистической и большевистской тенденции в преподавании не разрешается… В связи с этим не разрешается вести работу по учебным изданиям для советской школы, не разрешается использовать в работе советскую литературу. Можно пользоваться учебниками, изданными до 1914 года»[50]. В документах партизанских штабов, сводках НКВД и Главного Разведывательного Управления Красной Армии (ГРУ РККА) о положении населения на оккупированных территориях практически отсутствовала информация

о точном количестве учителей, добровольно решивших работать в «народных школах». Отчасти это объясняется недостатком конкретной информации, но в большей степени – тем обстоятельством, что зачастую спецслужбы, и особенно партизаны, не были склонны анализировать причины участия лиц тех или иных интеллигентских профессий в оккупационной политике Рейха. Кроме того, учителя не представляли для спецслужб такого интереса, как, например, полицаи, русские бургомистры и прочие более опасные, с военной и политической точек зрения, пособники оккупантов.

Априори считалось, что все, кто сотрудничал с оккупационными властями, – отщепенцы и предатели и что анализ их поступков – дело прокурора и трибунала. Так, например, представитель Центрального Штаба Партизанского движения Калининского фронта сообщал в центр в августе 1943 г., что «часть учителей, оставшихся на оккупированных территориях при немцах, занимаются преподаванием в школах. Однако предателей, обучающих по немецким программам и учебникам мало, большинство же учителей партизанят, либо живут в деревнях и по возможности занимаются сельским хозяйством»[51].

Голодное и полуголодное существование и связанное с ним искушение жить лучше своих односельчан или согорожан, а вместе с тем, и отсутствие иного способа прокормить семью, боязнь угона на работы в Германию, страх репрессий против близких – вот, на наш взгляд, основные мотивы, толкавшие бывших советских учителей на работу в «народные школы». Весьма вероятно, что в сожительстве с немецкими офицерами молодые учительницы видели самый надежный способ прокормить свои семьи (из 41 учителя 9 оккупированных сел Старорусского района Новгородской области 6 учительниц жили с офицерами Вермахта)[52]. Боязнь угона в Германию стала, скорее всего, главным стимулом поступления на работу в «народные школы» вчерашних десятиклассников (в «народной школе» в г. Новосокольники Калининской области все 13 учителей были юношами и девушками 16–17 лет)[53].

Работать в «народных школах» заставляли и чисто репрессивными мерами. Так, например, в Дедовическом районе Калининской области молодая (1919 г. р.) учительница, комсомолка Нина Андреевна Тарасова-Лебедева стала работать в школе и одновременно сделалась осведомителем комендатуры после того, как была арестована по подозрению в связях с партизанами и 3 дня провела в гестапо[54].

Труднее всего обнаружить в документах идейные мотивы перехода бывших советских учителей на работу в «народные школы». Сотрудники спецслужб и партийные функционеры не распространялись об этих мотивах в многочисленных сводках, обзорах, аналитических записках. Как правило, считалось, что трудились в нацистских школах люди с социальным статусом, чужеродным для советской системы. «Бывший кулак», «дочь попа», «бывшая баронесса» – вот собственно и все идейные причины, зафиксированные в подобного рода документах. Возможно, что материалы советских спецслужб, к примеру, уголовные дела на арестованных за сотрудничество с немцами учителей, смогут пролить дополнительный свет на эту проблему, но, нам, к сожалению, эти источники были недоступны.

Кроме того, следует принять во внимание, что среди учителей, подчеркнуто демонстрировавших Рейху свою лояльность, были и осведомители партизан и подполья. Нередко их имена держались в строгом секрете долгие годы после войны.

Данные по агентуре спецслужб представляют собой документы совершенно закрытого характера, недоступные исследователям. Поэтому нам трудно судить, сколько учителей «народных школ» использовали свой статус как «крышу» в своей

работе на советские спецслужбы, партизан и подполье. В документах партизанского движения есть лишь редкие упоминания о наличии таких учителей-осведомителей. По информации секретаря Псковского горкома ВКП(б) Михайлова, в сентябре 1943 г. в Новосельском районе Псковской области из 50 осведомителей-партизан пятеро были учителями «народных школ»[55]. Нам неизвестно, каких осведомителей среди учителей «народных школ» было больше: профессионалов, специально обученных агентурно-разведывательной деятельности; тех, кто раскаялся в сотрудничестве с оккупантами и заглаживал свою вину; или людей достаточно самостоятельных в своих поступках типа учителя Мороза (героя повести «Обелиск» белорусского писателя Василя Быкова), который, безо всякого нажима со стороны немцев, сам пошел работать в «народную школу» с целью учить детей по советской программе, не давая оккупантам «расчеловечить», «оболванить» своих учеников.

Гораздо легче судить об идейных мотивах отказа учителей от работы в «народных школах». Эти мотивы спецслужбы и структуры агитпропа не скрывали и использовали в идеологической борьбе против Рейха. Многие учителя остались верны коммунистическим убеждениям, другие не шли работать в школу в знак протеста против жестокостей оккупационной политики. Так, в деревне Гоголино Молвотицкого района Калининской области немецкий офицер долго убеждал учительницу Майорову в непобедимости германской армии и величии фюрера. В заключение он предложил ей сказать «хайль Гитлер». Она, смеясь, ответила: «Я не знаю Гитлера и говорить ему “хайль” не могу. Я знаю “хайль Сталин”». Офицер вспыхнул и хлопнул дверью. После этого инцидента школа была закрыта, а Майорову стали преследовать. В этой же деревне пожилая учительница-орденоносец Крыманова Татьяна Александровна отказалась преподавать за деньги и продукты, заявив односельчанам, что, скорее, умрет от голода, но «к немчуре» за хлебом не пойдет[56].

Если об «учителях-предателях» и об учителях, помогавших партизанам и подполью, советская печать времен войны и послевоенная мемуарная и художественная литература давали соответствующие конъюнктуре информацию и литературные образы, то об учителях, которые сознательно отказывались служить оккупационному режиму и помогать партизанам, вообще, предпочитали помалкивать. В советской историографической и литературной традиции об аполитичности населения оккупированных территорий писать было не принято, сюжеты посвящали либо героям, либо предателям (последним, конечно, реже).

Между тем среди учителей, как и всей интеллигенции, аполитичные, нейтральные настроения – по отношению и к оккупационному режиму, и к партизанскому движению – были в отдельных регионах достаточно широко распространены. Об этом красноречиво свидетельствует объемная записка «О положении советской интеллигенции в оккупированных немецкими захватчиками районах», составленная начальником 4-го отдела Политуправления Северо-Западного фронта по работе среди партизан и населения, старшим батальонным комиссаром С.Л. Беспрозванным, отправленная 9 мая 1942 г. на имя начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Григория Ф. Александрова. В этой записке Беспрозванный, проведший несколько месяцев в глубоком немецком тылу, отметил, что «многие наши товарищи, получив отказ целой группы интеллигенции, порешили, что оставшиеся в тылу не заслуживают доверия. Даже формулу придумали: “Либо ты партизан – либо дрянь”, “Лучшие эвакуировались, остался обыватель и предатель (в потенциале)”. За этими прямолинейными формулами скрывалось нежелание и неумение правильно

организовать работу с интеллигенцией. От нее отвернулись не только в тылу врага, но, что не лучше, потеряли ее из виду в целом ряде фронтовых районов еще задолго до оккупации. В Осташковском районе всем учителям дали в августе полный расчет, школы закрыли. Судьбой оставшихся интеллигентов никто не интересовался. Поручений никаких не давали»[57].

Такое безразличие к интеллигенции и – в данном случае – к учителям со стороны некоторых органов советской власти, по мнению Беспрозванного, привело к тому, что работники умственного труда «попытались встать в сторону от грозных событий, уклониться от вооруженной борьбы с оккупантами… Из 452 учителей Старорусского района в партизанском отряде состоят трое учителей, в Деминском районе из 245 учителей – один (второй Пономарев состоял, но потом отказался, исключен из партии). В Лычковском районе из 160 учителей – двое». По свидетельству представителей интеллигенции, война застала многих учителей, врачей, служащих в состоянии какой-то вялой апатии, разобщенности: «В нашем поселке, рассказывает врач тов. Разевич, осталось много учителей и служащих. Вначале господствовало желание быть в стороне. Старались не попадаться немцам, но и в партизаны идти категорически отказались. Мы сами редко встречались, избегали друг друга»[58].

Сформулировать какой-то четкий вывод об отношении учителей к оккупационному режиму и к «народным школам», выделить, к примеру, численное превосходство тех, кто сотрудничал с партизанами, или наоборот, едва ли возможно не только по причине недостатка документальных доказательств. На самом деле отношение учителей к новым обстоятельствам было более многомерным. Сотрудничество с режимом, сопротивление ему и безучастная ко всему аполитичность были обусловлены разными мотивами: идеологическими, желанием мстить за погибших родных, соображениями личной безопасности, бытового удобства, чувством профессионального долга.

Реакция населения на школьную политику Третьего рейха

Отношение населения оккупированных территорий СССР к школьной политике Третьего рейха было, как правило, либо негативным, либо безразличным. В этом были виноваты, прежде всего, сами оккупационные власти, допустившие в сфере образования грубый административный произвол, не продумавшие, к каким последствиям приведут такие мероприятия, как введение платы за учебу и телесных наказаний, на которые люди отвечали открытым или скрытым саботажем.

Родители, привыкшие к бесплатному образованию своих детей в советской школе, были шокированы введением платного обучения. Лишние материальные затраты в условиях голодного и полуголодного существования военного лихолетья делали их и без того тяжелую жизнь просто невыносимой. Поэтому многие родители не пускали своих детей в школу, не имея возможности оплатить их учебу или нести дополнительные повинности по содержанию школьных зданий. Представитель Центрального Штаба Партизанского движения на Калининском фронте отмечал в своем докладе в центр в августе 1943 г., что «открытые школы ремонтируются и обеспечиваются дровами за счет населения. Отсутствие лошадей часто приводит к тому,

что зимой школы закрываются на 5–7 дней из-за невозможности подвоза дров. Недостаточное питание, невозможность приобретения одежды и обуви для школьников, а равно школьно-письменных принадлежностей приводит к тому, что родители не посылают своих детей в школу… Если ранее в каждом сельсовете было 5–7 школ с общим числом обучающихся до 500 человек, то ныне в волости, в единственной школе, обучается 20–30 детей»[59].

Попытки оккупационных властей силой или хитростью вынудить родителей отдавать своих детей в школы не всегда удавались. В феврале 1943 г. в городе Новосокольники Калининской области родители отказались посылать своих детей в только что открытую школу даже после того, как на них стали налагать штраф в размере 500 рублей. Оккупационные власти пошли на хитрость, пообещав родителям, что их детям будет выдаваться по 400 грамм хлеба. Родители стали посылать детей в школу, но те хлеба не получили. Тогда взрослые вновь передумали. Подобными действиями немецкие ведомства не только вызывали сильное недовольство у населения, но и давали прекрасный повод советской пропаганде поиздеваться над школьной политикой Рейха[60].

К числу просчетов, усиливших негативное отношение учителей и обывателей к «народным школам», относилось введение телесных наказаний для учеников. Изживание физического насилия было широко пропагандируемым положительным качеством советской школы, и тот факт, что Рейх вернул в школы подобные методы образования, сослужил ему медвежью услугу. Документы раскрывают негативные для «народных школ» последствия введения физических наказаний для учащихся. Расправы со стороны школьной администрации приводили к бегству подростков в партизанские отряды. В уже известной нам школе в г. Новосокольники «детей запугивали плеткой и расстрелом, когда они получали плохие отметки. Директор сам бил ребят. Был такой случай: один ученик по фамилии Румянцев получил “плохо”. Его вызвали к директору. Директор спросил, почему он плохо учится. Румянцев ответил, что у него нет книг. Директор ему вынес выговор с предупреждением. На следующий раз Румянцев опять получил “плохо”. Его исключили из школы, но он опять продолжал ходить в школу. Тогда Андреев (директор школы – *С.К.*) сходил в жандармерию и Румянцева арестовали. Трое суток Румянцев сидел в камере, а на четвертые его высекли плеткой и выпустили. Румянцев ушел в партизанский отряд»[61].

Не дало позитивного результата и стремление оккупационных властей перевоспитать советских детей в духе уважения к новому режиму введением в школах обязательного религиозного образования. Религиозное сознание не могло быстро пустить корни в стране, где в течение более 20 лет проводилась мощнейшая атеистическая пропаганда. Поэтому атеизм стал одним из проявлений саботажа со стороны населения. Документы свидетельствуют: там, где школьная администрация пыталась насильно заставлять детей молиться перед началом уроков, носить нательные крестики, посещать церковь, – нередко возникали конфликтные ситуации. Так, согласно информации штаба партизанского движения Калининской области, введение со 2-го класса «изучения молитв» привело к тому, что только «за январь месяц 1943 г. по Опочецкому району было исключено из школ до 50 детей за плохое поведение во время богомоления»[62]. В сентябре 1942 г. Центральный Штаб Партизанского Движения отмечал в аналитическом документе, посвященном положению населения в Белоруссии и некоторых северо-западных регионах РСФСР, что школы, в которых

«основным предметом является закон божий», закрывались из-за «отсутствия желающих учиться»[63].

Негативное отношение местных жителей вызывало и широко распространенное пренебрежение со стороны оккупационных властей к нуждам образования. Многим функционерам Рейха, делавшим карьеру в Остланде, не было никакого дела до школ для «унтерменшей». Приведенный выше пример красноречиво свидетельствует о том, что рейскомиссары и многие другие должностные лица игнорировали инициативы Министерства оккупированных восточных областей в сфере образования; так, рейхскомиссар Кох, не побоявшись энергичных протестов со стороны Розенберга, закрыл все специальные политехнические заведения на Украине. Мнение министра казалось ему совершенной чепухой в сравнении с тотальным выкачиванием ресурсов, вывозом рабочей силы и культурных ценностей.

Функционеры типа Коха сделали все возможное, чтобы лишить оккупационные власти ореола освободителей. Фанатичные нацисты считали гнилым либерализмом даже те куцые тактические уступки местному населению, которые разрабатывало министерство Розенберга. Согласно данным ГРУ РККА, во многих районах Ленинградской области гитлеровцы не только не хотели сами открывать школы, но и «запретили их организацию по инициативе трудящихся. Так в деревнях Теребушки и Стан Оредежского района население обратилось с просьбой к немецкой комендатуре об открытии школы, причем расходы по обучению детей и содержании учительницы крестьяне брали на себя, однако, как в одной, так и в другой деревне гитлеровцами в просьбе было отказано»[64].

Многие школьные здания так и не дождались своих учеников, поскольку подверглись разрушению или использовались не по назначению. В неоднократно цитируемой нами записке Беспрозванного указывалось, в частности, на то, что в Дедовическом районе Калининской области «сожжено 15 школьных зданий, в городе Пено Калининской области школа была обращена в конюшню. В лучшем случае работает начальная школа (1–4 классы) с незначительным числом учащихся. На 360 дворов… Великолукского района Калининской области оставлено два класса… Фашисты прямо заявляют, что “семилетка крестьянам не нужна”»[65].

Те чиновники, которые закрывали школы и не разрешали населению учить детей даже за свой счет, нисколько не интересовались ни религиозным воспитанием, ни политехническим образованием юношей и девушек. Учеников и особенно учениц старших классов они стремились приспособить для более актуальных, с их точки зрения, административных и личных нужд. В записке Беспрозванного приводятся на сей счет следующие факты:

> Только из одной деревни Конюхов… ушли 19 января 1942 г. вместе с немцами 5 девушек комсомолок, окончивших 9 и 10 классов средней школы в 1941 г. Немцы этих девушек спаивали вином, угощали, таскали на танцульки. Одна из них забеременела, другая заразилась триппером. В Старой Руссе (…) из этой группы учащихся немцы вербовали свой чиновничий аппарат комендатур, платили, кормили и обучали шпионской деятельности для заброски в наш тыл. Прокуратурой Старорусского района арестована ученица 10 класса Безганина Мария Ивановна, проводившая агитацию среди бойцов Красной Армии в декабре 1941 г. из немецких окопов через рупор[66].

Все вышеизложенные факты свидетельствуют о неприятии населением оккупированных территорий СССР школьной политики Третьего рейха как из-за матери-

альных трудностей (плата за учебу, содержание за свой счет школьных зданий), так и из-за недовольства физическими наказаниями учеников и родителей, навязыванием религии, а также безразличием к проблемам образования со стороны многих нацистских функционеров. Данная точка зрения не претендует на истину в последней инстанции, поскольку мы не располагаем документами о реакции на мероприятия в области школьного образования народов Северного Кавказа, где общая политическая линия Третьего рейха отличалась определенным либерализмом.

Несмотря на жестокости оккупационной политики Третьего рейха, социокультурные связи Германии и России даже в экстремальных условиях войны не прерывались, благодаря существованию прослойки людей, стремившихся добиться не только политического, но и культурного освобождения России. В школьной политике эти стремления выразились в попытках вернуть российским гражданам отвергнутую большевизмом дореволюционную русскую культуру. Часть политической элиты Третьего рейха (в особенности те немцы, которые в годы Первой мировой войны были российскими подданными, а затем участвовали в Белом движении) категорически не принимала русофобии и нигилизма по отношению к русской культуре. На содержании школьного образования в оккупированных областях СССР негативные тенденции не отразились – благодаря как деятельности оппозиционных сил в Вермахте, так и удачному для данного движения стечению обстоятельств. В частности, благоприятным фактором была тактика т. н. «пропаганды прикрытия», осуществляемая Геббельсом, в основе которой лежал тезис «освободительного похода против большевизма».

Однако попытки вернуть русскому народу его традиционные культурные ценности, отвергнутые большевизмом, коснулись, к сожалению, только содержания школьного образования. Школьная политика Третьего рейха была нацелена на искусственное понижение культурного уровня русского народа (одним из методов было довольно либеральное отношение к образовательным потребностям народов Северного Кавказа) и несла в себе заведомо провальные в условиях СССР элементы (децентрализация управления, насильственное введение религии, плата за учебу, телесные наказания). Все это предопределило широкое неприятие или безразличие учительского сообщества и населения к «народным школам» и свело на нет все попытки сил, оппозиционных нацизму, вернуть русский народ в дореволюционное культурно-образовательное пространство.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Н.И. Кондакова, к примеру, считает, что на оккупированных территориях советским гражданам запрещалось петь русские народные песни (*Кондакова Н.И.* Духовная жизнь России и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. – М., 1995. С. 80). На самом деле в указаниях оккупационных властей учителям говорилось следующее: «Позволено петь только русские народные и церковные песни. Пение песен политического содержания запрещено». Доклад представителя Центрального Штаба партизанского движения на Калининском фронте 29 августа 1943 г. – Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ) Ф. 69. Оп. 1. Д. 352. Л. 30.

С. Кудряшов и Д. Олейников высказали предположение, что немецкие оккупационные власти стремились обучать детей только простому счету и умению расписаться, а «умение читать рассматривалось как ненужное». *Кудряшов С. Олейников Д.* Оккупированная Москва. Как сложилась бы судьба России, победи нацисты? // Родина. 1995. № 5. С. 15. Документы свидетельствуют, что

на оккупированных территориях школьное образование было не столь примитивным. В начальной школе изучались русский язык, арифметика, природоведение, география, физкультура (во многих школах с 3-го класса учили немецкий язык, занимались пением, рисованием и домоводством). Заканчивая 4-й класс, ученик должен был уметь «плавно с выражением читать русскую книгу или газету». РГАСПИ Ф. 69. Оп. 1. Д. 352. Л. 30.

[2] СС в действии. Документы о преступлениях. – М., 1969. С. 504.

[3] *Ветте В.* Образ врага: расистские элементы в немецкой пропаганде против Советского Союза // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). – М., 1995. С. 223.

[4] Речь рейхслейтера А. Розенберга в узком кругу по проблеме Востока // Россия XXI. № 6–7. С. 163.

[5] По свидетельству В.К. Штрик-Штрикфельдта, в июне 1942 г. в Штабе Верховного командования сухопутных сил «возник кружок единомышленников, оппозиционно настроенных к официальной политике на Востоке и готовых действовать на свой страх и риск на основе собранного ими опыта». К этому кружку «в числе других» принадлежали генералы Эдуард Вагнер, Рейнхард Гелен, Хельмут Штифф; полковники фон Альтенштадт, Герре, фон Ренне, Клаус Шенк граф фон Штауффенберг; подполковники Кламмрот и Шрадер. Все перечисленные генералы и офицеры были активными участниками заговора против Гитлера. После неудавшегося покушения на Гитлера в июле 1944 г. все они (кроме чудом уцелевшего генерала Гелена, лежавшего в госпитале) были арестованы и казнены. См. *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное движение. – М., 1993. С. 96, 335.

[6] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 65–66.

[7] *Розенберг А.* Указ. соч. С. 164.

[8] Там же. С. 163–164.

[9] РГАСПИ Ф. 69. Оп. 1. Д. 1102. Л. 22.

[10] *Розенберг А.* Указ. соч. С. 164.

[11] РГАСПИ Ф. 69. Оп. 1. Д. 1102. Л. 23.

[12] *А.Я. Флауме, М.И. Добротворский.* Родной язык. Учебник для начальной школы. – Рига, 1942. – РГАСПИ Ф. 69. Оп. 1. Д. 1202. Л. 31, 46.

[13] Там же. Л. 165.

[14] Там же. Л. 235об.

[15] Там же. Л. 171об, 236–236об.

[16] Там же. Л. 145–146.

[17] Там же. Л. 40.

[18] *Розенберг А.* Указ. соч. С. 165.

[19] *Казанцев А.С.* Третья сила. – М., 1994. С. 97.

[20] *Мюллер Р.* Торговый партнер или объект эксплуатации; *Ветте В.* Образ врага: расистские элементы в немецкой пропаганде против Советского Союза // Россия и Германия в годы войны и мира. – М., 1995. С. 210–211, 223.

[21] *Ветте В.* Указ. соч. С. 226.

[22] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 41.

[23] Бюллетень «Обзор современного положения». 1943. № 16. – РГАСПИ Ф. 17. Оп. 125. Д. 180. Л. 17.

[24] РГАСПИ Ф. 69. Оп. 1. Д. 1079. Л. 14.

[25] Новая Европа на 1942 год. Народный календарь «Спутник сельского хозяина». II выпуск. – РГАСПИ Ф. 17. Оп. 125. Д. 100. Лл. 76–79.

[26] *Холмс Л.* Социальная история России. 1917–1941. – Ростов-на-Дону, 1994. С. 78–81.

[27] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 76, 93.

[28] Нюрнбергский процесс. Папка документов защиты по делу А. Розенберга. – Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7445. Оп. 2. Д. 322. Л. 422.

[29] Стенографический отчет X пленума Ростовского обкома ВКП(б). 26–27 февраля 1943 г. – РГАСПИ Ф. 17. Оп. 43. Д. 1528. Лл. 14об, 64 об.

[30] Доклад ГРУ РККА «О политико-экономическом положении в Смоленске» начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову. 28 июня 1942 г. – РГАСПИ Ф. 17. Оп. 125. Д. 92. Л. 108.

[31] Временное положение о школах Мещевского района Смоленской области. 1941 г. – РГАСПИ Ф. 17. Оп. 126. Д. 5. Л. 8.

[32] Там же. Л. 12.

[33] Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1202. Л. 171об.

[34] *Бочкарев А.П.* Критика чистого чувства. Национал-социалистическая перестройка большевистской России периода германской военной оккупации. 1941–1944. – Ставрополь, 1996. С. 580–582.

[35] РГАСПИ Ф. 17. Оп. 125. Д. 92. Л. 108.

[36] Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 352. Л. 30; Ф. 17. Оп. 126. Д. 5. Л. 10.

[37] Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 352. Л. 29.

[38] Доклад Калининского обкома ВЛКСМ Центральному Штабу партизанского движения 11 сентября 1942 г. – РГАСПИ Ф. 69. Оп. 1. Д. 1071. Лл. 27–27об.

[39] *Бочкарев А.П.* Указ. соч. С. 580–582.

[40] *А. Шикеданц.* Краткий отчет о работе Организационного штаба «К». 1941 г. – ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 99. Л. 228.

[41] Из отчета А. Розенберга о подготовительной работе по вопросам, связанным с территорией Восточной Европы. Апрель 1941 г. – ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 144. Л. 253.

[42] Из указаний уполномоченного имперского министра по оккупированным областям Востока при Верховном командовании армейской группировки «А». Июль 1942 г. – ГАРФ Ф. 7445. Оп. 2. Д. 99. Л. 240.

[43] ГАРФ Ф. 7445. Оп. 2. Д. 99. Лл. 161–162.

[44] Там же. Д. 322. Лл. 425–426.

[45] Там же. Д. 99. Л. 240.

[46] *Сорокина О.Л.* Деятельность комсомола по осуществлению курса партии на восстановление общеобразовательной школы в годы Великой Отечественной войны (на материалах партийных и комсомольских организаций освобожденных районов РСФСР). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1990. С. 26.

[47] ГАРФ Ф. 7445. Оп. 2. Д. 144. Л. 310.

[48] *Сорокина О.Л.* Указ. соч. С. 88.

[49] *Сорокина О.Л.* Указ. соч. С. 87; РГАСПИ Ф. 17. Оп. 126. Д. 5. Л. 8.

[50] РГАСПИ Ф. 17. Оп. 126. Д. 5. Л. 8.

[51] Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 352. Л. 30.

[52] Записка начальника 4-го отдела Политуправления Северо-Западного фронта по работе среди партизан и населением окупированных территорий старшего батальонного комиссара Беспрозванного «О положении советской интеллигенции в оккупированных немецкими захватчиками районах» начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову. 9 мая 1942 г. – РГАСПИ Ф. 17. Оп. 125. Д. 92. Л. 61.

[53] РГАСПИ Ф. 69. Оп. 1. Д. 1071. Л. 27.

[54] Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 92. Л. 60.

[55] Доклад секретаря Псковского горкома ВКП(б) Михайлова Центральному Штабу партизанского движения 22 сентября 1943 г. – РГАСПИ Ф. 69. Оп. 1. Д. 1102. Л. 50.

[56] РГАСПИ Ф. 17. Оп. 125. Д. 92. Лл. 64–65.

[57] Там же. Л. 57.

[58] Там же. Лл. 57, 65.

[59] Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 352. Л. 31.

[60] Там же. Д. 1071. Л. 27.

[61] Там же. Лл. 27–27об.

[62] Доклад начальника Калининского штаба партизанского движения С. Бедьяченко «О настроениях населения в Калининской области» Управлению агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) 5 апреля 1943 г. – РГАСПИ Ф. 17. Оп. 125. Д. 173. Л. 26об.

[63] РГАСПИ Ф. 69. Оп. 1. Д. 1079. Л. 14.

[64] Обзор ГРУ РККА «О положении в оккупированных областях Ленинградской области» 16 сентября 1942 г. – РГАСПИ Ф. 17. Оп. 125. Д. 92. Л. 129об.

[65] РГАСПИ Ф. 17. Оп. 125. Д. 92. Л. 50.

[66] Там же. Л. 61.

Дмитрий Люкшин

НЕМЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ: особенности межкультурного опыта

История войн, по общему правилу, – это история сражений, манёвров и диспозиций. Однако война в человеческом измерении существенно отличается от штабных планов и сводок. Солдат, прежде всего, решает проблему выживания, но эта борьба, требующая напряжения всех душевных и физических сил, почти не попадает на скрижали истории. Обычно потому, что никто не заносит туда воспоминания простых солдат, а дневники на войне – скорее, исключение, чем правило. Поэтому любой, кто пытается воссоздать панораму индивидуальной войны, вынужден довольствоваться крохами со стола «баталистов». Приступая к сбору материала, обнаруживаешь, что цензурные папки пусты, в обзорах переписки в лучшем случае – статистика, газеты военного времени содержат лишь бодрые сообщения и патриотические призывы. Кроме того, дореволюционные документы в провинциальных архивах хранились довольно небрежно, большая их часть была утрачена. Однако комплекс материалов в фондах Национального архива Республики Татарстан (НА РТ) заслуживает внимания и может быть признан вполне достаточным для межрегионального исследования. Дело в том, что в начале XX века Казанский военный округ включал в себя территории практически всех губерний Среднего Поволжья. Поэтому материалы Управления Военного Комиссара Временного правительства (Ф. 2750) позволяют, в частности, систематизировать данные по положению военнопленных весной и летом 1917 г.[1].

Объём архивных дел, использованных в работе, самый различный: от трёх до тысячи листов. Использовались отчёты Казанского губернатора, жандармских чинов, материалы цензуры, доклады сотрудников Временного правительства в Поволжье; документы личного происхождения (они, к сожалению, не сохранились, и в работе над статьей были использованы цитаты из цензорских и служебных докладов, а не оригинальные тексты). Отличительная особенность всех документов, касающихся быта и жизни военнопленных, – их фрагментарность и полное отсутствие систематизации материалов. Хронологический принцип комплектования документов – основной с советских времен – соблюдается в НА РТ далеко не всегда. Это позволяет упорядочить материалы, однако, систематизировать их довольно сложно. Основной массив информации касается собственно внутренних проблем, пленные упоминаются обычно походя, мимоходом.

Таким образом, дефицит документов – характерная особенность российской гражданской истории, вообще – существенно затрудняет задачу исследователя. Проблема может быть разрешена посредством детальной реконструкции исторической ситуации, что требует актуализации нетрадиционных для отечественного обществознания, но вписывающихся в традицию социокультурного дискурса методик исследования крестьянства.

Тема статьи не может быть раскрыта в духе классического исторического очерка: дело в том, что сохранившийся в архивных хранилищах фрагментарный материал не может быть в полной мере систематизирован. Но самая большая проблема, как уже было упомянуто, – практически полное отсутствие документов личного происхождения, это позволяет лишь в ограниченных объемах проводить корректный исторический анализ. Тем не менее проблема выживания немецких военнопленных в русской деревне заслуживает того, чтобы на неё обратили внимание. Побудительным мотивом при исследовании данного сюжета было стремление выяснить, как военнопленным, оказавшимся практически в бесправном положении, удалось сохранить свои культурные ценности, собственное «я».

* * *

Масштаб и продолжительность сражений, развернувшихся на полях Первой мировой войны, оказались неожиданными для политических элит и авторов военных доктрин стран-участниц. В орбиту боевых действий были вовлечены не только вооружённые силы, но и национальные ресурсы мировых держав. Миллионы людей на фронте и в тылу до последнего боролись за победу в глобальном противоборстве, смысл которого далеко не все они понимали, а цели не всегда поддерживали. Одна из неожиданностей этой войны – огромное число военнопленных и интернированных, оказавшихся на территории практически всех европейских государств и вынужденных оставаться там на протяжении многих лет. Эта тема традиционно считается периферийной русскими военными историками. Даже не следуя логике советских уставов, полагавших пленение неприемлемым, авторы рассматривают пленных как некий отработанный материал войны, заносят их в графу «потери». В результате огромное количество людей оказываются на положении маргиналов, которое априори рассматривается как преходящее, хотя на самом деле это состояние могло длиться годами, деформируя или полностью меняя социальный опыт. Эти люди не просто были вырваны из привычной культурной среды, но и потеряли всякую связь с социумом; в чуждых социокультурных условиях, нередко в окружении враждебно настроенного населения, перед которым они были практически беззащитными, их социальный опыт оказывался бессмысленным или даже вредным.

Между тем идеи Гаагских конференций (1899 и 1907 гг.), отражавшие стремление европейских наций сделать общеупотребительными принципы гуманизма на войне, вызвали к жизни ряд документов, которые на долгие годы определили цивилизованные правила ведения войны. В частности, Стокгольмская конвенция, подписанная представителями Красного Креста, России и Центральных держав в 1915 г., уточняла в духе Гаагской конвенции 1907 г. статус и права военнопленных, находившихся на территории России и её противников, накладывала определённые обязательства на правительства государств, на чьей территории оказались пленные. И эти обязательства ставили администрацию в достаточно сложные условия – приходилось содержать огромное количество иностранных подданных, явно недружественно настроенных. Таким образом, и военнопленные, и те кто, их пленил, попали в весьма щекотливую ситуацию. Наиболее сложной была проблема использования этих людей, поскольку задаром кормить солдат противника было бы непростительной роскошью в период брутального противостояния наций. С другой стороны, обязательства требовали соблюдения хотя бы основных принципов международного

Пленные австрийские солдаты на привале по дороге в русский тыл.

права. В конечном итоге, ни одна из воюющих стран не смогла удовлетворительно разрешить эту проблему.

На территории России оказалось более двух миллионов военнопленных германской, австро-венгерской, турецкой, итальянской, болгарской и других армий стран-противников «Антанты». Кроме того, значительное количество иностранных подданных призывного возраста было интернировано на территории Российской Империи. Создание мест постоянного содержания (концентрационных лагерей и т. п.) для них не было предусмотрено[2], поэтому при размещении пленных губернским администрациям поневоле было предоставлено широкое поле для творчества, что немедленно привело их в состояние крайнего замешательства.

Немецкие солдаты и офицеры, попавшие в плен, оказались невольными участниками сложнейшей психодрамы, основная интрига которой состояла в том, что русские выражали почти демонстративное безразличие их дальнейшей судьбе. Никто ничего не хотел от них, никто ими не занимался. Мужчины – недавние участники «искусственных толп[3]» – оказались предоставлены сами себе, не имея возможности создать устойчивые социально-психологические связи или внедриться в существующие общественные структуры. Ужас русского плена не в убогом быте или холодной зиме, а в отсутствии социокультурной среды, ощущении собственной никчёмности – в условиях бескрайней степи или глухого леса[4]. Точка зрения пленного неинтересна, она ничего не определяет, кроме его мироощущения; он вынужден вести личную битву за выживание – сражение тем более тяжёлое, чем более развитой была предшествующая социализация. Ведь если сроки и размах военных действий были неожиданными для политиков, а большинство военных собирались вернуться домой ещё до наступления зимы[5], то можно представить себе удивление простых бюргеров и крестьян, которых гнали на эту, как казалось, бесконечную бойню в качестве пушечного мяса; если добавить к этому ощущение стресса, вызванное пленением, приплюсовать усталость от длительного пешего перехода от линии фронта в ближайший тыл (некоторым приходилось преодолевать несколько десятков километров)[6], то с большой долей вероятности все это приводит к усталости и крайне подавленному состоянию.

Крах надежд и на скорый исход войны, и на возвращение домой усиливает ощущение безнадёжности; суровый русский климат отрицательно сказывается на здоро-

вье; недоедание и болезни преследуют пленных, некоторые не выдерживают и умирают – самочувствие все ухудшается. Лишения и трудности гораздо легче переносить, если вы в компании друзей, родственников или хотя бы знакомых. На войне очень быстро возникает так называемое фронтовое братство[7], а строгая субординация армейской иерархии компенсирует (некоторым заменяет) десоциализацию призванного резервиста. В плену этого нет: бессмысленные перемещения из одного места в другое, бесконечная ротация социального окружения, даже отсутствие офицеров – все это препятствует симуляции социального пространства, оставляя личность в недоумении и растерянности.

Мы перечислили лишь некоторые субъективные факторы, определяющие кругозор военнопленного, а ведь были ещё и объективные трудности. На втором году войны графиня Форгач была поражена тем, что на российских железных дорогах царил порядок, а солдат и продуктов питания было в избытке[8]; она полагала, что война закончится в 1916 г. просто потому, что в Австрии не хватит продовольствия. Что уж говорить о пленных, которым русское изобилие казалось глумлением торжествующего врага. Приведённых аргументов достаточно, чтобы утверждать: военнопленные, оказавшиеся в России в 1915 и даже в 1916 г., отнюдь не пребывали в благостном расположении духа. Косвенно это обстоятельство подтверждается ещё и тем, что в своих письмах пленные не описывали не только общественный строй России[9], но практически ничего не сообщали даже о географических особенностях, которые при других обстоятельствах не могли бы ускользнуть от путешественника-европейца. Их волновали, прежде всего, сведения о родственниках и проблемы покинутого хозяйства.

Весь Казанский военный округ и, в частности, Казанская и Саратовская губернии, являлись одним из центров размещения беженцев, интернированных и военнопленных: там содержалось более 285 тысяч человек[10].

Территория Казанского военного округа включала Поволжье и Приуралье – районы ранней московской экспансии, вполне умиротворённые и наводнённые русскими поселенцами. Вместе с тем, в этом регионе продолжали существовать этнокультурные группы, которые вели образ жизни, сильно отличавшийся от русских традиций. Многочисленное татарское население, чуваши, марийцы, башкиры другие народности (доля которых в структуре населения достигала двух третей) придавали неповторимый колорит этим землям. Длительное сосуществование русских и инородцев обусловило формирование своеобразной транскультурной общности, отличительной особенностью которой было сохранение этнической ментальности в условиях интенсивного хозяйственного и бытового заимствования. Русский мужик в Поволжье был в гораздо большей степени «азиатом», нежели крестьянин из Смоленской или Варшавской губернии. Контакт между населением и пленными был затруднён необходимостью формировать межкультурные коммуникации, призванные обеспечить диалог между различными социальными группами. Судя по всему ни военная, ни гражданская администрация региона не были готовы к приёму значительного количества новых обитателей. Первые партии пленных в городах центральной России размещали в неподготовленных помещениях. В дело шли доходные дома, казармы новобранцев и дровяные сараи. Хотя в Казанском военном округе была размещена лишь десятая часть пленных, оказавшихся на территории России, на них приходилось более четверти всех зданий и сооружений Империи, в которых были помещены военнопленные. Это позволяет сделать вывод о том, что в губерниях Казан-

ского военного округа военнопленные были рассредоточены на большой территории, что, безусловно, затрудняло надзор за ними. В Казанской губернии за годы войны не было до конца выстроено ни одного специального лагеря для содержания пленных[11], такие лагеря спешно строились в Сибири, условия содержания в них были гораздо более тяжёлыми, чем в центральных областях России. В Поволжье же офицеров размещали на квартирах, без охраны, лишь под надзором полиции. Хотя солдаты и водворялись «казарменным порядком», охрана была весьма ненавязчивой. Симбирск, Самара, Саратов, Казань, Чистополь были крупнейшими центрами пребывания пленных в Поволжском регионе. Осенью 1916 г. на станции Шихраны началось строительство первого в губернии концентрационного лагеря барачного типа[12], предназначенного для размещения пленных. Однако эта стройка не была завершена, и военнопленные по прежнему обретались в городах и селениях губернии по соседству с местным населением, которое, судя по жандармским отчётам, оставалось безучастным к судьбам подданных враждебных держав. Лишь славянам российские обыватели порой симпатизировали[13].

На втором году войны выяснилось, что число пленных в губернском городе приближается к критическому[14], и их стали распределять по уездным городам и даже в деревнях. К концу 1915 г. в Казанской губернии военнопленных не было только в одном из двенадцати уездных городов – в Ядрине, но уже в 1916 г. они появились и там[15]. Выяснить точную численность пленных в губерниях не представляется возможным, как по причине нехватки данных, так и из-за постоянной ротации контингента. Например, уездный городок Мамадыш только в 1915 г. принял около двух тысяч военнопленных, однако, большая их часть транзитом проследовала в Симбирскую губернию[16]. Во всяком случае, можно утверждать, что на территорию одной только Казанской губернии прибыло более двадцати тысяч пленных – военнослужащих австро-венгерской, германской и итальянской армий – правда, уже в 1915 г. все итальянцы возвратились на родину[17]. Не менее пяти тысяч человек были отправлены в другие губернии, в частности в Симбирскую, Вятскую, Харьковскую и Саратовскую[18]. Обращает на себя внимание небольшое количество турецких военнопленных в Поволжье, практически все они находились в Казани, в Плетнёвской слободе[19]. Вероятно, власти опасались установления контактов между ними и мусульманским населением края, которое на протяжении практически всей войны – очевидно, из верноподданнических чувств – вело себя более чем спокойно.

Численность пленных военнослужащих германской армии была относительно невысокой (приблизительно десять процентов от общего числа пленников), но далеко не все они были этническими немцами. Среди них встречались поляки, эльзасцы, евреи и др. В то же время среди австрийских солдат и офицеров было довольно много австрийских немцев[20]. Вообще же, на берегах Волги обрели временное пристанище представители практически всех этнических групп, населявших империи Гогенцоллернов и Габсбургов: мадьяры, немцы, русины, поляки, чехи, евреи, словенцы, хорваты, боснийцы, словаки, моравцы, румыны, болгары, сербы и т. п.

В конце 1915 г. пленных было так много, что их пришлось размещать в сёлах и деревнях. Тогда же их начали привлекать к различного рода общественным, оборонительным и сельскохозяйственным работам. В 1916–1917 гг. использование военнопленных для аграрных работ приобрело плановый и целенаправленный характер.

К месту размещения пленные доставлялись по железной дороге либо по рекам, на пароходах; дальнейшие перемещения в пределах губерний осуществлялись на те-

легах, пешком или всё на тех же кораблях[21], благо Волга и её многочисленные притоки предоставляли самые широкие возможности для транспортировки. Оказавшимся на пересыльном пункте или на месте постоянного размещения разрешали отправить телеграммы родственникам и знакомым[22], пленные могли связаться даже с однополчанами. Не была ограничена и переписка, которая поначалу довольно небрежно перлюстрировалась военной цензурой[23] из-за сложностей с переводом[24]. Однако уже 23 октября 1914 г. начальник штаба Казанского военного округа генерал-майор Семен А. Сухомлин приказал: «обязать всех военнопленных писать свою корреспонденцию в течение военного времени исключительно на русском языке»[25]. Это приказание значительно затруднило связь для тех, кто не знал русского языка, поток писем сократился, и цензоры довольно успешно справлялись со своими задачами. Военнопленные имели возможность получать денежные переводы из России. Отправителями были родственники и знакомые, проживавшие на территории Российской Империи. Суммы варьировались в пределах от 10 до 1000 рублей.

На протяжении войны российские и иностранные подданные, проживавшие в Российской Империи (в основном – этнические немцы), создавали различного рода союзы и организации, целью которых было оказание материальной и моральной помощи военнопленным. В Казанском военном округе подобных организаций не создавалось, но «местные» пленные изредка оказывались в сфере влияния кружков из других регионов, чему, впрочем, русское правительство последовательно препятствовало, опасаясь того, что социально активные пленные будут вести разведку в пользу стран – противников России[26]. Особенно нервно реагировали власти на попытки военнопленных избежать перлюстрации корреспонденции[27].

Условия, в которых жили пленные в Поволжье на протяжении войны, неоднократно проверялись делегатами, как из нейтральных стран, так и представителями держав, воевавших с Россией. Достоверно известно о посещении военнопленных в Казани и ее окрестностях представителями Соединённых Штатов, Дании, Австро-Венгрии[28]. Сохранился подробный полицейский отчёт «О посещении мест водворения военнопленных и военнообязанных австрийцев и венгерцев австрийскими и венгерскими представителями Красного Креста, фон Рости и датчанином Брендструпом». Делегаты находились в Казани с 24 декабря 1915 г. по 1 января 1916 г.; по прибытии их никто не встретил, хотя полицмейстер и главноначальствующий (так в годы войны стали называть губернаторов) были извещены об их приезде 11 декабря, а начальник губернского жандармского управления – 8 декабря. Однако досадное недоразумение не помешало делегации развить бурную деятельность. Представители Красного Креста посетили места содержания пленных не только в самой Казани, но и в окрестностях. Попытка властей игнорировать делегатов не могла не вызвать у них раздражения, места водворения военнопленных были исследованы довольно тщательно. Тем не менее датский полковник нашёл условия содержания пленных и пищу вполне сносными[29]. Графиня фон Рости, сын которой томился в одном из лагерей в Красноярском крае, была настроена более критично: ей не понравились условия жизни военнопленных, занятых на строительстве в порту. Она также сочла, что рацион пленных, водворённых на пересыльном пункте, не соответствует нормативам, установленным Стокгольмской конвенцией[30]. Кроме того, она отметила, что, несмотря на большие средства, отпускаемые Россией на поддержание сил пленных, последние всё же терпят крайнюю нужду из-за казнокрадства чиновников и военного начальства. Ниже всякой критики была и регистрация военнопленных, что суще-

ственно затрудняло их поиски. Правда, фон Рости придерживалась мнения, что государства, подданные которых оказались в плену, сами должны были принимать более активное участие в их судьбе[31]. Наибольшее возмущение у делегатов Красного Креста вызвали условия содержания пленных в сибирских лагерях: «…едва ли половина из них возвратится на родину благодаря холодам и условиям жизни: размещены неважно, тёплой одежды нет, холод, плохое питание, цинга и другие болезни», – заявила графиня в приватной беседе.

В сравнении с Сибирью положение военнопленных в Поволжье было более приемлемым[32]. В 1915–1916 гг. в Казанской губернии умерли всего шесть военнопленных: трое скончались от дизентерии и тифа, один солдат – от ран, прапорщик австрийской армии Янош Асман утонул во время купания в Каме[33], и ещё один человек повесился в лесу в Царевококшайском уезде[34], причины самоубийства так и остались невыясненными. Попытки побега также были крайне редкими, что объясняется как удалённостью Поволжья от линии фронта и суровым наказанием для беглецов (их заключали в тюрьму), так и отсутствием внятных стимулов для побега[35].

Военнопленные привлекались к различного рода работам, как добровольно, так и принудительно[36]. Централизованно их использовали на гидротехнических работах, лесозаготовках, строительстве железных дорог на территории региона и за его пределами[37].

С 1915 г. пленных начинают привлекать для работы в российском сельском хозяйстве, которое на втором году войны испытывало нехватку рабочих рук, уже через год принявшую катастрофический характер[38]. Безусловно, военнопленные не могли полностью компенсировать убыль мужского населения (за годы войны только из Казанской губернии в армию было призвано не менее тридцати тысяч человек, в то время как на работу в деревню отправились не более четырёх тысяч пленников[39]). Однако, учитывая сокращение посевных площадей, можно утверждать, что военнопленные сыграли значительную роль в обеспечении продовольствием и местного населения, и вооружённых сил, особенно в 1916 г.

Если в 1915 г. пленных направляли, в основном, на работу в помещичьи экономии, то через год они широко использовались и в крестьянских хозяйствах[40]. Это при том, что пленные, содержавшиеся на постое в деревнях, и без того разделяли со своими хозяевами крестьянские заботы[41]. Распределением пленных солдат занимались губернские и уездные земства, куда земледельцы и землевладельцы направляли заявки, на основании которых затем формировались рабочие команды. В деревню отправляли пленных практически из всех городов, в которых они содержались. Военнопленные, работавшие в деревнях, питались в соответствии с нормами, определёнными Стокгольмской конвенцией, и даже лучше за счёт работодателей (те просто не представляли, как можно есть так мало[42]), а их труд оплачивался из бюджета земства – в месяц они получали 8 рублей[43]. Для сравнения укажем, что месячное пособие беженца составляло 3 рубля 25 копеек плюс 75 копеек на найм квартиры, на ребёнка полагалось 2 рубля 40 копеек; государственное пособие семьям фронтовиков составляло от 20 до 50 рублей и выплачивалось раз в три месяца. Работая со своей лошадью на подёнщине можно было получить 1 рубль 50 копеек в день. Таким образом, в 1915 г. пленный, оказавшийся на поле, имел возможность не только хорошо питаться, но и существенно улучшить свое материальное положение[44]. В 1916 г. ситуация изменилась: рост цен сократил реальный доход пленных, к тому же существенно выросли расценки на подённую работу в экономиях – в страдную

пору крестьяне получали в день до 6 рублей. На этом фоне зарплата пленных, которую губернские земские собрания оставили без изменений, выглядела гораздо скромнее[45]. Естественно, военнопленные в этих условиях уже с меньшим энтузиазмом стремились на заработки.

Острая нужда в работниках заставляла земцев использовать в 1916 г. на сельхозработах также и немецких военнопленных, которых годом раньше старались не выпускать из поля зрения. Иногда военнопленных отправляли в деревню прямо с марша. В конце апреля 1916 г. 350 немцев, прибывших в город Чистополь, были принудительно направлены в распоряжение земства и очень скоро оказались на полях[46]. Естественно, это сказалось на качестве работы, многие пленные отказывались выходить на работу, сказывались больными, ломали орудия труда[47]. Вахмистр Кузьма Лучанкин, заведовавший Чистопольским жандармским пунктом, 11 мая 1916 г. доносил, что немцы «держат себя вызывающе и не слушаются экономической администрации. Из числа их много подстрекателей и грубо отзываются на распоряжения старших рабочих от экономий»[48]. Причем «содержание и помещение для них очень хорошее и приличное». Безусловно, принуждать людей работать на земле – занятие неблагодарное, и результат обычно не оправдывает ожиданий. Но у русской администрации, похоже, не было другого выбора. Годом позже на сельхозработы в чужие деревни отправятся уже русские солдаты, незадолго до того оторванные от своих семей и наделов. Они работали не лучше пленных[49]. В результате объективных обстоятельств и действий администрации в русской деревне сошлись на некоторое время не просто представители разных народов, но носители разных ментальностей и культурных кодов. Обе стороны оказались не готовы к подобному повороту событий. Тем не менее на основе уникального межкультурного взаимодействия выстраивалась своеобразная логика совместного существования, определявшая формирование этики выживания.

Для российской деревни присутствие иностранцев-военнопленных, в общем-то, не являлось ситуацией уникальной. История знает немало примеров, когда солдаты и даже офицеры вражеских армий оказывались на поселении в сельской глуши России. Многие из них уже не находили сил вернуться на родину, вовлечённые в ритм крестьянской жизни. Однако в период мировой войны это стало массовым явлением: в селениях, обескровленных войной, жило много военнопленных. В тот момент крестьяне, понуждаемые правительством к производству продовольствия и обременённые огромным количеством семей, в которых не было работников, с трудом справлялись не только с задачей обеспечения страны продовольствием, но и едва могли прокормить окружающих. Община оказалась перегружена обязательствами перед правительством и своими членами. Хуже всего, что правительство с привычной беспечностью не обращало внимания на суть процессов, протекавших в деревне. Рискну предположить, что чиновникам всех рангов просто не могла прийти в голову мысль о том, что русский мужик не в состоянии себя прокормить. Так как столыпинская аграрная реформа еще не была завершена, в сельских обществах по-прежнему сохранялась чересполосица, вынуждавшая крестьян обрабатывать все поле целиком, включая и наделы призванных в армию односельчан, и трудовые усилия растрачивались неэффективно. Экономическое перенапряжение, суть которого можно определить как вызов жизнеспособности поземельной общины в качестве хозяйствующего субъекта, минимизировало социально-регулятивный потенциал деревенского мира, уменьшило легендарную способность русской деревни адаптировать

и поглощать чуждые культурные формы. Проще говоря, на втором и особенно на третьем году войны крестьяне-общинники настолько остро нуждались в помощи в борьбе за выживание, что не имели возможности навязывать свои культурные традиции носителям другой ментальности. Эти два обстоятельства (большое количество пленных и слабость социокультурного потенциала общины) и обусловили возможность сохранения культурных анклавов в среде военнопленных, оказавшихся в деревне, и, в конечном счёте, сформировали главные условия межкультурного обмена, проявления которого так долго оставались вне поля зрения исследователей

В основном, сотрудничество ограничивалось копированием некоторых хозяйственных навыков. Например, в Чистопольском уезде военнопленные помогли крестьянам так переложить дымоходы в русских печах, чтобы существенно сократить расход дров[50]. Куда сложнее обстояло дело с усвоением культурных ценностей и моделей социального поведения. Дело в том, что в описываемой ситуации, когда обмен носит принудительный характер, получаемые навыки быстро теряются, поэтому военнопленные, большей частью, ограничивались тем, что несколько совершенствовали свои познания в русском языке.

Для осмысления процессов, протекавших в русской деревне во время Первой мировой войны, в которые оказались непосредственно вовлечены немецкие пленные, необходимо обратить внимание на тезис о культурной самостоятельности и самодостаточности крестьянской общины. В особенности это касается Поволжья, поскольку в этом районе сохранялись условия для выживания при помощи традиционных агротехнологий, что было уже немыслимо в центральном промышленном регионе или неразумно в Сибири. Эта «самостийность» определяла и известную замкнутость деревенских миров, каждый из которых был в достаточной степени самобытен, если не сказать, уникален. Испытывая на рубеже веков возрастающее давление со стороны модернизирующихся имперских элит, русская деревня стремилась сохранить свой традиционный уклад, даже вопреки действиям «начальства», что заставляло крестьян с трепетом относиться к традициям и насторожённо воспринимать попытки чужаков проникнуть в жизнь общины. Хотя бы только поэтому крестьяне не могли позитивно воспринимать присутствие в деревне иноплеменников. Недоверие и подозрительность в отношении военнопленных были первой и естественной реакцией сельских жителей. Весной 1915 г. полицейские чины постарались выяснить отношение населения к предстоящему расквартированию военнопленных за пределами городов. Полученные результаты оптимизма не внушали: так, в Свияжском уезде «среди населения, где будут расквартированы пленные, ходят различные слухи с явным выражением недовольства против такого расквартирования, говорят, мы лучше согласны взять своих раненых солдат, но ничуть не врага»[51]. При этом, русская деревня, как ни странно, давала военнопленным именно то, чего они были лишены в городах и на пересыльных пунктах, – чувство уверенности в завтрашнем дне; ритм и лад деревенской жизни создавали иллюзию порядка. Военнопленный, может быть, впервые за долгие месяцы обретал почву под ногами, мог перевести дух и присоединиться к неподатливой, порой враждебной, но, казалось, устойчивой общественной структуре. Естественно, более комфортно чувствовали себя те, кто оказался в экономиях или крестьянских семьях. Проще всего было славянам, сравнительно легко преодолевавшим языковой барьер, но и представители других этнических групп довольно быстро осваивались со своим новым положением. Социальная структура российского крестьянского мира была сравнительно простой, несмотря на

все коллизии и перипетии. В деревне был староста, которому надлежало подчиняться, а в семье – хозяин, которого следовало слушаться. Обычно крестьяне щедро кормили своих работников, так что социальные перемены сопровождались ещё и улучшением материального положения. В экономиях всё обстояло ещё проще: пленные находились во власти управляющего, который распоряжался их трудом при посредстве старших рабочих. К тому же, оказавшись в экономии, пленные, как правило, оставались там на всё время сельхозработ, что позволяло сформироваться относительно устойчивым анклавам. Отсутствие конвоя тоже не могло не внушать оптимизма.

В целом, если самосознание и чувство долга не были слишком развиты, человек имел все основания быть довольным новым поворотом в своей судьбе. Ведь большинству пленных, оказавшихся в сельской местности, приходилось сравнивать подневольный труд отнюдь не со свободой, а общие нары в не самых лучших строениях – с вольным воздухом деревни. Лучше всего себя чувствовали австрийские крестьяне, принадлежавшие к славянским народностям. Некоторым их новое положение настолько пришлось по вкусу, что они даже намеревались перейти в подданство к русскому Царю[52]. Тяжелее всего приходилось патриотически настроенным германским юношам, но в 1915 г. таковые в деревню почти не попадали, германских солдат предписывалось содержать отдельно от австрийцев и в пределах городской черты[53]. Австрийских же немцев, которые лишь изредка оказывались в деревне, контролировало славянское большинство, и лишь офицерский чин позволял им иметь собственное мнение[54]. Быстрая ресоциализация военнопленных в деревнях не в последнюю очередь обусловлена сохранением мирской структуры и большого числа «хозяев» – взрослых мужчин, координировавших трудовые усилия всей семьи. Это обстоятельство, с одной стороны, ограничивало число военнопленных, необходимых для работы в аграрном секторе, а с другой – упрощало задачу ассимиляции чужаков в повседневных структурах российской деревни. Пленные просто поглощались общиной, сразу же занимая пустующие ячейки в её трудовой структуре.

Осенью того же года так называемые «пунктовые унтер-офицеры» дополнительного штата корпуса жандармов[55] получили опросные листы, целью которых было выяснить отношение населения к войне, политическим партиям, действиям правительства и, в частности, – к военнопленным. После краткого периода совместной работы картина оказалась уже несколько иной: в Свияжске унтер-офицер Иван Сорокин констатировал «отношение хорошее», «принуждения к работе не замечается»[56]. В Ядринском уезде – «отношение хорошее и никакого притеснения»[57]. Чебоксарский уезд – отношение к пленным спокойное[58]; в Козмодемьянском – «безразличное»[59], то же самое и в Лаишевском уезде[60]. В Цивильском уезде, при общем враждебном отношении к немцам, на военнопленных «смотрят как на исполняющих свой долг воинского назначения»[61]. В Мамадышском уезде – «отношение населения к лицам немецкого происхождения разнообразное, некоторые относятся как к временно проживающему своему ближнему, а некоторые злостно, без волнения не могут о них говорить»[62]. С открытой враждебностью к немцам относилось лишь население Тетюшского уезда[63], где было всего 400 пленных, из них на сельхозработах находились 20 русин[64]. Жители Чистопольского уезда симпатизировали только австрийцам[65], с которыми они собственно и сталкивались в ходе совместной деятельности (в Чистопольском уезде в 1915 г. работали хорваты, которых только в Казанской губернии было около тысячи человек). Таким образом, можно констатировать,

что враждебные чувства сельское население испытывало к «виртуальному» Немцу, а реальные военнопленные раздражения не вызывали.

Начальник Казанского губернского жандармского управления в отчёте Министру внутренних дел также отмечал отсутствие у крестьян единодушия в отношении к военнопленным. Он констатировал, что население относится к пленным «местами достаточно дружелюбно… местами же с недоверием и недружелюбно»[66], при этом, подчёркивал особую симпатию к славянам. В том же отчёте указывается и причина подозрительного отношения к пленным: «мужья, находящиеся в армии, опасаясь за супружескую верность их жён, в своих письмах настраивают родственников против военнопленных: “Мы тут кровь проливаем, а они (военнопленные – *Д.Л.*) там (в деревне – *Д.Л.*) барами живут, да за нашими бабами вьются”»[67]. Пожалуй, единственное, в чём были солидарны все крестьяне, да и помещики тоже, – в желании привлекать военнопленных к сельскохозяйственным работам, хотя бы и принудительно. Причём делалось это не из патриотических или враждебных соображений, а по причинам более утилитарным – жители обезлюдевших деревень и лишившиеся сезонных рабочих землевладельцы[68] опасались не управиться с работами, «если не будут отпущены пленные…»[69].

Поведение самих военнопленных во многом определяло отношение к ним крестьян. Как уже отмечалось выше, агрессия, саботаж и симуляция возбуждали негодование мужиков, в то время как лояльное отношение пленных вызывало симпатию и сочувствие к ним. Показателен в этом смысле пример Лаишевского уезда. История взаимоотношений лаишевцев с пленными отражена в рапортах жандармского унтер-офицера Фёдора Оринина[70]. Лаишев – уездный город недалеко от Казани – стал пристанищем для более чем тысячи военнопленных германской и австрийской армий. Более восьмисот человек были расквартированы в трёх домах непосредственно в самом городе под присмотром всего двадцати восьми конвоиров[71]. Ещё 230 были направлены на работу в окрестные деревни и в экономии. По свидетельству жандармов, лаишевские узники вели себя тихо, в немалой степени из-за отсутствия в городе офицеров.

Часть военнопленных оказалась в имениях Молоствова (крупнейшего землевладельца в Среднем Поволжье), в сёлах Никольское и Сорочьи Горы. В экономии направлялись рабочие команды численностью от двух до тридцати человек[72]. Там управляющие позволяли им переодеваться в штатскую одежду, не ограничивали свободу перемещения по селу[73], стремились поощрять трудовые усилия. Крестьяне также остались довольны сотрудничеством с пленными. Уже ранней весной 1916 г. и помещики, и крестьяне обратились к земству, стараясь заполучить в свои хозяйства военнопленных, без которых не мыслили успешной посевной. Особо подчеркнём, что население Лаишевского уезда «нанимало» пленных, то есть, выплачивало им за работу дополнительное вознаграждение, насильственной эксплуатации отмечено не было[74]. Военнопленные, в свою очередь, вели себя «вежливо», «по указанным правилам». Симпатия между работниками и крестьянами оказалась настолько устойчивой, что многие остались и на зиму, помогая «своим» хозяевам молотить хлеб, возить сено и заготавливать дрова. Большая часть военнопленных фактически перешла на содержание крестьян, которые не только кормили их, но и снабжали бельём, одеждой и обувью[75]. Поведение, отнюдь не типичное для русских крестьян-общинников (альтруизм не относился к числу их многочисленных добродетелей),

свидетельствует о том, что крестьяне, заинтересованые в труде военнопленных, рассматривали их, скорее, как помощников, а не как врагов.

Весьма свободно чувствовали себя и военнопленные, оказавшиеся в Цивильском уезде. Почти две сотни пленных, которые находились в городе зимой 1914–1915 гг., по выражению местного жандармского унтер-офицера Лаврентия Степанова, «болтались по уезду как хотели»; один из них даже уехал на рождество к знакомому крестьянину в деревню, вызвав немалый переполох у провинциальных спецслужб[76]. Австрийские и германские офицеры свободно встречались у домовладельца Софронова[77]. Даже рядовые нередко обходились без конвоя, перемещаясь по городу[78]. Правда, большинство водворённых в Цивильск пленных были славянскими подданными австрийского императора и не испытывали к нему особенно тёплых чувств. В частности, в марте 1915 г. многие из них ходили в церковь на благодарственный молебен по случаю взятия русскими войсками крепости Перемышль[79]. Неформальные контакты с представителями провинциальной интеллигенции и чиновниками зашли настолько далеко, что начальник Цивильской почтово-телеграфной конторы Данилов передавал военнопленным корреспонденцию, минуя цензорский досмотр. В январе 1915 г. полиция и жандармы провели обыск на квартире Протопоповой, где проживали пленные офицеры, изъяв более ста писем и открыток, не подвергшихся цензуре[80]. По итогам расследования было решено убрать всех пленных из города. К маю 1915 г. их там не осталось: офицеров перевели в другие города, а рядовых отправили на сельхозработы по сёлам и деревням Казанского уезда. Однако пленных в губернии становилось всё больше, и уже в октябре того же года в Цивильске вновь появились офицеры австрийской армии[81].

Судя по сохранившимся материалам, едва ли можно сделать вывод о существовании какой-либо социально-политической линии российского правительства в отношении военнопленных. Местная администрация также не разработала внятную стратегию, поэтому условия жизни и стиль отношений военнопленных с местным населением складывались спонтанно, практически без участия чиновников и земских деятелей. Долгое время даже жандармы не обращали внимания на пленных. Лишь в 1915 г. начинается распространение жандармской агентуры в среде военнопленных, но создать разветвлённую сеть информаторов не удалось[82]. Здесь стратегические интересы противоречили тактическим. В то время, как последние предполагали создание устойчивых групп информаторов, казалось проще время от времени перебрасывать военнопленных с места на место, перетасовывая партии. Таким образом, русские власти препятствовали созданию устойчивых групп сопротивления в среде военнопленных. Кроме того, агентурная разработка потребовала бы расширения штатов жандармского ведомства, которое и без того задыхалось под бременем обязанностей, свалившихся на спецслужбы в годы войны.

Сокращение мужского населения и упадок структур самоуправления привели к тому, что большинство пленников оказались в деревне в относительно доброжелательной среде. На этот раз деревня больше нуждалась в военнопленных, нежели они в ней. Об этом свидетельствуют такие факты, как развитие отходничества (сезонной работы) среди женщин, распространение нелегальной проституции, активное привлечение к сельскохозяйственным работам беженцев, военнопленных и интернированных; впервые повальное пьянство среди мусульман было отмечено на празднике «Сабантуй» в Мамадышском уезде. Возросшая нужда в трудовых ресурсах, естественно, снижала стандарты отбора, так в российской глубинке оказались и немцы,

для большей части которых русские агротехнологии были слишком тяжёлыми и громоздкими. Низкая мотивация трудовых усилий отражалась на производительности, вызывая у русских крестьян желание использовать принудительные методы воздействия. С другой стороны, военнопленные мужчины, оказавшись в деревнях с переизбытком женского населения, имели все шансы весьма комфортно обустроиться. Во всяком случае, их статус в деревенской иерархии значительно повысился. Военнопленные стали присваивать себе разного рода права, настаивать на мелких поблажках; условия жизни улучшились, появилось больше простора для выбора стиля поведения.

Именно 1916 г. жандармские отчёты отмечают массовые контакты пленных с местным населением. Конечно, в первую очередь, власти были обеспокоены попытками пацифистской или германофильской агитации, которую проводили некоторые из военнопленных среди крестьян – годом раньше такое поведение казалось преступным[83]. Однако отмечались и неформальные отношения в бытовой обстановке, фиксировались и случаи совместного времяпрепровождения.

Пойдя на увеличение численности пленных, привлечённых к работам, администрация экономий была вынуждена снисходительно взирать и на факты саботажа, и на формирование особой субкультуры в рабочих командах. Культура эта вовсе не была клоном западной модели общественной организации. В наибольшей степени она походила на субкультуру маргинальных слоёв, представители которых наиболее комфортно чувствовали себя в инородной социальной среде. Поэтому несмотря на то, что военнопленные с большим успехом противостояли общинной ассимиляции, их пребывание в деревнях не оставило заметных следов в русском общинном сознании или быту, их миссионерский потенциал оказался минимальным. Тем не менее военнопленные германской армии внесли значительный вклад в то, что традиционалистская аграрная структура смогла выстоять в России в 1916 г.

1917 год, начавшийся для российской провинции с немыслимых известий о свержении монархии, застал сельское хозяйство Поволжья в разгар подготовки к весеннему севу. По отработанной уже схеме крестьяне и землевладельцы предполагали использовать труд пленных, однако, моральное разложение армии, сопровождавшееся массовым дезертирством, внесло существенные коррективы в обыденный сценарий деревенской жизни. В результате деятельности нового правительства довольно быстро были упразднены или парализованы государственные институты, отвечавшие за содержание и использование военнопленных. Причём акции эти, возможно, уместные в столицах, где кипели революционные страсти, оказались неэффективными в провинции. Тут образовался своеобразный вакуум власти, заполнявшийся различного рода общественными структурами, легитимность которых не подвергалась сомнению лишь постольку, поскольку принципиально отсутствовала. Как раз ко времени сева в поволжских селениях скопилось огромное количество дезертиров, отпускников и раненых, не желавших возвращаться в свои части[84]. Эти солдаты, осмелев после первых хулиганских выходок[85], перешли к более основательным антигосударственным действиям: игнорируя продолжавшуюся войну, они приступили к привычному крестьянскому занятию – севу яровых (пшеница). В создавшихся условиях крестьянские общины практически не нуждались больше в услугах военнопленных и легко от них отказались. Но в использовании пленных остро нуждались экономические хозяйства крупных землевладельцев. Причём в 1917 г. помещики использовали пленных не столько по причине нехватки рабочих рук,

сколько потому, что цена их труда стала вследствие высокой инфляции смехотворно низкой. Так, в Казанском уезде крестьяне требовали 20 рублей в день, в то время как пленные и беженцы, лишённые возможности отстаивать свои интересы, получали по 4 рубля[86].

Землевладельцы были широко представлены в органах местного самоуправления и различных общественных организациях, которые и распоряжались размещением и эксплуатацией труда пленных. Поскольку помещики были включены в систему общинной экономики, крестьяне, стремившиеся подзаработать в экономиях, решили избавиться от военнопленных. Те были поспешно исключены из списка людей, обладающих правом на выживание; к тому же многие мужчины горели желанием предъявить «счёт» военнопленным, которые, как им казалось (иногда вполне обоснованно), замещали их не только на поле, но и на супружеском ложе. В 1917 г. начинаются открытые конфликты крестьян с военнопленными. До этого момента обходилось без рукоприкладства и агрессии. Весной же семнадцатого крестьяне избивали военнопленных, прогоняли их с полей, не давали работать. Заводилами первых крестьянских беспорядков выступали, как правило, дезертиры либо отпускники, их положение в общине, не до конца порвавшей с традиционной ментальностью, было достаточно уязвимым. Требовалось как-то утвердиться, повысить свой статус. Поскольку в рамках общинной структуры это было невозможно, сельские маргиналы избрали мишенью своих нападок такую же пограничную группу – военнопленных, которые не могли противостоять агрессорам просто потому, что не собирались оставаться в России навсегда. Справедливости ради следует сказать, что такие выходки не были спланированы, – если в деревне не было пленных, объектами агрессии становились беженцы или хуторяне. Ещё более безразлична крестьянам была национальная или этническая принадлежность тех, кого они третировали. Большую роль играли такие факторы, как настроение, количество выпитого самогона, сомнения в том, остались ли их жены верными, а дочери – целомудренными. В любом случае военнопленные оказывались в положении «без вины виноватых», для них крестьяне становились врагами, и снисхождение было, скорее, исключением, чем правилом. В селе Шапши в марте-апреле 1917 г. крестьяне всей общиной регулярно избивали и прогоняли с работ военнопленных[87], причём во время этих акций собственно к пленным никто не обращался. Просто вокруг них собиралась толпа человек в сто или двести, которая, подбадривая себя воинственными криками, заставляла их прекратить работу. Как в большинстве коллективных крестьянских акций, дело не обходилось без побоев. В Каймарской волости местный Комитет общественной безопасности[88] в мае постановил не допускать военнопленных к работе в имении[89] местного помещика. В этом случае собственно пленные не пострадали – досталось управляющему. Отличительной особенностью общинной агрессии семнадцатого года было безразличие крестьян к поведению или даже мнению самих пленных. Те могли поддерживать или не одобрять крестьянские выступления; испытывать к России дружеские чувства или, напротив, ненавидеть её; их никто ни о чём не спрашивал. На них просто перестали обращать внимание.

Некоторым пленным удалось вернуться в города, другие были предоставлены своей судьбе. Большинство бежало из ставших негостеприимными деревень. Крестьяне не препятствовали этому. Избавившись от конкуренции, они перестали испытывать к пленным враждебные чувства, некоторые даже жалели их, снабжая провизией. Вынужденные выбирать между городской казармой и разъярённой, как

казалось, неуправляемой крестьянской толпой, несчастные европейцы, не понимая причин столь резкой перемены в настроениях мирных поселян, предпочли перебраться в города, где обстановка, хотя и не была более спокойной, все же оставалась предсказуемой.

В ходе смуты, захлестнувшей Россию в начале XX века, местные жители были настолько увлечены выяснением отношений друг с другом, что на судьбу пленных никто не обращал внимания. Советское правительство постаралось избавиться от них при первой же возможности, тем более что после подписания Брестского мирного договора поводов удерживать их в России больше не оставалось. Но ещё до заключения мира значительная их часть смогла покинуть места заключения, просто потому, что никто не хотел их охранять.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кроме Ф. 2750, основу источниковой базы составили материалы фондов Казанского губернского жандармского управления (Ф. 199) и Канцелярии Казанского губернского Комиссара Временного правительства (Ф. 1246). В 1993–1998 гг. автором был проведён систематический анализ документов, относящихся, в том числе, к 1917 г. Кроме того, были использованы материалы фонда Казанского губернатора (Ф. 1). Из более ста обработанных 100 архивных дел использованы материалы 57; 22 дела содержали довольно большие блоки информации о положении военнопленных в губерниях Казанского военного округа. Кроме архивных документов, были использованы материалы периодической печати, однако, они практически не содержали никакой информации о военнопленных. В исторической литературе, также не слишком много сведений о пленных в Поволжье за исключением биографических справок о Ярославе Гашеке – авторе «Похождений бравого солдата Швейка», который, как известно, не без приятности пребывал в плену в г. Бугульма в Казанском военном округе.

[2] Если уж русское военное министерство не позаботилось о создании стратегических запасов вооружения, то этой оплошности вряд ли приходится удивляться.

[3] По версии З. Фрейда.

[4] Эти эмоции сродни ощущениям ориентированных на Европу российских интеллигентов, глубоко страдавших по причине «идиотизма» русской жизни.

[5] Во всей Европе не более десяти человек смогли сделать достоверный прогноз о сроках начала войны.

[6] НА РТ. Ф. 199. Оп.1. Д. 951. Л. 73,112,318 и др.; Д. 1074. Л. 15–16.

[7] Достаточно припомнить романы Ремарка, чтобы ощутить особый привкус этих отношений, не имеющих под собой никакого реального основания.

[8] НА РТ. Ф. 199. Оп.1. Д. 1074. Л. 12, 15 об.

[9] В жандармских отчётах и цензорских выписках так и не удалось обнаружить упоминания о том, чтобы хоть кто-нибудь высказался по поводу российской администрации.

[10] См.: *Субаев-Казанлы Н.* Турецкие военнопленные в Поволжье: фрагменты истории // Гасырлар авызы (Эхо веков). 1999. 1 / 2. С. 280.

[11] См.: НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1074. Л. 13 об.

[12] НА РТ Ф. 199. Оп.4. Д. 6679.

[13] НА РТ. Ф. 199. Оп.1. Д. 1021. Л. 34 об.

[14] К концу 1915 г. в Казани оказалось около 10.000 военнопленных (подсчёты проведены автором на основании систематического анализа дел, включённых в Оп.1 Ф. 199 НА РТ).

[15] См.: НА РТ. Ф. 199 Оп.2. Д. 1571.

[16] Подсчёты проведены автором на основании фронтального анализа фонда 199 НА РТ.

[17] 67 пленных итальянцев, содержавшихся в Мамадыше, по их желанию были отправлены на родину 29 июня 1915 г. НА РТ Ф. 199. Оп.1. Д. 1570. Л. 28.

[18] См.: НА РТ. Ф. 199. Оп.1. Д. 1564. Л. 33–35.

[19] Кстати, далеко не все пленные турки были солдатами турецкой армии, некоторые из них служили в австрийской армии. См.: НА РТ. Ф. 199. Оп.2. Д. 1570. Л. 4 и др.

[20] Не менее 2 000 человек (подсчёты проведены автором).

[21] См.: НА РТ. Ф. 199. Оп.2. Д. 1570. Л. 3, 8, 9.

[22] Так, только 12 августа 1914 г. из Казани военнопленными была отправлена 41 телеграмма. См.: НА РТ. Ф. 199. Оп.1. Д. 951. Л. 48.

[23] 22 июля 1914 г. военным цензором в Казанской губернии был назначен жандармский подполковник Прогнаевский, в Самаре – ротмистр Соловьевич, в Саратове – полицейский чиновник Иван Токарев.

[24] 14 августа 1914 г. подполковник Прогнаевский указывал в связи с этим одному из цензоров, что «международные почтовые отправления, адресованные за границу, просматривать не стоит». НА РТ Ф. 199. Оп.1. Д. 951. Л. 55.

[25] Там же. Л. 169.

[26] Там же. Д. 1044.

[27] Там же. Д. 1090. Л. 6.

[28] Там же. Д. 1074. Л. 11–11об.

[29] Там же. Л. 15 об.

[30] Там же. Л. 14.

[31] Там же. Л. 11 об.

[32] Осенью 1914 г. шесть германских подданных, направленных их Казани в Вятскую губернию, вернулись обратно и были размещены в г. Ядрин на границе с Московской губернией. Эти военнопленные, конечно, были лишены в дальнейшем подобной свободы, однако, сам по себе факт показателен.

[33] НА РТ. Ф. 199. Оп.2. Д. 1555. Л. 45.

[34] Там же. Д. 1605. Л. 112.

[35] В Национальном архиве Республики Татарстан содержатся упоминания о пленных, которые за побег были помещены в тюрьму, но нет сведений о том, бежали ли они из Поволжья или были пойманы на территории региона. Достоверно известно только, что 25 октября 1915 г. из Мамадыша сбежал мадьяр Надь Дайнеш. См.: НА РТ. Ф. 199. Оп.2. Д. 1570. Л. 86.

[36] Принудительно не означает, что военнопленных заставляли работать насильно, вопреки их желанию. Безусловно, у них не спрашивали согласия, но, с другой стороны, нет информации ни об одном случае массовых беспорядков или одиночных отказов от работы. Дело в том, что, в отличие от Второй мировой войны, труд пленных оплачивался, что позволяло им существенно расширить рацион и, вообще, скрасить неказистый быт.

[37] Всего на строительстве железнодорожных веток Казань-Екатеринбург-Липецк, Казань-Вятка и др., различных гидротехнических сооружений и на лесозаготовках было задействовано более трёх тысяч человек. Из Казанской губернии военнопленные направлялись в Царицинский уезд, город Камышин и другие районы России.

[38] НА РТ. Ф. 199. Оп.1. Д. 1021. Л. 34–35.

[39] Подсчёты проведены автором на основании анализа документов из фонда Казанского губернского жандармского управления НА РТ.

[40] В частности, Казанское уездное земское собрание в октябре 1915 г. постановило: в следующем году использовать военнопленных, как в поместьях, так и в крестьянских хозяйствах, причём не только на добровольной основе, но и принудительно. См.: НА РТ. Ф. 199. Оп.1. Д. 1021. Л. 117.

[41] Там же. Л. 35.

[42] Кстати говоря, русские солдаты в плену обычно страдали от недоедания, вызывая немалое удивление у европейских обывателей.

[43] НА РТ. Ф. 199. Там же. Д. 1569. Л. 59.

[44] Согласно обязательному постановлению главноначальствующего губернии от 14 марта 1915 г., пуд ржаной муки стоил не дороже 1 рубля 10 копеек (в конце 1916 г. – 1, 7 рубля).

[45] НА РТ. Ф. 199. Оп.2. Д. 1611. Л. 73 об.

[46] Там же. Л. 66.

[47] Там же. Оп.1. Д. 1021. Л. 117.

[48] Там же. Оп.2. Д. 1611. Л. 75 об.

[49] См.: *Френкин М.* Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. – Иерусалим, 1982., *Люкшин Д.* Солдаты тыловых гарнизонов: от колебаний к бунту // 1917 год в исторических судьбах России. – М., 1992. С. 79–81; *Он же.* 1917 год: вид из окна казармы // Родина. 1977. № 11. С. 18–22.

[50] Подполковник Тихобразов в докладе начальнику Казанского губернского жандармского управления с изумлением писал, что «достаточно положить в ту печь немного хвороста, и можно изготовить на семью обед». См.: НА РТ. Ф. 199. Оп.2. Д. 1555. Л. 4.

[51] НА РТ. Ф. 199. Оп.1. Д. 1078. Л. 39.

[52] В конце 1915 г. более ста русин, вернувшихся с сельхозработ в Чистополь, подали уездному воинскому начальнику заявления с просьбой о переходе в русское подданство. См.: НА РТ Ф. 199. Оп.1. Д. 1086. Л. 23.

[53] НА РТ Ф. 199. Оп.2. Д. 1570. Л. 15, 19 и др.

[54] Например, весной 1915 г. фельдфебель австрийской армии Иван Антонов жаловался цивильскому пунктовому унтер-офицеру: штабс-капитан Франк отчитал его за то, что Антонов не запретил солдатам посещать церковь, и даже велел составить список «нарушителей». Русский жандарм быстро разрешил сомнения фельдфебеля, запретив ему отдавать список офицеру. См.: НА РТ Ф. 199. Оп.1. Д. 1090. Л. 21–21об.

[55] В жандармском штате числились только офицеры; унтер-офицеры и рядовые вербовались на местах начальниками губернских управлений и вносились в «дополнительный штат». По этому штату полагалось иметь двух жандармов на уезд. Их задачами были: наблюдение за политическими настроениями населения, сбор информации о политической, хозяйственной и общественной жизни в уезде.

[56] НА РТ. Ф. 199. Оп.2. Д. 1554. Л. 68.

[57] Там же. Л. 55.

[58] Там же. Л. 72.

[59] Там же. Л. 79.

[60] Там же. Д. 1555. Л. 23.

[61] Там же Л. 22.

[62] Там же. Л. 15 об.

[63] Там же. Д. 1554. Л. 11.

[64] Там же. Д. 1569. Л. 63.

[65] Там же. Д. 1555. Л. 84.

[66] Там же. Оп.1. Д. 1021. Л. 34 об.

[67] Там же. Л. 35.

[68] В 1915 г. русское правительство, стремясь компенсировать огромные потери армии в неудачной кампании, проводит досрочные призывы, а осенью того же года из запаса начинают призывать и ратников II разряда – мужчин, отслуживших свое ещё до русско-японской войны.

[69] НА РТ. Ф. 199. Оп.2. Д. 1605. Л. 96.

[70] Толковый и не лишённый художественного воображения унтер-офицер подробнее, чем его коллеги, описал образ жизни пленных. В ходе работы над статьёй автор изучил 14 рапортов Оринина.

[71] Получается, что одновременно за пленными присматривало не более трёх человек, причем, например, в доме Марусейцева, на окраине города, содержалось 527 военнопленных.

[72] НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1021. Л. 63, 117 и. др.

[73] «Военнопленные без всякого призора ходят по дням и ночам по вышеуказанной деревне», – с возмущением рапортовал Оринин. См.: НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1088. Л. 114 об.

[74] НА РТ. Ф. 199. Оп.1. Д. 1611. Л. 64.

[75] Там же. Л. 129.

[76] Там же Д. 1090. Л. 8.

[77] Там же. Л. 22.

[78] Там же Л. 21 об.

[79] Там же Л. 21.

[80] Был найден даже дневник. К сожалению, эти документы утрачены. Ни жандармы, ни полиция не потрудились сделать конспектов.

[81] НА РТ. Ф. 199. Оп.1. Д. 1611. Л. 48.

[82] Там же. Д. 1088. Л. 33–34.

[83] В Чебоксарском уезде во время призыва военнопленные советовали крестьянам сдаваться в плен и даже предлагали адреса знакомых в Германии и Австрии. См.: НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1089. Л. 33–36.

[84] Весной и летом 1917 г. население только Казанской губернии увеличилось на 23 процента (почти 204 тысячи человек). Основная причина этого демографического взрыва – дезертирство из армии.

[85] В деревне они играли роль «пробных шаров», отсутствие наказания провоцировало разрастание претензий.

[86] НА РТ. Ф. 1246. Оп.1. Д. 34. Л. 131–132.

[87] Там же. Л. 14, 15–16.

[88] Эти органы народного представительства были организованы Временным правительством с целью обеспечить контроль над ситуацией в стране. На деле же именно они, представляя крестьян-общинников, выступали инициаторами «Чёрного передела» в деревне.

[89] НА РТ. Ф. 1246. Оп.1. Д. 34. Л. 146–147.

Нина Вашкау

ТРУДОВАЯ АРМИЯ И СПЕЦПОСЕЛЕНИЕ. Судьба российских немцев в 1941–1945 гг.

Тащил рюкзак пятнадцать лет
По ссылке.
Все продув.
И лишь за то, что бабкин дед –
Немецкий стеклодув.
В лицо плевок «Ты, немец, гад!
Забудь качать права…»
Так в рюкзаке они лежат,
Те тяжкие слова.

Роберт Лейнонен

Трудовая армия, спецпоселения[1] в период Великой Отечественной войны – до сих пор наименее изученные проблемы в истории российских немцев[2]. Пережив голод 1920–30-х гг., насильственную коллективизацию, религиозные гонения, кампании по разоблачению «внутренних врагов», немцы в период прихода к власти Гитлера стали заложниками еще и в политической игре Германии и Советского Союза. Начавшаяся Вторая мировая война принесла российским немцам двойной удар – депортацию и спецпоселение.

«Весть о нападении Гитлера на СССР для большинства поволжских немцев была таким же потрясением, как и для других советских граждан», – писал в своих воспоминаниях Г.И. Карл[3]. В первые дни войны от немцев-мужчин Автономной советской социалистической республики немцев Поволжья (АССРНП) поступило 2500 заявлений с просьбами направить их добровольцами на фронт. Но военкоматы отвечали отказами, мотивируя свое решение тем, что для фронта необходимы определенные военные специалисты. 1 июля 1941 г. первый секретарь обкома ВКП(б) С. Малов в докладной записке на имя И.В. Сталина «О ходе мобилизации в Немецкой республике» отмечал: «Немцы выражают недовольство тем, что их не призывают наряду со всеми в ряды Красной Армии, просят зачислить их в любой род войск. В числе подавших заявления о вступлении добровольцами 40 % составляют немцы»[4]. Немцы, находившиеся в момент начала войны в армии, сражались в действующих частях, но после принятия Указа о выселении немцев Поволжья были отозваны из войсковых частей и отправлены на спецпоселение.

Депортация

Немцев обвинили в коллаборационизме, и они подлежали переселению в короткий срок с сентября по октябрь 1941 г., согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О выселении немцев из районов Поволжья»[5]. Днем

(Сидя) Эрна Иоганновна Дудник (Шмидт) со своей подругой после войны.

раньше, 27 августа, был подписан приказ НКВД, регламентирующий проведение операции по переселению. В республику Немцев Поволжья, Саратовскую и Сталинградскую области были направлены 1550 сотрудников НКВД, 3250 сотрудников милиции и 12150 красноармейцев[6]. Указ был опубликован только в немецких газетах. Газета «Большевик» – один из главных партийных органов печати – стала меньше объемом и перепечатывала информацию из центральных газет, ни словом не упоминая о событиях в республике. А еще 29 августа 1941 г. в ней была напечатана статья «Мы отомстим за тебя, товарищ», рассказывающая о подвиге на фронте красноармейца Генриха Гофмана, немца по национальности.

Всего, по последним данным А.А. Германа, было выселено 438,6 тыс. человек, в том числе из АССР Немцев Поволжья – 365,7 тыс., из Саратовской области – 46,7 тыс.; из Сталинградской – 26,2 тыс. немцев[7]. До конца 1942 г. в Новосибирскую, Омскую области, Красноярский и Алтайский края и Казахстан было выселено 799.459 немцев[8].

Как немцы вспоминают о выселении спустя практически полвека?

Эрика Адольфовна Бауэр (Сысенко)[9]. «Родилась я в Сарепте[10]. В 1923 г. в этой кирхе крестилась. Я уже 5 класс закончила. Нас было 6 детей, отца расстреляли в 1937 г. Муж моей двоюродной сестры работал парикмахером, я у него – уборщицей, постепенно и парикмахером выучилась. Три года до выселения работала. О выселении объявили утром, дали 24 часа. Продуктов у нас не было дома, мы жили бедно, русские соседи еды на дорогу дали, в чем были, в том и поехали. Наша соседка Лукьянова Дуня дала мне обрезки валенок, фуфайку. Мне они в трудармии приго-

дились. Нам говорили, через три месяца вернетесь. Уезжали мама и нас шестеро детей. Я самая старшая. В наши дома сразу стали заселять беженцев. Тетя Дуня им говорила: “Ничего не берите, это не ваше”. Но где уж было сберечь? Взяла она тогда себе зеркальце и сковородку, да так и хранила. Как мы вернулись из Казахстана в родную Сарепту, она отдала их нам. Так от этого времени у нас и хранятся в семье сковородка и зеркало.

Ехали на барже до Гурьева, потом в телячьих вагонах в Восточно-Казахстанскую область, до Усть-Каменогорска. На барже продуктов не давали, а на пароходе сайку хлеба на семью, банку баклажанной икры, пол-литра воды и селедку. В городе нас не оставили, развезли по селам».

Вспоминает о депортации Эрна Иоганновна Дудник (Шмидт), 1927 года рождения. «До войны с семьей я жила в г. Маркс. На сборы нам дали три дня, и, что родители успели сделать, – это натопить свиное мясо в двух ведрах, захватить одежду и еду, сколько могли унести в руках. А в семье 7 детей. Все нажитое оставили. Нам дали справку, где перечислили, что мы оставили дом (он и сейчас стоит), мебель, корову, лодку, 20 кубометров дров. Почему мы получили справку? Отец знал русский язык и выхлопотал ее. Но по ней в Сибири мы ничего не получили. Она до сих пор у нас в семье хранится. Ехали целый месяц. Выпускали нас только на больших станциях, а так везли мертвых в вагоне. Так и спрашивали: “Мертвые есть?” И уносили. Когда везли через Казахстан, на станциях арбузы продают, отец говорит: “хоть бы здесь оставили, на родину похоже”. Но привезли в Канск. Сначала разместили на стадионе. Валенок ни у кого нет, все в ботинках. Так сутки и сидели на стадионе, бегали, чтобы согреться. А уже снег падал. Отец искал работу, и нас направили в Красноярский край, в совхоз им. Дзержинского. Там нам весной дали землю посадить картошку. Мы поняли, что это единственный способ выжить. Меняли одежду. Мне было 14 лет, я уже работала. Мне давали 400 гр. хлеба. Это и спасало от голода»[11].

Вся тяжесть по приему и обустройству огромного количества переселенцев легла на края и республики, определенные как места выселения. О ходе переселения в НКВД составляли ежедневные сводки, но реальное положение вещей в них замалчивалось. Трудностей было много. Несмотря на указания ЦК КП(б) Казахстана и Совета Народных Комиссаров (СНК) Казахской ССР, областные организации к приему и расселению людей не были готовы. Распоряжения СНК о выделении из местных фондов жилья, скота, стройматериалов во многом не выполнялись, т. к. не учитывали реальную обстановку на местах. Дома были переданы для размещения эвакуированного населения, неудовлетворительно обстояло дело с организацией питания в пути и на местах поселений. Свидетели этих событий вспоминают, как составы стояли на полустанках сутками, без воды, горячей пищи. Переселенцев в пунктах назначения выгружали прямо на снег. Проблема жилья была самой острой.

Огромную роль сыграла помощь местных жителей, в дома которых были подселены в большинстве случаев немцы. Выдача скота и зерна, взамен имущества, сданного на месте изначального проживания, практически не производилась. Фонды хлеба для переселенцев часто либо разворовывались, либо шли на общественное питание. Работающие немцы получали в день 200–400 граммов хлеба, дети и старики – ничего.

Перевод экономики страны на военный режим работы требовал введения в строй эвакуированных заводов и строительства новых предприятий по производству военной продукции. Согласно военно-хозяйственному плану 1942 г., намечалось ввести в действие

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

«20» февраля 19 95 г. гор. Волгоград

Гр. КЛАУЗЕР ЭЛЛА АЛЕКСАНДРОВНА
(фамилия, имя, отчество)

Год и место рождения 1928 АССР НП

Место жительства до применения репрессии АССР НП

Когда и каким органом репрессирован в 1941 г. по Указу ПВС СССР от 28.08.41 г. ~~выселена на спецпоселение в Красноярский край, где находилось до 1956~~ г.

Основание применения репрессии по политическим мотивам и административным порядке
признана социально опасной по национальному признаку

На основании пункта «в» ст. 3 Закона России от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» гр-н (ка)

КЛАУЗЕР ЭЛЛА АЛЕКСАНДРОВНА

реабилитирован (а)

М. П.

Начальник УВД
Волгоградской области

Зак. 1319

Справка о реабилитации Эллы Александровны Клаузер, которая в 1941 г. в возрасте 13 лет подверглась насильственному переселению в Красноярский край. Выдана 20 февраля 1995 г. в Волгограде.

в районах Урала 20 шахт, заложить 8 новых шахт, увеличить производственные мощности Уральского алюминиевого завода, форсировать строительство Березниковского магниевого завода и т. д. Наркоматы обязаны были сосредоточить на этих стройках рабочую силу, материалы, оборудование и строительные механизмы для своевременного ввода их в эксплуатацию. Постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 9 ноября 1941 г. уточняло, каким образом можно обеспечить строительство рабочей силой. «Во исполнение постановления СНК Союза ССР от 7 октября с. г. обязать НКО (т. Щаденко) сформировать в Сибирском и Уральском военных округах 25 рабочих колонн для строек черной металлургии». Секретарям обкомов ВКП(б) Свердловской, Челябинской и Молотовской областей предписывалось оказывать практическую помощь стройкам[12].

Во второй половине 1941 г. ЦК партии и правительство четыре раза обсуждали меры по вводу в эксплуатацию предприятий на Урале. Постановления становились напряженными, требования к наркоматам – более жесткими. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о развитии черной металлургии на Урале и в Сибири в 1942 г. от 13 ноября 1941 г. содержало пункт: «Строительство Бакальского и Ново-Тагильского металлургических заводов с горнорудным хозяйством и коксохимическими заводами поручить НКВД СССР. К строительству Бакальского металлургического завода приступить не позднее декабря 1941 г.»[13].

С этого началась трудовая армия, большую часть которой составляли немцы, депортированные из Поволжья. Была определена цель – любой ценой обеспечить строительство как можно более дешевой рабочей силой.

Мобилизация

Первая мобилизация немцев-мужчин в масштабах страны была проведена по постановлению Государственного Комитета Обороны от 10 января 1942 г.[14]. Мобилизации на все время войны подлежали мужчины в возрасте от 17 до 50 лет, годные к физическому труду. Первая очередь мобилизованных немцев была направлена на

лесозаготовки в районах Урала, Коми АССР, Красноярского края. Потребность в рабочей силе определялась в 80 тыс. чел. Одновременно форсировалось строительство Бакальского завода в Челябинской области, Богословского – в Свердловской, Соликамского – в Молотовской. На эти заводы требовалось еще 40 тыс. чел. Таким образом, всего предлагалось использовать в системе принудительного труда НКВД 120 тыс. чел.[15].

Вторая волна мобилизации мужчин охватила центральные области страны и национальные республики, а также местности, из которых немцы не выселялись по Указу 1941 г. По этой категории населения ГКО принял постановление 14 февраля 1942 г.[16]. Но, так как противник захватывал все больше важнейших металлургических баз и районов добычи топлива, требовались свежие силы в условиях дефицита рабочих кадров.

7 октября 1942 г. ГКО принял постановление «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР», согласно которому призыву в «рабочие колонны» подлежали не только мужчины от 15 до 55 лет, но и женщины-немки в возрасте от 16 до 45 лет. Исключение составляли беременные женщины и имевшие детей до 3 лет.

Постановления обязывали «всех мобилизованных немцев явиться на сборные пункты НКО в исправной зимней одежде, с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и десятидневным запасом продовольствия». Эти требования были трудновыполнимы, потому что изгнанные из родных мест, ограниченные запретом на вывоз при депортации личного имущества немцы ко времени мобилизации были вынуждены обменять часть нехитрых пожитков на пропитание.

Питание и промтоварное обслуживание были организованы по нормам, установленным для ГУЛАГа НКВД. Строго регламентировался внутренний распорядок жизни, пресекались всякие попытки уклониться от мобилизации. Неявка к месту работы или дезертирство карались по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Эти меры распространялись на все трудоспособное население страны. Но в отношении немцев организация производства была чрезмерно регламентирована и практически ничем не отличалась от содержания в лагерях[17].

От мобилизации освобождались немки, мужья которых были русскими, вне зависимости от их служебного положения и партийной принадлежности, а также женщины-русские, мужья и дети которых были немцами и подлежали мобилизации. Женщины были отправлены, в первую очередь, на предприятия Народного комиссариата по нефти и Народного комиссариата по углю. План предусматривал мобилизацию 65300 женщин[18]. Главным образом, они были заняты на работах по строительству дорог и нефтепроводов, по прокладке мостов через реки, на карьерах, на лесозаготовке и лесовывозе.

Мобилизация проходила под руководством местных военкоматов, и ее следовало провести в течение месяца. В Казахстане и Сибири уже наступала зима, во многие семьи, главы которых в январе–феврале 1942 г. были мобилизованы, приходили первые извещения о смерти, так как смертность мужчин была очень высокой. Теперь забирали матерей.

Картину мобилизации женщин невозможно восстановить по отчетам и справкам НКВД. За сухими цифрами не видно горя и отчаяния. Дадим слово очевидцам. Рас-

сказывает Теодор Герцен, житель и летописец села Орловка в Киргизии: «Навзрыд плакали и матери, и дети, и провожающие. Такого Орловка не видела за все годы своего существования. Было страшнее, чем на похоронах. Эмма, жена Якова Дика, так и умерла на подводе, не смогла пережить расставания с тремя своими детьми. Яков тоже не вернулся, погиб на Челябметаллургстрое. Их дети выросли сиротами»[19]. Матери предпочитали забирать с собой в неизвестность детей, но конвоиры строго следили за тем, чтобы те не проникали в вагоны[20].

Призывной возраст женщин был 16 лет, но с весны 1943 г. забирали и 14–15-летних, когда резервы призыва взрослого населения были исчерпаны[21]. Женщин, чьим детям исполнялось три года, также немедленно забирали. Подростков забирали со школьной скамьи, не дав доучиться в школе, в то время как их сверстники оставались за партами. Э.И. Дудник (Шмидт) вспоминает: «Комендант поселка вызвал нас с сестрой в район, а это 8 км. Попрощались мы с мамой. Мне 16 лет, сестре 15, но она выглядела крепче. Комендант берет сестру, а меня нет. Папа говорит, что это младшая, а сестра плачет, хочет со мной ехать. Забрали меня»[22].

Женщины как «цветы за колючей проволокой»

Жизнь немецких женщин, направленных на предприятия и стройки, определялась общими инструкциями, где не было никаких различий или отдельных параграфов, которые учитывали бы специфику женского труда. Но и они повсеместно не выполнялись. В первую очередь это касалось обеспечения жильем, питанием и одеждой.

Обустройство лагерей носило примитивный характер. Люди размещались в палатках, обвалованных снегом и покрытых ветками. Более капитально строились только коммунально-бытовые здания: бани, пекарни, кухни и складские помещения. Медленное проведение мероприятий по обустройству, сложные климатические условия (сильные ветры и морозы, доходившие в отдельные дни до 52 градусов) создавали неимоверные трудности в жизни и работе людей. Документы проверки, подписанные начальником политотдела ИТЛ т. Панфиловым, показывали, что «лагерь находится еще в неудовлетворительном состоянии. В палатках тесно, температура колеблется от 10 до 14 градусов. Большинство лагерного населения спит, не снимая верхней одежды. В большинстве колонн питание организовано только 2 раза в день». Для сокращения заболеваемости на все колонны в обязательном порядке выдавались хвоя и дрожжи, правда, постоянно голодным и мерзнувшим людям они мало могли помочь[23].

Составить представление о количестве и качестве питания трудармейцев можно, проанализировав архивные данные. Норму 3 получали трудармейцы, которые выполняли производственное задание на 100 %; при условии выработки задания более 100 % к этому добавлялась норма 3 дополнительная. Норму 5 получали трудармейцы, заболевшие пеллагрой.

Сами составители этого документа отмечали, что «количество продуктов, выданных по этому отделению по котлу 3, значительно меньше установленной калорийности и не компенсирует физических затрат на лесных работах»[24]. В то же время, бесплатное довольствие рядового и младшего начсостава, конвоиров составляло: хлеб – 600, крупа – 100, мясо – 75, рыба – 100, сахар – 20, овощи – 950 граммов в день.

Количество выданных продуктов по 2-му отделению Усольлага НКВД
(в граммах на 1 человека)[25]

Наименование	Норма 3		Норма 3 дополн.		Норма 5 для пеллагрозных	
	1941 г.	1942 г.	1941 г.	1942 г.	1941 г.	1942 г.
Хлеб	890	660	-	-	544	396
Мука	160	134	200	64	128	55
Крупа	178	99	65	30	119	101
Рыба	93	64	24	16	131	97
Мясо	20	25	23	16	117	151
Жиры	4	1	5	2	34	2
Овощи	402	241	144	58	482	464

В 1942 г. нормы питания значительно снизились, потому что рост численности лагерей опережал динамику выделения продуктов, на что жаловались руководители, например, на шахтах Кизеловского бассейна: «Несмотря на полную реализацию лагерем нарядов на продресурсы, мы все же недодали контингенту значительное количество продуктов вследствие того, что ОУВС НКВД Уральского округа запланировало нам их недостаточное количество». Зачастую трудармейцы не получали и этого пайка, приравненного к пайку заключенных, из-за трудностей, связанных с доставкой продуктов (в тайге единственный вид транспорта – телега). В результате чего, как докладывал в обком начальник управления спецлагеря № 0302 НКВД Аксеньев, «мы совершенно не имеем крупы и овощей, и пища, приготовленная в лагере, представляет собой буквально болтушку. В ноябре и декабре 1944 г. нами было недодано спецконтингенту всего (в кг):

Мяса	3944
Рыбы	7900
Раст. масла	4711
Овощей	39374
Сахара	16370
Крупы	38514 (заменена мукой)
Табака	9891»[26]

Трудармейцев, попавших в лазарет, пеллагрозников поддерживали добавочной миской супа, содержание мяса и крупы в их рационе было увеличено, но это мало кого спасало. Оздоровительно-профилактические пункты (ОПП) недаром называли «райскими воротами». В отчете политотдела Соликамскстроя и ИТЛ НКВД за 1943 г. отмечается: «Лагерный контингент заключенных и немцев, мобилизованных в рабочие колонны, перенесший суровую зиму 1942–43 гг., в значительной степени оказался ослабленным. В течение января–августа лагнаселение испытывало хронический недостаток в основных продуктах питания – свежем мясе, жирах, сахаре и т. п., часть которых заменялась менее питательными: соленой рыбой или крупами. В результате этого резко возросло число больных и ослабленных, увеличилась смертность»[27].

При таком уровне питания и бытового обустройства трудармейцы – мужчины и женщины – должны были строить железнодорожную ветку (на 50-градусном морозе),

ЭШЕЛОН № 839 - Красноярск
ЗАПОЛНЯЕТСЯ НА ГЛАВУ СЕМЬИ
1. Фамилия Рау
2. Имя, отчество Адам Генриховичъ
3. Год рождения 1896 4. Место рождения
5. Национальность немец
6. Местожительство (точно)
7. Род занятий Колхозник
8. Основание
Край
Область
Район
Село
1941.

Карточка, которую должен был заполнить в спецпоселении глава семьи; в данном случае значится имя Адама Генриховича Рау. Этот документ служит доказательством того, что Элла Александровна Михайлова (урожд. Клаузер) была депортирована вместе с ее отчимом Рау. Помечен номер поезда (839), на котором семья была доставлена в Красноярск.

как, например, в Широклаге. Прежде чем приступить к строительству, нужно было расчистить вековую тайгу, удалить снежный покров, достигавший 1 метра, ледяной и моховый покров толщиной 40–60 см. и лишь потом укладывать рельсы.

Суровые климатические условия, большая скученность, отсутствие необходимых санитарных условий, элементарных бань, проживание в палатках, непосильный труд и скудное питание (в зависимости от выполнения производственного задания) приводили к высокой заболеваемости и смертности. Об этом же говорит и характер заболеваний: дистрофия, цинга, пеллагра, обморожения, воспаление легких, туберкулез, желудочно-кишечные заболевания и производственные травмы. В целом, по Усольлагу за 1941 и 1942 гг. умерло 6741 человек. Если до 1 сентября 1941 г. умирало в среднем в месяц по 97 человек (численность лагеря 28 тыс.), то за 4 квартал 1941 г. и 1 квартал 1942 г. эта цифра выросла до 800 человек (численность лагеря 40 тыс.).

В конце 1941 г., в начале (и особенно зимой) 1942 г. смертность в лагерях среди трудармейцев была наиболее высокой. Так, по документам от 31 августа 1942 г., т. е. через полгода после первого призыва, за январь-июль только в пяти лагерях с общим составом 43856 мобилизованных немцев (на 1августа 1942 г.) умерло 5181 чел. Можно сделать вывод, что каждый 8-й трудармеец погиб не на фронте, а в тылу, от непосильной работы и голода.

Особенно высокой смертность была на Соликамскстрое, где за 7 месяцев 1942 г. умерло 1687 чел., что составляло 17,6 % списочного состава; на Богословстрое за этот же период умерло 1494 чел. (или 12,6 % состава); а на Севжелдорлаге за три месяца умерло 677 чел., или 13,9 % списочного состава на 1 августа. По инвалидности (а это означало, что человек не мог работать и дошел до последней степени истощения) только по 4 лагерям за январь–июль 1942 г. было демобилизовано 6425 чел. (или каждый пятый), при списочном составе этих лагерей на 1 августа 34677 чел. В справке, подписанной начальником ОУРЗ ГУЛАГА НКВД Грановским, было указано, что «причинами такой высокой убыли является ослабление рабочего фонда, доведение его до состояния инвалидности и непригодности к труду»[28].

Такое уменьшение числа рабочей силы заставило привлечь женщин, которые работали в тех же условиях. В нашем распоряжении пока нет точных данных о смертности среди женщин, но известно, что нормы выработки и питания, условия жизни у них были такими же, как и у немцев-мужчин. Следовательно, можно предположить, что смертность была гораздо выше по сравнению с населением страны, мобилизованным на стройки и предприятия военного назначения[29]. Приведем только один

список лагерей, в которых наравне с мужчинами работали женщины. На заводы Наркомата боеприпасов было направлено 10000 женщин и на строительство ТЭЦ Березниковоского магниевого завода – 2000, на предприятия Наркомугля – 15000. По данным конкретных лагерей, это выглядело так:[30]

Ужлаг	4000
Усольлаг	3000
Востураллаг	1500
Ивдельлаг	1000
Вятлаг	1000
Краслаг	1000
Севураллаг	500
Ухтижемлаг	2000

Всего на 21 декабря 1942 г. в рабочих колоннах на стройках и в лесных лагерях НКВД было 118 тысяч мужчин и женщин[31].

Начался 1943 г., в лагерях НКВД уже был накоплен опыт обустройства новых мобилизуемых, но в отчетах констатируется та же неготовность предприятий к приему рабочих. Например, в Чкаловской области администрация нефтяных заводов в Бугуруслане и Орске, на строительство которых было направлено 12630 мужчин и женщин, не была готова к их размещению. В бараках, рассчитанных на 200 человек, теснилось 400 и более человек. Отдельные бараки не имели крыш, потолки от таяния снегов протекали. В землянках не было нар и матрацев. Все это привело к заболеваниям сыпным тифом, воспалением легких. Из-за отсутствия пекарни рабочим выдавали в день по 300 гр. хлеба, а остальную часть – тестом, и несчастные были вынуждены печь хлеб в бараках. В таких условиях производственные задания выполнялись на 20–30 %[32]. Та же картина наблюдалась и в «Сызраньнефти», когда тысяча мобилизованных немецких женщин из-за отсутствия жилья была разбросана по многим мелким организациям города. Когда встал вопрос об их возвращении на предприятия треста «Сызраньнефть», организации отказались возвращать бесплатную рабочую силу. Вопрос решался на уровне начальника ГУЛАГа Наседкина[33].

Проведенная в октябре 1943 г. органами НКВД проверка условий размещения, режима использования труда мобилизованных людей на предприятиях наркоматов угля, нефти и боеприпасов показала отсутствие учета, ограждений и охраны, исключительно плохое размещение и питание. Из-за неподготовленности рабочих мест, нехватки инструментов, нераспорядительности руководителей рабочие не могли выполнять нормы, что приводило к низкой зарплате, «не дающей возможности оплачивать стоимость их содержания»! Ни в одном из документов проверки не встретились факты массового саботажа или систематического невыполнения заданий по «идеологическим мотивам». Огромная армия мобилизованных выходила из-под контроля органов НКВД, это приводило к массовому дезертирству и к использованию мобилизованных руководителями предприятий как бесплатной рабочей силы «для личных нужд – на строительстве собственных домов, на личных огородах, в качестве домашних работниц»[34].

На шахтах Кузбасса мобилизованных немцев использовали, в основном, на подземных работах, а также они выполняли тяжелые физические задания на поверхности. В списке немцев, работавших на шахте «Северная», на 25 ноября 1943 г. числи-

лось 395 чел. – 124 мужчины и 271 женщина[35]. Нормы выработки из-за незнакомых условий работы вчерашние колхозницы не выполняли, что наказывалось снижением норм питания. Оно во многих лагерях использовалось администрацией как стимул улучшения производительности труда. Это было непосредственно зафиксировано в положении о порядке содержания немцев в рабочих колоннах: «П.5. Питание производится по лагерной норме и организуется с расчетом выдачи не менее 2 раз в день горячей пищи. За счет экономии устанавливается выдача лучшим производственникам дополнительного против норм питания»[36].

Когда человека намеренно загоняют в такие условия и голод мутит разум – исчезает представление о пороге допустимого. Вспоминает Эльза Лоренц, которая вместе с матерью строила подъездные пути к угольному разрезу № 4 Караганды:

> Возвращаюсь я как-то вечером из котлоблока, прохожу мимо кухонной помойки и вижу: стоит на коленях моя мама, а перед ней такая же голодная собака. Обе вцепились в выброшенную на свалку бедренную кость. Собака уперлась передними лапами, рычит, не отпуская свой конец кости. Мама кричит на собаку и тоже тянет кость в свою сторону. В результате этого единоборства собака осталась без добычи. Мама была счастлива. Улыбаясь, она сказала: «Собака имеет возможность выйти за проволоку и найти там что-нибудь другое»… Она казалась помешанной. Голод превратил человека в животное. С тех пор прошло полвека, но и сегодня ее глаза стоят передо мной…[37].

Похожую историю вспоминает Эрих Полински: «600 гр. хлеба и суп – об этом вспоминают все. Люди так голодали, что ели даже солидол и машинное масло и как результат – дизентерия, понос и смерть». Этот факт встречался в воспоминаниях несколько раз[38].

В то же время, по сравнению с постановлением ГКО от 10 января 1942 г. инструкция по Наркомату угля была менее жесткой, так как не содержала упоминания о высшей мере наказания. Свидетели событий отмечали, что у них были «более менее сносные условия существования»[39]. Какими были эти условия – повествуют документы. В тресте «Анжероуголь» на начало 1944 г. при норме на одного человека 2,4 кв. м в общежитии приходилось менее 1 кв. м[40]. Высокая скученность людей, антисанитария, отсутствие обуви и одежды – все эти факторы самым прямым образом сказывались на уровне заболеваемости.

Падение производственно-трудовой дисциплины и попытки дезертирства среди мобилизованных немцев пытались искоренить, направляя «нарушителей» на штрафные участки сроком до 3 месяцев[41]. Тяжело было на многих объектах, но в воспоминаниях женщин особенно трудными были условия на строительстве Джидинского вольфрамового комбината НКВД на ст. Джида Восточно-Казахстанской железной дороги, куда в январе 1943 г. было отправлено 2000 мобилизованных немок[42]. Зимой и летом – в палатках, работа – лесоповал. Норма – 3,6 куба деловой древесины на каждую. Обувь – «ЧТЗ» – чуни, сшитые из автомобильных покрышек, ватные брюки. При морозе в 30 градусов заключенных на работы не выводили. Между тем к женщинам как к «фашистам» это правило не относилось.

Первые снимки таких трудовых будней начала печатать газета «Новая жизнь» («Neues Leben»). «На фоне штабелей бревен звено. В руках пилы, топоры. Одеты во все теплое, что можно сохранить при лесоповале. На ногах несуразная обувь. Под фотографией подпись. “Это моя мама Шульмейстер Берта на лесозаготовках в Туруханском районе (Красноярский край). Ей 35 лет”»[43]. Такие документы – зримое

напоминание детям и внукам о том, какой была действительность. В горячем цехе № 8 комбината № 179 в Новосибирске, куда в феврале 1943 г. было направлено 500 женщин-немок, их заменили заключенными. Вспоминает Эрна Валлерт:

> Заключенных кормили 3 раза в день. Чтобы не мыть котелки, они оставляли немного супа или каши и давали нам поесть. Но мы и этому были рады. А одевали их хотя и по тюремному, но по сравнению с нами опять-таки намного лучше. Выходит, мы хуже преступников были…[44].

Незаконность содержания российских немцев под охраной подтверждается еще и тем, что в лагерях обычно действовали 2 партийных организации: вольнонаемных и трудармейцев. В Широклаге партийная организация в феврале 1943 г. состояла из 202 членов ВКП(б) и 94 кандидатов в члены ВКП(б), среди которых 82 члена ВКП(б) и 48 кандидатов в члены ВКП(б) принадлежали к спецконтингенту[45]. Трудармейцам на партийных собраниях (на которые их водили под конвоем!) приходилось обсуждать подобные вопросы: как повысить производительность труда, сколько средств могут перечислить трудармейцы на формирование танковой колонны. Результаты этой акции были изложены в телеграмме, отправленной по адресу Молотовского УНКВД: «По состоянию на тридцатое ноября по неполным данным на танковую колонну имени Берия собрано 824 тысячи рублей. Из них наличными 187 тысяч, остальные подписными листами. Сбор средств продолжается»[46]. В октябре 1942 г. на Челябметаллургстрое были проведены собрания в строительных организациях и ВОХР с повесткой «Задачи партийных и комсомольских организаций по борьбе с дезертирством трудмобилизованных»[47].

В лагерях были плохо организованы быт и подвоз продуктов; люди умирали от голода и холода. Что было хорошо организовано, так это политработа. Существовала лагерная газета «Борьба за лес» (печатный орган политотдела и управления Усольлага), в которой помещались статьи следующего содержания – «Навести большевистский порядок в лагере» (о бытовых условиях), «Прекратить отход конепоголовья» (о падеже животных, жизнь которых ценилась выше человеческого существования).

Инструкции предписывали использовать немцев в отдельных колоннах и отрядах, но реально на крупных предприятиях это условие было трудно соблюсти. Во-первых, часто немцы не владели профессией, например, шахтерской, поэтому на сложных работах допускались вольнонаемные. Во-вторых, они работали на таких огромных стройках, как в Усольлаге (на 1 апреля 1942 г. там находилось 4945 чел.), в Челябметаллургстрое (на 31 декабря 1944 г. – 27703 чел.), где практически невозможно было обойтись без привлечения вольнонаемных и заключенных. Отношения немцев с вольнонаемными рабочими складывались по-разному. В воспоминаниях отмечались прямо противоположные примеры.

Эрика Сысенко (Бауэр), 1923 года рождения:

> Когда строили завод в Сызрани, наша бригада таскала на носилках камни. Устанешь, притаишься за камни и отдыхаешь несколько минут. Был у нас бригадир Волошин, так он издалека шумел нам. Мы и вскакивали. А другой, «тихий», Королев, крадучись подходил.

Руководство строек и лагерей рассматривало мобилизованных немцев как дешевую рабочую силу и всячески подчеркивало их «идеологическую неблагонадеж-

ность». Через широкую сеть осведомителей фабриковались политические дела, что, с одной стороны, позволяло выделить врага и направить энтузиазм в нужную сторону, а, с другой – заставляло самих мобилизованных немцев замыкаться в себе, бояться и друг друга, и охрану.

Показательны в этом отношении воспоминания Э.А. Сысенко (Бауэр). До начала войны она с семьей жила в Сарепте (Сталинград), работала в парикмахерской. Во время депортации захватила с собой инструменты, которые ей практически спасли жизнь в период трудармии (она работала под Усть-Каменогорском). Охрана проверяла на входе в зону тщательно, обыскивали мужчины, но девушка смогла практически два года прятать на теле инструмент. Наконец, кто-то донес, что она имеет бритву, ножницы, и ее вызвали на допрос.

> Пришлось признать, что я парикмахер. С этих пор ночью меня вызывали из барака, и я брила и стригла руководство лагеря и обслугу. За бритье ничего не давали. Только повар наливал черпак супа. Постепенно я начала поправляться, а так в свои 19 лет выглядела как 14-летняя, даже груди не было. Женщины молчали и никогда не спрашивали, куда меня ночью уводила охрана, теперь они боялись уже меня[48].

Мобилизованные немцы были ущемлены в гражданских правах. Свидания с родственниками разрешались только хорошо работающим. Семьи, изъявившие желание поселиться рядом с мобилизованными на постоянное место жительства, получали отказ. Оставшиеся в местах поселения женщины обращались в органы социального обеспечения с просьбами о получении льгот, так как главы их семей были призваны по мобилизации. Но они получали отказ с мотивировкой, что мобилизованные получают зарплату по ставкам вольнонаемных рабочих и служащих, вследствие чего прав на льготы не имеют. Воспоминания о случаях, когда женщин из спецпоселений отпускали домой к заболевшим детям или на похороны, очень редки, и подобный жест оценивался как благородный поступок со стороны руководителя. Положение «несудимого заключенного» было хуже, чем действительно заключенного.

В самом конце 1943 г. мобилизованные получили некоторое облегчение режима. В новом тексте инструкции было записано, что за хорошие производственные показатели они могли получить разрешение вызвать семью и проживать с ней на частной квартире вне зоны, а также было обещано предоставление отпуска до 20 суток[49]. Это невиданное прежде послабление должно было поднять производственное рвение немцев, смягчить жилищную проблему и понизить уровень дезертирства. Но эти меры уже не могли существенно поправить положение. Смерти от голода продолжались и в 1944-м, и в 1945-м годах. В сводках спецпоселений за июнь и июль 1944 г., которые шли под грифом «секретно» (как и всякая переписка НКВД с лагерями), начальник управления лагерей Архангельской области прямо указывал причины смертей 12 женщин – алиментарная дистрофия, причем все они находились в больнице от 1 до 3 месяцев[50].

Из скупых архивных данных по Башкирской АССР на 1 октября 1944 г. можно установить, что из 4367 прибывших в республику немцев и немок за полгода умерло 154 чел., демобилизовано 281 чел. по состоянию здоровья, осуждено 382 чел. (вероятной причиной было дезертирство – *Н.В.*). Наконец, в августе 1944 г. была издана специальная «Инструкция по организации режима, быта и трудового использования

мобилизованных немок в лагерях и на строительствах НКВД СССР», в которой появился новый раздел «Демобилизация». Было решено отпускать некоторых работников в связи с ослаблением напряжения на фронте, а, главное, ухудшением физического состояния многих женщин, которые не могли выполнять производственные нормы и становились балластом в лагерях, заполняя лазареты. Теперь их можно было «актировать». Также в данной инструкции предусматривались такие меры, как ослабление охраны внутри зоны (ограждение – «в виде забора, штакета или колючей проволоки» – оставалось), организация элементарных условий жизни.

Женщин ставили на самые тяжелые работы – лесоповал, железнодорожное строительство, шахты, земляные работы. В воспоминаниях не встречаются факты, которые свидетельствовали бы о том, что женщины работали на швейных фабриках, хлебозаводах и других местах, где их логичнее было бы встретить в условиях войны. Ведь и это было нужно фронту! Вспоминает Эрна Иоганновна Дудник (Шмидт):

> В трудармии я была в Тагилстрое. Работали куда пошлют. Железную дорогу чистили, трубы на доменных печах изолировали. Отца моего уже актировали по болезни, я старалась помочь семье. Отец пишет из дома, ты, Эрна, дели хлеб на день, чтобы хватило. А у меня его в бараке украли. Не стала я его оставлять. Чтобы еще раз баланду покушать, можно было ночью подработать, а не спишь ночью, днем норму не выполняешь. Но дома положение было тяжелое. Отца вернули из армии, он стал инвалидом, и я решила собирать деньги домой. Свой дополнительный хлеб я в мужской зоне продавала – 40 рублей за 400 гр. Так продала на 4 тыс. руб., но похудела сильно. Русские люди послали мои деньги матери. Меня сфотографировали, а я на фото худая. Отец как увидел, запретил мне деньги домой высылать[51].

На вопрос, присылали ли посылки родные с мест поселения, Эрна Иоганновна смогла вспомнить только Альму: «Родители ее были сапожники, жили получше, и она получала посылки. Затируху делала. А мы соберемся вокруг печки и запах нюхаем. Делилась ли с нами? Нет, да мы понимали на всех не хватит. Другое было – крали друг у друга. Как коротали несколько свободных минут? Пели немецкие народные и божественные песни, это у нас никто не мог отнять. Библий не было, так что Бог только в душе был».

О некоторых моментах свой жизни женщины повествуют особенно неохотно[52]. Они были молоды и достойны любви. Но встречали только ненависть и прямое посягательство на честь со стороны охраны. Немногие воспоминания о встречах с мужчинами, окрашенные красками жалости, добра и, кто знает, любви, спасли не одну женскую жизнь, но это было большой редкостью. А со стороны мастера или бригадира было опасно и проявить человеческое чувство к такой женщине. Ужасающие условия работы приводили к изменениям женского организма «Мы были никто – ни мужики, ни бабы», – вспоминает Эрна Валлерт[53]. Трудармейские серые будни вытравили естественное желание быть привлекательной, желание нравиться, быть красивой…

В 1944 г. режим уже заметно смягчился. Но встречи молодых людей не разрешались долго. Женщины не имели права покидать лагерь и заводить знакомства с мужчинами-немцами из соседнего лагеря. ГУЛАГу не нужны были лишние дети… До 1948 г. встречи и создание таких семей считались криминалом. Из-за отсутствия документов их браки не регистрировались, а в свидетельствах о рождении в графах

отцов ставили прочерк. У поэта Доминика Гольмана, прошедшего в 1942–44 гг. через Вятлаг, есть пронзительное стихотворение «Колыбельная немецкой матери», которое распространялось в письмах и было опубликовано впервые в конце 90-х годов. В ней мать поет о судьбе сына, которого сопровождает клеймо «диверсанта» и «шпиона» и который должен быть с рождения поставлен на учет в спецкомендатуре:

In dem grossen Sowjetlande
Jedem blüht sein Glück.
Du allein bleibst ein Verbannter,
Denn zum heimatlichen Strande
Darfst du nicht zurück[54].

Именно девушки, попавшие в трудармию в 15–18 лет, пострадали не только физически, но и нравственно. Трудармия украла у них молодость и надежду на семейное счастье. Шансы выйти замуж за немца были ничтожны, выходили за русских, да и этот шаг давался нелегко, если мужем становился вчерашний фронтовик, «бивший фрицев» на фронте! Но жизнь брала свое. Рождались первые дети. И руководство лагерей должно было решать возникшую и непредвиденную инструкциями проблему. Например, в фондах архива Кемеровской области сохранился редкий документ: приказ начальника шахты треста «Анжероуголь» от августа 1944 г. об организации детсада на 80 мест для детей «подземных» работниц – мобилизованных немок[55]. В сводках НКВД за 1945 г. появляется графа «дети».

Э.И. Дудник (Шмидт):

> Я не соображала, что такое любовь. У меня одежда плохонькая, сапоги рваные. Я выучилась на сварщика, килограмм хлеба уже получала. Зону сняли, парни стали к нам ходить. У нас в бригаде 60 девчонок и бригадир Николай. Я по-русски научилась говорить. Влюбился в меня бригадир, 50 рублей дал. А тут приехал один парень заключенный, 7 лет ему дали, тоже сварщик. Заворожил он меня, как отпустили, поехал со мной в Красноярский край, где родители жили. Свадьбы не было. 37 лет прожили, а любви не было. Как выпьет – все фашисткой звал[56].

На спецпоселении

Многим мобилизованным женщинам пришлось покинуть близких родственников – детей и стариков, оставленных в чужом краю в таких условиях, что выжить без помощи других людей было невозможно. Постоянные мысли об их судьбе или редкие сообщения об их смерти приводили в отчаяние, и женщины избирали единственный путь – смерть под колесами поездов или спиленными деревьями; некоторые бежали из лагерей, стремясь помочь детям.

Депортированные семьи часто подселяли в дома к местному населению. Колхозы неохотно брали семьи, где было много детей и стариков. Немцы в районах выселения сдали зерно и продовольствие в обмен на квитанции и твердое обещание властей (решение СНК СССР от 30 августа 1941 г.), что зерно и скот будут возмещены на местах[57]. Но в условиях неразберихи, отсутствия необходимых фондов, мобили-

зации взрослого населения выдача зерна и продовольствия производилась в очень ограниченных объемах. Распоряжением от 18 мая 1943 г. Наркомат заготовок прекратил компенсацию имущества «за давностью сроков переселения»![58].

Это привело к тому, что уже зиму 1941 г. немецкие семьи встретили без какого-либо запаса продовольствия. Их поставила на грань вымирания мобилизация сначала глав семей, а через полгода – и матерей. Пункт 3-й известного постановления от 7 октября 1942 г. предусматривал: «Имеющиеся дети старше 3-летнего возраста передаются на воспитание остальным членам данной семьи. При отсутствии других членов семьи, кроме мобилизуемых, дети передаются на воспитание ближайшим родственникам или немецким колхозам. Обязать местные Советы депутатов трудящихся принять меры по устройству остающихся без родителей детей мобилизуемых немцев»[59]. Размещение по немецким колхозам было трудно осуществить, так как взрослых работников не осталось. 18 ноября 1942 г. СНК СССР специально разъяснил руководству Казахской ССР, принявшей наибольшее число депортированных немцев, что детей можно размещать по русским и казахским колхозам, а детей старше восьми лет по семьям колхозников, с согласия последних[60].

Когда в селе не оставалось родственников, умирали старики, руководители колхозов сооружали землянки или подобие загона для скота и собирали выживших детей в так называемые «детдома» без топлива, еды, одежды. Жизнь в казахстанской деревне была ужасной – собирали в поле колоски, дикий лук, варили траву, просили милостыню, воровали и попадали в колонии… Голод быстро научил говорить по-русски, а просить милостыню по-казахски дети тоже научились быстро.

Вспоминает Петер Дик (Павлодарская область):

> Мне было 6 лет, когда вслед за отцом забрали в трудармию и маму. Только став взрослым, я по-настоящему понял великое горе наших матерей, усаженных на бычьи сани для отправки на станцию, будто на казнь. Матерей увезли, и дети остались беспризорными. 15 мальчишек от пяти и до 12-ти лет загнали в землянку, где мы и прожили несколько лет. Не было ни топлива, ни еды. На неделю выдавали из колхоза по 200 граммов зерноотходов, чтобы «фрицы скорее передохли». Моя мама вернулась только через 7 лет, когда я уже помощником тракториста работал, а про отца мы до сих пор ничего не знаем[61].

Нелегко жилось в деревне в период войны всему сельскому населению – матери в русских деревнях также тайком уносили горсть зерна с колхозного тока, также постиг деревню голод 1946 г. Но у немецких детей забрали матерей, украли детство, ласку, материнское тепло. И смерти, смерти, смерти….

В момент депортации немцев не было определено их правовое положение и на какой срок они выселены. Это порождало массу вопросов. 22 декабря 1943 г. по НКВД был издан приказ «Об организации комендатур спецпоселенцев УНКВД Алтайского, Красноярского краев, Новосибирской и Омской областей», а 7 февраля 1944 г. – приказ НКВД «О введении в действие положения о районной и поселковой комендатурах НКВД». Немцам, как и другим спецпоселенцам, запрещалось покидать территорию сельского совета, кроме места работы. Проживали они без паспортов (выселеннные из деревень), те, кто имел паспорт, получали штамп «разрешено проживать в такой-то местности».

8 января 1945 г. СНК СССР издал постановление «О правовом положении спецпереселенцев», согласно которому немцы имели право отлучаться за пределы рай-

онов только с разрешения комендатуры. Самовольный выезд рассматривался как побег и налагал ответственность в уголовном порядке. Спецпоселенцы должны были в течение трех суток сообщать в комендатуру обо всех изменениях в семье – будь то рождение ребенка или смерть[62].

Окончание войны не принесло освобождения, несмотря на добросовестный труд в лагерях. В таких условиях широкое распространение получили побеги. В ответ 26 ноября 1948 г. был принят секретный Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны».

Можно дискутировать о причинах и внутренних пружинах депортации, о недовольстве немцев коллективизацией 30-х годов и массовыми репрессиями национальных кадров. Но как можно объяснить и оправдать этот документ, который принимается после того, как страна в качестве победителя пытается – и не без оснований – диктовать свою линию на международной арене. Обратимся к самому указу:

> В целях режима поселения для выселенных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства. За самовольный выезд (побег) виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности.

Мера наказания за это преступление предусматривалась в 20 лет каторжных работ. Дела в отношении побегов рассматривались в ОСО МВД. Лиц, виновных в укрывательстве беглых, оказавших помощь в обустройстве на прежних местах жительства, ожидало лишение свободы на 5 лет. Впервые этот указ увидел свет в немецкоязычной газете « Neues Leben» 14 августа 1991 г. Все взрослое население вызывали в комендатуру, где зачитывался приказ, и немцы ставили подпись под противоправным документом, абсурдность и жестокость которого потрясает и сегодня.

Вспоминает Мария Иосифовна Косова (Шефер):

> Больше всего меня возмутило не слово «навечно», а «каторжные работы до 20 лет». За что же такая кара? Ведь и военного положения давно нет, и люди, которых ни за что сделали в 1941 г. несчастными, обзавелись семьями с детьми… Что же, теперь меня могут отправить на каторжные работы за то, что я поеду в отпуск с русским мужем и детьми на родину?.. Домой вернулась расстроенная, сообщила мужу, за что подписалась в комендатуре. Андрей воспринял это спокойно: «Твоя судьба – моя судьба», а на «каторжные работы» не обращай внимания. Не верю в вечное поселение[63].

В 1948/1949 гг. была проведена Всесоюзная перерегистрация спецпереселенцев. Они должны были подписать обязательство о том, что не будут самовольно покидать места поселений. Фото, описание особых примет, оттиски пальцев, учетные карточки, ежемесячная отметка в комендатуре – таким было обращение с невинными людьми на юридическом уровне, как с уголовными и политическими преступниками. На спецпоселении только в Казахстане 1 сентября 1949 г. было 892.671 чел., в том числе 417.478 немцев[64].

Депортированные немцы смирились со своей судьбой. Они не проявляли большой активности в попытках добиться свободы передвижения. Открытых массовых протестов или антиправительственных выступлений не было. Основной формой протеста были критические высказывания в адрес советской власти, что сразу приобретало ярлык «антисоветских действий и проявлений», и МГБ принимало меры. В целом, воля людей была подавлена, и население жило в ожидании шагов со стороны властных структур.

Динамика рождаемости среди немецкого населения в послевоенные годы может быть представлена следующими цифрами[65]:

	Родилось человек	Умерло человек
в 1945 г.	1914	6930
в 1946 г.	4236	8915
в 1947 г.	7314	12573
в 1948 г.	12309	17679

Вследствие того, что подавляющее большинство мужчин и женщин было разбросано по огромной территории страны и запрет на выезд в места прежнего расселения оставался до 1972 г., прежние семейные и родственные узы были разорваны окончательно, была разрушена национальная среда. У немецких женщин было очень мало шансов повстречать равного по возрасту и национальности спутника. Участились межнациональные браки, их процент среди немцев был очень высок. Немецкие дети брали русскую, казахскую, иную фамилию, только не немецкую, чтобы избежать оскорбительного «фриц недобитый». При первой возможности (уже после снятия режима спецпоселения) переезжали в русские села или в города, где национальные элементы культуры исчезали быстрее.

Да, в городах и селах тоже не хватало мужчин, не вернувшихся с фронта. Но когда тысячи немцев погибли в специально созданных условиях, когда насильно были изгнаны (и не один раз) с мест проживания, когда на пути нормального человеческого счастья всегда вставала инструкция, когда гибли дети, – о каком восстановлении института немецкой семьи можно было говорить? Немецкая семья перестала быть колыбелью родного языка, национального духа и традиций. Немецкие женщины, бывшие в трудармии, и даже те, на чью долю не выпало это испытание, но кому пришлось вынести тяготы морального и физического унижения и уничтожения, – «цветы за проволокой», проволокой лагеря и проволокой тоталитарного государства.

Радость победы. Крушение надежд

Депортированные были дешевой рабочей силой, но после войны их использование было невыгодно, с экономической точки зрения. Лаврентий Берия в информации Сталину признавал, что зарплата спецпоселенцев в сибирском регионе составляет половину прожиточного минимума. Такое положение вызывало недовольство людей. И так отношение к немцам как к «гражданам государства-противника» (по национальному признаку) было со стороны местного населения враждебным. Идеологи-

ческая обработка населения сослужила горькую службу в отношении депортированных немцев. Но они не допускали мысли, что их можно уравнять с врагом. Кончится война, и все разъяснится, они вернутся в родные места…

Известная поэтесса Роза Пфлюг, проживающая ныне в Германии, была в трудармии в Архангельской области на строительстве целлюлозно-бумажного комбината. Свое стихотворение, датированное 1943 г., она заканчивает так:

Wann dürfen fahren wir domoi
In unser Elternhaus?
Die Zeit in dieser Trudarmee
Zieht dolgo sich hinaus…

Doch irgendwann nastupit den,
Dann rufen wir: Proschtschai!
Leb wohl naweki, Trudarmee, –
Wir sind allendlich frei

Und fahren heim na Rodinu
Ins schöne Wolgaland,
gde wsjo dem Herzen dorogo,
Wo unsre Wiege stand[66].

Но положение российских немцев с окончанием войны не изменилось. Абсурдность сохранения режима поселений становилась очевидной со смертью Сталина. Все больше запросов шло из НКВД о целесообразности отмены режима по экономическим соображениям. Сами депортированные также обращались с просьбами пересмотреть их положение. В 1954 по сравнению с 1953 г. было зарегистрировано в 2 раза больше обращений в руководящие органы страны, число их достигло 130.582 заявлений[67]. Лед тронулся только в конце 1955 г. В принятом 13 декабря 1955 г. Президиумом Верховного Совета Указе «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находившихся на спецпоселении»[68], значилось, что «снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены».

В 1964 г. признано, что обвинения против немецкого населения страны были огульными. Но текст Указа был опубликован только в «Ведомостях Верховного Совета СССР», и в нем снова подчеркивалась «забота партии и правительства» о немцах. Было заявлено, что они обосновались в местах спецпоселений основательно, и «нецелесообразно» разрушать сложившиеся экономические зоны. Это был прямой запрет на выбор места жительства. Только указ 1972 г. давал немцам возможность вернуться к родным местам. Но время было упущено…

Ни сами немцы, относившие себя к законопослушным и преданным гражданам страны, ни отзывы о них коллег и соседей (это интервьюируемые часто подчеркивали), не могли объяснить необходимость сохранения режима спецпоселения. Но система не строилась по законам экономической рациональности (одна из черт ментальности немецкого народа!). Власть с годами научилась улавливать импульсы обратной связи. И медленное и мучительное ослабление режима спецпоселения явилось не ответом

20-летняя девушка с косами – Амалия Карловна Тарасова (Лореш) – в спецпоселении на Крайнем Севере, гор. Игарка, 1948 г.

на письма и обращения немцев или пониманием того, что система ГУЛАГа перестает приносить экономический эффект. Партия просто не нуждалась больше в немцах. Ибо была подкреплена, усилена Победой. Победой в войне, победой над народом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В официальной советской терминологии нет понятий, адекватно описывающих факт депортации, которая была демагогически замаскирована ничего не значащими названиями. См.: *Alfred Eisfed/Victor Herdt.* Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee. Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 156. – Köln, 1996.

[2] См. подробнее: *Вашкау Н.Э.* Современная российская и зарубежная историография о депортации народов в годы Великой Отечественной войны // Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры. Два пути к демократии. – Кемерово, 2001. С. 156–162.

[3] Когда мы были молоды… – Саратов, 1990. С. 167.

[4] См.: Центр хранения документации новейшей истории Саратовской области (далее – ЦДНИСО). Ф. 1. Оп.1. Д. 5031. Л. 80–81; Списки состоящих в народном ополчении по организациям Иловатского канткома ВКП(б). Июль 1941 г. // Центр хранения документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 10489. Оп.1. Д. 121. Л. 1–12.

[5] О выселении немецкого населения из других областей и республик Государственный Комитет Обороны принимал отдельные постановления.

[6] Приказ НКВД «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». 27 августа 1941 г. // Депортации народов СССР. Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). – М., 1995. С. 72–73.

[7] *Герман А.А. Курочкин*. Немцы в трудовой армии (1941–1945). – М., 1998. С. 30.

[8] *Бугай Н.Ф.* Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать…». Документы, факты, комментарии. – М., 1992. С. 75.

[9] Воспоминания Э.А. Сысенко (Бауэр). Здесь и далее автор использует материалы проведенного в 1995–2000 гг. опроса среди жителей немецкой национальности Волгограда и Волгоградской области, которые находятся в архиве автора.

[10] В настоящее время Красноармейский район Волгограда.

[11] Воспоминания Э.И. Дудник (Шмидт). Архив автора.

[12] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1985. Т. 7. С. 253.

[13] Там же. Л. 256.

[14] *Ауман В.А., Чеботарева В.Г.* История российских немцев в документах. – М., 1993. С. 168–169.

[15] План направления на стройки мобилизованных рабочих колонн из немцев-переселенцев. Январь 1942 // *Бугай Н.Ф.* «Мобилизовать немцев в рабочие колонны… И. Сталин». Сб. док. – М., 1998. С. 58–59.

[16] *Ауман В.А., Чеботарева В.Г.* История российских немцев в документах. С. 170.

[17] В предложениях руководства НКВД, где разрабатывался проект постановления, прямо было указано: «Ввести закон: за отказ от работы – 10 лет лагерей, за дезертирство – расстрел и ответственность семьи». См.: Предложения по вопросу использования немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет // *Бугай Н.Ф.* «Мобилизовать немцев в рабочие колонны…». С. 61.

[18] Справка к расчету количества немцев, мобилизуемых согласно постановлениям ГОКО № 2383сс от 7 октября 1942 г. для направления на предприятия Наркомугля и Наркомнефти Союза ССР. 12 октября 1942 г. // Там же. С. 78.

[19] Цит. по: *Вольтер Г.* Зона полного покоя. – М., 2000. С. 191.

[20] О таком факте рассказала Э.А. Сысенко (Бауэр).

[21] *Вольтер Г.* Зона полного покоя… С. 193.

[22] Воспоминания Э.И. Дудник (Шмидт). Архив автора.

[23] Пермский областной. государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений (далее ПОГАНИ и ОПД). Ф. 105. Оп.9. Д. 471. Л. 56–67.

[24] ПОГАНИ и ОПД. Ф. 105. Оп.9. Д. 471. Л. 67.

[25] Там же. Л. 60.

[26] Там же. Оп.11. Д. 163. Л. 8.

[27] ПОГАНИ и ОПД. Ф. 105. Оп.9. Д. 469. Л. 17, 53.

[28] Справка. 31 августа 1942 г. // *Бугай Н.Ф.* «Мобилизовать немцев в рабочие колонны…». С. 138.

[29] Мы специально не рассматриваем судьбы других депортированных народов. Отметим только, что женщины других национальностей не подвергались мобилизации по национальному признаку.

[30] Начальнику финансового отдела НКВД Союза ССР тов. Берензону. Декабрь 1942 г. // *Бугай Н.Ф.* «Мобилизовать немцев в рабочие колонны». С. 261.

[31] Народному комиссару внутренних дел Союза ССР тов. Берия Л. П. 21 декабря 1942 г. Секретно // Там же. С. 315.

[32] НКВД СССР, Москва – тов. Кобулову. Спецсообщение. 8 января 1943 г. // Там же. С. 224–225.

[33] УНКВД по Куйбышевской области, г. Куйбышев – начальнику Управления, комиссару госбезопасности тов. Петрову. 7 августа 1943 г. Секретно // Там же. С. 226.

[34] Там же. С. 162.

[35] *Бикметов Р.А., Заболотская К.А.* Трудмобилизованные немцы на шахтах Кузбасса в годы Великой Отечественной войны // Немецкий российский этнос: вехи истории. – М., 1994. С. 95.

[36] Положение о порядке содержания, структуре, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев. 2 января 1942 г. Совершенно секретно // *Бугай Н.Ф.* «Мобилизовать немцев в рабочие колонны…» С. 116.

[37] *Вольтер Г.* Зона полного покоя… С. 205.

[38] Е. Каспар, Новосибирск, военный завод; Э. Полински, завод № 14, Гурьевкая область; Е. Фот, комбинат, Орск // *Вольтер Г.* Зона полного покоя С. 208, 209; Архив автора.

[39] Труд. 1990. 7 июня.

[40] Государственный архив Кемеровской области. Ф. 210. Оп.3. Д. 51. Л. 32.

[41] Начальника исправительно-трудовых лагерей НКВД (по списку). 18 марта 1943 г. // *Бугай Н.Ф.* «Мобилизовать немцев в рабочие колонны…» С. 143.

[42] И. о. начальника Управления мобилизации и укомплектования Красной Армии Главуправарма НКО Союза ССР генерал-майору тов. Маслову. 29 января 1943 г. Совершенно секретно // *Бугай Н.Ф.* «Мобилизовать немцев в рабочие колонны…». С. 264.

[43] *Вольтер Г.* Зона полного покоя. С. 201. См. также: *Brake K.* Lebenserinnerungen rußlanddeutscher Einwanderer. – Berlin-Hamburg, 1998. S. 255.

[44] *Вольтер Г.* Зона полного покоя С. 200; *Бугай Н.Ф.* «Мобилизовать немцев в рабочие колонны…». С. 264.

[45] ПОГАНИ и ОПД. Ф. 105. Оп.9. Д. 471. Л. 56.

[46] Там же. Ф. 4460. Оп.1. Д. 43. Л. 135. Одновременно на другом конце страны, в партийных организациях Сталинградской области, немцев-коммунистов, выселенных в короткие сроки, исключали из партии с формулировками: «как потерявшего связь с организацией», «не снялся с учета», «выехал в неизвестное место». ЦДНИВО. Ф. 113. Оп.18. Д. 9. Л. 271–274, 289.

[47] См.: *Маламуд Г.* Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942–1948 гг. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. – М., 1999. С. 140.

[48] Воспоминания Э.А. Сысенко (Бауэр). Архив автора.

[49] Инструкция по использованию на предприятиях Наркомбумпрома мобилизованных немцев и немок. Секретно. Декабрь 1943 г. // *Бугай Н.Ф.* «Мобилизовать немцев в рабочие колонны…». С. 166.

[50] НКВД СССР, Москва – начальнику ОУРЗ ГУЛАГа полковнику госбезопасности тов. Грановскому. Секретно. 19 августа 1944 г. // *Бугай Н.Ф.* «Мобилизовать немцев в рабочие колонны…» С. 235.

[51] Воспоминания Э.И. Дудник (Шмидт). Архив автора.

[52] Исследователь из Германии К. Браке, который провел интервьюирование 54 переселенцев-немцев, также отметил эту особенность. См. подробнее: *Brake K.* Lebenserinnerungen… (см. сн. 44). S. 326–335.

[53] *Вольтер Г.* Зона полного покоя. С. 204.

[54] В необъятной советской стране каждому светит счастье. Ты один остаешься высланным, поэтому тебе нельзя вернуться в родные края // *Hollmann D.* Ich schenk dir, Heimat, meine Lieder. Gedichte. 2. Auflage. – Kamyschin, 1999. S. 40.

[55] Приказ № 405 начальника шахты 5-7 им. С.М. Кирова треста «Анжероуголь» Алексеева об организации на шахте детсада для детей мобилизованных немцев // Неизвестный Кузбасс. Вып.2. Сб. архивных документов. – Кемерово, 1995. С. 83–84.

[56] Воспоминания Э.И. Дудник (Шмидт).

[57] См. подробнее: *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. Ч. 2. – Саратов, 1994. С. 312–313.

[58] Народному комиссару заготовок Союза ССР тов. Субботину К.Н. Совершенно секретно. 31 декабря 1943 г. // *Бугай Н.Ф.* «Мобилизовать немцев в рабочие колонны…». С. 273.

[59] *Чеботарева В. Г., Ауман В.А.* История российских немцев в документах. С. 172.

[60] Постановление Совнаркома СССР. 18 ноября 1942 г. Секретно // Из истории немцев Казахстана. 1921–1975. Сборник документов. – Алматы–Москва, 1997. С. 129.

[61] *Вольтер Г.* Зона полного покоя. С. 211.

[62] *Ауман В. А., Чеботарева В.Г.* История российских немцев в документах. С. 175.

[63] Воспоминания М.И Косовой (Шефер). Архив автора.

[64] Из информации ЦК КП(б) К. 14 декабря 1949 г. Сов. секретно. Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Пономаренко П. К. // Из истории немцев Казахстана… С. 156.

[65] *Бугай Н.Ф.* Немцы в структуре производительных сил СССР: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны (40-е годы) // Немецкий российский этнос: вехи истории. – М., 1994. С. 89.

[66] Когда мы поедем домой в наши родительские дома? Время нашей трудармии длится долго… Но наступит день, когда мы скажем: прощай навеки, трудармия! Мы, наконец, свободны и едем на родину, в прекрасное Поволжье. Где все дорого сердцу, где стояли наши колыбели // Pflug R. Alltag in der Trudarmee oder die dritte Baracke // Neues Leben. 1991. Nr. 19. 8 Mai.

[67] *Бугай Н.Ф.* Операция «Улусы». – Элиста, 1991. С. 79.

[68] *Ауман В. А., Чеботарева В.Г.* История российских немцев в документах. – М., 1993. С. 177.

Карлхайнц Шнайдер-Янессен

БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ. Как немецкие и русские врачи пережили Вторую мировую войну[1]

Врачи, занимавшиеся в XIX в. организацией первых санитарных частей для армий военного времени, вполне осознавали внутреннее противоречие между медицинской деятельностью и участием в войне. Всего лишь за несколько десятилетий до основания «Женевских объединений» (1864 г.) совершилось одно из величайших военных событий XIX столетия – «битва народов» под Лейпцигом. 120 тысяч прусских и 80 тысяч русских солдат были брошены в эту битву без малейшей организации врачебно-санитарной помощи. 100 тысяч убитых и раненых, в их числе 34 тысячи тяжелораненых, три дня лежали на поле боя. Они остались фактически без какого бы то ни было медицинского обеспечения, если не считать совсем незначительной помощи врачей, практиковавших в Лейпциге.

Ужас врачей перед тем, что им пришлось испытать во время Первой мировой войны, равно как и относительно дружеские отношения между врачами разных наций, ничего не изменили в ходе истории. После этой войны соглашения, заключенные к тому времени, были в 1929 г. расширены до «Женевской конвенции», которая признала в международно-правовом отношении Красный Крест в качестве международной организации по защите раненых и военнопленных. С тех пор велась работа с целью совершенствования оперативных условий и санитарного дела. На X Международном конгрессе по военной медицине и военной фармации в Вашингтоне и Нью-Йорке в мае 1939 г. собрались для обмена идеями 120 военных врачей из 30 стран, включая и немецкую делегацию. Четыре месяца спустя началась новая мировая война. Что думали тогда врачи или как относились друг к другу, не имело значения. События политической истории просто проходили через них.

Никто не мог и представить, какие ужасы эта новая, Вторая мировая война, готовила и солдатам, и гражданскому населению. В ходе этой «манёвренной войны» оказалось, что даже сколь угодно высокоразвитая санитарная организация была неспособна осуществить необходимое обеспечение раненых.

Моментальные снимки военных переживаний

Перед началом Второй мировой войны, 23 августа 1939 г., Гитлер заключил со Сталиным пакт о ненападении, избавлявший его от второго фронта на Востоке. Но в 1941 г. он полагал, что благодаря успехам на Западном фронте достиг такого превосходства, которое позволило ему выбросить пакт за борт, и 22 июня вторгся в Советский Союз. Население обеих стран, встретившее соглашение 1939 г., – после предшествовавших кампаний пропаганды и травли – отчасти непониманием, отчасти

После захвата участка леса войсками Красной Армии. Снимок профессора Я.Г. Дуброва, Москва.

скепсисом, теперь с тем большим ошеломлением и замешательством пережило происшедший резкий поворот.

Следующие сообщения и описания представляют собой попытку проследить на протяжении военных лет настроения и эмоции, опыт и оценки, данные русскими и немецкими врачами, и объединить их в многогранную картину.

Лето 1941 г. Начало войны

«Мы включили радио, и внезапно стали передавать это сообщение», – вспоминает почти 80-летняя хирург Ирина Каменская. На следующий день ей уже надлежало явиться в военкомат.

> Целый поезд был полон инженеров и врачей. Среди попутчиков оказался инженер в старом, но очень красивом костюме. Во время остановки врач с инженером отошли в сторону, и тот по глупости спросил по-немецки соседа, есть ли у него документы. Кто-то это услышал, и вот его арестовали как шпиона, но позже выпустили.
> Примерно через полтора часа объявили, что места, где я должна была служить врачом, были уже захвачены немцами. Места назначения всех остальных, кто ехал со мной в поезде, тоже были в руках немцев. Но мы все же по-прежнему ехали в первоначально указанном направлении, так как новых приказов не было.
> Мы ехали и ехали. Наконец, добрались до довольно большой железнодорожной станции. На этот вокзал мы прибывали в общей сложности пять раз. Он был совершенно разбомблен.
> На следующий день мы поехали по железной дороге в сторону Орла. Город был очень сильно разрушен. (…) Здесь была устроена медико-санитарная служба, и отсюда нас должны были посылать на участки фронта, где шли самые сильные бои и требовалась помощь соответственно большому количеству раненых (24 и сл.)[2].

Врач Валентина Дерябина услышала о нападении германских армий на Советский Союз во время учебного курса на полигоне. Она рассказывает о воодушевлении, охватившем ее и коллег при известии о начале войны.

В 1939 г. во 2-м Московском медицинском институте был открыт военный факультет. Я выбрала специальное направление обучения – медицину ВВС. В программу этого факультета входили и полевые тактические учения.
Той ночью, когда началась война, нам пришлось проделать двадцатикилометровый ночной марш с полной выкладкой. А в пять утра последовала тревога.
После завтрака мы услышали по радио речь Молотова (26).

Двадцатипятилетний ленинградский студент-медик Михаил Ястребов в считанные дни оказался брошенным в самую гущу битвы, к которой он не был подготовлен ни в медицинском, ни в психологическом отношении.

Вместо сдачи экзаменов мы все отправились на войну. Мой поезд шел на Юго-Западный фронт, в направлении Киева. Врачебную квалификацию нам присвоили без экзамена. Я получил военврача 3-го ранга, что соответствовало воинскому званию капитана.
Мы, трое молодых и неопытных врачей, посланных в 5-ю армию на Западную Украину, должны были на вокзале в Яблонце принимать раненых, оказывать им первую помощь и отправлять дальше в тыл.
На следующий день я оказывал только что раненным первую медицинскую помощь, когда вдруг повсюду раздался ужасный грохот. Казалось, что вокруг все взрывается. Это была первая бомбежка, пережитая мною. Когда она прошла, поезда с боеприпасами, а также вагоны с ранеными охватил огонь. Санитары пытались снова вынести из вагонов лежавших там раненых, но это было трудно, так как платформы вагонов были очень высоки. Самое плохое заключалось в том, что раненые катились к выходу из вагонов, просто выпадали из грузовых вагонов и, крича, пытались откатиться дальше, чтобы спастись. Другие пытались уползти. Вынужденное наблюдение этого было гораздо ужаснее самой бомбежки (27f).

С немецкой стороны начало войны против России переживалось совершенно по-иному. Вспоминает студент-медик Петер Штолль, тогда тоже двадцатипятилетний:

Я учился в Граце, когда мы услышали об объявлении войны России. Мы, откровенно говоря, были в ужасе и считали это почти невероятным, в особенности после пакта о ненападении между Германией и Россией. Кроме того, я знал со времени, проведенного в молодежной организации «Шарнхорст», что между рейхсвером и русской армией существовали очень тесные отношения. Многие русские офицеры обучались в Германии для подготовки к службе в генеральном штабе; и немецкие офицеры были в России.
Тем не менее, мои сокурсники и я отправились в управление призывного района в Граце и подали заявления о добровольном поступлении на военную службу. Они остались без последствий, так что я проучился в Вене еще два семестра. Войну – а это было зимой 1941/42 гг. – в Вене вообще не замечали. Все оставалось совсем как в мирное время (29).

Немцы, если они не были солдатами на Восточном фронте, действительно, практически не чувствовали войны. Напротив, многие русские переживали бомбежки с первого дня войны. Внезапное нападение застало мирное население врасплох. А что же русская армия – ошеломила ли ее война с Германией? Вот как описывает события со своей точки зрения, Борис Петровский, с 1965 г. по 1980 г. министр здравоохранения СССР:

В том, что мы готовились к войне, не было тайны. У меня при себе всегда был маленький чемоданчик, и дочка, тогда четырехлетняя, спросила: «Папа, это твой чемодан для войны?» Я ответил: «да». Я считался с возможностью нападения немцев.
Уже на второй день войны я с семьюстами другими врачами отправился на товарном поезде в Белоруссию. В нашем поезде я был один из немногих, у кого имелся уже военный опыт после войны с Финляндией. Поэтому по дороге в поезде я организовал курсы повышения квалификации для военных врачей.
Наш поезд едва прибыл в Смоленск, как уже началась бомбежка. После нападения я снова встал, но трое хирургов из тех, что были вокруг меня, остались лежать. Это была первая пережитая мною бомбардировка.
Через три недели все врачи вместе с ранеными отправились в тыл, а Минск и Витебск были захвачены немцами. Мы вернулись назад, в Волоколамск. Там я оперировал день и ночь. Раненых доставляли железнодорожными эшелонами.
Я никогда не оставлял моих раненых (30f).

Если в первые годы войны немецкое гражданское население оказалось едва затронутым событиями похода в Россию, то немецкие солдаты всю тяжесть происходившего ощутили с самого начала. Эрих Штаудт вступил в Россию 22 июня 1941 г. в качестве начальника моторизованного полевого лазарета 269-й пехотной дивизии. Вот что, между прочим, писал он в 1966 г. об истории этого полевого лазарета:

Для меня остается незабываемой картина того, как мы, четверо офицеров медико-санитарной службы, с веревками через плечо, привязанными к саням на деревянных полозьях, распевая песню о Волге, тащили по густой траве усадьбы несколько бочек этого изысканного пива (пльзеньского). Настроение было великолепным. Чувствовали ли мы хоть что-нибудь, говоря о России, предугадывали ли то, что нам предстояло? (…)
В ночь на 22 июня около часа ночи мы выдвинулись на выжидательную позицию (…). В эту ночь, около трех часов, был открыт и зачитан секретный приказ фюрера. В нем говорилось, что мы с 3.05 находимся в состоянии войны с Россией. (…)
Внезапно в деревне (Эрзвилкас) была объявлена тревога, и нам сообщили, что русские продвинулись и находятся только в двух километрах от деревни. (…)
Едва мы развернули оборудование, как уже поступили первые раненые. (…) Когда этих бравых парней, частью с разбитыми черепами, хоронили вечером у церкви в присутствии их командира полка (…), это была ужасная картина. (…) Таково было первое жуткое впечатление о начале похода в Россию[3].

Во 2-м томе документальной серии «Германская санитарная служба 1921–1945 гг.» Хуберт Фишер цитирует сообщение о первом дне боев в немецко-русской войне:

(…) Все помещения, предусмотренные для укладывания раненых, (были) переполнены. Вновь прибывших укладывали под открытым небом на соломе. Там лежал русский раненый, которому осколок гранаты разорвал живот. Он пытался растопыренными пальцами обеих рук удержать вываливавшиеся кишки. Во время краткого перерыва между операциями хирург сообщал (…) о молодом немецком солдате, которому снаряд полностью оторвал наружные половые органы и которому как раз оказывали помощь. (…) Его (хирурга) внимание обратили на ужасную рану в живот русского солдата, который все еще лежал на улице на соломе[4].

О том, что стало с русским солдатом, не упоминается.

В своей книге «Невидимый флаг» Петер Бамм (он же Курт Эммерих) пишет о трех раненых русских солдатах, лежавших на углу улицы.

> Двое из них были легко ранены, третий истекал кровью достаточно серьезно (…). Я встал рядом с ним на колени, пока автомобили позади меня катились по пыли деревенской улицы (…), и выслушал легкое с раненой стороны. (…) Когда я перевернул раненого на бок, то увидел, как кровь вытекала из раны видимыми мелкими толчками и имела ярко-красный цвет. (…) Я наложил раненому под его расстегнутую гимнастерку давящую повязку. Когда я снова поднялся, рядом со мной стоял командир дивизии. Я не приветствовал его, так как испачкал руки кровью. Не удостоиться приветствия – это нечто столь необычное для генерала, что он вполне дружески спросил меня тоном, в котором сочетались озадаченность и любопытство: «Почему, собственно, Вы меня не приветствуете?» Я показал мои окровавленные руки и увидел, как плохо ему стало. «Вы ранены?» – «Нет, не я, а русский, которого я только что перевязал».
> Оба легкораненых русских сидели у стены, подтянув к себе колени, и недоверчиво следили за нашим разговором. Они, вероятно, обдумывали, не идет ли речь о том, что большой начальник, господин генерал, прикажет их расстрелять. Третий русский лежал наполовину на проезжей дороге. (…) Генерал посмотрел на меня странным взглядом. Затем человек, теперь ежедневно отдававший приказы, которые стоили жизни сотням людей, сказал: «Я пришлю Вам сюда полевого жандарма. Он должен наблюдать, чтобы с русским раненым ничего не произошло. Вы ведь прикажете его забрать?» – «Так точно, господин генерал!»

Рудольф Гросс вступил в Россию в качестве войскового врача в третьем батальоне 53-го минометного полка. Из времени наступления он вспоминает о некоторых по-человечески трогательных деталях:

> Дошло до больших боев в окружении, причем даже нас самих удивила численность пленных. Понимаю, что это звучит невероятно, но тогда я как-то жалел советских солдат из-за их беспомощности. Тем более что, по глубочайшему убеждению, не желал победы Гитлеру, как, впрочем, и Сталину.
> Как-то раз мы проходили мимо колонн беженцев, которые были обстреляны нашими летчиками. Ошеломляющая картина открывалась перед нами, и когда мы проходили мимо деревень в Белоруссии, за которые шли бои. Но у своих солдат я не видел ни малейшего сочувствия этим людям. При этом им следовало бы все-таки подумать о своих женах и детях.
> В одном населенном пункте, уже взятом немцами, я зашел в убежище-землянку, в котором лежала русская женщина с ранением навылет в легкое. У нее было двое маленьких детей. Офицер нашей части обратил мое внимание на то, что она нуждается в помощи. После того, как я, в немецкой форме, вошел в бункер, мне никак не удавалось ее успокоить, пока она не поняла, что я ничего не хотел ей сделать, кроме как только перевязать рану. Дети цеплялись за женщину. Они плакали и кричали в страхе перед немецким солдатом. Это была сцена, достойная сожаления. Я, по меньшей мере, мог сказать по-русски несколько слов: «Я врач» (37 и сл.).

Служивший на Восточном фронте врачом-эпидемиологом Курт Ройбер, который был не только врачом, но еще и теологом и художником, оставил очень впечатляющие строки писем и рисунки, в высшей степени искренно осмысливавшие страну

и людей, которых надлежало покорить. Он писал в конце августа 1941 г. в Марбург своему наставнику в области теологии Фридриху Хайлеру:

> Был инсценирован культ Сталина, и во всех сферах, как достижение, господствует культ примитивности. Просто потрясающе видеть, как даже бывшие критики большевизма среди молодого поколения (а я говорил со студентами-филологами и психологами, с доцентами и врачами и т. д.), несмотря ни на что, впали в это наивное материалистическое мировоззрение. Они не знают ничего другого, кроме диалектики Маркса, Энгельса, Дарвина, Гегеля и т. д. Религия даже для них – опиум и сказка, и это всё, чему, в этой связи, их учили и чему учили они. Церковь уничтожена. Храмы превращены в кинотеатры, фабрики и т. д., священники изгнаны или убиты. Католицизм, в котором, как мне рассказывали верующие, были очень смелые мученики, а также меннониты, лютеране и пр. уничтожены. В православную церковь, в интересах государства, внесли раскол. (…)
> То здесь, то там на занятых нами территориях открываются церкви и заполняются снова. Приходит даже молодежь – отчасти из любопытства к тому, чего она никогда не знала. В стоящих на отшибе крестьянских домах висят иконы – то ли по-прежнему, то ли снова. Раньше их «изгоняли» из жилища или прятали, чтобы производить впечатление вполне коммунистических семей. Сегодня их вешают снова, чтобы не считаться евреем или большевиком[6].

Любую свободную минуту Курт Ройбер наблюдает простых крестьян, старых мужчин и женщин и, прежде всего, детей: возникают рисунки. В руках врача Ройбера оказался русский лейтенант Николай Мерошенко – раненый военнопленный, который стал лекарским помощником в немецких войсках и в качестве переводчика вел переговоры с пленными и гражданским населением. В числе рисунков Ройбера и портрет «Камрада Николая», как называли его немецкие солдаты.

Осенью 1941 г. битва в «котле» вокруг Киева и двойная битва под Вязьмой и Брянском достигли таких уничтожающих масштабов, что в течение трех решающих недель были разбиты четырнадцать армий русских вооруженных сил. В плен побрели более 1,3 миллиона русских солдат.

Зима 1941–1942 гг. – генерал Мороз

В пору победоносного немецкого наступления, прежде всего, врачи довольно рано различили признаки приближавшихся военных катастроф. Частые дожди превратили и без того плохие дороги в болота. С ноября 1941 г. за дождем последовал мороз. Численность обморожений скачкообразно росла. Очень скоро немецкие солдаты стали снимать с погибших валенки, которыми солдат Красной Армии оснащали в расчете на зимнюю войну. Как могло бы действовать на русских солдат зрелище, встретившееся им во время контратак – их товарищи, лежащие босыми в снегу?

Опытных судебных медиков побуждали в госпиталях проверять, нельзя ли при том или ином местном обморожении установить состав преступления членовредительства. Так же поступали и в Красной Армии, причем там каждое без исключения обморожение вызывало подозрение в самоповреждении.

Ханс-Генрих Грунерт пережил бои 11-й немецкой армии на Крымском полуострове в самой непосредственной близости.

> Жуткий холод врезался глубоко в кости, дыхание причиняло боль, так что по всем углам и во всех концах умирали от холода, слабости, от ран, от голода, а большей частью от всего вместе. Разорванные тела лежали в застывших прорубях. (…)
> Но, казалось, что и русских поразила летаргия. Штурмовые группы обеих сторон встречались в предполье, обменивались сигаретами, шнапсом и добрыми словами и отказывались на спор убивать друг друга, как было им приказано. На пару мгновений они объединялись против своих потерявших человеческий облик вождей…[7]

Каждый немецкий солдат, переживший бои зимы 1941–1942 гг. в России, награждался орденом. Медаль шиферно-серого цвета на кроваво-красной ленте немецкие солдаты называли «Орден мерзлого мяса».

В обеих армиях не подвергалось сомнению то обстоятельство, что врачебный инструктаж был одной из лучших предохранительных мер против обморожения.

Валентина Дерябина описывает трудную зиму 1941–1942 гг.: «Тогда было очень много погибших – шли тяжелые бои. Большей частью трупы заносило метелью, и их уже нельзя было найти» (82).

Даже впечатлительные люди, казалось, привыкали к штабелям трупов, что стало обычным в русских и немецких войсках.

1942 – год поворота

Унтер-офицер медико-санитарной службы Фриц Динер пережил тяжелые бои на Волховском фронте. Он обращает внимание на то, что фронтовики были, в целом, совсем молодыми людьми. С немецкой стороны средний возраст солдат и офицеров до капитана включительно вряд ли превышал двадцать лет с небольшим, немногим отличалась ситуация и у русских. «Настроение войска» в большой степени формировалось, прежде всего, характерным для молодежи стремлением к идеализму, пылкостью и героическим задором.

> По сути дела тогда шла ребячья война. Нашему ротному было девятнадцать лет, а его солдатам – от восемнадцати до двадцати. Служил в роте и тридцатидвухлетний, для нас странноватый старик (96).

Лейтенанта медицинской службы Карла-Хайнца Брауна разместили на некоторое время в лесу, только что занятом немецкими войсками.

> Лес был совершенно уничтожен стрельбой. Вокруг виднелись воронки от гранат, полные воды. Трупы лежали в грязи.
> Я ютился там в маленьком бункере, в котором помогал раненым. Мой бункер, как и несколько других в лесу, построили русские. В строительстве бункеров они превосходили нас, немцев. Русские были гораздо добросовестнее. Все было сделано в высшей степени добротно, вероятно, потому, что они обустраивались для длительного пребывания. Крыши бункеров они обложили кусками дерна. Мы, немцы, так никогда не делали.

Я должен был ежедневно делать в другом бункере краткий доклад нашему командиру батальона, и каждый день переходить при этом через окоп, полный мертвых русских. Я не могу забыть эту картину. Прежде всего, мне помнится, что из карманов брюк многих мертвых сыпалось множество семечек подсолнуха. С тех пор, что-то слыша о семечках подсолнуха, я всякий раз испытываю странное ощущение (102).

До конца 1942 г. – начала 1943 г. состояние военно-медицинского обслуживания на русской стороне улучшилось: возникла сеть тыловых больниц, медикаменты и перевязочный материал имелись, как правило, в достаточном количестве. Началась отправка специалистов в прифронтовую полосу. В 1943 г. было завершено создание в России санитарного дела. С этого момента удавалось, согласно русской статистике, выписывать годными для фронта около 70 % раненых.

Как в русских, так и в немецких войсках считали, что наилучшие бойцы – это солдаты, уже побывавшие «под огнем».

Петер Бамм описывает сотрудничество с русскими врачами в дни после битвы за Севастополь летом 1942 г. «Под сводами Севастопольского собора» он обнаружил штатских русских.

Я пошел туда с несколькими ефрейторами медико-санитарной службы. На охапках соломы лежали в беспорядке старухи, молодые женщины, дети и старики. Раны были хорошо обработаны с хирургической точки зрения. Только повязки на них были убогими… Вероятно, у русских закончился перевязочный материал.

В углу на соломе стоял на коленях православный священник. (…)

Ефрейторы принялись менять повязки. Фельдфебелю Кинцле поручили поискать дом, куда мы могли бы перенести пациентов. Другого послали на полевую кухню за напитками и едой. Пребывая в своей тупой летаргии, несчастные начали замечать, что для них что-то делается. Священник, преисполненный благодарности, вновь и вновь тряс мне руку. Но ведь именно мы и принесли столько несчастья в эти пустые катакомбы. (…)

В виноградниках на южном склоне гор у Севастополя (…) русские оставили своих раненых. Многие тысячи их лежали между лоз, разбросанные по земле. Целыми днями у них не было никакой пищи, а сорок восемь часов – и воды. Большей частью они оставались без хирургической помощи. (…)

(…) Что могло произойти? Можно сделать десять, двадцать, пятьдесят, да что там, сотню операций. Но две или три тысячи? Это длилось бы много-много дней. Кроме того, они умирали сотнями. К тому же все были на грани смерти от жажды.

(…) Я пришел к коменданту лагеря военнопленных, чтобы привлечь в помощь нам русских врачей и фельдшеров, находившихся среди заключенных. (…)

Через переводчика (…) объявили, что врачи и фельдшеры должны выйти вперед. Но никто не вызвался. Русские были переполнены недоверием. Наконец, мы нашли хирурга, отец которого занимал еще должность профессора в Санкт-Петербургском университете. Я смог ему объяснить, в чем заключалась проблема. Он собрал для нас врачей, которых оказалось около тридцати. (…) Среди них было шесть женщин, в том числе двое с полным хирургическим образованием. (…)

Лечение, которое они применяли, было тем же, к какому прибегали и мы. Великий француз Шарко, обосновавший науку о душевных заболеваниях, был почетным доктором Киевского университета, а Павлов, великий русский, основатель современной физиологии – кавалером ордена Почетного легиона. Одна из двух хирургов, кстати, очень красивая

женщина, сказала, наконец, несколько слов русским, которые мой переводчик не понял. Русские заявили, что готовы к сотрудничеству. (…)

В течение нескольких дней нам удалось стать хозяевами положения. (…)

Русские врачи работали день и ночь, и работали отлично. В особенности обе женщины-хирурга проявили столь восхитительную неутомимость, что между ними и фельдфебелями медико-санитарной службы, которых мы придали русским в качестве военной власти, вскоре возник своего рода союз. (…) На второй день ко мне пришел Вотруба (немецкий унтер-офицер). Его хирург Анастасия Филипповна не выполняет, сказал он, все отданные мною указания. В некоторых случаях, когда я приказывал провести ампутации, ампутации не осуществлялись.

Саботаж? (…) Но ведь это была та самая врач, которая побуждала своих русских коллег к тому, чтобы начать сотрудничество с нами. Я пришел к ней и потребовал ответа. Она испугалась.

Мне стало при этом ясно, как ужасен любой вид неограниченной власти одного человека над другим. Эти пленные на войне двадцатого столетия имели меньше прав, чем римский раб две тысячи лет назад. Римский раб подчинялся закону. Это был жесткий закон, но все же закон. Здесь же господствовал произвол. Недовольство в моем голосе могло означать возвращение в лагерь. (…)

В разговоре выяснилось нечто совсем простое. Русские военные хирурги оказались куда менее радикальными, чем мы. У них еще не было опыта борьбы с инфекциями, вызванными огнестрельными ранениями, в столь тяжелых условиях, с которыми столкнулись здесь русские раненые. Зимой русские могли гораздо лучше помогать своим раненым, чем мы нашим.

(…) Все дело было в том, чтобы убедить русских коллег в медицинской правильности нашей радикальности при установлении показаний. Я прошел по палаткам и выбрал десять пациентов с огнестрельными ранениями в колено, у которых не было ампутаций. (…) Я приказал положить раненых в ряд друг около друга и размотать повязки. Получилось нечто вроде фильма, снятого с цейтрафером. Я вызвал русских врачей и провел их вдоль ряда. Демонстрация убедила русских хирургов (…). Когда мы дошли до конца демонстрационного ряда, до раненого, который был при смерти, Анастасия Филипповна расплакалась[8] (111–115).

Врач и теолог Курт Ройбер не прекращал думать о людях, попавших под воздействие большевистской диктатуры, и сообщать результаты размышлений близким. Летом 1942 г. он писал жене:

Русский человек остается для меня загадкой. Перед славянской душой вновь и вновь останавливаешься как перед непроходимой пеленой тумана. И непонятно, что обнаружится с ее прорывом – ясный теплый свет или еще большая тьма? Каких только нет тут различий: там невообразимая грязь, здесь чистота, поддерживаемая самым педантичным образом, там тупое создание, здесь – лицо и фигура человека. Вот мне встречается человек, не утративший своего достоинства, а есть и такие, которые его хотя и не лишились, но вынуждены искать это качество под всеми завалами. Бессмысленность оказалась не в силах разрушить их всех. (…)

Русские трогательно заботятся друг о друге. Они могут делиться. Дети очень любят друг друга, а родители – своих детей. Маленькие не признают безнадежности своего положения, они еще беззаботно играют, как и в наших деревнях, и любят своих животных.

Тем же летом 1942 г. он вверял свои размышления профессору теологии в Марбурге:

> (…) По прошествии года войны в России становишься объективнее и справедливее в оценке того, что было, чего больше нет, что еще здесь и ново. Я познакомился с прекрасными людьми из молодого поколения, отделившимися как индивиды от этого массового существования. Как хотите, в русском человеке что-то есть.

Лишь немногие видели за врагом человека, размышляли о его своеобразии, о его жизни в этой стране. Чаще встречались хладнокровные, если не вообще бесчувственные, командиры и их подчиненные, идеологически обработанные и соблазненные нацистской пропагандой, легко толковавшие закон более сильного как военное «право». Поэтому нельзя умолчать здесь о русском сообщении, согласно которому раненных русского медсанбата, получивших ранения во время битвы за Севастополь, (немцы) не эвакуировали, а сожгли заживо. Какой бы ни была степень правдивости этого утверждения, факт состоит в том, что оно во время войны распространялось среди русских солдат и что ему верили.

Начиная рассказ о боях на Волхове, Фриц Динер сообщает о поведении командира его санитарной роты по отношению к русскому населению. Именно такого рода поступки десятками тысяч толкали мирных людей в леса – к партизанам.

> У меня был довольно злобный ротный командир, капитан медицинской службы фон Фарендорф. Как-то раз мне пришлось охранять полевую кухню. После раздачи всех порций остаток обычно отдавали голодающим русским. Так поступил и я. Тогда он избил меня что есть силы и на глазах русских опрокинул еду на землю[9] (96).

Ханс-Хайнц Шрёмбгенс не может забыть еще более тяжелых переживаний июля 1942 г. во время наступления на Дону:

> В качестве младшего врача я был подчинен полковому врачу, невероятно жестокому человеку. Вскоре после того, как мы остановились и оборудовали перевязочный пункт, над нами пролетели русские штурмовики. (…) После этой атаки на перевязочный пункт поступили два русских солдата – один с ранением в ногу, а другой был ранен в руку. Раненый в ногу опирался на того, кто был ранен в руку. Так они и приковыляли и сели в круг немецких солдат, ожидавших лечения. Тогда полковой врач сказал унтер-офицеру медицинской службы: «Расстрелять!» Тот подошел, взял свой пистолет и, – раз, два – убил обоих. Оба русских, обливаясь кровью, упали лицом вперед. Это событие так взбудоражило меня, что меня стошнило. Я был совершенно растерян тем, как санитар мог столь просто сделать то, что он сделал – бах-бах и готово. Тогда полковой врач закричал на меня, что нельзя, мол, так распускаться.
> Позже он даже посетил моих родителей и сказал им, что я неженка (116 и сл.).

Русский врач Юлия Смирнова сообщает о своих переживаниях в то время, когда немецкие солдаты продвинулись на Кавказ, а несколько месяцев спустя снова были вынуждены отходить. В своих трезвых замечаниях она констатирует и человечное поведение, и злодеяния немецких солдат.

> После того, как наши части 31 декабря 1942 г. освободили от немцев город Элисту, я слышала о двух русских врачах, перебежавших к немцам. Первого я не знала, а второй был также выпускником 2-го Московского медицинского института. В госпитале Элисты пациенты рассказывали, что оба эти врача работали у немцев. Их очень большое усердие вознаградилось отпуском, который они провели в Берлине. Люди считали, что русские врачи очень хорошо ладили с немцами. В Элисте, а позже в Батайске я видела людей, повешенных немцами. В Элисте их было четверо. Рассказывали, что один из них партизан, а другой – председатель городского Совета (123).

В августе 1942 г. германская армия насчитывала всего лишь половину своей численности по сравнению с началом войны в России. Примерно в то же время Сталин признал потерю от четырех до пяти миллионов погибших русских солдат. И, при этом, в принципе, речь шла только о самом начале. Сталинград еще был впереди.

Зима 1942–1943 гг. – Сталинград

Незадолго до Рождества 1942 г. Курт Ройбер написал на обороте русской географической карты углем из печи свою знаменитую Сталинградскую Мадонну, которая, как и другие его рисунки, ушла из «котла» с последним самолетом. Давно убежденный в бессмысленности войны и безнадежном положении немецких солдат, он оплакивает (в письме жене от 25 декабря) смерть своего русского помощника лейтенанта Мерошенко:

> С риском для жизни принесли дрова из прежних бункеров, оставленных нами раньше. Вчера при этом погиб пленный, работавший для нас. Тепло, купленное ценой крови! Наш добрый Николай (…)[10].

В ночь с 23 на 24 января 1943 г. остатки 14-й танковой дивизии отошли в направлении центра Сталинграда. Так как у дивизии больше не было транспортных средств, то солдат, лежавших на пункте сбора раненых, не удалось взять с собой. Сборный пункт был помечен красным крестом.

Среди 10.000 военнослужащих медико-санитарных частей, судьба которых, согласно иллюстрированному списку пропавших без вести Немецкого Красного Креста, не выяснена, – около 240 врачей, зубных врачей и студентов-медиков. Похоже, плохо пришлось военнослужащим 1-й и 2-й санитарной роты 113-й пехотной дивизии. Большая численность без вести пропавших, сравнимая с целыми частями, имеет, собственно, только одно объяснение.

Тем не менее следует констатировать, что преобладающая часть русских не применяла насилия по отношению к пленным немцам. Напротив, многочисленные свидетели сообщают о человеческом участии и растерянности, охвативших русских солдат и гражданское население при виде жалкого состояния, в котором пребывали немецкие солдаты.

Рудольф Гросс сообщает об отходе своего подразделения по степи к Сталинграду. Вероятно, он был одним из первых врачей, передавшим русским войскам 24 января 1943 г. под Сталинградом целый перевязочный пункт.

23 января один майор медицинской службы сказал, что вечером мы еще вернемся в Сталинград, но надо, к сожалению, оставить раненых. Как ни печально, транспортировать их практически невозможно. Правда, санитарные команды должны были идти с нами в Сталинград, чтобы получить в городе новые задачи. Затем он спросил, кто готов остаться с ранеными. Вызвался я. Конечно, меня подвигло к этому определенное чувство долга по отношению к раненым, но себе я сказал лишь, что в Сталинграде в течение нескольких дней все станет еще хуже. Поэтому я счел за лучшее ждать врага прямо здесь и передать на его милость или немилость этот госпиталь.

Мое решение оставаться представлялось потому достойным внимания, что ходили худшие слухи, согласно которым русские устраивали резню госпиталей, не щадя и обслуживающего персонала. Мне были приданы двадцать четыре санитара, с которыми я должен был заботиться о почти тысяче человек в бункерах.

Вечером и ночью я выступил в каждом из этих бункеров с небольшим обращением и сказал раненым, что попытаюсь передать госпиталь русским. Далее я сказал, что предполагаю, конечно, устранение всего оружия и боеприпасов, чтобы поставить наш госпиталь под защиту Красного Креста и Женевской конвенции. Реакция была самая разная – отчасти проклятья, частью самый настоящий вой, во всяком случае, большое озлобление.

На следующее утро я установил, что из двадцати четырех человек, которые должны были остаться со мной, двадцать сбежали в Сталинград. Кроме того, подожгли бункер-операционную и аптеку, так как они не должны были попасть в руки врага.

На следующее утро я пошел по заснеженной равнине навстречу русским. Первому, к кому я подошел на расстояние звука, я крикнул по-русски, насколько мог, чтобы он не стрелял – я, мол, врач и намерен передать послание его командиру. Хотя он и направил на меня свой автомат, но не нажал на спусковой крючок и позволил мне пройти. Уже через несколько сот метров меня привели к человеку, которого я оценил как полковника. Это была импозантная русская фигура. Он носил шубу, а на запястье у него болтался пистолет. Я доложил ему о передаче госпиталя, на что этот человек отреагировал только одним словом: «Ладно». «Все в порядке», значит.

Мне не удалось сразу же вернуться к госпиталю. Русские солдаты время от времени спрашивали меня о часах или перочинном ноже. Но все это проходило относительно доброжелательно. В конце концов, меня и второго врача привели к дивизионному врачу русских.

Он принял нас как коллег, предложил нам чаю, рассказывал, что сам учился в Восточной Пруссии – в Кенигсберге, и через некоторое время предложил остаться переночевать. На ночевку он дал нам не только шерстяное одеяло, но даже и белую простыню, которой я еще не видел на всем протяжении похода. Мы с коллегой разулись. Было порядком холодно, и какой-то русский принес пару шерстяных носков и натянул их на ноги моему другу, который выглядел несколько ослабшим.

Позже нас грузовиком доставили на главный перевязочный пункт, который, между тем, взяли русские. Почти ничего не произошло. Одного солдата убили, не знаю, почему. Раненые все еще лежали в своих бункерах. Нам с коллегой снова пришлось взять на себя оказание им медицинской помощи.

Я был очень удивлен тем, как корректно вели себя тогда русские. Правда, нашим раненым пришлось позже освободить несколько бункеров для раненых русских. Я предложил русским свое участие в помощи их раненым, но коллеги с благодарностью отказались.

После падения Сталинграда (русская) дивизия отошла. Осталось, самое большее, три-четыре человека в качестве охраны. Почти тысяча раненых и мы, несколько помогавших им, оказались совершенно изолированными в заснеженной степи! (150–153).

Уроженец Вены, капитан медицинской службы Ханс Дибольд обрел в Сталинграде опыт, который до этого было суждено обрести сотням тысяч русских гражданских лиц. Речь шла о корректном поведении фронтовиков по отношению к пленным, по сравнению с нижестоящими службами и тыловыми военными инстанциями.

> Пришел русский майор. У него были тонко очерченная голова с высоким лбом, острый нос, сильный подбородок, пепельного цвета седевшие волосы. Он сказал нам несколько успокаивающих слов благосклонно-отеческим тоном. Я впервые слышал это звучание, производившее впечатление сердечности, которое нам суждено было еще не раз встретить со стороны русских.
> Эти первые фигуры для меня незабываемы. (…) Два раза в сопровождении комиссара приходил русский врач родом из Владивостока. Они задавали нам вопросы: Как живут в Германии и любили ли мы Гитлера? Рассказы о Германии они внимательно слушали. Они спокойно и печально смотрели на нас, будто зная что-то, чего мы еще не могли понять. Они спрашивали, каковы теперь наши планы. Я повернулся к врачу и ответил, что, раз уж мы здесь, то лучше всего было бы отправиться сразу же на его родину, во Владивосток.
> Врач улыбнулся. Он понял сказанное мною, и я заметил: юмор связывает людей также в беде и опасности. Я понял, что у русских большое чувство юмора, и они его понимают[11].

Австрийский врач Герман Ахляйтнер описывает в своей статье «Врач в Сталинграде» события в так называемом бункере Тимошенко, который в момент его занятия русскими войсками служил госпиталем:

> 29 января 1943 г. около 9.00 утра в наш бункер вошел первый советский солдат – старший лейтенант, протянувший каждому из нас руку и поприветствовавший: «здравствуйте». Первое впечатление от противника не было, следовательно, плохим. Но эта воевавшая часть очень скоро ушла, и в тот же день появились те, кто во время каждой войны ползает вокруг воевавшей части – гиены. В наш небольшой бункер вломился, еле держась на ногах, вдрызг пьяный фельдшер, который перед каждым из нас размахивал пистолетом, снятым с предохранителя, и требовал шнапса. (…)
> Наш первый советский комендант, которого звали «начальником», приказал выстрелом в затылок убить двоих лучших наших товарищей – дивизионного евангелического священника и подполковника медицинской службы. Двое других дивизионных священников, католический и евангелический, были ликвидированы тем же «начальником». (…)
> В начале марта началась эвакуация из бункера Тимошенко после того, как несколько инспекций увидели наше безнадежное положение: советские полковник и майор медицинской службы и гигиенист в звании майора медицинской службы. Но подлинный переворот в нашей судьбе вызвали только две фельдшерицы – одна восемнадцати, другая двадцати лет. Подоткнув подолы юбок, они, проникнутые презрением к смерти, до конца боролись за чистоту в самом последнем уголке бункера Тимошенко, и когда вернулись, одну рвало, а другая, безостановочно плача, искала защиты, прислонясь к стене, и обе лишь бормотали: «Боже мой! Боже мой!» Двумя днями позже началась эвакуация.
> Двум этим девушкам мы обязаны тем, что некоторые из бункера Тимошенко живы еще и сегодня[12].

В конце марта 1943 г. госпиталь в бункере Тимошенко был ликвидирован. Больные и раненые были перевезены из центра Сталинграда на юг города в предместье Бекетовка. Ханс Дибольд сообщает о ликвидации бункера:

> Мы давно уже получили нового начальника. Он слыл человеком благородным, был украинцем, в первый же день войны потерявшим в Харькове из-за немецких авиабомб жену и ребенка. Так рассказывали. Как-то утром нам пришлось ему представиться. (…) Мы оделись и, задыхаясь, поднялись по лестнице. У гаража остановились. Пальто и брюки висели на нас, как черные тряпки, обувь посерела, головные уборы слишком большие. (…) Пришел начальник. Он хотел нас поприветствовать, осмотрел нас, его добродушное лицо стало печальным и серьезным, он покачал головой. Потом приказал сказать нам, что вскоре мы отправляемся в другое место, там будет лучше. Потом он снова ушел[13].

1943 год: военные будни

В положении русских и немецких солдат во время войны было нечто общее, что вновь и вновь формулировали врачи в своих эпикризах: абсолютная безвыходность, полная невозможность изменить ситуацию, в которой они находились. Впереди стоял безжалостный враг, а позади не менее беспощадные комиссары или военные суды.

Тогдашний русский фельдшер, а позже генерал-майор медицинской службы Павел Лазарев во время войны особым образом столкнулся с проблемой членовредительства.

> Большей частью это были солдаты из исламских республик – узбеки, таджики, азербайджанцы. С немецких самолетов вновь и вновь сбрасывались листовки с указаниями о том, как можно себя ранить и не быть уличенным (…) (498).

Немцы и русские забрасывали друг друга листовками, в которых они давали солдатам другой стороны советы, как ранить самих себя или вызвать болезнь, не будучи разоблаченными. В то же время, врачи в обеих армиях получали указания о том, как констатировать членовредительство.

Русские военные врачи находились под более сильным политическим давлением, чем немецкие. Если до середины 1944 г. вермахт был даже своего рода убежищем от вмешательства партии, то, напротив, Красная Армия была всегда под полным контролем политработников и их помощников. Властители Германии взирали на это не без зависти, результатом чего стала предпринятая к концу войны попытка создать в вермахте должность, соответствующую коммунистическому политкомиссару – офицера национал-социалистского руководства (сокращенное немецкое название – НСФО).

В Сталинграде еще шли бои, когда 26 января 1943 г. Рузвельт и Черчилль объявили после конференции в Касабланке, что вся Германия должна безоговорочно капитулировать. Геббельс отреагировал быстро. 18 февраля 1943 г. он произнес свою по-геростратовски знаменитую речь в берлинском дворце спорта «Шпортпаласт», в которой с большим ораторским искусством выманил у слушателей, представлявших немецкий народ, многократное «да» в поддержку «тотальной» войны.

Сталин поначалу медлил с присоединением к требованию о безоговорочной капитуляции Германии; он сделал это лишь на Тегеранской конференции в ноябре 1943 г. Ведь только летом 1943 г. превосходство Красной Армии над немецким вермахтом стало, действительно, очевидным.

С продолжением войны возникало все больше уровней военной действительности. Они существовали не только одновременно в разных местах, но и в одном и том же месте. Обращает на себя внимание, насколько по-разному воспринимали один и тот же город – Днепропетровск – немецкий врач и русская женщина-врач. При этом, между летом и осенью 1943 г. прошло лишь несколько месяцев. Имеет место типичное различие в восприятии происходившего оккупационными войсками и тем или иным покоренным народом.

В конце марта 1943 г. Герман Шлютер, бывший до того главным врачом больницы им. Роберта Боша в Штутгарте, получил приказ принять на себя руководство военным госпиталем в украинском городе.

> Я прибыл в Днепропетровск во второй половине апреля 1943 г. Наш госпиталь СС был размещен в здании политехнического института. За все время, приведенное там, я ни разу не сталкивался с недостатком медикаментов. Мы получали все, что заказывали, включая также вино и шампанское. Мы даже раскрасили комнаты госпиталя в Днепропетровске в разные цвета. Для этого потребовалось заказать краски, и мы их получили. Правда, такое быстрое выполнение наших желаний может быть связано со спецификой СС. (…)
> В Харькове у нас был очень хороший контакт с населением. Многие украинцы чувствовали себя освобожденными от русских. В нашем госпитале было множество сотрудников-украинцев, и, мне кажется, они считали, что мы хорошо обращались с ними. Работу им оплачивали. Когда мы позже прощались с казаками, они подарили мне старую саблю. Иногда мы ходили в Днепропетровске в театр на вечера балета. Билеты можно было заказывать заранее, и мы сидели в форме, вперемешку с местным населением. Я никогда не чувствовал враждебности. Напротив, украинцы приглашали нас на свои народные праздники. А как-то раз родители одного из наших вспомогательных служащих даже пригласили меня на похороны сына. Открытый гроб провезли при этом по городу. (…)
> Потом 5 июля началась Курская битва. (…) Вскоре после этого началось отступление. Эвакуация Днепропетровска заняла несколько дней. Не задерживаясь, мы доехали до Львова и, наконец, с августа 1943 г. надолго остались в Кракове. Помимо сотрудников военного госпиталя с нами по своей воле последовали около ста двадцати украинцев. Позже англичане выдали их русским (212 и сл.).

С 24 октября 1943 г. Днепропетровск снова был в руках русских. Со своим госпиталем в город вступила Мария Крымская, в то время хирург.

> В Донбассе я впервые столкнулась с тем, что тамошнее население не особенно по-дружески приветствовало русские войска. Я объясняла это тем, что в Донбассе были размещены немецкие войска, а немецких солдат и офицеров расквартировали по семьям. Кроме того, некоторые украинцы вообще были готовы сотрудничать с немцами. В соответствии с этим они, конечно же, воспринимали освобождение без всякого воодушевления. Не хочу утверждать, что их было много, но определенная часть населения явно выражала отрицательное настроение. Другие, напротив, поддерживали нас. (…)
> Некоторые наши врачи были из Днепропетровска. У одного врача, еврейки, в городе жили родители и родственники. Вернувшись с госпиталем в город, она хотела пойти в дом родителей. Придя туда, где когда-то стоял их дом, она его не нашла. А соседи рассказали ей, что в Днепропетровске расстреляли очень большую группу коммунистов и евреев. Все ее родные при этом погибли. И там, где была погребена эта большая масса людей, долго еще шевелилась земля. (…)

Спасение раненого солдата с поля боя.

В Днепропетровске был резкий контраст между природой и разрушениями вокруг. В этом городе росло много акаций. Было еще тепло. Деревья стояли еще в зелени, и солнце сияло над ними, но город представлял собой руины, усеянные мертвыми. Этот контраст между природой и разрушением, делом рук человеческих, надолго запечатлелся у меня в памяти (214 и сл.).

1944 – отступление

14 января 1944 г. началось первое из нескольких русских наступлений. Удары русских войск были направлены против группы армий «Север». Цель наступления заключалась в окончательной ликвидации пояса немецкой осады вокруг Ленинграда и занятии центра снабжения в городе Луга.

На юге, вблизи города Черкассы, 28 января 1944 г. оказались окруженными шесть дивизий 8-й немецкой армии. Приходилось снабжать по воздуху более 56 тыс. солдат. Чтобы помочь попавшим в «котел» под Черкассами, был сформирован 3-й танковый корпус. Он атаковал 4 февраля 1944 г., но после трудного продвижения по грязи, во время которого вновь и вновь приходилось ждать подкрепления, натолкнулся на упорное сопротивление. 16 февраля 1944 г. окруженные в «котле»

предприняли попытку прорыва. Из 45 тыс. немецких солдат 30 тыс. дошли до немецких линий.

Величайшая катастрофа, постигшая вермахт во время войны, обрушилась на солдат центрального участка Восточного фронта. Это было русское летнее наступление, начавшееся ровно три года спустя после немецкого вторжения в СССР 22 июня 1941 г. Немецкие позиции от Витебска на севере до Бобруйска на юге были опрокинуты вооруженными силами, состоявшими из двух с половиной миллионов солдат и военной техники, во много раз превосходившей ту, которой располагали немцы.

Куно Вааль работал на дивизионном медпункте к востоку от Бобруйска, когда началось русское летнее наступление.

> Уже в начале наступления русских мы получили указание подготовить отход. (…) Я уже не знаю, как долго мы оперировали в бункере. Помню только, как при ударах русских бомб в раны сыпалась грязь с потолка, и как однажды начальник тихо приказал нам: «Всё оставить, уходим, не отставать! Русские на другой стороне деревни». – «А раненые?» – «Остаются!» (…) Счастлив тот, у кого были еще здоровые ноги; (…) позади осталось много раненых и не погребенных мертвых. (…)
>
> Едва мы выбрались из неразберихи (…) и пошли по полю, как появились советские самолеты. (…) Звучали взрывы гранат. (…)
>
> Мы ушли. Только бы вырваться из этого огненного котла, из этого ада и все более тяжелых ударов. Инстинктивно ищешь какую-то защиту и укрытие. И, смотри-ка, небольшой «бункер на одного». Я втискиваюсь туда, где сидит на корточках русская бабушка. Она уступает место, насколько это удается. Я прижимаюсь к ней, ставлю рюкзак перед входом. Мы ни о чем не говорим. Время от времени с ее губ слетает мольба: «Боже мой, спаси нас». Она молится и за меня. Я молиться не могу, хотя вблизи этой верующей чувствую, как молитва успокаивает и дарит какую-то надежду. Прижавшись друг к другу, боятся два человека.
>
> Наконец, снаружи становится тише. Я выползаю, женщина еще остается в пещере. (…) И снова бегом вперед, пока мы, взмокшие донельзя и совершенно изнуренные, не добрались до спасительного леса. (…)
>
> Я натыкаюсь на штатских, которые тоже прибежали сюда, в лес. Они говорят, что через несколько сот метров будет дорога, там много немецких солдат. (…) Мы идем в ряд, я впереди (…). (…) Через некоторое время мы выходим на лесную поляну. Русский солдат лежит с девушкой под разорванным одеялом. Раскрасневшиеся лица обоих – свидетельство того, что их только-только покинуло опьянение любовью. Они порядком пугаются, когда вдруг перед ними оказываются шестеро немцев. «Да ничего, лежите, милуйтесь», – говорю я парочке. Мы хотим идти дальше, как вдруг русский кричит вслед: «Туда нет, там русские». Поэтому мы продираемся через лес налево. Дальше гуськом. Осторожно, молча, медленно. Вдруг, совершенно неожиданно, примерно в десяти метрах от меня русский солдат, судя по головному убору – танкист. Прежде чем я успеваю хоть что-нибудь сказать, он кричит: «Уходи куда-нибудь!» Он срывает с пояса ручную гранату и бросает в мою сторону. Я вижу, как в меня летит маленькое черное яйцо, как оно остается висеть в развилке ветвей, поворачиваюсь – и сильная детонация бросает меня на землю. Боли нет. Я чувствую только, как кровь вытекает из головы, и из брюк течет красный жизненный сок. Я торопливо поднимаюсь, бегу назад, зову исчезнувших товарищей. После нескольких моих окликов слышу, как они отвечают. Мы снова находим друг друга на берегу маленькой речушки[14].

Хирург Вера Павловна Рождественская (в центре) с медсестрами. В Красной Армии во время Второй мировой войны более 500.000 женщин служили рядом с линией фронта.

Автор описывает в своей книге ситуацию, свойственную всем окружениям воинских частей, не только на немецкой, но и на русской стороне.

Русский врач Анна Медведева пережила наступление на Минск в эвакогоспитале 3-го Белорусского фронта. Вот что она сообщает о своих тогдашних впечатлениях:

> Немецкие войска, отступая, взорвали все железнодорожные линии. Все стрелки взлетели в воздух, и произведено это было с чисто немецкой пунктуальностью. Были срублены все телеграфные столбы. Везде, куда бы мы ни приходили, царило разрушение. Вспоминая об этом, я не могу сказать о немцах ни одного доброго слова (244).

Как позже на немецкой стороне, так и на русской рассказы о жестокостях служили усилению готовности солдат к борьбе. Русский врач Вера Рождественская сообщает об эпизоде, пожалуй, типичном для агитации среди раненых, которую вели политические органы Красной Армии.

> Настроение раненых играло для нас важную роль. Поэтому мы, врачи, изо всех сил старались обходиться с ними возможно мягче. Мы читали им газеты, писали письма домой и устраивали для них самодеятельные концерты.
> Однажды, когда я была как раз в операционной, меня вызвали, так как со мной хотел поговорить кто-то из политотдела. Передо мной стоял офицер-политработник, который протянул мне лист бумаги и сказал, что это приказ, я должна это выучить наизусть и во время концерта прочитать раненым.
> Я прочитала этот текст. Это было письмо, которое мать написала раненому сыну. Оно представляло собой литературное произведение. В письме мать описывала, как немцы повесили отца, как изнасиловали и убили сестру. Ей же, матери, запретили похоронить дочь. Она описывала в письме также, как после всего происшедшего ушла к партизанам. Партизаны выбили немцев из деревни, так что ей удалось похоронить сестру раненого под вишней. Раненые совсем по-разному реагировали на письмо. Одни сидели молча, может быть, думая о своих родных. Другие были настроены очень бурно и требовали как можно скорее вылечить их и вернуть на фронт. Они хотели изгнать врага с нашей земли.

Когда мы праздновали тридцатилетний юбилей нашей Победы, я снова встретила этого лейтенанта времен войны. Спросила его, кто тогда написал это письмо матери, а он сказал, что он сам и написал. Он был инструктором политотдела. (247 и сл.)

Кажется, что такого рода пропаганда срабатывала только в применении к определенным людям. У большой части русского населения она не вызывала ненависти, хотя население и страдало как нельзя более непосредственно.

Вааль вспоминает, как он с сотней раненых оказался в плену.

Был вечер, вероятно, 2 или 3 июля 1944 г., когда мы медленно приблизились к русскому лесу. (…) Нас уже скоро заметили.

(…) Русские создали две стрелковые цепи (…). В середине офицер, справа от него двое солдат с автоматами.

Мы останавливаемся. Прихрамывая, я подхожу к русскому трио. Кальсоны, приклеившиеся к ранам на бедрах, тянут, и боль позволяет мне делать только маленькие шаги. Я не чувствую ни мужества, ни страха. Меня ведет чистой воды фатализм. (…) Я механически подхожу к трем русским. Нас разделяют пять метров, мы останавливаемся. Я отдаю воинское приветствие и говорю по-русски (…): «Сто двадцать раненых и солдат хотят сдаться в плен!».

Еще когда с моих губ слетают первые русские слова, я замечаю, как светлеют мрачные черты лица офицера. «Хорошо, ладно». Напряжение разряжается, похоже, с обеих сторон. Два слова действуют как заклинание. (…) Офицер сразу же принимается уговаривать меня, смотрит на погоны, видит жезл Эскулапа. «Врач, капитан, да?» – спрашивает он. Нечего нам бояться, говорит он, мы же пришли добровольно, с нами ничего не случится.

Мы медленно идем к домам. По дороге старший лейтенант рассказывает, будто мы уже стали знакомыми, что он пережил во время войны. Был в Сталинграде, видел Паулюса. Я не все могу понять, но уже готов прибавлять ко всему, что слышу, «хорошо», «ладно» или «интересно». Мы пришли во двор, где командир этого отделения принимает нас совсем уж неприветливо. «Что вам здесь надо, это ведь наша земля, вы преступники, бандиты!». В ярости он топает ногой. Старший лейтенант показывает на мои погоны: «Да он не воевал, он врач… специалист, хирург» (он уже расспросил меня). «Ладно». Наконец, из уст капитана вылетает и это успокоительное слово. (…)

Нас отправляют. (…) Я неоднократно слышу: «С ними ничего не должно случиться, они сдались». (…)

На следующий день мы добираемся до большой магистрали Бобруйск-Минск, единственной в округе дороги с действительно твердым покрытием. (…)

У края дороги расположилась биваком русская крестьянская семья. Рядом корова и телега, нагруженная последними пожитками. Я вижу молоко в стеклянной бутыли. Крестьянка как раз собирается разломить на куски краюху хлеба и раздать их. Я больше не в силах владеть собой, подхожу ближе и прошу кусочек. «Нет, – говорит мужчина решительно, но не зло. – У нас самих не так уж много, и детям нужно молоко». – «Не видишь, что ли, как он голоден? Надо дать ему что-нибудь», – вмешивается женщина. Она наполняет стаканчик молоком до половины, отламывает небольшой кусок хлеба и дает его мне. Даже в такой ситуации русское гостеприимство остается самим собой. (…) Я благодарю женщину самыми высокими словами, какие только могу найти. «Да ничего», – вот и весь ее ответ. О, доброта русской женской души не имеет себе равных![15]

17 июля 1944 г. 57.000 немецких солдат не по своей воле промаршировали по улице Горького в Москве. Девятнадцать из 47 командующих корпусами и командиров дивизий группы армий «Центр» предводительствовали разгромленной армией в этом триумфальном и траурном шествием. Прохождение длилось шесть часов. Вааль, находившийся при этом, сообщает:

> Было, пожалуй, четырнадцать часов, когда поезд тронулся. Подтянулись дополнительные караулы. Конные и пехотинцы с винтовками с примкнутыми штыками окаймляли бесконечную, тяжело шагающую процессию из рядов по двенадцать бородатых, грязных, истощенных и одетых в самые разнообразные лохмотья мужчин. Вдоль нее ехали автомобили с кинокамерами, поворачивали, снимали еще раз. Во главе маршировали наши генералы и офицеры Генерального штаба, за ними три тысячи офицеров, а за ними бесчисленные массы солдат. Если улица изгибалась, можно было посмотреть назад и увидеть червя, состоявшего из жалких фигур, которые шли совсем не в ногу. Улицы Москвы невероятно широки. Их окаймляют низенькие дома – часто еще старые русские деревянные строения. Но мы ведь и не в центре города. Вначале на улице не так уж много русских. Но, чем дальше в город, тем больше народу собирается на тротуарах. Это вовсе не массы, а, прежде всего женщины; мужчины, вероятно, на войне. Они стоят молча, облаченные в дешевую одежду, преувеличенно накрашенные, исхудавшие и бледные. Не столь уж много можем мы прочитать по лицам зрителей. Чувствуют ли они жалость? Иной раз кажется, что в глазах женщины можно прочитать что-то вроде сочувствия. Выражают ли они ненависть? И этого тоже не видно. Только безногий инвалид ведет себя совсем дико, размахивает костылями и кулаками, плюет в нас. Его удерживают два милиционера. (…) Даже необходимость для некоторых мужчин, страдающих приступами поноса, ненадолго присесть на корточки среди улицы, не вызывает в немых неподвижных русских лицах ни смеха, ни издевки.
> Теперь становится ясно, что же здесь организовали. Не нам хотели показать Москву, как кое-кто думал по наивности, а нас – москвичам. Победа Красной Армии должна быть зафиксирована в фильме[16].

30 августа 1944 г. русскими войсками был захвачен нефтяной район Плоешти, и это означало один из самых тяжелых ударов по германской военной экономике. Днем позже – 31 августа 1944 г. – русские войска, которых радостно приветствовали румыны, еще несколько дней назад находившиеся в союзе с Германией, вступили в Бухарест. Санитарная часть русского врача Марии Крымской была в августе 1944 г. размещена в Румынии. Тогдашний главный хирург сообщает о немцах, работавших в ее госпитале:

> В это время немецкие пленные использовались в нашем госпитале как вспомогательная рабочая сила. Они приносили еду, поддерживали чистоту. Они работали очень прилежно и очень тщательно делали все, что им поручали. Надо сказать, что наши солдаты хорошо относились к немцам.
> Эти немцы были очень интеллигентными молодыми людьми. Хорошо воспитанные, они не имели плохих манер, но пребывали в состоянии сильной подавленности. У меня в памяти остался молодой немец, студент высшей музыкальной школы. Я время от времени беседовала с ним. Это был очень приятный молодой человек. Я чувствовала большое сочувствие к нему и думала, почему с молодежью с обеих сторон должно произойти нечто столь ужасное. Наших молодых людей убивали, а эти молодые люди… Кто знает, какая судьба ждала их впереди. Позже их куда-то отослали, и я не знаю, что с ними стало (267 и сл.).

Когда в 1944 г. русские солдаты перешли западные границы Белоруссии, исполнилась их мечта об освобождении Отечества. Отныне надлежало покарать врага, отомстить. Русский врач Надежда Оцеп была свидетельницей вступления русских войск в Восточную Пруссию. Она принадлежит к числу немногих русских, имеющих мужество говорить о том, что произошло:

> На границе между Польшей и Германией мы прошли мимо щита с надписью «Здесь начинается проклятая немецкая земля». Бросалось в глаза, что ненависть к немцам всегда поддерживалась на высоком уровне. Когда русские войска вступили в Германию, был отдан приказ, в соответствии с которым можно было делать все и ничего не запрещалось. Войска больше не получали продовольствия. Они должны были забирать все у немцев. Приказ практически узаконивал военные преступления. Так и начались ужасные бесчинства и грабежи. Солдаты, прошедшие весь путь по России в Германию и лишенные теперь продовольствия, разграбили все.
> Примерно через месяц приказ отменили, и русские солдаты снова получали довольствие. Против солдат, не выполнявших соответствующее распоряжение, сразу же начались карательные акции (271).

1945 – время конца

Данциг пал 28 марта 1945 г. Немецкие защитники города отошли еще на предмостное укрепление между реками, Вислой и Ногатом, которое, будучи защищенным паводками, было связано также с окруженными немецкими соединениями на Земландском полуостроове. Описание событий с января по май 1945 г., которое Фриц Динер дает с позиции участника событий, позволяет заключить, что война на этой последней фазе принимала черты, представлявшиеся почти гротескными.

> Наша дивизия народного ополчения была в конце 1944 г. переброшена в Гуру-Кальварию на Висле, примерно в тридцати километрах южнее Варшавы. В качестве военных врачей мы должны были лечить также поляков и русских. Если мы находились там, где было и гражданское население, мы специально получали медикаменты для его лечения. Это было обычным делом, о чем знали и поляки, относившиеся к нам с большим доверием. Они вовсе не боялись нас, да и нас побуждали к оказанию им помощи.
> Как-то раз пришли здешние мужчины, на головах у которых было что-то вроде синих кепок. Они сказали, что их знакомые наскочили на мины. Я даже поехал к ним. После наш командир сказал мне, что это были, вероятно, польские партизаны. У них не было врача, вот они и воспользовались помощью немецкого доктора.
> (…) 15 января мы с южной окраины Варшавы поехали на грузовиках на запад. (…) Я ехал на санитарной машине вдоль переднего края обороны по дороге, справа и слева от которой лежали солдаты. Я слишком поздно заметил, что это были русские и немцы, стрелявшие друг в друга. Тогда ведь линия фронта изменялась ежечасно. (…)
> В аэропорту Данцига я встретил в подвале капитана ополченцев с бутылкой коньяка. Мы немного выпили. Внезапно снаружи послышались разрывы ручных гранат (…). Он поднялся вверх по лестнице, я за ним. Там, метрах в десяти от нас, на другой стороне улицы стояли человек восемь-девять. Я рявкнул: «Что вы за идиоты, что швыряетесь здесь гранатами!» Тут мой обер-ефрейтор потянул меня за портупею назад и сказал: «Это же русские». Была зима, и тогда немцы и русские выглядели довольно похоже.

Между тем и они заметили, что я не русский. Нам пришлось удирать. (…)
Под конец мы оказались в порту Шивенхорст, откуда уходили боевые корабли военно-морского флота. (…) Русские практически обложили нас. Они разместили плакаты, гласившие, что мы – современнейший лагерь военнопленных в мире с собственным продовольствием и своей охраной. В этом участвовали и немецкие офицеры, находившиеся на русской службе. В остальном же русские практически оставили нас в покое. Тем временем пал Штеттин, потом Берлин, а мы оставались на Данцигском острове и вообще не знали, что происходило. Русским была ясна наша полная неспособность к наступлению. Мы же были рады тому, что вообще еще живы. (…)
В последние дни войны русские, по-видимому, присоединились к Красному Кресту. Во всяком случае, 3 мая я получил приказ пошить для нашего санитарного персонала повязки с красным крестом (276 и сл., 286 и сл.).

Владимир Кованов участвовал в наступлении на Висле как главный врач 65-й русской армии. 21 января 1945 г. пал восточно-прусский город Гумбинен. В связи с этим русскоий офицер делится впечатлениями:

По узким улицам Гумбинена пришлось продвигаться осторожно. Бойцам приходилось прочесывать дом за домом, квартал за кварталом. Гитлер бросал в бой последние резервы. Среди защитников городов все чаще стали попадаться юнцы и пожилые люди – ветераны Первой мировой войны. Помню, был такой случай: в медсанбат доставили раненого эсэсовца и хотели оказать ему помощь. Но он сорвал повязку, в ярости выхватил из сапога нож и замахнулся на врача. Однако ударить не хватило сил, нож выпал из ослабевших рук[17].

По словам начальника советской санитарной службы, за русскими линиями, по состоянию на 1 ноября 1944 г., стояло наготове около 61.400 коек для приема раненых и больных военнопленных. С февраля 1945 г. существовала даже собственная медицинская служба для военнопленных, которую возглавлял генерал-лейтенант медицинской службы. По поводу 3-го Белорусского фронта этот генерал-лейтенант сообщал в мае 1945 г., что для раненых из Кенигсберга, Пиллау и с косы Куриш-Нерунг было организовано пятнадцать госпиталей.

В неразрешенном до сих пор историографическом противоречии с этим пребывают высказывания, например, военнослужащих немецкой 19-й танковой дивизии, которые в своем многотомном сборнике «Германская санитарная служба 1921–1945 гг.» цитирует Хуберт Фишер:

Никто из раненых полка во время битвы на Висле в январе 1945 г. не вернулся живым. Впоследствии удалось выяснить, что раненые в санитарных поездах и госпиталях были без остатка перебиты или расстреляны, частью поляками, частью русскими. Это касается и тех, кто во время арьергардных боев в январе 1945 г. живыми оказались в советском плену[18].

Михаил Ястребов сообщает о впечатлении, которое произвела на него Восточная Пруссия после того, как бои там закончились.

Расстояние между окруженными немцами и фронтом на Западе составляло тогда от пятидесяти до семидесяти километров. Тем не менее, немцы попытались вырваться из окружения. Мы вообще не ожидали этой атаки немцев. Главный удар при наступлении обрушил-

ся на корпус, в котором я был начальником медицинской службы. Немецкие войска прорвали наш передний край и двинулись по тылу. Это был последний эпизод войны, в ходе которого нам снова пришлось на время отойти.

При этом прорыве около местечка Вормдитт были расстреляны в госпитале все раненые. Когда через несколько дней туда снова пришли русские войска, они нашли мертвых. Раненые так и остались лежать, как они лежали во время лечения. Погибло и трое врачей. Один врач сумел убежать и спрятаться.

Последнюю фазу войны я пережил в Восточной Пруссии. Мы восхищались тогда великолепной асфальтированной автострадой от Кёнигсберга до Берлина. Нам бросалось в глаза и то, что каждый дом был из камня. Все было очень чисто и ухоженно. В домах, где расквартировывались русские войска, мы нашли в погребах маринованные продукты, мясные консервы, вино и ликёр (301).

Михаила Ястребова, как и почти всех русских солдат, потрясло благосостояние восточногерманского населения. И победители удивленно спрашивали себя, зачем, вообще, такой богатый народ напал на относительно бедный, каким были они.

В конце января 1945 г. 4-й германской армии пришлось, в результате штурма войск 1-го Прибалтийского, а также 3-го и 2-го Белорусских фронтов, отойти в так называемый Хайльсбергский треугольник в направлении на Кёнигсберг. Вместе с немецкими солдатами в этот район, где происходили крайне тяжелые бои, устремились сотни тысяч беженцев. Бруно Бюксенштайн пережил эти бои в Хайльсбергском треугольнике в качестве врача батальона пехоты, защищавшего укрепленный район. Его описание опирается на свидетельства многочисленных немецких врачей, к которым в качестве младшего медицинского персонала были приставлены священники. В этом описании вновь и вновь ощущается, что обе группы солдат – священники и врачи – чувствовали своего рода родство душ: с одной стороны, работа тех и других плохо совмещалась с войной, а с другой, они, в известной степени, действовали против войны, пытаясь спасать людей или, по меньшей мере, их достоинство.

Мы всегда стояли непосредственно напротив русских, у нас было ужасно много раненых, а также много убитых. Среди моих санитаров было двое священнослужителей. Один, сорокатрехлетний, казался мне, тогда 24-летнему, очень старым. С другим пастором произошел странный эпизод. Мы оба случайно увидели, как граната взорвалась рядом с солдатом-ополченцем, да так, что клочки полетели. И пастор хотел сразу же бежать из дома. (…) Едва он выскочил, как тут же его опрокинула граната. Теперь мне надо было побежать следом и привести обоих обратно. У пастора сбоку все было разорвано. Он был совсем бледный. Я его обследовал и не нашел на теле повреждений. И все-таки осколок гранаты размером восемь-десять сантиметров действительно лежал в его маленькой Библии, которую он всегда доставал, когда мы хоронили мертвых. Он очень тихо сказал: «Видите, жизнь моя в руке Божьей» (311 и сл.).

О боях под Хайлигенбайлем вспоминает и русский врач Вильям Гиллер. Во время боев 15 февраля 1945 г. пал в возрасте всего лишь тридцати шести лет генерал Черняховский, принявший командование фронтом только в апреле 1944 г.

Командующий скончался до приезда наших хирургов. (…) Все понимали, как тяжела эта утрата и как трагична эта гибель в последние месяцы войны. (…) Но фронт все дальше

25-летний ленинградский студент-медик Михаил Ястребов (слева) и немецкий врач из Мюнстера Бруно Бюксенштайн во время Второй мировой войны.

отодвигался к побережью. Вместе с двумя-тремя другими госпиталями нам предстояло организовать временную госпитальную базу по оказанию помощи раненым в районе города Хайлигенбайля, на побережье Данцигской бухты. Войска фронта заканчивали ликвидацию и пленение немецкой группировки, защищавшей Хайльсбергский укрепленный район, и окружили Кёнигсберг[19].

Бруно Бюксенштайн принадлежал, по выражению его русского коллеги Гиллера, к «остаткам немецкой группировки», «ликвидированной» под Хайлигенбайлем. Он описывает события со своей точки зрения:

После ужасающего огневого налета мы попали в плен. (…) Русские подошли к нашему подвалу и выкурили нас. Они бросали ручные гранаты. Все заволокло дымом; ничего не было видно. Кто-то впал в панику и пронзительно кричал. Никто больше не думал о сопротивлении. Ситуация оказалась безнадежной. Вокруг нас стояли, по меньшей мере, от трехсот до пятисот русских. Я натянул на рукав пальто повязку с красным крестом, которую вообще-то никогда не носил. (…)
Чувства наши при взятии в плен были двойственны. С одной стороны, мы себе говорили, что вот теперь мы в русском плену, и кто знает, что они с нами сделают. С другой, появилось невероятное чувство вдруг наступившей тишины – покоя. Недели и дни до тех пор были безостановочной стрельбой (316 и сл.).

9 апреля 1945 г. пал Кенигсберг. Граф Лендорф пережил приход русских солдат в этот день в одной из кёнигсбергских больниц. В его размышлениях возникает вопрос о том, следовало ли, вообще, сообщать о происходившем тогда в Восточной Германии. Для самого себя он отвечает на этот вопрос, записав свои воспоминания. Вот что в них говорится:

Что, собственно, спрашиваю я себя, мы переживаем? В природной ли дикости дело или в мести? (…) Не есть ли это месть внутри самого человека, не мстит ли здесь тварь – человеческой натуре, плоть – духу, который ей навязан? Откуда взялись эти типы, люди, как мы, подчиняющиеся инстинктам, которые совершенно не вяжутся с их внешним обликом? Что за стремление – продемонстрировать хаос! И к тому же еще тупой, лающий язык, который, кажется, давно покинуло слово. И эти затравленные дети пятнадцати-шестнадцати

лет, бросающиеся, как волки, на женщин, не зная толком, в чем, собственно, дело. Это не имеет никакого отношения к России, к определенному народу или расе – это человек без Бога, рожа человека. Иначе все это не могло бы меня затрагивать так болезненно, словно собственная вина[20].

Русского капитана Григория Климова из штаба 1-го Белорусского фронта на какой-то миг из-за многочисленных жестокостей в Восточной Пруссии посетила очень похожая мысль. Он писал в своем дневнике:

Часто мне приходится размышлять о вине и покаянии, о критериях преступления и возмездия – где заканчивается справедливое возмездие, где начинается преступление? Кто мог бы хладнокровно взирать на труп молодой [немецкой] женщины, лежащий в кювете, с оголенной нижней частью тела и пивной бутылкой между ног? По шоссе бесконечными колоннами идут войска. Все видят труп в кювете, но никому и в голову не приходит отодвинуть его в сторону. Как символ, труп лежит на улице. Символ чего?[21]

Владимир Кованов во время наступления попал в местечко поблизости от Берлина и должен был взять на себя руководство немецким госпиталем. Он сообщает, в каких условиях это произошло:

Примерно в двадцати километрах к востоку от Берлина находился немецкий военный госпиталь. В округе шли очень жестокие бои. Этот немецкий госпиталь оказался теперь в полосе нашей армии, перешедшей в наступление на Берлин. Поэтому следовало проконтролировать, не скрывались ли среди двух-трех тысяч раненых, лежавших там, здоровые немецкие солдаты.

Контроль за ранеными хотели взять на себя органы «смерша», нашей политической полиции. Но, так как эти люди ничего не понимали в медицине и поэтому не могли уверенно сказать, кто был ранен, а кто нет, они хотели врачебного сопровождения. Меня привлекли как армейского хирурга, а со мной моего друга (…), терапевта (…). Вот мы подъехали к главному входу этого немецкого госпиталя. Часовой пропустил нас, и мы через внутренний двор подошли к зданию. Внезапно раздались выстрелы. (…)

В высоких дверях госпиталя появился капитан контрразведки, рука которого висела как плеть. Мы бросились (…) к нему. Он сказал: «Я только заглянул в больницу на время для проверки. Когда они увидели мою форму, в меня сразу же выстрелили какие-то немецкие свиньи – раненые, которым были даже ампутированы ноги».

Сразу же вслед за тем я вызвал к себе немецкого главного врача больницы и ведущих врачей разных отделений. Главный врач был маленьким и толстым. Он тяжело дышал, и у него были красные щеки. Он производил впечатление очень испуганного человека и постоянно стирал пот со лба. Наверняка он боялся за свою жизнь. И действительно, это была одна из немногих ситуаций, когда я использовал русские ругательства, к которым обычно не прибегаю. (…)

Успех моей брани утвердил меня в моей правоте, даже если я никогда прежде не позволял себе обмениваться с коллегами-врачами грубыми словами. Немецкие врачи посовещались друг с другом и попросили дать им пятнадцать минут. Они хотели объяснить раненым бесцельность сопротивления. Они разошлись по палатам, и все было сделано как нельзя лучше, в духе немцев – добросовестно и аккуратно.

3 мая 1945 г. Главный хирург 65-й армии профессор Владимир Кованов (справа) в Берлине. Через четыре года после войны он стал одним из основателей Советского комитета защиты мира.

(…) Потом я прошел по всем палатам. Свою форму я спрятал под врачебный халат – не хотел без необходимости волновать раненых. Они были потрясены, внезапно став пленными. Когда я замечал, что некоторым раненым были плохо наложены гипсовые повязки или сползли бинты, то оказывал им помощь. И вскоре я совсем забыл, что они были немцами; я был, так сказать, в своей стихии. Вскоре забылся и инцидент с капитаном смерша. Я провел в госпитале целый день. И думаю, что раненые отнеслись ко мне с доверием и с благодарностью тоже. (…) В остальном же, среди двух-трех тысяч немцев там не было никого, не имевшего ранений и просто скрывавшегося[22].

В то время как за Берлин еще шли ожесточенные бои, по дорогам Восточной Германии двигались на Восток длинные колонны из многих тысяч немецких военнопленных. Одним из них был Бруно Бюксенштайн:

В самом начале пребывания в плену ко мне обратился русский еврей, так же хорошо владевший немецким, как и я. Он сказал: «Доктор, идите сюда. Уходите от всей той публики. Эти люди Вас только допрашивают и притесняют. Я рад, что могу переговорить с культурным человеком». Так вот, я пришел к нему, и он сказал: «Скажите, что Вы думаете об этой войне? Что будет дальше? Война ведь кончилась. И с Гитлером покончено».
Мне было тогда двадцать четыре года, и война едва закончилась. Вот я и сказал: «Все далеко не так. Что Вы скажете, если клещи из Курляндии, сверху, двинутся вниз, в Верхнюю Силезию? Тогда Вы окажетесь в ловушке. И мы снова выступим друг против друга, но это будет уже по-другому». После этого он посмотрел на меня и сказал: «Да, доктор, если Вы так со мной говорите, то давайте лучше не будем беседовать». И отослал меня. Собственно, он был прав.
(…) В Георгенбурге состоялся первый допрос. Меня спрашивали, например: «Были ли Вы добровольно в вермахте?» Я сказал: «Да, конечно». Потом спросили, состоял ли я в какой-нибудь национал-социалистской организации. Я сказал: «Разумеется, в национал-социалистском союзе студентов. Это было обязательно. А еще в НСАК, национал-социалистском автокорпусе». Тогда допрашивавший офицер заметил, ухмыльнувшись, что я первый, похоже, кто в нем состоял; все остальные не имели к нему никакого отношения.

2 мая 1945 г. в Берлине смолкло оружие. В одной из книг о Второй мировой войне, подготовленной журналами «Тайм» и «Лайф», рассказывается о занятии Берлина русскими войсками:

Берлинцы иногда ошеломлены дисциплиной, даже приветливостью советских боевых частей. Их военнослужащие проявляли себе не варварами, а завязывали дружбу с детьми или приглашали взрослых выпить по стаканчику. «Должен Вам сказать, – предостерег советский лейтенант настоятельницу одного монастыря, – те, кто придут после нас – просто свиньи». Хотя и товарищи этого лейтенанта не были ангелами, он все же оказался прав со своим мнением о многих последовавших за ним солдатах оккупационных войск[23].

Ни один из русских врачей, опрошенных при подготовке настоящего исследования, не высказался детально о поведении русских солдат в Германии, прежде всего, в отношении женщин. Они ограничивались, самое большее, намеками. Здесь была достигнута граница психологически возможного.

С падением Берлина война еще не закончилась. Бои вокруг «крепости» Бреслау шли еще до 6 мая 1945 г. Главный врач 65-й русской армии Кованов сообщает о странном эпизоде тех дней мая 1945 г.:

Это было в Бреслау под самый конец войны. Армейский полковник (…) ехал со своим водителем и офицером сопровождения (…). Мы ехали вслед за автомобилем полковника на некотором отдалении и внезапно увидели, как эта машина взорвалась и, загоревшись, влетела в кювет. (…) Подбежали солдаты, спрашивая, куда мы едем. Они заминировали эти места, так как большое подразделение СС пыталось здесь пробиться. Люди в машине перед нами были мертвы (…). Я не могу забыть похорон в Бреслау этого полковника и других погибших. Война, между тем, закончилась. Играл военный оркестр. И я увидел нечто такое, чего никогда не переживал прежде: из многих домов в Бреслау вышли немецкие женщины в траурных платьях. Конечно, это не было выражением сочувствия к погибшему советскому офицеру.

Речь шла, вероятно, об общем трауре. Ведь там едва ли была хоть одна немецкая семья, которой не приходилось оплакивать павших. Они оплакивали своих погибших, но чувства с обеих сторон были одни и те же. Насколько я знаю, в Германии было во время войны запрещено носить траур. А сейчас, наверняка первый раз после войны, у жителей города появилась возможность выразить свое горе. Мертвые из этих семей лежали, вероятно, в Сталинграде или где-то еще в России[24].

Михаил Ястребов пережил окончание войны в Германии. Как и многих других солдат, его тронула под конец военных лет, прежде всего, тишина – может быть, одна из самых существенных характеристик наступившего мира:

У нас не было радиоприемника, и мы не знали толком, что произошло. Но я чувствовал уже раньше, что все идет к концу, ведь немцы никогда не стреляли в этих местах так без разбора, как тогда, 8 мая. Были даже еще раненые. Немцы расстреляли свои боеприпасы до 24 часов. Это был час, когда капитуляция вступила в силу. С того времени – немецкая пунктуальность – не прозвучало больше ни одного выстрела. Вдруг наступила полная тишина. Это было очень странно (370).

Только по прошествии десятилетий после войны можно даже посмеяться над странными событиями войны. Например, русский врач Надежда Оцеп сообщает о почти забавном эпизоде взаимопонимания между народами во время этой войны:

Как-то раз наши солдаты должны были захватить военный объект немцев – спиртовой завод. Солдаты бились, конечно, с большим энтузиазмом, но, как ни странно, в мой мед-

пункт не доставили ни одного раненого. Поэтому я послала на объект всех санитаров, какие только были, чтобы они принесли раненых. Но и они исчезли. К несчастью, в этот момент появилась инспекция, в состав которой входил генерал Заулев. Комиссия хотела знать, как обстоят дела на захваченном объекте. (…) Позже я узнала, что все: немцы и русские, санитары и раненые, – пьяные вдрызг, лежали в обнимку около завода. Так водка соединила пролетариев всех стран. На миг в этом месте воцарилась большая дружба между немцами и русскими. Генерал Заулев выписал мне десять суток ареста за то, что я не пресекла этот беспорядок (545).

Надежда Оцеп сообщила к тому же о серьезном жесте примирения во время войны – даже если и остается открытым вопрос о том, что произошло бы, если бы не ее вмешательство.

Как-то раз в нашу санитарную роту принесли раненого немецкого солдата. Когда это увидели легкораненые русские солдаты, они очень разозлились и собирались его избить. Я сразу крикнула, чтобы они прекратили, мол, лежачего не бьют. Успокоив их, я пошла дальше в поисках других раненых. Вернувшись, я увидела совершенно изменившуюся сцену: немец, раненый в обе руки, не мог держать ложку, и те же раненые, которые только что собирались его избить, теперь кормили его с ложечки. Чувства ненависти уже исчезли.

За неполные четыре года с немецкой и русской стороны, в целом, было убито более 25 миллионов человек и ранено более 100 миллионов. В эту жестокую борьбу были втянуты 200.000 врачей. Сегодня русские и немецкие врачи, во время войны противостоявшие друг другу, говорят друг о друге с уважением, даже с определенной симпатией. Через эти слова сквозит не только трезвая зрелость двух народов, много страдавших в XX веке; в гораздо большей степени – это воля к примирению старшего поколения русских и немцев, порожденная сознанием того, что все страдания были общей судьбой.

Перевод с немецкого Валерия Брун-Цехового

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья представляет собой переработанный и отредактированный отрывок из книги *Karlheinz Schneider-Janessen:* Arzt im Krieg. Wie deutsche und russische Arzte den Zwei-ten Weltkrieg erlebten. – Frankfurt a. M., 1993; 4. Auflage 2001. В этой статье встречаются дословные фрагменты разговоров автора с немецкими и русскими врачами в 1991 и 1992 гг.; актуализировать и проверить для этого отрывка даты жизни не удалось. Речь идет о Карле-Хайнце Брауне (*1920), Бруно Бюксенштайне (*1920), Фрице Динере (*1917), Валентине Дерябиной (*1920), Рудольфе Гроссе (*1916), Михаиле Ястребове (*1915), Ирине Каменской (*1914), Владимире Кованове (*1909), Марии Крымской (*1919), Павле Лазареве (*1923), Анне Медведевой (*1920), Надежде Оцеп (*1920), Борисе Петровском (*1908), Вере Рождественской (*1913), Германе Шлютере (*1903); Хансе-Хайнце Шрёмбгенсе (*1916), Юлии Смирновой (*1917) и Петере Штоллле (*1916). Цитируются и книги врачей. Многие из этих книг не нашли издателей и появились в виде издания автора. Врачи, записывавшие свои воспоминания о войне, в целом, воспринимали себя не как писателей, а как корреспондентов и очевидцев.

[2] Чтобы не нарушать процесс чтения, в сжатых отрывках из текстов специально не выделяются пропуски. Некоторые отсутствующие синтаксические согласования, вызванные сокращениями,

устанавливаются де-факто в отличие от оригинала. Цитаты из книги Шнайдер-Янессена указаны ниже в тексте в скобках.

[3] *Erich Staudt:* Das Feldlazarett 269 mot. im Zweiten Weltkrieg. Otterndorf (Selbstverlag) 1966; zitiert nach Schneider-Janessen (wie Anm. 1). S. 32f.

[4] *Hubert Fischer:* Der deutsche Sanitätsdienst 1921–1945. Organisation, Dokumente und persönliche Erfahrungen. 6 Bde. – Osnabrück, 1982–1994; hier Bd. 2: Der Sanitätsdienst der Wehrmacht im 2. Weltkrieg (1939–1945). Der Feldzug in Frankreich; der Feldzug gegen Jugoslawien und Griechenland; der Krieg gegen die Sowjetunion; zitiert nach Schneider-Janessen (wie Anm. 1). S. 34f.

[5] *Peter Bamm:* Die unsichtbare Flagge. 2. Aufl. – Munchen, 1952. S. 63f.

[6] Zitiert nach Martin Kruse (Hrsg.): Die Stalingrad-Madonna. Das Werk Kurt Reubers als Dokument der Versöhnung. Hannover 1992. S. 72f. Курт Ройбер (1906–1944) умер в русском плену.

[7] *Hansheinrich Grunert:* Der zerrissene Soldat. Berlin 1962; zitiert nach Schneider-Janessen (wie Anm. 1). S. 85.

[8] *Bamm* (wie Anm. 5). S. 139, 141f., 146ff.

[9] Zitiert nach Kruse (wie Anm. 6). S. 52 und 74.

[10] Ebd. S. 55.

[11] *Hans Dibold:* Arzt in Stalingrad. Passion einer Gefangenschaft. Salzburg 1949; zitiert nach Schneider-Janessen (wie Anm. 1). S. 165.

[12] *Hermann Achleitner:* Als Arzt in Stalingrad. In: Alois Beck (Hrsg.): Bis Stalingrad… 2. Aufl. Ulm 1983; zitiert nach Schneider-Janessen (wie Anm. 1). S. 172ff.

[13] *Dibold* (wie Anm. 11); zitiert nach Schneider-Janessen (wie Anm. 1). S. 188.

[14] *Kuno Eugen Wahl:* Sieben Jahre Rußland – in Lazaretten und Lagern 1943–49. Aufzeichnungen eines Chirurgen aus Krieg und Gefangenschaft. – Konstanz, 1980 (Neuausgabe Berlin 2001); zitiert nach Schneider-Janessen (wie Anm. 1). S. 229ff., 235ff., 239.

[15] Ebd. S. 249f., 252, 256f.

[16] Ebd. S. 259f.

[17] *Кованов В.В.* Солдаты бессмертия. – М., 1986. С. 221.

[18] Fischer (wie Anm. 4), zitiert nach Schneider-Janessen (wie Anm. 1). S. 296.

[19] *Гиллер В.Е.* И снова в бой… – М., 1981. С. 404–405.

[20] *Hans Graf von Lehndorff:* Ostpreußisches Tagebuch. Aufzeichnungen eines Arztes aus den Jahren 1945 bis 1947. – München, 1961; zitiert nach Schneider-Janessen (wie Anm. 1). S. 321. Zitiert nach Schneider-Janessen (wie Anm. 1). S. 321.

Соня Рихтер

ВОЙНА КАК ОПЫТ, ПРИОБРЕТЕННЫЙ НА ЧУЖБИНЕ. Образ России в письмах с фронта солдата Фридриха Грелле (1914–1915)[1]

Историческая наука, которая в последние годы проявила интерес к исследованию обеих мировых войн в письмах с фронта, открыла вид глубокого исторического источника[2], позволяющего приобрести ценные знания относительно военного опыта «маленького человека». Благодаря им можно написать историю войны «снизу» и поставить ее в один ряд с обычной политической и военной историографией. В центре интереса чаще всего оказывается личное отношение пишущих солдат к обыденному опыту лишений, страданий и смерти, в частности, влияние этого опыта на их психическое состояние.

При этом, однако, мало внимания уделяется тому факту, что фронт был больше, чем местом непрерывной угрозы жизни и приобретения опыта страданий. Он был и местом *встреч*. С одной стороны, он сводил вместе в своих рядах людей самого различного регионального, социального и профессионального происхождения, что в обычной жизни вряд ли когда-либо могло произойти. Этот присущий потенциалу конфликтов факт порой упоминается в литературе. Кроме того, на фронте встречались и представители двух (или больше) разных наций с соответствующими собственными общественными и культурными традициями, нормами жизни и ценностями. Между тем этот факт во время войны, очевидно, рассматривается как нечто само собой разумеющееся, что вряд ли заслуживает особого упоминания в литературе. Поскольку в то время в общественном мнении именно Первая мировая война толковалась как «война культур» (не говоря уже о народной идеологии национал-социалистов во Второй мировой войне, где собственная, стоящая над другими культура, была предназначена для победы над враждебной низшей культурой), нам следует задаться таким вопросом: а как те, кто воевал на этой войне, – солдаты на фронте – воспринимали и оценивали чуждую им культуру, с которой они сталкивались. И вряд ли что-либо ярче может показать степень воздействия общих и обусловленных войной предрассудков и образов врага.

Рассмотрению этого вопроса посвящается данное научное исследование, в котором изучались письма с фронта немецкого солдата Фридриха Грелле, написанные им в период с 1914 по 1915 годы с восточного фронта. При этом интересно, в какой форме он сообщает о своих встречах с вражескими русскими солдатами, как он описывает свои впечатления о завоеванных русских территориях, и как он выражает свое отношение к этой чужой стране и ее людям. Поэтому следует предпринять попытку однажды представить так называемую «войну культур» с точки зрения не *просто* «маленького человека», а *одного* определенного лица.

Фридрих Грелле. 1914 г. (фото: Эрнст Тремпер, Ганновер).

Первый год войны на Восточном фронте

Прежде чем мы обратимся к исследованию источников, сначала в трех вводных главах определим рамки, в которых имели место данные свидетельства. В первую очередь, рассматривается общий исторический контекст, т. е. военное положение на Восточном фронте в период с начала войны в августе 1914 года и до окончания большого наступления немецких войск в начале осени 1915 года. Далее следует краткое представление солдата Фридриха Грелле и заметки о его участии в военных действиях на востоке. В заключение приводятся принципиальные замечания к письмам и открыткам с фронта Фридриха Грелле, которые являются основным материалом в данном исследовании.

Бои

Через две недели после начала Первой мировой войны бои между немецкими и русскими войсками шли сначала на немецкой территории. 17 августа 1-я русская армия под командованием генерала Ренненкампфа[3] на севере, а 19 августа 2-я армия под

командованием Самсонова[4] на юге перешли границу Восточной Пруссии, надеясь взять в клещи дислоцированные там немецкие соединения и уничтожить их. Сопротивление немецкой армии, которая не рассчитывала на столь быстрое наступление русских и потому вела оборону всего лишь несколькими соединениями, хотя и было частично сломлено, однако, в конце концов, кампания не увенчалась успехом. В двух великих битвах (при Танненберге и на Мазурском поозёрье) в августе и сентябре 1914 года русские армии потерпели тяжелые поражения, причем 2–я армия была совершенно измотана, в то время как 1-й удалось все-таки отступить на русскую территорию[5].

Причина такой неудачи крылась, прежде всего, в плохой организации и оснащенности русских армий, которые, будучи недостаточно подготовленными, только под давлением Франции начали военные действия. При вступлении в Восточную Пруссию войскам не хватало практически всего: вооружения, снаряжения, довольствия; кроме того, были существенные проблемы в координации и связи между отдельными армиями, а также между ними и командованием[6]. При обороне Восточной Пруссии немцы использовали эту ситуацию в свою пользу. Хотя, учитывая приоритет, принадлежавший тогда западному фронту, немцы не располагали достаточным количеством войск на востоке для продолжительного эффективного наступления против русских армий, военное положение до начала 1915 года оставалось одинаковым для обеих сторон. Русским войскам даже удалось продвинуться на Мазурское поозёрье и перейти в позиционную оборону вдоль реки Ангерапп.

То, чего русские не смогли добиться на севере, – успешно подавить врага и оккупировать значительную часть его территорий – они добились на юге, где завоевали бóльшую часть Галиции и Буковину и ввели свое управление. Хотя они заняли часть Австрии, населенную поляками, но уступили Германии небольшую часть русской Польши. Однако потеря Восточной Галиции для Австрии была также невыносима, как длительное присутствие русских войск в Восточной Пруссии для Германии; кроме того, страны Центральной Европы стремились к полному подавлению русских армий, чтобы потом целиком сконцентрировать свои силы на западном фронте, требовавшем полной отдачи сил.

Поэтому в начале 1915 года они предприняли наступление против России в двух направлениях: Австрия в Карпатах, а Германия в Восточной Пруссии. Две армии (8-я и 10-я) берут в окружение 10-ю русскую армию и уничтожают ее. С этой целью 10-я армия наступает с северо-запада, 8-я с запада и юго-запада на русские позиции. Начавшееся в начале февраля наступление (зимняя битва на Мазурах) было настолько успешным, что позволило немецким войскам не только полностью отбросить неподготовленные русские войска в течение одной недели на 100 км назад, но и, со своей стороны, продвинуться на русскую территорию и ввести там осаду крепости Осовец. Но поскольку сопротивление русских – тем временем их 12-я армия, вновь созданная южнее Восточной Пруссии, начала свои действия – не было сломлено, немцы вскоре опять отступили к границе. Россия все-таки отказалась от мысли завоевания Восточной Пруссии. Сначала наступление Австрии в Карпатах не принесло больших успехов[7].

Окончательный прорыв в пользу стран Центральной Европы принесли следующие полгода. Русские войска, состояние которых все больше отягчалось нехватками в снабжении, не могли ответить на большое наступление стран Центральной Европы, обеспечивших, наконец, необходимое усиление войск на восточном фронте, и

отступали все дальше на всех участках фронта; благодаря этому удалось отвоевать не только Галицию (9 июня 1915 года: завоевание Лемберга), но и постепенно страны Центральной Европы смогли занять всю русскую часть Польши. 5 августа была взята Варшава, 10-го Ломжа, 18-го Ковно, а в начале сентября пала крепость Гродно. Литва и Курляндия тоже попали в руки немцев. Чтобы осложнить преследование и, по возможности, сделать страну непригодной для оккупантов, русские армии при отступлении разоряли более или менее систематически оставляемые территории. Наконец, в конце сентября немецкие армии остановили свое наступление и перешли в позиционную оборону вдоль завоеванной до сих пор линии фронта – от Рижского залива вдоль Двины в направлении Север–Юг до австрийской линии фронта при Черновицах в Буковине. Так и на восточном фронте началась продолжительная позиционная война[8].

Из Курляндии, Литвы, северной окраины русской части Польши (вокруг городов Гродно и Белосток) и из западных районов Белоруссии после оккупации немецкими войсками была создана зона оккупации «Обер Ост» (Верхний Восток), из занятой Германией русской части Польши – генерал-губернаторство Варшава, а Австрия образовала в своей части губернию с центром в Люблине. Таким образом, два государства Центральной Европы заняли территорию, которая сильно пострадала во время военных действий и нуждалась в течение длительного времени в восстановлении после нанесенного ущерба[9].

Фронтовик Фридрих Грелле

Фридрих Грелле, сын учителя народной школы в Ганновере, родился в 1893 году. После обучения в школе в 1912 году он начал изучать богословие в Тюбингене, спустя один семестр он продолжил обучение в университете Галле-Виттенберг и после очередной смены места учебы на пасху в 1914 году намеревался закончить обучение в Гёттингенском университете. Когда летом того года разразилась мировая война, он прервал свое обучение и в Ганновере записался добровольцем. После месяца ожидания и затем обучения в течение нескольких месяцев в пехотной школе в Ганновере в конце ноября 1914 года он, наконец, попадает на Восточный фронт, где проходит первое боевое крещение. Там он пребывает с начала декабря 1914 года и до начала февраля 1915 года в основном на позиции юго-восточнее районного города Лёцен, где немецкие и русские войска лежали в своих окопах напротив друг друга и время от времени вели небольшие бои, не вносившие значительных изменений в военное положение. С началом зимней битвы на второй неделе февраля фронт вновь пришел в движение, что для пехотинцев означало, прежде всего, длительные изнурительные марши по заснеженному зимнему ландшафту. Рота, в которой служил Фридрих Грелле, сначала отправилась в западном направлении в обход озера Спирдинг (Снярдва) с юга, где состоялись первые бои с русскими войсками, а потом отправилась в восточном направлении до Иоганнесбурга и, наконец, на северо-восток в Луцк. 15 февраля 1915 года рота перешла русскую границу и продвинулась через польские города Августов и Липск до крепости Гродно. Там 25 февраля Фридрих Грелле был ранен гранатой в колено и доставлен санитарным транспортом обратно в Даркемен в Восточной Пруссии, откуда написал несколько писем, а потом был доставлен в лазарет в Мельдорф в Гольштейне.

Фридрих Грелле в 1916 г. в отпуске в Гёттингене со своей невестой Минни Рихтер (фото: Вильгельм Рихтер, Гёттинген).

После лечения и окончания офицерской школы в конце августа 1915 года его вновь отправили на территорию русской части Польши, большая часть которой к тому времени уже была оккупирована немецкими войсками, но на этот раз он был лейтенантом запаса и командиром взвода. Его действия на фронте начались примерно в 100 километрах юго-восточнее города Ломжа, откуда немцы гнали русские армии в северо-восточном направлении через реки Свислош и Неман и далее на северо-восток от Гродно на городок Лида. Несмотря на затяжное отступление русских войск, время от времени происходили ожесточенные бои. Фридриха Грелле после ранения командира роты назначили его преемником, что повысило не только его воинское звание, но и ответственность. 19 сентября, наконец, вся дивизия вернулась с фронта и переместилась на Западный фронт. После этого в Россию Фридрих Грелле больше не вернулся, а все остальное время войны он служил во Франции и Бельгии до того, как в конце июля 1917 года попал в плен к англичанам. Только в конце 1919-го он смог вернуться к гражданской жизни[10].

Письма с фронта Фридриха Грелле

В первый год войны солдаты писали в день примерно 6 миллионов писем своим родным, друзьям и знакомым; в обратном направлении отправлено около 8,5 миллионов писем. По оценке почты в первый год войны было доставлено около четырех миллиардов писем[11]. Среди этих бесчисленных отправителей писем в первый год войны был и Фридрих Грелле. Сохранилось более 800 писем и открыток от него с

фронта, 90 из них – с Восточного фронта, где он дважды участвовал в боевых действиях, около 600 – с Западного фронта, из лагеря подготовки и лазарета, а также 120 – из английского плена[12]. Для данного исследования были изучены все письма и открытки с восточного фронта, а также около сорока частных писем, написанных еще до участия в военных действиях. Исследованный материал относится к периодам с 31 июля 1914 года до 9 марта 1915, а также с 23 августа до 23 сентября 1915 года.

Бóльшая часть этих писем была отправлена в Гёттинген невесте Фридриха Грелле Минни Рихтер, небольшая их часть – его родителям в Ганновер. Множество писем, прежде всего, с подробным описанием военных впечатлений отправлялись одновременно нескольким получателям, т. е. сначала они шли к его невесте, которая их потом отправляла его родителям (а они переправляли их его сестре и тёте) либо сначала их получала семья, а потом они шли к невесте, которая, в конце концов, их все и сохранила. То, что они пережили те времена и позднейшие, в частности, Вторую мировую войну, это счастливый случай, учитывая судьбу поздних писем Фридриха Грелле, о которых рассказала его жена через много лет:

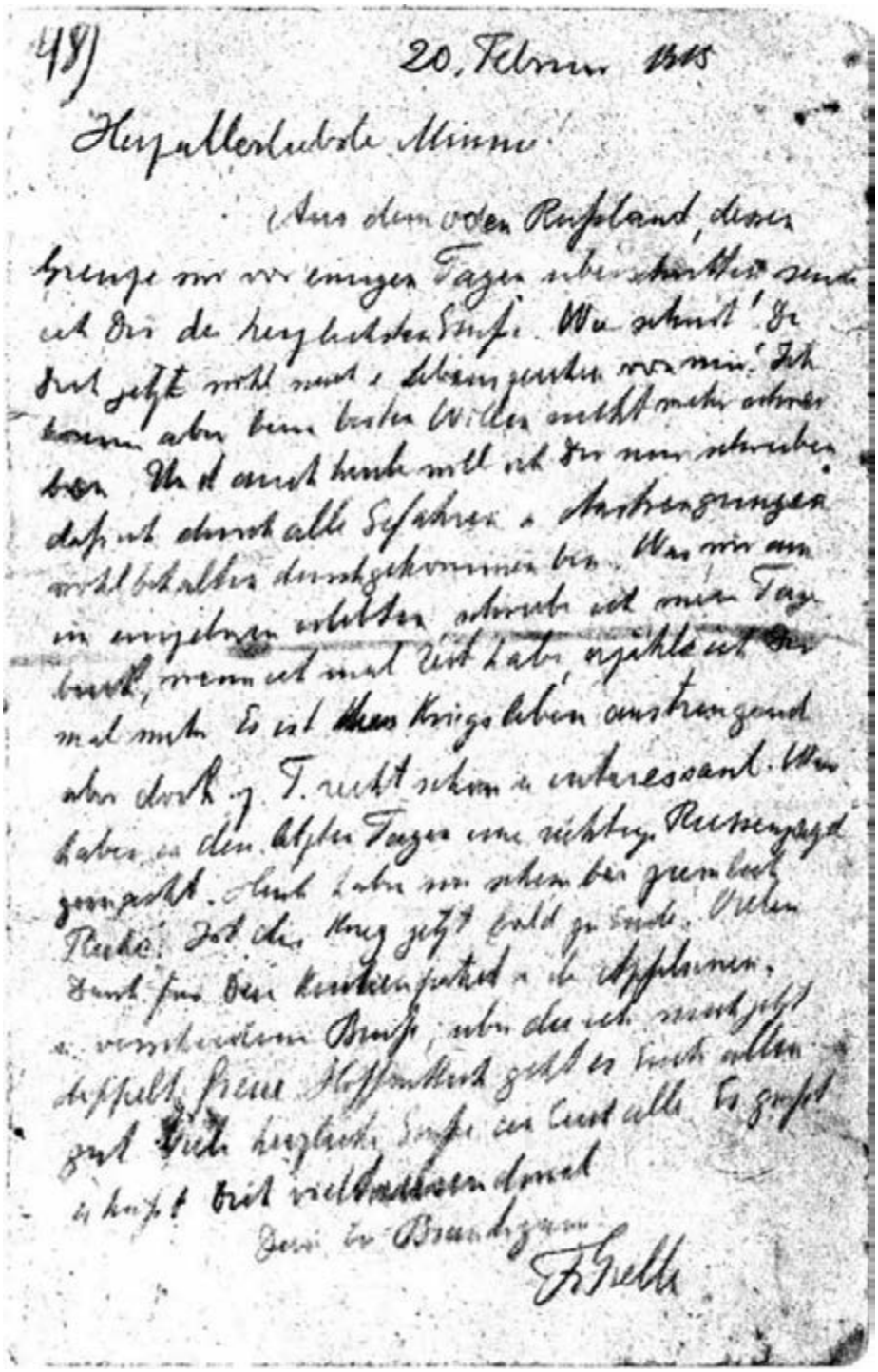
> У меня все письма Фридриха, написанные из плена. От многих других писем мне пришлось избавиться во время Второй мировой войны, чтобы избежать того, что произошло в Ганновере, когда, например, после бомбового удара были развеяны ветром ноты церковного хора в доме священника. Я собрала эти письма в 10-фунтовые пакеты от купца и сожгла их в кухонной плите – сколько же тысяч их могло быть?[13]

В эпистолярном творчестве Фридрих Грелле казался неутомимым. За исследуемый период он писал по 15–16 писем и открыток ежемесячно, т. е. каждые два дня письмо или открытку. В действительности же такая периодичность не соблюдалась, поскольку порой он писал ежедневно, иногда даже по два письма в день, когда у него было время и покой для этого; а во время и непосредственно после зимней битвы на Мазурах из-за внешних обстоятельств в течение одного месяца он отправил всего три открытки. Свое вынужденное молчание он позднее возместил подробным описанием своих переживаний в письмах из лазарета. О том, что ему очень нравилось писать письма, свидетельствует тот факт, что он всегда старался заполнить лист почтовой бумаги или открытку максимально; недостающую почтовую бумагу он довольно часто выменивал у своих товарищей на другие предметы и всегда извинялся, если ему не удавалось написать письмо или открытку.

Поскольку эти письма – как следует из дат и нумерации – сохранились почти все, то мы с вами располагаем чрезвычайно ценным историческим источником, и не только в количественном, но и в качественном отношении, что предстоит еще показать.

Военный менталитет и образ врага до действий на фронте

Как правило, люди создают себе образы других стран и их людей не при непосредственной встрече с ними, а на основе того всестороннего влияния, которому они подвержены в рамках своего общества, что часто приводит к созданию известных предрассудков и национальных стереотипов. В условиях войны они активно склоняются к видению народа противника в особо мрачных красках, и тем больше, чем сильнее влияние национальной пропаганды, которая разжигает это ощущение. Ее механизм можно описать в следующей формуле:



48) 20. Februar 1915

Herzallerliebste Minne!

Aus dem Osten Russland, dessen Grenze wir vor einigen Tagen überschritten sind, ist Dir die herzlichste Grüße. Wie schmerzlich Du Dich jetzt wohl mit e. Lebensgefährten vor mir. Ich kann aber kein besseres Wissen nicht mehr schreiben. Und auch heute will ich Dir nur schreiben, daß wir durch alle Gefahren e. Marschgeringen wohl bis hierher durchgekommen bin. Was wir am in einzelnen erlebten, schreibe ich einen Tag durch, wenn ich mal Zeit habe, erzähle ich Dir mal mehr. Es ist ein Kriegsleben anstrengend aber doch ganz recht schön u. interessant. Wir haben es den letzten Tagen eine richtige Russenjagd gemacht. Auch haben wir schon bei gemischt Reiche. Hoffentlich geht der Krieg jetzt bald zu Ende. Vielen Dank für Deine Karten, Pakete u. die Apfelsinen. u. verschiedenen Briefe, über die ich mich jetzt doppelt freue. Hoffentlich geht es Euch allen gut. Viele herzliche Grüße an Euch alle. Es grüßt u. küßt Dich vielmals und

Dein Dr. Brandigam

Fritz Grelle

Почтовая открытка с фронта – Грелле его невесте – от 20 февраля 1915 г.

У многих народов военная пропаганда прибегает к испытанному средству: очернить врага. Активизируют страх и отвращение не столько среди воинов, сколько среди женщин и стариков, чтобы они заставляли своих мужей и сыновей идти на защиту. Противника обычно изображают жестоким, алчным, свирепым и беспощадным; существом, полным жажды разрушения и звериной ненависти, которого нужно бояться, как дикой бестии. Он расчетлив, коварен и лукав; он также безобразный, грязный, противный, аморальный и противоестественный, одним словом, такой отвратительный и подлый, что настоящим благодеянием будет освободить от него землю[14].

И в Первую мировую войну насущная задача заключалась в представлении военного противника дьяволом. Война велась во имя защиты «культуры» или «цивилизации» от «варварства». Немецкая пропаганда, которую, прежде всего, вели интеллигенты, соответственно представляла «русских как грубейшее невежество», Англию как «страну плутократии, алчности, лицемерия»[15] и, используя поток националистических статей и докладов, стремилась в таком духе формировать общественное мнение. Сначала следует понять, какое влияние оказывала эта окружающая обстановка на Фридриха Грелле; таким образом, мы сможем создать сегодня картину того, каким было его первоначальное отношение к русскому военному противнику и как непосредственная встреча с ним, возможно, изменила его отношение.

Фридрих Грелле воспринял начало войны, скорее, покорно, нежели восторженно, хотя будучи представителем протестантской просвещенной буржуазии, относился к тому слою, который с особым энтузиазмом реагировал на начало войны[16]. Накануне вечером он писал своей будущей невесте:

> […] в Гёттингене сейчас жизнь бьет ключом. Политические события меняются молниеносно. Как же просто складывается такая ситуация, когда мы больше не увидимся! […] я пока еще должен остаться здесь. Сейчас я, естественно, не приеду, во всяком случае, из-за работы, как я собственно и намеревался. Я как раз упаковал все свои книги. Но, видимо, пройдет еще время, прежде чем меня призовут. Потом в течение 6 недель я буду проходить обучение и на фронт. […] однако, теперь не пора, хотя небольшая надежда теплится. (Гёттинген, 31 июля 1914 года)[17].

Тем не менее спустя несколько дней после начала войны он записался добровольцем. Казалось, что общее настроение произвело на него впечатление, и он надеялся на моральное обновление немецкого народа в ходе войны, что, не в последнюю очередь, пошло бы на пользу церкви:

> По тому впечатлению, какое у меня сложилось сегодня, кажется, что уже сейчас опасность многих вернула в церковь. Особенно победоносная война, которую ниспошлет нам бог, сослужит церкви большую службу. (Гёттинген, 5 августа 1914 года).

При этом, речь, скорее, идет о попытке отвоевать нечто положительное у войны, если она началась, нежели о безоговорочном согласии. Но на первом месте у него всегда оставалось желание скорейшего окончания войны:

> Если бы только окончилась война! В интересах всех участников, нужно желать скорейшего конца. Как она убивает людей! Как опустошает страну и культуру! Если наши немецкие

войска и дальше будут так же побеждать, как до сих пор, то, надеюсь, что все будет продолжаться уже недолго, если Россия не доставит слишком много хлопот. Если мы сначала разделаемся с французами, то, возможно, и русских вытесним из Пруссии. (Ганновер, 29 августа 1914 года).

Примечательно, что ни в одном письменном изложении не отражается какая-либо форма ненависти к врагам Германии. Хотя и есть желание победы немцев над противниками, но таковыми оказываются не они, а сама война является врагом. Хотя он ссылается на вторжение русской армии в Восточную Пруссию, из-за чего эта провинция сильно пострадала, Фридрих Грелле обвиняет не «русских» за их бесчестные поступки, а рассматривает людей, страну и культуру, независимо от их национальной принадлежности, как жертву этого, очевидно, общего врага. Поэтому скорейшее окончание войны отвечает «интересам *всех* ее участников». Причем Грелле не только сам воздерживается от каких-либо негативных высказываний о противниках, но и критикует соответствующие замечания других:

[…] меня командировали в гарнизонную церковь, и я вынужден был слушать проповедь тайного консисторского советника дивизионного священника Цираха. ¾ его проповеди были посвящены подробному изложению событий последней недели. Проповедь начиналась словами «Тзингтау пал» вплоть до мельчайших подробностей, не оставив без внимания даже арест англичан в Германии, подробно обосновав, почему собственно Англия наш враг. Затем шла фраза: «здоровье немецкого мушкетёра дороже, чем все церкви и храмы Франции». И только в конце можно было заметить, что находишься все-таки в церкви, а не на политическом собрании. (Ганновер, 9 ноября 1914 г.)

Содержание некоторых пропагандистских материалов, которые он изучал, комментировал следующими словами:

Отчасти они правы. Именно сейчас среди военных сталкиваешься с совершенно другими слоями, не привычными, и, к моему ужасу, я вижу, какая леность наблюдается в жизни нашего народа. Я действительно считаю великой милостью божьей, если господь поможет выйти нам победителем из этой войны. Мы этого не заслужили, и потому все мы должны молить бога дать нам силы одержать победу. Что-то отталкивает меня в этих сочинениях; они представляют как факт, что мы победим, ибо мы намного лучше русских, французов и т. д. Будучи христианами, они не могут высказывать такого рода суждения. Сказать, что мы грешники, но не настолько плохие, как те – есть ли в этом смирение?; оставим это на суд божий. Он уже знает, какой народ лучше всего способен подготовить царствие божье. (Ганновер, 12 ноября 1914 года).

На этом этапе мы напрасно будем искать следы заносчивости и воинственности. Очевидно, Фридрих Грелле больше руководствовался своими христианскими убеждениями, нежели нагнетаемой пропагандистской атмосферой своего окружения. То, что это не было очевидным даже для убежденного христианина, свидетельствует о большой роли именно евангелической церкви в формировании национального настроения в то время; для нее цитируемый священник был красноречивым примером. Во всяком случае, можно исходить из того, что Фридрих Грелле, первый раз от-

правляясь на фронт, не испытывал ненависти или пренебрежения по отношению к русскому противнику и противостоял ему без предубеждения.

Встреча с Россией

Русские солдаты

Поскольку в первые месяцы войны Фридрих Грелле сражался на немецкой земле, его опыт в отношении России ограничивался лишь столкновениями с русскими солдатами. Это противостояние в значительной степени носило не персональный характер, который присущ встрече в духе войны. Солдаты неделями лежали в противоположных окопах и «общались» друг с другом посредством ружейных выстрелов, шрапнели и гранат:

> […] Мы видели вспыхивавшие в небе гранаты и весьма мощные сигнальные ракеты. Это было довольно интересно. Мы слышали и ружейно-пулеметный огонь. […] Русская артиллерия стреляет ужасно много, но мало попадает в цель. Вчера она сделала примерно 300 выстрелов, а прямое попадание одно в окоп. 3 ополченца погибли. Они стреляют и ночью.
> Время от времени выстреливали сигнальные ракеты из фауст-патрона, которые, падая, взрывались, и местность под ними ярко освещалась. Это мешало русским подкрадываться к нам ночью. С той же целью использовался и прожектор, освещавший мощным лучом всю местность, и все можно было увидеть четко и ясно. При этом свете мы в первый раз увидели русские окопы, и раздались первые выстрелы с нашей стороны в их окопы. Но я выстрелил только 3 раза. В такой темноте это не имело никакого смысла. Теперь постепенно завязался небольшой бой. Наши минометы выкурили окоп, а мы стреляли в отступавших русских, потом некоторых из них мы обнаружили в лесу, они ответили на наш огонь. В 10 русская артиллерия начала посылать нам в окоп немного шрапнели. Она довольно хорошо пристрелялась. (Родителям, Гут Руден, 5 и 6 декабря 1914 года).

Причем русские противники оказались довольно «бесцеремонными», поскольку даже на Рождество не оставляли в покое немецких солдат, а как раз использовали этот повод для штурма, который, однако, был успешно отбит:

> В 5 утра мы услышали крики «ура» слева от нас, а вскоре и перед собой. Наконец, русские пошли в атаку. Но им не оказали рождественского приема, а показали, что немецкий солдат и в праздничный день выполняет свой долг. Ружейно-пулеметный огонь, винтовочные и ручные гранаты, пулеметы, минометы, шрапнель, все пошло в действие. Большие сигнальные факелы освещали местность. Эта атака не привела к цели, а была отбита с потерями. Мертвые все еще лежат перед нами (без указания места, Грелле в эти дни лежал в окопе под Папродткен, южнее Лёцен. Рождество 1914 года).

Но вскоре за этим, когда на короткое время замолчало оружие, состоялись совершенно иного рода встречи солдат. На какое-то мгновение те мужчины, которые только что пытались убить друг друга, стали «лучшими друзьями»:

> [Вчера в обед] у нас с русскими было перемирие с 1–3, чтобы они могли похоронить своих мертвых (примерно 40), которых потеряли вчера ночью во время атаки. Потом дошло до великого братания. Немцы и русские одаривали друг друга сигаретами и сахаром. 2 [двоим] так у нас понравилось, что они сразу же остались. 3 [трех] других увели русских назад только силой. Немецкие и русские офицеры даже вместе сфотографировались. Если бы так все закончилось! (Окоп, 28 декабря 1914 года).

На русский Новый год в середине января (13 января. – *Прим. перев.*) с Фридрихом Грелле произошла похожая картина. Когда он собирал доски для строительства блиндажей, ему встретились «русские, небольшие группы по 5–20 человек,

> …а когда я подхожу к фронту, опять начинается братание, на этот раз по инициативе русских. У них Новый год, и их офицеров не было на посту. Некоторые использовали это в свою пользу и перебежали, и началось братание. Одна группа даже сфотографировалась. Всего к нам перебежали 94, некоторые вполне добровольно, других одурачили, некоторых удерживали силой. Почти все они были хорошие парни и приветствовали нас по-дружески, пожимая руку. И я тоже пожал 3 [трем]. (Лесной блиндаж, 20 января 1915 года).

Здесь мы сталкиваем с парадоксальным, но не необычным феноменом ведения войны в то время[18]. Поскольку взаимные обстрелы, длившиеся неделями, как правило, в позиционной войне приносят только потери, но не приводят к особому успеху, солдаты на фронте часто старались сводить боевые действия к минимуму, а при соответствующей договоренности и вообще от них отказаться. Примечательно, что именно фронт был тем местом, где меньше всего хранили национальный образ врага и проявляли воинствующую агрессию. Даже те солдаты, которые отправились на фронт, воодушевленные национализмом, вскоре избирали прагматическую позицию, ибо, как поясняет Эрик Й. Лид, «нормативная враждебность и агрессивная ненависть, которые, по общему мнению, формируют солдатский характер, не могли поддерживаться в такой ситуации, когда оборонительная война становится формой жизни. В ответ на брошенную во вражеский окоп гранату летели две или больше. […] На каждый залп из пулемета начинался усиленный обстрел. На каждый ружейно-пулеметный залп получали такой же ответ. Это были реальности войны, те реальности, которые периодически хотя и вызывали по спирали насилие и ответное насилие, но большей частью приводили к снижению враждебности и превращению позиционной войны в рутину»[19].

О такой расслабленной атмосфере на фронте свидетельствует и факт празднования немецкого Нового года, о чем с юмором пишет Фридрих Грелле:

> […] в 12 часов прозвучало: «все к оружию». И, по команде лейтенанта, мы дали 3 залпа по русским окопам. Они испугались. А мы так, выстрелом, встречали Новый год. После этого мы еще пели «Германия превыше всего» и «Благо тебе, носящему венок победителя»[20]. Потом лейтенант крикнул: «8-й роте счастливого Нового года», потом мы все прокричали русским: с Новым годом. (Окоп, Новый 1915 год).

И Фридрих Грелле не отличался агрессивным боевым духом, а ограничился лишь выполнением долга. Об этом говорит как его благодушное изложение и активное участие в братании с русскими, так и его слабый энтузиазм в применении оружия.

В этом он признался своей невесте после нескольких недель пребывания в окопах: «[…] я пока сделал не больше 15 выстрелов, и вообще мне не нравится стрелять» (лесной блиндаж, 6 января 1915 года).

Такого рода более или менее дружелюбное фронтовое сообщество ограничивалось позиционной войной, которой оно и было обусловлено. Когда во время зимней битвы на Мазурах фронт вновь пришел в движение, а военные действия приносили очевидные успехи, опять начались ожесточенные бои, хотя больше на немецкой, чем на русской стороне.

Довольно быстро проявлявшееся временное превосходство немецких войск вынудило противника беспорядочно отступить, что вновь подорвало боевой дух многих русских солдат.

> За ночь русские оставили деревню и отступили в окопы на краю леса за деревней, откуда они еще продолжали стрелять. Как только мы добрались до первых домов, на нас обрушился мощный огонь. Мы думали, что это из домов стреляют и обыскали их. Но мы там ничего не нашли, во всей деревне прятался только один русский, совсем молодой парнишка, он сказал, что проспал отступление. Так ли совсем без умысла? Всю зиму деревня была в руках русских, и они великолепно подготовились к обороне, справа и слева вдоль улицы почти у каждого дома были окопы, которые можно было увидеть только вблизи. Во всех домах были бойницы. И все-таки они оставили все это без боя. […]
> Хотя и слабо, но нас все-таки обстреливали. Но огонь был не из домов деревни. Впереди шла группа из 4 гренадеров и обыскивала дома. Посмотри-ка, русские оставались в домах. Но те, кто там сидел, не испытывал никакого желания воевать. Они все сдались в плен, и скоро мы собрали у себя такую приличную кучку (несколько сотен). (Родителям, из лазарета в Мельдорфе, март 1915 года).

Если во время позиционной войны русские противостояли немцам как равные противники, то в фазе маневренной войны они представлены безнадежно побежденными в любом отношении. Грелле, например, пишет, что их отступление было настолько поспешным, что они оставили на дороге огромное количество единиц снаряжения: в Луцке четыре вагона с хлебом, позднее, уже на российской территории, машины с боеприпасами, в которых находились предметы, украденные из домов в Восточной Пруссии, и сани, тоже из Восточной Пруссии, но с наступлением оттепели они стали абсолютно ненужными, что весьма обрадовало немецких преследователей.

> Русские, обратившись в бегство, не останавливались, а старались как можно скорее продвинуться вперед. Об этом свидетельствовали брошенные предметы снаряжения, валявшиеся по всему полю. Лопаты и альпинистские кирки в таком большом количестве лежали вокруг, что вся наша рота смогла набрать здесь шанцевый инструмент. Плащ-палатки (с довольно практичными соломенными матрацами), котелки с ложками, вещевые мешки, ранцы лежали повсюду (там же).

Мы также кое-что узнали о тех страданиях, которые испытало население Восточной Пруссии из-за военных действий, русской оккупации и, наконец, отступления русских, о чем можно догадаться по замечаниям об украденных предметах. Об одной из деревень, оставленных противником, написано:

> Русские похозяйничали здесь довольно благосклонно. Большинство домов еще сохранилось, а из инвентаря почти ничего не осталось. Некоторых жителей они увели с собой, большинству удалось вовремя скрыться. Мы провели несколько часов в таком доме, сначала у женщины началась истерика, когда она увидела нас в деревне. Потом она сварила нам (хотя и очень жидкий) кофе, накануне вечером она то же самое делала для русских (там же).

Освобожденный город Иоганнесбург в значительной степени сохранился неповрежденным, «но о господстве русских еще долгое время будут напоминать пожарища», а в Луцке многие дома стали жертвами огня: «[…] ночью было светло как днем. Об этом позаботились русские. Они подожгли Луцк, мощное пламя окрасило в красный цвет небо над нами» (там же). То, что смятение русских войск продолжалась недолго, Фридрих Грелле узнал довольно скоро, когда он со своей ротой лежал перед крепостью Гродно, и интенсивность артиллерийского обстрела с русской стороны превзошла все предыдущие:

> […] как только забрезжил рассвет, начала палить и русская артиллерия. И так продолжалось весь день; беспрерывно свистели шрапнель и гранаты над нашими головами и взрывались перед нами, сзади, сбоку. За полчаса насчитали 84 выстрела. Это была настоящая пытка. Некоторые разрывались так глубоко в окопе, что он местами обрушился. Это привело некоторых в такое замешательство, что они требовали отойти. […] По свидетельствам всех тех, кто находился здесь с самого начала, такого еще не было (там же).

Только летом 1915 года появилась надежда у немцев на прочный успех. Судя по письмам Фридриха Грелле, вражеские солдаты во время своего отступления оказывали сильное сопротивление, втянули немецкие войска в жаркие бои и осложнили им преследование, перекрыв дороги. На практикуемую, при этом, русской стороной политику выжженной земли, хотя и есть намеки в письмах, но определенного названия нет:

> Вчера был довольно приятный день. Первый раз за 8 дней мы не шли в огонь, а совершили только один марш–бросок по довольно жалкой пашне, потом по большой низменности с широкими лугами и многочисленными деревнями, которые, к нашему удивлению, русские не подожгли. (Ремузовче, 4 сентября 1915 года)[21].

> Русские обратились в жуткое бегство. Весь день мы маршировали на северо-восток и не нашли ни одного следа. Даже деревни стояли целыми. (Красна / Пилевсие, 18/20 сентября 1915 года).

В своих письмах Фридрих Грелле рисует весьма противоречивый, в человеческом смысле, образ русских солдат. То они предстают как опасные, несущие смерть противники, то приятные люди, с которыми обмениваются подарками. То они уставшие от войны и дают взять себя в плен, то разоряют дома и опустошают города и деревни. В целом, бросается в глаза трезвость и нейтральность в изложении Фридриха Грелле, в котором он воздерживается от какой-либо оценки описанных впечатлений. Нет ясного осуждения разрушений и разорения в Восточной Пруссии или опустошения русской части Польши.

Следующие цитаты из антирусских пропагандистских материалов того времени могут пояснить, какова была противоположная реакция «отечественного фронта» на поведение русских:

> Некоторые повествования о жестокости русских кажутся – даже по словам посвященных в события – преувеличенными, и в ответ звучит сомнение: якобы русский все-таки, как известно, мягкосердечный и добродушный, как же возможны такие мерзости? Однако добродушие русского ненадежно, как и его характер. Как он из состояния радостного веселья может впасть в глубокую меланхолию, так из глубокого добродушия в звериную жестокость. Такого типа, как Иван Грозный, немецкая история не знает; но такой тип совсем не чужд и понятен характеру русского народа […].
> Кто думает о мире за кулисами этой войны, тот, прежде всего, должен представлять себе внутреннюю природу русского противника. Эту природу русский открыл в своих гнусных поступках в отношении наших пленных и в своем поведении в Восточной Пруссии. То, что и в России есть личности, для которых честь и человечность – не чуждые понятия, неоспоримый факт, но не они, а дикое варварство и холодная жестокость азиатских элементов в народе и в обществе проявились как определяющие силы. Кто ощущает дух народа, будущее немецкой нации и человеческой цивилизации, тот поддержит требование: *Никакого щадящего мира с Россией!*[22]

Русская часть Польши[23]

Если «варварский» характер «русских», по сути, представлял собой клише военной пропаганды, то именно «примитивность» русской и польской жизни и беспорядок были общим идейным достоянием[24]. После оккупации в течение 1915 года больших русских территорий такая оценка нашла свое выражение непосредственно на практике: немецкой стороной захват рассматривался как великое культурное деяние, передача благословения немецкой цивилизации населению этих земель. Однако воюющим войскам приходилось сначала довольствоваться так называемыми условиями до цивилизации, с которыми они сталкивались во время своего наступления. Как таковые прежде всего воспринимались плохо развитая инфраструктура, бедные жилищные условия и недостаточная гигиена. Так, например, в военном справочнике по западной части России для солдат было предупреждение:

> Условия проживания в западной части России, за исключением больших городов, в основном неблагоприятны, в большинстве случаев просто плохие. В убогих, покрытых соломой деревянных и глиняных избах в деревнях даже на 7–10 человек одно помещение с маленькими окнами и низким потолком. […] Жилищные условия в областях восточнее Польши очень жалкие, где жильцы находятся в одном помещении со своими домашними животными. Здесь бесполезно искать деревянные полы и кафельные печи. В большинстве случаев наши войска предпочитали сараи или биваки этим тесным, грязным, жилищам, в которых была опасность возникновения заразных болезней[25].

После освобождения Восточной Пруссии Фридрих Грелле сражался на русско-польской земле и столкнулся с такими условиями. «Из глуши России, границу которой мы пересекли несколько дней назад, посылаю тебе мой сердечный привет», – писал он своей невесте в первой весточке оттуда 20 февраля 1915 года. В другой раз он так описал свои первые впечатления:

Церковь в Августове. Мазурское поозёрье, 2003, построена за несколько лет до Первой мировой войны.

> […] и скоро пришли в польскую деревню, в которой уже находилось много военных. Деревня простиралась на очень большое расстояние, и нам пришлось еще долго идти, прежде чем мы удачно попали на постой в другом конце деревни. По дороге, в центре деревни, нам еще пришлось переходить вброд озеро. Но наше жилище было хорошим. Мы вошли в огромную комнату крестьянского дома. Весь взвод даже мог расположиться на полу. Солому нам пришлось реквизировать. Жильцы были очень застенчивыми, но, наконец, после долгих переговоров с нашими переводчиками, жителями Восточной Пруссии, которые знали польский, сварили нам немного кофе. Особой опрятностью комната не отличалась. На стенах висело много икон. […]
> Сегодня мы познакомились с российскими условиями с их самой лучшей стороны. Чтобы попасть на улицу, мы сначала шли через поле, а оно оказалось непроходимым, мы глубоко увязали, это была наша вина. Ну, а «улица». Совершенно непроезжая. Продвигались мы вперед очень медленно, тем более что перед нами шла артиллерия. Она беспрестанно застревала со своими пушками (родителям, из лазарета в Мельдорфе, март 1915 года).

Вечный бич, насекомые, которые особенно мучили солдат, являлся постоянной причиной жалоб:

> Мы ехали часа 2 в Курянки, где нас приняли в полевой госпиталь, расположившийся в нескольких крестьянских домах. Солома уже сильно покрылась вшами, как и вообще весь дом, в котором еще оставалась русская семья. И она вся была в этих насекомых, устраивая в нашем присутствии охоту на них – прелестная картина, которой не удивляешься, если

видишь, что вся семья ночью не снимает одежду, а *спит в тулупах на печи!!!* Для этого печи и сложены. (Даркемен, 3 марта 1915 года)[26].

В такие дома, если они еще остались, я иду неохотно, поскольку уже в 1-й раз набрался плохого опыта, когда меня искусали клопы. (Без указания места [Грелле находился неподалеку от Нового Острова северо-восточнее Белостока], 31 августа 1915 года).

Итак, здесь мы находим подтверждение обстоятельств, описанных в цитируемом справочнике. Однако Фридрих Грелле не ограничивался в своих замечаниях негативными впечатлениями, а, вместе с тем, подчеркивал и положительный опыт, хотя это, очевидно, и произошло с некоторым оттенком того, что исключения подтверждают правила:

Сейчас мы уже в 7 км юго-западнее Гродно на постое; у нас выходной день. […] Лично я расположился в деревне в довольно симпатичном домике. Я сижу на деревянной скамье и пишу. Если бы у меня была ручка, я мог бы написать чернилами, поскольку на подоконнике стоит чернильница. Перед окном стоят даже 2 горшка с цветами дицентры-«разбитого сердца», за окном зеленый кустарник, через который просвечивает фронтон соседнего дома. Видишь, полная идиллия здесь. Но если бы художник захотел все точно изобразить, то ему повсюду пришлось бы поставить черные точки, чтобы показать рой вьющихся здесь мух. И все-таки я живу у довольно культурных людей. У них даже есть часы с двумя гирями, которые как раз сейчас бьют 12, и сегодня утром все члены семьи – их минимум 10 – помылись, и даже подмели избу, побрызгав перед этим пол водой. (Тарузище, 23 сентября 1915 года).

Кроме условий проживания Фридрих Грелле обращал внимание и на типичные особенности страны, которые он считал достойными упоминания. Это, прежде всего, глубокая религиозность населения, которая являлась ему преимущественно в виде искусства: иконы в домах, кресты на обочине или в форме выразительных церковных построек:

[Высокие кресты] видны повсюду на дорогах и в деревнях. Их высота 7–8 метров и у них перекладина […] 1 метр под верхней частью. На перекрестье обычно стоит небольшая икона. На перекрестке мы однажды нашли небольшую часовню с множеством больших и малых икон и фигур. (Родителям, из лазарета в Мельдорфе, март 1915 года).

Мы ехали вдоль лесной дороги, по которой несколько недель назад прошли пешком. Было 9,5 часов, пока мы добрались до цели. Мы пришли в Августов. Тогда мы не были в городе, а видели его лишь издалека. Тогда он мне показался довольно деревенским, несмотря на большую красивую церковь, которая есть в каждой российской деревне. […] Около 5 ч. показалось Сувалки. Сначала мы проехали добрый километр на юг по военному городку, который был еще больше, чем под Августовом. Здания были прочные и массивные. И здесь опять была великолепная церковь. (Родителям, Даркемен, 3 марта 1915 года).

О том, что он собственно находится не в России, а в русской части Польши, свидетельствует наиболее впечатляющее наблюдение Фридриха Грелле в деревне восточнее города Августова, который на фоне войны показался ему довольно странным:

На стене, между прочим, висит большой портрет князя, в центре царь, справа от него наш кайзер, слева кайзер Франц-Иосиф, а по кругу великие князья!!! (Родителям, из лазарета в Мельдорфе, март 1915 года).

Подобные наблюдения, описанные ранее, могли сложиться и у любого путешественника в мирное время. Однако здесь речь шла о стране, бывшей центральной ареной войны, влияние которой в жесткой форме ощущал каждый. Практически в каждой ситуации гражданское население страдало от военных действий: непосредственно во фронтовой зоне из-за прямых военных действий, в тылу из-за разрушений со стороны своих войск и так называемых «реквизиций» с немецкой стороны. Но и Фридрих Грелле собственно был не безобидным туристом, а пришел в страну, так сказать, как часть этой разрушительной военной машины и теперь вынужден в этой роли иметь дело с этими событиями. Фактически он это и не замалчивал, а писал своим домашним.

Как население во фронтовой зоне страдало от бушевавших там боев, свидетельствует следующее описание:

Итак, мы продвинулись дальше в городок Лунна Воля. Он лежит на Немане. Это грязное еврейское гнездо. Немного каменных домов, большинство деревянных, дороги без брусчатки. Все евреи были еще здесь, сидели в синагоге, школе и нескольких домах. После того, как мы, примерно один полк, вступили в город, русские начали забрасывать город гранатами с другого берега. Для защиты роты расположились за несколькими каменными домами. Мы зашли сзади синагоги; там русские вряд ли могли нас достать. Среди населения были раненые, что вызвало жуткую панику. Все, с воплями, проклятиями, с криком, волоча за собой детей и вещи, бросились вон из города. (Новосёлки, в Зылище, 7 сентября 1915 года).

В тех польских городах и населенных пунктах, оказавшихся в тылу, Фридрих Грелле все время отмечал, что нанесенный там войной ущерб был незначительным, подчеркивая, при этом, кажущуюся нормальной жизнь. Вот как он описывает уже упомянутые населенные пункты Августов и Сувалки:

Сегодня, когда мы в полнолуние проезжали через эти города, я видел, что выглядит в них все по-городскому. В отличие от многих малых городов Восточной Пруссии, здесь не разрушен ни один дом. Все шло своим чередом, только военные преобладали. […]
Мы проехали через весь районный город, который произвел весьма приветливое впечатление, и там шла оживленная жизнь, не было никаких признаков войны. И опять же не было ни одного разрушенного дома. Даже освещение на улицах работало, и в магазинах было оживленно. (Родителям, Даркемен, 3 марта 1915года).

А из Ломжи он сообщал своей невесте 24 и 25 августа 1915 года:

[…] я разместился в квартире очень богатого еврея лесоторговца. Семьи нет, но обстановка, весьма приличная, сохранилась. […] здесь ничего не тронуто. Опять же, жизнь идет своим чередом. Все магазины открыты.
В данный момент мы сидим в приличном кафе «Ам Нойен Маркт». Мы уже выпили очень хороший кофе и какао и съели вкусное пирожное. Здесь все это есть, только что мы заказали даже мороженое.

Почтовая открытка из Кольно, отправлена 23 августа 1915 года лейтенантом Фридрихом Грелле своей невесте.

Описание города Кольно летом 1915 года, в первую очередь, демонстрирует нормальный ход жизни, однако, из этого описания следует, что, очевидно, в городе не осталось работоспособных мужчин и военных; это обстоятельство связано для населения с большими трудностями:

> …хотя немцы и хозяйничают здесь довольно долго, однако, все выглядит примитивно и по-русски. На каждом углу стоит еврей и расхваливает фрукты, конфеты и пирожные (талонов на хлеб здесь, похоже, вообще нет). На улицах встречаются только старые евреи с длинными черными бородами и польские бабы, порой, очень симпатичные, все совершенно черные. (Кольно, 23 августа 1915 года).

В то время, как Фридрих Грелле в предыдущих описаниях выступал как сторонний наблюдатель условий, созданных другими, то в случаях конфискации, прежде всего, домашних животных и продовольствия немецкими войсками, он сам являлся участником или, по меньшей мере, извлекал из этого пользу, что собственно и не скрывал:

> Где бы ни появилась хоть одна (во всяком случае, там, в сельской местности маленькая) лошадь, ее сразу реквизировали. […]
> На постой располагались в домах на другом берегу озера. […]. Жильцы убежали из дома. Одну корову они все-таки оставили, ее быстро подоили; за все время похода я в первый и последний раз пил молоко. После этого унтер нашей полевой кухни забил ее и приготовил из мяса и квашеной капусты (а здесь ее солят целыми кочанами) из тоже реквизированной бочки великолепное блюдо на ужин. А мы же сначала лакомились медом. Из улья штыками вырезали соты и «обсасывали» их. Так мы могли полагать, что находимся в стране, где рекой течет молоко и мед. (Родителям, из лазарета в Мельдорфе, март 1915 года).

> Питание здесь, в общем, довольно хорошее. Оно поступает большей частью из зоны оперативных действий; как только где-то появляется свинья или корова, за ней сразу устремляются кашевары и привязывают их к полевой кухне, чтобы при первой необходимости забить. Та же участь постигает и кочаны капусты, которые встречаются по дороге; их тут же собирают в плащ-палатку, картошку выкапывают прямо из земли. А мелкие домашние

> животные, например, гуси, куры и утки, появляются редко; если где их и находят, то мушкетёры устремляются за этими «кандидатами в котел», и они исчезают. (Ремузовче, 4 сентября 1915 года).

О том, что в данном случае имеется в виду не жизненно необходимое питание для голодающих солдат, а что они – именно привилегированные офицеры, к которым летом относился и Фридрих Грелле, – за счет населения жили как у Христа за пазухой, свидетельствуют следующие замечания:

> Завтрак был далеко не военный. На белых фарфоровых тарелках лежали мясные фрикадельки и вкусный хлеб с маслом (не солдатский!), и еще белое вино из бокалов! На обед пожарили утку. Сегодня мы обедали очень вкусно и плотно. На первое – гороховый суп с полевой кухни, потом котлеты с жареной картошкой. […] При такой жизни я точно здесь не похудею. (там же).

Такое поведение ни в коем случае не порождено произволом солдат, а соответствовало официальной политике по отношению к оккупированным территориям, имевшей даже характер закона: «интересы войска и Германского Рейха стоят над интересами оккупированной территории»[27].

О тех страданиях, которые они причинили местному населению, Фридрих Грелле намекает только в одном месте:

> Потом мы подошли к деревне Мажталеры и заняли ее внешнюю окраину. Деревня сохранилась. Боясь обстрела, все свое добро, даже скот жители унесли за деревню под открытое небо, съедобные продукты закопали. С ними (хлебом, яйцами, салом) они постепенно продвигались вперед. Молоко, которое они доили, сразу же естественно выпивалось. Вообще разыгрывались жуткие сцены, когда для полевой кухни реквизировали скот. К сожалению, я вынужден дать плохую оценку нашим людям. Они вели себя как угодно, но только приличным это назвать нельзя! (Новосёл[к]и, Зылище, 7 сентября 1915 года).

К наблюдениям Фридриха Грелле – культурных особенностей и обусловленных войной обстоятельств – примешивались еще и «романтические наблюдения природы», которые на короткое время позволяли забыть все тяготы войны и, так сказать, символично настраивали на лучшие мирные времена:

> […] я наблюдал великолепный восход солнца. Широкая, покрытая снегом, проселочная дорога вела через темный ельник прямо навстречу солнцу, которое поднималось сзади как огненный шар. Оно появлялось прямо как золотые ворота. (Родителям, из лазарета в Мельдорфе, март 1915 года).

Какие же высказывания о влиянии обусловленного войной опыта, приобретенного на чужбине, можно на основе письменных свидетельств отнести к Фридриху Грелле?

Бросается в глаза исключительная трезвость и нейтральность в сообщениях, в которых Россия рассматривается без какого-либо презрения, чем отличаются все пропагандистские материалы того времени. Как уже отмечалось ранее, Фридрих Грелле, несмотря на буржуазное происхождение, в начале войны проявил относительный иммунитет против националистического порыва, хотя он, очевидно, в значительной

Солдатское кладбище Лёцен, 2003. На нем похоронены 243 немца и ровно 175 русских, погибших в Первой мировой войне, а также семь немецких военных, погибших во Второй мировой войне.

степени руководствовался своими христианскими убеждениями. Как видно из его писем, и на поле боя он воздерживался от какого-либо проклятия русского противника – даже на фоне учиненных им опустошений в Восточной Пруссии и русской части Польши – он даже однозначно приветствовал братание с русскими солдатами; по его собственному признанию, он сознательно воздерживался от применения оружия, по крайней мере, вначале. И в его описании отношений внутри России отсутствует высокомерное принижение и презрение, с каким эти обстоятельства стремились описать в пропагандистских материалах, хотя определенное чувство превосходства на основе разницы цивилизаций просматривалось и у него. Однако, наряду с местными негативными обстоятельствами, отмечались и красоты страны. В письмах Фридриха Грелле Россия ни в коем случае не представляется как «грубейшее невежество».

Однако показательно и то, что отсутствие презрения к врагу не означает проявление к нему симпатии. Если мы вспомним его сетования на начальной стадии войны («Как она убивает людей! Как опустошает страну и культуру»), то можно предположить, что как только Фридрих Грелле сам стал свидетелем и участником этой разрушительной войны, такие сетования больше не появлялись в его письмах. Ни в одном месте он уже не возмущается страданиями населения в зоне войны или смертью солдат. Описания большей частью трезвые, порой даже описаны с юмором и в них практически нет нравственных или каких-либо мировоззренческих комментариев, какие просматриваются в его письмах до службы на фронте. Можно ли из этого сделать вывод, что Фридрих Грелле совершенно безразлично относился к увиденным лишениям на местах?

Учитывая первоначально высказанные им мысли и его глубокие христианские убеждения, такое вряд ли можно себе представить. Возможно, что со временем наступает определенный эффект привыкания и очерствения, за счет чего он постепенно сглаживает свою первоначальную чувствительность. И, наверное, офицерское образование в определенной степени повлияло бы на изменение его отношения к войне. Но, возможно также, что не недостаточная чувствительность, а психологический барьер выражения своих мыслей в письменной форме явился причиной кажущегося безразличия в письмах Фридриха Грелле[28]. Это, видимо, объясняется разными причинами. Во-первых, это военная цензура, хотя она и проводилась не очень регулярно, но ее угроза всегда маячила перед солдат[29]. О влиянии цензуры, в част-

ности, говорит тот факт, что общую принципиальную критику войны мы находим лишь в тех письмах, которые были отправлены еще из дома[30] и потому автор не опасался цензуры. Кроме того, видимо, и внутренняя самоцензура сыграла свою роль.

Можно, например, отметить, что чувства, если, вообще, выражались, то, скорее, в письмах к невесте, а письма к родителям носили деловой характер. Хотя жених и невеста договорились всегда вместе делить горе и заботы, однако, желание пощадить ближнего вносило ограничения и в их переписку. Таким образом, целый ряд факторов мог осложнить связь. Насколько велико было их влияние, определить однозначно на примере имеющегося материала не представляется возможным.

Однако эти письма позволяют увидет, что даже в разгар Первой мировой войны, которая велась с большим пафосом как «война культур», были люди, сохранившие способность рассматривать «вражескую» культуру непредвзято и без эмоциональной окраски.

Перевод с немецкого Татьяны Доценко

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Я благодарю Иоганнеса Грелле, который любезно предоставил мне письма своего отца для данного исследования.

[2] *Klaus Latzel:* Kriegsbriefe und Kriegserfahrung. Wie können Feldpostbriefe zur erfahrungsgeschichtlichen Quelle werden? In: Werkstatt Geschichte 8 (1999), H. 22. S. 7–23; то же: Deutsche Soldaten – nationalsozialistischer Krieg? Kriegserlebnis-Kriegserfahrung; 1939–1945. 2. Aufl. – Paderborn und München, 2000; *Bernd Ulrich:* Die Augenzeugen. Deutsche Feldpostbriefe in Kriegs- und Nachkriegszeit 1914–1933. – Essen, 1997; *Martin Humburg:* Das Gesicht des Krieges. Feldpostbriefe von Wehrmachtsangehörigen aus der Sowjetunion 1941–1944. – Opladen, 1998.

[3] Пауль Эдлер фон Ренненкампф (1854–1918) – командующий русской Неманской Армией в 1914 году; в поражении под Танненбергом есть доля его вины, но ему удалось избежать полного уничтожения армии в Мазурском поозёрье; в 1918 году осужден революционным трибуналом и расстрелян.

[4] Александр Васильевич Самсонов (1859–1914) – главнокомандующий Наревской армией; командующий русской армии в битве при Танненберге; очевидно, совершил самоубийство.

[5] Ср.: The European Powers in the First World Ware. An Encyclopedia. Hg. Von Spencer C. Tucker. – New York and London, 1996. P. 229–232.

[6] Ср.: там же, а также *Nicholas N. Golovine:* The Russian Army in the World War. – New Haven, 1931. S. 212ff.

[7] Ср.: *Norman Stone:* The Eastern Front 1914–1917. – London and Sidney, 1975. P. 116–119, также *Peter Graf Kielmansegg:* Deutschland und der Erste Weltkrieg. – Frankfurt/M., 1968. S. 78ff.

[8] Ср. также *Kurt Jagow:* Daten des Weltkrieges. Vorgeschichte und Verlauf bis Ende 1921. – Leipzig, 1922. S. 111–123.

[9] Смотри об этом: *Werner Benecke:* Die Quäker in den Kresy Wschodnie der Zweiten Polnischen Republik. In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 42 (1994). S. 510–520; там есть ссылка на катастрофические условия жизни многих людей в Восточной Польше, которые царили еще в начале 20-х годов.

[10] После окончания учебы и получения образования пастора он женился в 1923 году на Минни Рихтер, которая много лет была его невестой, главным получателем его писем с фронта и из плена. В 30-х годах он еще раз проехал на велосипеде по местам военных действий, в которых участвовал, в Восточной Пруссии. Во Второй мировой войне, в которой он также участвовал в звании офицера, теряется его след: в 1945 году из Венгрии о нем сообщили как о без вести пропавшем.

[11] *Manfred Hettling/Michael Jeismann:* Der Weltkrieg als Epos. Philipp Witkops «Kriegsbriefe gefallener Studenten». In: Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch… Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs. Hg. von Gerhard Hrschfeld, Gerd Krumeich и Irina Renz. – Essen, 1993. S. 183.

[12] Собрание находится в частном владении в Гёттингене.

[13] *Минни Грелле.* Мой Фридрих. Неопубликованная рукопись 1970-х годов.

[14] Töten im Krieg. Hg. Von Heinrich von Stietencron und Jörg Rüpke. – Freiburg und München, 1995. S. 47.

[15] Wolfgang Kruse (Hg.): Eine Welt von Feinden. Der Große Krieg 1914–1918. – Frankfurt a. M., 1997. S. 181.

[16] Ср.: там же. S. 163f. и *Gerd-Walter Fritsche*. Bedingungen des individuellen Kriegserlebnisses. In: Peter Knoch (Hg.): Kriegsalltag. Die Rekonstruktion des Kriegsalltags als Aufgabe der historischen Forschung und der Friedenserziehung. – Stuttgart , 1989, S. 135–139.

[17] Открытка для Минни Рихтер. Если не указаны другие адресаты, то в последующих цитатах имеются в виду письма Минни Рихтер. Исправлены грубые орфографические ошибки.

[18] Ср.: *Wolfgang Mommsen:* Bürgerstolz und Weltmachtstreben. Deutschland unter Wilhelm II.1890–1918 (= Propyläen Geschichte Deutschlands. Bd. 7, Teil 2, hg. von Dieter Groh). – Frankfurt a. M., 1995. S. 713.

[19] *Eric J. Leed:* No Man's Land.Combat and Identity in World War I. – Cambridge u. a., 1979. S. 108 (*перевод автора*).

[20] «…Heil Dir im Siegerkranz». Написана в 1795 году, с 1871 по 1918 – песня, представлявшая Германский Рейх.

[21] В современной Беларуси в упомянутой местности есть место под названием Ремузовче – относительно правильного написания того или иного польского географического названия нет никакой гарантии, поскольку часто это невозможно проверить. Топографические названия в цитатах оставлены так, как они были написаны Грелле (и как автор смогла их расшифровать, ошибки не исключены); в тексте же составительницы, насколько известно, используется правильное польское написание. Особенно проблематичны те места, которые сегодня расположены в Беларуси и имеют теперь белорусские названия. Только некоторые из них удалось идентифицировать с современными названиями.

[22] *Paul Rohrbach:* Ruland und wir. – Stuttgart, 1915. S. 75 и 94. (курсив – выделено в оригинале). Об авторе данной работы ср.: *Gerd Koenen:* Vom Geist der russischen Revolution. Die ersten Augenzeugen und Interpreten der Umwälzungen im Zarenreich. In: Deutschland und die russische Revolution 1917–1924 (= West-östliche Spiegelungen, Bd. 5A). Hg. Von Gerd Koenen und Lew Kopelew. – München 1998, S. 49–98, особ. S. 52–55.

[23] С разделением Польши в конце XVIII века вся восточная часть бывшей польской государственной территории с ее многонациональным населением стала частью России. Такое положение сохранялось, по сути, до восстановления польского государства после окончания Первой мировой войны. Те области, где сражался Грелле, в свое время принадлежали российскому государству, а население, в основном, состояло из поляков и евреев.

[24] Ср.: в том числе *Hubert Orłowski:* «Polnische Wirtschaft». Zum deutschen Polendiskurs der Neuzeit. Wiesbaden 1996. Особ. глава «Weg, Schmutz, Öde…Dimensionen polnischer Wirtschaft». S. 319–346.

[25] *Johann Zylka:* Westrußland in militärgeografischer Hinsicht (= Kriegsschriften des Kaiser-Wilhelm-Dank-Vereins der Soldatenfreunde, H. 58. – Berlin, 1916. S. 26.

[26] Отмечено в оригинале.

[27] § 6, абз. 2 административного управления в отношении вновь созданной территории главнокомандующего Оста; цит. по: Das Land Ober Ost. Deutsche Arbeit in den Verwaltungsgebieten Kurland, Litauen und Białystok-Grodno. Hg. im Auftrage des Oberbefehlshabers Ost. – Stuttgart und Berlin, 1917. S. 84f.

[28] См. об этом: *Isa Schikorsky:* Kommunikation über das Unbeschreibbare. Beobachtungen zum Sprachstil vom Kriegsbriefen. In: Wirkendes Wort 2 (1992), S. 295–315.

[29] Ср.: *Bernd Ulrich:* Die Augenzeugen(как прим. 2), S.. 78.

[30] Во время своей военной подготовки в Ганновере Фридрих Грелле жил еще у своих родителей.

Эльке Шерстяной

«ВОТ ОНА, ПРОКЛЯТАЯ ГЕРМАНИЯ». Письма красноармейцев весны 1945 г.

В последние два десятилетия немецкие исследователи современной истории заново открыли для себя давно известный тип источников – солдатские письма[1]. Обращение к аутентичным свидетельствам жизни в казармах и окопах связано с ростом интереса к истории повседневности и ментальности, вообще. В том, что касается цели и метода, такое изучение отличается от принятой в России, идущей с войны практикой публикации «писем с фронта», которая не отвечает научным критериям уже потому, что не объясняет ни происхождение, ни разработку, ни принципы отбора писем, а сами тексты часто произвольно подвергаются сокращению. Между тем немецкая историография обеих мировых войн существенно обогатилась, благодаря исследованиям на основе полевой почты. Речь идет, прежде всего, о новых подходах с точки зрения социальной психологии и интеллектуальной истории. До сих пор в центре внимания находилась корреспонденция немецких солдат[2].

Конечно, только со временем новое направление исследований оформилось методологически. И в этом немалая заслуга Клауса Латцеля[3]. Он проанализировал тысячи писем. Такое разностороннее исследование во многих отношениях обогатило науку, особенно в том, что касается обработки и классификации источников. Здесь укажем лишь на некоторые существенные аспекты. Практика показала, что на основе одного из тысячи писем репрезентативность, в социологическом смысле, достигнута быть не может. Она, если учитывать, что немецкими солдатами с фронтов Второй мировой войны были написаны многие миллионы писем, «неизбежно окажется иллюзорной»[4], как бы удачно для историка ни складывался процесс работы над документами. Но, в то же время, стало ясно, что источниковая ценность одного письма или любого множества писем всегда зависит от научного интереса, от конкретной постановки вопроса. Для систематического исследования эпистолярных документов, будь у них один или разные авторы, недостаточно изучать какие-то письма: муки выбора нередко лишали историка исторического шанса найти что-то ценное. Поэтому, как правило, ни количество имеющихся писем, ни история их происхождения и доставки не могут быть основными критериями их пригодности в качестве источника. Решающее значение имеет соответствующая характеру источника научная постановка вопроса.

Такая специфика строго учитывалась при работе с почти 300 написанными по-русски письмами солдат Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) за период с конца 1944 г. до июня 1945 г. Результатом стал комментированный сборник документов, куда вошло 161 письмо, которые мы будем цитировать ниже. Большинство из них хранится в московских архивах и впервые предлагается вниманию заинтересованной публики, само собой, анонимно. Был поставлен вопрос: Как солдаты РККА воспринимали враждебный, ненавистный мир немцев, когда весной 1945 г. с победами продвигались к «логову зверя» и «нанесли смертельный удар» военному противнику?

Красноармеец на улице раздает почту солдатам. Осень 1944 г. Фото Михаила Савина.

Учитывая очень небольшое количество материала[5], рассчитывать можно было только на весьма осторожные ответы. Они непременно должны быть дополнены исследованиями других источников, например, показом внутренней кухни подготовки военных сообщений и докладов (причем нужно, наконец, действительно повернуться лицом к жизни солдат), мемуарной литературы и интервью[6]. Одновременно следует представить предварительные результаты состоявшихся в Германии дебатов о продвижении Красной Армии по немецкой земле. Такое противопоставление дало бы промежуточный научный результат, который послужил бы толчком к продолжению дискуссии и дальнейшим поискам документальных свидетельств событий 1945 г.

Горячее желание прикончить «фашистскую гадину» в ее логове начало осуществляться для массы красноармейцев, сражавшихся на почти 900-километровом участке фронта от Балтики до Карпат, в начале января 1945 г. Тогда массированными ударами в ходе Висло-Одерской операции и наступления в Восточной Пруссии началось продвижение на запад и северо-запад войск 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов, Прибалтийского фронта, а также 1-го Украинского фронта при поддержке 4-го Украинского фронта, атаковавшего на южном фланге совместно с польскими частями. Теперь красноармейцы, в основной массе впервые, вступили в Германию. Не просто на территорию противника, а на землю главного врага, место его формирования, его важнейших резервов и, не в последнюю очередь, его повседневной, человеческой жизни. Какие чувства они там испытали? И что из своих впечатлений они зафиксировали в письмах домой?

Написание писем – это часть процесса накопления социального опыта, включающего прочные или временные личные, групповые и характерные для всего общества выводы, взгляды на мир, образцы поведения и ценности, а также индивидуальный опыт коммуникации. В то же время, написание писем зависит от специфических коммуникативных потребностей и возможностей в каждой конкретной ситуации. Письма, написанные в период активных боевых действий, прежде всего, должны были поддерживать связь с родиной и семьей, вселять мужество, нести утешение и уверенность. Строчки домой были не бессмысленной болтовней, но имели для человека – не всегда осознанную – определенную цель, а, кроме того, должны были учитывать требования цензуры.

Боевая обстановка как условие жизни, более несравнимое со штатской жизнью по многим причинам, формирует коммуникативные отношения, резко отличные от коммуникаций в обычной гражданской жизни. Все это следует учитывать, когда мы именно за период самых жестоких, самых фанатичных и, в то же время, самых динамичных боев на германо-советском фронте Второй мировой войны ищем в солдатских письмах такие свидетельства, которые даже в мирных условиях должны считаться свидетельствами совершенно своеобразного восприятия, – следы проникновения в чужой мир. В нашем случае, это глубоко ненавистный, чуждый мир врага.

Начнем с общих итогов проделанной на сегодняшний день работы с письмами советских солдат за 1945 г., которая заключалась в чтении писем, а их более 500, а также многочисленных беседах с бывшими красноармейцами.

Общие выводы

Германия и немцы, непосредственно до и после вступления в «логово», отнюдь не были для красноармейцев главной темой переписки с родными или боевыми товарищами на других участках фронта. В подавляющем большинстве писем эта тема не возникает вообще или упоминается вскользь, между прочим. Основное место в них, как и прежде, занимали дела семейные и сообщения о состоянии здоровья солдата. Большинство писем содержит лишь скупые указания на то, что окружало солдата в момент написания письма[7]. В ходе наступления 1945 г. пропорции сначала почти не менялись. С марта-апреля 1945 г. сообщений о чужом мире постепенно становится больше, и только накануне победы и после, на короткое время, в некоторых – отнюдь не во всех – письмах описание увиденного в Германии становится доминирующим. Итак, жизнь немцев, в целом, вызывала мало интереса, или, точнее, – мало интереса, выраженного в письмах[8].

В то же время можно видеть примечательные различия, прежде всего в том, что касается объема и подробности описания, но также и в оценках. Их нельзя четко определить ни как различия в восприятии, ни как различия в оценках, так как восприятие и оценка проступают навстречу историку через призму субъективной возможности и намерения формулировать. Имеющиеся в нашем распоряжении письма, к сожалению, едва ли дают основания судить, влияли ли и в какой степени на восприятие чужой жизни такие факторы, как возраст и жизненный опыт, военный и фронтовой опыт, национальность и образование. В этом отношении можно исходить только из общеприемлемых рассуждений, согласно которым, как правило, человек с

возрастом становится внимательнее к тому, что его окружает; имеющий жизненный опыт судит более дифференцированно, нежели жизненного опыта не имеющий; образованный более открыт чужой культуре, чем необразованный. Конечно, на практике наблюдение и оценка определяются всем вместе, а, кроме того, другими психосоциальными и конкретно-историческими условиями формирования, особенно спецификой военного времени.

Для бойцов сухопутных войск[9] интенсивность и многообразие наблюдения окружающей жизни зависели прежде всего от характера, темпа и дальности ежедневного продвижения в промежутках между боями или от продолжительности пребывания на одном месте без обстрелов и бомбардировок. Во время собственно боевых действий, пусть даже в жилых кварталах и домах, «гражданские параметры» чужой территории не воспринималась. Дифференциация между солдатами первой линии наступления и бойцами второго или, при необходимости, третьего эшелонов, по-видимому, не имеет смысла, так как сменялись и идущие в атаку формирования, и тип боевых действий. Не удалось выявить различия в восприятии у рядового состава и офицерского корпуса, не было специфики и у гвардейских частей. Самые внимательные наблюдатели и усердные описатели жизни немцев вышли из рядов боевой разведки (часто также те, кто первыми допрашивал немецких пленных и перебежчиков) и политработников (политруки[10], военные юристы, партийные и комсомольские функционеры), независимо от рода войск. Кроме того, прилежными «корреспондентами» в войсках, ведущих боевые действия, были сравнительно «спокойно размещенные» – например, телефонисты, которые в определенных обстоятельствах могли быть среди тех, кто был информирован лучше всех.

Найденные красноармейские описания почти всегда содержат оценку, правда, часто не осознанную. Надо признать, что – независимо от чина и звания – в письмах часто возникают одинаковые формулировки и метафоры, которые использовались и в пропаганде. В частности, не всегда ясно, диктовалось ли обращение к политическим оценкам только необходимостью соответствовать требованиям цензуры, или все же предлагаемые интерпретации были приняты и прочно усвоены. Возможно, имело место и то, и другое. Впрочем, это наблюдение не относится в равной степени ко всем темам; изображения одних аспектов гражданской жизни немцев были в большей мере «насыщены штампами», чем других. В дальнейшем наблюдается тенденция к уменьшению использования таких штампов. Этот феномен объясняется, в основном, отнюдь не обусловленным войной характером восприятия: в начале долговременного наблюдения чужого мира чаще прибегают к сложившимся раньше толкованиям и оценкам, и лишь постепенно пробиваются новые, самостоятельные, суждения.

Большинство красноармейцев не могли опереться на личный опыт знакомства с гражданской жизнью немцев, ведь почти все они впервые вступили на немецкую землю. В условиях войны утратили значение почти все официальные представления и суждения довоенного времени. Из позитивных оценок Германии, немецкой культуры и науки или образа жизни, которые до 1941 г. формировались советской системой образования и в ходе культурных контактов, в 1945 г. почти ничего не вошло в комментарий к новым наблюдениям, а если и вошло, то только для резкого противопоставления. Такой способ оценки также был подсказан фронтовикам газетами, резолюциями партийных и комсомольских собраний, радиопередачами, т. е. средствами политико-идеологического влияния. И опять неясно, следовали ли солдаты

этой установке в своих письмах по соображениям безопасности или по иной причине. По всей видимости, большинство, по меньшей мере, в момент восприятия и его письменной фиксации, считали идеологические суждения правильными и достаточными: они, насколько возможно, должны были совпадать с их собственным опытом.

Естественно, встает вопрос, не являлось ли восприятие солдат неосознанно селективным? Или иначе: было ли что-то такое, что они видели и определенным образом хотели истолковать? были ли явления, которые они «затемняли», не желая «знать» о них? В большинстве случаев это нельзя выяснить, ведь мы имеем дело с целенаправленной письменной фиксацией результатов восприятия. Все же, без всяких скидок, можно утверждать, что знакомство с гражданской жизнью Германии началось с ненависти. Этот объяснимый гнев, понятная «ярость благородная» очень сильно повлияли на отношение ко всему в жизни немцев и доминировали до конца войны, если не дольше. Интересно, но эта же ненависть, чем дальше, тем больше, позволяла делать наблюдения, которые некоторых пишущих подводили к пересмотру таких обобщающих, шаблонных суждений, как, например, отождествление «немец = фашист». Так, еще до конца войны красноармейцы давали немцам более дифференцированные оценки. Как правило, это были политически и идеологически подготовленные люди. Будучи коммунистами, они подходили к вопросу с классовых позиций и при более близком знакомстве с жизнью немцев делали различие между бедными и «привилегированными», между теми, кто бил иностранных рабочих, и теми, кто так не поступал, теми, кто испуганно сидел в подвалах, и теми «фюрерами и гауляйтерами», которые успели вовремя попрятаться или сбежать. Такие дифференцированные оценки редко, но встречаются в письмах уже до официального поворота в отношении к немцам в середине апреля 1945 г. Тем не менее в гражданской жизни Германии было много такого, к чему, судя по письмам, отношение солдат еще долго оставалось отстраненным.

Далее из прочитанных писем будут подобраны цитаты, иллюстрирующие две главные темы – восприятие красноармейцами а) общего и индивидуального уровня жизни в Германии, б) немецкого гражданского населения.

Общее и индивидуальное благосостояние в Германии

Первое, что увидели красноармейцы, вступив в Восточную Пруссию и посчитали информацией, достойной внимания и упоминания, были хорошо мощеные дороги. Речь шла, прежде всего, о том, что проезжими и легко проходимыми были и деревенские улицы, и второстепенные дороги между населенными пунктами. Бросилось в глаза наличие канализации в сельской местности. Соответствующие констатации встречаются зачастую без оценки, в контексте описания наступления. Затем обычно следовало знакомство с крестьянским хозяйством. Здесь многие обращали внимание на количество скота и хороший инвентарь. Дворы производили впечатление прибыльных, хозяйственные постройки были многочисленны, большие и добротные. Некоторые пишущие находили, что деревни и фольварки[11] одинаково «богаты», а по-настоящему бедных дворов и вовсе нет. Конечно, это не соответствовало реальности и объяснялось либо потрясающим общим впечатлением, либо весьма поверхностным восприятием.

Однако первое впечатление солдат от знакомства с немецким сельским хозяйством вызвало тревогу у политического руководства Красной Армии. Уже в начале февраля 1945 г. было решено давать разъяснения, дабы солдаты не делали неверных заключений относительно социальных отношений в Германии. «Может быть, помещичье имение в Восточной Пруссии и богаче какого-то колхоза. И отсюда отсталый человек делает вывод в пользу помещичьего хозяйства против социалистической формы хозяйства», – указывал на возникшую опасность начальник политуправления 2-го Белорусского фронта А.Д. Окороков. Он требовал принять энергичные меры против таких настроений и советовал советской прессе изображать Восточную Пруссию «как реакционное гнездо»[12].

Но солдат не стали особенно обременять знаниями «политэкономии». Вместо этого в прессе началась кампания, смысл которой заключался в том, чтобы «разоблачить» немецкое благосостояние как результат разграбления фашистами Европы. Фронтовые корреспонденты сообщали о продаваемых в Германии товарах и увиденных предметах, на которых стояло клеймо других стран-производителей. На многих, якобы, даже обнаружились штампы советских фабрик. В письмах эта интерпретация повторялась так часто, что нужно сделать вывод о ее широкой поддержке. Солдаты находили «югославские ковры, французские гардины, мебель из Крыма, русский шелк» и другое «награбленное добро». По деревенским улицам гнали скот, «который они забрали у нас». Дома скрывали в себе «стулья, кровати, мыло, одеколон, спички, мануфактуру и многое другое» советского производства. Если не приходится сомневаться в том, что германская политика завоевания и оккупации была «разбойничьим налетом», то все же возникает вопрос, как это могло сказаться на реальной жизни в сравнительно бедной Восточной Пруссии. Так, часть товаров иностранного производства, несомненно, попала сюда еще до войны, благодаря рыночным связям. Однако в результате имевшего успех официального разъяснения (которое, правда, не могло бы быть принято без опыта «разбойничьего нападения» немцев на Советский Союз), все это казалось красноармейцам позорным доказательством немецкой жадности.

В сельских районах и поселках с промышленными объектами солдаты встречали своих соотечественников, угнанных на работу в Германию. Их судьбы в письмах подаются исключительно как свидетельство эксплуатации и жестокости немцев. Это, конечно, может быть уступкой цензуре, что нельзя проверить. Домой с удовлетворением сообщалось, что бывшие иностранные рабочие теперь «чувствуют себя хозяевами».

Достойными особого упоминания в письмах красноармейцев были «господские хоромы». В них они видели яркое проявление грабежа и эксплуатации. Это были великолепные дворцы, «где стены блестят мрамором, шелковые шторы обшиты золотом, и когда ложишься спать, то утопаешь в перинах как в море. Вот и сейчас я сижу в фольварке одного крупного немца, – писал в конце января 1945 г. 20-летний красноармеец своим родителям, – кругом диваны, кресла, шелк, пол блестит, и в нем твое отражение, как в зеркале […]».

И это было не только достойное презрения богатство грабителя, это было богатство юнкерское, помещичье. Для большинства солдат и офицеров такая встреча могла быть первым наглядным уроком по предмету «классовое общество». Ни один из писавших и намеком не дал понять, что, входя в такое великолепное жилище, он думал о культурных ценностях. Лишь позднее, уже почти в самом конце войны, не-

которые образованные авторы писем вспомнили о полученных в школе знаниях по истории культуры и искусства и сравнили их с увиденным.

На первом этапе знакомства с немецким благосостоянием эффективность народного хозяйства не играла почти никакой роли, так как предприятия замерли или были разрушены. Поэтому тезис, основанный на мемуарной литературе, в том числе и последних написанных в России воспоминаниях, будто бойцы Красной Армии с первых же шагов восхищались хорошей инфраструктурой и образцовой организацией производства, сомнителен. Даже если к письмам как источнику относиться критически, то они все равно остаются аутентичными документами. Ненависть к «фрицам» и опьянение победой весной 1945 г. допускали уважение, в лучшем случае, к одному – к яростному стремлению немцев защищаться. Только когда отгремели последние бои, солдаты стали отказываться от воинственного отношения к врагу и приходили к выводам, которые и на тот момент для Москвы были нежелательны. Они открываются историку в фольклоре. Вот две частушки:

Был я в Германии – всего увидел там.
Вот пожить бы так нам, победителям!

Искал в Германии я угнетенный класс –
Лучше русских там живут в сто раз[13].

Но это взгляд не периода боевых действий. Эти частушки сочинили позже, и понять их можно только в контексте процесса осмысления происходившего на фоне оставшихся несбывшимися надежд на то, что государство признает и оценит проявленную во время войны готовность своего народа к жертвам. Напротив, весной 1945 г. благосостояние в Германии вызывало у красноармейцев другие чувства: ненависть, отвращение, жажду разрушения.

Распространенное мнение, согласно которому «офицеры, как и простые солдаты, с упоением изучали необычный для них, изысканный мир буржуазного декаданса» и вообще не обращали внимания на официальные предостережения «не поддаваться впечатлению о мнимом богатстве Запада»[14], для периода до мая 1945 г. нуждается в оговорке. В докладах военных инстанций можно найти указания на то, что «в отдельных письмах военнослужащих в розовых красках рисуется жизнь немецкого населения»[15]. Однако остается неясным, что под этим подразумевалось конкретно. «Розовую краску» можно было обнаружить уже в такой формулировке: «Они хорошо здесь жили, эти паразиты»[16].

Из писем следует, что первоначальное отношение к благосостоянию в Германии весьма существенно зависело от одного особого обстоятельства. Первое знакомство с тем, что такое процветание, произошло тогда, когда красноармейцы столкнулись с худшими проявлениями нацистского господства: они увидели лагеря для военнопленных и лагеря уничтожения. Политическая пропаганда, конечно, воспользовалась этим, но советских солдат на этот счет не требовалось просвещать. Уже летом 1944 г. стало известно о Майданеке и других концлагерях на территории Восточной Польши. Новые ужасающие сообщения о преступлениях нацизма, например, в Освенциме или Варшаве, распространялись с быстротой молнии. От бывших узников и угнанных на принудительные работы солдаты узнавали страшные подробности. И это придавало восприятию благосостояния в Германии совершенно особый отте-

нок. Богатство само по себе было желанным, но приобретенное таким образом оно становилось отвратительным. И другие моменты в солдатских письмах представляются заслуживающими доверия: от всего этого добра можно отказаться, лишь бы скорее вернуться домой.

Конечно, письма солдат являются своеобразным свидетельством отношения завоевателя к трофеям, тем более, если в них отражается благосостояние противника. Не приходится ожидать, что в письмах упоминались организованный грабеж и мародерство. И цензура за это меньше всего ответственна. Писать о таком своим близким было нельзя по этическим соображениям, пусть и неосознанным. Потенциал насилия, заключенный в повседневности фронта, просто не мог быть предметом общения с более или менее спокойно живущим «нормальным миром», даже тогда, когда родные поддерживали жажду мести. И все-таки, из писем красноармейцев много можно почерпнуть о масштабах и, прежде всего, значении добывания множества мелких трофеев.

В результате внезапного бегства немецкого гражданского населения Восточной Пруссии завоеватели как на блюдечке получили все добро, которое находилось или было брошено в пустых домах и квартирах, на перронах, по обочинам дорог. То, что не было съедено сразу или не исчезло на полевой кухне подразделений (многие красноармейцы теперь могли наесться досыта и даже попировать) и не было взято под охрану командирами как бесхозное добро, вызывало острое желание схватить и утащить. Прежде всего, это были ценные предметы (часы, украшения, медали), но часто и вещи, имеющие практическое значение для домочадцев, например, теплая одежда и прочная обувь.

Армейское руководство дало распоряжение относительно ставшей более интенсивной почтовой связи. Солдаты и сержанты могли бесплатно отправлять посылки весом до 5 кг, офицеры и генералы, за небольшую плату, – до 10 и 16 кг соответственно[17], очевидно, раз в месяц[18]. По некоторым источникам, на отправку посылок давались разрешения, что позволяло регулировать и ограничивать их отправку. Из писем мы узнаем, что в это время посылали домой: одежду, даже нижнее белье, ткани, обувь, пальто, мыло, продукты и сахар, даже картошку. В основном, это были подобранные или вынесенные из домов вещи, но кое-что – со складов вермахта. Позднее в крупных подразделениях Красной Армии были организованы склады, где собиралось бесхозное добро и солдаты могли получить то, что им нужно, коль скоро в этих трофеях не был заинтересован кто-то выше по званию. Создание таких складов и другие решения свидетельствовали о признании командованием того, что собирание трофеев очень обременительно для ведущих бои войск, так как требовало сил и транспорта. Кроме того, оно создавало нездоровую атмосферу, поскольку бойцы стали слишком много думать о добыче трофеев, что отрицательно сказывалось на дисциплине. Это стало понятно уже через несколько дней после начала январского наступления, но справиться с проблемой было трудно.

Из писем видно, что были солдаты, испытывавшие угрызения совести, а другие считали вещи врага просто мерзкими. Однако во многих случаях на «собирание барахла» и грабеж толкала настоящая нужда. Ситуация со снабжением на родине, в условиях разрухи, была катастрофической. Обеспечение продуктами питания в советских городах, которое еще в конце 1944 г. для почти 40 процентов рабочих и инженеров составляло 500 г хлеба в день, в 1945 г. медленно, но улучшалось. Однако в деревне царили голод и однообразие в питании. В 1945 г. там были реализованы

только 80 процентов нормированного снабжения хлебом и картофелем. Свыше 80 млн. человек в 1945 г. получали хлеб по карточкам. Но, прежде всего, не хватало одежды. Городское население, а также работники совхозов во время войны обеспечивались потребительскими товарами через централизованную карточную систему, которая предусматривала в месяц 124 талона для рабочего, 100 – для служащего и 80 – для члена семьи. При этом, для покупки пары обуви требовалось, в среднем, 50 талонов, а пальто – 80. В деревнях в 1945 г. спрос на товары народного потребления был удовлетворен лишь на четверть[19]. Поэтому в 1945 г. посылки из Германии наряду со скудным денежным довольствием красноармейцев, были важным источником выживания семьи. Особенно ценились качественный, красивый текстиль и редкие в то время деликатесы. В течение всей войны в деревне не было черного чая; долго были недоступны кофе, шоколад и другие сладости.

Жадность красноармейцев до ценных трофеев, редких продуктов и просто до предметов обихода понятна. Но не так просто объяснить едва ли не беззастенчивый грабеж. В ходе дальнейшего продвижения по немецкой земле солдаты все чаще делали сравнения, которые не слишком вписывались в представления о богатой Германии. Они во множестве сталкивались с гражданскими населением, прежде всего беженцами, а среди них оказывались бедняки: достаточно было, например, посмотреть на обувь. В конце марта 1945 г. капитан, политрук писал своей жене, что «вся Германия ходит на деревянных подметках. Причем обувь на деревянных подметках делается не только для домашних работ, но и выходная. А если не деревянная подметка, то какая-нибудь эрзац. В общем, эти эрзацы на каждом шагу». Он замечает: «А большинство немцев в полном смысле слова голодают. Они живут на скудном пайке и не имеют возможности где-либо достать». Но такие сообщения были, скорее, исключением. То, что красноармейцы наблюдали весной 1945 г., редко вызывало у них сострадание. Во всяком случае, в письмах на этот счет ничего не упоминается.

После изучения писем многие вопросы о восприятии и присвоении имущества немцев воспринимаются по-другому. Так, оказывается, что возможность почти беспрепятственного захвата чужих личных вещей в первые дни завоевания немецкой территории отрицательно сказалась не только на ведении боевых действий, но и на отношении к гражданскому населению, что имело в последующие недели драматичные последствия. А именно, забирали не только бесхозное добро, но беззастенчиво крали в присутствии хозяев или принуждали их отдавать. Без ответа остается часто обсуждаемый вопрос, как отличалось поведение солдат разных подразделений и передовых частей[20]. Нет никаких свидетельств о том, могло ли мародерство быть, независимо от релевантных в военном отношении негативных явлений, наказуемым преступлением. Из рапортов военных известно, что до конца войны речь шла, прежде всего, о «барахольстве» – безобидное понятие, для которого в немецком языке нет соответствующего выражения. Остается неясно и то, насколько среди красноармейцев было принято покупать. По официальным советским сообщениям из района Берлина, опьяненные победой солдаты покупали за непомерные деньги деликатесы, особенно пиво. Такое поведение показывает, что после многих лет ненормального состояния не хватало не только редких товаров самих по себе, но и привычки их «добросовестного приобретения». Очевидно также, что, почувствовав себя победителями, люди в побежденной стране стали без удержу покупать и сорить деньгами. В письмах домой, где считали каждую копейку, об этом, по понятным причинам,

речи не было. С другой стороны, кое-что покупалось для того, чтобы посылать домой. Из писем видно, что эти посылки были важны, но все же мы не знаем, были ли они реальным подспорьем. Есть намеки, что в советском тылу широкие масштабы приняли почтовые кражи. Воспоминания или письма получателей посылок были бы хорошим подспорьем для исследований об отношении к благосостоянию немцев в конце войны.

Немецкое гражданское население

В первые дни наступления в «логове» вряд ли можно было обнаружить немцев. Оставались лишь немногие старики. Некоторых постигла злая участь, когда на них, как и на пустые дома и оставленное имущество, обрушилась накопившаяся ненависть солдат-завоевателей. Письма за январь–апрель 1945 г. полны скрытых указаний на жестокие столкновения. Но мы не найдем ни одного признания в совершении насилия над гражданскими лицами, а тем более описаний насилия. Как это можно объяснить?

В большей степени, чем при рассмотрении темы «Грабежи», при обращении к теме «Насилие против гражданских лиц» чувствуется воздействие культурно обусловленной сдержанности солдат, авторов писем. В этом проявляется неписаный закон, который велит молчать о жестокости на поле боя во время и даже после войны. Его соблюдение позволяет солдатам – и обществу – вернуться к нормальной, организованной по другим правилам гражданской жизни, в которой присутствует меньше насилия. Забота о том, чтобы возвысить героизм солдата в воспитательных целях или в целях политической мобилизации, не была основной. Речь шла, прежде всего, о том, чтобы заблаговременно табуировать информацию, которая могла привести к перегрузке спокойного патриархального мира не свойственными ему конфликтами. Во время Второй мировой войны военно-политическая цензура всех стран-участниц следовала этому закону. Кроме того, было еще одно второстепенное соображение: в руки вражеской контрпропаганды не должны попадать факты, свидетельствующие о неблаговидных поступках.

До сих пор во всех войнах этот закон молчания, якобы защищающий «мирную жизнь», принимался и уважался. Табуирование и вытеснение темы насилия, таким образом, вовсе не есть проявление тоталитарных политических отношений; они присутствуют во всех обществах, достаточно долго связанных с тотальным институтом «война». Аутентичные свидетельства на коммуникативном уровне не могут документировать, что же было на самом деле.

Несмотря на это, некоторые из найденных писем красноармейцев дают основания для историографического поиска. Они позволяют в общих чертах судить о поведении и помогают ввести его изменения в конкретно-исторический контекст.

О чуть ли не беспредельной ненависти красноармейцев в начале 1945 г. уже говорилось. Уже к началу наступления она официально распространялась на всех немцев без исключения. В частях и подразделениях, относительно спонтанно, в разных формах происходило взаимное укрепление в чувстве мести – на собраниях, за совместным чтением газет и писем, на митингах. Часто в торжественной обстановке красноармейцы клялись исполнить свой долг и отплатить за все страдания. Однако

Чайковский. Германия. 1945 г. Фото Дмитрия Бальтерманца.

первое знакомство с «немчурой» было, скорее, опосредованным. Сначала солдаты обнаружили покинутое жилье.

До середины февраля, как правило, жилища воспринимались безотносительно людей, их населявших. Во многих случаях бегство было таким внезапным, что солдаты находили даже накрытые столы. Вторжение в жилье противника, которое совсем недавно было мирным, обитаемым, вызывало совершенно особую жажду захвата «жизненного пространства» немцев. Оно давало возможность проникнуть в их настоящую гражданскую жизнь, узнать, как «они» жили, во что одевались и на чем спали, что «они» ели, что «они» читали и какие картины вешали себе на стены. Тем самым, открывался доступ к особенно уязвимым, интимным сторонам жизни врага, вызывая воспоминания о вторжении немецких солдат в жизнь советских граждан.

При проникновении в сферу личной жизни немцев чувство ненависти заставляло красноармейцев видеть в предметах чужого быта свидетельства жизни, вызывающей отвращение. Из писем можно заключить, как быстро, наряду с топосом «награбленное добро», распространился топос «безвкусица». Оба имели следствием презрение и безудержную жажду разрушения. В первом случае, подразумевается (и нередко открыто формулируется в письмах) вопрос, почему же эти зажиточные немцы хотели отобрать у более бедных русских последние пожитки. Разрушать и грабить, с этой точки зрения, считалось справедливой местью. Во втором случае, речь идет о не специфическом для войны феномене встречи, когда чужая культура подвергается осмеянию. Но и, при этом, дистанцирование и заносчивость в поведении вторгшихся подогревались войной. Приступы ярости имели место, прежде всего, тогда, когда своеобразный чужой мир обнаруживал агрессивность, т. е. если, напри-

мер, рюшечки и ангелочки в спальне оказывались рядом с портретом главы семьи в военной форме. Отталкивающими казались и незнакомые атрибуты западной жизни, например, «порнографические» картинки. Они возбуждали любопытство, но, в конечном счете, задевали нравственное чувство солдат, особенно немолодых. «Газеты и особенно журналы наполнены снимками голых мужчин и женщин во всевозможных позах и положениях. Это самая распространенная литература», – писал боец 1903 года рождения, который до войны работал главным инженером. Насколько распространенным было такое негативное отношение, неясно, но и говорить о старомодной чопорности повода нет.

В целом, представляется, что после первого знакомства с немцами через их осиротевшее жилье ненависть завоевателей только возросла. Возможно, поэтому процесс узнавания в противнике человека задержался, а позднее стал даже более трудным. Даже когда произошло непосредственное знакомство с жителями, чужое жилище не только продолжали разрушать, но и демонстративно вымазывали фекалиями.

«Разведав», таким образом, чужую частную жизнь, красноармейцы скоро встретили женщин и детей врага, которые в той ужасной, безысходной ситуации показались им еще ненавистнее и отвратительнее. Это были напуганные, истеричные или отупевшие, усталые, зачастую грязные существа. Того, что самые беспомощные из них были, как правило, и наиболее бедными, сначала не замечали, или это не имело значения.

> Мы шагаем по немецкой земле. Пройдены десятки городов, сотни деревень, и везде и всюду одна и та же картина. По дорогам бредут толпами немцы – немецкие женщины, дети, мужчины, – везущие на тачках кое-какое имущество, захваченное в последнюю минуту. В большинстве случаев все это имущество брошено и оставлено в домах, где еще несколько часов тому назад они мирно жили, не предвидя, что волна войны дойдет до них, думая, что война – это только поход в другие страны, разорение других народов, страдания женщин и детей любой национальности, но только не немецкой,

– читаем в письме, датированном началом февраля.

Описания беженцев есть во многих письмах. Русские и об этом придумали стишок. Правда, некоторые современники, с которыми говорила автор, считают, что он относится к возвращавшимся на родину, нагруженным барахлом «остарбайтерам». Возможно, картины совместились и стали обобщающим изображением толпы вырванных из привычной жизни людей, увешанных чемоданами. Вот он:

Идет страна Германия,
Сплошная чемодания.

В начале советского наступления комментарии о колоннах беженцев в письмах сплошь и рядом исполнены ненависти. Немолодой солдат (1904 года рождения) в конце февраля сообщал своей сестре, что они «сводят счеты с гансами и фрицами, а презренные фрау и их змееныши бегут, куда глаза глядят. Ну, думаем, что далеко не убегут, найдем на краю света […]». А молодой солдат писал своим родителям в начале марта: «Все лежит в прахе, пусть их жены, матери и прочея льют слезы за все это, что вы пролили».

Теперь для всех красноармейцев настал час возмездия:

> Их дома горят, их имущество гибнет, их скот бродит бездомным, и сами они стали бездомными. Так и хочется каждому в лицо сказать: вот это тебе за наши страдания, вот это вам за страдания моей семьи и многих сотен тысяч других семей. Вот это вам за гибель многих сотен тысяч советских людей, за гибель наших женщин и детей, которых вы безжалостно уничтожали, не считая за людей и обращаясь с ними, как с животными. С глубоким отвращением смотришь на этих выродков человечества – будь это мужчины, женщины, дети. Мужчины были непосредственными исполнителями этих злодеяний, женщины помогали им в этом, если не физически, то морально, а дети готовились к выполнению таких же злодеяний, как их отцы, считая сызмала себя «превыше всех». Бредут они на восток (следует понимать: на запад – *Э.Ш.*), не зная, что их ждет впереди, и где они остановятся. Очень уныл их вид […],

– писал своей жене в начале февраля из Восточной Пруссии старший сержант, политработник, 1906 года рождения, который до войны был рабочим на одном крупном предприятии, а с 1941 г. находившийся на фронте. И дома многие ждали именно таких вестей. «Будьте покойны – теперь немцы узнали, по крайней мере, здесь, что такое война», – писал родственникам другой красноармеец.

Здесь уже просматривается центральная проблема отношения к гражданскому населению противника: как далеко можно заходить в мщении? чего они заслуживают? Очевидно, командование Красной Армии в течение первого квартала 1945 г. в какой-то мере стало понимать, что «если ты убьешь в тылу какую-то старуху-немку, то гибель Германии от этого не ускорится»[21]. Офицеры-политработники достаточно рано стали указывать на психологические последствия проявления необузданной ненависти. Имея опыт гражданской войны, о неблагоприятных последствиях этого для собственного общества должна была догадываться хотя бы часть советской элиты. В качестве первых контрмер во фронтовых газетах появились статьи, в которых специально подчеркивалась разница между бесчеловечным поведением немецких оккупантов и великой миссией Красной Армии: мы не немцы, мы не убиваем женщин и детей! Начало было положено статьей под заголовком «Наше мщение» в армейской газете «Красная звезда» от 9 февраля 1945 г.

Немало авторов писем были с этим лозунгом согласны.

> Нет жалости к ним. Наоборот, с каким-то омерзением смотришь на них, и их жизнь спасает лишь только то, что мы не хотим уподобиться немцам и не хотим воевать с женщинами и детьми.

Порой в письмах звучат слова-заклинания, которым только нужно было придать силу действия, или слова, чтобы успокоить матерей, жен и дочерей, которые дома, вероятно, боялись худшего. Но, в то же время, эти слова – зачастую подсознательно – обозначали границу того, о чем нельзя было писать. Они косвенно указывали на то, что, казалось, было дозволено и как бы стояло по ту сторону понятия «убивать».

Сначала события на фронте давали солдатам много возможностей спонтанно оправдывать перед самими собой и окружающими убийства гражданских лиц или пленных. Достаточно было подозрения в совершении диверсии или в оказании сопротивления при захвате трофеев или при других акциях возмездия. Но возмездие подразумевало и подразумевает «возмещение ущерба», подразумевает боль и унижение поверженного врага и с ним живущих. В январе–марте 1945 г. оно официаль-

но стало осуществляться в виде массовых, беспощадных депортаций и интернирования. Один красноармеец с удовлетворением констатировал в письме от 12 февраля: «Если бы ты только мог видеть, как испуганно озираются пленные фрицы, видя этот вал [советской военной техники – *Э.Ш.*]». А в конце марта другой солдат сообщал, что

> …наш фронт взял в плен 21.000 немцев, сейчас по дороге, Люба, нельзя ни проехать, ни пройти, 21.000 военных, а гражданских не перечесть, а какие они сейчас жалкие, даже приветствуют нас.

О худшем мы из писем почти ничего не узнаем из-за упомянутого принятого во всем мире табу. Напротив, они просто лгут, как можно заключить, например, из письма немолодого капитана (1900 года рождения) своей дочери:

> Теперь немецкое население переживает то же самое, что переживали русские во время оккупации. Разница только в том, что на дорогах мы не видели убитых из мирного населения, нет издевательства над детьми, женщинами и стариками.

Наибольшее число убийств и других преступлений против немецкого гражданского населения, согласно Цайдлеру, падает на эрмландские округа Восточной Пруссии, на районы западнее и юго-западнее от них, район Данцига, Западную Пруссию и Восточную Померанию[22]. Наибольшие масштабы произвол принял, конечно же, в первые два месяца после начала наступления. Это было время, когда желание солдат отомстить было наиболее сильным, и когда между фронтами оказалась значительная масса дезориентированного гражданского населения. Командование Красной Армии никак не было подготовлено к решению специфических вопросов организации и дисциплины в условиях временного размещения на территории противника боевых частей и подразделений и расквартирования там на более длительный срок подразделений снабжения и тыла. Поскольку сначала не было служебных предписаний относительно поведения в условиях оккупации, то ничто не препятствовало произволу и актам мести со стороны красноармейцев[23]. Призывы к сдержанности просто игнорировались.

В немецкой и советской литературе на эту тему указывается на бесчинства уголовников из штрафных рот, а среди них рецидивистов, которые, пользуясь ситуацией, дезертировали, собирались в прифронтовой полосе в банды и беспрепятственно занимались грабежом[24]. Масштабы такого дезертирства неизвестны. Представляется, однако, что и многие дисциплинированные красноармейцы, которые придерживались приказов и уставных норм, вкусили, что значит быть «хозяином положения». Об этом сообщают и наши авторы писем. Безудержное, воспринимаемое как справедливое, насилие над чужой жизнью и чужим имуществом пьянило, и никакие политические или моральные доводы здесь не действовали. Легкодоступный алкоголь лишь усиливал это чувство.

Наряду с почти полной утратой сдерживающих от применения грубого насилия факторов у долго воевавших солдат (в специальной литературе и публицистике используется понятие «очерствение» или «ожесточение»), на душевное состояние красноармейцев весьма негативно повлияли первые встречи с немцами. Их поведение лишь способствовало закреплению предубеждений, так как глубокая, взываю-

щая о мщении ненависть по своей природе руководствуется тем, что жертва ничем не может вызвать даже малейшую симпатию у своего мучителя. В письмах есть намеки на то, что поначалу как сопротивление, так и любезность и панибратство еще больше усиливали ненависть красноармейцев. Отводили ли они глаза или глядели с подобострастием, мешкали или с готовностью приступали к работам по расчистке руин, прятали «диверсантов» (чаще всего это были представители мужской половины семьи) или выдавали своих скрывавшихся солдат – все равно, гражданские немцы производили на завоевателей отталкивающее впечатление. «При непосредственной встрече с этими фрау и всякими отто, фридрихами лепечут: “Кут камарад” [т. е. “Gut Kamerad”. – *Э.Ш.*]! И любопытно, и зло берет», – признавался в конце февраля один красноармеец. «Немцы сейчас заискивают перед нами», – сообщает другой примерно месяц спустя.

> Насколько низка натура немцев, показывает следующий случай. В одном месте захватили в плен группу немцев. По местности можно было сделать вывод, что немцы где-то еще есть. И вот одна немка, когда ее спросили, где еще ваши солдаты находятся, она показала места, где действительно были немецкие солдаты. В общем, наряду с немецкими шпионами, среди них много таких, которые своих предают. Конечно, много среди них и таких, которые, проходя мимо, свой взгляд отворачивают в сторону или опускают низко голову. Чувствуешь, что тут много бессильной злобы.

Дистанция соблюдалась и при встречах, более нейтральных. На «фрицевых жен и детей» смотрели с холодным любопытством. В начале февраля 1945 г. один политработник писал своей сестре, муж которой погиб на фронте:

> Старики, женщины, дети, со страхом и мольбой заглядывающие нам в глаза, чувствующие свою вину перед нами и просящие только о жизни. Нет, мы их не трогаем – мы с ними не воюем. Мы удовлетворяемся одним тем, что они сейчас в таком положении, как были наши люди в 1941–1942 году, и что они нас боятся. «Руссиш солдат ист гут», – твердят они в один голос. Конечно, если мы их не уничтожаем, чего они заслужили, то мы стали «гут».

1 мая под Берлином один старший сержант увидел: «По дорогам бесконечными вереницами тянутся нагруженные имуществом повозки, фургоны с имуществом, с детьми. У всех лица истомленные, испуганные, угодливые. Вот когда они почувствовали, что такое война». Сочувствие проявлялось крайне сдержанно и в зависимости от ситуации.

Исключение, так сказать, по умолчанию делалось для маленьких детей. Хотя из воспоминаний немцев мы знаем о жестокости по отношению к детям, особенно в начале продвижения по территории противника, причем это могли быть 12-летние подростки, девочки и мальчики. Но в то же время есть множество свидетельств помощи детям и снисходительного к ним отношения. Были ли, при этом, женщины-солдаты менее мстительными или более заботливыми, не изучено. Документально подтверждаются робкие проявления солидарности с женщинами и проявления материнских чувств[25]. То, что детолюбие русских не клише и не выдумка восточногерманской послевоенной пропаганды, доказал социолог Вольфганг Энглер на примере многих сотен сочинений берлинских школьников, написанных в начале 1946 г.[26]. Некоторые фронтовики, наблюдая за детьми в перерывах между боями, с удовлетворением

Захваченный городок на границе Восточной Пруссии. Октябрь 1944 г. Фото Михаила Савина.

предчувствовали конец войны, что нашло подтверждение в письмах при общении с близкими. «В деревнях и городах, которые мы проходим, я всегда наблюдаю за маленькими детьми и представляю, как они выглядят по сравнению со Светланой», – писал с фронта в апреле 1945 г. своей жене отец 4-летней дочери.

Конечно, анализируя и оценивая письма, следует учитывать, что могли быть фронтовики, которые действительно не видели собственными глазами проявлений насилия в отношении гражданского населения. Некоторые письма первых недель наступления весьма убедительны. 30-летний лейтенант писал в середине февраля:

> Мы, русские, не можем этого делать, – и если им [немцам – *Э.Ш.*] это скажешь, то они не верят. Так неужели я могу, и мои товарищи по оружию, убивать детей и стариков? Конечно, нет, а они ведь, гады, это делали.

Совсем молодые солдаты, по-видимому, если они сами не стремились к насилию, не привлекались к нему его зачинщиками и участниками и использовались в качестве невинной «массовки»[27]. И все же в конце войны ни один красноармеец не мог не знать о насилии в отношении немецкого гражданского населения.

Экскурс: изнасилования

Тема изнасилования немецких женщин служащими Красной Армии сверх всякой меры занимала после войны как современников, так и политиков и историков, особенно на Западе[28]. В рамках данной статьи мы не можем подробно останавливаться на истории таких исследований, как, впрочем, и на самом феномене. Здесь просто будут представлены некоторые соображения, на которые навело чтение писем красноармейцев. При этом, не приходится сомневаться в том, что организованные и спонтанные изнасилования прежде всего немецких женщин, но также польских, словацких, украинских, венгерских и других служащими Красной Армии весной-летом 1945 г. имели массовый характер. Рассказы жертв и очевидцев в их совокупности убеждают и потрясают. Не может быть и речи о том, что это были отдельные случаи.

Советские солдаты в знак своей победы расписываются на стенах рейхстага. Берлин, начало мая 1945 г. Фото Тимофея Мельника.

Последние исследования заставляют усомниться в том, что насилие в отношении женщин противника может быть обосновано длительным вынужденным сексуальным воздержанием мужчин на фронте. Объяснение, согласно которому солдаты Красной Армии испытывали «сексуальный голод», в свое время распространялось не только германским вермахтом и снабжалось комментариями в расистском духе. Его поддержали даже многие жертвы насилия, которые, надо признать, не могли глубоко проанализировать причины явления. Участники войны – и мужчины, и женщины – в советское и постсоветское время приводили тот же аргумент, оправдывая поведение солдат. Часто указывалось на предпринятые советским командованием запоздалые попытки оправдаться, когда на «естественные потребности» мужчин ссылались там, где не могли признать слабости политического руководства. Распространенное среди победителей объяснение, будто немецкие (и другие) женщины, в большинстве своем, предлагали себя добровольно – чтобы получить личную выгоду или ради выполнения диверсионного задания, – также является несостоятельным. Оно связано с появившимся еще во время войны утверждением командования РККА, будто зараженные венерическими болезнями немецкие женщины занимались массовой проституцией, дабы ослабить противника. Тот, кто знает настроения немцев в 1945 г., справедливо увидит в этом аргументе попытку дисциплинировать рядовой состав. Наконец, будучи потом «привезенным» на родину, это утверждение до сих пор успешно служит оправданию мужчин перед соотечественницами. Что же касается проституции как средства выживания, то и ее надо рассматривать как результат насилия. Весной 1945 г. очень много немецких женщин – из-за невозможности пережить худшее или только на основании слухов – кончали жизнь самоубийством.

Норман М. Неймарк, со ссылкой на Дж. Глена Грея, ясно указал на то, что изнасилования и на этой войне, как бы сложны ни были причины в каждом отдельном случае, служили, прежде всего, удовлетворению потребности в насилии. Это был ритуал унижения, известная и по сей день в патриархальных обществах форма расплаты, значимость которой усиливается в условиях войны, а в 1945 г. особенно подогревалась «претензиями немцев на расовое превосходство». То, что официально предлагалось «сбить спесь с немецких женщин», как об этом якобы говорилось в приписываемой Илье Эренбургу статье, не доказано и, напротив, сомнительно[29]. Не надо было никаких призывов, чтобы в начале продвижения по немецкой территории

совершать физическое насилие и публично унижать наиболее слабых среди побежденных, которые, к тому же традиционно являются жертвами подобных ритуалов. Для некоторых это было своего рода актом насилия над всем ненавистным немецким обществом.

Однако если тезис об изначально ритуальном характере необузданного насилия верен (а автор в этом убеждена), то надо искать изменения в сложной структуре мотивации. Но до сих пор именно это в исторических исследованиях не делалось. И Неймарк все насилие, свершенное в 1945–1946 гг., рассматривает как, в основном, одинаково мотивированные действия. Конечно, во многих случаях тогдашнее восприятие жертв мешает видеть различия в масштабах и особенностях феномена насилия на разных этапах, но историк должен это учитывать. Вместо этого на веру берутся свидетельства очевидцев, согласно которым до конца войны волна изнасилований перманентно нарастала. Утверждение, что одновременно с взятием Берлина произошел «взрыв разнузданного сексуального насилия со стороны советских солдат»[30], по меньшей мере, вызывает недоумение, так как насилие «взрывалось» не в Берлине, а его носители сосредоточивались на более узком пространстве. В некоторых работах, со ссылкой на «сотни свидетельств», просто повторяются слова о том, что «по большей части, изнасилования происходили у всех на глазах»[31]. Однако соответствующие сообщения из Берлина значительно отличаются от таких же сообщений из Восточной Пруссии. Андреа Петё, опираясь на локальные исследования в Австрии, различает между теми населенными пунктами, взятие которых было следствием ожесточенных боев, и теми, куда Красная Армия входила относительно спокойно. Если в первом случае изнасилованию подвергались до 40 процентов местных жительниц, то во втором – «только» 5,8 процента[32].

Темы изнасилований в солдатских письмах нет, однако, они косвенно указывают на то, что по мере продвижения вперед количество проявлений слепой ненависти уменьшалось. Можно сделать вывод, что восприятие гражданской жизни, пусть даже противника, хотя и амбивалентно, но действовало все более «умиротворяюще». При этом, число актов насилия в отношении женщин снижалось незначительно и, в целом, оставалось очень большим. Все же к концу войны мотивы таких действий становились более «нормальными», а сами они – менее разнузданными. Имела место тенденция перехода от жестокого публичного унижения и порки к – все еще насильственному – исполнению заложенного в патриархальной традиции права победителя, т. е. к действиям, избегавшим публичности, но которые вполне могли предполагать присутствие других жертв или подельников.

Со временем стал приобретать значение и сам момент сексуального желания. Может показаться абсурдным, но, вероятно, восприятие «домашнего очага», наблюдение за тем, как женщина ухаживает за детьми, хлопочет по дому, пробуждало воспоминание о чувстве защищенности в кругу своей семьи, о близости женщины. Позднее, когда свобода передвижения рядового состава была ограничена в связи с переходом на казарменное положение, в то время как офицеров размещали на квартирах, у многих солдат из-за вынужденного воздержания и при отсутствии других возможностей проявить мужественность появился дополнительный мотив для насилия в отношении женщин. В то же время, развивались интимные отношения, регулярные, без насилия, которые, правда, часто основывались на односторонней зависимости. Но это уже тема повседневной жизни в условиях оккупации и без войны, когда проявляются иные, нежели на фронте, установки и мотивы поведения.

Промежуточный итог: что нам дают солдатские письма?

Изучение писем красноармейцев ясно показывает, что только комплексный научный анализ аутентичных источников, касающихся мира индивидуальных переживаний, позволяет поставить Красную Армию и красноармейцев в центр исследований о встрече культур в конце войны, к чему порой уже стала обращаться и классическая политическая история. Солдатские письма, даже при ограниченной содержательности такого рода источников, составляют непременную основу дальнейших исследований. Уже те немногие документы, представленные в данной статье, позволяют увидеть взаимосвязи, которые прежде не попадали в поле зрения при рассмотрении поведения Красной Армии на немецкой земле.

На определенные вопросы о поведении и восприятии этот вид источников полный ответ дать не может. Прежде всего, это касается табуированной темы «изнасилований». Другие темы, уже включенные в исследования, письма отражают удивительно четко. Настойчивость, с какой пишут, например, о ненависти к немцам, но и о ставшем болезненным стремлении к тому, чтобы война скорее кончилась, позволяет постичь глубину таких настроений. В письмах мы находим доказательства многогранного восприятия жизни в Германии. На этой войне представление советских граждан о немцах приобрело крайне негативную окраску. Распространился образ жестокого – и на фоне последних, все еще кровопролитных боев – достойного только презрения грабителя. Весной 1945 г. можно было конкретизировать, насколько устойчивым было такое неприязненное, эмоционально окрашенное в мрачные тона представление. Примечательно, что опыт встреч с немцами к этому образу практически не добавил типичных, именно для немцев, черт. Достойные презрения особенности трактовались не в духе расизма. «Звери», «нелюди», «выродки» – это не были наследственные признаки немцев. Солдаты видели, прежде всего, что «немцы низко пали», так низко, что так называемые немецкие добродетели (дисциплина, обстоятельность, любовь к порядку) больше ничего для них не значили. Домой сообщалось о таких якобы определяющих, для немецкой нации чертах, которые уже были известны по опыту войны (фанатизм, заносчивость, корыстолюбие, подлость, жестокость); сюда же прибавляли и те, которые казались типичными для ненавистного врага в момент его поражения (двуличие, раболепие, нежелание признавать себя виновным). Бессмысленное сопротивление немцев закрепило негативные характеристики в представлении о них у красноармейцев.

В то же время, прежде всего у солдат с более высоким уровнем образования продолжала существовать и находила самые разные подтверждения открытость в отношении к центрально-европейской культуре в целом. Как и в мирные времена, при непосредственном соприкосновении с чужой жизнью, которая издалека казалась привлекательной и образцовой, наступило отрезвление. Когда они увидели места, где совершались нацистские преступления, то лишились последних иллюзий, и наблюдаемое ими немецкое благосостояние только усиливало озлобление и гнев.

Отношение красноармейцев к Германии и немцам охватывало широкий спектр чувств и эмоций – от глубочайшей ненависти и отвращения до безотчетного уважения за определенные, в том числе и военные, достижения.

Если в письмах нельзя охватить все грани впечатлений красноармейцев от Германии, то все же основной мотив в описании немцев как людей гордых, толковых, но которых подстрекали, ослепили, которые стали жадными, заносчивыми, злыми, фанатичными, можно считать общим для всех. Образ «зверя», который, очевидно, ос-

тавался еще достаточно шаблонным, плакатным, чтобы на фоне победы Красной Армии быть разрушенным в ходе личных контактов, медленно и постепенно начал очеловечиваться еще до конца войны.

Перевод с немецкого Марианны Корчагиной

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Участники представленного проекта сознательно отказались от свидетельств советского генералитета, чтобы показать повседневность фронтовой жизни «снизу».

[2] Сигналом к началу разработки нового исследовательского направления стала книга: *Buchbender O.*, *Sterz R.* (Hrsg.) Das andere Gesicht des Krieges. Deutsche Feldpostbriefe 1939–1945. – München, 1982. Последние публикации: *Humburg M.* Feldpostbriefe von Wehrmachtssoldaten aus der Sowjetunion 1941–1944. – Opladen, 1998; *Loffler K. Aufgehoben:* Soldatenbriefe aus dem Zweiten Weltkrieg. Eine Studie zur subjektiven Wirklichkeit des Krieges. – Bamberg, 1992. Об истории исследований на основе писем с фронта в ФРГ см.: *Heer H., Ulrich V.* (Hrsg.) Geschichte entdecken. Erfahrungen und Projekte der neuen Geschichtsbewegung. – Reinbek bei Hamburg, 1985; *Humburg M.* Deutsche Feldpostbriefe im Zweiten Weltkrieg. Eine Bestandsaufnahme // *Vogel D.*, *Wette W.* (Hrsg.) Andere Helme – andere Menschen? Heimaterfahrung und Frontalltag im Zweiten Weltkrieg. Ein internationale Vergleich. – Essen, 1995. S. 13–35; *Knoch P.* (Hrsg.) Kriegsalltag. Die Rekonstruktion des Kriegsalltags als Aufgabe der historischen Forschung und der Friedenserziehung. – Stuttgart, 1989.

[3] См.: *Latzel K.* Deutsche Soldaten – nationalsozialistischer Krieg? Kriegserlebnis – Kriegserfahrung 1939–1945. – Paderborn u.a., 1998; *Ders.* Vom Kriegserlebnis zur Kriegserfahrung. Theoretische und methodische Überlegungen zur erfahrungsgeschichtlichen Untersuchung von Feldpostbriefen // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1997, H. 56. S. 3–30.

[4] *Latzel K.* Deutsche Soldaten. S. 105.

[5] Здесь нет возможности останавливаться на обстоятельствах обработки и критериях отбора документов для публикации. Автор подробно пишет об этом в книге, где речь также идет о специфике советской почтовой связи, влиянии военной цензуры и проблемах перевода на другой язык интимной корреспонденции. См.: *Scherstjanoi E.* (Hrsg.) Rotarmisten schreiben aus Deutschland. Briefe von der Front (1945) und historische Analysen. – München, 2004. В этой книге письма даются в переводе на немецкий язык, как правило, без сокращений.

[6] Начало было положено. См.: *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. – М., 1999; *ее же:* Образ Германии и немцев в годы Второй мировой войны глазами советских солдат и офицеров // Военно-исторический архив. 2000, № 13. С. 11–58. Автор местами приходит к противоположным заключениям, что, на наш взгляд, обусловлено некритическим подходом к воспоминаниям современников и к пропагандистской литературе.

[7] О наиболее часто встречающихся темах можно сказать, что они были практически теми же, что и в письмах немецких солдат: служба – участие в боевых действиях, жизнь – смерть – здоровье – ранение, тоска по дому – тоска по родным, общая ситуация на фронте, физическая усталость, забота о семье, снабжение – еда на фронте… В письмах красноармейцев за тот период особенно ясно и часто звучит желание мира.

[8] Интерес возрос постепенно. То, что Германия после войны для многих возвращавшихся красноармейцев и потом оставалась «главным событием», к нашей теме не относится.

[9] Понятно, что у служащих ВВС восприятие жизни немцев, в целом, было не столь интенсивным и детальным. Летчики и техники соприкасались с гражданским немецким населением только во время перебазирования.

[10] В 1945 г. официально «политруков» в РККА уже не было: их задачи с 1942 г. выполняли «заместители командиров по политической части», но сокращение «политрук» осталось.

[11] По-немецки – Vorwerk: небольшое помещичье хозяйство, усадьба, хутор. (*Прим. перев.*).

[12] Доклад Окорокова на совещании политработников 2-го Белорусского фронта 6 февраля 1945 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 32.

[13] Заветные частушки. Из собрания А.Д. Волкова. Т. 2 (Политические частушки). – М., 1999. С. 185.

[14] *Naimark N.M.* Die Russen in Deutschland. Die sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. – Berlin, 1997. S. 91.

[15] Директива начальника политотдела 19-й армии от 26 февраля 1945 г. // ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 68. Л. 4–5. Документ предоставила Е.С. Сенявская, за что автор выражает ей благодарность.

[16] *Naimark N.M.* Op. cit. S. 101–102.

[17] См.: приказ начальника тыла 3-го Белорусского фронта от 4 января 1945 г. // Великая Отечественная война. Т. 14: Тыл Красной армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – М., 1998. С. 639–640. Действие приказа не было ограничено по времени.

[18] О такой норме говорит А.С. Якушевский. См.: *Якушевский А.С.* Противник // Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Т. 4. – М., 1999. С. 271.

[19] См.: *Якушевский А.С.* Арсенал победы // Там же. С. 100–101.

[20] Часто утверждается, что грабили и насильничали прежде всего подразделения, занимавшиеся снабжением. Сенявская считает так же. Напротив, М. Цайдлер полагает, что это были солдаты эшелонов, следовавших за передовыми отрядами. См.: *Zeidler M.* Kriegsende im Osten. Die Rote Armee und die Besetzung Deutschlands östlich von Oder und Neiße 1944/45. – München, 1996. S. 146–147.

[21] См.: Доклад Окорокова на совещании политработников 2-го Белорусского фронта 6 февраля 1945 г.

[22] См.: *Zeidler M.* Kriegsende im Osten. S. 153.

[23] См.: *Якушевский А.С.* Противник // Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. С. 271.

[24] Об этом неоднократно вспоминал Л.З. Копелев.

[25] См.: *Алексиевич С.* У войны – не женское лицо. – Минск, 1985.

[26] См.: *Engler W.* «Die Russen kommen». Wie die Ostdeutschen Krieg und Nachkrieg erlebten und welche Folgen das hatte // Ders. Die Ostdeutschen. Kunde von einem verlorenen Land. – Berlin, 1999. S. 13–31.

[27] См. интервью с бывшими советскими участниками войны в: *Sander H., Johr ß.* (Hrsg.) Befreier und Befreite. Krieg, Vergewaltigung, Kinder. – München, 1992.

[28] Этот необычайный интерес частично объясняется существующими до сих пор опасениями социокультурного характера, возникающими при соприкосновении с темой «Сексуальность и насилие». Поскольку что может быть более привлекательным, чем еще совсем снятое табу. И Норман Неймарк в своей книге «Die Russen in Deutschland» ставит проблему изнасилований в центр комплексной темы «Поведение красноармейцев». Между тем исследователи стали обращаться и к истории табуизации и инструментализации этого явления после войны, что, конечно, радует.

[29] Очевидец событий Лев Копелев по поводу этого весьма распространенного в Германии утверждения сказал: «Эту так называемую “листовку Эренбурга” я впервые увидел и прочитал после 1980 г. здесь, в Западной Германии […]. Это довольно примитивный подбор цитат из фельетонов Эренбурга разных лет войны плюс некоторые фразы (призыв убивать, насиловать – «сбейте спесь»), которые Эренбург не мог написать по моральным соображениям, да и просто по языку; они очень плохо написаны по-русски, будто это перевод с другого языка […]. Никто из моих знакомых и товарищей не может вспомнить такую листовку. Кажется, она была известна только немецким войскам и была, очевидно, попыткой ведомства Геббельса таким образом усилить сопротивление вермахта». Цит. по: *Fisch B.* Ubej! Töte! Zur Rolle von Ilja Ehrenburgs Flugblättern 1944–45 // Geschichte – Erziehung – Politik. 1997, H. 1. S. 22.

[30] *Naimark N.M.* Op. cit. S. 103.

[31] *Schmidt-Harzbach I.* Eine Woche im April, Berlin 1945. Vergewaltigung als Massenschicksal // *Sander H., Johr B.* (Hrsg.). Op. cit. S. 24.

[32] См.: *Peto A.* Stimmen des Schweigens. Erinnerungen an Vergewaltigungen in den Hauptstadten des «ersten Opfers» (Wien) und des «letzten Verbündeten» Hitlers (Budapest) 1945 // Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft. 47 (1999)/ H. 10. S. 894.

Йохен Шуберт

«СТРАНА БЕЗ ЗАБОРОВ»: Россия глазами Генриха Бёлля (1936–1948 гг.)

«Россия, действительно, несказанно печальная, большая и демоническая страна», – так Генрих Бёлль писал своей жене Аннемари 6 ноября 1943 г., через десять дней после того, как его перевели из Франции на «Восток»[1]. Здесь, как представляется, не только удивление – тогда это было первое непосредственное соприкосновение со страной, – но скорее угадывается казавшееся невозможным совпадение между ожидаемым («Россия, *действительно*…») и данностью.

Уже 3 ноября 1943 г., когда идущий в Россию эшелон пересек «границу рейха», Бёлль записал: «[…] ах, здесь уже так неуютно, просторно и плоско и без заборов»[2].

Из Франции – страны «с заборами» – в страну «без заборов»: с помощью этой метафоры, указывающей на типичные черты менталитетов, в основе которой противопоставление надежного и чего-то чудовищно огромного, оформленного и бесформенного, рассудочного и чего-то темного, «демонического», Бёлль доводит до сознания имеющее социальный характер уничижительное различие между «Востоком» и «разумным» Западом. В нем, помимо подтверждающей собственную идентификацию позиции, выражается воспринимаемая как угроза враждебность «другого»:

> […] я знаю только, – писал Бёлль в январе 1944 г. из Одессы, – что я – человек Запада и что я тоскую, тоскую по Западу, у которого еще есть «raison». […] подобно ветру, свободно и безудержно метущему по всем углам, бесы здесь повсюду. Во Франции, пожалуй, можно испытать страх, входя в дом, но здесь страх охватывает тебя при виде беспредельных полей, где «свободно» может произойти все что угодно!!![3]

В упомянутых письмах элементы, пропитывающие представление о России, эмоционально раскрывают содержание устойчивых топосов, которые находим и в письмах и рассказах воевавших на «Востоке» солдат Первой мировой войны, и в тогдашних католических и неконфессиональных изданиях, причем и в тех, и в других доминируют демонические, «темные», «зловещие» черты России, прежде всего «Советского государства» – атеистической империи зла. При этом, такие эпитеты, как «бесконечная», «печальная», «широкая и большая» оставляют то же впечатление, что и, прежде всего, в описаниях России солдатами Первой мировой или в соответствующей литературной продукции:

> Солнце встало, и бледный свет разлился над равниной. Насколько хватало глаз, была только равнина, *серая, мертвая, бесконечная и печальная*. И солдаты, которые по дороге из Украины не могли освободиться от впечатления, […] смутно чувствовали: это Россия. Слово, как *нечто призрачное и таинственное,* стояло перед их внутренним взором (подчеркнуто – *И.Ш.*)[4].

Бёлль ссылается на эти непременные, определявшие в 1920-е и 1930-е годы «портрет России» константы, хотя по причине скудости биографических свидетельств, относящихся к периоду начала-середины 1930-х годов, источников, прямо указывающих на это, нет. Такое заключение можно сделать на основе гораздо более поздних высказываний Бёлля о его юности в третьем рейхе и службе в вермахте, в которых затрагивалась тема России. Из ответа Бёлля, данного им в 1979 г. на вопрос, как он представлял себе Россию в 1930-е годы, следует, что он мог подпасть под впечатления, заранее определившие его представление (не считая широко распространенной типологии народов), включая, конечно, и основанную на слухах семейную традицию. Безусловно, «портрет» России в семейном кругу не был ярким, но, думается, он был:

> Родственники, которые во время первой Мировой войны […] были на так называемом восточном фронте и даже в плену, весьма по-доброму рассказывали о бедной, в том состоянии бедной, но приветливой России. Но это было очень неопределенно, в этом было очень мало информации. Мое, скажем так, представление складывалось под впечатлением литературы, например, Достоевского[5].

И далее, в том же разговоре, он замечает:

> Итак, я посмотрел на карту тогдашней России, и мне стало жутко уже только от ее размеров. Мы же привыкли к меньшим масштабам. Если посмотреть на Западную Европу, Голландию, Бельгию, даже Францию, очень большую по европейским меркам страну […], а тут эта гигантская Россия, эта огромная страна, о которой очень мало знали. Таково было мое впечатление, когда я был молодым. […] Конечно, и тогда, еще до Гитлера, было представление о Советском Союзе как об атеистической империи зла. Простая пропаганда. Сегодня не могу сказать, как я связал мое представление о России той, из литературы, с существовавшим тогда, уже давно существовавшим советским государством[6].

Воспоминание, в котором «объект» различается, – «представление о России той, из литературы», с одной стороны, а с другой – «существующее советское государство» – и через 36 лет свидетельствует о характере восприятия, как двойной перспективе: «Россия, как ее видно из окна вагона», – пишет Бёлль в ноябре 1943 г., –

> …несказанно велика и печальна, действительно невообразимая страна, которую нелегко «охватить», надо подождать… […]. До сих пор мы останавливались на маленьких сельских станциях. Там люди еще не так измучены от голода. […] но иногда по пути встречаются мрачные, бледные, бедные, жалкие пролетарии, вид которых наводит на мысль о том, что это и есть Советская Россия[7].

Потрясение и страх: топос непостижимости, как вариант тютчевского «умом Россию не понять», просто поставлен рядом с имеющим политический смысл сочетанием «Советская Россия», как рядом с конкретно-исторической реальностью. И здесь, хотя тон несколько изменен, по сравнению с первыми реакциями (см. выше), мы видим столкновение двух моментов восприятия. Тон более осторожный: «надо подождать…».

Титульный лист вышедшего впервые в 1934 г. очерка Франца Альберта Крамера «Красная империя».

В этом мире представлений, сложившемся под влиянием еще неясных впечатлений, могут вырваться на свободу полные страхов и подозрений догадки, вызванные одной, основанной на ходячих образцах, публикацией. В выше указанной беседе 1979 г. Бёлль вспоминает о появившемся в 1934 г. очерке Франца Альберта Крамера «Красная империя»[8], посвященном, как сказано в подзаголовке, «темному русскому народу». Бёлль отмечает, что все то, о чем он там прочитал, «не могло нас соблазнить» и это было ясно уже с первых слов введения об устройстве «советского государства»:

> Советское государство – это государство насилия. Для него не существует прав, которые соответствовали бы природе человека и распространялись, хотя бы и с различиями, на все, что имеет человеческий облик. Естественное состояние – состояние борьбы, борьбы классов, борьбы, которая может быть завершена только уничтожением противника. […] Кто кого сожрет? – таков классический вопрос этого учения о государстве, или, говоря языком повседневной политики – кто кого?[9]

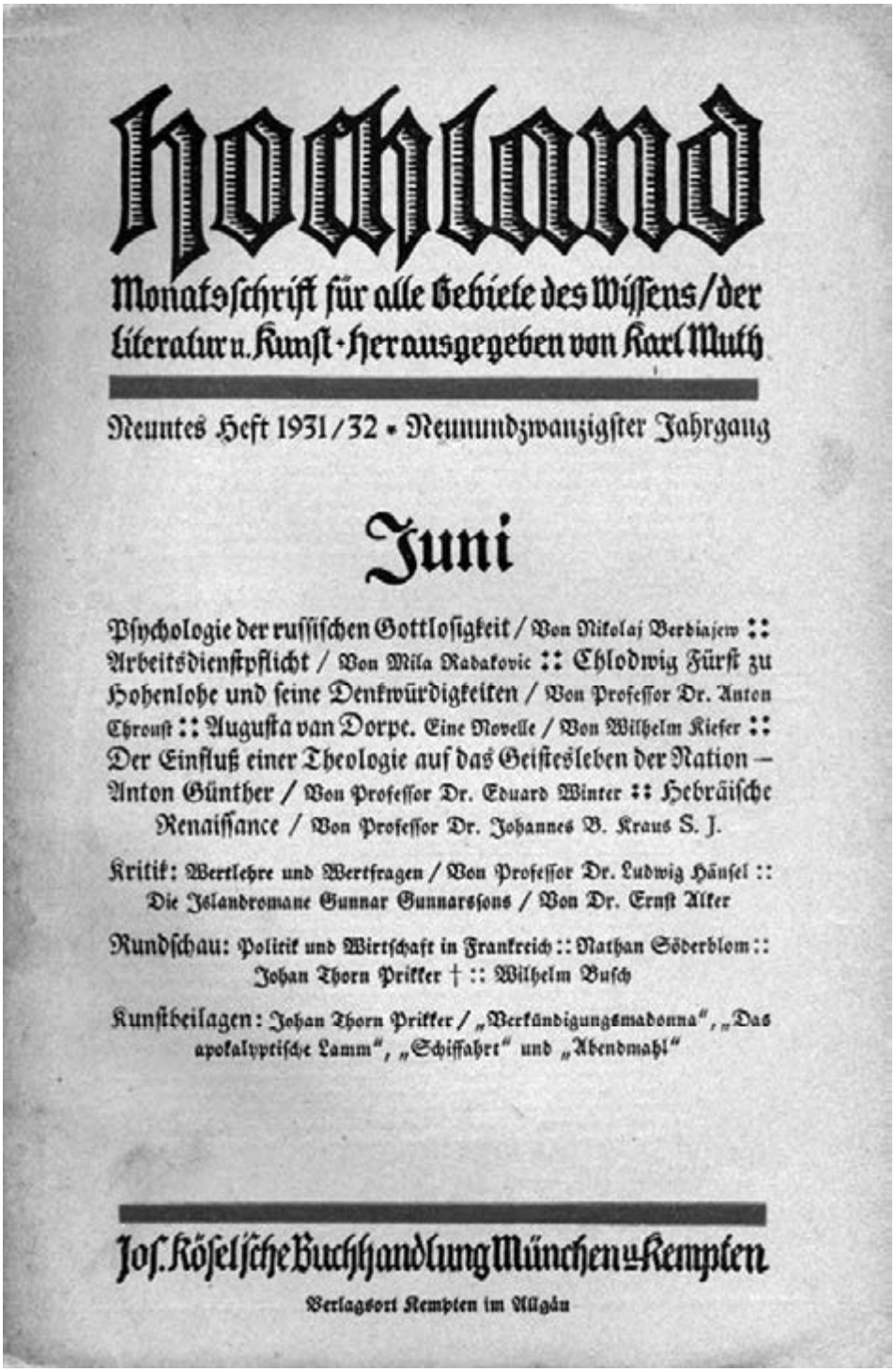
Тот, кто, без корректив, формировался с идеологемами, внушающими эти и другие образы врага, должен был воспринимать такие описания обесценивающие отдельного человека и лишающего его прав аппарата власти, тем более если они подавались как аутентичные сообщения, как подтверждение всей остальной информации того же направления. Если к тому же учитывается, что и по собственному опыту ясно, что значило жить в условиях, лишающих отдельного человека прав и отдающих его на произвол террору (улице), – как это Бёлль называет в своем автобиографическом рассказе «Что же получится из мальчика?» в связи с выступлениями СА в первой половине 1930-х годов, – то и распространяется этот опыт на впечатление о неизвестном и чужом, которое оставляла эта страна, возникает усиленный ужасный призрак произвола, который мог дать повод к опасениям и страхам[10]. Экстраполяции собственного опыта достаточно, чтобы предвосхитить тревоги. Здесь и там – полицейское государство:

> Надзор, который осуществляет это государство, так же тотален, как и охват им жизни своих граждан. Без явного или молчаливого согласия ГПУ в России не может быть отправлена ни одна телеграмма, нельзя приобрести ни один железнодорожный билет, нельзя снять комнату в отеле, ни одно колесо не закрутится, ни один человек не сможет вздохнуть. Здесь полиция – это все, она все может, а ты – ничто […][11].

Помимо этого в представлениях, очевидно, присутствовала еще одна составляющая – ви́дение России католической церковью, которое определялось характером культурной и религиозной политики после «Октябрьской революции» и, в свою очередь, распадалось на «светлый» образ старой «святой» Руси и «темный» образ, так что в общей картине доминировали «конкретная власть и политика большевиков»[12].

Мишенью католической церкви была, прежде всего, политическая система Советского Союза как «атеистическая империя зла». Несомненно, и это видно уже только из высказывания Бёлля со ссылкой на простую пропаганду, в его семье знали о таком отношении. Вопрос только в том, насколько важную роль католическая агитация играла в семье Бёллей. Но на него не так просто ответить. Так как если внутри католическая церковь как институт подвергалась критике[13], то вовне и в основе веры она представляла собой необходимое и – прежде всего для родителей – непременное связующее звено относительно ориентации и структурирования собственного мира восприятий. Говоря об источниках, – помимо того, что вещал клир, – из которых могла быть почерпнута информация для создания «образа России», следует назвать католический ежемесячник «Hochland», который с 1920-х годов стал частью домашней библиотеки Бёллей. В «Hochland» публиковалось множество статьей, посвященных России[14]. Так, в статье Александра Салтыкова «Двуликая Россия» читаем:

> Эта вторая Россия (по сравнению со святой – *Й.Ш.*) – Россия всеобщего воровства, пьянства и гордого собой, заносчивого себялюбия и продажности. […] И одновременно это Россия упрямого, неисправимого педантизма, который доходит до полной беспринципности; Россия массовых казней времен Ивана Грозного и массового террора Владимира Ленина. Так что на совести «святой Руси» много грехов[15].



Hochland

Monatsschrift für alle Gebiete des Wissens/der Literatur u. Kunst · Herausgegeben von Karl Muth

Neuntes Heft 1931/32 · Neunundzwanzigster Jahrgang

Juni

Psychologie der russischen Gottlosigkeit / Von Nikolaj Berdiajew :: Arbeitsdienstpflicht / Von Mila Radakovic :: Chlodwig Fürst zu Hohenlohe und seine Denkwürdigkeiten / Von Professor Dr. Anton Chroust :: Augusta van Dorpe. Eine Novelle / Von Wilhelm Kiefer :: Der Einfluß einer Theologie auf das Geistesleben der Nation — Anton Günther / Von Professor Dr. Eduard Winter :: Hebräische Renaissance / Von Professor Dr. Johannes B. Kraus S. J.

Kritik: Wertlehre und Wertfragen / Von Professor Dr. Ludwig Hänsel :: Die Islandromane Gunnar Gunnarssons / Von Dr. Ernst Alker

Rundschau: Politik und Wirtschaft in Frankreich :: Nathan Söderblom :: Johan Thorn Prikker † :: Wilhelm Busch

Kunstbeilagen: Johan Thorn Prikker / „Verkündigungsmadonna", „Das apokalyptische Lamm", „Schiffahrt" und „Abendmahl"

Jos. Kösel'sche Buchhandlung München u. Kempten

Verlagsort Kempten im Allgäu

Титульный лист ежемесячника «Hochland» 1931 г.

В статьях, публиковавшихся в «Hochland», не было недостатка в таких «типологизирующих народы» ссылках, как и в католическом Гердер-лексиконе[16]. Все они варьируют порожденный одним и тем же предрассудком образец, не говоря уже о том, что организованные в имперском ведомстве пропаганды относящиеся к «расе» идеологемы были весьма распространены. Экстремистских, идеологически близких нацистским выражений у католиков тоже хватало. Так, в «рекомендованном епископатом», появившемся в издательстве Гердера в 1937 г. «Справочнике по религиозным вопросам современности» архиепископа Фрайбурга Конрада Грёбера об отношении католической церкви к «большевизму» можно было прочитать:

> В оценке большевизма надо исходить из того факта, что для большевиков, в конечном итоге, речь идет об идейной позиции, которая характеризуется обезличиванием человека, лишением культуры духовного начала, переоценкой таких мировоззренческих и нравственных понятий, как правда и справедливость, в интересах азиатского государственного деспотизма, практически, в интересах группы руководимых евреями террористов. Они и есть партия, которая сознательно ограничивается избранным меньшинством и требует безусловного подчинения. […] И руководители национал-социалистического движения на нюрнбергском съезде 1936 г. самым серьезным образом заклеймили большевистский мировой заговор, его темные движущие силы и преступные методы и призвали народы Земли сплотиться против этой всемирной угрозы. […] Поскольку большевизм является врагом всех народов, то борьба немецкого народа против большевистской мировой революции касается всех наций на Земле[17].

Другую грань «антибольшевистской» агитации католической церкви представлял знакомый Бёллю капеллан из Кёнигсховена Юлиус Тициак в опубликованной в журнале Католического академического союза «Der katholische Gedanke» статье «Религиозные взгляды Достоевского»:

> В «Бесах» Достоевский изображает страшный хаос рационального, лишенного корней мира и указывает на угрозу нигилизма и идеологии, которая отделилась от сферы влияния христианства. […] Потрясенные, мы видим, как эти бесы неистовствуют сегодня в России. Идеология Ставрогина, Кириллова и Верховенского – это идеология большевизма. […] В «Бесах» Достоевский предвидел, предсказал и преодолел хаос большевизма[18].

Достоевский, для интерпретаторов-католиков, не только инстанция в споре с либерализмом[19], он как противник «большевизма», в истолковании, подспудно идентифицирующем католическое с духом христианства, выдвигается в главные свидетели избавления (перефразируя) преодолевающего нигилизм в «сфере влияния христианства» и ставится на службу схеме, в соответствии с которой все якобы ни в чем не «укоренившееся», не является католическим и потому освобождает место, из которого стремительно появляется «зло». Направление мысли – на Достоевского, как наместника христианства: если без политико-идеологической инструментализации уловить эту суть, то это указывает на образ Достоевского, который, в модифицированной форме встречается и у Бёлля, прежде всего, в «Письмах с войны».

Экскурс: Достоевский

Когда Бёлля спрашивали, какие авторы оказали на него «влияние» в предвоенные годы, он всегда упоминал Достоевского. Кроме того, он называл Достоевского среди возможных источников, которые могли помочь представить «портрет» России. И на вопрос, когда он впервые услышал имя Достоевского и когда в первый раз прочитал его книгу, Бёлль в 1972 г. ответил:

> Очевидно, в 1934 или 1935 году. В эти годы по инициативе Католического академического союза устраивались весьма активно посещаемые лекции, билеты на которые для школьников и студентов были очень дешевыми. Может быть, имя Достоевского я услышал на лекциях о Соловьеве и Бердяеве. Возможно также, что я в первый раз услышал имя от Райнхольда фон Вальтера, который тогда жил в Кёльне, читал лекции по русскому языку и занимался переводами. В рамках упомянутого лекционного курса несколько лекций о восточной литургии прочитал католический священник по имени Тициак. Кроме того, в эти годы шел фильм «Братья Карамазовы»[20], который я сам не видел, но мне рассказывал о нем мой старший брат. Анна Стен в этом фильме играла Грушеньку. Я не знаю больше, в связи с чем в эти годы я впервые услышал имя Достоевского. Его первую книгу я купил в 1935 г. у букиниста за несколько грошей. Это было «Преступление и наказание»[21].

Если следовать датированной маем–июнем 1936 г. записи в списке книг, который вел Бёлль, то ее надо рассматривать как решающий момент, а чтение «Преступления и наказания» как начало занятий Достоевским. При этом, вопрос о том, что непосредственно побудило его к чтению, за недостатком однозначных свидетельств должен остаться открытым[22]. Но и без того более важным представляется, как он читал Достоевского. И в этом отношении сделанные Бёллем отсылки весьма содержательны. Отвлекаясь от упоминания преподавателя кёльнского университета Райнхольда фон Вальтера, о котором Бёлль не знал до зачисления в университет на летний семестр 1939 г[23]., скажем, что другие имена, учитывая восприимчивость Бёлля, принадлежат интерпретаторам, каждый из которых внес свой специфический вклад, и общим для их восприятия Достоевского была сосредоточенность на аспектах христианства – прочтение, которое в это время имело для Бёлля большое значение. К ним относятся и русские религиозные философы Владимир Соловьев и Николай Бердяев (в работах которых – но не в лекциях о них[24] – Достоевский толковался в духе христианской теологии), – и уже упомянутый Юлиус Тициак. Последний, благодаря публикациям в «Der katholische Gedanke», а также, возможно, упомянутым Бёллем лекциям о восточной литургии, которые, однако, состоялись только в начале января 1938 г.[25].

Но, прежде всего, если следовать более поздним свидетельствам самого Бёлля, интерес к Достоевскому в 1930-е годы был вызван совпадением того, что изобразил русский автор, с тем, что окружало его. Так, в «Преступлении и наказании» – первое, что он прочитал, – как вспоминает Бёлль, его интересовала не фигура Раскольникова сама по себе и не убийство, – «“Преступление и наказание” показалось мне весьма *далеким от действительности*», – но, еще больше «все остальное […], конечно, потому, что допускало идентификацию: среда Мармеладовых […]; опустившаяся или идущая к упадку мелкая буржуазия с характерной для нее истеричностью, которая является самозащитой»[26].

Это и сопоставимые указания показывают, какой пример подавал Достоевский – а вместе с ним так же много значивший для Бёлля французский католический писатель, публицист и предтеча связанного с именами Жоржа Бернаноса и Шарля Пеги Renouveau catholique Леон Блуа[27] – в том, как «повествуя, понять и выразить то, что волновало в узнанной, пережитой и не совсем прозрачной истории. Социальное, религиозное и политическое[28]. В толковании Бёлля, Достоевский, описывая «среду» «униженных и оскорбленных», был близок к роли, по собственному определению, социального аутсайдера, как ее занял Бёлль после интерпретированного как декласcирование хозяйственного упадка семьи, самым зримым символом которого стала продажа построенного в 1922 г. семейного дома. Но одновременно, если обратиться к высказываниям того времени, четко проявляется литература, которая указывает на подчеркивающую все христианское компоненту интерпретации[29] и в период между 1936 и 1938 годом задает направление дальнейшим занятиям Достоевским – направление, размышления о котором относились к писателю, сохранившему «на всю жизнь исключительное, единственное отношение к Христу», и интерес которого заключался в том, чтобы выдвинуть на первый план мысль о том, что у Достоевского не было «правды вне Христа»[30].

В круг чтения входили появившиеся в 1922 г. «Три речи в память Достоевского»[31] Соловьева, опубликованное в 1934 г. исследование Бердяева «Правда и ложь коммунизма»[32] и его же работа «Мировоззрение Достоевского», опубликованная в 1925 г. у Бека. А кроме того – и, наверное, это было первое детальное знакомство с Соловьевым, Бердяевым и Достоевским – вышедший в 1934 г. труд Карла Пфлегера «Умы, которые борются за Христа»[33], который Бёлль прочитал в четвертом издании 1936 г. Наконец, следует назвать уже упоминавшуюся статью Юлиуса Тициака «Религиозные взгляды Достоевского» в «Der katholische Gedanke», в которой были названы аспекты, весьма важные для тогдашнего понимания Достоевского Бёллем:

> В лице Достоевского мы имеем крупного христианского мыслителя. Он отважился на то, чтобы все: жизнь, события, космос и историю рассматривать с позиции Христа. В этом качестве его бытие – это не просто нерефлектированное нахождение в потоке божьей милости; его бытие сознательно, он пришел к нему через «чистилище сомнений» и *очистившись в страдании за людей.* […] Достоевскому было нелегко, так как он проник до края тьмы, так как он, как никто другой, хотел понять и властителей мрака. *Он страдает в бесконечном сочувствии к отверженным*, и все же он пробивается к свету, к восхождению, к раю. Этот идущий из глубины гимн воскрешению делает его признание Христа таким искренним, таким истинным, таким ценным и для нас[34]. (Курсив – *Й.Ш.*)

В марте 1943 г. Бёлль писал:

> Я очень тоскую по Достоевскому; иногда мнится мне, что он царь, христианский царь всех обездоленных и страдающих и любящих – а из кого же еще состоит паства Бога, как не из бедняков, любящих и страдающих[35].

Симбиоз запечатленных в этом и похожих высказываниях Леона Блуа, но, прежде всего, сфокусированных в восприятии Бёллем Достоевского, составляет вдохновляющую суть выражения сопровождавшегося в эти годы колебаниями отношения к

семье и окружающему ее миру. Это находит свое отражение в понимаемом как критика времени литературном провоцировании социального, но прежде всего церковного порядка, который он показывает в зеркале собственной, объединяемой фигурой Христа «теологии сострадания и бедности».

То, что из интерпретации Достоевского можно было вывести элементы «сущностной логики» России, о чем говорит ссылка Бёлля на «литературу» как специфический источник его представлений о России, определенно не относится к линии восприятия, повлиявшей на основные моменты трактовки, особенно если учесть, как выделяется христианская тема. Но все же можно говорить о связи с Бердяевым, который в «Мировоззрение Достоевского» включил специальную, посвященную России главу.

Взгляд, хотя оставшийся единственным, на отражение литературы и «структуры русской души»[36] в его обусловленном романами Достоевского выражении находим во фронтовом письме, написанном в январе 1944 г. из Одессы, куда Бёлль прибыл после ранения на Крымском полуострове (см. ниже).

Здесь в характерной для Бёлля форме (объединяющей сопоставляемые восприимчивость и воображение, раскрывающиеся в настроении и атмосфере и из них черпающие свою силу) возникает имя Достоевского. Он пишет:

> […] на фоне темно-серого неба ты видишь фантастические силуэты куполов, толстых и уютных, которые все же полны тайной бесовщины. Но, самое фантастическое – это дома, грязно-желтые фасады, желтые до черноты, безжизненные и волнующие, плоские крыши, длинные, длинные улицы, грязные, и эти желтые фасады, все одинаковые и потрясающим образом разные. Когда я увидел эти дома, моей первой мыслью было: Достоевский! Вихрем пронеслись передо мной все они: Шатов и Ставрогин, Раскольников и Карамазовы, ах, они все пронеслись передо мной, когда я увидел их дома́. Да, это их дома, ах, я могу понять, что в таких домах днями, ах нет, годами за чаем, сигаретами и водкой только дискутируют и строят планы, забывая о работе. Я еще не могу выразить то, что меня волнует… я знаю только, что я почувствовал, что я – человек Запада и что я тоскую, тоскую по Западу, у которого еще есть «raison» […] подобно тому, как ветер свободно и безудержно метет по всем углам, так и бесы здесь повсюду. Во Франции, пожалуй, можно испытать страх, входя в дом, но здесь страх охватывает тебя при виде беспредельных полей, где «свободно» может произойти все что угодно!!![37]

Силой воображения Бёлль превращает воспринятое в сценарий, наполненный героями Достоевского («вихрем пронеслись передо мной все они»), сценарий, в котором из чувственного и образного возникает фантасмагория, где контрапунктом зловещему, «полному бесовщины» проспекту является западная рациональность.

Такая аффектная реакция, привязанная к восприятию и наблюдению, делает убедительным «портрет чужого», который, по меркам определившихся в процессе социализации (прежде всего, в католической среде) ценностей, не кажется идеологически оформленным, в строгом смысле слова. Она, скорее, свидетельствует о возникшем из смутных образов и общих предрассудков, а также реагирующем на непостижимое и враждебное взгляде на типизацию повседневности у озабоченного тем, что ему предстоит, поле зрения которого отмечено и определено как неуверенностью, питаемой различными негативными описаниями, так и собственными фантазиями, волнующими его.

Поэтому то, что Бёлль, начав службу солдатом германского вермахта, попробовал освоить русский язык, кажется поразительным. Позже, правда, – после заключения в августе 1939 г. германо-российского пакта о ненападении, на этапе некоторого затихания антибольшевистских пропагандистских кампаний, что должно было создать видимость дружественных отношений – это усилие предстанет, скорее, как попытка открыть для себя возможность его применения (пусть и в военной сфере), что позволило бы Бёллю, по меньшей мере, уклониться от казарменной муштры и не превратиться в массу. Он надеялся, что, посещая языковые курсы Имперского союза переводчиков, освободится от «института тупости»[38], где он получал образование «посредника в языке»[39]. Однако, когда тает надежда на возможность применения своих способностей, пропадает и интерес, а от «осознания цели» остается только «самое большее, частный интерес»[40]. Эти рассуждения не более, чем эпизод среди многочисленных попыток избежать ненавистную казарменную муштру. То, как безропотно Бёлль принял утрату перспективы найти себе применение подальше от муштры и принуждения, может удивить, по крайней мере, принимая во внимание, что для него речь шла об альтернативе пребыванию в казарме. На вопрос о том, что является альтернативой жизни в казарме, в принципе, не воспринимаемой как форма существования мужчины и солдата, нельзя ответить, высчитывая время нахождения в казарме или вне нее. Молодой мужчина и солдат Генрих Бёлль, который сам себя видел «фанатичным индивидуалистом» во власти «неистовых стремлений, мечтаний, полных страстным отрицанием любого принуждения, любых команд, любого ора»[41], который, таким образом, хочет освободиться от всего, что ограничивает его как мужчину и как личность, – в качестве решения предлагал жизнь, «свободную от условностей», без управления со стороны, пусть даже мнимого. Ставка, так сказать, на человека была противопоставлением казарме, которая воспринималась как синоним подавления личности и его становления как «мужчины», означала, что возвышение себя как мужчины и солдата он берет в свои руки.

Такой же абсолютной, как отрицание казарменной жизни могла быть только альтернатива, о которой Бёлль пишет в письме вскоре после нападения Германии на Советский Союз (с начала войны на уничтожение, писем нет). В это время Бёлль охранял штрафников вермахта в лагере на Рейне, в Весселинге. Разрываясь между раздражением и смирением относительно своей личной ситуации, Бёлль 29 июня 1941 г. впервые высказывается о происходящем. Факт, который может быть подтверждением того, «что большинство людей было не в состоянии представить себе значение и последствия того, что началось в тот день»[42]. Правда, Бёлль демонстрирует это в характерной для себя манере. На сторожевой вышке в Весселинге он воображает себе сцену, которую видел на картинке в книге из библиотеки своего отца:

> …это называлось: Дорога к церкви в Ла Плате – так, по крайней мере, я думаю; поселок в североамериканской степи, ряд бревенчатых домов и на переднем плане деревянная церковь с деревянной колокольней, и эта колокольня была совсем как эта, наша башенка здесь. […] Вообще, я нахожу, поселенцы, эта сила, способная отказаться от культуры и цивилизации и начать все совершенно заново, – в этом есть какая-то пьянящая абсолютность. И в солдатах меня страшно привлекает эта абсолютность, меня это прямо возбуждает. Поэтому мое стремление солдата, действительно, быть на фронте… именно теперь, когда вновь идет наступление, – и, должно быть, великолепно продвигаться вглубь бескрайних просторов России. Я безмерно страдаю от того, что должен переживать войну

в тени, только в школах или казармах и большей частью в затхлых и грязных помещениях, как почетный заключенный, ты знаешь…[43].

Жест инспирированного Блуа «сознания абсолютности», возрождающийся в проекциях нового начала, поселенцев и солдат, а также происходящий из идиосинкразии на бытие в тени, относится к субстанции происходящего из реакции на собственную ситуацию позора существования, воспринимаемого как немужское, так и несолдатское, и намеченного в соответствии с «солдатским стремлением» выхода, который в другом месте отражается в языке противопоставления «милитаризма казармы» и «солдат на поле боя»[44].

Фактически, миф о проявляющем свои мужские качества «фронтовике», как он сложился еще в 1792 г. в добровольческих отрядах[45], через некоторое время захватил Бёлля: поиск наполненной смыслом жизни как рожденной на войне величины. Для Бёлля речь шла не столько о том, чтобы испытать чувство товарищества по аналогии с окопным братством Первой мировой войны, в котором Франц Шаувеккер увидел возрождение истинной Германии, но прежде всего разговор шел о приобщении к идеалу мужественности как символу личного и национального обновления («Я вышел из кровавого мужского спора», – записал Эрнст Мориц Арндт, вернувшись после «битвы народов» под Лейпцигом). Не национально окрашенная фантазия, но представление об идеале мужественности, которое позволяет предвосхитить достижение «не связанного условностями» существования мужчины-солдата без муштры и казармы, в этот момент приводит Бёлля в состояние аффекта, в котором теперь, «когда снова идет наступление», он поддается соблазну «выйти из тени»[46].

С такими, больше или меньше определившими его видение мира представлениями Бёлль в 1943 г. – после почти 2-годичной службы солдатом оккупационных войск на французском берегу Ла-Манша в районе местечек Кар-Гри-Нец, Сан-Валери-сюр-Сомм, Ле Трепорт, Мольер д'Аваль – попал в Россию и достиг Одессы, 25 лет от роду и незадолго до того произведенный в обер-ефрейторы (1 сентября 1943 г.), после почти 14-дневного переезда на поезде[47], а оттуда 11 ноября 1943 г. на «Ю-52»[48] вылетел в Крым. Там 12-го числа того же месяца он был зачислен в 1-й батальон 1-й роты121-го пехотного полка 50-й пехотной дивизии, который в то время был придан 98-й пехотной дивизии и сражался в местечке Булганак севернее Керчи.

Бёлль прибыл в Крым[49] после того, как 28 октября 1943 г. Гитлер приостановил уход из него немецких войск. В начале октября 1943 г. перед группой войск «А» была поставлена задача: совместно с 17-й армией удерживать Крым против попыток десантирования войск советского Северо-Кавказского фронта и совместно с 6-й армией воспрепятствовать прорыву 4-го Украинского фронта и его входу в Крым с севера по линии Запорожье – лиман Молочный на Азовском море. В начале ноября войска 4-го Украинского фронта преодолели Перекоп и создали плацдарм на северном берегу Сиваша. 1 ноября 1943 г. части советской 18-й армии начали десантную операцию через Керченский пролив, а войска 56-й армии – севернее Керчи. В этих боевых действиях участвовал Бёлль.

Эти три с половиной недели на фронте в Крыму (с 11–12 ноября до 6 декабря 1943 г.), позже сюда надо прибавить участие в боях в Румынии, в Яссах, в мае 1944 г. (правда, непосредственно после прибытия Бёлль был ранен) – стали для него наиболее значительной, изменившей его фазой войны. Замыслы абсолютного большинства написанных им непосредственно после войны текстов, действие которых

разворачивается на фоне войны, зародились на «Востоке»[50]. Если тон его писем со временем менялся, то теперь, под влиянием новой и до сих пор неизвестной Бёллю реальности фронта, они получили иную экзистенциальную окраску.

Сначала, в первые месяцы войны, адресованные, в основном, родителям письма из армии были коммуникативным средством для поддержания связи с семьей. Это были сообщения о будничной жизни, о недостатке снабжения, о постоянных размышлениях и попытках подать рапорт и получить отпуск. Параллельно с этим редко, но потом, главным образом, прежде всего в «разговоре» со своей подругой, а потом женой Аннемари Кеш[51], – в письмах на втором году войны он концентрируется на выяснении взглядов на мир, жизнь и веру. При этом, письма становятся посланиями, содержание которых меняется в ту или иную сторону, между разочарованием и «планов громадьем». Его письма 1941–1943 гг. из Франции становятся «откровенными», а изложение наблюдений и впечатлений приобретает литературный стиль[52].

Правда, постоянно возникают картины воспринимаемой как насилие ситуации и фоном звучащие в каждом письме жалобы, порой проникнутые обычными предрассудками. Еще из Франции, 9 сентября 1942 г. Бёлль писал:

> […] и, правда, удивительно, как мы все это хорошо переносим, мы немцы; я не думаю, что какая-либо другая нация в мире может твердо, непреклонно и без лишних слов так много вынести и стольким пожертвовать, не погружаясь в мрачную тоску, подобно русским или упивающимся словами французам: ах, прости мне всю эту болтовню – довольно сбивчивую и безосновательную, я и сам не знаю, как дошел до того, чтобы преподнести Тебе такое[53].

И 26 октября 1943 г., непосредственно перед отправкой в Россию:

> Сегодня утром мы очень рано отправились в поход, которого я очень боялся; но мне страшно повезло, я должен был ехать на велосипеде на несколько сот метров впереди роты и искать на карте дорогу, которая вела нас по грязным проселкам. (Наверное, чтобы дать нам первое представление о том, что нас ожидает в России)[54].

Крым, а также Яссы[55] стали для Бёлля адом. И как было написано уже в первом после прибытия письме жене, он здесь увидел «истинное лицо войны»:

> После перелета «с приключениями» мы уже три дня без перерыва участвуем в боевых действиях. Впервые выдавшиеся «спокойные» десять минут я пишу Тебе письмо, которое, я надеюсь, дойдет до Тебя. Война жестока и ужасна, и вправду адская. […] Я пишу Тебе из ямы, которая за эти 3 дня несчетное число раз спасала мне жизнь. Когда-нибудь потом я подробно расскажу Тебе об этих днях, когда я увидел истинное лицо войны[56].

В каждом, написанном на этом этапе участия в войне письме, видно новое, ставшее более трезвым от ужаса пережитого отношение Генриха Бёлля к «фронтовикам»:

> Нас втянули в жестокие бои […]. Это бессмысленное убийство идет утром, днем и вечером. Нет ничего более бессмысленного и преступного, чем война. […] Мы залегли на краю огромного поля подсолнухов, на котором остались только по-осеннему голые стебли и которое вдоль и поперек простреливается артиллерией обеих сторон и перепахано гусе-

ницами танков; жирная, вязкая, черная земля, в которой мы с трудом выкапываем для себя окопы. Земля, да земля – это же принадлежность пехоты[57].

Письма Бёлля становятся сложнейшим шифром его ощущений. В то время, как глаза и душа зафиксированы на том, чтобы определить внешнее как место, где опустошения внутреннего становятся видимыми и, наоборот, разрушения внутреннего относятся к заключенному в опыте, война при взгляде на изъезженное поле подсолнухов становится в некоторой степени «объективной».

Ландшафт печален и мрачен, в нем что-то демоническое; насколько хватает глаз, во все стороны только голые холмы, темно-коричневые и блеклые, ни дома, ни дерева, никого, кроме неясных, плотно укутанных фигур на стороне русских и нас самих, грязных, совершенно грязных и усталых…[58].

При этом, образ других солдат растворяется в абстрактном обобщении «русские», атрибутированный обычным в то время клише «водка»:

[…] вчера вечером (было) весело; русским, очевидно, дали водку, они горланили и орали как сумасшедшие и палили как помешанные. Некоторые попытались абсолютно недисциплинированно атаковать, но, конечно, неудачно; но эта кишащая толпа против нас была пугающей…[59].

В автобиографии, написанной в 1948 г. для одного из его преподавателей, Акселя Кауна, Бёлль лаконично указывает момент, когда он снова взялся за писательский труд – «конец 1946 г.», – говоря о нем, как о «внезапном пробуждении совести литератора»[60]. Это отклик на сформулированный уже в 1940 г. для самого себя принцип «не будить мертвых», «так как мертвые должны хоронить своих мертвецов – нет, я хочу воспеть убитых»[61]. В словах Бёлля о «пробуждении совести литератора» зашифрованы требование снова почерпнуть из пережитого и понятого силы, чтобы говорить своим языком, и уверенность, что ему это удастся. Прежде всего, в письмах из Крыма, а позже и из Ясс, видны моменты зарождения будущих произведений, потому что, как писал Бёлль 19 ноября 1943 г.,

…многие минуты этого кошмара навсегда врезались мне в сознание, и они, как мерило, всегда будут у меня под рукой[62].

Мерило Бёлль сохранил, и отражение приобретенного в Крыму фронтового опыта в его произведениях, написанных после войны, свидетельствует о том, что Россия, или русская война, была для Бёлля решающим моментом, оказавшим глубочайшее воздействие на его биографию. И дело не только в том, сколько места отводится ей в рассказах, но и в том, что она, в прямом смысле, составляет субстанцию того, о чем он пишет. С этой точки зрения, проявляющаяся в послевоенных текстах и всегда оцениваемая как недостаток пафосность оказывается эквивалентом невозможности запечатлеть совпадение литературы и пережитого. Правда, надо заметить, что побуждением к писанию на основе приобретенного на восточном фронте опыта как «мерила» было то, что оставленный теми событиями глубокий след был связан не с «русской» войной, но с *войной*, как он увидел ее во всей чудовищности прежде всего в России.

Я взял себе за правило, проходя мимо мертвых, немца или русского, тихо говорить: «Да благословит тебя Бог!». Ах, нищета человеческая ужасает[63].

Последняя мысль (безразлично, относится она к русскому или немцу) – обращена к душе, к личности.

Если посмотреть на первые послевоенные годы, то о России как о стране осталось впечатление, какое сложилось вначале: «[…] но как только я думаю о России, то меня как будто стеной обступают тени, непроглядная тьма»[64], как говорит командированный в Россию солдат в написанной Бёллем в 1948 г. «Драме I»[65].

Перевод с немецкого Марианны Корчагиной

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Böll H.* Briefe aus dem Krieg 1939–1945. 2 Bde. – Köln, 2001. Nr. 675. S. 942. (Далее – KB.) 28 октября 1943 г. Бёлля перевели из местечка О на французском берегу Ла-Манша на восточный фронт.

[2] KB. Nr. 673. S. 941. Продолжение этой мысли в процитированном в начале статьи письме от 6 ноября 1943 г.: «Россия, действительно, несказанно печальная, большая и демоническая страна, страна без заборов. Действительно без заборов, в отличии от Франции, где каждый обносит высокой стеной каждый маленький клочок земли». См. также письмо от 31 декабря 1943 г. (KB. Nr. 711. S. 972.): «Между тем наступила лютая, холодная зима. Каждую ночь падает снег. Россия широкая, широкая, плоская и белая, и эта страна без заборов и стен, без границ кишит демонами…».

[3] Письмо от 7 января 1944 г. // KB. Nr. 715. S. 976.

[4] *Junger V.* Das Gesicht der Etappe. Berlin, 1919. Цит. по: *Liulevicius V.G.* Kriegsland im Osten. Eroberung, Kolonisierung und Militärherrschaft im Ersten Weltkrieg. – Hamburg, 2003. S. 190.

[5] *Böll H.*, *Kopelew L.* Warum haben wir aufeinander geschossen? – Bornheim-Merten, 1981. S. 12.

[6] Ibidem. S. 12 f.

[7] KB. Nr. 679. S. 945.

[8] *Kramer F.A.* Das rote Imperium. – Köln, 1934. – Этот очерк, кроме того, в 1932/33 гг. был предварительно опубликован в близкой партии центра газете «Kölnische Volkszeitung», которую читали в семье Бёлля.

[9] Ibidem. S. 30.

[10] О том же Бёлль писал в 1983 г.: «Мои ровесники – или чуть старше, или чуть моложе, – конечно, травмированы улицей, нацистским уличным террором, изгнанием нас с улицы, как я тогда это воспринимал. Улицы Кёльна были для меня родными, а тут мне стало нельзя по ним ходить, потому что там маршировали эти бандиты, и не только из-за того, что надо было обязательно вскидывать руку, приветствуя их, но еще из-за того, что они орали свои кровожадные песни. Поймите, мы травмированы улицей». Цит. по: *Glotz P.* (Hrsg.) Ziviler Ungehorsam im Rechtsstaat. – Frankfurt a. M., 1983. S. 145.

[11] *Kramer F.A.* Op. cit. S. 33.

[12] *Smolinksy H.* Das katholische Rußland in Deutschland nach dem Ersten Weltkrieg und im «Dritten Reich» // Das Rußlandbild im Dritten Reich. Hrsg. von Volkmann H.-E. – Köln, Weimar und Wien, 1994. S. 326. См. также: *Lemhöfer L.* Gegen den gottlosen Bolschewismus. Zur Stellung der Kirchen zum Krieg gegen die Sowjetunion // Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. «Unternehmen Barbarossa 1941. Hrsg. von Ueberschär G.R., Wette W. – Frankfurt a. M., 1999. S. 67–83.

[13] См. например: в рассказе «Однажды летом», написанном в июле–августе 1938 г., читаем: «Мы намерены попытаться вывести на чистую воду толстопузых святош, показать, что, по сравнению с тем местом, какое церковь занимает в современных умах, ее внешнее проявление с ее экономически и организационно безупречными структурами просто метафизически смешно. […]

Мы намерены открыть сейфы банков именем Христа и тщательно изучить кассовые книги страховых обществ именем Христа, и польются слезы из наших глаз, и загудит у нас в ушах, если мы обнаружим тайные ходы ростовщиков именем Христа. И никогда, ни на секунду мы не забудем, что есть una sanctacatholica et apostolica, которая, правда, нуждается в reformatio in corpore et membris». Цит. по: *Böll V., Schubert J.* Heinrich Böll. – München, 2002. S. 25.

[14] См. кроме статей, приведенных на 327 и последующих страницах в «Generalregister zur Monatszeitschrift Hochland (I–XXV. Jg., 1903–1928)», появившемся в 1929 г., также: *Maklezow A.* Ehe und Familie in Sowjetrußland // Hochland. 28. Jg. (1930/31). H. 6. S. 507–524; *Dessauer F.* Bolschewismus und Weltbürgertum. Gedanken um das Schicksal des Abendlandes // Hochland. 28. Jg. (1930/31). H. 12. S. 481–500; *Pfleger K.* Nikolaj Berdjajews orthodoxe Gnosis. 29. Jg. (1931/1932). H. 3. S. 209–226.

[15] *Soltykoff A.* Das doppelte Gesicht Rußlands // Hochland. Monatschrift für alle Gebiete des Wissens/der Literatur u. Kunst. Hrsg. von Karl Muth. 18 (1920/21). Bd. 1. S. 15.

[16] См. заглавное слово «Russen» // Der Große Herder. Nachschlagewerk für Wissen und Leben. Völlig neubearb. Aufl. von Herders Konversationslexikon. Bd. 10. – Freiburg, 1935. S. 450 f.: «Что отличает русский народный характер, так это исторически обусловленная, сознательная способность с упорством переносить страдания, мягкая душа и склонность к размышлению. Часто бросающаяся в глаза неровность русского характера, неожиданно вспыхивающее сопротивление и мрачная замкнутость и неподвижность, объясняется частью историческим становлением, частью мучительным, определяющим всю духовную жизнь русского народа ясновидением. Неутолимая тоска по абсолютному живет в душе русского народа, борьба за Бога и преобразование земли в духе “правды и справедливости”. Так называемое русское мессианство, национальный миф о 3-ем Риме (= Москва). Есть выражение веры в “святую Русь” и ее мировую миссию».

[17] *Gröber K.* Handbuch der religiösen Gegenwartsfragen. – Freiburg, 1937. S. 85–87.

[18] *Tyciak J.* Die religiöse Weltsicht Dostojewskys // Der katholische Gedanke. 10 (1937). H. 4. S. 293 f.

[19] См. например: *Kampmann T.* Die Welt Dostojewskijs und Sowjet-Rußland // Hochland. 29 (1931/32). H. 12. S. 496–510.

[20] Речь идет о фильме Федора Оцепа «Убийца Дмитрий Карамазов», премьера которого в Германии состоялась 6 февраля 1931 г.

[21] Dostojewskij – heute? Ein Fragebogen // Wir und Dostojewskij. Eine Debatte mit Heinrich Böll, Siegfried Lenz, André Malraux, Hans Erich Nossack, geführt von Manès Sperber. – Hamburg, 1972. S. 61.

[22] Названные Бёллем имена с некоторой достоверностью можно отнести к периоду после 1936 г.; см. ниже.

[23] 13 апреля 1939 г. Генрих Бёлль был зачислен в университет Кёльна на специальности Германистика и классическая филология. И имя фон Вальтера в связи с записью на семинары этого семестра не возникает. Впервые он упоминается в письме от 29 октября 1942 г. из Понт-де-л’Арш (KB. Nr. 368. S. 517), в котором речь идет о надежде Бёлля добиться увольнения в отпуск для учебы. В связи с расписанием лекций на зимний семестр 1942/43 годы он пишет: «[…] единственное, что я пока отметил, так это лекция фон Вальтера». Он заявил лекцию по «славянской филологии: основные элементы русского языка за один семестр (прежде всего для участников войны)». – Возможно, однако, что Бёлль узнал имя фон Вальтера раньше, из публикации в «Der katholische Gedanke» (Walter von R. Das russische Weltbild // Der katholische Gedanke. 2. Jg. (1929). H. 2. S. 178–212), в которой упоминается имя Достоевского. Но невозможно, чтобы Бёлль принял эту статью к сведению до 1936 г., т.е. до той поры, как начал интенсивно читать.

[24] Ни в фондах Католического академического союза Исторического архива кёльнского епископства, ни в опубликованных Союзом в «Der katholische Gedanke» в 1929–1938 гг. сообщениях лекции, посвященные Соловьеву и Бердяеву, не упоминаются. Единственно, было объявлено, что 6 октября 1937 г. в Кёльне состоится лекция Теодориха Кампанна (Падерборн) «Достоевский и церковь».

[25] См. объявления об этом в «Der katholische Gedanke» (10 Jg. (1937). H. 4. S. 313.) и в «Kirchlicher Anzeiger für die Erzdiözese Köln (38 Jg. (1938). S. 4.

[26] См.: Wir und Dostojewskij. S. 61; Interview mit Heinrich Böll. Süddeutscher Rundfunk. 18. Mai 1975.

[27] Леон Блуа с юности и на всю жизнь был для Бёлля одним из самых значительных авторов. Его эссе «Кровь бедных» (по-немецки вышло в 1936 г.) он прочитал зимой 1936/37 годов.

[28] См.: Schreiben als Zeitgenossenschaft I (1982) // *Böll H.*, *Vormweg H.* Weil die Stadt so fremd geworden ist. Gespräche. – Bornheim, 1985. S. 104; *Böll H.* Werke. Kölner Ausgabe. Bd. 1. – Köln, 2002ff. S. 68, 625. (Далее: KA); *Böll H.* Werke. *Interviews I.* 1961–1978. Hrsg. von Balzer B. – Köln, [1979]. S. 137.

[29] См. также: *Böll H.* Wenn ich danken müßte… // KA. Bd. 1. S. 282; Письмо от 30 июля 1941 г. // KB. Nr. 165. S. 231.

[30] *Бердяев Н.* Мировоззрение Достоевского. – Прага, 1923 г.

[31] *Соловьев В.* Три речи в память Достоевского. – Берлин, 1925.

[32] *Berdiajew N.* Wahrheit und Lüge des Kommunismus. Luzern, 1934. Кроме того, одна глава этой работы была перепечатана в журнале «Hochland», который читали в семье Бёлля.

[33] *Pfleger K.* Geister, die um Christus ringen. – Salzburg – Leipzig, 1934.

[34] *Tyciak J.* Op. cit. S. 298 f.

[35] Письмо от 26 марта 1943 г. // KB. Nr. 488. S. 670.

[36] *Бердяев Н.* Указ. соч. С. 140–142.

[37] Письмо от 7 января 1944 г. // KB. Nr. 715. S. 976.

[38] Письмо от 22 октября 1944 г. // KB. NR. 865. S. 1116.

[39] См. также: письмо от 19 февраля 1940 г. из казармы Винкельхаузен в Оснабрюке, куда Бёлль был призван 28 августа 1939 г. // KB. Nr. 26. S. 41.

[40] См.: письмо от 7 февраля 1940 г. // KB. Nr. 22. S. 37; письмо от 1 июля 1941 г. // KB. Nr. 152. S. 208; письмо от 24 июля 1941 г. // KB. Nr. 162. S. 225; письмо от 28 июля 1941 г. // KB. Nr. 163. S. 226.

[41] Письмо от 17 мая 1942 г. // KB. Nr. 240. S. 335.

[42] *Wette W.* Die propagandistische Begleitmusik zum zum deutschen Überfall auf die Sowjetunion // Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. S. 65.

[43]Письмо от 29 июня 1941 г. // KB. Nr. 150. S. 240f.

[44] См. в письме от 7 июня 1940 г.: «[…] я, совершенно серьезно, рад поменять казарменный милитаризм на то, чтобы стать солдатом на фронте. По-моему, для молодого человека, у которого нет ни жены, ни детей (ни домашнего скарба), нет вопроса, какая жизнь достойна человека и мужчины» // KB. Nr. 46. S. 65.

[45] В 1792 г. Пруссия и Австрия заключили союз против революционной Франции и объявили ей войну (*примечание переводчика*).

[46] В 1979 г. Бёлль в беседе с Рене Венценом сказал: «Тогда я […], если бы я, на основании всех справок, какие у меня были, настоял, мог бы избежать отправки в Россию. А я этого не сделал, и абсолютно сознательно. Я хотел узнать, что такое фронт. Я был молод и очень любопытен, не воодушевлен, и не способен, и не пригоден, но фронт – это было то, что пережили наши учителя, то, о чем говорил немецкий мужчина» // *Böll H.* Eine deutsche Erinnerung. Interview mit René Wintzen. – Köln, 1979. S. 133.

[47] См.: письмо от 11 ноября 1943 г. // KB. Nr. 681. S. 947. В литературном творчестве это нашло отражение в написанных после войны текстах, таких как «Тогда в Одессе» или «Мы вязальщики веников».

[48] «Юнкерс 52» – немецкий военно-транспортный самолет 1941 г. (*Прим. перев.*).

[49] 16 ноября 1941 г. Крым был оккупирован немецкими войсками, за исключением Севастополя, который был взят 1 июля 1942 г.

[50] См. например: первые, в мае 1946 г. написанный текст «Генерал стоял на холме…» (KA. Bd.2 (1946–1947). S. 9ff.), а также тексты в KA, том 3 и 4.

[51] Аннемари Кеш и Генрих Бёлль в мае 1942 г. зарегистрировали свой брак в бюро записи актов гражданского состояния, а в декабре обвенчались.

[52] Понятно, что названные для характеристики отдельных этапов черты можно найти во многих письмах из армии, и всегда в «соотношении компонентов смеси», если употребить более позднее, но типичное для Бёлля выражение. Однако для нас речь идет только о том, чтобы дать одну из многих возможных перспектив, дабы показать контраст в восприятии Бёлля в момент прибытия на фронт и фронтовым опытом, с одной стороны, и предыдущими периодами его солдатской службы, с другой.

[53] KB. Nr. 327. S. 464f.

[54] KB. Nr. 667. S. 936.

[55] В начале мая 1944 г. Бёлля перевели в Яссы, а 31 мая в боях севернее бывшей столицы молдавского княжества он был тяжело ранен в спину. После этого началась одиссея по лазаретам и полевым госпиталям в Венгрии, о чем повествует биографически окрашенный рассказ «Ранение». «Жизнь жестока, а война, любая война – преступление; в эти последние месяцы ужасных мучений я навсегда стал антимилитаристом», – писал он 11 мая 1944 г. (KB. Nr. 783. S. 1035). И через несколько недель после ранения: «Я ненавижу войну […]. Бог свидетель, теперь я знаю войну, во всех деталях, и я говорю Тебе […], не верь тому, что пишут или написали о войне, потому что во всем этом нет страданий солдат […]». (Письмо от 5 июня 1944 г. // KB. Nr. 810. S. 1056f.) И еще: «Теперь я знаю, что война – это преступление. Я ненавижу ад униформы, и, вообще, униформу как таковую». (Письмо от 10 июня 1944 г. // KB. Nr. 814. S. 1063.) Думая отныне только о конце войны, Бёлль выписывается из лазарета с документом одновременно на отпуск и проезд прямо в роту выздоравливающих своего подразделения в Метце, добивается возможности пройти курс лечения в родном Кёльне, в семье, но потом, как «отбившийся», возвращается в германский вермахт, и в начале апреля 1945 г. его задерживают американцы.

[56] Письмо от 15 ноября 1943 г. // KB. Nr. 683. S. 947f. – См. также: письмо от 21 ноября 1943 г.: «Война ужасна, и я не могу Тебе ее описать, может быть, смогу рассказать Тебе потом. […] Ах, все же нищета человеческая ужасает». (KB. Nr. 698. S. 952.)

[57] Письмо от 15 ноября 1943 г. // KB. Nr. 683. S. 948. – См. напр.: рассказ «В хорошей шляпе», написанный в 1947 г. В нем почти дословно повторяется письмо: «Эди, конечно, не пришел. Он ненадежен. Я хорошо его знаю… в жару и холод мы провели с ним вместе несколько темных ночей в России, во чреве земли, которая есть часть пехоты…» (KA. S. 137.)

[58] Письмо от 30 ноября 1943 г. // KB. Nr. 694. S. 958.

[59] Письмо от 23 ноября 1943 г. // KB. Nr. 690. S. 953. См. также: письмо от 28 ноября 1943 г. (KB. Nr. 693. S. 956): «Собственно говоря, русские очень спокойные, но вчера ночью им опять дали водку, было слышно как они поют и орут, как визжат женщины […]».

[60] Речь идет о письме Акселю Кауну от 23 марта 1948. Цит. по: *Böll V.*, *Schubert J.* Heinrich Böll. S. 48.

[61] Письмо от 19 ноября 1940 г. // KB. Nr. 95. S. 132.

[62] KB. Nr.686. S. 950.

[63] Письмо от 21 ноября 1943 г. // KB. Nr.689. S. 952.

[64] KA. Bd. 3. S. 494.

[65] После первого посещения Советского Союза в 1962 г. Бёлля связывали с Россией люди, к которым он испытывал дружеские чувства. Прежде всего, это был Лев Копелев, с которым он переписывался с начала 1960-х годов и который нашел прием в семье Бёлля, когда его лишили гражданства в январе 1981 г. Следовало бы назвать также художника Бориса Биргера, переводчика Рильке Константина Богатырева и Вельгельмину («Мишку») Слуцкую. Кроме того, Бёлль оказывал поддержку многим писателям и интеллектуалам, которые подвергались политическим преследованиям. Так, первой остановкой Александра Солженицына на Западе стал дом Бёлля в Айфеле.

5. ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Людмила Гатагова

«ХРОНИКА БЕСЧИНСТВ». Немецкие погромы в Москве в 1915 г.

С Первой мировой войной связана одна весьма неприглядная страница внутренней жизни России – так называемые «майские беспорядки» 1915 г. За этим туманным определением кроются массовые погромы немцев в Москве 26–29 мая. Несмотря на обилие сохранившихся свидетельств, само это событие дружно замалчивалось советскими историками, не говоря уже о подробностях. Лишь в постсоветские годы появились публикации, отчасти заполнившие историографический вакуум.

Сегодня положение изменилось, и многие документы об истории погромов выявлены и опубликованы. Однако тема отнюдь не исчерпана. Довольно значительный массив материалов до сих пор не введен в научный оборот, а сам феномен немецких погромов все еще не осмыслен до конца[1]. При всей своей исключительности, погромы, происшедшие в одной из российских столиц (многотысячные антинемецкие демонстрации и выступления имели место не только в Москве, но и в Санкт-Петербурге с первых же дней войны: 4 августа 1914 г. разгрому подверглось посольство Германии), слишком тесно взаимосвязаны с последующими драматическими событиями в Империи, чтобы считать их случайным и досадным эпизодом российской жизни начала XX в. К сожалению, беспорядки в Москве выглядят вполне закономерными на общем фоне глобального кризиса в Империи во второй декаде столетия. Эти события в некотором роде представляются (наряду с прочими, разумеется) индикатором грядущего распада и катастрофы 1917 г.

Атмосфера «погромных настроений», сгущавшаяся над двумя столицами в течение осени 1914 – весны 1915 гг., окончательно разрядилась в мае грандиозными бесчинствами в Москве. Всеобщая антинемецкая истерия, которая нагнеталась долгие месяцы, достигла кульминации… Это была уже третья вспышка массовой этнофобии (речь идет, прежде всего, об общественных настроениях, охвативших целые слои населения и проявившихся в крайних формах) в России в новейшее время: в одном случае государство ужесточило карательные акции в отношении польских сепаратистов в 1860-х гг. (полонофобия), а в другом – были организованы чудовищные еврейские погромы 1880-х гг. (юдофобия). Примечательно, что оба раза жертвами фобии становились более преуспевающие в социальном смысле (в сравнении с русскими) этнические группы.

Глубинные причины той всеобщности и той степени накала антинемецких настроений в России, которые вылились в майские погромы 1915 г., крылись, как представляется, прежде всего, в комплексах социального характера. Война не столько усугубила существовавшие антагонизмы, сколько добавила к ним новую гамму чувств (обида, уязвленное имперское самолюбие, etc), став мощным катализатором германофобии[2].

Пролог

К началу XX столетия немецкая колония в Москве насчитывала более семи с половиной тысяч человек. В их число входили и этнические немцы – подданные Российской Империи. Немцы играли заметную роль в структуре городской экономики. Они весьма преуспели в торговой, промышленной и предпринимательской деятельности, в том числе, многие из них занимали руководящие посты на предприятиях, в торговых заведениях. Среди московских немцев были и владельцы крупных состояний – собственники банков, акционерных обществ, заводов, фабрик, магазинов, недвижимости, etc.

О заметном удельном весе немцев в московской экономике красноречиво свидетельствуют факты и цифры, приводимые исследователями[3]. Общее представление о направлении деятельности, характере и масштабах немецкого бизнеса в 1910-е гг. дают издававшиеся в Москве специальные справочники предприятий и организаций. В них публиковались подробные списки, в том числе, и немецких фирм, магазинов и контор с адресами и самыми необходимыми сведениями[4].

С началом Мировой войны российско-германские отношения неизбежно ухудшались, став тем глобальным негативным фоном, на котором разворачивались внутриполитические процессы в государстве. Всеобщая борьба за ресурсы, в ходе которой противоборствующие стороны стремились прежде всего не оставить что-то «чужим», составила психосоциальную природу Мировой войны[5]. Патриотический пыл, охвативший российское общество летом–осенью 1914 г., постепенно угасал, сменяясь всплесками национального эгоизма. Любопытно, что в Москве небывалый подъем патриотизма и всеобщее единение на волне антинемецких чувств продержались особенно долго. В первую очередь, это касалось культурной элиты и, конечно, прессы. Петербурженка Зинаида Гиппиус с нескрываемым раздражением записывала в своем дневнике, что «москвичи» – Вяч. Иванов, Владимир Эрн, Павел Флоренский, Сергей Булгаков, Евгений Трубецкой – просто «осатанели от православного патриотизма»: «О, Москва, непонятный и часто неожиданный город, где то восстание – то погром, то декадентство – то урапатриотизм, – и все это даже вместе, все дико и близко связано общими корнями, как Герцен, Бакунин и – аксаковская славяновщина»[6].

По мере того, как события на фронтах войны принимали все более неблагоприятный для российской армии оборот, в обществе постепенно накапливалось глухое недовольство. Власть, как оказалось, не могла справиться не только с внешним врагом, но и с нараставшими, как снежный ком, внутренними проблемами. Недовольство еще более усилилось, когда начались систематические перебои с продовольствием. Плохо организованная система снабжения населения в условиях войны стала давать сбой. В стране уже ощущалась нехватка мяса и сахара, росли цены на хлеб, крупы, в то время как рост заработной платы отставал.

Экономическая ситуация в Москве осенью 1914 г. была более стабильной, чем в других регионах России. Поэтому вряд ли уместно усматривать причину вспыхнувших в октябре беспорядков в дефиците продуктов первой необходимости или в их вздорожании[7]. Первопрестольную раздирали более сложные страсти… К примеру, москвичей чрезвычайно озаботил вопрос о позиции городских властей относительно немецких и австрийских фирм в связи с предстоящей выдачей промысловых свидетельств на 1915 год. 10 октября, после заседания в Купеческой управе, где ре-

шался этот вопрос, в центральных районах вспыхнули стихийные выступления против немцев и австрийцев, слишком активно, по мнению многих, вовлеченных в экономическую жизнь города. Было разгромлено и разграблено несколько продовольственных лавок и магазинов, принадлежавших немцам, в том числе популярные среди горожан кондитерские магазины Эйнема в Верхних торговых рядах и у Ильинских ворот.

Полиция тогда действовала решительно: она арестовала зачинщиков (численностью в 21 человек), определив им трехмесячные сроки наказания. Городские власти выступили на страницах утренних газет со специальным обращением к гражданам, призвав их сохранять спокойствие и соблюдать порядок[8].

Беспорядки в Москве повторились в апреле 1915 г. Они в большей степени, нежели осенние, были спровоцированы хозяйственно-бытовыми факторами, хотя военно-политический и этносоциальный по-прежнему доминировали.

Усиливавшаяся невротизация общества порождала массовые страхи, мании и фобии. Объектами их неизбежно становились инородцы и, прежде всего, немцы. Недоверие и подозрительность в отношении них усиливались по мере возникновения очередных проблем, связанных с войной. Нетрудно поэтому проследить прямую взаимосвязь между ухудшением экономического положения населения, неудачами российской армии на фронтах, с одной стороны, и ростом антинемецких настроений в России, с другой.

Московская пресса

С первых же дней войны Москва исподволь полнилась зловещими слухами о немцах. Эти слухи только усугубляли раздутое газетами недовольство москвичей пресловутым «немецким засильем»; разговоры о нем велись в некоторых кругах особенно оживленно, и данная тема издавна муссировалась в националистической прессе. Лидер правых в Государственной думе В.В. Шульгин вспоминал впоследствии, что его «тошнило от истерических криков о немецком засилье». «Война войной… – резонно замечал он, – но не надо было говорить вздора, будто немцы 200 лет были бичом России…»[9].

Подобного рода настроения распространяли, в частности, антигермански настроенные группировки двора и правительства, а также представители предпринимательской элиты, усматривавшие в немцах серьезных конкурентов. Та часть московской прессы, которая отражала их позиции, с неослабевающим упорством привлекала внимание читателя к немецкой теме: особенно в этом отношении отличились газеты «Время», «Вечерние известия», «За Россию» и другие. Публицист «Русского слова» Баян утверждал, что Германию следует ненавидеть, а иначе как же воевать? Печать, по его мнению, вершила великое патриотическое дело, разжигая ненависть к врагу.

Поначалу все делалось в высшей степени ненавязчиво: то появлялась заметка о докторе-злодее, то сообщение об отравленной воде или рассказ о злоупотреблениях немецких управляющих. Одновременно нагнеталась бурная шпиономания: читателю сообщалось об обнаружении государственной измены среди немецких баронов в балтийских губерниях, о таинственных вышках, с которых немцы сигнализируют своей армии. Печати «суворинского пошиба»[10], по мнению либеральных «Северных

записок», «надо было давать ежедневно своей публике свежего немца, и неизбежную сухость известий с войны эта печать восполняла сочностью красок на картинах шпионства и предательства немца внутреннего». Промывание мозгов читателя становилось все более откровенным и беззастенчивым. Авторы статей в журнале «Северные записки» иронизировали:

> Разве может Борис Суворин, редактор «Вечернего времени», питать свое патриотическое чувство противником-немцем, если немец не изверг, не варвар, не дикарь? Разве может он поддерживать в своих читателях, в потребителях своего товара, чувство пламенного патриотизма, если не будет преподносить им ежедневно по женщине, изнасилованной немцами, по грабежу, совершенному немецкими солдатами?[11].

Позиция московских властей

Смелости и куражу газетчикам, безусловно, добавляли действия московских властей, последовательно принимавших меры, направленные против немцев. 4 сентября 1914 г. Городская Управа запросила сведения обо всех австрийских и немецких подданных – служащих городских предприятий, а 9 сентября было принято постановление о прекращении приема подданных воюющих с Россией государств на работу в органы управления. В своих действиях московские власти опирались и на поддержку снизу: еще в августе 1914 г., в разгар патриотического подъема, 83 служащих городского канализационного отдела обратились в Управу с просьбой об изгнании из городских служб немцев и австрийцев – «так как эти лица вызывают в нас сомнение в своей преданности нашему отечеству»[12].

Но в Москве бытовали и другие настроения – преимущественно внутри среднего класса. 16 августа на имя городского головы М.В. Челнокова поступило письмо 45-ти служащих (в основном, инженеров) с выражением протеста против репрессивных мер в отношении иностранных подданных. Требование общественности наложить на них «незаслуженную кару» авторы протеста сочли «страшным», поскольку это требование, как они писали, «…в силу так называемой “психологии толпы” может вызвать подражание, и это подражание может в конце концов воплотиться не только в простом изгнании отдельных лиц, но и в каких-либо массовых агрессивных действиях по отношению к германцам со стороны малокультурных низов нашего общества» (!). И далее:

> Мы хотим верить, что Городская Управа столицы, составляющей сердце России, не пойдет по пути узкого шовинизма. Мы непоколебимо убеждены, что величие и достоинство нашей родины созиждится не на проявлениях нетерпимости, злобы и мелкой мстительности…[13].

2-го февраля 1915 г. был издан закон о принудительном отчуждении земель у выходцев из Германии и Австро-Венгрии в приграничных районах; решением Сената подданные враждебных государств лишались судебной защиты; закрывались немецкие школы и газеты в России; немцы подлежали высылке из местностей, объявленных на военном положении. Из Москвы было выслано около двух тысяч гер-

манских и австрийских подданных. 8 мая недавно назначенный главноначальствующим Ф.Ф. Юсупов[14] издал распоряжение об увольнении из городских предприятий не только немцев, но и всех подданных воюющих с Россией славянских государств[15].

Поведение прессы становилось откровенно провокационным – при очевидном попустительстве властей. Это видели все, даже безусловные сторонники запретительных административных мер в отношении немцев. Вот мнение петроградского градоначальника князя А. Оболенского в письме от 31 января 1915 г. князю А.И. Трубецкому в Ашхабад:

> Ты пишешь, что я напрасно штрафую Суворина (редактора «Нового времени» – *Л.Г.*), но ведь он ведет шантажную борьбу, требуя денег с разных немцев и вообще лиц с немецкими фамилиями. Вообще газеты все сволочь…[16].

«Плоды» официальной германофобии

Нагнетание германофобской истерии в городе приводило к соответствующим закономерным результатам: научные общества принялись исключать из своего состава ученых немецкого происхождения; все больше коммерческих предприятий отказывались от делового сотрудничества с немцами; бойкот немецких лавок и магазинов в городе становился повсеместным явлением. Особенно преуспело в призывах к бойкоту и борьбе со «зловредными немцами» Московское Купеческое Общество.

Все настойчивее требовали увольнения немецких служащих московские рабочие. «Мы терпели, т. к. считали наших немцев за большую силу на нашей фабрике, – говорил Николай Антонович Федоткин с фабрики Цинделя, – и не решались пойти открыто против них. Одним словом к началу беспорядков мы напоминали собою масло, готовое вспыхнуть от малейшей искры»[17].

Рабочие, по словам управляющего заводской администрацией «Товарищества Добров и Набгольц», активизировались под влиянием «патриотического подъема, напряженного интереса к ходу войны и патриотическим манифестациям». По указанию градоначальства, он был вынужден уволить сотрудников-немцев Роллета и Тюмлера. Однако рабочие завода составили собственный список лиц, подлежавших, по их мнению, увольнению и прислали в контору пристава со своими требованиями. «Рабочие, с одной стороны, хотели удалить тех лиц, в которых они подозревали немцев, а с другой стороны тех лиц, которые им были нежелательны», – резонно полагал управляющий[18].

Помимо жалоб на плохое обращение, против служащих-немцев на предприятиях Москвы выдвигались самые неожиданные, порою даже нелепые обвинения. Вот что, к примеру, вменял в вину немецким сотрудникам администрации рабочий набивного цеха фабрики Цинделя Иван Трофимович Трофимов:

> По получении известий об отступлении русских войск из Восточной Пруссии Рис и Зелер в квартире Риса устроили бал, который длился всю ночь. Рис… открыто смеялся над русскими неудачами и некоторым из моих товарищей (могу назвать Федора Семенова) показывал картинки, оскорбительные для русского национального чувства, например, картинку, изображающую русского солдата, употребляющего немку[19].

В Москве резко возросло число бытовых стычек, обыденным явлением стали оскорбительные выкрики в адрес немцев на улицах, в общественном транспорте и т. д. Из уст в уста в городе передавались совершенно невероятные сплетни, порочившие немецкое население города. Сознание обывателя постепенно проникалось мыслью о скрытой немецкой угрозе, исходящей от немца-соседа, немца-работодателя, немца вообще. Подспудные, аморфные страхи начинали обретать конкретные контуры. Возник зримый, реальный образ внутреннего врага. Почва для массового психоза созрела – оставалось только «поднести спичку». Любопытно, что в среде неуравновешенных людей обострились параноидальные состояния, застарелые мании. Истерический страх распространялся, подобно эпидемии.

О настроениях в обществе можно судить по письмам, подвергавшимся цензуре в полицейском ведомстве (авторы – высокопоставленные и мелкие чиновники, землевладельцы, политические и общественные деятели, солдаты и офицеры действующей армии, наконец, крестьяне). Практически в каждом сквозит неприязнь к немцам, недовольство их «засильем» во всех слоях русского общества:

> И если здесь, сидя по кабинетам, не справятся с нашествием на нас всяких этих немецких фирм и обществ, – писал в частном письме И.А. Рихтер (! – *Л.Г.*), председатель правления Сокольнического пивоваренного товарищества, – то что же мы будем требовать с армии? Сперва нужно одержать внутреннюю победу, дать моральное удовлетворение армии, а она завершит остальное[20].

К маю 1915 г. Россия уже девять месяцев находилась в состоянии войны. Еще месяцем раньше положение на фронтах складывалось вполне благополучно: войска заняли более двух третей Галиции и Буковины, большую часть Карпат. Взятие Перемышля 9 марта вызвало в стране новый всплеск патриотических настроений. Однако начавшееся в середине апреля мощное наступление австро-германских войск переломило ход военных действий. При отступлении 21 мая Перемышль пришлось оставить. Это поражение российской армии окончательно переполнило чашу всеобщего терпения. Население, уставшее от затянувшейся войны, стало роптать. Массовое недовольство действиями военного командования и, еще больше, бездарной внутренней политикой правительства рано или поздно должно было выплеснуться наружу. И оно выплеснулось – разумеется, на немцев – «благо», почва уже давно была подготовлена.

Погромы

26 мая несколько десятков женщин, подрабатывавших в комитете Великой княгини Елизаветы Федоровны (этот комитет оказывал благотворительную помощь на местах семьям лиц, мобилизованных в действующую армию), получили отказ на просьбу о подработке и, страшно возмущенные, столпились у дома генерал-губернатора на Тверской. Они стали обвинять во всех своих бедах Великую княгиню (немку по происхождению). Собралась толпа сочувствующих, немедленно подхвативших обвинения в адрес не только Елизаветы Федоровны, но и императрицы, и немцев вообще. Страсти начали накаляться, однако, прибывший наряд полиции разогнал толпу.

«Бабий бунт» завершился подачей жалобы главноначальствующему князю Ф.Ф. Юсупову.

В тот же день рабочие ситценабивной фабрики Гюбнера, недовольные тем, что из Москвы не выслали «эльзасцев» (вместе с другими немцами), оставили рабочие места и вышли на манифестацию с портретом Государя и национальными флагами. Они направлялись на Прохоровскую мануфактуру: вспыхнувшую среди тамошних рабочих дизентерию молва приписывала «проискам немцев». Однако полиция не пустила их во двор.

Наутро следующего дня та же толпа (пополнившаяся рабочими Рябовской мануфактуры) направилась прямиком к воротам фабрики «Товарищество ситценабивной мануфактуры “Эмиль Циндель”». В 12 часов пополудни околоточный Иван Данилович Колчев зафиксировал, что от Даниловской мануфактуры по направлению к Серпуховским воротам «двигается большая толпа мирных манифестантов».

У ворот фабрики демонстрацию поджидал пристав Эклон, который принялся увещевать людей, чтобы они даже не пытались проникнуть на территорию фабрики. С ним находилось десять городовых. Прислушавшись к угрозам пристава, манифестанты отправили в фабричную контору депутацию. В это время к воротам предприятия подъехал полицеймейстер Миткевич. «С назначением нового Главноначальствующего, – заявил он перед толпой, – началась длительная борьба с немецким засильем…». Пока он говорил, часть толпы уже проникла внутрь территории фабрики.

Вскоре подъехал градоначальник Александр А. Адрианов со своим заместителем Севенардом в сопровождении двухсот полицейских. Градоначальник пообещал митингующим во всем разобраться. Кто-то из рабочих пожаловался ему, что в фабричной конторе нет портрета императора, и он послал узнать, правда ли это. Потом градоначальник спросил о директоре фабрики. Околоточный надзиратель Колчев (прослышавший из разговоров в толпе об избиении управляющего) пробился к Адрианову и сообщил ему, что директор – московский мещанин Карлсен и что в данный момент где-то на территории фабрики его жестоко избивают – «при этих словах, на лице Градоначальника показалось что-то вроде улыбки, он ничего не сказал, повернулся и сел в автомобиль».

Отъезжая от ворот, Адрианов не дал никаких распоряжений полицейским. Бездействие представителей власти окончательно раскрепостило толпу[21].

Беспорядки в центре Москвы

Особенно важно отметить, что действия полиции утром 28 мая никак нельзя назвать энергичными: некоторых немцев – владельцев фабрик и предпринимателей – укрыли в отделениях полиции, а погромы между тем продолжались.

Переходя от магазина к магазину со списками, толпа методично громила их. Если владельцы успевали предъявить документы о своей непричастности к немецкому народу, погромщики уходили. Однако не всем удавалось так быстро сориентироваться. К тому же вскоре принцип выборочности стал нарушаться, а затем и вовсе был забыт.

Среди пострадавших оказались и русские (книжный магазин С. Макарова), и французы (магазин анонимного общества автолюбителей и мотоциклистов фирмы

Пежо), и даже внештатный консул колумбийского правительства П.П. Вортман. Последний безуспешно взывал о помощи к помощнику пристава, оказавшемуся неподалеку, но тот «только развел руками»[22]. Борис Пастернак, находившийся в Москве в дни майских беспорядков, тоже оказался в числе невольно пострадавших. Об этом он писал знакомым (письмо датировано концом мая 1915 г.):

> В числе крупнейших фирм Эйнема, Ферейна и других громили также Филиппа, контору и жилой особняк. Разрушения производили по плану, с ведома полиции. Имущества служащих не трогали, только хозяйское. В творившемся хаосе мне сохранили белье, гардероб и другие вещи, но мои книги и рукописи попали в общую кашу и были уничтожены.

Дело в том, что некоторое время назад Пастернак начал давать уроки Вальтеру, сыну пожилого немецкого коммерсанта Морица Филиппа (хозяина универсального магазина на Лубянской площади) и жил в доме Филиппов на Пречистенке. Там же находились и его личные вещи. После погромов семья Пастернаков приютила Вальтера Филиппа у себя на даче[23].

Очевидец описывал побоище на Кузнецком мосту:

> По обеим сторонам улицы из многих магазинов летели вещи, грохотал треск, звенело стекло, лязгало железо. Впечатление увеличивалось до демонических размеров тем, что на всех улицах, пересекающих Кузнецкий, бушевала такая же буря разрушения[24].

Поразительно, что все эти безобразные сцены разыгрывались практически на глазах Адрианова, окруженного немалыми силами правопорядка. Все свидетели единодушно указывали на то, что полиция не предприняла абсолютно никаких попыток прекратить погромы[25].

Кульминация: Москва во власти охлоса

К вечеру 28 мая погромная волна охватила почти всю Москву, тысячные толпы растеклись по улицам. Разорению подверглись предприятия Эйнема, Цинделя, Мюзера, Вейде, Шульца, Жирардовская мануфактура и др. Начались стихийные нападения на частные дома немцев и квартиры.

В ночь на 29 мая к дому № 6 по Большой Спасской улице, где размещались фабрика нотопечатных изделий и типо-литография, принадлежавшие вдове прусского подданного Прасковье Дмитриевне Гроссе, подошла толпа численностью в несколько тысяч человек. Валентин, сын Гроссе, передал погромщикам через служащего документы матери и свои, удостоверявшие, что хозяйка – купчиха второй гильдии и российская подданная. Однако документы уже никого не интересовали… Погром предприятия продолжался около двух часов. После него вспыхнул пожар, в огне которого погибла вся находившаяся в помещении готовая продукция. Сгорело множество нот, изготовленных по заказам Румянцевского музея, Большого театра, Консерватории, Синодального училища, Сергея Рахманинова и др.[26].

В массовых грабежах были замечены даже «прилично одетые люди», дамы и, что представляется уж вовсе вопиющим, полицейские. Один из пострадавших рассказы-

вал: «Прислуга моего брата Татьяна видела, как городовой таскал из моей квартиры вещи уже после погрома»[27]. После разгрома складов Вогау, по словам очевидца, «в толпе были один солдат и один городовой, которые также таскали вещи»[28].

Расползание беспорядков по городским районам

В Лефортове – самом «немецком» районе Москвы, традиционно, испокон веков населенном этническими немцами, – начались волнения рабочих завода «Бонакер». Огромная толпа с флагами ходила по улицам, к ней присоединялись все новые и новые группы. «Дойдя до Введенской площади, толпа приняла громадные размеры, достигнув более 10 тысяч человек, и разделилась на несколько отдельных толп, продолжавших ходить по улицам», – рассказывали свидетели.

Ощущение полной безнаказанности придавало мародерам все больше дерзости. Житель района Август Генрихович Шитц (из семьи колонистов Самарской губернии) был избит на улице, несмотря на попытки околоточного Кузнецова защитить его. Полицейский в участке, куда доставили избитого Шитца, заявил ему:

> … хоть ты и колонист, все равно ты немец, как волка не корми, он все в лес смотрит[29].

Снова и снова эти высказывания свидетельствуют о том, что полицейские оставались бездеятельными во время погромов или даже принимали в них участие. Управляющий домом Карнац на Валовой улице, Иван Григорьевич Строков, рассказывал:

> При приближении толпы, городовой находился на посту, но никаких мер не принял, хотя и видел, что толпа повернула к нам во двор[30].

Роман Васильевич Карнац (хозяин карандашной фабрики), принявший в ноябре 1914 г. российское подданство, 27 мая вместе с братом выехал из дома.

> Мне казалось совершенно бесполезным извещать полицию о грозящей опасности и просить защиты, – говорил он позднее, – я слышал, что у фабрики Циндель полиция была, был даже Градоначальник, и тем не менее бесчинства произошли.

Роман Карнац и его брат Вальтер были убеждены, что разгром их фабрики и квартиры стал следствием газетной травли, которая велась беспрерывно на протяжении двух недель накануне погромов. По словам братьев, нападки на них со стороны «Вечерних известий» были «наполнены всевозможными инсинуациями»[31].

В Мещанской слободе погромы развернулись ближе к вечеру 28 мая. Пострадавшая, австрийская подданная Вильгельмина Матильда Циклер, рассказывала:

> …в 10 часов вечера в мою квартиру вломилась толпа народу. Во главе толпы был известный мне Петя, звание и отчество его я обязуюсь сообщить.

Соседка, Ксения Федоровна Лукина, подтвердила, что за час до погрома заходила к Циклер и «увидела пьяного Петра, который пришел с похищенной им во время

погрома склада Гельцке бутылкой вина. С ним был и Колька Купцов». Циклер пожаловалась, что никак не может выгнать непрошеных гостей. Петр Феоктистов (племянник домовладелицы) явился в квартиру, чтобы справиться насчет проживавшей у Циклер барышни. Это был один из редких случаев, когда удалось установить личность одного из погромщиков вместе с сообщниками[32].

На следующий день в ходе погрома свидетели сумели опознать еще двоих «героев». В четвертом часу толпа численностью около 400 человек (большинство находилось в нетрезвом состоянии) остановилась у аптекарского и парфюмерного магазина российской подданной Олимпиады Васильевны Штраух (в доме № 13 по Грохольскому переулку). Вышедший на улицу приказчик Иван Шульц пытался убедить людей, что магазин не немецкий. Казалось бы, толпа начала прислушиваться к аргументам Шульца, однако, в этот момент кто-то бросил в окно камень, и… под звон разбитого стекла погромщики ринулись в магазин. Приказчик заметил среди них сапожного мастера из соседнего дома С.И. Францева и крестьянина Ивана Завитаева, который незадолго до погрома был уволен из магазина. Завитаев со знанием дела указывал другим места, где лежит товар[33].

К ночи погромные толпы, основательно подогретые огромным количеством спиртного, «позаимствованного» у жертв погромов (которые сопровождались не только вандализмом, но, как уже отмечалось выше, и повальным грабежом, и мародерством) распалились до предела. Вот как описывал свои «подвиги» один из погромщиков (в письме к другу, приложенном к материалам следствия):

> Мы с Петушком пошли к Вильборну на Ильинку, напились в лоскутки. Много принесли домой, а также продали рублей на 25. Арестованных много, много раненых и мертвых, прямо напивались до смерти, а некоторые просто захлебнулись в бочках, потому что пили прямо из бочек. Вот когда было пьянство, как никогда пьяна была вся Москва[34].

29 мая в 4 утра накачавшиеся алкоголем толпы разграбили картонажную фабрику Г. Генк. Ближе к вечеру бесчинства развернулись в Петровско-Разумовском районе, где находились дачные особняки. Было разгромлено 20 дач, принадлежавших австрийским и германским подданным. Беспорядки происходили также в с. Ростокино, с. Всехсвятском и с. Свиблово. В деревне Подушкино Московского уезда разрушениям и жестокому разграблению подверглась усадьба Вогау[35].

Погромы сопровождались поджогами. В ночь с 28 на 29 мая в Москве произошло 150 пожаров.

Эпилог

Власти «очнулись» лишь к утру 29 мая. В Москву были введены войска. Между тем в пригородах (Бутырский, Богородский, Петровско-Разумовский и др. районы) беспорядки продолжались до вечера. Мелкие локальные погромы происходили и на следующий день.

Войска применили оружие: погибло 16 погромщиков (непосредственно от пуль – 6 человек, остальные – вследствие несчастных случаев).

Силы правопорядка быстро подавили бесчинства. Увы, преступное бездействие московских властей было оплачено большим кровопролитием. Отчего все произошло *так ужасно*? Кто именно был виноват в случившемся?

Князь Ф.Ф. Юсупов (Сумароков-Эльстон)[36] был назначен главноначальствующим над Москвой за десять дней до беспрецедентных событий. В мемуарах Феликса младшего, сына Юсупова, эти обстоятельства описываются весьма красноречиво:

> Отец… получил от царя назначение на пост московского генерал-губернатора. Губернаторство его, однако, было недолгим. Один в поле не воин. Бороться с немецкой камарильей, прибравшей к рукам власть, было отцу не под силу. Правили бал предатели и шпионы. Отец принял суровые меры, чтобы очистить Москву от всей этой нечисти. Но большинство министров, получивших министерский портфель от Распутина, были германофилы[37].

И – ни слова о погромах!

Германофобия Юсупова ни для кого не являлась секретом. Решение о немедленной высылке из Москвы двух тысяч немцев главноначальствующий считал абсолютно правильным, с точки зрения военного времени. За несколько дней до погромов он посещал заводы и беседовал с рабочими, выспрашивая у них о служащих-немцах и о том, кого они хотят выселить из Москвы[38]. Он намеревался и дальше действовать в том же духе…

Московский градоначальник, генерал-майор А.А. Адрианов, занимал свою должность давно, с 1908 г. Он был известен не только своей нерешительностью, но и полной зависимостью от вышестоящего начальства. Эти его качества, возможно, и сыграли роковую роль, предопределив безответственное, если не сказать преступное, поведение градоначальника 26–29 мая. Вместо того, чтобы действовать решительно и жестко, Адрианов вступал в бесконечные и совершенно бессмысленные переговоры с погромщиками. Более того он умудрился лично возглавить шествие к дому главноначальствующего. Адрианов не внял настойчивой просьбе владельца Прохоровской мануфактуры остановить толпу, дав гневную отповедь фабриканту Н.И. Прохорову:

> Когда толпа ходит с портретом Государя, поет «Боже, царя храни» и «Спаси господи, люди твоя» – тогда я готов перед нею выстроиться и разгонять ее не стану[39].

Такая позиция градоначальника чрезвычайно раскрепостила погромщиков. Усмотрев в поведении Адрианова почти явное одобрение своим действиям, они сразу осмелели… Вот что сообщил на следствии один из приставов:

> В толпе слышались крики, что градоначальник Адрианов австрийский подданный, что он немец. Другие кричали, что сам Адрианов дал на погром четыре дня[40].

Позже градоначальник утверждал, что он руководствовался, в первую очередь, приказом Министерства внутренних дел о неприменении оружия в уличных беспорядках (такой приказ, действительно, появился после апрельских волнений – он запрещал подавлять выступления, возникшие «на почве злобного чувства в отношении неприятельских подданных», силой оружия)[41].

Рядовые приставы и околоточные надзиратели также ссылались на приказ МВД. Во время следствия всплыли факты, указывавшие на наличие какого-то конкретного приказа, не позволившего им вмешиваться в происходящее. По словам Захара Осиповича Наумовца – околоточного надзирателя второго участка Пятницкой части, – пристав Деев передал ему лишь неофициальное распоряжение полицеймейстера Миткевича «всех задерживаемых с награбленными вещами не арестовывать, а водворять по месту жительства»[42].

Поэтому пристав Локотош на просьбу о защите со стороны владельца фабрики макаронных и кондитерских изделий Динга прямо ответил, что вмешиваться не приказано[43]. На следствии он заявил:

> Ввиду того, что у меня не было никаких распоряжений от высшего начальства и ввиду того, что я с наличными силами городовых не мог противостоять беспорядкам, мне пришлось ограничиться тем, чтобы отстоять то, что возможно и не дать разбушеваться толпе, которая пополнилась пьяными, пришедшими с завода Штритер[44].

Околоточный Иван Леонтьевич Кузнецов признавался:

> Я был не в силах разогнать этой толпы, но если бы это даже и оказалось возможным, я все-таки не решился бы предпринять в этом направлении каких-либо мер, т. к. никаких инструкций по этому поводу не имел[45].

Некоторые служители правопорядка повели себя более решительным образом – были и такие примеры. Околоточный надзиратель Иван Ермолаевич Царенов, пытавшийся остановить толпу, которая громила контору и квартиры в доме у Красных ворот, получил сильный удар по голове. Лишившегося чувств Царенова отнесли в ближайшую аптеку, где ему оказали первую помощь. Спустя час надзиратель вернулся к дому и через черный ход поднялся на третий этаж, где погромщики продолжали бесчинствовать в квартирах:

> … я вынул револьвер и, угрожая им, закричал толпе, что буду стрелять, хотя это циркулярно нам не приказано. Толпа испугалась, т. к. предположила, что с черного хода идет наряд полиции, и все бросились через парадную дверь вниз[46].

Городовые Федоров и Елистратов сумели отстоять от разгрома винную торговлю купца Бауэра, состоявшего также испанским консулом. Околоточный надзиратель из Лефортова Т. Романюк не дал толпе громить охраняемые им объекты[47]. Отчаянно пытался остановить погромщиков на Сретенке околоточный Склячкин[48]. Еще один надзиратель, Владимир Павлович Гроздкий, признавался:

> Когда толпа уже разошлась, только тут представилась возможность разогнать остатки толпы, раньше же нельзя было ничего сделать, т. к. там было прямо какое-то «море народа»[49].

Общую позицию и настрой служителей закона в дни погромов, думается, точнее всех выразил околоточный надзиратель Константин Иванович Жуков:

> Я сам понимаю свои обязанности так, что я не имею права принимать каких-либо решительных мер по отношению к манифестантам, раз эти манифестанты ходят с портретами Государя и с национальными флагами![50].

Удивление вызывает тот факт, что на допросах городовые не смогли опознать ни одного (!) из погромщиков, почти в один голос утверждая, что это были совершенно незнакомые люди – как будто на вверенные им участки явились какие-то инопланетяне[51].

Крупному отряду конных городовых пришлось охранять резиденцию главноначальствующего, поэтому полицмейстер Севенард отказывал приставам участков в подмоге. Большинству полицейских оставалось лишь наблюдать за происходящим. А тем немногим, кто пытался противостоять разъяренной толпе, нередко доставалось самим.

Князь Юсупов сказался больным и не покидал свой дом. О происходящем его регулярно информировал Адрианов. В интерпретации градоначальника творимые в Москве безобразия выглядели вполне пристойно: толпа «патриотически настроенных людей» с портретами царя и национальными флагами ходит по улицам, требуя выселить немцев из города.

Вне сомнений, Юсупов знал, что происходит, однако, он очнулся от спячки лишь к вечеру 28 мая, когда события приняли угрожающий оборот: Москва к этому моменту фактически полностью находилась во власти озверевших погромщиков, всюду царила полная анархия. Юсупов вместе с Адриановым приехал в Городскую думу: ситуация требовала немедленных решений. На заседании начальник штаба Московского военного округа генерал Оболенцев выразил готовность ввести в город войска. Однако приказа не последовало. Настроение членов думы, по воспоминаниям секретаря бюро московского военно-промышленного комитета М. Кошкарева, было подавленным. Ожидали всеобщей резни[52]. Уже после совещания главноначальствующий, узнав о многочисленных пожарах, принял все-таки решение о вводе войск.

Расследование

Во время следствия пристав Александр Андреевич Локотош рассказал о телефонном сообщении, поступившем в ночь на 28 мая из градоначальства: ему предписали «объявить немцам фабрикантам, чтобы они выехали к утру, т. к. они могут подвергнуться насилиям». «Я объявил об этом фабриканту Дингу, – заявил Локотош, – других фабрикантов немцев у меня на участке нет». Значит, власти знали о готовящихся погромах и имели возможность их предотвратить?! Тот же Локотош заявил:

> Если бы мне дано было предписание пустить в ход оружие и вообще употребить силу, даже не говоря о воинской части, то я убежден, что не было бы и 90 % того, что произошло[53].

С большой долей уверенности можно утверждать, что административные власти Москвы не только знали о готовящихся погромах, но, вероятно, даже были причастны к их организации. Вышесказанное – простая совокупность событий и фактов – позволяет сделать лишь поверхностные выводы о природе немецких погромов. А если посмотреть глубже?! Но вначале – о ходе следствия по делу о погромах.

Главой следственной комиссии был назначен чиновник МВД Н. Харламов. Прибыв в Москву сразу же после прекращения беспорядков (1 июня), он увидел безобразную картину разгромленного города во всей ее неприглядности. Комиссии (числен-

ностью в 10 человек) предписывалось установить виновников и лиц, причастных к организации погромов. К ее работе были привлечены все московские следователи.

Отдельную сенатскую комиссию возглавил Илья Сергеевич Крашенинников. Под началом сенатора состояли личный секретарь Бешенип и помощник Кунцевич. Комиссия начала свою деятельность со сбора информации. В ходе следствия было опрошено около 100 свидетелей. Сам Крашенинников беседовал, между прочим, с Юсуповым и Адриановым, представителями торгово-промышленных кругов.

По окончании двухмесячного расследования Крашенинников представил Правительствующему Сенату рапорт, предписывавший предать суду Адрианова и его помощника Севенарда (статьи 339 и 341, ч. 2 «Уложения о наказаниях» – бездействие власти). С приложенным к рапорту секретным отчетом ознакомились лишь министры юстиции и внутренних дел. Согласно выводам комиссии, основной груз вины за происшедшее ложился на московского градоначальника. Адрианова, таким образом, определили в «стрелочники», хотя совершенно очевидно, что за ним стоял кто-то из высших эшелонов власти.

Князю Юсупову никаких обвинений не предъявили, несмотря на гнев монарха по поводу его безответственного поведения и безмерное возмущение Александры Федоровны. Императрица считала московского главноначальствующего главным виновником погромов. Формальной причиной оправдания послужила болезнь. Юсупов отделался лишь потерей своей должности.

Комиссия не смогла доказать, при всем обилии свидетельских показаний (включая информацию, полученную от сотрудников полицейского ведомства всех уровней), причастность Адрианова и Севенарда к подготовке и организации погромов. Дело бывшего градоначальника, чье поведение в следственных документах квалифицировалось как «непостижимое ослепление», уже в сентябре 1915 г. закрыли.

Комиссии так и не удалось обнаружить вдохновителей и организаторов погромов. Были произведены обыски в помещениях, занимаемых патриотическими организациями, и редакциях издаваемых ими газет (например, московский отдел Палаты Михаила Архангела и общество «За Россию», возглавляемое П.А. Турчаниновым).

В свидетельских показаниях фигурировали некие главари и зачинщики. Пострадавшие и очевидцы сообщали следствию о замеченных ими заправилах. «В толпе я видел каких-то людей, одетых в студенческую форму, – рассказывал Титов, управляющий одним из домов на Мясницкой улице, – при которых был, очевидно, список предназначенных к разгрому мест, по крайней мере, у них в руках были какие-то бумаги, на которые они то и дело заглядывали»[54]. Мастер из разгромленной мастерской Блессинга также припомнил «молодого человека, вроде студента. У него в руках была бумажка, и он распоряжался толпой»[55]. Пострадавший А.О. Реппих утверждал: «Во главе толпы находились чиновник почтово-телеграфного ведомства в форме и молодой человек лет 17-ти в статском платье»[56].

О наличии списков говорили многие свидетели – равно как и о зачинщиках. В процессе стихийных выступлений из общей массы, как известно, всегда выделяются неформальные лидеры, но существование списков, бумаг, в которые заглядывали главари, прямо указывает на спланированный характер акций. Пристав 4-го участка Мещанской части показывал на следствии:

> Действия толпы произвели на меня лично такое впечатление, что погромы производились по заранее обдуманному плану. Погромщики не ходили из дома в дом и не спрашивали, где живут немцы, а непосредственно направлялись от одной квартиры в другую[57].

Впрочем, для составления списков могли быть использованы общедоступные материалы[58].

Уголовные дела, заведенные по свидетельским показаниям, были вскоре закрыты – по большей части, «за необнаружением виновных». В других случаях не хватало неопровержимых доказательств. Судебный следователь, к примеру, постановил прекратить дело гражданки Федоренковой, обвиняемой в подстрекательстве к разгрому мельнично-строительной конторы Гросмана – «принимая во внимание, что наличность списков у руководителей толпы свидетельствует о какой-то ее организации, действовавшей самостоятельно и, очевидно, согласно тем спискам, и что указания Федоренковой… не заключают в себе признаков подстрекательства к разгрому…»[59]. Четверо привлеченных к ответственности за погром в квартире В. Циклер, отказались признавать себя виновными: найденные ими свидетели удостоверяли, что во время роковых событий подозреваемые находились дома[60]. После 8 месяцев предварительного заключения было прекращено дело С.И. Францева, уличенного на месте преступления. А относительно его соучастника (по обвинению в погроме аптекарского и парфюмерного магазина) суд вынес следующее постановление:

> Подсудимый Иван Завитаев не достиг того уровня развития, которое дает ясное понятие о дозволенном и запрещенном, что особые условия массовых беспорядков, бывших в то время в Москве, легко могли подавить в несовершеннолетнем Завитаеве ту степень сознательности, которой он достиг, и таким образом, надлежит признать, что Завитаев действовал без разумения…[61].

Неэффективная деятельность комиссии породила множество кривотолков. В. Кузьмин-Караваев, утверждая в своей статье, опубликованной в «Вестнике Европы», что полицейская власть в России (ее высшие круги) «слишком политизирована», намекал, что за всеми этими событиями стояли политические мотивы. Ему вторили и другие авторы, считавшие, что главные пружины событий остались невидимыми[62].

В ходе погромов пострадало 475 торговых предприятий, 207 квартир и домов; жертвами нападавших стали 113 германских и австрийских подданных и 489 русских подданных (с иностранными или звучавшими «не по-русски» фамилиями). Ущерб был нанесен многим российским, французским и английским фирмам и магазинам, иностранным консульствам и даже предприятиям, выполнявшим военные заказы. Так, фабрика весов и гирь А. Штеймана, производившая катетеры для промывания желудка раненым, лишилась всей своей продукции. Общая сумма убытков составила более 50 миллионов рублей (данные комиссии Н. Харламова). Чтобы подсчитать суммы, требовавшиеся для возмещения убытков, были созданы районные комиссии, куда жертвы погромов могли подавать данные о причиненном им ущербе.

Погромщики: социальный портрет

По заключению властей, в погромах приняло участие около 50 тысяч человек. Что это были за люди? Конечно, речь, прежде всего, идет о толпе или толпах, но они, как известно, образуются из отдельных индивидуумов. Подавляющее большинство свидетелей указывало на принадлежность погромщиков, в большинстве своем, к ра-

бочему сословию. Часто очевидцы судили по внешнему виду: мужчины, по словам служащего из разгромленного магазина Митке, были одеты просто, как рабочие-фабричные. Среди последних, рассказывали жители одного из домов в центре, встречались и прилично одетые мастеровые. Отмечалось большое количество женщин и подростков: «В толпе был разный народ, больше, казалось, были рабочие и мастеровые, были солдаты, было также много женщин и ребятишек»[63]. По свидетельствам очевидцев, численно преобладали все же необразованные рабочие. Позднее комиссия собрала данные о наиболее активных участниках погромов. Это были рабочие ситценабивной фабрики Гюбнера, текстильной мануфактуры Цинделя, Даниловской и Рябовской мануфактур[64]. Данные сведения подтверждались многочисленными показаниями.

В толпе встречались и лица иных сословий: чиновники, служащие, «приличные господа». Один из приставов рассказывал, что в гуще событий были подростки, женщины, рабочие, извозчики, совсем не было интеллигентов, но изредка попадались лица полуинтеллигентные. По словам очевидца, Петра Костромитинова, состав толпы был самый «разношерстный»: и рабочие, и студенты, и женщины, и дети, и «просто прилично одетые люди»[65]. Елена Пархунова утверждала:

> Я хорошо заметила, что в толпе совсем не было людей, одетых по-господски: больше были чернорабочие, мальчишки, девчонки, бабы[66].

Харламов настаивал на том, что в погромах принимали участие и студенты, особенно из правых организаций. Действительно, некоторые очевидцы видели людей, одетых в студенческую форму. Свидетели упоминали и солдат, почти все указывали на городские низы: «оборванцы», «босяки», «подонки общества», «хитрованцы» и т. п. «В этой толпе был всякий народ – и интеллигентные по виду, и рабочие, и мастеровые, и женщины, и ребятишки, и, наконец, просто разный сброд – “золоторядцы”. Толпа шумела, кричала: “бей немцев!”» – рассказывал мастеровой Василий Затравкин[67].

Любопытно, что не удалось зафиксировать ни одного скопления людей, которое состояло бы целиком из черни. Следовательно, вряд ли возможно квалифицировать происшедшие беспорядки как деяние исключительно люмпенов и маргиналов. Все толпы были смешанными.

Все очевидцы событий, пытаясь оценить общую численность погромщиков, говорили: огромная, громадная, многочисленная толпа. Околоточный надзиратель второго участка в Лефортове утверждал, что она насчитывала не менее 10 тысяч человек[68]. В других районах количество участников колебалось от одной до семи тысяч. По некоторым утверждениям, число погромщиков в общей сложности достигало более 100 тысяч[69].

В описаниях общей картины безумного угара, поразившего население Москвы, преобладают образные характеристики: «Толпа шла как-то страшно, точно какая-то огромная волна, и смотреть было жутко»; «Толпа опьянела от спирта и от угара бесчинств, и все слилось в сплошной безобразный хаос», etc, etc.

Прозрение наступило позже. «Следующий день, – по словам И. Жилкина, – был для многих днем раскаяния, удивления на самих себя и разрастающегося страха»[70]. Свидетель Петр Мартынович Чуев признавался на следствии:

> Погром был полной неожиданностью. Наши рабочие с Дингом жили хорошо и теперь высказывают сожаление[71].

Рабочий кожевенного завода – Товарищества «Алексей Бахрушин и Сыновья» – Александр Андреевич Комаров заявил:

> Я не скажу, чтобы в нашей среде не было сочувствия к тому, чтобы прогнать немцев из Москвы и в особенности с фабрик и заводов, но, во-первых, на нашем заводе немцев не было, а во-вторых, это движение среди рабочих сразу приняло характер насилия и грабежей, чему мы сочувствовать не могли[72].

Аналогичной точки зрения придерживались во многих городских кругах. Жители Москвы ужаснулись зрелищу разнузданного варварства. При всей интенсивности антинемецких настроений, распространенных среди горожан, они все же не были готовы к *такому* повороту событий. Даже записные германофобы, те, кто вполне сознательно занимался подстрекательством против немцев, не ожидали, что события могут принять столь постыдный оборот. Москва, по сути, оказалась целиком во власти вышедшего из-под контроля охлоса. А это угрожало уже не только немцам или другим иностранным подданным, но всерьез подрывало гарантии безопасности и соотечественников, включая самых ярых радетелей русского патриотизма.

Тайные силы и интересы

Как известно, война и ее перспективы по-разному оценивались в высших кругах Империи. Окружение императрицы Александры Федоровны настаивало на заключении сепаратного мира с Германией и выходе России из войны. Такой позиции придерживались министр внутренних дел Николай А. Маклаков, обер-прокурор Святейшего Синода Владимир К. Саблер, министр юстиции Иван Г. Щегловитов.

Верховный главнокомандующий, Великий князь Николай Николаевич, к которому был близок Ф. Юсупов, вместе с влиятельной группой своих единомышленников выступал за продолжение войны.

По сведениям тайного агента Захарина, либералы оценивали эти противоположные тенденции следующим образом:

> События на театре военных действий настолько неутешительны, – что германофильские круги Петрограда решились весьма настойчиво говорить о мире. Чтобы заставить их замолчать, противная сторона решила инсценировать «взрыв народного негодования в сердце России» – каким и явился нарочно вызванный администрацией погром, допущенный 28–29 мая[73].

Подобные утверждения не были лишены оснований. Во всяком случае, в середине июня Н.А. Маклаков лишился поста министра внутренних дел. В то же время князь Юсупов, хотя и был снят с занимаемой должности, избежал наказания за преступное бездействие, следствием которого стали погромы и всеобщий хаос в Москве.

Заинтересованность «партии войны» в погромах, целью которых было продемонстрировать готовность российского общества к ведению войны до победного

конца, – вполне правдоподобная версия подоплеки майских событий. Считать их следствием экономического кризиса и поражений на фронте было бы упрощением, хотя эти факторы, бесспорно, способствовали разжиганию германофобии в Империи.

Слишком маловероятной представляется и версия о сговоре крупных предпринимателей. В резолюции рабочих, поданной московским властям, говорилось: «При этом указываем, что погром был устроен в интересах борьбы русских промышленников с сильным конкурентом, каким и является немецкий капитал»[74]. Но ведь отток немецкого капитала из России начался задолго до погромов. Большая часть предприятий с немецкими названиями уже принадлежала российским гражданам, и серьезную угрозу для позиций российского капитала немцы не представляли. Разговоры о «немецком засилье» (в середине 1915 г.) были, скорее, плодом воспаленного воображения, нежели отражением реального положения дел.

Крупнейший российский предприниматель Юлий Петрович Гужон (1854 [1858] – 1918), чей бизнес, по его собственному признанию, серьезно пострадал от конкуренции с немецкими фирмами, в письме Владимиру Федоровичу Джунковскому (товарищу министра внутренних дел) утверждал, что нагнетание германофобии в российском обществе направлено против верховной власти[75].

Поразительно, что на пике антинемецких настроений в обществе, в том же 1915 г., на страницах российской печати уже весьма активно обсуждался вопрос о характере будущих отношений с основным торговым партнером России – Германией – и строились предположения относительно перспектив этих взаимоотношений[76].

После погромов

Реакция на происшедшее в Москве, как и следовало ожидать, была противоречивой, хотя и бурной. Мало кто верил в стихийность беспорядков, которые, начавшись как патриотическая акция против «засилья» немцев, очень быстро превратились во всеобщую вакханалию, с разнузданными грабежами, повальным пьянством и драками. Безобразная картина погромов произвела шоковое впечатление на либеральную общественность. И не только на нее. Известный своими антинемецкими взглядами протоиерей И. Восторгов писал фрейлине царского двора А.А. Вырубовой уже на следующий день после погромов:

> Вчера тысячные толпы громили и, увы, грабили немецкие магазины в лучших частях города, а ночью все жгли. Газеты умолчат о многом. Но то, что действительно было, поразило меня сознанием позора и скорбью за народ[77].

Как и предполагал Восторгов, газеты, ограниченные требованиями цензуры военного времени, на следующий день весьма скупо информировали читателей о недавних беспорядках. Но слухи о них все же распространялись по стране.

Москвичи-инородцы, как и все иностранные подданные, были смертельно напуганы размахом массовых волнений. Некоторые владельцы магазинов и контор стали вывешивать на входной двери описания своего генеалогического древа. Сами немцы спешно закрывали свои дела – 1-го июня 1915 г. вышел указ об обязательном уволь-

нении всех немцев с московских предприятий и прекращении деятельности в городе немецких фирм. Многие уезжали из Москвы…

Общественность, сильно обеспокоенная возможностью повторения бесчинств, требовала официальных разъяснений. Особенно волновались торгово-промышленные круги. Н. Харламов в ходе многочисленных бесед с предпринимателями (Павлом П. Рябушинским, Сергеем Н. Третьяковым, Н.Д. Морозовым, Александром И. Коноваловым, Ю.И. Поплавским и другими) выяснил, что все они не только опасаются повторения беспорядков, но и всерьез опасаются пугающей реальности массового революционного рабочего движения…[78]

Властями события 26–29 мая были названы «позорными». Осуждавшие погромы рабочие организации и их члены – из рядов социалистов-революционеров – заявляли, что причастность к этому «грязному делу» кладет на их участников пятно позора. По словам работницы Евдокии Ивановны Жаровой, «многие из рабочих промеж себя говорили о том, что нехорошо громить магазины, т. к. после погромов все вздорожает и нам же придется за все переплачивать»[79]. Но все же в рабочей среде преобладали одобрительные мнения относительно случившегося. Далеко не все однозначно осуждали погромщиков. Начальник охранного отделения полковник Мартынов доносил: «Общее же настроение таково, что погром проявился на фоне патриотизма, что немцев следует бить и что разгромы фабрик и заводов дело хорошее»[80].

Правые организации усматривали причину майских событий в недостаточно радикальной борьбе с «немецким засильем». Один из лидеров Союза Михаила Архангела С.Л. Облеухов в письме В.М. Пуришкевичу от 30 мая сетовал: «Зачем народ доводят до того, что он сам должен чинить суд? До сих пор во главе крупнейших предприятий стоят немцы. Это издевательство над русским народом»[81].

В кругах либеральной интеллигенции (особенно в Земском и Городском союзах и «Русских ведомостях») бытовало убеждение, что инициатором и организатором погромов выступила сама власть – и непосредственно князь Юсупов. Последний обвинял в организации погромов социалистов-революционеров и… самих немцев![82]

И все же погромы не потрясли российское общество глубоко. Его реакцию на события в Москве трудно расценивать, как адекватную. Возможно, причиной тому была сама атмосфера военного времени, по распространенному мнению, как бы «оправдывающая» выплески неконтролируемой агрессии со стороны маргинальной части населения[83].

Сам факт допущения такого безобразного явления, как погромы, в крупнейшем городе Империи наглядно свидетельствовал о глубокой нравственной деградации системы власти и полном бессилии российского общества, обусловленном не только кризисом государственности и распадом всех нормативных систем, но и традиционной патологической индифферентностью. Драматические события последующих лет (когда мощный погромный потенциал, столь разрушительно проявившийся в Москве, обернулся одним из движущих факторов смуты уже общероссийского масштаба) лишь подтверждают правомерность вышесказанного.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В статье Ю.И. Кирьянова «“Московские беспорядки”» 1915 г. достаточно подробно описывается историографический аспект исследуемой проблемы, что избавляет нас от необходимости останавливаться на этом. См. Вопросы истории. 1994. № 12. С. 137–150. См. также публикации до-

кументов: История российских немцев в документах (1763–1992). – М., 1992; *С. Шумихин.* Русский бунт как он есть. Немецкие погромы 1915 года (по неопубликованным материалам) // Независимая газета. 1998. 14 июля; *В. Осин, Б. Филимонов.* «Окончание с внутренними немцами». Русские письма после погромов 1915 года: перлюстрация мнений // Независимая газета. 1998. 27 ноября. Западные ученые также обращались к теме немецких погромов в России Об этих трагических событиях, в частности, в Петрограде и нападении на германское посольство упоминается в книге: *Margarete Busch:* Deutsche in St. Petersburg 1865–1914. Identität und Integration. – Essen 1995.

[2] В России и прежде вспыхивали антинемецкие настроения, приводившие к массовым избиениям. Практически всегда они порождались причинами социально-экономического характера. Последний всплеск германофобии имел место в 1865 г., в связи с празднованием 100-летнего юбилея М.В. Ломоносова. Однако эта кампания, искусственно спровоцированная тайными противниками царствующего дома и правопатриотической прессой, не получила массовой поддержки в обществе и вскоре сошла на нет. Надо сказать, что в отношении русского человека к немцу обычно преобладали крайности: амплитуда чувств, как правило, колебалась исключительно между – филиями и – фобиями. К примеру, отношение к англичанам было начисто лишено каких бы то ни было – филий, но и англофобия, которой в эпоху поздней империи была охвачена определенная часть российского общества, никогда не достигала той степени накала, за которой следуют крайние проявления – оставаясь, по существу, латентной или полулатентной.

[3] Новую информацию о месте и роли немецкого фактора в российской экономике предвоенного и военного периода (в том числе и в Москве) см.: Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. Сборник статей. – М., 1997; «…Единственная страна в Европе, у которой есть великое будущее». Немецкие предприятия и предприниматели в Российской империи в XIX – начале XX вв. / Отв. ред. Д. Дальманн, К. Шайде. Публикация Института истории и культуры немцев в Восточной Европе. – Эссен. 1998; Немецкие предприниматели в Москве. Сборник статей (сост. В.А. Ауман). – М., 1999, etc.

[4] В их числе – брошюра «Германские и австрийские фирмы в Москве на 1914 г. Указатель австро-венгерских и германских промышленно-торговых и торговых фирм в Москве, а равно и тех русских фирм, в составе которых имеются австрийские и германские подданные». А также, к примеру, важные источники – справочник «Вся Москва на 1914 год» или списки телефонных абонентов.

[5] См.: *Булдаков В.П.* Красная смута. – М., 1997. С. 31.

[6] Цит. по книге: *З. Гиппиус.* Живые лица. Стихи. Дневники. – Тбилиси, 1991. С. 243. Датировано 28 апреля 1915 г. См.: Россия и Первая мировая война. Материалы Международного научного коллоквиума. – СПб., 1999. С. 332. – Используя выражение «аксаковская славяновщина», Гиппиус критикует антизападные, далекие от реальности взгляды Сергея Аксакова, а также его сыновей Ивана и Константина. Эти писатели и публицисты были одними из лидеров славянофильского направления в России.

[7] На экономическом факторе как доминантном настаивает, в частности, Ю.И. Кирьянов: см.: «Майские беспорядки»… С. 138.

[8] Подробнее об октябрьских беспорядках см.: Немецкие предприниматели в Москве. Сборник статей. – М., 1999. С. 236–238.

[9] Цит. по: Первая мировая война. История и психология. СПб.1999. С. 57.

[10] С именем Суворина Алексея Сергеевича, издателя газеты «Новое время» (умер в 1912 г.), связано крайне националистическое, ксенофобски ориентированное направление в российской журналистике. Редакция журнала «Северные записки» придерживалась более взвешенной и объективной позиции в вопросах, касающихся мировой войны и образа врага. Обе цитаты иллюстрируют ироническое отношение журнала к нагнетаемым искусственно страстям.

[11] *Заславский Д.* Наброски // Северные записки. 1915. № 4. С. 2, 4.

[12] «О принятии на городскую службу австрийских и немецких подданных». – Центральный Исторический Архив Москвы (далее: ЦИАМ). Ф. 179 («Московское Городское Общественное Управление»). Оп. 50. Д. 6174 Л. 85–86.

[13] Там же. Л. 91.

[14] 11 июля 1914 г. Москва и Московская губерния были объявлены в связи с началом войны в положении чрезвычайной охраны. В связи с этим была создана должность главноначальствующего (то же самое, что генерал-губернатор, но с расширенными полномочиями); первым главнона-

чальствующим стал градоначальник А.А. Адрианов. 5 мая 1915 г. на эту должность был назначен князь Ф.Ф. Юсупов (Адрианов до июня того же года оставался на посту градоначальника).

[15] Подробнее о запретительных мерах см.: *Поткина И.В.* Чрезвычайное законодательство и немецкие фирмы в Москве (1914–1917 гг.) // Немецкие предприниматели в Москве… С. 225–261.

[16] «Окончание с внутренними немцами». Русские письма после погромов 1915 года: перлюстрация мнений // Независимая газета. 1998. 27 ноября.

[17] О беспорядках в 1 и 2 участках Пятницкой части г. Москвы. – ЦИАМ. Ф. 142 («Московский Окружной Суд»). Оп.20. Д. 636 Л. 16 об.

[18] Там же. Л. 2 об, 3 об, 4.

[19] Там же. Л. 14–14 об.

[20] Независимая газета. 1998. 27 ноября.

[21] ЦИАМ. Ф. 142. Оп.20. Д. 636. Л. 60 об, 61–62. – Многие немцы и австрийцы, а также представители других национальностей были частично или полностью лишены своего имущества, их жизни и здоровью нанесен урон. В фондах ЦИАМ хранится огромное количество документов, в которых можно найти сведения о происшествиях, об именах и судьбах пострадавших.

[22] О майских беспорядках 1915 года, в той местности 1 участка Яузской части, которая состоит в пределах 14 следственного участка г. Москвы. Оп.20. Д. 565 Л. 41, 42 об.

[23] *Пастернак Е.* Борис Пастернак. Материалы для биографии. – М., 1989. С. 235, 240–241.

[24] *Жилкин И.* Московский погром // Вестник Европы. 1915. № 9. С. 309.

[25] «О майских беспорядках в г. Москве. О погроме в доме Григоровой у Красных Ворот» – ЦИАМ. Ф. 142. Оп.17. Д. 1706 Л. 8 об, 9, 46 об.

[26] Там же. Оп.20. Д. 472 («Дело о расследовании погромов в Мещанской части г. Москвы»). Л. 2–2 об, 5–7, 9 об.

[27] Там же. Л. 7, 7 об-8.

[28] Там же. Оп. 17. Д. 1794. Л. 35.

[29] Там же. Л. 40–40 об.

[30] Там же. Л..44–46 об.

[31] Там же. Л. 49–49 об, 52 об, 53 об, 54.

[32] Там же. Оп.20. Д. 473 («О майских погромах в Москве. О разгроме квартиры австрийской подданной Вильгельмины Циклер»). Л. 1–2, 33.

[33] Там же. Оп.12. Д. 93 («О погроме аптекарского магазина Олимпиады Васильевой Штраух по Грохольскому переулку»). Л. 6–6 об, 114–114 об.

[34] ОР ГПБ. Ф. 261. Кор.20. Д. 6. Л. 57.

[35] Подробнее о погромах в пригороде см.: *Кирьянов Ю. И.* «Майские беспорядки»… С. 140–141.

[36] Юсупов Феликс Феликсович (старший) – князь, граф. Имя его отца – Феликс Эльстон. Согласно рассказу внука, Феликса Юсупова-младшего, он был сыном прусского короля Фридриха Вильгельма IV и фрейлины императрицы Александры Федоровны. Его мать, графиня Елена Сергеевна Сумарокова, оказалась последней в знатном роду Сумароковых. Поэтому император разрешил Эльстону принять фамилию и титул жены. А его сын, Феликс Феликсович, женившись на последней из представительниц рода Юсуповых, получил право носить имя этого знатного рода. Так сложилась фамилия – Ф.Ф. Юсупов (Сумароков-Эльстон).

[37] *Юсупов Ф.* Князь Феликс Юсупов. Мемуары. – М., 1998. С. 166.

[38] *Кирьянов Ю.И.* «Майские беспорядки»… С. 139.

[39] ОР ГПБ. Ф. 261. Кор.20. Д. 6. Л. 44.

[40] ЦИАМ. Ф. 142. Оп.17. Д. 1724. («О беспорядках в Москве в мае 1915 г. в районе 4 участка Мещанской части») Л. 33.

[41] *Кузьмин-Караваев В.* Рапорт сенатора Крашенинникова о майских беспорядках в Москве. Бездействие власти или заведомое попустительство // Вестник Европы. № 2. С. 365.

[42] ЦИАМ. Ф. 142. Оп.20. Д. 636. Л. 71 об.

[43] Там же. Оп.17. Д. 1724. Л. 32.

[44] Там же. Л. 32 об.

[45] Там же. Оп.20. Д. 636. Л. 57.

[46] Там же. Оп.17. Д. 1706. Л. 9, 10.

[47] Там же. Оп.20. Д. 636. Л. 57.

[48] Там же. Оп.17. Д. 1819. Л. 108.
[49] Там же. Д. 1662. Л. 122 об.
[50] Там же. Оп.20. Д. 636. Л. 59 об.
[51] Там же. Оп.17. Д. 1724. Л. 22–24 об.
[52] См.: *Меницкий И.* Рабочее движение и социал-демократическое подполье Москвы в военные годы (1914–1917). – М., 1923. С. 119.
[53] ЦИАМ. Ф. 142. Оп.17. Д. 1724. Л. 32.
[54] Там же. Д. 1721. («О крестьянке Федоренковой, обвиняемой в подстрекательстве толпы к разгрому конторы Гросмана»). Л. 4 об.
[55] Там же. Д. 1662. Л. 73.
[56] Там же. Д. 1706. Л. 56.
[57] Там же. Д. 1724. Л. 33.
[58] См. сн. 4.
[59] Там же. Д. 1721.-Л. 6 об.
[60] Там же. Оп.20. Д. 473. Л. 1, 32 об.
[61] Там же. Оп.12. Д. 93. Л. 124.
[62] См.: *Кузьмин-Караваев В.* Указ. соч. С. 386; *Жилкин И.* Указ. соч. С. 299–312.
[63] *Кирьянов Ю.И.* «Майские беспорядки»… С. 144.
[64] Там же. Оп.20. Д. 636. Л. 42.
[65] Там же.
[66] Там же. Оп.17. Д. 1662. Л. 199 об.
[67] Там же. Оп.20. Д. 636. Л..37.
[68] Там же. Оп.17. Д. 1662. Л. 77–77 об.
[69] Там же. Д. 1661. Л. 44–45.
[70] *Кирьянов Ю.И.* «Майские беспорядки». С. 146.
[71] *Жилкин И.* Указ. соч. С. 312.
[72] ЦИАМ. Ф. 142. 0п.17. Д. 1724. Л. 36.
[73] Там же. Оп.20. Д..636. Л. 20.
[74] *Меницкий И*. Указ. соч. С. 120.
[75] Там же. С. 125.
[76] ГАРФ. Ф. 826. Оп.1. Д. 56. Л. 141–147.
[77] Россия и Первая мировая война… С. 458.
[78] Независимая газета. 1998. 27 ноября.
[79] ЦИАМ. Ф. 142. Оп.20. Д. 636. Л. 19.
[80] *Меницкий И.* Указ. соч. С. 128.
[81] Исторический архив. 1994. № 5. С. 40.
[82] *Кирьянов Ю.И.* «Майские беспорядки»… С. 146.
[83] По мнению В.Л. Дьячкова и Л.Г. Протасова, в погромах не было ничего экстраординарного для России: «своего рода разрядка, “гимнастика” для толпы, да и громили всех инородцев подряд, не забывая и русских лавочников». – См.: Россия и Первая мировая война… С. 64.

Виктор Кригер

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ над немцами СССР в годы германо-советской войны[1]

Инструментализация российских немцев в целях военной пропаганды

После нападения гитлеровской Германии на СССР 22 июня 1941 года Сталин какое-то время верил в то, что на вражескую сторону можно идеологически повлиять с помощью лозунгов о классовой борьбе. В этом пропагандистском сценарии, опиравшемся на представления о международной солидарности рабочих и крестьян, важную роль должны были сыграть, прежде всего, поволжские немцы[2]. В первые недели войны в Автономной Советской Социалистической Республике немцев Поволжья (АССР НП) состоялся целый ряд антифашистских митингов, в которых приняло участие почти все взрослое немецкое население. Они принимали обращения к солдатам вермахта, к рабочим, крестьянам и другим «трудящимся» слоям страны-агрессора. Эти обращения сразу же отсылались партийному руководству в Москве. Они появлялись в советских газетах и листовках. В радиопередачах они также использовались в целях пропаганды против ведущей войну Германии. В качестве примера может служить сообщение из республики немцев Поволжья, опубликованное в «Правде» 15 июля 1941 года:

> В дни отечественной войны трудящиеся Республики Немцев Поволжья живут едиными чувствами со всем советским народом. Рабочие, колхозники, интеллигенция мобилизуют все свои силы для победы над гитлеровской сворой, поработившей германский народ, поработившей многие народы Европы. Тысячи трудящихся республики с оружием в руках пошли бороться против бешеного германского фашизма. […] Мы знаем, что мы защищаем. Из отсталой, угнетенной колонии русского царизма наша область превратилась в свободную, цветущую социалистическую республику, организаторами которой были великие люди – Ленин и Сталин. Невиданными темпами идет рост культуры в нашей республике. […] Только при советской власти мы освободились от нищеты, голода и политического бесправия. Все это хочет отнять у нас кровожадный Гитлер. Это ему никогда не удастся. […] Мы живем одной мыслью – скорее разгромить и окончательно уничтожить бешенный германский фашизм. […] Мы обращаемся к вам, трудящимся крестьянам Германии, угнетенным и порабощенным гитлеровскими бандами, с призывом: Братья! Освобождайтесь от рабства фашистских людоедов! Объединяйтесь с рабочими для совместной борьбы против общего врага! Поверните оружие против банды гитлеровских убийц! Наше дело правое! […] Победа будет за нами![3]

Подобные сообщения и статьи появлялись в июле и августе 1941 г. во многих советских центральных газетах[4]. Эти публикации были призваны сигнализировать

о том, что необходимо различать фашистов как врагов и простых трудящихся немцев, вне зависимости от того, в какой стране они живут, и что интернациональная солидарность трудящихся людей продолжает существовать. Правда, такая схематическая агитация, зачастую переходившая в необузданную ругань, не достигала желаемого воздействия на солдат вермахта и население Рейха. Одновременно во время войны можно проследить другую, не такую публичную и открыто демонстрировавшуюся линию. В сообщениях о положении в оккупированных областях, исходивших от первого управления Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), регулярно всплывали примеры сотрудничества местных немцев с врагом. На примере следующего факта видна предвзятость составителей сообщений при оценке таких случаев: в то время как сотрудничество с захватчиком со стороны русских и украинцев объяснялось социальными, профессиональными или специфическими классовыми причинами, а также представлялось как результат провокаций противника, коллаборационизм местных немцев сводился исключительно к их национальности[5]. У причерноморских немцев, оккупационные власти зарегистрировали следующие настроения:

> …политическое сознание и способность к критическим оценкам у большинства развиты плохо и ограничиваются глухой ненавистью к советской власти[6].

Правда, в данном случае нельзя отделять следствие от причины. Сразу же после Октябрьской революции 1917 г. большевики рассматривали немецкое меньшинство как «ненадежных кантонистов». Особенно сильно от конфискаций, голода и различных репрессий в 20-е и 30-е гг. пострадали немцы на Украине[7]. Без учета многолетнего подавления и террора со стороны советской системы или ее носителей и вызванной этим крайней степенью разочарования и ожесточения, нельзя взвешенно оценивать отношение многих причерноморских немцев к советскому государству и их поведение во время румынской и германской оккупации.

С первого дня войны советские военнослужащие немецкого происхождения столкнулись со скрытым или уже открыто выражавшимся недоверием со стороны товарищей и командиров, считавших их ненадежными. Директива министерства обороны № 002367 от 30 июня 1941 г. предписывала увольнение всех «не заслуживающих доверия» военнослужащих из боевых частей. Это распоряжение, носившее общий характер, во многих местах стало поводом для того, чтобы «очистить» воинские части от солдат и офицеров – российских немцев[8].

Накануне военного конфликта с гитлеровской Германией не только среди рядовых солдат, но и в головах политического руководства царили «романтические» представления о будущей войне – как о «борьбе против помещиков и капиталистов», в которой советские вооруженные силы будут восторженно встречены «трудящимися массами», а пролетарии в солдатской форме будут массово переходить на сторону Красной Армии[9]. Носившая наступательный характер советская военная доктрина, согласно которой противника предполагалось уничтожать на его территории «малой кровью, могучим ударом», находилась в разительном противоречии с жестокой реальностью: сотни тысяч красноармейцев погибли, попали в плен или перешли к немцам; линия фронта отодвинулась на сотни километров вглубь страны. Кроме того, на оккупированных территориях можно было наблюдать бесчисленное множество случаев коллаборационизма. Агитация и пропаганда, проводившаяся советским руководством в первые недели войны, оказалась неэффективной, как для

мобилизации советских народов, включая русский, так и как средство влияния на врага. Во время своей встречи с представителем президента США по особым поручениям Уильямом Авереллом Гарриманом в конце сентября 1941 г. Сталин вынужден был признать:

> Мы знаем, что народ не хочет воевать за мировую революцию; он не будет воевать и за советскую власть […]. Пожалуй, за Россию он будет воевать[10].

После первых неудачных попыток повлиять на надвигающегося противника при помощи лозунгов классовой борьбы и международной солидарности рабочих и крестьян, официальная пропаганда быстро перешла к безудержному использованию тирад, пробуждавших ненависть и ужас. «Немец» и «фашист» все больше превращались в синонимы, что имело фатальные последствия для российских немцев. Реализации этого поворота мешала автономная республика немцев Поволжья с ее – пусть даже и формальными – конституционными правами, с депутатами Верховного Совета СССР и Российской Федерации и сотрудниками государственного и партийного аппарата. Для «тотальной пропагандистской войны» с ее риторикой, характеризовавшей солдат вермахта и всех немцев, в целом, как «двуногих зверей», «людоедов» и «бешеных псов»[11], существование признанного «советского» немецкого меньшинства с записанными в конституции автономными правами представляло собой досадную помеху. С точки зрения сталинского руководства, учет потребностей и чувств российских немцев приносил гораздо меньше пользы, чем ничем не сдерживавшееся распространение ненависти к немцам. Тем самым, была решена судьба республики немцев Поволжья, а также всего народа. Российские немцы стали жертвами борьбы против гитлеровской Германии в совокупности с «высокими» целями патриотической мобилизации русского и других народов Советского Союза.

Депортация и влияние германофобской пропаганды на российских немцев

26 августа 1941 г. Сталин и его ближайшее окружение приняли решение о высылке поволжских немцев, которое было оформлено как директива ЦК партии и правительства. Так как эта строго секретная директива была направлена лишь немногим посвященным, которые знали о действительной причине депортации, в документе отсутствовало всякое указание на вину немцев. Резолюция, состоявшая из 19 написанных подчеркнуто официальным языком статей, производит впечатление инструкции по проведению планового «переселения»:

> Совет Народных Комиссаров Союза СССР и ЦК ВКП(б) постановляют: 1. Переселить всех немцев из Республики Немцев Поволжья и из Саратовской и Сталинградской областей общей численностью 479.841 человек…

Районами размещения переселенцев должны были стать Алтайский и Красноярский края, Омская и Новосибирская области, а также Казахстан. Отвечало за проведение всего мероприятия НКВД; другие вовлеченные инстанции получили на этот счет детальные инструкции[12].

Тайно принятое решение партии и правительства о ликвидации национальной республики, существование которой было закреплено в советской конституции, требовало все же хотя бы чисто формального «освящения» со стороны высшей государственной власти. Поэтому два дня спустя глава советского государства Михаил Калинин подписал от имени Президиума Верховного Совета СССР указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», что должно было придать всему мероприятию «законное» основание. Следующим декретом, принятым 7 сентября 1941 г., были предписаны разделение территории республики немцев Поволжья и передача ее сопредельным Саратовской и Сталинградской областям. Оба этих распоряжения были опубликованы в «Ведомостях Верховного Совета СССР» и в местной прессе. В отличие от решения партии и правительства для «внутреннего употребления», в декрете от 28 августа содержалось тяжелое обвинение немцев в коллаборационизме с врагом:

> По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.
> О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям никто не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти[13].

На основании этих обвинений российские немцы были объявлены врагами советского государства и «переселены» в восточные области страны. Депортация остального немецкого населения из европейской части Советского Союза проводилась в течение последующих недель и месяцев на основе тайных приказов Государственного Комитета Обороны (ГКО), Совета Народных Комиссаров (СНК), народного комиссариата внутренних дел, а также военных советов фронтов и, в целом, была завершена до конца года[14].

9 сентября 1941 г. Серов, руководитель «немецкой» операции и заместитель комиссара внутренних дел, сообщал своему шефу Берии, что к этому времени были разоблачены четыре (!) агента немецкой шпионской службы. Кроме таких гротескных и странных фактов «антисоветской» деятельности, как разорванные портреты советских руководителей или разоренные частные сады и фруктовые посадки, генерал НКВД не смог обнаружить в республике немцев Поволжья никаких фактов вредительства[15]. Это, однако, не помешало органам безопасности, выполнявшим указание большевистского руководства, задним числом приписать депортированным немцам наличие «тысяч» изменников родины. Из подробного отчета НКВД, датированного декабрем 1948 г., следует, что в 1941–42 гг. были «выселены» 806.533 немцев – советских граждан. Из них до 1 января 1942 г. были высланы в Казахстан и Сибирь 799.459 человек[16].

Августовский декрет не упоминался в прессе, опубликованных законодательных сборниках или в научной литературе ни в годы войны, ни после нее; исключение составляют лишь труднодоступные «Ведомости Верховного Совета СССР»[17]. Режим не хотел публичного позора, который был неизбежным, если бы пришлось признать, что, несмотря на многолетнее идеологическое воздействие, целый народ превратился

во врагов Советского Союза. Непостижимые утверждения о «десятках тысяч шпионов и диверсантов» среди немцев также не были убедительными. Поэтому многочисленные партийные и советские функционеры центральных учреждений и в местах ссылки получили по закрытым каналам сообщение о «причинах» ликвидации республики немцев Поволжья. «Директивное» письмо ЦК коммунистической партии Казахстана ведущим функционерам в областях и районах республики, датированное 4 октября 1941 г., повторяло утверждение августовского декрета и призывало партийные организации к усилению защиты социалистической собственности, повышенной бдительности и постоянному наблюдению за прибывающими «переселенцами»[18].

Благодаря устной пропаганде широкие слои советского населения узнали о «политической» неблагонадежности их новых соседей. Путем косвенной дискредитации большевистское руководство пыталось сохранить собственную репутацию и продолжить беспрепятственно восхвалять «равноправную семью советских народов» и, при этом, страстно клеймить политику «национального угнетения» фашистской Германии[19]. С другой стороны, массовое поражение в правах и клевета на советских немцев обнажили тот факт, что пропаганда национальной ненависти, шовинистические высказывания и любой способ ущемления немцев не будет наказываться. «Много у нас к этой фашистской сволочи гуманизма», – такой взгляд на ссыльных немцев был типичен не только для секретаря райкома одной из областей северного Казахстана[20].

Растущая антипатия и ожесточение против немцев, против немецкой культуры и языка постоянно нарастали в ходе войны, которая требовала как человеческих, так и материальных жертв. Гигантский советский пропагандистский аппарат инструментализировал и сознательно подогревал эти настроения. В начале 1942 г. под заголовком «Немецкие зверства» появились изданные большим тиражом сборники. При этом советские пропагандисты могли поучиться у опытных предшественников, так как уже в 1914 и 1915 гг. под такими же названиями выходили аналогичные пасквили[21]. Требованием момента стала повышенная бдительность по отношению к вражеским шпионам, диверсантам, агентам и разного рода вредителям. Отношение к собственному немецкому населению получило вскоре «научное» обоснование. В 1942 г. Центральное архивное управление НКВД издало сборник документов о немецком шпионаже в царской России. В обширном предисловии, которое вскоре появилось большим тиражом как отдельное издание, составители – майор госбезопасности Никитинский и историк Софинов – охарактеризовали немецких поселенцев как важную опору германской разведки[22]. Александр Дементьев, будущий литературовед, в начале 1943 г. издал книгу «Реакционная роль немцев в истории России». Она вышла в Ленинграде во время блокады (!) тиражом в 10.000 экземпляров. Год спустя тот же автор, снабдив недоброжелательными комментариями, опубликовал тщательно подобранные фрагменты произведений классической русской литературы, в которых «свои» немцы представали в самом неприглядном виде. Эти вышеназванные публикации, следовавшие концептуально образцам антисемитских подстрекательских статей, были напичканы предубеждениями, подозрениями и измышлениями различного рода[23].

Другие статьи в листовках и газетах, книгах и журналах, радиопередачи и фильмы, в которых подогревались агрессивные настроения против немцев (а не против врагов или фашистов), заметно отравляли отношение соседних народов к данному

национальному меньшинству, тем более, что советские властные органы не желали видеть разницы между фашистскими захватчиками и советскими гражданами немецкого происхождения. Даже убежденные сталинисты среди немецкой и австрийской политэмиграции отмечали быстро нараставшую враждебность в широких слоях советского населения по отношению к немцам и чужим в целом[24]. Сообщения органов НКВД на местах отражали отчаянное положение российских немцев:

> Отношение к трудовому потенциалу и другому устройству спецпереселенцев со стороны ряда руководителей хозорганизаций, колхозов и предприятий, а так же районных советско-партийных организаций крайне ненормальное и зачастую эти отношения сводятся к явному антагонизму… […] В Тасеевском районе директор сользавода тов. Чебурашкин вместо принятия мер к устройству немцев-переселенцев относится к ним грубо, называя «паразитами» и другими нецензурными словами. […] В Шарыповском районе председатель колхоза «Пролетарский труд» Комисаренко в разговоре об обеспечении хлебом спецпереселенцев заявил: «Пусть все немцы здесь подохнут с голода, а хлеб им не дам…» […] Колхозница Чурилова, работая вместе с немкой Шмидт, заявила ей: «Зачем вас переселили в наш район, надо было на месте прибить, вы изменники Родины, вас надо с голоду уморить или выгнать на мороз, чтобы вы – фашисты, почувствовали.» […] Из числа 7.396 человек детей, подлежащих обучению в 29 районах, охвачено учебой только 2.403 человек. Такое положение объясняется тем, что большинство детей не имеют теплой одежды и обуви, а также школьных принадлежностей. Кроме того, дети в возрасте старше 12 лет не учатся по причине работы в своих хозяйствах и по найму, а также вследствие незнания русского языка. […] В ряде районов отмечены факты, когда русские ученики немецких детей терроризируют, называя «фашистскими», в результате чего последние прекращают посещение школ[25].

О подобных случаях сообщали органы безопасности и из других областей, куда прибыли депортированные. И все же ответственные партийные и государственные органы не видели повода предпринимать контрмеры перед лицом таких тяжких нарушений действовавшего советского законодательства. Напротив, жалобы на дискриминацию по национальному признаку нередко рассматривались как антисоветская агитация и пропаганда, как клевета на мероприятия партии и правительства и преследовались в соответствии с уголовным кодексом. Это приводило к сильному разочарованию; отмечались следующие высказывания:

> …Ибо если останется Соввласть и пока она будет существовать, нам жизни не будет. На наших детей пальцем будут показывать дети погибших на фронте, что через вас погибли наши отцы. Разве это будет жизнь![26]

Отправка в исправительно-трудовые лагеря и карательная политика

Следующей ступенью лишения гражданских прав немецкого меньшинства была отправка почти всего взрослого населения в трудовые лагеря. Официально это обозначалось как «мобилизация в рабочие колонны и строительные батальоны». Секретным решением политбюро ВКП(б) от 31 августа 1941 г. «О немцах, проживающих

на территории Украинской ССР» все мужчины, в возрасте от 16 до 60 лет, проживавшие на территории Днепропетровской, Ворошиловградской, Запорожской, Киевской, Полтавской, Сталинской, Сумской, Харьковской и Черниговской областей, мобилизовывались в строительные батальоны[27]. Уже 3 сентября 1941 г. заместитель руководителя НКВД Василий Чернышев сообщил о создании 13 батальонов общей численностью 18 600 человек. Они были направлены в четыре действующих лагеря на Урале и в Казахстане: Ивдельлаг[28] и Богословлаг[29] находились в Свердловской области. Соликамскбумлаг в Молотовской (Пермской) области отвечал за строительство бумажной и пороховой фабрик, а Кимперсайлаг (Актюбинсклаг) в Актюбинской области Казахстана был образован для строительства феррохромкомбината[30].

8 сентября 1941 г. Сталин подписал директиву № 35105 Народного комиссара обороны, которая среди прочего предписывала «изъять из частей, академий, военно-учебных заведений и учреждений Красной Армии, как на фронте, так и в тылу всех военнослужащих рядового и начальствующего состава немецкой национальности и послать их во внутренние округа для направления в строительные части». Только некоторые представители немецкой национальности смогли благодаря заступничеству их начальников остаться в прежних частях. Тем самым, была заложена основа так называемой «трудовой армии», которая в действительности была лагерной системой принудительного труда[31].

Массовый призыв мужчин в возрасте от 17 до 50 лет сборными пунктами (райвоенкоматами) Народного комиссариата обороны (НКО) и их подчинение НКВД последовали в результате строго секретных приказов ГКО от 10 января и 14 февраля 1942 г.[32]. Согласно внутреннему распоряжению по ГУЛАГу от 5 июня 1942 г. «независимо от звания в Красной Армии, состояния в запасе, партийной принадлежности, выборных партийных и советских должностей и т. п. – все немцы, по постановлению Государственного Комитета Обороны, мобилизованы в рабочие колонны на время войны»[33]. Поэтому в лагере находились как депутаты Верховного Совета СССР или РСФСР, бывшие министры, партийные и советские функционеры, профессора и доценты, писатели и врачи, учителя и инженеры, офицеры и судьи, так и простые рабочие и крестьяне. Подобная же судьба ожидала почти 50.000 финнов, венгров, румын, итальянцев и других «граждан СССР национальностей воюющих с Советским Союзом стран». Предписания соответствующих постановлений становились более жесткими по мере ухудшения военного положения Советского Союза. 7 октября 1942 г. ГКО издал следующее постановление, на этот раз касавшийся только немцев. Согласно ему все мужчины в возрасте от 15 до 16 и от 50 до 55 лет, а также женщины от 16 до 45 лет изымались райвоенкоматами НКО (!) для принудительных работ на время войны. Никакая другая национальная группа в советской стране не пережила такого массового призыва девушек и женщин, молодежи и пожилых людей[34].

В целом, не менее 350.000 российских немцев были призваны на принудительные работы, хотя точное число неизвестно до сегодняшнего дня. Их «применение» находилось в ведении существовавшей с 1923 г. системы исправительных и трудовых лагерей ГУЛАГа[35]. Там немцы использовались на тяжелых физических работах при строительстве стратегически важных объектов, таких как железные дорога, фабрики и заводы цветной и черной металлургии, на добыче угля и нефти, для заготовки леса и других хозяйственных работах. Правовой статус этих принудительных рабочих был чем-то средним между лагерным заключенным и строительным рабочим в во-

енной отрасли, причем признаки первого доминировали. Начальник ГУЛАГа, генерал-лейтенант Виктор Наседкин не случайно отметил, что «мобилизованные являлись новыми для ГУЛАГа контингентами», поэтому были разработаны особые «положения, предусматривающие вопросы правового порядка, организации и трудового использования»[36]. В местах содержания они были изолированы от местного населения и других заключенных, размещены в зонах, окруженных колючей проволокой и охранявшихся военными, и обеспечивались по нормам пищевого и бытового снабжения ГУЛАГа. Однако эти принудительные рабочие (их называли тогда для маскировки «мобилизованными немцами» или «трудармейцами») не отражались в статистике ГУЛАГа.

В первые месяцы после депортации органы безопасности располагали ограниченными возможностями для проведения систематического террора по отношению к «переселенцам», рассеянным по огромной территории Сибири и Казахстана[37]. Это положение радикально изменилось в связи с рекрутированием взрослых немцев и их концентрацией в трудовых лагерях. Представителем органов безопасности в лагере был пресловутый «оперативно-чекистский отдел» (ОЧО, или оперчасть). Он создавал скрыто действовавшую сеть осведомителей среди лагерного контингента, которая должна была предупреждать случаи саботажа работ, воровства и «бандитизма» среди заключенных, срывать попытки бегства и выявлять любую форму «вражеской деятельности». Хотя они были частью лагерной администрации, представители оперчасти действовали автономно и подчинялись территориальному управлению НКВД и оперативному управлению центрального ведомства ГУЛАГа[38].

С точки зрения «компетентных органов», немцы представляли собой идеальное поле деятельности, так как среди них без больших усилий и изобретательности можно было «раскрывать» заговоры, контрреволюционные организации или террористические группы или «изобличать» отдельных лиц во вредительстве или антисоветской агитации. Имелось множество «наказуемых» деяний, которые могли вменяться практически каждому и привести к приговору: наличие родственников за пределами СССР, участие в крестьянских восстаниях, сотрудничество с частями рейхсвера в 1918 г. или служба в «белой» армии, контакты с германским посольством или консульскими представительствами, попытки выезда в 1920-е или в начале 1930-х гг., получение продуктов питания или переводов из-за границы, контакты с немецкими или австрийскими эмигрантами, родственные связи с депортированными кулаками, участие в католических или лютеранских богослужениях. Из-за огульных обвинений в сотрудничестве с врагом даже самые верные и преданные сталинисты среди немцев оказались в полной растерянности. Новое положение казалось им особенно невыносимым, и для многих из них «ленинская» критика Указа о ликвидации республики немцев Поволжья от 28 августа 1941 г. и обстоятельств содержания в трудовых лагерях имела роковые последствия. Не избежали преследований и бывшие функционеры из поволжских немцев: для оправдания государственного произвола часть из них подверглась показательному наказанию.

23 марта 1942 г. руководитель оперативного отдела ГУЛАГа Яков Иорш издал приказ, в котором обращал внимание руководителей оперативно-чекистских отделов в отдельных лагерях на то, что, по данным НКВД, среди мобилизованных находится много лиц, которые шпионят в пользу Германии. После отправки в лагеря они проводят активную деятельность по сбору информации, поэтому среди них, как можно скорее, необходимо завербовать достаточное количество тайных информантов[39]. Два

Российские немцы-трудармейцы: на необжитом месте недалеко от города Челябинск, где зимой 1942 г. начали строить металлургический завод (из фондов ОГАЧО).

года спустя среди принудительных рабочих уже существовала плотная сеть агентов: к 1 июля 1944 г. на 227.000 немцев приходилось 6.240 резидентов и осведомителей, что означало – один доносчик на 36 человек![40] Первые «успехи» этого и подобного приказов обобщил майор госбезопасности Иорш в докладной записке «О результатах чекистской работы среди мобилизованных немцев в исправительно-трудовых лагерях НКВД»:

> В течение 1942 года среди работающих в исправительно-трудовых лагерях НКВД трудмобилизованных немцев, вскрыт и ликвидирован ряд контрреволюционных организаций и групп, участники которых подготовляли организованные выступления трудмобилизованных немцев и содержащихся в лагерях заключенных, вооруженные побеги из лагеря с целью оказания помощи германо-фашистским войскам. В 15 исправительно-трудовых лагерях, в которых работают мобилизованные немцы, вскрыто 60 контрреволюционных организаций и групп, привлечено к уголовной ответственности по данным на 1.11.1942 около 3.000 немцев[41].

Далее в документе говорилось о «важнейших» делах. Некоторые из них могли бы послужить сценарием для приключенческого фильма, если бы мы не знали о серьезности такого рода обвинений. Так, одна «контрреволюционная группа трудармейцев» намеревалась при строительстве железной дороги Свияжск-Ульяновск поднять восстание среди немцев и разоружить конвой. После этого восставшие должны были при помощи самолетов (!) с близлежащего аэродрома установить контакт с войсками вермахта. За этот полет фантазии «расплатился» 61 человек. Нужно только представить себе: полуголодные крестьяне с голыми руками нападают на своих конвоиров, находят дюжину самолетов и, без проблем управляя ими, летят навстречу немецким войскам. Бессмысленность этой акции не бросилась в глаза ни усердным офицерам, проводившим следствие, ни их московскому руководству. Майор Иорш заключил свой доклад следующими словами:

> На основе опыта чекистской работы среди мобилизованных немцев, Оперативным отделом ГУЛАГа НКВД СССР разрабатываются ориентировка и практические указания начальникам Оперчекистских отделов по улучшению этой работы[42].

Терроризирование мобилизованных служило нескольким целям: во-первых, оно было важным средством их запугивания и подчинения; так как карательная политика была направлена, прежде всего, против интеллигенции, специалистов, бывших функционеров и хозяйственных руководителей – устранение национальной элиты должно было превратить немцев в легко управляемую толпу. Во-вторых, необходимо было предоставить доказательства, что в бывшей республике немцев Поволжья имелись шпионы и диверсанты. В конечном итоге, численность осужденных лиц или раскрытых контрреволюционных организаций должна была гарантировать существование отдельного сотрудника госбезопасности и уберечь его от отправки на фронт, а так как каждый немец считался потенциальным злоумышленником, то для заведения дела достаточно было высказать малейшее сомнение в причинах депортации. Таким способом все немецкое население СССР было превращено в преступников.

Конструирование политических уголовных процессов

В дальнейшем описывается механизм конструирования государственных преступлений на основе показательных уголовных дел[43]. Прежде всего, укажем на особенности данного рода первоисточников. Согласно решению ГКО № 903 от 17 ноября 1941 г., Особому Совещанию (ОСО) при Наркоме внутренних дел (ВД) были переданы полномочия в случаях совершения преступлений, предусмотренных § 58 и 59 (контрреволюционные и особо опасные для СССР преступления против порядка управления) Уголовного Кодекса РСФСР, выносить окончательные приговоры вплоть до смертной казни без права на обжалование[44]. Пять дней спустя нарком внутренних дел Берия уточнил в приказе № 001613 предыдущее решение ГКО. В соответствии с ним все подлежавшие рассмотрению ОСО случаи должны были производиться «в строгом соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса», а обвинительное заключение для каждого обвиняемого должно было предусматривать такое наказание, которое НКВД считало «целесообразным»[45]. Этот приказ был причиной того, что внешне документы создавали впечатление тщательно проведенного следствия: подписанные прокурором ордера на арест, протоколы допросов с соответствующими подписями, свидетельские показания, обвинительные заключения и т. д. В конечном итоге, донесение о совершенном преступлении, следственные действия, вынесение обвинения и обоснование приговора оказывались в руках одного ведомства. Так как публичное слушание дел с участием защиты отсутствовало, то органы политического сыска имели самые широкие возможности для произвола.

С течением времени следственные дела многократно перегруппировывались, получали гриф «строго секретно» (сообщения осведомителей и агентов, различные внутренние инструкции и служебные распоряжения для сотрудников и т. д.). Об этом свидетельствует и неоднократно проводившаяся перенумерация страниц в делах. Протоколы допросов обвиняемых или свидетелей необходимо использовать с большой осторожностью, так как они нередко составлялись самими офицерами госбезопасности, проводившими следствие, и полны фальшивыми или ложно приписанными высказываниями. Часто подследственного принуждали подписать протокол или «собственноручное» признание под пытками.

Особенно ревностно выполняли предписания чекисты Бакаллага (Челябметаллургстроя). Их деятельность имела «успех», они смогли «разоблачить» среди мобилизованных немцев не одну повстанческую и антисоветскую организации. По неполным данным в 1942 г. здесь были арестованы, по меньшей мере, 1403 человека, и большинство из них осудили[46]. Десятки напечатанных крупным шрифтом приказов с именами расстрелянных или приговоренных к многолетним заключениям немцев, за подписью начальника управления лагеря Александра Комаровского, «украшали» лагерную зону и вселяли в узников панический страх. Это и сегодня можно почувствовать при чтении свидетельств бывших «трудармейцев»[47].

В конце апреля – начале мая 1942 г. все сотрудники госбезопасности (около 40 человек) Челябметаллургстроя (ЧМС) НКВД были приглашены на совещание с представителем центрального управления из Москвы. Там обратили их внимание на Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., в котором говорилось о тысячах и десятках тысяч шпионов и диверсантов среди немцев. Учитывая то обстоятельство, что взрослые мужчины направлены в лагеря ГУЛАГа, чекисты должны были этих «шпионов и диверсантов» разоблачить и обезвредить[48]. Можно предположить, что подобные совещания состоялись и в других лагерях. По аналогии с известными судебными процессами 30-х гг., за каждым «разоблаченным» фактом антигосударственной деятельности стояла якобы иерархически структурированная организация, которая имела управлявший ею «центр», откуда исходили директивы по осуществлению вредительской работы, саботажа или террористических актов. Потенциальных руководителей такого «центра», осуществлявшего, подобно генеральному штабу, «предательскую деятельность», необходимо было искать, прежде всего, среди высших руководящих работников республики немцев Поволжья. Это представление существенно повлияло на поведение и образ мыслей представителей госбезопасности, хотя надлежащие конкретные указания центральных учреждений до сих пор находятся на спецхранении, а в соответствующих следственных делах можно найти лишь косвенные указания на этот факт[49].

Один из «показательных процессов» состоялся в июле–сентябре 1942 г. Госбезопасность следила за окружением Якова Мюллера, бывшего первого секретаря ВКП(б) кантона Краснояр в АССР НП[50]. Многие ведущие функционеры этого кантона находились на Челябметаллургстрое НКВД, что значительно облегчало конструирование «нелегальной фашистской организации», как в бывшей республике, так и в исправительно-трудовом лагере. Сначала собирался компрометирующий материал, так как процесс должен был, согласно инструкциям, проходить в соответствии с действующим уголовно-процессуальным кодексом. В реальности было достаточно, чтобы какой-нибудь доносчик или узник сообщил о высказываниях, которые могли бы следователем рассматриваться как уголовно наказуемые. В конечном итоге, лейтенант госбезопасности Израиль Зеликов вынудил арестованного ранее мобилизованного Александра Симона дать соответствующие «показания». Вскоре после своего водворения в лагерь Мюллер якобы возмущенно говорил:

> Я не понимаю, как Советская власть могла допустить такое варварское отношение к нам, немцам. Я коммунист, а попал в заключение.

Далее подвергнутый давлению Симон обвинил Якова Мюллера в том, что в лагере он стал руководителем контрреволюционной группы, готовившей восстание[51].

Тем самым, судьба Мюллера была решена. Лейтенант Зеликов распорядился о его аресте. В обосновании, написанном канцелярским русским языком, безапелляционно утверждалось:

> Мюллер Я.Я. является руководителем контрреволюционной повстанческой организации, ставившей перед собой задачу подготовить вооруженное восстание против Советской власти с целью перехода на сторону немецко-фашистских войск[52].

Так как обвиняемый уже находился за колючей проволокой, а о проведении суда по всем правилам не могло быть и речи, то обоснование заключения под стражу звучало просто гротескно: «…принимая во внимание, что Мюллер Я.Я., находясь на свободе, может уклониться от следствия и суда». Здесь явно сказывалась вся фальшь официальных утверждений о статусе российских немцев как мобилизованных, так как в действительности они практически ничем не отличались от заключенных.

Из вышесказанного становится очевидным, что, собственно, задача тех, кто проводил следствие, состояла не в том, чтобы выяснить, как в действительности обстояло дело, а в том, чтобы подвести базу под выдуманные обвинения при помощи признаний людей, избранных жертвами произвола. Но в данном случае сотрудники НКВД не собирались довольствоваться одной «лишь» контрреволюционной организацией в лагере. Для верного коммуниста Мюллера был предусмотрен дополнительный сценарий: он и другие проходившие по этому делу фигуранты должны были создать «доказуемую» базу, оправдывающую ликвидацию республики немцев Поволжья.

Можно представить, при помощи каких ужасных методов добились того, что уже 28 июня 1942 г., спустя один день после ареста, Мюллер в ходе многочасового допроса признался, что еще в 1934 г., во время учебы в Энгельсе, он был завербован в качестве «разведчика» неким Копачеком. Этот немецкий эмигрант, который в глазах чекистов, разумеется, был шпионом или агентом гестапо, якобы сказал в 1934 г., что «немецкий народ во главе с Гитлером смоет позорный Версальский договор и создаст великое немецкое государство». Мюллер должен был, как немец, сделать все для строительства великой Германии, на что он и согласился. Затем Копачек признался ему в том, что он – немецкий разведчик, и Мюллер получил задание войти в доверие к партийным и хозяйственным руководителям и законспирироваться до начала войны, так как Гитлер, мол, запланировал войну с СССР на 1941 год (!).

Так как Копачек был «разоблачен» как шпион уже в 1937 г., в деле появился еще один человек: Александр Баумгартнер, до 1939 г. – директор машинно-тракторной станции (МТС) в с. Краснояр. Он служил в австрийской (по другим данным, в немецкой) армии, и в 1915 или 1916 году попал в русский плен. Баумгартнер уже давно жил в республике немцев Поволжья и «благодаря» своей биографии был только что выявлен как «агент» немецкой разведки. Будучи влиятельным партийцем в кантоне, Баумгартнер способствовал карьере Мюллера вплоть до назначения его первым секретарем кантональной организации ВКП(б). За эту поддержку Мюллер должен был «расплачиваться» проведением «практической контрреволюционной шпионской деятельности»: тормозить рост партийной организации, продвигать на руководящие посты в кантоне немецких «агентов» и сторонников, саботировать го-

сударственные мероприятия, такие как поставки зерна и овощей, собирать информацию для целей шпионажа и др.

Далее Мюллер «признался» в том, что начиная с 1939 г. он завербовал в общей сложности 13 человек, среди которых были Георг Гааг, руководитель отдела в кантональном партийном комитете, а также Фридрих Бинеман, директор маслобойки, и Каспар Армбристер, председатель Красноярского сельского совета. По этой простой схеме можно было бесконечно долго и произвольно увеличивать число немецких «агентов»: кто-нибудь – в нашем случае Баумгартнер – объявлялся шпионом и каждый его знакомый мог, как Мюллер, превратиться в «агента». Последний «рекрутировал» множество разведчиков, которые со своей стороны также продолжали вербовочную работу. При этих условиях можно было, действительно, «доказать» наличие упоминавшихся в Указе от 28 августа 1941 г. «тысяч и десятков тысяч диверсантов и шпионов».

Для следственных органов работа не заканчивалась вместе с «признанием» шпионской деятельности. Необходимо было представить «веские» доказательства диверсионной деятельности обвиняемых. 4 августа 1942 г. в протоколе допроса Мюллера было записано:

> В апреле месяце 1939 года ко мне в служебный кабинет пришел Баумгартнер и сказал, что по имеющимся у него заданиям реальность войны между Германией и СССР на 1941 год обеспечена и уже теперь необходимо начать вести вербовочную работу из основных изученных мною лиц, как основной костяк, которые должны будут создавать среди проживающих немцев в Красно-Ярском кантоне повстанческие группы, имеющие своей целью подготовить и осуществить вооруженное восстание в ходе войны между Германией и СССР. Это задание Баумгартнера я принял к исполнению.

Таким образом, получалась практически завершенная картина: здесь в Красноярe, как и в любом другом немецком кантоне, якобы существовала разветвленная контрреволюционная повстанческая организация, с сотнями, если не тысячами членов. Во многих (или во всех, смотря по тому, какие цели преследовали люди из НКВД) колхозах, предприятиях и учреждениях были образованы ячейки, во главе которых стояли руководители организаций или другие руководящие работники. «Создание» такой повстанческой организации в колхозе «Ударник» в деревне Шталь происходило, например, таким образом: с его председателем Кручем Мюллер – согласно выбитым из него показаниям – вел «контрреволюционные» разговоры уже с 1935 г. и завербовал его в июне 1941 г. К началу войны председатель выразил в одном из разговоров надежду на то, что «Гитлер все делает по плану» и возможно «через месяц-другой к нам придет». На что Мюллер ответил:

> Я также верю в то, что немецкие войска придут к нам, поволжским немцам, и когда придут, спросят, что сделали для нас, для великой Германии, и придется нам держать ответ. После этого замечания мне Круч сказал, что жители села Шталь давно настроены так, что дай им только оружие и они перейдут на сторону немецких войск. Я тогда сказал Кручу – настроение я сам знаю, вот надо это настроение направить правильно, подобрать группу смелых людей и вести усиленную подготовку к вооруженному восстанию. Круч, выслушав меня, сказал: «Я с твоим мнением согласен и охотно начну по твоему указанию проводить контрреволюционную деятельность».

Наряду с Яковом Мюллером, который, в соответствии с советской иерархией, как первый партийный секретарь должен был стоять во главе нелегальной организации в этом кантоне (районе), к «руководящему органу» принадлежали и Владимир Гартман, который до сентября 1941 г. был председателем Красноярского кантисполкома, и Теодор Траутвейн, второй секретарь партийной организации кантона, отвечавший за кадровые вопросы[53]. Правда, их завербовал в шпионы и диверсанты не Мюллер, а «непосредственно» Баумгартнер. Гартман был арестован 7 августа 1942 г. и несколько дней упорно отказывался признавать выдвинутые против него обвинения. Как большинство других проходивших по этому делу обвиняемых, он не смог противостоять огромному давлению и, как можно предположить, физическим издевательствам со стороны офицеров НКВД. Протоколы допросов от 11, 18 и 26 августа содержат подробные описания обстоятельств его вербовки в агенты немецкой разведки в 1936 г. и последовавшей затем «вредительской работы» в кантоне. Мюллер якобы руководил текущей «контрреволюционной» деятельностью и с началом войны распорядился об образовании повстанческих групп в деревнях. Вплоть до депортации Гартман вел активную деятельность и навербовал для подготовки восстания множество руководящих работников – председателей местных советов, главных бухгалтеров, агрономов или партийных руководителей – в деревнях Шульц, Роледер, Краснояр, Розенгейм и Швед. В конце концов, бывшего председателя кантонального исполкома принудили к тому, чтобы признать собственное участие еще в одной из повстанческих организаций – на этот раз «раскрытой» НКВД на Челябметаллургстрое. Здесь речь шла об аналогичных обвинениях, как и в случае с Мюллером: Гартман якобы распространял среди трудовых бригад и войск провоцирующие и деморализующие слухи, в которых «восхвалял фашистскую армию», вербовал доверенных лиц для «контрреволюционной и повстанческой» организации и хотел при приближении немецкой армии к Уралу подготовить и начать восстание мобилизованных. Согласно обвинительному заключению, составленному 22 сентября 1942 г., в этом групповом преступлении участвовали 19 человек, в основном, партийных, советских и хозяйственных работников кантона Краснояр бывшей республики немцев Поволжья, которые якобы были руководителями и членами повстанческой контрреволюционной организации[54]. Наряду со шпионской деятельностью в пользу Германии, они занимались «практической» подготовкой вооруженного восстания в кантоне и основали во всех населенных пунктах «контрреволюционные» группы, составляли «планы» по приему немецких парашютистов, которые должны были приземлиться на территории района, готовили продукты питания и фураж для немецкой армии. Кроме того, после выселения они вели антисоветскую и пораженческую агитацию, а в лагере вновь создали повстанческую организацию.

Согласно обвинительному акту, большинство обвиняемых признали свою «вину» полностью и целиком. Только трое из них отклонили эти чудовищные обвинения. На дознавателей этот факт не произвел никакого впечатления, так как вина этих троих была «достаточно» доказана агентурными данными, а также показаниями других обвиняемых и свидетелей. Следователь предложил 13-ти обвиняемым дать высшую меру наказания – расстрел, а остальным «преступникам» по десять лет ИТЛ. В самом низу на последнем листе обвинительного акта, как и в большинстве документов по этим процессам, стояло: нет никаких вещественных доказательств. Это свидетельствовало о том, что все дело основывалось исключительно на признаниях и показаниях подследственных. Обвинение было направлено в ОСО при нар-

коме ВД в Москву, которое 14 октября 1942 г. заочно приговорило всех обвиняемых к смертной казни. Большинство протоколов на этом процессе было перепечатано на пишущей машинке, что заставляет предположить, что за ходом дела внимательно следили центральные инстанции ГУЛАГа и НКВД.

По этой схеме проходили многочисленные уголовные процессы против трудармейцев. Так, в августе 1942 г. на стройке ЧМС была «раскрыта и ликвидирована» еще одна «фашистская контрреволюционная повстанческая организация мобилизованных немцев». К руководителям этой организации принадлежали Теодор Траутвейн и Александр Роот, третий секретарь комитета партии кантона Краснояр[55]. Как выяснилось, они начали свою подрывную деятельность не в лагере, а гораздо раньше: в 30-е гг. в своем кантоне они вместе с другими обвиняемыми организовали контрреволюционную группу, чтобы во время германо-советской войны поднять вооруженное восстание. Кроме того, следствие установило, что Траутвейн уже с 1933 г. являлся агентом немецкой разведки. Более или менее произвольно вовлеченные в этот процесс были родом не только с Волги, но и с Украины, из Казахстана, с Кавказа или из Крыма. Это были учителя, бухгалтеры, экономисты, молодые партийные и советские функционеры, руководители предприятий или колхозов, а также простые колхозники. Следственным органам не мешало то, что они всех стригли под одну гребенку. Если не в бывшей республике, то на стройке эти люди якобы вошли в повстанческую организацию и только и ждали, когда германские войска дойдут до Урала. Лейтенант госбезопасности Федор Глазков предложил расстрелять большинство обвиняемых. Но в этом случае ОСО не воспользовалось рекомендацией следователя и 3 февраля 1942 г. приняло постановление о наказании 32 человек, проходивших по этому делу: четыре из них были расстреляны, среди них – Траутвейн и Роот, другие получили по десять лет заключения. Очевидно, за этим «мягким» приговором крылась забота о предотвращении «ненужной» траты рабочей силы, которой не хватало[56].

Другим важным полем деятельности органов госбезопасности стало беспощадное подавление всех так называемых «пропагандистских преступлений». К ним относили любые выражения недовольства политикой советской власти по отношению к российским немцам – критику условий содержаний в лагере, сомнение в правильности сообщений властей о ходе войны и т. д. Все это чекисты рассматривали как факты «контрреволюционной антисоветской агитации и пропаганды», которые заслуживали наказания по определению пресловутого параграфа 58 УК РСФСР. Характерным является дело в отношении шести трудмобилизованных из Богословлага, которых обвинили в проведении «систематической антисоветской агитации профашистского характера»[57]. Подробные протоколы допросов позволяют реконструировать некоторые типичные обвинения, которые встречались в этой или несколько видоизмененной форме и во многих других уголовных делах.

Официальное обвинение	**Фактическое высказывание**
Клевета на политику Советской власти и Коммунистической партии	«Теперь я понимаю, что Советская власть хочет всех нас немцев, как мужчин, так и женщин и детей угробить. Нас лишили нашего хозяйства и переселили в Сибирь, потом нас оторвали от семей и собрали сюда на Урал. Теперь берут в трудовую армию и жен, отрывая этим матерей от собственных детей, и дети остаются на произвол судьбы. Разве это не издевательство!».

Официальное обвинение	**Фактическое высказывание**
Распространение провокационных слухов о положении мобилизованных немцев	«Много пишется, что специалисты в СССР в почете, и их используют по их специальности, а я вот человек с высшим недооконченным образованием, а используют меня в качестве сторожа». «Нас немцев мобилизовали в трудармию с целью всех уничтожить, поэтому заставляют работать по 18–20 часов, кормят впроголодь, издеваются над нами. Многие уже погибли голодной смертью, и мы все погибнем».
Неверие в победу Красной Армии	«Германская армия имеет прекрасное вооружение, она оснащена танками, самолетами, хорошо обучена, одета, обута и сыта. Красная Армия не имеет такой сильной техники, и в этом виновато Советское правительство».
Клевета на Красную Армию	«Люди, которые пришли с фронта, рассказывали, как обеспечена Красная Армия. Наши красноармейцы форменным образом голодают, и где только увидят убитого немца, группами бросаются к нему, ищут в ранце и вытаскивают из такового шоколад, консервы, хлеб, сыр, колбасу и другие продукты».
Клеветнические высказывания о советской печати	«Я сегодня прочитал сообщение о потерях германской армии и убежден, что все это чистая ложь. Разве можно этим цифрам поверить; если подсчитать по всем сводкам потери германской армии в технике и людях, то получим такую цифру – больше, чем в самой Германии населения».
Восхваление царского режима	«Жизнь при царском правительстве была гораздо лучше, чем при Совласти. Помню, когда я работал мальчиком у одного торговца, то получал 10 рублей, и за эти 10 рублей я был сыт, одет, обут. А сейчас, хотя и денег будешь иметь, но за них ничего не достанешь».
Клевета на колхозный строй	«С тех пор как существуют колхозы, не было еще хорошего урожая и не будет, потому что не заинтересованы работать, да и какой может быть у них интерес к работе, когда их согнали туда как скот».
Клевета на союзников	«Надежды на открытие второго фронта иллюзорны. Англичане умные люди. В начале войны они сражались до последнего француза, а сейчас сражаются до последнего русского. Русские и немецкие дураки дерутся, а плодами воспользуются англичане и американцы».

Легкую добычу для органов безопасности представляли собой немецкие эмигранты, принявшие советское гражданство и оказавшиеся на принудительных работах. Одним из них был Эрих Борхерт, выпускник известного Баухауза[58] в Дессау[59]. Для левого по своим убеждениям художника, который некоторое время находился в коммунистической партии (1928–1932) и всегда был пламенным антифашистом, рекрутирование в трудовой батальон по причине его немецкой национальности было рубежом в жизни. Этот вывод можно сделать на основе его «собственноручно» записанных на немецком высказываний в следственном деле, сделанных после ареста:

> Пребывание в строительном батальоне привело к изменению всех моих прежних убеждений. Я был совершенно выбит из колеи. Во-первых, я не мог объяснить существование

строительного батальона, зная суть национальной политики Советского Союза. Во-вторых, отношение командиров этого батальона, которые обогащались за счет батальона, подействовало на меня отрицательно… В любом случае можно было быстро и легко заметить, что в стройбате много жилось лучше тем, кто был нечестным[60].

Эрих Борхерт был арестован 18 ноября 1942 г. Он обвинялся в организации и руководстве диверсионной группой, намеревавшейся вывести из строя электростанцию, обеспечивавшую электричеством Уральский алюминиевый завод (УАЗ), а также в намерении перейти на сторону германской армии. Следствие рассматривало Высшую школу Баухауз, в целом, как кузницу шпионских кадров, где под руководством его второго директора Ханнеса Мейера проводилась «идеологическая и практическая подготовка лиц, предназначенных к переброске для шпионской работы». Сам Борхерт якобы был агентом немецкой разведки и в 1930 г. был направлен в СССР как специалист для «сбора военной, экономической и политической информации», которой интересовалась немецкая разведка. Многие годы он имел контакт с немецким посольством. В Каменск-Уральске он активизировал свою «подрывную деятельность» и поручил своему подельнику Гельмуту Ноллю путем взрыва электростанции прервать снабжение УАЗа электричеством.

Выпытанные признательные показания послужили основой для данных фантастических измышлений чекистов, которые потребовали для обоих обвиняемых расстрела. 15 января 1944 года Особое Совещание приговорило Борхерта к 20, а Нолля – к 15 годам заключения в лагерь.

До июля 1944 г. за попытки к бегству, мнимые акты саботажа, контрреволюционную и повстанческую деятельность, за членовредительство и умышленное самоистощение (!) были арестованы 8543 мобилизованных немца. Из них 6392 были приговорены к многолетнему заключению в лагере, а 526 – к расстрелу[61]. В большинстве случаев наказание назначалось Особым Совещанием при полном игнорировании судебных процедур.

Окончание войны привело к определенной «либерализации»: все больше политических преступлений передавались на рассмотрение обычных судов. Так, 2 марта 1946 г. был арестован Фридрих Грец, которого органы госбезопасности обвинили в том, что в Богословлаге он стал инициатором возмущений среди членов своей бригады[62]. Обвиняемый выражал недовольство приказом лагерного руководства, который предписывал ужесточение рабочего режима. Далее этого трудармейца обвинили в том, что он уже в 1921 г., помимо обычной вредительской агитации, принимал участие в «антисоветском движении за выезд из СССР» и, кроме того, утверждал, что положение военнопленных вермахта существенно лучше, нежели мобилизованных российских немцев. Дело было передано на рассмотрение Особого лагерного суда, который начал допросы Греца и девяти свидетелей 15 мая. Более того требование обвиняемого предоставить ему адвоката (!) было выполнено. Фридрих Грец признал себя виновным лишь отчасти, а адвокат выступал за его освобождение. Процесс длился лишь один день и завершился приговором суда, согласно которому Грец должен был отбывать заключение в течение трех лет, а затем в течение двух лет был лишен гражданских прав.

Применение судебных процедур вело, хоть и с оговорками, к определенному смягчению наказаний за политические преступления.

Процесс против бывшего руководства республики немцев Поволжья

В ряду политических дел такого рода особенно выделяется процесс против бывших руководящих функционеров АССР немцев Поволжья, продолжавшийся больше двух лет (с апреля 1944 до августа 1946 г.). По нему проходили Александр Гекман, бывший председатель СНК республики немцев Поволжья, Генрих Корбмахер, третий секретарь обкома ВКП(б) республики (1938–1941 гг.) и бывшие наркомы – Фридрих Фрицлер (земледелия) и Иоганнес Майер (финансов). Все они находились на принудительных работах в Богословлаге/БАЗстрое[63].

Уже по первым обвинениям против мобилизованных можно было констатировать, что, наряду с конструированием «доказательств» антисоветского образа мыслей и деятельности представителей «простого» народа, органы безопасности преследовали еще и другую цель, а именно – поставить государственную измену в вину всему руководству и интеллигенции республики немцев Поволжья. Так, приговоренные Траутвейн, Мюллер и Роот были принуждены в 1942 г. дать показания против Генриха Корбмахера и подтвердить, что он якобы был руководителем повстанческой организации на территории автономной республики[64]. Материал о существовании профашистских «происков» среди поволжских немцев сотрудники НКВД собирали в ходе расследования других дел. Некий Карл Донис подписал в Новосибирске 18 ноября 1942 г. протокол, в котором говорилось о существовании мнимой фашистской организации с руководящим центром, в который входили ведущие партийные и советские работники. Их главной целью якобы было «отторжение насильственным путем Поволжья от Советского Союза и присоединение его к Германии»[65]. Ко времени вынесения приговора органы госбезопасности определились, что руководителем нелегальной организации поволжских немцев должен был стать бывший глава правительства Гекман, а не Корбмахер.

Из доступных для исследования материалов нельзя сделать достоверный вывод о том, почему следствие было отложено до 1944 г. Возможно, свою роль сыграли различные факторы: ужесточение репрессивных аспектов национальной политики СССР, которое достигло своего пика в конце 1943–44 гг., когда были депортированы некоторые северокавказские народы и крымские татары, а их автономные области были ликвидированы. Значение имел и тот факт, что Президиум Верховного Совета СССР лишил полномочий депутатов ликвидированной АССР немцев Поволжья лишь 27 марта 1944 г., и, тем самым, прекратил свое действие принцип депутатской неприкосновенности в отношении Гекмана и других народных представителей[66]. Нельзя исключать и того, что в неразберихе первых военных лет органы безопасности просто не могли найти людей, о которых шла речь.

Первым был арестован 29 апреля 1944 г. Корбмахер, поводом для ареста послужили показания Траутвейна, Мюллера и Роота[67]. На протяжении трех недель подследственный энергично отрицал обвинения в том, что он являлся «активным участником контрреволюционной повстанческой организации на территории бывшей АССР немцев Поволжья». Дальнейший ход дела он описывал два года позднее в московской тюрьме:

> 18 и 19 мая меня беспрерывно допрашивал следователь Тюлешов, не давая есть и пить. После этого видя, что я показаний не даю, майор Медведев (начальник отдела – *В.К.*) при-

казал мне раздеться догола и совместно с майором Сольниковым и Тюлешовым стали меня избивать ногами и ремнем. При этом Медведев грозил меня застрелить. После этого избиения я был вынужден подтвердить показания Роот, Мюллера и Траутвейн. При этом он (Медведев – *В.К.*) назвал фамилию Гекмана, якобы вербовавшего меня в повстанческую организацию; я и это подтвердил[68].

Протокол допроса 19 мая 1944 г., официально подписанный Корбмахером, описывает «поиски истины» и «путь» к признанию немного по-другому:

Вопрос: Органам НКВД известно Ваше участие в нелегальной антисоветской организации, за что Вы и арестованы. Признаете себя виновным в принадлежности к антисоветской организации?
Ответ: Не признаю потому, что ни в какой антисоветской организации я не состоял.
[…] Вопрос: Ваша виновность перед Советской властью следствием уже доказана, за что Вы и арестованы. Следствие вынуждено Вас предупредить, что нежелание давать правдивых показаний, а, следовательно, попытка скрыть таким путем своих сообщников, может только отяготить ответственность, которую Вы понесете за совершенные преступления. […] Советуем Вам отказаться от бесполезной попытки обмануть следствие.
Ответ: Да, должен признать, что из-за боязни ответственности за совершенное преступление пытался отрицать свое участие в антисоветской организации и поэтому давал следствию лживые ответы, но сейчас мне ясно, что у следствия достаточно улик против меня, и я решил говорить правду.

На этом же допросе Корбмахер признался, что бывший председатель СНК республики немцев Поволжья Александр Гекман завербовал его в 1938 г. Кроме того, следствие пожелало узнать о других «предателях» высокого ранга, которые принадлежали к «руководящему» центру изменников. Были названы Конрад Гофман, председатель Президиума Верховного Совета республики, народные комиссары Фридрих Фрицер и Иоганнес Майер, Якоб Вейлерт, второй заместитель председателя Совнаркома, Роберт Грош, председатель «Немкустпромсоюза», Владимир Гергерт, управляющий делами Президиума Верховного Совета АССР НП и другие. Самых известных функционеров среди них – Корбмахера, Майера, Фрицлера и Гекмана – чекисты «назначили» членами «руководящего центра» нелегальной организации, не в последнюю очередь, потому, что все четверо находились на принудительных работах в Богословлаге и могли быть сразу же привлечены по делу. 22 мая 1944 г. был арестован Гекман[69], несколько дней спустя – Фридрих Фрицлер (которому в трудовом лагере, возможно, учитывая его прежнюю должность, была доверено руководство свинофермой), а 31 мая – Иоганнес Майер. При помощи вынужденных признаний и полученных в ряде других дел «фактов» предварительное следствие завершилось в августе 1944 г. Обвинительное заключение было послано в ОСО в Москву. В нем значилось, что все вышеперечисленные мобилизованные обвиняются в создании и руководстве контрреволюционной повстанческой организацией и антисоветской агитации, что означало для проходивших по делу смертный приговор[70].

В это время арестованные находились в тюрьме в Свердловске, где они стали отрицать полученные при помощи психологического и физического насилия признательные показания и писали письма главе советского государства Михаилу Калинину, наркому внутренних дел Лаврентию Берии, в прокуратуру и другие инстанции.

Удостоверение депутата Верховного Совета АССР немцев Поволжья Александра Гекмана, выданное в 1938 г. (из фондов ГААОСО).

Это обстоятельство существенно замедлило ход процесса. Здесь сыграло свою роль и прежнее положение заключенных: очевидно, в вышестоящих инстанциях не были уверены в том, как следует поступать далее при тех скудных доказательствах, которые представляли собой, главным образом, показания обвиняемых, от которых те и отказались. В первую очередь, ранее выдвинутые обвинения необходимо было «подкрепить» дополнительными доказательствами.

В это время органы госбезопасности сконструировали новое групповое дело, на этот раз в Ивдельлаге. Речь шла об известном трудармейце Адольфе Денинге, который с 1938 по 1941 г. был председателем Мариентальского кантонального исполкома, а с 1937 по 1944 г. – также депутатом Верховного Совета СССР. В трудовом лагере его сначала назначили руководителем транспортной службы, а затем, вплоть до его ареста 18 апреля 1945 г., он был заведующим сенопунктом[71]. Обвинительное заключении по этому делу приписывало части узников, находившимся на принудительных работах в этом лагере (которые ранее проживали в том же кантоне Мариенталь), участие в антисоветской подрывной организации, которая якобы существовала в республике немцев Поволжья и управлялли ей из руководящего центра, который возглавлял Гекман. Далее – обвиняемые якобы проводили среди трудармейцев Ивдельлага НКВД «злостную» антисоветскую агитацию и пропаганду и активно готовили «насильственное освобождение трудмобилизованных немцев из лагеря». Это должно было произойти ко времени взятия Сталинграда немецко-фашистскими войсками[72].

Дополнительные «доказательства» предоставили органы госбезопасности из Красноярского лагеря, где в 1943–45 гг. содержались десятки бывших функционеров и простых партийцев из АССР НП и других регионов[73]. Некоторых мобилизованных обвинили в том, что они знали о существовании мнимого «центра» во главе с Гекманом, Майером, Фрицлером и Гофманом, и принудили их подтвердить это[74].

В связи с тем, что речь якобы шла о шпионаже, в начале июня 1945 г. ответственность за процесс против бывших высших функционеров республики немцев Поволжья передали Народному комиссариату госбезопасности[75]. Люди из НКГБ, казалось, лучше подходят для того, чтобы довести до конца дело о профашистском «массовом движении» среди поволжских немцев, которое возглавляли местные функционеры. Явно под давлением из Москвы свердловские чекисты прибегли к «испытанным»

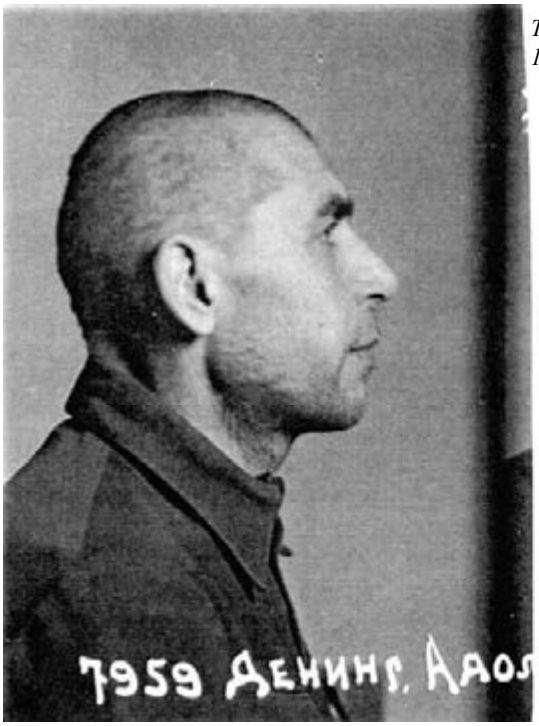
Тюремное фото Александра Гекмана, июнь 1944, Свердловск (из фондов ГААОСО).

средствам, чтобы получить необходимые признания. Об этом можно судить по собственноручным записям Гекмана:

> 1-го октября 1945 года ночью меня били и потребовали от меня показаний. Присутствовали подполковник Грибанов, лейтенант Усманов и полковник один, мне было объявлено о том, что полковник является заместителем начальника УНКГБ по Свердловской области. Били меня плеткой в подошвы ног (пятки) в два приема. Били меня лейтенант Усманов и подполковник Грибанов. Я не мог выдержать эти боли и дал вымышленные показания, чтобы избежать дальнейших побоев. Я тут же вкратце дал некоторые показания. Потом мне был предоставлен отдых и уже днем 2-го октября и 3-го октября 1945 мои показания были застенографированы[76].

В качестве главной фигуры «повстанческой фашисткой организации» Гекман должен был своими словами подтвердить показания, которых от него добивались следователи. В течение трех дней он дал на более чем сорока машинописных страницах протокола ужасную картину разветвленного «заговора» в республике немцев Поволжья[77]. Прежде всего он попросил позволить ему «…рассказать следствию те обстоятельства и исторически сложившиеся условия, в результате которых» он «лично и почти весь руководящий состав бывшей республики немцев Поволжья оказались организаторами антисоветского подполья и встали на путь активной борьбы против Советского строя». После того, как он получил разрешение, бывший председатель Совнаркома широкими мазками нарисовал впечатляющую панораму вредительской деятельности прежнего руководства республики, начиная с Иоганнеса Шваба, председателя Центрального исполнительного комитета республики немцев Поволжья с 1924 по 1930 гг., Франца Густи, секретаря областного партийного комитета партии в 1926–28 гг. и других руководителей, которые «происходили из кулаков и в прошлом принадлежали к партии эсеров».

При этом, он назвал «объективные» причины, которые «сказались на внедрении среди масс антисоветских идей и культивировании немецкого национализма»: исторические связи с Германией, развитое крупное кулацкое хозяйство среди поволжских немцев, подрывная деятельность бывших фабрикантов и капиталистов (Борелля, Шмидта и других), которые после революции хоть и эмигрировали, но все же



Тюремное фото Адольфа Денинга, апрель 1945 г., Свердловск (из фондов ГААОСО).

влияли на население республики через родственников и знакомых. Все это «благоприятствовало культивированию среди населения Республики немецкой националистической идеологии, а после прихода к власти в Германии фашистов – и нацистских идей».

К лету 1939 г. вокруг Гекмана, Фрицлера, Корбмахера и Майера якобы сформировался руководящий центр антисоветской повстанческой организации. Работа штаба велась «в направлении создания повстанческих звеньев в различных районах». Так, директор одной из МТС Беккер стоял во главе потенциальных повстанцев кантона Добринка: во главе Мариентальского кантона стоял депутат Верховного Совета СССР Денинг, за кантон Марксштадт отвечал секретарь кантонального партийного комитета Идт и т. п.

Разумеется, в таком деле нельзя было обойтись без «агентов гестапо» и «немецкой разведки». На роль одного из них был определен Гуго Гупперт[78], который выдавал себя за антифашистского писателя. По версии же следователей он являлся «агентом гестапо и близко стоял к германскому правительству», подтверждением чему должен был служить следующий факт: когда Гупперт «во второй половине 1938 г.» во второй раз прибыл в республику немцев Поволжья, он привез с собой письмо немецкого руководства к контрреволюционной организации и передал его Гекману. По понятным причинам, оригинал не сохранился, так как после ознакомления был сразу же уничтожен. Но содержание письма Гекман запомнил и пересказал следствию. Это письмо содержало согласие немецкого правительства на полную поддержку целей антисоветской организации. Затрагивался также вопрос о форме

управления и государственной структуре республики немцев Поволжья после победы Германии. Немецкое население Поволжья должно было присоединиться к Рейху как специальный Поволжский район с центром в Саратове, где предполагалось восстановить частную собственность и кулацкие хозяйства, которые должны были получить землю за счет других поволжских областей.

В следственном деле появился, кроме того, «агент абвера» Гадроссек, который работал в Немецком государственном издательстве г. Энгельс, и представитель республики при Совете народных комиссаров РСФСР в Москве Герберт Франк, «который давно связан с антисоветской организацией и поддерживает одновременно связь с германским посольством». Франк обещал выяснить у германского правительства вопрос о поставках оружия для повстанческих групп. Далее в протоколе отмечено признание Гекмана в том, что

> …в 1940 г., примерно в первой половине, через Гадроссека стало известно о том, что вопрос вооружения получит свое разрешение следующим образом: будут выброшены в разных районах на территорию Республики Немцев Поволжья десантные части германской армии с соответствующим вооружением, и задача местного немецкого населения и организованных повстанческих групп заключается в том, чтобы поддержать эти десантные части и вместе с ними поднять вооруженное восстание и выступить с оружием в руках против Красной Армии.

Эти признания должны были служить оправданием августовского Указа. И все же следователей терзали сомнения. Необходимы были конкретные поступки, точные даты, документальные доказательства. Но здесь были лишь слухи и неопределенности, уничтоженные письма, неосуществленные намерения, никаких пойманных немецких агентов… По крайней мере, на вопрос следователя о «практической» подготовке к восстанию после нападения Германии на Советский Союз бывший глава правительства показал:

> Должен признать, что наш план подготовки вооруженного восстания и оказания помощи немецким войскам с тыла был сорван тем, что в конце августа месяца 1941 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о выселении граждан немецкой национальности из Поволжья в отдаленные районы Советского Союза, и благодаря этому своевременному мероприятию советского правительства нам не удалось осуществить своих преступных намерений.

Местным подручным показалось, что наступил момент праздновать успех, и они уже мечтали о государственных наградах и карьерах, которыми их вознаградят за разоблачение предательской организации. Но неожиданно столь «блестяще» организованное следствие застопорилось: 4 ноября 1945 г. руководство НКГБ по распоряжению заместителя наркома госбезопасности Богдана Кобулова взяло на себя дальнейшее следствие в связи с «особой важностью»[79]. К тому же показания Гекмана, Корбмахера, Фрицлера и Майера оказались «не убедительны, противоречивы и поэтому вызывали сомнения в их правдоподобности». Арестованные были переведены в Москву.

Это позволяло предположить, что готовится большой показательный процесс, на котором произойдет публичное осуждение вскрытого «предательства» социалисти-

ческой родины поволжскими и всеми российскими немцами. Но для реализации такого намерения требовались достоверные признания и вызывающие доверия доказательства. Строить процесс только на основе признательных свидетельств было рискованно, тем более что в московской тюрьме обвиняемые вновь отказались от выбитых из них показаний. Новое расследование поручили сотрудникам Следственного отдела по особо важным делам НКГБ СССР. Больше полугода длилась тщательная проверка, связанная с командировками в Свердловск и Красноярск, где были вновь допрошены десятки свидетелей. Все, что могло иметь отношение к этому процессу – богатые архивы госбезопасности, завершенные и текущие следственные дела, обширные персональные картотеки и др. – все подлежало тщательной проверке[80].

Так как эти серьезные усилия не привели к удовлетворительному результату, и не удалось найти никаких следов какой-либо повстанческой группы или фашистских диверсантов, то в окончательном обвинительном заключении от 12 июля 1946 г. значилось, что «принадлежность Корбмахера, Гекмана, Фрицлера и Майера к антисоветской повстанческой организации не подтвердилась»[81]. Чтобы не осрамиться полностью и избежать возможной ответственности за безуспешность следствия, длившегося более двух лет, следственные работники прибегли к проверенному средству и, недолго думая, обвинили подследственных в том, что они «высказывали среди трудмобилизованных немцев националистические настроения и свою озлобленность против Советского правительства». В сравнении с первоначальными, «тянувшими» на расстрел обвинениями (измена родине, шпионаж, руководство повстанческой контрреволюционной организацией и т. д.), приговор ОСО при наркоме ВД – четыре года лишения свободы каждому за «антисоветскую агитацию» – прозвучал почти как оправдание[82].

Реабилитация в хрущевский период

Согласно правительственному распоряжению от 8 января 1945 г. об улучшении учета и контроля за депортированными народами, в областях «поселений» были созданы спецкомендатуры. Там немцы должны были регистрироваться и в течение трех дней заявлять обо всех изменениях в численности семьи (смерть, побег, рождение и проч.). Они не могли покидать место жительства без разрешения коменданта[83].

В 1945–46 гг. начался постепенный роспуск трудовых колонн и перевод «немецкого особого контингента» в постоянный штат предприятий или строительных организаций, где они работали во время войны. Им разрешили, если позволяли условия жизни, привезти к себе семьи или, если соглашалось руководство предприятия и спецкомендатура, возвратиться на место принудительного поселения. Воссоединение семей длилось многие годы и завершилось, в целом, лишь во второй половине пятидесятых годов[84]. Режим спецпоселений был заметно ужесточен в связи с выходом Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., который объявил ссылку «наказанных» народов «постоянной» и предусматривал за побег из мест поселения 20 лет принудительных работ в лагере[85].

В этих условиях просьбы лагерных узников о пересмотре их приговоров были безуспешными. Так, 2 мая 1946 г. заключенный Андреас Бейль обратился с жалобой в ОСО при Министре внутренних дел, в которой он объяснил свои прежние показа-

ния как результат противозаконных действий следственных органов. Проверку фактов поручили тому же самому следователю, капитану НКГБ Свердловской области Тетенку, который ранее вместе с другими сотрудниками вел это дело. 10 февраля 1947 г. он составил обоснование, в котором, естественно, отвергал эти «безосновательные» утверждения и предлагал ОСО отклонить просьбу Бейля[86].

Вскоре после смерти Сталина началась медленная реабилитация, первоначально ограниченная представителями бывшей элиты и некоторыми группами населения, пострадавшими в поздние 40-е – ранние 50-е гг. Наиболее последовательным при проведении этой политики оказался Берия, который и предложил реформировать систему ГУЛАГа[87]. В отношении российских немцев он также проявил удивительную гибкость. 8 мая 1953 г. Берия распорядился разослать членам Президиума ЦК КПСС анонимное письмо спецпоселенца, в котором в резких выражениях было обрисовано дискриминированное положение российских немцев. Берия заметил, что перед лицом «государственного значения этого вопроса» руководимое им МВД провело «проверку положения спецпоселенцев» и подготовило некоторые предложения для обсуждения в ЦК[88]. Осторожная десталинизация шаг за шагом улучшала положение депортированных народов: 5 июля 1945 г. Совет Министров СССР принял распоряжение «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев». Согласно документу, дети до 16 лет были освобождены от обязательной регистрации[89]. Несколькими днями позднее отменили указ от 26 ноября 1948 г., по которому побег из мест спецпоселений наказывался заключением на срок 20 лет. «Не переселенные» во время войны немцы, которые до 1941 г. жили в восточных областях страны, а также оставшиеся в ссылке кулаки 13 августа 1954 г. были освобождены от обязательного комендантского учета. Это же коснулось и тех членов партии и членов их семей, которые, согласно указанию Президиума ЦК от 9 мая 1955 г., стали считаться свободными гражданами. По указанию Совета Министров от 24 ноября того же года от надзора были освобождены также учителя, участники Великой Отечественной войны, люди, награжденные орденами и медалями, а также члены их семей. В марте 1955 г. Совет Министров разрешил выдачу паспортов спецпоселенцам и их призыв на вооруженную службу, начиная с призывников 1936 г. рождения. В конце концов, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 13 декабря 1955 г. упразднил статус «спецпоселенца» для немцев[90].

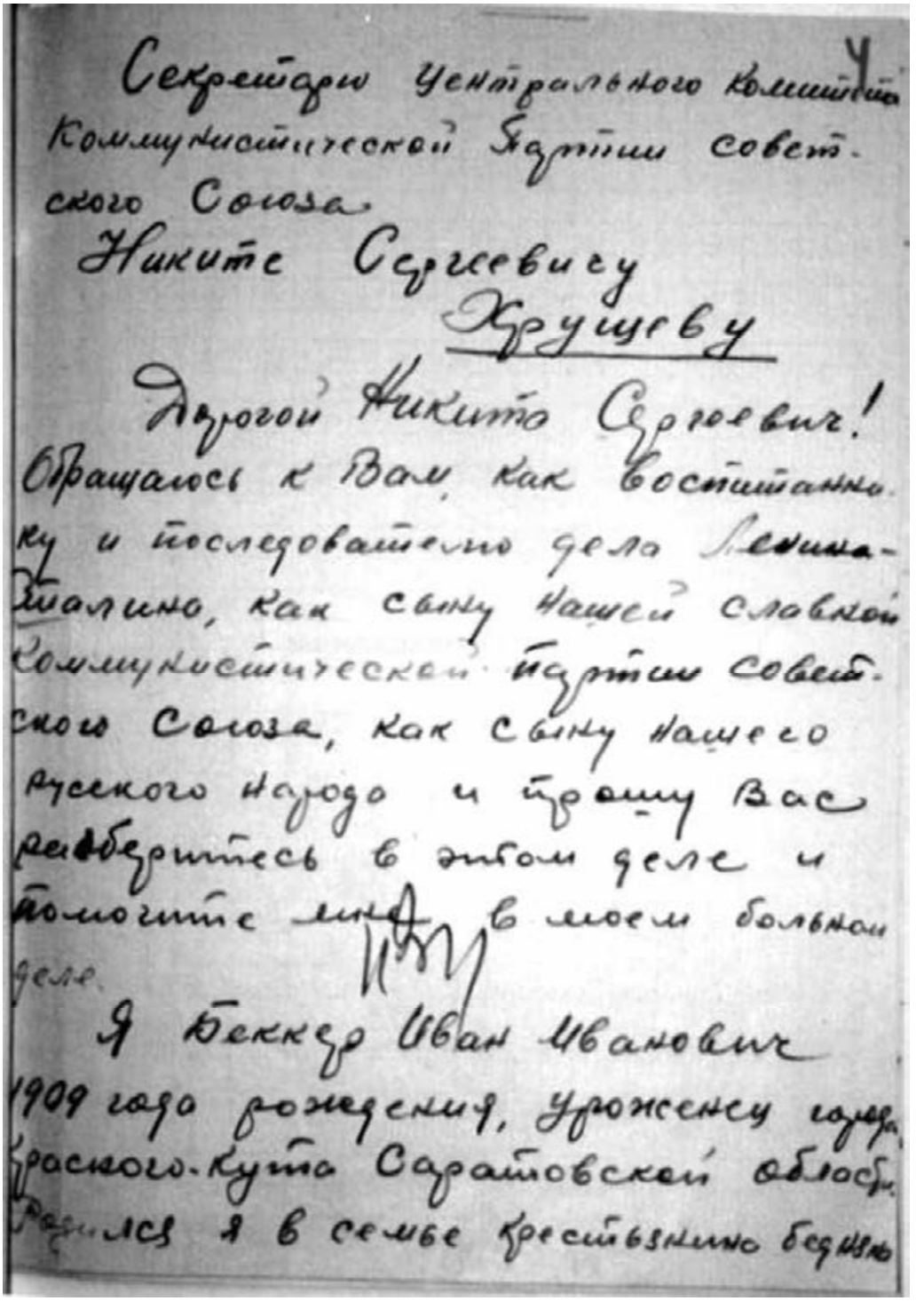
Широко распространенное мнение, что декабрьский Указ появился в результате визита в Москву федерального канцлера Конрада Аденауэра в сентябре 1955 г., представляется слишком поверхностным. Последовательная ликвидация административных ограничений для некоторых национальных или социальных групп оказалась более связана с общей тенденцией развития послесталинского общества, и было лишь вопросом времени, когда эта тенденция охватит и немцев. Комиссия ЦК партии уже в апреле 1953 г. в письме члену Политбюро Георгию Маленкову предлагала осуществить значительное облегчение положения спецпереселенцев[91]. Несмотря на то, что все эти указы и распоряжения были весьма важными для спецпоселенцев, не могло быть и речи о полном восстановлении их в правах. На немцах, так же как и на других депортированных народах, по-прежнему лежала «печать» предателей отечества[92]. И лишь потому, что ограничение в правах этих людей не считалось больше «необходимым», состоялось своего рода правительственно-бюрократическая амнистия. В правильности мероприятий депортации во время войны, по мнению наследников Сталина, сомневаться не приходилось. Об этом недвусмысленно говорилось

в Указе от 13 декабря 1955 г., где объяснялось, что сосланные «не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены», и что ликвидация статуса спецпоселенца «не влечет за собой возвращение имущества, конфискованного при выселении»[93]. «Осчастливленные» немцы должны были письменно отказаться от намерений вернуться и от имущественных требований. Тот, кто в «либеральное» хрущевское правление или позднее настаивал на этом, сразу же обвинялся в антисоветской агитации и пропаганде со всеми вытекавшими из этих обвинений последствиями.

С упразднением 1 сентября 1953 г. ОСО при министре ВД СССР (с марта 1946 г. народные комиссариаты были переименованы в министерства) прокуратура и Верховный Суд СССР получили право перепроверять показания и жалобы приговоренных. В одном из писем, направленных в декабре 1953 г. Хрущеву, министр внутренних дел Круглов и генеральный прокурор СССР Руденко предлагали проверять лишь следственные дела, заведенные с июня 1945 г., так как решения Особого Совещания, принятые во время войны, служили «потребностям военного времени», а довоенные полномочия этого ведомства не имели большого значения[94]. Основываясь на этой позиции, Центральная Комиссия по пересмотру дел осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении[95], 27 сентября 1954 г. отклонила просьбы заключенных Ивана (Иоганна) Беккера и Рудольфа Германа о пересмотре их приговоров. Сотрудник министерства внутренних дел, которому поручили вести дело по пересмотру, повторил обвинения слово в слово, как они были сформулированы в обвинительном акте: участие приговоренных в 1945 г. немцев в антисоветской повстанческой организации и их «злостная антисоветская агитация» среди принудительно мобилизованных[96]. Центральные и местные комиссии до 1 апреля 1955 г. приняли к рассмотрению следственные дела на 237.412 человек, из них 125.202, то есть 53 процента обратившихся, получили отказ[97].

Запущенный процесс реабилитации, использованный Хрущевым как средство внутрипартийной борьбы за власть, постепенно набирал силу. Ускорение рассмотрения дел было следствием изменения, введенного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 г., согласно которому военные трибуналы, Верховные суды союзных республик и Президиумы Верховных судов автономных республик или областные и региональные суды получили право пересматривать приговоры Особого Совещания с согласия ответственного прокурора[98].

В этой неясной для посторонних людей ситуации, отягощенной для немцев статусом спецпоселенцев, перспективу отмены неправедных приговоров имели, прежде всего, те дела, по которым проходили бывшие члены партии. Они должны были, как правило, до войны входить в партийный или советский аппарат, активно участвовать в установлении и защите советской власти и, несмотря на пребывание в заключении, оставаться верными коммунистическим идеалам. Им не следовало никаким образом выражать свое отношение к проблеме ликвидации республики немцев Поволжья или к положению немцев, они должны были демонстрировать приверженность актуальной политической линии партии и не скупиться на похвалу в отношении первого секретаря и других руководителей партии. В качестве такого примера может служить дело в отношении Ивана Беккера. Его направленное в адрес Хрущева письмо[99] начинается следующим образом: «Дорогой Никита Сергеевич! Обращаюсь к Вам как воспитаннику и последователю дела Ленина-Сталина, как сыну нашей славной Коммунистической партии Советского Союза». Затем он подробно



Секретарю Центрального Комитета
Коммунистической Партии совет-
ского Союза
Никите Сергеевичу
Хрущеву

Дорогой Никита Сергеевич!
Обращаюсь к Вам, как воспитанни-
ку и последователю дело Ленина-
Сталина, как сыну нашей славной
Коммунистической партии совет-
ского Союза, как сыну нашего
русского народа и прошу Вас
разберитесь в этом деле и
помогите мне в моем больном
деле.

Я Беккер Иван Иванович
1909 года рождения, уроженец города
Краского-Кута Саратовской области.
Родился я в семье крестьянина бедняка

Письмо бывшего заключенного Ивана Беккера Никите Сергеевичу Хрущеву, 13 июня 1955 г.

описывает биографию своего отца, бедного крестьянина, который во время гражданской войны сражался под командованием «прославленного полководца» Ворошилова. Сам автор письма, родившийся в 1909 г., с 1931 г. работал в органах НКВД и даже какое-то время руководил районным отделением внутренних дел: «На этой работе я был достаточно проверен как настоящий справедливый чекист, охраняющий интересы нашей партии Ленина-Сталина по уничтожению внутренних врагов народа, за что неоднократно имел благодарности и награды…» В трудовом лагере Ивдель он занимал руководящие посты, на которых, как он считал, «сохранил честь члена партии». Тем большим потрясением для него был арест в мае 1945 г. и приговор к десяти годам в лагере за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Теперь он обвинял своего следователя в нарушении закона и характеризовал следствие над ним как дело рук помощников «врага народа» Берии: он не чувствовал себя преступником, но ему было «стыдно и по сей день, что я опозорил своим арестом нашу славную коммунистическую партию. […] Мне стыдно перед моими родителями, которые своей кровью завоевали для меня такую прекрасную родину». Письмо заканчивается личной просьбой Хрущеву: «Помогите мне стать снова полноценным строителем нашего коммунистического общества!».

Это письмо, написанное выспренним тоном и напичканное соответствующими идеологическими штампами, оказало требуемое воздействие: жалобе Беккера уделили особое внимание, так как она находилась на контроле ЦК КПСС[100]. Дополнительным мотивом для рассмотрения всех обстоятельств стала жалоба Рудольфа Германа, который также был осужден по этому уголовному делу. В письме от 25 ноября 1955 г. он обвинял тогдашнего руководителя Управления госбезопасности Свердловской области Тимофея Борщева в том, что к подозреваемым применяли меры физического воздействия и принуждали оговаривать себя и других. Как раз в это время против Борщева было заведено уголовное дело и дополнительные факты были важны для обвинения[101].

Сотрудники Свердловского областного управления КГБ провели основательную проверку этого дела, которая выразилась, главным образом, в новых допросах оставшихся в живых обвиняемых и свидетелей. Все они единодушно отрицали показания, данные в прошлом. Далее проверяющие инстанции занялись другими делами, которые имели связь с указанным случаем. Майор КГБ Морозов, которому была поручена проверка, констатировал 26 апреля 1956 г., что признательные показания Александра Гекмана в организации антисоветской повстанческой организации и признания некоторых проходивших по этому же делу и осужденных по другому уголовному делу, были получены при помощи пыток.

Кроме того, были допрошены пятеро бывших сотрудников органов госбезопасности, которые вели допросы по этому групповому делу в 1945 г. Они упорно отрицали все предъявленные им обвинения и не могли ничего сказать о сфальсифицированных или уничтоженных протоколах, выбитых показаниях, угрозах оружием, незаконных методах ведения следствия и проч. в связи с «давностью лет» и «слабостью памяти». Один из них, Юрий Мавричев, все же признал, что он воздействовал на Беккера при помощи ночных допросов и оскорблял его «как человека немецкой национальности»[102]. Естественно, в то время не могло быть и речи о серьезном разбирательстве с преступниками в органах следствия, не говоря уже о привлечении их к судебной ответственности. И все же областной суд предложил в «частном определении» принять меры партийного и административного взыскания по отношению к этим сотрудникам госбезопасности[103].

После того, как материалы дополнительного следствия были переданы в прокуратуру, государственный обвинитель потребовал пересмотра решения Особого Совещания при народном комиссаре ВД от 15 декабря 1945 г. Как последняя инстанция, президиум Свердловского областного суда рассмотрел дело и 20 июня 1956 г. отменил приговор, вынесенный в отношении Адольфа Денинга, Ивана Беккера, Андреаса Бейля, Виктора Мая, Рудольфа Германа и еще 15 человек «за отсутствием состава преступления»[104].

Секретный доклад Никиты Хрущева на XX съезде КПСС в феврале 1956 г., который хоть и фрагментарно, но все же наглядно обрисовал масштаб сталинских преступлений, дал дополнительный импульс «восстановлению социалистической законности». Советская практика реабилитации имела свои пределы и специфику: до 1989 г. проверка осуждений по политическим делам инициировалась со стороны прокуратуры только тогда, когда поступало заявление заинтересованных в их пересмотре лиц. Если в ходе такого пересмотра объявлялись невиновными и другие проходившие по делу фигуранты, они не получали об этом никаких известий, так что многие лишь в 90-е гг. узнали, что они или их близкие уже давно реабилитированы. Чтобы дополнительно скрыть масштабы террора, в инструкции КГБ № 108 сс (то есть «совершенно секретно») предписывалось указывать дату смерти заключенного в любой период между арестом и последующими десятью годами заключения; такой же произвол царил и в отношении указания причин смерти. Эта сфальсифицированная информация давалась лишь тогда, когда члены семьи требовали выдать свидетельство о смерти[105]. Тем не менее с 1954 по 1961 гг. были реабилитированы 737.182 человек. После снятия Хрущева в 1964 г. процесс реабилитации замедлился, так что в ходе последующих 25 лет (1962–1987) лишь 157.055 граждан узнали об отмене сфальсифицированных обвинений и приговоров[106].

Вдохновленные изменениями в политической жизни, некоторые бывшие узники потребовали прямой отмены несправедливых приговоров и, не смущаясь, провели следующие полные упрека параллели:

> Враги народа, которые действительно совершили перед Родиной преступления (изменники, полицаи, старосты), эти получили освобождение, а я, который в мыслях не держал плохого о советской власти, и не совершил никакого преступления, вот уже [сколько] несправедливо мучаюсь и не вижу просвета…[107]

Правда, потребовались еще две жалобы проходивших по этому делу трудармейцев Артура Грюнера и Леонида Шварца, прежде чем началась проверка. 29 ноября 1957 г. Военный трибунал Уральского военного округа направил в прокуратуру опротестование и отменил решение особой коллегии от 3 февраля 1943 г. со следующим обоснованием: «Обвинение их в контрреволюционных преступлениях объективными данными не доказано и дополнительной проверкой не подтверждено»[108].

На вопрос о судьбе ее пропавшего мужа вдова главного обвиняемого Теодора Траутвейна получила ответ, что он «в 1943 году был осужден на 10 лет ИТЛ и, находясь в заключении, умер 26 июля 1943 года». В действительности его приговорили к расстрелу и привели приговор в исполнение 26 февраля 1943 г.[109]. За убитого мужа Мария Траутвейн в конечном итоге получила компенсацию в размере двух месячных зарплат!

Границы политики реабилитации особенно очевидны в случаях принудительного переселения или ссылки, которые проводились без приговора суда или без решения Особого Совещания. Эти действия не подверглись никакому юридическому пересмотру, а материальный ущерб не подлежал возмещению. Конфискационные меры, принимавшиеся в ходе коллективизации сельского хозяйства, депортаций или ссылок 30-х – 40-х гг., отправка в трудовой лагерь – все эти и другие преступления нельзя было опротестовать.

Резюме

Следствие против бывшего руководства республики немцев Поволжья, с огромными усилиями проведенное в 1946 г. центральным аппаратом госбезопасности, не смогло доказать существования «повстанческой организации» с «десятками тысяч фашистских диверсантов и шпионов» среди немцев. Однако этот факт не привел к отмене указов от 28 августа и 7 сентября 1941 г. и к восстановлению автономии. Напротив, указание на ее существование, еще сохранявшееся в союзной Конституции, было полностью устранено во время принятия изменений в 1947 г.[110]. Даже реабилитация, начавшаяся после смерти Сталина, не изменила положения вещей, хотя большинство приговоров по процессам этого рода были отменены в конце 50-х – начале 60-х гг.[111].

Для советского руководства явная или скрытая германофобия стала составным элементом внутренней и внешней политики, средством стабилизации послевоенного общества. Этой политике препятствовало бы существование немецкой автономной республики, где бы она ни находилась. Данное обстоятельство в значительной мере объясняет жесткий отказ партийных и правительственных инстанций допустить полную реабилитацию российских немцев. По этой причине Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года» были изъяты лишь обвинения в активной поддержке гитлеровской Германии, но в территориальном и материальном возмещении ущерба было отказано[112]. На чисто формальный характер этого правового акта даже в отношении политической реабилитации указывает тот факт, что этот документ практически не упоминался ни в советских СМИ, ни в учебниках, ни в специальной литературе.

Немцы СССР стали жертвами государственной идеологии, последствия чего ощущаются до сих пор.

Перевод с немецкого Ольги Никоновой

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Эта статья была написана в рамках проекта «Трудармия: российские немцы в советской трудовой армии и в сталинских лагерях в 1941–46 гг.», финансировавшимся Фондом Фольксвагена.

[2] Подробнее о советской военной пропаганде и ее влиянии на русских немцев говорится в моей монографии «Trudarmija. Die russlanddeutschen Zwangsarbeiter in der sowjetischen Kriegswirtschaft 1941–1946», подготовленной к печати.

[3] Поверните оружие против банды гитлеровских убийц! Голос крестьян республики немцев Поволжья // Правда. 1941. 15 июля. Опубликовано также в: Красная Звезда. 1941. 15 июля.

[4] Правда. 1941. 14 июля, 5 августа; Комсомольская правда. 1941. 14 августа.

[5] РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 125. Д. 52. Л. 30–35, 39–42, 46, 84.

[6] Цитируется по.: *Detlef Brandes:* Von den Verfolgungen im Ersten Weltkrieg bis zur Deportation // Gerd Stricker (Hrsg.): Russland. Deutsche Geschichte im Osten Europas. – Berlin, 1997. S. 209. Тему российских немцев на оккупированных территориях подробно рассматривает Ингеборг Фляйшхауер. См.: *Ingeborg Fleischhauer:* Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. – Stuttgart 1983.

[7] См. литературу по преследованиям и репрессиям причерноморских немцев в советское время: Німці в Україні 20–30-ті рр. XX ст. Збірник документів державних архівів Україні. – Київ, 1994; *Viktor Иencov/Nikolaj Romanec:* Tragische Schicksale: Ein Kapitel aus der Geschichte der Repressionen gegen die deutsche Bevölkerung der Ukraine // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen, Bd. 7. – Essen, 1997. S. 43–52; *В. Ченцов.* Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-е – 1930-е годы. – М., 1998; *Н. Охотин, А. Рогинский*. Из истории немецкой операции НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. – М., 1999. S. 35–75.

[8] *В. Гергерт.* Мечта и грешная земля. – Пермь, 1994. С. 33 и др.; *И. Шульга*. Изъятие из рядов Красной Армии военнослужащих немцев в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Немцы России в контексте отечественной истории: Общие проблемы и региональные особенности. – М., 1999. С. 347–358.

[9] Взгляды подобного рода питались опытом советско-польской войны и присоединения балтийских государств и Бессарабии в 1939–40 гг. Даже принесший колоссальные потери поход против Финляндии и откровенный отказ со стороны финского населения и его военных поддержать «освобождение от империалистического ига» мало что изменила в этой позиции. См. об этом: *В. Невежин.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганды в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. – М., 1997, особ. С. 67 и др.; *В. Токарев*. Советское общество и польская кампания 1939 г.: «романтическое ощущение войны» // Человек и война. Война как явление культуры. – М., 2001. С. 399 и др.

[10] Цитируется по: *Б.И. Николаевский.* Тайные страницы истории. – М., 1995. С. 204.

[11] Примеры такой риторики можно найти в передовице «Правды»: «Беспощадно истребляя фашистское зверье». (1942. 3 января).

[12] Текст приказа см.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Книга 1: Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. – М., 2000. С. 521–525. Фотокопия решения Политбюро № 35/1 от 26 августа 1941 г. находится в архиве исследовательского центра по истории и культуре немцев в России в университете Гейдельберга. См.: Archiv Forschungsstelle Deutsche in Russland – AFDiR), Bestand «Nachlass Wolter», Ordner 2.

[13] Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. Nr. 38. Цитируется по: Alfred Eisfeld/Viktor Herdt (Hrsg.): Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956. Köln 1996. S. 54f.

[14] См. подробнее о депортации в: Немцы России. Энциклопедия. Т. 1 (А–И). – М., 1999. С. 696–703; см. также «Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). – М., 1995. Немецкий перевод важнейших решений и приказов см. в: *Eisfeld/Herdt* (прим. 12), особенно С. 48–133.

[15] *А. Герман.* История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. – М., 1996. С. 240–242.

[16] ГАРФ (Государственный Архив Российской Федерации). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 266–271; Депортации народов (прим. 13). С. 171 и др.

[17] В официальных сборниках законодательных постановлений в конечном итоге приказ о разделении автономной республики немцев Поволжья от 7 сентября 1941 г. все же был опубликован, например см.: Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944. – М., 1945. С. 80 и др.

[18] Из истории немцев Казахстана. 1921–1975 гг. Сборник документов. – Алматы, М., 1997. С. 102 и др.

[19] См. передовую статью «Семья народов СССР – единый нерушимый лагерь» // Правда. 1941. 29 декабря.

[20] «О враждебных действиях немцев-переселенцев» // Из истории немцев Казахстана (прим. 17). С. 107–108..

[21] К примеру: Немецкие зверства. – Горький, 1942; *А. Резанов.* Немецкие зверства. – Петроград, 1915 (два издания).

[22] Немецкий шпионаж в царской России. Сборник документов. – М., 1942. С. 14, 17; Предисловие опубликовано отдельным изданием, см.: *И. Никитинский, П. Софинов*. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914–1918 гг. – М., 1942. Этот сборник документов, без всякой критической проверки фактов, послужил основанием для дальнейших изданий о немецком шпионаже в России во время Первой и Второй мировых войн: *И. Никитинский, П. Софинов.* Немецкий шпионаж в царской России. – Саратов, 1942; *И. Никитинский.* Гитлеровский шпионаж. – М., 1943 и др. Последняя книга вышла тиражом в сотни тысяч экземпляров.

[23] *А. Дементьев.* Реакционная роль немцев в истории России. – Л., 1943; *Он же.* Русские писатели в борьбе против немецкой реакции и агрессии // Великие идеи патриотизма в творчестве русских классиков. – Л., 1944. С. 39–75. За указание на эту литературу я признателен московскому историку Сергею Нелиповичу.

[24] См.: *Carola Tischler:* Flucht in die Verfolgung. Deutsche Emigranten im Sowjetischen Exil 1933 bis 1945. – Münster und Hamburg 1996. S. 167; *Barry McLoughlin/Hans Schafranek/Walter Szevera:* Aufbruch, Hoffnung, Endstation. Österreicherinnen und Österreicher in der Sowjetunion 1925–1945. – Wien, 1996, bes. S. 562–573; *Wolfgang Leonhard:* Die Revolution entlдsst ihre Kinder. Köln, 1990. S. 195ff.

[25] «О трудовом и хозяйственном устройстве спецпереселенцев, расселенных в Красноярском крае», 25 мая 1943 г. См.: ГАРФ. Ф. 9479, оп. 1. Д. 133. Л. 330–332, 337.

[26] ГААОСО (Государственный архив административных органов Свердловской области). Ф. 1. Оп. 2. Д. 32338. Т. 1. Л. 58 (дело на Давида Деринга, Генриха Метцгера и др.).

[27] *А. Герман, А. Курочкин:* Немцы СССР в «трудовой армии» (1941–1945). – М., 1998. С. 48.

[28] Ивдельлаг был организован в августе 1937 г. в Свердловской области в местечке Ивдель (с 1943 г. – город Ивдель) для заготовки леса. К 1 января 1943 г. здесь находились 12.266 принудительно мобилизованных немцев и 16.020 заключенных, год спустя соотношение выглядело как 5.613 к 14.166. Сокращение численности принудительных рабочих было следствием их перемещения, возраставшей смертности и преждевременного освобождения из-за потери сил. В начале января 1945 г. в лагере насчитывалось еще 5.613 немцев, занятых принудительным трудом. См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960. Справочник. – М., 1998. С. 106; *Герман/Курочкин* (прим. 26):. С. 167.

[29] Богословский лагерь (Богословлаг, Басстрой, Богословский ИТЛ) был сооружен в ноябре 1940 г. в Свердловской области в местечке Туринские рудники (позднее Краснотурьинск) для строительства алюминиевого комбината. К 1 января 1943 г. здесь находились 12.683 принудительно мобилизованных немцев и 10 864 заключенных, год спустя соотношение было 8.871 к 12.891. Причиной сокращения «трудармейцев» была высокая смертность в 1943 г. В начале января 1945 г. еще 8603 немцев прозябали в лагере. См.: Система исправительно-трудовых лагерей (прим. 27),. С. 172 и др.; *Герман/Курочкин* (прим. 26). С. 166.

[30] *Н. Бугай* (ред.): «Мобилизовать немцев в рабочие колонны…». *И. Сталин.* Сборник документов (1940-е годы). – М., 1998. С. 52.

[31] *Шульга* (прим. 7). С. 352.

[32] *Бугай* (прим. 29). С. 39–49. Перевод на немецкий язык важнейших постановлений см. в: *Eisfeld/ Herdt* (прим. 12). С. 151–158, 182 и др.

[33] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1157. Л. 96.

[34] О судьбе, прежде всего, женщин, мобилизованных на принудительные работы, см. статью Нины Вашкау «Трудовая армия и спецпоселение. Судьба российских немцев в 1941–1945 гг.» в данном сборнике.

[35] ГУЛАГ – Главное управление лагерей – имеет два значения. Первое – учреждение, главное управление, находившееся в Москве. Второе - это система или «Архипелаг Гулаг», как ее обозначил Солженицин. Во втором случае подразумевается советская система лагерей как таковая. Место отбывания наказания официально называлось «исправительно-трудовой лагерь» - ИТЛ. Это название не означало, что в лагере придавалось значение перевоспитанию. В этой статье термин «исправительный лагерь» используется для заключенных, которые отбывали уголовные наказания. Для принудительно мобилизованных без приговора суда используется термин «трудовой лагерь».

[36] ГУЛАГ в годы войны. Доклад начальника ГУЛАГа НКВД СССР В.Г. Наседкина. Август 1944 г. // Исторический архив. 1944. № 3. С. 60–86; здесь С. 71.

[37] О задачах, организации и полномочиях госбезопасности до и во время войны см.: *А. Кокурин, Н. Петров.* Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1960.Справочник. – М., 1997; *Ralf Stettner:* «Archipel GULag»: Stalins Zwangslager – Terrorinstrument und Wirtschaftsgigant. Entstehung, Organisation und Funktion des sowjetischen Lagersystems 1928–1956. – Paderborn u.a. 1996; *Nikita Petrov:* Die Rolle der Organe der Staatssicherheit (OGPU-NKVD) in der UdSSR in den 1930er und 1940er Jahren. In: Dittmar Dahlmann/Gerhard Hirschfeld (Hrsg.): Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung und Deportation. Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945. – Essen, 1999. S. 187–205.

[38] Приказ НКВД № 00149 от 7 февраля 1940 г. «Об агентурно-оперативном обслуживании исправительно-трудовых лагерей-колоний НКВД СССР» // *А. Кокурин, Н. Петров.* ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960. – М., 2000. С. 494–497. При помощи ходового эвфемизма «оперативно-чекистское обслуживание» прикрывалась тайная деятельность органов госбезопасности.

[39] Цитируется по: *Герман/Курочкин* (прим. 26). С. 145.

[40] Подсчитано по: *Герман/Курочкин* (прим. 26). С. 67; ГУЛАГ в годы войны (прим. 35). С. 74 и др. В организованной системе доносительства так называемые резиденты играли важную роль. Это были информанты, как правило – члены партии, которым доверяли органы госбезопасности и которые имели прямой выход на их вышестоящих командиров. Они руководили и координировали деятельность многих осведомителей, готовили «аналитические» отчеты и были для службы безопасности особенно важным информационным источником.

[41] ГАРФ. Ф. 9479, оп. 1. Д. 107. Л. 76.

[42] Там же. Л. 80.

[43] Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» предусматривает, что следственные дела обвиняемых в совершении политических преступлений должны быть доступны общественности. С тех пор часть этих документов – архивно-следственные дела – были переданы в государственные архивы. Данное исследование основывается на анализе документов предварительного следствия. Информация агентов, т.е. осведомителей и секретных сотрудников, которая собственно и вела к возбуждению уголовного дела, осталась в архивах КГБ в закрытом доступе. Дополнительно существовали еще личные дела заключенных, которые документировали отбывание срока заключения. Эти персональные дела находятся, как правило, в ведомственном архиве Министерства внутренних дел и поэтому, подобно документации осведомителей, практически недоступны общественности. Органы госбезопасности или милиция следили за некоторыми заключенными после их освобождения и заводили на них так называемые наблюдательные дела. В некоторых случаях к ним прилагались документы из следственного дела. Нередко существование таких документов отрицается должностными лицами. Полное личное дело одного из известных западных заключенных с параллельным переводом на немецкий язык тем не менее удалось опубликовать. См.: *Stefan Karner* (Hrsg.): Geheime Akten des KGB: «Margarita Ottilinger». – Graz, 1992.

[44] *П. Кнышевский:* Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53–65, здесь С. 55. Определения параграфов 58 и 59 переведены на немецкий и откомментированы. См.: *Wilhelm Gallas* (Hrsg.): Strafgesetzbuch der Russischen Sozialistischen Föderativen Sowjet-Republik vom 22. November 1926 in der am 1. Januar 1952 gültigen Fassung mit Nebengesetzen und Materialien. – Berlin, 1953. S. 16–24.

[45] *Кокурин, Петров* (прим. 37). С. 128 и др.

[46] Бакаллаг, располагавшийся недалеко от регионального центра Челябинск на Урале и сооруженный для строительства важнейшего предприятия черной металлургии, был в августе 1942 г. переименован в Челябметаллургстрой НКВД СССР. Только в феврале, марте и апреле 1942 г. наркомат внутренних дел направил сюда 23 384 немца и превратил эту стройку в огромный лагерный комплекс, который в ходе войны стал самым крупным объектом, на котором были заняты принудительным трудом мобилизованные немцы. См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172. Л. 2.

[47] *Г. Вольтер:* Зона полного покоя: российские немцы в годы войны и после нее. Свидетельства очевидцев. – М., 1998, начиная со стр. 121, прежде всего глава «Между жизнью и смертью». С. 136–177. Это потрясающее собрание свидетельств многочисленных собратьев по мукам автор собрал и опубликовал, опираясь и на собственный опыт пребывания в этом лагере. Собранные им документы и воспоминания находятся в: AFDiR (прим. 11), Bestand «Nachlass Wolter», Ordner 1 und 2.

[48] AFDiR. Bestand «Arbeitsarmee», Ordner 13: Сообщение Фридриха Шнейдера.

[49] В ноябре 2000 г. я получил твердый отказ в доступе к фондам Центрального архива ФСБ в Москве для исследования данной тематики.

[50] Яков Мюллер обладал «подходящим» социальным происхождением и безупречной биографией сельского пролетария и был типичным представителем нового, молодого слоя функционеров сталинской закалки в республике немцев Поволжья, которые отличались безусловной поддержкой господствующего политического режима. Его политическая и профессиональная карьера практически не отличается от биографий других советских современников, которые с конца 20-х гг. сотнями тысяч поступали в советские учебные заведения и нередко становились активистами. В период прохождения службы в Красной Армии они поддерживали действия советского государства, вступали в партию во время или после службы. В годы террора 1937/38 гг. они воспользовались неожиданными возможностями карьерного роста. Губительным для Мюллера оказался только тот факт, что он во время войны с Германием оказался немцем. Родившийся в 1907 г. в деревне Диттель в семье середняка, он работал в возрасте 17 лет грузчиком на мельнице и какое-то время помощником тракториста, затем с 1927 по 1929 г. посещал совпартшколу. Отслужив два года в Красной Армии, он вступил там в 1931 г. в партию. Потом последовала трехлетняя учеба в «кузнице» немецких функционеров – Коммунистической высшей школе сельского хозяйства в г. Энгельс. С 1935 г. он в партийном комитете кантона Краснояр, сначала работая инструктором, затем вторым секретарем, и наконец с 1938 г. до сентября 1941 г. первым секретарем кантонной организации ВКП(б). В ссылке он вместе с некоторыми другими кантональными высшими руководителями очутился в деревне Володаровка, центре Айртавского района, Северо-Казахстанской области. Оттуда он был направлен в январе 1942 г. в лагерь принудительного труда. См.: ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 1600. Л. 234–235.

[51] Александр Симон родился в 1892 г. в деревне Блюменталь Запорожской области на Украине. Он был беспартийный и окончил только начальную школу. Тот факт, что отец Симона имел собственную мясную лавку, а он сам в 1919 г. служил в «белой» армии, сделало его «интересным» для госбезопасности и позволило оказывать на него давление. Протокол допроса Симона от 7 июня 1942 г. занимает 19 машинописных страниц. См. там же. Л. 190–208.

[52] Дальнейшие цитаты, если не указано особо, взяты из документов пятитомного следственного дела «Яков Мюллер, Владимир Гартман, Георг Гааг и др.». См: ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 1600, 1602.

[53] Теодор Траутвейн был осужден по другому уголовному делу.

[54] Цитируется дословно по тексту обвинения. См.: ОГАЧО. Ф. R-467. Оп. 3. Д. 1602. Л. 281–308.

[55] См: ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 2160–2164 (Дело Теодора Траутвейна, Александра Роота, Ивана Шпиндлера, Петера Мюллера и других 28 обвиняемых), этот процесс попал даже в отчет начальника ГУЛАГа В. Наседкина. См.: ГУЛАГ в годы войны (прим. 35). С. 77.

[56] Формулировку обвинительного заключения см.: ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 2162. Л. 288–318.

[57] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 32338, том 1 и 2 (следственное дело Давида Деринга, Генриха Мецкера и др.) . Аресты последовали в ноябре и начале декабря 1943 г., а уже 19 января 1944 г. следователь, старший лейтенант госбезопасности Копылов, составил текст обвинительного заключения.

Возможно, из-за перегруженности работой ОСО при наркоме ВД лишь 17 февраля 1945 г. приговорило обвиняемых к 10 годам заключения в ИТЛ.

[58] Баухауз – высшая школа строительства и художественного конструирования в Веймаре, позднее в Дессау (*прим. перев.*)

[59] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 31556 (следственное дело Эриха Борхерта и Гельмута Нолля). Эрих Борхерт [1907–1944] осенью 1929 г. закончил учебу в Баухаузе в Дессау и в феврале 1930 г. выехал в СССР. Несколько лет он работал в художественной и скульптурной мастерской треста «Малярстрой» (позднее Госотделстрой). На многочисленных выставках антифашистски настроенных художников он выставлял свои картины и графику. В 1933 г. в помещении Государственного музея современного западного искусства состоялась его персональная выставка. В июне 1938 г. Борхерт получил советское гражданство. До 25 декабря 1941 г. он жил в Москве, а затем был призван в строительный батальон № 671 на строительство алюминиевого комбината в Каменск-Уральске. Эрих Борхерт умер 25 сентября 1944 г. в Карлаге (Карагандинский ИТЛ). Военный трибунал Уральского военного округа 6 июля 1962 г. признал выдвинутые против него обвинения необоснованными и полностью его реабилитировал.

[60] Там же. Л. 36.

[61] ГУЛАГ в годы войны (прим. 35). С. 75.

[62] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 14092 (дело Фридриха Греца).

[63] О Богословлаге см. прим. 28. Последующее описание было реконструировано на основе многотомного следственного дела. См.: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 28234, тома 1, 1а, 2, 3, 4 (дело Александра Гекмана, Генриха Корбмахера, Фридриха Фрицлера и Иоганнеса Майера).

[64] Заверенные копии соответствующих допросов находятся в деле Генриха Корбмахера. См.: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 28234, том 2. Л. 88–95.

[65] Там же. Л. 85–86.

[66] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 208. Л. 187–189. Остается невыясненным вопрос, являлся ли статус депутата действительно препятствием для возбуждения дела в 1940-е гг. Тем не менее в 1942 г. Гекман принял участие в сессии Верховного Совета СССР. Для этой цели его отпустили на несколько дней в Москву из трудового лагеря (!).

[67] Генрих Корбмахер родился в 1905 г. в деревне Александерге Самарской губернии (после 1918 г. – кантон Мариенталь АССР немцев Поволжья) в семье поденщика. Какое-то время он работал конюхом, а с 1922 по 1929 гг. работал ремонтником на железной дороге. В 1928 г. вступил в партию и три года спустя уже был руководителем отдела Мариентальского, а с 1932 г. Ягодно-Полянского канткома партии. Затем последовала трехлетняя учеба в Высшей партийной школе сельского хозяйства в Энгельсе, которую он окончил в июле 1936 г. После этого он занял пост заместителя директора МТС по политработе в местечке Экгейм. В сентябре 1937 г. Корбмахер стал первым секретарем Красноярского кантона, а в апреле следующего года – третьим секретарем областного партийного комитета (посты первого и второго секретарей обкома АССР НП с 1938 г. занимали партийные кадры ненемецкой национальности). 4 сентября 1941 г. последовала высылка из Энгельса в район Усть-Абакан Красноярского края, где какое-то время Корбмахер работал в колхозе, а с декабря 1941 г. страховым агентом. 19 января 1942 г. Корбмахера исключили из партии на основании обвинения в «присвоении государственного имущества». В конце января 1942 г. он был призван в трудовую армию и отправлен в Богословлаг. См.: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 28234, том 2. Л. 15–16.

[68] Там же. Том 2, конверт.

[69] Александр Гекман (1908–1994) родился в городе Бальцер Саратовской губернии (после 1918 – кантон Бальцер АССР немцев Поволжья) в семье каменщика. Хотя его мать была верующей, Гекман был убежденным сторонником большевистской идеологии: в 1922 г. он вступил в комсомол и принимал активное участие в создании пионерской организации в кантоне. В 1926 г. он переехал в Саратов и закончил рабфак, после этого поступил в Саратовский институт механизации сельского хозяйства. Важнейшие рубежи его политической карьеры приходятся на 1929–30 гг., когда он принял участие в коллективизации и раскулачивании в кантоне Франк. Два года он был руководителем комсомольской организации института. В 1930 г. Гекман вступил в коммунистическую партию. В 1934 закончил институт и получил профессию инженера-энергетика, затем работал в наркомате земледелия. В августе 1937 г. Гекман стал народным комиссаром легкой промышленности.

Он недолго пробыл в этой должности, и с февраля 1938 г. занял пост второго секретаря областного партийного комитета. Несколькими месяцами позднее, в июне, он был назначен главой Совнаркома республики. С 1938 по 1944 г. Гекман исполнял обязанности депутата Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, и одновременно – заместителя председателя Президиума Верховного Совета РСФСР. В связи с его «антисоветским» поведением – после объявления о высылке он начал «демонстративно» продавать вещи и одежду на городском рынке в Энгельсе – его исключили из партии. 1 сентября 1941 г. он вынужден был покинуть Энгельс вместе с женой и детьми и после 17-дневной поездки прибыл в город Минусинск Красноярского края. Ему разрешили остаться в городе, и некоторое время спустя он уже работал инженером-электриком на городской электростанции. В января 1942 г. его мобилизовали в трудовой лагерь . До июня того же года он находился в Вятлаге НКВД (Кировская область), где был секретарем партийной организации мобилизованных 12 лесозаготовительной бригады. После подтверждения его исключения из партии – в случаях с функционерами его ранга последнее слово было за отделом кадров ЦК ВКП(б) – Гекман был переведен с этой должности. В Вятлаге он испытывал крайнюю материальную нужду. Благодаря положению депутата Верховного Совета он все же смог «через Москву» добиться своего перевода в Базстрой, где работал главным диспетчером электростанции вплоть до ареста. См.: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 28234. Т. 1. Л. 22–23; ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 2. Д. 444. Л. 14; Письмо сына, Эдмунда Гекмана, автору от 22 февраля 2001 г., в: AFDiR, Bestand «Briefwechsel», Ordner 1.

[70] Если не указано особо, то все последующие сведения взяты из дела Александра Гекмана: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 28234, том 1.

[71] Вместе с ним обвинялись еще 19 человек, большей частью бывшие функционеры и представители интеллигенции, среди которых были Роберт Грош и Владимир Гергерт. Якоб Вейлерт умер после интенсивного допроса 23 сентября 1945 г. в Свердловской тюрьме. Затем к делу привлекли еще Алоиза Шмидта, журналиста республиканской газеты «Нахрихтен», Ивана Беккера, сотрудника оперотдела милиции кантона Красный Кут в 1931–39 гг., Рудольфа Германа, директора маркштадтского театра драмы, Андреаса Бейля, инструктора мариентальского кантонального партийного комитета, Виктора Мая, главного врача кантона Мариенталь, который изучал медицину в Саратовском университете с 1916 по 1921 гг., Федора (Теодора) Рейха, бухгалтера с Северного Кавказа и др. См.: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17207, тома 1–6 (следственное дело Адольфа Денинга и др.).

[72] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17207, том 5. Л. 336–353. ОСО при наркоме внутренних дел приговорило 15 декабря 1945 г. всех обвиняемых к наказанию от пяти до десяти лет заключения в ИТЛ.

[73] Краслаг НКВД (Красноярский ИТЛ) был создан в феврале 1938 г. в Красноярском регионе рядом с городом Канск, главным образом, для проведения лесозаготовок, строительства гидролизного завода и др. предприятий. К 1 января 1943 г. здесь находились 5346 принудительно мобилизованных немцев и 16 410 заключенных, двумя годами позднее – 4224 мобилизованных и 12 982 лагерников. См.: Система исправительно-трудовых лагерей (прим. 27). С. 303–304; *Герман/Курочкин* (прим. 26). С. 167. Свое пребывание в Краслаге описал очевидец: *А. Гаус.* Мы остались коммунистами // Neues Leben (Нойес Лебен), Nr. 15 от 4 апреля 1990.

[74] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 28234, том 1. Л. 204–210, Копии протоколов допросов Петра Вехтера от 11 апреля и Эдуарда Клингера от 20 апреля 1945 г. По имеющимся материалам, к сожалению, нельзя понять, почему Конрад Гофман, председатель Президиума Верховного Совета республики в 1938–1941 гг., не был привлечен к данному делу.

[75] В апреле 1943 г. из НКВД выделили Народный комиссариат государственной безопасности НКГБ. «Чекистско-оперативное обслуживание» мобилизованных немцев по-прежнему осталось в ведении НКВД. Только в случае подозрения в шпионаже или совершении особо тяжких уголовных или экономических преступлений дело передавалось в НКГБ.

[76] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 28234, том 2 (конверт).

[77] Там же. Т. 1. Л. 96–118, 138–148.

[78] Гуго Гупперт [Hugo Huppert] (1902–1982), родился в г. Билиц (Силезия), ныне Бельско-Бяло, Польша, умер в Вене, поэт-лирик, прозаик, литературный критик и переводчик. Верный линии партии литературный деятель долгое время жил и работал в СССР, о чем он подробно пишет в своих воспоминаниях. На службе политуправления Народного комиссариата обороны он благопо-

лучно пережил войну, не испытывая никаких материальных или прочих затруднений. См.: *Hugo Huppert:* Schach dem Doppelganger. – Leipzig, 1979; *McLoughlin/Schafranck/Szevera* (прим. 23), особ. С. 570 и последующие.

[79] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 28234, том 1. Л. 244.

[80] Это повторное следствие подробно документировано в: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 28234, том 1а. Л. 1–161.

[81] Там же. Л. 184–187.

[82] 12 марта 1959 г. Президиум Свердловского областного суда полностью отменил приговор Генриху Корбмахеру, Александру Гекману, Фридриху Фрицлеру и Иоганнесу Майеру и полностью оправдал их. После освобождения из заключения в 1948 г. Гекман работал сначала инженером-энергетиком на спичечной фабрике на Алтае, а с 1957 г. стал сотрудником проектного института в Батуми. В этом городе он жил вплоть до своей смерти в 1994 г. Судя по всему, Майер работал в 60-е гг. плотником, позднее служащим промыслового кооператива в Красноярском крае. Корбмахер руководил к моменту реабилитации полевой бригадой в одном из совхозов Ульяновской области. О дальнейшей судьбе обоих ничего не известно. После отбывания наказания Фрицлер в 1949 г. поселился в городке Каскелен, недалеко от столицы Казахстана Алма-Аты, где зарабатывал на жизнь, работая печным мастером и столяром. Как один из немногих известных функционеров республики немцев Поволжья, летом 1965 г. он вошел в состав второй делегации немцев в СССР, которая требовала восстановление территориальной автономии. Умер в 1986 г. См.: История российских немцев в документах. Том II. Общественно-политическое движение за восстановление национальной государственности 1965–1992 гг. – М., 1994. С. 21–22; *О. Седых:* Судьба наркома // Роковые дороги поволжских немцев. 1763–1993 гг. – Красноярск, 1993. С. 93–95; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 28234, том 4. Л. 210–217, 296–298; Письмо Эдмунда Гекмана автору от 31 августа 2000 г. // AFDiR. Bestand Briefwechsel, Ordner 1.

[83] Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 1. Документальные источники. – М., 1992. С. 76–80. Опубликовано на немецком в: *Eisfeld/Herdt* (прим. 12). С. 264–267.

[84] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 314–315. Понятно, что российские немцы не могли вернуться в места, где они проживали до 1941 г.

[85] Депортации народов СССР (прим. 82). С. 18–20.; *Eisfeld/Herdt* (прим. 12). С. 307–308. Депортированные народы, упоминавшиеся в указе: чеченцы, карачаевцы, немцы, ингуши, балкарцы, калмыки, крымские татары, а также греки, турки, иранцы, курды и хемшилы из Закавказья, армяне, греки и болгары из Крыма.

[86] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17207, том 1. Л. 282–289 (следственное дело Адольфа Денинга и др.). До середины 50-х гг. было обычной практикой поручать проверку жалоб и просьб приговоренных следователям, которые ранее вели их дела.

[87] Подробная документация первого периода реабилитации после смерти Сталина см. в: Новый курс Л.П. Берия. 1953 // Исторический архив. 1996. № 4. С. 133–164; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 – февраль 1956. – М., 2000.

[88] Новый курс Л.П. Берия (прим. 86). С. 153–156.

[89] Реабилитация: как это было (прим. 86). С. 158–159. Взрослые должны были отныне отмечаться лишь один раз в год и могли менять место жительства в границах одной административной единицы (область, край). Далее были упразднены денежные штрафы и аресты за нарушение порядка спецпоселения.

[90] *В. Земсков:* Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960-е гг.) // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 5–26.

[91] Реабилитация: как это было (прим. 86). С. 37–38. Правда, это обращение тогда осталось без последствий. Первая национальная группа была освобождена от спецнадзора в ноябре 1955 г. и это были высланные из Грузии греки. См.: там же. С. 286.

[92] Восстановление автономных областей и республик чеченцев, калмыков, балкарцев, карачаевцев и ингушей в январе и феврале 1957 г. привело к официальной отмене обвинения в предательстве, принесло ограниченное материальное вознаграждение представителям этих народов и обусловило определенное возрождение экономической и культурной инфраструктуры на упомянутых территориях. В целом, эти мероприятия создали достаточные предпосылки для далеко идущей интеграции этих народов в советское общество. См.: Реабилитация народов и граждан в 1954–1994 годы. Сборник документов. – М., 1994.

[93] *Eisfeld/ Herdt* (прим. 12). С. 454–455.

[94] Реабилитация: как это было (прим. 86). С. 70–74. С 1934 по 1953 годы ОСО осудило 442 531 человек, которые обвинялись в большинстве своем в «контрреволюционной» деятельности.

[95] Эта центральная комиссия была образована по указанию Президиума ЦК КПСС 4 мая 1954 г. Ей подчинялись на уровне республик и областей местные комиссии, которые проверяли конкретные следственные дела. В случае приговора ОСО окончательное решение принимала Центральная Комиссия. См.: там же. С. 116–117.

[96] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17207, том 5. Л. 449–452 (следственное дело А. Денинга и др.). Главный фигурант этого «заговора» Адольф Денинг именовался в обосновании «главарем», чье «преступление» полностью подтверждалось документами следственного дела. Денинг умер 13 ноября 1946 г. в Севвостоклаге.

[97] Реабилитация: как это было (прим. 86). С. 213.

[98] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993. С. 72.

[99] Письмо было написано 13 июня 1955 г., еще до секретного доклада Хрущева на XX съезде партии в 1956 г. Трудно однозначно сказать, отражало ли оно его истинные чувства или было написано только с холодным расчетом. См.:ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17207, том 6. Л. 4–9.

[100] Процесс реабилитации занимает целый более чем 400-листный том. См.: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17207, том 6.

[101] ГААОСО. Ф. 1,оп. 2. Д. 17207, том 6. Л. 10. Тимофей Борщев (1901–1956), генерал-лейтенант с июля 1945 г., начальник Свердловского областного управления НКВД и НКГБ с 1941 по 1948 гг. Был уволен с занимаемой должности из-за махинаций во время денежной реформы в марте 1948 г. В период осторожной десталинизации его лишили звания генерала, так как во время службы в «органах дискредитировал себя», как звучало обоснование. В январе 1956 г. он был арестован и расстрелян три месяца спустя. См.: *Н. Петров, К. Скоркин:* Кто руководил НКВД, 1934–1941. Справочник. – М., 1999. С. 114–115.

[102] ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17207, том 6. Л. 221–230 (допрос Юрия Мавричева от 3 апреля 1956 г.).

[103] Там же. Л. 402–404. Большая часть их них к этому времени уже работали в сфере народного хозяйства или управления. Георгий Усманов, который наиболее жестоко обращался с подследственными, в 1956 г. возглавлял отдел снабжения одного из предприятий Свердловска. Другие, напротив, продолжили свою карьеру в «органах», как подполковник Тетенок, который в 1956 г. руководил следственным отделом КГБ в Киргизии.

[104] Там же. Л. 397–401.

[105] Реабилитация: как это было (прим. 86). С. 254 и др. Эта противозаконная практика существовала вплоть до начала 60-х гг. Согласно предложению № 3265 председателя КГБ Владимира Семичастного от 26 декабря 1962 г. инстанции должны были информировать родственников о фактических обстоятельствах смерти соответствующих людей и при регистрации смерти в ЗАГСе вносить в свидетельство о смерти дату расстрела, правда, не упоминая причину смерти. Выданные до этого фальсифицированные свидетельства обмену не подлежали. См. на немецком в: *Irina Scherbakowa:* Nur ein Wunder konnte uns retten. Leben und Þberleben unter Stalins Terror. – Frankfurt/M. 2000. С. 68–69.

[106] *В. Кудрявцев, А. Трусов:* Политическая юстиция в СССР. – М., 2000. С. 327–328.

[107] ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 2163. Л. 5. Письмо Петра Мюллера было написано 4 января 1956 г. Он получил ответ со ссылкой на Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». См.: Реабилитация: как это было. С. 260 и др.

[108] ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 2160. Л. 308–314 (следственное дело Т. Траутвейна, А. Роота, И. Шпиндлера, П. Мюллера и еще 28 человек).

[109] Вдова Ивана (Иоганна) Шпиндлера, также расстрелянного 26 февраля 1943 г., которая в мае 1961 г. направила в соответствующие органы запрос о судьбе ее мужа, получила такой же ответ. Согласно сведениям, полученным от Челябинского областного управления госбезопасности, он умер 26 февраля 1945 г. Лишь в марте 1990 г. ей на повторный запрос сообщил офицер КГБ фак-

тическую причину смерти ее мужа и дату смерти, даже не извинившись за предыдущий обман своего ведомства.

[110] См.: Verfassung (Grundgesetz) der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken mit den vom Obersten Sowjet der UdSSR auf Grund des Berichts der Redaktionskommission am 25. Februar 1947 beschlossenen Abдnderungen und Ergдnzungen. – Berlin (Ost), 1947; Запрос депутата Верховного Совета СССР А. Бергера о правовых обстоятельствах роспуска АССР немцев Поволжья был внесен в 1989 г. См.: История российских немцев в документах. 1763–1992 гг. – М., 1993. С. 271.

[111] По следственным делам, упоминающимся в данной статье, решение ОСО от 14 октября 1942 г. в отношении Якова Мюллера, Владимира Гартмана, Георга Гаага, всего 19 человек, мобилизованных на работы в Челябметаллургстрой, было отменено 15 марта 1960 г. Реабилитация Генриха Мецкера, Давида Деринга и других состоялась 12 декабря 1963 г.

[112] Текст указа в: История российских немцев (прим. 109). С. 178–179. На немецком опубликован в: *Eisfeld/Herdt* (прим. 12). С. 461–462.

Борис Соколов

«БОЛЬШЕВИЗМ ВЫТРАВИЛ ИЗ НАС ВСЯКИЙ ПАТРИОТИЗМ»[1]. Германия и «немцы» глазами русских коллаборационистов, 1941–1945 гг.

Мы рассматриваем образ Германии и немцев, характерный для весьма специфической этнополитической группы – русских коллаборационистов периода Второй мировой войны. В данном исследовании они представлены на примере Русской Освободительной Армии (РОА) и Русского Освободительного Движения (РОД) генерала Андрея А. Власова[2], с одной стороны, и казачьего движения генерала Петра Н. Краснова[3] – с другой. Во власовском движении ведущую роль играли бывшие кадровые офицеры и генералы Красной Армии, в казачьем – белоэмигранты-казаки из числа офицеров и генералов царской армии. Различия в составе руководства двух движений отразились и в восприятии ими Германии и немцев – врагов России, ставших союзниками коллаборационистов.

Основными источниками для изучения стереотипа Германии и немцев, сложившегося у участников РОД, служат мемуары уцелевших соратников Власова и коллаборационистские газеты и журналы, выходившие в Берлине и на оккупированной советской территории. Стоит отметить, что далеко не всегда в мемуарах и дневниках затрагивается данная тема. Так, в дневниковых записях одного из руководителей РОА генерала Василия Ф. Малышкина, написанных в 1945–1946 гг. в американском лагере для пленных, о Германии и немцах нет ни слова[4]. Также в материалах следственного дела Власова и его соратников нет никаких свидетельств об их отношении к немцам[5]. Мемуары власовцев создавались уже после поражения Рейха и краха РОД, что не могло не отразиться на восприятии Германии. В результате стереотип корректировался в негативную сторону. Вместе с тем, в мемуарах цитировались, по памяти и на основе дневниковых записей, высказывания Власова и других руководителей РОД о Германии и немцах, относящиеся к периоду войны. Особую роль в окружении Власова играли офицеры связи из числа прибалтийских немцев – Вильфрид Штрик-Штрикфельдт[6], Сергей Фрёлих и Свен Стеенберг[7]. Они родились еще в Российской Империи; и Россия, и Германия были для них родными странами. Немцы, работавшие с Власовым, не только не относились к русским как к «унтерменшам», но и оказались причастными к антигитлеровскому заговору 20 июля 1944 г. Когда против заговорщиков начались преследования, некоторым из них, в частности, барону Фрейтаг-Лорингофену, пришлось покончить с собой[8].

Враги, ставшие друзьями

Стереотип врага в ходе войны превратился в стереотип союзника в сознании русских коллаборационистов. Но мы до сих пор очень мало знаем о том, как именно это происходило. Андреас Хильгрубер справедливо заметил, что, хотя «главные вехи

Андрей Власов – генерал-майор Советской Армии, 1941 г. (слева); 72-летний кавалерийский генерал Петр Краснов – начальник Главного управления казачьих войск, образованного в марте 1944 г. Министерством по делам оккупированных восточных областей (справа).

Власовского движения известны историкам, но им не хватает знания психологической среды, в которой развивалось это движение и которая только и может помочь выработать более глубокую оценку событий»[9].

Миллионы русских людей, крестьян, ограбленных и доведенных до нищеты коллективизацией, интеллигентов, лишенных возможности свободно выражать свои мысли, первоначально воспринимали немцев как освободителей от коммунистического правления.

Здесь была принципиальная разница с периодом Первой мировой войны, когда немцы пытались создать коллаборационистские формирования только на национальных окраинах Российской Империи: среди поляков, украинцев, народов Кавказа[10]. Однако положение советских пленных во Второй мировой войне было несравненно хуже. В Первую мировую войну Центральные державы соблюдали Гаагскую конвенцию, и российские пленные получали помощь через Международный Красный Крест[11]. Кроме того, антиправительственные и сепаратистские настроения не были настолько распространены в России, чтобы толкнуть многих с оружием в руках выступить на стороне неприятеля. В годы Второй мировой войны Германия не следовала в обращении с советскими пленными принципам Женевской конвенции, поскольку СССР отказался соблюдать её в полном объёме по отношению к германским пленным. В первые месяцы Великой Отечественной войны миллионы попавших в плен красноармейцев просто морили голодом[12].

Во Вторую мировую войну масштаб коллаборационизма как среди нерусских народов, так и среди русского населения СССР, увеличился на порядок[13]. В результате вермахт и СС получили значительное пополнение за счёт бывших военнослужащих Красной Армии и жителей оккупированных советских территорий. Это было связано не только с тяготами плена, но и со страданиями масс в условиях тоталитарного режима, падением уровня жизни по сравнению с дореволюционной эпохой.

Если в западноевропейских странах преобладал гражданский, в том числе политический, коллаборационизм, то в Советском Союзе с немцами сотрудничали военные. Глава РОА генерал Власов не имел никакой власти над коллаборационистами из администрации оккупированных российских территорий, у них не было какой-либо объединяющей национальной политической структуры типа правительства. Особая роль военной составляющей коллаборационизма была связана с тем, что в германском плену оказалось особенно большое число советских военнослужащих, для многих из которых служба врагу стала единственным шансом спастись от голодной смерти. Кроме того, на Восточном фронте действовала основная часть сухопутной армии Германии, остро нуждавшаяся в пополнениях и готовая получать их за счёт местного населения.

Российский историк Сергей В. Кудряшов проделал большую работу по введению в научный оборот архивных материалов о «низших формах» коллаборационизма на уровне отдельных сел и городов. Кудряшов признает, что «иногда очень сложно, а то и почти невозможно, выявить ту грань, которая отделяет простое взаимодействие с оккупационными властями от сотрудничества с ними». Однако он полагает, что можно говорить о коллаборационизме тех, кто работал на предприятиях, в школах и больницах, функционировавших под контролем оккупантов. В СССР после войны учителя, преподававшие в школах, или железнодорожники, работавшие на станциях на оккупированной территории, считались «фашистскими пособниками» и подвергались преследованиям. Однако в Западной Европе такого рода сотрудники оккупационных учреждений не считались предателями и не подвергались не только юридическому наказанию, но даже моральному осуждению. Было слишком очевидно, что в условиях оккупации это зачастую был единственный путь добыть средства к существованию, и здесь очень сложно говорить о добровольном выборе. Разумеется, в какой-то мере такие «пособники» увеличивали экономический потенциал врага. Но если счесть их коллаборационистами, то сюда же придётся отнести пленных и рабочих-«остовцев», трудившихся на германских предприятиях. Также практически неизвестны случаи, чтобы «гражданские» коллаборационисты становились «военными» коллаборационистами, вступая в РОА, СС или вермахт[14].

Феномен русского коллаборационизма периода Второй мировой войны стал предметом осмысления сразу после её окончания в изданиях, которые публиковали советские «перемещенные лица» в Западной Германии, а позднее – в США[15]. В конце 60-х – начале 70-х гг. были опубликованы мемуары немецких соратников Власова, апологетические по отношению к главе РОА. В конце 70-х и в 80-е гг. появились и исследования западных учёных, где участники РОД рассматривались в первую очередь как идейные борцы с большевизмом[16]. Такая же трактовка преобладала и в работах, посвящённых проблеме насильственной репатриации в 1945–1946 гг. советских граждан, оказавшихся на территории западных зон оккупации. Авторы закрывали глаза на то, что многие из жертв действительно были причастны к преступлениям нацизма. Вместе с тем, совершенно справедливо указывалось, что на-

сильственная передача Сталину служивших в вермахте советских граждан и, в особенности, эмигрантов, никогда не имевших советского гражданства, не отвечала нормам международного права и определялась лишь соображениями политической целесообразности[17].

В СССР первые работы историков по данной теме появились лишь в самые последние годы существования этого государства[18]. И сегодня некоторые российские историки безоговорочно причисляют Власова к предателям, совершившим измену по малодушию и трусости, и считают его пропагандистские выступления против Сталина и советских порядков всего лишь образцом демагогии[19]. Существует также мнение, что Власов был исключительно карьеристом, и именно карьерные соображения послужили единственным мотивом его измены[20]. Интересна точка зрения Имануила И. Левина, подчёркивающего, что «Сталинщина рождала Власовщину»[21]. Здесь имеется в виду не только печально знаменитый приказ № 270, объявлявший пленных предателями и предусматривавший репрессии против их семей. Общие пороки тоталитарной системы побуждали многих советских граждан предпочитать малознакомого врага ужасам коллективизации, репрессий и нищенского существования. Можно приветствовать стремление в оценках коллаборационизма «отойти от стереотипов, как минувших, так и вновь наработанных».

Сейчас важно дать объективную оценку деятельности русских коллаборационистов – людей, находившихся в ситуации, где свобода выбора была чрезвычайно ограничена, а нравственный конфликт заключался в том, что приходилось бороться против зла в союзе со злом. Специфическое положение, в котором оказались участники РОД, создавало благоприятные условия для мифотворчества как по поводу их роли в войне, так и по отношению к Германии и немцам. Справедливым представляется мнение Искандера Гилязова, что «человека, который перешел на сторону врага, можно осуждать за конкретно совершенные им преступления – военные, уголовные, преступления против человечности и др. Коллаборационизм же… может выступать лишь фоном, который, естественно, подвергается этическому осуждению». Нельзя не согласиться и с тем, что научную оценку феномена коллаборационизма не следует сводить к формально-юридическим критериям по принципу «виновен – не виновен»[22].

Власова иногда называют русским «Де Голлем». Однако между руководителями «Свободной Франции» и РОА, равно как и между их подчинёнными, существовала принципиальная разница. Де Голль боролся за освобождение оккупированной врагом Родины под национальными и антигерманскими лозунгами. Власов же мог надеяться на успех только в случае поражения родной страны и её оккупации германскими войсками. Выдвигаемые РОА национальные лозунги конкурировали с такими же лозунгами Сталина. Не случайно положительными героями как советских, так и власовских газет стали полководцы Суворов и Кутузов. Но пропаганда власовцев была не столь убедительной хотя бы потому, что они находились в тылу и под защитой германской армии. Коллаборационизм в РСФСР и других советских республиках как своеобразный социально-политический феномен был порождением Второй мировой войны. Эта война уникальна не только по масштабам боевых действий и жертв, но и по числу военных преступлений и преступлений против человечности. С немецкой стороны преступления такого рода – геноцид 6 миллионов евреев и нескольких сотен тысяч цыган, массовые казни заложников, убийства солдатами вермахта и СС мирного населения оккупированных территорий и массовые насилия,

истребление голодом миллионов советских военнопленных, репрессии против них, в том числе согласно «приказу о комиссарах»[23], бомбардировки Лондона и Ковентри, обстрел самолётами-снарядами и ракетами «Фау-1» и «Фау-2» английских городов. Со стороны союзников тоже есть немало деяний, подпадающих под статьи Нюрнбергского трибунала. Это – советский геноцид более 20 тыс. поляков в Катыни, а также десятков и сотен тысяч украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев на вновь присоединенных к СССР территориях (символом этих казней стало урочище Куропаты под Минском)[24]; «наказанные народы» Советского Союза (крымские татары, немцы, калмыки, немцы, ингуши, чеченцы, карачаевцы и др.); гибель от голода и болезней подавляющего большинства германских пленных под Сталинградом и германских и итальянских пленных в Тунисе в 1943 г.; сотни тысяч, если не миллионы, погибших при депортации немецкого населения из стран Центральной и Восточной Европы в 1945–1946 гг.; убийства и насилия, чинимые Красной Армией и англо-американскими войсками по отношению к гражданскому населению Германии и других стран Восточной Европы; ковровые бомбардировки англо-американской авиацией германских и японских городов с целью нанести максимальный урон мирному населению и тем сломить моральный дух противника (этой же цели служила и атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки). Во Второй мировой войне агрессорами выступали не только Германия, Италия и Япония, но и СССР – по отношению к Польше, Финляндии, Румынии и государствам Прибалтики. И Гитлер, и Сталин собирались напасть друг на друга, не без основания опасаясь, что партнёр по пакту о ненападении в ближайшем будущем сам готовится к наступательной войне[25].

Сегодня подавляющее большинство германских историков старается не замечать найденные российскими коллегами факты, свидетельствующие о том, что Сталин намеревался напасть на Гитлера летом 1941 года[26], и лишь случайно его опередило немецкое вторжение 22 июня (хотя план «Барбаросса» и не рассматривался нацистским руководством как превентивный удар). Настало время для взвешенных оценок явлений, состоящих из разнообразных аспектов, которые часто не укладываются в жесткие идеологические рамки. Намерение же Сталина напасть на Германию в 1940–1941 гг., хотя и входило в его программу по установлению гегемонии в Европе, объективно играло роль превентивного мероприятия против агрессивных планов Гитлера в отношении СССР. Подобный подход к феномену русского коллаборационизма предполагает, что не всех коллаборационистов, даже из числа советских граждан, можно считать предателями. Те из них, кто находился во «внутренней эмиграции», рассматривали начавшуюся войну как возможность свергнуть власть большевиков и субъективно-психологически не ощущали себя изменниками Родины. Хотя стереотипы геббельсовской пропаганды оказали влияние на сознание коллаборационистов, не следует из-за этого автоматически отрицать справедливость критики советской действительности, содержавшейся в коллаборационистских изданиях, равно как и искренность положительной оценки Германии и немцев.

Неизбежность советско-германского столкновения сознавали многие коллаборационисты, связывая с ним надежды на свержение советского строя. Так, командир одного из полков в 15-м казачьем корпусе фон Паннвица полковник Иван Н. Кононов ещё в конце 30-х годов, в бытность слушателем академии имени Фрунзе, «изучая экономическую и политическую структуру Германии, сделал твёрдое заключение: война между СССР и Германией неизбежна, как между двумя непримиримыми противниками»[27].

Полной моральной правоты не было ни за одной из сражавшихся коалиций, и русские коллаборационисты это особенно хорошо понимали, изведав прелести советского режима, наблюдая англо-американские террористические бомбардировки, зная об ужасном положении советских военнопленных и о нацистском геноциде в отношении евреев. Только победа Германии давала участникам РОД шанс свергнуть Сталина и прийти к власти в стране. Для них национал-социалистическая Германия была меньшим злом. Однако преступления Гитлера, бросающееся в глаза сходство двух тоталитарных режимов и сознание того, что приходится сражаться с оружием в руках против соотечественников, порождали чувство моральной раздвоенности, что отражалось и на стереотипе Германии и немцев. Моральной правоты у коллаборационистов не было, но борьба против большевиков давала нравственное оправдание (точнее, иллюзию такого оправдания) сотрудничеству с нацистами.

Плодотворным представляется сравнение образа Германии и немцев, сложившегося у русских коллаборационистов, с образом СССР и русских, характерного для участников антинацистского Сопротивления и немецких коллаборационистов, – оказавшихся в советском плену военнослужащих вермахта, ставших членами Национального Комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров»[28]. Германский историк Герд Р. Юбершёр отмечает, что «исследование данной проблемы осложняется по причине скудости источников», и потому «речь может идти только о первом приближении к исторической истине, об анализе позиций отдельных лиц»[29].

Разные мотивы руководили участниками РОД. Как уже было сказано, для многих главную роль играло стремление спастись от голодной смерти в лагерях военнопленных. Бывший офицер-пропагандист РОА Леонид А. Самутин, познавший плен, вспоминал:

> В какой-то газете была заметка о выдаче Англией Советскому Союзу русских, уклонявшихся от репатриации. Были процитированы слова одного английского офицера, который из немецкого лагеря для английских пленных с возмущением и негодованием смотрел на ряды русских в немецкой военной форме. Это благородное негодование тем более легко в себе разжигать, когда ни разу в жизни не только самому не пришлось испытать настоящего голода, но даже не пришлось видеть людей, доведенных голодом и лишениями до потери человеческого лица.
>
> Э, господа, господа, одно только можно сказать: «Не судите да не судимы будете!» Англичане в плену были лишены только одного – свободы, но ни голода, ни холода, ни бытовых утеснений, ни потери связи с родиной и семьями не испытывали. Немцы к ним относились иначе, чем к нам, и Красный Крест по отношению к ним исполнял свой долг. Так вам ли судить, господа, людей, уцелевших по воле случая и судьбы в условиях, обрекавших нас всех на поголовную и мучительную гибель?[30]

Для других – в том числе, для генерала Власова и большинства руководителей РОА – первичную роль играли карьерные соображения. Будучи генералами или старшими офицерами, они в плену находились в более или менее благоприятных условиях по сравнению с рядовыми красноармейцами и могли не опасаться голодной смерти, зато сознавали, что на карьере в Красной Армии придётся поставить крест. Были среди них и идейные противники советской власти – в частности, командующий ВВС РОА бывший полковник Красной Армии Виктор И. Мальцев. Он,

не будучи в плену, сам предложил свои услуги немцам. А бывший майор Красной Армии Иван Н. Кононов во главе своего 436-го стрелкового полка перешёл на сторону вермахта 22 августа 1941 г[31]. Идейными борцами против страны Советов были белоэмигранты, сотрудничавшие с немцами. К эмигрантам были близки те немногие из коллаборационистов, кто, оставаясь в СССР, вёл активную борьбу с коммунистами. Так, тёрский казак есаул Георгий Гикаев более двадцати лет партизанил на Северном Кавказе, а с приходом туда немцев присоединился к ним и участвовал в формировании терских казачьих частей[32].

О массовом характере коллаборационистского движения можно судить, в частности, по тому, что при отступлении немецких войск из России вместе с воинскими частями ушли десятки тысяч жителей казачьих областей – женщин, детей и стариков. Также вместе с Русской Освободительной Народной Армией инженера Брониславa Каминского двинулись на запад тысячи жителей самоуправляющегося района Локоть Брянской области (бойцы Каминского впоследствии влились в 1-ю дивизию РОА). А осенью 1943 г. при эвакуации немецких войск с Таманского полуострова в Крым вместе с ними добровольно ушло около 120 тыс. советских граждан, из них более 80 тыс. казаков[33].

Мы не располагаем никакими объективными данными, чтобы определить, каково было соотношение среди русских коллаборационистов «шкурников» (т. е. тех, кто спасал свою жизнь и добывал средства к существованию), карьеристов и идейных борцов[34]. Надо также учесть, что многие участники РОД в своей деятельности одновременно руководствовались разными мотивами.

Формирование стереотипа Германии и немцев среди русских коллаборационистов

Как вспоминал Федор Богатырчук – соратник генерала Андрея Власова, член Комитета Освобождения народов России, профессор медицины, – «большевизм вытравил из нас всякий патриотизм, превратив когда-то столь любимую родину в страну, где возвеличивают чекистов, стреляющих в затылок нашим братьям и сестрам, и где ставят памятники Павликам Морозовым, выдавшим своего отца на расправу кремлевским палачам»[35].

До войны жители СССР практически не имели объективной информации о расовой политике Третьего рейха, в том числе о геноциде против евреев и цыган. Сообщения советских газет многие считали преувеличениями, свойственными коммунистической пропаганде. Кроме того, в последние два года перед войной, после пакта Молотова-Риббентропа, критика нацистской Германии в СССР была прекращена. Невозможность иметь положительный идеал в родной стране побуждала идеализировать тех, кто шёл войной против ненавистной советской власти.

Имеется достаточно примеров, как население встречало солдат вермахта хлебом-солью, видя в них своих освободителей. Так, по свидетельству американского корреспондента Чарльза В. Тейера, крестьяне одной из деревень к юго-западу от Москвы восприняли начало войны как возможность свергнуть советскую власть: «Наконец-то! Пусть Кремль только даст нам оружие. Мы уже знаем, в кого будем

стрелять. Если Гитлер появится на мосту перед нашей деревней, мы все выйдем ему навстречу с хлебом-солью»[36].

Богатырчук свидетельствует, что в Киеве приход немецких войск оставшимся в городе населением был воспринят как праздник[37]. Следует отметить, что здесь произошел своего рода «естественный отбор». Многие коммунисты и их сторонники смогли уйти вместе с отступавшей Красной Армией. Поэтому среди тех, кто не покинул оккупированную территорию, доля антисоветски настроенных жителей была выше, чем среди всего населения страны. Однако когда выяснилось, что к славянам немцы, согласно расовой доктрине нацистов, должны относиться как к «унтерменшам», людям второго сорта, и когда стало известно о массовых казнях евреев, отношение к Германии изменилось в худшую сторону.

Русские коллаборационисты стремились разделить нацистский режим и немецкий народ. Тем самым, они находили оправдание своему переходу на сторону неприятеля и убеждали себя, что они сражаются вместе с «хорошими» немцами против «плохих» большевиков, а потом как-нибудь избавятся и от «плохих» нацистов. По свидетельству Стеенберга, лектор на курсах пропагандистов РОА, один из будущих руководителей НТС (Народный Трудовой Союз) Александр Зайцев (Артёмов), попавший в немецкий плен в 1941 г., говорил курсантам:

> Свобода слова и печати является одной из основ нового государства. Она дает возможность проверить то, что происходит в стране. Она служит гарантией, что никакие темные махинации правителей или граждан не останутся без наказания. При действительной свободе слова и печати немыслим тоталитарный режим, при котором приходят к власти авантюристы и во главе государства встает какой-нибудь провалившийся семинарист или ефрейтор[38].

Возможно, Зайцев был знаком с работами Льва Троцкого, употреблявшего термин «тоталитаризм» в статьях конца 30-х – начала 40-х гг. применительно к советскому режиму[39].

Власов, безусловно, знал о нацистском геноциде против евреев. Об этом ему мог сообщить тот же Богатырчук, уже осенью 41-го располагавший достоверными сведениями об истреблении евреев в Бабьем Яру и о расстреле пациентов киевских психиатрических больниц. Власов говорил Фрёлиху: «Можно подумать, что для Гитлера уничтожение евреев важнее, чем победа над Советской Армией».

Осенью 1944 г. генерал также считал, что «проблема еврейства в России не играет значительной роли, так как в России антисемитизм никогда не являлся глобальной проблемой, как в Германии. Пользующиеся плохой славой погромы были следствием организованного бандитизма, который был начат царской полицией для травли социалистов, либералов и евреев. Совмещение антисемитских лозунгов с нашей политической программой только значительно ослабило бы убедительность этой программы»[40].

Не заблуждался Власов и насчет Гитлера. Командующий РОА говорил Фрёлиху:

> Как это могло случиться, что немецкий народ бежит за этим злым карликом! Ведь я этот народ ценю и почитаю, и представлял его моим офицерам как образец храбрости, мужества, сознания долга, работоспособности и многих иных достоинств[41].

В то же время, Сталина Власов считал хуже и опаснее Гитлера, в чём и признался Фрелиху в 1943 г.:

> Оба правят железной рукой; оба нуждаются в помощи опытнейших агентов разведки; оба используют слабые стороны человеческой души; оба распространяют чувство страха, которое приводит к тому, что никто не смеет высказать властителям отрицательное мнение. Оттого они окружены оппортунистическими подхалимами и теряют реальное представление о происходящем. Особенно роковым это становится в военной области. Из этих двух преступников Сталин, без сомнения, умнее и значительно опаснее. Поэтому против него в первую очередь надо вести борьбу. Если мне удастся для этой цели заручиться помощью другого преступника, то я уверен в успехе не только в борьбе со Сталиным, но и в последующем неизбежном конфликте с Гитлером[42].

Годом раньше, будучи в Красной Армии, Андрей Андреевич, наоборот, отзывался о Сталине исключительно положительно. 14 февраля 1942 г. в письме к одной из двух своих жен, Агнессе Подмазенко, Власов так описывал свою встречу с Верховным Главнокомандующим:

> Меня вызывал к себе самый большой и главный хозяин. Представь себе, он беседовал со мной целых полтора часа. Сама представляешь, какое мне выпало счастье. Ты не поверишь, такой большой человек и интересуется нашими маленькими семейными делами. Спросил меня: где моя жена и вообще о здоровье. Это только может сделать ОН, который ведёт нас от победы к победе. С ним мы разобьем фашистскую гадину[43].

И сам Власов, и другие русские коллаборационисты были поражены значительно более благоустроенным бытом, несмотря на условия военного времени, в Германии по сравнению с СССР. Как подчеркивает Штрик-Штрикфельдт,

> …на русских производили сильное и притягательное впечатление уровень и условия жизни в Германии. И нацистский режим стремился к тоталитарной, всеобъемлющей власти, но она еще не достигла дьявольского совершенства сталинизма. В Третьем Рейхе всё ещё сохранились какие-то основы старой государственной и общественной структуры; еще не были задушены полностью частная инициатива и частная собственность; ещё было возможно работать и жить, не завися от государства. Немцы ещё могли высказывать свое мнение, если оно и не сходилось с официальной догмой, могли даже, до известной степени, действовать так, как считали лучшим. Хотя партийное давление и увеличивалось всё более ощутимо (для нас уже нестерпимо), но эта форма несвободы в Германии оценивалась подавляющим большинством бывших советских граждан мерками сталинского режима насилия и поэтому воспринималась все же как свобода[44].

Ему вторил и русский учёный Николай В. Тимофеев-Ресовский, находившийся в годы войны в Берлине (с 1925 г. он работал в Институте мозга им. кайзера Вильгельма), но совершенно не сотрудничавший с германскими властями:

> Конечно, гитлеровская Германия была очень ужасна, но в каких-то отношениях всё-таки несравнима со сталинским режимом. Сталинизм был много ужасней, да и жизней он потребовал много больше. Никак 48 миллионов было угроблено в этот сталинский режим…

Нам тогда очень было противно, ужасно. Но мне было всё же менее противно, чем немцам. Я был иностранец и, так сказать, со стороны смотрел на все эти дьявольские безобразия[45].

Мнение Тимофеева-Ресовского можно считать относительно «беспристрастным»: он сам познакомился со сталинским ГУЛАГом, а ранее его старший сын был арестован и погиб в нацистском концлагере. Вероятно, многие русские коллаборационисты воспринимали национал-социалистические «эксцессы» менее болезненно, чем сами немцы, и считали их не настолько зловещими, как преступления коммунистического режима.

Подобно русским коллаборационистам, различавшим немцев и национал-социалистов, участники германского Сопротивления стремились разделить большевизм и русский народ. Так, близкий к заговорщикам 20 июля дипломат Ульрих фон Хассель, опасаясь «большевизации Европейского континента», поддерживал идею «искоренения коммунизма», но не ставил под сомнение необходимость существования Российского государства. Многие другие участники заговора рассматривали некоммунистическую Россию в качестве равноправного партнёра Германии в послевоенном мире[46]. Однако после поражения под Сталинградом и Курском тот же фон Хассель предлагал «достичь взаимопонимания со Сталиным», чтобы использовать политические шансы любого рода[47].

Таким образом, некоторые консервативно настроенные деятели антифашистского сопротивления приближались по своему мировоззрению к власовцам: и те, и другие были готовы договориться с «чужой» диктатурой для свержения «своей». Но Гёрделер, фон Штауффенберг и другие участники заговора 20 июля действовали, в отличие от деятелей РОД, не в условиях вражеской оккупации, и в случае успеха не только могли бы рассчитывать на сотрудничество с западными демократиями, но и имели бы эту реальную возможность. У Власова, Жиленкова и других руководителей РОА такой альтернативы не могло быть, хотя в последние месяцы существования Рейха всё большей популярностью среди них пользовалась идея будущего сотрудничества с западными союзниками.

Идеи социализма и «фюрер-принцип» в русских коллаборационистских изданиях

В своей пропаганде коллаборационисты учитывали, что большинство советского населения уже два десятилетия жило под властью большевиков, поставивших своей целью построение социализма и коммунизма. Поэтому важной пропагандистской установкой стало противопоставление «плохого социализма» Сталина и «хорошего социализма», который, очевидно, несут народам Гитлер и Власов. В наиболее массовой газете РОД «Заря» (её тираж достигал 100–120 тыс. экземпляров) в материалах, посвященных Германии, подчеркивались «социалистические» черты её государственного быта, привнесенные нацистами. Это отвечало и намерениям немецкого правительства. По воспоминаниям Стеенберга, цензура этого издания усилилась с апреля 1943 г. (с № 33), когда по распоряжению полковника Ганса-Лео Мартина – начальника отдела «Ост-пропаганда» – редакции пришлось начать публикацию антисемитских материалов и статей, направленных против западных союзников[48].

Знакомство с подшивкой газеты «Заря» за 1943 г. убеждает, что Стеенберг немного ошибся – вынужденный перелом линии произошел раньше: уже 31-й номер,

вышедший 21 апреля, был почти целиком посвящен 54-летию Гитлера. Здесь в изобилии присутствовали антисемитские и антизападные пассажи. Для сравнения: большую часть предшествовавшего 30-го номера занял доклад генерала Василия Малышкина, где антиеврейский выпад был лишь в одном предложении и к тому же имел двусмысленный характер: «Национальная свобода для всех народов, кроме еврейского, вплоть до самоопределения, вплоть до отделения».

В посвященном Гитлеру номере «Зари» утверждалось, что фюрер

> …является величайшим реформатором современности. История выдвинула его как преобразователя, как творца и создателя нового порядка. Его жизнь и деятельность протекает в период, когда один строй общественных отношений – изживший себя капиталистический строй – разлагается и должен уступить свое место новому порядку – социализму. Однако светлыми идеями социализма воспользовались темные реакционные силы большевизма, воспользовавшись для обмана, для утверждения шатающихся основ старого порядка, подобно тому, как в средние века чистые идеи христианства послужили грозным орудием угнетения в руках инквизиции. Адольф Гитлер… указал единственный истинный путь развития человечества, объединив и дополнив идеал социализма, как понятия о социальной справедливости, с идеалом национальным, с понятием о народе, как о высшей ценности.

Фактически к Гитлеру применялись все те пропагандистские клише, которые советская пропаганда использовала по отношению к Сталину. Даже для тезиса о народе как высшей ценности легко найти аналогии в реалиях советской пропаганды 30–40-х годов. К ним добавлена формула нацистского «нового порядка», расшифрованного в социалистических терминах.

Помещаемые в «Заре» материалы о деятелях русской культуры и сам подбор персонажей определялся во многом критериями «западничества» и приверженности социалистическим идеям. Так, в очерке о Карамзине всячески подчеркивалось его западничество. Герцен, Белинский и Чернышевский превозносились за приверженность социалистическим идеалам. В «персоны грата» попали также другие русские писатели: Чехов, Блок и даже Маяковский, последний, правда, не столько за социализм, сколько за самоубийство, трактовавшееся как следствие невыносимой советской действительности. В очерке о Герцене отмечалась немецкая национальность его матери. Однако ничего не говорилось об антисемитизме Чехова и Блока, то ли из-за нежелания затрагивать антисемитскую тематику, то ли из-за незнания авторами соответствующих фактов. Возможно, редакция «Зари» полагала, что социалистические клише будут лучше усваиваться советскими гражданами.

В то же время в номере за 9 мая 1943 г. появилась редакционная статья «Достоевский о евреях», где цитировались антисемитские высказывания из «Дневника писателя. 1877 г.».

В целом же, значительно более откровенный антисемитский настрой был характерен для газеты «Доброволец». Там уже в первом номере, вышедшем в январе 1943 г., был опубликован редакционный фельетон «Лейба Мехлис – генерал». Об уровне этого творения дает представление хотя бы следующая фраза: «…Такого позорища еще не бывало, – Лейба Мехлис[49], хромой, кривоногий жид – генерал-лейтенант!».

В отношении руководителей РОД к Германии проявлялась двойственность их положения. Они сознавали, что вынуждены сражаться против «своего» преступного

режима в союзе с «чужим», не менее преступным, относившимся к ним как к «унтерменшам»; что, борясь с одним злом – Сталиным – они помогают другому злу – Гитлеру[50]. Бывший бургомистр оккупированного Смоленска Борис Г. Меньшагин, получивший после войны 25 лет тюрьмы, впоследствии говорил, что 10 из 25 лет он готов признать правильными – как воздаяние за служение злу[51].

Также коллаборационистам не удавалось до конца отделить в своем сознании Гитлера от немецкого народа. По свидетельству Богатырчука, лишь немногие из власовского окружения вроде генерала Фёдора Трухина на самом деле различали гитлеровцев и немцев[52]. По мере того, как Германия терпела поражения на Востоке и Западе, становилось все более очевидным, что относительное благоденствие Германии в сравнении с СССР было недостижимой, призрачной мечтой, и члены РОД все яснее осознавали свою обреченность.

Между заговорщиками 20 июля и власовцами есть одна принципиальная разница. Фон Штауффенберг и другие собирались своими силами свергнуть нацистский режим, уничтожив Гитлера, и заключить почетный мир со странами антигитлеровской коалиции. Они хотели избежать безоговорочной капитуляции, но не думали вступать в союз со вчерашними противниками и, тем более, не рассматривали возможность войны в союзе с американскими и советскими войсками против той части немцев, которая сохранила верность идеям Гитлера. Власову и его товарищам приходилось действовать в немецком тылу и вместе с вермахтом сражаться против Красной Армии. Вся надежда была на победу германского оружия, в которой РОД играло, по замыслу его вождей, важную, но вспомогательную роль. Кроме того, многих власовцев, не исключая самого командующего РОА, лишь плен сделал противниками Сталина. Если фон Штауффенберг и другие участники заговора 20 июля не сознавали себя предателями, то Власов и его соратники субъективно чувствовали себя таковыми. В этом – одна из вероятных причин их слабости и полного признания своей вины на суде, в исходе которого сомневаться не приходилось[53].

Коллаборационисты замечали сходство многих черт национал-социалистического и советского режимов и при этом отдавали предпочтение немцам. Власов говорил Фрёлиху:

> Ваши молодцы из СС напоминают мне наших энкаведистов. Я должен признать, что ваши эсэсовцы выглядят стройнее и мужественнее. Что же касается изворотливости, беспринципности и грубости, то им еще многому надо поучиться у их прообраза, т. е. энкаведистов. Но еще не все потеряно: эсэсовцы – способные ученики[54].

Интересно, что мотив сходства нацистских и коммунистических институтов эксплуатировался и власовской пропагандой, но здесь уже немецкое оценивалось как безоговорочно положительное, а советское – безоговорочно отрицательное. Например, в газете РОА «Доброволец», главным редактором которой был Г.Н. Жиленков, и в «Заре», в номере от 1 мая 1943 г., появилась статья Н. Донского «Социальное соревнование в Германии». Она была приурочена к первомайскому празднику, общему для нацистов и коммунистов. Очевидным аналогом ««социального соревнования» в Германии было «социалистическое соревнование» в СССР, и автор явно ориентировался на отождествление своими читателями этих двух явлений, всячески подчеркивая их различие:

> Если социальное соревнование в Германии имеет некоторые внешне сходные черты с таковым в Советском Союзе, то результаты его здесь и там совершенно различны. Социальное соревнование большевиков и возникшая в связи с этим стахановщина, оказались в результате сильнейшим нажимом на рабочий класс в целях усиления эксплуатации.
> Тарифные сетки стали пересматриваться, нормы повышаться, в силу чего заработок не только рядовых рабочих, но и некоторых стахановцев стал понижаться. В итоге получился социальный регресс.
> Между тем, в Германии социальное соревнование имеет целью рационализацию работы путем улучшения ее приемов, удобства мастерских и цехов и общих социальных условий предприятий, не вызывая ни понижения заработка, ни изнурения рабочих. В итоге – социальный прогресс.

В принципе, этот вывод, несмотря на некоторое пропагандистское преувеличение, соответствовал действительности. В Германии даже в условиях нацистского режима, несмотря на постепенное усиление регулирующей роли государства, экономика оставалась преимущественно рыночной. Политики не могли по собственной инициативе заставить частные предприятия менять тарифные сетки и повышать нормы выработки. Согласно Штрик-Штрикфельдту (ср. прим. 43), уничтоженный в Советском Союзе фундамент «прежней структуры государства и общества еще сохранился в Германии».

В других статьях Донской также подчеркивал принципиальные, по его мнению, различия между сходными явлениями и институтами Рейха и Советского Союза. Так, в статье «Социальная политика Германии», опубликованной в «Заре» 12 мая 1943 г., он утверждал:

> Коллективный жидовский социализм Маркса и Ленина, борясь с капитализмом, оказался варварской реакцией против тысячелетней европейской культуры, основанной на сознательном культе личности. Если капитализм представляется выродившимся созданием этой культуры, то одновременно устранение вместе с ним всего, что народы в течение тысячелетий выстрадали, пережили и создали, было бы непониманием исторического смысла всякого развития.
> В противоположность этому, национал-социализм придает огромное значение национальной истории и европейской культуре и стремится поэтому к сочетанию личной ответственности с социалистическим, т. е. общественно-обязывающим порядком действия. Он избегает коллективистской безответственности, прикрываемой голосованиями анонимного большинства, и всюду выдвигает принцип водительства, неразрывно связанный с личной ответственностью: каждый, выполняющий порученную ему задачу, должен отвечать за свои решения и поступки. Этому принципу подчинена вся политическая и социальная жизнь современной Германии. Всей политической жизнью руководит ответственный перед народом Фюрер.

Интересно, что среди казаков-коллаборационистов «фюрер-принцип» находил горячий отклик и как разновидность системы атаманства считался одним из важных элементов будущего социального строя на освобождённой от большевиков казачьей территории. Также и антисемитизм программных положений национал-социализма находил позитивный отклик в казачьей среде, так как антисемитские настроения были распространены среди казаков ещё до 1917 г. и усилились в период Революции

Встреча кавалерийского генерала Петра Краснова с генералом фон Паннвицем, Польша, 1943 г.

и Гражданской войны. Поэтому в журнале «На казачьем посту» и других подобных изданиях антисемитские материалы появлялись очень часто и не были простой данью немецкой цензуре и нацистской расовой теории. В статье казака-эмигранта А. Таманского «Национал-социализм и казачество», опубликованной в журнале «На казачьем посту» 1 августа 1943 г., подчёркивалось:

> Что такое современный национал-социализм? В противоположность пресловутому большевистскому социализму, – это настоящий социализм, создающийся на национальной основе. Он означает благосостояние всего народа. Чужда ли казачеству идея заботы о своём благосостоянии а, следовательно, и идея национал-социализма? Нет! …Основой национал-социализма является утверждение, что интересы коллектива выше личных, польза общественная выше пользы личной. Государство… служит средством, сохраняющим нацию, как расовое объединение, связанное единой культурой, единым языком, историей, ясным сознанием принадлежности к одному расовому ядру Во главе государства должен быть поэтому человек, органически связанный с нацией, истинный сын своего народа, выразитель его стремлений, дум и чаяний. Он абсолютный авторитет с абсолютной ответственностью. Он отвечает только перед своей совестью и перед историей.

Далее Таманский описывает гитлеровский «фюрер-принцип» и делает вывод, что он

> …в основном, соответствует духу старых казачьих порядков. Вся история казачества создавалась сильными личностями – атаманами. Только атаман мог быть абсолютным авторитетом с абсолютной ответственностью, только он мог иметь всю полноту власти. Атаман воплощал в себе всё казачье сословие, его интересы, стремления, желания. Он был душой всего казачества.
> И в казачьем коллективе принцип «вождизма» выдерживался сверху донизу.
> …В одном из параграфов программы национал-социализма сказано: «Правами гражданства могут обладать только дети (соплеменники) германского народа, независимо от вероисповедания. Ни один еврей не может быть поэтому сыном германского народа».
> …Казачество издавна придерживалось этого принципа. Полными правами гражданства могли пользоваться только те казаки, которые были преданы интересам казачества. В ев-

реях казачество всегда видело только разрушительную силу. Поэтому ни один еврей не мог пользоваться правами гражданства. Больше того, казачество не допускало евреев на свою территорию.

В статье указывалось также на то, что в казачьем укладе реализованы такие национал-социалистические принципы, как обеспечение стариков и инвалидов и строгий контроль купли-продажи земли, в частности, благодаря запрету казакам продавать свои наследственные земельные наделы. В заключение Таманцев утверждал: «В будущем мы возьмем от германского национал-социализма всё то, что не противоречит особенностям нашего духовного развития, что естественно вытекает из недр казачьего уклада». К этим «нетленным ценностям», безусловно, относились, «фюрер-принцип» и расовая теория.

Казаки находились в относительно привилегированном положении по отношению к другим русским коллаборационистам. Немцы считали их союзниками и не возражали против широкой автономии казачьих областей под покровительством Германского рейха. Рейхсминистр восточных территорий и один из творцов расовой доктрины Альфред Розенберг выдвинул теорию, будто казаки являются потомками остготов, что позволяло считать их арийцами и не относить к «унтерменшам»[55]. В казачьих изданиях чаще, чем во власовских, подчёркивалась роль «Вождя Германского народа и Новой Европы Адольфа Гитлера». Казаки должны были стать «честными боевыми соратниками, сотрудниками Германской армии». В обращении от 27 января 1943 г. Донской атаман Петр Краснов призывал:

Идите в германские войска, идите с ними, и помните, что в Новой Европе Адольфа Гитлера будет место только тем, кто в грозный и решительный час последней битвы нелицемерно был с ним и с Германским народом[56].

В связи с этим был брошен лозунг: «Казаки! Германская победа – наша победа!»[57].

Подобные призывы отражали действительные чувства многих казаков, служивших в вермахте. Об этом можно судить по письмам, которые они писали с фронта домой. Так, Семён Ларин в декабре 1942 г. с гордостью сообщал своему отцу:

…Имею право гордиться, что нахожусь в германской армии солдатом, числюсь как донской казак. По мобилизации не воевал, сразу пошёл на сторону германской армии. Вообще у красных не воевал ни одной минуты…

А кубанский казак Алексей Кривенко писал своей жене Анне:

Нахожусь в германской армии… наше командование о нас беспокоится, не только о нас, но даже о наших семьях[58].

Весьма показательно, что «своими» в письмах казаков названы немцы и вермахт, а «чужими» – Красная Армия и советская власть. Краснов подчеркивал также родство «фюрер-принципа» с монархией:

Вы, казаки, теперь входите не только в Германскую армию, но и в семью народов Европы, которая создаётся гением Адольфа Гитлера, национал-социалистической Германии и ее

доблестной армией… России и ее царя нет. Господь привел нас обрести новое отечество – национал-социалистическую Германию Адольфа Гитлера, и с ней и под ее покровительством мы, одиннадцать казачьих войск, станем лучшими жемчужинами в драгоценном уборе Новой Европы[59].

Казаков-коллаборационистов призывали отказаться от отождествления себя с Россией и предлагали новую «Большую Родину» – Рейх и Новую Европу, частью которой должна была стать казачья «Малая Родина».

Аналогичные формулы находим мы и в архивных документах, только недавно ставших достоянием гласности. Так, в приговоре сотенного схода донских казаков Варшавы о создании Варшавской станицы от 26 ноября 1943 г., хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации, говорилось:

В решающий час борьбы с жидовским игом и их партией, возглавляемой международным жидом Сталиным и его кликой… в целях оказания еще большей помощи нашим освободителям – Германскому рыцарскому народу и вождю Адольфу Гитлеру, основать станицу Варшавскую…[60]

Признанием заслуг казачества в борьбе против Красной Армии стало обращение к казакам от 10 ноября 1943 г., подписанное фельдмаршалом начальником штаба Верховного командования вермахта[61] Вильгельмом Кейтелем и рейхсминистром восточных областей Розенбергом (текст был составлен П. Красновым)[62]. Оно гарантировало казакам все права и привилегии царского времени, неприкосновенность казачьих земельных угодий, приобретённых «кровью предков ваших», а также возможность временно, пока они не могут вернуться в родные места, «устроить вашу казачью жизнь на Востоке Европы, под защитой Фюрера, снабдив вас землей и всем необходимым для вашей самобытности». В ответ на это обращение Краснов выразил удовлетворение тем, что германская власть признала «казачьи заслуги перед миром». Он утверждал:

Где будет окончательная победа Германии над коммунизмом и его уничтожение, нам не дано знать… Где бы это ни было, мы, казаки, должны везде, где нам укажут, не щадя жизни своей, способствовать этой победе. После неё будут свободные Дон, Кубань и Терек, свободное казачество под защитой Германии Адольфа Хитлера[63].

Таким образом, речь шла об автономии казачьих областей под протекторатом Рейха.

Жизнь в Германии глазами русских коллаборационистов

В изданиях РОД, разумеется, поддерживался только положительный стереотип Германии и немцев. Так, окончивший курсы пропагандистов РОА в Дабендорфе лейтенант Легостаев писал в «Добровольце» 28 марта 1943 г.:

…Мне часто приходилось слышать от германских солдат и офицеров о жизни в Германии. Но после того как я посетил во время организованных на курсах экскурсий ряд фабрик,

сельскохозяйственных предприятий и общественных учреждений, я убедился, что действительность соответствует рассказам. За такую жизнь, какой живет немецкий рабочий, стоит бороться – за устройство подобной же жизни у себя на Родине стоит проливать кровь.

В номере «Добровольца» от 25 апреля 1943 г. описана экскурсия власовцев в деревню Вензикендорф под Берлином:

Для нас, привыкших видеть села с деревянными домами, покрытыми соломенными крышами, немецкое село показалось небольшим уютным городком. Одноэтажные и двухэтажные дома, кирпичные сараи, каменные ограды. Возле каждого двора – садик. В центре села – церковь и школа. Помощник бургомистра села встретил нас очень любезно, охотно отвечал на все интересующие нас вопросы. Мы осмотрели несколько хозяйств и вот что увидели и узнали о жизни крестьян. Из 25 наследственных дворов в этом селе большинство крестьян имеет 80–100 га земли, из них 10–15 га под лесом. В каждом хозяйстве имеется трактор, 6–8 лошадей, до 25 коров, 12–15 свиней. Чистопородные, одной масти коровы. Средний удой коровы достигает 4500–5000 литров молока в год.

Земля вокруг Берлина не отличается плодородием, а поэтому здесь сеют преимущественно рожь и сажают картофель. Пшеница, требующая хорошей земли, сеется в небольшом количестве, только для нужд хозяйства. Благодаря правильному севообороту, хорошим удобрениям и тщательной обработке земли, урожай в Германии при сравнительно плохих землях в 2–3 раза выше, чем в СССР.

Германия не знала тех разрушений жизненных основ крестьянства, которым подверглись крестьяне России. Забота правительства Германии о крестьянах, введение закона о наследственных дворах, освобождение руководителей хозяйств от мобилизации положительно сказываются на результатах сельского хозяйства. За период войны мощность сельских хозяйств не уменьшилась, а, наоборот, систематически увеличивается. Война не нарушает плодотворной жизни крестьян.

За время войны много немецких сельскохозяйственных рабочих ушло на фронт. Их заменили военнопленные и завербованные работники из освобожденных областей.

Далее в статье говорилось о хорошей жизни «восточных рабочих», будто бы получающих 70 марок в месяц и бесплатно – сытную пищу и хорошую одежду.

Нарисованная Д. Зуевым картина весьма реалистична и явно не придумана, несмотря на вероятную идеализацию положения «остарбайтеров» и ложность утверждения, будто в годы войны в Германии выросло сельскохозяйственное производство. В действительности к 43-му году производство зерна упало со 104 пунктов в 1939 г. до 92 (в 42-м – 86), а картофеля – со 105 до 75 (в 42-м – 101)[64]. Но на советских крестьян, одетых в военную форму, германское сельское хозяйство даже военного времени производило совершенно потрясающее впечатление. Ведь их отцы и деды в подавляющем большинстве до 1917 г. никогда не владели участками земли больше 4 га, а после 1929 г. лишились и их. Те надои, которые в Германии считались средними, для Советского Союза были труднодостижимыми рекордами.

Аналогичная поездка казаков, только не в деревню, а в Берлин, описана в статье Ф. Кудинова «Экскурсия в Германию», появившейся в журнале «На казачьем посту» 15 января 1944 г. Там подчеркивались многие детали немецкой жизни, поражавшие воображение советских граждан. Например, фруктовые деревья, стоявшие

вдоль дорог и ломившиеся от плодов. Выяснилось, что «по установившейся традиции путник пользуется только упавшими фруктами», поскольку деревья находятся в частной собственности. В Советском Союзе никому из колхозников и в голову бы не пришло, что нельзя лакомиться плодами с придорожного дерева, если рядом нет милиции или сторожа.

Большое впечатление на казаков произвело посещение лазарета, где вместе с немецкими солдатами лечились и военнослужащие «восточных войск». Кудинов особо подчёркивал:

> Инвалиды из этого лазарета выписываются только тогда, когда хорошо подготовлена культя, получен протез и обучен какому-либо ремеслу. Так что инвалиды войны в Германии не являются обузой для семьи и государства. На лицах у них вы не встретите ни печали, ни тревоги за будущую жизнь.

В СССР же после окончания Великой Отечественной войны наиболее изувеченных инвалидов согнали в колонию на Соловках, чтобы своим видом они не «портили» улицы больших городов.

Перед отъездом из Берлина эти же казаки посетили квартиру частнопрактикующего врача:

> Квартира состоит: из комнаты ожидания, приёмного кабинета, процедурной, рабочих кабинетов членов семьи, столовой, кухни, нескольких спальных комнат, библиотеки, всего – 12 комнат.

Далее перечислялось самое современное оборудование процедурной и кабинета, которое всё находилось в личной собственности врача. Кудинов отмечал, что чистый годовой доход врача, за вычетом налогов и коммунальных платежей, превышает 10 тыс. марок. При этом «все взрослые члены семьи имеют велосипеды, для посещения больных на дому имеется автомашина. Жизнь среднего врача в Германии нельзя сравнить даже с жизнью крупного специалиста – профессора Советского Союза».

С этим утверждением согласятся читатели фантастической повести Михаила Булгакова «Собачье сердце» (1925). Вспомним, что её главный герой, профессор Преображенский, будучи мировой знаменитостью, располагал только 7-комнатной квартирой, но и за это подвергался постоянным нападкам со стороны домового комитета. К началу же Великой Отечественной войны такая 7-комнатная квартира и для известного врача в СССР была невиданной роскошью, а современного оборудования не хватало даже в крупных клиниках. Многие советские граждане не могли мечтать и о велосипедах, которые стали одним из основных предметов реквизиции со стороны бойцов Красной Армии.

Кудинов зафиксировал впечатление казаков от посещения немецких мануфактурных и обувных магазинов: «Большой ассортимент товаров позволяет в любое время без очереди купить по карточкам необходимый товар. Вследствие этого население Германии настолько хорошо одето, что по костюму нельзя судить, кто перед вами: рабочий или инженер, сельский учитель или профессор». Как известно, до 1943 г. гражданское производство в Германии почти не сокращалось[65], и изобилие товаров на полках германских магазинов военного времени было недостижимым

идеалом даже для довоенного Советского Союза. Единственным пропагандистским преувеличением в очерке кажется рассказ о преуспевающих «восточных рабочих», некоторые из которых будто бы «приняли уже европейский вид: модная прическа, хороший костюм, и только значок “ОСТ” указывает на происхождение». Заканчивался же очерк агитационным пассажем совершенно в советском стиле:

> Политика национал-социалистической партии Германии направлена на поднятие материального уровня всех слоёв населения. Поэтому немецкий народ так любит свою родину, дорожит ею и предан своему правительству.

Необходимо отметить, что жизнь основной массы немцев была не столь безоблачной, как она виделась участникам пропагандистских экскурсий. Вот, например, свидетельства об условиях жизни в Германии бывшего рабочего, а потом техника завода «Ганномаг» в Ганновере Вольдемара Зоммера, оказавшегося в советском плену в октябре 1942 г.:

> Денег в настоящее время подавляющему большинству хватает, так как купить на них всё равно нечего. Я получал рабочим-токарем 200 марок в месяц, а техником 280 марок. Расходовал 27 марок на квартиру и 100 марок на питание, выдаваемое по карточкам. Большую поддержку в смысле питания давал мне мой личный огород. Остальные деньги тратить было некуда. Можно было бы, конечно, покупать товары по спекулятивным ценам, но они так высоки, что рука не поднимается что-либо купить.

По точному замечанию Зоммера, «в Германии тихо не потому, что население живёт в довольстве и благополучии, а потому, что гестапо “хорошо” работает»[66].

Стереотип Германии и у власовцев, и у казаков был практически одинаковым. Подобное сходство вряд ли можно объяснить тем, что они подчинялись директивам германского Министерства пропаганды, которое контролировало все коллаборационистские издания. Скорее, дело в том, что и у казачьего, и у русского населения были похожие условия жизни в СССР, от которых разительно отличалась благоустроенность немецкого быта. В отличие от русских коллаборационистов, у большинства участников германского движения Сопротивления изначально сложился негативный стереотип России и русских, отчасти под воздействием нацистской пропаганды, отчасти из-за бросавшегося в глаза сходства национал-социализма с большевизмом. Участники антигитлеровского движения, не исключая и членов Национального Комитета «Свободная Германия», не имели почти никакого адекватного представления о советской жизни. В отличие от русских коллаборационистов, немецкие коллаборационисты из числа пленных практически не покидали территории лагерей, а организованные для них экскурсии носили характер «потёмкинских деревень» и не могли служить источником объективной информации о советской действительности.

Подавляющее же большинство участников заговора 20 июля никогда не бывали на оккупированной советской территории, и их представления о России и русских носили, в основном, умозрительный характер, хотя и менялись по ходу войны в связи с изменением общей ситуации. Как отмечает Герд Юбершёр, «тема России и германо-советских отношений не выделялась в качестве принципиально важного пункта в программных документах консервативно-национальных кругов Сопротивления, а многие их представители находились под воздействием антибольшевистского “об-

раза врага”»[67]. Однако вряд ли можно согласиться с мнением немецкого историка о том, что по тексту приказа, отданного накануне нападения на СССР генерал-полковником Эрихом Гёпнером – одним из участников Сопротивления, – можно адекватно судить о его взглядах на Россию. В этом приказе со ссылкой на Гитлера говорилось о «беспощадной борьбе» с Советским Союзом, а предстоящее вторжение характеризовалось как продолжение «векового противоборства германцев и славян, защиты европейской культуры от московско-азиатского потопа и еврейского большевизма». При этом Гёпнер, вслед за фюрером, требовал «не давать пощады сторонникам русско-большевистской системы»[68]. Однако подобные приказы, подчас с использованием тех же самых словесных оборотов, издавали и командующие другими немецкими армиями, например, Рейхенау и Манштейн[69]. Скорее, первоисточниками этих документов можно считать инструкции и распоряжения вышестоящих инстанций, ОКВ, ОКХ и командующих группами армий, и вряд ли они были результатом личной инициативы генералов. Приказ Гёпнера от 2 мая отражал установки, данные Гитлером в большой речи перед генералами 30 марта 1941 г., где он заявил, что задачей вермахта в отношении России является уничтожение не только её вооружённых сил, но и государства как такового[70]. Поэтому вопрос о том, соответствовали ли такого рода приказы подлинным взглядам Гёпнера или Манштейна на Россию и русских, остаётся открытым. Точно так же по распоряжениям, которые отдавали в свою бытность в Красной Армии Власов и другие генералы-коллаборационисты, нельзя судить об их подлинных чувствах по отношению к Германии и немцам, поскольку они просто транслировали пропагандистские формулы из инструкций вышестоящих инстанций и выступлений Сталина.

Более тесно, чем участники Сопротивления, соприкасались с советской действительностью пленные – участники Национального комитета «Свободная Германия». Бывший вице-президент комитета офицер люфтваффе граф Генрих фон Айнзидель[71] в интервью журналу «Новый часовой» вспоминал:

> Когда я попал в плен, я не знал, кто такой Маркс, кроме того, что он еврей и изобретатель коммунизма. Я ничего не знал об истории и развитии Советского Союза, о Ленине, Сталине, Троцком. Но это не относилось к моим проблемам. Моей проблемой я считал «поставить часы на правильный ход в Германии и устранить Гитлера»[72].

Точно так же и некоторые русские коллаборационисты сначала не слишком интересовались теоретическими воззрениями Гитлера и Розенберга и нацистской расовой доктриной, считая своей главной целью свержение Сталина. Но очень скоро они убедились, что теория арийского «сверхчеловека» и славянского «недочеловека» была труднопреодолимым препятствием для создания прогерманского русского правительства и военных формирований. Как утверждает фон Айнзидель:

> Для меня было ясно, что сталинская Россия, сталинский Советский Союз в военном отношении гораздо сильнее, чем царская империя в Первой мировой войне. Когда я начал заниматься историей Советского Союза, то понял… что нападение Гитлера задним числом способствовало оправданию сталинской тирании. Если бы Сталин не провёл насильственную коллективизацию и не форсировал индустриализацию, Гитлер выиграл бы войну. Гитлер задним числом дал оправдание его (Сталина – *Б.С.*) террору[73].

Следует отметить: тезис о том, что только коллективизация крестьянства и ускоренная индустриализация обеспечили СССР победу в войне с Германией, весьма спорен. Ведь в случае, если бы крестьяне не были деморализованы коллективизацией, Красная Армия получила бы лучших по качеству бойцов, и значительно меньше советских граждан пополнили бы ряды вермахта и СС. Что же касается индустриализации, то она всё равно не помогла Советскому Союзу проводить успешную политику автаркии, и военная экономика СССР во многих критических пунктах зависела от англо-американских поставок по ленд-лизу. Переизбыток же количества танков и самолётов к началу войны негативно сказался на уровне освоения красноармейцами боевой техники.

Фон Айнзиндель вспоминает:

> Ещё в 1944 году в антифашистской школе в Красногорске я понял, что сталинская система является антиподом социалистической идеи… Гораздо позднее я понял, что Сталин был неизбежным продолжателем Ленина. Потом я увидел, как советские оккупационные власти обращаются с Восточной зоной Германии, с Венгрией, с Польшей.

Участники РОД излечились от иллюзий в отношении Гитлера значительно быстрее, чем деятели германского Сопротивления и члены Национального Комитета «Свободная Германия» – от своих заблуждений относительно Сталина, поскольку довольно скоро узнали о страданиях военнопленных и репрессивной политике на оккупированных территориях. Фон Айнзиделю и его товарищам глаза на сущность сталинского социализма окончательно открылись уже после войны, когда они узнали о трагической участи сталинградских пленных и о репрессиях, творимых советскими войсками в Германии.

Немецкая история и культура в изданиях Русского Освободительного Движения

В газетах русских коллаборационистов появлялось немало материалов о деятелях немецкой истории, науки и культуры, которые рисовались исключительно в позитивных тонах как приверженцы немецкой национальной идеи и друзья России. Как правило, статьи на эту, равно как и другие общеполитические и общекультурные темы, публиковались сначала в «Заре», а потом перепечатывались в «Добровольце».

В статье о Пауле фон Гинденбурге, опубликованной в «Добровольце» 4 апреля 1943 г., Н. Герасимов расценивал победу фельдмаршала под Танненбергом едва ли не как благо для России и фактически солидаризовался с пораженческой позицией большевиков:

> Тогда, в 1914 году, в Танненбергских лесах, русские и немцы встретились с оружием в руках, но и тогда, как и теперь, интересы России и Германии не были противоречивыми. В то время, как и теперь, Россия выступила на стороне Англии. Обманутая, она истекала кровью во имя чужих интересов. Тот яркий факт, что русский царизм вовлек народ в противную его интересам войну, лишний раз подчеркивает его антинародность. И то обстоятельство, что Гинденбург, как честный солдат, был вынужден с оружием в руках остановить кровавую авантюру царизма, должно нами рассматриваться как необходимость.

Одной из главных заслуг Гинденбурга автор статьи считал то, что он назначил рейхсканцлером Гитлера:

> Он дождался торжества. Народившееся новое национал-социалистическое движение, созданное Адольфом Гитлером, вывело Германию из состояния угнетения на широкую дорогу национальной чести. Престарелый президент навеки успокоился 2 августа 1934 года, успев передать руль правления новому вождю, беззаветно преданному интересам Германии. Он мог умереть спокойно, видя, как его великий приемник твердой рукой ведет дорогую ему Отчизну по предначертанному ей славному пути.

Г. Муромцев в статье «Железный канцлер Отто Бисмарк» («Доброволец», 11 апреля 1943 г.) подчеркивал стремление Бисмарка к дружбе с Россией и его роль как предшественника Гитлера в создании Германской империи, призванной господствовать в Европе:

> Отто Бисмарк – один из достойнейших вождей немецкого народа на его трудном пути организации справедливого сожительства народов на Европейском континенте. Бисмарк сделал первый шаг в этом направлении, создав в лице Германии первостепенную континентальную державу. Завершением исторического пути германского народа является великая борьба Адольфа Гитлера.

В статье о прусском военном теоретике Карле Клаузевице, которая появилась на страницах «Добровольца» 6 июня 1943 г., Г. Муромцев ссылался на то, что Клаузевиц «вместе с русскими солдатами и офицерами мужественно сражался на полях Бородина». Фигура Клаузевица неожиданным образом оказалась связанной с задачами РОД:

> Мы чествуем имя Клаузевица, ибо видим в великом немецком стратеге ученого и учителя, который разъяснил смысл и законы войны, такого пламенного патриота своей родины, каким мы хотим видеть всех русских людей, и искреннего друга России, помогавшего ей в тяжелые минуты не только словом, но также делом и оружием, ставя на карту собственную жизнь.

И в казачьих изданиях особо акцентировались факты, так или иначе связывающие казачество с Германией. В частности, упоминался «донской казак, немчин родом, Иоган (Иван) Ардов», сделавший во время осады казаками Азова в начале XVII в. подкоп под стену крепости[74]. В статье об Иоганне Готлибе Фихте, опубликованной «Зарей» 23 мая 1943 г., уже известный нам автор Донской указывал, что «общественно-политические, и особенно философские, идеи Фихте оказали сильное влияние на наиболее прогрессивную часть русской интеллигенции 40–60-х гг. Так называемые “Западники” во многом исходили из Фихте. Особенно много в деле распространения “фихтеанства” в России сделал Виссарион Белинский, создавший на его собственной основе более отвечающую русским условиям оригинальную философию». Также и в статье о Фридрихе Шиллере цитировались слова Белинского: «Да здравствует великий Шиллер! Да здравствует солнце, да скроется тьма!». Подчеркивалось сходство немецких романтиков и русских революционных демократов, близких идеям утопического социализма в стремлении обновить старое общество,

просветить народ и «сделать Россию культурной европейской страной». В статье о Михаиле Ломоносове акцентировалось внимание на том, как много дало ему пребывание в Германии, но ни слова не говорилось о его резких столкновениях с немецкой профессурой в Петербургской Академии наук.

Даже в статьях о творчестве немецких деятелей культуры, далеких от национал-социализма во всех отношениях, много внимания уделялось мотивам, родственным идеологии Гитлера. Например, в статье А. Чайкина к 110-летию со дня рождения композитора Иоганнеса Брамса, напечатанной в «Заре» 5 мая 1943 г., утверждалось, что «горячий патриот и сторонник идеи “Великой Германии” И. Брамс всеми силами стремился наиболее полно и отчетливо выразить в музыке национальное лицо немецкого народа».

12 мая 1943 г. в газете «Заря» была опубликована статья немецкого филолога Берндта фон Кюгельгена (1914–2000) «Русские друзья юности Шиллера», в которой утверждалось:

> Не подлежит никакому сомнению, что Шиллер, стоящий по сей день в близкой духовной связи с русским народом, которому он также обязан темой своей последней незавершенной драмы «Лже-Дмитрий», был… не только поэтом, одарившим русский народ, но и принявшим от русского народа дар культуры.

Тем самым, фактически признавалось равноправие немецкой и русской культур, что шло вразрез с теорией о «сверхчеловеках» и «недочеловеках».

В статье об Эрнсте Теодоре Амадее Гофмане («Заря», 4 апреля 1943 г.) говорилось о его влиянии на творчество Николая А. Полевого, Константина С. Аксакова, Алексея К. Толстого и Николая В. Гоголя, а в статье о Василии Жуковском («Заря», 25 апреля 1943 г.) – о роли поэта, знакомившего русскую публику с произведениями немецких романтиков. При этом, явно в угоду национал-социалистам, автор В. Киселев утверждал, что «немецкие романтики в своих гениальных творениях высказали проснувшееся национальное самосознание германского народа, выразили силу и мощь своей нации». Жуковский же характеризовался как первый русский поэт, который «прорубил окно в Германию» и «зажег факел своего творчества от священного огня национальной немецкой романтики и осветил им путь всего дальнейшего развития русской культуры». Получалось, что всё дальнейшее развитие русской культуры после Жуковского шло под сенью немецких романтиков. Здесь присутствует сознательное преувеличение, но направлено оно было, как кажется, не только на возвеличивание роли Германии, но и на то, чтобы сделать русскую культуру в таком виде приемлемой для идеологов национал-социализма и получить возможность пропагандировать ее среди русских пленных и перемещенных лиц, а также среди жителей оккупированных территорий.

Участники германского движения Сопротивления, в свою очередь, положительно относились к русской культуре, отделяя ее от большевистского режима, столь напоминавшего нацистский. Побывавший на Восточном фронте участник мюнхенской организации «Белая роза» Вилли Граф не только восхищался русскими пейзажами, но и ужасался тяжёлыми условиями, в которых приходится жить русским крестьянам. Он, ранее находившийся под влиянием пропаганды, представлявшей русских «недочеловеками», в письмах домой с удивлением отмечал, что среди местных жителей встречается немало «очень интеллигентных лиц» и что «самые про-

стые люди – крестьяне, рыбаки и ремесленники – знают Достоевского, судят о нём не поверхностно, а сознательно… В Германии нет ничего подобного: там можно достаточно редко встретить людей, действительно знающих Гёте, тогда как в России большие писатели и поэты не только популярны – их понимают»[75].

Избавление от иллюзий

Русские коллаборационисты из числа военнопленных не имели опыта тех эмигрантов первой волны, которым довелось жить в Германии при Гитлере. В статье 1948 г. «Германия – главный национальный враг России», вошедшей в книгу «Наши задачи», философ-эмигрант Иван Ильин выразил мнение большинства тех изгнанников, которые отказались от сотрудничества с национал-социалистами:

> Русские люди, прожившие хотя бы несколько лет в Германии между двумя мировыми войнами, видели и знали, что германцы не отказались от «движения на восток», от завоевания Украины, Польши и Прибалтики, и что они готовят новый поход на Россию. Русская эмиграция, жившая в других странах, не понимала этого или не хотела с этим считаться. Она предполагала рассуждать по опасной схеме: «враг моего врага – мой союзник» и по наивности готова была сочувствовать Гитлеру.
> Надо надеяться, что ныне эти иллюзии изжиты. Цель Германии была совсем не в том, чтобы «освободить мир от коммунистов», и даже не в том, чтобы присоединить восточные страны, но в том, чтобы обезлюдить важнейшие области России и заселить их немцами[76].

Участники РОД тоже довольно быстро избавились от иллюзий насчет Гитлера – «освободителя России от большевизма». Однако они старались сохранить иллюзии другого рода – о том, что антинацистски настроенные немецкие офицеры и генералы, работавшие с власовским движением, смогут, в конце концов, добиться изменения германской политики по отношению к России и к русским, в итоге, восторжествуют лучшие качества немецкого народа и станет возможна подлинная германо-русская дружба и союз. Этого не произошло и не могло произойти, поскольку национал-социалистические идеи и культ фюрера были слишком укоренены в Германии. Даже успех покушения 20 июля вряд ли привел бы к краху нацистского режима, а только к смене фюрера, и ничего не изменил бы в трагической судьбе русских коллаборационистов.

8 июня 1943 г. на совещании в Ставке Гитлер подтвердил, что Русская Освободительная Армия должна использоваться лишь как пропагандистский инструмент на советской стороне фронта, но не должна действовать как политическая сила на оккупированных территориях и создавать боеспособные соединения. Фюрер предложил использовать советских перебежчиков не в качестве добровольцев при немецких частях, а отправлять на работы в Германию, чтобы высвободить немецких рабочих для фронта. Он заявил:

> Мы никогда не создадим русской армии – это фантазия первого разряда… Мне не нужно русской армии, которую мне придется пронизывать чисто немецким скелетом. Если я получу взамен этого русских рабочих, это меня вполне устраивает[77].

Фюрер не доверял русским добровольцам и считал, что в их частях должен быть немецкий командный состав и туда необходимо направить значительное число немецких военнослужащих. А это, в свою очередь, ослабило бы немецкие соединения, тогда как «восточные войска» все равно бы оставались ненадежными союзниками. Когда об этом совещании узнали Власов и другие руководители РОА, они были потрясены и всерьез рассматривали перспективу прекращения своей деятельности. По свидетельству Штрик-Штрикфельдта, начальник штаба РОА генерал Федор Трухин в связи с этим заявил:

> Гитлер показал свое подлинное лицо. Русское Освободительное Движение может теперь рассчитывать только на себя и на немногих немецких друзей, которые останутся с нами. Наше движение будет жить, пусть даже оно принесет плоды уже, может быть, тогда, когда нас не будет[78].

Через несколько дней Власов встретился с одним из немецких генералов-заговорщиков. По утверждению присутствовавшего при встрече Штрик-Штрикфельдта, этот генерал сообщил Власову: «Сегодня я могу только сказать, что не исключено преобразование или смена германского правительства. Не исключен вопрос и о назначении нового Верховного главнокомандующего. Тогда нам понадобится ваше сотрудничество и помощь, генерал Власов»[79]. Данная встреча способствовала сохранению иллюзий насчет возможной смены нацистского режима у руководства РОД.

Военное сотрудничество с Германией в зеркале изданий Русского Освободительного Движения

Важный мотив в документах и периодике РОД – это тема русско-германского братства по оружию. В открытом письме «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» Власов заявил:

> Я пришел к твёрдому убеждению, что задачи, стоящие перед Русским народом, могут быть разрешены в союзе и сотрудничестве с Германским народом. …Высшие достижения Русского народа неразрывно связаны с теми периодами его истории, когда он связывал свою судьбу с судьбой Европы, когда он строил свою культуру, свое хозяйство, свой быт в тесном единении с народами Европы. Большевизм отгородил Русский народ непроницаемой стеной от Европы. Он стремился изолировать нашу Родину от передовых европейских стран. Во имя утопических и чуждых Русскому народу идей он готовился к войне, противопоставляя себя народам Европы.
> В союзе с Германским народом Русский народ должен уничтожить эту стену ненависти и недоверия. В союзе и сотрудничестве с Германией он должен построить новую счастливую родину в рамках семьи равноправных и свободных народов Европы[80].

В соответствии с этим в коллаборационистских изданиях немецкие войска рассматривались как «свои», а Красная Армия – как «чужая, вражеская». Успехи немецкого оружия всячески превозносились, а советского – умалялись. Например, 28 марта 1943 г. майор РОА Ф. Гусев писал в «Добровольце»:

С начала войны Русский народ начал стихийно подниматься против своих поработителей – большевиков. Не имея руководящего центра, это движение влилось в общий поток антибольшевистской борьбы под флагом Германской армии. Созданные при германских соединениях русские добровольческие отряды знаменуют собой начало освященного кровью союза Русского и Германского народов.

…Основную тяжесть в борьбе с большевизмом несет на себе германский народ. Эта борьба требует большого напряжения в людских ресурсах и материальных средствах. Основная часть боеспособного населения включена в армию. Остальные работают на обеспечение этой армии всем необходимым. Фронт требует больше танков, самолетов, орудий. Для производства их нужны люди. Сейчас в германской промышленности работают представители всех европейских народов, борющихся против большевизма. В этом числе работает и часть населения русских освобожденных областей.

25 апреля 1943 г. автор редакционной статьи «Тигр» в газете «Заря» пытался убедить читателей в безусловном превосходстве новых немецких танков над советскими образцами:

Тяжелые советские танки типа КВ-1, КВ-2 и Т-34 (который, строго говоря, был средним танком – Б. С.) не в состоянии бороться с «тигром». В боях у Ладожского озера недавно несколько «тигров» без потерь со своей стороны легко уничтожили 128 советских танков. В боях в Тунисе подтвердилось превосходство «Тигра» над американскими и английскими танками… Танк «Тигр» в руках опытных танкистов является новым страшным орудием борьбы.

Та же газета 11 июля 1943 г., в разгар Курской битвы, посвятила редакционную статью превосходству германской авиации. Там, в частности, говорилось, что за первые 5 дней боёв немцы сбили 947 советских самолетов, потеряв всего лишь 54 машины.

В основе этого превосходства, – отмечал автор, – лежит ряд причин. Прежде всего, германская авиация имеет безусловное численное превосходство над советской авиацией в районе боев. Затем бои показали безусловное превосходство вооружения германских боевых машин и их лётных качеств. И, наконец, одним из важнейших факторов, приведших к колоссальным потерям и крупным поражениям советской авиации, был тот факт, что Красная Армия растратила кадры опытных летчиков, и теперь основная масса летного персонала состоит из плохо, наспех обученной молодежи, в то время как германскими машинами в этих боях управляют опытные кадровые летчики, в значительной части с довоенным стажем.

Здесь в действительности не было практически никакого пропагандистского преувеличения. Советские источники подтверждают, что танковые соединения Красной Армии в столкновениях с «тиграми» несли примерно такие же потери, что были указаны в статье «Зари». Например, только в период с 5 по 10 сентября 1943 г. 503-й батальон «тигров», насчитывавший 45 танков, практически не имея безвозвратных потерь, уничтожил 501 советский танк[81]. Та же картина и с самолетами. По нашей оценке, в целом, в Курской битве советские ВВС потеряли около 3300 самолетов, тогда как войска люфтваффе лишились не более чем 700 машин[82].

Вот насчет причин высоких потерь советской авиации неизвестный автор статьи в «Заре» только частично оказался прав. Действительно, более высокое боевое мастерство германских пилотов было главным фактором, обеспечившим успехи люфтваффе на Восточном фронте. Из-за больших потерь к 1943 г. в Красной Армии осталось очень мало опытных летчиков. Сказывалось также превосходство немцев в тактике и их умение массировать авиацию на отдельных участках фронта, благодаря чему удавалось создавать локальное численное превосходство. Между тем у войск люфтваффе никогда не было общего численного превосходства над ВВС Красной Армии во время войны. И по основным тактико-техническим данным советские самолеты в 1943 г., в целом, не уступали немецким (за исключением истребителя «фокке-вульф-190» последней модификации, превосходившего советские машины). В этом, однако, соотношение на Востоке для люфтваффе было гораздо более благоприятным, чем на Западе. Не случайно в последние полтора года войны немцы использовали Восточный фронт как своеобразный учебный полигон, куда направляли после училищ молодых пилотов. Там они могли обстреляться в относительно более спокойных условиях, чтобы потом драться против гораздо более опытного и технически лучше оснащенного западного противника[83].

Генрих фон Айнзидель, летчик-истребитель, сбивший 35 советских самолётов, сравнивал действия люфтваффе на Восточном фронте с охотой на «птичек», которые, правда, в отличие от настоящей дичи, могли отстреливаться. Но это только придавало охоте спортивный азарт. Фон Айнзиндель вспоминал свой разговор со знаменитым асом Иоганнесом Штейнхофом, одержавшим 176 побед. На его замечание – «Вы должны признать, что русские не были спортсменами» – фон Айнзидель остроумно возразил: «Что, когда загоняют зайца или тетерева, считает ли дичь это для себя “прекрасным спортом”?»[84].

Вместе с тем, газеты РОД публиковали статьи с пропагандистскими клише, весьма далёкими от реальности. Абсурдным выглядело в январе 1944 г. утверждение, будто «германское командование сумело остаться господином положения»[85]. Столь же недостоверна информация, будто «11 новых типов самолетов обеспечивают германской авиации превосходство над самолётами всех других стран»[86]. Это писалось в тот момент, когда войска люфтваффе всё больше проигрывали англо-американской авиации битву за господство в воздушном пространстве Рейха.

Поскольку согласно расовой теории русские, как и большинство других славян, относились к «недочеловекам», «унтерменшам», то немцы не считали власовцев равноправными партнерами. Когда Власов попробовал говорить во время своих выступлений на оккупированных территориях, в частности, в Гатчине, о «содружестве двух великих народов, русского и немецкого»[87], встал даже вопрос о прекращении его деятельности. Поэтому в пропаганде, пусть в мягкой форме, приходилось представлять РОА младшим партнером вермахта, утверждая, что власовской армии ещё многому предстоит научиться у «старшего брата»[88].

С этой целью сотрудники «Добровольца» придумали немецкого штабс-ефрейтора Макса Зильбергорна, который в своих письмах обращался к бойцам РОА с различными советами и рекомендациями. Так, в номере от 25 июня 1944 г. в письме «Гоните этого человечка!» «Зильбергорн» предостерегал русских солдат от героя немецких сатирических плакатов «Коленклау», «угольного вора» – «человека с крысиной мордочкой и вороватой походкой».

Это – символ расточительности, – говорилось в письме, – моральной нечистоплотности, стремления поживиться за счет другого… Трудно среди нас найти человека, который обладал бы всеми присущими Коленклау чертами. Но кое-что от этого субъекта можно найти, пожалуй, у многих. Недаром в одном из остроумных немецких плакатов говорится, что каждый должен взять зеркало и хорошенько посмотреть, не похож ли он хоть немножко на Коленклау. Давайте и мы с вами возьмем зеркало в руки!

«Зильбергорн» обращался к военнослужащим РОА:

Дорогие добровольцы! Все вы, кто носит сейчас немецкую военную форму, поставили себе задачей вместе с нами довести до победного конца навязанную нам войну. Наш фюрер в одной из своих речей сказал, что последний батальон, который останется на поле боя, будет, безусловно, немецкий. Я невольно вспоминаю слова моего бывшего командира роты, обер-лейтенанта Ш., который, прощаясь с нами в Милау, произнес речь, в заключение которой сказал: «Последним батальоном, который останется на поле боя, должен быть и будет батальон немецких войск и, надеюсь, со своими соратниками-добровольцами. Я с удовольствием вспоминаю эти слова, так как уверен, что именно так и будет.

Война достигает своего кульминационного пункта, она будет доведена нами до победного конца. Но чтобы этого добиться, необходимо думать буквально обо всем. И вам, друзья, никогда нельзя об этом забывать. Начнем хотя бы с вашей формы. Мы, немцы, носим одинаковое с вами обмундирование, оружие, короче говоря – имеем то же самое, что и вы. Нет смысла лишний раз повторять, что и к обмундированию, и к оружию нужно относиться бережно.

Каждый из нас может помочь тому, чтобы наше обмундирование носилось дольше. Мы должны приучить себя к мысли о том, что мы только тогда быстро придем к победе, когда во всем будет порядок и, в частности, когда будем экономить как можно больше сырья.

…Мы не должны лениться. Если, например, френч начинает распарываться, то нужно, не долго думая, нести его к ротному портному. Если сапоги износились – торопись нести их к сапожнику. Это я привожу только в качестве примера. Подобных случаев можно привести массу».

В этом письме немало пропагандистских преувеличений. В июне 44-го, еще до формирования Власовым дивизий РОА, русские добровольцы в вермахте и обмундировывались, вооружались хуже немецких солдат, хотя с начала 1944 г. всех «восточных добровольцев» формально уравняли в правах с немцами. В победу немецкого оружия тогда не верил уже почти никто ни среди немецкой армии и населения, ни среди коллаборационистов. Коллаборационистам наверняка было унизительно читать нехитрые солдатские премудрости, которые они и без того хорошо знали, преподносимые от лица мифического немецкого ефрейтора как некие откровения.

Несколько иначе призывал своих казаков ориентироваться на немецкий военный опыт генерал Краснов. В «Беседах старого казака с молодыми» он ставил в пример немецкий устав подготовки пехоты, где, в частности, подчёркивалось: в донесениях «следует выделять то, что сам видел, от того, что другой заметил или сказал, и что является предположением. Следует указывать источник полученных сведений. Предположения следует обосновывать. Неправильные и преувеличенные донесения затрудняют командование и часто приводят к ненужным жертвам». «Старый казак» убеждал подчинённых, что «толковые донесения» должны дать начальнику «точную

картину того, что происходит у неприятеля», чтобы он по карте «как бы сам всё это увидел»[89]. Действительно, неточные донесения, преувеличивающие собственные успехи и потери противника, были бичом русской армии ещё со времен русско-японской и Первой мировой войны.

Вернемся к «Добровольцу»: в номере от 25 июня 1944 г. рядом с «письмом Зильбергорна» было помещено известное стихотворение «Всю жизнь любил он рисовать войну», подписанное инициалами К.С. Это одно из программных произведений Константина Симонова, написанное в 1939 г. Им поэт, в частности, открыл свой сборник 1962 г. «Стихи. Поэмы. Вольные переводы. 1936–1961», вышедший в издательстве «Советский писатель». Здесь есть такие строки:

Всю жизнь любил он рисовать войну,
Беззвездной ночью наскочив на мину,
Он вместе с кораблем пошел ко дну,
Не дописав последнюю картину.
…….
Никак не можем помириться с тем,
Что люди умирают не в постели,
Что гибнут вдруг, не дописав поэм,
Не долечив, не долетев до цели.

Как будто есть последние дела,
Как будто можно, кончив все заботы,
В кругу семьи усесться у стола
И отдыхать под старость от работы…

Эти строки, навеянные судьбой художника Василия Верещагина, погибшего во время русско-японской войны при взрыве броненосца «Петропавловск», одни из лучших у Симонова. Они в чём-то перекликаются с мыслями Мартина Хайдеггера о «последних вещах» в жизни каждого человека и посвящены тем, кто живет ради высокого долга, кто до конца следует своему предназначению и не может умереть как простой обыватель, пенсионером в кругу семьи. Поэт относил это стихотворение, прежде всего, к советским людям, в том числе к красноармейцам. В «Добровольце» же оно было помещено над фотографией немецкого экипажа танка «тигр», приготовившегося вступить в бой. Тем самым, солдаты вермахта представлялись героями, готовыми до конца выполнить свой долг и отдать жизнь за победу. В скрытом же подтексте при желании можно было прочесть, что немцы обречены на гибель, подобно персонажам стихотворения. Если этот подтекст действительно имелся в виду редакцией, можно предположить, что в данной публикации отразилось присущее власовцам чувство обречённости.

Несмотря на военное сотрудничество и практически полную зависимость от немцев, власовцы, особенно в последние месяцы войны, старались дистанцироваться от Рейха. Это, в частности, отразилось в лозунге, который Власов неоднократно повторял в беседах со своими подчиненными: «В Россию – с немцами, в России – сами»[90]. В то же время, подавляющее большинство коллаборационистов не имело сколько-нибудь ясного представления о национал-социализме. Идеологи РОД не считали эту идеологию приемлемой для России. Это соответствовало и намерениям Гитлера, который неоднократно повторял, что национал-социализм не предмет для

Власов во главе войск РОА, 1944 г. В июле 1942 г. он попал в немецкий плен и в конце года был назначен председателем «Русского комитета» – подразделения СС.

экспорта. По утверждению Стеенберга, у власовцев «пропагандируемой целью была национальная, свободная и демократическая, но не обязательно капиталистическая Россия»[91].

Эволюция образа Германии и немцев в сознании Власова

В мемуарах Фрёлиха запечатлены рассказы командующего РОА о том, как у него формировался положительный стереотип немцев:

> Я вырос в деревне. В моем уездном городе я еще подростком познакомился с первыми немцами в своей жизни. Что это были за люди! Одного звали Карл Карлович, он был аптекарь. Эта профессия совершенно соответствовала его характеру, так как он был готов оказывать помощь любому, в ней нуждающемуся. Он часто давал бедным лекарства безвозмездно или по грошовой цене. Он был всегда честен, корректен и преисполнен чувством долга. Он никогда не был возбужден и редко гневался. Русские его любили и хвалили. Его личность вызывала у меня уважение ко всем немцам.
> Другой немец, Артур Оскарович, был старым учителем. Он был педантом, сухим и сдержанным на словах. На его хорошо выглаженном мундире[92] не было ни пылинки. Он был лютеранином, но каждый день появлялся в нашем соборе и выстаивал всю службу, подтянутый, неподвижный, вместе с другими чиновниками. Я думаю, что таким образом он хотел показать пример своим ученикам…[93]

На основании личного опыта генерал Власов в беседе с Фрёлихом сделал общий вывод:

> Русский народ всегда с большим почтением относился к немцам. Это доказывает и поговорка, что «немец обезьяну выдумал». Эта вера во всезнание немцев, в их превосходное понимание техники, в их работоспособность и прилежание сохраняется ныне, несмотря на

все жестокости, которые наш народ пережил в теперешней войне. …Вы же, немцы, усиленно стараетесь эту положительную оценку нарушить. Для чего вы это делаете? Это же не может быть результатом каких-либо исследований или рациональных соображений! Неужели немецкий человек за эти годы так изменился к худшему? Новый образ немцев, который я теперь, к сожалению, часто встречаю, – это только тупость, высокомерие, невероятная грубость и неспособность понимать мыслящих по-другому. Те немецкие друзья, которые меня посещают и которые со мной вместе сражаются за наше общее дело, – по существу не настоящие немцы. …Да и ты, Сергей, только наполовину Фриц[94].

Конечно, на оценку Власовым немцев влияли его условия жизни – пребывание в плену и его должность руководителя РОА – союзницы вермахта. Однако трудно усомниться в общей положительной оценке Власовым немцев, поскольку похожие мысли он высказывал в беседах с коллегами еще в СССР, где его слова могли вызвать обвинения в германофильстве, восхвалении потенциального противника и даже в измене. На совещании высшего командного состава Красной Армии в декабре 1940 г. Власов, командовавший 99-й стрелковой дивизией, которая располагалась на советско-германской демаркационной линии в районе Премышля, заявил:

Мы живём на границе, каждый день видим немцев. Куда бы ни шел немецкий взвод, они идут исключительно четко, одеты все однообразно. Я указывал своим бойцам: «Вот – капиталистическая армия, а мы должны добиться результатов в 10 раз больше». И бойцы обращали внимание. Ведь за 100 м мы хорошо видим друг друга, и, наблюдая немецкие взводы, наши взводы стали крепко подтягиваться… Были случаи, когда немецкий офицер нас четко приветствовал, а наши – не приветствовали. Тогда мы говорили, что дружественную сторону нужно приветствовать и теперь стали неплохо приветствовать[95].

Власов, как и многие другие коллаборационисты, в восприятии немцев и Германии опирался на традиционный русский стереотип – в целом, положительный и восходящий, по меньшей мере, к эпохе Петра I. В литературе XIX века этот стереотип отражен, в частности, в образе Штольца в романе Николая Гончарова «Обломов». Немцы для русских были образцом аккуратности, педантичности, деловитости, исполнения служебного долга. Власов сохранил эти представления, когда сам очутился в Германии. Правда, общение с немцами у него, как и у других русских коллаборационистов, было, в основном, на туристическом уровне. Когда, проезжая на поезде через Восточную Пруссию, Власов впервые увидел немецкие деревни, ухоженные поля, тучный скот, чистые и уютные дома, то не скрыл восхищения от сопровождавшего его лейтенанта жандармерии: «Это действительно хорошо!»

С Фрёлихом Андрей Андреевич в начале 1944 г. делился свои впечатлениями от Германии и судил о положительных качествах немецкого народа, с точки зрения общечеловеческих ценностей:

Напротив нашей виллы расположено поле. В часы вынужденного безделья я часто наблюдаю за крестьянином, который работает на этом поле. Как точно он тянет каждую борозду! Как старательно убирает каждый камешек! Я, сын крестьянина, могу как профессионал оценить результат такой работы. Только теперь я начинаю верить рассказам, что немцы могут извлекать из земли в 3–4 раза больше, чем мы…

В Рупольдинге я любовался красивыми, пестро раскрашенными домиками среди цветов. Я думал, что это летние резиденции каких-нибудь капиталистов, которые достигли своего благосостояния, используя класс трудящихся. Ведь так звучит формула, которую в нас вбили в Советском Союзе! И когда мне было сказано, что эти дома принадлежат лесным рабочим, самому бедному сословию в деревне,.. я не мог этому поверить. Я думаю, что в Советском Союзе скромнее живут высокопоставленные аппаратчики, директора банков или фабрик. И я вынужден сказать: вы, немцы, дважды победили меня – однажды на Волхове, а другой раз здесь, в сердце Германии.

Я все время думаю о той женщине, которая нам показала свой дом. Она обыкновенная немецкая женщина. Ее, вероятно, можно считать представительницей всех немецких женщин. Но почему же я должен ее ненавидеть? Из-за того, что она немка? Из-за того, что она послала на войну своих сыновей? Хотя я и не понимаю ее языка, но я понял звук ее слов… Для меня и для нее было важно только то, что все мы – люди[96].

В то же время, следует подчеркнуть, что до того, как попасть в немецкий плен, Власов полностью разделял негативный стереотип немцев, созданный советской пропагандой. Одной из двух своих тогдашних жён, Анне Власовой, он писал 11 декабря 1941 г.:

…Наша жизнь теперь стала веселее – главное, бьем фашистов и гоним их без оглядки. Прошли уже те времена, когда они считали себя непобедимыми. Сейчас они так удирают, что не поспеваем иногда их догонять. Посмотрела бы ты, как они одеты в женские платья, платки, чулки, шубки и в другое разное барахло. Бьём мародёров.

А другой жене, Агнессе Подмазенко, Власов сообщал 17 мая 1942 г.:

Не взирая ни на что, мы проклятых извергов фашистов всё равно сотрём с лица земли. И это будет скоро. Поверь, что теперь немцы уже не те, что были раньше, да и мы крепко за прошедшее время научились кой-чему, как, главное, бить фашистов их же методами, создавая им мешки и окружения[97].

Тогда генерал ещё не знал, что совсем скоро окажется в окружении и в плену. Но и командуя одной из советских армий, он продолжал высоко ставить германское военное искусство и признавал, что Красной Армии пришлось учиться у противника. При этом, остаётся неясным: верил ли Власов действительно в то, что немцы стали воевать хуже Красной Армии, или повторял пропагандистские лозунги, опасаясь цензуры.

Коллаборационистам фактически пришлось сформировать два отдельных стереотипа, связанных с немцами. После того, как рассеялись первые иллюзии, что немцы могут освободить русский народ от большевизма, в сознании тех, кто выступал на стороне Германии, произошло четкое разделение: с одной стороны – нацисты, а с другой – противники нацистской идеологии. Власов, например, так отзывался об одном из участников антигитлеровского заговора бароне фон Фрейтаг-Лорингофене: «Этот барон мне очень нравится, когда я с ним что-либо обсуждаю, я забываю, что он немец. Его доводы и то, как он их излагает, доказывают, что он желает нашего успеха…»[98]. А Штрик-Штрикфельдту Власов говорил:

> Видите, Вильфрид Карлович, чего я понять не могу. Вот тут, в Тиргартене, люди кормят птиц и кошек, относятся к ним с любовью, а в лагерях оставляют военнопленных умирать с голоду. И это те же немцы делают – и то, и другое… Немцы – прилежный, трудолюбивый народ; они скромны и бережливы. …Но в ходе вашей истории вас преследует рок: появляются императоры, вожди – и всё летит. Разве это не так? И немцы начинают все сначала и работают, как волы, чтобы снова добиться благосостояния. Это сделало их мелочными и завистливыми[99].

Когда же было запрещено распространять на оккупированной территории подписанное генералами Власовым и Василием Ф. Малышкиным так называемое «Смоленское воззвание», стало ясно, что оно имеет только пропагандистское значение, направлено лишь на разложение Красной Армии и не отражает подлинных взглядов германского руководства. Власов в связи с этим лишился последних иллюзий насчёт целей Гитлера в отношении России и удивлялся только тому, что в нацистской Германии «люди еще могут сами ослаблять гайки и что таких людей, как доктор Р., Мартин, Гроте[100] и Штрикфельдт, не поставили к стенке»[101].

В эволюции отношения Власова к Германии и немцам можно выделить три этапа. До того, как он оказался в плену, общая положительная оценка, связанная с воспоминаниями юности, сочеталась с советским пропагандистским стереотипом немцев как вероломных захватчиков, побеждающих только благодаря численному и техническому превосходству и внезапности нападения. В плену образ Германии и немцев у Власова первоначально был целиком положительным, однако, потом, под влиянием информации о нацистских преступлениях, стал более многомерным. При этом командующий РОА считал основную массу немцев пособниками Гитлера.

* * *

Коллаборационисты так и не смогли дать рационального объяснения, почему немцы почти до самого краха Рейха не рассматривали их в качестве полноправных союзников. Уже в 70-е годы К. Кромиади пришел к весьма парадоксальному выводу:

> …Когда на политическом горизонте появился генерал А. Власов, Гитлер с упорством маньяка продолжал быть нетерпимым по отношению к русским национальным формированиям, хотя тогда уже ясно и бесспорно в перспективе было поражение Германии. Очевидно, он думал, что, раз Германия проиграла войну, то пусть и Россия останется коммунистической, ибо после войны разбитая Германия скорее станет на ноги, чем коммунистическая Россия, если даже она выйдет из войны победительницей[102].

Трудно сказать, действительно ли Кромиади и кто-либо из его соратников именно так думали о мотивах действий фюрера в годы войны. Скорее, можно предположить, что подобная оценка намерений Гитлера учитывала послевоенные события – «экономическое чудо» в Западной Германии, выявившуюся экономическую слабость СССР и стран Варшавского пакта, а также политическую нестабильность в ряде стран Восточной Европы (ГДР, Венгрия, Польша).

В целом, повторим, стереотип Германии и немцев у русских коллаборационистов во многих пунктах совпадал с действительностью. Это тем более удивительно, что их знакомство с немецкой жизнью было достаточно поверхностным и ограничива-

лось туристическими поездками в Рейх и общением с немцами-переводчиками, поскольку подавляющее большинство коллаборационистов немецкого языка не знало. Данный опыт позитивного восприятия вчерашнего противника на поле боя не имел никакого продолжения и не вошёл в русскую культурную традицию, поскольку с гибелью Третьего рейха сошло на нет и Русское Освободительное Движение.

Довольно реалистическое и положительное восприятие Германии и немцев служило в некоторой степени оправданием коллаборационизма. Однако параллельно сформировался отрицательный стереотип Гитлера и национал-социализма, у которых было слишком много общих черт с новым противником – Сталиным и коммунизмом. Вспомним, как в романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» (1960) майор Ершов, возглавивший антифашистскую организацию в немецком лагере, размышляет о власовской пропаганде:

> Власовские воззвания писали о том, что рассказывал его отец (об ужасах раскулачивания – *Б.С.*). Он-то знал, что это правда. Но он знал, что эта правда в устах у немцев и власовцев – ложь. Он чувствовал, ему было ясно, что, борясь с немцами, он борется за свободную русскую жизнь, победа над Гитлером станет победой и над теми лагерями, где погибли его мать, сестры, отец[103].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Эта фраза принадлежит боевому соратнику Власова профессору медицины Федору П. Богатырчуку. Ср.: *Федор П. Богатырчук.* Мой жизненный путь к генералу Власову и Пражскому манифесту. – Сан-Франциско, 1978. С. 13.

[2] Андрей Андреевич Власов (1901–1947) – с 1930 по 1942 гг. член ВКП(б); в 1942 г. попал в немецкий плен, будучи командиром 2-й Ударной армии (Волховский фронт); назначен немецким правительством руководителем Русской освободительной армии, которая состояла из советских военнопленных и добровольцев; в 1945 г. власти США выдали Власова Советскому Союзу, где он был приговорен к смертной казни Военной коллегией Верховного суда СССР и казнен в 1945 г.

[3] Петр Николаевич Краснов (1869–1947) – генерал-лейтенант, один из главнокомандующих контрреволюционными войсками на Дону во время Гражданской войны. В 1919 г. эмигрировал в Германию. После нападения Германии на Советский Союз сотрудничал с нацистскими политиками. В 1947 г. был казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Краснов был также известен в 1930-е гг. в Германии как автор бестселлеров: «Все проходит» (или «Костя, казак», 1925–26), «Largo» (1930), «Цесаревна, 1707–1762» (1933), «Ненависть» (1934), «От двуглавого орла к красному знамени. 1894–1921».

[4] Из записной книжки генерал-майора В.Ф. Малышкина (1945–1946 гг.) // Русское прошлое. Вып. 6. – СПб., 1996.

[5] См.: *Колесник А Д.* РОА – власовская армия. Судебное дело А.А. Власова. – Харьков, 1990.

[6] Подробнее об отношении Вильфрида Карловича Штрик-Штрикфельдта к нацистской политике в оккупированных областях и к русской культуре ср. в данном издании: *С. Константинов.* Замыслы и реальность. Школьная политика Третьего рейха в оккупированных областях. Т. 1.

[7] Ср. здесь: *Matthias Schröder:* Deutschbaltischer SS-Führer und Andrej Vlasov 1942–1945; «Rußland kann nur von Russen besiegt werden»; Erhard Kroeger, Friedrich Buchardt und die «Russische Befreiungsarmee». – Paderborn u. a. 2001. S. 124.

В т. ч. о значении воспоминаний Штрик-Штрикфельдта: Вместо этого появился «круг» так называемых «свидетельств» – документов, написанных в стиле репортажа, и мемуаров, которые ссылались друг на друга, – и на «поверку» оказалось, что они основаны на одних и тех же источниках. Свен Штеенберг, он же Дёллерт, служил во время войны переводчиком и офицером связи в органах местного самоуправления на оккупированных территориях СССР. Сергей Фрёлих, лич-

ный доверенный Власова, отвечавший за его безопасность, занимал должность хауптштурмфюрера СА. Штрик-Штрикфельдт – посредник между вермахтом и Власовым – лишь в 1970 г. опубликовал свои воспоминания, написанные в 1944 г. Учитывая, сколько времени прошло между написанием и публикацией этого источника,… странно, что в научной литературе ему уделено так мало внимания…». Там же. С. 123. *Прим. нем. ред.*

[8] Большую трудность представляет то обстоятельство, что до сих пор, за редким исключением, не введены в научный оборот массовые источники – письма и дневники коллаборационистов, относящиеся непосредственно к периоду войны. Поэтому приходится реконструировать существовавшие в то время представления о Германии и немцах при помощи анализа подцензурных пропагандистских изданий и позднейших воспоминаний, скорректированных с учётом послевоенных реалий.

[9] *Хильгрубер А.* Предисловие // *Фрёлих С.Б.* Русские и немцы между Гитлером и Сталиным. Пер. с нем. Ю.К. Мейера и Д.А. Левицкого. – Tenalfy: Hermitage, 1990. С. 8.

[10] Польские легионы комплектовались, главным образом, жителями австрийской Польши, русских поляков там было немного. «Союзу освобождения Украины», развернувшему пропаганду среди военнопленных-украинцев, лишь немногих удалось завербовать в украинские (галицийские) дивизии австрийской армии, комплектовавшиеся из подданных Австро-Венгрии. К концу войны был создан Грузинский легион, принявший участие в оккупации Грузии германо-турецкими войсками в 1918 г. Общее число коллаборационистов из числа российских подданных в этих формированиях не превышало нескольких тысяч человек, и они не играли никакой серьёзной военной или политической роли. Собственно же русские формирования Центральные державы даже не пытались создавать. Положение российских пленных было тяжелее, чем их товарищей по несчастью из Англии и Франции, поскольку правительство России имело меньше возможностей помогать своим пленным, чем страны Антанты.

[11] О положении российских пленных в годы Первой мировой войны см. статьи С.Н. Васильевой «Русские военнопленные в Германии в годы Первой мировой войны» и «Русские военнопленные в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны» в 1-м выпуске «Учёных записок кафедры всеобщей истории Московского Государственного Открытого Педагогического Университета» (М., 1996). С. 110–117.

[12] См.: *Christian Streit:* Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. – Stuttgart, 1978.

[13] Это было массовое коллаборационистское движение. В вермахте и частях СС служило в разное время более миллиона советских граждан, из которых примерно половину составляли этнические русские. Кроме того, миллионы русских, украинцев и представителей других советских национальностей были заняты во вспомогательной полиции и органах оккупационной администрации. См.: *Dallin Alexander:* German Rule in Russia 1941–1945. A study of occupation policies. London – N. Y., 1957. P. 427, 658; *Reitlinger Gerald:* The House Built on Sand: The Conflicts of German Policy in Russia, 1939–1945. – London, 1960. P. 21, 446. а также: *Александров К.М.* Из истории насильственных репатриаций (1945–1946 гг.) // Россия и Запад. – СПб., 1996. С. 227–228.

[14] Как известно, феномен коллаборационизма, т. е. сотрудничества населения с оккупационными властями и армией враждебного государства, существовал во всех захваченных Германией европейских странах. Однако разные виды коллаборационизма отличались друг от друга в зависимости от страны и народа. Созданные при германской поддержке правительства Словакии и Хорватии должны рассматриваться как союзники Рейха, а не коллаборационисты, поскольку располагали собственной армией, полицией и административным аппаратом. Сложнее определить положение правительства Виши во Франции. До полной оккупации страны в ноябре 1942 г. его можно сравнивать с хорватскими и словацкими властями. Позднее вишисты стали подобны по типу коллаборационистам в германских протекторатах Богемии и Моравии, Дании и Норвегии. Там местные власти располагали собственной полицией и администрацией, функционировавшей, однако, параллельно с германскими полицейскими и административными органами.

См.: *Кудряшов С.В.* Предатели, «освободители» или жертвы войны? Советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль. – М., 1993. № 14. С. 91. Французскому коллаборационизму посвящена обширная литература. См., например: *Amouroux H.* La grande histoire des Français sous l'occupation. Vol. I–III. – Paris, 1977–1978; *Azema J.P.* La Collaboration, 1940–1944. – Paris, 1975.

[15] В этих странах были опубликованы документы РОД и мемуары уцелевших его участников. В 50-е гг. к теме русского коллаборационизма обратились западные исследователи, использовавшие как мемуарную литературу и интервью с участниками РОД, так и трофейные германские архивы и, в частности, архив Международного Трибунала в Нюрнберге. Написанные в тот период работы Александра Даллина и Джеральда Рейтлинджера, где коллаборационизм рассматривается в рамках исследования германской оккупационной политики в России, остаются классическими и не устарели и в наши дни (см. прим. 13). В этих работах важную роль при анализе деятельности генерала Власова и его соратников играла формулировка «между Сталиным и Гитлером», впервые предложенная в мемуарах П. Клейста – германского дипломата, работавшего с участниками РОД. Поражение власовского движения объяснялось порочностью германской оккупационной политики, так и не предложившей народам СССР реальной альтернативы большевизму и использовавшей их, в основном, в качестве объекта экспансии и эксплуатации. В то же время, коллаборационисты рассматривались как люди, в своём сотрудничестве с неприятелем руководствовавшиеся самыми различными мотивами: от убеждённого неприятия советской власти до стремления выжить любой ценой в условиях плена и оккупации. Библиографию работ о русском коллаборационизме см.: *Шатов М.* Библиография Освободительного Движения народов России // Труды архива РОА. – Нью-Йорк, 1966; *Андреева Е.* Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. – Лондон, 1990. С. 306–326.

[16] *Андреева Е.* (см. прим. 15); *Хоффман Й.* История власовской армии. – Париж 1990.

[17] *Бетелл. Н.* Последняя тайна. – Лондон, 1974. См. в оригинале: *Nikolas Betell:* The last secret. Forcible Repatriation to Russia 1944–47. – London 1974; *Толстой Н.* Жертвы Ялты. – Париж, 1988; среди более ранних исследований, созданных участниками РОД, см., например: *Науменко В.Г.* Великое предательство. К истории выдачи казаков в Лиенце и других местах. Т. 1–2. – Нью-Йорк, 1962–1970. Следует назвать также работу российского историка Кирилла М. Александрова, посвящённую проблеме насильственной репатриации коллаборационистов (см. сн. 13).

[18] См.: *Бортневский В.Г.* Против своего отечества // Ленинградский университет, 1989, 19 июня (в этой статье впервые в СССР процитированы основные положения Манифеста Комитета освобождения народов России); *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Кн. 2. Ч. 1. – М., 1989; *Коренюк Н.Д.* Трудно жить с мифами // Огонёк, 1990, № 46; *Колесник А.Д.* Генерал А.А. Власов – предатель или герой? – М., 1991; *Пальчиков П.А.* История генерала Власова // Новая и новейшая история; *Бахвалов А.Л.* Генерал Власов. Предатель или герой? – СПб, 1994; *Левин И.И.* Генерал Власов по ту и эту линию фронта. Документы. Воспоминания. Письма. – Мурманск, 1995. Из работ, где личность командующего РОА не находится в центре исследования, необходимо отметить цикл статей К.М. Александрова в петербургском журнале «Новый часовой», посвящённых истории казачьих соединений, сражавшихся на немецкой стороне. Здесь рассматривается история их формирования и боевых действий, но практически не затрагивается социальная и психологическая проблематика. Главный упор делается на собирание и систематизацию фактов, а не на их истолкование. Это вполне закономерно для той начальной стадии, в которой находится исследование коллаборационизма в России. См.: *Александров К.М.* Казачество России в 1941–1943 гг. Неизвестные страницы истории // Новый часовой, 1995, № 3; *Он же.* Трагедия русского казачества: 1943–1944 гг. // Там же, 1996, № 4; *Он же.* Казачество во Второй мировой войне: к истории создания Казачьего Стана (1942–1943 гг.) // Там же, 1997, № 5; *Он же.* Казачий Стан и Главное Управление Казачьих Войск в 1944 г. // Там же, 1998, № 6–7.

[19] См.: *Пальчиков П.А.* История генерала Власова; *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия; *Колесник А.Д.* Генерал А.А. Власов – предатель или герой?

[20] *Бахвалов А.Л.* Генерал Власов.

[21] *Левин И.И.* Генерал Власов по ту и эту линию фронта. С. 82, 151.

[22] *Гилязов И.А.* Коллаборационизм и его проявления в годы Второй мировой войны: мотивы, формы, общая оценка – феномен советского коллаборационизма // *Он же.* Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха». – Казань, 2005.

[23] Согласно «приказу о комиссарах», изданному Верховным командованием вермахта (ОКВ) 6 июня 1941 г., «соблюдение… международных правил» в отношении комиссаров Красной Армии считалось «неуместным»; их следовало «немедленно… отделять от всех остальных военнопленных» и «после произведенной сортировки… уничтожить». Ср. *Г.-А. Якобсен.* 1939–1945. Вторая

мировая война. Хроника и документы // Вторая мировая война: Два взгляда. – М., 1995. С. 247. Ср. также: *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. Пер. с нем. 3-е изд. – М., 1993. С. 22–25, 42–43, 62; *Кромиади К.Г.* За землю, за волю… – Сан-Франциско, 1980. С. 25–48

[24] В 1937–1941 гг. по приказу Сталина сотрудниками НКВД были расстреляны многие белорусы (по последним данным, только в лесном урочище Куропаты под Минском погибло 250 тыс. человек; в 1988 г. там были обнаружены массовые захоронения).

[25] См., например: *Пиетров-Энкер Бианка.* Германия в июне 1941 г. – жертва советской агрессии? // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Под ред. Вольфганга Михалки. Пер. с нем. – М., 1996; *Бонвеч Бернд.* Послесловие // *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. – М.: АИРО-XX, 1997; *Юбершёр Г.Р.* 22 июня 1941 г. в современной историографии ФРГ: к вопросу о «превентивной войне» // Новая и новейшая история, 1999, № 6.

[26] Среди подобных аргументов – резолюция заместителя начальника Генштаба генерала Николая Ф. Ватутина «Наступление начать 12.6». См. здесь: *Гареев М.А.* Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на Германию в 1941 году? // Война и политика, 1939–1941. – М., 1995. С. 274 Также 4 июня 1941 Политбюро приняло решение о формировании к 1 июля 1941 г. «польской» дивизии Красной Армии. Ср. здесь: Сталин, Берия и судьба армии Андерса в 1941–1942 гг. Из рассекреченных архивов // Новая и новейшая история, 1993, № 2. С. 63. Подробнее по этой проблеме ср.: *Boris Sokolov:* World War II Revisited: Did Stalin Intend to Attack Hitler? In: Journal of Slavic Military Studies 11 (1998). P. 113–141.

[27] Цит. по: *Яганов А.* В первой казачьей // На казачьем посту. – Берлин, 1944, 1 ноября, № 37. С. 12.

[28] Национальный Комитет «Свободная Германия» (NKFD) – разнородное по своему составу движение, сформированное по инициативе Советского Союза из немецких эмигрантов-коммунистов, пленных немецких офицеров и солдат; существовало летом 1943 - осенью 1945 гг. Союз немецких офицеров (BDO) был основан в Москве в сентябре 1943 г., но очень быстро стал составной частью вышеуказанной организации. В изучении этого последнего союза пока предприняты только самые первые шаги. См.: Юбершёр Герд Р. «Образ России» в представлениях участников германского движения Сопротивления. Пер. с нем. // Социальные трансформации в Европе XX века. – М., 1998.

[29] Там же. С. 193.

[30] *Самутин Л.А.* В норе // Родина, 1995, № 5–6. С. 98. Интересно, что один из главных идеологов РОД Георгий Н. Жиленков стал сотрудничать с немцами только после того, как был арестован за саботаж, и ему объявили о предстоящем расстреле.

[31] Об обстоятельствах перехода полка Кононова на сторону немцев см.: *Александров К.М.* Казачество России в 1941–1943 гг. С. 80–81.

[32] См.: *Градов Л.* Мститель // На казачьем посту. 1943, 1 декабря, № 15. С. 13.

[33] *Александров К.М.* Казачество России в 1941–1943 гг. С. 167.

[34] В интервью журналу «Новый часовой» Иоахим Хоффман – директор Исследовательского центра военной истории в Потсдаме – высказал мнение, что «примерно треть участников Освободительного Движения Народов России последовала за его руководителями не искренне, это были несчастные люди, желавшие спасти себя, но остальные две трети честно хотели и были готовы бороться против Сталина». Новый часовой. – СПб., 1994, № 1. С. 100. Немецкий историк считает, что эти расчеты можно применить к 1 млн. советских коллаборационистов, служивших в германских вооружённых силах. Нам представляется, что такая пропорция, скорее, характерна для самой РОА, сформированной в конце 44-го – начале 45-го. Среди «добровольных помощников», по всей вероятности, преобладали те, для кого служба немцам была способом выживания.

[35] *Богатырчук Ф.П.* Мой жизненный путь к генералу Власову и Пражскому манифесту. С. 156.

[36] *Стеенберг С.* Власов. – Мельбурн, 1974. С. 39. Оригинальный источник: *Charles W. Thayer:* Guerillas und Partisanen. – München 1965. S. 67.

[37] *Богатырчук Ф.П.* Мой жизненный путь к генералу Власову и Пражскому манифесту. С. 127.

[38] *Стеенберг С.* Власов. С. 114–116.

[39] См.: *Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров. – М., 1991. С. 166. Троцкий говорил о «тоталитарной пропаганде» в статье 1940 г. «Сталин после финляндского опыта».

[40] Цит. по: *Фрёлих С.Б.* Генерал Власов. С. 324.

[41] Там же. С. 334–335.

[42] Там же. С. 324.

[43] «Ты у меня одна». Письма генерала Власова женам (1941–1942) // Источник, 1998, № 4. С. 96. Интересно, что в том же письме он советовал жене не изучать немецкий язык, не предполагая, конечно, что в будущем ему самому придётся по необходимости пойти не только на это, но и жениться на немке. Почти теми же словами описал Власов встречу со Сталиным и другой жене, Анне Власовой. Там же. С. 113, письмо от 17 мая 1942 г.

[44] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Против Сталина и Гитлера. С. 158.

[45] *Тимофеев-Ресовский Н.В.* Воспоминания. – М., 1995. С. 324. О жизни Тимофеева-Ресовского в Берлине и его дальнейшей судьбе см. в данном издании: *Елена Левина.* Генетик Николай Тимофеев-Ресовский в Институте мозга им. кайзера Вильгельма.

[46] *Юбершёр Г.Р.* «Образ России»…. С. 195–198.

[47] Там же. С. 198.

[48] *Стеенберг С.* Власов. С. 117–118.

[49] Имеется в виду Лев З. Мехлис (1889–1953) – начальник Главного политуправления Красной Армии (ПУРККА); этой «игрой слов» автор указывает на еврейское происхождение Мехлиса.

[50] Германский дипломат Ганс фон Герварт, до войны работавший в посольстве в Москве, а в годы войны сотрудничавший с Власовым и контактировавший с участниками заговора 20 июля, так и назвал свои мемуары – «Против двух зол». *Herwarth H. von, Starr F.* Memoirs of a diplomat-soldier during the Third Reich. Against two Evils. – New York 1981.

[51] *Меньшагин Б.Г.* Воспоминания. – Париж, 1988. С. 230.

[52] *Богатырчук Ф.П.* Мой жизненный путь… С. 182.

[53] См.: *Колесник А.Д.* РОА – власовская армия. Судебное дело А.А. Власова.

[54] *Фрёлих С.Б.* Генерал Власов. С. 332.

[55] *Александров К.М.* Казачество России в 1941–1943 гг. С. 79.

[56] На казачьем посту. Берлин, 1943, 25 апреля, № 1. С. 3–4.

[57] На казачьем посту. Берлин, 1943, 15 октября, № 12. С. 2.

[58] Цит. по: Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. – М., 2000. С. 294.

[59] Беседы старого казака с молодыми // На казачьем посту. 1944, 15 марта, № 22. С. 2.

[60] На казачьем посту. 1997, август. С. 15.

[61] 16 марта 1935 г. в Германии принят Закон о создании вооруженных сил (Gesetz über den Aufbau der Wehrmacht), согласно которому были сформированы соответствующие органы управления – Верховное командование вермахта и Верховное командование сухопутных войск (далее в тексте ОКВ и ОКХ).

[62] Казаки // На казачьем посту. 15 ноября 1943. С. 2.

[63] Обращение Краснова к казакам. Там же.

[64] *Рике Г.-И.* Продовольственная проблема и сельское хозяйство во время второй мировой войны // Итоги второй мировой войны. Пер. с нем. – М., 1957. С. 461.

[65] Ср. здесь: *Ганс Керль (Hans Kehrl).* Военная экономика и военная промышленность. Там же. С. 376–377.

[66] Цит. по: Сталинградская эпопея. С. 128.

[67] *Юбершёр Г.Р.* «Образ России»… С. 195.

[68] Там же. С. 195; Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. Под ред. П.А. Жилина. – М., 1987. С. 62.

[69] *Мессершмидт Манфред.* Вермахт, восточная кампания и традиция // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 251; *Бивор Энтони.* Сталинград. Пер. с англ. – Смоленск, 1999. С. 25.

[70] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Пер. с нем. Т. 2. – М., 1969. С. 429.

[71] Граф Генрих фон Айнзидель (1921–2007) – журналист, кадровый военный, лейтенант. В августе 1941 г. участвовал в боях на Восточном фронте в качестве летчика-истребителя и попал в советский плен. В 1947 г. вернулся из СССР сначала в Восточную Германию, а в 1948 г. переселился в ФРГ. Известен как публицист, переводчик, в 1990-е гг. был депутатом Рейхстага.

[72] Интервью с графом Генрихом фон Айнзиделем // Новый часовой. СПб., 1996, № 4. С. 248.
[73] Там же.
[74] *Неугомонсков Н.* Из казачьей старины. // На казачьем посту. 1943, 25 мая, № 2. С. 4.
[75] *Юбершёр Г.Р.* «Образ России»… С. 196.
[76] *Ильин И.А.* Собр. Соч. Т. 2. Кн. 1. – М., 1993. С. 11.
[77] *Колесник А.* Д. РОА – власовская армия. С. 25.
[78] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Против Сталина и Гитлера. С. 240–241.
[79] Там же. С. 238–239.
[80] Там же. С. 426.
[81] *Сафир В.М.* Оборона Москвы // Военно-исторический архив. Вып. 1. – М., 1997. С. 110.
[82] *Sokolov B.V.* The Battle for Kursk, Orel and Char'kov // Gezeitenwechsel im Zweiten Weltkrieg? – Hamburg u. a. 1996.
[83] *Murray W.* Luftwaffe: Strategy for Defeat, 1933–1945. – London, 1988. P. 371.
[84] Граф Генрих фон Айнзидель // Новый часовой. – СПб., 1996, № 4. С. 248.
[85] *Алекс Г.* Германия готовится к решающей битве // На казачьем посту. 1944, 15 января, № 18. С. 4.
[86] *Сергеев Г.* Германские боевые самолеты // На казачьем посту. 1943, 15 сентября, № 10. С. 8.
[87] Доброволец. 1943, 6 июня, № 21.
[88] Об ироническом отношении Власова и его окружения к термину «унтерменш» см.: *Фрёлих С.Б.* Генерал Власов. С. 326; *Стеенберг С.* Власов. С. 117.
[89] На казачьем посту. Берлин, 1944, 15 августа, № 32. С. 2.
[90] Память их в род и род. Краткая справка о жизни и гибели продолжателя Белого движения генерала Андрея Андреевича Власова. – Найэк: Нью-Йорк, 1996. С. 11.
[91] *Стеенберг С.* Власов. С. 114.
[92] Воспоминания Власова явно относятся к дореволюционным временам, когда педагоги носили чиновничьи мундиры; Андрей Андреевич родился в 1901 г., следовательно, речь идет о его школьных годах.
[93] *Фрёлих С.Б.* Генерал Власов. С. 329.
[94] Там же. С. 330.
[95] Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). – М., 1993. С. 68.
[96] *Фрёлих С.Б.* Генерал Власов. С. 330.
[97] «Ты у меня одна». Письма генерала Власова женам (1941–1942) // Источник. 1998, № 4. С. 90, 115.
[98] *Фрёлих С.Б.* Генерал Власов. С. 331.
[99] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Против Сталина и Гитлера. С. 134–135.
[100] Очевидно, речь в этом высказывании идет о капитане запаса Николаусе фон Гроте – «балтийском немце и журналисте, который во время войны служил в ведомстве пропаганды вермахта (WPr)».
[101] Там же. С. 170.
[102] *Кромиади К.Г.* За землю, за волю… С. 53.
[103] *Василий Гросман.* Жизнь и судьба. Собр. соч. в 4-х томах. – М., 1998. Т. 2. С. 233.

Геннадий Бордюгов

ВЕРМАХТ И КРАСНАЯ АРМИЯ: к вопросу о природе преступлений против гражданского населения

Зима 1941 года. Несмотря на поражение в битве под Москвой, немецкие солдаты и офицеры рисовали себе фантастические планы на будущее. Говорили, например, как сообщал о разговорах своих однополчан солдат-перебежчик, шофер разведки штаба 9-й немецкой армии Станислав Енджеевич, что после войны будут ездить из Нью-Йорка в Париж, а из Парижа в Лондон или Москву. Вообще станут господами, а люди низшей расы будут на них трудиться. Другой, обер-ефрейтор Шульц, после войны хотел жить в Москве и иметь завод. Он часто об этом говорил и даже подбирал себе помощников, шоферов. И ефрейтор Рихард Бус планировал поехать с семьей на Украину, там получить большой кусок земли и вести хозяйство. Унтер-офицер Берман собирался бросить свою профессию кассира и сделаться на Украине помещиком. Фельдфебель Рендике хотел быть школьным инспектором и даже начать изучать русский язык[1].

Так мечтали некоторые солдаты вермахта в ожидании нового масштабного наступления и полного разгрома Красной Армии. Пришла весна 1942 г., затем лето, и ничего не произошло, только на юге России войска немного продвинулись, а конца войны видно не было. «Разгромленная» Красная Армия на некоторых участках даже наступала. В этих условиях становилось все более очевидным, что на смену мечтам «пришли пьянство, разврат, казино, оргии»[2]. Уже нельзя было закрывать глаза на нарастающее разложение в армии.

Многие задавались вопросом, как стали возможными такой размах преступного отношения к гражданскому населению оккупированных территорий СССР, ликвидация моральных сдерживающих факторов и индивидуального стыда? Почему у немцев, как у ефрейтора Бруно Калиги – участника Сталинградского сражения – «истощилось терпение», были «растеряны юмор и мужество», отчаяние достигло такой степени, что если его поставят перед военным трибуналом и расстреляют, то для его «измученного тела это будет как избавление от страданий?»[3].

Весна 1945 года. Рабоче-Крестьянская Красная Армия (далее – РККА) близка к завершению своего освободительного похода. Позади долгие месяцы страшной войны с гигантскими потерями. Солдаты и офицеры живут надеждой на скорое возвращение домой, к родным и близким. Однако конец войны омрачен массовым насилием и грабежами. Немногие офицеры, подобно политработнику, майору Льву Копелеву, осмелились тогда вслух спросить:

> Что же это произошло в Восточной Пруссии? Неужели действительно было необходимо и неизбежно такое озверение наших людей… Мы писали, кричали о священной мести. Но кто были мстители, и кому мы мстили? Почему среди наших солдат оказалось столько бандитов, которые скопом насиловали женщин, девочек, распластанных на снегу, в подворотнях, убивали безоружных, крушили все, что не могли унести, гадили, жгли. И разрушали бессмысленно, лишь бы разрушить. Как все это стало возможным?..

Демифологизация военной истории

«Преодоление прошлого» – одно из условий прощания со многими историческими мифами, в ряду которых до последнего времени находились мифы о «чистом, незапятнанном вермахте» и «доблестной Красной Армии». В конце XX века немецкие и российские историки от анализа масштабных боевых сражений и операций, сценариев перехвата стратегической инициативы в ходе войны, ее итогов и последствий повернулись лицом к изучению человеческих судеб во время войны, вопроса о ее цене, жертвах и страданиях, которые она принесла миллионам людей.

Первыми о нарушениях международных законов в войне против Советского Союза, истребительном и преступном ее характере заговорили, начиная с середины 1960-х годов, такие западногерманские историки, как Ганс-Адольф Якобсен, Манфред Мессершмидт, Андреас Хилльгрубер, Кристиан Штрайт, Гельмут Краусник, Ханс-Генрих Вильгельмс и др., журналисты Эрнст Клее и Пауль Коль[4]. Не без основания в этот список можно зачислить и историков из бывшей ГДР Норберта Мюллера, Дитриха Айххольца, Клауса Гесснера, Курта Петцольда[5]. Новые подходы, которые развивались на основе этих исследований, были позже переосмыслены; важной вехой в этом процессе стали: серия «Германский рейх во Второй мировой войне», изданная потсдамским Исследовательским центром военной истории в 1979 г., и масштабный проект Гамбургского института социальных исследований «Вермахт и нацистские преступления». Ученые, участвовавшие в этих проектах, занимались разработкой таких проблем, как политика армейского управления, которая поощряла «системы разбоя, террора и опустошения» на оккупированных территориях Европы, прежде всего Советского Союза. Они и пытались выяснить причины вытеснения преступлений вермахта из социальной памяти ФРГ, реконструировать «психограмму коллективной интерпретации прошлого». Исследователи пытались ответить на одни и те же вопросы: почему «миф о неполитическом вермахте» оказался настолько живучим, как в западногерманской историографии сформировалась «шкала стереотипов – от утверждений о бессилии вермахта и превращении его в жертву режима до трактовки его действий как “оборонительной битвы” на Востоке»[6].

Итоги этого исследовательского почина воплотились в экспозиции «Война на уничтожение» (она демонстрировалась во многих городах Германии) и одноименном фундаментальном труде под редакцией Ганнеса Геера и Клауса Науманна[7]. Ответом на гамбургский проект стал изданный Исследовательским центром военной истории труд 60 авторов из 7 стран «Вермахт: миф и реальность»; в аналитической вводной статье также развенчивалась легенда о «незапятнанном» вермахте, и были введены в оборот новые архивные материалы об оккупационной политике германских вооруженных сил на территории СССР[8].

Во всех этих исследованиях, и это признается многими историками – в частности, Гансом-Генрихом Нольте – не принимались во внимание публикации о войне ученых из Советского Союза[9]. Постепенно ситуация стала меняться, и исследования российских историков по проблемам Второй мировой войны стали учитываться мировым научным сообществом[10].

В последние годы в Германии и Великобритании с новой силой развернулась дискуссия о преступлениях против мирного населения, совершенных РККА. Некоторые журналисты в полемическом запале спешат поставить знак равенства между вермахтом и Красной Армией, целенаправленно обходя вопрос о принципиально

разной природе совершенных ими преступлений. В российской же историографии компаративные исследования просто отсутствуют. Тема массовых бесчинств красноармейцев была слишком долго под запретом, и даже теперь ветераны отрицают, что они имели место. Большинство же историков старшего поколения отказываются серьезно обсуждать этот вопрос лишь на том основании, что немецкие войска никто не звал в СССР. А результат развязанного нацистами геноцида на оккупированных территориях – было убито 13,6 млн советских граждан – нельзя сравнивать по масштабам с потерями мирного населения Германии; если немецкие войска в течение 3,5 лет чинили насилия и издевательства в СССР, то бесчинства Красной Армии продолжались только 4 месяца – на первом этапе оккупации Восточной Германии (до создания СВАГ 5 июня 1945 г.). И тем не менее историки не могут уходить от проблемы сравнения. В этом отношении крайне важны первые, пусть не бесспорные, работы российских ученых Павла Кнышевского, Бориса Соколова, Михаила Семиряги, Евгения Плимака и др.[11]. Не теряет актуальности и утверждение фрайбургских исследователей Вольфрама Ветте и Герда Р. Юбершера о том, что «*мы можем двигаться вперед, только располагая точными данными об ужасных событиях, только обладая мужеством высказать и воспринять правду*»[12].

Как бы ни было мучительно больно, российским ученым и обществу не избежать темы ответственности за бессмысленные убийства красноармейцами мирных немцев, грабежи и насилие. Чтобы вывести эту проблему из забвения понадобится внимательно рассмотреть уже известные и новые доказательства негативных явлений в истории Красной Армии. Это нисколько не умалит ее вклада в победу над фашизмом, но позволит извлечь полезные уроки из эпохальных событий, чтобы впредь не оставалось и тени сомнения в их справедливости, а виновные в совершении преступлений не пытались переложить свою ответственность на плечи всей армии и общества. Чтобы не происходило вытеснение исторической памяти, как это было в условиях «холодной войны», чтобы инструментализация военного опыта сменилась конкретной работой по его критическому разбору и отходу от ложных идеологических штампов.

Если раньше вермахт и Холокост казались понятиями несовместимыми, то теперь, благодаря множеству основательных исследований, «их невозможно отделить друг от друга»[13]. Между тем в научный оборот вошло понятие «другого холокоста», который, как пишет Вольфрам Ветте, имел количественно еще более значительные масштабы, чем геноцид евреев:

> Число тех советских граждан-славян, гибель которых – вне поля боя – была или намеренно организована, или с одобрением воспринята немцами, вероятно, значительно выше, чем число систематически уничтоженных евреев… Мы признали свою вину за холокост, но не хотим сделать этого по отношению к другому холокосту[14].

О подходе к документальным источникам

Изучение «другого холокоста» требует не менее скрупулезной работы по поиску и презентации убедительных документов и свидетельств о совершённых злодеяниях. Из множества выявленных российских архивных источников необходимо отбросить

все то, что не подтверждает принадлежность к тем или иным преступным действиям представителей вермахта. Хотя авторы документов и свидетели преступлений, как правило, не разделяли немцев по их принадлежности к тем или иным формированиям или спецподразделениям. Да и сегодня для многих в России не имеет значения, были ли агрессорами, преступниками, палачами военнослужащие вермахта или СС, полиции или других военных и гражданских формирований. Обычно разделение было таково: «немцы вообще», «гитлеровские бандиты» или полицаи из «своих».

И тем не менее в статье не рассматриваются преступления, которые в документах, в исторической литературе связываются с СС и СД, «айнзацгруппами» и «зондеркомандами», с охранниками концлагерей, с именами Гиммлера и Эйхмана. Не рассматриваются преступления, совершенные переводчиками, лекарями военных лазаретов. Словом, отодвигались в сторону те факты, которые не имели точных признаков идентификации с вермахтом. Точно так же я старался поступать и с документами о Красной Армии, отделяя ее подразделения от реквизиционных трофейных команд, СМЕРШа, частей и оперативных секторов НКГБ.

Не менее принципиален вопрос о проверке и перепроверке документов. Этого требует история с «Катыньским делом». Нельзя забывать и о том, что в ноябре 1999 г. в Германии был временно приостановлен показ экспозиции «Война на уничтожение» в связи с проблемой точной атрибуции 11 фотодокументов о злодеяниях вермахта.

Справедливости ради следует отметить, что в годы войны политорганы ЦК ВКП(б) и Красной Армии, а также НКГБ подвергали проверке попадавшие в печать публикации на предмет их достоверности[15]. Собранные мною доступные документы из Государственного Архива Российской Федерации (ГА РФ), Центрального Архива Министерства обороны РФ (ЦА МО РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) показывают, что существовало несколько каналов отслеживания и регистрации преступлений против мирных жителей. Это донесения 7 отдела Политуправлений армий и фронтов в Главное Политическое управление Красной Армии (они составлялись на основании не менее 40 опрошенных военнопленных за месяц), которое в свою очередь переправляло их в Совинформбюро и ЦК ВКП(б). Это спецсообщения 1-го (разведывательного) Управления НКВД СССР, направляемые высшему руководству страны и в отделы ЦК ВКП(б), акты о преступлениях (подписываемые официальными лицами, в том числе представителями НКВД, офицерами РККА и местной власти[16]), информация из партизанских отрядов, документы и письма, обнаруженные разведкой у убитых солдат и офицеров вермахта.

О преступлениях советских солдат и офицеров командование Красной Армии и политическое руководство Советского Союза знало из специальных донесений спецслужб, докладных записок политотделов и политуправлений армий и фронтов, органов военной прокуратуры, отделов военной цензуры, осуществлявших перлюстрацию писем военнослужащих[17].

Далее я хотел бы привести примеры преступлений, совершенных вермахтом, и, соответственно, Красной Армией. Важно понять их характер, а также обстоятельства, при которых они были совершены, а затем обратиться к проблеме их косвенного и прямого признания и осознания обеими сражающимися сторонами. В поле нашего зрения – любое событие, действующие лица которого дают моральную оценку преступлениям, считают их намеренными и предосудительными, письменно фиксируют

их и делают элементом автобиографии. Однако, как пишет Кнут Штанг, «*сам факт оценки не зависит от результатов, к которым при этом приходят. Осмысление вопроса о вине как элементе собственной биографии полезно для постоянного формирования и реконструкции собственной идентичности. Но с точки зрения самооценки редко бывает особенно полезным оказываться в позиции обвиняемого настолько, чтобы вина пригибала к земле*»[18].

История XX века показала, как трудно создать непартийный международный трибунал, способный судить в равной степени побежденных и победителей. После Второй мировой войны Лондонское соглашение четырех союзных держав от 8 августа 1945 г., на основании которого был создан Международный военный трибунал, постановление Союзного Контрольного Совета за № 10 от 20 декабря 1945 г., а также законы и распоряжения различных государств о предании суду всех военных преступников являлись исключительными законами, обращенными только против побежденных. Поэтому в центре данного исследования не факты юридического признания вины постфактум, когда всех, в основном, волновали собственные страдания и боли, заботы о переходе к мирной жизни, часто связанные с борьбой за выживание, стремлением избежать наказания и поскорей вернуться домой. Намного интереснее на основании этих документов, показать, как осознавались преступления в ходе самой войны, когда до конца не были ясны сценарии ее исхода и будущих судебных процессов. То есть, анализируя характер преступления, важно определить не столько будущее правовое, сколько человеческое измерение случившегося, оценку совершенного не для суда, а для своих подчиненных, своих близких, для себя самого.

Насколько типичными были подобного рода оценки в вермахте и в Красной Армии? Трудный вопрос. Мы все еще мало представляем, сколько фактов можно найти в архивных документах. Пусть нам известно пока немного случаев прямого, косвенного, часто безымянного осознания преступлений, стремления поставить барьеры на пути их повторения, как с одной, так и с другой стороны. Тому, кто каким-то образом запечатлел свое отношение к ужасам войны и своему участию в них, вовсе не требовалось осмыслять масштабы всего бедствия, чтобы объяснить, что случилось, собственно, с ним.

Какими были преступления против гражданского населения?

Статья 6 Устава Международного военного трибунала, которым руководствовался суд в Нюрнберге, посвящена юрисдикции и общим принципам судопроизводства. Среди действий, подлежащих юрисдикции Трибунала и влекущих индивидуальную ответственность, в параграфе «в» предусмотрены преступления против человечности. «К этому виду преступлений отнесены: *убийства, истребления, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет*»[19].

В делах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (документы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации) зафиксировано 54.784 акта о зверствах гитлеровских преступников в отношении мирных граждан Советского Союза. Приведенные в этих актах сведения условно можно классифицировать следующим образом: использование гражданского населения в ходе военных действий, насильственная мобилизация мирного населения, расстрелы мирных жителей и уничтожение их жилищ, изнасилования, охота за людьми – невольниками для германской промышленности.

Уже в одной из первых нот Народного комиссариата иностранных дел СССР от 6 января 1942 г. мировой общественности были представлены документы, подтверждавшие **использование гражданского населения в ходе военных действий**. Соединения и части вермахта прикрывали боевые порядки своих войск, как при наступлении, так и при отступлении, мирными жителями, преимущественно женщинами, стариками и детьми.

В частности,

> …28 августа 1941 г. при переправе через реку Ипуть немецко-фашистские войска, будучи бессильны преодолеть стойкое сопротивление частей Красной Армии, собрали местное население белорусского города Добруш Гомельской области и под страхом расстрела погнали вперед себя женщин, детей и стариков, за которыми, открывая свои боевые порядки, пошли в наступление.
> …8 декабря того же года гитлеровцы прикрывали свое отступление из деревни Ямное Тульской области гражданами из местного населения. 12 декабря в том же районе они собрали 120 человек стариков и детей и пустили их впереди своих войск во время боев с наступавшими частями Красной Армии[20].

Такие же случаи были зафиксированы под Ростовом, в Ленинградской, Смоленской, Калининской областях. Наступавшие части нередко гнали впереди себя мирных жителей и в Сталинграде в октябре 1942 г.[21]. Население использовалось и на особо опасных работах – по разминированию участков.

По мере роста людских потерь германской армии, и особенно после ее тяжелых поражений зимой 1942–1943 гг., широкие масштабы приобрела **насильственная мобилизация мирного населения** оккупированных областей для формируемых антисоветских частей. В прифронтовой полосе немцы мобилизовали поголовно всех мужчин, включая подростков и стариков, по тем или иным причинам не увезенных на работу в Германию. После же провозглашения в Германии «тотальной мобилизации» оккупационные власти стали привлекать к военной службе или к трудовой повинности все население – не только в прифронтовых, но и во всех остальных оккупированных областях. К тем, кто пытался избежать мобилизации, применялись всяческие репрессии вплоть до расстрела[22].

В числе преступлений вермахта на советской территории – **расстрелы мирных жителей, уничтожение их жилищ**. Отступая в январе 1942 г. из села Мясоедово Белгородского района, немецкие части сожгли все село до единого дома, а население насильно угнали с собой. В донесении для Совинформбюро сообщалось:

> 24 января 8 женщин этого села, 60-летняя А. Русанова, 17-летняя Е. Кондратьева, 18-летняя З. Лупандина, М. Специвцева – мать троих детей, М. Мурзаева – мать двоих де-

тей, А. Кондратьева и 15-летний подросток Н. Лупандин решили пройти в родное село. По дороге женщины были встречены немецкой разведкой в количестве 20 человек. Фашистские мерзавцы схватили беззащитных женщин, сняли со всех валенки и сапоги, отвели их на другой конец села к погребу, поставили всех на колени и поочередно расстреляли всех[23].

В июне того же года при наступлении немецких частей население села Большая Березка Брянской области спряталось в лесу. Им было приказано вернуться, и дальше случилось следующее:

150 стариков, женщин и детей возвратились домой. После этого согнали их в колхозные амбары, перекололи всех штыками и перебили прикладами. 11 детей в возрасте 12–13 лет закопали живыми в землю.

В той же области 23 июля в 7 часов утра немецкие войска вместе с полицейскими в количестве 1500 человек напали на село, где находились партизаны. Бой длился до 21 часа. Партизаны отошли в лес, после чего немцы разрушили село – из 542 сожгли 529 домов, 3 школы, 3 бани, больницу и детский сад[24].

В протоколе судебного заседания военного трибунала 374-й стрелковой Любанской дивизии от 29 ноября 1944 г. (выписка из него была позднее представлена на Нюрнбергском процессе) были зафиксированы признания обвиняемого Ле-Курта, преданного военно-полевому суду. Это был не эсэсовец, а обычный 27-летний беспартийный обер-ефрейтор вермахта. Он родился и проживал до войны в г. Штаргард (Померания), являлся владельцем кинотеатра, а затем был призван в армию. Военную службу проходил в 1-й роте 4-й авиапехотной дивизии. Ле-Курт дал следующие показания:

До пленения меня войсками Красной Армии, то есть до 4 февраля 1944 г., я служил в 1-й самокатной роте 2-го авиапехотного полка 4-й авиапехотной дивизии при комендатуре аэродромного обслуживания «Б 33/XI» лаборантом. Кроме фотоснимков, я выполнял и другие работы в свободное время, то есть я вместе с солдатами занимался в свободное от работы время ради своего интереса расстрелом военнопленных бойцов Красной Армии и мирных граждан…

В ноябре 1942 года я принимал участие в расстреле 92 советских граждан.

С апреля я принимал участие в расстреле 55 человек советских граждан, я их расстрелял. Мною делались отметки в особой книге, сколько я расстрелял военнопленных и мирных граждан… Кроме расстрела военнопленных, я еще занимался расстрелом партизан, мирных граждан и сжигал дома вместе с населением…

Кроме этого, я еще участвовал в карательных экспедициях, где занимался поджогом домов. Всего мной было сожжено более 30 домов в разных деревнях. Я в составе карательной экспедиции приходил в деревню, заходил в дома и предупреждал население, чтобы из домов никто не выходил, дома будем жечь. Я поджигал дома, а если кто пытался спастись из домов, никто не выпускался из дома, я их загонял обратно в дом или расстреливал. Таким образом, мною было сожжено более 30 домов и 70 человек мирного населения, в основном старики, женщины и дети…[25].

Подобные свидетельства мы находим и в показаниях пленного обер-ефрейтора 2-й роты 9-й танковой дивизии Арно Швагера:

> При отступлении из Курска… мы получили приказ: все оставляемые нами пункты сжигать. Если городское население отказывалось оставлять свои дома, то таких жителей запирали и сжигали вместе с домами…[26].

В районах активных партизанских действий мирное сельское население в силу безжалостных законов войны нередко оказывалось в самом центре развернувшихся боев и подвергалось обстрелам с обеих сторон. Озлобленные безуспешным исходом очередной карательной операции против партизан, гитлеровцы всю ярость обрушивали на мирных жителей. Поводом для репрессий в то же время служили малозначительные боевые акции и диверсии партизан вблизи населенных пунктов. В ноябре 1941 г. в деревне Успенка Черниговской области партизанскими разведчиками был ранен немецкий солдат. Наутро гитлеровцы расстреляли несколько жителей и забрали 75 человек в качестве заложников. В деревне Кутейково партизаны перерезали в двух местах телефонные провода, что можно было бы сделать и на значительном удалении от населенного пункта. На следующий день немцы сожгли несколько домов, а проживавших в них колхозников расстреляли. В селе Троицкое была сожжена порожняя автомашина, хотя находившийся рядом склад с боеприпасами оказался нетронутым. И опять последовала расправа над мирным населением. Малоэффективная тактика «мелких уколов» партизан вблизи населенных пунктов оплачивалась большой кровью стариков, женщин и детей[27].

С другой стороны, делает вывод Ганнес Геер на основании анализа документов из германских, российских и белорусских архивов, в 1941–1942 гг., когда массового партизанского движения еще не было, под прикрытием «карательных акций против бандитов» в Белоруссии шла «эскалация террора», «охота на гражданских лиц», в ходе которой были захвачены и расстреляны десятки тысяч безоружных людей. Все это было замаскировано в официальных документах вермахта такими формулировками, как «разрушение партизанских лагерей и укрытий». Такой была фикция войны, «дававшая максимум возможностей убивать и минимум возможностей быть убитым»[28].

Одними из самых распространенных преступлений вермахта были повсеместные **издевательства над мирным населением и грабеж**. Не случайно сложилось представление – «грабь-солдаты немецкой армии». Документы полны свидетельств самых разных проявлений грабежа. В акте, составленном работниками Наркомата здравоохранения в январе 1942 г., сообщалось, что немецкие солдаты за время 40-дневного пребывания в деревне Паново Малоярославецкого района с 14 ноября по 24 декабря 1941 г., проявляли исключительную грубость и жестокость в обращении с населением. С 6 по 18 декабря они выгнали жителей деревень Паново и Куликово из домов и заставили их ютиться в банях или в очень маленьких ветхих хатах по 40–50 человек. Ежедневно все взрослое население утром и вечером было вынуждено очищать дороги от снегопадов. Солдаты своим поведением подчеркивали, что русского они не считают за человека.

> Германский солдат, – читаем в акте, – не стесняясь, при женщинах и колхозниках снимает брюки и ищет вшей. Часто, сняв белье, остается в хате голым, где заставляет женщин стирать свое белье. Мочеиспускание и опорожнение желудка производят у крыльца под ок-

ном на виду у женщин, девушек, детей. Были факты, когда убежавший с печки ребенок 1 года 8 месяцев стал играть на полу. Немецкий солдат подчеркнуто уронил этого ребенка, наступил на ноги ребенку, намеренно желая этим доказать, что в русском ребенке он видит лишь «Schweinchen», как всегда говорят немецкие солдаты о русских детях…[29].

Генрих Краузе, солдат 9-й роты 377 пехотного полка 225 пехотной дивизии на допросе рассказывал:

Я жил в Сенной Керести, дом 120. Неделю тому назад по деревне проходил сбор теплых вещей насильственным путем. Каждый дом должен был сдать пару валенок. В доме 120 семья состояла из 10 человек, валенки они уже сдали, и хозяйка получила квитанцию. Однажды в дом пришли два унтер-офицера и потребовали еще одну пару валенок. Так как валенок они больше не имели, хозяйка заявила об этом и показала квитанцию, но они не обратили внимания на это и начали избивать ее. Я был очень возмущен этим, но заступиться не имел права, так как на следующий день был бы расстрелян за помощь населению[30].

Уже цитируемый обер-ефрейтор Арно Швагер при допросе показал, что в сентябре 1942 г. их дивизия остановилась на отдых в селе Никольское под Курском. Из расположения дивизии посылались отряды по реквизиции в окружающие деревни, чтобы забирать у населения коров, телят, овец, кур, мед:

Население плакало и умоляло, а женщины и дети бросались солдатам в ноги. Солдаты били их прикладами, топтали ногами. Я сам видел в деревне Волчанка, как солдат избивал женщину так долго, пока она не потеряла сознание. Тогда он, больше не обращая на нее внимания, увел последнюю корову, хотя здесь оставалось шестеро детей, которые были обречены на голод[31].

Тот же Швагер в своих показаниях не скрывал фактов другого страшного преступления солдат и офицеров вермахта – **массовых изнасилований**. В частности, он воспроизвел рассказ ефрейтора Штейгера из той же танковой дивизии о том, как в феврале 1942 г. в одной деревне Курской области 30 км западнее Землянска он изнасиловал и затем задушил 13-летнюю девочку[32]. Сам же Швагер был свидетелем другой сцены в Курске:

…Я стоял на посту с 6 до 8.00. Напротив места моего дежурства жил высокопоставленный военный чиновник Бенер. В 6.15 из его квартиры вдруг послышались крики и ругань. Когда я вошел с ружьем в его помещение, я увидел, как офицер хлестал верховой плетью девочку лет 13–14, которая полураздетая была привязана к столу[33].

В городах Нарва и Кингисепп и многих других немцы организовали публичные дома для офицеров вермахта. В эти дома были принудительно взяты из деревень девушки и женщины. В случае отказа кого-либо из них заниматься проституцией следовал расстрел. В ноте Народного комиссара иностранных дел СССР от 6 января 1942 г. приводились данные о пребывании солдат и офицеров в деревне Басманово Глинковского района Смоленской области. «В первый же день 200 школьников и школьниц, которые приехали в деревню на уборку урожая, были выгнаны в поле,

где всех их перестреляли. Большую группу школьниц вывезли в свой тыл для господ-офицеров». Далее в отчете сообщалось: «В украинском селе Бородаевка Днепропетровской области были изнасилованы все женщины и девушки». В деревне Березовка Смоленской области пьяные солдаты изнасиловали и увезли всех женщин и девушек в возрасте от 16 до 30 лет. В самом Смоленске командование открыло для офицеров в одной из гостиниц крупный публичный дом.

В Белоруссии, возле города Борисов, в руки наступающих войск попали 75 женщин и девушек, бежавших при приближении немецкой армии. Немцы изнасиловали, затем зверски убили 36 человек:

> Шестнадцатилетнюю девушку Л.И. Мельчукову, – указывалось в ноте, – по приказу немецкого офицера Гуммера солдаты увели в лес, где изнасиловали. Спустя некоторое время другие женщины, также отведенные в лес, увидели, что около деревьев стоят доски, а к доскам штыками приколота умирающая Мельчукова, у которой немцы на глазах других женщин, в частности, В.И. Альперенко и В.М. Березниковой, отрезали груди[34].

Вермахт развернул настоящую **охоту за людьми – невольниками для германской промышленности**. В 1941 г. берлинские правители были уверены, что удастся без особых усилий и уступок наладить если не добровольное, то принудительное рекрутирование необходимых контингентов рабочей силы на оккупированных советских территориях. Граждане, которые на более или менее добровольной основе были доставлены в Германию зимой 1941–42 гг., своими отрицательными отзывами в письмах о пребывании в «рейхе» содействовали быстрому перелому в настроениях людей на оккупированных территориях. Германские же власти без промедления стали отвечать на спад лояльности со стороны населения самыми жестокими мерами принуждения. Устраивались облавы на вокзалах, площадях и рынках. В одном из отчетов о результатах секретной перлюстрации писем говорилось:

> Особенно отрицательно воспринимается то, что в результате принудительных вербовок женщин отрывают от детей, а детей школьного возраста – от семей. Те, кого пытаются завербовать, всеми способами стараются уклониться от вывоза в Германию… Это, в свою очередь, влечет за собой ужесточение немецких ответных мероприятий, в числе которых упоминаются: конфискация зерна и другой собственности, сожжение домов, случаи, когда людей насильственно сгоняют в одно место и подвергают истязаниям, принудительные аборты беременных женщин[35].

Хотя число так называемых вербовочных комиссий увеличилось, а пропаганда в пользу выезда на работы в «рейх» усиливалась, должного эффекта добиться не удавалось. На этом этапе к насильственному рекрутированию рабочей силы стал привлекаться вермахт. Так, в приказе по 29 армейскому корпусу от 24 января 1943 г. говорилось:

> Провести учет всех мужчин и женщин от 16 до 60 лет, сформировать рабочие команды… Вешать уклонившихся или саботажников[36].

По данным гамбургского историка Рольфа-Дитера Мюллера, в 1943 г. для рабского труда в Германию было вывезено около миллиона граждан СССР. Из 5 млн.

русских, украинских и белорусских рабов в Германии к осени 1944 г. осталось в живых 726 тысяч[37].

От морального разложения вермахта в конце войны страдало и немецкое гражданское население. Один немецкий офицер в январе 1945 г. написал, хотя и не успел отправить, письмо Геббельсу:

> …Мы переживаем здесь в маленьком городе Гуштадт нечто ужасное – хаос, хуже которого нельзя себе представить… Части, проходящие здесь без командиров, грабили население, переодевались в гражданское платье, швыряя мундиры на улицу. Кругом валяются бумаги, кобуры и шлемы, солдаты бросают все, что может напомнить им о том, что они солдаты… Все улицы заполнены предметами обмундирования, трупами лошадей, украденными продуктами, которые невозможно было взять с собой в таком большом количестве… Ваш верный товарищ партии Хилли[38].

Командующий 2-й немецкой армией генерал-полковник Вальтер Вейсс 3 февраля того же года вынужден был признать, что в тыловом армейском районе «слоняются мелкие группы трусов и дезертиров», которые «своим образом мыслей и поведением совершают тяжелое предательство»[39].

По положениям 6-й статьи Устава Международного военного трибунала принято судить только побежденных немцев. Однако это не значит, что мы не можем рассматривать с точки зрения этих принципов действия солдат и офицеров Красной Армии. В 1945 г. в терпевшей поражение Германии не было специальных комиссий, которые бы составляли акты о преступлениях советских военнослужащих. Тем не менее надо отдать должное органам военной прокуратуры, а также тем начальникам РККА, которые в своих рапортах и другого рода свидетельствах честно, пусть и с определенной идеологической интерпретацией, раскрыли масштабы и виды преступлений против гражданского немецкого населения и даже своих же соотечественников, вывезенных в Германию. Наиболее распространенными были **бессмысленные расстрелы и убийства мирных граждан, изнасилования и грабежи**. Сообщения об этом стали регулярно поступать в Москву с февраля 1945 г., и, как бы в них ни старались преуменьшать серьезность так называемых «случаев» и «эксцессов», весь ужас произошедшего под занавес войны был очевиден.

> Перед отступлением, – говорила Эмма Корн представителям НКВД по Земландской группе войск, – командование немецкой армии предложило нам эвакуироваться в город Кенигсберг, заявляя, что «красные азиаты» производят неслыханные зверства над немецким населением. По совету немецких солдат мы не эвакуировались и остались проживать в м. Шпаттен. 3 февраля в наше местечко вошли передовые части Красной Армии, солдаты ворвались к нам в подвал и, наставив оружие, мне и другим двум женщинам приказали выйти во двор. Во дворе 12 солдат меня поочередно изнасиловали, остальные солдаты поступили так же с моими соседками… Ночью того же числа к нам в подвал ворвались шестеро пьяных солдат и также изнасиловали нас в присутствии детей. 5 февраля к нам в подвал зашли три солдата, а 6 февраля восемь пьяных солдат, которыми мы также были изнасилованы и избиты. Под воздействием немецкой пропаганды о том, что Красная Армия издевается над немцами, и увидев, что Красная Армия действительно издевается над нами, мы решили покончить жизнь самоубийством, для чего 8 февраля себе и детям перерезали лучепястные суставы и вены правых рук…[40]

> Многие немцы заявляют, – сообщал комиссар государственной безопасности Ткаченко наркому внутренних дел Л.П. Берии, – что в Восточной Пруссии все оставшиеся в тылу Красной Армии немецкие женщины изнасилованы бойцами Красной Армии. Житель гор. Гранц Шедерайтер Вильгельм на пункте фильтрации заявил, что 12 февраля к нему на квартиру ворвались несколько военнослужащих и стали насиловать всех женщин, несовершеннолетних девушек и старух. Его дочь Гертруда, будучи неоднократно изнасилованной, заявила, что немцев, оставшихся в тылу Красной Армии, ожидает голод, эпидемии и репрессии частями НКВД, которые скоро придут[41].

По оценке двух главных берлинских больниц, в это время к ним поступило от 95 до 130 тысяч жертв изнасилований. Один из врачей заметил, что в Берлине было изнасиловано около 100 тысяч женщин, из которых примерно 10 тысяч скончались, – в основном, покончили с собой. Среди 1,4 миллиона изнасилованных в Восточной Пруссии, Померании и Силезии число смертельных исходов было гораздо выше[42]. Приводя эти цифры и другие факты, британский писатель Энтони Бивор пришел к жесткому и эмоциональному выводу:

> Образ солдат с горящими факелами, выбирающих себе жертвы среди женщин, укрывавшихся в бункере, характерен для всех советских армий, действовавших в Берлинской операции[43].

Многочисленные свидетельства о преступлениях РККА можно найти также в книгах американского историка Нормана Неймарка[44].

Меньше известны факты насилия советских солдат и офицеров над русскими, украинскими и белорусскими женщинами и девушками, освобожденными из немецких концлагерей. Многие из них были угнаны в Германию в 14–16-летнем возрасте. Пострадало и много граждан других западноевропейских государств. В апреле 1945 г. на стол Маленкова легла докладная записка Уполномоченного советского правительства по делам репатриации граждан СССР генерал-полковника Ф. Голикова. Там, в частности, говорилось о преступлениях, совершенных в Земландской группе войск в Восточной Пруссии.

> 4 февраля заместитель по строевой части командира 298 ап (артиллерийского полка – *Г.Б.*) 192 сд (стрелковой дивизии – *Г.Б.*) майор Слюнтяев и командир дивизиона этого же полка майор Мубараков во время выбора места для КП (командного пункта – *Г.Б.*) дивизиона этого же полка… обнаружили в бараке господского двора 8 мужчин и одну женщину. Последняя, хорошо владея русским языком, рассказала, что она латышка, насильно угнанная немцами из-под Риги, а мужчины – французы. Вечером Слюнтяев и Мубараков организовали выпивку и пригласили их к себе в блиндаж. Подвыпивший майор Слюнтяев взял красноармейцев Чавкина и Романова, произвел у французов обыск, изъял ценные вещи, а их приказал расстрелять. Красноармейцы открыли огонь из автоматов, а Слюнтяев – из пистолета. Вернувшись в блиндаж, все указанные военнослужащие по очереди изнасиловали латышку. 5 февраля в бараке были обнаружены три трупа французов, а остальные пять человек, по-видимому, уцелели и скрылись. Боясь, что женщина донесет о случившемся, майор Мубараков приказал расстрелять и ее, что и было выполнено красноармейцем Чавкиным[45].

О насилиях над девушками докладывал секретарь ЦК ВЛКСМ Н. Михайлов Г. Маленкову 29 марта 1945 г. Так, в Бунцлау (сегодняшний польский Болеславец) в общежитии, в котором находилось более 100 освобожденных женщин и девушек, «имеют место многочисленные факты издевательств, оскорбления и даже изнасилования женщин, проживающих в общежитии, со стороны отдельных военнослужащих, которые, особенно в ночное время, врываются в общежитие и буквально терроризируют девушек». 5 марта, поздно вечером, в общежитии находилось до 60 человек военнослужащих, главным образом, из 3-й гвардейской танковой армии. Большинство из них были в пьяном виде, приставали к девушкам, оскорбляли их. Несмотря на категорический приказ коменданта покинуть общежитие, группа танкистов продолжала дебош, угрожая оружием, учинила драку. Высланный комендантом наряд никого из хулиганов не задержал. Лишь утром удалось обнаружить в общежитии одного мертвецки пьяного танкиста, у которого ночью украли обмундирование и пистолет. Девушки заявляли, что «такие факты повторяются почти каждую ночь». Еще «хуже и возмутительнее» обстояло дело в военной комендатуре города Ельс. Здесь заместитель коменданта по политчасти капитан Балаян

> …смотрит на освобожденных женщин и девушек как на нечто «второсортное». Он, например, заявил: «Пусть они ведут себя, как хотят, и спят, с кем хотят, лишь бы все это было без шума».
> В ночь с 23 на 24 февраля группа офицеров и курсантов фронтовых курсов младших лейтенантов в количестве 35 человек явилась в пьяном виде на фольварк Груттенберг и начала творить дебош и насилия над находящимися там женщинами и девушками. В ночь с 14 на 15 февраля в один из фольварков, занимаемых гуртом скота (начальник гурта капитан Каримов), явилась штрафная рота во главе со старшим лейтенантом (фамилия не установлена), оцепила фольварк, выставила пулеметы, обстреляла и ранила красноармейца, охранявшего общежитие. После этого началось организованное изнасилование находящихся на фольварке освобожденных женщин и девушек[46].

В докладной записке Н. Михайлова указывались также и другие факты:

> …Гражданка Л-ва Вера 1926 года рождения была изнасилована первый раз при прохождении передовых частей, вторично – 4 февраля неизвестным офицером. С 15 по 22 февраля лейтенант Исаев А.А. (полевая контора № 1 Интендантского управления фронта…) принудил её к сожительству избиениями и угрозой расстрела. Ряд офицеров, сержантов и рядовых распространяют среди освобожденных советских людей такие слухи: «Есть приказ вас в Советский Союз не пускать, поэтому, если кого и пустим, будете жить на Севере». В связи с таким диким и хамским отношением к освобожденным советским женщинам и девушкам со стороны военнослужащих, у многих из них создается мнение, что в Красной Армии и в стране их не считают советскими людьми, что с ними могут делать все, что угодно – расстреливать, насиловать, бить, что на Родину их не пустят.

Некоторые из них со слезами и отчаянием рассказывают об отношении к ним. Так, например, Ева Ш-ль, 1926 года рождения, говорит:

> У меня отец и два брата ушли в Красную Армию в начале войны. Вскоре, как пришли немцы, я была насильно схвачена и вывезена в Германию. Здесь работала на заводе, в сле-

зах ожидала светлого дня освобождения. Наконец, пришла Красная Армия, и её же бойцы надругались над моей девичьей честью. Я плакала, вырывалась, говорила старшине о том, что мои братья тоже воюют, а он избил меня и изнасиловал. Лучше бы он застрелил меня…

Общим настроением женщин и девушек, находящихся в районе комендатуры г. Ельс, является такое:

Все было бы хорошо, если бы над нами не смеялись, не издевались, не насиловали, а относились бы к нам, как к советским людям[47].

Что же вызывало беспрецедентное за всю историю войн отношение солдат и офицеров вермахта и Красной Армии к гражданскому населению?

Как вермахт оправдывал свои преступления

30 марта 1941 г. на секретном совещании перед 250 генералами – командующими войск, которым через два с половиной месяца предстояло участвовать в операции «Барбаросса», – Гитлер заявил о своих расово-идеологических воззрениях и о планах агрессивной войны. Он назвал большевизм проявлением «асоциальной преступности» и заявил, что «речь идет о борьбе на уничтожение». Никакие проявления «солдатского товарищества с врагом недопустимы». Война на Востоке должна «во всем отличаться от войны на Западе»: речь идет об «уничтожении большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции»[48].

На Нюрнбергском процессе полковник Телфорд Тэйлор (США) впервые официально представил общественности приказ генерал-фельдмаршала, начальника верховного командования вермахта Кейтеля. Документ был подписан им на основании распоряжений Гитлера – «О военной подсудности в районе “Барбаросса” и об особых полномочиях войск» от 13 мая 1941 г. и «Руководящие указания о поведении войск в России» от 19 мая 1941 г. Эти директивы освобождали немецких солдат от ответственности за безжалостные действия при проведении кампании «Барбаросса». В этом отношении весьма красноречивы следующие пункты приказа:

II.1. За действия, совершенные служащими вермахта и его сторонниками против вражеских лиц, не существует необходимость преследования даже тогда, когда их действия являются одновременно военным преступлением… 2. …Судья предписывает наказание за действия против местного населения в военно-судебном порядке только тогда, когда этого требует сохранение дисциплины и безопасности действующей армии[49].

Однако еще в начале мая 1941 г., до издания этих директив, командование сухопутными силами Германии в одном из подготовленных им проектов аналогичных распоряжений обосновывало необходимость отказа от соблюдения каких бы то ни было норм и правил ведения войны на территории СССР: здесь войскам якобы будет противостоять «особенно опасный и разрушающий всякий порядок элемент из гражданского населения, являющийся носителем еврейско-большевистского миро-

воззрения». «*Не вызывает сомнения,* – подчеркивалось в документе, – *что он будет применять свое оружие разложения против ведущего боевые действия и умиротворяющего страну вермахта коварно, исподтишка везде, где только сможет*»[50].

Майские приказы вермахта дополнялись распоряжением Кейтеля от 27 июля 1941 г., которое предписывало всем инстанциям уничтожать копии приказа фюрера от 13 мая. Однако сам приказ оставался в силе независимо от уничтожения его копий.

Приведем еще один документ – «Дополнение к директиве 33» – приказ, подготовленный Альфредом Йодлем и подписанный Кейтелем 23 июля 1941 г., т. е. через месяц после начала войны:

> …Частям, назначенным для охраны оккупированных восточных районов, ввиду их обширности следует подавлять сопротивление гражданского населения не методом юридического наказания преступников, а путем запугивания с тем, чтобы отбить у него всякую охоту продолжать борьбу… Для поддержания порядка командующие не должны требовать подкреплений, а применять самые драконовские меры[51].

Манфред Мессершмидт считает, что роковую роль в деградации «смысла войны и приличествующего солдату поведения» сыграли, наряду с указанными документами, приказы двух командующих армиями – фон Рейхенау и фон Манштейна[52]. 10 июля 1941 г. командующий 6-й армией фон Рейхенау подписал приказ «Об обращении с противником»: «Солдаты в штатском, которых легко узнать по короткой стрижке, должны быть расстреляны». Та же участь была уготована «гражданским лицам, манеры и поведение которых представляются враждебными». Приказ по армии от 16 июля того же года прямо предписывал «жечь дома русских и евреев», а 10 октября командующий потребовал от подчиненных «драконовских мер» для «полного освобождения немцев от еврейско-азиатской опасности»[53].

Генерал Герман Хот в одном из приказов от 17 ноября 1941 г. подчеркивал, что в борьбе с русскими «примирение исключено», поскольку «сострадание и мягкость по отношению к населению здесь совершенно неуместны… Каждый шаг активного или пассивного сопротивления или каких-либо маневров большевистско-еврейских поджигателей должен быть немедленно и безжалостно пресечен. Солдаты должны понять необходимость жестких мер против элементов, чуждых народу и господствующей расе»[54].

Командование вермахта не только допускало, но прямо предписывало убийство женщин и детей. Организованное детоубийство в некоторых приказах оправдано как мера борьбы с партизанским движением. Так, в приказе командира 254-й германской дивизии генерал-лейтенанта фон Бешнитта от 2 декабря 1941 г. «беспечным благодушием» назван тот факт, что «старики, женщины и дети всех возрастов» передвигаются позади германских линий, и приказано «стрелять без оклика в каждое гражданское лицо любого возраста и пола, которое приближается к передней линии». Также следовало «возложить на бургомистров ответственность за то, чтобы о появляющихся чужих лицах, в особенности о детях, немедленно сообщалось местному коменданту», и «немедленно расстреливать всякое лицо, подозреваемое в шпионаже»[55].

Историки Бернд Болль и Ганс Зафриан, проследившие путь 6-й армии от Стрыя до Волги, пришли к выводу, что «ни этническая принадлежность, ни политические убеждения, ни обусловленная страхом пассивность, ни сотрудничество с оккупан-

тами – ничто не могло предохранить население от превращения в объект репрессий. Оно – во всей своей массе – стало заложником вермахта»[56].

Однако приказами 1941 г. дело не ограничилось. Уже в декабре стало очевидно, что «Блицкриг» провалился, наступательные операции на Москву прерваны. По мнению некоторых военных историков, – например, Омара Бартова – именно с этого момента характер военных действий изменился, и воинские части вермахта стали «идеологически мотивированным инструментом преступного режима, а война приняла варварский характер»[57]. Нельзя не согласиться с тем, что в конце 1941 г. начался новый этап войны. Но это не значит, конечно, что до этого момента действия вермахта можно было не считать варварскими. В 1942 г. гитлеровское руководство сочло необходимым в форме резкой директивы, не допускавшей исключений, вновь подтвердить, что совершенно безнаказанными должны оставаться любые преступления военнослужащих, совершенные в отношении мирных жителей восточных областей. Имеется в виду директива «Борьба с бандами», подписанная Кейтелем 16 декабря 1942 г.:

> Фюрер располагает данными, что отдельные военнослужащие германской армии, участвовавшие в борьбе против банд, за свое поведение в бою были привлечены в последующем к ответственности… В связи с эти фюрер приказал: «… Если борьба против банд… на Востоке… не будет вестись самыми жестокими средствами, то в ближайшее время имеющиеся в распоряжении силы окажутся недостаточными, чтобы искоренить эту чуму. Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничения, также против женщин и детей, если это только способствует успеху»[58].

Историк Вольфрам Ветте задался вопросом: доходили ли приказы генералов до рядового солдата, до «маленького человека в униформе»? Чему верил этот «маленький человек»? Понятно, что призванные в вермахт немцы, еще будучи гражданскими лицами, подвергались ежедневной «промывке мозгов». С началом войны против России антисемитская пропаганда принимала все более и более воинственный характер. Речь шла уже о «еврейском мировом враге, который должен быть уничтожен»; Гитлер неоднократно повторял свое абсурдное утверждение, что евреи – «зачинщики войны против рейха». Нацистская пропаганда была нацелена на то, чтобы усилить и обосновать давно укоренившееся чувство «национального превосходства арийской расы» над славянскими народами Восточной Европы[59].

Целям идеологической обработки, по мнению историка, служили печатные материалы верховного командования вооруженных сил, издававшиеся его подразделением – отделом пропаганды. С информационными бюллетенями этого отдела знакомили солдат каждой роты. В частности, в выпуске, изданном сразу после нападения на СССР, содержался такой пассаж:

> Необходимо ликвидировать красных недочеловеков вкупе с их кремлевскими диктаторами. Германскому народу предстоит выполнить самую великую задачу в своей истории, и мир еще услышит о том, что данная задача будет выполнена до конца[60].

В июне–июле 1941 г. нацистская пропаганда «рисовала немецким читателям и слушателям образ советского государства – оплота извращенных жестокостей и зверств, – и эта картина абсолютно исключала возможность трезвого анализа.

Служба информации Министерства пропаганды собрала внушительное количество материалов о преступлениях и правонарушениях советского коммунизма – о преследованиях духовенства и интеллигенции, различных операциях ГПУ по чистке партии и армии. Все это в расчете на широкий резонанс среди немцев было представлено прессе вместе с изображениями и характеристиками, свидетельствовавшими о первобытных условиях жизни в СССР»[61].

Судя по показаниям председателя военного трибунала 267-й немецкой пехотной дивизии капитана Юлиуса Райхова, действительно все приказы и идеологические установки 1941 г. были хорошо усвоены в вермахте. За действия, чинимые над советскими гражданами, солдат не разрешалось предавать суду военного трибунала. Солдата мог наказать только командир его части, если он сочтет это необходимым. Немецкий офицер имел еще больше возможностей и мог истреблять русское население по своему усмотрению. Командиру предоставлялось полное право применять к мирному населению карательные меры, как-то: полностью сжигать деревни и города, отбирать у населения продовольствие и скот, по своему усмотрению угонять советских граждан на работы в Германию.

Подтверждают данные факты и материалы допроса на Нюрнбергском процессе обер-группенфюрера Эриха фон Бах-Зелевского. На вопрос, существовали ли какие-нибудь четкие директивы, как следовало вести себя по отношению к мирному населению и партизанам, он ответил, что нет: отсутствие прямых указаний открывало широкое поле для произвола со стороны любого командира части, который имел право отнести к категории партизан любого человека и поступать с ним соответствующим образом. На другой принципиальный вопрос о том, знало ли командование вермахта о методах борьбы с партизанским движением, направленных на истребление еврейского и славянского населения, свидетель ответил коротко: «Эти методы были известны всем – значит, и военному командованию»[62].

Как видим, и планируемая жестокость, и формируемый задолго до войны антирусский и антибольшевистский образ врага были восприняты военнослужащими вермахта как нечто естественное. Не случайно в ноте Народного комиссариата иностранных дел от 6 января 1942 г., т. е. спустя полгода после нападения на СССР, говорилось:

> Непререкаемые факты свидетельствуют, что режим ограбления и кровавого террора по отношению к мирному населению захваченных сел и городов представляет собой не какие-то эксцессы отдельных недисциплинированных военных частей, отдельных германских офицеров и солдат, а определенную систему, заранее предусмотренную и поощряемую германским правительством и германским командованием, которые сознательно развязывают в своей армии, среди офицеров и солдат, самые низменные, зверские инстинкты[63].

Сталинские директивы Красной Армии

Со стороны СССР не было официальных приказов о ведении истребительной войны, жестких намерений уничтожать немецкое гражданское население как «низшую и неполноценную расу». Однако чувство мести, ожесточение и ненависть были вызваны в Красной Армии оккупационной политикой Германии и огромным количест-

вом жертв войны. Целью множества статей, репортажей и сообщений было показать «звериный» облик врага и призвать советских солдат и офицеров к скорейшему изгнанию и уничтожению немецкой армии. Призыв Ильи Эренбурга «Убей немца» стал не просто знаковым сигналом войны, но и проник глубоко в сознание красноармейцев. Поэтому будущий исход войны крайне обострил для верховной власти СССР вопрос о том, как настроить Красную Армию по отношению к немцам-военнопленным и к гражданскому населению. О том, что действия в этом направлении неминуемо должны были вызвать сопротивление внутри самой РККА, стало ясно еще осенью 1944 г., когда 300 тысяч советских солдат вступили на сербские земли Югославии. Как подчеркивал М. Джилас, югославских коммунистов потрясли насилия и грабежи, чинимые советскими солдатами. Югославские власти зарегистрировали 121 изнасилование, 111 из которых окончились убийством жертвы, и 1024 случаев ограбления с нанесением телесных повреждений[64]. Все сведения о бесчинствах были доведены до главы советской миссии в Югославии генерала Корнеева. Джилас сравнивал эти происшествия с корректным поведением находившихся в Югославии английских солдат и отмечал, что данные эксцессы использовали в своих целях противники коммунистов. Ответ генерала был следующим:

> Самым решительным образом протестую против оскорблений, наносимых Красной Армии путем сравнения ее с армиями капиталистических стран![65]

29 октября 1944 г. Тито направил личное письмо на имя Сталина, в котором пояснил, что «многочисленные неблаговидные поступки отдельных солдат и офицеров Красной Армии с горечью воспринимаются нашей армией и нашим народом, поскольку они обожают Красную Армию, идеализируют ее…». 31 октября Сталин ответил Тито гневной телеграммой, в которой, в частности, высказал возмущение тем, что, несмотря на колоссальные жертвы Советского Союза, который стремится помочь Югославии, инциденты и проступки отдельных офицеров и солдат у вас обобщаются и распространяются на всю Красную Армию[66]. Спустя несколько месяцев, в январе 1945 г., в беседе с членами югославской делегации во главе с министром промышленности Андрией Хебрангом Сталин задал риторический вопрос: разве нельзя понять бойца Красной Армии, «прошедшего тысячи километров сквозь кровь, и огонь, и смерть, если тот пошалит с женщиной или заберет какой-нибудь пустяк?»[67]. Тем не менее 19 января 1945 г. Сталин подписал приказ, который требовал не допускать грубого отношения к местному населению на освобождаемых территориях. Приказ был доведен до солдат; за ним последовали соответствующие директивы Военных советов фронтов, командующих армиями, командиров дивизий и других соединений[68]. В феврале 1945 г. в журнале «Большевик» – главном печатном органе ЦК ВКП(б) – был опубликован относительно успокаивающий ответ советского руководства (устами М.И. Калинина) американской прессе, выражавшей опасения, как бы высказывания Эренбурга, возбуждавшие ненависть к немцам, не привели к эксцессам против мирного населения, когда война охватит территорию Германии[69].

В марте, после «пьяных дебошей, краж и прочих фактов» в союзной Польше[70], Сталин уже не обвинял руководителей других стран в «клевете на Красную Армию».

На приеме делегации Чехословакии 28 марта после ряда тостов за Красную Армию он сказал следующее:

> Все хвалят нашу Красную Армию. Да, она это заслужила. Но я хотел бы, чтобы наши гости, будучи очарованы Красной Армией, не разочаровались бы потом. Дело в том, что сейчас в Красной Армии находится около 12 миллионов человек. Эти люди далеко не ангелы. Эти люди огрубели во время войны. Многие из них прошли в боях 2000 километров: от Сталинграда до середины Чехословакии. Они видели на своем пути много горя и зверств. Поэтому не удивляйтесь, если некоторые наши люди в вашей стране будут держать себя не так, как нужно. Мы знаем, что некоторые, малосознательные солдаты пристают и оскорбляют девушек и женщин, безобразничают. Пусть наши друзья-чехословаки знают это сейчас, для того, чтобы очарование нашей Красной Армией не сменилось бы разочарованием[71].

Учитывая эти тревожные заключения Сталина, а также решения Ялтинской конференции по немецкому вопросу, можно объяснить историю с резким одергиванием и временной опалой Ильи Эренбурга. 11 апреля 1945 г., накануне Берлинской операции, он опубликовал в «Красной звезде» статью под названием «Хватит!»[72]. При всей публицистической многослойности, некоторые места его статьи с напоминаниями о преступлениях немцев звучали словно новый набат:

> Горе нашей Родины, горе всех сирот, наше горе – ты с нами в эти дни побед, ты раздуваешь огонь непримиримости, ты будишь совесть спящих, ты кидаешь тень, тень изуродованной березы, тень виселицы, тень плачущей матери на весну мира.

Убедительно для читателей прозвучала и его статистика «крови и слез» на основе опроса 2103 человек, проведенного в одном соединении Красной Армии:

Погибло на фронтах родственников – 1288
Расстреляно и повешено жен, детей, родных – 532
Насильно отправлено в Германию – 393
Родственники подверглись избиению – 222
Разграблены и уничтожены хозяйства – 314
Сожжены дома – 502
Отобраны коровы, лошади, мелкий скот – 630
Родственники вернулись с фронта инвалидами – 201
Лично подверглись избиению на оккупированной территории – 161
Получили ранения на фронтах – 1268[73].

Буквально через два дня, 14 апреля, в «Правде» появилась статья руководителя Отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Георгия Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает», согласованная, по всем признакам, со Сталиным. В отличие от набата Эренбурга, в этой статье официально, с напоминаем выдержек из речи Сталина 23 февраля 1942 г. о том, что «гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий, а государство немецкое остаются»[74], прозвучали следующие установки:

– Не отвечают фактам уверения Эренбурга, что «все немцы одинаковы и что все они в одинаковой мере будут отвечать за преступления гитлеровцев», а также его утверждение будто бы «Германии нет: есть колоссальная шайка, которая разбегается, когда речь заходит об ответственности».

– В жизни нет единой Германии, не все немцы одинаково ведут себя, население не должно «разделить судьбу гитлеровской клики».

– Красная Армия, выполняя свою великую освободительную миссию, «никогда не ставила и не ставит своей целью истребить немецкий народ»[75].

Вслед за статьей Александрова последовала вполне ясная и по-военному мотивированная «Директива Ставки Верховного Главнокомандования командующим войсками и членам военных советов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов об изменении отношения к немецким военнопленным и гражданскому населению» от 20 апреля 1945 г., т. е. с началом Берлинской операции. Пункт 1 этой директивы гласил:

> Потребуйте изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жестокое отношение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне[76].

Одновременно и маршал Жуков призывал военных во время атаки и оккупации концентрироваться на своих воинских обязанностях:

> Солдаты, следите за тем, чтобы, разглядывая юбки немецких девушек, вы не забывали, для чего вас сюда отправила Родина[77].

Если сравнить неформальные высказывания Сталина, подписанные им приказы, официальные речи, статьи в советской печати и наличие продуманных, четко регламентированных и своевременных механизмов их реализации, возникает противоречивое впечатление: распоряжения – это одно, а их осуществление – другое. Вероятно, таким было и восприятие этого противоречия в РККА. Норман Неймарк, к примеру, обратил внимание на то, что многие расставленные на обочинах дорог лозунги говорили на другом языке, чем послания официальной Москвы:

«Вот она, проклятая Германия», «Вот он, ад фашистов – Берлин»[78].

Во многих военных мемуарах встречается упоминание о таком факте: незадолго до зимнего наступления 1945 г. каждому солдату разрешалось отправить домой раз в месяц одну или две восьмикилограммовых посылки, а офицерам – вдвое больше. Разве это не было недвусмысленным поощрением будущих мародеров и подталкиванием к грабежам?

Генерал-лейтенант Ф.Е. Боков, позже – член Военного совета Группы советских оккупационных войск в Германии, отмечал:

> Нужно представить себе, как сложен был процесс перестройки психологии бойцов многотысячной армии, чтобы понять, насколько непростой была эта задача. …Что ни говори, а ему, человеку, воспитанному, поднятому на бой лозунгом «Смерть немецким оккупантам!» еще в первые дни войны, теперь соблюсти в себе хотя бы лояльное отношение к немецкому населению, из среды которого вышли те же гитлеровские вояки, тоже было непросто. И требовалась терпеливая, настойчивая работа с каждым бойцом[79].

Берлин, на крыше Рейхстага: пленный немецкий офицер, май 1945 г.

Маршал В.И. Чуйков утверждал, что когда его армия вступила на территорию Германии, советским солдатам «еще было невозможно разделить в сознании …страну, (немецкий – *Г.Б.*) народ и фашизм во главе с Гитлером»[80].

«Военные необходимости» и поведенческие стереотипы

В немецкой и российской военной литературе нередко можно встретить мнение, что некоторые отклонения от норм военного права были оправданны: мол, они вызваны «военной необходимостью». В Германии это мнение берет свое начало от прусского генерала Гартмана, который в 1877 г. выступил против кодификации военного права, «идеализму права» противопоставил «реализм войны»[81]. Однако Гартман жил в то время, когда господствовавшие взгляды на мораль и честь отвечали духу прусско-немецкого офицерства. «*Можно думать,* – писал русский юрист, профессор международного права Ф.Ф. Мартенс[82] в своей книге “Мир и война”, – *что генерал Гартман не хочет ставить военному насилию никаких границ и не стремится обуздать страсти разъяренных армий, однако, на самом деле он весьма далек от этого. Он не ограничивается признанием некоторых законов и обычаев войны, а с усердием доказывает, что их соблюдение является для цивилизованной армии делом чести и совести. По словам Гартмана, сознание права и высокая мораль должны влиять абсолютно на все действия воюющих*»[83].

Однако во время Второй мировой войны в армии были призваны массы солдат, не проникшихся понятиями морали и человечности; были изданы приказы, объявившие военную необходимость руководством к действию для всех воюющих. По

мнению Манфреда Мессершмидта, в истребительной войне против Советского Союза политическое и военное руководство с самого начала, еще до того, как, вообще, могла возникнуть проблема стратегических или тактических «необходимостей», потребовало от солдат готовности к противоправным, по сути, преступным действиям. Гитлер не оставил у генералитета ни малейшего сомнения в этом отношении. Его представления на этот счет были последовательным развитием тех политических принципов, которые он изложил в своих книгах, написанных еще в 20-е годы. Они и ввергли вермахт, а вместе с ним и все государство в войну нового типа[84]. Так, под лозунгом «нового качества» всячески поощрялись расстрелы и убийства мирного населения. Как показал на допросе обер-ефрейтор 2-го авиапехотного полка 4-й авиапехотной дивизии Ле-Курт, которого я уже цитировал, «за хорошую работу и службу в немецкой армии, выразившуюся в том, что расстреливал военнопленных и советских граждан», ему досрочно было присвоено звание обер-ефрейтора и вручена «Восточная медаль»[85]. Напомню, что он лично сжег более 30 домов и 70 человек, в основном, стариков, женщин и детей.

Безусловно, мы бы упростили проблему преступлений, если бы сводили их причины только к «необходимостям», конфликтам, возникающим по поводу выполнения противоречащего законам приказа, или к непосредственно действующим факторам, системе внешних обстоятельств, которые якобы сами по себе порождают определенный поведенческий акт[86]. Преступное поведение военнослужащих вермахта и Красной Армии было обусловлено также поведенческими стереотипами, неизбежными в условиях войны, – полуавтоматизированными действиями, антисоциальное значение которых осознается не сразу. Такие действия, как правило, импульсивны, связаны с антисоциальными установками и стечением обстоятельств; их можно сравнить с чрезвычайным положением, когда в обществе резко меняются общепринятые принципы поведения. Не вдаваясь здесь подробно в особенности социально-психологической – как коллективной, так и индивидуальной – поведенческой регуляции, можно с полной уверенностью констатировать, что у многих немецких солдат и офицеров в СССР, а потом у советских – в Германии было ощущение чрезвычайного положения, и они нарушили принципы международного права, действительные даже в военное время. Ситуация была подходящей для реализации установок той или иной личности. Если многие участники боролись во время войны за то, что они понимали под справедливостью, то другие нарушали действующие законы. Например, судя по уже приводимым показаниям Ле-Курта и Швагера, среди военнослужащих вермахта находились такие, для кого пытка, наблюдение за предсмертными страданиями жертвы становились наслаждением.

Не оправдывая действий как немецких, так и русских солдат, можно сказать, что поведение бойцов Красной Армии определялось рядом факторов, которые позволяют в некоторой степени объяснить их отношение к Германии. Они хотели воздать отмщение за несправедливость, дать волю собственному чувству негодования в условиях вынужденной военной ситуации, вытеснить свой страх, пользуясь правом господина, – непременным спутником победы стало мародерство. Эти ощущения усиливались у уроженцев бедной страны от того, что они пришли победителями в куда более благополучный край[87]. Разгромы и разграбления немецких жилищ во многом происходили из-за того, что советские солдаты с завистью сравнивали свою жизнь с благополучным бытом в Германии. Шварц ван Берк цитировал дневниковые записи и полевые письма, которые красноармейцы писали домой; в них под-

тверждалось, что благосостояние западного человека угнетающе действует на русского солдата, учитывая «невероятную нищету жизни широких масс под красной звездой». Они чувствовали себя как «новый Робинзон», которого из далекой нищей страны внезапно занесло в самое сердце мира, высокоразвитого в техническом отношении, в котором цивилизация достигла высочайшей ступени развития»[88].

Энтони Бивор считает, что причинами преступности русских было отсутствие дисциплины в армии и неизбежная дегуманизация, вызванная двумя или тремя годами войны, которые «превращают всех вооруженных мужчин в потенциальных насильников». Но, по его мнению, не все армии в оккупированной Германии тяготели к насилию:

> В Берлине обменный курс на черном рынке был основан на «сигаретной валюте», так что у американских солдат, которые снабжались сигаретами практически в неограниченных количествах, не было необходимости прибегать к насилию[89].

Еще одну из причин разгула насилия в Советской Армии Бивор усматривает в свободном и практически неограниченном доступе к алкоголю.

> Крупнейшей ошибкой германских военных властей был отказ уничтожить склады алкоголя на пути наступающей Красной Армии. Решение это основывалось на убеждении, что пьяный враг не способен воевать. Однако это обернулось трагедией для немецких женщин – это было именно то, что придавало красноармейцам смелости насиловать, как, впрочем, и позволило им отпраздновать окончание этой ужасающей войны[90].

Но Бивор пытается понять и объяснить открывшиеся ему факты и свидетельства «охоты на женщин», выяснить побудительные механизмы «барачной эротики». Он пишет:

> Ко времени, когда Красная Армия достигла Берлина, ее солдаты начали относиться к немецким женщинам скорее как к трофеям, чем как к объектам ненависти. Чувство доминирования, которое они при этом ощущали, возможно, частично было косвенным продуктом униженности, которую они испытывали во власти своих командиров и советской власти в целом… Сталин настаивал, чтобы советское общество воспринимало себя фактически асексуальным. Это ничего общего не имело с подлинным пуританизмом. И истинная причина этого в том, что секс и любовь плохо увязывались с официальной догмой, требовавшей борьбы с индивидуализмом. Чисто человеческие устремления и эмоции были под запретом. Работы Фрейда были запрещены, развод и адюльтер вызывали серьезное неодобрение партии… Режим неоднозначно требовал, чтобы любая форма вожделения превращалась в любовь к партии и прежде всего к ее Великому Вождю[91].

У некоторых очевидцев взятия Берлина поведение солдат и офицеров Красной Армии вызвало противоречивые, двойственные чувства. Английская аристократка Джессика Редсдейл, находившаяся в начале мае 1945 г. в Берлине, писала своей подруге:

> …Вчера видела, как двое молодых русских солдат бьют мальчика-фольксштурмиста. Били сильно, но недолго – вмешался пожилой русский, стал их растаскивать, что-то говорить

> своим… Увы, кровь в Берлине еще капает… Русские пехотинцы очень озлоблены против немцев, бьют их при малейшей провокации. Я знаю твое отношение к русской литературе, к русским и потому приглядываюсь. По-моему, от русских ожидали все же большей жестокости. А они скорее просто грубы, да и то часто от безмерной усталости. Я говорила с одним русским переводчиком из штаба 1-го Белорусского фронта, рассказала тот эпизод, когда за мальчика-немца вступился пожилой солдат. Он объяснил так: что ж, понятно, пожалел ребят. И увидев в моих глазах оставшийся вопрос, добавил: «Ненавидеть тяжело. Любить хочется»[92].

Швейцарский журналист Макс Шнетцер спрашивал своего коллегу, который описывал бои в берлинском районе Ваннзее, как вели себя русские:

> Отчасти – как свиньи, отчасти – как ангелы… В некоторых квартирах дошло до распутных сцен с женщинами и девочками. Одна женщина, над которой надругались десять солдат, умерла. В других домах русские вели себя как друзья…[93].

Графиня Элен Понински, как и некоторые другие авторы дневников и мемуаров, сравнивала советских солдат с простыми детьми, которые могли быть необычайно дружелюбными, особенно по отношению к другим детям, но также и подлыми, и жестокими. Петер Блох, который пережил первые недели оккупации в местечке Кляйнмахнов под Берлином, писал о русских:

> Они были непредсказуемы: жестоки, как гунны, и доверчивы, как дети. Никто не знал, что можно было от них ожидать. Они могли хладнокровно застрелить человека или изнасиловать женщину, дарить детям шоколад или, смеясь, сидя на корточках, любоваться крольчатником[94].

В таких постоянно возникающих опасных и странных ситуациях, когда не знаешь, как поведет себя немецкий «оккупант» или советский «освободитель», мирное население было вынуждено искать способы самозащиты и спасения своей жизни. Конечно, командование и с той, и с другой стороны пыталось предостеречь своих людей от того, что эта война идет не по правилам, организовать спокойную эвакуацию и защитить потоки беженцев. Правда, в определенные моменты войны решения верхов, целью которых было предотвратить оккупацию, приводили к невероятным последствиям. Достаточно напомнить о приказе Ставки Верховного Главнокомандования от 17 ноября 1941 г. о беспрекословном выполнении советскими войсками требования «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог»[95].

Для выполнения приказа Ставки, получившего название «тактики выжженной земли», использовались не только части НКВД, но и авиация, мощная артиллерия, огнеметные подразделения, диверсионные группы РККА. При отходе соединений и частей Красной Армии уничтожались промышленные объекты, электростанции, сырье, готовая продукция. Не менее ужасным по своим последствиям был и приказ Гитлера 30 апреля 1945 г. об открытии шлюзов на реке Шпрее и затоплении берлинского метро. Погибло 300 тысяч немецких солдат, женщин и детей, прятавшихся там на станциях.

Многие люди, не полагаясь на действия своих правительств, а затем оккупационных властей, были вынуждены приспосабливаться ради выживания. Во многом чтобы прокормить свои семьи, люди шли на службу в органы нового режима, становились коллаборационистами, работали на предприятиях врага. Прибывшая в Москву из Воронежа в марте 1943 г. сотрудница газеты «Правда» Е. Кононенко сообщала о своих разговорах с женщинами оккупированных районов:

> …Рассказывали о девушках, которые «гуляли» с немцами. Немцы дарили тем, кто с ними сожительствовал, вещи, платья… Маруське ее кавалер ящик конфет из Воронежа привез и мешок белой муки. Рассказывали, что есть случаи беременности от фрицев, и в ближайший месяц – две родят… Одна у нас свадьбу сыграла с немцем, а когда они уходили, то он ее по дороге бросил, и она босиком в деревню прибежала. Сама виновата, дура. И плачет: по любви выходила…

На упрек, как же они могли танцевать с немцами, разговаривать с ними, когда рядом умирали наши красноармейцы, последовали взволнованные голоса:

> А что мы могли сделать? Чем помочь? … Вам издали, а нам с ними жить пришлось. Не угодишь – плохо будет. Да мы особенно и не угождали. Были, которые угождали, а мы просто смирились[96].

И русские, и немецкие женщины научились прятаться во время «часов охоты» солдат и офицеров. В Берлине молодых дочерей прятали на чердаках и крышах по нескольку дней. Иногда наибольшая опасность исходила от соседей, которые выдавали места, где прятались девушки, пытаясь таким образом спасти своих собственных дочерей. Многие женщины были вынуждены «добровольно отдаться» одному солдату в надежде, что он защитит от других. Затем, по мнению Сюзан Браунмиллер, наступала следующая стадия – голод – «тонкая линия, отделяющая военные изнасилования от военной проституции»[97]. После сдачи Берлина, замечает Урсула фон Кардоф, город сразу же наполнился женщинами, торгующими собой за еду или альтернативную валюту – сигареты[98]. Хельке Сандер, немецкий кинорежиссер, досконально изучавший это вопрос, пишет о «смеси прямого насилия, шантажа, расчета и настоящей привязанности»[99].

И русские, и немецкие женщины нередко обезображивали, калечили себя и дочерей, чтобы избежать унижения, кончали жизнь самоубийством. Судя по секретному докладу заместителя наркома внутренних дел, уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту И.А. Серова наркому Л.П. Берия от 5 марта 1945 г., в Германии самоубийства взрослых и особенно женщин – с предварительным умерщвлением своих детей – приобрели массовый характер[100].

Признание и осознание преступления

Сразу после войны в СССР на естественное, с точки зрения победителей, стремление понять побежденного врага – уже не как «людоеда-фашиста», «изверга», «гадину», «тупого гунна», а как человека – был наложен строжайший запрет. Не одобря-

лись и разговоры или обсуждения негативных сторон освобождения Восточной Германии. Сегодня в России есть возможность не только говорить о преступлениях, но и по крупицам собирать документы о любых случаях прямого или косвенного признания и осознания злодеяний, совершенных в ходе войны, до капитуляции Германии, до послевоенных судебных процессов. Осознание вины не означает ее признания. В ход вступают объяснения, сокрытия, оправдания. У многих была возможность объективно оценить, предвидеть обстоятельства, однако, они этого не сделали. К преступному поведению побуждают такие эмоции, как ненависть, страх, жажда жестокости; они служат фоном для интеллектуальных и волевых процессов. Факты признания и осуждения преступлений против гражданского населения можно рассматривать на двух уровнях – официальном и индивидуальном, причем позиция общества, власти может сильно отличаться от мнения отдельного человека. Взгляды представителей вермахта на природу немецко-русских и соответственно русско-немецких отношений были не столь однородными, как пыталась представить нацистская пропаганда. Это можно заметить на примере некоторых офицеров уже в первые месяцы войны. Они не только стремились к политической цели – уничтожению большевизма, но и настаивали на более справедливом обращении с русским населением. Они ориентировались на традиционно позитивный образ России, и утверждение, будто русско-славянский и немецкий характеры никогда не смогут сосуществовать, казалось им слишком примитивным. Майор Мейер-Велькер писал в январе 1942 г., что далеко не всех русских крестьян можно назвать «коварными и тупыми. Я должен даже сказать, что встречаю эти качества лишь изредка. То, что мы называем “тупым”, – просто образ жизни, который нам трудно постичь и понять. Как много глубоко порядочных людей, даже верных душ, я встретил в этом краю. И как способен этот народ нести свое тяжкое бремя»[101]. В начальный период сражений у убитого на поле боя немецкого офицера в личных вещах было обнаружено особое предписание, исходящее от капитана генерального штаба и датированное 17 июля 1941 г.:

> Батальон полка 394, отделение 1 а. В одном подразделении были случаи, когда убивали, выбрасывали кур. Подобные случаи я не терплю в моем батальоне и прошу… налагать наказание не менее 5 суток строжайшего ареста. Одновременно я прошу обратить серьезное внимание на то, чтобы в огороды заселенных деревень входить только с разрешения офицера. Данное положение довести до сведения частей в течение 14 дней[102].

В памятке о трофейном имуществе и изымаемом продовольствии от 10 августа 1941 г. отмечалось, что части и отдельные солдаты отбирали у сельских жителей необходимые им самим предметы «живого и мертвого инвентаря», ничего не оставляя взамен. Требовалось исключить случаи «дикого захвата»[103].

Преодолению той же самой проблемы был посвящен приказ командующего 16-й армии Буша от 29 июля 1941 г., адресованный командирам корпусов и дивизий. Он предписывал наказывать солдат за «разбойничье» поведение в отношении имущества мирного населения: «*Нарушение следует карать, невзирая на личность: грабежи, дикие захваты караются судом военного времени*»[104]. А в приложении к приказу подробно регламентировались действия, связанные с собственностью граждан на оккупированной территории:

Нарушение 3. Разбойничьи захваты. …Являются очагом недисциплинированности. Они не только подрывают авторитет части, но из-за фальшивых реквизиторских квитанций с перебоями работает сельское хозяйство, в восстановлении которого мы так сильно заинтересованы, подвергаются опасности урожай и продовольственное снабжение, крестьяне перестают нам доверять.
Выход из положения. Соответствующая часть может самостоятельно за наличный расчет (до 1000 марок) покупать и забивать скот, если ее потребности не обеспечиваются скотобойной ротой. Причем производить расчеты следует не в рейхсмарках, а в рублях или кредитных билетах; если сумма покупок превышает 1000 марок, надо выдавать квитанции о получении на немецком и русском языках.
Способы предотвращения. Длительное наблюдение командования. Запретить «производить запасы скота». Недопустимы также грабежи и бессмысленные поиски «кладов». О случаях грабежей, которые не являются необходимыми для удовлетворения насущных потребностей, следует немедленно докладывать в штаб армии[105].

Отслеживая подобные приказы, Главное разведывательное управление Красной Армии было уверено, что германское командование не наказывало своих солдат за нарушение подобных запретов, хотя и объявляло вне закона самовольное единоличное мародерство. Поэтому подобные приказы, с советской точки зрения, не имели никакого практического значения, а нужны были лишь для того, чтобы доказать: германская армия якобы соблюдает международные правила ведения войны[106].

И тем не менее нельзя не учитывать, что, начиная с 1942 г., появляются одиночные протесты офицеров вермахта против зверского обращения с гражданским населением. Показательно донесение бывшего командира 528-го полка майора Рёслера и сообщение командующего 9-м военным округом Ширвиндта. В конце июля 1941 г. 528-й пехотный полк находился в пути с Запада в Житомир, где должен был расквартироваться на отдых. Недалеко от этого места один за другим следовали винтовочные залпы, а затем выстрелы из пистолетов. Рёслер, его адъютант и офицер-ординарец – обер-лейтенант фон Бассевиц и лейтенант Мюллер-Бродман – решили выяснить, что произошло.

Вскоре мы почувствовали, – писал командир полка, – что здесь должно происходить что-то ужасное, так как через некоторое время мы увидели множество солдат и лиц из гражданского населения, устремившихся по железнодорожной насыпи, за которой, как нам сказали, происходили массовые расстрелы… Когда мы, наконец, вскарабкались на насыпь, нашим глазам представилась страшная, душераздирающая картина. В углу была вырыта яма около 7–8 метров длиной и 4 метров шириной, а на одном краю ямы лежала пластами земля. Эта земля и вся стенка ямы были совершенно залиты потоками крови. Вся яма была заполнена человеческими трупами мужчин и женщин всех возрастов. Трупов было так много, что нельзя было определить глубину ямы. За насыпанным валом стояла команда полиции под руководством полицейского офицера. На форме полицейских были следы крови. Кругом стояло множество солдат только что расквартированных частей; некоторые из них были в трусах, как зрители, там же было много гражданского населения – женщин и детей. Картина была настолько страшной, что я не могу ее до сих пор забыть. Особенно врезалась в память сцена, как в этой могиле лежал какой-то старый человек с длинной седой бородой, в его левой руке была зажата трость. Так как этот человек, судя по прерывистому дыханию, еще был жив, я приказал одному из полицейских убить его, на

что тот ответил с улыбкой: «Я ему уже семь раз стрелял в живот, он уже теперь сам должен подохнуть». Убитые в могиле лежали не рядами, а вповалку, так, как они падали сверху в яму. Все эти люди были убиты выстрелом в затылок из винтовки, а потом в яме добивались выстрелами из пистолетов.

Свое донесение Рёслер заканчивал словами:

Я не видел ничего подобного ни в мировую войну, ни в русскую, ни во французскую кампанию этой войны; я пережил много неприятного, будучи в формировании добровольцев в 1919 году, но никогда мне не приходилось видеть ничего подобного… Я хочу добавить, что по рассказам солдат, которые часто видели подобные сцены, видимо, таким способом ежедневно убивалось несколько сот человек[107].

Заместитель командира 9-го армейского корпуса и командующего 9-м военным округом Ширвиндт отправил донесение Рёслера руководителю Управления военной промышленности и вооружений в Берлин с таким заключением:

В отношении поступающих сообщений о массовых экзекуциях в России я был первоначально убежден в том, что они слишком преувеличены. При сем сопровождаю донесение майора Рэслера, которое полностью подтверждает эти слухи. …Если подобные действия будут происходить открыто, то они станут известны на родине и будут подвергнуты обсуждению[108].

Дальнейшая история этого эпизода нам неизвестна.

В 1943 г. были приняты новые уставы об обращении с населением оккупированных зон. Пренебрежительный тон по поводу «недочеловеков» постепенно исчезал из нацистской пропаганды. Во 2-й танковой армии в апреле были разработаны инструкции для офицеров, которые они были обязаны довести их до всех военнослужащих, до каждой роты. Понимая, что для успешной борьбы на фронте решающее значение имеет «отношение к русскому народу», от обстановки в тыловых районах во многом зависят снабжение, безопасность в тылах сражающихся частей, штаб этой армии признал, что

…ненужная жестокость и всякий произвол неправильны, вредны и недостойны… Мы должны доказать наше превосходство в безупречном отношении к населению… Неправильное поведение, ненужные оскорбления, грубости, угрозы, грубые разговоры и насилие ведут к скрытому сопротивлению, а также толкают население к участию в бандитских армиях[109].

Инструкции требовали вести себя целеустремленно, чтобы население рассматривало немцев не как оккупантов, а как освободителей. Было также признано, что «деревни сжигать бессмысленно, так как они являются надежным источником пропитания для нашей армии», что «расстрелы заложников или лиц, не замеченных в связях с бандами, недопустимы»[110]. В материалах штаба этой же армии для докладов (май 1944 г.) содержалась и инструкция-памятка об обращении с русским населением, так как «проводимые ранее мероприятия приводили к тому, что в банды уходили люди, которые хорошо к нам относились»[111]. Как открытия, звучали для большинства военнослужащих следующие проницательные замечания в новых рекомендациях:

«Непристойные слова и жесты унизительны не только для девушки, с которой вы пытаетесь познакомиться, но почитаются также и ее семьей за оскорбление»,

«Не развешивай повсюду в своей квартире изображения обнаженных женщин»,

«Если тебе приходится иметь дело с русскими, то не хватайся всегда сразу за палку. Если ты чувствуешь сопротивление, ты должен проявить строгость и не быть снисходительным, но ты не имеешь права избивать»,

«Подумай о том, что было бы с тобой и твоими родственниками, если бы у тебя и твоей семьи беспощадно забирали последнее»,

«Если русский придет к тебе, чтобы попросить о чем-нибудь, не кричи сразу: “Проваливай!” Быть может, ты и не думаешь ничего дурного. Русский же скажет, что ты обращаешься с ним, как с собакой… Подобным поведением ты можешь его навсегда сделать врагом нашего дела»[112].

Целью другого приказа было внушить военнослужащим доверие и уважение к русскому населению, чтобы русских перестали считать «людьми низшего порядка, недостойными почестей и уважения»[113]. Кто же нарушает эти принципы, подчеркивалось в приказе, «тот действует преступно в отношении интересов Германии»[114].

По итогам войны понятно, что все эти приказы и инструкции «сверху», в том числе информация о русских, которая все более соответствовала реальности, сильно запоздали. Разложение вермахта было настолько серьезным, что это вынужден был признать и Гиммлер, пытавшийся, судя по его телефонограмме 542-й народной гренадерской дивизии от 13 февраля 1945 г., остановить преступления военнослужащих уже против собственного народа.

> От населения во всех возрастных размерах, – говорилось в ней, – поступают жалобы на то, что немецкие солдаты грабят дома, покинутые их жильцами, и воруют или разрушают имущество и пожитки бедных людей. Все командиры всех званий ответственны передо мною за всемерное предотвращение подобных позорных случаев и полное сохранение дисциплины и порядка. Всех, кто грабит, немедленно расстреливать. Судьба людей, вынужденных покинуть родину, жестока и печальна. Нас всех, как солдат, угнетает сознание того, что тысячи деревень попали в руки русских, которые грабят и разрушают их. Само собой разумеется, законом порядочности является, чтобы в деревнях, в которых находятся немецкие солдаты, не был ни украден, ни разрушен в покинутых домах ни один даже самый маленький предмет. Это наш долг перед нами самими и перед немецкими семьями…[115]

Для простых солдат и офицеров было крайне непросто выразить свое отношение к происходящему, а тем более отказаться от участия в преступлениях. Известно, что те, кто, например, отказывался выполнить приказ об убийстве, превращался в изгоя, с чем трудно было примириться. Чтение советских нот или листовок о зверствах вермахта, признавался солдат 12-й роты 162 полка 61 пехотной дивизии Леопольд Пица, грозило отдачей под суд[116]. И тем не менее в сохранившихся письмах можно найти разные свидетельства об отношении к преступной войне. Нередко это проявлялось и в ходе опросов солдат и офицеров, которые попадали в плен, особенно в период, когда исход войны был еще неясен.

В ноябре 1941 г. один немецкий солдат писал своей жене с советского фронта: «Я плакал очень редко. Лишь когда я снова буду у вас, отдохну и преодолею себя, мы должны будем очень много плакать, и ты поймешь в этом своего мужа»[117].

«Лучше маленькая Германия, где можно трудиться, чем бесконечная война за “Великую Германию”, – говорил пленный Пришивара. – Если бы не было Гитлера, не было бы войны, и не был бы я солдатом»[118]. По словам Генриха Моковского, унтер-офицер Швирц винил во всем Гитлера, и перед смертью его последними словами были: «Зачем мы проливаем кровь за темное дело?»[119].

Некоторые исследователи полагают, что в войсках вермахта действовала подпольная организация. За подкладкой шинели одного немецкого солдата красноармейцы обнаружили листовку под названием «Фронтовое письмо № 3» с таким обращением:

> Товарищи!.. Кто еще не наелся по горло дерьма здесь, на Восточном фронте?.. Эта преступная война развязана Гитлером, и она ведет Германию в ад…[120]

Военные власти Германии были озабочены тем, что отправляющиеся в отпуск домой солдаты могли оказывать разлагающее влияние на население, рассказывая ужасные истории о Восточном фронте.

> Не забывайте о законах военного времени, – строго предупреждала одна памятка. – Вас могут осудить за разглашение военной тайны. Не говорите об оружии, тактике и потерях. Не говорите о плохом питании и беззакониях. Вражеская разведка охотно воспользуется этими рассказами[121].

Кое-кто из солдат (возможно, целая группа) откликнулся на этот документ своей собственной инструкцией, озаглавив ее «Заметки для тех, кто собирается в отпуск». В ней говорилось:

> Следует помнить, что вы въезжаете в национал-социалистическую страну, условия жизни в которой резко отличаются от тех, к которым вы привыкли. Следует быть вежливыми с местным населением, соблюдать их обычаи и по возможности воздерживаться от привычек, так полюбившихся вам за последнее время.
> Пища. Не срывайте паркет и другое покрытие полов, потому что здесь картофель хранится в других местах.
> Комендантский час. Если вы забыли ключи, постарайтесь открыть дверь каким-нибудь похожим предметом. Только в самых чрезвычайных случаях пользуйтесь гранатой.
> Защита от партизан. Нет никакой необходимости требовать у гражданских лиц паспорт и открывать огонь, получив не удовлетворяющий вас ответ.
> Защита от животных. Собаки с привязанными к ним минами характерны для Советского Союза. Немецкие собаки в худшем случае кусаются, но не взрываются. Если вы будете стрелять в каждого пса, что рекомендуется делать в Советском Союзе, то это может произвести на окружающих тягостное впечатление.
> Отношение к гражданскому населению. В Германии особа, носящая юбку, вовсе не обязательно является партизанкой. Впрочем, несмотря на это, женщины в Германии смертельно опасны для тех, кто приезжает с фронта в отпуск.
> И главное: приехав в отпуск на родину, будьте осторожны и не рассказывайте никому о райских условиях жизни в Советском Союзе, иначе все бросятся сюда и нарушат нашу идиллию[122].

По всей видимости, эта инструкция имела хождение в армии. В этом плане уникально найденное мною письмо, которое близко по духу и иронии этой безымянной

инструкции. Речь идет о письме лейтенанта по имени Фридрих из 697 пехотного полка 312 пехотной дивизии своим родителям. Написано оно было, судя по всему, остроумным молодым человеком перед боем, в конце марта 1942 г. Не для суда, не при допросе, а в своем «веселом» письме близким он создал беспощадный памфлет на самого себя и, скорее всего, на своих сослуживцев. Этот документ заслуживает быть приведенным полностью.

Мои дорогие.

Могу сообщить радостное известие о том, что я надеюсь скоро получить отпуск, – известие столь радостное для вас, ничего не подозревающих, и в то же время благоприятное для меня. Чтобы мой отпуск протекал гармонично, я уже сейчас прошу вас обратить внимание на следующее:

1. Рекомендуется перед прибытием поезда все ценные предметы закопать в саду.
2. Всех детей младше 5 лет – также и из соседних домов – по возможности отдать в ближайшие детские сады национал-социалистического союза.
3. Для того чтобы я сразу не поджег дом, поднять белый флаг на палке от метлы.
4. Если я начну вас ощупывать на вокзале, то не примите это за ласки – я ищу у вас оружие.
5. Дядя Петер пусть лучше не приходит на вокзал, так как он находится в возрасте между 14 и 70 годами. Будет лучше всего, если он явится с одеялом, миской для еды и запасом продовольствия на 3 дня в ближайший концентрационный лагерь.
6. Дядя Вильгельм, которому уже 70 лет, должен вплоть до моего отъезда находиться у меня в заложниках.
7. Электрический свет на время моего пребывания в отпуске следует выключить, для этого необходимо уже сейчас держать наготове взятые у соседей свечи без удостоверения об их мощности.
8. Газеты оставлять, так как они мне все-таки пригодятся. Блестящие иллюстрированные издания можно использовать в качестве скатерти или для завертки сала.
9. Вся мебель, вплоть до последнего стола и стула, должна быть в разобранном виде сложена в передней, так как она будет использована в качестве топлива для костра. Прошу вас оставить только книжный шкаф, чтобы было еще что ломать и я не был бы лишен этой радости.
10. Об этом пункте прошу сохранять строжайшее молчание: речь идет о моем питании за счет населения.

Выясните уже сейчас, где имеются поблизости куры, гуси и свиньи, – о цене не беспокойтесь. Я расплачусь за все с помощью моего пистолета.

11. В вино подбавьте денатурата, оно станет вкуснее. Хорошенько забаррикадируйте винный погреб. Взламывание стало моей любимой привычкой. От повторения оно не становится менее приятным.
12. Прошу вас обратиться в солдатский союз и заявить, что один из его членов стрелял по нашим окнам с крыши соседнего дома. Насчет стекол не беспокойтесь. Я их все равно выбью.
13. Прачку можете рассчитать, потому что я надел чистое белье всего четыре недели тому назад.
14. Водопровод можно оставить, но я лично буду умываться из водосточной трубы. Боже упаси вас разбить мой стакан для чистки зубов, он мне необходим, чтобы пить водку.
15. С Вами, мама и тетя Фрида, мы образуем военно-полевой суд и приговорим к расстрелу хозяина нашего дома, а кроме того, и всех соседей, которые нас рассердят. Лучше всего

пусть пока сами копают себе могилу, чтобы я не тратил попусту свой отпуск на такие пустяки.
16. Не удивляйтесь, если я в нерешительности остановлюсь перед домом. Это всего лишь от страха, что я окажусь в темноте.
17. Далее следует щекотливый пункт, о котором я говорю неохотно: за два дня до окончания моего отпуска вам лучше уехать к деду и бабке, так как перед отъездом я по привычке подожгу дом.
18. Если вы хотите доставить мне большую радость, то повесьте над дверями дома вывеску с надписью: «Здравствуй! Заходи, закрывай дверь!». Кроме этих моих пожеланий, можете ни о чем не беспокоиться, я невзыскателен. Пусть ваши дела до моего отпуска идут хорошо, привет вам от вашего Фридриха[123].

Фридрих не смог осуществить свои «угрозы». Его родные не получили это письмо, поскольку 1 апреля лейтенант погиб в бою, а письмо попало в руки разведки РККА. Подобные письма для немецких «верхов» проходили по разряду «критицизма и умничанья». И о том, что такие настроения были распространены, свидетельствует совещание главного командования вермахта от 2 февраля 1944 г., на котором были приняты следующие решения:

3. Борьба с вредными влияниями: а) пропагандой противника; б) пораженческими настроениями…; в) подавленным настроением… 4. Искоренение разлагающего критицизма, умничанья и пессимизма… При этом речь идет не о случайной стихийной ругани (!), которая не подрывает дисциплину и не ведет к посрамлению известных личностей…[124]

И в рядах РККА было немало людей, которые рассматривали преступления против немецких граждан как позор. Во всяком случае, нет оснований не доверять целому ряду решений, которыми командование пыталось положить конец преступлениям. О том, какой резонанс вызвал в армии приказ командующего 2-м Белорусским фронтом маршала Рокоссовского: «*за мародерство, насилия, грабеж, убийства гражданских лиц – трибунал; в необходимых случаях – расстрел на месте*», – писал Лев Копелев[125]. Именно так и поступил, по его словам, командир одной из дивизий полковник Смирнов, лично пристреливший в городе Алленштайн лейтенанта, который собрал своих солдат около распластанной на земле немки[126]. На конкретных фактах было основано донесение начальника Политического отдела 8-й гвардейской армии генерал-майора Скосырева начальнику политического управления 1-го Белорусского фронта об отношении советских военнослужащих к немецкому населению от 25 апреля 1945 г.:

Военные коменданты отмечают, что в последние дни резко уменьшилось количество случаев барахольства, изнасилования женщин и других аморальных явлений со стороны военнослужащих. Регистрируется по 2–3 случая в каждом населенном пункте, в то время как раньше количество случаев аморальных явлений было намного больше[127].

Военный прокурор того же фронта генерал-майор юстиции Л. Яченин честно докладывал о выполнении директив Ставки Верховного Главнокомандования и Военного Совета фронта от 2 мая 1945 года, которые должны были изменить отношение красноармейцев к немецкому населению:

> В отношении к немецкому населению со стороны наших военнослужащих безусловно достигнут значительный перелом. Факты бесцельных и (необоснованных) расстрелов немцев, мародерства и изнасилований немецких женщин значительно сократились, тем не менее даже и после издания директив… ряд таких случаев еще зафиксирован. Если расстрелы немцев в настоящее время почти совсем не наблюдаются, а случаи грабежа носят единичный характер, то насилия над женщинами все еще имеют место; не прекратилось еще и барахольство, заключающееся в хождении наших военнослужащих по бросовым квартирам, собирании всяких вещей и предметов[128].

Главной военной прокуратурой СССР с января по март 1945 г. было осуждено только одних офицеров 4148 человек, из них за должностные преступления – 1089, за хищения и имущественные преступления – 548, за хулиганство и дискредитацию звания – 114, за прочие преступления (без «контрреволюционных», транспортных происшествий, нарушения порядка и уклонений от воинской службы) – 1141[129]. К примеру, майоры Слюнтяев и Мубараков, которые в феврале 1945 года организовали изнасилование и убийство латышки, а затем для заметания следов расправились с французскими военнопленными, о чем я уже писал выше, 12 марта того же года были осуждены на 10 лет, разжалованы в рядовые и направлены в штрафной батальон[130].

Однако после капитуляции определенное время не выходило ни разрешающих, ни запрещающих директив по поводу, к примеру, использования и конфискации личного имущества немецких граждан и собственности общественных организаций в качестве трофеев. Только 9 июня 1945 г. постановлением ГКО за подписью Сталина была упорядочена раздача трофеев. Способ был избран следующий:

> …Разрешить НКО выдать генералам Красной Армии из числа трофейных машин, в собственность, безвозмездно по одной легковой машине каждому. Выдачу автомашин произвести распоряжением Военных советов фронтов, военных округов и начальника Тыла Красной Армии, по спискам, представляемым Военными советами армий и начальниками Главных и Центральных управлений НКО.

Все генералы и адмиралы (постановление адресовалось также наркому ВМФ Н. Кузнецову), независимо от степени боевого участия в войне, получали «оппели» и «мерседесы». Не были обделены и другие категории военнослужащих. Тем же постановлением устанавливалось разрешение на «выдачу бесплатно офицерам действующей армии по одному трофейному мотоциклу или велосипеду, в зависимости от наличия трофейных мотоциклов и велосипедов на каждом фронте». Генералам действующей армии разрешалась продажа военными советами фронтов «по одному трофейному предмету» за наличный расчет и по фиксированным ценам: пианино или роялей по стоимости от 2 до 3 тысяч рублей, радиоприемников – от 200 до 500 рублей, охотничьих ружей – от 400 до 800 рублей и часов наручных, карманных, настольных – от 200 до 500 рублей за штуку. Это была первая категория товара и покупателей. Вторая категория распространялась уже и на генералов, и на офицеров. Такая же продажа, за наличный расчет, поштучно, но не ограниченно: ковров по цене от 120 до 1000 рублей, гобеленов – от 50 до 500 рублей, мехов разных (в шкурках и шкурах) – от 20 до 350 рублей, сервизов чайных (независимо от количества предметов) – 250 рублей за комплект, фотоаппаратов камерных – от 100 до 2000 и пле-

ночных – от 50 до 1000 рублей за штуку, а также разные другие товары ширпотреба по ценам, устанавливаемым военными советами фронтов[131].

По сравнению с ценами коммерческой торговли в стране (в нормированную торговлю такие товары тогда не поступали) весь ассортимент бытового дефицита продавали боевым генералам и офицерам почти что даром. И тем не менее «трофеи» впервые в исторической практике не раздавались, а продавались, а военные советы становились торговыми органами. Когда началась торговля «трофеями», партийные, государственные и военные власти взялись за наведение дисциплины среди военнослужащих оккупационных войск – не кради, не мародерствуй, выбирай товар на трофейных складах и плати не рейхсмарками, а рублями. Потенциальные покупатели первоначально противились этому. К делу была подключена военная прокуратура. Однако подсудных лиц оказалось столько, что в июле 1945 г. Главный военный прокурор Красной Армии генерал-лейтенант юстиции Н.П. Афанасьев подготовил проект «Положение о военной крепости для отбывания наказания осужденными офицерами» и разослал его высокопоставленным лицам. Проект повторял опыт царской России по одному из видов наказания офицеров, которые за выборочные провинности заключались на относительно небольшие сроки в специальные крепости без лишения воинских званий, занимались там, помимо трудовой повинности, боевой подготовкой и числились в списках армии. Похожие крепости с более жестким режимом содержания заключенных предлагалось создать в каждом округе, а для управления ими организовать при Наркомате обороны Главное управление крепостей – ГУКРЕП. Свое предложение Афанасьев аргументировал тем, что если поступать в соответствии с действующими законами довоенного и военного времени, то армия будет обезглавлена. Известно, что Сталин отклонил прокурорское предложение и сделал ставку на показательные заседания военных трибуналов с последующими расстрелами и осуждениями на длительные сроки заключения виновных[132].

Безусловно, ситуацию можно было взять под контроль раньше и эффективнее. Что касается, в частности, «трофейной» лихорадки, показателен допрос старшим следователем по особо важным делам МГБ СССР подполковником Путинцевым арестованного в 1946 г. генерал-майора А. Сиднева, бывшего начальника оперативного сектора НКВД-МВД в Берлине:

> Вопрос: После вашего отъезда из Берлина были вскрыты крупные хищения ценных вещей и золота, в которых вы принимали участие. Показывайте об этом.
> Ответ: Говоря откровенно, я давно беспокоился, ожидая, что будут вскрыты преступления, совершенные мною в Германии, и мне придется за них отвечать. Как известно, частями Красной Армии, овладевшими Берлином, были захвачены большие трофеи. В разных частях города то и дело обнаруживались хранилища золотых вещей, серебра, бриллиантов и других ценностей. Одновременно было найдено несколько огромных хранилищ, в которых находились дорогостоящие меха, шубы, разные сорта материи, лучшее белье и много другого имущества…
> Должен прямо сказать, что я принадлежал к тем немногим руководящим работникам, в руках которых находились все возможности к тому, чтобы немедленно организовать охрану и учет всего ценного, что было захвачено советскими войсками на территории Германии. Однако никаких мер по предотвращению грабежа я не предпринял и считаю себя в этом виновным…
> Вопрос: Вы и сами занимались грабежом?
> Ответ: Я это признаю…[133].

После капитуляции Германии ситуация стала постепенно меняться. Начальник Политуправления 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Галаджев докладывал в Москву, что большинство солдат и офицеров ведут себя сдержанно, не позволяют делать то, что «часто происходило в первый период пребывания войск фронта на территории Германии». Однако Галаджев ставит это в заслугу исключительно Сталину и правильной идеологии РККА:

> …Среди бойцов можно часто встретить такой разговор: «Товарищ Сталин приказал изменить отношение к немецкому населению, а ты что безобразничаешь». Такое товарищеское замечание положительно действует даже на людей, отличающихся своей недисциплинированностью. Сила авторитета указаний товарища Сталина об изменении отношения к немецкому мирному населению настолько велика, что даже люди, которые от рук немцев потеряли все – дом, родителей, жену, детей, и те сейчас не допускают актов мести, которые отмечались до директивы Ставки. Изменение отношения к немцам большинством военнослужащих расценивается как мудрая и дальновидная политика нашего правительства, которое не ставит перед собой цели уничтожения немецкого народа. Люди понимают, что идеология Красной Армии, созданной и воспитанной партией Ленина–Сталина такова, что воины Красной Армии не могут глумиться над мирным населением. Они понимают, что политика, которая проводится в настоящее время в отношении к немцам, необходима и выгодна для нас, она поднимает авторитет и укрепляет позиции нашей страны[134].

В то же время Галаджев не мог скрыть того, что «добиться абсолютного перелома» в отношении военнослужащих к немецкому населению еще не удалось. В частях фронта есть такие люди, которые никак не могут смириться с тем, что нужно изменить обращение с немцами. Аргумент опять-таки один: это те люди, «семьи которых сильно пострадали от зверств немцев и имеют к ним личные счета мести». Для них характерны такие настроения:

> У меня немцы сожгли дом, убили всю семью. Теперь у меня ничего не осталось. Война кончилась, и я не знаю, куда идти, где найти родной уголок. Я бы убил каждого немца. Просто обидно, зря им дают хлеб. Пусть бы они померли. Они этого заслужили[135].

Вопрос о мести раскалывал офицерский корпус. Сталкивались, например, психологии «трофейщиков» и молодых лейтенантов. Копелев рассказывает о том, как в Найденбурге один командир саперной группы сцепился с капитаном трофейной команды:

> Ведь мы же социалистическая армия. Ведь мы интернационалисты. Как можно говорить о мести немцам? Это не наша идеология – мстить народу. Что сказал товарищ Сталин: «Гитлеры приходят и уходят…» Вы мне не тычьте Эренбурга: он не марксист, а я с пионеров учил: все трудящиеся всех стран – братья. Маркс и Энгельс были немцы, и Либкнехт и Тельман… И сейчас есть немцы-коммунисты и просто честные люди. Не может быть, чтобы целый народ был фашистским. Так могут рассуждать только сами фашисты…[136]

Сам Копелев был на стороне молодого командира, ему нередко приходилось и самому пресекать преступления и бороться с «идеологией мести». Однако в апреле

1945 г. «за пропаганду буржуазного гуманизма и жалости к врагу» он был исключен из ВКП(б), а затем арестован по 58-й статье уголовного кодекса («антисоветская агитация и пропаганда»). Его нескрываемые тревога и стыд за Красную Армию стали поводом для доноса одного из сослуживцев, который сообщил вышестоящему начальству, что Копелев «*плакал от жалости к немцам, говорил, что т. Сталин ничего не знает о положении, т. к. занят международными делами, называл нашу армию махновщиной, непечатно ругал командование, политработников и тов. Эренбурга*»[137].

Так противоречиво и трагично складывались судьбы разных представителей офицерского корпуса Красной Армии. Проходил судебный процесс над генерал-майором Сидневым, Георгий Жуков после войны попал в опалу, осужден генерал-лейтенант К. Телегин, предъявлены обвинения И. Серову, и т. д. В то же время, многие военачальники, будучи «высокопоставленными мародерами», попали под обвинение только потому, что Сталин, зная о наклонностях своих приближенных, использовал германские «эпизоды» в своих послевоенных политических интригах. Павел Кнышевский склонен считать, что в тайной государственной «колоде» было множество «неотразимых козырей» – обвинений в «присвоении трофейного имущества»[138]. Арест Копелева – жертвы двойной морали – стал для всех недвусмысленным предупреждением: следовало прекратить разговоры о преступлениях, совершенных Красной Армией в Германии.

* * *

Проблема преступлений против гражданского населения остается трудной, болезненной темой и для русских, и для немцев. В общественном мнении нередко можно услышать о том, что немцы и русские «квиты»: Германия-де оккупировала на какое-то время часть русских земель, а затем и СССР оккупировал часть территории Германии. Тот факт, что официальная политика нацистских властей была направлена на то, чтобы «очистить» для Германии жизненное пространство на Востоке от населявших его людей, просто игнорируется. В то же время замалчивается оказанная Советским Союзом помощь немецкому населению. Становятся редкими напоминания о массовом уничтожении миллионов русских людей из мирного населения оккупированных областей, о целенаправленной ликвидации нацистами советских военнопленных. С другой стороны, последние публикации Э. Бивора и Й. Хоффмана о преступлениях РККА вызвали в России острую полемику с акцентом на неприятие аргументов против Красной Армии.

По всей видимости, дальнейшая дискуссия сосредоточится на вопросах о том, правомерно ли нам говорить о «преступлениях вермахта» и «преступлениях РККА» вообще, в чем ответственность руководства армий за совершённые преступления, где начинается соучастие в них солдата или офицера; можно ли было предотвратить и каким образом перерастание преступлений в крупномасштабные; чем мотивированы случаи отказов совершить преступный приказ или пресечь его выполнение другими.

Крайне важным остается и отслеживание случаев осознания преступлений в ходе военных действий, когда правил негласный закон «война все спишет», определение не столько юридического, сколько человеческого измерения этого явления, осознания и оценки совершенного преступного деяния, но не для суда, а для своих подчиненных, своих близких, для самого себя.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Показания солдата-перебежчика Станислава Енджеевича, шофера разведки штаба 9 немецкой армии от 3 октября 1942 г. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 97. Л. 179.

[2] Там же.

[3] *Елена Серенко.* Письма из Сталинграда. Независимая газета. 1997. 31 декабря. С. 5.

[4] См.: *Manfred Messerschmidt,* Die Wehrmacht im NS-Staat. – Hamburg, 1969; *Christian Streit,* Keine Kameraden. – Stuttgart, 1978; *Paul Kohl,* «Ich wundere mich, daß ich noch lebe». Sowjetische Augenzeugen berichten. – Gütersloh, 1990; *Он же.* Der Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei 1941–1944. – Frankfurt a. M., 1995; *Helmut Krausnick,* Hitlers Einsatztruppen. – Frankfurt a. M., 1998 и др.

[5] Например, Okkupation, Raub, Vernichtung: Dokumente zur Besatzungspolitik der faschistischen Wehrmacht auf sowjetischem Territorium 1941 bis 1944. Hrsg. von Norbert Müller. – Berlin (Ost), 1980; Der Weg in den Krieg. Studien zur Geschichte der Vorkriegsjahre (1935/36 bis 1939). Hrsg. von Dietrich Eichholtz und Kurt Pätzold. – Berlin (Ost), 1989; *Klaus Gessner,* Geheime Feldpolizei. Zur Funktion und Organisation des geheimpolizeilichen Exekutivorgans der faschistischen Wehrmacht. – Berlin (Ost), 1986; Verfolgung, Vertreibung, Vernichtung. Dokumente des faschistischen Antisemitismus 1933 bis 1942. Hrsg. von Kurt Pätzold. – Leipzig, 1983.

[6] *Klaus Naumann,* Wehrmacht und NS-Verbrechen 1941–1944, in: Mittelweg 36 (1992), H. 5. S. 130–136, здесь S. 130–133.

[7] Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. – Hamburg 1995.

[8] Die Wehrmacht. Mythos und Realität. Hrsg. Von Rolf-Dieter Müller und Hans-Erich Volkmann. – München, 1999.

[9] *Hans-Heinrich Nolte,* Politik des Halbwissens: Geschichtswissenschaft und Rußlandkrieg, in: Paralyse (1998), H. 14. S. 27–32.

[10] См., к примеру, статьи Юрия Рыбалкина, Михаила Лешина, Михаила Шкаровского, Владимира Всеволодова, Александра Епифанова. Gabriele Gorzka und Knut Stang (Hrsg): Der Vernichtungskrieg im Osten – Verbrechen der Wehrmacht in der Sowjetunion aus Sicht russischer Historiker, – Kassel, 1999.

[11] *Кнышеский Павел.* Добыча. Тайны германских репараций. – М., 1994; *Семиряга М.И.* Как мы управляли в Германии. – М., 1997 и др.

[12] *Gerd Ueberschär, Wolfram Wette,* «Unternehmen Barbarossa». Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. – Paderborn, 1984. S. 9.

[13] *Karl-Heinz Janssen,* Als Soldaten Mörder wurden. In: Die ZEIT. 17.03.1995. Статья была опубликована в: Wehrmachtsverbrechen. Eine deutsche Kontroverse. Hrsg. von Heribert Prantl. – Hamburg, 1997. S. 29–36. К похожему выводу приходит также Вольфганг Бенц, см: *Wolfgang Benz,* Der Holocaust. 3. Aufl. – München, 1997. S. 59.

[14] *Bemme B.* Образ врага: расистские элементы в немецкой пропаганде против Советского Союза // Россия и Германия в годы войны и мира. – М., 1995. С. 234.

[15] О документах и статьях, посвященных «зверствам фашистов» и основанных на заведомо ложной информации (дневник полковников А. Воловика и Л. Лившица, статья Б. Ковалева «Шахтинское дело») см. в данном издании: *Татьяна Горяева.* «Если завтра война…». Образ противника в советской пропаганде, 1941–1945. Т. 1.

[16] К примеру, «Акт о зверствах, издевательствах, варварских разрушениях, чинимых немецко-фашистскими захватчиками в гор. Бресте», составленный майором И.А. Скачковым 3 августа 1944 г., подписали председатель горисполкома, горздравотдела, облоно, ЛКСМБ, домработница, зав. рабочей столовой, кинотехник, учитель, ксендз. См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 25. Д. 18624. Л. 10; Создавались также областные комиссии содействия в работе Чрезвычайной Государственной комиссии по рассмотрению и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков. См.: Там же. Ф. 71. Оп. 25. Д. 18611.

[17] О фактах мародерства, зафиксированных в сводках ОВЦ НКГБ, см.: ЦА МО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 90; Отечественные архивы. 1992. № 1. С. 105.[18] *Knut Stang,* Schuld und Schuldeingeständnis: Fortgesetzte Schwierigkeiten mit einem alten Problem. In: *Gorzka/Stang,* Der Vernichtungskrieg im Osten. S. 131–152, здесь S. 133–134.

[19] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 8-ми томах. – М., 1987–1994. Здесь Т. 5. – М., 1991. С. 98.

[20] Там же. С. 98.

[21] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 91. Л. 190.

[22] Обзор мероприятий германских властей на временно оккупированной территории, подготовленный Главным разведывательным управлением РККА на основе трофейных документов, иностранной печати и агентурных материалов, поступивших с июня 1941 г. по март 1943 г. // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 4. – М., 1993. С. 265.

[23] Донесение в Совинформбюро от начальника политотдела 21-й армии бригадного комиссара И. Михальчука от 26 февраля 1942 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 91. Л. 26.

[24] Донесение Политуправления Брянского фронта в Главное политическое управление РККА от 15 июня 1942 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Л. 134, 149.

[25] Нюрнбергский процесс. Т. 5. С. 99.

[26] Донесение Главного политического управления РККА в ЦК ВКП(б) от 23 сентября 1942 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 97. Л. 15–16.

[27] См. подробнее: ЦА МО. Ф. 229. Оп. 213. Д. 41. Л. 233; *Пережогин В.А.* Партизаны и население (1941–1945 гг.) // Отечественная история. 1997. № 6. С. 150–153.

[28] *Hannes Heer,* Die Logik des Vernichtungskrieges. Wehrmacht und Partisanenkampf, in: Vernichtungskrieg. S. 108–109, 120.

[29] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 91. Л. 5.

[30] Донесение 7 отдела Политуправления Волховского фронта в Главное политическое управление РККА. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 97. Л. 15–16.

[31] Там же. Д. 91. Л. 180–181.

[32] Там же. Л. 182.

[33] Там же. Л. 183.

[34] Там же. Д. 52. Л. 99.

[35] Цит. по: *Alexander Dallin:* Deutsche Herrschaft in Rußland 1941–1945. Düsseldorf, 1958. S. 448.

[36] *Rolf-Dieter Müller,* Menschenjagd. Die Rekrutierung von Zwangsarbeitern in der besetzten Sowjetunion, in: Vernichtungskrieg. S. 99–101, здесь S. 99.

[37] Там же. S. 101. См. также: *Рольф-Дитер Мюллер.* Насильственное рекрутирование «восточных рабочих». 1941–1944 гг. // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. – М., 1997. С. 609–618.

[38] Из трофейных документов: Письмо немецкого офицера к Геббельсу (найдено у убитого офицера 1 февраля 1945 г. в г. Гуштадт и передано 7-му отделу ПУ 2-го Белорусского фронта). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 322. Л. 12. – *Прим нем. ред.*: В РГАСПИ эти документы, изначально составленные на немецком языке, доступны только в русском переводе. Оригиналы находятся в Главном разведывательном управлении Генерального штаба и недоступны для исследователей, как и немецкие документы в Министерстве обороны РФ.

[39] Из переведенного на русский приказа командующего 2-й немецкой армией от 3 февраля 1945 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 322. Л. 25–26.

[40] «Часть населения кончает жизнь самоубийством». Донесения сталинских спецслужб // Власть. 2000. № 6. С. 46–47.

[41] Там же. С. 46.

[42] *Antony Beevor,* Berlin. The downfall, 1945. – London, 2002. P. 410.

[43] Там же. P. 326.

[44] Ср.: *Norman M. Naimark,* Die Russen in Deutschland. Die sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. – München 2000.

[45] Докладная записка уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР генерал-полковника Ф. Голикова Г.М. Маленкову от 3 апреля 1945 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 314. Л. 27–28.

[46] Там же. Л. 40–43.

[47] Там же. Л. 43.

[48] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. – М., 1996. С. 118–119; См. в оригинале: Auszug aus Hitlers Ausführungen vom 30. März 1941 nach den

Aufzeichnungen von Generaloberst Halder. Нем. цит. по: *Ueberschär/Wette:* «Unternehmen Barbarossa». S. 248–249.

[49] Нюрнбергский процесс. Т. 5. С. 82–83; Т. 6. – М., 1996. С. 408–409.

[50] Цит. по: *Айххольц Д.* Цели Германии в войне против СССР // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 86.

[51] Дополнение к директиве 33 (№ 442254/41 г., сов. секретно), переведенное на русский в 4 отделе Разведывательного управления Генерального штаба РККА. ЦА МО. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 54а. Л. 115; в оригинале см.: Walther Hubbatsch (Hrsg.): Hitlers Weisungen für die Kriegsführung. 1939–1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht. – Frankfurt a. M., 1962. S. 144.

[52] *Manfred Messerschmidt.* Der Kampf der Wehrmacht im Osten als Traditionsproblem, in: Gerd R. Ueberschär, Wolfram Wette (Hrsg.): «Unternehmen Barbarossa». Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analysen, Dokumente. – Frankfurt a. M., 1991. S. 225–237; здесь S. 225.

[53] Цит. по *Bernd Boll/Hans Safrian,* Auf dem Weg nach Stalingrad. Die 6. Armee 1941/42, in: Vernichtungskrieg. S. 268, 283. Также см. приказ Рейхенау: *Überschär/Wette,* «Unternehmen Barbarossa». S. 285–286.

[54] Цит. по: *Überschär/Wette,* «Unternehmen Barbarossa». S. 288.

[55] Там же.

[56] *Boll/Safrian.* Auf dem Weg nach Stalingrad; Там же. S. 289.

[57] *Omar Bartow,* Brutalität und Mentalität. Zum Verhalten deutscher Soldaten an der «Ostfront», in: *Peter Jahn/Reinard Rürup,* Erobern und vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945. – Berlin, 1991. S. 183–189, здесь S. 187.

[58] Нюрнберсгский процесс. Т. 5. С. 117.

[59] См.: *Bemme B.* Война на уничтожение: вермахт и холокост // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 102–103.

[60] Mitteilungen für die Truppe, hrsg. vom Oberkommando der Wehrmacht/WFSt/WPr(lie), Nr. 112, Juni 1941. Цит. по: *Bemme.* Война на уничтожение… С. 103

[61] *Marlis G.* Steinert: Hitlers Krieg und die Deutschen. Stimmung und Haltung der deutschen Bevölkerung im Zweiten Weltkrieg. – Düsseldorf/Wien, 1970. S. 209–210.

[62] Там же. С. 270.

[63] Там же. С. 82–83.

[64] *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. – М., 1992. С. 67.

[65] Там же.

[66] *Гиренко Ю.С.* Сталин – Тито. – М., 1991. С. 254–256.

[67] *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. С. 71–72.

[68] Большевик 1945. № . 2. С. 5.

[69] Там же. С. 6.

[70] Докл. зап. военного корреспондента Совинформбюро по Белорусскому фронту Понамарева секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову от 7 марта 1945 г. РГАСПИ.

[71] «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти…». Дневниковая запись министра Малышева от 28 марта 1945 г. // Источник. 1997. № 5. С. 127.

[72] О роли публицистики Эренбурга в годы войны и о его временной опале см.: *Т. Горяева.* «Если завтра война…».

[73] *Илья Эренбург.* Собр. соч. в 8 Т. – М., 1900–2000. Здесь Т. 5. 1996. С. 203–212.

[74] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М., 1949. С. 46.

[75] Правда. 1945. 14 апреля.

[76] См. *Семиряга.* Как мы управляли Германией. С. 314–315.

[77] Цит. по: *Ольшанский Б.Н.* Мы приходили с востока. Серия Николаевского, № 177. NIA. С. 231.

[78] *Norman M. Naimark,* Die Russen in Deutschland. S. 101.

[79] *Fjodor J. Bokow,* Frühjahr des Sieges und der Befreiung. – Berlin (Ost), 1979. S. 187. В русском оригинале: *Боков Ф.Е.* Весна победы. – М., 1985. С. 133.

[80] *Чуйков В.И.* Конец третьего рейха. – М., 1973. С. 143.

[81] *J[ulius] von Hartmann,* Militärische Nothwendigkeit und Humanität (=Kritische Versuche, Bd.2), – Berlin, 1878.

[82] Федор Федорович Мартенс (Фридрих Фромгольд) (1845–1909) – известный юрист, автор так называемой «оговорки Мартенса»; это положение было внесено в Преамбулу Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, принятой на Гаагской конференции 1899 г.: «…Население и воюющие стороны остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания».

[83] *Мартенс Ф.Ф.* Собр. трактатов, заключенных Россиею с иностранными державами. (=Recueil des traités et conventions conclus par la Russie avec les puissances étrangères). Т. 1–15. – СПб., 1874–1909, с обширными историческими комментариями Мартенса.

[84] *Messerschmidt,* Der Kampf der Wehrmacht im Osten als Traditionsproblem. S. 229–230.

[85] Нюрнбергский процесс. Т. 5. С. 99.

[86] См. *Stang,* Schuld und Schuldeingeständnis. S. 131–152. По мнению Кнута Штанга, сводить преступление к определенному «набору» причин методологически неверно, ибо в этом случае пришлось бы признать и вытекающий отсюда тезис – при определенной совокупности причин преступление неизбежно.

[87] См. об этом подробнее: *Gennady Bordiougov,* The Popular Mood in the Unoccupied Soviet Union: Continuity and Change during the War, in: Robert W. Thurston and Bernd Bonwetsch (Ed.): The People's War: Responses to World War II in the Soviet Union. – Urbana and Chicago, 2000. P. 54–83.

[88] *Hans Schwarz van Berk,* Iwan im Netzhemd. Oder: Die Ankunft der armen Teufel, in: «Das Reich» vom 4. – März, 1945. Факсимиле статьи опубликовано: Müller (Hrsg.), Faksimile Querschnitt durch Das Reich. – München, 1964. S. 204f.

[89] *Beevor,* Berlin. The downfall. P. 414.

[90] Там же. P. 409.

[91] Там же. P. 32.

[92] Цит. по: *Елена Съянова.* Три капитуляции третьего рейха // Известия. 2003. 7 мая. В основу этого очерка положены ранее не публиковавшиеся документы трофейного архива Генерального штаба РККА.

[93] Цит. по *Norman M. Naimark,* Die Russen in Deutschland. S. 106.

[94] Там же. S. 107.

[95] ЦА МО РФ. 353. Оп. 5864. Д. 1. Л. 27; См. также: Скрытая правда войны: 1941 год. Сб. документов. – М., 1992. С. 211.

[96] Из справки Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) «О поведении коммунистов и комсомольцев, оставшихся в тылу у врага», март 1943 г. // Российский исторический журнал «Родина». Карл Аймермахер и Геннадий Бордюгов (кураторы). Специальный выпуск «Россия и Германия. XX век». 2002. № 10. С. 59. Публикация Е.Ю. Зубковой.

[97] Цит. по: *Susan Brownmiller,* «They raped every German female from eight to eighty» // The Daily Telegraph, 12.06.2001.

[98] Там же.

[99] Там же.

[100] См. также: *Е. Жирова.* «Часть населения кончает жизнь самоубийством». Из донесений уполномоченных НКВД за 1945 год // Власть. 2000. № 6. С. 45–47.

[101] *Jürgen Förster,* Zum Rußlandbild der Militärs 1941–1945, in: Hans-Erich Volkmann (Hrsg.), Das Rußlandbild im Dritten Reich. – Köln/Weimar/Wien, 1994. S. 154.

[102] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 52. Л. 19. Рус. перевод.

[103] Там же. Л. 128. Рус. перевод.

[104] Там же. Л. 129–131. Рус. перевод.

[105] Неизвестная Россия. XX век. Кн. 4. С. 265. Рус. перевод.

[106] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 253. Л. 113.

[107] Нюрнбергский процесс. Т. 7. С. 587–588.

[108] Там же. С. 588–589.

[109] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 253. Л. 113. Рус. перевод.

[110] Там же. Л. 60–61. Рус. перевод.

[111] Там же. Д. 253. Л. 113. Рус. перевод.

[112] Там же. Л. 60–61. Рус. перевод.

[113] Там же. Л. 54. Рус. перевод.

[114] Там же. Д. 251. Л. 55. Рус. перевод. Данная инструкция сопровождалась таким замечанием: «Не читать по написанному! Проработать и говорить, не читая! Доклад использовать только лишь как образец! Привести как можно больше примеров».

[115] Телеграмма – 2-й Белорусский фронт. 21.2.45. № 1131. – Перевод приказа главнокомандующего армейской группой «Висла» Гиммлера. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 322. Л. 28.

[116] См.: Из обзора политических опросов военнопленных за февраль 1942 г., составленного начальником 7-го отдела Политуправления Волховского фронта, батальонным комиссаром Рощиным. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 97. Л. 97.

[117] Reinhard Rürup (Hrsg.): Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945. Berlin 1991. S. 167.

[118] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 97. Л. 8. Рус. перевод.

[119] Там же. Л. 39. Рус. перевод. См. также: Д. 52. Л. 59, 80–81; Д. 82. Л. 50; Д. 97. Л. 195–199; Ф. 71. Оп. 25. Д. 14063.

[120] *Antony Beevor,* Stalingrad. – London, 1998. Цит. по нем. изд: Stalingrad. – München 1999. S. 69.

[121] Там же. С. 67–68.

[122] Там же. С. 68.

[123] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 97. Л. 103–105. Письмо было изъято у убитого 1 апреля 1942 г. в районе Большие Триселы, переведено на русский и от имени начальника 1 отдела 2 Управления Главного Разведывательного Управления Генерального Штаба РККА направлено в ЦК ВКП(б), тов. Александрову Г.Ф. Впервые было полностью опубликовано мною в специальном номере Российского исторического журнала «Родина» в специальном выпуске «Россия и Германия. XX век». 2002. № 10. С. 45; в выдержках опубликовано в: Gabriele Gorzka und Knut Stang (Hg.). Der Vernichtungskrieg im Osten. S. 67–68.

[124] Из документов Главного командования вооруженных сил Германии за 1943–44 гг., направленных в Центральный партийный архив из Военно-исторического управления Генштаба Вооруженных Сил СССР. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 125. Д. 13539. Л. 10. Рус. перевод.

[125] *Копелев Лев.* Хранить вечно. С. 127–128.

[126] Там же. С. 126.

[127] *Ржевский О.А.* Берлинская операция 1945 г. Дискуссия продолжается // Мир истории (Российский электронный журнал). 2002. № 4.

[128] Там же.

[129] ЦА МО. Ф. 67. Оп. 12018. Д. 89. Л. 215; *Кнышевский Павел.* Добыча. Тайны германских репараций. – М., 1994. С. 120.

[130] Отчет уполномочего СНК СССР для репатриации советских граждан, генерального полковника, тов. Ф. Голикова Маленкову Г. М. 3 апреля 1945. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 314. Л. 27–28.

[131] См.: *Кнышевский Павел.* Добыча. С. 120–121.

[132] Там же. С. 121.

[133] Военные архивы России. Сб. документов. – М., 1993. С. 197–198.

[134] Отчет начальника политуправления 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта Галаджева «Об отношении советских военнослужащих к немецкому населению» заместителю начальника главного политуправления РККА генерал-лейтенанту тов. Шикину от 31 мая 1945 г.; Reinhard Rürup (Hrsg.): Der Krieg gegen die Sowjetunion. S. 258–260.

[135] Там же.

[136] *Копелев Лев.* Хранить вечно. С. 98.

[137] Там же. С. 129.

[138] *Кнышевский Павел.* Добыча. Тайны германских репараций. С. 129.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925) – 211, 215, 217, 228, 237
Агрикола Герберт – 250, 251
Адам Пауль (1862–1920) – 165, 171, 172, 374, 474
Адамс Марк – 531
Адлер Фридрих (1879–1960) – 98, 102
Адорно Теодор Визенгрунд (1903–1969) – 31
Аймермахер Карл – 11, 24
Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860) – 706, 934
Александр III (1845–1894), царь с 1881 г. – 145
Александр Невский (1220–1263), князь – 607, 693, 708
Александров Анатолий Петрович (1903–1994) – 535
Александров Георгий Федорович (1908–1968) – 355, 357–360, 688, 716, 969, 970
Алексий [Симанский], митрополит (1877–1970) – 679, 683, 689, 690, 693, 694
Алехин Александр Александрович (1892–1946) – 155
Алчевская Кристина Даниловна (1841–1915) – 477, 478
Андерсен Ганс Христиан (1805–1875) – 476
Андреев – 718
Андреев Андрей Андреевич (1895–1971) – 360, 494
Анценгрубер Людвиг (1839–1889) – 469, 470
Апельт Фриц (1893–1972) – 374, 376, 384, 388–390
Арам Курт – 453
Арденн Манфред фон (1907–1997) – 533
Арди-Мациевский Ю. – 406
Арендзее Марта (1885–1953) – 374
Арндт Эрнст Мориц (1769–1860) – 844
Арним Ахим фон (1781–1831) – 470, 473
Арнштам Лев Оскарович (1905–1979) – 623
Асеев Николай Николаевич (1889–1963) – 355, 356
Аттила (?–453) – 304, 468
Аухаген Отто (1869–1945) – 497
Ауэрбах Бертольд (1812–1882) – 469–471, 475
Ахматова Анна Андреевна (1889–1966) – 159
Ашерсон Паул Фридрих Август (1834–1913) – 489

Б

Багель А. – 266, 267
Базаров П.А., полковник – 60, 61, 69–73, 76, 77
Байрон Джордж Гордон (1788–1824) – 474
Баклунд О. Оскарович – 422
Баклунд Оскар Андреевич Иоганн Оскар (1846–1916) – 419
Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) – 852
Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) – 21, 431, 443, 446, 706, 709
Бамм Петр [Курт Эммерих] (1897–1975) – 766, 769
Бар Герман (1863–1934) – 468
Барлах Эрнст (1870–1938) – 21
Барнет Борис Васильевич (1902–1965) – 624, 626
Барский Е.Я. – 413
Бартов Омар – 966
Баташева З. – 402
Баур Ханс – 525
Баур Эрвин (1875–1933) – 489, 492, 495, 497, 498, 506, 507
Бах Иоганн Себастьян (1685–1750) – 221, 967
Бебель Август (1840–1913) – 45, 186
Бебутов Давид О., князь – 119
Бёге Эренфрид Оскар (1889–1965), генерал – 327
Бедный Демьян, наст. имя Ефим Алексеевич Придворов (1883–1945) – 212, 242, 669
Беер-Ергич Лили (1879–1939) – 378, 380
Бейерлейн Франц Адам (1871–1949) – 468
Бейль Андреас – 896, 897, 901, 908
Бек Генри Франсуа (1837–1899) – 468, 485
Бек Генрих (1760–1803) – 841
Бек Людвиг (1880–1944), генерал-полковник – 165, 170, 171
Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) – 476, 922, 933
Бёлль Генрих (1917–1985) – 834–837, 839–850
Белоконский Иван Петрович (1855–1931) – 201
Беляускас – 408
Бёме Якоб (1574–1624) – 38
Берггольц Ольга Федоровна (1910–1975) – 321
Бергер Готлоб – 911
Бердяев Николай Александрович (1887–1948) – 21, 27, 32, 35, 38–40, 49, 52–56, 58, 108, 113, 244, 840–842, 848, 849
Березкин Ф. – 411
Беренс И. – 489
Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – 337–339, 497, 499–501, 545, 751, 757, 760, 876, 882, 891, 897, 900, 909, 948, 962, 975
Берковский Наум Яковлевич (1901–1972) – 482
Бернанос Георг (1888–1948) – 841
Бетман-Хольвег, Теобальд фон (1856–1921) – 43, 56, 71, 116, 121–123, 125, 126, 129–131, 464
Бехер Иоганнес (1891–1958) – 311, 385, 386, 632
Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) – 416, 426
Бивор Энтони (р. 1946) – 949, 962, 973
Бисмарк, Отто фон (1815–1898) – 42, 45–47, 57, 86, 122, 156, 170, 287, 314, 315, 338, 933
Блинов Борис Владимирович (1909–1943) – 615, 616
Блок Александр Александрович (1880–1921) – 21, 430, 431, 434, 446, 639, 669, 922
Бломберг Вернер фон (1878–1946), генерал-фельдмаршал – 276

Блох Жан Рихард (1884–1947) – 974
Блюмберг М. – 407
Блюменталь Оскар (1852–1917) – 468, 906
Бобров Г. (?–1945) – 630, 685
Богатырчук Федор Парфеньевич (1892–1997) – 918, 919, 923, 945, 948, 949
Боголюбов Ефим Дмитревич (1889–1952) – 155
Богуславский, Эдуард фон (1905–1999) – 507, 508
Боденштедт Фридрих Мартин (1819–1892) – 468
Боймельбург Вернер (1899–1963) – 460
Бок, Федор фон (1880–1945), генерал-фельдмаршал – 704, 708, 709
Боков Федор Ефимович (1904–1984), генерал-лейтенант – 970, 989
Болтин Е.А. – 555
Большаков Иван Григорьевич (1902–1980) – 613, 632, 633
Большинцов Мануэл Владимирович (1902–1954) – 613, 616
Бондарчук Сергей Георгиевич (1929–1994) – 607
Бор Нильс (1885–1962) – 516, 517
Борев Юрий Борисович – 162, 368–370, 372
Борецкий Я. – 400
Борманн Мартин (1900–1945) – 174, 248, 273, 300, 703, 709
Борн Георг Ф. – 474, 475, 486
Борн Макс (1882–1970) – 514, 516, 517, 524, 538
Борхерт Эрих (1907–1944) – 888, 889, 907
Бош Хиеронимус (ок. 1450–1516) – 776
Брагинский Иосиф Самуилович (1905–?) – 391, 398
Бракманн Альберт (1871–1952) – 183
Брамс Иоганн (1833–1897) – 934
Брандт Вилли (1913–1992) – 15
Браун Карл-Хайнц – 768, 789
Браухич Вальтер фон (1881–1948), генерал-фельдмаршал – 167, 173
Бредель Вилли (1901–1964) – 311, 349, 385, 397, 484, 632
Брежнев Д.Д. – 494
Брежнев Леонид Ильич (1906–1982) – 366
Брем Бруно (1892–1974) – 304, 305
Брентано, Клеменс фон (1778–1842) – 427, 473
Брехт Бертольд (1898–1956) – 485, 613–617, 632, 633
Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844–1934) – 226, 237
Брокдорф-Ранцау Ульрих фон (1869–1928) – 118, 120, 140
Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) – 196, 209, 644
Брюсов Валерий (1873–1924) – 21, 429–447
Буденный Семен Михайлович (1883–1973) – 273, 274, 548
Булгаков Михаил (1891–1940) – 929
Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) – 21, 27, 28, 30, 32, 34–38, 40, 53–56, 852
Булганин Николай Александрович (1895–1975) – 582, 583
Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) – 706, 709
Бурже Поль (1852–1935) – 475
Бурлюк Давид (1882–1967) – 200
Бурский В.Я. – 113, 490
Буртаков – 405
Бурцев Михаил Иванович, генерал-майор – 95, 309, 341
Бухов Аркадий Сергеевич (1889–1946) – 211, 237
Буш, Эрнст фон (1885–1945), генерал-фельдмаршал – 323, 976
Быков Василь (1924–2003) – 716
Быков Николай – 630
Бюргер Готфрид Август (1747–1794) – 469
Бюхнер Георг (1813–1837) – 468

В

Вавилов Николай Иванович (1887–1943) – 372, 416, 488–502, 504, 506, 508–511, 515, 518, 522, 541, 542, 545
Вавилов Ю.Н. – 510
Вагнер Ганс, капитан – 283, 284
Вагнер Рихард (1813–1883) – 34, 36, 611
Вагнер Эдуард (1894–1944) – 166, 721
Вайнерт Эрих (1890–1953) – 311, 332, 335, 339, 349, 361, 385, 386
Вальден Пауль (1863–1957) – 422
Вальтер, Гебхардт фон (1902–1982) – 167
Вальтер, Райнхольд фон – 430
Вангенхайм, Густав фон (1895–1975) – 392, 626
Вандель Пауль (1905–1995) – 384
Варбург Отто Генрих (1883–1970) – 538
Варламов Леонид Васильевич (1907–1962) – 622, 630
Варлимонт Вальтер (1894–1976), генерал – 167, 174
Варшавский Сергей Николаевич (1909–?) – 418, 525–527, 530, 542–544, 944
Василевска Ванда (1905–1964) – 354
Васильев Борис Львович (р. 1924) – 607
Васильев Георгий Николаевич (1899–1946) и Сергей Дмитриевич (1900–1959) – 629
Васильев И.Р. – 577, 602
Вассерман Якоб (1873–1934) – 469, 470
Вахтангов Евгений Багратионович (1883–1922) – 610
Вебер Макс (1864–1920) – 35, 45, 373, 375, 376, 380, 390
Ведекинд Франк (1864–1918) – 468, 470
Вербицкая Анастасия Алексеевна (1861–1928) – 474
Верещагин Василий Васильевич (1842–1904) – 202, 940
Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) – 363, 423, 426, 428, 512
Вернер Захариас (1768–1823) – 468
Вернер Элизабет – 469–471, 473–475
Вертов Дзига (1896–1954) – 630
Вильгельм II (1859–1941), германский император с 1888 г. – 46, 47, 60, 61, 63, 76, 78, 100, 108, 110, 115, 154, 197, 200, 222, 224, 225, 242, 464
Вильденбрух, Эрнст фон (1845–1901) – 470
Вин Вильгельм (1864–1928) – 418
Винц Лео – 117
Винцер Отто (1902–1975) – 374, 384
Виолинов Александр – 614

Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – 63, 118, 128, 141, 146, 147, 161
Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951) – 346, 360, 369, 371, 372, 546–548, 550–568, 632
Вишняков Владимир – 571, 572, 601, 699
Владислав II (ок. 1351–1434), великий князь и король – 182
Власов Андрей Андреевич (1901–1946), генерал-лейтенант – 10, 301, 302, 704, 721, 912, 914, 915, 917–921, 923, 931, 936, 938–950
Вознесенский Николай Александрович (1903–1950) – 533
Волошин Максимилиан (1877–1932) – 161, 436, 439, 751
Волчек Борис Израилевич (1905–1974) – 615
Волькенштейн Михаил Владимирович (1912–?) – 538, 545
Вольф Конрад (1925–1982) – 311
Вольф Фридрих (1888–1953) – 349, 385, 548, 632
Воровский [Орловский] Вацлав Вацлавович (1871–1923) – 131–139, 142
Воронов Николай Николаевич (1899–1968), генерал – 317, 694
Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969), маршал – 339, 346, 548, 557, 900
Восторгов Иоанн Иоаннович (1864–1918) – 868
Вундт Вильгельм (1832–1920) – 39, 418
Вухерпфенниг Пауль – 132, 134–136
Вырубова Анна Александровна (1884–1964) – 868
Высоцкая О.С. – 405

Г

Гадов Райнхард, контр-адмирал – 280–282
Галаджев, генерал-лейтенант – 985, 991
Галанов А. – 368
Гальдер Франц (1884–1972), генерал-полковник – 165, 167, 173, 319, 341, 582, 602, 949
Гамерлинг Роберт (1830–1889) – 469
Ганф Юрий Абрамович [Янг Иосиф] (1899–1903) – 212, 232, 234
Гарриман Вильям Аверелль (1891–1986) – 875
Гаршин Всеволод Михайлович (1855–1888) – 480
Гастелло Николай – 594
Гауф Вильгельм (1802–1827) – 473, 475, 476, 478, 479, 486
Гашек Ярослав (1883–1923) – 609, 737
Геббель Фридрих (1813–1863) – 470
Геббельс Йозеф (1897–1945) – 263, 264, 272, 275, 349, 351, 383, 520, 563, 597, 604, 707, 708, 720, 775, 833, 961, 988
Гегель Георг Фридрих Вильгельм (1770–1831) – 38, 42, 361, 767
Гейне Генрих (1789–1856) – 235, 468, 469, 471–476, 482, 484, 486
Гельфанд [Парвус] Александр Израиль Лазаревич (1867–1923) – 118, 132, 136
Гельфанд М.С. (1899–1950) – 617
Геминдер Бедрих (1901–1952) – 376, 378, 382, 396
Гербель Николай Васильевич (1827–1883) – 471, 472
Геринг Герман (1893–1946), генерал-фельдмаршал – 167, 235, 263, 320, 504, 707, 713
Герсдорф, Рудольф-Кристоф фон (1905–1980) – 165
Герцен Александр Иванович (1812–1870) – 35, 55, 746, 852, 922
Герцог Курт, генерал – 327
Геррман Дагмар – 19
Гессе Герман (1877–1962) – 469–471
Гесснер Саломон (1730–1788) – 952
Гёте, Иоганн Вольфганг фон (1749–1832) – 39, 86, 87, 169, 217, 221, 235, 437, 440, 444, 446, 468, 471–476, 482, 935
Гётцке Бернард (1884–1964) – 617
Гиллер Вильям – 784, 785
Гильберт Давид (1862–1943) – 418
Гиммлер Генрих (1900–1945) – 382, 488, 504, 509, 686, 707, 954, 979, 991
Гинденбург, Пауль фон (1847–1934), генерал-фельдмаршал – 102, 107, 112, 113, 181, 182, 224, 452, 454, 932, 933
Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945) – 30, 54, 55, 852, 870
Гирс Николай Карлович (1820–1895) – 146
Гитлер Адольф (1889–1945) – 149, 164–174, 229, 231–235, 241, 244–250, 252, 254, 256, 263, 264, 271–276, 278, 280–282, 288, 293, 297, 299–302, 306, 309, 311, 314, 315, 319–321, 323, 325, 326, 328, 330, 331, 333, 336–338, 345–352, 356, 366, 369, 370, 378, 382, 388–390, 393–395, 401, 413, 431, 488, 492, 502, 511, 520, 521, 548, 554–565, 567, 589, 596–598, 600, 604, 608, 609, 612, 614, 617, 619, 621, 622, 657, 660, 666, 680, 682, 684–686, 695, 703, 707, 713, 714, 716, 721, 741, 762, 766, 774, 783, 787, 836, 844, 873, 884, 885, 916, 917, 919–923, 926, 927, 931–936, 940, 944–950, 964, 966, 971, 972, 974, 980
Гладков Федор Васильевич (1883–1958) – 357, 688
Глезйзер М.С. – 411
Глейм Иоганн Вильгельм Людвиг (1719–1803) – 470
Глинка Михаил Иванович (1786–1880) – 53, 443, 706
Гобш Ганс (1893–1957) – 460
Говоров Леонид Александрович (1897–1955), маршал – 326
Гог, Винсент ван (1853–1890) – 521
Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) – 79, 94, 475, 934
Голиков Филипп Иванович (1900–1980), маршал – 962, 988, 991
Головня Анатолий Дмитриевич (1900–1982) – 609
Гольдберг Герман – 117, 132, 134–137, 143
Гольденберг Иосиф (1873–1922) – 137
Гольдшмидт Рихард-Бенедикт (1878–1958) – 489, 497, 498
Гольц Кольмар (1843–1916), турецкий маршал и прусский генерал-фельдмаршал – 66
Гончаров Иван Александрович (1812–1891) – 510, 671–673, 942
Горбатов Борис Леонтьевич (1908–1954) – 357
Горбунов Николай Петрович (1892–1937) – 490
Городецкий Сергей Митрофанович (1894–1967) – 152, 431

Городовиков Ока Иванович (1879–1960), генерал – 548
Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) – 146
Горький Максим [Пешков Алексей Михайлович] (1868–1936) – 20, 137, 379, 381, 430, 442, 447, 679, 781, 904
Гофман Генрих – 742
Гофман И.Г. – 427
Гофман Конрад – 891, 892, 908
Гофман Макс (1869–1927) – 118
Гофман Э.Т.А. (1776–1822) – 471, 474–476, 482, 486, 934
Гофмансталь, Гуго фон (1874–1929) – 470
Граббе Кристиан Дитрих (1801–1836) – 470
Грайф Генрих (1907–1946) – 378, 385, 386
Гранин Даниил Александрович (р. 1919) – 359, 371, 521, 525, 532, 537, 539, 542
Гранов Вильгельм – 232
Граф Вилли (1918–1943) – 169, 174, 934
Гребенщиков Игорь Сергеевич – 520, 522, 524, 542
Грёбер Конрад (1872–1948), архиепископ – 839
Грелле Фридрих (1893–1945?) – 791, 792, 794–796, 798–804, 806–812
Грец Фридрих – 889
Грильпарцер Франц (1791–1872) – 468
Гримм Якоб (1785–1863) и Гримм Вильгельм (1786–1859) – 471, 473, 474, 476, 477, 479, 487
Гриффит Давид Йорк (1875–1948) – 612
Гроскурт Гельмут (1898–1943), подполковник – 165, 166, 170, 173
Гросс Рудольф – 374, 376, 392, 766, 772, 789, 858
Гроссе Леа (1906–1997) – 374, 376, 392, 789, 858
Гроссман Василий Семенович (1905–1964) – 354, 359, 945
Грош Роберт (1888–1967) – 891, 908
Грунерт Ганс-Генрих – 768
Грус К. – 228
Гудериан Хайнц (1888–1954), генерал-полковник – 624
Гужон Юлий Петрович (1854[58]–1918) – 868
Гумилев Николай Степанович (1886–1921) – 159, 160, 163, 431–433, 443, 709
Гунделах Гюстав (1888–1962) – 389, 397
Гуревич М. – 54, 56, 57, 120
Гус М.С. – 407
Густи Франц – 893
Гуцков Карл (1811–1878) – 468, 470
Гучков Александр Иванович (1862–1936) – 71, 126
Гюго Виктор (1802–1885) – 474

Д

Давидян Ирина – 11
Дан Феликс (1834–1912) – 470
Данилов Георгий (Юрий) Никифорович (1866–1937), генерал – 77, 84, 193, 209, 672, 734
Дарвин Чарльз (1809–1882) – 495, 767
Двингер Эдвин Эрих (1898–1981) – 178, 188, 458, 465
Де Голль Шарль (1890–1970) – 915
Де Сантис Гюзеппе (1917–1997) – 628
Дельбрюк Макс (1906–1981) – 57, 514, 516, 517, 540, 541
Демель Рихард (1863–1920) – 470
Деникин Антон Иванович (1872–1947), генерал-лейтенант – 76, 158, 162, 163, 210
Дениинг Адольф (1907–1946) – 892, 894, 901, 908–910
Дёниц Карл (1891–1980), гроссадмирал – 326
Дерябина Валентина – 763, 768, 789
Джилас Милован – 346, 968, 989
Джунковский Владимир Федорович (1865–1938) – 153, 157, 158, 162, 163, 868
Дибольд Ханс – 774
Диккенс Чарльз (1812–1870) – 474, 476
Дильс Фридрих Людвиг Эмиль (1874–1945) – 427
Динер Фриц – 768, 771, 782, 789
Дмитров Георгий (1882–1949) – 339, 374, 376, 378, 379, 381, 384, 388, 395–397
Довженко Александр Петрович (1894–1956) – 605, 611, 622, 626, 630
Догель Александр Станиславович (1852–1922) – 416, 418
Дойль, сэр Артур Конан (1859–1930) – 475
Долгополов – 261
Долинов М. – 235
Дом Бернард (1905–1986) – 376
Донской Дмитрий (1350–1389) – 403, 693
Донской Марк Семенович (1901–1981) – 605, 624, 626–629, 634
Донской Н. – 923, 924, 926, 933
Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) – 20, 169, 475, 481, 617, 709, 835, 839–842, 848, 849, 922, 935
Дрёлль Карл (1897–1969) – 376, 378, 384, 388, 389
Дубинин Николай Петрович (1907–1998) – 539
Дудник (Шмидт) Эрна Иоганновна – 743, 746, 753, 754, 760, 761
Дурново Петр Николаевич (1845–1915) – 63, 74, 146
Дягилев Сергей Павлович (1872–1929) – 21

Е

Еголин Александр Михайлович (1896–1959) – 354
Ерофеев Виктор (р. 1947) – 25, 672
Есенин Сергей Александрович (1895–1925) – 709
Ефимов Борис Ефимович (1900–2008) – 76, 212, 471

Ж

Жадов Алексей, генерал – 360
Жаков Олег Петрович (1905–?) – 619
Жданов Андрей Александрович (1896–1948) – 346, 494, 510
Жизнева Ольга Андреевна (1899–1972) – 614
Жиленков Георгий Николаевич (?–1946), генерал-лейтенант – 921, 923, 948
Жилинский Яков Григорьевич (1853–1918), генерал – 77, 147, 155
Жип (1850–1932), псевдоним писательницы Сибиль Габриэль де Мартель – 475
Жолио-Кюри Жан Фредерик (1900–1958) – 522

Жуков Георгий Константинович (1896–1974), маршал – 582, 583, 596, 602, 604, 631, 862, 970, 986
Жуков Николай Николаевич (1908–1973) – 265
Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – 471, 473, 479, 480, 934

З

Завадовский Михаил Михайлович (1891–1957) – 537
Завенягин Аврамий Павлович (1901–1956) – 531–533, 544
Зайцев [Артемов] Александр – 919
Зарайская Елена – 11
Заславский Давид Иосифович (1880–1965) – 233, 870
Заукель Фриц (1894–1916) – 300, 349, 369
Захер-Мазох, Леопольд фон (1836–1895) – 469–471, 475
Зегерс Анна (1900–1983) – 485
Зейдлиц, Вальтер фон (1888–1976), генерал-полковник – 323, 332, 337–339, 472
Зильбер Лев Александрович (1894–1966) – 527
Зойме Иоганн Готфрид (1763–1810) – 470
Золя Эмиль (1840–1902) – 474, 475, 480
Зомбарт Вернер (1863–1941) – 35
Зоммер Отто – 507, 508, 930
Зощенко Михаил Михайлович (1895–1958) – 232, 354, 356, 371
Зудерман Герман (1857–1928) – 418, 469–471, 473, 475
Зуев Владимир (р. 1959) – 8, 25
Зуев Д. – 928
Зурабов Аршак – 118, 139

И

Ибсен Генрих (1828–1906) – 475
Иван IV Грозный (1530–1584), царь с 1547 г. – 607, 610, 804, 837
Иванов А.Е. – 418, 427
Иванов Александр Гаврилович (1898–1984) – 629
Иванов Владимир – 234
Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949) – 30, 32, 34, 35, 52, 54–56, 852
Иванов-Разумник [Иванов Разумник Васильевич] (1878–1946) – 35
Игнатьев Павел Николаевич (1870–1926) – 422
Извольский Александр Петрович (1856–1919) – 146
Изгоев Александр Соломонович (1872–1935) – 27, 56, 57
Ильин Иван Александрович (1883–1954) – 53, 54, 56, 57, 431, 935, 950
Ильф Илья Арнольдович (1897–1937) – 212
Иоанн [Соколов], архиепископ – 688
Иоанн, Архимандрит (Разумов) – 697
Иоанн, Архимандрит (Шаховской) – 675, 695, 696
Иоффе Абрам Федорович (1880–1960) – 493
Ипатьев Владимир Николаевич (1867–1952) – 512, 541
Исаков Иван Степанович (1894–1967) – 548
Ицхокин А.И. – 414

Й

Йодль Альфред (1890–1946), генерал-полковник – 167, 965
Йордан Эрнст Паскаль (1902–1980) – 517, 525
Йорк фон Вартенбург Петер (1904–1944) – 165, 171, 172, 421, 612, 634, 673, 762, 947, 950, 951

К

Каблучко В.И. – 411
Кавель Эдит (1865–1915) – 571
Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) – 493
Казанцев А.С. – 707, 721
Кайзерлинк Роберт – 157
Калатозов Михаил Константинович (1903–1973) – 607
Калинин Михаил Иванович (1875–1946) – 149, 274, 275, 346, 350, 351, 370, 575, 672, 673, 876, 891, 968
Кальман – 538
Кальман Имре (1882–1953) – 323
Кальтенбруннер Эрнст (1903–1946) – 174, 529
Каменев Лев Борисович (1883–1936) – 134, 143
Каменская Ирина – 763, 789
Каминский Бронислав – 918
Канарис Вильгельм (1887–1945), адмирал – 165, 167, 169
Кандинский Василий (1866–1944) – 21, 25
Кант Эммануэль (1724–1804) – 30–34, 37–40, 42–44, 54, 187, 221, 235, 361, 431, 433
Капица Петр Леонидович (1894–1984) – 416, 493
Каплер Алексей Яковлевич (1904–1979) – 622
Капров Илья Васильевич – 576, 579–582
Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – 922
Карл XII (1682–1718), король Швеции с 1697 г. – 153
Карпеченко Георгий Дмитревич (1899–1941) – 515, 540
Карпов Георгий Григорьевич (1898–1967), полковник – 687–690, 692, 698–702
Карцов Ю.С. – 147
Кассиль Лев Абрамович (1905–1970) – 357, 411, 412
Кассо Лев Аристидович (1865–1914) – 417
Катаев Валентин Петрович (1897–1986) – 212
Катуков Михаил (1900–1976), маршал – 595, 596, 604
Каульбах, Вильгельм фон (1805–1874) – 476
Кач Александр Сергеевич (1903–?) – 524, 525, 528, 533, 534
Квислинг Видкун (1887–1945) – 329, 330
Кейльсон Макс (1900–1953) – 374, 376, 392
Кейтель Вильгельм (1882–1946), генерал-фельдмаршал – 167, 169, 170, 624, 631, 927, 964–966
Кёлер Бруно (1900–1989) – 381–383, 396
Келер Эрнст (1913–1953) – 334–336, 342
Келлерманн Бернард (1879–1951) – 481
Кёнен Бернард (1889–1964) – 374, 384
Кеплер Йоханнес (1571–1630) – 419
Керенский Александр Федорович (1881–1970) – 98–100, 107–110, 112, 114, 121, 124, 126, 206, 207, 210

Кёрнике Макс (1874–1955) – 489
Керр А.К. – 334
Керр Альфред (1867–1948) – 187
Кёстринг Эрнст (1886–1953) – 165
Кикоин Исаак Кушелевич (1908–1984) – 532
Киплинг Редьярд (1865–1936) – 475
Клавдий – 525, 526, 610
Клаузевиц Карл фон (1780–1831), генерал – 148, 314, 933
Клемм Михаил Иванович – 385, 514
Клеринг Ганс (1906–1988) – 626, 627, 633
Климашин Виктор Семенович (1912–1960) – 265
Климов Григорий – 786
Клингер, Фридрих Максимилиан фон (1752–1831) – 482, 908
Клинч Борис – 233
Клопшток Фридрих Готлиб (1724–1803) – 469
Клочков-Диев Василий Георгиевич (1911–1941) – 573–581, 583, 602
Клюге, Ганс Гюнтер фон (1882–1944), генерал-фельдмаршал – 337
Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – 86, 95, 706
Книппер-Чехова О.Л. – 401
Кобулов Богдан Сахарович (1904–1953), генерал-полковник – 339, 681, 698, 760, 895
Ковалев Б. – 357, 987
Ковалев Николай (1888–1969) – 414, 491, 492, 510
Ковпак С.А. – 410
Кожедуб Иван Никитович (1920–1991), маршал – 595
Козинцев Григорий Михайлович (1905–1973) – 607, 610, 616, 617, 620, 632
Кокорекин Алексей Алексеевич (1906–1959) – 262, 263
Колмаков – 373
Колчак Александр Васильевич (1874–1920) – 283
Колышко Иосиф Иосифович (1861–1938) – 118–121, 124–129, 140, 141
Кольцов Михаил Ефимович (1898–1942) – 212, 397, 398
Кольцов Николай Константинович (1872–1940) – 372, 513, 514, 516, 517, 523, 541
Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) – 495, 680, 867
Комаровский Александр Николаевич (1906–1973) – 883
Кон Феликс Яковлевич (1864–1941) – 355, 470
Кондратьев Вячеслав Леонидович (1920–1993) – 593, 598, 603, 604, 956, 957
Коновалов Иван Анатольевич (1875–1948) – 869
Кононов Иван Анатольевич (1885–1959), контр-адмирал – 916, 918, 948
Конрад Генрих (1862–1945) – 470
Константинов Дмитрий, протоиерей – 679, 696, 697, 703, 945
Копалин Илья Петрович (1900–1976) – 622
Копелев Лев Зиновьевич (1912–1997) – 12, 13, 16, 19, 23, 24, 341, 361, 371, 410, 414, 565, 632, 633, 833, 850, 951, 982, 985, 986, 991
Корбмахер Генрих (1905–?) – 890, 891, 894–896, 907, 909
Корецкий Виктор Борисович (1909–1998) – 264
Кормер Владимир (1939–1986) – 348, 369, 372
Корнеев, генерал – 968
Корнейчук Александр Евдокимович (1905–1972) – 629
Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) – 109
Корольков А. – 502–504
Корренс Карл Эрих (1864–1933) – 494, 510
Космодемьянская Зоя Анатольевна (1923–1941) – 623
Кох Роберт (1843–1910) – 221, 526, 543
Кох Эрих (1896–1986) – 300, 709, 719
Крамер Франц Альберт – 836
Красавцев Г.Е. – 406
Красин Леонид Борисович (1870–1926) – 137
Краснов Петр Николаевич (1869–1947) – 64, 76, 148, 162, 912, 926, 927, 939, 945, 949
Крестинский Николай Николаевич (1883–1938) – 493
Кретцер Макс (1854–1941) – 469, 470
Кривенко Михаил Спиридонович (1904–1954), генерал-лейтенант – 926
Кривошеин Александр Васильевич (1858–1923) – 118, 146, 161, 698
Кривлев В.Я. – 413
Кривцов А.Н. – 202, 203
Кропоткин Н.Д., князь – 195
Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) – 226
Круглов Сергей Никифорович (1907–1977), генерал-полковник – 545, 898
Крупп Густав (1870–1950) – 30, 31, 33, 54, 431, 433, 552
Крылова Клавдия Тихоновна – 525, 526, 543
Крымская Мария – 776, 781, 789
Крю Франсис Альберт Элей (1886–1973) – 493
Кузнецов А.Я. – 530
Кузнецов Валерий Алексеевич (1906–1985) и Юрий Алексеевич – 422
Кузнецов И.Л. – 859, 862
Кузнецов, майор – 543
Кузнецов, сержант – 592
Кузьмин А. – 537
Кузьмин Михаил Алексеевич (1875–1936) – 709
Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859–1928) – 865, 871, 872
Кукрыниксы: Куприянов Михаил Васильевич (1903–1991), Крылов Порфирий Никитич (1902–1990), Соколов Николай Александрович (1903–1991) – 212, 237, 261, 633
Кулик Григорий Иванович (1890–1950), маршал – 548
Кульман, генерал – 365
Курелла Альфред (1895–1975) – 317, 342, 401
Курлов Павел Григорьевич (1860–1923), генерал-губернатор – 78, 94, 153, 196
Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813), фельдмаршал – 353, 403, 915
Кюгельген, Бернт фон (1914–2002) – 934
Кюльман, Рихард фон (1873–1948) – 133, 134, 138
Кюн Лотте (1903–2002) – 374, 384, 624
Кюхлер, Георг фон (1881–1968), генерал-фельдмаршал – 323

Л

Ладутько А.В. – 411
Ландау Георгий Александрович (1883–1974) – 217
Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) – 424–426
Ларионов Михаил Федорович (1881–1964) – 200
Ласк Берта (1878–1967) – 374
Лассаль Фердинанд (1825–1864) – 470
Лебедев-Кумач Василий Иванович (1898–1949) – 233, 347, 400
Лёбель, Фридрих Вильгельм фон – 157
Лебер Юлиус (1891–1945) – 171, 172
Левит Соломон (1894–1937) – 518
Левитан Юрий Борисович (1914–1983) – 363
Лейнонен Роберт – 741
Лемешевский Мануил – 688
Леммле Карл – 448
Леммле Карл мл. (1867–1939) – 448
Лемонье Камиль (1844–1913) – 480
Ленау Николаус (1802–1850) – 469
Лендорф Ганс (1910–1997) – 785
Ленин [Ульянов] Владимир Ильич (1870–1924) – 21, 90, 108, 110, 111, 114, 132, 133, 136, 137, 143, 149, 161, 198, 226, 243, 272, 282, 284, 309, 366, 441, 447, 490, 513, 519, 588, 699, 701, 837, 873, 898, 900, 924, 931, 932, 985
Лентулов Аристарх Васильевич (1882–1943) – 200
Ленц Генрих Фридрих Эмиль (1804–1865) – 425
Ленч [Попов] Леонид Сергеевич (1905–1991) – 233, 353
Леонов Леонид Максимович (1899–1994) – 354, 609
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) – 85, 95, 471–473, 486, 706, 708
Лессинг Готтхольд Ефраим (1729–1781) – 468, 469, 471, 485
Летавет Август Андреевич (1893–1948) – 534
Летт, Оскар фон – 416
Лехович Дмитрий – 206, 210
Либкнехт Вильгельм (1826–1900) – 469
Либкнехт Карл (1871–1919) – 98, 107, 111, 985
Лидиг Франц – 166
Лилиенкрон, Детлев фон (1844–1909) – 470
Липинер Зигфрид (1856–1911) – 469
Лисицкий Эль (1890–1941) – 242
Лист Франц (1851–1919) – 418, 427
Литвинов Максим Максимович (1876–1951) – 368
Ллойд Джордж (1863–1945) – 110
Лоде Грете – 374, 384, 390
Лозовский Соломон Абрамович (1878–1952) – 352, 378, 379, 395
Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) – 426, 706, 870, 934
Лоренц Эльза – 750
Лоти Пьер (1850–1923) – 475
Лука [Войно-Ясенецкий], священник (1877–1961) – 688, 700
Луков Леонид Давидович (1909–1963) – 629
Лукьяненко Иван Иванович (1894–?) – 527, 530, 543
Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) – 488, 491, 493–495, 500, 501, 506, 507, 509, 525, 542–545
Львов Николай (1867–1944) – 44
Людендорф Эрих (1865–1937), генерал – 123, 125, 129, 182, 206
Лютер Мартин (1483–1546) – 38, 430, 431

М

Магарилл Софья Зиновьевна (1900–1943) – 616
Маграчев Л. – 407
Мазаник М.Ф. – 411
Майенбург, Рут фон [Айслер Эльфрид] (1895–1961) – 374, 388
Майер Йоханнес – 115, 319, 890–892, 894–896, 907, 909
Майлстоун Левис (1895–1980) – 448
Макаров Андрей – 11
Макаров Иван – 497, 857
Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918) – 118, 867
Мале Ганс [Мальман Генрих Август Людвиг] (1911–1999) – 374, 376, 384, 392
Малевич Казимир Северинович (1878–1935) – 200, 242
Маленков Георгий Максимович (1902–1988) – 360, 494, 688, 700, 897, 962, 963, 988, 989, 991
Малышкин Василий (1896–1946), генерал-майор – 912, 922, 944, 945
Мальтцан Аго [Адольф], фон (1877–1927) – 146
Мальцев Виктор – 917
Мальцев Петр – 264
Манн Генрих (1871–1950) – 21, 469, 470, 474
Манн Томас (1875–1955) – 469, 470, 485
Маннергейм Карл Густав (1867–1951), фельдмаршал – 309, 353
Мануильский Дмитрий Сахарович (1883–1959) – 311, 340, 352, 393, 395, 398
Манштейн, Эрих фон (1887–1973), генерал-фельдмаршал – 586, 603, 931, 965
Марецкая Вера Петровна (1906–1978) – 623
Маринеско Александр Иванович (1912–1963) – 595, 604
Марков Николай Евгеньевич (1866/76?–1945) – 147, 487, 673
Маркс Карл (1818–1883) – 45, 186, 190, 278, 473, 743, 767, 924, 931, 985
Марлитт Евгения (1825–1887) – 469–471, 473–475
Марон Карл (1903–1975) – 389
Мартель Карл, см. Карл Мартель – 486
Мартенс Вилли – 311
Мартенс Федор Федорович [Фридрих Фромгольд] (1845–1909) – 971, 990
Мартов Л. [Цедербаум Юлий Осипович] (1873–1923) – 21
Маршак Самуил Яковлевич (1887–1964) – 408, 620
Маслов Александр – 594, 761
Матерн Герман (1893–1971) – 332
Матросов Александр (1924–1943) – 569, 591–595, 603
Мацкин А. – 617
Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930) – 200, 209, 211, 212, 237, 242, 272, 370, 371, 708, 922

Медведев Жорес Александрович (р. 1925) – 531, 544, 545
Медведев, майор – 890, 891
Медведева Анна – 779, 789
Мединг Оскар, см. Самаров Грегор – 470
Медников А.М. – 407
Мейер Ханнес (1889–1954) – 889, 946, 976
Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) – 628, 633
Мелентин Фридрих Вильгельм – 604
Мельник Тимофей – 584
Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907) – 493, 706
Мендель Грегор Иоганн (1822–1884) – 494, 544
Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) – 21, 30, 36, 430, 431, 467, 706, 709, 710
Меркулов Всеволод (1900–1953) – 501, 682, 698
Мерц фон Квирнхайм Альбрехт Рихтер (1905–1944) – 165
Мехлис Лев Захарович (1889–1953) – 313, 352, 922, 949
Мехов, Карл Бенно фон (1897–1960) – 451
Мещерский Владимир Петрович (1839–1914), князь – 118, 127, 128
Микоша Владислав Владиславович (1909–?) – 621
Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – 96, 117, 120, 122, 126, 127, 137, 446
Минин Кузьма Минич (?–1616) – 363, 403
Мирбах-Харф, Вильгельм фон (1871–1918) – 138
Мирский Борис [Миркин, Герцевич Сергей] – 222
Митерев Георгий Андреевич (1900–1977) – 543
Митин Марк Борисович (1901–1987) – 494
Михайлов М. – 402
Михайлов Михаил Ларионович (1826–1865) – 475, 634, 716, 722, 963
Михаэлис Георг (1857–1936) – 130, 132
Михеев Сергей (?–1919) – 217, 218, 227
Михельсон А.А., полковник – 60–63, 65–69, 76
Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986) – 149, 162, 334, 339, 345, 378, 382, 403, 494, 565, 660, 687, 700–702, 764, 918
Мольтке, Гельмут Джеймс фон (1907–1945) – 63, 64, 72, 165, 169, 171, 174
Мольтке, Гельмут фон (1848–1916) – 148, 314
Моор [Орлов] Дмитрий Стахиевич (1883–1946) – 212, 243, 264
Мопассан, Ги де (1850–1893) – 475
Морган Томас Хант (1866–1945) – 515, 544
Морозов Никита – 869
Морозов Павел [Павлик] Трофимович (1918–1932) – 918
Морозов, майор – 900
Морозова Маргарита Кирилловна (1873–1958) – 29, 53–55, 57
Морозов С.Т. – 407, 414
Музеус Карл Август (1735–1787) – 473, 476, 477, 479, 486
Мулин – 374, 375, 395
Муньос – 329
Муретов Дмитрий – 49, 50, 58
Муромец Илья – 706
Мюллер Норберт – 952
Мюллер Рейнхард – 707, 721
Мюллер Рольф-Дитер – 960, 988
Мюллер Якоб (1907–1942) – 883–886, 890, 891, 906, 910, 911
Мюллер, адмирал – 123, 125
Мюллер-Бродман – 977
Мюллер-Хилль Бенно – 525, 537, 539, 540, 545

Н

Наседкин Виктор Григорьевич (1905–1950), генерал-лейтенант – 749, 880, 905, 906
Невский Александр – 403
Незнамов – 146
Некрасов К.Ф. – 87
Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877/78) – 467, 475, 481, 485
Некрасов, генерал – 148
Нернст Вальтер (1864–1941) – 418
Нестеров Петр Николаевич (1887–1914) – 569, 570, 602
Никитин Петр Васильевич (1849–1916) – 422
Николай I (1825–1855), царь с 1825 г. – 201
Николай II (1868–1918), последний российский царь – 145
Нилов Константин Дмитриевич (1856–1919) – 118
Ницше Фридрих (1844–1900) – 21, 222
Ногин Виктор Павлович (1878–1924) – 134, 143
Нолль Гельмут – 889, 907
Нордау Макс (1849–1923) – 469–471, 474, 475
Ноффке Эрнст – 374, 385
Нуждин Николай Иванович (1904–1972) – 531

О

Облеухов С.Л. – 869
Оболенский Александр Николаевич (1872–1924), князь – 855
Окороков – 818, 832, 833
Ольбрихт Фридрих (1888–1944), генерал – 168
Орлова Любовь Петровна (1902–1975) – 609
Осокин В.В. – 673
Оствальд Вильгельм Фридрих (1853–1932) – 419, 420, 427
Остен-Сакен Николай Дмитриевич (1831–1912) – 65, 76
Остер Ганс (1888–1945), генерал-майор – 165, 166
Островский Александр Николаевич (1823–1886) – 475, 627
Острогорский В.М. – 413
Отто Карл А.Г. – 451, 455, 463
Оцеп Надежда – 782, 789, 848
Оцеп Федор Александрович (1895–1949) – 611, 632

П

Пабст Георг Вильгельм (1885–1967) – 611
Павлов Дмитрий Григорьевич (1897–1941) – 548
Павлов Иван Петрович (1849–1936) – 416, 494, 769
Пайпс Ричард – 52, 57, 58, 599, 604
Пак Альфонс (1881–1944) – 133, 137

Палицын Федор Федорович (1851–1923) – 63, 76
Палладин П. – 407, 414
Паннвиц, генерал-лейтенант – 916
Панов Иван – 630
Пантелеев Г.Ф. – 471
Панфилов Иван Васильевич (1892–1941) – 574, 580, 582, 583, 602, 746
Паншин Игорь Борисович (1914–1996) – 365, 372, 522–525, 528–530, 533, 542, 543, 545
Парский Дмитрий Павлович (1866–1921), генерал – 201
Пастернак Борис Леонидович (1890–1960) – 152, 162, 347, 348, 355, 369, 858, 871
Пауль Диана – 538, 542
Паулюс Фридрих (1890–1957), генерал-фельдмаршал – 317, 323, 337–339, 390, 624, 780
Паша Исмет – 493
Пеги Шарль (1873–1914) – 841
Пейру Пьер – 522
Пейру Шарль Луи Жан – 522, 530, 537, 538
Перро Шарль (1628–1703) – 476, 480
Петр I (1672–1725), царь с 1682 г. – 426, 705, 706, 942
Петров Евгений [Катаев Евгений Петрович] (1903–1942) – 212
Петровский Борис – 764, 789
Пик [Штаймер] Элеонора (1906–1998) – 392
Пик Вильгельм (1876–1960) – 311, 332, 373–376, 378, 381, 384, 385, 395–397
Пикер Генри – 511
Пикуль Валентин Савич (1928–1990) – 156, 163
Пильхау, Пилар фон – 157
Пирогов Николай – 706
Писарев В.Е. (1883–1972) – 489, 490
Пискатор Эрвин (1893–1966) – 626, 633
Планк Макс (1858–1947) – 418
Плассен фон, генерал-адъютант – 63
Платов М.Ф. – 406, 414
Платон (427–347 до н.э.) – 50, 196, 432
Платонов Андрей Платонович (1899–1951) – 569, 584, 586–591, 595, 603
Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) – 21
Пожарский Дмитрий Михайлович (1578–1642) – 363, 403
Позе Хайнц – 533, 545
Покровский Александр (1879–1942) – 58, 480, 487
Покрышкин Александр Иванович (1913–1985) – 595
Полевой Борис Николаевич (1908–1981) – 360, 371
Полевой Константин – 706
Полевой Николай Алексеевич (1796–1846) – 934
Полевой Петр Николаевич (1839–1902) – 473
Поленц, Вильгельм фон (1861–1903) – 469, 475
Поливанов Алексей Андреевич (1855–1922) – 193, 208, 209
Поликарпов Дмитрий Алексеевич (1905–1965) – 368, 371, 373, 391, 393, 395–397, 402
Поплавский Ю.И. – 869
Попов А., священник – 684
Попов Алексей – 631, 634
Попов И.И. – 436
Попов М.М. – 327
Посельский Михаил Яковлевич (1918–?) – 631
Потапов Николай Михайлович (1871–1946) – 208–210, 400, 406
Прин Гюнтер (1908–1941) – 595
Пришвин Михаил Михайлович (1873–1954) – 355, 430
Прокофьев Сергей Сергеевич (1891–1953) – 20, 708
Прутков И. – 234
Пудовкин Всеволод Илларионович (1893–1953) – 609–614, 616, 617, 619, 620, 624, 632, 633
Пузин А.А. – 406
Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – 869
Пурталес Фридрих (1853–1928) – 145, 151
Путинцев, полковник – 984
Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – 86, 440, 467, 477, 478, 480, 481, 488, 504, 556, 706
Пфлегер Карл – 841
Пырьев Иван Александрович (1901–1968) – 621

Р

Рааб Карл [Фидлер] (1906–1992) – 374, 380
Радаков Алексей Александрович (1879–1942) – 211, 213, 215, 225, 237
Радек Карл Бернгардович (1885–1939) – 131, 132
Радлов Николай Эрнестович (1889–1942) – 224
Радуев Павел – 152
Раевский Борис (1893–1974) – 528
Райнинг Вильям Фред – 514
Распе Рудольф Эрих (1737–1794) – 473
Распутин Григорий Ефимович (1864/65–1916) – 28, 36, 89, 96, 861
Рау Йоханнес – 19
Раузер – 327
Рахманинов Сергей Васильевич (1873–1943) – 20, 708, 858
Рачинский Григорий Алексеевич (1859–1939) – 30
Рейган Рональд (1911–2004) – 238
Рейнольдс – 629
Ремарк Эрих Мария (1898–1970) – 448, 451, 454–456, 465, 737
Рёмер Теодор (1883–1951) – 494, 510
Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) – 706, 710
Ремизов Николай В. – 211, 237
Ренненкампф [Павел Карлович], Пауль Эдлер фон (1854–1918) – 155, 156, 195, 792, 811
Рентген Вильгельм Конрад (1845–1923) – 418, 517
Репин Илья Ефимович (1844–1930) – 706
Репников – 422
Риббентроп, Иоахим фон (1883–1946) – 345, 565, 660, 918
Рид Джон (1887–1920) – 110, 114
Риль Николаус (1901–1990) – 516, 521, 522, 524, 529, 532, 533, 537, 538, 542, 543
Риль Вильгельм Генрих фон (1825–1897) – 470
Рильке Райнер Мария (1875–1926) – 21, 850
Рихтгофен, Манфред фон (1892–1918) – 454, 455
Рицлер Курт (1882–1955) – 126, 131, 133–135, 137, 142
Рогозинский П.А. – 414
Роденберг [Розенберг] Ганс Рудольф (1895–1978) – 374, 378, 380, 386

Рождественская Вера Павловна – 779, 789
Розанов Василий Васильевич (1856–1919) – 21, 32, 34, 54, 57, 58, 60, 76, 222
Розен Роман Романович (1849–1922) – 63, 74, 77
Розенберг Альфред (1893–1946) – 278, 279, 281, 288, 301, 504, 506, 686, 703–709, 712, 713, 719, 721, 722, 926, 927, 931
Розенштиль, Клаус фон (1905–1973) – 508, 511
Ройбер Курт (1906–1944) – 766, 767, 770, 772, 790
Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968), маршал – 317, 361, 574, 982
Романов Александр – 202, 368, 529, 962
Ромейко-Гурко Дмитрий Иосифович (1872–1945), полковник – 68, 77
Ромм Михаил Ильич (1901–1971) – 161, 621, 633
Ромпе Роберт (1905–1993) – 517, 522, 524, 529, 530, 532, 533, 537, 538, 543
Роот Александр (?–1943) – 887, 890, 891, 906, 910
Рославлев Александр Степанович (1883–1920) – 220
Росселини Роберто (1906–1977) – 628
Ростан, Эдмонд де (1868–1918) – 475
Ротов Константин Павлович (1902–1959) – 212
Рошаль Григорий Львович (1898–1983) – 617, 619, 620
Рубакин Николай Александрович (1862–1946) – 468–471, 474, 485, 486
Руденко Роман Андреевич (1907–1981) – 898
Рудзиш А.Ф. – 411
Рудин Я. – 232
Рудорф Вильгельм (1891–1969) – 494, 510
Рузвельт Франклин Делано (1882–1945) – 382, 629, 775
Руска Гельмут (1908–1973) – 528
Руссо Жан-Жак (1712–1778) – 31
Рыклин Григорий Ефимович (1894–1975) – 231, 234, 235
Рябушинский Павел Павлович (1871–1924) – 869

С

Саблер [с 1915 г. Десятовский] Владимир Карлович – 867
Саблер, Георг фон – 416
Савицкий Вячеслав Фабианович и Харичко-Савицкая Елена Ивановна – 53, 507, 508
Савченко Игорь – 626
Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – 66, 151
Саломон, Эрнст фон (1902–1972) – 469
Самсонов Александр Васильевич (1859–1914) – 155, 793, 811
Сафронов А. – 407
Светлов Михаил Аркадьевич (1903–1964) – 352
Северянин Игорь – 152, 431
Сект, Ганс фон (1866–1936), генерал-полковник – 280–282
Сельвинский Илья Львович (1899–1968) – 352, 354, 370
Сергей [Гришин], архиепископ – 688
Сергий [Страгородский] Иван Николаевич (1867–1944), митрополит – 675, 677–682, 685, 688, 689, 696–700, 702
Серов Иван Александрович (1905–1990), генерал-полковник – 876, 975, 986
Сиднев Алексей Иванович (1907–?), генерал-майор – 984, 986
Сизов И.А. (1900–1968) – 489, 490
Симон [Иванковский], архиепископ – 688
Симон Александр (1892–?) – 883, 906
Симонов Константин Михайлович (1915–1979) – 341, 348, 350, 352, 354–357, 359, 368, 370–372, 484, 547, 562, 567, 568, 609, 610, 669, 940
Синявский Владимир Святославович (1906–1972) – 406, 407, 414, 543, 545
Сковроннек Рихард (1862–1932) – 182, 190
Сковроннек Фриц (1858–1939) – 453, 464
Скосырев, генерал-майор – 982
Скотт Вальтер (1771–1832) – 474
Слепков В.Н. – 518, 540
Смирнов М.И. (1868–1949) – 363, 982
Смирнова Лидия (?–1943) – 623
Смирнова Юлия – 771, 789
Солженицын Александр Исаевич (1918–2008) – 372, 850
Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – 21, 32, 48, 50, 53, 840, 841, 848, 849
Сологуб [Тетерников] Федор Кузьмич (1863–1927) – 152, 430, 431, 434, 443, 485, 709
Софьин Авенир – 630
Спаский А.М. – 407
Спектор Л. – 407
Ставский [Кирпичников] Владимир Петрович (1900–1943) – 582, 602
Сталин [Джугашвили] Иосиф Виссарионович (1879–1953) – 10, 165, 166, 171, 254–257, 261, 264, 275, 284, 307, 314, 317, 333, 334, 337–339, 341, 345–348, 350, 353, 354, 356, 358, 360, 361, 363, 364, 366, 368, 369, 371, 372, 393, 399, 401–403, 412, 413, 491, 493–495, 500, 501, 506, 509, 521, 530, 542, 559, 567, 582, 594, 598, 599, 603, 604, 606–608, 620, 650, 661, 673, 678, 680–682, 687, 689, 690, 694–700, 707–709, 716, 721, 741, 757, 758, 760, 762, 766, 767, 772, 775, 873, 875, 879, 897, 898, 900, 902, 904, 909, 915–917, 920–923, 927, 931, 932, 945–950, 968–970, 973, 985, 986, 989
Стальский Николай – 586
Станиславский Константин Сергеевич (1863–1938) – 708
Степун Федор Августович (1884–1965) – 45, 57, 113
Стиннес Хуго (1870–1924) – 119–121, 125, 126, 140
Стишинский Александр Семенович (1851–1920) – 78
Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – 147, 194
Стравинский Игорь Федорович (1882–1971) – 20
Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – 27, 30, 44–50, 52–54, 56–58
Стуков Г.И. (1902–1942) – 373, 395
Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – 419, 854, 855, 870
Суворов Александр Васильевич (1729/30–1800) – 148, 353, 403, 915
Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1996) – 501
Сурков Алексей Александрович (1899–1983) – 347, 359, 400
Сухова Мария Ивановна (1905–1944) – 630
Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926), генерал – 63, 74, 76

Сущинский Владимир Александрович (1912–1945) – 630
Сысенко [Бауэр] Эрика Адольфовна – 742, 751, 752, 760, 761
Сытин Иван Дмитриевич (1850/51–1934) – 28

Т

Таиров Александр Яковлевич (1885–1950) – 482, 633
Тамерлан [Тимур] (1336–1405) – 285
Тарасова [Лореш] Амалия Карловна – 715
Тарковский Андрей Арсеньевич (1932–1986) – 607
Таруц Н.Ф. – 413
Татищев И.Л., генерал-майор – 60, 63, 70, 72
Твардовский Александр Трифонович (1910–1972) – 645
Телегин К., генерал-лейтенант – 986
Тельман Эрнст (1886–1944) – 985
Тимофеева-Рессовская Елена Александровна (1898–1973) – 513, 521, 529, 543
Тимофеев-Рессовский Андрей Николаевич (р. 1927) – 541, 543
Тимофеев-Рессовский Владимир Владимирович – 518
Тимофеев-Рессовский Дмитрий Владимирович – 518
Тимофеев-Рессовский Дмитрий Николаевич (1924–1945) – 521, 528, 529
Тимофеев-Рессовский Николай Владимирович (1900–1981) – 372, 512–545, 920, 921, 949
Тимошенко Семен Константинович (1895–1970), маршал – 774
Тиссен Август (1842–1926) – 19, 116
Тито Броз (1892–1980) – 369, 968, 989
Тихон [Белавин Василий Иванович] (1865–1925), патриарх – 675, 687, 696, 700
Тихонов Николай Семенович (1896–1979) – 351, 354, 355, 442, 447, 569, 578, 579, 588, 602, 603
Тициак Юлиус (1903–1973) – 839–841
Толстой Алексей Константинович (1817–1875) – 472, 473, 934
Толстой Алексей Николаевич (1883–1945) – 347, 351, 359, 369, 437, 487, 609
Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – 127
Толстой Лев Николаевич (1828–1910) – 20, 162, 475, 480–482, 611
Толстой Н. – 947
Томас Норман Мэттон (1884–1968) – 448, 469, 470, 483, 485, 515, 629, 634
Трауберг Леонид Захарович (1902–1992) – 607, 620
Трепов Федор Федорович (1812–1889) – 78
Тресков, Хеннинг фон (1901–1944) – 165, 170, 174
Третьяков Сергей Михайлович (1834–1892) – 869
Трот цу Зольц, Адам фон (1909–1944) – 165
Троцкий Лев Давидович (1879–1940) – 127, 132, 135, 137, 243, 643, 919, 931, 948
Трубецкой А.И. – 855
Трубецкой Григорий (1873–1930) – 44
Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920) – 26, 30, 48–55, 57, 58, 431, 852
Трухин Федор (?–1946), генерал-майор – 923, 936
Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – 475, 481
Тэйлор, полковник – 964
Тэффи [Лохвицкая] Надежда Александровна (1872–1952) – 211, 223, 237
Тюленев Иван Владимирович (1892–1978) – 548
Тюльпанов Сергей Иванович (1902–1984), генерал-майор – 319
Тютчев Федор Иванович (1803–1873) – 439, 471
Тяпкина Елена – 628

У

Уланд Людвиг (1787–1862) – 469
Ульбрихт Вальтер (1893–1973) – 311, 332, 373–376, 384–386, 395
Уткин Иосиф Павлович (1903–1944) – 357
Ушинский Константин Дмитриевич (1824–1871) – 706
Уэллс Герберт (1866–1946) – 480

Ф

Фадеев Александр Александрович (1901–1956) – 353, 360, 370, 371
Федин Константин Александрович (1892–1977) – 356, 481, 487
Федоров Николай Федорович (1829–1903) – 473, 541, 862
Федорченко София Захаровна (1880–1959) – 196, 209, 670, 672
Фейхтвангер Лион (1884–1958) – 483, 484, 617
Фельд Руди – 240
Фёрстерлинг Пауль Альберт (1899–1949) – 384, 389
Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820–1892) – 471
Фетисов А. – 406
Фихте Иоганн Готлиб (1762–1814) – 53, 57, 361, 933
Фиш Геннадий Семенович (1903–1971) – 353
Фишер Вальтер – 374, 378, 380, 385
Фишер Герман – 427
Фишер Евгений (1874–1967) – 516, 539
Фишер Курт (1900–1950) – 392
Фишер Лена – 378
Фишер Фриц – 147
Фишер Хуберт – 765, 783
Фишер Эрнст – 376, 379, 384, 396, 397
Флекс Вальтер (1887–1917) – 451
Флоренский Павел Александрович (1882–1937) – 55, 852
Флорин Вильгельм (1894–1944) – 384, 385, 389, 391
Фольперт Астрид – 11, 19
Форсель Владимир Петрович, генерал-майор – 153, 154
Франк Герберт – 895, 907
Франк Семен Людвигович (1877–1950) – 27, 40–44, 53, 54, 56–58
Франк, штабс-капитан – 739
Франке Конрад – 473
Франко Баамонд Франциско (1892–1975), генерал – 274, 328
Франц-Иосиф I (1830–1916), австрийский император с 1848 г. и венгерский король с 1867 г. – 78, 224, 807
Францоз Карл Эмиль (1848–1904) – 469, 470
Фрейлиграт Фердинанд (1810–1976) – 469

Фрейтаг Густав (1816–1895) – 469, 470, 912, 943
Фрейтаг-Лорингховен Вессель (1899–1944) – 912, 943
Фрелих Сергей – 920
Фрувирт Карл (1832–1930) – 489
Фюрстенберг-Ганецкий Яков (1879–1937) – 131, 135, 136

Х

Хавинсон Яков (1901–1989) – 374, 386, 395
Хайдеггер Мартин (1889–1976) – 940
Хайсс Курт (1909–1976) – 379
Хамадан А.М. – 414
Ханютин Юрий – 605, 632–634
Харитон Юлий Борисович (1904–1996) – 532, 534, 535, 545
Харланд Сидней – 506, 508
Хартманн Эрих (1922–1993) – 600
Хассель, Ульрих фон (1881–1944) – 165, 166, 168, 169, 171, 173, 921
Хебранг Андриан – 968
Хеделер Вальтер [Вальтер Герт] (1911–1994) – 380, 384, 388, 389
Хекер Оскар (1864–1938) – 427
Хельд Эрнст – 374
Хёпнер Эрих (1886–1944), генерал-полковник – 165
Херманн Рудольф – 19
Хобсбаум Эрик – 10
Холодковский Николай (1858–1921) – 468
Хольцендорф – 120
Хонекер Эрих (1912–1994) – 366
Хоркхаймер Макс (1895–1973) – 31
Хот Герман (1885–1979), генерал – 965
Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) – 509, 542, 698, 699, 898, 900, 901, 910

Ц

Цаде Адольф (1880–?) – 492
Цайссер Вильгельм (1893–1958) – 374
Царапкин Сергей Романович (1892–1960) – 513, 514, 522, 537, 543, 545
Царев Михаил Иванович (1903–1987) – 610
Цвейг Арнольд (1887–1968) – 456, 457, 465, 466
Цвейг Стефан (1881–1942) – 483, 484
Цветаева Марина (1892–1941) – 21, 434
Цвирка П. – 408
Церетели Ираклий Георгиевич (1882–1959) – 108, 112
Цизе Р.А. – 117, 139
Циммер Карл Гюнтер (1911–1988) – 516, 517, 524, 528, 532–534, 541
Циммерман – 123–125, 130, 140
Циммерман Клаус – 514, 515
Цингер Олег Александрович (1910–1998) – 520, 521, 530, 531, 542, 543
Циннер Хедда [Элизабет Франк, Ханнхен Лобезам] (1907–1994) – 374, 379, 384, 386

Ч

Чайковский Александр Борисович (1913–1994) – 20
Чекалин С. – 408
Чекини Л. – 402
Челноков Михаил Васильевич (1863–1935) – 854
Черемных Михаил Михайлович (1890–1962) – 235, 272
Черемушкинский Иван – 11
Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – 108
Чернов Михаил Александрович (1891–1938) – 493
Черный Саша (1880–1932) – 211, 237
Чернышев Василий Васильевич (1896–1952), генерал-полковник – 879
Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) – 922
Черняковский Иван Данилович (1906–1945), генерал – 784
Черчилль, сэр Уинстон (1874–1965) – 382, 775
Чехов Антон Павлович (1860–1904) – 20, 411, 710, 922
Чехова М.П. – 411
Чингисхан (1155–1227) – 161, 232, 285, 307
Чичибабин Алексей Евгеньевич (1871–1945) – 512, 541
Чкалов В.П. – 408
Чуйков Василий Иванович (1900–1982), маршал – 971, 989
Чуковский Корней Иванович (1882–1969) – 356
Чуковский Николай Корнеевич (1904–1965) – 548

Ш

Шагал Марк (1887–1985) – 242
Шалашников М.С. – 407
Шаляпин Федор Иванович (1873–1938) – 708
Шамиссо Альберт фон (1781–1838) – 469, 473
Шаррер Адам (1883–1948) – 374
Шахт Хальмар (1877–1970) – 165
Шваб Густав (1792–1850) – 473, 476
Шваб Йоханнес – 893
Шваб Сепп [Макс Йозеф] (1897–1977) – 373–375, 378, 380, 385, 386, 397
Швайцер Йоханн – 274
Шеина Валерия – 11
Шекспир Уильям (1564–1616) – 432, 474, 476
Шелер Макс (1874–1928) – 33, 56
Шелике Фриц (1899–1963) – 376
Шёрнер Фердинанд (1892–1973), генерал-фельдмаршал – 323, 325
Шестов Лев [Шварцман Лев Исаакович] (1866–1936) – 21
Шефер Мария Иосифовна – 756, 761
Шеффель, Йозеф Виктор фон (1826–1886) – 470
Шиллер Фридрих (1759–1805) – 42, 43, 56, 87, 235, 429, 437, 440, 468, 469, 471, 472, 474–476, 481, 482, 485, 933, 934
Шиман Элизабет (1881–1972) – 495
Шишкин Валерий Александрович (1931–2006) – 699
Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) – 357
Шлагетер Альберт Лео (1894–1923) – 707
Шлёцер, Август Людвиг фон (1735–1809) – 425
Шлихтинг, Сигизмунд Вильгельм фон, генерал – 146
Шлютер Герман – 776, 789
Шмаринов Дементий – 263
Шмелев Иван Сергеевич (1873–1950) – 706, 710

Шмидт Рудольф (1886–1957), генерал-полковник – 87, 169, 472, 743, 746, 753, 754, 760, 761, 878, 893, 908
Шмонин Л.М. – 406
Шморель Александр (1917–1943) – 174
Шноль Симон Эльевич (р. 1930) – 520
Шолохов Михаил Александрович (1905–1984) – 350, 359, 370, 569, 572, 573, 595, 602
Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906–1975) – 20, 607
Шпанов Николай Николаевич (1896–1961) – 149
Шпеер Альберт (1905–1981) – 604
Шрёдингер Эрвин (1887–1961) – 517, 541
Шрёмбгенс Ганс-Хайнц – 771, 789
Штауфенберг, Клаус граф Шенк фон (1907–1944) – 165, 170, 171, 172, 721, 921, 932
Штеенберг Свен – 945
Штелин Якоб (1709–1785) – 426, 428
Штеменко Сергей Матвеевич (1907–1976) – 149, 162
Штинде Юлиус (1841–1905) – 470
Штифтер Адальберт (1805–1868) – 470
Штолль Петер – 764
Шторм Теодор (1817–1888) – 470
Штраух Максим Максимович (1900–1974) – 619, 620, 860, 871
Штрик-Штрикфельдт Вильфрид Карлович (1897–1977) – 704, 705, 708, 709, 721, 912, 920, 924, 936, 943, 945, 946, 948–950
Штриткор – 425
Штуббе Ганс (1902–1989) – 498, 517, 524, 528, 529, 537, 538, 543
Штук, Франц фон (1863–1928) – 418
Штумпф Ганс-Юрген (1889–1968), генерал-полковник – 631
Штюльпнагель, Карл-Генрих фон (1886–1944) – 165, 168
Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) – 86, 118, 127
Шуб Эсфир Ильинична (1894–1959) – 548
Шуленбург Фридрих (1875–1944) – 165, 167, 175
Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) – 853
Шульшенко Клавдия Ивановна (1906–1984) – 610

Щ

Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945) – 333, 346, 351, 352, 355, 360, 373, 374, 378, 391, 395, 397, 398, 698
Щербина Сергей – 11

Э

Эберс Георг Мориц (1837–1898) – 470, 471, 473–475
Эберхардт Андрей Августович (1856–?), адмирал – 156
Эбнер-Эшенбах, Мария фон (1830–1916) – 470
Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898–1948) – 607, 609–611, 620, 623
Эйнштейн Альберт (1879–1955) – 418
Эйхман Адольф (1906–1962) – 954
Энгель Георг (1866–1931) – 469
Энгельбрехт Тис Хинрих (1853–1934) – 497
Энгельгардт Владимир Александрович (1894–1984) – 536, 538, 540, 545
Энгельс Фридрих (1820–1895) – 190, 767, 884, 895, 906–908, 985
Энглер Адольф Генрих Густав (1844–1930) – 427, 489, 827
Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) – 94, 149, 162, 345, 351–353, 356–361, 367–371, 400, 401, 558, 560–562, 564, 566–568, 609, 708, 829, 833, 968, 969, 985, 986, 989
Эрколи – 375, 376, 395, 397
Эрмлер Фридрих Маркович (1898–1967) – 611, 622, 629
Эрн Владимир Францевич (1881–1917) – 28, 30–34, 38–40, 43, 54–56, 431, 432, 445, 743, 751, 753, 852
Эрпенбек Фриц (1897–1975) – 375, 379, 380, 392
Эрцбергер Матиас (1875–1921) – 115–126, 129–136, 138–143
Эусебио С. – 404
Эфроимсон А.П. – 414
Эфрусси Борис Самойлович – 517

Ю

Юнгер Александр (1883–1948) – 211, 222, 237
Юнгер Эрнст (1895–1998) – 454
Юсупов Феликс Феликсович (1887–1957) – 855, 857, 861, 863, 864, 867, 869, 871
Юткевич Сергей Иосифович (1904–1985) – 630

Я

Ягич (Вратослав) Игнатий Викентьевич (1838–1923) – 420
Яковлев Николай Дмитриевич (1898–1972) – 58, 159, 163, 368, 696
Ямпольский Б. – 412
Ян Василий Григорьевич (1875–1954) – 176, 352, 370
Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918) – 153, 192, 198
Ярославский Емельян [Губельман М.И.] (1878–1943) – 79, 81, 82, 94, 95, 677, 688, 696
Ястребов Михаил – 764, 783, 784, 788, 789
Ячанин Л., генерал-майор – 982

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аймермахер Карл (Eimermacher Karl), доктор философии, профессор славистики, руководитель Славянского семинара и директор Института русской и советской культуры им. Ю.М. Лотмана в Рурском университете в Бохуме до 2003 г., почетный доктор РГГУ. Автор многочисленных работ и нескольких антологий по нормативным аспектам литературы и послевоенного русского искусства, истории русской семиотики и литературной политики 20-х годов. Кроме ряда работ по русскому современному искусству, вышли из печати его каталоги и монографии о творчестве Вадима Сидура и Владимира Яковлева. В 1997 и 1998 гг. опубликованы две монографии в России: «Знак. Текст. Культура» и «Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932», а в 1999–2002 гг. он являлся соредактором и соавтором сборников статей «Национальные истории в советском и постсоветских государствах», «Мифы и мифология в современной России», «Преодоление прошлого», «Историки читают учебники истории», «Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века». Куратор специального номера «Россия и Германия. XX век» Российского исторического журнала «Родина» (2002, № 10).

Басистов Юрий, профессор, доктор философских наук, сопредседатель общества «Россия–Германия» в Санкт-Петербурге. Работал в СВАГ руководителем отдела по международным связям Группы советских войск в Германии, полковник в отставке. После 1975 года занимался педагогической и научной деятельностью. Автор книг: Особый театр военных действий. Листовки на фронтах Второй мировой войны. – СПб, 1999; Сталин–Гитлер. От пакта до войны. – СПб., 2001 и др.

Бордюгов Геннадий, кандидат исторических наук, доцент ИППК МГУ, главный редактор издательских программ АИРО-XXI. Автор монографий «История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества» (М., 1992, в соавт.), «Белое дело. Идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки» (М., 1998, в соавт.). Соредактор и составитель сборников «Moszkva nakjeientjuk… Titkos dokumentumok 1944–1948», Budapest, 1994; «Polska–ZSRR. Struktury podleglosci. Dokumenty KC WKP (b) 1944–1949», Warszawa, 1995; Documente zur Tätigkeit der Propagandaverwaltung der SMAD unter Sergej Tjul'panov (Bonn, 1998). Редактор трехтомника «Неизвестный Богданов» (М., 1994–1995), двухтомника «Тюремные рукописи Н.И. Бухарина» (М., 1996) и книги «Исторические исследования в России. Тенденции последних лет» (М., 1996). В 1999–2002 гг. – руководитель проектов, соредактор, соавтор сборников статей «Национальные истории в советском и постсоветских государствах», «Мифы и мифология в современной России», «Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей», «Преодоление прошлого», «Историки читают учебники истории», «Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века» и др. Куратор специального номера «Россия и Германия. XX век» Российского исторического журнала «Родина» (2002; № 10).

Вашик Клаус (Waschik Klaus), доктор, научный сотрудник Института русской и советской культуры им. Ю.М. Лотмана Рурского университета в Бохуме. Основные направления исследований: культурная, социальная и политическая история России, современная российская литература, архитектура и плакатное искусство. Публикации: RGALI – Vollständiger Archivführer. Elektronisches Bestandsverzeichnis auf CD-ROM (РГАЛИ – полный путеводитель по архиву [CD-ROM]. В соавторстве с Н.Б. Волковой. – Мюнхен, 1996); Glasnost plakativ! Das russische und sowjetische Plakat 1985–1995 im Spannungsfeld zwischen

Perestrojka-Agitation und radikaler Systemkritik. In: (hrsgg. zus. mit K. Eimermacher und D. Kretzschmar): Russland, wohin eilst du? Perestrojka und Kultur. Dortmund 1996 (Плакатная гласность! Русский и советский плакат 1985–1995 гг. между агитацией перестройки и радикальной критикой системы // Россия, куда ты спешишь? Перестройка и культура / Под ред. К. Вашика, К. Аймермахера и Д. Кречмара. – Дортмунд, 1996); Klaus Waschik, Nina Baburina: Werben für die Utopie. Russische Plakatkunst des 20. Jahrhunderts. Inklus. DVD. Bietigheim–Bissingen, 2003 (Клаус Вашик, Нина Бабурина. Агитация утопии. Русское плакатное искусство 20-го века. / Вкл. DVD. – Битигхайм–Биссинген, 2003).

Вашкау Нина, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России Волгоградского государственного университета**.** С 2003 г. член комиссии по исследованию новейшей истории российско-немецких отношений. Монографии: Немцы в России: история и судьба. – Волгоград, 1994; Школа в немецких колониях Волги. – Волгоград, 1998. Публикации: Kulturbeziehungen der Wolgadeutschen Republik mit Deutschland 1918–1933. In: Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen. Essen 1998, H. 8 (Культурные отношения республики немцев Поволжья с Германией в 1918–1933 гг. // Исследования по истории и культуре российских немцев, Вып. 8. – Эссен, 1998); Neue Forschungen zum Ende der Wolgarepublik und zum Schicksal der Rußlanddeutschen bis 1955. In: Zeitschrift für Weltgeschichte. 2000, H. 1 (Новые исследования по последним годам существования республики немцев Поволжья и судьбе российских немцев до 1955 года // Журнал мировой истории. 2000, № 1).

Гатагова Людмила, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. С 1993 года принимала участие в научных конференциях в Москве, Кембридже, Турине, Кельне, Бохуме, Тампере, Вашингтоне, Нью-Йорке, Нью-Хэвене. Монографии и книги: Правительственная политика и народное образование на Кавказе в 19 в. – М., 1994. Как соавтор: Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления / Под ред. С.Г. Агаджанова и В.В. Трепавлова. – М., 1997; 400 лет Кавказской войны? / Под ред. В.В. Трепавлова. – М., 1998; Война и Ислам на Северном Кавказе. XIX–XX вв. / Под ред. В.В. Трепавлова. – М., 2000; Россия в начале XX века. Исследования / Под ред. А.Н. Сахарова. – М., 2002; Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. – М., 2003.

Геррман Дагмар (Herrmann Dagmar), славист, с 2004 г. референт зам. ректора по учёбы и науке университета г. Кёльн. Многолетный научный сотрудник, автор, редактор в Копелевском проекте «Западно-восточные отражения». Публикации: Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht, Bd. 1,2,4, mit A. Ospovat 3 (Немцы и Русские глазами русских, т. 1, 2, 4, с А. Осповатом 3. Мюнхен 1988, 1992, 1998, 2006; mit M. Keller «Zauber und Abwehr», mit A. Volpert «Traum und Trauma» (с М. Келлер «Чары и защита», с А. Фольперт «Мечта и боль», оба Мюнхен 2003).

Горяева Татьяна, кандидат исторических наук, директор Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Основные направления исследований: источниковедение, археография, советская политика в отношении культуры, история советской политической цензуры, история советского радио. Монографии: Политическая цензура в СССР. 1917–1991. – М., 2002; Радио России. Партийно-государственный контроль радиовещания в 1920–1930-х: Документированная история. – М., 1997. Публикации: Die Archivwelt Rußlands: Mythen und Wirklichkeit. In: Das historische Gedächtnis Rußlands. Archive, Bibliotheken, Geschichtswissenschaft, hrsgg. von Karl Eimermacher und Anne Hartmann. Bochum 1999 (Архивный мир России: мифы и реальность // Историческая память России. Архивы, библиотеки, историография / Под ред. Карла Аймермахера и Анны Хартман. –

Бохум, 1999); Архивная политика в развивающейся России // INDEX. Досье на цензуру 2001, № 14.

Есаков Владимир, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Основные направления исследований: история, археография, история науки. Публикации: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1922–1952. – М., 2000; Дело КП. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма / В соавторстве с Е.С. Левиной. – М., 2001; (с П.Е. Рубининым). Капица, Кремль и наука. Т. 1. Создание института физических проблем. 1934–1938. – М., 2003.

Зоркая Нея (1924–2006), доктор искусствоведения, киновед. Ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания, заслуженный деятель искусства Российской Федерации; ответственный редактор ежегодного сборника «Культурологические записки». Профессор РГГУ и Российской академии театрального искусства (курс по русскому и зарубежному кино). Автор 23 монографий, в т. ч.: Портреты. – М., 1966; На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 гг. – М., 1976; Фольклор. Лубок. Экран. – М., 1994; The Illustrated History of Soviet Cinema. New York 1989, 1991; Семь десятилетий советского кино (на яп. языке). – Токио, без г. и.

Колеров Модест, кандидат исторических наук. Основные направления исследований: социальная, политическая и интеллектуальная история России в XIX и XX вв. Публикации: Не мир, а меч. Российская религиозно-философская публицистика. – М, 1996; Собрание «Проблемы идеализма» [1902]: История и контекст. – М., 2002. Издатель ежегодника «Исследования по истории русской мысли».

Колоницкий Борис, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН. Основные направления исследований: российская революция 1917 года. Монографии: Символы власти и борьбы за власть: К изучению политической культуры в русской революции 1917 г. – СПб., 2001; Погоны и борьба за власть в 1917 году. – СПб., 2001.

Константинов Сергей (1968–2001), кандидат исторических наук. В 1998–1999 гг. референт первого заместителя министра образования РФ, в 2000–2001 гг. обозреватель «Независимой газеты».

Коровина Лариса, научный сотрудник Третьяковской государственной галереи. Принимала участие в проектах РГВИА по публикации архивных материалов, в том числе «А.С. Пушкин в документах военно-исторического архива».

Кознова Ирина, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Публикации: XX век в социальной памяти российского крестьянства. – М., 2000; Крестьянская память в России XX века // History of the Russian Peasantry in the 20 Century (volume 1), Tokyo, 2002. Ed. by Hiroshi Okuda; The University of Tokyo. CIRJE discussion paper series, CIRJE F-189, January 2003; Земельный вопрос в российской исторической традиции // Земельный вопрос / Под ред. Е.С. Строева. – М., 1999; Социальная память русского крестьянства в XX веке // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 1996.

Кригер Виктор (Krieger Viktor), доктор, с 1999 г. научный сотрудник семинара восточноевропейской истории в университете Карла Рупрехта в Гейдельберге. Основные направления исследований: история и культура немцев в Российской Империи и Советском Союзе, жизнь немецкого меньшинства в странах СНГ. В 1999–2002 гг. принял участие в проекте:

Трудармия. Российские немцы в советской рабочей армии и сталинских лагерях 1941–1946 («Trudarmija. Die Rußlanddeutschen in der sowjetischen Arbeitsarmee und im stalinistischen Straflager 1941–1946»). Публикации: Die demographische Entwicklung der Deutschen in der Sowjetunion der Jahre 1926–1959. Stuttgart 2003 (Демографическое развитие немцев в Советском Союзе в 1926–1959 гг. – Штутгарт, 2003); Свидетели преступлений. Письма российских немцев из «Трудовой армии» в 1942–1945 гг. // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.). – Екатеринбург, 2001; Wolgadeutsche Siedlungen in Mittelasien und Kasachstan vor dem Ersten Weltkrieg. Hrsg. von D. Dahlmann und R. Tuchtenhagen. Essen 1994 (Поселения немцев Поволжья в Средней Азии и Казахстане до Первой мировой войны / Под ред. Д. Дальмана и Р. Тухтенхагена. – Эссен, 1994); Deutsche Präsenz in Kasachstan zur Zarenzeit. München 1993 (Немецкое присутствие в Казахстане в царское время. – Мюнхен, 1993); Die Deutschen in Turkestan bis 1917. In: Die Rußlanddeutschen. Gestern und heute. Hrsg. von A. Eisfeld, B. Meissner, H. Neubauer. Köln 1992 (Немцы в Туркестане до 1917 г. // Российские немцы. Вчера и сегодня / Под ред. А. Эйсфельда, Б. Майсснера, Х. Нойбауэра. – Кельн, 1992).

Левина Елена, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник ИАЦ «Архив истории науки» ИИЕТ РАН. Основные направления исследований: социальная история науки, элементарная биология и медицина (междисциплинарные исследования), международные отношения российской экономики в советский период. Публикации: Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... Биология в СССР. История и историография. – М., 1995; Экспериментальная биология в системе безопасности России второй половины XX века: биологическое оружие или здравоохранение? // Наука и безопасность России / Под ред. А.Г. Назарова. – М., 2000; Дело КП. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма / В соавторстве с В. Есаковым. – М., 2001; Molecular Biology in Soviet Russia (An Essay) // Molecular Biology. 2000. Vol. 34. 3. 2000.

Либова Ольга, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Публикации: Библиотекарь и читатель: проблемы общения. – СПб., 1993; Читать – национальная традиция в России 1861–1917 гг. // Leseverhalten in Rußlands Bibliotheken 5 (2003).

Люкшин Дмитрий, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории исторического факультета Казанского государственного университета. Публикации: Крестьяне и сельская администрация: изменение представлений о начальстве // Studia slavica Finlandensia T XVII, Helsinki 2000; Behind the Facade of the Revolution: The Psychology and Psychopathology of Peasant Unrest in Early Twentieth-Century Russia. A Case Study of the Kazanskaia Guberniia // The Soviet and Post-Soviet review. Vol. 27, № 2–3, 2000; Крестьяноведение в исследовательском поле аграрной истории // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2003.

Майер Лотар (Maier Lothar), доктор, с 1986 г. по 2006 г. – профессор истории Восточной Европы в Мюнстерском университете. Основные направления исследований: история Польши и Юго-Восточной Европы в XIX в. и история России в XVIII–XX вв. Публикации: Rumänien auf dem Weg zur Unabhängigkeitserklärung 1866 bis 1877. Schein und Wirklichkeit liberaler Verfassung und staatlicher Souveränität (Südosteuropäische Arbeiten 88). München 1989 (Румыния на пути к независимости 1866–1877. Видимость и реальность либеральной конституции и государственного суверенитета // Южно-восточноевропейские материалы. Вып. 88. – Мюнхен, 1989); «Пломбированный вагон». Письма А.В. Луначарского и Ю.О. Мартова Анне Луначарской и Надежде Кристи. 1917 год / С введением Лотара Майера. – М., 2004.

Молодяков Василий, кандидат исторических наук, доктор философии. Приглашенный сотрудник Института общественных наук при Токийском университете (2000–2001). Основная сфера научных интересов: геополитика, политическая, дипломатическая и интеллектуальная история первой половины XX века. Член многих научных обществ России и Японии. Автор и составитель десяти книг и более 250 публикаций. Основные работы: «Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX веков» (М., 1996), «Подсудимые и победители. Заметки и размышления историка о Токийском процессе» (Токио, 1996), «“Мой сон, и новый, и всегдашний...” Эзотерические искания Валерия Брюсова» (Токио, 1996), «Консервативная революция в Японии: идеология и политика» (М.: 1999), «Берлин–Москва–Токио: к истории несостоявшейся “оси”» (М., 2000), «Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949): дипломат, политик, мыслитель» (М., 2003).

Невежин Владимир, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Принимал участие в научных конференциях в Польше, Италии, Дании, Германии, Израиле, Финляндии, Англии. Публикации: Синдром наступающей войны. – М., 1997; Застольные речи Сталина – М., 2002.

Олейников Дмитрий, историк, до 2002 г. редактор отдела военной истории журнала «Родина». Автор ряда статей в пятитомнике «История России». – М., 1997, 1999.

Плотников Николай, доктор философских наук, уполномоченный преподаватель Института философии Рурского университета в Бохуме. Основные направления исследований: германский идеализм, герменевтика и философия жизни, история философии России в XIX–XX вв. Публикации: Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. Соредактор ежегодника «Исследования по истории русской мысли».

Рихтер Соня (Richter Sonja), независимый корреспондент, лектор и переводчик. В 2001–2003 гг. работала журналисткой в немецком меньшинстве в Силезии, Польше. Основные направления исследований: межкультурные связи в истории и современности.

Сергеев Евгений, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Основные направления исследований: сравнительная история внешней политики европейских стран в Новое время, история служб пропаганды в Европе. Публикации – соавтор монографий: Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке. – М., 1998; Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах, 1900–1914. – М., 2003; Иная земля, иное небо... Запад и военная элита России, 1900–1914. – М., 2001; Военная разведка России в борьбе против Японии, 1904–1905. – М., 2004.

Соколов Борис, доктор филологических наук, до сентября 2008 г. профессор кафедры социальной антропологии Российского государственного социального университета. Публикации: более 20 книг и 200 статей по истории и литературоведению, в т.ч.: Георгий Жуков: триумф и поражения; Булгаков. Энциклопедия; Гоголь. Энциклопедия. – М., 2003; Правда о Великой Отечественной войне (Сборник статей). – СПб.: Алетейя, 1999.

Тишлер Карола (Tischler Carola), доктор философии, в 1995–1999 гг. научный сотрудник проектов Гумбольдтского университета в Берлине. Публикации по темам немецкой ссылки в СССР, германо-советских отношений и советской истории, в т.ч.: Kalter Krieg im Kino? Das Bild des Amerikaners in sowjetischen Spielfilmen nach 1945. In: Bernhard Chiari / Matthias Rogg / Wolfgang Schmidt (Hrsgg.): Krieg und Militär im Film des 20. Jahrhunderts, München 2003 (Холодная война в кино? Образ американцев в советских художественных фильмах после 1945 г. // Война в фильмах 20-го века / Под ред. Бернарда Хиари, Матиаса

Рогга, Вольфганга Шмидта. – Мюнхен, 2003); Zwischen Nacht und Tag. Erich Weinerts sowjetische Exilzeit im DDR-Spielfilm der 70er Jahre. In: Exilforschung. Ein internationales Jahrbuch, Bd. 21/2003 (Между ночью и днем. Советская ссылка Эриха Вайнерта в художественных фильмах ГДР 70-х годов // Исследование ссылки. Международный ежегодник, Т. 21/2003).

Федюк Владимир, доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного университета, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории. Основные направления исследований: социальная и политическая история России первой половины XX века. Монография: Белые: антибольшевистское движение на юге России 1917–1918 гг. – М., 1997.

Филиппова Татьяна, кандидат исторических наук, зам. главного редактора Российского исторического журнала «Родина». Ответственный редактор специальных выпусков, посвященных темам «Россия и Турция», «Россия и Кавказ», «Россия и Иран», «Россия и Китай», «Россия и Германия в XX веке». Принимала участие в проектах АИРО-XXI, Фонда Конрада Аденауэра, Фонда Фридриха Науманна и Американского Совета Научных Сообществ (ACLS). Публикации: Родословная российской свободы. Очерки истории либерализма, высшая школа / В соавторстве с С.С. Секиринским. – М., 1993; главы в монографиях «Русские либералы». Международные отношения. – М., 1998, Российские консерваторы. – М., 1999; Россия: государственный приоритет и национальный интерес. – М., 2000; Новый мир истории России. Форум российских и японских историков. Под ред. Геннадия Бордюгова, Томита Такеси. – М., 2001; Старые и новые образы в современных учебниках истории. Под ред. Карла Аймермахера и Геннадия Бордюгова. – М., 2003.

Фольперт Астрид (Volpert Astrid), искусствовед и культуролог, журналистка. В 2001–2004 гг. научный сотрудник Института русской и советской культуры им. Ю.М. Лотмана Рурского университета в Бохуме. Основные направления исследований: искусство в XX веке, особенно авангард Германии и России, история эмиграции архитекторов «Баухауза» в России. Публикации в «Osteuropa-Almanach» за 1993 и 1994 гг.; соредактор «Traum und Trauma» («Мечта и боль»), Мюнхен, 2003.

Чумаченко Татьяна, доцент кафедры политических наук и связей с общественностью исторического факультета Челябинского государственного университета. Представитель АИРО-XXI в Челябинске, член координационного совета по связям с религиозными организациями при городском управлении Челябинска. Председатель областного отделения российского объединения религиоведов. Основные направления исследований: история российской православной церкви и отношения церкви и власти в России в XX веке. Более 20 научных исследований, в т.ч.: Советское государство и русская православная церковь. – М., 1996; Возрождение по декрету: русская православная церковь 1943–1948 // Россия на пути от тоталитаризма к демократии: история и современность. Материалы конференции. – Челябинск, 1997; Политика и идеология: один эпизод советской церковной политики (на укр. яз.) // Людина и свит. № 7. – Киев, 1997.

Шерстяной Эльке (Scherstjanoi Elke), доктор философии, с 1994 г. научный сотрудник Института современной истории в Мюнхене и Берлине. Публикации: Das SKK-Statut. Zur Geschichte der Sowjetischen Kontrrollrommission in Deutschland 1949–1953. München, 1998 (Положение о СКК. История Советской контрольной комиссии в Германии 1949–1953 гг. Мюнхен, 1998); Rotarmisten schreiben aus Deutschland. Briefe von der Front (1945) und historische Analysen. München, 2004 (Красноармейцы пишут из Германии. Письма с фронта (1945 г.) и их исторический анализ. Мюнхен, 2004).

Шнайдер Томас Ф. (Schneider Thomas F.), доктор, философ, руководитель Центра Эриха-Марии Ремарка в университете Оснабрюка. Публикации по темам войны и СМИ в 20-м веке: Kriegserlebnis und Legendenbildung. Das Bild des «modernen» Krieges in Literatur, Theater, Photographie und Film. Osnabrück 1999 (Образ «современной» войны в литературе, театре, фотографии и кино. – Оснабрюк, 1999); Modern War and the Media from the American Civil War to the Yugoslavian Wars. A bibliography of studies in the fields of literature, linguistics, history, film, and the arts published 1986–1996. Osnabrück 2000 (Современная война и СМИ от Гражданской войны в Америке до югославских войн. Библиография исследований в литературе, лингвистике, истории, кино и искусстве 1986–1996 гг. – Оснабрюк, 2000); (mit Hans Wagener): Von Richthofen bis Remarque. Deutschsprachige Prosa zum I. Weltkrieg. Amsterdam 2003 (От Рихтхофена до Ремарка. Немецкая проза о Первой мировой войне / В соавторстве с Гансом Вагнером. – Амстердам, 2003); Erich Maria Remarques Roman «Im Westen nichts Neues». Text, Edition, Entstehung, Distribution und Rezeption (1928–1930). Tübingen 2004 (Роман Эриха-Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен». Текст, издание, возникновение, распространение и реакция. 1928–1930. – Тюбинген, 2004).

Шнайдер-Янессен Карлхайнц (Schneider-Janessen Karlheinz), доктор философии, доктор медицины. После пяти лет работы над исследованиями личности стал заниматься медицинской журналистикой. До 1991 г. главный редактор «Нойе Эрцтлихе Тагесцайтунг» («Neue Ärztliche Tageszeitung», Новая медицинская газета). После этого работает публицистом.

Шуберт Иохен (Schubert Jochen), с 1995 г. сотрудник Фонда им. Генриха Бёлля. В 2001 г. издал «Письма с войны» Генриха Бёлля (Heinrich Bölls «Briefe aus dem Krieg»). Один из редакторов кёльнского издания произведений Генриха Бёлля.

Юбершер Герд Е. (Ueberschär Gerd E.), доктор, историк военного государственного архива. Публикации и работы по историческим и военно-историческим темам, в т.ч.: Das Nationalkomitee «Freies Deutschland» und der Bund Deutscher Offiziere. Frankfurt a.M. 1996 (Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров. – Франкфурт-на-Майне, 1996); Dienen und Verdienen. Hitlers Geschenke an seine Eliten. (mit Winfried Vogel). Frankfurt a.M. 1999 (Служить и заслужить. Подарки Гитлера его элите / В соавторстве с Винфридом Фогелем. – Франкфурт-на-Майне, 1999); Der Nationalsozialismus vor Gericht. Die alliierten Prozesse gegen Kriegsverbrecher und Soldaten 1943–1952. Frankfurt a.M. 1999 (Национал-социализм перед судом. Процессы союзников против военных преступников и солдат 1943–1952. – Франкфурт-на-Майне, 1999); Orte des Grauens. Verbrechen im Zweiten Weltkrieg. Darmstadt 2003 (Места ужаса. Преступления Второй мировой войны. – Дармштадт, 2003); Stauffenberg – Der 20. Juli 1944. Frankfurt a. M., 2004 (Штауфенберг – 20 июля 1944. – Франкфурт-на-Майне, 2004).

Ян Петер (Jahn Peter), доктор исторических наук, 1995–2006 гг. – директор Немецко-российского музея Берлин-Карлсхорст (DRM). Основные направления исследований: история профсоюзов и университетов, образы немцев, в особенности, в России. С 1989 года принимал участие (с Рейнхардом Рюрупом) в организации выставки «Война против Советского Союза 1941–1945 (Берлин, 1991); в 1992–1995 гг. в организации выставки в DRM Берлин-Карлсхорст (место капитуляции 8 мая 1945 года). Публикации: Schattenstadt. Der deutsche Blick auf St. Petersburg-Petrograd-Leningrad. In: Blockade. Leningrad 1941–1944, Dokumente und Essays von Russen und Deutschen. Reinbek 1992 (Город теней. Немецкий взгляд на Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград // Блокада. Ленинград 1941–1944, документы и сочинения русских и немецких авторов. – Рейнбек, 1992). Niemand vergessen – nichts vergessen? In: Mordfelder. Henning Langenheim: Orte der Vernichtung im Krieg gegen

die Sowjetunion (Fotos), hrsg. v. DHM Berlin-Karlshorst. Berlin 1999 (Никто не забыт – ничто не забыто? // Места убийств. Хеннинг Лангенхайм: места уничтожения в войне против Советского Союза (фото) / Под ред. DHM Berlin-Karlshorst. – Берлин, 1999); Krieg und Kriegserfahrung im 20. Jahrhundert. Der Krieg im Osten 1941–1945. In: FrontPuppenTheater. Puppenspieler im Kriegsgeschehen, hrsg. v. D. Kolland. Berlin 1997 (Война и опыт войны в 20-м веке. Война на Востоке 1941–1945 // Кукольный театр военных действий. Куклы в войне / Под ред. Д. Колланда. – Берлин, 1997); Russlandbild und Antikommunismus in der bundesdeutschen Gesellschaft der Nachkriegszeit. In: «Wir sind die Herren dieses Landes». Ursachen, Verlauf und Folgen des deutschen Überfalls auf die Sowjetunion, hrsg. v. B. Quinkert. Hamburg 2002 (Образ России и антикоммунизм в обществе послевоенной Германии // Мы хозяева этой страны. Причины, ход действий и последствия нацистского нападения на Советский Союз / Под ред. Б. Кинкерта. – Гамбург, 2002).

Янссен Иохен (Janssen Jochen), изучал славистику, новейшую всеобщую историю и историю Восточной Европы в Базеле и Фрайбурге. В 2004 г. защитил кандидатскую диссертацию «Образ России в десятилетие до и после системного поворота 1989–1991 гг. Изменение и константы восприятия на Западе в зеркале передовиц “Frankfurter Allgemeine Zeitung”, “Neue Züricher Zeitung”, “Süddeutsche Zeitung” и “Frankfurter Rundschau”». Публикации: Ursachenforschung für das negative Rußland-Image in Deutschland // Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik. GUS-Barometr. Januar 2002, Nr. 29 (Исследование причин негативного образа России в Германии // Германское общество внешней политики. Барометр СНГ. Январь 2002, № 29). В настоящее время научный сотрудник администрации Швейцарской конфедерации.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Даются уже упоминавшиеся в тексте и представленные ниже источники и обладатели прав, которые могли быть установлены. Другие иллюстрации в томе без ссылки взяты из архивов авторов или были предоставлены нам из личных, оставшихся неизвестными, собраний.

Архивы

Bundesarchiv, Militärarchiv, Freiburg, Foto: Rico Schreiber, Fachcolor Buehler Freiburg (277); Bundesarchiv, Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen im SAMPO (Barch), Berlin (380); Deutsches Historisches Museum, Berlin (267 илл. 22); Museum für Kunst und Gewerbe, Hamburg (240); Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Berlin (127); Staatliche Museen Preußischer Kulturbesitz, Berlin, Kunstbibliothek (251, 253 илл. 9, 255, 257 илл. 12, 259, 267); Stadt-und Landesbibliothek Dortmund, Institut für Zeitungsforschung (257 илл. 13, 267 илл. 21).

Объединенный Государственный архив Челябинской области – ОГАЧО (881); Российский Государственный архив литературы и искусства – РГАЛИ (344, 547); Российский государственный архив социальной политической истории – РГАСПИ; Российская Государственная библиотека, Москва (242, 244, 262, 263, 264, 265); Государственный архив административных органов Свердловской области – УГААОСО, Екатеринбург (892, 893, 894, 899); Центральная Объединенная Киностудия – ЦОКС.

Личные архивы

Басистов Юрий, Санкт-Петербург (312, 315, 316, 318); Вашкау Нина, Волгоград (742, 744, 748, 759); Фольперт Астрид, Берлин (676, 691); Есаков Владимир, Москва (415); Семейный архив Йоханнеса Грелле, Гёттинген (792, 795, 797, 808); Собрание Юрия Вавилова, Москва (489, 490, 491); Рихтер Соня, Потсдам (805, 810); Частная коллекция, Москва (253 илл. 8).

Печатные источники:

Периодика

Новый Сатирикон, Москва 1913, № 26 (215); 1914, № 36 (216, 219, 221); 1915 (223); 1917 (227); Крокодил, Москва, июль 1941 (231); 1941, № 9 (231); 1943, № 21 (233); 1945, № 4 (236); Говорит СССР, Москва 1931, № 19 (385); Родина, Москва 2002, № 10 (101, 103, 145, 704, 725, 971); Крестьянка 1942 № 17 (656); Сельская Новь 1995, № 5 (636).

Книги, каталоги

Das mitfühlende Objektiv. Michail Sawin. Kriegsfotografie 1941–1945. Katalog des Museums Berlin Karlshorst. Berlin: Elefanten Press 1998. Scans: Kurt Blank-Makard, Berlin (814, 828); Dmitri Baltermanz. Leipzig: VEB Fotokinoverlag 1981 (823); Hans Roden-

berg: Protokoll eines Lebens. Berlin (Ost): Henschelverlag 1980 (380); Juni 1941. Der tiefe Schnitt. Katalog des Museums Berlin Karlshorst. Berlin: Espresso 2001. Scan: Kurt Blank-Makard, Berlin (513 илл. 2, 528, 535, 540); Karlheinz Schneider-Janessen: Arzt im Krieg. Wie deutsche und russische Ärzte den Zweiten Weltkrieg erlebten. Frankfurt a.M. 1993 (763, 777, 779, 785, 787); Nach Berlin! Timofej Melnik. Kriegsfotografie 1941–1945. Katalog des Museums Berlin Karlshorst. Berlin: Elefanten Press 1998. Scan: Kurt Blank-Makard, Berlin.

Борис Соколов. Оккупация. Правда и мифы. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2003 (913); Е. Пастернак. Борис Пастернак. Материалы для биографии. – М.: 1989, С. 565 (367); Н.В. Тимофеев-Рессовский. Воспоминания. Истории, рассказанные им самим, с письмами, с фотографиями и документами. – М.: Согласие, 2000 (513 илл. 1, 519); Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. – М.: Энциклопедия, 1996 (131); Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в фотографиях и кинодокументах. Т. 1: 1941. – М., 1985 (663); Всеволод Вишневский. Собрание сочинение в 6 томах. Т. 6 (дополнительный). – М., 1961 (549, 558).

Издания АИРО в 2000–2010 гг.*

2000

Ю. А. Рыбалкин. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании. («АИРО – Первая монография»).

А.Ю. Бахтурина. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. («АИРО – Первая монография»).

Д.Ю. Гузевич. Кентавр или к вопросу о бинарности русской культуры. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 7).

Е.А. Котеленец. «Харизматический властный союз». Новейшие исследования о Ленине и его политическом окружении. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 8).

Дирк Кречмар. Исскуство и культура России XVIII–XIX в. в свете теории систем Никласа Лумана. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 9).

В.Э. Молодяков. Берлин–Москва–Токио: к истории несостоявшейся «оси». 1939–1941. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 10).

Кевин Макдермотт, Джереми Агню. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. («АИРО – Первая публикация в России»).

О.Г. Буховец. Постсоветское «великое переселение народов»: Россия, Беларусь, Украина и другие. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 11).

Историки России. Послевоенное поколение. Сост. Л. В. Максакова.

Ф.Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера.

Б. Чижков. Подмосковные усадьбы сегодня. Путеводитель с картой-схемой.

Мифы и мифология в современной России / Под редакцией К. Аймермахера и Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа.

Политика по контролю кризисной смертности в России в переходный период. (Программа развития ООН / Россия).

Policies for the Control of the Transition's Martality Crisis in Russia. (Unated Nations Development Programme/Russia).

2001

Стивен Коэн. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. («АИРО – Первая публикация в России»).

Ленарт Самуэльсон. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941 гг. («АИРО – Первая публикация в России»).

Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. («АИРО – Первая публикация»).

А.П. Ненароков. Последняя эмиграция Павла Аксельрода. Из цикла «В поисках жанра». («АИРО – Монография»).

И. Ротарь. Под зелёным знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 12).

---

* Об изданиях АИРО в 1993–1999 гг. см. подробнее: *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И.* Поиски альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам 5 лет. — М., 1998; *Они же.* Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет. — М., 2003.

Новые концепции российских учебников по истории / Сост. К. Аймермахер, Г. Бордюгов, А. Ушаков. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 13).

Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей – к 60-летию профессора Харуки Вада / Под редакцией Г. Бордюгова, Н. Исии, Т. Томита.

Magister vitae. К 80-летию Л.И. Мильграма / Составители М.Я. Шнейдер, Г.А. Бордюгов.

Элита средств массовой информации. Россия 2001 год. Опрос руководителей и журналистов в электронных и печатных средствах массовой информации.

Человек и война (Война как явление культуры). Сборник статей / Под редакцией И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой.

С.В. Константинов, *А.И. Ушаков*. История после истории. Образы России на постсоветском пространстве.

А.Г. Макаров, *С.Э. Макарова*. Цветок-татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Фёдору Крюкову.

В углу: начало Гражданской войны глазами русских писателей. П.Н. Краснов, Ф.Д. Крюков, И.А. Родионов / Составители А.Г. Макаров, С.Э. Макарова.

2002

Анна Гейфман. В сетях террора. Дело Азефа и Русская революция. («АИРО – Первая публикация в России»).

Беттина Зибер. «Русская идея» обязывает!? Поиск русской идентичности в общественных дискуссиях конца XX век. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 14).

Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция. Москва, 15 мая 2001 г. / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

Промышленность Урала в XIX–XX веках. Сборник научных трудов / Под редакцией В.П. Чернобровина.

Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы /Под редакцией К. Аймермахера и Г. Бордюгова.

Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских культурологов / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова, И. Грабовского.

Б.И. Чехонин. Как богатеют, не воруя (по странам и континентам).

Synopsis operandi профессора Аймермахера /Составитель А.И. Ушаков.

С.Б. Веселовский. Подмосковье в древности. Три очерка.

Фёдору Крюкову, певцу Тихого Дона.

Вадим Смиренский. Разбор сюжетов.

2003

Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет /Составители Г. А. Бордюгов, А. И. Ушаков.

Марк Юнге. Страх перед прошлым. Реабилитация Н.И. Бухарина от Хрущёва до Горбачёва. («АИРО – Первая публикация в России»).

И.А. Гордеева. «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. («АИРО – Первая монография»).

Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / Под редакцией Г. А. Бордюгова.

In Memoriam. Г.М. Адибеков, С.В. Константинов, Ю.В. Соколов / Составители Г.А. Бордюгов и А.И. Ушаков.

Мифы и мифология в современной России / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, дополн.

Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн.

Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад.

Валерий Брюсов. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924 / Составитель В.Э. Молодяков. («АИРО – Первая публикация в России»).

Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность. Аналитический доклад.

Застольные речи Сталина. Документы и материалы / Сост., введение, коммент. В.А. Невежина.

2004

Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс, X–XXI вв.

Булавинский бунт (1707–1708). Этюд из истории отношений Петра В. к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Федора Крюкова.

Из старых тетрадей. *С.Б. Веселовский.* Страницы из Дневника. 1917–1923. *В.С. Веселовский.* Встречи с И.А. Буниным в 1917 году. Итог революции и Гражданской войны.

Die Russischen Mittelschichten: Dynamik ihrer Entwicklung (1999–2003). Ein Analytischer Bericht.

Экономическая элита России в зеркале общественного мнения. Аналитический доклад.

Russlands «Oligarchen»: Die Russen und ihre Wirtschaftselite. Ein Analytischer Bericht.

Moskau und die Provinz: Wie groß sind die Gegensätze? Ein Analytischer Bericht.

Василий Молодяков. Бумажный парус. Стихотворения 1988–2000.

Ю. Сигов. Многоликая Малайзия.

А.А. Куренышев. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. («АИРО – Монография»).

Россия: удачи минувшего века / Г. Бордюгов, В. Молодяков, Б. Соколов, а также: В. Есаков, Е. Левина, Л. Мазун, Э. Молодякова, А. Полунов, Л. Федянина, Г. Ульянова.

Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. Сборник статей.

Марк Юнге, Рольф Биннер. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. («АИРО – Первая публикация в России»).

2005

Никита Дедков. Консервативный либерализм Василия Маклакова. («АИРО – Первая монография»).

Жанат Кундакбаева. «Знаком милости Е. И. В. …». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. («АИРО – Монография»).

В.Д. Соловей. Русская история: новое прочтение. («АИРО – Монография»).

С.И. Валянский. Теория информации и образование. Об условиях выживания России. («АИРО – Монография»).

П.Б. Уваров. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. («АИРО – Монография»).

1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. («АИРО – Первая публикация» (совместно с Издательством РУДН)) /Под редакцией Г. А. Бордюгова и Е. А. Котеленец, сост. Н. С. Антонова и Л. А. Роговая, введ. Лотара Майера.

Б.Г. Тартаковский. Всё это было… Воспоминания об исчезающем поколении. («АИРО – Первая публикация»).

Б.Г. Тартаковский. Из дневников военных лет. («АИРО – Первая публикация»).

Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. Серия «АИРО – Первая публикация». Публ. В.Э. Молодякова /Под редакцией Г.А. Бордюгова.

Норман Неймарк. Пламя ненависти. Этнические чистки в истории Европы в XX веке. («АИРО – Первая публикация в России»).

Стивен Коэн. Можно ли было реформировать Советскую систему. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16.)

Александр Зиновьев, Герман Кант, Бернхард Кьяри, Борис Соколов, Андрей Турков. Великая война: трудный путь к правде. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 17, совм. с журналом «Свободная мысль–XXI»).

Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта. Сб. докладов. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 18, совм. с Центром «Запад–Восток», Кассельский университет).

Дмитрий Андреев, Геннадий Бордюгов. Пространство памяти: Великая Победа и власть. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 19).

Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацуро Таро, Гото Симпэй, Нитобо Инадзо. Материалы симпозиума (Москва, 4 октября 2004 г.) / Под редакцией Г. Бордюгова и В. Молодякова.

Россия и тотальная война в XX столетии: взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы Международного интернет-семинара.

Жанат Кундакбаева. Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: историография проблемы и источники изучения.

Владимир Самарин. Страсти по «Тихому Дону». Заметки на полях романа.

Борис Соколов. Моя книга о Владимире Сорокине.

60-летие Второй мировой и Великой Отечественной войн: победители и побеждённые в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному Форуму (сентябрь, 2005). Совм. с Фондом Фридриха Науманна.

Ст. Б. Веселовский. Из истории Московского государства в XVII веке. Три статьи / Сост. А.Г. Макаров и С.Э. Макарова.

Рой Медведев. Социализм в России?

Япония 2004–2005. Ежегодник.

2006

Дмитрий Люкшин. Вторая русская смута: крестьянское измерение. («АИРО – Первая монография»).

А.Г. Ложкин. Право победителей. Правовой отдел СВАГ: история создания и деятельности. 1945–1949. («АИРО – Первая монография»).

Ф.Г. Куначёва. Религиозные воззрения абазин (с древнейших времён до наших дней). («АИРО – Первая монография»).

В.Э. Молодяков. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель. («АИРО – Монография»).

Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. Публ. Е.И. Щербаковой / Под ред. Г.А. Бордюгова. («АИРО – Первая публикация»).

Молодёжь и политика. Материалы семинара (сентябрь 2005) / Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 17.

Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный Форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма / Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 18.

Э. Саблина. 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. («АИРО – Монография»).

Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сборник документов / Под редакцией и составление Геннадия Бордюгова, Вольфганга Мюллера, Нормана М. Неймарка, Арнольда Суппана. («АИРО – Первая публикация»).

Малороссия. Новороссия. Крым. Исторический и этнографический очерк. Сост. А.Г. Макаров и С.А. Макаров.

Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. Сб. документов. /Под ред. Геннадия Бордюгова, Бернда Бонвеча и Нормана Неймарка. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн. и измен.

Портрет современного японского общества.

В.Э. Молодяков. Гото Симпэй и русско-японские отношения. («АИРО – Монография»).

Н.А. Четырина. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). («АИРО – монография»).

П. Павленко. Либерально-демократическая партия в политической системе Японии. 1955–2001.

Павел Гвоздев. Русские на марше: от химеры к тотальной мобилизации.

Япония. Ежегодник. 2006.

Сергей Валянский. Хронотроника и эволюция социальных систем. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 20).

В тени «Тихого Дона». Фёдор Крюков – забытый русский писатель. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 21).

2007

Я.В. Леонтьев. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. («АИРО – Монография»).

Стивен Коэн. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?

Ирина Каргина. Букет бессмертников. Константин Каргин и Михаил Шолохов: неизвестные страницы творческой биографии.

А.Г. Тепляков. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. («АИРО – Первая монография»).

Р.А. Гоголев. «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. («АИРО – Первая монография»).

И.А. Алексеева. История всемирного христианского молодёжного движения в России. («АИРО – Первая монография»).

В.И. Колесов. Служил Советскому Союзу… Воспоминания. («АИРО – Первая публикация»).

Фридрих Фирсов. Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. («АИРО – Первая публикация в России»).

С.И. Валянский. Язык мой – враг мой.

Владимир Дмитриевич Есаков. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, Е.С. Левина / Предисловие А.П. Ненарокова.

Эльгена Васильевна Молодякова. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, А.Е. Куланов.

Япония открытая миру. Коллективная монография.

В.Г. Воловников. О необыкновенном годе необыкновенной эпохи (Неизвестная история выставки Пабло Пикассо в СССР в 1956 г.). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 22).

В.Д. Соловей. Смысл, логика и форма русских революций. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 23).

Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди? Стенограмма Общественного Форума 19 декабря 2006 г. и материалы дискуссии. Под редакцией Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. Библиотека либерального чтения. Выпуск 19.

С.Ф. Платонов. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков.

Александр Рабинович. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. («АИРО – первая публикация в России»).

Николай Андреев. Первые стихи.

Владимир Путин. Рано подводить итоги.

Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова. Под ред. Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Л. Майер.

Служение России. Торгово-промышленная палата РФ. 1917–2007. Научно-популярное иллюстр. издание-альбом / Под ред. Е.М. Примакова. (совместно с ТПП РФ).

2008

Сиратори Тосио. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В.Э. Молодякова. («АИРО – первая публикация»).

Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России. Сост. Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева.

С.В. Константинов. «В неверном озаренье славы…»: реформаторы и жертвы. Сост.: Давыдов О.В., Касаев А.Ч., Молодяков В.Э.

Леонид Козлов. В диалоге с прошлым.

Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисл. С. Бабурина. Введ. Ст. Коэна. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир.

Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г.А. Бордюгов.

Стивен Коэн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов.

Е.В. Суровцева. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). («АИРО – Первая монография»).

А.А. Куренышев. Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.). («АИРО – Монография»).

Ф.Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера.

Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов (Россия, Тверская область, «Гелиопарк-Эммаус» на Волге, 6–9 сентября 2007 г.).

Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э.В. Молодякова.

Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года. Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова.

Роберт Эдельман. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР.

А.Г. Тепляков. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. («АИРО – Монография»).

И.А. Родионов. Забытый путь. Из архивов писателя: письма, дневниковые записи, воспоминания, проза. Поиски материалов, обработка, комментарии, справочный аппарат журналиста Галины Стукаловой.

Е.И. Щербакова. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века) / Под ред. Г.А. Бордюгова; послесловие Н.И. Дедкова. («АИРО — Первая монография»).

Марк Юнге, Геннадий Бордюгов, Рольф Биннер. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД №00447.

С.Б. Веселовский. Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия.

2009

Стивен Коэн. Долгое возвращение. Жертвы ГУЛАГа после Сталина / Пер. с англ. Ирины Давидян.

В. Волков, С. Соколов. Антиманипулятор. Типизация постперестроечного государственного устройства в контексте глобализации и перестройки. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 24).

Н.В. Кравчук. История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 25).

В.А. Рябинин. Идеология «тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм».

А.П. Ненароков. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).

А.П. Ненароков. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).

Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Овальный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой.

В.Н. Томилин. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. («АИРО – Монография»).

Н.И. Бурнашева. В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). (АИРО - Монография).

Эрик Кулевиг. Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. (АИРО – Первая публикация в России).

Russia: a history of the twentieth century. Materials for course the lections / *G. Bordjugov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov.*

Ф.Д. Крюков. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя.

Возвращаясь на улицу Юности.

Л.А. Боева. «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. («АИРО — Первая монография»).

Б.В. Соколов. Как провалилась бериевская «перестройка». Извержение enfant terrible из властных структур. Новые документы. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 26).

Япония 2009. Ежегодник.

Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–50-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х. Материалы круглого стола в «РИА Новости» 15 сентября 2009 г. Под редакцией Геннадия Бордюгова и Алана Касаева.

А.К. Конопацкий. Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии.

Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

Елена Прошина. Память потолка. Стихи.

2010

Стивен Коэн. Утраченное наследие Горбачева. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).

Э.Б. Гурвич. Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. («АИРО – первая публикация»).

Г.А. Бордюгов. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти (Проект «Политика истории в СССР/России»).

Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах / Под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт.

Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. «Исследования по проблеме авторства “Тихого Дона”». Вып. 7.

И.Б. Каргина. Горечь полыни. Пропавший в «Поднятой целине». «Исследования по проблеме авторства “Тихого Дона”». Вып. 8.

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ В XX ВЕКЕ
Том 1
Обольщение властью.
Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах

Под редакцией
Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт

Западно-восточные отражения. Новый ряд

Том 1
Обольщение властью.
Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах

Том 2
Бурные прорывы и разбитые надежды.
Русские и немцы в межвоенные годы

1. Ориентиры после 1917 года: сферы обоюдной заинтересованности. Взаимный анализ. Суждения о противоположной стороне. Противоречивая переориентация: маргинализация и партнерство. 2. Культурная преемственность и перспективы: завершение немецко-русского философского диалога. Литература, кино, политика. Художник в эмиграции. 3. СМИ и искусство в подчинении диктатуры. 4. Перелом

Авторы: Гюнтер Агде, Георг Вурцер, Кристоф Гарстка, Людмила Глухова, Ульрике Гольдшвеер, Александр Голубев, Райнер Грюбель, Петер Дицель, Кармен Зиппл, Эльке Зур, Владимир Кантор, Владимир Колязин, Хорст Гюнтер Линке, Марина Литаврина, Евгений Марголит, Наталья Маргулис, Дитрих Мёллер, Владимир Невежин, Дмитрий Соболев, Галина Тиме, Карола Тишлер, Томас Тоде, Людмила Томас, Майя Туровская, Татьяна Филиппова, Борис Фрезинский, Анне Хартман, Александр Хаардт, Маттиас Хееке, Екатерина Хохлова, Ули Шёлер.

Том 3
Оттепель, похолодание и управляемый диалог.
Русские и немцы после 1945 года

Пролог. 1. Обращение с наследием войны: Советский Союз, ГДР, ФРГ. Миграция и репатриация. Следствия и осмысление войны. Посредники в немецко-русском диалоге. 2. Двойственность немецко-советских перспектив: взаимное наблюдение и анализ. Противостояние и подчинение в холодной войне. Утопия и утрата утопий. 3. Топография межкультурной ориентации: личные и профессиональные контакты. Культурный обмен под контролем: музыка, кино, телевидение, литература как альтернативные пространства встречи. Эпилог

Авторы: Карл Аймермахер, Александр Борозняк, Хольгер Бёнинг, Владимир Бухараев, Франк Вагнер, Мартин Уле-Веттлер, Зоя Водопьянова, Диттмар Дальман, Йенс Фитье Дварс, Дьердь Далош, Александр Епифанов, Нея Зоркая, Николаус Катцер, Владимир Колязин, Геннадий Костырченко, Сергей Кувшинов / Дмитрий Соболев, Елена Левина, Ольга Либова / Людмила Глухова, Валентин Михалкович, Владимир Невежин, Анна Новикова, Елена Петрушанская, Михаил Прозуменщиков, Хайнрих Ратке, Катрин Пипер, Иоганнес Рашка, Борис Соколов, Наталья Тимофеева, Майя Туровская, Галина Ульянова, Томас Урбан, Алексей Филитов / Зоя Водопьянова, Йорг Уве Фишер, Эрика Фогт, Астрид Фольперт, Александр Хайнерт, Анне Хартман, Ральф Шенк.

ISBN 5-91022-114-0
9 785910 221141

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 27.02.2010
Формат 70×100/16. Усл. изд. л. 128,0
Тираж 1000 экз. Зак.